„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1892 году на прежнихъ основаніяхъ (годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

9.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1891.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

1891.

3.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія: Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу.

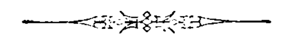
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

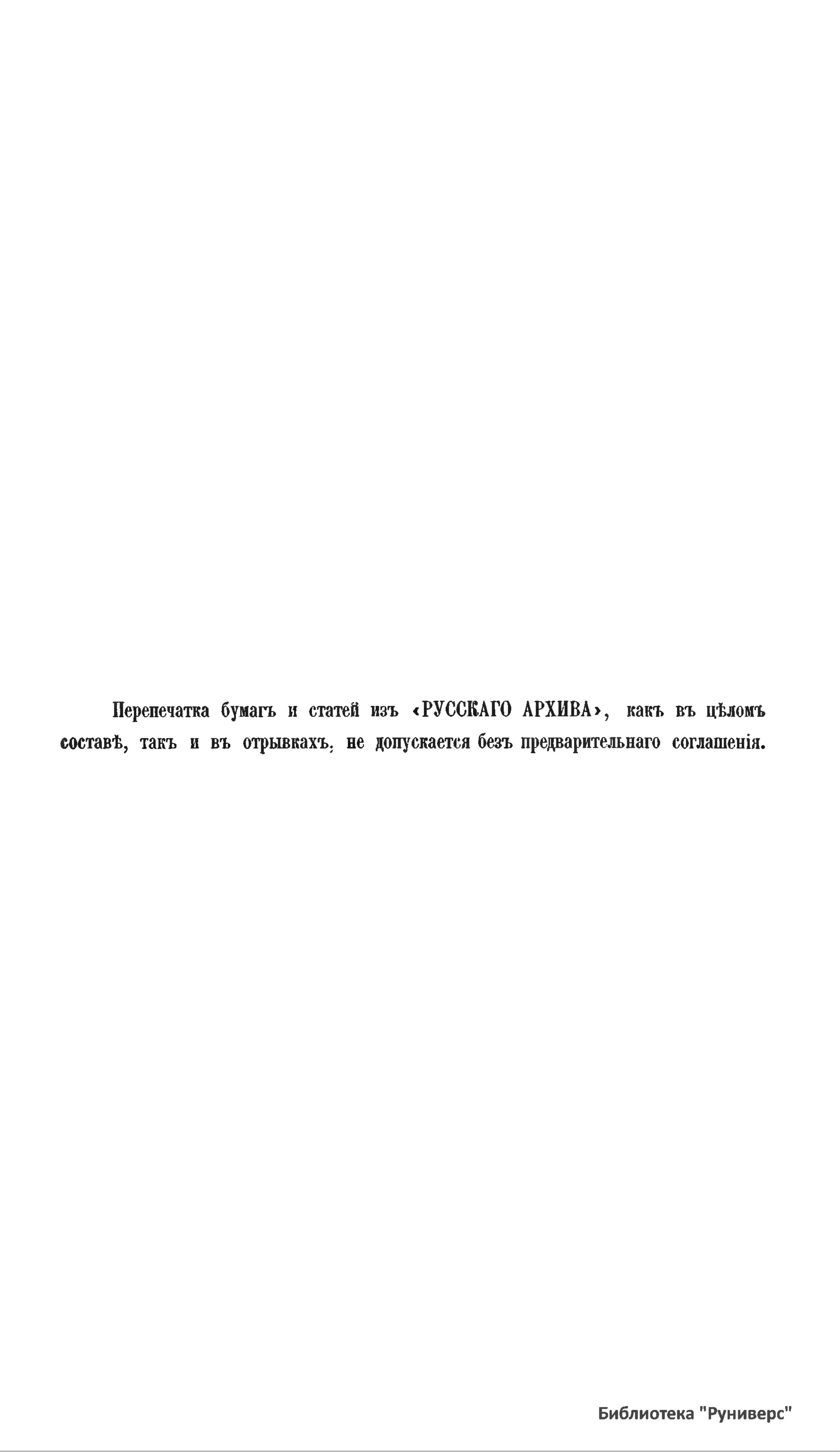
Петромъ Бартеневымъ.

1891.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1891.



ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1827-й годъ.

Персидская война *).

12-го или 13-го Іюля пріѣхалъ въ Аббасъ-Абадъ генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, для исправленія должности начальника штаба. Объ ожиданіи его я имѣлъ уже прежде извѣстіе отъ Алексѣя Петровича, который при прощаніи со мною говорилъ, что Паскевичъ выписывалъ изъ Россіи человѣка въ сіе званіе; но онъ не зналъ, кто былъ сей человѣкъ, и Паскевичъ, какъ я могъ послѣ замѣтить, тщательно отъ меня таилъ пріѣздъ его и сказалъ мнѣ объ ономъ только дня за два до его прибытія. Сухтеленъ пріѣхалъ и полагалъ найти должность гораздо легче чѣмъ она была; онъ думалъ, что ему оставалось только по картѣ располагать движеніями войскъ, и не имѣлъ понятія о внутреннемъ устройствѣ оныхъ, управленіи оными, о гошпиталяхъ, провіантѣ, транспортахъ, и вообще обо всемъ, что̀ касается до хозяйственнаго распоряженія въ войскахъ.

Сухтеленъ, по видимому, былъ человѣкъ весьма добрый, обходительный, но никогда не служилъ и не разумѣлъ дѣла. Ему было совѣстно принять отъ меня должность; но онъ приступилъ къ сему самымъ вѣжливымъ образомъ и началъ разсматривать со мною бумаги у меня въ палаткѣ. Когда онъ увидѣлъ бездну, въ которую ему слѣдовало окунуться, онъ устрашился и хотѣлъ было все сложить и оставить на меня, предоставляя себѣ только общія и главныя распоряженія, а мнѣ всю отвѣтственность. Нетрудно было и мнѣ замѣтить, что, при такомъ порядкѣ вещей, ему доставалась самая пріятная доля занятій, а

---

*) Печатаніе Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго пріостановлено было по разнымъ обстоятельствамъ, и между прочимъ вслѣдствіе неразборчивости рукописи. Записки велись по бѣглымъ ежедневнымъ отмѣткамъ, которыя на досугѣ сводились въ связное изложеніе, а этого досуга такъ мало оставалось автору во время трудовой и боевой его жизни. То, что̀ теперь печатается, начато въ лагерѣ при Гергерахъ, 23 Октября 1829, слишкомъ черезъ два года послѣ событій). Предъидущее изложеніе читатели найдутъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889, кн. XI, стр. 273. П. Б.

мнѣ только работа и неудовольствія, и потому я отдѣлывался ото всего и вводилъ его въ полное управленіе его обязанности. Наконецъ, ему не въ моготу становилось, и онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что онъ на меня хочетъ возложить всю хозяйственную часть. Я при семъ молчалъ и, исполняя только съ точностью приказанія его въ частныхъ распоряженіяхъ, достигъ до того, что сложилъ съ себя совершенно всякую отвѣтственность, не переставая однако быть съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Я тогда только отдохнулъ отъ безпрерывныхъ трудовъ своихъ: ибо не находился болѣе въ прямыхъ сношеніяхъ съ Паскевичемъ, который скоро началъ дѣлать Сухтелену самыя оскорбительныя огорченія, оставляя меня уже въ сторонѣ. Упадокъ въ достоинствѣ мною занимаемомъ дотолѣ меня нисколько не огорчалъ, а напротивъ того радовалъ; ибо я помышлялъ только о томъ, чтобы отдѣлаться ото всего и возвратиться въ Россію съ семействомъ своимъ...

Паскевичъ всякой вечеръ сбиралъ всѣхъ къ себѣ говорить о дѣлахъ. Тутъ проводили, какъ въ Тифлисѣ передъ выступленіемъ его, часть ночи въ совершенномъ бездѣйствіи, перенося только его оскорбленія.

Такъ мы проводили время свое въ нерѣшимости, что́ предпринять и къ чему приступить. Иные думали укрыться на время жаровъ въ Марандѣ, другіе около Урдабада. Сухтеленъ настаивалъ, чтобъ отступить до начала осенней кампаніи въ Карабабу, что́ было при началѣ ущелья, по коему пролегали дороги въ Карабагъ, и тамъ укрѣпиться, и Паскевичъ утвердился на семъ послѣднемъ мнѣніи, хотя и съ неудовольствіемъ. Но тогда явилось новое обстоятельство. Внезапно пріѣхалъ къ нему отъ Аббасъ-Мирзы посланецъ Мирза-Сале, который подавалъ надежды на заключеніе мира. Предложенія еще не были извѣстны, а для поясненія оныхъ былъ отправленъ въ Персидскій лагерь къ Чорсу Грибоѣдовъ; но такъ какъ обратное движеніе въ Карабабу было уже рѣшено, то и не захотѣли отмѣнять онаго, а потому старались всячески скрыть намѣреніе сіе отъ Мирзы-Сале, который однакоже, кажется, провѣдалъ объ ономъ.

Для сего изобрѣтено непостижимое средство. Бенкендорфъ долженъ былъ проводить съ кавалеріею Грибоѣдова на нѣкоторое разстояніе за Араксъ, и въ тоже время пѣхота должна была отступать отъ Аббасъ-Абада къ Нахичевану, какъ будто бы первый отрядъ могъ скрыть движеніе втораго. Ребячье изобрѣтеніе сіе было приведено въ исполненіе и, разумѣется, безъ малѣйшаго успѣха; ибо кромѣ того, что отступленіе наше было уже напередъ извѣстно Персіянамъ, они имѣли свѣдѣнія и отъ лазутчиковъ. Подобное движеніе можетъ скрыться сими

средствами на полѣ сраженія, въ дыму, и то не болѣе одного часа; но скрыть оное на цѣлыхъ переходахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, и скрывать оное нѣсколько дней, есть мысль, которая могла придти только въ голову Паскевича. Въ тоже самое время ген.-л. князь Вадбольскій былъ посланъ съ Тифлисскимъ полкомъ и частью казаковъ къ Урдабаду, дабы водворить тамъ Эхсенъ-хана или брата его въ управленіи. Урдабадъ лежитъ на лѣвомъ берегу Аракса, ниже Аббасъ-Абада. Городъ сей окруженъ плодовитыми садами и имѣетъ, какъ я слышалъ, небольшой зàмокъ. Князь Вадбольскій, возвращаясь изъ Урдабада, присоединился къ главному отряду, прошедшему уже Нахичеванъ и шедшему къ Карабабѣ.

Около того же времени была открыта генер. штаба шт.-капитаномъ Коцебу крѣпость Алынджа, о коей не имѣли никакого свѣдѣнія, хотя она и находилась очень близко. Крѣпость сія состоитъ изъ нѣсколькихъ стѣнокъ, перерѣзывающихъ ущелины въ отвѣсной почти со всѣхъ сторонъ каменной горѣ, называемой Иланъ-дагъ. Неприступная скала сія находится при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Араксъ.

Карабаба, къ коей мы тянулись, находится верстахъ въ 35-ти отъ Нахичевана по направленію къ Карабагу. Карабаба есть небольшой зàмокъ съ деревнею, въ ущельѣ, имѣющемъ въ семъ мѣстѣ около 3-хъ верстъ ширины. Тутъ Сухтеленъ настоялъ, чтобы былъ сдѣланъ укрѣпленный лагерь. Построили нѣсколько редутовъ, чтò, кажется, не совсѣмъ было согласно съ мыслями Паскевича, и въ чемъ послѣдній, кажется, былъ правъ: ибо нельзя было ожидать, чтобы Персіяне насъ атаковали. Да кромѣ того мы не занимали прочнаго лагеря по неудобству его; ибо какъ климатъ, такъ и всякаго рода недостатки способствовали къ уменьшенію силъ нашихъ. За переходъ до прибытія нашего въ Карабабу, пріѣхалъ къ намъ Сипягинъ, коего главная забота состояла въ доставленіи изъ Грузіи къ намъ продовольствія; для сего надлежало транспортамъ нашимъ переходить высокую цѣпь Салвартскихъ горъ, по коей только что проложили весьма неудобную дорогу, безъ всякаго осмотра мѣстоположенія, а потому немедленно приступили къ обработыванію другой дороги черезъ Акъ-караванъ-сарай, на чемъ также Сухтеленъ настоялъ. Дорогу сію кончили послѣ большихъ трудовъ тогда уже, когда войска выступили изъ Карабабы впередъ.

Сипягинъ побылъ нѣсколько дней въ лагерѣ и немедленно возвратился въ Грузію для своихъ распоряженій. Справедливо, что онъ приложилъ къ дѣлу сему неусыпную дѣятельность и съ нѣкоторымъ успѣхомъ уничтожилъ всѣ средства Карабага.

Отрядъ генерала Панкратьева находился въ Карабабѣ. Князь Абхазовъ считался при немъ въ должности начальника штаба, управ-

ляя Карабагомъ. Панкратьевъ долженъ былъ удержать Карабагъ отъ вторженія Курдовъ, жившихъ противъ него на правомъ берегу рѣки, частыми нападеніями причинявшихъ большой вредъ проѣзжимъ, а иногда и подвозамъ. Баталіоны отряда Панкратьева были очень слабы, разбиты по обширной линіи, и кромѣ того онъ прикрывалъ транспортировку провіанта отъ Зердаба, что́ на Курѣ, до Карабабы. Войска его были разставлены по постамъ въ самыхъ гибельныхъ мѣстахъ для здоровья, такъ что въ селеніи Агджибетъ изъ 3-хъ ротъ 42-го егерскаго полка едва ли оставалось 100 человѣкъ для службы, и смертность была непомѣрная, равно какъ и въ Сальянахъ; но на сіе не хотѣли и обращать вниманія.

У насъ пѣхота расположилась около Карабабы, какой полкъ гдѣ попало: драгуны заняли горы, а уланскую всю дивизію собрали къ Базарчаю за горою. Тутъ показалась у насъ ужасная смертность: половина людей была больныхъ, другая же половина, слабая, истощенная. Больныхъ отправляли по 300, по 500 на транспортныхъ арбахъ въ Гёрюсы, верстъ съ 80 отъ Карабабы за горами. Тамъ воображали себѣ, что былъ гошпиталь; ибо Паскевичъ называлъ гошпиталемь то мѣсто, гдѣ находились больные, никакъ не соображая надобности оныхъ, пищу, аптеку, платье, чиновниковъ и, казалось, что онъ не постигалъ, чтобы госпиталь могъ существовать безъ больныхъ. Отправленія сіи превышали все, что́ можно себѣ вообразить: несчастныхъ клали на арбы, безъ всякихъ средствъ и помощи. Отъ неясности отдаваемыхъ приказаній случалось, что они по цѣлымъ суткамъ ждали конвоя или самаго отправленія, а иногда и двое сутокъ: ибо никто не имѣлъ ни до кого доступа съ испрошеніемъ разрѣшенія на счетъ предметовъ до службы касающихся. Изъ 500 больныхъ, въ трудный переѣздъ сей черезъ горы, на коихъ бывалъ и дождь, и морозъ, умирало иногда до 80 человѣкъ. Ихъ зарывали на дорогѣ; остальныхъ сваливали въ Гёрюсы, и рѣдкій кто выздоравливалъ тамъ: вся забота мѣстнаго начальства состояла только въ томъ, чтобы рыть ямы, въ коихъ зарывали десятками умершихъ.

Въ концѣ Іюля возвратился Грибоѣдовъ отъ Аббасъ-Мирзы. Онъ говорилъ, что переговоры пошли было очень хорошо, но что вскорѣ Персіяне узнали о нашемъ обратномъ движеніи и, сочтя сіе за отступленіе по слабости нашей, они перемѣнили рѣчь и уже не согласились на предлагаемыя имъ условія и, кажется, уступали намъ только одну Башъ-Абарань. Казалось въ самомъ дѣлѣ, что переговоры о мирѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отступленіе при различныхъ требованіяхъ нашихъ были несовмѣстны. Кажется также, что Грибоѣдовъ въ семъ случаѣ дѣйствовалъ съ надлежащею твердостію и говорилъ съ Персіянами съ

приличною ему и въ тѣхъ обстоятельствахъ дерзостью, но безъ успѣха. Съ нимъ пріѣзжалъ также опять къ намъ Мирза-Сале; но его не допустили до лагеря, а остановили на аванпостахъ, гдѣ дали ему отвѣтъ и отпустили назадъ. И тѣмъ кончились всѣ надежды наши видѣть миръ.

Эхсенъ-ханъ, остававшійся въ Урдабадѣ, внезапно доставилъ извѣстіе Паскевичу, что дядя его Керимъ-ханъ подходитъ къ Урдабаду, дабы его схватить, и просилъ помощи. Вскорѣ далъ онъ извѣстіе, что окруженъ большими силами и что, не имѣя воды, ожидалъ только мучительной смерти отъ дяди своего, питающаго къ нему ужасную месть; ибо остатки Нахичеванскаго баталіона, находившіеся при немъ, разбѣжались, и онъ оставался одинъ только со своими слугами, въ безводномъ замкѣ.

Сколько ни старались уговорить Паскевича, чтобы онъ помогъ Эхсенъ-хану, человѣку всѣмъ пожертвовавшему для насъ и доставившему намъ столь важное пріобрѣтеніе какъ Аббасъ-Абадъ; но онъ упорствовалъ въ намѣреніи не подавать Эхсенъ-хану никакой помощи, отвѣтствуя, что есть случаи, въ коихъ должно оставить союзника своего, дабы самому не подвергаться опасности. Смертность и безпорядки въ войскахъ, отказъ въ мирѣ, совершенно смутили Паскевича: онъ совершенно не зналъ за что приняться и потерялъ совсѣмъ присутствіе духа. Наконецъ, по настоятельному требованію Сухтелена, Паскевичъ позволилъ ему послать къ Эхсенъ-хану на выручку 2-й баталіонъ Грузинскаго полка, который и отправился безъ орудій въ числѣ 500 человѣкъ.

Князь Абхазовъ, совершенно сбитый съ толку повторенными прижимками съ требованіемъ провіанта (ибо повелѣнія сіи не имѣли ни связи, ни смысла и одно другому противорѣчили), вынужденъ былъ изложить въ рапортѣ своемъ всѣ затрудненія, которыя онъ встрѣчалъ въ исполненіи требованій начальства. Въ донесеніи семъ изложилъ онъ самымъ обстоятельнымъ образомъ состояніе, въ которое приведены были подвѣдомственныя ему области непомѣрными требованіями подводъ и провіанта, и наконецъ предупредилъ, что, при такомъ ходѣ дѣлъ, предположеніе о снабженіи войскъ продовольствіемъ изъ Карабага не будетъ имѣть успѣха. И въ самомъ дѣлѣ, транспорты наши, которые ходили за провіантомъ, возвращались только въ половинномъ числѣ, какъ равно и тѣ транспорты, которые князь Абхазовъ формировалъ въ Карабагѣ и присылалъ къ намъ; ибо Сухтеленъ боялся какъ будто вмѣшаться къ хозяйственное управленіе войскъ, требовавшее слишкомъ сложныхъ заботъ. И такъ мы потеряли, кромѣ множества людей и строевыхъ лошадей, большую половину транспортнаго скота, казенныхъ погонщиковъ и почти всѣхъ безъ исключенія

вьючныхъ верблюдовъ. По сдѣланной тогда смѣтѣ четверть хлѣба съ доставкою въ Карабабу обходилась казнѣ 20 рублей серебромъ или 80 рублей ассигнаціями.

Рапортъ князя Абхазова былъ написанъ съ удивительною точностью и ясностью и излагалъ ясно сіи столь запутанныя обстоятельства. Я послѣ того спрашивалъ адъютанта его, кто писалъ рапортъ сей и, узнавъ, что онъ былъ написанъ собственно Абхазовымъ, возъимѣлъ о способностяхъ его весьма хорошее понятіе, въ чемъ до того времени я не былъ совершенно увѣренъ.

Рапортъ сей былъ прочтенъ Паскевичемъ безъ всякаго вниманія. 1-го числа Августа онъ поѣхалъ въ Гёрюсы, дабы ускорить присутствіемъ своимъ, какъ онъ полагалъ, доставку въ войска хлѣба; ибо онъ всѣхъ подозрѣвалъ въ недѣятельности или плутовствѣ, тогда какъ плутовство происходило подъ глазами его въ главной квартирѣ отъ комисіонеровъ, наживавшихся непомѣрно въ безпорядкахъ имъ допускаемыхъ или, вѣрнѣе сказать, даже производимыхъ. Въ поѣздку сію взялъ онъ съ собою только меня и Грибоѣдова, надѣясь меня снова ввести въ управленіе хозяйственной частью войскъ; но я уже видѣлъ, что разстройство было слишкомъ велико, а потому и уклонился отъ сего, предоставивъ себѣ только строгое исполненіе его частныхъ приказаній.

2-го Августа мы прибыли въ Гёрюсы. Гёрюсы лежатъ въ преглубокомъ оврагѣ; спускъ со стороны Нахичевана къ сему мѣсту и подъемъ на Шушинскую дорогу представляютъ самыя большія затрудненія для движенія тяжестей. Долина сія, казалось, не должна быть вредна для здоровья людей, и я увѣрился, что смертность происходила единственно отъ дурныхъ мѣръ или, лучше сказать, отъ недостатка въ мѣрахъ принятыхъ начальствомъ.

Селеніе Гёрюсы (сдѣлавшееся знаменитымъ съ прошлаго года бѣдственнымъ отступленіемъ изъ онаго подполковника Назимки съ баталіономъ 42-го егерскаго полка, погибшимъ на пути къ Шушѣ при нападеніи Персіянъ), лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки, протекающей по сей долинѣ, и замѣчательно тѣмъ, что оно окружено остроконечными небольшими скалами, которыя столь правильны, что съ перваго взгляда многія изъ сихъ скалъ можно принять за искусственныя. Въ скалахъ сихъ есть пещеры высѣченныя уже людьми, вѣроятно съ весьма давнихъ временъ и, кажется, служившія нѣкогда убѣжищемъ для жителей.

Гошпиталя мы не нашли въ Гёрюсахъ, а нашли брошенныя разоренныя казармы 42-го егерскаго баталіона, въ коихъ сваливали безъ разбора всѣхъ привозимыхъ больныхъ. Паскевичъ вообразилъ себѣ, что устроилъ сію часть, когда онъ выдалъ нѣсколько червонцевъ маіору

Лузанову, исправлявшему въ Гёрюсахъ должность коменданта, и приказалъ отпустить нѣсколько котловъ больнымъ; не менѣе того, средствъ для содержанія ихъ не было никакихъ. Видя положеніе сихъ несчастныхъ больныхъ, я, по возвращеніи въ Карабабу, предложилъ Паскевичу снабдить нашего корпуснаго доктора Зубова открытымъ листомъ, съ позволеніемъ требовать вездѣ, что́ ни разсудитъ за благо для учрежденія въ Гёрюсахъ гошпиталя, что́ и было исполнено, и вмѣстѣ еще съ тѣмъ даны предписанія ко всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ на счетъ сего же. Вслѣдствіе сихъ распоряженій гошпиталь сей въ Гёрюсахъ устроился коекакъ въ половинѣ Августа.

Съ прибытіемъ въ Гёрюсы, Паскевичъ призвалъ магальнаго бека, разбранилъ его и началъ торговать самъ хлѣбъ и скотъ, посылая своихъ переводчиковъ для собиранія онаго. Магальный или уѣздный бекъ былъ занятъ сборомъ хлѣба по сдѣланной общей раскладкѣ, но обѣщалъ Паскевичу доставить провіанта на покупку, каковымъ успѣхомъ Паскевичъ и хвалился; но, кажется, что хлѣбъ сей, обѣщанный изъ одного страха, былъ тотъ самый, который долженъ былъ получиться по раскладкѣ и что покупка сія осталась только на однихъ словахъ. Скота было нѣсколько закуплено по ужасно дорогимъ цѣнамъ, причемъ переводчики весьма порядочно нажились; но при такомъ порядкѣ вещей, могъ ли быть какой-либо успѣхъ? Сердясь за медленность, Паскевичъ не переставалъ писать предписанія къ Абхазову и требовалъ то 5000, то 6000, то 500 четвертей хлѣба въ самое короткое время, какъ будто бы о затрудненіяхъ и не было извѣстно. Предписанія сіи одни другимъ противорѣчили, и Абхазовъ рѣшился уже болѣе не обращать на нихъ вниманія, а продолжалъ безъ развлеченія занятія свои о продовольствіи войскъ по прежнимъ распоряженіямъ. Я былъ въ семъ случаѣ исполнителемъ, молчалъ, передавалъ приказанія и писалъ то, что́ Паскевичъ приказывалъ. Хладнокровіе мое и равнодушіе сводили его съ ума, но я не подавалъ ему ни малѣйшаго повода обвинять меня. Проведя такимъ образомъ три дня въ Гёрюсахъ, онъ выѣхалъ оттуда обратно въ Карабабу, весьма недовольный и неудовольствіе сіе изливалъ на меня; между прочимъ однажды за то, что, получивъ изъ дома письма, я на переходѣ нѣсколько отсталъ отъ него, дабы прочесть сіи письма.

Въ день выѣзда мы прибыли въ лагерь уланъ, на рѣку Базарчай, гдѣ я остался ночевать въ квартирѣ князя Чавчавадзева, находившагося въ то время въ Шушѣ по своей надобности. Изъ Базарчая Паскевичъ поѣхалъ впередъ, желая осмотрѣть новую дорогу черезъ Акъ-караванъ-сарай, по коей поѣхалъ на другой день и нашелъ ее удобнѣе первой. Акъ-караванъ-сарай есть пещера, высѣченная въ боль-

шомъ камнѣ бѣлаго цвѣта, находящемся на самой почти вершинѣ горы; мѣсто сіе служитъ убѣжищемъ для пріѣзжающихъ во время зимы, когда настигаютъ ихъ мятели на сихъ возвышенныхъ мѣстахъ, и такъ какъ къ пещерамъ принадлежатъ и разсказы, то о сей говорятъ, что она высѣчена какою-то дѣвицею, которой странныя приключенія я забылъ. За караванъ-сараемъ симъ нашелъ я лагерь піонернаго полковника Евреинова, который занимался обработываніемъ дороги, и отъ него я уже возвратился въ Карабабу.

Вскорѣ далъ мнѣ Паскевичъ порученіе осмотрѣть луга, на коихъ бы можно было пасти порціонный и транспортный скотъ. Онъ сіе сдѣлалъ потому, что скотъ сей дохъ безъ числа, и что онъ меня полагалъ принявшимся за хозяйственную часть войскъ; онъ назначилъ меня только членомъ комисіи, на сей предметъ имъ наряженной, въ которой находились карабинернаго полка маіоръ Мартынцовъ и адъютантъ его Бологовской. Я дожидался предписанія и, объѣздивъ мѣста по горамъ, возвратился черезъ три дня съ отвѣтомъ, который былъ достаточенъ, чтобъ меня очистить въ точномъ исполненіи порученности, на меня возложенной, что̀ я и исполнилъ какъ слѣдовало; но такъ какъ распоряженіе было сдѣлано такимъ образомъ, что оно ни къ чему не клонило, то и послѣдствія исполненія сего ни къ чему не привели путному.

Передъ тѣмъ было на меня возложено еще одно дѣло, которое мнѣ удалось сверхъ чаянія моего кончить довольно успѣшно. Паскевичъ въ разговорахъ напалъ опять нечаянно на мысль о завоеваніи Астрабада и, желая знать въ подробности средства, которыя мы имѣли для сей экспедиціи на Каспійскомъ морѣ, онъ вздумалъ послать Бурцова для дознанія средствъ сихъ. Мысль его и назначеніе были довольно, и даже очень, удачны. Надобно было снабдить Бурцова наставленіями и свѣдѣніями обо всѣхъ поискахъ нашихъ съ того времени въ той сторонѣ, дабы не начинать ему съизнова и указать по крайней мѣрѣ книги или описанія, изъ коихъ онъ бы могъ почерпнуть нужныя свѣдѣнія. Я занялся очень прилежно и въ три дня составилъ подробную записку о всѣхъ поискахъ, предпринятыхъ нашимъ правительствомъ на Каспійскомъ морѣ, со времени Петра Великаго. Память въ семъ случаѣ неожиданнымъ образомъ помогла мнѣ, и я припомнилъ всѣ экспедиціи Русскихъ по берегамъ Каспійскаго моря, изложилъ оныя и послѣдствія оныхъ на бумагѣ и представилъ сію записку Паскевичу, который передалъ ее Бурцову.

Бурцовъ отправился изъ Карабабы въ тотъ день, какъ мы туда возвращались изъ Герюсъ; я его встрѣтилъ верстахъ въ четырехъ, не доѣзжая Карабабы. Онъ былъ очень тронутъ, безпокоился много на

счетъ жены своей, которую онъ оставилъ въ Тифлисѣ, даже плакалъ, и я не понималъ что̀ съ нимъ въ то время сдѣлалось. Заботясь о выведеніи его изъ того непріятнаго состоянія, въ коемъ онъ находился, я представлялъ ему успѣхи въ состояніи его и утѣшалъ будущностью. Наконецъ мы простились: онъ поѣхалъ въ Шушу, а я въ Карабабу.

Бурцовъ долженъ былъ пріѣхать въ Баку, оттуда проѣхать въ Астрахань и, осмотрѣвъ такимъ образомъ весь западный берегъ Каспійскаго моря, узнать о средствахъ нашихъ для отправленія экспедиціи въ Астрабадъ; кромѣ того онъ имѣлъ тайное порученіе наблюдать въ проѣздѣ все происходящее на постахъ или областяхъ, чрезъ которыя ему слѣдовать надлежало, и обо всемъ доносить Паскевичу. Порученіе сіе исполнилъ онъ скоро и хорошо и доставилъ свѣдѣнія, которыя отъ него требовались. Онъ пріѣхалъ къ намъ уже въ Тавризъ, гдѣ и былъ назначенъ комендантомъ. Поѣздка его въ Астрахань дала ему случай показать способности свои и послужила ему къ достиженію довѣренности и добраго мнѣнія начальства. Осада Аббасъ-Абада была первая ступень его испытанія на поприщѣ службы; поѣздку въ Астрахань можно назвать второю ступенью, а комендантство въ Тавризѣ третьею.

Я выше сказалъ объ отправленіи Александра Фридерикса съ однимъ баталіономъ въ Урдабадъ. По возвращеніи нашемъ изъ Гёрюсъ мы узнали о несчастномъ происшествіи, послѣдовавшемъ отъ безпутнаго сего распоряженія. Фридриксъ имѣлъ 500 человѣкъ подъ ружьемъ безъ орудій и нѣсколько казаковъ; онъ съ симъ отрядомъ прошелъ по весьма трудной дорогѣ и, прибывъ къ Урдабаду, освободилъ Эхсенъ-хана, который уже едва держался. Дядя его Керимъ-ханъ отступилъ за Араксъ; но вскорѣ силы его умножились прибытіемъ къ нему изъ Хоя отъ Аббасъ-Мирзы вспомогательнаго баталіона. У Керимъ-хана уже было два баталіона сарбазовъ и тысячи двѣ конницы при нѣсколькихъ малыхъ орудіяхъ, и малая перестрѣлка, послѣ которой онъ отступилъ, не могла понудить его къ оставленію своего намѣренія взять Эхсенъ-хана, коему вѣроятно готовилась самая мучительная смерть. Онъ видѣлъ слабость нашего отряда и потому, дождавшись подкрѣпленія, рѣшился атаковать Фридрикса. По какой причинѣ провелъ Фридриксъ нѣсколько дней въ виду Персіянъ подъ Урдабадомъ послѣ освобожденія уже Эхсенъ-хана, того не знаю. Готовъ думать, что онъ не имѣлъ никакого подробнаго наставленія на счетъ того, что̀ ему дѣлать надлежало и потому остался безъ дѣйствія. Мнѣ извѣстно, что къ нему былъ отправленъ на помощь генералъ-маіоръ князь Багратіонъ, начальникъ мнимой Грузинской милиціи, которая состояла изъ 10 толстыхъ князей и 20 аробъ съ виномъ. Ему еще дали Армянскую дру-

жину, которою командовалъ тогда капитанъ Лазаревъ и въ коей было до 150 человѣкъ; а вслѣдъ за симъ, кажется черезъ день, была послана еще одна рота карабинернаго полка, помнится мнѣ, съ патронами.

По прибытіи князя Багратіона, Фридриксъ взялъ къ себѣ въ лагерь Эхсенъ-хана и всѣ Армянскія семейства, которыя хотѣли укрыться отъ свирѣпости Персіянъ, и ночью отправился въ обратный путь. Движеніе сіе было вскорѣ замѣчено Персіянами, которые пустились преслѣдовать нашихъ и настигли ихъ уже по утру на перевалѣ, въ довольно большомъ разстояніи отъ Урдабада. Дабы скорѣе настичь нашихъ, они употребили въ семъ случаѣ средство, о коемъ я упоминалъ выше, т. е. посадили пѣхоту свою по всадникамъ на лошадей и, быстро подвезши оную, спѣшили сарбазовъ уже въ виду нашихъ.

Персіяне смѣло атаковали гренадеровъ, надѣясь поживиться добычею около Армянскихъ семействъ, которыя оставались на возвышеніи; но всѣ усилія ихъ были тщетны. Застрѣльщики ихъ были нѣсколько разъ опрокидываемы нашими и, послѣ долгаго боя, въ коемъ Грузинскіе князья были только зрителями, непріятель, не надѣясь болѣе насъ одолѣть и имѣя уже нѣкоторую потерю, рѣшился отступить. Итакъ, мы отдѣлались въ сей день очень благополучно, ибо, по полученнымъ мною послѣ свѣдѣніямъ, я узналъ, что баталіонъ очень обробѣлъ, особливо когда всѣ четыре ротныхъ командира, находившіеся впереди, были ранены и застрѣльщичій офицеръ сверхъ того убитъ на мѣстѣ. Усталость людей, уменьшеніе снарядовъ и, кажется, совершенный недостатокъ распоряженій, лишалъ всѣхъ надежды возвратиться въ Карабабу, тѣмъ болѣе, что силы Персіянъ все увеличивались, и вдали на высотахъ показывались новыя колонны.

Армянская дружина, сказываютъ, въ сей день вела себя очень хорошо. Тѣ же люди, но въ порядкѣ и съ казеннымъ ружьемъ! У нихъ было 6 человѣкъ урона. Кажется, Каргановъ, человѣкъ извѣстный всѣмъ по дурнымъ его свойствамъ, не оставилъ сего возникающаго еще молодаго войска, безъ того, чтобъ не поселить въономъ раздора. Въ бытность въ Карабагѣ онъ подучилъ зауряд-офицеровъ изъ Армянъ же жаловаться на своего капитана, также Армянина 41-го полка Лазарева, по враждѣ, которую онъ, кажется, къ нему имѣлъ; а можетъ быть и потому что онъ, Каргановъ, не имѣлъ никакого вліянія въ семъ войскѣ. Мнѣ поручено было изслѣдовать жалобу, состоявшую въ томъ, что Лазаревъ будто награбилъ много во время экспедиціи его къ селенію Карапчи, обобралъ у своихъ людей драгоцѣнныя вещи, попряталъ и продалъ ихъ. Приступивъ съ совершенною строгостью къ сему дѣлу, я вскорѣ услышалъ сознаніе зауряд-офицеровъ, которые мнѣ сказали, что ихъ научилъ къ сей жалобѣ Кар-

гановъ, но что ничего подобнаго не было. Заурядъ-офицеры сіи были на время посажены подъ арестъ и чѣмъ дѣло сіе кончилось, мнѣ неизвѣстно; ибо сіи же самые Армяне объявили послѣ, что Каргановъ ихъ не училъ взносить ложныя жалобы на своего начальника. Но раздоръ уже былъ поселенъ во всѣхъ званіяхъ сей дружины и, кажется, дѣло сіе осталось безъ всякихъ послѣдствій. Не могу утвердительно сказать, чтобы Каргановъ былъ симъ обязанъ покровителю своему, ибо не знаю сего основательно; но весьма похоже на то.

Князь Багратіонъ, говорятъ, во все время сраженія находился на высотѣ съ Армянами, которые, въ отчаяніи своемъ, выли, плакали и молились. Фридриксъ, говорятъ, былъ въ огнѣ и собою подавалъ всѣмъ примѣръ. Не думаю однакоже, чтобы распоряженія его могли бы къ чему-либо вести; ибо человѣкъ сей, имѣвшій всѣ добрыя качества и настоящее понятіе о чести и обязанностяхъ своихъ, былъ совершенно безъ опытности въ военномъ дѣлѣ; симъ дѣломъ онъ заслужилъ одобреніе начальства, ибо велъ себя храбро и спасъ баталіонъ сей; но онъ былъ принятъ Паскевичемъ сухо и дурно, что̀ его весьма много огорчило.

Сраженіе сіе, въ коемъ мы потеряли болѣе 40 человѣкъ, было второе и послѣднее несчастливое во всю Персидскую войну. (Первое было съ весны, дѣло Вербицкаго подъ командою Бенкендорфа, въ Эриванской области за Араксомъ).

Говорятъ, что въ сраженіи близъ Биста, мною теперь описанномъ, Персіяне не отстали бы отъ нашихъ, еслибъ не увидѣли еще приближавшихся къ нашимъ на помощь войскъ: то была рота карабинернаго полка, послѣ высланная изъ Карабабы. Говорятъ также, что командовавшій оною поручикъ князь Гурамовъ, увидя завязанное уже дѣло, не подвинулся впередъ. Не знаю, какъ дѣло сіе разсудить; знаю только, что Гурамовъ былъ офицеръ всегда отличный.

Когда Персіяне отступили, тогда и Фридриксъ принялъ мѣры для отступленія. Дорога, по которой ему надлежало идти, была узкая тропинка, вела тѣсными мѣстами, и потому была очень опасна. Дни были жаркіе; ноша людей, увеличенная вѣроятно награбленнымъ въ деревняхъ имуществомъ, была огромная, и они едва могли ее тащить при усталости послѣ трудныхъ переходовъ и сраженія; кромѣ того они должны еще были нести раненыхъ своихъ, ибо повозки ни одной не было. Слабый отрядъ сей, прикрывая въ узкомъ ущельи Армянскія семейства, не могъ не растянуться на большое пространство и неминуемо бы погибъ, еслибъ Персіяне, зная состояніе онаго, покусились напасть на него; но кажется, что и они были въ дурномъ состояніи, и слышно было, что они нуждались въ патронахъ.

Говорятъ, что, во время опаснаго и медленнаго шествія сего, слышанъ былъ между людьми необыкновенный ропотъ; грозились бросить раненыхъ офицеровъ. Черта сія есть свойственная Грузинскому гренадерскому полку, то-есть ропотъ; ибо что̀ касается до прочаго, то люди полка сего испытаны въ храбрости и перенесеніи трудовъ.

Наконецъ, несчастный отрядъ сей возвратился, принеся съ собою еще множество больныхъ (ибо приономъ не было повозокъ, по дурному состоянію дороги). Экспедиція сія имѣла такое дѣйствіе на умы солдатъ, что въ семъ году, когда полкъ сей находился въ Гюмишъ-ханé и видѣлъ Турокъ, показывавшихся на горахъ, то люди 2-го баталіона вспомнили отступленіе въ 1827 году изъ-подъ Урдабада.

10-го числа скончался въ Карабабѣ корпусный адъютантъ А–ій, котораго я возвелъ въ сіе званіе изъ званія полковаго адъютанта, въ коемъ онъ находился во время командованія моего полкомъ (о немъ упомянуто болѣе одного раза въ Запискахъ сихъ). Онъ былъ конечно лучшій изъ корпусныхъ адъютантовъ. Я совершенно забылъ уже прежніе поступки его касательно меня. Въ самый день смерти его, или вскорѣ послѣ оной, я рѣшился ходатайствовать у Паскевича о назначеніи пенсіи вдовѣ, оставшейся послѣ него съ малолѣтнею дочерью и, дабы скорѣе успѣть въ семъ, я приготовилъ и представленіе по сему предмету. Пришедши ввечеру къ Паскевичу, я просилъ его и, видя его склоннымъ къ согласію, показалъ и бумагу мною же изготовленную, думая воспользоваться минутою добраго расположенія его; ибо онъ казался тогда въ веселомъ духѣ. Но не тутъ то было: поступокъ мой показался ему дурнымъ; вмѣсто удачи я принялъ отъ него весьма непріятные выговоры, и бумага тогда не была подписана. Онъ подписалъ ее однакоже черезъ нѣсколько дней (не помню по чьему докладу), и пенсія была назначена. Вдова А—аго не умѣла цѣнить ни прежнюю привязанность къ ней покойнаго мужа, ни доставленную ей по заслугамъ мужа пенсію; она вступила въ связь съ маіоромъ Мартынцовымъ, отъ коего забеременѣла и родила ребенка. Маіоръ сей, влюбленный въ нее, хотѣлъ жениться, и они уже, какъ я слышалъ, были обручены; но Мартынцевъ похвалился однажды неосторожно правами, кои онъ надъ нею имѣлъ, и послѣ того, не взирая на состояніе беременности ея, не могъ болѣе склонить ее къ супружеству и съ отчаянія застрѣлился. Сіе случилось въ прошломъ 1828 году въ Манглисѣ. Странное и непонятное происшествіе. Непонятная твердость осрамленной уже женщины и пренебреженіе ея къ единственному способу спасти ея честь!...

Имѣя все въ предметѣ взятіе крѣпостей приступомъ, Паскевичъ возилъ при войскѣ деревянныя лѣстницы еще изъ Тифлиса. Лѣстницы сіи

складывались, и онъ нѣсколько разъ дѣлалъ примѣры приступовъ, дабы пріучить людей къ скорѣйшему составленію сихъ лѣстницъ. Такимъ образомъ вздумалъ онъ брать приступомъ за̀мокъ Карабабы и для сего поставилъ въ оный гарнизонъ, коему приказано было отстрѣливаться. Прочія войска были поставлены въ колоннахъ около крѣпости и открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій; спустя съ полчаса послѣ онаго, колонны двинулись на штурмъ съ барабаннымъ боемъ. Видъ былъ прелестный: колонны подбѣжали къ стѣнамъ, приставляя лѣстницы, и люди полѣзли на стѣны. Паскевичъ самъ былъ въ то время на стѣнахъ. Видя одного молодца-карабинера, который прежде другихъ взлѣзъ, онъ обратился къ нему и сказалъ ему въ шутку: «Да вы, братцы, и чорта за рога возьмете»...

Непріятности встрѣчались тогда со всѣми, но болѣе всего со мною... Паскевичъ не упускалъ случая упрекать мнѣ при всѣхъ безпорядками, допущенными въ «вашемъ», какъ онъ говорилъ съ досадою, «Кавказскомъ корпусѣ». Онъ всегда ставилъ при томъ въ примѣръ полки 20-й дивизіи, хотя и не полагалъ на нихъ особенной надежды въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и всегда удалялъ ихъ отъ себя. Я избѣгалъ всякаго столкновенія съ нимъ и болѣе сидѣлъ въ своей палаткѣ, доканчивая послѣднія занятія свои по штабу. Главное изъ сихъ занятій было уже кончено, а именно: представленія къ наградамъ за сраженіе подъ Джеванъ-Булакомъ и за взятіе Аббасъ-Абада. На меня было возложено сіе трудное и щекотливое дѣло. Оно было щекотливо, потому что надобно было свести и сообразить разные пустяки, которые всякій включалъ въ длинныя реляціи о ничтожномъ дѣлѣ; надобно было сократить все сіе, никого не обидѣть и угодить начальнику.

Послѣ многихъ трудовъ и перемѣнъ, я наконецъ кончилъ и понесъ списки сіи къ Паскевичу. Мнѣ уже второй разъ случалось симъ заниматься. Первый разъ было въ Эчміадзинѣ, гдѣ я докладывалъ представленія Бенкендорфа, и хотя Паскевичъ и спрашивалъ у меня мнѣнія моего на счетъ назначенія награжденій для нѣкоторыхъ офицеровъ, но я никакъ не бралъ на себя указывать ему въ семъ случаѣ; не менѣе того сіе было причиною, что я пріобрѣлъ нѣсколько враговъ. Бенкендорфъ самъ полагалъ, что я повредилъ его адъютантамъ въ представленіяхъ. На сей разъ, въ Карабабѣ, я былъ еще осторожнѣе, но не избѣжалъ неудовольствій.

Во первыхъ, Паскевичъ нашелъ, что я не довольно сильно выразилъ отличія, оказанныя любимцемъ его Каргановымъ, говоря, что сіе происходило отъ зависти и интригъ. Онъ замаралъ атестацію мною сдѣланную, которая была сдѣлана какъ нельзя лучше и лестнѣе, и написалъ свою, которая состояла въ томъ, что Каргановъ купилъ 1000

быковъ на порцію для войскъ (сими самыми словами). За симъ онъ пересмотрѣлъ списки и ничего болѣе не сдѣлалъ, приказавъ также составить и мой списокъ. Не знаю, кто прописалъ отличіе мною оказанное; только оно было весьма хорошо выставлено: продовольствіе войскъ, сформированіе транспортовъ и способы къ движенію войскъ, были всѣ отнесены ко мнѣ. Подо мною стоялъ въ спискѣ генералъ-интендантъ, коему атестація была обыкновенная. Мнѣ безъ сомнѣнія пріятно было видѣть, что мнѣ отдавали справедливость; но, пересматривая однажды списки сіи у Сухтелена, когда онъ посылалъ меня съ оными къ Паскевичу, я замѣтилъ, что изъ моей атестаціи было отчеркнуто карандашемъ самое лучшее и приписано къ атестаціи интенданта. Показавъ сіе Сухтелену, я спросилъ его, знаетъ ли онъ о сей перемѣнѣ, которая впрочемъ была имъ самимъ сдѣлана. Il faut bien laisser cela *), сказалъ онъ (Сухтеленъ не зналъ трудовъ моихъ). Я понесъ списки къ Паскевичу и показалъ ему перемѣну. Онъ ничего не сказалъ, давъ мнѣ понять своимъ взглядомъ и поднявши съ надменностію голову, что онъ о семъ зналъ. Я болѣе и не намекалъ о семъ и оставилъ дѣло сіе. Списки были такимъ образомъ переписаны на бѣло и поднесены снова Паскевичу, который, при слабой атестаціи заслугъ моихъ, представилъ меня къ чину генеральскому, чего никакъ нельзя было и надѣяться получить. Мнѣ и вышли по тому представленію, вмѣсто генеральскаго чина, бриліантовые знаки на Анну 2-й степени, которая у меня давно уже была. Представленія сіи были отправлены еще 1-го числа Августа. Послѣ того мнѣ приказано было составлять алфавитъ всѣмъ представленіямъ; но я не успѣлъ и приняться за сію большую работу, которая была уже сдѣлана въ Тифлисѣ въ прошломъ году, при управленіи штабомъ Сакена.

Сухтеленъ много терпѣлъ отъ обращенія Паскевича, но онъ все вооружался терпѣніемъ и старался, сколько возможно, соблюсти хотя наружныя приличія. Онъ говорилъ, что брань начальника принималъ онъ какъ совѣты отца, и потому не могъ никогда сердиться за оные; однакоже я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ Паскевичъ, пришедши однажды въ палатку къ Сухтелену, сталъ браниться за какіе-то поступки, говоря съ Сухтеленомъ довольно дерзко. Сухтеленъ занимался тогда и, видя Паскевича недовольнымъ, онъ всталъ и слушалъ его; но когда уже тотъ вышелъ изъ границъ вѣжливости, тогда Сухтеленъ самъ осердился и, взявъ трубку свою, сѣлъ, сказавъ, что ему не время и что у него дѣло есть. Паскевичъ перенесъ сіе, но припомнилъ послѣ и разстался съ нимъ недружно по окончаніи войны.

---

* Надо, конечно, это оставить.

Каргановъ, который имѣлъ порученіе доставлять всегда новости черезъ лазутчиковъ, извѣстилъ Паскевича около половины Августа мѣсяца, что Керимъ-ханъ, собравъ войска въ Урдабадѣ, намѣревался напасть на нашъ тылъ и отбить весь транспортный скотъ, который пасся по покатостямъ горы Салварти. По симъ слухамъ Паскевичъ назначилъ отрядъ, который и ввѣрилъ въ мое командованіе. Отрядъ сей имѣлъ состоять изъ одного баталіона Тифлисскаго полка, одного дивизіона драгунъ, 3-хъ горныхъ единороговъ и полуторы сотни казаковъ.

Здѣсь мѣсто упомянуть о сихъ горныхъ единорогахъ. Горными единорогами называемъ мы въ здѣшнемъ корпусѣ 3-хъ-фунтовые единороги, которые болѣе не въ употребленіи въ артилеріи и хранятся только въ арсеналахъ. Они впрягаются четырьмя лошадьми и представляютъ то удобство, что могутъ разбираться въ трудныхъ мѣстахъ и переноситься на людяхъ. Для полной прислуги, къ одному единорогу такого рода нужно 90 человѣкъ пѣхоты, раздѣливъ ихъ на двѣ смѣны для носки орудій сихъ. Первый ввелъ ихъ здѣсь въ употребленіе Алексѣй Петровичъ Ермоловъ противъ горскихъ народовъ. Дѣйствіе сихъ орудій не очень вредно для непріятеля; но они изумляютъ его внезапнымъ появленіемъ на горахъ, которыя кажутся неприступными для артилеріи. Сіи единороги мы употребляли съ пользою нѣсколько разъ въ Турецкую войну.

15-го Августа около полдня выступилъ маіоръ Степановъ изъ Карабабы съ 2-мя ротами 1-го баталіона Тифлисскаго пѣхотнаго полка, съ 2-мя горными единорогами и съ сотнею казаковъ.... Я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Карабабы...

16-го числа прибылъ дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка, подъ командою маіора князя Андроникова, и расположился лагеремъ въ Кичирскомъ ущельи, на лѣвомъ берегу рѣчки Шахъ-Бюзъ. Въ тотъ же вечеръ я отправилъ съ селеніе Ханъ-Агу двухъ Армянъ лазутчиками, дабы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ.

17-го поутру лазутчики сіи возвратились и разсказали, что Керимъ-ханъ и Ибрагимъ-сердарь со своимъ войскомъ находятся въ Урдабадѣ. Лазутчики сіи не доходили до назначеннаго имъ мѣста, опасаясь встрѣтиться съ Персидскими разъѣздами, и потому свѣдѣнія сіи не могли быть удовлетворительны; но послѣднее неудачное дѣйствіе близъ Урдабада такъ напугало Армянъ, что не было никакихъ средствъ склонить ихъ къ доставленію вѣрныхъ извѣстій изъ непріятельскаго лагеря, къ коему они не дерзали подходить. Въ сей день, во 2-мъ часу по полудни, прибыла еще рота Тифлисскаго полка съ однимъ горнымъ единорогомъ и съ сотнею казаковъ, которыхъ вмѣстѣ съ оставшимися на правомъ берегу Шахъ-Бюза (одною ротою и полусотнею казаковъ) я пере-

велъ черезъ ущелье и поставилъ въ главномъ лагерѣ, гдѣ и собралъ такимъ образомъ весь отрядъ свой.

Такъ какъ я на другой день сбирался выступить, то счелъ нужнымъ осмотрѣть всѣхъ людей своихъ, которые мнѣ казались очень слабы, и для того я вывелъ роты и тогда же отправилъ до 15 человѣкъ обратно въ Карабабу: они совершенно не могли слѣдовать. Прочіе были очень изнурены, но еще кое-какъ двигались; однако они были такъ слабы, что, во фронтѣ, при толчкѣ слегка пальцемъ въ плечо, рослые и видные солдаты не могли удержаться на мѣстѣ и переставляли назадъ одну ногу, дабы не упасть. Всей пѣхоты у меня въ четырехъ ротахъ было менѣе 400 человѣкъ, тогда какъ баталіонъ сей выступилъ въ походъ въ числѣ 900 рядовыхъ и не имѣлъ потери убитыми. При размѣщеніи людей сихъ по тремъ единорогамъ, при разборѣ оныхъ въ трудныхъ мѣстахъ, оставалось только сто человѣкъ пѣхоты, которыхъ можно было употребить въ случаѣ нападенія непріятеля. Дивизіонъ драгунъ едва имѣлъ 200 человѣкъ конныхъ, полторы сотни казаковъ могли составить до 70 или 80 человѣкъ. И съ симъ отрядомъ, при самыхъ дурныхъ артилерійскихъ лошадяхъ, долженъ я былъ идти обозрѣть крѣпость Алынджу, охранять табуны и разбить Керимъ-хана, если его встрѣчу, а также стараться и Алынджу взять!...

18-го числа съ разсвѣтомъ я выступилъ со своимъ отрядомъ, въ коемъ подъ ружьемъ было 852 человѣка, по направленію къ Алынджѣ, имѣя въ первомъ предметѣ склонить коменданта сей крѣпости къ добровольной сдачѣ. Дорога, по которой я шелъ въ горахъ, была столь узка, что я долженъ былъ разбирать орудія и перетаскивать ихъ на людяхъ. День былъ жаркій, а потому, отшедши 6 верстъ, я долженъ былъ остановиться на привалѣ, послѣ коего, пройдя еще 12 верстъ, сначала также по тѣснинѣ, а тамъ широкою равниною, я поставилъ свой лагерь при соединеніи рѣкъ Зоалъ и Алынджи, верстахъ въ 5-ти не доходя крѣпости, которая была отъ меня закрыта горами.

Лагерь мой былъ поставленъ на пріятномъ и выгодномъ мѣстѣ. Я стоялъ лицемъ къ сторонѣ Алынджи, правымъ флангомъ по направленію къ Карабабѣ, лѣвымъ къ Урдабаду. Лѣвый флангъ мой былъ прикрытъ рѣкою Алынджею, текущей между кустарниками; передъ фронтомъ протекала рѣка Зоалъ; окрестности были довольно открыты. Рѣки по малой глубинѣ своей не могли прямо служить защитою моему малому отряду, но въ случаѣ сильнаго натиска я могъ отступить на высоты, находившіяся за мною въ близкомъ разстояніи уступами и держаться на оныхъ по крайней мѣрѣ сутки, до прибытія изъ Карабабы подкрѣпленія; ибо отступать по столь узкой и дурной дорогѣ въ виду непріятеля было бы невозможно. По сему самому, положеніе мое

было довольно опасно, еслибы непріятель предпринялъ съ нѣкоторыми силами на меня быстрое движеніе.

Мѣстоположеніе, на коемъ я находился, представляло для глазъ пріятное зрѣлище. По берегамъ рѣчекъ видна была зелень, чего давно уже мы не видали. Поля были обработаны жителями, которые скрылись по приближеніи нашемъ. Впереди моего лагеря видно было тѣсное ущелье, въ скалистыхъ и высокихъ берегахъ коего скрывалась рѣка Алынджа; на обрывахъ сихъ скалъ видны были развалины, остатки караульныхъ башень, построенныхъ вѣроятно въ тоже время, когда укрѣпили издревле Алынджинскую скалу. Жаръ въ семъ мѣстѣ не былъ очень силенъ, такъ что, послѣ пребыванія въ Карабабѣ, намъ тутъ казалось очень хорошо, и люди даже въ теченіи двухъ или трехъ дней примѣтно подкрѣпились.

19-го числа я пошелъ къ Алынджѣ, взявъ съ собою одну роту пѣхоты, 2 взвода драгунъ и сотню казаковъ, дабы сдѣлать обозрѣніе сей крѣпости. Я выступилъ послѣ полдня, ибо до того времени велъ переговоры о сдачѣ оной. Посланные мною Армяне приходили въ селеніе Ханъ-Ага, лежащее у самой подошвы горы, на которой находится крѣпость. Изъ того селенія человѣкъ ходилъ на скалу въ крѣпость къ Лазимъ-беку *), который въ то время былъ комендантомъ, но никакого обстоятельнаго отвѣта не доставилъ; онъ, кажется, не могъ видѣться съ самимъ бекомъ и говорилъ, что никого на верхъ не пускаютъ. Словомъ, я видѣлъ, что переговоры могли длиться, а у меня продовольствія было мало, и рѣшился болѣе не откладывать своего обозрѣнія. Жители же селенія Ханъ-Ага, опасаясь, чтобы мы ихъ не разорили, прислали ко мнѣ старшинъ своихъ просить пощады и изъявить покорность свою, вопреки понужденій, дѣлаемыхъ имъ Персіянами, сидѣвшими въ крѣпости и владѣвшими ими совершенно. Старшинъ сихъ я отпустилъ, забравъ отъ нихъ всевозможныя свѣдѣнія. Я узналъ отъ нихъ, что Алынджа находится на неприступной скалѣ, имѣетъ не болѣе 300 человѣкъ гарнизона, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ для выдержанія долгой осады, и что воду употребляли они изъ дождевой, скопляющейся въ сдѣланныя на предметъ сей водохранилища.

Я прошелъ тѣснымъ ущельемъ предо мною находившимся и вышелъ къ развалинамъ обширнаго селенія Казанчи. Было не болѣе тридцати дворовъ, коихъ жители скрылись передъ приходомъ нашимъ. Послѣ того открылась намъ, среди окружавшихъ насъ горъ, высокая гора Иланъ-дагъ или Змѣиная гора. Называютъ ее и Алынджин-

---

*) Лазимъ значитъ соколъ на Турецкомъ языкѣ.

скимъ Камнемъ, и Помпеевой горою; только на чемъ основано послѣднее названіе и кѣмъ оно введено между Европейцами, того не знаю. Помнится мнѣ, что я еще писалъ о ней, когда ѣздилъ съ посольствомъ въ Персію въ 1817-мъ году. О сей горѣ говорили, что ее называютъ Змѣиною горою по множеству змѣй, которыя гнѣздятся около нея, что змѣи сіи краснаго цвѣта или что царь ихъ краснаго цвѣта, что змѣи сіи ежегодно отправляются большими толпами къ Араратской горѣ, гдѣ имѣется другое царство змѣй, со своимъ предводителемъ. Оба войска сіи встрѣтившись вступаютъ въ жестокій бой; многія змѣи погибаютъ, другія лишаются хвостовъ, головъ; поле сраженія устлано растерзанными членами сражавшихся; побѣжденная сторона, преслѣдуемая побѣдителями, бѣжитъ обратно въ свою сторону, оставляя по пути раненыхъ. Предводители сихъ войскъ въ особенности отличаются отъ прочихъ змѣй величиною своею и цвѣтомъ. Меня увѣряли, что есть старики-свидѣтели сихъ страшныхъ битвъ; а одинъ увѣрялъ меня, что видѣлъ на берегу Аракса возвращающееся съ бою окровавленное войско змѣиное. Всякіе баснословные разсказы основаны на какихъ-либо происшествіяхъ; но на какихъ именно основано сіе сказаніе, того никакъ не могу понять. Въ окрестностяхъ Алынджинскаго Камня я не видѣлъ ни одной змѣи.

Скала Иланъ-дагъ можетъ имѣть до 200 или 300 сажень вышины; въ окружности подошвы ея можно полагать до 3 верстъ и почти столько же въ окружности имѣетъ верхъ; ибо она почти совершенно отвѣсная со всѣхъ сторонъ. Съ одной стороны она выше; другая же сторона, нѣсколько пониже, обращена къ селенію Казанчи, черезъ которое я шелъ. Съ сей стороны замѣтна была на вершинѣ скалы башня и часть стѣны; стѣна сія прерывалась игловатыми концами скалы, вверхъ обращенными. Я съ войсками принялъ на право, дабы, поднявшись, обозрѣть внутренность крѣпости. И въ самомъ дѣлѣ я могъ видѣть строенія на площадкѣ, вверху находившіяся. До 200 человѣкъ вышли на край скалы и наблюдали насъ. Они стояли передъ всходомъ на верхъ; всходъ сей пролегалъ по трещинѣ, которая была почти во всю скалу; въ трехъ мѣстахъ поперекъ сей трещины сдѣланы были стѣнки, а на верху башни противъ оной, такъ что, если бы по сему мѣсту стали подыматься люди, то ихъ бы безъ труда перебили камнями нѣсколько человѣкъ, поставленныхъ вверху, и крѣпость сія не имѣла другаго доступа какъ со стороны южной. Она можетъ назваться по сей причинѣ недоступною. Остановившись нѣсколько времени, я осмотрѣлъ изъ одного любопытства внутренность крѣпости, ибо рѣшительно не было возможности ее взять, развѣ что жаждою; но говорили, что у гарнизона имѣется значительный запасъ дождевой воды.

Итакъ я сталъ спускаться на противоположную сторону, въ оврагъ, который имѣлъ направленіе къ скалѣ и по коему наведено было два орудія и одинъ фальконетъ изъ другой башни, въ сію сторону обращенной. Лишь только я спустился въ оврагъ и люди стали тянуться по оному по одиночкѣ, какъ непріятель открылъ по насъ огонь изъ тѣхъ трехъ орудій. Ядра пролетали очень близко, перелетали, ударялись въ землю, но такъ счастливо, что никого не задѣли. Наконецъ мы вышли съ южной стороны на равнину, гдѣ я, въ ожиданіи отставшей нѣсколько пѣхоты, остановился на правомъ берегу рѣки Алынджи. Крѣпость была вблизи насъ, но не могла стрѣлять по насъ, потому что амбразурамъ не были даны нужныя направленія. Мы воспользовались симъ временемъ, дабы поживиться въ огородахъ деревни Ханъ-Ага, предъ нами лежавшей, арбузами. Самую деревню, находящуюся подъ ружейными выстрѣлами съ вершины скалъ, я не занималъ, ибо то было бы безполезно и могло бы стоить много людей. Жители оной, собравшись въ верхней части деревни, стрѣляли по нашимъ людямъ, обыскивавшимъ огороды и задѣли только одного Армянина пулею въ сапогъ, вскользь около икры.

Когда пѣхота пришла, то уже становилось поздно. До прибытія оной я проѣхалъ нѣсколько вправо въ другую сторону скалы и увидѣлъ на вершинѣ еще одну башню съ амбразурою, обращенною въ ту сторону; но по мнѣ оттуда не стрѣляли. Мнѣ не хотѣлось возвратиться тою же дорогою, и я непремѣнно хотѣлъ обозрѣть Алынджинскій Камень и съ восточной стороны, почему и рѣшился потянуться вправо черезъ деревню Анзыръ, хотя и неизвѣстными мѣстами. Въ сторонѣ оттуда можно было ожидать нападенія отъ Урдабада.

Едва мы прошли двѣ версты, какъ насъ настигли сумерки. Мы проходили очень близко скалы, такъ что изъ длинныхъ крѣпостныхъ ружей могли намъ вредить; но не было по насъ ни одного выстрѣла. Въ той же тѣснинѣ надлежало намъ проходить мимо развалинъ и садовъ какого-то селенія, изъ коихъ движеніе наше могло быть очень задержано нѣсколькими стрѣлками; почему я и шелъ подъ прикрытіемъ застрѣльщичьей цѣпи; но мы никого не встрѣтили, и непріятель пропустилъ насъ покойно. Наконецъ мы поднялись на право въ гору и оставили Алынджинскій Камень позади себя. Люди чрезвычайно устали, пѣхотинцы отставали, что̀ замедляло мое движеніе. Мы шли ночью, и хотя черезъ нѣсколько времени и показалась луна, но нельзя было хорошо различить ни дороги, ни мѣстоположенія; я могъ только замѣтить, что мы шли косогоромъ, по коему были видны слѣды большаго населенія и даже садовъ; но давно ли оные были оставлены жителями, того не знаю. Пройдя нѣсколько верстъ симъ направленіемъ черезъ

селеніе Авзыръ, я поворотилъ влѣво, черезъ гору, отдѣлявшую насъ отъ лагеря и спустился по весьма дурной и узкой дорогѣ къ лѣвому берегу рѣчки Алынджи, черезъ которую перешедши, прибылъ въ свой лагерь, гдѣ маіоръ Степановъ оставался старшимъ по отбытіи моемъ.

20-го числа открыто было казачьимъ пикетомъ нѣсколько всадниковъ; была послана партія, но ничего не нашли.

Жители селенія Ханъ-Ага, приходившіе ко мнѣ въ лагерь до обозрѣнія моего, принесли тогда въ подарокъ нѣсколько куръ и барановъ. Заплативъ имъ за сіе, я предоставилъ подарки сіи частью въ войска, частью же двумъ Персіянамъ, приближеннымъ людямъ Эхсенъ-хана Нахичеванскаго, которыхъ онъ мнѣ далъ по волѣ начальства, какъ людей надежныхъ и расторопныхъ. Расторопны они точно были; но я имѣлъ случай замѣтить ихъ корыстолюбіе—свойство впрочемъ принадлежащее каждому Персіянину и даже Азіатцу. Они нуждались въ мукѣ, и я купилъ имъ оной, при отдачѣ имъ барановъ; но вскорѣ увидѣлъ, что они продавали жизненные припасы сіи солдатамъ. Люди сіи были однакоже изъ довѣренныхъ особъ, окружавшихъ Эхсенъ-хана. Послѣ сего поступка я уже обходился съ ними съ тѣмъ презрѣніемъ, которое они заслужили.

Я не имѣлъ надежды овладѣть Алынджинскою скалою, но также не былъ увѣренъ, чтобы мѣсто сіе не покорилось отъ нужды; ибо трудно было вѣрить, чтобъ у гарнизона былъ большой запасъ воды, и ручей, протекавшій у подошвы горы, который, какъ я послѣ узналъ, служилъ имъ для добыванія воды, можно было бы легко отвести. Почему я сбирался снова вступить въ сношеніе съ комендантомъ Алынджи, располагая въ случаѣ возможности обложить крѣпость и отрѣзать воду, для чего и просилъ еще подкрѣпленія въ людяхъ у Паскевича, ибо половина пѣхоты моей выходила на перетаскиваніе орудій въ трудныхъ мѣстахъ. Я долженъ былъ предвидѣть, что не допустятъ меня ничего сдѣлать блистательнаго; но я тогда еще не такъ твердо зналъ своего начальника. Я слышалъ послѣ, что симъ требованіемъ людей онъ былъ недоволенъ. Тогда же, вмѣсто присылки ко мнѣ оныхъ, онъ потребовалъ меня обратно и приказалъ оставить одну роту на Кичирѣ, распустить отрядъ и явиться въ главную квартиру.

21-го числа я выступилъ съ разсвѣтомъ и къ вечеру пришелъ на ночлегъ въ Кичирское ущелье.

22-го, поручивъ команду надъ отрядомъ драгунскаго полка маіору князю Андроникову, я самъ поѣхалъ въ Карабабу, гдѣ и былъ принятъ Паскевичемъ съ обыкновеннымъ нахмуреннымъ видомъ его, по крайней мѣрѣ безъ брани. Можетъ быть, призвалъ онъ меня обратно и по причинѣ экспедиціи, которую онъ хотѣлъ предпринять къ Эри-

вани; но кажется, что въ то время еще не были получены извѣстія о невыгодномъ дѣлѣ генерала Красовскаго, и что вѣсти сіи пришли позже. Кажется, что знали о движеніи Аббасъ-Мирзы къ Эривани изъ подъ Хоя; но основательныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ его не имѣли.

По прибытіи моемъ въ Карабабу, жары и смертность въ войскахъ еще продолжались. Изъ Базарчая, гдѣ былъ уланскій лагерь, пріѣзжали генералы Розенъ и Чавчавадзе на короткое время и послѣ опять уѣхали къ себѣ.

Въ Карабабѣ былъ заведенъ базаръ или рынокъ, на который жители окрестныхъ селеній приносили произведенія различнаго рода, для продажи ужасно-дорогою цѣною, и торжище сіе, кое начальство приписывало хорошимъ распоряженіямъ своимъ, кромѣ того, что служило къ раззоренію нижнихъ чиновъ, но еще всегда давало непріятелю случай и средства имѣть о насъ самыя вѣрныя свѣдѣнія: ибо никто не наблюдалъ за людьми, приходившими на сіе торжище, и всякій имѣлъ свободный доступъ по всему лагерю, отъ безпорядка существовавшаго во всѣхъ частяхъ управленія войскъ.

Первое намѣреніе корпуснаго командира было идти, съ наступленіемъ Сентября мѣсяца, прямо къ Тавризу. Цѣль весьма благоразумная и коей исполненіе казалось вѣрнымъ; но измѣнившіяся обстоятельства не позволили ему исполнить сего.

Нѣсколько времени, можно даже сказать давно уже, носился слухъ, что Аббасъ-Мирза двинулся съ большею частью своихъ силъ къ Эривани, и извѣстія сіи стали подтверждаться показаніями лазутчиковъ, видѣвшихъ самое движеніе Персидскихъ войскъ. Вскорѣ услышали мы, что у генерала Красовскаго, оставшагося близъ Эривани съ осаднымъ войскомъ, было сильное дѣло съ Персіянами. Говорили сначала, что онъ ихъ побилъ и что взялъ даже два орудія; но слухъ сей сталъ измѣняться, и о дѣлѣ семъ начали двояко говорить; сказывали, что съ обѣихъ сторонъ потеря была весьма сильная. Слухи сіи насъ тревожили; мы не могли болѣе сомнѣваться въ томъ, что дѣло было сильное и не совсѣмъ въ нашу пользу. Наконецъ, къ Паскевичу пришло донесеніе отъ генерала Красовскаго, которое онъ, по причинѣ полученной имъ въ томъ сраженіи раны, не могъ порядочно подписать. Изъ сего донесенія можно было замѣтить, что дѣла были не хороши; Красовскій, кажется, даже просилъ помощи. Онъ находился въ Эчміадзинскомъ монастырѣ и считалъ себя, кажется, отрѣзаннымъ отъ Грузіи. Я читалъ рапортъ сей, изъ коего нельзя было заключить, чтобы онъ былъ покоенъ.

Сіи извѣстія понудили Паскевича предпринять съ большею частью войскъ движеніе къ Эривани. Въ нерѣшимости своей, онъ долго ничего

не предпринималъ. Ему жаль было оставить Тавризъ, но онъ опасался вмѣстѣ съ тѣмъ вторженія въ Грузію со стороны Бамбакъ; нѣсколько разъ старался онъ на сей счетъ узнать образъ мыслей другихъ и обращался ко мнѣ. Меня тревожила мысль о набѣгѣ, котораго должно было ожидать и котораго Аббасъ-Мирза не предпринялъ лишь по небойкости и малоспособности своей къ военному дѣлу. Еслибъ онъ былъ предпріимчивѣе, то достигъ бы съ конницею, въ нѣсколько дней, до Тифлиса, не встрѣтивъ нигдѣ никакого препятствія: ибо послѣ сраженія 17-го Августа, бывшаго у Красовскаго подъ Ушаганомъ, сей послѣдній оставался въ Эчміадзинѣ, а Аббасъ-Мирза занималъ уже дорогу въ Грузію. Онъ бы долженъ былъ напасть на транспорты и осадную артилерію, растянувшіеся въ переходѣ черезъ горы на большое пространство и, еслибы находившійся въ прикрытіи сихъ обозовъ Кабардинскій пѣхотный полкъ (вновь пришедшій съ Линіи) и въ состояніи былъ его удержать, то, минуя большую дорогу, Персидская конница все таки могла бы безпрепятственно пройти до Тифлиса и, разоривъ всѣ селенія, истребивъ всѣ шедшія къ намъ тягости и продовольствіе, лишить насъ и средствъ къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, а между тѣмъ разгромить и самый Тифлисъ. Конница сія быстро могла бы послѣ того промчаться черезъ Елисаветполь и, присоединивъ къ себѣ всѣ Татарскія племена нами недовольныя и ожидающія только возмутителей, чтобы подняться, пройти черезъ Карабагъ и, переправясь у насъ въ тылу черезъ Араксъ, возвратиться въ Персію съ большою добычею и безъ всякаго вреда. Но Аббасъ-Мирза не былъ рожденъ для подобнаго подвига, и подвигъ сей не состоялся, хотя объ ономъ и была рѣчь въ совѣтѣ его. Я опасался сей экспедиціи, потому что семейство мое было бы тогда подвержено неизбѣжной опасности, и оттого не рѣшился ничего совѣтовать Паскевичу, зная, что еслибъ я показалъ ему желаніе, дабы войска подвинулись изъ Карабабы къ Эривани, то онъ неминуемо приписалъ бы сіе къ моимъ личнымъ видамъ. Я послѣ слышалъ, что Аббасъ-Мирза, освѣдомляясь о красавицахъ Тифлиса, предположилъ себѣ взять жену мою и княжну Нину Чавчавадзе....

Движеніе Аббасъ-Мирзы отъ Хоя къ Эривани есть одно изъ лучшихъ соображеній, какое могъ сдѣлать начальникъ на его мѣстѣ находящійся. Будь у него не Персидскія войска, онъ истребилъ бы отрядъ Красовскаго, отбилъ бы осадную артилерію, которая тянулась на большомъ пространствѣ по горамъ, захватилъ бы все продовольствіе наше, освободилъ бы Эривань и разгромилъ бы всю Грузію и самый Тифлисъ. Тогда Паскевичъ, остававшійся съ своимъ больнымъ войскомъ въ непріятельскихъ границахъ, имѣя въ тылу возмущенный край и непріятельскую армію, самъ безъ средствъ продовольствія и

даже вѣрнаго сообщенія съ Грузіею (ибо дорога черезъ Салварти была очень неудобна), едва ли въ состояніи былъ бы возвратиться, и мы могли потерять совершенно Грузію.

Такъ какъ генералу Панкратьеву назначено было съ частью войскъ, при общемъ движеніи, присоединиться къ корпусу, оставя Карабабу, то и былъ назначенъ на мѣсто его командовать лѣвымъ флангомъ князь Вадбольскій. Старикъ сей, привыкшій всегда исполнять безпрекословно волю начальства, отправился безъ отговорки и на первыхъ порахъ поселился въ Гёрюсахъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ долженъ былъ оставаться въ Карабабѣ, съ ничтожною частью войскъ, во время слѣдованія Паскевича къ Эривани; но какъ Паскевичъ на него мало полагался, то находилъ нужнымъ и меня оставить съ нимъ въ званіи начальника штаба съ большею частью самого штаба, который онъ полагалъ излишнимъ брать съ собою. Онъ раза два подсылалъ мнѣ сказывать стороною свое намѣреніе, дабы узнать мысли мои; я доволенъ былъ отъ него отдѣлаться и гласно объявилъ, что я готовъ на всякое его порученіе. Тогда онъ позвалъ меня къ себѣ и объявилъ мнѣ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что не надѣется на князя Эристова и оставляетъ меня при немъ, имѣя полную увѣренность въ моихъ способностяхъ и въ моей дѣятельности.—Дѣлая вамъ подобное порученіе, сказалъ мнѣ Паскевичъ, я хочу знать, какъ вы распорядитесь по моемъ выступленіи и какъ вы поступите въ случаѣ нападенія на васъ непріятеля. Такой вопросъ не могъ имѣть отвѣта, ибо мнѣ неизвѣстны были намѣренія его. Вопросъ сей сдѣлалъ онъ единственно потому, что, не имѣя никакой цѣли, ни намѣренія, онъ затруднялся въ инструкціи, коими любитъ снабжать подчиненныхъ своихъ, и надѣялся со словъ моихъ почерпнуть нѣсколько мыслей; а потому, когда я на вопросъ его отвѣчалъ ему вопросомъ же объ условіяхъ, то онъ разсердился и сказалъ, чтобы черезъ два часа непремѣнно принесъ бы я къ нему письменно изложенное мое мнѣніе; о чемъ же, не пояснялъ. Я видѣлъ, что не отдѣлаюсь отъ письма и сказалъ, что въ теченіи двухъ часовъ не кончу сего порученія. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы оно въ ночь же поспѣло; я и пошелъ къ себѣ въ палатку и черезъ два часа принесъ ему исписанный листъ, съ мнѣніями о различныхъ вещахъ совершенно обыкновенныхъ и общихъ. Первый пунктъ ему понравился. C'est bien, сказалъ онъ, continuez *). Во второмъ пунктѣ говорилъ я, что для скорѣйшаго сообщенія съ лагеремъ, за горою Салварти находящимся, можно было-бъ устроить маяки, отчего минуетъ надобность въ содержаніи сильныхъ постовъ по дорогѣ.—Какъ? вспылилъ онъ, и такъ

*) Это хорошо; продолжайте.

вы разставите всю вашу кавалерію по буграмъ для сигналовъ? Гдѣ вы это, сударь, видѣли? Какъ это дѣлать возможно?—Я не буду разставлять казаковъ по буграмъ, а устрою маяки съ огнемъ, родъ телеграфовъ, для соблюденія коихъ нужно будетъ самое малое число людей. Симъ замѣнятся сильные посты, и оттого меньше будетъ выходить людей на оные; видалъ я, что маяки сіи съ пользою употребляютъ въ военное время, и знаю, что во Франціи способъ доставлять извѣстія посредствомъ телеграфовъ признанъ весьма удобнымъ. — Кто вамъ говорилъ, что Французы употребляютъ телеграфы? Это вы въ книжкахъ читали; но это несправедливо, этого никогда не бывало. Теперь видите ли, сударь, что ваше мнѣніе несправедливо; видите ли вы сіе?— Нѣтъ, не вижу, сказалъ я. — Какъ вы не видите? Оно явно несправедливо, и вы должны перемѣнить оное.—Не полагаю, сказалъ я съ хладнокровіемъ, всегда еще болѣе приводящимъ его въ раздраженіе; моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобы исполнить волю вашу, и приказанія, которыя вы мнѣ дадите, будутъ въ точности исполнены; но—продолжалъ я, перечеркнувъ перомъ статью о маякахъ — перемѣнить своего мнѣнія я не въ состояніи, когда не разумѣю вещи сей иначе.

Онъ видѣлъ, что нечего было ему дѣлать, а потому, перемѣнивъ голосъ, сталъ говорить по-французски. Ce n'est que de l'amour-propre, colonel; je vous l'ai toujours reproché; c'est de l'obstination à ne vouloir pas convenir *). Но я не спорилъ болѣе, опасаясь проронить какое-нибудь неосторожное слово передъ начальникомъ; ибо хотя я и показывалъ сокрушающій его видъ спокойствія, но самъ я былъ въ большомъ волненіи. Грибоѣдовъ, который въ то время шелъ къ Паскевичу, услышавъ въ палаткѣ его споръ, остановился и, видя, что оный продолжается, сѣлъ на козлы его коляски, дабы дождаться конца; слыша все прѣніе съ козелъ, онъ хохоталъ, пока я не вышелъ.

И такъ проектъ сей Паскевича не состоялся; не помню даже, была ли дана какая-либо инструкція князю Эристову передъ выступленіемъ войскъ. Паскевичъ, въ нерѣшимости своей, долго колебался, идти ли ему къ Эривани; но наконецъ, кажется, склонилъ его къ сему чей-то совѣтъ. Тогда онъ сталъ спѣшить и торопиться. Штабъ и даже своего любимца дежурнаго штабъ-офицера полковника Викинскаго оставилъ онъ съ большею частью корпуснаго штаба, приказавъ мнѣ вступить опять въ управленіе сей должности, распечатывать всѣ бумаги, которыя къ нему были бы адресованы, даже изъ Петербурга, и дѣлать исполненіе по тѣмъ, которыя зависѣли бы отъ начальника корпуснаго штаба.

---

*) Это, полковникъ, одно самолюбіе; я всегда вамъ попрекалъ имъ; это упрямое нежеланіе согласиться.

Такъ какъ я долженъ былъ вступить въ сію должность, и обхожденіе Паскевича со мною становилось ласковѣе и вѣжливѣе, то я принялся за свое дѣло еще до выступленія его.

Во избѣжаніе недостатка въ фуражѣ, приказано было еще въ началѣ Августа полкамъ косить сѣно и привозить оное въ Карабабу. Сдѣлали разсчетъ, по коему должно было доставляться чрезмѣрно великое количество сѣна; но не взяли въ соображеніе, что травы для покоса было очень мало, что она находилась въ 20-ти слишкомъ верстахъ отъ лагеря, на горахъ и въ ущельяхъ такихъ, что туда не могли проѣхать повозки; что на вьюкахъ сѣно возить не было средствъ, ибо не было сѣделъ; что лошади полковыя были очень изнурены, и вообще полковые командиры, избалованные самимъ Паскевичемъ, мало заботились объ исполненіи такого рода обязанностей. Сѣно сіе ставили мнѣ на видъ, какъ средство, къ коему я могъ прибѣгнуть въ случаѣ крайности; еслибъ меня окружилъ непріятель, я былъ бы принужденъ согнать всѣ табуны въ Карабабу, гдѣ совершенно никакаго подножнаго корма не было. Зная, что сѣна и четвертой доли не привезли, что оно сваливалось въ кучи безъ всякой пріемки или сдачи, что многіе изъ главной квартиры посылали брать его для своихъ надобностей, дабы избѣжать посылки лошадей за фуражемъ вдаль; что интендантъ выводилъ сѣно *законно* въ расходъ на своихъ лошадей (съ каковою цѣлью онъ, кажется, и собиралъ сѣно сіе); что приходящія конныя команды, по существовавшему безпорядку, брали сѣна сего также по произволу, и что средство сіе было совершенно ничтожное: я спросилъ комисіонера Коробчевскаго, у коего было сіе въ завѣдываніи, много ли его было на лице, и какъ онъ мнѣ сказалъ гораздо болѣе чѣмъ я самъ видѣлъ, то я, объяснивъ ему въ какой небрежности оно находилось и какъ его мало имѣлось, приказалъ сходить и посмотрѣть оное самому лично и распорядиться иначе на счетъ сего. Стожокъ сей сѣна находился въ самомъ лагерѣ, въ полуверстѣ отъ палатокъ главной квартиры.

Такъ какъ я выходилъ очень поздно отъ Паскевича, то сіе и случилось ночью. Коробчевскому не понравилось, что его еще потревожили во снѣ и, зная съ какимъ удовольствіемъ принималась всякая жалоба на меня, осмотрѣвъ сѣно, онъ пошелъ къ интенданту и сказалъ ему, что я давалъ ему порученія неприличныя его званію. Интендантъ передалъ жалобу сію Паскевичу, и сей, не разсудивъ дѣла и полагая въ семъ случаѣ найти законное право надѣлать мнѣ неудовольствій, призвалъ меня и дѣлалъ мнѣ жестокіе упреки за сей поступокъ. Я ему объяснилъ дѣло, о которомъ онъ даже ничего не зналъ порядочно; но онъ не хотѣлъ сознаться и увѣрялъ меня, что таковой поступокъ съ

моей стороны (послать комисіонера осмотрѣть сѣно) былъ только послѣдствіемъ честолюбія и самолюбія моего, и что я симъ хотѣлъ показать свою власть, что могу распорядиться комисіонеромъ, что̀ и вынудило меня отвѣчать ему, что я уже командовалъ 3-хъ баталіоннымъ полкомъ и 80-ю штабъ и оберъ-офицерами, и что слѣдственно не могла меня особенно льстить честь имѣть подъ командою комисіонера. Я говорилъ сіе съ надлежащимъ сокрушающимъ его хладнокровіемъ, онъ выходилъ изъ себя и все-таки не убѣдилъ меня.

Интендантъ Жуковскій, который оставался съ корпуснымъ штабомъ въ Карабабѣ, извинялся у меня въ семъ случаѣ по отбытіи Паскевича, узнавъ о неудовольствіяхъ по оному происшедшихъ, и обвинялъ Коробчевскаго въ неправильномъ доносѣ...

Въ исходѣ Августа мѣсяца жары нѣсколько поуменьшились, и хотя между войсками и было еще много больныхъ и смертность продолжалась, но уже нѣсколько менѣе. Люди оставшіеся на службѣ были уже нѣсколько бодрѣе. Предположеніе было въ началѣ Сентября снова открыть военныя дѣйствія; но, по измѣнившимся обстоятельствамъ, рѣшено было наконецъ выступить 27-го Августа...

Съ назначеніемъ моимъ къ Эристову въ начальники штаба, приказано мнѣ было водить его, и кажется ему также было подъ рукою сказано быть послушнымъ. Старикъ сей по многимъ причинамъ не способенъ къ службѣ, впрочемъ добрый человѣкъ, но безъ смысла и языка, дожилъ до чина, не получивъ даже настоящаго понятія о службѣ. Онъ изъ Грузинъ или еще изъ Осетинъ и немного чѣмъ подвинулся въ образованіи отъ своихъ соотчичей...

27-го Августа ввечеру выступилъ Паскевичъ изъ Карабабы. Я провожалъ его нѣсколько верстъ; онъ поручилъ мнѣ снова князя Эристова и дѣла̀ около Нахичевана, въ надеждѣ утѣшить меня въ томъ, что онъ меня съ собою не взялъ, льстя моему честолюбію указаніемъ на довѣренность, которую онъ мнѣ дѣлалъ. Онъ увѣренъ былъ, что у насъ ничего не будетъ; а я былъ почти увѣренъ, что у насъ будутъ важныя событія: меня уже занимала мысль о взятіи Тавриза, хотя я еще никакихъ основательныхъ предположеній не могъ о семъ сдѣлать. Я былъ очень радъ разстаться съ Паскевичемъ... Сухтеленъ увѣрялъ меня въ своей дружбѣ, но я никогда не цѣнилъ велерѣчія и пустословія сего слабаго человѣка..

Вотъ что̀ я слышалъ объ экспедиціи Паскевича въ окрестности Эривани. Онъ двигался съ возможною быстротою, въ жаркое время, съ изнуренными войсками. Около Гарпачая замѣтили въ отдаленіи пыль и остановились безъ всякой надобности, въ нерѣшимости атаковать Аббасъ-Мирзу, который, узнавъ о приближеніи нашихъ войскъ, тянулся

къ Араксу, оставя свой укрѣпленный лагерь. Надобно полагать, что сею дорогою шла одна часть его войскъ; ибо изъ донесенія генерала Красовскаго видно, что Персидскія войска тянулись также около Эчміадзина и, кажется, перешли большую дорогу въ Грузію около Ушагана (поля сраженія). Симъ замедленіемъ Персіяне воспользовались и уклонились. Кавалерія была послана въ погоню за ними, но на такое разстояніе, что нельзя было надѣяться настичь ихъ. Кавалерія наша заѣхала въ болото, гдѣ она завязла и пріостановила несбыточный подвигъ свой. Паскевичъ много сердился на Красовскаго при свиданіи съ нимъ, какъ я слышалъ, и начало вражды ихъ было тутъ уже утверждено основательнымъ образомъ.

Нельзя не похвалить рѣшенія его осадить Сердарабадъ, къ коему онъ приступилъ. Онъ начиналъ уже нуждаться въ хлѣбѣ, и ему оставалась только надежда на продовольственные запасы сей слабой крѣпости, чтó послужило ему и къ покоренію Эривани. Осада Сердарабада не представляетъ ничего особеннаго. Гарнизонъ, будучи напуганъ дѣйствіемъ нашихъ осадныхъ орудій, бѣжалъ, оставя крѣпость; бѣжавшихъ не настигли, вопреки того чтó написано въ реляціи...

По взятіи Сердарабада, всякій порядокъ исчезъ въ войскахъ, всѣ пустились на грабежъ; но болѣе всего было безпорядка при взятіи Эривани, гдѣ даже многіе офицеры, а въ особенности, говорятъ, гвардейскіе и штабные, занимались сами грабежомъ. Въ то время въ войскахъ былъ допущенъ безпорядокъ въ высочайшей степени. Дѣйствіе осадныхъ орудій всего болѣе оказалось на умахъ и нравственности Персіянъ, которые и послѣ еще говорили, что мы стрѣляли изъ такихъ большихъ пушекъ, что ядра ихъ, пробивая обѣ стѣны крѣпости, долетали до Араратской горы и ее еще пробивали насквозь.

Не имѣя болѣе свѣдѣній о сей экспедиціи Паскевича *), я обращаюсь снова къ Карабабѣ и буду описывать дѣйствія и происшествія отряда, тогда собиравшагося подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Эристова, при коемъ я исправлялъ должность начальника штаба. Для описанія сего недостатка въ матеріалахъ и свѣдѣніяхъ не имѣю.

28-го числа я поѣхалъ съ Эристовымъ дабы осмотрѣть лагерь и, стянувъ нѣсколько войска, занять выгодную въ случаѣ нападенія непріятеля позицію: ибо при 800 больныхъ, 5000 четвертяхъ провіанта, различныхъ тягостяхъ и транспортахъ, а также и при всей оставленной мнѣ главной квартирѣ, было всего два баталіона Тифлисскаго полка, составлявшіе едва 800 рядовыхъ, изъ коихъ половина была употреб-

---

*) Взятіе Эривани описано во 2-мъ томѣ книги князя Щербатова: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность“. Спб. 1890.

лена въ караулахъ при табунахъ. А потому, обозрѣвъ мѣстоположеніе, я перевелъ всѣ лагери къ самому берегу рѣчки подъ стѣнами крѣпостцы Карабабы.

Въ семъ обозрѣніи сопровождалъ насъ артилеріи полковникъ Долгово-Сабуровъ. Человѣкъ сей, не замѣченный въ особенности храбрымъ и извѣстный по непріятному своему нраву, былъ любимъ тогда Паскевичемъ и хотѣлъ показать свое достоинство, гордясь расположеніемъ своего начальника. Онъ подавалъ свои мнѣнія и возвышалъ голосъ; но я мало на сіе обращалъ вниманія. Подобное обхожденіе мое съ нимъ, въ теченіи двухъ или трехъ недѣль, показало ему, что онъ не выиграетъ ничего симъ образомъ и не возметъ той поверхности, которою онъ хотѣлъ пользоваться. Онъ перемѣнился, и съ тѣхъ поръ, въ теченіи двухъ лѣтняго нашего совмѣстнаго съ нимъ служенія, я долженъ сказать, что врядъ ли имѣлъ подчиненнаго равной съ нимъ покорности и доброй воли къ исполненію возлагаемыхъ на него порученій....

Я находился въ довольно - затруднительномъ положеніи. Кромѣ Эристова, съ которымъ мнѣ надобно было ладить, я имѣлъ еще интенданта. Вѣчная и безполезная переписка, которую онъ тщился вести единственно для такъ называемой очистки бумагъ, отнимала у меня время и препятствовала въ скоромъ исполненіи предметовъ до продовольствія касающихся, на которое должно было быть обращено особенное вниманіе: ибо никто о семъ не заботился, а продовольствіе надобно было заготовить къ возвращенію главнокомандующаго изъ Эривани. Дипломатическій корпусъ, состоявшій изъ статскихъ совѣтниковъ Обрѣзкова и Влангали и другихъ чиновниковъ, также былъ оставленъ со мною, и я долженъ былъ заняться всѣми при тогдашней сложности дѣлъ. Отправляя множество бумагъ, доставляемыхъ съ почтами въ штабъ или на имя главнокомандующаго, я однажды подписалъ изготовленныя дежурнымъ штабъ-офицеромъ Викинскимъ 415 бумагъ; но меня льстило тогда порученіе мнѣ данное и занятія мои, и я находилъ и время, и средства къ исполненію всего.

Послѣ отъѣзда Паскевича получены были между прочими бумагами донесенія генерала Сипягина изъ Грузіи и отъ генерала Красовскаго на имя Паскевича. Такъ какъ я распечатывалъ всѣ совершенно бумаги на его имя получавшіяся, то и увидѣлъ изъ сихъ донесеній, что Сипягинъ опасался вторженія въ Грузію послѣ несчастнаго дѣла Красовскаго. Персіяне въ самомъ дѣлѣ послали конную партію, которая проникла до Джелалъ-Оглу и отогнала артилерійскіе и прочіе табуны, тамъ пасшіеся. Извѣстія о семъ набѣгѣ распространили ужасъ въ Тифлисѣ, гдѣ оный усилился еще другими извѣстіями изъ Турціи о

намѣреніи Турокъ сдѣлать также вторженіе въ границы наши. Меня, знавшаго неопытность нашихъ начальниковъ, безпокоили всѣ сіи извѣстія; но къ счастью все хорошо обошлось, и дѣло кончилось однимъ страхомъ. Красовскій доносилъ, что онъ уже вышелъ изъ Эчміадзина и прибылъ опять въ свой лагерь къ Джангили, такъ что онъ могъ снова наблюдать дорогу ведущую въ Грузію.

При мнѣ оставался намѣстникъ Урдабада, братъ Эхсенъ-хана Шахъ Али бекъ, человѣкъ слабый и пустой, который снабжалъ меня извѣстіями о непріятелѣ. Нельзя было на него совершенно положиться; однако, такъ какъ наши дѣла еще не были безъ надежды, онъ намъ служилъ, имѣя довольно смѣтливости, чтобы видѣть, что обстоятельства наши должны были непремѣнно поправиться. Сынъ его Магметъ-Садыкъ-бекъ, молодой человѣкъ, прекрасный собою, но преданный пьянству и разврату, надоѣдалъ мнѣ своимъ корыстолюбивымъ и дурнымъ поведеніемъ. Братъ Эхсенъ-хана Фереджи-Улла имѣлъ порученность во все время наблюдать за городомъ Нахичеваномъ и дѣлать всякое вспоможеніе и исполненіе по требованіямъ Аббасъ-Абадскаго коменданта. Другой братъ его Мехти управлялъ нѣсколькими деревнями въ горахъ, лежащихъ между Карабабою и Шарулемъ.

Лазутчики мои ходили въ непріятельскій лагерь, коего еще малая часть оставалась близъ Хоя, и доставляли мнѣ различныя извѣстія. Одинъ изъ нихъ, между прочими, опытнѣе другихъ, принесъ мнѣ однажды письмо къ Шахъ-Али-беку, задѣланное въ палкѣ, на которую онъ опирался. Разломивъ оную, я нашелъ письмо, коимъ Шахъ-Али-бека приглашали отъ имени Аббасъ-Мирзы оставить насъ, грозя ему самыми ужасными наказаніями и местью, въ случаѣ отказа. Но письмо сіе не имѣло никакихъ послѣдствій, и Шахъ-Али-бекъ увѣрялъ меня, что онъ никогда болѣе не можетъ передаться Персіянамъ, ибо не можетъ имъ вѣрить послѣ передачи Аббасъ-Абада, сдѣланной его братомъ, и происшествія Урдабадскаго...

Донесенія князя Эристова писалъ я и заставлялъ его подписывать, что́ онъ и дѣлалъ, не зная ничего того что́ подписываетъ, такъ какъ и приказаній, которыя я отдавалъ безъ его участія. Онъ мнѣ только говаривалъ своимъ Грузинскимъ выговоромъ: «Вы, братъ, напиши; а я подпишу». Итакъ онъ занимался однимъ вистомъ, не принимая и участія въ дѣлахъ, какъ будто оныя до него не касались; когда же онъ вмѣшивался, то я его осторожно отводилъ, дабы онъ мнѣ не мѣшалъ...

Паскевичъ могъ весьма хорошо постичь, что войска изъ Карабага ожидаемыя не могли придти къ предположенному имъ времени; но въ случаяхъ, гдѣ онъ возлагалъ отвѣтственность на другихъ, онъ

любилъ разсчитывать на невозможности, которыя онъ принималъ за возможности.

Въ рапортѣ отъ князя Эристова я давалъ замѣтить Паскевичу, что мысль его постигнута, и что мы будемъ дѣйствовать согласно оной, то есть отвлекать непріятеля отъ всякаго покушенія или движенія за войсками, выступившими изъ Карабабы къ Эривани.

Дѣйствія нашего отряда не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Послѣдствія оныхъ показали Французамъ, сколь ложно было понятіе ихъ о сей войнѣ; ибо я помню одну секретную бумагу, полученную изъ главнаго штаба Государя, при коей приложена была копія съ письма отъ Французскаго въ Тифлисѣ консула Chevalier Gamba къ Французскому посланнику въ Петербургѣ. Въ этомъ письмѣ онъ описывалъ дурное и бѣдственное состояніе нашихъ средствъ при началѣ кампаніи, изъ чего онъ заключалъ о дурныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ отъ того произойти; онъ бралъ также за основаніе сихъ предположеній дурное расположеніе духа, въ коемъ войска находились, и предсказывалъ неудачное окончаніе войны. Справедливо, что недавно минувшія ссоры начальниковъ и непріятное обхожденіе Паскевича имѣли вліяніе на всѣ умы, что̀ увеличивалось еще отъ усиливавшагося ежедневно безпорядка; но все ожило съ первыми успѣхами нашими, и Персіяне не были въ состояніи остановить могущественнаго движенія нашей поверхности надъ ними. Недоброжеланіе Французскаго консула было не его личное, но имѣло начало въ опасеніи Французскаго правительства видѣть наше усиленіе...

Одинъ изъ ропщущихъ былъ командиръ Тифлисскаго полка, произведенный передъ тѣмъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командовать гренадерскою бригадою, князь Севарземидзевъ (о немъ весьма часто упоминалось въ сихъ Запискахъ въ 1826-мъ году). Будучи недоволенъ, что ему не давали того вліянія, которое онъ привыкъ имѣть, онъ явно передъ всѣмъ полкомъ кричалъ, жалуясь на начальство и пороча оное, не щадя ни словъ своихъ, ни выраженій. Сіе однажды дошло до меня, и я, совѣстясь напомнить ему, сколько сіе неприлично, сказалъ о семъ Грибоѣдову, который ему келейно совѣтовалъ воздержаться; но Севарземидзевъ отъ глупости своей, по назначеніи его бригаднымъ командиромъ, когда къ нему являлись офицеры гренадерской бригады въ Карабабѣ, произнесъ какія-то очень неосторожныя слова съ насмѣшкою на счетъ начальства, что̀ и было немедленно передано Паскевичу (кажется мнѣ, Борисомъ Фридриксомъ, впрочемъ навѣрное не знаю). Паскевичъ, полагая Севарземидзева приверженцемъ Алексѣя Петровича, приказалъ немедленно Сухтелену произвести слѣдствіе. Я не видалъ слѣдствія и не знаю, какъ оно производилось, ибо

я тогда уже отдалялся отъ дѣлъ; но знаю, что Севарземидзевъ истинно не былъ правъ. И онъ уѣхалъ изъ Карабабы въ Грузію, лишился послѣ того и бригады съ переводомъ по арміи, а теперь находится подъ судомъ за безпорядки произведенные имъ въ дистанціи Памбахской, когда онъ тамъ квартировалъ со своимъ полкомъ.

Передъ выступленіемъ Паскевича изъ Карабабы уѣхалъ еще на Донъ генералъ-лейтенантъ Иловайскій, кажется, также по неудовольствіямъ съ начальствомъ; но въ чемъ сіи неудовольствія состояли, того не знаю.

Послѣ выступленія Паскевича пріѣхалъ ко мнѣ изъ Петербурга шуринъ мой, Егоръ Ахвердовъ, выпущеный изъ школы гвардейскихъ юнкеровъ, кажется, за неспособностію къ наукамъ, въ армію. Онъ опредѣлился въ 7-й карабинерный полкъ и оставался при мнѣ во все время экспедиціи къ Тавризу. Многія заботы мои для образованія его и внушенія ему надлежащихъ понятій были большею частью тщетны. Запущенное воспитаніе его послѣ смерти отца его и дурныя склонности его препятствовали ему всегда дѣйствовать по моимъ наставленіямъ, не взирая на доброе его сердце и даже способности, которыя затмѣвались лѣнью. Не менѣе того родственная связь наша заставляла меня заботиться о немъ. Я доставилъ ему нѣкоторыя выгоды по службѣ и видѣлъ нѣсколько успѣховъ; но успѣхи сіи не упрочивались постоянными занятіями, такъ что я къ сожалѣнію моему терялъ и надежду видѣть его когда либо порядочнымъ человѣкомъ...

Сакенъ все еще оставался въ Аббасъ-Абадѣ и предпринялъ движеніе противъ непріятеля, вѣроятно по личному разрѣшенію главнокомандующаго, съ коимъ онъ видѣлся въ Нахичеванѣ. Движеніе сіе съ малымъ числомъ войскъ было смѣлое...

Въ сей экспедиціи произошло какое-то несогласіе между Сакеномъ и Поповымъ, командиромъ Херсонскаго полка, вслѣдствіе вражды, существовавшей между ними еще во время пребыванія ихъ вмѣстѣ въ Аббасъ-Абадѣ, причиною коей была несходственность нравовъ. Сакенъ былъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, взыскательный начальникъ. Поповъ, напротивъ того, мало занимался службою и любилъ время свое проводить праздно.

Сакенъ просилъ прибавленія войскъ вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предпринять еще экспедицію и пуститься дальше, оставя при томъ достаточный гарнизонъ въ Аббасъ-Абадѣ, въ коемъ онъ укрылъ правый берегъ рѣки небольшимъ кронверкомъ, пристроеннымъ къ прежде бывшему, который и названъ Сакенскимъ укрѣпленіемъ. Но у насъ не было ни средствъ, ни надобности снабжать его свѣжими войсками, предназначавшимися для другой цѣли...

Въ Тифлисѣ, до выступленія еще нашего, были большія хлопоты по снаряженію мостовъ для перехода черезъ Араксъ, и два моста съ собою взяли: первый назывался арбяннымъ и состоялъ изъ арбъ отдѣланныхъ Русскими мастерами, на которыя укладывались доски для помоста; самыя же арбы должны были служить вмѣсто козловъ или свай и становиться въ водѣ одна подлѣ другой. Мостъ сей повезли изъ Тифлиса и бросили въ Джелалъ-Оглу, гдѣ онъ и теперь стоитъ, потому что всѣ сіи арбы поломались и быки большею частью подохли. Другой мостъ бурдючный состоялъ изъ воловьихъ цѣльныхъ кожъ, которыя надувались воздухомъ, прикрѣплялись одна къ другой и кромѣ того якорями къ берегамъ, а на нихъ клались настилки изъ досокъ. Мостъ сей былъ наведенъ на Араксѣ близъ Аббадъ-Абада и намъ нѣсколько служилъ; но его часто рвало вѣтромъ и волненіемъ, и потому Сакенъ придумалъ лучше поставить мостъ изъ Грузинскихъ арбъ, и мостъ сей довольно хорошо держался. Впрочемъ я не сомнѣваюсь, чтобы и бурдючный мостъ, при лучшемъ устройствѣ, не былъ способенъ, и безъ сомнѣнія должно отдать Паскевичу справедливость въ томъ, что онъ испыталъ всѣ средства къ переходу черезъ Араксъ.

Кромѣ сего были еще куплены въ Кахетіи два челна, которые также везлись съ нами, помнится мнѣ, и не знаю куда дѣвались; на нихъ предполагалось перевезти первыхъ застрѣльщиковъ или перевощиковъ на непріятельскій берегъ, въ случаѣ еслибъ насъ встрѣтили Персіяне на Араксѣ...

Не знаю, имѣлъ ли я гдѣ либо случай въ сихъ Запискахъ упоминать о генералѣ Панкратьевѣ. Человѣкъ сей во многихъ отношеніяхъ весьма достойный; онъ хорошо воспитанъ и образованъ и, кажется, твердыхъ правилъ, но къ сожалѣнію имѣетъ мнительный нравъ, отъ коего ему часто кажутся умыслы тамъ, гдѣ ихъ не бываетъ. Отъ того онъ недовѣрчивъ къ людямъ, кромѣ сего имѣетъ склонность къ ипохондріи, ибо онъ тогда не давно только что овдовѣлъ и прибылъ изъ Россіи. Впрочемъ я съ нимъ всегда уживался, и онъ, казалось, былъ склоненъ довѣрять мнѣ.

Носился слухъ, что Персидская конница, переправившись черезъ Араксъ противъ Шаруля, грабитъ селенія между Нахичеваномъ и Эриванью; говорили, что передовой отрядъ сей усиливается; наконецъ, лазутчики мною посланные, всходя на горы, видѣли непріятельскій лагерь; одинъ же изъ лазутчиковъ хвалился, что былъ въ самомъ лагерѣ Персидскомъ и что пересчиталъ орудія, коихъ было 13 (другіе послѣ говорили, что ихъ было только 7), что онъ видѣлъ, наконецъ, самаго Аббасъ-Мирзу, который послѣ Ушаганскаго сраженія отошелъ отъ Эчміадзина и Сердарабада, перешелъ сперва на правый берегъ Аракса,

прошелъ по немъ нѣсколько, переправился опять на лѣвый берегъ противъ Шарульдага со всѣмъ своимъ войскомъ (до 20,000 пѣхоты и кавалеріи), занялъ позицію въ Шарулѣ близъ рѣки Арпачая, прекратилъ сообщенія Нахичевана съ Эриванью и занимался сборомъ продовольствія въ богатыхъ хлѣбомъ деревняхъ Шарульскихъ. Карапапахцы, передавшіеся прежде къ намъ, опять перешли на сторону Персіянъ. Изъ людей посылаемыхъ нами въ Эривань, нѣкоторые были пойманы и казнены. Говорили также, что Аббасъ-Мирза, узнавши о маломъ количествѣ войскъ оставшихся въ Карабабѣ, хотѣлъ напасть на оныя со всѣми своими силами, взявши сперва Нахичевань, въ чемъ долженъ былъ ему содѣйствовать Ибрагимъ-сердарь, находившійся съ конницею въ Дарадизскомъ ущельи что̀ за Араксомъ, по дорогѣ въ Маранду.

Послѣ сихъ извѣстій нельзя было ожидать долѣе въ Карабабѣ привозки всего провіанта и прибытія всѣхъ войскъ, дабы выступать. А потому и рѣшено было послать къ Чавчавадзеву повелѣніе, дабы онъ немедленно выступилъ со всѣми находящимися у него войсками и присоединился къ намъ подъ Нахичеваномъ; но предписаніе сіе, отправленное изъ штаба безъ надлежащаго вниманія, дошло до половины дороги и возвращено казаками обратно въ Карабабу; потому что оно было послано по безпечности или ошибкѣ адъютанта Тарановскаго по старой дорогѣ, которая была уже оставлена и сообщеніе было уже устроено по новой дорогѣ черезъ Ахъ-караванъ-сарай. Предписаніе сіе было вторично отправлено, и отъ сего Чавчавадзевъ выступилъ почти цѣлыми сутками позже.

11-го числа мы тронулись изъ Карабабы поздно и, отошедши 7 верстъ, остановились лагеремъ на весьма выгодной позиціи, къ которой сходились двѣ дороги, одна изъ Нахичевана, а другая изъ Хойка, откуда можно было ожидать Аббасъ-Мирзу. Мы выступили съ наличными войсками и въ Карабабѣ оставили только прикрытіе при тяжестяхъ, въ числѣ коихъ дипломатической корпусъ и интендантство съ интендантомъ.

Тутъ мы получили шифрованное предписаніе Паскевича къ Эристову отъ 8-го Сентября слѣдующаго содержанія:

„Непріятель, кажется, отходитъ отсюда прочь, и по полученнымъ свѣдѣніямъ намѣревается остановиться въ Макинскомъ магалѣ. Увѣдомляя о семъ ваше сіятельство, прилагаю для вашего руководства слѣдующія мои предположенія".

„Если бы непріятель съ нынѣшними его силами, не имѣя много пѣхоты, сталъ бы передъ вами дѣлать движенія, то, собравъ всѣ силы ваши и оставивъ только около 2-хъ ротъ для гарнизона Аббасъ Абадскаго, если онъ противъ васъ пойдетъ, атакуйте его рѣшительно. Ежели же онъ расположился въ какомъ-нибудь крытомъ ущельи, или другой какой выгодной позиціи, которую атаковать было бы ненадежно, или еслибъ онъ силы

свои значительно увеличилъ присоединеніемъ къ себѣ другихъ отрядовъ, то довольствуйтесь наблюдать за нимъ, занимая по усмотрѣнію вашему позицію на Араксѣ, или при Нахичеванѣ, дабы отвлечь его вниманіе отъ Эривани. Угрожайте Тавризской дорогѣ переходомъ черезъ Араксъ и во всякомъ случаѣ старайтесь не допускать его сюда направиться, дабы онъ не могъ замедлить здѣсь осадныхъ работъ; въ случаѣ еслибъ онъ пошелъ къ Эривани, то послѣдуйте за нимъ до самаго Шаруля, стараясь меня заблаговременно о томъ увѣдомить".

Изъ сего предписанія явствовало намѣреніе Паскевича, дабы мы отвлекали непріятеля отъ Эривани, коей онъ хотѣлъ произвести безпрепятственно осаду, и всѣ наши дѣйствія соотвѣтствовали той цѣли.

12-го числа, по подтвердившимся извѣстіямъ о непріятелѣ, лагерь нашъ подвинулся къ Нахичевану, отъ коего не доходя 12 верстъ остановился при селеніи Кюлтепе...

Для шифрировки рапорта былъ мною взятъ изъ числа дипломатическихъ чиновниковъ Шомбургъ, который зналъ ключъ сихъ цифровъ. Шомбургъ находился при мнѣ все время экспедиціи къ Тавризу и былъ употребленъ мною по разнымъ переговорамъ съ Персіянами.

Пѣхотные полки Тенгинскій и Навагинскій (бригада 22-й дивизіи), прошедшіе черезъ Дагестанъ и берегами Каспійскаго моря, имѣли баталіоны почти въ полномъ комплектѣ, т. е. около или болѣе 1000 человѣкъ рядовыхъ въ каждомъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уменьшились въ третью или четвертую долю. Причиною сему безъ сомнѣнія дурныя распоряженія начальства, которое не хотѣло взять мѣръ для сбереженія людей; ибо ихъ послали въ самое знойное и убійственное время въ Сальяны и на берега Куры, гдѣ нѣтъ возможности жить лѣтомъ. Войска сіи, какъ равно и часть Куринскаго полка, погибли большею частью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они занимались провожаніемъ вверхъ по рѣкѣ Курѣ провіанта, доставлявшагося моремъ изъ Астрахани и коему складочное мѣсто было сдѣлано въ Сальянахъ при устьяхъ Куры. Нѣтъ сомнѣнія, сіе средство продовольствія обезпечило войска и дало возможность продолжать военныя дѣйствія; но нѣтъ также сомнѣнія, что, употребивъ только часть людей на сіе дѣло и оставивъ сильные резервы въ здоровыхъ мѣстахъ близъ Куры, избѣжали бы столь сильной смертности. Словомъ, не было взято никакихъ ровно мѣръ, дабы сберечь людей, и они гибли. Умерло также множество офицеровъ.

Мысль о сплавливаніи хлѣба вверхъ по Курѣ была еще изслѣдована Алексѣемъ Петровичемъ. Первые опыты были при немъ сдѣланы подъ руководствомъ генералъ-маіора фонъ-Краббе, флота лейтенантомъ Гембачемъ. Паскевичъ продолжалъ только сіе дѣло и, правда, много заботился объ успѣхѣ онаго; генералъ-интендантъ же Жуковскій присвоилъ себѣ изобрѣтеніе сего, говоря, что онъ симъ сберегъ миліоны

для казны: ибо доставленіе провіанта изъ Астрахани черезъ Кавказскія горы, по Военно-Грузинской дорогѣ, стоило бы огромныхъ издержекъ. Истина довольно ясная, которая не могла ни отъ кого укрыться и не принадлежала никогда Жуковскому.

Въ началѣ еще войны, когда набѣжало на Грузію племя полуумныхъ корыстолюбцевъ и безпонятныхъ начальниковъ и чиновниковъ, обѣщавшихъ преобразовать край сей, между прочими явился и полковникъ К—нъ. Сему человѣку предшествовала его дурная слава. Уже знали, что онъ былъ трусъ, шпіонъ и безчестный игрокъ; знали, что онъ, находясь еще при главнокомандующемъ 1-ой арміи Барклаѣ-де-Толли, былъ кѣмъ-то битъ за безчестные его поступки. Онъ уже состоялъ по арміи, когда къ намъ прибылъ, и вскорѣ получилъ порученіе ѣхать на устье Куры наблюдать и доносить о поступкахъ старшихъ его начальниковъ въ той странѣ, какъ равно имѣть и наблюденіе за сплавомъ провіанта по Курѣ. Паскевичъ, давшій ему сіе порученіе, показывалъ ему довѣренность свою и расположеніе; но К—нъ вскорѣ оказался чѣмъ онъ былъ. Онъ бѣжалъ изъ Сальянъ при появленіи небольшой партіи Персіянъ, выведя и войска, находившіяся тамъ подъ его начальствомъ, и оставилъ такимъ образомъ въ рукахъ непріятеля значительные запасы хлѣба; кромѣ того далъ Персіянамъ сжечь самый городъ Сальяны и увести въ плѣнъ большую часть жителей онаго и окрестъ-лежащихъ деревень и весь скотъ ихъ. Когда Персіяне погнали свою добычу, то онъ пустился ихъ преслѣдовать и отбилъ у нихъ до 5000 штукъ скота, принадлежавшаго нашимъ же жителямъ, и показалъ сей скотъ на приходъ въ казну. Скотомъ симъ, который полагали взятымъ у непріятеля, хотѣли пополнить убыль, происшедшую въ казенныхъ транспортахъ; но по повѣркѣ оказалось, что только нѣсколько сотъ къ тому годилось, изъ прочаго часть не оказалась, а часть вышла негодная къ сему предмету, ибо состояла изъ телятъ и неспособнаго ни къ чему скота. Кажется, что по дѣлу сему производилось слѣдствіе и что, кромѣ незнанія и робкости К—на, открыты были еще злоупотребленія; не знаю, чѣмъ дѣло сіе кончилось, только К—на произвели въ генералъ-маіоры, онъ зимою 1828-го года пріѣхалъ въ Тифлисъ, нигдѣ не показывался и потомъ изчезъ; говорили, что онъ уѣхалъ въ Россію и что въ прошлую Турецкую войну въ распоряженіе его дали управленіе транспортами.

Бригадою 22-й дивизіи командовалъ генералъ-маіоръ Раль. Самъ дивизіонный начальникъ Турчаниновъ тутъ же былъ; но всѣ сіи люди, новые въ дѣлѣ и не движимые желаніемъ общаго блага, не принимали на себя труда входить въ состояніе ввѣренныхъ имъ частей, которыя

и погубили. Остатки несчастной бригады сей находились въ зимней экспедиціи графа Сухтелена при взятіи крѣпости Ардебиля.

Киржимы суть плоскодонныя обывательскія суда съ однимъ парусомъ, самыя удобныя при мелководіи. Устья рѣки Куры, разливающейся на много рукавовъ, столь мелки, что въ иныхъ незамѣтно даже теченіе воды. Въ 1821-мъ году, при возвращеніи моемъ изъ Туркменіи, въѣзжая на лодкѣ въ одно изъ устьевъ Куры, мы потеряли совершенно фарватеръ, и лодку потащили 200 или 300 сажень по бѣлому илу, на коемъ въ иныхъ мѣстахъ едва была замѣтна струя, имѣвшая шириною вершка 2, а глубиною съ ¼ вершка. Когда же лодку протащили сіе пространство, и уже я въѣхалъ въ самую Куру, то она имѣла достаточную глубину. Сѣверный рукавъ сей рѣки, который, помнится мнѣ, называется Армянскимъ, есть самый лучшій для въѣзда. Далѣе вверхъ по Курѣ встрѣчаются въ иныхъ мѣстахъ карги или пни, которыхъ можно избѣжать только съ большою осторожностью. Въ плаваніи по рѣкѣ Курѣ имѣетъ нынѣ особенную опытность лейтенантъ Гембачъ. Далѣе Мингигаура къ Тифлису, всѣ дѣланные опыты еще при Ртищевѣ не удались, по причинѣ пороговъ, находящихся на сей рѣкѣ выше Мингигаура. Не менѣе того не перестаютъ говорить и помышлять о ярмаркѣ, которую бы можно устроить при Мингигаурѣ и на которую пріѣзжали бы водою изъ Россіи купцы; но ничего не предпринимаютъ.

Плаваніе по рѣкѣ Араксу было мною однажды предложено къ изслѣдованію Паскевичу. Онъ принялъ мысль сію съ удовольствіемъ и говорилъ мнѣ тогда, что приказывалъ изслѣдовать плаваніе сіе и что оно оказалось невозможнымъ по причинѣ пней и карчей; но сіе еще не есть причина, и пока я лично не удостовѣрюсь въ сей невозможности, я оной не буду вѣрить. Выгоды же отъ сего плаванія были бы очень велики; ибо Араксъ течетъ мимо Саганлускихъ горъ, что между Карсомъ и Эрзерумомъ, покрытыхъ сосновыми строевыми лѣсами, которые могли бы снабжать всю безлѣсную провинцію Эриванскую и еще имѣть большой сбытъ въ Персіи. Кромѣ сихъ выгодъ предстоятъ еще тѣ, которыя представляетъ ввозъ товаровъ вверхъ по рѣкѣ. Но всѣ предметы сіи еще не обработаны, начальство не обратило на нихъ должнаго вниманія, и они остаются безъ надлежащаго изслѣдованія, не принося намъ той пользы, которую бы отъ оныхъ можно было ожидать...

Понтонный мостъ былъ съ полуротой выписанъ изъ Россіи для переправы черезъ Араксъ; его привезли съ большими издержками и навели въ Карабабѣ на Араксъ, но, кажется, безъ пользы: ибо быстрота рѣки, сколько мнѣ помнится, попортила его, и оный теперь находится

въ Башкечетѣ, гдѣ казна дорогою цѣною содержитъ лошадей сего полупарка безъ всякой надобности...

Карабахская конница была химера, которая не состоялась: Карабахцы были слишкомъ преданы Персіянамъ и ожидали еще ихъ вторженія, а потому и не выставляли ожидаемой отъ нихъ конницы.

Роты 42-го Егерскаго полка поставлены были въ Агджибетѣ, также безъ всякаго вниманія со стороны начальства. Мѣсто сіе гибельное и погубило у насъ много офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ теченіи лѣта 1827-го года.

Всѣ извѣстія о непріятелѣ только тревожили насъ понапрасну. Это правда, что войска были разбросаны, было множество больныхъ, и если бы Персіяне вздумали сдѣлать хорошій набѣгъ, то они бы много нанесли намъ убытковъ и сдѣлали бъ вреда; но они ничего не предприняли важнаго, и транспортировка провіанта, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, продолжалась благополучно.

О движеніи шаха были также всегдашнія извѣстія; но, кажется, что когда Аббасъ-Мирза пошелъ отъ Хоя къ Эривани, то шахъ прошелъ отъ Хоя къ Марандѣ, гдѣ онъ простоялъ нѣсколько времени съ войскомъ и послѣ того возвратился въ Тегеранъ.

Дабы частныя движенія войскъ были яснѣе, считаю нужнымъ при семъ изложить нѣкоторое описаніе края того.

Карабаба, Нахичеванъ, Аббасъ-Абадъ, Каразіадзинъ, Чорсъ и Хой, сколько мнѣ помнится, лежатъ почти по одному направленію, считая съ Сѣвера на Югъ. Линію сію пересѣкаетъ почти перпендикулярно большая дорога, ведущая изъ Эривани въ Тавризъ, на коей находятся Шаруль, Хокъ, Нахичеванъ, Джулфа, Маранда, считая съ Запада на Востокъ.

Городъ Нахичевань построенъ на уступѣ, имѣющемъ отъ 20-ти до 40 саженъ отвѣсной вышины и весь состоитъ въ садахъ. Рѣчка, вытекающая изъ горы позади Карабабы, почти вся выведена на каналы для орошенія полей. Уступъ сей идетъ все возвышаясь вверхъ по той рѣчкѣ, сперва лощиною, а потомъ ущельемъ. Отъ уступа сего, огибающаго городъ вплоть, съ южной и западной стороны идетъ къ Араксу и къ Хоку низменная равнина. Деревня Кюлтепе, при коей мы стояли лагеремъ, въ 12-ти верстахъ не доходя Нахичевана, находилась на первой линіи. Нахичевань, гдѣ находился отрядъ Сакена, составлялъ центръ нашей позиціи, обращенной лицемъ къ Хоку или Эривани, откуда ожидали Аббасъ-Мирзу. Отрядъ, при коемъ мы были, составлялъ, на 12 верстъ отъ центра сего, правое крыло. На такомъ же разстояніи отъ сего центра влѣво на Араксѣ гарнизонъ Аббасъ-Абадской крѣпости составлялъ лѣвое крыло. На семъ положеніи войскъ

основано было распоряженіе, изложенное въ предписаніи князя Эристова къ Сакену, и непріятель, атакуя центръ, былъ бы самъ атакованъ во фланги; атакуя Эристова, былъ бы взять во флангъ Сакеномъ. Для лучшаго удостовѣренія въ семъ я посылалъ подполковника Эспехо (путей сообщенія), находившагося при мнѣ въ должности квартирмейстера, осмотрѣть всѣ дороги, которыя намъ нужны были для приведенія въ исполненіе предположенныхъ движеній. Предположенія сіи были сдѣланы потому, что (такъ какъ всѣ наши силы еще не собрались) мы хотѣли до сбора оныхъ не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій и держаться до того времени въ оборонительномъ состояніи; но 14-го числа къ вечеру пришла уже часть конницы Чавчавадзе, остальную ожидали на другой день, съ однимъ, помнится мнѣ, еще баталіономъ Нашебургскаго полка, и потому того числа ввечеру мы подвинулись къ Нахичевану, пройдя городъ, соединились съ Сакеномъ и заняли позицію на западной сторонѣ города.

Въ сей же день было сдѣлано назначеніе начальниковъ: Панкратьевъ былъ названъ начальникомъ всей пѣхоты, а Сакенъ всей кавалеріи, чѣмъ они оба остались довольны.

Остальная конница и Нашебургскій батальонъ на другой день прибыли только въ 12-мъ часу передъ полднемъ. Сіе было причиною, что и наступательнаго движенія нельзя было предпринять прежде того времени. Между тѣмъ непріятель, не имѣя вѣроятно настоящихъ свѣдѣній о нашихъ силахъ, подвигался смѣло впередъ къ Нахичевану, и передовые его показались у караульной башни, что́ въ семи верстахъ отъ Нахичевана. Казачій пикетъ, который тамъ находился, поспѣшно оставилъ мѣсто свое. Офицеры, которыхъ я посылалъ осмотрѣть непріятеля за горою тянущагося, говорили, что онъ подвигается въ большихъ силахъ и густыми колоннами. Полковникъ Леоновъ (человѣкъ испытанный своею несмѣлостію) не переставалъ уже нѣсколько дней надоѣдать объ опасности, въ коей полкъ его находился въ лагерѣ нашемъ, не будучи прикрытъ ни орудіями, ни пѣхотою. Замѣтно было, что нѣкоторые духомъ ослабѣли. Долгорукій, командовавшій Черноморскою бригадою, казался мнѣ въ томъ числѣ; но Эристовъ, Сакенъ и Панкратьевъ требовали настоятельно движенія впередъ, отъ коего я ихъ удерживалъ въ ожиданіи всѣхъ нашихъ силъ и приближенія непріятеля, котораго нельзя было (какъ я изъ опыта зналъ) настичь, если его близко не подпустить. Между тѣмъ мы составили и начертили нашъ ордръ-де-баталь, коего чертежи роздали начальникамъ и который мы взяли съ таковаго же генерала Паскевича въ Елисаветпольскомъ сраженіи, нами признаннаго самымъ удобнымъ противъ

здѣшняго непріятеля, а именно: двѣ линіи пѣхоты въ колоннахъ, одна линія кавалеріи за оными и резервъ пѣхоты въ четвертой линіи.

Симъ боевымъ порядкомъ можно было навести на себя непріятеля, не заводя пустой перестрѣлки, удержать его стремленіе сильною артилеріею, поставленною въ интервалахъ колоннъ первой линіи и обогнуть его фланги быстрою атакою кавалеріи, коль скоро дѣйствіе артилеріи начинало бы его приводить въ разстройство. Симъ боевымъ порядкомъ, кромѣ выше названныхъ выгодъ, обезпечивались еще фланги и тылъ, при коихъ имѣются также орудія. Боевой порядокъ сей можно уподобить густой кареѣ, коей передній фасъ самый сильный и въ срединѣ коего находится вся конница, или сокрыты средства къ преслѣдованію съ настиженіемъ разстроеннаго артилеріею непріятеля.

Въ числѣ войскъ, составлявшихъ отрядъ сей, была одна сводная рота, составленная мною въ Карабабѣ передъ выступленіемъ, изъ людей выздоровѣвшихъ и принадлежавшихъ къ полкамъ ушедшимъ къ Эривани. Я назначилъ было сначала командиромъ сей роты капитана Нѣжинца, котораго однажды Паскевичъ выбралъ въ корпусные адъютанты, полагая въ немъ найти офицера смышленаго и усерднаго; но на мѣсто того я увидѣлъ, что человѣкъ сей былъ непомѣрно глупъ, лѣнивъ и нерадивъ, и кромѣ того былъ въ надеждѣ на покровительство Паскевича. Отъ сего онъ и отрапортовался больнымъ, чтобы не командовать сводною ротою, желая отклониться отъ походовъ, къ коимъ онъ особенной склонности не имѣетъ. Рота сія была поручена поручику Вишневскому, Тифлисскаго полка, и со временемъ обратилась въ батальонъ, который меня особенно занималъ, какъ собственное мое произведеніе. Черноморскія сотни имѣли не болѣе 50-ти человѣкъ каждая, такъ что весь отрядъ нашъ имѣлъ на провіантѣ около 5000 человѣкъ.

Чавчевадзе пришелъ къ 12-му числу и принималъ еще сухари, какъ выступленіе было уже рѣшено. Мнѣнія были различныя; иные полагали идти черезъ Аббасъ-Абадъ, оставя прикрытіе въ Нахичеванѣ, переправиться черезъ Араксъ и дѣйствовать на бродъ, черезъ который переправился Аббасъ-Мирза съ праваго берега рѣки, полагая, что онъ, увидѣвъ столь значительныя наши силы, не рѣшится насъ атаковать, а будетъ отступать. Другіе, и я въ томъ числѣ, полагали лучше идти самымъ лѣвымъ берегомъ Аракса, вверхъ до брода. Сіе было основано на томъ, что Аббасъ-Мирза на насъ подвигался по большой дорогѣ на караульную башню, идущей въ паралель рѣки, но верстахъ въ 6-ти отъ оной, и что, взявъ ближнюю дорогу по самому берегу рѣки, можно было предупредить его на броду (ибо не было сомнѣнія, что онъ будетъ отступать). Но нѣкоторые проводники говорили, что берегомъ орудія не могутъ пройти, а потому и пустилъ я по сей

дорогѣ авангардомъ Черноморскую бригаду съ Долгорукимъ, приказавъ ему отыскать бродъ черезъ Араксъ, и при первой возможности переправиться на правый берегъ, дабы дѣйствовать непріятелю въ тылъ.

Между тѣмъ Эристовъ, видя, что передовые пикеты непріятельскіе погнали уже нашихъ казаковъ отъ караульной башни, выходилъ изъ себя, что его не пускаютъ съ пушками скакать на встрѣчу къ симъ всадникамъ непріятельскимъ и по нимъ стрѣлять: ибо человѣкъ сей, не взирая на то, что уже давно въ Русской службѣ, не потерялъ еще понятій Азіатцевъ о войнѣ, заключающихся въ наѣздничествѣ нѣсколькихъ всадниковъ, рѣшающихъ все дѣло, и въ большой надеждѣ на пушки, которыя по мнѣнію ихъ стрѣляютъ очень далеко и крѣпко, а потому могутъ всякое дѣло кончить съ выгодою. Эристовъ же не упустилъ бы случая преслѣдовать и стрѣлять изъ всѣхъ орудій по одному всаднику, не заботясь о прочемъ. Сакенъ, полагая, что кавалерія есть единственное оружіе для начинанія и окончанія блистательныхъ дѣлъ, не могъ болѣе удержать неопытнаго порыва своего и отправился впередъ съ уланами, едва сказавши слово Эристову и увлекши съ собою Чавчавадзе; а вслѣдъ за нимъ отдано было приказаніе выступить и всему отряду къ караульной башнѣ. Эристовъ все надѣялся захватить Персидскихъ всадниковъ, которые его ужасно бѣсили.

Войска шли въ безпорядкѣ, обгоняя другъ друга и не запасшись провіантомъ, который велѣно было взять. Мы такимъ образомъ подвинулись очень быстро къ караульной башнѣ, отъ которой Персидскіе караулы поспѣшно ускакали, и мы увидѣли толпу конницы ихъ, человѣкъ въ 700, которая съ большою поспѣшностью отступала уже не по большой дорогѣ, а вкось, оставя оную и пробираясь къ броду Кейгачъ, находящемуся отъ Нахичевана въ 25-ти верстахъ. Сакенъ съ уланами быстро преслѣдовалъ Персіянъ, но не могъ настичь ихъ. Я надѣялся, что Долгорукой отрѣжетъ имъ дорогу къ броду; но онъ слишкомъ медленно подвигался, и я узналъ послѣ, что, вопреки данныхъ ему приказаній, онъ замедлялъ движеніе свое, опасаясь столкнуться съ превосходнымъ непріятелемъ. Сакену я нѣсколько разъ посылалъ сказывать, дабы онъ съ большею осторожностью впередъ подвигался, и не иначе какъ открывъ Долгорукова, подвигавшагося у него на лѣвомъ флангѣ по берегу рѣки; но Долгоруковъ не показывался. Сакенъ гнался впередъ, и очень счастливо, что не наткнулся на пѣхоту.

Отъ караульной башни открывалась намъ вся безводная равнина, по коей Сакенъ вдали гнался съ тщетными усиліями за Персіянами. Тутъ съѣхался съ нами генералъ-маіоръ Панкратьевъ. Разсуждали, какъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, прямо ли къ броду Кейгачъ, гдѣ онъ, казалось, переправлялся, или переправиться черезъ Араксъ у

Аббасъ-Абада, дабы отрѣзать ему дорогу къ Хою. Первымъ средствомъ мы могли еще надѣяться настичь хвостъ онаго у брода, а вторымъ средствомъ едва ли бы мы могли отрѣзать его отъ Хоя; ибо намъ надобно было верстъ до 12-ти пройти прежде назадъ къ Аббасъ-Абаду, и послѣ того еще выиграть все сіе разстояніе на правомъ берегу рѣки. При томъ же кавалерія наша была очень далеко впереди. А потому и рѣшились не останавливаясь спѣшить къ броду Кейгачъ, откуда замѣтна была пыль тянущихся войскъ за высотами, которыя у насъ были спереди нѣсколько направо. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, что Аббасъ-Мирза, шедшій къ Нахичевану, узнавъ о нашихъ силахъ, немедленно повернулъ направо и, слѣдуя правымъ своимъ флангомъ, спѣшилъ переправиться черезъ рѣку Араксъ, до прибытія нашего къ броду, что ему и удалось сдѣлать.

Итакъ мы пошли по дорогѣ прямо къ броду, оставя большую Эриванскую дорогу вправѣ. Пространство, по коему мы шли, состояло изъ равнины безъ всякихъ произрастеній; пыль, зной и безводіе утомляли людей нашихъ; впереди была слышна канонада, ибо Сакенъ засталъ еще послѣднихъ переправлявшихся всадниковъ. При бродѣ Кейгачѣ на обоихъ берегахъ Аракса имѣются по одному высокому бугру на каждомъ. Аббасъ-Мирза, переправившись, занялъ бугоръ праваго берега и, поставивши на оный пѣхоту свою, началъ обкапываться; но такъ какъ для работъ сихъ не имѣлъ онъ ни времени, ни (какъ кажется) инструмента, то и успѣлъ онъ только нѣсколько взрыть землю штыками, не сдѣлавъ никакого укрѣпленія. Онъ самъ находился на семъ бугрѣ, на коемъ его видѣли на сѣромъ конѣ. Кавалерія его остановилась нѣсколько времени на правомъ берегу рѣки для прикрытія 4-хъ орудій, поставленныхъ въ кустахъ, и дѣйствіемъ ихъ онъ хотѣлъ остановить насъ, дабы выиграть время къ отправленію назадъ къ Хою тяжестей.

Сакенъ прибылъ съ кавалеріею къ берегу; къ нему присоединился и Долгоруковъ. Персіяне открыли немедленно огонь изъ орудій по нашей кавалеріи, въ которой у насъ ранено было въ сей день улановъ 2, казакъ 1; почему и отвелъ онъ войска за бугоръ, гдѣ построилъ онъ кавалерію свою въ каре (строй, котораго выгоду онъ давно старался доказать для кавалеріи). Два орудія конной артилеріи, съ нимъ находившіяся, были выдвинуты впередъ и открыли дѣйствія по Персидскимъ орудіямъ. Надобно сказать, что огонь сихъ 6-ти орудій былъ почти безпрерывный, такъ что можно было полагать, судя по стуку, что въ дѣлѣ было по крайней мѣрѣ 12 или 18 орудій. Два другихъ конныхъ орудія той же № 13 роты, капитана Костыря, держась отдѣльно, не могли поспѣть къ тому времени. Они выступили изъ подъ

Нахичевана позже первыхъ двухъ, потому что позже пришли въ лагерь нашъ съ кавалеріею. Лошади подъ сими орудіями были столь изнурены, что едва двигались и потому не поспѣли къ дѣлу.

Изъ раненыхъ въ семъ дѣлѣ людей одинъ уланъ получилъ весьма странную рану: у него была прострѣлена ляжка ниже кости ядромъ, такъ что безъ малѣйшаго повреждевія кости у него сдѣлалось въ ногѣ круглое, правильное сквозное отверстіе. Я его увидѣлъ нѣсколько дней послѣ того въ Аббасъ-Абадскомъ гошпиталѣ, и онъ даже не былъ труденъ.

Сакенъ не рѣшился переправиться съ одною кавалеріею на другой берегъ и очень благоразумно поступилъ въ семъ случаѣ; ибо непріятельская пѣхота была еще вблизи берега. Когда же наша пѣхотная колонна стала подвигаться, то Персидская пѣхота стала отступать. Взъѣхавши на небольшое возвышеніе, подъ которымъ пѣхота наша на четверть часа остановилась, мы увидѣли длинную колонну Персидскихъ войскъ, которая тянулась къ Хою; намъ казалось, что тутъ было 12,000 кромѣ тѣхъ войскъ, которыя до сего еще могли уйти. Подходя къ берегу рѣки, помнится мнѣ, видно было въ кустахъ еще нѣсколько фланкёровъ непріятельскихъ на той сторонѣ; но орудія уже были увезены. Между тѣмъ бугоръ, на которомъ находился Аббасъ-Мирза, казался намъ еще занятымъ; ибо на вершинахъ онаго видны были набросанные на взрытой землѣ кусты, которые казались намъ издали фронтомъ пѣхоты, а среди оныхъ возвышавшійся кустъ принятъ нами былъ за начальника или самаго Аббасъ-Мирзу. Я отъѣхалъ отъ колонны нѣсколько впередъ и подъѣзжалъ уже къ кавалеріи нашей, какъ услышалъ сзади пушечный выстрѣлъ, коего ядро пролетѣло мимо Черноморскихъ казаковъ, ведшихъ лошадей своихъ на водопой по окончаніи дѣла (ибо огонь уже прекратился, и на томъ берегу видно было только нѣсколько всадниковъ непріятельскихъ). Я узналъ вскорѣ, что выстрѣлъ сей былъ сдѣланъ полковникомъ Сабуровымъ, хотѣвшимъ отличиться, изъ батарейнаго орудія черезъ Араксъ на разстояніе 2½ верстъ почти по непріятелю, коего онъ подозрѣвалъ въ томъ мѣстѣ.

Прибывъ къ Сакену, я взлѣзъ на высокій бугоръ, за коимъ стояли уланы, дабы лучше видѣть отступавшаго вдали непріятеля. Огонь уже былъ прекращенъ, и я ожидалъ Эристова и пѣхоту, дабы что либо предпринять. Эристовъ вскорѣ пріѣхалъ и, видя, что дѣло кончено, очень огорчился. Онъ послалъ сказать коннымъ орудіямъ, чтобы они открыли снова пальбу. Эристовъ просилъ меня, чтобы стрѣляли; я былъ того мнѣнія, чтобы по напрасну не стрѣлять. Отъ Эристова посылались одинъ офицеръ за другимъ, чтобы непремѣнно стрѣляли; но, видя, что его не слушались, онъ поскакалъ самъ къ орудіямъ, крича: Какъ, за что вы не хочешь стрѣлатъ! Я самъ хочу стрѣлатъ; братъ,

давай я буду самъ стрѣлать! Никто не посмѣлился помѣшать ему; онъ схватилъ орудіе и, подскакавъ поближе къ берегу рѣки, началъ стрѣлять по бугру, на коемъ ему казались Аббасъ-Мирза и пѣхота. Ядра ложились на половинѣ разстоянія до горы, пѣхота и Аббасъ-Мирза стояли неподвижны и оказались кустами, а Эристовъ всеобщимъ посмѣялищемъ. Онъ наконецъ угомонился и успокоился. Пѣхота вся собралась; непріятеля и пыли уже болѣе не было видно.

Бродъ черезъ Араксъ былъ довольно глубокъ. Хотѣли было переправлять пѣхоту на уланскихъ лошадяхъ; но средство сіе оказалось слишкомъ медленнымъ, а потому рѣшились такъ перейти рѣку, въ чемъ и успѣли безъ остановки. Когда мы перебрались на правый берегъ рѣки, то уже солнце закатилось, и стало смеркаться. Люди очень устали отъ 25 верстнаго труднаго перехода, лошади также изнурились отъ гоньбы за Персіянами, а потому и рѣшено было отдохнуть нѣсколько часовъ и ночью опять пуститься въ погоню за Аббасъ-Мирзою. Я занялъ лагерь предначертаннымъ боевымъ порядкомъ въ кустахъ, занялъ посты, разослалъ разъѣзды, и всѣ предались отдыху; въ томъ числѣ и Эристова я уложилъ съ тѣмъ, чтобы разбудить его, когда подниматься будетъ пора.

Я имѣлъ менѣе другихъ отдыха, ибо больше имѣлъ заботъ. Отрядъ отдыхалъ около трехъ или четырехъ часовъ, послѣ коихъ мы поднялись въ темную ночь. Прошедши версты полторы, артилерія и пѣхота отстали отъ авангарда по причинѣ встрѣтившагося на пути крутаго оврага; ибо дорогу потеряли въ темнотѣ и вопреки всѣхъ стараній не могли отыскать оную, хотя на разсвѣтѣ и оказалось, что дорога сія пролегала весьма близко того мѣста, гдѣ мы переходили оврагъ. Не было другаго средства какъ обрабатывать спускъ и подъемъ въ оврагѣ; засвѣтили фонари, поставили рабочихъ, кое какъ обдѣлали дурныя мѣста и перетащили на людяхъ артилерію; но къ тому времени уже стало разсвѣтать, и мы съ прискорбіемъ увидѣли, что едва ли отошли двѣ версты отъ Аракса. Опытъ сей и многіе подобные причиною, что я себѣ нынѣ за правило поставилъ безъ особенной надобности не предпринимать ночныхъ ни походовъ, ни путешествій.

Прошедши со всѣмъ отрядомъ еще нѣсколько верстъ по дорогѣ, которую мы вскорѣ открыли, мы замѣтили, что слѣды колесъ и войска Аббасъ-Мирзы повернули направо къ горамъ, за коими находилось урочище Шахъ-Буланъ, въ ущельи, по коему пролегаетъ прямая дорога изъ Маку̀ въ Хою, представляющая, судя по разсказамъ жителей, почти непреодолимыя затрудненія для движенія орудій.

Къ Шахъ-Булаку пробрался Аббасъ-Мирза 15-го числа послѣ отступленія его отъ брода. Отъ сильнаго перехадо сего, какъ я послѣ

узналъ, отъ большаго числа больныхъ, оказавшихся у него въ войскѣ, отъ недостатка въ продовольствіи, отъ упадка духа, неразлучнаго съ отступленіемъ войска передъ непріятелемъ, армія Аббасъ-Мирзы въ сей день пришла въ крайнее разстройство: все разсыпалось, множество людей бѣжало въ свои дома, и держался въ порядкѣ только одинъ Русскій батальонъ, находившійся съ нимъ и составленный изъ бѣглыхъ солдатъ нашихъ.

Хотя черезъ сіе движеніе Аббасъ-Мирза и могъ еще пройти, къ Хою (ибо онъ находился еще на кратчайшемъ пути, хотя почти въ равномъ съ нами разстояніи отъ сей крѣпости), но онъ уже не могъ предупредить насъ въ Каразіадзинѣ, на пути коего мы находились и куда, какъ видно, направлялся сначала Аббасъ-Мирза, оставивъ то направленіе изъ опасенія быть настигнутымъ.

Надобно замѣтить, что Каразіадзинъ находится въ прямомъ почти направленіи отъ Аббасъ-Абада къ Хою, на половинѣ почти разстоянія сего, т. е. на линіи, идущей отъ Карабабы на Югъ, къ Хою, и мы шли занимать линію сію съ поперечной, идущей изъ Эривани къ Нахичевану, сохраняя сообщеніе наше съ Аббасъ-Абадомъ, и внутреннею линіею тогда какъ непріятеля мы отбросили на затруднительную дорогу и внѣшнюю линію, чѣмъ и довершили его разстройство.

Мы подвигались цѣлый день по безводнымъ мѣстамъ, гдѣ не было замѣтно никакого произрастенія, и имѣли отъ сильнаго и труднаго перехода сего много усталыхъ. Мы потеряли также нѣкоторое число лошадей, ибо онѣ были очень изнурены бѣжаніемъ прошлаго дня, послѣ котораго простояли ночь безъ корма. Не менѣе того отрядъ нашъ шелъ въ большомъ порядкѣ: всякая часть войскъ и всѣ начальники въ своихъ мѣстахъ; усталыхъ подбирали и подсаживали на казачьихъ лошадей, такъ что отрядъ нашъ даже не растянулся.

Около половины сего перехода замѣтили мы, что вершины горъ, находившихся у насъ на правой сторонѣ, были заняты непріятельскими конными пикетами, на коихъ было замѣтно до 100 человѣкъ. Они переѣзжали на слѣдующія возвышенія и равнялись съ движеніемъ нашимъ, наблюдая насъ, почему мы и заключили, что войско Аббасъ-Мирзы тянется съ нами на равнѣ за тѣми горами, стараясь предупредить насъ на Хойской дорогѣ.

Намъ попались еще на встрѣчу вьюки какого-то купца или маркитанта Персидской арміи, который ѣхалъ къ Кейгачу, не знавъ объ отступленіи Персіянъ, и былъ нами захваченъ. Дыни, которыя у него находились, были раздѣлены между начальниками ко всеобщему нашему удовольствію, ибо мы терпѣли всѣ сильную жажду, и князь Эристовъ, остановившійся на бугрѣ, съ торжественною улыбкою, радуясь

добычѣ, дѣлилъ оную между нами. Табакъ же, который у сего продавца находился, былъ у него скупленъ; а онъ, кажется, отпущенъ или въ плѣнъ отправленъ, того не помню.

Пока Эристовъ ѣлъ съ нами дыни, нѣсколько Персіянъ спустились съ горъ, съ коихъ они насъ наблюдали. Сихъ смѣлыхъ наѣздниковъ было не болѣе 3-хъ или 4-хъ человѣкъ; но они вѣрно надѣялись на своихъ лошадей, ибо подъѣхали весьма близко къ нашимъ фланкёрамъ, по коимъ и выстрѣлили. Казаки за ними пустились, но на своихъ тяжелыхъ, навьюченныхъ, истощенныхъ лошадяхъ безъ сомнѣнія не могли настичь ихъ. Сдѣлалась скачка и перестрѣлка на флангѣ нашей колонны, которая не переставала двигаться по обширной равнинѣ. Всѣ спокойно и съ любопытствомъ смотрѣли на сіе зрѣлище, нисколько не тревожась; но Эристова начинало уже корчить. Я его удерживалъ, сколько можно; ибо онъ хотѣлъ было поднять пальбу изъ орудій по симъ тремъ Персіянамъ, говоря, что это стыдъ для нашего оружія, что они такъ смѣло подъѣзжаютъ. Но не стало, наконецъ, ни убѣжденій моихъ, ни другихъ окружавшихъ его. Онъ вдругъ вскочилъ какъ сумасшедшій и закричалъ на полковника Леонова, который вмѣстѣ съ нами дыни ѣлъ: Стыдно вамъ, полковникъ, да какой вы полковникъ, смотри братъ га!—и вмѣстѣ съ симъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ степь, приглашая громкимъ голосомъ охотниковъ за нимъ слѣдовать. Адъютанты его поскакали за нимъ, а мы всѣ остались на мѣстѣ и смѣялись. Онъ не проскакалъ полуверсты, какъ уже Персидскіе наѣздники возвратились; одинъ изъ нихъ свалился съ лошади, которую захватилъ одинъ изъ слугъ шаха или бека, хозяинъ же успѣлъ вскочить на лошадь товарища своего, который къ нему подъѣхалъ и увезъ съ собою. На сей перестрѣлкѣ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, и Персіяне, кажется, хотѣли только посмѣяться непроворству нашихъ казаковъ, въ чемъ имъ и удалось съ потерею одной лошади. Эристовъ скоро увидѣлъ конецъ мнимаго сраженія, къ коему онъ спѣшилъ, поощряя на быстромъ пути своемъ всѣхъ къ храбрости. Онъ утихъ и опомнился, поѣхалъ шагомъ и смирно, совѣстясь даже нѣсколько времени намъ въ глаза прямо смотрѣть. Онъ еще поутру сдѣлалъ было подобное же: сказали, что вдали показался разъѣздъ непріятельскій, и онъ послалъ приказаніе къ коннымъ орудіямъ сколь можно поспѣшнѣе скакать впередъ и обгонять пѣхоту. Къ счастью я случился въ то время около сихъ орудій и, давъ отъѣхать адъютанту, запретилъ капитану спѣшить, ибо и то уже лошади были очень изнурены.

Послѣ долгаго и труднаго перехода мы пришли къ оставленной деревнѣ, въ коей нашли воду и отъ коей намъ еще оставалось около двухъ верстъ до села Низикъ, куда мы предполагали придти въ тотъ

день. Близъ той деревни кончалась цѣпь горъ, находившаяся у насъ на правой сторонѣ, съ коей непріятель наблюдалъ насъ и съ коей онъ уже скрылся. Намъ надобно было соблюсти всю возможную осторожность, ибо люди подъ конецъ перехода сего начинали отставать. А потому мы остановились тутъ на короткое время, дабы собрать отрядъ. Между тѣмъ я поѣхалъ впередъ къ Назику съ подполковникомъ Эспехо, дабы осмотрѣть лагерное мѣсто. Подъѣхавъ къ Назику, мы увидѣли вправо, нѣсколько впередъ, верстахъ въ 6-ти по лощинѣ, густую непріятельскую колонну, которая остановилась и, казалось, заняла передъ нами линію, какъ будто ожидая сраженія; но мы не могли въ тотъ же день остановить непріятеля, ибо становилось уже поздно, а голова пѣхоты еще не тронулась съ привала, на коемъ ей необходимо было отдохнуть. Непріятель, казалось намъ, былъ въ числѣ 6000 человѣкъ, и мы, имѣя его въ виду, стали осматривать мѣстоположеніе, дабы занять по прибытіи войскъ позицію.

Кавалерія пришла прежде пѣхоты и заняла свое мѣсто въ резервѣ. Мы становились лѣвымъ флангомъ вплоть къ селенію Назику, правымъ по направленію къ броду Кейчачу, прикрывая тыломъ Аббасъ-Абадъ. Пѣхота пришла передъ сумерками. Мѣсто, которое войска наши занимали, было ровное; впереди лѣваго фланга нашего было небольшое возвышеніе, за которое былъ посланъ немедленно съ партіею казаковъ на рекогносцировку подполковникъ Эспехо; на правомъ нашемъ флангѣ было также продолговатое возвышеніе, которое заняли артиллеріею, поставивъ въ прикрытіе оной пѣхоту. Мы становились боевымъ порядкомъ нашимъ, и позиція наша была довольно крѣпкая.

Пѣхота едва успѣла занять назначенныя ей мѣста, а князь Эристовъ забрался въ одинъ изъ оставленныхъ жителями домовъ, какъ на высотѣ, находившейся передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, послышались ружейные выстрѣлы. Всѣ вскочили и увидѣли небольшую партію Персіянъ, на близкій пушечный выстрѣлъ, гнавшуюся за нашими казаками, поѣхавшими съ Эспехо. Въ мигъ послали Черноморцевъ къ нимъ на помощь, и Персіяне ускакали, увидѣвши на равнинѣ силы наши, на кои они вѣроятно нечаянно наѣхали. Итакъ рекогносцировка сія ничего не произвела; ничего не узнали, ибо за симъ наступила ночь. Мы имѣли въ семъ дѣлѣ двухъ казаковъ раненыхъ.

Говорятъ, что Эспехо нечаянно наткнулся на сію непріятельскую партію, которая вѣроятно на тотъ же предметъ, какъ и онъ, была выслана. Кажется, что обѣ стороны не ожидали встрѣчи сей. Эспехо будто поскакалъ назадъ, отъ чего и вся команда его пустилась бѣжать. Другіе говорятъ, что казаки первые обратились назадъ и что Эспехо нѣкоторое время оставался между ними и Персіянами, сзывая ихъ; но

что, видя ихъ быстрое отступленіе и предстоявшую ему опасность, онъ наконецъ и самъ ускакалъ. Съ симъ послѣднимъ показаніемъ соглашается шуринъ мой Егорушка Ахвердовъ, который слѣдовалъ на переходахъ съ сводною ротою, въ кою я его зачислилъ и приходилъ на ночлегъ ко мнѣ со всею своею амуниціею. Онъ увидѣлъ прежде другихъ перестрѣлку и успѣлъ вскочить съ ружьемъ своимъ на одну изъ моихъ лошадей, которая стояла осѣдланная. Онъ былъ еще малъ и ростомъ, лошадь же и ружье огромныя; онъ поскакалъ въ такомъ видѣ на помощь къ казакамъ и, остановившись съ лошадью, пустилъ нѣсколько патроновъ къ Персіянамъ. Сему поступку его много смѣялись; но нельзя было не похвалить въ немъ порыва къ бою, который со справедливостію приписали къ его храбрости. Онъ получилъ за сіе, по ходатайству Сакена (когда онъ исправлялъ уже должность начальника корпуснаго штаба), знакъ ордена Св. Георгія, ибо онъ тогда служилъ еще юнкеромъ, числясь въ 7-мъ карабинерномъ полку.

Но всѣхъ забавнѣе въ происшествіи семъ былъ старикъ Эристовъ. Онъ едва завидѣлъ Персіянъ, какъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ во весь духъ вдоль изгороди того дома, въ коемъ онъ остановился, крича во весь голосъ:—вайне! вайне! кто со мною ѣдетъ на вайне! Александръ братъ ѣдимъ, на вайне!—Александръ Чавчавадзе, къ коему относились послѣднія рѣчи сіи, не могъ убѣдить Эристова остаться. Онъ промчался какъ Сатиръ, съ коимъ имѣетъ большое сходство, пронесся какъ вихрь на малосильномъ конѣ своемъ, какъ тѣнь вырвавшагося изъ преисподней духа, съ крикомъ, шумомъ и тревогою. Всѣ хохотали. Эристовъ едва выскакалъ за проломъ стѣны, преграждавшей ему путь къ подвигамъ, какъ уже непріятель изчезъ. Старикъ опомнился, остановился и возвратился шагомъ въ свою квартиру, гдѣ онъ вскорѣ успокоился. Весь лагерь оставался покоенъ, и никто болѣе не тревожился. Казаки скоро возвратились, и мы удостовѣрились, что то была небольшая непріятельская партія, дѣлавшая разъѣзды.

17-го числа мы поднялись изъ Назика и пошли къ Каразіадзину. Переходъ былъ маленькой, мѣстоположеніе нѣсколько гористое, страна по коей мы шли безплодная и безводная до Каразіадзина.

Во время движенія нашего показались у насъ на правомъ флангѣ опять непріятельскіе караулы, и какъ они стали подъѣзжать ближе, то нашъ старикъ Эристовъ опять встревожился, кричалъ: пушекъ стрѣлатъ! Аббасъ-Мирзи! Но пушки не пріѣхали, не стрѣляли, Аббасъ-Мирза не показался, и все дѣло обошлось и безъ одного ружейнаго выстрѣла. Я поѣхалъ къ авангарду, взялъ двѣ сотни казаковъ и едва только подвинулся съ ними нѣсколько вправо, какъ непріятель скрылся. Я началъ было гнаться за нимъ, но и слѣды простыли. Я взъѣхалъ на горы

въ надеждѣ открыть всю армію Аббасъ-Мирзы, но не увидѣлъ ни души на всемъ пространствѣ передъ мною открывшемся. Сіе было причиною различныхъ толковъ. Нѣкоторые (и въ томъ числѣ болѣе всѣхъ поддерживалъ мнѣніе сіе князь Долгоруковъ) говорили, что Аббасъ-Мирза, скрывшись за горами, ожидалъ только, чтобы мы подвинулись впередъ къ Хою, подалѣе отъ Аббасъ-Абада; что онъ самъ къ Хою не пойдетъ, а перейдя поперекъ дорогу, по которой мы шли, въ тылу нашемъ ударитъ на Аббасъ-Абадъ, до коего ему было почти ближе чѣмъ намъ, когда бы мы ушли къ Чорсу, а онъ бы остался близъ Шахъ-Булака. Предполагать сіе движеніе можно было; но нельзя было вѣрить, чтобы Аббасъ-Мирза съ разстроеннымъ его войскомъ предпринялъ оное: ибо у Персіянъ отступленіе есть бѣгство, и никогда оно не бываетъ слѣдствіемъ какихъ-либо соображеній, а потому съ ихъ отступленіемъ неразлучны всякій безпорядокъ и разстройство войска. Притомъ же, еслибъ онъ и предпринялъ сіе движеніе, то онъ все таки не могъ бы взять Аббасъ-Абадъ, а хотя и дѣйствовалъ бы у насъ въ тылу, но не менѣе того подвергся бы самъ величайшей опасности: ибо сталъ бы между рѣкою, крѣпостью и войскомъ, которое отыскивало его и гналось за нимъ, слѣдственно чувствовало свое преимущество надъ нимъ. Всѣ сіи соображенія были причиною тому, что возраженія и сужденія такого рода, которыя имѣли, кажется, началомъ желаніе скорѣе возвратиться на покой въ Нахичеванскую область, не помѣшали продолженію предначертаннаго мною плана, то есть: *двигаться впередъ, угрожая Хою или Хойской дорогѣ съ тѣмъ, чтобы заставить Аббасъ-Мирзу описывать внѣшнюю линію по труднымъ дорогамъ, для предупрежденія насъ въ Хоѣ, посредствомъ чего онъ былъ отброшенъ отъ Эривани, и войско его изнурялось и уничтожалось; а въ случаѣ встрѣчи съ нимъ, атаковать его и разбить.*

При отогнаніи того дня непріятельской партіи, показавшейся у насъ на правомъ флангѣ, я пригласилъ полковника Леонова ѣхать вмѣстѣ со мною, такъ какъ большая часть наличности его полка тронулась (ибо часть была въ аріергардѣ и другихъ мѣстахъ, и при знаменахъ за откомандированіемъ двухъ сотень осталось только 15 человѣкъ); но Леоновъ отказался слѣдовать за мною подъ предлогомъ, что въ дѣйствіи будутъ только двѣ сотни и слѣдовательно меньшая часть сотень, и что онъ долженъ оставаться при большей. Дѣйствія не было, и Леоновъ ознаменовалъ только въ семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, свою трусость, коей слава осталась неразлучна съ именемъ его въ семъ корпусѣ. У него во все время экспедиціи сей собирались недовольные и занимались пересудами моихъ дѣйствій; говорили, что я веду всѣхъ къ погибели, всѣ распоряженія мои оспоривали. Со всѣмъ

тѣмъ Леоновъ не пріобрѣлъ себѣ врага во мнѣ: я привыкъ его считать во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя, и потому онъ болѣе возрождалъ во мнѣ сожалѣнія чѣмъ неудовольствія, всѣ же умствованія его оставались безъ вниманія и не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на успѣхъ нашихъ дѣйствій.

Подходя къ Каразіадзину, мы полагали найти въ ономъ или близъ Чорса всю Персидскую армію, преграждающую намъ всѣ дороги къ Хою (ибо онѣ тутъ соединяются); но мы ничего не нашли и только захватили трехъ конныхъ Персіянъ изъ войска Аббасъ-Мирзы, заѣхавшихъ въ селеніе, кажется, по своимъ надобностямъ. Люди сіи, отставшіе уже болѣе сутокъ отъ войска своего, не могли намъ сказать ничего основательнаго на счетъ движенія Аббасъ-Мирзы, а только говорили, что войско его находится въ самомъ разстроенномъ положеніи, нуждаясь въ продовольствіи и въ одеждѣ, что больныхъ было множество и что оно ежечасно уменьшалось черезъ сильные побѣги.

Каразіадзинъ — большое селеніе. Оно лежитъ въ обширной равнинѣ рѣчки Аксу, которая вытекаетъ изъ Курульскаго ущелья, идущаго изъ горъ окружающихъ Хой сперва по направленію къ Кейгачу до селенія Бельстанъ, отъ коего рѣка вдругъ поворачиваетъ на Востокъ и орошаетъ обширную и плодоносную долину, простирающуюся на большое разстояніе. Намъ пріятно было взглянуть на зеленѣющуюся даль послѣ трехъ дней хода по голымъ и безплоднымъ мѣстамъ. Берега Аксу были покрыты садами, въ коихъ находились большія селенія, обширныя поля обработывались со тщаніемъ. Зелень сія знаменовала вдаль теченіе рѣки. За оною на полугорѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Каразіадзина, лежалъ Чорсъ, который по обширности своей можно было назвать скорѣе городкомъ чѣмъ деревнею. За Чорсомъ, гдѣ стоялъ лагерь шаха 5-го Іюля, во время сраженія подъ Джевалъ-Булахомъ, открывалось опять голое мѣстоположеніе. И такъ мы заняли лагерь свой на мѣстахъ, которыя занимались Персидскою арміею лѣтомъ... Здѣсь прохлада, зелень, плодородіе оживляли страну, признанную обывателями здоровою для жительства; но жителей уже не было: съ приближеніемъ нашимъ они всѣ удалились, опасаясь разоренія. Впрочемъ кажется, что часть ихъ еще уклонилась до нашего прибытія, ибо Персидскія войска не переставали грабить и раззорять селенія своего отечества. Итакъ мы расположились лагеремъ на красивыхъ берегахъ Аксу, среди селеній, въ коихъ мрачная тишина свидѣтельствовала о ссорѣ князей земныхъ, разрушающей благосостояніе мирныхъ поселянъ... Мѣсто сіе было весьма важно для Аббасъ-Мирзы; но онъ или не успѣлъ занять онаго, или опасался встрѣчи съ нами, не надѣясь удержаться. Коль же скоро мы заняли мѣсто сіе, мы перерѣзали сообще-

нія его съ войсками, которыя бы онъ могъ въ теченіе трехъ дней притянуть къ себѣ изъ Дорадизскаго ущелья, и тѣмъ значительно усилиться, ибо Ибрагимъ-сердарь защищалъ Тавризскую большую дорогу съ 5000-нымъ отрядомъ войскъ. Вотъ преимущества пріобрѣтенныя нами черезъ занятіе Каразіадзина.

Не менѣе того мы совершенно потеряли изъ вида Аббасъ-Мирзу и не знали настоящимъ образомъ, куда онъ двинулся; ибо посланные разъѣзды на большое разстояніе никого не открыли и не видали слѣдовъ прошедшихъ куда либо войскъ или орудій. Нельзя было полагать, чтобы Аббасъ-Мирза, пропустивъ насъ, предпринялъ бы внезапно то быстрое движеніе къ Нахичивану или Аббасъ-Абаду, коего опасались многіе; но не менѣе того мысль сія болѣе одного раза представилась мнѣ, и я рѣшился во что бы то ни стало открыть Персидскую армію. А потому, уговоривъ Эристова оставаться въ лагерѣ съ большею частью войскъ, дабы онъ мнѣ не мѣшалъ, я отправился съ Сакеномъ для отысканія Персіянъ. Мы взяли съ собою войска означенныя въ донесеніи къ Паскевичу и пошли на право въ ту сторону, въ которой видѣли послѣдній разъ Персидскіе караулы, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ Аксу, на которой стоялъ нашъ лагерь и взявъ направленіе къ Курульскому ущелью, въ коемъ можно было предполагать, что скрылся Аббасъ-Мирза.

Подходя къ селенію Бельстамъ, казаки увидѣли нѣсколько конныхъ, и въ слѣдъ за симъ большую партію удалившуюся съ поспѣшностью изъ селенія въ ущелье; но сего было недостаточно: партія сія могла быть выслана изъ Хоя для сообщенія съ войскомъ Аббасъ-Мирзы, и мнѣ надобно было знать, куда именно пошли главныя силы, а потому я доискивался слѣдовъ орудій. Я оставилъ для сего дорогу, поѣхалъ еще правѣе полемъ и скоро нашелъ искомые слѣды. Я съ особенною радостью увидѣлъ колеи шести орудій, позвалъ Сакена и удостовѣрилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и Долгорукова, который съ нами же, кажется, былъ. Тутъ пошелъ сильный дождь; я боялся потерять слѣды сіи и поѣхалъ по нимъ, внимательно слѣдя по всѣхъ изгибамъ оныхъ. Слѣды сіи шли съ поля и имѣли направленіе въ Курульское ущелье; я заключилъ по сему, что Аббасъ-Мирза, опасаясь насъ, своротилъ и съ той дороги, по коей онъ шелъ, дабы не потерять орудій, и пробрался въ Курульское ущелье стороною. Слѣды вели подлѣ самаго селенія Бельстамъ, которое уже было оставлено. При выходѣ изъ селенія была небольшая площадка, на берегу рѣчки Аксу; ея теченіе было стѣснено съ обѣихъ сторонъ выдавшимися двумя скалами, которыми съуживалось отверстіе въ Курульское ущелье; за сими природными воротами оно становилось гораздо шире.

До 600 человѣкъ конныхъ, занимавшихъ селеніе, остановились на полугорѣ на правой сторонѣ Аксу, и часть оныхъ, спѣшившись, засѣла въ камняхъ и открыла ружейную пальбу по насъ; ибо мы съ Сакеномъ взлѣзли и остановились на скалѣ, подходящей къ лѣвому берегу рѣки, гдѣ и дожидались двухъ конныхъ орудій, за коими послали, дабы поставить ихъ на вышеупомянутой площадкѣ, въ скрытномъ мѣстѣ, и открыть вдругъ огонь по непріятелю, коего пули долетали до насъ, но никого не задѣли.

Орудія были поставлены, открыли внезапно огонь, ядра удачно легли въ толпу непріятельскую, и конные Персіяне бѣжали; оставались еще спѣшившіеся застрѣльщики, засѣвшіе въ камняхъ. Въ слѣдъ за первыми выстрѣлами мы подвинули баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, отъ коего отдѣлили роту съ застрѣльщиками, дабы выбить Персіянъ. Херсонцы, пылая желаніемъ загладить дурную славу, пріобрѣтенную ими еще съ давнихъ временъ, подвинулись быстро къ камнямъ, не взирая на огонь непріятельскій. Наши люди еще не начинали перестрѣлки, какъ Персіяне оставили каменья и побѣжали къ лошадямъ своимъ, на коихъ и ускакали. Ихъ преслѣдовали и могли преслѣдовать одни только наши ядра. Мы не имѣли ни одного убитаго, ни раненаго, и тѣмъ кончилось дѣло 17-го Сентября въ Курульскомъ ущельѣ, которое уже намъ было открыто. Я поѣхалъ немедленно на непріятельскую позицію, на коей нашелъ много балагановъ (часть Персіянъ тутъ стояла лагеремъ). Я проѣхалъ еще нѣсколько далѣе, но уже болѣе никого не было видно. Говорили, что главныя силы Аббасъ-Мирзы находились отъ того мѣста еще въ 7-ми верстахъ по весьма трудной дорогѣ, къ сторонѣ Хоя; но на чемъ извѣстіе сіе было основано, никто не зналъ. Становилось поздно, цѣль рекогносцировки была исполнена; ибо узнали куда дѣвался непріятель, а потому и рѣшились, до дальнѣйшаго какого либо предпріятія, возвратиться въ лагерь, что мы и исполнили, зажегши въ селеніи Бельстамѣ большіе огни, дабы обмануть непріятеля. Мы возвратились въ лагерь очень поздно. Шелъ сильный дождь, было очень темно. Тутъ выпили мы однакоже еще Шампанскаго вина, привезеннаго Поповымъ, празднуя имянины жены моей, въ тотъ день случившіеся и для коихъ еще поутру сбирались ко мнѣ на пирогъ.

Въ лагерѣ не было покойно во время рекогносцировки нашей. Ген. Панкратьевъ ходилъ съ однимъ баталіономъ въ Чорсъ, гдѣ онъ никого не засталъ, а Эристовъ оставался съ частью войскъ. Онъ мало зналъ, что мы дѣлали и не заботился о томъ; но когда онъ услышалъ пушечные выстрѣлы наши, то вскочилъ, началъ бѣгать какъ сумасшедшій по всему лагерю и приказывалъ бить тревогу. Въ семъ вспо-

мcommittedmoществовалъ ему шуринъ мой Егорушка, который также въ лагерѣ оставался, и Викинскій, заглушавшій голосомъ своимъ и суетливостью всякое распоряженіе. Они втроемъ бѣгали по лагерю и возбуждали всѣхъ къ тревогѣ и бою. Говорятъ, что ничего не могло уподобиться смѣшному зрѣлищу сему. Я догадывался, что сіе должно было случиться, а потому съ первыми выстрѣлами изъ орудій послалъ офицера къ Эристову сказать, чтобъ онъ не безпокоился. Офицеръ сей прибылъ еще во-время, дабы остановить все движеніе войскъ.

За тѣмъ слѣдовалъ совѣтъ собранныхъ мною генераловъ: Панкратьева, Сакена и Чавчавадзева. Эристова я уговорилъ остаться дома, дабы онъ намъ не мѣшалъ, ибо ему все хотѣлось стрѣлять изъ пушекъ по Аббасъ-Мирзѣ, и онъ упрашивалъ, чтобы опять идти въ Курульское ущелье, гдѣ по мнѣнію его Аббасъ-Мирза будетъ тоже стрѣлять.

На совѣтѣ спрашивалось, что̀ должно было предпринять? Въ пѣхотѣ имѣлся еще провіантъ на одинъ день, въ кавалеріи онаго уже не было; потому что Чавчавадзе пренебрегъ запастись онымъ въ Нахичеванѣ, вопреки отданныхъ приказаній, чему впрочемъ причиною была и поспѣшность, съ коею онъ тогда слѣдовалъ. Слѣдовать въ Курульское ущелье за непріятелемъ было противно всеобщему мнѣнію; первое: потому что сіе завлекло бы насъ еще на одинъ день, въ который бы остались безъ хлѣба; второе: мы не надѣялись застать тамъ болѣе Аббасъ-Мирзу, который вѣроятно уже пробрался въ Хой; третье: осаждать Хой мы не имѣли средствъ, ни артилеріи осадной, ни провіанта; притомъ же разсчитали, что если бы Аббасъ-Мирза и вздумалъ держаться въ Курульскомъ ущельи, то, имѣя въ свою пользу верхъ тѣснины, въ коей пролегала очень затруднительная дорога, онъ могъ намъ нанести еще большой вредъ, и занятіе всякаго возвышенія стоило бы намъ много людей, коихъ мы должны были беречь на другой предметъ, важнѣе того. А потому и отложили всякое помышленіе гнаться за Аббасъ-Мирзою, а стали помышлять о другомъ предметѣ, о движеніи по большой Тавризской дорогѣ, къ чему еще болѣе склоняло меня предписаніе Паскевича отъ 14 Сентября за № 79, въ сей день полученное, въ коемъ онъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ упрекалъ насъ просто трусостью. Въ предписаніи семъ онъ давалъ приказанія, которыя не могли поспѣть временно, разсчитывалъ на силы, которыхъ самъ зналъ, что̀ не было. Все сіе могло только запутать дѣло и все испортить, еслибы я дожидался его распоряженій, дабы дѣйствовать. Упрекъ не смѣлости былъ всего оскорбительнѣе, и нельзя было послѣ того, въ угожденіе ему, отложить рѣшительное движеніе къ сторонѣ Тавриза и къ завоеванію самаго города сего.... Итакъ рѣшено было общимъ мнѣніемъ возвращеніе къ Аббасъ-Абаду, о чемъ я и пошелъ объявить

князю Эристову, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего отзыва, въ надеждѣ, что ему достанутъ хлѣба и дадутъ пострѣлять изъ пушекъ по Аббасъ-Мирзѣ, въ чемъ его поддерживали Грузины, коими онъ окружался. Услышавъ мой отвѣтъ и рѣшеніе совѣта, Эристовъ очень огорчился. Онъ испыталъ склонить меня еще къ движенію въ Курульское ущелье, но, найдя меня непоколебимымъ, уступилъ и согласился на возвращеніе къ Аббасъ-Абаду; однако остался невеселъ и скученъ оттого нѣсколько дней.

18-го числа мы пришли ночевать къ грязной рѣчкѣ верстахъ въ 20 недоходя Аббасъ-Абада. Мы шли въ сей день черезъ поле сраженія 5 го Іюля. Отошедши верстъ 10 отъ Каразіадзина, мы замѣтили, что за нами издали слѣдовалъ непріятельскій конный караулъ. Сіе было очень непріятно, потому что давало Персіянамъ поводъ говорить, что они насъ прогнали; но дѣлать было нечего: мы продолжали тихо свое отступленіе, какъ Эристовъ опять встрепенулся.—Давай пушекъ, стрѣлать, вотъ Аббасъ-Мирза, кричалъ онъ, не надобно мнѣ нянекъ да дядекъ, я самъ хочу стрѣлатъ! Меня въ то время при немъ не было, и я не могъ помочь сему. Онъ остановилъ весь отрядъ и продержалъ часа два на мѣстѣ безъ всякой надобности. Непріятельскіе всадники посмотрѣли на нашъ аріергардъ на разстояніи трехъ верстъ отъ онаго, скрылись и болѣе не показывались, а мы пришли на ночлегъ очень поздно.

Эристовъ, какъ я послѣ слышалъ, нѣсколько разъ говорилъ, что я былъ причиною, что онъ не истребилъ всей Персидской арміи въ Курульскомъ ущельи, и онъ, кажется, утѣшился въ томъ только вступленіемъ нашимъ въ Тавризъ.

Во время похода нашего къ Тавризу передался къ намъ сарбазской капитанъ Гёргерской роты, Мустафа-бекъ, который 17-го Сентября находился въ отрядѣ Аббасъ-Мирзы въ Курульскомъ ущельи, и говорилъ мнѣ, что разстроенное войско Персидское находилось въ 7-ми верстахъ вверхъ по ущелью отъ селенія Бельстанъ, когда мы прогнали отъ онаго ихъ конницу, и что, при звукѣ первыхъ выстрѣловъ нашихъ изъ орудій, все войско Аббасъ-Мирзы пустилось бѣжать, бросивъ и орудія, которыя бы могли тогда взять, еслибъ подвинулись верстъ на шесть впередъ; но сего нельзя и не должно было предполагать. Съ другой стороны, отпоръ въ сихъ тѣснинахъ могъ быть для насъ пагубенъ, особливо при недостаткѣ, который мы ощущали въ хлѣбѣ.

19-го Сентября мы пришли къ Аббасъ-Абаду, гдѣ, перейдя на лѣвый берегъ Аракса, расположились лагеремъ....

Извѣстіе, помѣщенное въ рапортѣ къ Паскевичу, показываетъ, что движеніе Алаяръ-хана и Керимъ-хана къ Нахичевану по Тавризской

дорогѣ было условленное съ Аббасъ-Мирзою для дѣйствованія совокупно; но Аббасъ-Мирза былъ предупрежденъ въ намѣреніи своемъ нашимъ движеніемъ и бѣжалъ, когда увидѣлъ силы наши; а ханы, вторгшіеся въ область Нахичеванскую, не встрѣтя его, опасались долѣе остаться, ограбили нѣсколько селеній и, испугавшись приближенія вылазки маіора Степанова, бѣжали обратно. Поступокъ Степанова заслуживаетъ похвалы: онъ былъ смѣлъ, хорошо соображенъ и удаченъ. Алаяръ-ханъ, отступивши за Араксъ, получилъ приказаніе присоединиться въ Хоѣ къ Аббасъ-Мирзѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ, сколько мнѣ помнится, оставя Керимъ хана съ малою частью всадниковъ, уроженцевъ Нахичеванскихъ, для защиты или наблюденія большой дороги, черезъ Маранду въ Тавризъ ведущей.

20-го числа мы дневали въ лагерѣ подъ Аббасъ Абадомъ; 21-го мы перешли къ Нахичевану, дабы имѣть ближе средства къ приготовленію въ новую экспедицію; кавалерія же была отправлена по дорогѣ къ Тавризу на рѣку Алынджу въ 20 верстахъ отъ Нахичевана, потому что тамъ корма̀ были лучше. Осмотрѣвъ крѣпость и гошпитали и сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, я пріѣхалъ поздно въ лагерь къ Нахичевану, гдѣ долженъ былъ еще заняться отправленіемъ нѣсколькихъ почтъ, пришедшихъ во время отсутствія нашего изъ Грузіи. Я былъ день и ночь занятъ и не имѣлъ почти никакого отдыха; но успѣлъ отдѣлаться съ бумагами по штабу и принялся за дѣла нашего отряда....

Керимъ-ханъ бѣжалъ изъ Ардабада и оставилъ намъ городъ сей и весь лѣвый берегъ Аракса безъ всякаго сопротивленія. Урдабадъ славится многочисленными садами и плодами; мѣсто сіе всѣми признается лучшимъ и пріятнѣйшимъ изъ всѣхъ завоеванныхъ нами земель у Персіянъ и представляетъ великія удобства....

Наша экспедиція по отбытіи Паскевича имѣла желаемый успѣхъ, ослабила до крайности силы Аббасъ-Мирзы и отбросила его совершенно отъ Эривани, чѣмъ получена возможность осаждать крѣпость Эривань, не опасаясь помѣхи со стороны Персіянъ. Хотя Паскевичъ и похвалилъ наши дѣйствія, но онъ не выставилъ оныхъ на видъ; кажется мнѣ даже, что о сей экспедиціи не было объявлено въ газетахъ, а если и было, то очень слабо.

Между тѣмъ я уже готовился къ другой экспедиціи и предупреждалъ Паскевича въ оной. Тайное мое намѣреніе было взять Тавризъ; но я гласно не говорилъ о семъ, хотя и видѣлъ всѣхъ начальниковъ готовыми къ сему предпріятію. Генералъ-интендантъ съ неисправными его транспортами и провіантомъ, который за него другіе доставляли, былъ оставленъ въ Карабабѣ съ Обрѣзковымъ, дипломатическимъ чи-

новникомъ, присланнымъ для заключенія мира съ Персіею. Симъ средствомъ избавился я большихъ тягостей и затрудненій. Генералъ-интендантъ занимался только перепискамп, имѣлъ большой штатъ, но не былъ въ состояніи продовольствовать отряда. Онъ бы мнѣ былъ лишь только помѣхою; ибо, при отправленіи въ дальную экспедицію, средства продовольствія (предметъ самый важный) должны были зависѣть отъ хорошихъ распоряженій и дѣятельности начальства, а перекоры интенданта могли только затруднить всякое по сему предмету исполненіе. Обрѣзковъ, человѣкъ весьма образованный и порядочный, былъ изнѣженный житель столицы и не могъ намъ принести никакой пользы, а напротивъ того только увеличить главную квартиру, и иногда даже, предпочитая свое спокойствіе опасному предпріятію, внушить слабому и старому Эристову мысли противныя моей цѣли. Онъ самъ, кажется, пожелалъ остаться въ Аббасъ-Абадѣ, будучи въ совершенной независимости отъ Эристова, и я сему былъ радъ. Въ такихъ же сношеніяхъ съ нимъ былъ и г. интендантъ Жуковскій, который также пожелалъ остаться, къ моему удовольствію, и при прощаніи со мною, сказалъ мнѣ улыбаясь: «Смотрите, не возьмите Тавриза!» Я промолчалъ. Во время экспедиціи нашей Обрѣзковъ и Жуковскій, оставшіеся въ Нахичеванѣ съ небольшимъ прикрытіемъ, подняли большую тревогу, когда узнали о приближеніи Алаяръ-хана къ Нахичевану съ конницею. Положеніе ихъ точно было нѣсколько опасно; но на сей разъ они рѣшились поселиться въ самой крѣпости Аббасъ Абадѣ, гдѣ имъ очистили по возможности покойныя квартиры.

Остальная часть главной квартиры слѣдовала со мною, т. е. чиновники штаба; въ нихъ я частью имѣлъ надобность. Дежурный штабъ-офицеръ Викинскій дѣятельностью своею и строгою исполнительностью сдѣлалъ мнѣ большую пользу. Викинскаго я по сему отличалъ.

Чиновникомъ для дипломатическихъ сношеній взялъ я съ собою Шомбурга, но и тому не было много дѣла....

Пѣхота наша была еще усилена свободнымъ баталіономъ, составленнымъ изъ выздоровѣвшихъ людей. Въ баталіонѣ семъ было до 400 человѣкъ; одна рота была гвардейская, другая піонерная, третья гренадерская и четвертая изъ людей разныхъ полковъ. Меня много занимало устройство сего баталіона, ибо это было мое произведеніе. Я устроилъ у нихъ обозъ, десятидневный провіантъ и все что слѣдовало; люди были ободрены вниманіемъ моимъ къ нимъ; офицеры были также назначены изъ выздоровѣвшихъ. Командиромъ сего баталіона назначилъ я подполковника Кошкарева, Кабардинскаго полка, человѣка потерпѣвшаго по исторіи Семеновскаго полка, потерявшаго много въ службѣ и пріѣхавшаго послѣ суда и крѣпостнаго ареста для поправ-

ленія своихъ дѣлъ. Кошкаревъ не безъ способностей; несчастіе его тогда подавило, онъ былъ скромнѣе и тише нынѣшняго. Я тогда вывелъ его и далъ случай показаться; но онъ повидимому забылъ свое прежнее состояніе и, командуя полкомъ графа Паскевича, совершенно вышелъ изъ границъ благопристойности обращеніемъ своимъ, пренебрегая обязанностію своею и начальникомъ или шефомъ. Сіе конечно можно бъ приписать къ ловкости его; но все его поведеніе такъ неосторожно и нескромно, что нельзя не предвидѣть скораго и близкаго его паденія [1]). Во время Персидской кампаніи онъ хорошо занялся устройствомъ своего баталіона и держалъ его въ порядкѣ. Младшимъ штабъ-офицеромъ назначилъ я къ нему маіора Чиляева, карабинернаго полка, и баталіонъ сей можно было назвать лучшимъ во всемъ отрядѣ нашемъ. Я всегда и держалъ его въ авангардѣ.

Предпринимая завоеваніе Тавриза, намъ нужно было содѣйствіе князя Вадбольскаго, дабы онъ отвелъ силы Персіянъ въ Карабагъ... [2])

Я мало надѣялся, чтобы князь Вадбольскій рѣшился предпринять движеніе въ Карадагъ, не имѣя на то положительныхъ повелѣній отъ Паскевича. Слава не могла болѣе завлечь сего старика, испытаннаго въ отвѣтственностяхъ, представляющихся въ службѣ; но не менѣе того мы находили неизлишнимъ предупредить его о нашемъ движеніи, коему онъ могъ содѣйствовать даже не переходя Аракса, а сосредоточившись нѣсколько на одномъ пунктѣ. Во время движенія нашего на Тавризъ неоднократно носились слухи, что къ намъ идутъ прямою дорогою войска на соединеніе изъ Карабага, но содѣйствовавшаго намъ движенія за границу онъ никакого не предпринималъ...

Мы провели съ Эристовымъ вечеръ у Сакена и Чавчавадзе, которые вмѣстѣ останавливались. Мѣстоположеніе было прекрасное, продовольствіе изобильное, фуражъ также имѣлся, люди и лошади наши ожили, всѣ имѣли въ виду блистательный походъ, и мысль о занятіи Тавриза уже всѣхъ занимала, хотя не смѣли вѣрить, чтобы мы взяли столицу сію. Все было бодро и весело, какъ и бываетъ въ лагеряхъ въ такихъ случаяхъ, особливо при наступательномъ движеніи, и въ такомъ расположеніи духа все намъ предзнаменовало успѣхъ.

На другой день я узналъ окрестности Алынджинскаго Камня, въ виду коего, въ нѣскольскихъ верстахъ отъ онаго, мы находились. Мы стояли только нѣсколько пониже, по теченію рѣки Алынджи, того мѣста, на коемъ я останавливался для привала при обозрѣніи, дѣланномъ мною сей крѣ-

---

[1]) Каковое нынѣ уже и сбылось, какъ носятся слухи (15 Іюня 1830).

[2]) Писано уже въ селѣ Александровскомъ по возвращеніи изъ Грузіи. П. Б.

пости. Видъ огромной скалы Иланъ-дага былъ привлекателенъ, тѣмъ болѣе что на вершинахъ оной находились крѣпость и пушки, которыя я надѣялся взять мимоходомъ, склонивъ коменданта Лазимъ-бека къ сдачѣ, ибо приступомъ взять его было невозможно. Но переговоры мои остались тщетны. Старый Лазимъ-бекъ хотѣлъ изъ опыта удостовѣриться въ преимуществѣ нашемъ надъ Персидскою арміею и былъ слишкомъ увѣренъ въ неприступности твердынь, на вершинахъ коихъ онъ сидѣлъ. Досадно было, но дѣлать нечего. Алынджа мнѣ тогда не далась, но я и въ Марандѣ не забылъ о ней и оттуда способствовалъ къ сдачѣ оной, хотя главная причина сему была взятіе Тавриза.

Въ лагерѣ нашемъ при селеніи Джемалди мы пробыли два дня, дабы уже совершенно исправиться къ дальнѣйшему походу...

Мы получили извѣстіе о завоеваніи Сердаръ-Абада. Завоеваніе сіе было для насъ весьма важно, ибо оно доставило намъ большое количество провіанта и дало возможность предпринять осаду Эривани. Отрядъ Паскевича пришелъ подъ Сердаръ-Абадъ, истощивъ послѣднія средства свои къ продовольствію, и войска наши въ той сторонѣ едва ли могли продовольствоваться хлѣбомъ, котораго только еще ожидали изъ Грузіи. Если мысль атаковать первоначально Сердаръ-Абадъ принадлежитъ Паскевичу, то она дѣлаетъ ему честь. Съ какою же цѣлью было построено сіе укрѣпленіе Персіянами въ весьма недавнемъ времени, того угадать не могу. Должно полагать, что они избрали мѣсто сіе потому единственно, чтобы сдѣлать въономъ важную складку провіанта. Оно лежитъ среди обильныхъ жатвъ Эриванской области, не прикрывая совершенно ничего и даже совершенно въ сторонѣ отъ большой дороги; ибо оно находится отъ Эчміадзина почти по направленію къ Баязету, сколько я могу припомнить по разсказамъ жителей, что̀ выходитъ вверхъ по Араксу. Укрѣпленіе сіе намъ было совершенно неизвѣстно до начала войны съ Персіянами и не означено ни на какихъ картахъ...

Отъ оплошности ли они ушли, или въ семъ былъ умыселъ главнокомандующаго, чтобы ихъ пропустить, того утвердительно не знаю, и я готовъ думать, что было въ семъ случаѣ и того, и другаго. Я послѣ замѣтилъ, что Паскевичъ довольно охотно держится при осадахъ правила - открыть одну дорогу, дабы осажденные могли уйти, и нахожу сіе правильнымъ: ибо важнѣе пріобрѣсти въ скоромъ времени крѣпость, чѣмъ длить осаду, дабы пріобрѣсти толпу плѣнныхъ, которыхъ надобно продовольствовать и которые при первомъ случаѣ побѣга уже станутъ служить противъ побѣдителей, разсыплятся по своимъ домамъ и разнесутъ повсюду страхъ и ужасъ, какъ то случилось послѣ взятія Сердаръ-Абада и Эривани: въ народѣ разнесся слухъ, что Паскевича

пушки (осадныя орудія) такъ велики и бьютъ такъ сильно, что пробивали крѣпость Эривань сквозь ея двойныя стѣны и оба противуположные фаса насквозь, и сверхъ того еще ядра попадали и врывались въ гору Араратъ, которая отъ Эривана верстахъ въ 30 находится! Средство осажденныхъ уходить изъ крѣпости передъ паденіемъ оной, я думаю, только въ Азіи извѣстно; ибо о семъ и не помышляютъ въ Европѣ, и крѣпость признается близкою къ паденію уже въ такихъ обстоятельствахъ, когда гарнизонъ не въ состояніи изъ оной бѣжать.

Въ лагерѣ нашемъ при селеніи Джемалди, получили мы слѣдующее предписаніе отъ Паскевича:

«Господину генералъ-лейтенанту и кавалеру князю Эристову. Я получилъ рапортъ вашего сіятельства отъ 16-го числа сего мѣсяца, въ коемъ вы мнѣ доносите, что Аббасъ-Мирза прошелъ къ Хою и что вы его преслѣдуете къ Чорсу. Одобряя совершенно ваши дѣйствія, соотвѣтствующія въ полной мѣрѣ моимъ приказаніямъ, прошу васъ продолжать дѣйствовать подобнымъ образомъ, то-есть такъ, чтобы Аббасъ-Мирза ни самъ, ни черезъ другаго не могъ дать помощи Эривани, коей осаду я начинаю нынѣ же, завладѣвъ уже Сердаръ - Абадомъ, который взятъ 19-го числа сего мѣсяца. Я опасаюсь, чтобы Аббасъ-Мирза, если двинется на Гергеры, то не соединился бъ съ Алаяръ-ханомъ и не напалъ на вашъ тылъ; въ такомъ случаѣ вамъ удобнѣе будетъ отступить къ Аббасъ-Абаду и тамъ встрѣтиться съ непріятелемъ. Генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Паскевичъ. № 201, 25-го Сентября 1827. Въ лагерѣ при крѣпости Эривани».

Предписаніе сіе получено было 27-го числа. Какъ изобразить припадокъ радости, въ который оно ввергло нашего старика Эристова! Онъ ко всѣмъ носился съ сею бумагою, показывалъ ее и говорилъ:— «Что, братъ, смотри! Га! Ганаралъ насъ похуалилъ». Онъ былъ такъ доволенъ, что его не бранили! Въ слѣдъ за симъ получилъ онъ дупликатъ и трипликатъ сего же предписанія и, не умѣя различить одно отъ другаго, все воображалъ, что это новыя поздравленія съ побѣдою, снова радовался и съ дупликатами носился по всему лагерю, пока ему не объяснили предметъ сихъ бумагъ.

И въ семъ предписаніи заключались также распоряженія, на которыя мы не могли обратить ни малѣйшаго вниманія, ибо они приходили позже предстоявшаго для исполненія дѣла и основывались на предположеніяхъ ни на чемъ не основанныхъ. Паскевичъ не могъ знать, что дѣлалось у Аббасъ-Мирзы, отъ коего онъ еще былъ почти отдѣленъ нами; а если не вѣрилъ намъ, то долженъ былъ назначить другихъ начальниковъ, къ коимъ бы имѣлъ болѣе довѣренности, и слѣдовало ему ограничиться указаніемъ только одной главной цѣли, для

коей онъ предназначилъ нашъ отрядъ (удаленіе отъ Эривани Аббасъ-Мирзы), нисколько не стѣсняя дѣйствій нашихъ своими подробными распоряженіями...

28-го числа мы пошли далѣе, спускаясь по рѣкѣ Алынджѣ, вошли въ довольно узкую тѣснину, но вышедши скоро изъ оной, пришли къ Араксу нѣсколько пониже Джульфы и прошли въ сей день болѣе 15-ти верстъ. Немедленно мы стали переправляться черезъ Араксъ въ бродъ по островамъ, кои въ семъ мѣстѣ находятся. Бродъ былъ очень глубокъ, нѣсколько повозокъ у насъ снесло теченіемъ; но все обошлось благополучно, и мы заняли лагерь на правомъ берегу, примыкая лѣвымъ флангомъ къ большой дорогѣ и къ небольшому земляному ретраншаменту съ бойницами, воздвигнутому Персіянами, но гдѣ ихъ не было. Тутъ земля была совершенно голая, и мертвая пустыня сія представляла самый печальный видъ: ни произрастеній, ни зелени кромѣ полыни. Земля, на которой мы стояли, была вся въ трещинахъ отъ палящаго солнца и засухи, и трещины сіи служили убѣжищемъ множеству ящерицъ. Вдали однакоже были замѣтны деревни, и когда авангардъ нашъ уже подвинулся къ Дарадизу, то фуражиры были отправлены въ оныя. Жители, заблаговременно оставившіе сіи деревушки, наѣзжали въ оныя и еще увели у насъ одну артилерійскую лошадь, отъ которой бомбардиръ неосторожно отошелъ, привязавши ее къ дверямъ одного дома.

Въ сей день на правомъ берегу Аракса (чего я себѣ простить не могу) былъ арестованъ мною двоюродный братъ Алексѣя Петровича Ермолова, Сергѣй Ермоловъ, служившій при мнѣ. Человѣкъ сей, отличныхъ свойствъ души, былъ къ службѣ, по вѣтренности своей, совершенно неспособенъ. Въ званіи офицера генеральнаго штаба, онъ всякія дѣлалъ упущенія въ своей обязанности; наконецъ, найдя его уже слишкомъ неосновательнымъ и нерадивымъ въ своей обязанности при занятіи лагеря, я арестовалъ его, упустивъ изъ виду, что симъ не исправлю его, а только навлеку на себя его неудовольствіе, тогда какъ я дорожилъ его пріязнію. Онъ на меня дулся съ недѣлю; но послѣ того все обошлось, и мы опять сдѣлались пріятелями внѣ службы, по коей мы часто ссорились съ нимъ.

28-го числа отдѣлился отъ насъ авангардъ подъ командою г.-м. Панкратьева. Дѣло его въ Дарадизскомъ ущельи было быстрое и хорошее. Донскіе казаки, противъ ожиданія, атаковали непріятеля въ ущельи и на горахъ очень смѣло и опрокинули его съ нѣкоторымъ урономъ. Ими предводительствовалъ въ семъ случаѣ войсковой старшина Уткинъ; командиръ же полка полковникъ Леоновъ былъ человѣкъ неспособный для какого-либо мужественнаго предпріятія и надо-

ѣдалъ мнѣ невозможностями, которыя онъ вездѣ находилъ и страхами своими, которые онъ въ нескромныхъ разговорахъ распространялъ по лагерю преимущественно послѣ неумѣренныхъ пиршествъ, коимъ онъ довольно охотно предавался.

29-го числа весь отрядъ пошелъ къ Дарадизу, коего начало было верстахъ въ 12 отъ Аракса, и расположился лагеремъ влѣво отъ дороги, недалеко отъ большаго селенія Гергеръ, гдѣ большая часть жителей осталась на мѣстѣ. Я хотѣлъ было сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, дабы купить провіантъ въ селеніи, но былъ уже предупрежденъ фуражирами уланскихъ полковъ, которые разсыпались по оной и грабили. Безпорядокъ былъ ужасный, и начальники мало обращали вниманія на укрощеніе онаго. Чавчавадзе былъ слабъ и не хотѣлъ имѣть неудовольствій съ полковыми командирами, Сакенъ не хотѣлъ ихъ имѣть съ Чавчавадзевымъ, и въ деревнѣ былъ совершенный разбой. Наконецъ, строгими взысканіями, мимо генераловъ, я кое-какъ унялъ сіе; но уже часть жителей разбѣжалась по горамъ и дальнимъ селеніямъ. Сіи два уланскіе полка, изъ Россіи пришедшіе, могли служить примѣромъ неустройства какъ на переходахъ, такъ и въ лагерѣ и на фуражировкахъ, во все время похода, и пріобрѣли себѣ черезъ то дурную славу. Не было никакихъ средствъ унять въ семъ войскѣ безпорядокъ, видно давно уже въономъ вкравшійся. Я однакоже успѣлъ добыть въ Гергерахъ нѣсколько хлѣба и продолжалъ закупку сію и въ другихъ деревняхъ, по мѣрѣ какъ мы подвигались впередъ.

Такъ какъ непріятель, по полученнымъ нами извѣстіямъ, усилился въ завалахъ Дарадизскаго ущелья и, казалось, хотѣлъ удерживать оное, то мы совѣщались, какою дорогою идти въ Маранду: ибо мѣстоположеніе было въ пользу непріятеля въ тѣснинѣ, а между тѣмъ была другая кружная дорога черезъ Евъ-Оглу вправо; но по ней мы терпѣли бы большой недостатокъ въ водѣ, и та дорога была 30 или 40 верстами кружнѣе предстоявшей. Притомъ же, идучи правою дорогою, мы сближались къ Аббасъ-Мирзѣ, который могъ насъ атаковать на маршѣ во флангъ, а потому и рѣшились пробиться на другой день черезъ ущелье. И такъ, поставивши войска въ лагерѣ, я поѣхалъ съ Панкратьевымъ, дабы обозрѣть мѣста, и мы были уже близко заваловъ, какъ къ намъ вбѣжалъ сердарь, который далъ извѣстіе, что рота Гергерскихъ сарбазовъ, узнавши, что мы заняли ихъ деревню, оставила свой постъ и ушла со своимъ султаномъ въ горы, что всѣ усилія начальника пришедшихъ двухъ баталіоновъ удержать сарбазовъ были тщетны; что даже дошло до драки и до выстрѣловъ и что Карадагскіе сарбазы, слѣдуя сему примѣру, также оставили укрѣпленія послѣ Гергерцовъ и ушли такъ быстро, что мы ихъ болѣе не нагонимъ. Мы

поспѣшили къ заваламъ, нашли только въ ущельи нѣсколько тѣлъ убитыхъ наканунѣ людей и лошадей и увѣрились въ невозможности настичь бѣгущихъ Персіянъ. Гергерскіе сарбазы поднялись на горы къ сторонѣ своего селенія и внѣ ружейнаго выстрѣла сидѣли на скалахъ, смотря на насъ; какъ я ни кричалъ имъ и ни подавалъ знаки, чтобы они спустились, они поднялись еще выше и, какъ дикія козы, скрылись въ горахъ.

Укрѣпленіе Дарадизскаго ущелья состояло изъ паралельной толстой стѣнки вышиною аршина въ полтора, едва сложенной, безъ извести, толщиною въ аршинъ, перегорожавшей ущелье въ самомъ узкомъ мѣстѣ онаго, которое простиралось въ обѣ стороны нѣсколько въ полугорье. Хотя укрѣпленіе сіе и можно было взять приступомъ, но не безъ потери, ибо мѣстоположеніе способствовало къ защитѣ болѣе самаго укрѣпленія. Было однакоже средство обойти и атаковать сію позицію съ высотъ на лѣвомъ флангѣ оной находившихся, на кои можно было, хотя съ трудомъ, встащить и горные единороги. Мы немедленно подвинули одинъ баталіонъ Нашебургскаго полка и, занявъ противуположный выходъ изъ ущелья, сдѣлали еще рекогносцировку на нѣсколько верстъ впередъ. Мѣстоположеніе было голое и не представляло даже вида населенія. Вода, по Дарадизскому ущелью текущая, идетъ изъ соленыхъ источниковъ, и мы имѣли въ виду только небольшой родникъ прѣсной воды, находящійся за ущельемъ. Непріятеля и слѣдъ простылъ; а потому, возвратившись въ лагерь, я взялъ дѣятельныя мѣры, дабы скорѣе обработать дорогу по ущелью и перевести весь отрядъ на другую сторону.

Ущелье сіе до того дня составляло еще надежду Персіянъ, и они стали опасаться за Тавризъ только съ того времени, какъ мы оное прошли. Молва о сей тѣснинѣ была распространена совершенно ложная въ обѣихъ сторонахъ. Персіяне полагали оное непроходимымъ, а мы весьма затруднительнымъ. Сколько я до обозрѣнія ни сличалъ разсказы о трудностяхъ дороги по сему ущелью съ видѣннымъ мною во время посольства, я никакъ не могъ припомнить сего непроходимаго мѣста. Столь общее мнѣніе, однажды поселенное, хотя и ложное, утверждается въ понятіяхъ людей, и спрошенные проводники безъ всякаго уже умысла стращали насъ сею дорогою; какъ въ другихъ случаяхъ они не находили никакихъ затрудненій къ самымъ труднымъ дорогамъ, когда желали, чтобы войска по тѣмъ мѣстамъ проходили. И потому за правило надобно принять при разспросахъ у жителей не увлекаться общимъ мнѣніемъ, основаннымъ иногда на пустой причинѣ, а изслѣдовать въ подробности обстоятельства распрашиваемаго дѣла и на точномъ дознаніи оныхъ основать свое общее понятіе и предположеніе о пред-

метѣ, а послѣ того уже сличить его съ народнымъ, которое должно быть извѣстно для соображеній, какъ на примѣръ въ семъ случаѣ. Уныніе и страхъ, наведенные на Персіянъ занятіемъ Дарадиза, должны были равняться чувству самонадѣянности и безопасности, коимъ оживляло ихъ ложное понятіе о пустомъ отпорѣ Дарадиза.

Самая дорога по ущелью была уже удобопроходима для насъ; но намъ надобно было ее приготовить для движенія главныхъ силъ и имѣть на всякій случай и за собою прочное сообщеніе; а потому я въ тотъ же вечеръ сформировалъ рабочій баталіонъ, который поручилъ Высоцкому. Дорога была раздѣлена на участки, и 30-го числа началась и кончилась работа въ ущельи. Авангардъ же подъ начальствомъ Панкратьева подвинулся нѣсколько впередъ, дабы лучше обозрѣть все пространство впереди лежащее и прикрывать всѣ пути, ведущіе въ ущелье; тамъ найдено было и еще нѣсколько родниковъ порядочной воды. Гергерскіе жители стали возвращаться въ дома свои, когда безпорядокъ былъ прекращенъ. И такъ первый шагъ нашъ за Араксомъ увѣнчался совершеннымъ успѣхомъ. Распространяться въ большія подробности о дѣйствіяхъ нашихъ до 1-го числа Октября не считаю надобностью. Наше донесеніе показываетъ ихъ съ достаточною точностію.

Неожиданное занятіе Дарадизскаго ущелья всѣхъ обрадовало въ лагерѣ... Перваго числа всѣ войска двинулись и прошли безъ остановки до мѣста расположенія авангарда, почти противъ селенія Залъ, гдѣ былъ сдѣланъ привалъ, въ 14 в. отъ Гергеръ, а тамъ, пройдя еще 19 верстъ, прибыли мы очень поздно на ночлегъ къ мельницѣ Чирчиръ, что на правомъ берегу рѣчки Зуннусъ-чай. Переходъ былъ большой, въ 33 версты; мы шли по голымъ и безводнымъ мѣстамъ, но все было весело и бодро, потому что шли впередъ, исправляя дорогу во время самаго движенія войскъ. Никакое зрѣлище не можетъ быть столь пасмурно, какъ сія безплодная и безводная пустыня, по коей мы двигались; по сторонамъ видно было вдали на полугорьяхъ нѣсколько селеній, и едва можно было ихъ различить отъ единообразнаго цвѣта земли при захожденіи солнца. Ни зелень, ни деревья не оживляли утомительной картины сей. Старикъ Эристовъ на переходѣ семъ позабавилъ насъ своею торопливостью. Въ авангардѣ шла Черноморская казачья бригада Долгорукова, и она имѣла приказаніе не отдѣляться далеко отъ пѣхоты; ибо могло легко случиться ей наткнуться на сильный отрядъ непріятельской конницы, который бы могъ надъ оною взять верхъ. Эристову, не расчитывавшему ни времени, ни разстоянія, не терпѣлось завладѣть какимъ либо городкомъ, и какъ онъ слышалъ, что впереди насъ былъ городъ Маранда, то онъ боялся, дабы кто-либо изъ подчиненныхъ ему начальниковъ прежде него не взошелъ бы въ

городъ и не приписалъ бы себѣ славы сего завоеванія; а потому онъ не давалъ войскамъ порядочно отдохнуть на привалѣ и, вопреки всѣхъ распоряженій моихъ и увѣщаній, вышелъ изъ терпѣнія, сѣлъ верхомъ, поскакалъ къ казакамъ и повелъ ихъ впередъ; но скоро припадокъ его прошелъ, и онъ остался въ своемъ мѣстѣ. Часто онъ выводилъ меня изъ терпѣнія позволеніями, которыя онъ давалъ частнымъ начальникамъ нарушать предписанный порядокъ марша и обгонять другія части войскъ, дабы прежде въ лагерь прійти. Стоило только къ нему придти и попроситься: онъ безъ затрудненія разрѣшалъ, не знавши предписаннаго съ вечера порядка, и все мѣшалось. Болѣе другихъ пользовался симъ средствомъ Сакенъ, который помышлялъ только о сбереженіи кавалеріи, никогда не хотѣлъ идти за пѣхотою, твердя, что сіе утомительно для лошадей, что̀ каждому было извѣстно, но чего невозможно избѣжать, когда ожидаешь непріятеля: ибо въ бою въ первой линіи должна быть пѣхота, а кавалерія должна оставаться въ задней и атаковать тогда уже, когда первый отпоръ данъ, и непріятель уже разстроивается. Напротивъ того, наша кавалерія, встрѣченная въ полѣ безъ поддержанія пѣхоты большимъ числомъ Персидской конницы, можетъ отъ оной потерпѣть. И на семъ переходѣ также Сакенъ съ уланами выпросился впередъ и прежде пѣхоты прибылъ въ Чирчиръ, гдѣ занялъ лагерь, что̀ было противно совершенно всѣмъ правиламъ осторожности.

На переходѣ семъ являлись къ намъ нёкеры Керимъ-хана; это были слуги его и вмѣстѣ составляли и его войско. Ихъ перешло къ намъ тогда до 60 или 70 человѣкъ по крайней мѣрѣ, отличныхъ всадниковъ племени Кенгерли, населяющаго Нахичеванское ханство. Въ послѣднюю Турецкую войну я узналъ нѣкоторыхъ изъ сихъ лицъ, которые служили въ конницѣ Кенгерли, бывшей съ нами на походѣ. Нёкеръ значитъ слуга, но въ особенности употребляется въ смыслѣ служащаго при какомъ нибудь владѣльцѣ всадникомъ. Люди сіи приносили намъ покорную голову, оставивъ своего начальника; они знали, что Керимъ-ханъ не могъ болѣе къ намъ показываться. Онъ, можетъ быть, не надѣялся болѣе получить свое ханство, и переходъ людей сихъ, коихъ онъ вѣроятно не имѣлъ болѣе средствъ содержать, былъ, можетъ быть, послѣдствіемъ обоюднаго согласія хана и слугъ его, кои могли снова водвориться на своей родинѣ. Изъ сихъ людей немногіе остались при войскѣ нашемъ; большая часть возвратилась съ позволенія нашего въ Нахичеванъ; а ханъ, скитавшійся долгое время по горамъ, лишился въ побѣгѣ имущества своего, доставленнаго къ намъ въ Маранду. Оно вѣроятно было уже осмотрѣно и отобрано сыщиками; привезенные къ намъ старые ковры, бѣдные чайные приборы, постели,

мѣдная посуда и прочая домашняя утварь, были внесены въ опись и сданы особому чиновнику, который выдавалъ ихъ при пріемахъ знатныхъ пріѣзжихъ Персіянъ.

Явившійся въ Чирчирѣ Мустафа, капитанъ сарбазской, пришелъ къ намъ въ лагерь единственно съ тою цѣлью, чтобъ упражняться въ пьянствѣ, къ коему онъ имѣлъ большую склонность. Склонностью сею сперва забавлялись: ему давали водку и ромъ безъ мѣры, и онъ упивался всякій день до полусмерти. Наконецъ онъ надоѣлъ, его на одномъ переходѣ напоили и бросили замертво на дорогѣ ночью; но онъ, противъ всякаго чаянія, выспался, очнулся и, пришедъ въ лагерь, сталъ опять просить водки; но его уже прогнали, и онъ, кажется, возвратился домой въ Гергеры. Сей-то Мустафа, находившійся съ Аббасъ-Мирзою въ Коровномъ ущельи 17-го Сентября, говорилъ мнѣ, что при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, которые они услышали, стоя на позиціи въ 7-ми верстахъ отъ насъ, всѣ разбѣжались, побросавъ даже орудія, которыя мы могли тогда взять. Легко судить о военныхъ дѣйствіяхъ, спустя нѣсколько времени, когда всѣ обстоятельства узнаются, когда ознакомишься съ мѣстоположеніемъ.

Товарищъ сего Мустафы былъ сарбазъ, выбѣжавшій къ намъ на встрѣчу въ Дарадизскомъ ущельи съ извѣстіемъ о побѣгѣ Персіянъ. Онъ явился ко мнѣ въ сарбазскомъ мундирѣ и съ ружьемъ и отдалъ мнѣ честь, за что̀ и былъ отблагодаренъ червонцемъ. Сіе ему такъ понравилось, что онъ ходилъ по всему лагерю съ ружьемъ своимъ и всѣмъ начальникамъ дѣлалъ на караулъ; но, не получая дорогой платы, которую я ему далъ въ вознагражденіе прежней услуги его, онъ скоро отсталъ отъ насъ и изчезъ, возвратясь вѣроятно во свояси.

Шіошъ Шіоевъ, о коемъ упоминается въ нашемъ рапортѣ, былъ Армянинъ, Тифлисскій житель, знакомый, кажется, еще въ Россіи, съ шуриномъ моимъ. Человѣкъ сей хотѣлъ выслужиться въ арміи, добивался офицерскаго чина и просилъ убѣдительно шурина моего, дабы онъ исходатайствовалъ ему отъ меня какое либо порученіе, о чемъ меня и просилъ шуринъ, представляя Шіоева. Онъ привелъ его ко мнѣ въ самое то время, какъ я пріискивалъ въ памяти человѣка, котораго бы можно послать закупить скота, въ деревняхъ впереди насъ лежащихъ на Марандской долинѣ. Порученіе было сопряжено съ опасностью: ибо Персидскіе всадники по онымъ еще наканунѣ разъѣзжали небольшими партіями, и хотя пришедшіе старшины и увѣряли, что всадники сіи ускакали, узнавъ о нашемъ приближеніи, но могло еще случиться (какъ и случилось), что всадники сіи неподалеку скрывались. Нисколько не останавливаясь, я воспользовался доброю волею Армянина и предложилъ ему съѣздить въ деревни, не давъ ему однакоже

денегъ, дабы заплатить жителямъ уже по приводѣ скота. Шіоевъ съ радостію поскакалъ и былъ захваченъ. При заключеніи мира его возвратили, но онъ лишился 150 червонцевъ собственныхъ денегъ, которыя, какъ онъ показываетъ, при немъ были. Онъ былъ представленъ къ чину, который и получилъ только въ нынѣшнемъ году. Человѣкъ сей въ прошлую Турецкую кампанію служилъ у меня волонтеромъ въ 3-мъ конно-мусульманскомъ полку, употреблялся мною при закупкахъ провіанта и показалъ много усердія и смышлености. Онъ нынѣ взялъ на откупъ Культепской соленый заводъ, что въ Эриванской области, и имѣетъ хорошій достатокъ.

Прибытіе старшинъ совершенно увѣрило меня, что Маранда со всѣми принадлежащими къ оной деревнями будетъ наша безъ всякаго сопротивленія. Черезъ занятіе сего города и богатой долины, на коей онъ построенъ, мы пріобрѣтали твердую ступень въ движеніи нашемъ къ Тавризу, ибо могли тутъ запастись провіантомъ и скотомъ, устроить даже складочное мѣсто, еслибъ располагали идти къ Тавризу на легкѣ.

Во всѣхъ гористыхъ мѣстахъ населены и обработаны однѣ только долины; но переходы черезъ горы или отдѣляющіе сіи долины хребты бываютъ пусты, неплодородны. Передъ нашимъ Чирчирскимъ лагеремъ открывалась обширная Марандская равнина, усѣянная деревнями, окруженными садами. Съ полей хлѣбъ былъ уже убранъ и былъ въ готовности для насъ; стада нѣсколько подалѣе отогнаты, но не въ недостижимомъ разстояніи. Мы вступили 3-го числа въ городъ. Авангардъ, состоявшій изъ моего своднаго баталіона, подъ командою Кошкарева, первый занялъ городъ и всѣ заставы, дабы предупредить безпорядокъ, коего совершенно никакого не было ни въ городѣ, ни въ деревняхъ во все время пребыванія нашего въ семъ мѣстѣ. Фуражиры посылались всегда въ порядкѣ, и нарушеніе порядка прекращалось при началѣ. Сіи мѣры и дали намъ средства запастись всѣмъ нужнымъ, безъ отягощенія жителей, кои всѣ остались на своихъ мѣстахъ, а ушедшіе до нашего прибытія возвратились въ свои дома.

Маранда довольно хорошій городъ въ сравненіи съ прочими Азіятскими городами; по инымъ улицамъ струитъ чистая вода, посажены тополи что всего болѣе украшаетъ сіе мѣсто. Въ немъ есть небольшой базаръ, весьма хорошія бани и ханскій домъ, замѣчательный по отличному убранству нѣкоторыхъ комнатъ. Мнѣ помнится, что я писалъ объ оныхъ въ путешествіи своемъ во время посольства въ Персію я нынѣ засталъ ихъ въ томъ же положеніи. Необыкновенная темнота въ сихъ покояхъ, глянцовитая и чистая штукатурка на стѣнахъ, мелкая и яркая живопись на оныхъ и на потолкахъ, заслуживаютъ вниманія. Трудно понять, но несомнѣнно послѣ того, что въ Азіатскихъ украше-

ніяхъ покоевъ можетъ быть вкусъ; ибо мнѣ случалось много разъ видѣть Персидскія комнаты гораздо пышнѣе и богачѣ убранныя, но нигдѣ, даже въ самомъ дворцѣ Аббасъ-Мирзы, не нашелъ я такого приличія и красоты въ узорахъ, какъ въ Марандѣ, въ ханскомъ домѣ. Но сіе можетъ только исключительно отнестись къ двумъ покоямъ, обращеннымъ открытыми стѣнами одна къ другой и раздѣленнымъ прекраснымъ бассейномъ, надъ коими для тѣни растягивались отъ строеній долгонавѣсныя жалузи. За входомъ въ сіе мѣсто начинались неопрятные корридоры, грязные дворы, соотвѣтственные обычаямъ той земли...

Магмедъ-ханъ Марандскій, пустѣйшее созданіе, которое гдѣ либо можно встрѣтить. Отецъ его Назаръ-Али-ханъ служилъ въ войскѣ Аббасъ-Мирзы и былъ имъ казненъ при различныхъ поруганіяхъ и безчеловѣчныхъ мученіяхъ, кажется, за потерю Елисаветпольскаго сраженія Аббасъ-Мирзою. Фамилія сія была весьма знатная, и сыновья его, питая злобу на своего властителя, дышали мщеніемъ за смерть отца, котораго они любили и который былъ всенародно уважаемъ. Магмедъ-ханъ передался къ намъ; но человѣкъ сей, безъ власти и способностей, былъ намъ болѣе въ тягость, чѣмъ полезенъ. Старшій братъ служилъ въ сарбазахъ сертпбомъ или бригаднымъ командиромъ и былъ взятъ въ плѣнъ подъ Эриванью; меньшой же братъ, Магмедъ-Багыръ-бекъ, служившій маіоромъ въ сарбазскомъ батальонѣ, убѣжалъ съ прочими изъ Сердарабада и укрывался съ семействомъ своимъ въ ущельяхъ, откуда явился къ намъ. Аббасъ-Мирза, узнавъ объ измѣнѣ сихъ людей, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько женъ и дѣтей ихъ, которыхъ и услалъ въ Тавризъ, а оттуда въ Тегеранъ. Багыръ-бекъ — молодой человѣкъ, красивый собою, исполненный дѣятельности, быстроты и ловкости, недавно былъ женатъ и безъ памяти любилъ жену свою. Онъ былъ въ отчаяніи и не могъ удержать своихъ слезъ, когда сидѣлъ у меня. Онъ извергалъ проклятія и призывалъ всѣ бѣдствія и несчастія на главу убійцы отца его и похитителя единаго друга и дѣтей, и упрашивалъ меня, въ пылу страстей своихъ, скорѣе двинуться къ Тавризу, не разсчитывая впрочемъ потребностей нашихъ; ибо люди сіи всегда безпечны и дурно предусматриваютъ въ дѣлахъ, до нихъ лично не касающихся.

Я употребилъ съ пользою пылкость и способности Багыръ-бека. Ночью онъ держалъ разъѣзды съ нѣсколькими конными Персіянами, которые вились около меня; днемъ служилъ онъ мнѣ въ посылкѣ лазутчиковъ. Усердіе и добродушіе его мнѣ нравились, я полюбилъ его и хотѣлъ доставить ему нѣкоторыя выгоды въ нашей службѣ, въ чемъ бы мнѣ и удалось, еслибъ я не потерпѣлъ гоненія за взятіе Тавриза. Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Тавризѣ, я укрывался въ от-

даленной и уединенной комнатѣ дворца Аббасъ-Мирзы, дабы не видѣть людей служившихъ усердно и коихъ труды мое предстательство у начальства не могло болѣе наградить. Когда мы оставили Маранду, все семейство сіе выѣхало и поселилось въ Нахичеванѣ, гдѣ оно получало нѣкоторое содержаніе отъ нашего правительства. Я былъ въ перепискѣ съ Багыръ-бекомъ, который искалъ покровительства и, наконецъ, я потерялъ его изъ виду. Въ прошломъ же году, при возвращеніи моемъ изъ Эрзрума, я его встрѣтилъ дорогою и едва узналъ. Онъ очень обрадовался меня видѣть и просилъ совѣта, какъ поступить, дабы попасть въ милость у фельдмаршала. Я не могъ ему никакого совѣта дать, ибо непостоянный даръ сей изливался болѣе на особъ презрѣнныхъ между честными людьми. Не знаю, что̀ съ нимъ теперь дѣлается; а Магмедъ-ханъ, какъ я слышалъ, бѣжалъ обратно въ Маранду въ недавнемъ времени.

Сношенія съ Тавризомъ производилъ я посредствомъ лазутчиковъ. Я послалъ туда нѣсколько экземпляровъ прокламаціи, коею обезпечивались лица и собственность жителей. Казалось, что большая часть жителей расположена была насъ принять. Я дѣйствовалъ и черезъ муждегида, писалъ къ нему, надѣясь на вліяніе, которое сія духовная особа могла имѣть въ народѣ, но не получилъ никакого удовлетворительнаго отвѣта отъ сего человѣка нерѣшительнаго, довольно глупаго и не пользовавшагося, какъ я полагалъ сначала, особенною довѣренностію и уваженіемъ въ народѣ. Но начало нашего движенія на Тавризъ было уже положено, и Персіяне, которые не умѣли судить основательно о надеждахъ нашихъ на успѣхъ, противуставляя имъ случаи, могущіе обратиться въ нашу невыгоду, общимъ побужденіемъ, основаннымъ на совершенномъ увѣреніи въ удачѣ, уговаривали меня поспѣшить выступленіемъ къ Тавризу. И сіе тоже необдуманное мнѣніе ихъ я бралъ въ соображеніе предпріятія моего, какъ инстинктъ ласточки, предчувствующей безошибочно непогоду, собаки, отыскивающей дальную дорогу, пѣтуха, узнающаго часы ночи. Такъ и человѣкъ въ малообразованномъ состояніи ближе къ предчувствіямъ, чѣмъ тотъ, который основывается на обдуманномъ взвѣшиваніи обстоятельствъ. А потому, не основывая на сихъ предчувствіяхъ мои дѣйствія, считаю неизлишнимъ брать ихъ также въ соображеніе.

Движеніе Аббасъ-Мирзы было весьма искусное. Можно ли предположить, что ему было извѣстно правило стратегіи, что для защиты столицы не должно становиться передъ оною, а дѣйствовать на флангѣ наступающаго непріятеля? При немъ не было иностранныхъ офицеровъ; а потому и должно полагать, что онъ въ семъ случаѣ былъ руководимъ непонятнымъ для него убѣжденіемъ въ пользѣ предпринятаго имъ

движенія; ибо онъ тогда легко могъ еще предупредить насъ передъ Тавризомъ, но оставался на флангѣ и даже подвинулся къ тылу. Къ послѣднему сему движенію онъ, кажется, былъ побужденъ намѣреніемъ напасть на баталіонъ 41-го егерскаго полка въ Дарадизскомъ ущельи. Надобно думать, что онъ имѣлъ уже извѣстіе о движеніи томъ. И онъ могъ надѣлать намъ много хлопотъ; ибо мѣстоположеніе въ ущельи было въ его пользу; да притомъ и нашъ начальникъ при семъ батальонѣ не былъ совсѣмъ надеженъ. Аббасъ-Мирза могъ бы и главному нашему отряду вредить, если бы онъ былъ въ силахъ, по крайней мѣрѣ, препятствовать движенію нашему къ Тавризу, угрожая болѣе нашему правому флангу и тылу. Но духъ въ остаткахъ его войска уже совсѣмъ упалъ, и онъ не могъ болѣе ничего предпринять отважнаго.

Движенія Аббасъ-Мирзы на нашемъ правомъ флангѣ стѣсняли наши дѣйствія для продовольствія, и передовые его посты пріѣзжали даже на разстояніе 15 и 20 верстъ отъ Маранды. Застать и настичь его не было никакой надежды, ибо онъ держался въ 40 и болѣе верстахъ отъ насъ и имѣлъ хорошія свѣдѣнія о нашихъ движеніяхъ. Ночная экспедиція, по незнакомымъ дорогамъ, къ разсвѣту не привела бы насъ до его лагеря; мы были бы открыты, онъ бы бѣжалъ къ Хою и симъ отвлекъ бы насъ, еслибъ мы его стали преслѣдовать, отъ настоящей цѣли нашей—дѣйствовать на Тавризъ.

Старикъ Эристовъ не давалъ мнѣ покоя и все приставалъ, чтобы *стрѣлять*, то есть ловить Аббасъ-Мирзу. Я, говорилъ онъ, поймаю этого мошенника Аббасъ-Мирзу; дай мнѣ только хить (хоть) одинъ батальонъ и большая пушка (батарейныя орудія). Я его все усовѣщивалъ не тревожиться, увѣряя, что онъ не поймаетъ Аббасъ-Мирзу. Онъ уходилъ печальный изъ моей палатки. Хорошо, говорилъ онъ, я доложилъ; а вы, братъ, какъ изволишь. Его усаживали за вистъ у кого-нибудь изъ генераловъ, и онъ тогда только успокоивался. Не менѣе того частыя его посѣщенія у меня много отнимали времени, ибо я заботился почти день и ночь о снабженіи войскъ достаточнымъ продовольствіемъ для движенія къ Тавризу. Его все сбивали Марандскій ханъ со своими родственниками и переводчики, его окружавшіе, и наконецъ сбили. Онъ однажды вооружился противъ меня и сказалъ, что болѣе не расположенъ оставаться въ бездѣйствіи, тогда какъ можетъ изловить мошенника, и что, не взирая ни на какія представленія и чьи бы то ни было возраженія, онъ въ ночь отправляется за Аббасъ-Мирзою. Онъ приказалъ передъ вечеромъ ударить по возамъ, не заботясь ни о тяжестяхъ нашихъ, ни о провіантѣ, ни о больныхъ, ни даже о снабженіи себя порядочными проводниками и не зная почти куда идти.

Палатки въ мигъ повалились, и старикъ восторжествовалъ. Я сложилъ руки и стоялъ въ молчаніи, глядя на безпорядокъ и суматоху съ досадою: всѣ труды мои могли въ мигъ пропасть, Тавризъ бы ускользнулъ изъ рукъ нашихъ.

Но стихіи пришли мнѣ на помощь. Въ мигъ ясное небо закрылось тучами, сильная буря несла по лагерю пыль, крупныя дождевыя капли начинали насъ мочить; за симъ грянулъ громъ, засверкала молнія, вѣтромъ стало рвать тѣ палатки, кои еще не успѣли снять. Все сіе подѣйствовало на Эристова и охладило его пылъ; онъ сѣлъ передъ своею палаткою и задумался. Нѣкоторые изъ начальниковъ прибѣжали ко мнѣ и убѣдительно просили, дабы я вступился и по крайней мѣрѣ уговорилъ Эристова до другаго времени отложить ловлю. Я имъ предоставилъ самимъ уговаривать его, но его уже сразила непогода: сдѣлалось тихо, снятыя и сорванныя палатки опять поставили, запѣли въ лагерѣ пѣсни, а Эристовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, къ кому-то пошелъ и проигралъ часть ночи въ вистъ. Странное явленіе сіе въ природѣ и въ лагерѣ нашемъ продолжалось немного болѣе получаса, и всѣ снова принялись за прежнія свои занятія.

Сіе случилось 5-го числа. Въ тотъ же вечеръ получены были вѣрныя извѣстія о движеніи Аббасъ-Мирзы на нашъ тылъ по направленію къ Дарадизу. Большая дорога, позади насъ лежащая, уже была занята его передовыми всадниками; надобно было непремѣнно обезпечить движеніе егерей по ущелью, и сіе можно было сдѣлать, отрядивъ часть войскъ, не оставляя съ главными силами Маранды, нашихъ запасовъ и приготовленій провіанта. Эристовъ хотѣлъ на другой день самъ отправиться, но его не допустили и командировали Чавчавадзе.

Такъ какъ Чавчавадзе, по безпечности своей, не давалъ намъ о себѣ извѣстій, то мы стали безпокоиться о немъ и командировали 8-го числа Сакена съ конницею, съ коею онъ дошелъ до разореннаго караванъ-сарая Арзанъ (остатки величественнаго зданія, находящагося въ 24 верстахъ отъ Маранды назадъ)...

Уже два отправленія было сдѣлано, а Эристову все доводилось оставаться дома, тогда какъ ему хотѣлось стрѣлять и поймать Аббасъ-Мирзу. Старикъ сдѣлался мраченъ, грустилъ и наконецъ рѣшился добромъ у меня отпроситься на войну. Онъ пришелъ ко мнѣ въ палатку. Изволишь ли видѣть, братъ, сказалъ онъ, я вамъ вотъ чтó доложу, а вы какъ прикажетъ; дай хить Херсонской полкъ и большая пушка (батарейное орудіе, ибо онъ мало вѣрилъ дѣйствію легкихъ и предпочелъ бы осадныя, если бы они съ нами были); я ей Богъ, поймаю мошенника; за что я не поймаю его, а?—Я хотѣлъ его было опять уговорить остаться; но онъ такъ убѣдительно и умильно просилъ меня,

притомъ же я видѣлъ, что онъ наконецъ не удовольствовался бы отказомъ и употребилъ бы власть свою; ибо его подстрекала молодежь, которая, не зная обстоятельствъ, надѣялась тоже повоевать и получить крестики. А потому, дабы предупредить всякое нарушеніе зависимости, въ коей онъ находился отъ меня, я согласился, и мы рѣшили, что онъ на другой день выступитъ къ Чирчиру, дабы поддержать Чавчавадзе и Сакена. Мѣра сія, если и безполезная, не могла быть вредною; ибо основаніе нашего отряда оставалось въ Марандѣ. Всѣ приготовленія къ завоеванію Тавриза дѣятельно продолжались, и уведенная имъ часть войскъ была безъ настоящаго, въ то время, дѣла.

Эристовъ вышелъ отъ меня въ восхищеніи и, сообщивъ свою радость всѣмъ героямъ, ожидавшимъ его возвращенія, онъ собирался въ походъ. Къ нему отпросились многіе чиновники штаба, между прочими пожелалъ идти дежурной штабъ офицеръ Викинской. Я всѣмъ желающимъ позволилъ, зная, что не могло ничего тамъ встрѣтиться и что Аббасъ-Мирза былъ слишкомъ уменъ, чтобы насъ атаковать. Но я опасался, чтобы Эристовъ не воспользовался моимъ отсутствіемъ, дабы погнаться за нимъ, и потому взялъ слѣдующія мѣры.

Полковнику Викинскому приказалъ я его отнюдь далѣе Чирчира не пускать, чтó и возложилъ нѣкоторымъ образомъ на его отвѣтственность. Начальнику его пѣхоты, полковнику Попову, командовавшему Херсонскимъ полкомъ и женатому на его родной племянницѣ, сказалъ я, дабы не разсыпать безъ надобности застрѣльщиковъ и не утомлять людей отдаленными постами, командировками и погонями, а въ особенности просилъ его, дабы не изводить патроновъ. Поповъ былъ старый товарищъ мой; онъ обѣщалъ соблюсти сіе, но самъ надѣялся имѣть съ непріятелемъ дѣло и, соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, скрывалъ внутренно увѣренность свою отличиться великими подвигами. Начальникъ артилеріи въ семъ отрядѣ былъ капитанъ Бриммеръ, человѣкъ основательный, благоразумный и опытный офицеръ, который видѣлъ, что путешествіе ихъ должно было кончиться ничѣмъ. Я и его призвалъ и далъ ему приличное наставленіе; онъ обѣщалъ мнѣ не стрѣлять изъ орудій и даже не свозить ихъ въ поле съ большой дороги, безъ особенной надобности. И такъ князь Эристовъ отправился на другой день, окруженный всѣми возможными предосторожностями для препятствованія его глупостямъ. Онъ все молчалъ передо мною, но втайнѣ совѣщался со своимъ племянникомъ и переводчиками и когда уже прошелъ Маранду, то, вздохнувши свободно, обратился къ нимъ и сказалъ Попову съ видомъ торжества: что, братъ, теперь мы будемъ стрѣлать! Пришедши въ Чирчиръ, онъ, хотѣлъ было далѣе идти; но Викинской его упросилъ остаться. Старику постлали бурку, и онъ ус-

нулъ, а на другой день пришло отъ Сакена извѣстіе, что все уже кончено, и Эристовъ съ отрядомъ возвратился въ Марандской лагерь, съ лицемъ еще длиннѣе обыкновеннаго. Съ такими же лицами возвратились и всѣ спутники его. Эристовъ снова покорился мнѣ и спрашивалъ: братъ, скоро ли Тавризъ пойдемъ?..

Такъ кончились замыслы Аббасъ-Мирзы, и опасенія наши на счетъ баталіона 41-го егерскаго полка. Маневръ Аббасъ-Мирзы былъ тотъ же, какъ сдѣланный имъ за нѣсколько до того времени отъ Хоя къ Эривани, но не имѣлъ въ сей разъ успѣха. Онъ уже былъ обезсиленъ и еще болѣе потерялъ теперь отъ своего послѣдняго отступленія, которое въ войскѣ его было принято за побѣгъ, и усилило число бѣглыхъ между остатками онаго.

Затѣмъ осталось намъ идти впередъ. Все было приготовлено къ движенію; лазутчики, возвращавшіеся изъ Тавриза, доставляли намъ самыя лучшія вѣсти, и мы имѣли одно только опасеніе, чтобы начальникъ нашъ не предупредилъ насъ запрещеніемъ идти впередъ. Мы уже считали обязанностію своею двинуться впередъ, дабы захватить орудія и магазейны въ Тавризѣ и предупредить Аббасъ-Мирзу, который, узнавъ о рѣшительномъ намѣреніи нашемъ, могъ прежде насъ придти въ свою столицу и еще взволновать народъ противъ насъ. Я подумалъ, что занятіе Тавриза могло имѣть вліяніе на миръ или политическія сношенія наши съ Персіею, которыя мнѣ не были ни извѣстны, ни поручены; но я зналъ, что воля Государя была занять городъ сей и истребить въ немъ всѣ воинскія заведенія Персіянъ, какъ то арсеналъ литейную, пороховой заводъ и проч. А потому я и не помыслилъ отмѣнить своего перваго намѣренія; но какъ быть, еслибъ вдругъ пришло отъ Паскевича предписаніе не двигаться впередъ? Мы съ часу на часъ опасались сего повелѣнія, которое къ счастію получили уже на другой день послѣ занятія Тавриза. Между тѣмъ, дабы предупредить всякій могущій встрѣтиться такого рода случай, я просилъ Эристова всѣ предписанія, которыя онъ получитъ безъ меня, прятать въ карманъ и открывать ихъ только при мнѣ, не удовлетворяя желанію любопытныхъ, обступавшихъ его всегда въ такомъ случаѣ съ вопросами о новостяхъ Эриванскихъ, которыя онъ безъ всякой осторожности въ туже минуту всѣмъ разсказывалъ. Такое предписаніе я бы запряталъ, и сія мѣра не дала бы повода къ разговорамъ и сужденіямъ иныхъ начальниковъ, которые неохотно шли впередъ и распространяли дурное вліяніе въ войскѣ... Пускай осудятъ сію мѣру, но я считалъ оную необходимою для блага самаго дѣла, и меня болѣе заботила борьба съ Паскевичемъ, чѣмъ непріятель, надъ коимъ я почти не сомнѣвался въ успѣхѣ. Я зналъ, что

постражду отъ Паскевича, но не долженъ былъ измѣнить обязанности своей, не взирая на неумѣстныя распоряженія начальства.

Предложеніе, сдѣланное мною князю Эристову, имѣло полный успѣхъ. Онъ зналъ, что былъ часто нескроменъ и обѣщалъ мнѣ поступать по моему желанію. Мысль сію онъ уже самъ имѣлъ и сказалъ мнѣ: пущай, братъ, ганаралъ сердится; а мы Тавризъ пойдемъ. И онъ исполнилъ обѣщанія свои, вопреки всѣхъ окружавшихъ его, ни передъ кѣмъ не распечатывалъ бумагъ, а отдавалъ ихъ мнѣ. Его однакоже тревожила мысль о столь смѣломъ предпріятіи. Хотя ему и хотѣлось взять Тавризъ, но онъ наканунѣ выступленія нашего изъ Маранды часто приходилъ ко мнѣ и, мѣшая мнѣ заниматься, все спрашивалъ: что́ мы будемъ дѣлать, если Персіяне стрѣлять начнутъ?—И мы будемъ стрѣлять, отвѣчалъ я.—А, братъ, у нихъ пушка большая? (его все безпокоилъ калибръ нашихъ орудій; онъ полагалъ и все преимущество въ калибрѣ орудій, такъ какъ зналъ, что на крѣпостяхъ употребляются орудія большаго калибра), и нашъ разговоръ кончался обыкновенно его поговоркою:—Какъ изволишь, братъ, я доложилъ; а вы какъ изволишь приказатъ, пойдемъ Тавризъ.

Слухи о взятіи Эривани уже распространились и были довольно правдоподобны. Сіе меня еще болѣе удостовѣряло въ успѣхѣ; но въ случаѣ если бы мы встрѣтили отпоръ или сопротивленіе подъ стѣнами Тавриза, я располагалъ повернуть направо и остановиться въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Шебаскера, въ ожиданіи прибытія Паскевича съ главными силами, что̀ не могло продлиться долѣе 28-го числа, до коего у насъ былъ провіантъ съ собою. Я хотѣлъ было еще склонить къ намъ батальонъ Русскихъ бѣглыхъ, составлявшій почти единственную опору Аббасъ Мирзы. Для того изготовилъ я воззваніе къ нимъ и письмо къ начальнику ихъ Самсонъ-хану, бѣглому вахмистру Нарвскаго драгунскаго полка, который игралъ въ Персіи важную роль, имѣя начальство надо всѣми нашими бѣглыми и нося званіе сертиба, т. е. генералъ-маіора. Говорили, что человѣкъ сей, имѣющій отличныя дарованія и бойкость, былъ склоненъ передаться къ намъ, оставя и семейство, и всѣ пріобрѣтенныя имъ съ давняго времени богатства въ Персіи. Не полагаясь однакоже на справедливость сихъ извѣстій, я надѣялся если не переманить его къ намъ, то по крайней мѣрѣ поселить въ батальонѣ семъ раздоръ и навлечь на него сомнѣніе Аббасъ-Мирзы. Бумаги сіи были уже переписаны, и воззваніе, изготовленное въ нѣсколькихъ экземплярахъ, долженъ былъ отвезти Армянскій дьяконъ, который былъ у насъ лазутчикомъ и, кажется, служилъ обѣимъ сторонамъ. Но, подумавъ, что прибытіе къ намъ множества развратныхъ людей бѣглыхъ, въ прощеніи которыхъ мы еще ручаться не

могли, только поселить безпорядокъ у насъ, я отмѣнилъ отправленіе сихъ бумагъ, съ коихъ копіи здѣсь прилагаю.

„Бывшему вахмистру Нарвскаго драгунскаго полка Самсонову".

„Побѣдоносныя войска Россійскія приближаются къ Тавризу. Нынѣ лишенный бодрости, упавшій духомъ Аббасъ-Мирза и оставленный даже собственными войсками, принужденъ бѣжать изъ владѣній своихъ, потерянныхъ чрезмѣрною надменностію его".

„Такимъ образомъ въ сіе время, когда каждый Россіянинъ долженъ радоваться и гордиться новою побѣдою надъ врагомъ его, съ сокрушеніемъ сердца вижу я, что ты и многіе другіе, коими нынѣ командуешь, забыли вѣру, царя и отечество, служите врагу нашему, васъ самихъ какъ невѣрныхъ въ душѣ своей презирающему".

„Теперь предстоитъ тебѣ случай загладить нѣкоторымъ образомъ вину свою. Покайся, схвати самого Аббасъ-Мирзу, пушки его и приведи связаннаго и орудія въ лагерь нашъ; возвратись въ объятія вѣры, тебя съ радостью ожидающей, къ нашему Спасителю, Который съ горестью свыше на васъ взираетъ, какъ на заблудшихъ овецъ Своихъ. Уговори солдатъ тебѣ подчиненныхъ, будь твердъ, рѣшителенъ, положись въ семъ дѣлѣ на милость Бога и волю великаго Государя нашего и очисти поступкомъ симъ душу свою отъ преступленія тобою содѣяннаго".

Въ письмѣ семъ я не могъ обѣщать прощенія, но думалъ, что твердый человѣкъ, раскаивающійся въ своемъ преступленіи, могъ на все рѣшиться и, предаваясь на волю нашу, привести и батальонъ свой, и Аббасъ-Мирзу, и артилерію; еслибъ и не было такого успѣха, то оно могло навесть на счетъ его вѣрности сомнѣнія Аббасъ-Мирзы, что произвело бы также много разстройства.

Вотъ копія съ воззванія къ бѣглому нашему батальону:

„Ребята!"

„Идутъ со всѣхъ сторонъ храбрыя войска Россійскія на вѣроломнаго врага своего, дабы отметить ему за тѣ злодѣянія, грабежи и зажигательства, которые въ прошломъ году мирные жители наши терпѣли отъ его неслыханной жестокости. Радостные клики побѣдъ храбрыхъ нашихъ воиновъ еще болѣе умножаютъ ужасъ въ сихъ нечестивыхъ поклонникахъ Магомета. Всѣ наши добрые солдаты повсюду пируютъ и веселятся; одни вы только, забывъ вѣру отцовъ и дѣдовъ вашихъ, отреклись отъ великаго Бѣлаго Царя и вашей родины. Къ стыду имени Русскихъ, вы продолжаете служить врагу нашему, даже въ то самое время, когда и самые мусульмане съ покорностью къ намъ являются. Покайтесь чистосердечно предъ Спасителемъ нашимъ, Коего вы оставили; обратитесь снова къ святой вѣрѣ Его; вспомните прежнія побѣды ваши, воспламенитесь тою же храбростью, коею прежде поражали враговъ отечества; обратите весь гнѣвъ вашъ на сихъ поклонниковъ Лжепророка, гнушающихся вѣры нашей; схватите самого Аббасъ-Мирзу, пушки его, приведите его съ орудіями, связаннаго въ лагерь нашъ и истребляйте всѣхъ тѣхъ, кои дерзнутъ противиться вамъ. Симъ поступкомъ очистите душу вашу отъ сдѣланнаго вами преступленія и съ упованіемъ положитесь на милость Божію и волю великаго нашего Государя".

Князь Эристовъ хотѣлъ также переманить къ намъ бѣглаго Александра, царевича Грузинскаго, и изготовилъ было къ нему письмо, но по совѣщанію со мною отложилъ намѣреніе свое; ибо я ему представилъ, что онъ не зналъ, будетъ ли сія мѣра согласна съ видами правительства и желаніемъ начальства: царевича, можетъ быть, не желали имѣть въ Россіи, дабы избѣжать издержекъ неизбѣжныхъ съ пріемомъ

и содержаніемъ его, и человѣкъ сей имѣлъ уже слишкомъ мало вліянія въ Грузіи, чтобы быть намъ опаснымъ.

Эристову не вѣрилось, чтобы можно было идти на Тавризъ; но участь Тавриза была уже рѣшена, и сказано было, что Паскевичу не именоваться графомъ Тавризскимъ.

Приступимъ къ дѣлу.

Панкратьеву очень хотѣлось идти авангардомъ. И Сакену хотѣлось сего. Они ребячились въ семъ случаѣ. Я поручилъ авангардъ Кошкареву, не потому чтобъ сіе необходимо было; напротивъ того, мнѣ казалось лучше имѣть небольшой передовой отрядъ въ виду головы колонны, чѣмъ отдѣлять батальонъ и орудія.

Такъ какъ я хотѣлъ извлечь какую нибудь пользу отъ сего авангарда, то и поручилъ Кошкареву исправить сколько можно было по ущелью дорогу и далъ ему тѣ орудія, у коихъ лошади были хуже, дабы оныя насъ не задержали на другой день въ движеніи. Но Кошкаревъ, не привыкши къ трудамъ, или лучше сказать излѣнившійся, любилъ получать или распоряжаться готовымъ, не заботясь о заготовленіяхъ и не входя въ подробности предмета, а потому не обработалъ дороги какъ слѣдовало, что̀ я и увидѣлъ на другой день, погнавъ съ отрядомъ авангардъ, который дожидался насъ при керванъ-сераѣ Ямъ. Кошкаревъ мнѣ рапортовалъ, принявъ прежній видъ знакомства, жаловался на дурное состояніе лошадей и говорилъ, что въ авангардъ надобно было давать самыя исправныя орудія. Въ отвѣтъ на сіе замѣтилъ я ему неисполненіе по данной ему порученности исправлять дорогу, и онъ замолчалъ. Хотя я ему сіе замѣтилъ очень легко и вѣжливо; но онъ, кажется, обидѣлся симъ замѣчаніемъ и долго, а можетъ быть и теперь еще, на меня за сіе недоволенъ, хотя мы и бываемъ вмѣстѣ. Офицеру сему, въ иныхъ случаяхъ исправному и смѣтливому, опротивѣла служба, что̀ совершенно согласно съ врожденною его лѣнью и барствомъ. Но тутъ онъ еще служилъ хорошо, ибо старался поправиться въ службѣ и воротить потерянное; теперь же онъ такъ избаловался, что едва ли сколько-нибудь полезенъ для службы.

10-го числа были сдѣланы послѣднія распоряженія для движенія къ Тавризу. Я едва могъ закрыть глаза во всю ночь, ибо мысли мои были очень заняты предпринятымъ мною дѣйствіемъ. Часа за два до свѣта я вышелъ изъ палатки и сѣлъ къ огню. Весь лагерь еще спалъ, слышаны были только протяжные крики часовыхъ. Я задумался о предстоящемъ подвигѣ: съ мыслями о послѣдствіяхъ онаго были неразлучны и воспоминанія о семействѣ, предположенія въ будущемъ, и я совершенно погрузился въ мысляхъ своихъ, какъ тихій шорохъ пронесся мимо меня. Я поднялъ глаза и увидѣлъ длинную, худощавую фигуру

передо мною. Остатки сѣдыхъ волосъ старца сего развѣвались отъ вѣтра; на гладкой поверхности голаго его лба и головы отражался огонь, насъ раздѣляющій; большіе и томные глаза старца были опущены внизъ и слѣдовали движенію головы, наклоненной также къ огню. Одѣтый въ разорванномъ халатѣ и туфляхъ, старецъ сей стоялъ неподвижнымъ и, казалось, опасался прервать мою думу. Посторонніе, увидѣвши его, могли бы подумать, что сіе полуночное чудовище было извергнуто изъ нѣдръ земли при землетрясеніи, за два дня случившемся *) и, опасаясь днемъ встрѣчаться со смертными, избирало тишину ночи, дабы наблюдать схожихъ съ онымъ двуногихъ животныхъ, обитающихъ по поверхности земли. Но я узналъ своего князя Эристова, которому также не спалось. Блохи ли, клопы ли его безпокоили, или величина калибра Персидскихъ орудій, только онъ мало говорилъ, былъ очень смиренъ и кротокъ и, какъ видно, ожидалъ свѣта, чтобы быть верхомъ и ѣхать, куда войска пойдутъ.

Еще не было свѣта, какъ я приказалъ барабанщикамъ по возамъ бить; несовершенно еще разсвѣло, какъ весь отрядъ уже двигался по дорогѣ къ Тавризу. Тутъ небольшое ущелье, которое мы прошли безъ большаго труда, а отъ мѣста, гдѣ находился Кошкаревъ съ авангардомъ, долина была уже довольно широка и не представляла никакихъ затрудненій. Но мѣста были голыя, безплодныя; горы, по сторонамъ дороги находящіяся, разноцвѣтными слоями своими составляли любопытную картину, но безъ всякой прелести. Мѣстахъ въ двухъ видны были подземные водопроводы, и въ сторонѣ отъ дороги небольшія деревушки, коихъ жители спокойно обработывали свои поля, не взирая на войска тянувшіяся по дорогѣ. Переходъ былъ большой, около 35 верстъ, и мы пришли къ большому селенію Сафіанъ, лежащему на пространной Тавризской равнинѣ. Намъ оставалось 40 верстъ до Тавриза, и старинная цитадель онаго была намъ видна. Непріятеля нигдѣ не было видно. Не доходя Софіана, видѣли мы только нѣсколько всадниковъ, которые немедленно обратились въ бѣгство и за коими гнался безуспѣшно мой Багыръ-бекъ Марандскій.

Эристовъ не постигалъ, что можно было такъ близко подойти къ Тавризу. На него дѣйствовало еще предубѣжденіе, вселенное въ Грузинъ о непобѣдимости Персіянъ и неприкосновенности шахскихъ городовъ Ага-Магомедъ-ханомъ, разорившимъ до основанія Тифлисъ, и онъ все спрашивалъ меня: гдѣ, братъ, Тавризъ? за что Тавризъ пойдемъ? Куда, братъ, идемъ? Онъ былъ какъ полоумный. Видъ отдаленной башни производилъ въ немъ страхъ и радость, и сіи припадки прерывались

*) Землетрясеніе было чувствуемо въ Тифлисѣ очень сильно въ тотъ же день.

только приношеніями жителей, приходившихъ съ баранами, курицами, арбузами, дынями, виноградомъ и всякими плодами. Старикъ не былъ совсѣмъ равнодушенъ къ симъ даровымъ приношеніямъ; онъ ихъ плоды прибиралъ и дѣлилъ между начальниками, отсылая ихъ въ даръ, принявъ на себя болѣе видъ Грузинскаго царевича или Персидскаго хана, чѣмъ Русскаго генерала. О дѣлахъ онъ уже болѣе не помышлялъ: дыни, арбузы, бараны, шашлыки, совершенно заняли всѣ его помышленія. Онъ былъ очень веселъ, и толпа Персіянъ, съ коими онъ говорить не умѣлъ, повсюду за нимъ слѣдовала, какъ будто предчувствуя, что онъ имъ по Азіи единоземецъ. Я пользовался симъ временемъ, дабы занять и разставить лагерь, осмотрѣть нѣсколько окрестности, распросить о дорогахъ, о непріятелѣ и проч.

12-го числа мы прошли около 25 верстъ утомительною Тавризскою равниною и пришли къ деревнѣ Сагланъ. По всей дорогѣ жители толпами выходили къ намъ на встрѣчу и, принося въ даръ жертвы, подавали надежду, что завладѣніе Тавриза не подвержено сомнѣнію. Но въ лагерѣ у насъ мнѣнія были различны; иные заговаривали даже, чтобы болѣе не идти впередъ. Князь Эристовъ тутъ показался въ первый разъ твердымъ: онъ громко и смѣло объявилъ, что, пришедши въ Сагланъ, уже не должно болѣе было помышлять о возвращеніи, а взять, во что бы ни стало, Тавризъ, и какъ онъ ни былъ страненъ и смѣшенъ, но рѣшеніе сіе не подверглось ничьему сужденію. Полковникъ Леоновъ былъ несносенъ: онъ боялся остановиться съ полкомъ своимъ за небольшою канавою, отдѣляющею его отъ лагеря, опасаясь, что казачьи команды не перепрыгнутъ черезъ оную, если ночью Персіяне ихъ атакуютъ, и я долженъ былъ употребить начальничій голосъ, дабы поставить его на надлежащемъ мѣстѣ.

Извѣстія были, что Аббасъ-Мирза тянулся къ Тавризу и что даже часть войска его уже пришла къ какой-то деревнѣ, отъ Саглана вправо на 20 верстъ лежащей; отъ оной до Тавриза оставалось немного болѣе 20-ти верстъ. Я послалъ въ ту сторону и разъѣзды, и лазутчиковъ; но ничего не было открыто.

Въ Тавризѣ обратился я къ муждегиду, надѣясь получить отъ него какой-либо путный отвѣтъ; но человѣкъ сей прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я три дня подождалъ, и что онъ прежде сего времени не могъ мнѣ ничего сказать. Я видѣлъ, что пустой отвѣтъ сей могъ только происходить отъ пустой головы, которая не могла смекнуть, что намъ ожидать трехъ дней было невозможно; я зналъ, что онъ не былъ противъ насъ, не держалъ сторону Каджаровъ, и по отвѣту его уже не возъимѣлъ о немъ высокаго мнѣнія. Нынѣ человѣкъ сей въ большой

чести у Паскевича и, находясь въ Тифлисѣ, получаетъ отъ казны большое жалованье. Онъ крайне глупъ и никѣмъ не уважаемъ.

Рѣшено было на другой день идти впередъ и занять Тавризъ...

Вотъ копія съ рапорта корпусному командиру, г. генералу отъ инфантеріи Паскевичу, отъ генералъ-лейтенанта князя Эристова, отъ 13 Октября № 539, писаннаго въ слѣдъ послѣ занятія Тавриза.

„Сего числа подвинулся я къ рѣкѣ Аджечаю, что́ въ 5-ти верстахъ отъ крѣпости Тавризской. Алаяръ-ханъ, находившійся еще въ крѣпости, препятствовалъ старшинамъ города выдти ко мнѣ на встрѣчу; онъ употреблялъ всѣ возможныя средства, дабы понудить жителей и находившіеся въ Тавризѣ 2 баталіона сарбазовъ къ защитѣ и, не могши успѣть въ томъ, употреблялъ жестокость, рѣзалъ уши, носы и выкалывалъ глаза; но всѣ усилія его были тщетны. Видя медленность жителей, я остановилъ отрядъ свой на правомъ берегу Аджечая и, выстроивъ оный въ одну линію въ виду всего города, послалъ къ оному генералъ-маіора Панкратьева и полковника Муравьева съ 6-ю ротами Херсонскаго гренадерскаго полка, сводным батальономъ и 6-ю батарейными орудіями. Движеніе войскъ сихъ понудило Алаяръ-хана и остальныхъ сарбазовъ къ побѣгу, и жители, въ предшествіи старшинъ и духовныхъ особъ, встрѣтили насъ толпами за предмѣстіями онаго, показывая величайшую радость при видѣ насъ. Тогда всѣ войска подвинулись къ городу и остановились лагеремъ между крѣпостью и предмѣстіемъ; цитадель Арнъ и крѣпость были немедленно заняты передовыхъ баталіоновъ караулами, вступившими съ музыкою въ городъ“.

„Въ цитадели и крѣпости найдено 31 пушка, мортиръ 9, фальконетовъ 2. Кромѣ сего въ одной цитадели ружей 1016, ядеръ 10,250, картечныхъ пушечныхъ зарядовъ 750, патроновъ ружейныхъ 200,000, ружейныхъ картечь 10,000, пуль 40,000, кремней 50,000, пороху 10 халваровъ, новой артилерійской упряжи на 30 лошадей, литейный заводъ, артилерійскаго метала $3\frac{1}{2}$ халвара, сѣры 30 халваровъ, ячменя 700 халваровъ, пшеницы 1,400 халваровъ. Кромѣ сего найдено большое количество инструментовъ топорныхъ, слесарныхъ и другихъ, и запасы всякаго, какъ провіантскаго такъ и воинскаго рода въ самой крѣпости близъ дворца Аббасъ-Мирзы. Впрочемъ не могу нынѣ представить вашему высокопревосходительству подробнаго отчета о всемъ найденномъ нами въ Тавризѣ; но сего же числа наряжены мною двѣ коммиссіи для описи всего находящагося, какъ въ крѣпости, такъ и въ цитаделѣ. Комендантомъ въ крѣпости назначенъ полковникъ Лазаревъ, а въ цитадели подполковникъ Кошкаревъ. Вмѣстѣ съ выступленіемъ въ городъ, взятъ въ плѣнъ Талышской Кельбъ - Гуссейнъ-ханъ“.

„По вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ нынѣ полученнымъ, Аббасъ-Мирза, оставленный почти всѣми войсками своими, находится въ Гютѣ, что по дорогѣ отъ Хоя къ Тавризу и располагаетъ бѣжать въ Морачу. — Тотчасъ по выѣздѣ изъ города Алаяръ-хана, недовольная правительствомъ чернь, съ

остервененіемъ бросилась во дворецъ Аббасъ-Мирзы и разграбила все, что не успѣли еще изъ онаго вывезти. Немедленно по занятіи города былъ поставленъ въ ономъ караулъ нашъ, который тотчасъ выгналъ народъ, истреблявшій все что ни встрѣчалось глазамъ его; но дворецъ былъ уже совершенно разграбленъ и во многихъ мѣстахъ испорченъ".

„Англинскіе чиновники, находящіеся въ Тавризѣ, явились ко мнѣ, и я, по желанію ихъ, приказалъ поставить у нихъ караулъ изъ 12-ти рядовыхъ и 1-го унтеръ-офицера".

„Долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства особенное усердіе, показанное къ намъ сыномъ Тавризскаго Беглеръ-бека-Фетъ-Али-хана, Ахметъ-ханомъ, который старается доставить войскамъ нашимъ всевозможныя выгоды".

„Завтрашняго числа при благодарственномъ молебствіи буду праздновать я рожденіе Ея Императорскаго Величества, Государыни Маріи Ѳеодоровны, а равно и взятіе вашимъ высокопревосходительствомъ крѣпости Эривани, о чемъ хотя мы до сего не имѣемъ отъ васъ увѣдомленія, но совершенно удостовѣрены возвращеніемъ вашимъ и словами даже жителей Тавриза".

„О семъ имѣю честь донести вашему высокопревосходительству, присовокупляя, что тотчасъ по составленіи описи казенному имуществу, въ крѣпости находящемуся, немедленно сдѣлаю о томъ донесеніе. Ключи же крѣпости Тавризской, а также одно знамя, найденное во дворцѣ Аббасъ-Мирзы, оставлены мною здѣсь до прибытія вашего высокопревосходительства".

„Въ 9 часовъ вечера узналъ я, что Алаяръ-ханъ, котораго почитали мы бѣжавшимъ, скрывается въ предмѣстіи города, верстахъ въ 3-хъ отъ лагеря нашего, и намѣревается бѣжать, почему я послалъ отыскать его Черноморскаго войска сотника Памелу съ двадцатью пятью казаками. Домъ, въ которомъ онъ находился, былъ окруженъ, и Алаяръ-ханъ, не имѣя возможности защищаться (ибо ружье его осѣклось) былъ взятъ и приведенъ ко мнѣ въ лагерь".

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ *).

51. Донъ-Педро Прокодуранте, или наказанный бездѣльникъ, комедія сочиненія Кальдерона де-ла-Барка. Съ Гишпанскаго на Россійской языкъ переведена въ Нижнемъ Новѣгородѣ. Съ указнаго дозволенія. Москва. Въ Университетской типографіи у Ридигера и Клаудія 1794. 8°. 126 нум. стр.

Сочиненіе Я. П. Чаадаева, отца извѣстнаго П. Я. Чаадаева. Оно было направлено на неблаговидные поступки директора экономіи Прокудина. Прокудинъ, чтобы уничтожить обличительную для него книгу, скупилъ экземпляры ея, сколько было можно, и истребилъ ихъ. У извѣстнаго продавца книгъ и разныхъ рѣдкостей М. М. Зайцевскаго я видѣлъ экземпляръ втораго изданія „Донъ Педро" напечатаннаго въ томъ же 1794 году съ такимъ же числомъ страницъ, безъ обозначенія типографіи. Это второе изданіе библіографамъ не извѣстно. Послѣ смерти Зайцевскаго, этотъ экземпляръ былъ купленъ В. Готье и продавался имъ по каталогу подъ № 3599. Донъ Педро считается чрезвычайно рѣдкою книгою и поэтому цѣнною. П. В. Щаповъ заплатилъ за свой экземпляръ Московскому букинисту Никитину 175 рубл.

Сопиковъ 5364. Лонгиновъ „Современникъ" 1856 № 7. Геннади 85. Губерти II, 181.

Готье 3599, 40 руб. (второе изданіе).

52. Достопамятности Москвы. Изданіе Корнилія Тромонина. Москва ҂аѿмє. 4°. 128 стр. съ 97 страницы текстъ литографированъ.

Заглавный листъ на цвѣтной бумагѣ литографированъ съ рисункомъ. Въ книгѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1) Царь и в. кн. Іоаннъ Васильевичъ съ литографированнымъ раскрашеннымъ портретомъ, 2) Царь и в. кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ съ портретомъ, 3) Святославъ Ярославичъ съ супругой и сыновьями, съ рисункомъ изъ Святославова Сборника, 4) Снимокъ изъ собственноручнаго Евангелія святителя митрополита Алексѣя, 5) Уставная грамота царя Іоанна Васильевича, со снимкомъ, 6) Лицевыя изображенія конца XVI столѣтія съ замѣчаніями на нихъ изъ Псалтиря съ 24 раскрашенными рисунками, 7) О началѣ книгопечатанія въ Россіи, съ

*) См. „Русскій Архивъ" сего года, II, стр. 441.

изображеніемъ знаковъ на бумагѣ, на коей напечатанъ Апостолъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ четырьмя листами снимковъ съ него, на одномъ изъ которыхъ изображенъ евангелистъ Лука и съ рисункомъ съ переплета, въ которомъ находится экземпляръ первопечатнаго Апостола, принадлежавшій купцу Царскому, 8) Пушка „Анагръ“ съ рисункомъ, 9) Пушка „Царь“ съ двумя рисунками, 10) Знамя князя Пожарскаго, съ изображеніемъ, 11) Надпись на подсвѣчникѣ, находящемся въ Успенскомъ соборѣ, съ рисункомъ, 12) Крестъ находящійся въ часовнѣ у Крестовской заставы, съ изображеніемъ, 13) Надпись и украшенія пушки Единорогъ съ рисункомъ 14) Письмо царя Θеодора Алексѣевича, съ снимкомъ, 15) Савва Тупталo, съ портретомъ, 16) Надпись въ стѣнѣ церкви св. Ап. Петра и Павла, 19) Надпись на паперти соборной церкви Воскресенскаго монастыря, 20) Надпись на большомъ колоколѣ Воскресенскаго монастыря, 21) Ярлыкъ Московскаго печатнаго двора съ рисункомъ, 22) Надпись на стѣнѣ церкви св. Николая, чтó въ Воробинѣ, 23) Надпись на колоколѣ церкви св. Николая, чтó у Столпа, 24) Выписка изъ Хронографа 1702 г. о числѣ соборовъ, монастырей и церквей, находящихся въ Москвѣ, 25) Надпись надъ дверьми церкви Владимірскія Божіей Матери, чтò на Никольской, 26) Записка, находящаяся на рукописномъ Евангеліи, хранящемся въ Патріаршей библіотекѣ, съ снимкомъ, 27) Послѣсловіе рукописнаго Пролога, 28) Приписка на Евангеліи, напечатанномъ въ Польшѣ 29) Письма патріарха Филарета къ брату, 30) Отрывокъ изъ грамоты Симонова монастыря 31) Разсказъ архимандрита Арсенія о названіяхъ башенъ находящихся въ Симоновомъ монастырѣ, 32) Церковный обрядъ, совершаемый въ Вербную недѣлю при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ съ гравюрой, 33) Замѣчаніе о словѣ Кремль и о именованіи Москвы 34) Покровскій соборъ и Лобное мѣсто въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, съ двумя изображеніями, изъ которыхъ одно гравированное, 35) О пожарѣ и о вихрѣ на Москвѣ и о ворахъ, 36) Грамота Архангельскаго собора, 37) Пріемъ пословъ Голштинскихъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ съ гравюрой, 38) Русскіе временъ царствованія Михаила Θеодоровича, съ двумя гравюрами, 39) Успенскій соборъ и Ивановская колокольня, съ двумя изображеніями, 40) Св. Петръ митрополитъ, 41) Надпись на Ивановской колокольнѣ со снимкомъ, 42) Видъ Ивановской колокольни, снятый въ 1805 году съ изображеніемъ, 43) Повѣсть о в. кн. Даніилѣ Александровичѣ, 44) Надпись находящаяся на стѣнѣ соборной церкви у алтаря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, 45) Надпись на стѣнѣ церкви Іоанна Златоустаго въ Рождественскомъ монастырѣ, 46) Надписи на гробницахъ и надгробіяхъ, находящихся внутри и около церквей Московскихъ и подмосковныхъ, съ портретами Платона Петровича Бекетова и Тимофея Архипова и съ краткими біографическими о нихъ свѣдѣніями, 47) Мортира перваго самозванца 48) Патріархи Московскіе и всея Россіи съ тремя листами снимковъ, 49) Письмо и гербъ патріарха Никона, съ двумя снимками, 50) Образецъ каллиграфіи, снятой съ грамоты Новоспасскаго

монастыря, 51) Билетцы для пропуска въ Соборы, Грановитую палату и галлерею Ивановской колокольни, во время коронаціи съ тремя изображеніями на одномъ листѣ, 52) Ладонница съ изображеніемъ, 53) Гробницы въ Марьиной рощѣ, 54) Церковь Троицкая, что въ Китаѣ-городѣ, съ изображеніемъ, 55) Симонъ Θедоровъ Ушаковъ, 56) Родъ Сибирскаго царевича Василія Алексѣевича, 57) О старинномъ Русскомъ платьѣ, 58) Происшествія 1812 года, 59) Царскія хоромы въ селѣ Коломенскомъ, съ видомъ, 60) Царь Алексѣй Михайловичъ съ портретомъ, 61) Кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій съ портретомъ 62) Выписки изъ рукописи XVII вѣка о смутномъ времени въ Россіи, съ двумя снимками съ этой рукописи, 63) Письмо Петра I-го къ цесаревнамъ Аннѣ и Елисаветѣ со снимкомъ и 64) Письмо Петра I-го къ бригадиру Яковлеву со снимкомъ.—Текстъ „Достопамятностей“ съ 97 страницы литографированъ. Всѣхъ рисунковъ и снимковъ помѣщено въ нихъ 74, нѣкоторые изъ нихъ гравированы Милославскимъ и Грачевымъ, а нѣкоторые раскрашены. Книга въ полномъ видѣ встрѣчается чрезвычайно рѣдко, даже въ Императорской публичной библіотекѣ нѣтъ полнаго экземпляра. Покойный К. А. Нарышкинъ, собиратель рѣдкихъ книгъ, заплатилъ за свой экземпляръ 100 рублей.

Чертковъ 1845 г. 209 стр. 9. Бартеневъ 692. Геннади 183. Березинъ-Ширяево V, 3. Базуновъ 5238.

Готье 3641, 75 р. (неполный экземпляръ).

53. Досуги Крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду Павла Сумарокова. По высочайшему повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской типографіи 2 части: 1 ч. 1803 г., 2 ч. 1805 г. 4°. Въ 1 ч. 226 нум. и 23 нен. и во 2 ч. 244 нум. и 5 нен. стр.

Съ 55 гравюрами и 3 картами. Книга интересна въ особенности потому, что описывается Крымъ вскорѣ послѣ его присоединенія къ Россіи. Въ этомъ отношеніи въ особенности интересны гравюры, на которыхъ изображены виды Крыма и сцены изъ народнаго быта. Гравюры работы Калашникова, Евсѣева, Пядышева, Казачинскаго и др. Кромѣ гравюръ и картъ, которыя въ моемъ экземплярѣ составляютъ отдѣльный атласъ, книга украшена виньетками. Описаніе же перваго своего путешествія Сумароковъ издалъ въ 1800 году.

Сопиковъ 3290. Плавильщиковъ 3583. Смирдинъ 3822. Чертковъ 1838 г. 199 стр. 49. Березинъ-Ширяевъ IV, 10. Бартеневъ 524.

Клочковъ 9 – 6835, 25 руб. Шибановъ XVIII—419, 20 р. Готье 3631, 35 руб. Шибановъ XXIV—402, 15 р. Клочковъ 57—561. 25 р. Клочковъ 83—1877, 25 р. Листъ и Франкъ 703, 4 тал. Киммелъ XXIV—666, 18 р. (экземпляръ испорченъ раскраской). Готье 8219, 35 р.

54. Драматическій словарь, или показанія по алфавиту всѣхъ Россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ

означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ, и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны. Въ пользу любящихъ театральныя представленія. Собранной въ Москвѣ въ типографіи А. А. 1787 года 8°. 166 стр.

Драматическій Словарь имѣетъ важное значеніе для исторіи Русскаго театра и Русской драматической литературы. Составитель его не извѣстенъ. Въ словарѣ находятся указанія на 339 піэсъ и свѣдѣнія о томъ, какая изъ нихъ и какой имѣла сценическій успѣхъ и кто изъ актеровъ особенно отличался. Въ 1880 г. этотъ словарь изданъ Суворинымъ вторично.

Сопиковъ 10399. Плавильщиковъ 6240. Смирдинъ 7842. Чертковъ 1838 стр. 392, 126. Геннади 61. Губерти II, 116. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. стр. 254. Русскій Архивъ 1881 г. кн. III, стр. 448—453. Русскій Вѣстникъ 1881 г. № 2.

Мартыновъ 6016, 15 р. Готье 510, 25 р. Готье 3588, 10 р.

55. Древнія Россійскія стихотворенія собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго 1818. 4°. XXXIX и 423 нум. и 1 нен. стр.

Кирша Даниловъ, первый собиратель Русскихъ былинъ, жилъ, какъ полагаютъ, въ началѣ XVIII вѣка. Въ первый разъ собранныя имъ былины были изданы Якубовичемъ въ 1804 г. по рукописи XVIII вѣка, списанной для П. А. Демидова и перешедшей къ Ѳ. П. Ключареву; но въ первомъ изданіи не всѣ были помѣщены былины, находившіяся въ рукописи и въ помѣщенныхъ были допущены произвольныя прибавленія и сокращенія. Въ 1816 году рукопись перешла къ знаменитому графу Н. П. Румянцову, который и передалъ ее для изданія К. Калайдовичу. Въ настоящемъ изданіи помѣщены 61 былина, предъ каждой изъ нихъ напечатаны ноты. Въ 1878 г. Былины были изданы въ третій разъ.

Плавильщиковъ 5205. Смирдинъ 6585. Чертковъ 1838 г. 370 стр. 18—2. Безсоновъ 36.

Ключковъ 56—131, 10 р. Ключковъ 63—1509, 10 р. Готье 5048, 3 р. (два экземпляра). Ключковъ 75—230, 10 р. Ключковъ 77—115, 10 р. Ключковъ 106—2628, 7 р.

56. Древняя Россійская Вивліоѳика или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцевъ, издаваемая помѣсячно Николаемъ Новиковымъ. Въ Санктпетербургѣ 1773 года. 10 частей 8°. 1 ч. 12 нен. 475 нум. и 3 нен. 2 ч. 478 нум. и 2 нен, 3 ч. 4 нен. VIII и 462 нум. 4 ч. 4

нен. и 384. нум. съ 8 таб. 5 ч. 4 нен. 419 нум. и 1 нен. съ 1 таб. 6 ч. 470 нум. 7 ч. 8 нен. и 440 нум. 8 ч. 4 нен. и 478 нум. 9 ч. 6 нен. и 522 нум. 10 ч. 4 нен. и 423 нум. Первая и вторая ч. изданы въ 1773 г. третья и четвертая, пятая и шестая въ 1774 г. остальныя части въ 1775 г.

Вивліоѳика издавалась Н. И. Новиковымъ, въ видѣ ежемѣсячнаго журнала, въ продолженіи трехъ лѣтъ. Первая книжка вышла въ Январѣ 1773 г. Каждая книжка состояла изъ пяти листовъ, шесть книжекъ составляли часть. Въ 1774 г. ежемѣсячныя книжки состояли изъ бо́льшаго количества листовъ и часть составлялась изъ трехъ книжекъ. Въ 1775, Вивліоѳика выходила въ два мѣсяца разъ. Обѣщано было 6 частей, но прекратила она свое существованіе на четвертой части. И того, такимъ образомъ, всего вышло 10 частей Вивліоѳики. Первая и вторая части Вивліоѳики были изданы вторично въ 1782 г., а въ 1788—1791 гг. Вивліоѳика была напечатана въ Москвѣ въ 20 частяхъ. Въ ней, кромѣ прежде помѣщенныхъ историческихъ документовъ, помѣщено было большое количество новыхъ документовъ. Кромѣ того издано 11 частей продолженія Вивліоѳики. Продолженіе Вивліоѳики издавалось Академіею Наукъ.

Сопиковъ 2468. Плавильщиковъ 3146. Смирдинъ 2607. Чертковъ 1838 г. 76 стр. № 12. Кеппенъ I, стр. 76. Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 16 стр. Лонгиновъ стр. 37 и 38. Неустроевъ 181—201 стр. Бартеневъ 1340.

Готье 6642, 35 р. (съ продолженіями).

57. Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ. Напечатано въ пользу разоренныхъ и неразоренныхъ. Продается по пятидесяти копѣекъ мѣдью. Москва. 1813. Въ Университетской типографіи. 8°. 46 нум. и 1 нен. стр.

Дружескій Совѣтъ былъ переведенъ съ Французскаго языка на Русскій Руничемъ, бывшимъ потомъ попечителемъ С.-Петербургскаго Университета и стяжавшимъ себѣ на этомъ поприщѣ печальную извѣстность. Книга была конфискована за разсужденія о таинствѣ крещенія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви.

Сопиковъ 11048. Геннади 121. Лѣтописи Русской Литературы и древности кн. 6, стр. 106. Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи стр. 23. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 25 стр.

Готье 389, 5 р. Клочковъ 17—11674, 5 р. Клочковъ 54—41, 2 р. Клочковъ 63—1512, 2 р. Клочковъ 75—234, 5 р. Клочковъ 92—156, 3 р. Готье 8054, 5 р. Шибановъ XXXIX—155, 1 р. Клочковъ 101—34, 5 р.

58. Думы, стихотворенія К. Рылѣева. Москва. Въ типографіи Селивановскаго 1825. 8°. VIII и 172 стр.

Первый заглавный листъ, гравированный Флоровымъ, съ виньеткой. Думы посвящены Н. С. Мордвинову. Подъ каждой думой помѣщены исто-

рическія примѣчанія, составленныя большею частію П. М. Строевымъ. Думы были перепечатаны въ „Сочиненіяхъ и перепискѣ К. Ѳ. Рылѣева", изданныхъ подъ редакціею П. А. Ефремова въ 1872 и 1875 гг. Кромѣ того „Думы" были изданы въ Берлинѣ 1857 и 1860 г. и въ Лейпцигѣ 1861 и 1872 г. Заграничныя изданія запрещены.

Смирдинъ 6640. Кеппенъ Библіогр. листы № 13, стр. 184. Чертковъ 1838 г. стр. 414 № 64. Геннади 144—2. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. стр. 219.

Клочковъ 27—16299, 10 р. Шибановъ XVIII—358, 6 р. Клочковъ 42—25515, 5 р. Шибановъ XXVII—344, 6 р. Готье „Рос. Биб. 1880 г. № 16" 12 р. Мартыновъ 2513 отъ 5 до 15 р. (по степени сохранности). Готье 3631, 6 р. (два экземпляра). Клочковъ 77—250, 5 р. Клочковъ 106—2684, 3 р.

59. Духовная Тайнаго Совѣтника и Астраханскаго губернатора Василія Никитича Татищева, сочиненная въ 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. Печатана въ Санктпетербургѣ. 1773 года. 8° 4 нен. и 57 нум. стр.

В. Н. Татищевъ преподаетъ въ „Духовной" своему сыну совѣты для дѣятельности частной и общественной. Духовная чрезвычайно интересна по взглядамъ, которые высказываетъ въ ней одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка. Въ 1885 г. въ г. Казани А. Островскій издалъ „Духовную Татищева" по новому списку съ значительными особенностями и въ своемъ предисловіи доказываетъ, что первый издатель „Духовной" Друковцевъ включилъ въ ней много своихъ разсужденій.

Сопиковъ 3503. Смирдинъ 2950. Чертковъ 1838 г. 538 стр. № 10. Губерти I, 181. Поповъ „Татищевъ и его время" 1861 г. Бестужевъ-Рюминъ „Біографіи и характеристики" 1882 г. 67—71 и 76 стр. Пекарскій „Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ" Спб. 1864 г. 2—4 стр.

Киммель XXXVI—836, 9 р. 50 к. Готье 5192, 2 р. Шибановъ XXXV—95, 3 р. 50 к. (экземпляръ подмоченный).

60. Духовный путеуказатель, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей, и къ приведенію ся внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. Москва, въ типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія. 1784. 8°. въ 3 частяхъ, 1 ч. 148, 2 ч. 102, и 3 ч. 164 стр.

Вся книга, кромѣ предувѣдомленія, предисловія и введенія, напечатана курсивомъ. Изъ масонскихъ книгъ такимъ шрифтомъ печатались весьма немногія. Духовный Путеуказатель былъ, по распоряженію правительства, сожженъ.

Сопиковъ 3506. Лѣтописи Рус. литературы и древности, т. 5, стр. 24. Лонгиновъ стр. 223. Губерти II, 61.

Готье 3855, 2 р. Клочковъ 92—163, 12 р.

61. Духовный Рыцарь или ищущій премудрости. 5791 г. 8°. 59 нум. стр. и 1. нен. стр.

Книга напечатана въ числѣ 200 экземпляровъ безъ разрѣшенія правительства. Лонгиновъ признаетъ ее чрезвычайно рѣдкою. Собственно „Духовный Рыцарь“ помѣщенъ на первыхъ 46 страницахъ, а съ 47 страницы помѣщенъ нравоучительный катихизисъ истинныхъ Фкъ Мвъ. Какъ первое сочиненіе, такъ и второе весьма интересны въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ потому, что они содержатъ въ себѣ всю, такъ сказать, суть ученія масонства, всю соль его; а во вторыхъ потому, что они почти единственныя оригинальныя сочиненія Русскаго масонства XVIII вѣка. Въ концѣ книгѣ на ненумерованной страницѣ значится слѣдующее:

Любопытству Читателя.

Сочиненіе подъ названіемъ Духовный Рыцарь написано меньше нежели въ сутки, и безъ всякаго приготовленія. Вдругъ родилась у сочинителя мысль написать его—и планъ составился въ такой формѣ. Это случилось во время прогулки. Сочинитель спѣшилъ возвратиться домой и сряду нѣсколько часовъ писалъ, почти не переставая. Послѣ уже самыя малыя поправки и прибавленія сдѣлалъ. Геній добрый конечно внушилъ сіе сочиненіе: ибо въ немъ все понуждаетъ къ Богопознанію, къ Добродѣтели и къ лучшему исполненію всѣхъ обязанностей. Катихизисъ написанъ тѣмъ же перомъ.

Сопиковъ 3507. Записки И. В. Лопухина М. 1860 г. 24–30 стр. Лонгиновъ 306—307. Архивъ истор. и практ. свѣдѣній Калачева 1860 г. 1 к. 17—25 стр. Пекарскій „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII в. 208 стр. Губерти II, 154. Русская Старина 1884 г. № 11, стр. 275. Лѣтописи Рус. литературы и древности т. 5, стр. 20. Сочиненія Ешевскаго ч. III, стр. 424—426. Пыпинъ „Русское масонство“ Вѣстникъ Европы 1867 г. № 9, стр. 33.

Шибановъ X—293, 15 руб. Мартыновъ 7592, 50 р. Готье 3878, 12 р. Шибановъ XXV—209, 15 р. Шибановъ XXXIV—280, 15 р.

62. Духъ жизни и ученія Іисуса Христова въ новомъ завѣтѣ. Часть первая. Отдѣленіе первое, содержащее Евангеліе Отъ Матѳея. Переводъ съ Нѣмецкаго соч. І. Госнера. Въ С.-Петербургѣ. Печатано у Греча 1824 года 8°. 856 стр.

Книга безъ печатнаго заглавнаго листа, по рукописи заглавіе вышеозначенное. По ходатайству митрополита Серафима, книга по Высочайшему повелѣнію была изъята изъ типографіи Греча недопечатанною и поручена для разсмотрѣнія А. С. Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому. Комитетъ Министровъ, выслушавъ докладъ объ этой книгѣ, призналъ, что толкованіе пастора Госнера оскорбительно для Греко-Россійской вѣры и содержитъ въ себѣ мнѣнія, клонящіяся къ разрушенію общественнаго благоустройства, вслѣдствіе чего книга, какъ зловредная, была сожжена 10 Сентября 1824 г., въ числѣ болѣе 3000 экземпляровъ, въ 20 печахъ кирпичнаго завода Александро-Невской Лавры, въ присутствіи Петербургскаго губернатора и чиновника Сѵнода Павлова. Авторъ книги, Госнеръ, былъ высланъ за границу, переводчики книги Яковкинъ и Тре-

скинскій, директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія Поповъ, поправлявшій переводъ, цензоръ, пропустившій книгу къ печатанію, Бируковъ и типографщикъ Гречъ были преданы суду. Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ по прошенію былъ уволенъ отъ означенныхъ должностей, а равно былъ уволенъ отъ должности директора Департамента Духовныхъ Дѣлъ Тургеневъ, и вообще книга эта имѣла рѣшительное вліяніе на перемѣну нашей внутренней политики по духовнымъ вопросамъ. Кромѣ моего экземпляра, находившагося прежде въ превосходной и драгоцѣнной библіотекѣ Московскаго библіофила Требенева, у котораго постояннымъ и, кажется, единственнымъ поставщикомъ книгъ былъ извѣстный тоже въ Москвѣ скупщикъ - продавецъ М. М. Зайцевскій — находится еще экземпляръ въ Императорской публичной библіотекѣ.

Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1855 г. 37 стр. Отчетъ Импер. Пуб. Библіотеки 1861 г. стр. 57. Геннади 243. Записки адмирала А. С. Шишкова, стр. 30—49, 100—112, и 135—150. Скабичевскій „очерки по исторіи Русской цензуры“ Отеч. Записки 1883 г. № 1. 101—193, 198—201 стр. Русскій Архивъ 1868 г. № 9. стр. 1403—1413. Гречъ „Записки о моей жизни“ 1886 г. 313—323 стр.

63. Духъ масонства. Нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгелма Гучинсона. 8°. 276 стр. Безъ обозначенія мѣста и года печати.

Книга напечатана въ тайной масонской типографіи и издана была не для продажи, а для раздачи знакомымъ. Въ 1792 году она была отобрана отъ Новикова, въ его подмосковномъ сельцѣ Авдотьинѣ, Бронницкаго уѣзда, и потомъ сожжена.

Сопиковъ 3535. Отчетъ Имп. Пуб. Биб. 1855 г. стр. 36—37. Лонгиновъ 208. Сочиненія Ешевскаго, ч. III, стр. 553—555. Пыпинъ Вѣстникъ Европы 1867 г. № 9, стр. 40—44. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. стр. 15. Губерти II, 49. Россійская Библіографія. 1880 № 21, стр. 479.

64. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Въ Санктпетербургѣ. Печатана въ вольной типографіи у Вейтбрехта, 1783 года 8°. 107 стр.

Первое изданіе. П. П. Бекетовъ, издавая „Душеньку“ въ 1811 году шестымъ изданіемъ, говоритъ въ предисловіи къ нему: „первое изданіе и весьма дорогою цѣною найти невозможно“.

Сопиковъ 3545. Смирдинъ 6759. Чертковъ 1838 стр. 614 № 3. Геннади 55. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. стр. 143. Губерти II, 55.

Готье Россійская Библіографія 1881 г. № 20, 10 р. Готье 34, 10 р. Готье Рос. Библіограф. 1881 г. № 10, 10 р. Клочковъ 5708, 4 р. Готье 3582, 3 р. Готье 9839, 5 р.

65. Душенька. Древняя повѣсть, въ вольныхъ стихахъ. Новое исправленное изданіе. Въ Санктпетербургѣ. Печатано

въ типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ. 1794 года 4°. 6 нен. и 123 нум. стр.

Это второе изданіе Душеньки исправленное авторомъ ея, но поправки вышли не вездѣ удачными; поэтому въ литературномъ отношеніи первое изданіе считается лучшимъ.

Сопиковъ 3546. Чертковъ 1838 г. стр. 614, № 3. Геннади 55—2. Березинъ-Ширяевъ VIII, 54. Губерти II, 179.

Посредникъ № 1, стр. 96, 8 р. Мартыновъ 6747, 3 р. Шибановъ XXV—31, 5 р. Готье 545, 10 р.

66. Душенька, древняя повѣсть. Въ вольныхъ стихахъ. Изданіе шестое, въ точности напечатанная противъ перваго изданія. Москва, въ типографіи Платона Бекетова. 1811. 12°. 213 стр.

Изданіе почти все сгорѣло во время 1812 г. Мнѣ извѣстны, кромѣ моего экземпляра, два — одинъ находится въ Чертковской библіотекѣ, а другой въ библіотекѣ Я. Ѳ. Березина-Ширяева.

Сопиковъ 3549. Чертковъ 1845 г. стр. 344, № 12. Березинъ-Ширяевъ VII, 69. Геннади 117. Дмитровскій „Библіографъ" 1886 г. № 11, стр. 156—159.

67. Душеспасительныя и назидательныя христіанскія поученія въ пользу юношества, готовящагося проходить многотрудное поприще жизни. Соч. г-жи де-ла-Моттъ Гіонъ. Переведены съ Французскаго въ селѣ Бурмасовѣ. Москва. 1821. Въ Университетской типографіи. Въ 2 частяхъ. 12°. 1 ч. 208 и 2 ч. 171 стр. съ гравюрой.

Переводъ Д. Кашкина. Книга запрещена.

Геннади 137. — Россійская Библіографія 1881 г. № 14, стр. 301. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 27 стр.

68. Дѣянія и посланія апостольская, зовемая Апостолъ, з Божію помочью справлена докторомъ Францискомъ Скориною, съ Полоцька. Вильно 1525 г. 8°. 315 стр.

Доконона есть сія книга, зовемая Апостолъ, еже замыкаетъ въ себѣ наиперввй Дѣянія апостольская, потомъ Посланіей святыхъ апостолъ соборныхъ 7, тажь Епистолъ св. Павла 14, лѣта по нароженіи нашего спасителя Ісуса Христа, сына Божія, тысящнаго пятьсотаго и двадесять пятаго, мѣсяца Марта; при держаніи наласкавшего господаря Жикгымонта Казимировича, короля Польскаго и великого князя Литовскаго и Русскаго и Жомогитьскаго и иныхъ, во славномъ мѣстѣ Виленскомъ; выложено и вытиснено працею и великою пилностію доктора Франциска Скорины съ Полоцка.

Апостолъ, напечатанный въ Москвѣ дьякономъ Иваномъ Ѳедоровымъ въ 1564 г., считается первою книгою, изданною въ Московскомъ государ-

ствѣ: а этотъ Апостолъ, напечатанный Скориною въ Вильнѣ слѣдуетъ признать первою книгою изданною въ Россійской Имперіи. Мой экземпляръ неполный.

Бакмейстеръ стр. 67 и 73. Опытъ трудовъ вольнаго Россійскаго собранія ч. VI, 1783 г. стр. 195—204. Сопиковъ 72. Кеппенъ 6, стр. 83. Толстой 12. Сахаровъ 13. Кастеринъ 5. Каратаевъ 14. Хлудовъ 6. Россійская Библіографія 1880 г. № 4, стр. 122. Каратаевъ „Описаніе Славяно-Рус. книгъ" 1883 г. № 18. Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1860 г. 26 стр. Отчетъ Моск. Публ. и Румянц. музеевъ 1867 и 69 гг. 56 стр. Владиміровъ „Докторъ Францискъ Скорыня. Его переводы, печатныя изданія и языкъ" 178—189 стр.

Наши собиратели старопечатныхъ книгъ заплатили за Апостолъ, изданія Скорины: Каратаевъ 100 рублей. Кастеринъ 170 р. Мазуринъ 300 рублей.

69. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ сочиненіе Александра Пушкина. 12°.

Это первое изданіе нашей знаменитой поэмы. Она выходила по главамъ: *1-я глава* вышла въ 1825 г. Спб. XXII и 60 стр. *2-я глава* Москва 1826 г. 42 стр. *3-я глава* Спб. 1827 г. 51 стр. *4 и 5 главы*, Спб. 1828 г. 92 нум. 1 нен. стр. *6-я глава* Спб. 1828 г. 48 стр. *7-я глава* Спб. 1830 г. 57 стр. и *8-я глава* Спб. 1832 г. 6 нен. и 51 нум. стр. Всѣ главы, исключая второй, напечатаны въ Типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія, вторая же глава напечатана въ типографіи Августа Семена.

Смирдинъ 6761. Кеппенъ „Библіогр. листы № 7, стр. 98. Березинъ-Ширяевъ VII, 65. Россійская Библіографія 1881 г. № 19, стр. 410.

Клочковъ 57—447, 25 р. Готье 3859, 5 р.

70. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Изданіе третіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ 1837 32°. 4 нен. и 310 нум. стр.

Книжка напечатана мелкимъ, но прекраснымъ, отчетливымъ шрифтомъ. Это изданіе Евгенія Онѣгина вышло въ самый день смерти нашего славнаго поэта.

Березинъ-Ширяевъ VII, 65.

Клочковъ 57—446, 2 р. Шибановъ XXXI—344, 3 р. 50 к.

71. Европеецъ, журналъ наукъ и словесности, издаваемый Иваномъ Кирѣевскимъ. Часть первая. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Института восточныхъ языковъ 1832. 8°. 402 стр.

Журналъ былъ запрещенъ и вышли только двѣ книги; но въ моемъ экземплярѣ находится, кромѣ первыхъ двухъ книжекъ, начало и третьей книжки, недопечатанной и прерванной на 402 страницѣ, такъ какъ воспрещеніе послѣдовало въ то время, когда эта третья книжка печаталась. Европеецъ запрещенъ за статью самаго редактора И. В. Кирѣевскаго подъ заглавіемъ: „Девятнадцатый Вѣкъ". Статья помѣщена въ первой книжкѣ на

стр. 1—24 и въ третьей на стр. 371—397. Въ запретительной бумагѣ было сказано: Хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу, дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная середина ничто иное, какъ конституція, и вообще вся статья писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ. Кромѣ того разборъ представленія „Горе отъ ума", помѣщенный въ первой книжкѣ Европейца, признанъ за непристойную выходку противъ находящихся въ Россіи иностранцевъ. Кромѣ запрещенія журнала, Кирѣевскаго предполагали выслать изъ Москвы, но онъ былъ спасенъ отъ этой прогулки горячимъ заступничествомъ В. А. Жуковскаго. Журналъ Европеецъ очень рѣдокъ, въ особенности съ третьей, недопечатанной книжкой. Я получилъ ее отъ сына редактора Сергѣя Ивановича Кирѣевскаго. Въ недопечатанной книжкѣ помѣщены: Божій Судъ, стихотвореніе Жуковскаго: Опалъ, волшебная сказка, Поэтъ, стихотвореніе Языкова, о Бразиліи, С. С. П—ой, стихотвореніе Языкова, Девятнадцатый Вѣкъ, Эпиграмма и Талейранъ. Послѣдняя статья прервана на словахъ: побѣда оста-

Смирдинъ 12034. Геннади 158. Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаао 1861 г. т. I, стр. 79—81. Скабичевскій „Очерки по исторіи Русской цензуры" Отеч. Зап. 1883 г. № 3, 103—104. Жизнь и труды Погодина, соч. Барсукова, кн. 4, стр. 5 и 12.

Клочковъ 56—161, 25 руб. (за первыя двѣ книжки). Клочковъ 75—336, 50 рубл.

72. Его Высокородію Петру Максимовичу Щербачеву, Государственной коллегіи экономіи Вице-Президенту Милостивому Государю моему покровителю и попечителю Преданнѣйшее подношеніе Посвящаетъ Корниліева монастыря Игуменъ Ювеналій Воейковъ. Марта 23 дня, 1779 года. Вторымъ тисненіемъ. Москва, въ Университетской типографіи, у В. Окорокова, 1792. 8°. 8 стр.

Стихотвореніе, въ которомъ авторъ благодаритъ Щербачева за попеченіе о Корниліевомъ монастырѣ.

Губерти II, 469.

73. Его Превосходительству Петру Васильевичу Хитрово, Государственной коллегіи экономіи президенту, герцогскаго Шлезвигъ-Голштинскаго ордена святыя Анны кавалеру, милостивому государю моему и благотворителю Благодарственное подношеніе Посвящаетъ Корниліева монастыря игуменъ Ювеналій Воейковъ. Марта 23 дня, 1779 года. Вторымъ тисненіемъ. Москва, въ Университетской типографіи у В. Окорокова, 1792. 8°. 8 стр.

Стихотвореніе, въ которомъ Воейковъ, выражая благодарность Хитрово за его попеченіе о Корниліевомъ монастырѣ, сравниваетъ его съ апостоломъ Петромъ.

Губерти II, 469.

74. Его Царскаго Величества Генеральный регламентъ или уставъ. По которому государственные коллегіи, такожъ и всѣ оныхъ принадлежащіхъ къ нимъ канцелярей и конторъ служители, не токмо во внѣшніхъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чіна подданнѣйше поступать имѣютъ (*Въ концѣ*) Печатанъ въ Санктпетербурхѣ 1720 Февраля въ 27 день. Въ л. 40 и 2 нум. стр.

Этотъ регламентъ перепечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ VI, № 3534.

Сопиковъ 9699. Пекарскій т. II, стр. 480, № 435. Бычковъ 110.

75. Еней героическая поэма. Публія Виргилія Марона. Переведена съ Латинскаго Васильемъ Петровымъ 4°. 18 нен. и 42 нум. стр. Безъ году и мѣста печати.

Въ этомъ изданіи помѣщены три первыя пѣсни Виргилія Марона и снабжены примѣчаніями. Годъ изданія Сопиковымъ указанъ 1770, слѣдовательно это изданіе составляетъ первый по времени переводъ Энеиды на Русскій языкъ.

Сопиковъ 2505. Геннади 232. Березинъ-Ширяевъ VIII, 53. Указатель ко всѣмъ учебнымъ изданіямъ и переводамъ по классическимъ языкамъ съ начала книгопечатанія до 1871 г. включительно, составленный Лебедевымъ. Москва. 1878 г. стр. 38, № 28.

Шибановъ XIV—383, 3 руб.

76. Еней героическая поэма Публія Виргилія Марона. Переведено съ Латинскаго Гномъ Петровымъ. 8°. 308 и 264 стр. Безъ мѣста и года печати,

Въ семъ изданіи, вышедшемъ по указанію Сопикова въ 1781—1786 г., помѣщено 12 пѣсенъ поэмы.

Сопиковъ 2506. Плавильщиковъ 3897. Смирдинъ 10480. Геннади 232—2. Указатель ко всѣмъ учеб. изд. и перев. по классич. языкамъ Лебедева стр. 38, № 29.

Мартыновъ Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 10 р. Мартыновъ 3422, 20 руб. Готье 1836, 5 руб. Мартынова 6832, 15 р. Клочковъ 3046, 6 р. Клочковъ 5230, 4 р. Шибановъ XXIII—52, 3 р. Шибановъ XXXI—57, 1 р. 50 к.

77. Епистола Ея Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшей героинѣ Великой Императрицѣ Екатеринѣ II отъ вѣрноподданнѣйшаго Николая Струйскаго. Саранскъ. 1789. *На послѣдней ненумер. страницѣ.* «Въ Санктпетербургѣ, печа-

тано съ дозволенія Указнаго въ типографіи у І. К. Шнора». Въ л. XXVII нум. и 1 нен. стр.

Книга напечатана на Александрійской бумагѣ. Каждая страница въ отлично гравированной рамкѣ, на верху страницъ Императорская корона. Въ началѣ и въ концѣ книги двѣ прекрасно исполненныя виньеты. Вообще книга издана превосходно.

Сопиковъ 3758. Смирдинъ 8033. Губерти II, 145 (описано второе изданіе).

Шибанова XXII—360, второе изданіе 15 р. Шибановъ XXIV—401, 7 р. (3-е изданіе, экземпляръ попорченный).

78. Ея Высокопревосходительству Милостивой Государынѣ Марье Львовнѣ Нарышкиной Предрожайшей Дщери милостиваго моего Мецѣната 4°. 4 нен. стр. съ виньеткой.

Это произведеніе, какъ и описанное подъ № 77—Н. Струйскаго, жившаго во второй половинѣ 18 вѣка, въ своемъ селѣ Рузаевкѣ, Пензенской губерніи. Въ брошюркѣ помѣщено 8 стиховъ, которыми воспѣвается красота и таланты Нарышкиной.

Губерти II, 151.

79. Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе. Въ Санктпетербургѣ. 2 части 8°. 1 ч. 208 стр. 2 ч. съ 209—419 стр.

Этотъ сатирическій журналъ издавался Н. И. Новиковымъ въ лучшую пору его журнальной дѣятельности. Живописецъ имѣлъ большой успѣхъ и выдержалъ шесть изданій, а въ 1864 г. П. А. Ефремовъ напечаталъ седьмое изданіе Живописца, съ предисловіемъ и потретомъ Н. И. Новикова.

Сопиковъ 3888. Плавильщиковъ 6808. Буличь 274—284. Афонасьевъ 272—277. Лонгиновъ 28—31. Неустроевъ 172—177.

Готье 1198, 25 р. (за поврежденный экземпляръ).

80. Жизнь знаменитаго Астраханца, или странныя приключенія Улабира, сына одного богатаго Мурзы, извлеченныя изъ его записокъ. Въ Москвѣ, 1811. Въ типографіи Н. С. Всеволотскаго. 16° 2 части. 1 ч. 1 нен. 201 нум. стр. и 2 ч. 124 нум. и 5 нен. стр.

Всѣ экземпляры „Жизнь знаменитаго Астраханца“ сгорѣли въ 1812 г.

Сопиковъ 4041. Смирдинъ 8785. Чертковъ 1845 стр. 378, № 7. Геннади 115.

Готье 3616, 8 р. Шибановъ XXXIV—154, 5 р.

81. Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго съ предположеніемъ краткой Географической и политической исторіи о Россійскомъ

царствѣ. Нынѣ первѣе на Славенскомъ языкѣ списана и издана въ Венеціи. Въ типографіи Димитрія Ѳеодозія 1772. Con Licenza de superiori. 2 ч. 4°. 1 ч. 17 нен. 400 нум. стр. съ портретомъ Петра I 2 ч. 364 нум. стр.

Венеціянскій типографщикъ Дмитрій Ѳеодози, имѣвшій въ своемъ распоряженіи болѣе матеріаловъ для исторіи Петра Великаго, нежели его предшественники, могъ, по мнѣнію Устрялова, написать ее обстоятельнѣе другихъ; но тѣмъ не менѣе въ сочиненіи его заключается множество грубыхъ ошибокъ. Это послѣднее обстоятельство, а равно и то, что слогъ исторіи неудобопонятенъ для Русскихъ читателей, такъ какъ она издана для Сербскаго народа и что она въ Россіи очень рѣдка, были побудительными причинами ко второму изданію этого труда, съ исправленіемъ его и дополненіями (см. № 82), напечатаннаго въ С.-Петербургѣ въ 1774 году. Приложенный при книгѣ портретъ Петра хорошо гравированъ А. Калпашниковымъ. Экземпляры съ портретомъ очень рѣдки.

Сопиковъ 4070. Смирдинъ 2799. Чертковъ 1838 г. 41 стр. № 36. Бартеневъ 1046. Устряловъ Ист. царств. Петра В. т. I, стр. XLIX.

Готье 3687, 12 р. (безъ портрета). Клочковъ 46—2425, 6 р. (о портретѣ не упомянуто). Клочковъ 56—181, 15 р. (о портретѣ не упомянуто). Шибановъ XXVI—70, 15 р. Клочковъ 63—1533, 15 р. (о портретѣ не упомянуто). Киммель XXXVI—932, 20 р. (безъ портрета). Клочковъ 72—112, 12 р. (безъ портрета). Клочковъ 75—259, 12 р. (безъ портрета). Клочковъ 83—749, 12 р. (безъ портрета). Шибановъ XXXIV—611, 12 р Шибановъ XXXVI—68, 12 р. Клочковъ 99—4279, 12 р. (безъ портрета).

82. Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца Всероссійскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ. Первѣе на Славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ Славено-сербскихъ словъ, на Россійской, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано. Печатано иждивеніемъ купцовъ Санктпетербургскаго Сергѣя Копнина, и Иркуцкаго Ивана Байбородина. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1774 года 2 тома. 4°. 1 т. 25 нен. и 367 нум. стр., 2 т. 332 нум. и 4 нен. стр. Въ 1 т. 21 листъ съ изображеньями и планами; во 2 т. 10 листовъ съ изображеніями.

Въ научномъ отношеніи сочиненіе это въ настоящее время, конечно, не имѣетъ никакого значенія; но оно представляетъ много интереса по гравюрамъ, въ немъ находящимся. Нѣкоторыя изъ нихъ были гравированы еще при Петрѣ Великомъ Шхонебекомъ и братьями Ал. и И. Зубовыми. Въ особенности интересны слѣдующія гравюры: 1) Взятіе Азова, на кото-

рой изображены портреты Петра, Шеина, Шереметева, Лефорта, Гордона, Головиныхъ, Толстаго и Тиммермана, 2) Свадьба шута Шанскаго и 3) тріумфальный въѣздъ въ Москву 1709 г. 21 Декабря. Н. В. Губерти, при указаніи гравюръ, находящихся въ этой книгѣ, не описалъ двухъ гравюръ, во первыхъ „Изображеніе побѣды надъ Шведскимъ флотомъ на рѣкѣ Амовжѣ", гравированной Шхонебекомъ и во вторыхъ „Опредѣленный порядокъ чрезъ царское Величество, каковымъ образомъ флотъ и транспортъ отъ С.-Петербурга и Кроншлота отправлены Мая въ первое число 1710 г. и прибыли седмого числа того же мѣсяца къ Выборгу". Д. А. Ровинскій также не указалъ на эти гравюры. Обѣ гравюры на большихъ складныхъ листахъ.

Сопиковъ 4071. Смирдинъ 2799. Чертковъ 1838 г. 42 стр. № 38. Бартеневъ 1047. Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 46 и 47. Губерти I, 186. Ровинскій т. IV, стр. 34.

Готье Рос. Библіогр. 1881 г. № 8, 30 р. (не обозначено число гравюръ). Шибановъ 11—156, 50 р. (экземпляръ не полный) Готье 3687, 20 р. (не обозначено число гравюръ). Готье „Россійск. Библіогр. 1881 г. № 8, 30 р. Шибановъ XXXIII—494, 25 р. (экземпляръ не полный, недостаетъ 9 гравюръ). Шибановъ XXXIV—612, 50 р. неполный экземпляръ.

83 Житіе Петра Великаго Імператора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества, собранное изъ разныхъ книгъ, во Франціи и Голландіи изданныхъ, и напечатанное въ Венеціи, Медіоланѣ и Неаполѣ на діалектѣ италіянскомъ, а потомъ и на Греческомъ: съ коего на Россійской языкъ перевелъ Статскій совѣтникъ Стефанъ Писаревъ. Въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ 1772 года. 4°. 12 нен. и 511 нум. При книгѣ портретъ Петра В.

Авторъ исторіи Петра Антоній Катифоръ. Переводчикъ Писаревъ посвятилъ свой трудъ наслѣднику престола Павлу Петровичу. Портретъ, приложенный при книгѣ гравированъ А. Калпашниковымъ. Портретъ описанъ Д. А. Ровинскимъ т. III № 226 и А. А. Васильчиковымъ, т. II, стр. 131 и 132, № 135. Этотъ же портретъ находится въ моемъ экземплярѣ при Венеціянскомъ изданіи. Житіе Петра издано вторымъ изданіемъ, въ 8 д. листа, въ 1788 г. Книги описанныя мною подъ №№ 81, 82 и 83 поступили ко мнѣ изъ знаменитой Авчуринской библіотеки, принадлежавшей прежде извѣстному библіофилу Хлѣбникову, а отъ него перешедшей къ его внуку С. Д. Полторацкому.

Сопиковъ 4068. Смирдинъ 2801. Чертковъ 1838 г. 537 стр. № 7. Устряловъ Ист. П. В. т. I, стр. XLVIII. Губерти I, 175.

Мартыновъ 1338, 10 р. Готье 3793, 8 р. Киммель XXXVI—923, 10 р.

84. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Въ Санктпетербургѣ въ Императорской типографіи 1789 года. 12°. 298 стр.

Книга состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщено житіе Ушакова (127 ст.), а во второй его сочиненія: 1) о правѣ наказанія и о смертной казни, 2) о любви и 3) письма о первой книгѣ Гельвеціева сочиненія о Разумѣ. Житіе Ѳ. В. Ушакова составляетъ первый печатный трудъ А. Н. Радищева, посвященный, какъ и всѣ остальныя напечатанныя имъ сочиненія въ прошломъ вѣкѣ, своему другу и товарищу по образованію А. М. Кутузову. Ѳедоръ Васильевичъ Ушаковъ, по распоряженію императрицы Екатерины II, былъ посланъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, въ числѣ которыхъ былъ и А. Н. Радищевъ, въ Лейпцигскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ. По своимъ способностямъ и познаніямъ онъ подавалъ большія надежды; но надеждамъ не суждено сбыться: онъ преждевременно скончался (23 лѣтъ). Ушаковъ, какъ и другъ его Радищевъ, принадлежалъ къ передовымъ людямъ XVIII вѣка. Изъ его сочиненія „о правѣ наказанія и о смертной казни" видно, что онъ принадлежалъ къ той малочисленной плеядѣ гуманныхъ людей, которые изъ числа наказаній исключали смертную казнь. Исходя изъ того начала, что каждый преступникъ можетъ быть исправленъ, что наказаніе должно имѣть въ виду цѣль исправленія, Ѳ. В. Ушаковъ полагалъ, что смертная казнь, прекращая жизнь человѣка, „истребляетъ понятіе о исправленіи". Далѣе, онъ говоритъ, что если преступника слѣдуетъ поставить въ такія условія, чтобы онъ не вредилъ впредъ обществу, для сего надлежитъ не лишать его жизни, а сдѣлать его только „немощнымъ. Темница для сего избыточна". Книга чрезвычайно рѣдка; она рѣдкостнѣе „Путешествія". Кромѣ моего экземпляра и экземпляра, находящагося въ Чертковской библіотекѣ, я болѣе не знаю, гдѣ бы еще находилась эта интересная книга; въ антикварныхъ каталогахъ она не появлялась. Какъ библіографическая рѣдкость, житіе Ушакова было перепечатано П. И. Бартеневымъ въ изданномъ имъ сборникѣ „XVIII вѣкъ". Любопытно было бы узнать причину рѣдкости этого перваго сочиненія Радищева. Не обратили ли на „Житіе" вниманіе, во время преслѣдованія Радищева за его „Путешествіе", и не изъяли ли его въ то время изъ продажи? Въ книгѣ „Житіе Ушакова" говорится о самовластіи государя, о вельможахъ, о начальникахъ съ такою свободою, съ которою уже нельзя было говорить во вторую половину царствованія императрицы Екатерины II.

Сопиковъ 4083. Плавильщиковъ 3474. Смирдинъ 2894. Чертковъ 1838 стр. 540, Бартеневъ 1197. Геннади 65.

85. Журналъ драматической на 1811-й годъ, издаваемый любителями театра. Москва въ типографіи Ѳедора Любія 8°. Въ трехъ частяхъ: 1 ч. 324 нум. и 4 нен. 2 ч. 340 стр. и 3 ч. въ моемъ экземплярѣ, 80 стр.

Журналъ этотъ издавался М. Макаровымъ, ежемѣсячно, всего издано 12 номеровъ. Мой экземпляръ оканчивается 9 номеромъ. Лонгинову было извѣстно только 11 номеровъ; 12-го онъ никогда не видалъ, и поэтому онъ

предположилъ, что № 12 не былъ изданъ Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находятся всѣ 12 номеровъ.

Сопиковъ 3796. Лонгиновъ „Современникъ" 1856 г. № 6. Отчетъ Импер. Публичн. Библіотеки 1875 г. 66 и 67 стр. Геннади 114.
Готье 3614, 3 р. (одна вторая часть).

86. Журналъ Правовѣденія на 1796 годъ; или содержаніе именныхъ Высочайшихъ и Правительствующаго Сената указовъ, въ теченіе 1796 года изданныхъ, съ показаніемъ: когда они состоялись, гдѣ напечатаны, или въ какія мѣста посланы. Москва, въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова 1800. 4°. 66 и X стр. Тотъ же журналъ на 1797 годъ изд. 1801 г. 4°. 282 и XXIV стр.

Издатель А. Плавильщиковъ. Изданіе это, по удостовѣренію покойныхъ букинистовъ И. Г. Кольчугина и Крашенинкова, какъ не распроданное, лежало въ складѣ и въ 1812 году сгорѣло, поэтому оно встрѣчается рѣдко; его нѣтъ даже въ Имп. Публичной Библіотекѣ.
Архивъ истор. и практ. свѣдѣній въ Россіи 1863 г. 5 кн. Сопиковъ 4107 и 4108 Плавильщиковъ 2490. Смирдинъ 1672. Неустроевъ 838 и 839.

87. Журналъ путешествія Его Высокородія господина Статскаго Совѣтника и Ордена Святаго Станислава кавалера Никиты Акинфіевича Демидова. По иностраннымъ государствамъ съ начала выѣзда Его изъ санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращеніе въ Россію, ноября 22 дня 1773 Года. Печатано въ Москвѣ, въ типографіи у содержателя Ф. Гиппіуса 1786 года. 4°. 1 нен. 164 нум. и 1 нен. стр. съ портретомъ.

Побудительною причиною къ путешествію Н. А. Демидова послужила болѣзнь его супруги, для излѣченія которой, по совѣту врачей, онъ долженъ былъ ѣхать въ Спа. Журналъ же путешествія изданъ былъ для „Его фамиліи", какъ сказано объ этомъ въ предисловіи. При книгѣ приложенъ портретъ Н. А. Демидова, хорошо гравированный нашимъ лучшимъ граверомъ Скородумовымъ. Портретъ описанъ Васильчиковымъ (т. I, стр. 287) и Д. А. Ровинскимъ (т. I, стр. 654).

Сопиковъ 4106. Плавильщиковъ 3531. Чертковъ 1838 г. 359 стр. № 5. Березинъ-Ширяевъ VIII, 44. Бартеневъ 2982. Губерти 111—139.
Шибановъ 11—206, 1 р. 50 к. безъ портрета.

88. Заира. Трагедія господина Волтера. Перевелъ съ Французскихъ Россійскими стихами А. Д. Въ Санктпетербургѣ. 1779 года 8°. 98 нум. и 1 нен. стр.

Запру перевелъ студентъ С.-Петербургской Академіи Адріанъ Дубровскій.

Сопиковъ 2612. Плавильщиковъ 6153. Смирдинъ 6902. Геннади 48. Губерти II, 18. Языковъ ст. 24 и 25 № 15.

Готье 60, 5 р.

89. Записка путешествія генерала фелдмаршала россійскихъ войскъ, тайнаго совѣтника и кавалера мальтійскаго, с. апостола Андрея, бѣлаго орла и прусскаго ордена, графа Бориса Петровича Шереметева, въ тогдашнія времена бывшаго ближняго боярина и намѣстника Вятскаго, въ Европейскія государства, въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Мальтійскій островъ, изданная по подлинному описанію, находящемуся въ библіотекѣ сына его господина оберъ-камергера, генералъ-аншефа, сенатора и кавалера с. апостола Андрея, с. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и с. Анны, графа Петра Борисовича Шереметева. Въ Москвѣ. Напечатана при Императорскомъ Университетѣ 1773 года. Въ листъ. 2 нен. и 90 нум. стр. съ пятью гравюрами.

Эта книга большею частію встрѣчается въ продажѣ переплетенная въ одну книгу вмѣстѣ съ письмами Петра Великаго въ графу Б. П. Шереметеву. Гравюры описаны Ровинскимъ, т. III, стр. 2146.

Сопиковъ 4192. Плавильщиковъ 3530. Смирдинъ 3714. Чертковъ 1838 г. 359 стр. № 4. Геннади 38. Губерти I, 182.

Мартыновъ 427, 50 р. Мартыновъ Кат. VII, 125 р. (на веленевой бумагѣ). Готье 3574, 35 р. Посредникъ № 1, стр. 21, 25 р. (поврежденный экземпляръ).

90. Записки адмирала А. С. Шишкова 8°. 150 стр. Безъ обозначенія года и мѣста печати.

Геннади говоритъ, что эта брошюрка извѣстна только немногимъ лицамъ, по небольшому числу розданныхъ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ экземпляръ онъ видѣлъ у С. А. Соболевскаго. Въ послѣдствіи записки Шишкова были напечатаны въ чтеніяхъ Моск. общества исторіи и древностей и въ Берлинѣ, гдѣ они изданы Н. Киселевымъ и Ю. Самаринымъ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: „Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова“. Въ запискахъ находятся драгоцѣнныя матеріалы для исторіи цензуры; въ нихъ между прочимъ помѣщенъ разборъ Шишкова о книгѣ Госнера, описанной подъ № 62 и ходатайство Шишкова о пріостановленіи изданнаго Филаретомъ краткаго Катихизиса. По поводу переведенныхъ въ катихизисѣ на Русскій языкъ „Вѣрую, Отче нашъ и заповѣдей, Шишковъ говоритъ: „Гордость какого-нибудь монаха или хвастуна ученаго

скажетъ: такъ по-еврейски. Да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу Еврейскаго языка, и могу ли я согласиться дать ему переправлять не пѣсенку, не сказочку какую, но изрѣченія Священнаго Писанія, въ которомъ даже и къ самымъ темнымъ для меня выраженіямъ привыкъ я имѣть благоговѣніе? Трудно доказать надобность, нонетрудно сыскать причину сихъ переводовъ, состоящую въ томъ, чтобы исказить и привесть въ неуваженіе священныя книги, измѣняя въ нихъ языкъ церкви въ языкъ театра".

Геннади 211. Русскій Архивъ 1868 г. № 9, стр. 1332.

91. Избранныя сочиненія госпожи де-ла-Мотъ Гіонъ, или изъясненія и размышленія на Апокалипсисъ святаго Іоанна Богослова, руководствующія ко внутренней жизни. Переводъ съ новаго и исправленнаго изданія. Москва. Въ Университетской типографіи. 1821. 8°. 478 стр.

Книга запрещена.

Геннади 140. Скабичевскій „Очерки по исторіи Рус. цензуры" Отеччств. Записки 1883 г. № 1, стр. 204.

Мартыновъ, Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 5 р. Мартыновъ 6166, 5 р. Клочковъ 602, 3 р. Шибановъ XX—67, 3 р. Шибановъ XXIX—66, 3 р. Клочковъ 96—2679, 4 р. Шибановъ XXXVIII—86, 2 р. Готье 9884, 3 р.

92. Избранныя сочиненія госпожи де-ла-Мотъ-Гіонъ, или изъясненія и размышленія на дѣянія и посланія святыхъ Апостолъ, руководствующія ко внутренней жизни. Въ трехъ частяхъ, переводъ съ новаго и исправленнаго изданія. Москва. Въ Университетской типографіи 1820 года 8°. 1 ч. XXXII и 514 стр., 2 ч. 547 стр. и 3 ч. XXXII и 436 стр. 2 и 3 части изданы въ 1821 году.

Книга запрещена.

Геннади 139. Березинъ-Ширяевъ Рос. Библіографія 1881 г. № 14, стр. 301. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 26 стр. Скабичевскій „очерки по исторіи Рус. цензуры" Отечест. Записки 1883 г. № 1, стр. 204.

Мартыновъ Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 10 р. Мартыновъ 6164, 10 р, Клочковъ 3356, 7 р. Клочковъ 92—225, 10 р.

93. Избранныя сочиненія госпожи де-ла-Мотъ Гіонъ или изъясненія и размышленія на Притчи, Еклесіаста, Пѣснь Пѣсней и Премудрость царя Соломона и на Премудрость Іисуса сына Сирахова, руководствующія ко внутренней жизни. Въ пяти книгахъ. Переводъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1823. 8°. 442 нум. и 2 нен. стр.

Книга запрещена. По поводу этой книги, а равно и другихъ сочине ній обозначенныхъ въ моемъ каталогѣ подъ №№ 91 и 92, авторъ записки о крамолахъ враговъ Россіи говоритъ: „Чтобы показать духъ этихъ книгъ, стоитъ только вспомнить, что при появленіи ихъ во Франціи, Боссюэтъ, знаменитый ученостью епископъ, возопилъ въ услышаніе всего западнаго христіанства: „вся религія гибнетъ!“ Людовикъ XIV объявилъ, что ученіе Фенелона и Гіонъ зажгло все королевство его. Книги Гіонъ осуждены соборомъ во Франціи и папою въ Римѣ, какъ книги наполненныя заблужденіями квіетизма. Это извѣстно всякому, кто читалъ новѣйшую исторію. Съ какою же цѣлію переводили такія книги на Русскій языкъ, если не съ цѣлію развратить Русскихъ читателей?“

Геннади 142. Русскій Архивъ 1868 г. 7 и 8. Алфавитный каталогъ изданіямъ запрещеннымъ къ обращенію и перепечатанію въ Россіи. Спб. 1888 г. №№ 205, 206—207. Скабичевскій „очерки по исторіи Рус. цензуры“ Отечест. Записки 1883 г. № 1, стр. 204.

Мартыновъ Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 5 р. Мартыновъ 6165, 5 руб. Клочковъ 1—604, 3 р. Клочковъ 3358, 3 р. Клочковъ 96—2689, 1 р. 50 к. Готье 9585, 3 р.

94. Извлеченіе изъ военнаго журнала генералъ-лейтенанта Головина, въ теченіи кампаніи противъ Польскихъ мятежниковъ, 1831 года. Рига. Напечатано въ типографіи Мюллера. 1847. 4°. 178 стр.

Извлеченіе изъ Военнаго Журнала напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Геннади 176—2.

Мартыновъ 2902, 20 р. Клочковъ 15287, 25 р. Мелинъ 1—778, 4 р. Клочковъ 75—294, 5 р.

95. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1855 году. С.-Петербургъ. 1855 г. 4°. 189 нум. и оглавленіе съ картой и двумя планами.

Въ продажу не поступало. Въ отчетѣ описаны раскопки и изслѣдованія П. В. Савельева. Въ текстѣ помѣщены изображенія древностей, найденныхъ при раскопкахъ.

Геннади 195. Березинъ-Ширяевъ VI, 84. Березинъ-Ширяевъ Рос. Библіографія 1880 г. № 13, стр. 314.

Клочковъ 4320, 10 р.

Шибановъ VIII—380, 15 р. Клочковъ 32—18312, 25 р. Шибановъ XV—383, 15 р. Клочковъ 55—1187, 12 р. Шибановъ XXXIV—184, 10 р.

96. Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ. О ихъ древнемъ происхожденіи, о старинныхъ чинахъ и какія ихъ были должности при Государяхъ, Царяхъ и Великихъ Князьяхъ, о выборѣ доказательствъ на дворянство, о родословной книгѣ, о

владѣніи деревень, о службѣ предковъ и собственной и о дипломахъ. Печатано съ дозволенія указнаго. Въ Санктпетербургѣ 1790 года. 8°. 2 нен. 494 нум. и 5 нен. стр.

Извѣстіе о дворянахъ составлено трудолюбивымъ ученымъ Ф. Миллеромъ и издано Ив. Рахмановымъ, не мало издавшимъ въ свое время книгъ. Есть экземпляры съ обозначеніемъ имени автора.

Сопиковъ 4111. Плавильщиковъ 3012. Смирдинъ 2373. Чертковъ 1838 г. стр. 231, № 17. Геннади 73. Губерти II, 141. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. стр. 112.

Мартыновъ Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 35 р. Шибановъ I—170, 20 р. Мартыновъ 1376, 35 р. Клочковъ 14818, 15 р. Готье 3594, 2 р. Шибановъ XXIII—233, 15 р. Шибановъ XXVII—228, 15 р. Шибановъ XXXIV—308, 15 р.

97. Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Русскихъ и объ Игнатіе Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. Москва. 1811. Въ Университетской типографіи 12°. 21 стр.

Извѣстіе о древностяхъ и Ѳерапонтовѣ составлено К. Калайдовичемъ Книжка эта, перепечатанная въ Матеріалахъ для исторіи Р. книжной торговли, напеч. Спб. 1879 г.

Сопиковъ 4392. Смирдинъ 2910. Геннади 116. Безсоновъ стр. 6.
Шибановъ VIII—153, 8 р. Готье 3616, 3 р.

98. Изображеніе и описаніе памятника въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи, на военномъ кладбищѣ въ честь скончавшихся тамъ Россійскихъ офицеровъ, въ 1815 году воздвигнутаго и освященнаго. Вѣна. Въ типографіи Іоанна Шнорера 1815. Такое же заглавіе и на Нѣмецкомъ языкѣ. 4°. 6 нен. стр. въ два столбца, изъ которыхъ одинъ на Нѣмецкомъ языкѣ съ изображеніемъ на особомъ листѣ памятника и съ виньеткой на первомъ листѣ.

Подъ памятникомъ, который описанъ въ этой книжкѣ, погребено 45 нашихъ офицеровъ, скончавшихся отъ ранъ, полученныхъ въ Августѣ 1813 г. подъ Дрезденомъ и Кульмомъ. Памятникъ сооруженъ по повѣленію императора Александра I-го. Кромѣ моего экземпляра мнѣ извѣстны два экземпляра: одинъ находится въ Чертковской Библіотекѣ, а другой у Мазурина.

Геннади 124. Бартеневъ 313. Русская Старина 1889 г. № 11, стр. 363.
Шибановъ продалъ экземпляръ Мазурину за 150 руб.

99. Изображеніе истиннаго христіанства съ добродушнымъ къ оному увѣщаніемъ. Переводъ. Москва, 1800. Въ Университетской типографіи у Ридигера и Клаудія. 12°. 92 стр.

По указанію митрополита Евгенія книжка была переведена И. В. Лопухинымъ въ г. Казани.

Сопиковъ 4464. Смирдинъ 671. Геннади 92. Губерти II, 216.

Шибановъ XVII—169, 5 р. Готье 3603, 5 р. Клочковъ 92—229, 2 р. (безъ заглавія) Шибановъ XXXIV—185, 5 р.

100. Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливомъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ, 1790. 8°. XVI, 377 нум. и 12 нен. стр.

Въ этомъ изслѣдованіи подвергнуты критическому разбору мнѣнія, высказанныя въ книгѣ „о заблужденіяхъ и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія", имѣвшей въ средѣ масоновъ большой успѣхъ. М. Н. Лонгиновъ въ одной изъ своихъ статей (Соврем. 1857 г. № 4) указалъ на нѣкоторыхъ лицъ, составлявшихъ особливое общество г. Тулы ,принимавшихъ участіе въ сочиненіи описываемаго мною изслѣдованія; въ своемъ же сочиненіи „Новиковъ и Московскіе мартинисты" онъ предполагаетъ, что происхожденіе Изслѣдованія должно приписать какой-либо правительственной инициативѣ. Пыпинъ же предполагаетъ, что сочиненіе это не принадлежитъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, а скорѣе носитъ на себѣ слѣды перевода.

Сопиковъ 4506. Смирдинъ 6569. Лонгиновъ Современникъ 1857 г. № 4. Лонгиновъ 302. Сочиненія Ешевскаго ч. III, стр. 431 и 432. Пыпинъ Вѣстникъ Европы 1867 г. № 12, стр. 18 и 19. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. стр. 111. Губерти II, 140. Россійская Библіографія 1880 г. № 12. стр. 480.

Мартыновъ 1853 г., 5 р. Клочковъ 17882, 8 р. Готье 5490, 2 р. (два экземпляра). Шибановъ XXXIV—15, 5 р.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

Первыя впечатлѣнія мои съ пріѣздомъ въ Тифлисъ были неопредѣлительны и разнообразны. Мѣстоположеніе и виды города мнѣ и женѣ моей понравились. На квартирѣ, заблаговременно для меня приготовленной, мы остановились въ части города имянуемой Солалаками, въ домѣ отставнаго капитана-Армянина Мурачева. Хозяинъ съ женою оказались люди добрые и гостепріимные, квартира порядочная и удобная для насъ троихъ, видъ на горы съ галереи дома представлялся прелестный, а время наступило въ здѣшнемъ краѣ самое лучшее, то-есть осеннее, а потому эта первоначальная обстановка подѣйствовала на насъ довольно пріятно. Но дороговизна дала себя почувствовать съ самаго пріѣзда: и квартира, и всѣ потребности жизни (кромѣ нѣкоторыхъ фруктовъ) оказались значительно дороже нежели во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы до этихъ поръ жили **).

Князь Воронцовъ былъ такъ внимателенъ, что, при отъѣздѣ моемъ отъ него изъ Кисловодска, писалъ начальнику гражданскаго управленія Ладинскому и вице-губернатору Десимону, прося ихъ ознакомить меня со всѣмъ, что̀ заѣзжему, семейному человѣку въ незнакомомъ краѣ знать необходимо. Подобнымъ вниманіемъ къ своимъ подчиненнымъ князь Воронцовъ особенно привлекалъ къ себѣ. Этимъ качествомъ, въ такой степени какъ оно было у него, мало кто обладаетъ въ его высокомъ положеніи.

Ладинскій, по мѣсту начальника гражданскаго управленія, состоялъ предсѣдателемъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края. Хотя и безъ всякаго образованія, но съ природнымъ умомъ, онъ былъ

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, I, 465.

**) Дороговизна въ Тифлисѣ со времени пріѣзда моего въ 1846 году и понынѣ, около двадцати лѣтъ спустя, возвышается непрестанно. Причины тому: умноженіе народонаселенія, приливъ денегъ по большому числу служащихъ военныхъ и гражданскихъ, монополія, множество злоупотребленій, необращеніе на то вниманія со стороны начальства и пр. При всей умѣренности въ нашемъ образѣ жизни, мы (я съ зятемъ моимъ Витте) проживаемъ ежегодно неменѣе 14-ти, 15-ти тысячъ.

что́ называется *хитрый хохолъ*, умѣвшій угождать высшему начальству и туземнымъ аристократамъ, изъ коихъ въ особенности съ мусульманскими (по прежней своей службѣ въ ихъ средѣ, когда былъ еще полковымъ командиромъ) находился онъ въ большой дружбѣ. Онъ сильно защищалъ ихъ интересы въ невыгоду крестьянъ, когда совершалось дѣло о правахъ высшаго мусульманскаго сословія, и такъ запуталъ его, что и теперь, въ 1864 году, неизвѣстно какъ и когда оно кончится. Это онъ, кажется, предвидѣлъ и немедленно по совершеніи этого дѣла подалъ въ отставку; а когда по его увольненіи одинъ изъ членовъ Совѣта спросилъ его: «кто же будетъ теперь расхлебывать кашу, которую вы по этому дѣлу заварили?» то онъ съ иронической улыбкою отвѣчалъ: «Ужъ никакъ не я!» Но для своихъ сотоварищей и подчиненныхъ онъ былъ человѣкъ добрый и очень радушный хлѣбосолъ. Онъ недавно умеръ въ Ѳеодосіи и оставилъ, говорятъ, кромѣ хорошаго недвижимаго имѣнія въ Крыму, болѣе ста тысячъ р. капиталу, и притомъ всегда жилъ весьма недурно, даже широко; а потому и кажется, что экономіею отъ своего содержанія столько накопить едва ли могъ.

Другими моими товарищами по Совѣту тогда были генералы: князь Чавчавадзе, Реутъ, Кохановъ, Жеребцовъ, Семеновъ и Шрамъ. Чавчавадзе былъ Грузинскій аристократъ, для туземца того времени человѣкъ довольно образованный и вліятельный по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, но съ нимъ пришлось мнѣ служить недолго: 7-го Ноября того же года онъ упалъ съ дрожекъ, расшибъ себѣ голову и того же дня умеръ. Реутъ, Кохановъ, Жеребцовъ (изъ коихъ первые два старые, хра́брые Кавказскіе ветераны) люди были хорошіе, хотя мало приносившіе пользы въ Совѣтѣ; тоже долженъ сказать и о прочихъ. Одинъ Семеновъ, хотя вертопрахъ не по лѣтамъ и страшный говорунъ, выдавался какъ человѣкъ смышленый и образованный; онъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея. Впослѣдствіи князь Воронцовъ сдѣлалъ его попечителемъ учебнаго округа, гдѣ онъ накутилъ самымъ непозволительнымъ образомъ, да еще промоталъ казенныя деньги, что́ послужило поводомъ къ его удаленію отъ должности и окончательному изгнанію. Оставивъ службу на Кавказѣ, Семеновъ получилъ мѣсто члена Главнаго Управленія Училищъ, подъ покровительствомъ родственника своего графа Ростовцова. Онъ умеръ въ 1863 году, въ Женевѣ.

Служба моя въ самомъ началѣ оказалась вовсе не трудною, особенно въ сравненіи съ безчисленными заботами и непріятностями на Саратовскомъ губернаторствѣ; а что́ лучше всего—отвѣтственности никакой, потому что всѣ постановленія Совѣта исполнялись не иначе

какъ по утвержденіи ихъ намѣстникомъ. Засѣданія происходили не чаще какъ разъ или два въ недѣлю; но занятія въ нихъ бывали серьезныя, многосложныя, далеко не столь ничтожныя какъ впослѣдствіи съ 1859 года, по преобразованіи Совѣта княземъ Барятинскимъ.

Кромѣ сотоварищей моихъ по Совѣту, я познакомился и съ другими лицами въ Тифлисѣ, или по необходимости служебныхъ съ ними отношеній, или по уваженію, коимъ они пользовались въ обществѣ, или по ихъ офиціяльному положенію. У князя Воронцова, возвратившагося въ Тифлисъ въ первыхъ числахъ Ноября, я встрѣтилъ людей давно мнѣ извѣстныхъ со времени моей жизни въ Новороссійскомъ краѣ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ первыхъ по давности знакомства слѣдуетъ назвать Степана Васильевича Сафонова, директора канцеляріи намѣстника. Онъ былъ сынъ секретаря Екатеринославской Духовной Консисторіи, и я его видалъ еще съ самаго начала моего прибытія въ Екатеринославъ: тогда онъ мальчикомъ бѣгалъ босикомъ по улицамъ. Когда онъ кончилъ ученіе въ тамошней семинаріи, отецъ опредѣлилъ его въ гражданскую службу, успѣлъ помѣстить въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора, гдѣ онъ былъ замѣченъ княземъ Воронцовымъ какъ молодой человѣкъ проворный, ловкій, сметливый. Онъ состоялъ при Воронцовѣ тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда Поповъ у Потемкина. Быстро и скоро онъ возвысился въ чинахъ, и на Кавказѣ князь Воронцовъ далъ ему мѣсто директора своей канцеляріи. Сафоновъ, разумѣется, угождалъ князю во всемъ, непрестанно и постоянно получалъ крупныя награды, и когда уже въ настоящемъ званіи получать ему было нечего, то по ходатайству князя опредѣленъ сенаторомъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ, кажется, въ прошломъ году. Въ отношеніи финансовыхъ средствъ, онъ тоже устроилъ свои дѣла очень удовлетворительно, въ особенности выгодной женитьбой на дочери богатаго Одесскаго негоціанта, Грека-Маразли.

Въ выборѣ людей на губернаторскія должности, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и здѣсь, князь Воронцовъ не обладалъ счастіемъ; по крайней мѣрѣ я не помню ни одного губернатора, выборъ коего заслуживалъ бы названія удачнаго. Тоже самое можно сказать и о князѣ Барятинскомъ. У князя Воронцова въ Новороссійскомъ краѣ случались губернаторами люди честные и хорошо образованные, какъ напримѣръ Донецъ-Захаржевскій, баронъ Франкъ, Нарышкинъ и другіе, но мало опытные, безпечные, и потому неслишкомъ способные къ успѣшному управленію губерніями.

Изъ прочихъ лицъ Тифлисскаго общества того времени, къ которыми мнѣ пришлось свести знакомство, замѣчательнѣйшіе были: Юлій Андреевичъ Гагемейстеръ, д. ст. совѣтникъ, прикомандированный изъ

Министерства Государственныхъ Имуществъ состоять при намѣстникѣ, человѣкъ умный, дѣловой, хорошо знавшій Закавказскій край, дѣльный разговоръ съ которымъ и интересныя свѣдѣнія передаваемыя имъ, всегда доставляли мнѣ удовольствіе и даже пользу. Князь Палавандовъ, бывшій Тифлисскій губернаторъ, а потомъ членъ Совѣта, одинъ изъ умнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ Грузинъ, какихъ я зналъ. Графъ Дунинъ былъ предсѣдателемъ Судебной Палаты. Съ нимъ я служебныхъ отношеній не имѣлъ, но познакомился какъ съ человѣкомъ весьма образованнымъ, любезнымъ, и хотя подчасъ и пустомелей, но по большей части довольно пріятнымъ собесѣдникомъ.

Изъ духовныхъ особъ тогда находились въ Тифлисѣ двѣ личности, высоко стоявшія въ общемъ мнѣніи и пользовавшіяся большимъ уваженіемъ какъ общества, такъ и народонаселенія: экзархъ Грузіи Исидоръ, іерархъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный, коего здѣшній край къ сожалѣнію лишился въ 1858 году, по случаю перевода его митрополитомъ въ Кіевъ, и Нерцесъ, патріархъ Армянскій, котораго я зналъ еще въ бытность его Армянскимъ архіепископомъ въ Кишеневѣ въ двадцатыхъ годахъ, тоже человѣкъ умный, имѣвшій большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ глубокой старости, слишкомъ девяноста лѣтъ отъ рожденія.

Остальную часть 1846-го года я провелъ знакомясь съ дѣлами и обязанностями по новой моей службѣ и читая что́ только могъ достать о Закавказскомъ краѣ. Князь Воронцовъ, съ самаго начала моего пріѣзда, мнѣ сказалъ, чтобы я готовился къ управленію государственными имуществами Закавказскаго края и къ составленію уже задуманнаго имъ преобразованія въ управленіи этими имуществами. Управленіе было учреждено въ 1840 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ Россіи, съ нѣкоторыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями, которыя, какъ и всѣ почти учрежденія въ Закавказскомъ краѣ, составлявшіяся по теоретическимъ соображеніямъ, оказались неудачны. Первымъ приступомъ къ этимъ занятіямъ была порученная мнѣ ревизія, сначала Тифлисской, а въ 1847 году и Шемахинской палатъ государственныхъ имуществъ и подвѣдомственныхъ имъ поселеній.

Я былъ совершенно доволенъ моимъ новымъ служебнымъ положеніемъ и душевно радовался удачной перемѣнѣ должности, мѣстожительства и, главное, начальства, которое въ близкомъ прошломъ и настоящемъ различалось между собою какъ мутный, тинистый омутъ отъ чистой воды... Меня безпокоило неустроенное положеніе моего сына, находившагося въ отставкѣ. Онъ колебался въ выборѣ службы; его тянуло по всегдашнему его влеченію, въ военную службу; я же, по моимъ соображеніямъ, болѣе желалъ, чтобы онъ поступилъ въ граждан-

скую. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Но они прошли для него не безполезно: они сдѣлали изъ него высокообразованнаго человѣка; онъ очень много читалъ, обогатилъ свой умъ многосторонними познаніями и при его природной необыкновенной памяти пріобрѣлъ на всю жизнь обширныя свѣдѣнія, кои впослѣдствіи изумляли первоклассныхъ Европейскихъ ученыхъ, не ожидавшихъ встрѣтить ихъ въ свѣтскомъ, а тѣмъ болѣе военномъ человѣкѣ. Но время проходило, и для человѣка необезпеченнаго независимымъ состояніемъ, оно могло въ будущемъ болѣе не вознаградиться въ отношеніи службы и средствъ къ жизни.

Мало по малу жизнь наша вошла въ извѣстную колею, и мы возвратились къ нѣкоторымъ изъ нашихъ прежнихъ привычекъ: по вечерамъ завелся опять бостончикъ, по большей части съ соучастіемъ нашей хозяйки Мурачевой, носившей Европейскій костюмъ, слѣдовательно принадлежавшей къ туземной цивилизаціи и пользовавшейся вѣсомъ въ своемъ кругу, какъ по уму, такъ и по близкому родству съ князьями Бебутовыми. По заведенному обычаю я дѣлалъ утромъ и послѣ обѣда большія прогулки, иногда по нѣскольку верстъ, предпочтительно пѣшкомъ, что̀ скоро познакомило меня съ городомъ и его окрестностями. Я всходилъ на горы къ церкви Св. Давида, гдѣ похороненъ Грибоѣдовъ, любовался восхитительнымъ видомъ на Тифлисъ съ вершины скалы съ башнями надъ ботаническомъ садомъ. Меня и мою жену особенно занимала старая часть города, сохранившая вполнѣ Азіатскій характеръ, образчики котораго мы уже видѣли, хотя конечно въ миніатюрѣ, во время нашихъ поѣздокъ по Крыму, напримѣръ въ Бахчисараѣ. Кривыя, узкія улицы, всегда пыльныя или грязныя, переулки въ родѣ коридоровъ упиравшіеся внезапно въ какую-нибудь стѣну или заборъ, дома̀ съ плоскими крышами, древнія церкви своеобразной архитектуры съ остроконечными куполами, шумные базары съ тѣсными лавчонками, въ коихъ вмѣстѣ работали и продавали производимый товаръ; туземныя женщины въ чадрахъ, разнообразные восточные костюмы, караваны верблюдовъ съ бубенчиками, арбы запряженныя буйволами, ишаки навьюченные корзинами съ углемъ или зеленью, зурна съ дудками и барабанами, муши́ (носильщики) съ невѣроятными тяжестями на спинѣ, бурдюки съ виномъ,—все это на первыхъ порахъ насъ занимало, а иногда и удивляло, хотя иной разъ и не особенно пріятно. Между прочимъ, мы долго не могли привыкнуть къ странной манерѣ туземнаго уличнаго пѣнія. Идетъ себѣ какой-нибудь Азіатскій человѣкъ, спокойно, тихо, и вдругъ, безъ всякаго видимаго побужденія, задеретъ голову къ верху, разинетъ ротъ въ видѣ настоящей пасти и заоретъ такимъ неистово-дикимъ голосомъ, что непонятно, какъ у него не лопнетъ глотка, и даже самъ онъ отъ избытка

натуги весь посинѣетъ, побагровѣетъ и зашатается на ногахъ. Этотъ неожиданный маневръ насъ просто пугалъ, и мы спросили у нашей хозяйки чтó онъ означаетъ? Она объяснила, что это у нихъ такіе виртуозы и поютъ они Грузинскія или Татарскія *аріи*. Когда привели изъ Саратова нашихъ упряжныхъ лошадей, незнакомыхъ съ восточными нравами, то такой виртуозъ однажды заревѣлъ внезапно у нихъ подъ ушами и такъ ихъ перепугалъ, что онѣ чуть было не разбили экипажа.

Нерѣдко на прогулкахъ мнѣ случалось подъ вечеръ встрѣчаться съ княземъ Воронцовымъ, который тоже много ходилъ пѣшкомъ, чтó ему также было нужно какъ и мнѣ, при его усидчивыхъ занятіяхъ. Онъ всякій день подолгу сидѣлъ за работой: мнѣ часто доводилось заходить къ нему по дѣламъ въ праздничные дни и по Воскресеньямъ, и я почти всегда заставалъ его за письменнымъ столомъ и за бумагами. Онъ неразъ со вздохомъ жаловался мнѣ, что никакъ не можетъ вырваться ранѣе пяти часовъ идти на прогулку. Тогда же онъ дѣлалъ и свои визиты, иногда съ княгиней, безъ всякихъ провожатыхъ, запросто. Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи ихъ въ Тифлисъ, я съ женой и дочерью сидѣлъ у себя дома за обѣдомъ часу въ шестомъ; вдругъ зазвонилъ колокольчикъ съ улицы у входныхъ дверей; человѣкъ пошелъ отворить; за дверью стоялъ князь Воронцовъ подъ руку съ княгиней, только вдвоемъ, и самъ звонилъ въ колокольчикъ; прогуливаясь зашли они къ намъ въ гости. Часто онъ катался и верхомъ, но тогда съ адъютантами и конвойными казаками, или въ кавалькадѣ съ княгиней. Сафоновъ, возвратившійся въ Ноябрѣ изъ поѣздки въ Петербургъ, разсказывалъ, какъ императоръ Николай Павловичъ заботился о здоровьѣ и спокойствіи князя Михаила Семеновича. Предъ отъѣздомъ Сафонова, Государь призвалъ его къ себѣ, приказалъ благодарить князя за то, что онъ взялъ на себя такую обузу какъ Грузія, и сказалъ при томъ: «я прошу всѣхъ васъ, господъ окружающихъ князя, беречь его какъ возможно болѣе». Да и немудрено: такихъ людей, какъ Воронцовъ, подыскать нелегко.

Съ осени еще стали носиться слухи о приближавшейся изъ Персіи холерѣ. Нѣсколько случаевъ заболѣваній уже произошли въ Сальянахъ; но полагали, что холера, минуя Закавказье, пойдетъ по направленію вверхъ, вдоль Каспійскаго моря, на Астрахань, гдѣ уже дѣлались приготовленія къ ея пріему. Въ Тифлисъ тоже прибыла комисія врачей для встрѣчи ея и совѣщаній о принятіи предохранительныхъ мѣръ. Въ числѣ врачей пріѣхалъ командированный изъ Саратова предсѣдатель Врачебной Управы докторъ Соломонъ, тотчасъ же явившійся ко мнѣ съ обильнымъ запасомъ Саратовскихъ новостей, уже мало меня интересовавшихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, комисія

встрѣтила холеру; но, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько и ни въ чемъ ей не воспрепятствовала....

Зима въ Тифлисѣ была въ этомъ году очень теплая, морозы не достигали 5° по Реомюру, и уже въ Январѣ начали появляться весенніе дни, какихъ въ Саратовѣ въ эту пору года мы и во снѣ не видали. Миндальныя и абрикосовыя деревья покрылись, какъ снѣгомъ, густымъ бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ, въ садахъ подвязывали и подрѣзывали виноградъ, на поляхъ цвѣли фіалки, и вездѣ зеленѣла трава Замѣчательно, что съ этого времени, впродолженіе двадцати лѣтъ, зимы здѣсь становятся все суровѣе и холоднѣе, климатъ замѣтно измѣняется. Вѣроятно этому содѣйствуетъ безжалостное истребленіе въ окрестностяхъ Тифлиса, со всѣхъ сторонъ, лѣсовъ.

Въ началѣ 1847 г. занятія въ Совѣтѣ состояли преимущественно въ совѣщаніяхъ по поводу открытія новыхъ губерній, раза два князь-намѣстникъ самъ участвовалъ въ нашихъ засѣданіяхъ, иногда довольно продолжительныхъ. Ладинскій завелъ такой порядокъ, что, послѣ каждаго засѣданія, всѣ члены Совѣта отправлялись къ нему обѣдать. Онъ принималъ очень гостепріимно, хорошо кормилъ, а поилъ по большей части виномъ изъ лучшихъ мѣстныхъ виноградниковъ. По временамъ онъ задавалъ и вечера, по всей формѣ, съ дамами, музыкой, танцами. Нерѣдко и Воронцовы посѣщали его. Хоть онъ былъ старый холостякъ, но любилъ повеселиться и увеселять другихъ, жилъ совершенно привольно, въ свое удовольствіе. Вообще эта зима въ Тифлисѣ была оживленная и веселая въ общественномъ отношеніи; но мы мало принимали участія въ ея веселостяхъ, такъ какъ ни я, ни жена моя, ни дочь, не чувствовали къ нимъ никакого влеченія и пользовались ими только по обязанностямъ моего служебнаго положенія. Воронцовы жили конечно съ обычною своею барскою роскошью, и издавна заведенные ихъ вечера по Понедѣльникамъ продолжались и здѣсь также какъ въ Одессѣ, только съ болѣе интимнымъ оттѣнкомъ, въ небольшихъ комнатахъ той части дома, которую занимала княгиня и гдѣ она въ назначенные дни принимала визиты. Кромѣ того, они нѣсколько разъ въ зиму давали блестящіе балы въ большихъ, парадныхъ залахъ дома, по праздникамъ и разнымъ случаямъ, какъ 8-го Ноября, день имянинъ князя, 6-го Декабря, тезоименитство покойнаго государя императора, подъ новый годъ и пр. На всѣхъ балахъ и вечерахъ считалось какъ бы необходимостію (съ цѣлью оказать вниманіе или доставить удовольствіе туземному обществу), чтобы нѣкоторые изъ Грузинскихъ дамъ и кавалеровъ протанцовали лезгинку, танецъ незамысловатый и не представлявшій ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что публика окружающая танцующихъ должна была подъ тактъ бить въ

ладоши что̀ сама княгиня исполняла съ превеликимъ усердіемъ. Князь, обыкновенно игравшій въ сосѣдней комнатѣ въ ломберъ, вставалъ изъ-за стола и приходилъ посмотрѣть на пляску, съ своей тонкой, неизмѣнно-снисходительной улыбкой *).

Въ половинѣ Марта (1847) происходила большая церемонія по поводу прибытія въ Тифлисъ изъ Константинополя Турецкаго паши (кажется Требизондскаго) съ порученіемъ отъ султана Абдулъ-Меджида вручить князю Воронцову портретъ его, украшенный драгоцѣнными камнями для ношенія на груди. Пріемъ паши у князя и врученіе портрета совершились весьма торжественно, въ присутствіи всей свиты намѣстника и всѣхъ главнѣйшихъ офиціальныхъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и я, въ полной парадной формѣ.

Кромѣ занятій по Совѣту у меня и дома къ этому времени набралось достаточное количество занятій по дѣламъ переселенцевъ въ Закавказскій край и по ревизіи палатъ. Мнѣ предлагали еще сдѣлаться членомъ по хозяйственной части Института, но я отказался.

По порученію князя Воронцова я отправился 5-го Апрѣля для обревизованія государственныхъ имуществъ Шемахинской губерніи. Меня сопровождали жена и дочь для встрѣчи въ Баку старшей моей дочери Екатерины съ внуками: они переселялись уже къ намъ, по случаю ожидавшагося перевода зятя моего Витте на службу въ Закавказскій край. По просьбѣ моей о перемѣщеніи его въ Тифлисъ, князь тотчасъ же предложилъ ему мѣсто начальника хозяйственнаго отдѣленія при своей канцеляріи; но Витте долженъ былъ еще оставаться нѣсколько времени въ Саратовѣ, пока состоялись окончательныя формальности его перехода, увольненіе изъ министерства и передача дѣлъ по фермѣ.

Первый нашъ ночлегъ былъ въ Нѣмецкой колоніи Елизабетталѣ. Меня провожалъ извѣстный тогда въ Закавказьѣ старожилъ Зальцманъ, служившій когда-то офицеромъ въ Виртембергской арміи, переселившійся съ давнихъ поръ въ Грузію, занимавшійся всевозможными отра-

---

*) На этихъ балахъ и вечерахъ довольно видная роль принадлежала парочкѣ любимыхъ животныхъ княгини Елисаветы Ксаверьевны: ручной куницѣ Ванькѣ и лягавой собакѣ Джирану. Ваньку княгиня приносила на рукахъ и сидѣла держа его на колѣняхъ, а Джиранъ иногда занималъ почетное мѣсто возлѣ нея на диванѣ. Ванька былъ презлой и приводилъ въ большое смущеніе иныхъ дамъ, къ которымъ княгиня обращалась съ нѣжностью, поглаживая его: „voyez, quelle charmante petite bête!“ Дамы (иныя) считали долгомъ выказать свое восхищеніе къ Ванькѣ и робко пытались тоже погладить его; но Ванька при этомъ вскидывался, оскаливъ такіе острые зубы, что робко коснувшаяся его рука быстро отдергивалась обратно. Была еще третья выдающаяся личность, карликъ Ахметка; но тотъ болѣе принадлежалъ дому, нежели его хозяевамъ и завелся еще при князѣ Паскевичѣ.

слями хозяйства (не приносившими ему однако особенныхъ выгодъ), превосходно узнавшій тотъ край и всѣ его нравы, человѣкъ весьма неглупый, занимательный разскащикъ, бывшій какъ бы патрономъ своихъ собратій, мѣстныхъ Нѣмцевъ. Онъ хотѣлъ лично познакомить меня съ колоніями. Здѣсь кстати скажу все, что́ считаю нужнымъ о Нѣмецкихъ колоніяхъ въ Грузіи.

Первый поводъ къ основанію ихъ возникъ по мысли генерала Ермолова, съ цѣлью завести Нѣмецкую колонію вблизи Тифлиса для снабженія Европейскихъ жителей этого города съѣстными припасами и овощами, коихъ Грузины не знали и не разводили. Ермоловъ писалъ объ этомъ въ Петербургъ, и въ 1817-мъ году къ нему прислали изъ Одессы до 50-ти семействъ изъ вновь прибывшихъ Виртембергцевъ. Но къ водворенію и этого небольшаго числа оказались затрудненія. Ермоловъ сначала полагалъ, что казенныхъ и свободныхъ въ Грузіи земель для новыхъ поселеній имѣется необъятное пространство; но когда дошло до дѣла, то оказалось, что изъ земель удобныхъ и имѣющихъ средства орошенія не только въ окружности Тифлиса, но и во всей Грузіи, нѣтъ ни клочка, который бы не состоялъ въ частномъ владѣніи или на который, по крайней мѣрѣ, не предъявлялось бы пра́ва собственности, какъ скоро выражалась надобность занять его для чего бы то ни было по распоряженію правительства. Пришлось водворить эти пятьдесятъ семействъ въ двухъ колоніяхъ, въ 35-ти верстахъ отъ Тифлиса, на рѣчкѣ Іорѣ, на земляхъ, хотя и несомнѣнно принадлежавшихъ казнѣ, но необходимо требовавшихъ орошенія, для чего надобно было изъ той рѣки проводить водопроводъ, стоившій значительныхъ издержекъ. Ермоловъ, чтобъ не оставить долго этихъ переселившихся семей безъ пріюта и водворенія, убѣдилъ ихъ тамъ поселиться, увѣривъ ихъ, что водопроводъ имъ непремѣнно будетъ устроенъ. Правда, что правительство заботилось о томъ и употребило на это предпріятіе нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; но вотъ съ 1817-го года прошло уже около пятидесяти лѣтъ, а водопровода все еще нѣтъ. Главнѣйшія причины тому самыя обыкновенныя и общеизвѣстныя: небрежность и недостатокъ знанія инженеровъ, неточныя предварительныя изслѣдованія, неопытность мѣстнаго начальства, словомъ, все что́ было поводомъ у насъ въ Россіи къ безполезной тратѣ многихъ миліоновъ рублей, сначала прошедшаго столѣтія и донынѣ, на множество разныхъ подобныхъ предпріятій, которыя не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Колонисты этихъ двухъ колоній перебиваются кое-какъ, добываютъ себѣ сколько могутъ воды изъ рѣки Іоры и все остаются въ блаженномъ упованіи, что авось когда нибудь найдется добрый чело-

вѣкъ, который съумѣетъ провести имъ нужное количество воды, если не для полей, то для поливки ихъ виноградныхъ садовъ.

Такъ было въ 1847 году, въ первую мою поѣздку по Закавказью; такъ и теперь, черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того. По моему мнѣнію необходимо составить зрѣло обдуманный планъ для дальнѣйшаго и постепеннаго дѣйствія правительства по этому дѣлу, едва ли не самонужнѣйшему для Закавказскаго края. Безъ того всѣ будущія издержки и денежныя пожертвованія будутъ напрасны и безполезны. Извѣстный своими смѣлыми проектами, тайный совѣтникъ баронъ Торнау составилъ обширный планъ для осуществленія этой настоятельной потребности, и планъ его, вполнѣ одобренный правительствомъ, могъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, проявилось затрудненіе, пресѣкшее дѣло въ самомъ корнѣ: недостатокъ источниковъ, откуда бы получить на это деньги, коихъ потребовалось бы много. Баронъ Торнау предполагалъ сдѣлать заемъ въ двѣнадцать милліоновъ рублей за границею, и даже нисколько не сомнѣвался въ успѣхѣ его, но горько обманулся. Для совершенія займа былъ назначенъ полугодовой срокъ, который миновалъ, и оказалось, что заемъ не состоялся. Въ утѣшеніе свое баронъ поступилъ вновь на службу и назначенъ прямо въ сенаторы.

Въ 1818 году представилась надобность снова въ земляхъ для неожиданнаго водворенія новыхъ колонистовъ, и въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ нежели прежде, по слѣдующей причинѣ. Извѣстно, что Французская революція и Наполеоновскія войны, а также сочиненія Юнга Штилинга и бредни г-жи Криднеръ распространили въ Германіи идею о приближеніи скорой кончины міра. Извѣстно также, что Юнгъ Штилингъ и г-жа Криднеръ пользовались благоволеніемъ и довѣріемъ императора Александра Павловича. Идея о скорой кончинѣ міра породила и умножила въ Германіи, преимущество въ средѣ простаго народа, такъ называемыхъ *піетистовъ* и возбудила въ нихъ стремленіе приблизиться къ мѣсту гроба Господня, въ чаяніи ожидаемаго событія. Съ этою же цѣлью Штилингъ и г-жа Криднеръ выпросили у Государя дозволеніе первоначально отправиться и поселиться, имъ самимъ, въ южной Россіи. Вслѣдствіе того же, нѣсколько тысячъ семей Виртембергцевъ и Баденцевъ, продавъ свои недвижимыя имущества, отправились въ Одессу. Правительство встрѣтило большія препятствія для водворенія ихъ всѣхъ въ Новороссійскомъ краѣ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, вспомнивъ, за годъ предъ тѣмъ, что генералъ Ермоловъ просилъ о присылкѣ къ нему Нѣмецкихъ колонистовъ, распорядился тотчасъ же объ отправленіи къ нему въ Грузію *восьмисотъ семей* изъ новопришедшихъ. Напрасно Ермоловъ, получивъ извѣстіе о томъ, пи-

салъ въ Петербургъ о невозможности поселить такое огромное число колонистовъ въ Грузіи, по совершенной неопредѣленности въ ней правъ поземельнаго владѣнія; но дѣло уже было сдѣлано. Сначала прибывшіе колонисты изъявили желаніе немедленно отправиться въ Святую Землю и, не взирая на всѣ предстоявшія имъ трудности и опасности въ пути, долго упорствовали въ своемъ намѣреніи; но, наконецъ, по возвращеніи своихъ довѣренныхъ, посланныхъ ими въ Іерусалимъ для предварительнаго осмотра и справокъ, они убѣдились въ безразсудствѣ и неудобоисполнимости своего желанія и рѣшились остаться въ Грузіи. Тогда пришлось искать и назначать имъ мѣста къ поселенію, такъ сказать, на угадъ. Занимались земли, на которыя предъявляли правà частные владѣльцы, съ обѣщаніемъ заплатить имъ за нихъ, коль скоро эти правà будутъ дѣйствительно доказаны. Дорого обошлась казнѣ въ послѣдствіи времени эта заплата. Въ дальнѣйшемъ будущемъ, когда потребовались большія пространства земли для водворенія Русскихъ переселенцевъ, состоявшихъ изъ раскольниковъ разныхъ сектъ, переселявшихся изъ Россіи въ Закавказье въ значительномъ количествѣ, правительство приняло систему несравненно менѣе обременительную для казенныхъ интересовъ. Земли вообще нигдѣ не были обмежеваны; но уѣзднымъ начальникамъ было хорошо извѣстно, въ какихъ именно мѣстахъ онѣ находились при селеніяхъ Татаръ, Армянъ и прочихъ туземцевъ, несомнѣнно въ слишкомъ большомъ избыткѣ. При нѣкоторыхъ селеніяхъ землй было въ десятеро болѣе, нежели бы поселянамъ по закону слѣдовало. На этихъ-то уѣздныхъ начальниковъ возлагалась обязанность избирать удобныя мѣста къ поселенію Русскихъ переселенцевъ и отводить слѣдующее имъ количество земли. Разумѣется, туземцы жаловались намѣстнику, что ихъ разоряютъ, что они останутся безъ хлѣба и т. п. Намѣстникъ имъ отвѣчалъ, что если они желаютъ, то онъ прикажетъ ихъ земли обмежевать, и если ихъ жалобы окажутся справедливыми, то Русскихъ выведутъ на другое мѣсто; если же окажется, что у нихъ землй, противу положеннаго по закону, остается больше, тогда нетолько уже то, что отдано Русскимъ, но и все излишнее количество прикажутъ отъ нихъ отобрать для поселенія Русскихъ. Туземцы, поразмысливъ объ этомъ, брали свои прошенія обратно.

Такимъ образомъ, въ Тифлисскомъ и Елисаветпольскомъ уѣздахъ водворилось восемь Нѣмецкихъ колоній. До сихъ поръ только двѣ изъ нихъ, Катеринифельдъ и Геленендорфъ, достигли замѣтнаго благосостоянія; прочія же находятся въ весьма посредственномъ положеніи и въ общей сложности приносятъ краю немного пользы.

Что вообще Нѣмецкіе колонисты, сравнительно съ льготами, пожалованіями и пожертвованіями для нихъ сдѣланными, пользы принесли

немного, это можно сказать не только о Кавказскихъ, но и о всѣхъ Нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. Мнѣ онѣ извѣстны почти всѣ въ губерніяхъ Петербургской, Саратовской, Самарской и Черниговской. Прошло уже столѣтіе со времени ихъ переселенія изъ Германіи и водворенія въ Россіи; но рѣзкое отличіе между колонистами и крестьянами Русскими, Малороссійскими и прочими туземными, въ хозяйственномъ и домашнемъ быту, составляютъ колоніи Менонистовъ въ Новороссійскомъ краѣ. Конечно, умноженіе въ Имперіи иностранцевъ, которые, при быстромъ ихъ размноженіи, составляютъ уже теперь около полумиліона душъ, имѣетъ свое значеніе; но не слѣдуетъ забывать, что они пользовались, со времени прибытія ихъ въ Россію, и пользуются донынѣ, свободою отъ рекрутской повинности, едвали не труднѣйшаго (по крайней мѣрѣ въ прежнее время) изъ всѣхъ налоговъ для земледѣльческаго сословія. Замѣчательно, что въ лучшемъ видѣ, какъ въ отношеніи нравственности, такъ и въ складѣ хозяйственнаго обзаведенія, находятся лишь тѣ колоніи, которыя въ первое десятилѣтіе ихъ водворенія состояли подъ надзоромъ чиновниковъ добросовѣстныхъ и по опыту знакомыхъ съ краемъ. Надзоръ соблюдался за ними повсемѣстно; но къ сожалѣнію чиновниковъ честныхъ, знающихъ, усердныхъ и притомъ (что необходимо) одаренныхъ большимъ запасомъ терпѣнія, было весьма немного. Мнѣ извѣстенъ только одинъ, вполнѣ соединявшій эти качества-покойный д. с. с. Контеніусъ. Разумно просвѣщенному и заботливому вліянію его колонисты южнаго края Россіи обязаны всѣмъ своимъ благоустройствомъ и значительными выгодами, которыя они извлекаютъ нынѣ отъ Испанскаго овцеводства.

Нѣмецкіе поселенцы въ колоніи, основанной при городѣ Тифлисѣ, сдѣлались чисто городскими жителями и кромѣ небольшаго винодѣлія и огородничества никакимъ сельскимъ хозяйствомъ вовсе не занимаются *).

Возвращаюсь къ моей первой поѣздкѣ по Закавказью. Переночевавъ въ Елизабетталѣ, въ домѣ Іогана Фольмера, державшаго нѣчто въ родѣ деревенской гостиницы не слишкомъ завидной, но все же съ большими удобствами для ночлега нежели въ Грузинскихъ и Татарскихъ сакляхъ, я на слѣдующее утро поговорилъ съ обществомъ, прошелся по колоніи и съѣздилъ неподалеку оттуда, съ женой и до-

---

*) Примѣчаніе сдѣланное А. М. Фадѣевымъ въ 1867 году, за нѣсколько дней до его кончины:

„Если и теперь Нѣмецкія колоніи приносятъ пользы Закавказскому краю немного, то тѣмъ не менѣе я думаю, что въ настоящее время это потому лишь, что ихъ немного въ краѣ основано. Теперь колонисты большую часть казеннаго долга, на нихъ лежавшаго, уже выплатили, подати и повинности платятъ исправно, хлопотъ объ нихъ управленіе имѣетъ мало, и изъ сельскихъ населеній они безспорно лучшія въ краѣ“.

черью, посмотрѣть на замѣчательный старый, громадный чинаръ, шаговъ двадцать въ окружности, который къ сожалѣнію былъ сильно поврежденъ вырубкою огромнаго куска изъ середины пня, что̀ образовало дупло величиной съ небольшую комнатку или чуланчикъ, въ коемъ свободно могъ помѣститься карточный столъ съ четырьмя игроками. Эта хищническая вырубка сдѣлана еще въ тридцатыхъ годахъ, по распоряженію г-жи Розенъ, жены бывшаго тогда главнокомандующаго, для какихъ-то ея домашнихъ подѣлокъ. Бѣдное дерево стало понемногу хирѣть и чахнуть. Но могучій, многовѣковой гигантъ, даже съ вырѣзанной сердцевиной, не могъ сокрушиться разомъ и, скудно питаясь стѣнками коры своей, продолжалъ кое-гдѣ по вѣтвямъ покрываться листьями, зеленѣвшими между умножавшимися съ каждымъ годомъ сухими сучьями.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, мы отправились по страшно-каменистой дорогѣ, пересѣкаемой нѣсколькими горными рѣчками, во вторую колонію Катериненфельдъ въ 35-ти верстахъ отъ первой. Здѣшнія рѣчки, даже самыя ничтожныя, отъ дождя наполнившись водою, принимаютъ такой грозный видъ, что на нихъ и смотрѣть страшно: мутная вода стремительно мчится съ оглушительнымъ ревомъ, вырывая деревья съ корнями, огромные камни, все что̀ ни попадется, и все это уноситъ съ невообразимою скоростію, можно сказать, съ яростію. Никакой экипажъ не могъ бы устоять противъ такой силы напора; а потому въ этихъ случаяхъ, на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ переправы, обыкновенно приготовляются на берегу арбы съ буйволами и десятки Татаръ, которые идутъ въ рѣкѣ около экипажа и держатъ его, чтобы не опрокинулся *). Насъ конвоировалъ верхомъ участковый засѣдатель съ порядочнымъ количествомъ казаковъ и чапаровъ, что продолжалось всю дорогу; засѣдатели встрѣчали и провожали насъ, по здѣшнему обыкновенію, какъ для почета, такъ и для огражденія отъ разбойниковъ, коими дорога отъ Тифлиса до Шемахи изобиловала...

*) Извѣстный маіоръ Дуровъ курьезно разсказывалъ, какъ, переправляясь на перекладной черезъ рѣку Іору въ самое полноводіе, онъ чуть было не утонулъ; но это его не такъ испугало какъ дикіе возгласы Татаръ поддерживавшихъ перекладную, въ голосахъ которыхъ ему явственно слышалось, какъ будто выкрикивались слова: „Іора, Іора, утопи маіора!“ Это наводило на него неописанный страхъ. Этотъ Дуровъ, замѣчательный оригиналъ, былъ однажды въ Тифлисѣ въ театрѣ; къ нему подошелъ приказчикъ Московскаго купца, которому Дуровъ былъ долженъ деньги, и заискивающимъ тономъ объяснилъ, что пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ, что хозяинъ его поручилъ ему разыскать на Кавказѣ Дурова и „очень проситъ, чтобы вы уже *побезпокоились* возвратить ему деньги, которыя вы ему должны“. Дуровъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Покорнѣйше благодарю! Извините-съ! Я уже довольно безпокоился, чтобъ занять деньги у вашего хозяина, а теперь пусть онъ самъ безпокоится, чтобъ получить ихъ отъ меня“.

цѣлыя Татарскія деревни занимались разбоемъ, и уѣздные начальники прямо заявляли, что никакъ не могутъ поручиться, чтобъ не случилось таковаго по этому пути, во всякое время. За нѣсколько верстъ до колоніи, меня встрѣтилъ цѣлый отрядъ Нѣмцевъ, верхами, съ ружьями за спиной и, присоединившись къ моему конвою, привѣтствовали мой пріѣздъ неумолкаемыми выстрѣлами, до самаго въѣзда въ Катериненфельдъ. Здѣшніе колонисты, живя въ такой воинственной странѣ какъ Закавказье, сами набрались воинственнаго духа, сдѣлались наѣздниками и стрѣляльщиками, хотя сохранили тотъ же прирожденный имъ типъ тяжелыхъ Швабскихъ Нѣмцевъ въ синихъ курткахъ и панталонахъ, какому остаются всегда и вездѣ неизмѣнно вѣрны. Къ вечеру, насъ приняли въ колоніи съ большимъ гостепріимствомъ и помѣстили въ хорошемъ домѣ шульца Пальмера, умнаго, почтеннаго старика, одного изъ тѣхъ довѣренныхъ лицъ, которыхъ Нѣмцы отправляли депутатами для развѣдокъ въ Іерусалимъ. Я осмотрѣлъ ихъ сады, окрестности, порасспросилъ о дѣлахъ. Сюда же явились ко мнѣ и духоборы съ молоканами, осаждавшіе меня еще въ Тифлисѣ. Колонія Катериненфельдъ, по трудолюбію и нравственности, уже тогда была много лучше Елизабетталя, а теперь находится на весьма хорошей степени благосостоянія.

Черезъ два дня я выѣхалъ изъ Катериненфельда съ такимъ же торжественнымъ церемоніаломъ какъ и въѣхалъ, даже, кажется, съ колокольнымъ звономъ. Чрезъ рѣку Храмъ и Борчалинскую долину, выбрались мы на почтовый трактъ въ дальнѣйшій путь по направленію къ Елисаветполю (прежней Ганжѣ). Дорога была прескверная, а мѣстами и опасная: такъ при переѣздѣ чрезъ рѣку Акстафу мы чуть не вывернулись, а рѣка Тауза оказалась настолько глубока, что всѣ наши вещи въ экипажѣ подмочились. Едва въ три дня намъ удалось доѣхать до колоніи Анненфельдъ, въ тридцати верстахъ отъ Елисаветполя. Эта колонія считалась самой бѣдной; вслѣдствіе дурной нравственности большинства ея обитателей, а главнѣйше отъ вреднаго климата въ жаркой низменности, они ежегодно подвергались въ лѣтнюю пору тяжкимъ болѣзнямъ. Однако они не хотѣли переселиться въ другое мѣсто, хотя имъ это предлагали, предпочитая оставаться въ своемъ гниломъ гнѣздѣ по причинѣ отмѣннаго плодородія отведенной имъ земли и изобилія воды. Впрочемъ въ настоящее время (двадцать лѣтъ спустя) болѣзни и смертность замѣтно уменьшились, съ тѣхъ поръ какъ въ самой колоніи сооруженъ водопроводъ съ бассейномъ, выведенный изъ ближайшихъ горъ и доставляющій жителямъ здоровую воду.

Здѣсь я познакомился съ выѣхавшимъ ко мнѣ изъ Елисаветполя уѣзднымъ начальникомъ княземъ Ильей Димитріевичемъ Орбеліановымъ.

Онъ былъ любимецъ князя Воронцова, который осыпалъ его милостями, скоро вывелъ въ полковые командиры и генералы, но не надолго: въ одномъ изъ первыхъ сраженій съ Турками, при самомъ началѣ войны въ 1853-мъ году, пуля, попавъ ему въ спину, покончила его многообѣщавшую карьеру вмѣстѣ съ жизнію. Онъ былъ человѣкъ не дурной, съ хорошимъ сердцемъ, но избалованный до чрезмѣрности расположеніемъ къ нему князя, доходившимъ иногда до слабости.

Оставивъ семейство въ колоніи, я съ уѣзднымъ начальникомъ и толпою проводниковъ, посѣтилъ находившееся отъ туда въ 30-ти верстахъ, первое духоборческое селеніе Славянку, въ нагорной части уѣзда. Три версты мы подымались на горы и тамъ почувствовали уже совсѣмъ иную температуру воздуха, холодную и сырую. Потолковавъ съ духоборами объ ихъ дѣлахъ и объ отводѣ имъ земли, я на слѣдующій день, послѣ ранняго обѣда, возвратился въ Анненфельдъ и отправился съ семействомъ, чрезъ Шамхоры, въ Елисаветполь, гдѣ остановился по приглашенію уѣзднаго начальника на его квартирѣ. Елисаветполь былъ первый мною встрѣченный Азіатскій городъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это не городъ, а садъ, въ одиннадцать верстъ длины и семь ширины, съ огромными вѣковыми деревьями, чинаровыми, орѣховыми, фиговыми и всякими другими. Видны лишь деревья, да стѣны садовъ, внутри которыхъ находятся и дома съ двѣнадцатью тысячами жителей; повсюду журчитъ вода, и въ отдаленіи, со всѣхъ сторонъ кругомъ, три ряда горъ, два зеленыхъ, а третій, возвышающійся надъ ними, бѣлый, снѣговой.

Въ Елисаветполѣ мы не зажились и скоро переѣхали за 8 верстъ отъ него, въ колонію Еленендорфъ, гдѣ пробыли нѣсколько дней. При въѣздѣ въ нее произошла опять парадная церемонія: меня встрѣтилъ пасторъ съ старшинами и обществомъ, произнесъ привѣтственную рѣчь и препроводилъ на квартированіе къ себѣ въ домъ (что̀ насъ нѣсколько стѣсняло, но никакъ нельзя было отдѣлаться). Въ домѣ ожидалъ новый сюрпризъ: хоръ мѣстныхъ пѣвцовъ, пропѣвшій въ мою честь торжественный Нѣмецкій гимнъ. Такое пѣніе, всегда болѣе духовнаго характера, довольно стройное, повторялось потомъ ежедневно по вечерамъ, въ родѣ серенады. Здѣсь же, въ первый разъ по прибытіи въ Закавказье, я услышалъ пѣніе соловьевъ, которые далеко превосходятъ въ музыкальномъ искусствѣ Еленендорфскихъ колонистовъ. Занимаясь дѣлами съ Нѣмцами, молоканами, духоборами, я въ свободные часы ѣздилъ прогуливаться по окрестностямъ, которыя очень интересовали, какъ всегда, мою Елену Павловну. Мы видѣли въ горахъ нѣсколько старыхъ орѣховыхъ деревьевъ, изъ коихъ одно въ восемь аршинъ толщины, въ аршинѣ отъ корня; видѣли, по дорогѣ въ Зурнибадъ,

древній замѣчательный мостъ при рѣчкѣ Ганжинкѣ. Въ колоніи я познакомился съ извѣстнымъ геологомъ, академикомъ Абихомъ, котораго такъ лестно и усердно рекомендовалъ князю Воронцову Гумбольтъ, какъ лучшаго изъ Германскихъ геологовъ послѣ престарѣлаго Леопольда Буха. Абихъ былъ здѣсь проѣздомъ и остановился для какихъ-то своихъ ученыхъ изысканій. Онъ приходилъ къ намъ каждый день, обѣдалъ у насъ, проводилъ вечера. Разговоры съ нимъ доставляли большое удовольствіе Еленѣ Павловнѣ, любившей серьезныя бесѣды съ учеными людьми, которые въ свою очередь удивлялись ея основательнымъ, разнообразнымъ познаніямъ, рѣдкимъ въ женщинѣ, и цѣнили ея живую привязанность къ наукамъ, къ природѣ, къ дѣльнымъ занятіямъ, къ чему она пристрастилась еще съ молоду, что̀ и въ старости и болѣзняхъ составляло ея пріятнѣйшее развлеченіе. Многіе ученые изъ иностранцевъ, какъ напримѣръ Гоммеръ-де Гель, членъ Французскаго института, Мурчисонъ, президентъ Лондонскаго королевскаго общества, и другіе, съ сочувствіемъ и уваженіемъ отзываются о ней въ своихъ сочиненіяхъ, хотя она никогда не искала извѣстности и предавалась своимъ любимымъ занятіямъ только въ часы досуга, такъ какъ обязанности хозяйки дома и матери семейства считала важнѣйшими. Я, кажется, упоминалъ, что она особенно любила ботанику, составляла гербаріумы, сама опредѣляла названія цвѣтовъ и срисовывала ихъ въ настоящую величину. Этихъ рисунковъ набралась огромная коллекція въ нѣсколько десятковъ томовъ; они изумляли и прельщали всѣхъ серьезныхъ натуралистовъ. Нашъ знаменитый академикъ Беръ, живя въ Тифлисѣ въ 1856-мъ году, часто посѣщалъ Елену Павловну и немогъ насмотрѣться на эти рисунки...

Князь Илья Дм. Орбеліановъ возилъ насъ смотрѣть на скачку мусульманскихъ всадниковъ, снаряженныхъ въ Варшаву и отличавшихся необыкновенной ловкостію и удальствомъ. Вскорѣ онъ распрощался съ нами, уѣхавъ въ Тифлисъ, а затѣмъ въ экспедицію *).

*) Андрей Михайловичъ поручилъ Орбеліанову передать отъ него князю Воронцову письмо, касавшееся дѣлъ его поѣздки, на которое немедленно получилъ прилагаемый отвѣтъ князя-намѣстника:

„Любезнѣйшій Андрей Михайловичъ. Письмо ваше, врученное мнѣ княземъ Орбеліановымъ, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Благодаря усердію вашему, мы наконецъ успокоимся на счетъ участи несчастныхъ переселенцевъ, скитающихся по краю безъ пріюта и попеченія, по милости бездѣйствія Палаты Государственныхъ Имуществъ, занимающейся только безполезною перепискою. Мнѣ въ особенности пріятно видѣть, что представляется возможность сдѣлать Русское поселеніе въ большомъ размѣрѣ въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, въ центрѣ, можно сказать, грабежей и безпокойствъ. Ожидаю вашего подробнаго донесенія, дабы тотчасъ можно было приступить къ рѣшительному распоряженію. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности. Князь М. Воронцовъ. Тифлисъ, 27-го Апрѣля 1847-го года“.

Еленендорфъ и Катеринфельдъ—двѣ самыя благоустроенныя колоніи въ Закавказьѣ. Въ отношеніи хозяйственныхъ учрежденій, обработки садовъ, общаго порядка, также какъ трудолюбія и добрыхъ нравовъ колонистовъ, онѣ значительно превзошли всѣ остальныя колоніи. Хозяинъ моей квартиры, пасторъ Ротъ, былъ въ то время лучшимъ изъ всѣхъ пасторовъ Закавказскаго края.

26-го Апрѣля мы оставили Еленендорфъ и, переночевавъ въ Елисаветполѣ, гдѣ пріятно провели вечеръ съ давнишнимъ жителемъ Грузіи ст. сов. Гнилосаровымъ, очень милымъ, образованнымъ человѣкомъ, и другими лицами, продолжали путешествіе прямо по направленію къ Шемахѣ. На переправѣ черезъ Куру, меня ожидалъ Нухинскій уѣздный начальникъ Родзевичъ, поѣхавшій со мною. Въ 76-ти верстахъ отъ Елисаветполя, въ Татарскомъ селеніи Буджакъ, хозяинъ дома, Абдулла, судя по обстановкѣ комнатъ отведенныхъ для нашего помѣщенія, небольшихъ, но убранныхъ сплошь прекрасными коврами и нелишенныхъ даже нѣкоторой восточной роскоши, былъ человѣкъ зажиточный; но эта зажиточность не избавляла его отъ Азіатской нечистоплотности въ отношеніи насѣкомыхъ, преимущественно скачущихъ брюнетовъ и ползающихъ блондиновъ или, какъ ихъ тамъ называютъ, «кавалеріи и пѣхоты». Въ иныхъ случаяхъ, даже прославленный порошокъ Персидской ромашки мало доставляетъ помощи. Далѣе, наша дорога представляла довольно разнообразные виды, лѣски, горы, рѣчки, поляны, покрытыя гранатовыми кустами, осыпанными какъ кровь красными цвѣтами. Мы ѣхали безъ особенныхъ препятствій и приключеній, и только напослѣдокъ, трудный переѣздъ на буйволахъ по чрезвычайно-дурной дорогѣ, отъ селенія Ахъ-су, крайне утомилъ насъ.

На четвертый день мы пріѣхали въ Шемаху. Городъ Шемаха не похожъ ни на Европейскій, ни на Азіатскій городъ и представляетъ какую-то странную смѣсь, уподобляясь болѣе обширной колоніи. Воздухъ и вода въ немъ здоровыя, но неудобствъ для жизни очень много; улицы косогорныя и неровныя. Въ верхней части находится слобода, состоящая изъ поселенныхъ при городѣ молоканъ и скопцовъ, занимающихся извозничествомъ и промыслами. Нѣкоторые изъ нихъ построили себѣ порядочные дома. Впрочемъ частыя землетрясенія, періодически разрушающія городъ, не позволяютъ ему обстроиться надлежащимъ образомъ; это обстоятельство и послужило впослѣдствіи причиною перевода губернскаго города изъ Шемахи въ Баку. Мнѣ отвели порядочную квартиру во второмъ этажѣ довольно большаго дома, гдѣ мы могли хорошо расположиться. Въ нижнемъ этажѣ этого же дома квартировалъ прокуроръ Дмитревскій, нашъ знакомый по Пятигорску еще съ 1838-го года, умный пріятный человѣкъ, встрѣтившій насъ съ

дружескимъ радушіемъ; онъ вмѣстѣ съ женой своей, очень любезной дамой, былъ для насъ неожиданною находкою въ незнакомомъ мѣстѣ. Съ первыхъ же дней нашего прибытія мы узнали невеселую новость о приближавшейся сюда холерѣ, которую ожидали со дня на день.

Пробывъ съ недѣлю въ Шемахѣ для ревизіи Палаты Государственныхъ Имуществъ и оставивъ тамъ мое семейство, я отправился съ бывшимъ тогда управляющимъ палатою Ѳедоромъ Евстафіевичемъ Коцебу, въ Сальяны, на Божій Промыселъ и въ Ленкоранскій уѣздъ. Первую ночь по выѣздѣ мы провели въ Татарскихъ кибиткахъ и переночевали удобнѣе, нежели я предполагалъ; на второй день въѣхали въ Ширванскую степь, гдѣ и обѣдали въ открытой степи на разостланномъ по землѣ коврѣ, видѣли по дорогѣ нѣсколько замѣчательныхъ озеръ и караванъ - сараи. Насъ провожали съ факелами для освѣщенія пути при наступившей темнотѣ, а болѣе для почетнаго пріема и увеселительнаго парада, и въ 9 часовъ вечера мы пріѣхали въ Сальяны, сдѣлавъ въ этотъ день слишкомъ девяносто верстъ. На слѣдующее утро, поговоривъ съ чиновниками и народомъ, я поѣхалъ на Божій Промыселъ, отстоящій отъ Сальянъ всего на три часа ѣзды.

Божій Промыселъ, лежащій при впаденіи рѣки Куры въ Каспійское море, центръ и главный пунктъ казенныхъ рыбныхъ промысловъ. Это главная оброчная статья Закавказскаго края. Природа въ этихъ мѣстахъ очень бѣдна, и климатъ считается нездоровымъ; но поселеніе довольно хорошо устроено, похоже на небольшое мѣстечко, и народу, въ періодъ рыбной ловли, всегда тамъ много. Должность управляющаго занималъ подполковникъ Александровъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, усердный хлѣбосолъ: рыба, икра и шампанское предлагались въ изобиліи, но казнѣ, какъ и всегда, пользы выходило маловато. Чистаго дохода съ этихъ промысловъ въ то время получалось только около ста тысячъ рублей, и то съ значительными недоимками; нынѣ же, при отдачѣ ихъ въ откупное содержаніе, получаестя дохода болѣе трехъ сотъ тысячъ ежегодно.

Оттуда я направился въ Ленкоранскій уѣздъ. Главнымъ предметомъ моего обозрѣнія въ уѣздѣ были Русскія поселенія, состоящія изъ раскольниковъ разныхъ сектъ, частію ссыльныхъ, а частію добровольно переселившихся. Старообрядцевъ между ними мало; большинство составляютъ молокане и іудействующіе (Русскіе Евреи). Многіе изъ нихъ тогда уже устроились на жительствѣ весьма удовлетворительно; а наиболѣе трудолюбивые и промышленные достигли порядочнаго благосостоянія и оказались даже полезны тѣмъ, что примѣромъ своего хозяйства распространили у сосѣднихъ Татаръ и Армянъ нѣкоторые неизвѣстные имъ до тѣхъ поръ посѣвы, какъ напримѣръ картофеля, льна,

и пр. Кромѣ того ближайшіе жители переняли у нихъ устройство Русскихъ повозокъ, гораздо болѣе удобныхъ нежели мѣстныя, допотопныя; переняли лучшій образецъ устройства и постройки домовъ. Русскіе переселенцы подѣйствовали своимъ примѣромъ на сосѣднихъ туземныхъ поселянъ благотворнѣе, нежели Нѣмецкіе колонисты. Можетъ быть, это произошло потому, что у Русскихъ поселянъ сосѣди вездѣ Армяне и Татары, а у Нѣмцевъ Грузины, которые едвали не болѣе самыхъ упорныхъ Татаръ закоренѣлы въ своихъ предразсудкахъ. Даже посѣвы картофеля размножились больше у Армянъ и Татаръ, нежели у Грузинъ.

Осмотрѣвъ шесть деревень Русскихъ поселеній, я проѣхалъ чрезъ Кизилъ-Агачъ прямо къ Каспійскому морю и берегомъ до рыбнаго промысла Кумбаши, гдѣ хорошо переночевалъ у опекуна Байкова. Виды по дорогѣ встрѣчались замѣчательно живописные. На другой день въ Ленкорани я остановился у уѣзднаго начальника Панкратьева, неглупаго, добродушнаго и очень оригинальнаго человѣка. Ленкорань, Русскій пограничный городъ, на рубежѣ Россіи и Персіи, бывшая столица Тальшинскаго ханства, имѣетъ теперь наружность Кавказской казачьей станицы, лежитъ на самомъ берегу моря и окруженъ обширнымъ болотнымъ пространствомъ. Русское населеніе Ленкорани состоитъ изъ раскольниковъ, отставныхъ солдатъ, немногихъ чиновниковъ и всякихъ разночинцевъ, служащихъ и отставныхъ, составляющихъ отдѣльный кварталъ отъ туземнаго населенія. Достойны замѣчанія низменность и безплодное болото, простирающееся отъ Ленкорани верстъ на восемнадцать въ длину и отъ двухъ до семи верстъ въ ширину. Оно отдѣлено отъ моря бугристымъ возвышеніемъ на разстояніи отъ полуверсты до четверти и менѣе. Осушить его посредствомъ проведенія каналовъ въ море нельзя, потому что болото лежитъ ниже морскаго уровня. Но достигнуть этой цѣли было бы возможно проведеніемъ одного канала поперечнаго и нѣсколькихъ продольныхъ со стороны горъ. Только для производства такой работы необходимо прибавленіе народонаселенія, и притомъ устойчиваго, терпѣливаго и предпріимчиваго.

Я познакомился съ немногими властями и почетнѣйшими мирзами города. Наиболѣе выдающійся изъ первыхъ былъ комендантъ Дудинскій. Несмотря на порядочное количество служебныхъ дѣлъ и занятій, мнѣ пришлось вести довольно разсѣянную жизнь, по причинѣ приглашеній на обѣды и вечера. За обѣдами меня угощали между прочимъ пилавомъ въ померанцахъ, недурнымъ кушаньемъ, котораго мнѣ еще не случалось ѣсть, и превосходной земляникой; на вечерахъ составленіемъ мнѣ партіи въ бостонъ и ужиномъ, отъ коего я отказывался. Изъ разговоровъ, кромѣ дѣловыхъ и офиціальныхъ, самыми интересными показались мнѣ разсказы о Ленкоранскихъ тиграхъ и барсахъ, во-

дящихся въ достаточномъ числѣ въ окрестныхъ лѣсахъ, куда они забѣгаютъ изъ Персіи. На звѣрей устраиваются иногда охоты, которыя не всегда счастливо кончаются. Въ иныхъ домахъ держатъ маленькихъ тигрятъ, захваченныхъ отъ убитыхъ тигрицъ, и дѣлаютъ ихъ совсѣмъ ручными; но почти безъ исключенія эти прирученія рано или поздно оканчиваются трагически для одной изъ сторонъ. У батальоннаго командира жилъ во дворѣ тигренокъ, сначала на свободѣ, а когда подросъ, то въ клѣткѣ, и казался совсѣмъ смирный. Сынъ командира, мальчикъ лѣтъ восьми, подошелъ къ клѣткѣ и началъ дразнить тигра палочкой; въ одно мгновеніе тигръ просунулъ лапу между палками клѣтки, вцѣпился когтями въ голову мальчика и сорвалъ съ него черепъ. Случается, что домашніе тигры долго выдерживаютъ характеръ полнѣйшаго прирученія, но все же оканчиваютъ печально по недовѣрію людей къ ихъ кошачьей породѣ, при первомъ, малѣйшемъ проявленіи ихъ прирожденныхъ свойствъ. Дочь Ленкоранскаго почтмейстера воспитывала у себя тигра, взятаго крошечнымъ дѣтенышемъ, на охотѣ отъ застрѣленной матери. Тигренокъ совершенно привыкъ къ дому, ѣлъ изъ рукъ, ходилъ свободно по комнатамъ, по двору, привязался ко всѣмъ домашнимъ, игралъ съ ними, ласкался, обожалъ свою хозяйку и спалъ у нея въ спальнѣ возлѣ самой кровати. Вообще онъ никого не трогалъ и жилъ домѣ на правахъ любимой комнатной собаки. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; звѣрекъ подросъ, сдѣлался большимъ тигромъ, продолжалъ держаться въ своемъ благонравіи, и очень можетъ быть такъ прожилъ бы весь свой вѣкъ, если бы не подвернулся вздорный случай съ глупой прачкой. Прачка на дворѣ развѣсила для просушки на веревкѣ бѣлье. Предъ тѣмъ шелъ дождь, земля была грязная. Тигръ подошелъ и изъ шалости захватилъ зубами конецъ простыни, свѣсившейся съ веревки; простыня упала на мокрую землю и испачкалась. Прачка въ злости подняла простыню и начала ею бить тигра. Тигръ, въ первый разъ въ жизни, ощетинился, оскалилъ зубы, глаза его налились кровью, заблистали, и онъ зарычалъ. Больше онъ ничего не сдѣлалъ; но прачка перепугалась, подняла тревогу, всѣ всполошились, почтмейстеръ счелъ эту вспышку гнѣва за опасный признакъ и порѣшилъ убить тигра потихоньку отъ своей дочери, что́ и исполнилъ въ тотъ же день. Когда дочь почтмейстера узнала о томъ, она была въ отчаяніи, плакала безутѣшно какъ о родномъ ребенкѣ и долго послѣ того не могла успокоиться. Былъ также любопытный случай такого рода. Верстахъ въ трехъ отъ города, въ лѣсу находится мельница, гдѣ пекутъ хлѣбы для военнаго госпиталя. Каждое утро солдатъ отправляется на мельницу съ мѣшкомъ за хлѣбами и приноситъ ихъ въ госпиталь. Однажды солдатикъ, побывавъ на мельницѣ, возвращался по

обыкновенію съ мѣшкомъ, наполненнымъ хлѣбами, за спиной, черезъ лѣсъ въ городъ, какъ вдругъ увидѣлъ шагахъ въ десяти отъ себя большого тигра, который стоялъ между деревьями возлѣ дороги и прямо на него смотрѣлъ. Солтатъ оторопѣлъ, остановился; тигръ стоялъ не шевелясь, не трогаясь съ мѣста. Постоявъ немного и въ недоумѣніи что̀ предпринять, солдатъ попробовалъ пойти; въ тоже мгновеніе тигръ шагнулъ раза два къ нему, и опять оба остановились. Солдатъ постоялъ нѣсколько минутъ и рѣшился снова двинуться впередъ; но при первомъ его шагѣ и тигръ быстро подвинулся къ нему, и снова стали они не сводя глазъ одинъ съ другаго. Солдатъ потерялся и, не зная что̀ дѣлать, но чувствуя потребность что нибудь сдѣлать, совершенно машинально досталъ изъ мѣшка одинъ хлѣбъ и бросилъ тигру. Звѣрь схватилъ хлѣбъ, повернулся и убѣжалъ въ лѣсъ. Солдатъ, сильно испуганный, благополучно возвратился въ городъ. На другой день, онъ по прежнему дошелъ до мельницы спокойно; но при возвращеніи, на томъ же мѣстѣ тигръ уже ожидалъ его, и брошенный хлѣбъ точно также выручилъ его. Съ тѣхъ поръ эта исторія повторялась ежедневно болѣе года: по дорогѣ изъ города на мельницу тигръ не показывался солдатамъ; на возвратномъ же пути съ мельницы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, встрѣча съ нимъ была неизбѣжна; онъ стоялъ и ожидалъ и, получивъ свою порцію убѣгалъ, не сдѣлавъ никому никакого вреда. Всѣ госпитальные солдаты это знали, привыкли къ тигру и не боялись его нисколько, только заранѣе брали особый хлѣбъ, который держали на готовѣ для него. Кончилось тѣмъ, что составили охоту и бѣднаго тигра убили; а многіе изъ солдатиковъ, кормившихъ его, пожалѣли о немъ. Въ одной изъ Русскихъ раскольничьихъ деревень, кажется Астраханкѣ, молоканъ пошелъ въ баню на своемъ дворѣ мыться, забывъ запереть дверь передбанника, и къ нему неожиданно явился тигръ, кинулся на него и подмялъ подъ себя. Къ счастію, жена молокана, находившаяся на дорогѣ, замѣтила это вторженіе незванаго посѣтителя въ ихъ баню и, схвативъ топоръ, бросилась на выручку мужа; сильными ударами топора молоканка, разрубивъ голову тигру, положила его на мѣстѣ; а молоканъ, хотя крѣпко пораненый и помятый, остался живъ. Храброй молоканкѣ дали медаль за спасеніе жизни, что̀ она вполнѣ заслужила.—Уѣздный начальникъ разсказывалъ о замѣчательной сценѣ между звѣрями, видѣнной имъ въ лѣсу года за два до того. Онъ провожалъ какого-то генерала, проѣзжавшаго чрезъ Ленкоранскій уѣздъ, кажется, въ Персію. Для сокращенія дороги въ одномъ мѣстѣ, они поѣхали верхами, съ провожатыми и казаками. Ѣхали лѣсомъ, по окраинѣ глубокаго, крутаго оврага поросшаго деревьями и кустарникомъ, и не вдалекѣ передъ собой, на самомъ краю

оврага, обрывавшагося отвѣсной стѣной внизъ, они замѣтили фигуру крупнаго медвѣдя, стоявшаго неподвижно какъ статуя. Онъ былъ до того неподвиженъ, что его приняли сначала за камень или за обрубокъ пня какого-нибудь дерева причудливой формы, но приблизившись убѣдились, что это дѣйствительно живой медвѣдь. Глаза его были открыты, онъ дышалъ и, свѣсивъ голову внизъ, сосредоточенно смотрѣлъ въ глубину оврага; онъ такъ былъ поглощенъ своимъ созерцаніемъ, что не слышалъ и не обратилъ вниманія на людей и лошадей, остановившихся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Заинтересовавшись необыкновеннымъ состояніемъ медвѣдя и любопытствуя узнать причину такого всецѣлаго привлеченія его вниманія, генералъ отправилъ четырехъ казаковъ на развѣдки. Казаки спѣшились и, отыскавъ сподручное мѣсто, цѣпляясь за сучья и вѣтки, спустились на дно оврага, откуда ясно обрисовывался на вершинѣ горы медвѣдь въ позѣ монумента. Не теряя его изъ виду, они пробрались въ уровень съ нимъ, осторожно разглядывая въ густой чащѣ кустарниковъ, и почти наткнулись на огромнаго тигра, который, поднявъ морду и хвостъ, впивался глазами въ своего недосягаемаго визави на горѣ, какъ бы застывъ въ томъ же положеніи недвижимой, окаменѣлой фигуры какъ и медвѣдь. Казаки не долго любовались этой картиной; они предпочли потихоньку отретироваться вспять и, взобравшись на гору, доложили о своей находкѣ. Генералъ не пожелалъ затѣвать охоты и поѣхалъ далѣе, предоставивъ звѣрямъ продолжать вволю ихъ взаимное лицезрѣніе. Любопытно бы знать, долго ли оно длилось и кто изъ нихъ первый нарушилъ его. Ленкоранскіе тигры попадаются иногда очень большіе, не уступающіе величиной даже Бенгальскимъ.

Изъ Ленкорани мы съ Коцебу и Панратьевымъ вернулись на промыселъ въ Кумбаши, гдѣ сѣли на пароходъ, шедшій въ Баку, и сдѣлали на немъ 240 верстъ пути втеченіе тринадцати часовъ.

Городъ Баку со стороны моря представляетъ довольно красивый видъ Азіатскаго городка, со стѣнами, башнями и развалинами ханскаго дворца, коего древность, постройки, остатки стѣнъ и рѣзьба замѣчательны, и жаль, что все это приходитъ въ разрушеніе и упадокъ.

Въ ожиданіи изъ Астрахани парохода, на которомъ должна была пріѣхать моя дочь, я между дѣломъ принималъ чиновниковъ и гражданъ, осматривалъ присутственныя мѣста, нефтяной складъ, крѣпость, развалины дворца, ходилъ на форштатъ, въ садикъ, а въ прекрасные лунные вечера гулялъ по берегу моря. 21-го Мая имѣлъ я сердечное удовольствіе встрѣтить, наконецъ, дочь мою со всѣми моими внуками. Въ тотъ же день послѣ обѣда мы выѣхали всѣ вмѣстѣ въ Шемаху, гдѣ застали холеру въ полномъ разгарѣ. Частые смертные случаи чрез-

вычайно тревожили всѣхъ въ городѣ, а наступившіе уже сильные жары по общему мнѣнію долженствовали содѣйствовать развитію болѣзни. По милости Божіей чаша эта миновала насъ.

Окончивъ мои дѣла въ Шемахѣ, я отправился съ семействомъ обратно въ Тифлисъ, уже по другому направленію, чрезъ Нуху, Джаро-бѣлоканскій округъ и Сигнахъ. Отъ жаровъ и повсемѣстныхъ на пути слухахъ о холерѣ, быстро распространявшейся и усиливавшейся въ нѣкоторыхъ Татарскихъ деревняхъ, дорога наша была очень утомительная и безпокойная. Замѣчательно, что, не касаясь собственно никого изъ насъ, холера какъ бы преслѣдовала насъ по пятамъ, или вѣрнѣе сказать ѣхала съ нами. Почти на каждой станціи мы спрашивали: «есть ли здѣсь холера?» Вездѣ намъ отвѣчали: «Богъ миловалъ, еще никто не заболѣвалъ». Но не успѣвали перепрячь лошадей въ экипажахъ, какъ поднималась тревога, и оказывалось, что ужъ кого-нибудь схватило; казакъ, ямщикъ, баба, писарь, кто-либо изъ станціоннаго персонала неизбѣжно заболѣвалъ, и такъ продолжалось все время нашего путешествія. На четвертый день я остановился въ Нѣмецкой колоніи Маріенфельдъ, гдѣ во главѣ принимавшихъ меня колонистовъ находился и Зальцманъ, выѣхавшій ко мнѣ на встрѣчу. Я провелъ тамъ нѣсколько дней по дѣламъ и въ занятіяхъ съ колонистами, видѣлъ новую водопроводную канаву на Караясской степи, также окрестности, сады, и только 15-го Іюня мы добрались до Тифлиса *).

Когда мое семейство снова собралось вмѣстѣ, съ дѣтьми и внуками, квартира наша оказалась недостаточно помѣстительна для всѣхъ. Новая квартира, въ новомъ домѣ Сумбатова, была не совсѣмъ удобна тѣмъ, что находилась почти за городомъ, въ предмѣстьѣ на Верѣ, противъ кладбища, недалеко отъ спуска, гдѣ воздвигнутъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1837-мъ году опрокинулся экипажъ покойнаго Государя Николая Павловича при въѣздѣ его въ Тифлисъ. Но за то она вознаграждала своей обширностію, количествомъ комнатъ и даже великолѣпіемъ отдѣлки нѣкоторыхъ изъ нихъ, большой овальною залою съ хорами, фигурными окнами съ разноцвѣтными стеклами и хорошимъ

---

*) На увѣдомленіе Андреемъ Михайловичемъ намѣстника о дѣловыхъ результатахъ его поѣздки, кн. Воронцовъ отвѣчалъ: „Турчидагъ, 12-го Іюля 1847-го года. Любезнѣйшій Андрей Михайловичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 19-го Іюня и приложенный при ономъ рапортъ о занятіяхъ вашихъ по ревизіи Шемахинской Палаты Государственныхъ Имуществъ и обозрѣнію Русскихъ поселеній ей подвѣдомственныхъ. Спѣшу изъявить вамъ истинную и совершенную мою признательность за отличное исполненіе вами сего порученія и за любопытныя свѣдѣнія доставленныя вами. При семъ повторяю совершенное мое согласіе на поѣздку вашу на Боржомскія и Аббасъ-Туманскія воды, въ такое время, которое вы сами сочтете удобнѣйшимъ. Примите и пр.“

устройствомъ всѣхъ домашнихъ службъ. Домъ этотъ былъ построенъ въ родѣ какой-то крѣпости, съ огромнымъ дворомъ и садикомъ по срединѣ, что̀ тогда составляло исключительную рѣдкость къ Тифлисѣ. Когда Сумбатовъ его строилъ, многіе удивлялись, что̀ ему за охота тратить такія большія деньги на постройку дома за городомъ; но Сумбатовъ при этомъ хитро улыбался и въ свою очередь удивлялся ихъ недальновидности, утверждая съ непоколебимой увѣренностію, что черезъ десять лѣтъ его загородный домъ очутится въ самомъ центрѣ города. Онъ полагалъ, что городъ будетъ строиться по направленію къ Верѣ, но горько ошибся въ своемъ разсчетѣ: дальнѣйшія постройки перекинулись черезъ Куру, къ Нѣмецкой колоніи и на Авлабаръ, гдѣ и воздвигся въ нѣсколько лѣтъ огромный городъ, а домъ Сумбатова какъ былъ, такъ и остался до сихъ поръ за городомъ. Когда мы пріѣхали въ Тифлисъ, вся лѣвая сторона за Курой, теперь сплошь застроенная, была мертвой, выгорѣлой пустыней весьма печальнаго вида, и только посрединѣ ея торчало нѣсколько убогихъ саклей, нисколько не украшавшихъ и не оживлявшихъ этой непривлекательной мѣстности. На одной изъ возвышенностей ея, подъ названіемъ Красной горки, обыкновенно на святой недѣлѣ устраиваются качели и праздничныя гулянія, а немного правѣе, къ Армянскому Авлабарскому кладбищу, производятся смертныя казни: разстрѣливаютъ и вѣшаютъ преступниковъ; преимущественно вѣшаютъ и по бо̀льшей части не въ одиночку, а двоихъ или троихъ враз̀ъ (такъ по крайней мѣрѣ было до сихъ поръ) и оставляютъ тѣла на висѣлицахъ впродолженіи всего послѣдующаго дня, для вящшаго примѣра и вразумленія Азіатскаго народонаселенія, и снимаютъ только ночью. Тогда высокія висѣлицы отчетливо виднѣются на горкѣ, выдающейся по склону горы, и висящія на нихъ тѣла преступниковъ (всегда разбойниковъ и особенно звѣрскихъ убійцъ), въ длинныхъ бѣлыхъ саванахъ, съ опущенною головою и вытянувшимися внизу изъ подъ савана ногами, въ сапогахъ, мѣрно и тихо покачиваются и повертываются направо и налѣво по вѣянію вѣтерка, въ виду у всего города. Въ такіе дни (впрочемъ довольно рѣдкіе), какъ-то не совсѣмъ ловко живется въ Тифлисѣ: хотя и при несомнѣнномъ сознаніи и одобреніи вполнѣ заслуженной злодѣями кары и совершенно справедливаго дѣйствія правосудія, все таки, пока эти *бѣлые* болтаются на своихъ петляхъ, невольно что-то удручающее тяготѣетъ на душѣ; а потому по прошествіи ночи послѣ казни, когда горка является въ своемъ натуральномъ образѣ, безъ вчерашнихъ искусственныхъ сооруженій, дыханіе дѣлается какъ-то свободнѣе и легче...

Всѣ члены Совѣта, по закону, освобождаются отъ служебныхъ занятій на два каникулярныхъ мѣсяца. Жары доходили до 29° въ тѣни.

Мы выбрали нашимъ лѣтнимъ убѣжищемъ Боржомъ и Абасъ-Туманъ, извѣстные въ краѣ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, чистымъ горнымъ воздухомъ и минеральными водами. Выѣхали мы 1-го Іюля, близъ Мцхета переѣхали по новопостроенному каменному мосту черезъ Куру, гдѣ она соединяется съ Арагвой, и далѣе слѣдовали дорогой отчасти искусственной, въ родѣ шоссе, но никакъ не заслуживающей названія хорошей дороги. Встрѣчались красивыя мѣста, рѣчки, селенія, изъ коихъ лучшее Мухрань, окруженное садами, Ксанское ущеліе и, въ восьми верстахъ отъ станціи Ксанка, замѣчательный монастырь и древнія башни при рѣчкѣ Текурѣ, чрезъ которую мостъ, и затѣмъ широкая равнина почти до самаго Гори, издали хорошенькаго городка, поражающаго эффектнымъ видомъ своей старой крѣпости, возвышающейся на скалѣ посреди города. Изъ Гори семь верстъ подъемъ на высокую гору, откуда путь идетъ уже постоянно вдоль Куры. Картинная мѣстность станціи Гаргареты лежитъ у подножія горы, за которою течетъ Кура, и отсюда до Сурама дорога тянется по обширной Карталинской долинѣ. Мѣстечко Сурамъ остается въ сторонѣ, но ясно виднѣется съ развалинами своихъ башень; а влѣво за Курой красуются горы сплошь поросшія густымъ лѣсомъ. Въ семи верстахъ отъ Сурама, при деревнѣ Кишхетъ, дорога поворачиваетъ въ ущеліе, коимъ идетъ надъ самою рѣкою уже вплоть до Боржома, при въѣздѣ въ который сперва представились намъ солдатская слободка и казарма, а потомъ переправа на большомъ паромѣ черезъ Куру. Минеральныя воды находятся на ¾ версты разстоянія отъ берега, въ глубинѣ ущелья, вдоль котораго стремится съ шумомъ и гуломъ красивая, бурливая рѣчка, называемая у Русскихъ «Черная», а на картѣ означенная подъ именемъ «Буджарети». По гребню горъ ростетъ сосновый боръ, по скату же разныя лиственныя деревья. Вообще ущелье это очень живописно, и лѣтомъ жить въ немъ пріятно, кромѣ всѣхъ другихъ условій, уже потому, что нѣтъ въ немъ ни жаровъ, ни мухъ, ни комаровъ.

Вслѣдствіе почти общаго нашего нездоровья отъ Тифлисскаго пылающаго зноя и смрадной, холерной атмосферы, мы должны были ѣхать медленно, съ разстановками, ночлегами и отдыхами, такъ что только на пятый день добрались до цѣли нашего путешествія. Боржомъ тогда былъ населенъ еще весьма незначительно. Мы помѣстились въ лучшей того времени квартирѣ, кочевомъ домѣ главнокомандующаго, который устроенъ генераломъ Головинымъ при самомъ источникѣ водъ, въ концѣ галереи, и обращенъ впослѣдствіи въ намѣстническую кухню.

Боржомское владѣніе, начинающееся въ семи верстахъ отъ Сурамской станціи и имѣющее протяженіе до 30 верстъ по берегу рѣки Куры, составляетъ замѣчательную мѣстность. Горы, лѣсъ и извиваю-

щаяся стремительно по ущелію возлѣ дороги рѣчка представляютъ почти непрерывающіеся разнообразные и прекрасные виды. Почтовая дорога, изъ Тифлиса въ Ахалцыхъ, идетъ по самому берегу рѣки. Собственно Боржомское ущеліе расположено на правомъ берегу рѣки, въ 19 верстахъ отъ въѣзда въ это владѣніе, и въ самомъ ущельи, какъ я сказалъ, истекаютъ минеральные источники щелочныхъ и желѣзныхъ водъ. Ими пользовались туземные жители издавна, но они оставались въ дикомъ состояніи до 1840-го года, когда главноуправлявшій краемъ Головинъ посѣтилъ это мѣсто, полюбилъ его и положилъ основаніе его устройству проведеніемъ большой дороги, построеніемъ галереи и ваннъ; но все это были лишь начатки устройства, которыя впослѣдствіи распространилъ и пополнилъ князь Воронцовъ. Въ этотъ мой пріѣздъ, Боржомъ имѣлъ ужъ видъ мѣстечка, украшеннаго нѣсколькими порядочными домиками для посѣтителей, которые отъ Мая до Сентября съѣзжаются туда изъ разныхъ мѣстъ края, наиболѣе изъ Тифлиса.

Изъ всего занимаемаго Боржомомъ пространства, которое заключаетъ въ себѣ 70 тысячъ десятинъ, большею частію превосходнаго лѣса, въ 1847 году, когда я пріѣхалъ въ Боржомъ, казнѣ безспорно принадлежало только семь тысячъ десятинъ, т. е. такъ имянуемая Ахалдабадская дача; остальная же громадная часть находилась въ спорѣ между казною и князьями Аваловыми. Права этихъ князей были весьма сомнительны, потому что предки ихъ этого имѣнія въ наслѣдственномъ владѣніи не имѣли, а были лишь «моуравами» то-есть.управляющими. Процессъ продолжался долго, и наконецъ въ пятидесятыхъ годахъ князь Воронцовъ рѣшилъ его тѣмъ, что съ высочайшаго утвержденія соединилъ все имѣніе окончательно въ казенномъ владѣніи, съ производствомъ князьямъ Аваловымъ изъ доходовъ отъ имѣнія потомственной пенсіи по пяти тысячъ рублей въ годъ. Съ тѣхъ поръ началось устройство этого имѣнія; но достойно сожалѣнія, что не было принято къ тому никакого опредѣленнаго плана. Заявлялось нѣсколько полезныхъ предположеній, которыя если и одобрялись главнымъ начальствомъ, но постояннаго и послѣдовательнаго исполненія имъ не давалось. Сначала докторъ князя Воронцова Э. С. Андреевскій, любимецъ его, распоряжался по своимъ видамъ; а потомъ каждый новый управлявшій имѣніемъ ворочалъ все по своему, отчего и происходила путаница. Пробовали основать четыре деревни изъ Малороссійскихъ поселянъ, но Малороссы не оказались хорошими хозяевами и разбрелись въ разныя стороны. Столь же неудачнымъ оказалось и поселеніе Грековъ. Въ самомъ Боржомѣ возворено нѣсколько Армянъ-торгашей и отставныхъ солдатъ. Позднѣе, черезъ Куру построенъ порядочный деревянный мостъ.

Въ настоящее время (шестидесятые года), съ прибытіемъ Великаго Князя, вступленіемъ его въ управленіе краемъ и намѣреніемъ основать здѣсь свое лѣтнее пребываніе, можно надѣяться, что Боржомъ достигнетъ сколько-нибудь благоустроеннаго состоянія и вида. На лѣвомъ берегу Куры, на склонѣ горъ, противъ ущелья уже строится дворецъ Его Высочества. Очень желательно, чтобы это пребываніе послужило поводомъ къ лучшему устройству тамошнихъ минеральныхъ водъ, самаго мѣстечка и имѣнія къ нему принадлежащаго, которыя покамѣстъ запущены въ такой степени, что, видя ихъ въ томъ неизмѣнномъ положеніи впродолженіи столькихъ лѣтъ, невольно начинаешь сомнѣваться, чтобы Боржомъ достигъ когда либо прогресса столь для него полезнаго и необходимаго. Дворецъ почти готовъ, но на главное въ отношеніи общественной пользы, на обстановку цѣлебныхъ водъ и подспорій къ нимъ, на удобства для пріѣзжающихъ лечиться и на многое другое, доселѣ вниманія не обращается. Это впрочемъ можетъ относиться почти и ко всѣмъ общеполезнымъ учрежденіямъ Закавказскаго края: или ничего не дѣлается, или не такъ какъ бы надлежало. Нельзя сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ главныхъ начальниковъ края; они святы, но исполнители супостаты *).

На этотъ разъ, мы опять послужили для холеры какимъ-то перевозочнымъ средствомъ, наподобіе того, какъ во время нашего переѣзда изъ Шемахи въ Тифлисъ, только съ тою разницею, что мы не привозили ея на станціи, а прямо привезли въ Боржомъ, гдѣ до насъ и признака ея не было, а тотчасъ по прибытіи нашемъ проявилась и она, но по счастію въ слабой степени, такъ какъ условія горнаго Боржомскаго климата не содѣйствовали ея развитію. Заболѣлъ восьмилѣтній мальчикъ, солдатскій сынъ; докторъ, обыкновенно командируемый сюда на лѣтній сезонъ, еще не пріѣхалъ, обратиться за помощію было не къ кому; но солдатка сама догадалась и, видя, что сынъ ея въ судорогахъ, совсѣмъ оцѣпенѣлъ и посинѣлъ, она, по какому-то наитію или вдохновенію, выбѣжала на улицу, нарвала крапивы возлѣ забора и принялась ею крѣпко тереть похолодѣвшее тѣло мальчика. Вскорѣ тѣло начало мѣстами покрываться красными пятнами, выступили пузыри, появилась теплота, и импровизированное леченіе солдатки увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Потомъ заболѣлъ нашъ поваръ и тоже поправился безъ медицинскихъ пособій, а можетъ быть именно и по этой причинѣ. Кажется, этими двумя случаями ограничилась эпидемія.

Чрезъ нѣсколько дней, прибывшій сюда изъ Тифлиса врачъ Ами-

*) Впослѣдствіи Боржомское имѣніе высочайше пожаловано въ собственность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу.

ровъ посовѣтовалъ женѣ моей отправиться на Абасъ-Туманскія воды, въ 70-ти верстахъ отъ Боржома за Ахалцыхомъ, куда она 16-го Іюля и выѣхала съ старшею дочерью Екатериной; я же, съ остальнымъ моимъ семействомъ, остался въ Боржомѣ, частію по служебнымъ дѣламъ, частію по увѣренію доктора, что пользованіе здѣшними водами и ваннами принесетъ мнѣ несомнѣнную пользу, что̀ нисколько не оправдалось, можетъ быть вслѣдствіе того, что я простудился, и къ прежнимъ моимъ недугамъ присоединилась еще лихорадка. Лѣто выдалось дождливое, сырое, и постоянный сквозной вѣтеръ, дувшій чрезъ узкое ущелье, какъ сквозь коридоръ, не слишкомъ благопріятно отзывался на здоровьи больныхъ, особенно при леченіи теплыми ваннами. Съѣздъ на воды былъ немногочисленный: нѣсколько туземныхъ семей изъ Грузинъ и Армянъ, два Русскихъ генерала съ одной генеральшей, одинъ полковникъ генеральнаго штаба съ больной женой и свояченицей, и нѣсколько офицеровъ составляли весь кругъ тогдашняго водянаго общества.

Изъ туземныхъ посѣтителей наиболѣе выдавалось семейство мѣстнаго помѣщика князя Сумбатова. Самъ князь былъ отставной военный, еще не старый, сухой, желтый, сумрачный человѣкъ; его жена, рожденная княжна Мухранская, среднихъ лѣтъ, очень красивая собой, носившая Грузинскій костюмъ, и два сына, одинъ юнкеръ лѣтъ двадцати, другой маленькій мальчикъ лѣтъ девяти. Этотъ мальчикъ, хорошенькій и бойкій, обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что всегда былъ одѣтъ весь въ бѣломъ; намъ объяснили, что въ Грузіи есть обычай иногда при рожденіи дѣтей давать обѣщаніе Божіей Матери или какому-либо святому—водить ребенка не иначе какъ въ бѣломъ до извѣстнаго возраста, часто на много лѣтъ, полагая этимъ привлечь на него покровительство свыше. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ, бѣлый костюмъ не только не принесъ благополучія мальчику, но и не предохранилъ его отъ гибели. По окончаніи курса Сумбатовы возвратились въ свою деревню вблизи отъ Сурама и въ непродолжительномъ времени всѣ были убиты въ своемъ домѣ, ночью, своими же крестьянами: князя закололи кинжаломъ, княгиню застрѣлили въ постелѣ, юнкера изрубили, а бѣднаго бѣлаго мальчика зарѣзали. Слѣдствіе выяснило, что князь сурово обращался съ своими крестьянами и заставлялъ ихъ въ праздники работать; крестьяне возмутились, вышли изъ повиновенія, а князь въ наказаніе виновныхъ велѣлъ пересѣчь ихъ женъ, что̀ и было причиною поголовнаго избіенія помѣщичьяго семейства.

Мой домашній Боржомскій кружокъ увеличился съ самаго начала тремя пріятными собесѣдниками, молодыми людьми. Первый изъ нихъ былъ встрѣтившій насъ при въѣздѣ сюда, Александръ Ѳедоровичъ Витте, родной братъ моего зятя, капитанъ путей сообщенія, слу-

жившій въ здѣшнемъ краѣ уже много лѣтъ и женившійся на Грузинкѣ; второй — прикомандированный ко мнѣ по дѣламъ службы, поручикъ полевыхъ инженеровъ, Бекманъ, умный, веселый, молодой человѣкъ, и третій, артилерійскій офицеръ Кузовлевъ, сынъ старинныхъ нашихъ близкихъ знакомыхъ (его старшая сестра была замужемъ за Екатеринославскимъ полицеймейстеромъ Ессеномъ въ то время, когда мы еще тамъ жили, а вторая сестра находилась лектриссой при королевѣ Голандской Аннѣ Павловнѣ, у которой постоянно и жила). Всѣ трое хорошіе, добрые люди проводили съ нами почти цѣлые дни, гуляли со мной, знакомили съ окрестностями, а по вечерамъ составляли мнѣ маленькую партію въ бостончикъ.

Въ исходѣ Іюля я получилъ очень огорчившее меня извѣстіе о несчастномъ случаѣ съ моей женой въ Абасъ-Туманѣ: возвращаясь съ прогулки, она вдругъ упала; закружилась ли голова или оступилась, она сама не знала, но при паденіи она сильно ушибла лѣвый бокъ и повредила себѣ руку. Ее подняли почти безъ чувствъ; нѣсколько дней она страдала, и докторъ вызванный изъ Ахалцыха (въ Абасъ-Туманѣ нашелся только фельдшеръ, да и тотъ лежалъ больной въ горячкѣ отъ пьянства) опасался серьезныхъ послѣдствій отъ ушиба бока; а о рукѣ заявилъ, что въ плечѣ кость сошла съ мѣста и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ заключеніемъ, которое оказалось потомъ совершенно ошибочно, такъ какъ это былъ изломъ кости, вслѣдствіе чего лѣченіе его принесло болѣе вреда нежели пользы. Мнѣ дали знать объ этомъ случаѣ уже по минованіи опасности, когда общее состояніе здоровья жены моей сдѣлалось совсѣмъ лучше; потому что она не позволила немедленно извѣстить меня, чтобы не встревожить ранѣе времени, и для успокоенія моего сама писала ко мнѣ, упрашивая не прерывать курса лѣченія моего выѣздомъ къ ней. Конечно, я не послушался ея и поспѣшилъ выѣхать въ Абасъ-Туманъ съ дочерью Надеждой.

Дорога отъ Ахалцыха, мѣстами не совсѣмъ безопасная, идетъ сначала берегомъ Куры, и по всему своему протяженію разнообразится интересными видами, долинами, горами, развалинами церквей и крѣпостей, изъ коихъ самая красивая Ацхуръ; затѣмъ рѣка остается въ сторонѣ, и на разстояніи остальныхъ 22-хъ верстъ приходится взбираться на три большія горы съ весьма плохимъ для проѣзда подъемомъ и спускомъ *). Въ Ахалцыхѣ я остановился у уѣзднаго началь-

*) При спускѣ съ одной изъ этихъ горъ произошелъ маленькій эпизодъ, удивившій Андрея Михайловича по недавности еще его жительства въ Грузіи. На козлахъ экипажа сидѣлъ оборванный, грязный ямщикъ, въ чохѣ и папахѣ. На встрѣчу подъѣ-

ника, Ахвердова. Самый городъ не представляетъ ни мѣстоположеніемъ, ни крѣпостію своею, ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что прежде онъ былъ Турецкимъ. Въ Абасъ-Туманѣ я нашелъ мою жену, сильно страдавшую отъ боли въ рукѣ. Абасъ-Туманское ущелье, тоже замѣчательно прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ, окружено со всѣхъ сторонъ густымъ боромъ и горами, на вершинахъ коихъ красуются живописныя развалины укрѣпленій, башней и церквей. Воды сѣрно-горячія; ихъ не употребляютъ для питья, а только для купанья. Изъ нихъ самыми полезными считаются такъ называемыя «змѣиныя», умѣренной температуры, а самыя сильныя доходятъ почти до 50-ти градусовъ жару, и купаться въ цѣльной водѣ этого источника очень мучительно, да и трудно безъ риска обвариться. Въ ней купаютъ иногда солдатиковъ, вѣроятно на томъ основаніи, что паръ костей не ломитъ; но и они не выдерживаютъ долѣе нѣскольких минутъ. Солдатъ сюда привозятъ на лѣченіе большими партіями и помѣщаютъ въ устроенномъ для нихъ военномъ госпиталѣ. Объ этой водѣ разсказываютъ, что въ ней сварился Армянскій архіерей. Когда это было и при какихъ обстоятельствахъ, ничего нельзя добиться. Странно, что легенда о сварившемся Армянскомъ архіереѣ чрезвычайно распространена на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Въ Пятигорскѣ разсказываютъ, что это произошло въ Александровскихъ ваннахъ; въ Горячеводскѣ разсказываютъ, что близъ крѣпости Грозной. И почему такой жертвой избранъ іерархъ этой національности, совершенно неизвѣстно. Нельзя же предполагать, чтобы столько Армянскихъ архіереевъ дѣйствительно сварились въ горячихъ источникахъ; а между тѣмъ всѣ обыватели, гдѣ водятся такіе источники, утверждаютъ съ непоколебимой увѣренностію, что именно здѣсь, въ ихъ источникѣ, сварился Армянскій архіерей, и утверждаютъ такъ настойчиво и упорно,

---

хала арба съ сидѣвшими въ ней женщинами и дѣтьми, а возлѣ шли два Грузина. Ямщикъ остановился, арба тоже; начались Грузинскіе разговоры и затянулись такъ долго, что, потерявъ терпѣніе, изъ экипажа, приказали ямщику ѣхать. Ямщикъ отвѣчалъ „сейчасъ“ и продолжалъ разговоръ, что̀ повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ приказаніе было ему отдано такъ внушительно, что ямщикъ рѣшился тронуться, причемъ повернулся и началъ объяснять ломаннымъ Русскимъ языкомъ, что это онъ разговаривалъ съ своими мужиками, спрашивалъ у нихъ, куда они ѣдутъ. „Съ какими своими, спросили; изъ одной деревни что ли?“—„Мужики мои крѣпостные, и еще у мене и деревна болшой естъ“, послѣдовалъ отвѣтъ съ козелъ. „Что̀ ты врешь, возразили ему;—кто же ты такой?—„Я кто? Я князъ А—зе“. И онъ назвалъ одну изъ извѣстныхъ, наиболѣе распространенныхъ княжескихъ Грузинскихъ фамилій. Ему не повѣрили; но на ближайшей станціи подтвердилось, что дѣйствительно это былъ князь А***, владѣтель деревни и крѣпостныхъ крестьянъ, которые однако такъ мало приносили ему доходовъ, что онъ предпочелъ профессію ямщика своему помѣщичьему званію. Случаи такого рода встрѣчаются въ Закавказьѣ сплошь да рядомъ. Н. Ф.

какъ будто въ этомъ несчастномъ событіи заключается какая-то особенная для нихъ амбиція, или рекомендація ихъ источника. Впрочемъ въ одной мѣстности края передаютъ, что тамъ сварился Татарскій муфтій; это единственное исключеніе изъ общаго положенія.

Мое нездоровье такъ усилилось на первыхъ дняхъ пребыванія въ Абасъ-Туманѣ, что я принужденъ былъ слечь въ постель, и никакія средства Ахалцыхскихъ докторовъ не приносили мнѣ облегченія. Наконецъ одинъ изъ нихъ, докторъ Кларинъ, догадался предписать мнѣ змѣиныя ванны, которыя хотя и находились по близости отъ моей квартиры, но я уже отъ слабости не въ состояніи былъ ходить, и меня перенесли туда на носилкахъ. Первая же, всего трехъ-минутная ванна, подѣйствовала отлично, а послѣдующія въ нѣсколько дней поставили меня на ноги и совсѣмъ излечили. Прогулки по горамъ и лѣсамъ, здоровый воздухъ, подкрѣпили силы мои; къ сожалѣнію, лѣто выдалось бурное: безпрестанно шли дожди, и повторялись страшныя грозы.

При Абасъ-Туманскихъ водахъ находилась небольшая Нѣмецкая колонія Фриденталь, основанная въ 1843-мъ году, собственно въ видахъ доставленія пользующимся водами необходимыхъ жизненныхъ потребностей; но ей не было отведено никакого опредѣленнаго количества земли, а потому сосѣдніе жители непрестанно ихъ тѣснили, и колонисты переселены въ 1849-мъ году въ Тифлисскій уѣздъ близъ колоніи Маріенфельдъ на рѣкѣ Іорѣ.

Въ половинѣ Августа мы всѣ были обрадованы пріѣздомъ зятя моего Ю. Ѳ. Витте. Мы безпокоились его замедленіемъ, по причинѣ холеры, разразившейся тогда въ Саратовѣ и свирѣпствовавшей по всему пути его проѣзда. Въ Саратовѣ, впродолженіи трехъ недѣль самаго разгара эпидеміи, этотъ смертоносный бичъ положительно опустошалъ городъ съ неудержимою яростію. Цѣлыя семьи вымирали, дома наполнялись трупами, улицы пустѣли, въ аптекахъ не успѣвали приготовлять лекарства, и аптеки буквально осаждались толпами народа, ожидавшаго своей очереди иногда по суткамъ, для полученія лекарства, котораго больные уже не успѣвали дождаться. Одинъ знакомый, проѣзжавшій тогда чрезъ Саратовъ, писалъ мнѣ, что отъ заставы по Московской улицѣ до гостиницы, съ версту разстоянія, встрѣтилъ онъ по дорогѣ счетомъ сто пятьдесятъ гробовъ. Зять мой выбрался оттуда и доѣхалъ благополучно; но дорогою два раза ямщики сваливались съ козелъ его тарантаса, внезапно схваченные холерой. Она иногда поражала съ быстротой молніи; были случаи, что люди, проходя по улицѣ, повидимому совсѣмъ здоровые, вдругъ падали

и въ нѣсколько минутъ умирали. Большая часть нашихъ хорошихъ Саратовскихъ знакомыхъ тогда погибла отъ этого ужаснаго мора.

Мы оставались въ Абасъ-Туманѣ до 30-го Августа, и переѣздъ въ Ахалцыхъ вынуждены были совершить на волахъ, такъ какъ отъ постоянныхъ дождей дорога покрылась водомоинами, провалами и грязью, и лошади не могли вытащить экипажъ. Мы влачились невыносимо медленно, со страхомъ и разнообразными опасностями, въ проливной дождь, сопровождаемые оглушительнымъ громомъ и непрерывно сверкавшими молніями. Въ Ахалцыхѣ нашли мы спокойный ночлегъ и отдыхъ по прежнему въ домѣ уѣзднаго начальника Ахвердова. Мнѣ надобно было прожить тутъ нѣсколько дней по дѣламъ, и много за эти дни пришлось слышать всякаго рода жалобъ отъ гражданъ, чиновниковъ и уѣзднаго начальника. Послѣдній горько жаловался на близкое сосѣдство съ Турціей и пограничныхъ саджакъ-бековъ, которые оказывали всякое потворство и укрывательство нашимъ поселянамъ и Ахалцыхскимъ жителямъ: учинивъ какое-либо преступленіе, они уходятъ за границу и свободно проживаютъ въ ближайшихъ деревняхъ. Вообще настоящая граница неудобна во всѣхъ отношеніяхъ. Въ самомъ Ахалцыхѣ есть кислыя воды, принадлежащія двумъ здѣшнимъ гражданамъ-Армянамъ, хлопотавшимъ о дозволеніи устроить ванны, что̀ было трудно безъ предварительнаго химическаго разложенія воды, которая могла оказаться вредной. Есть также и близъ станціи Страшнаго Окопа, на землѣ двухъ Армянъ, минеральныя воды и, говорятъ, очень сильныя.

Изъ Ахалцыха, по порученію князя Воронцова, я долженъ былъ проѣхать въ Александропольскій и Эриванскій уѣзды, для обозрѣнія новыхъ Русскихъ поселеній, соображенія объ улучшеніи существующихъ и проэктированія новыхъ водопроводовъ. Этотъ предметъ весьма интересовалъ князя-намѣстника и дѣйствительно вполнѣ заслуживаетъ вниманія гла̀вcase Закавказскаго начальства. Къ сожалѣнію, это предпріятіе, равно и многія другія полезныя для края, имѣло доселѣ мало успѣха, какъ по неопытности инженеръ-гидравликовъ и по недостатку денежныхъ средствъ, такъ и по страсти нашихъ администраторовъ хвататься за новыя предпріятія, не окончивъ начатыхъ и безъ внимательнаго соображенія о средствахъ къ тому.

На первой станціи отъ Ахалцыха, въ деревнѣ Ацхурѣ, я разстался съ моимъ семействомъ: жена съ дѣтьми и зятемъ отправилась обратно въ Тифлисъ; а я, переѣхавъ черезъ Куру, поѣхалъ по такъ именуемой «Царской дорогѣ», проложенной въ 1837-мъ году для покойнаго императора Николая Павловича. Дорога идетъ чрезъ Ацхурскія и Кодіанскія горы чрезвычайно трудная, и лишь первыя семь

верстъ намъ удалось кое-какъ пробраться на лошадяхъ, а потомъ опять пришлось тащиться на волахъ, по мѣстамъ дикимъ, но не лишеннымъ своего рода интереса. Мы въ этотъ день едва успѣли сдѣлать двадцать пять верстъ, взбираясь на гору Табуретъ-чай, тамъ ночевали въ казачьей штабсъ-квартирѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ казармъ, раскинутыхъ въ бору. Мы очутились въ настоящей сѣверной странѣ, не запасшись теплымъ платьемъ, за что немедленно и поплатились простудой. Это мѣсто отличается такимъ холоднымъ климатомъ, что казаки не могутъ обзавестись ни малѣйшимъ хозяйствомъ, кромѣ плохаго сѣнокоса, потому что никакіе хлѣбные посѣвы не созрѣваютъ; они или вымерзаютъ, или выбиваются градомъ, который здѣсь почти всегда замѣняетъ дождь, тогда какъ не далѣе 15-ти верстъ прямымъ путемъ оттуда, въ селеніи Хертвиси, ростутъ превосходный виноградъ, груши и другія произведенія южныхъ странъ.

На другой день я доѣхалъ до Армянскаго мѣстечка и небольшой крѣпостцы Ахалкалаки, гдѣ климатъ уже умѣреннѣе и земля очень плодородная, а потомъ продолжалъ путь для обозрѣнія духоборческихъ поселеній, состоящихъ изъ семи довольно многолюдныхъ деревень. Съ духоборцами я былъ хорошо знакомъ уже съ давнихъ поръ, еще въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ, до переселенія ихъ въ Закавказскій край, они были водворены въ Таврической губерніи, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Нѣмецкихъ колоній, коими я управлялъ около двадцати лѣтъ. Я читалъ все, что было описано у насъ о духоборцахъ въ послѣднее время; но во всѣхъ этихъ описаніяхъ, по моимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ и въ Новороссійскомъ краѣ, и здѣсь, при управленіи ими, нашелъ я мало справедливаго. Скажу о нихъ что знаю и за вѣрность чего могу ручаться.

Начальнаго происхожденія своей ереси духоборцы и сами съ точностію объяснить не могутъ. Если они существовали у насъ еще до XVIII столѣтія, какъ нѣкоторые полагаютъ, то вѣроятно проявились (также какъ и молаканская ересь) отъ соприкосновенія съ протестантами различныхъ родовъ, ученіе и правила коихъ они исковеркали, переиначили и многое передѣлали по своему. Человѣческому заблужденію нельзя поставить предѣла, коль скоро люди, не имѣющіе ясныхъ и чистыхъ понятій и образованія, устремляются воспроизвести что-либо новое въ вѣрованіи. Все въ ихъ наученіи, догматахъ и молитвословіи, есть наборъ словъ и изреченій изъ Священнаго Писанія, безъ всякой послѣдовательности и основательнаго примѣненія. Символъ вѣры у нихъ въ самомъ безобразно и безсмысленно искаженномъ видѣ. Но чтобы *подать руку* у духоборцевъ значило исполнить непремѣнно принятыя на себя обязательства (какъ это заявляется въ статьяхъ о

нихъ) это положительно невѣрно: хоть и *дадутъ руку*, но исполнятъ обязательство лишь въ такомъ случаѣ, если не имѣютъ интереса не исполнить его. Несправедливо также, будто духоборцы, обратившіеся въ православіе, остаются ему вѣрными потому только, что *давали на то руку*; и сомнительно, чтобы духоборцы, которые частнымъ образомъ донынѣ иногда обращаются въ православіе, дѣлались христіанами по убѣжденію. Если и бываютъ исключенія, то весьма рѣдко.

Сами старики и заправилы духоборческіе говорятъ, что основателемъ ихъ вѣроученія былъ одинъ отставной унтеръ-офицеръ, находившійся въ плѣну у Прусаковъ въ Семилѣтнюю войну и во время этой войны проживавшій довольно долго у Гернгутеровъ или Моравскихъ братьевъ. Онъ, по возвращеніи въ Россію, изъ догматовъ этихъ сектъ составилъ яко бы ихъ вѣроученіе. Это показаніе, изъ всѣхъ предположеній, наиболѣе похоже на правду. Тѣ изъ своихъ правилъ, которыя духоборцы гласно заявляютъ, конечно не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго доброй нравственности въ общемъ смыслѣ; но во всѣхъ своихъ житейскихъ дѣйствіяхъ они выказываютъ себя совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы они должны были быть по письменному своему исповѣданію. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія они обратили на себя особенное вниманіе сенаторовъ И. В. Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго. Описаніе, составленное сенаторами, вполнѣ сообразно съ заявленіями сектантовъ объ ихъ исповѣданіи, уставахъ и правилахъ, представляло ихъ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что они удостоились на нѣкоторое время не только снисхожденія, но даже особаго покровительства со стороны правительства. Впрочемъ, хотя они никогда не заслуживали столь похвальныхъ отзывовъ, но тогда и дѣйствительно могли быть лучше нежели проявили себя впослѣдствіи; потому что ихъ было немного, они были преслѣдуемы и связаны между собою большимъ единодушіемъ, какъ это всегда бываетъ при начальномъ возникновеніи сектъ. Духоборцы были переведены изъ Харьковской губерніи въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи и поселены на рѣкѣ Молочной. Къ нимъ присоединили всѣхъ остальныхъ духоборцевъ, разсѣянныхъ по Россіи, проживавшихъ въ разброску и открытыхъ въ различныхъ частяхъ имперіи. Имъ тамъ отвели большое пространство пустопорожнихъ плодородныхъ земель и даровали различныя льготы. Блаженной памяти императоръ Александръ I-й имѣлъ сначала выгодное мнѣніе о ихъ нравственности и считалъ ихъ Русскими квакерами, что явно выражено въ рескриптѣ, данномъ въ 1817-мъ году, бывшему Новороссійскому генералъ губернатору графу Ланжерону.

Находясь первоначально подъ самовластнымъ начальствомъ своего духовнаго старшины Капустина, при ихъ трудолюбіи и строгомъ

наблюденіи за ними, духоборцы достигли значительной степени благосостоянія. Капустинъ успѣлъ пріобрѣсть надъ ними неограниченную, деспотическую власть: строго взыскивалъ за пьянство, нерадѣніе, строго наблюдалъ за устройствомъ и порядкомъ домовъ и хозяйствъ. Многіе изъ раскольниковъ другихъ сектъ, и даже нѣкоторые изъ православныхъ, присоединялись къ духоборцамъ, что̀, въ совокупности съ допущеннымъ и поощряемымъ Капустинымъ пріемомъ бѣглыхъ, вскорѣ замѣтнымъ образомъ умножило ихъ народонаселеніе. Это зло, а равно и другія злоупотребленія, Капустинъ умѣлъ довольно долго и очень хитро скрывать подъ притворнымъ смиреніемъ и кротостью, особенно же искусствомъ привлекать на свою сторону земскую полицію и сдѣлать ея защитницею и покровительницею духоборческихъ интересовъ. Къ тому же Капустинъ, по своему состоянію простаго человѣка, владѣлъ хорошимъ даромъ слова. При такихъ обстоятельствахъ, духоборцы въ теченіи почти двадцати лѣтъ имѣли всѣ средства достигнуть цвѣтущаго положенія; но около 1818 года, стали между ними проявляться вредные безпорядки, и наконецъ открылось самымъ достовѣрнымъ образомъ, что они существенно вовсе не христіане, по слѣдующему случаю.

Въ 1818-мъ году къ нимъ прибыли извѣстные квакеры, Алленъ изъ Англіи и Грельё изъ Америки, имѣвшіе порученіе отъ Государя Императора, переданное имъ покойнымъ княземъ Голицынымъ, чтобы при обозрѣніи въ Россіи тюремныхъ учрежденій (въ чемъ состояла спеціальная цѣль ихъ путешествія) они, объѣзжая Новороссійскій край, побывали въ духоборческихъ поселеніяхъ и удостовѣрились на мѣстѣ, ближайшими распросами, дѣйствительно ли они христіане или нѣтъ. Узнать это съ точностію и опредѣленно весьма желали и сами квакеры; ибо по свѣдѣніямъ, какія они имѣли о духоборцахъ въ Англіи и получили въ Петербургѣ, они считали ихъ своими единомышленниками въ главныхъ основаніяхъ вѣроученія. Для приведенія въ дѣйствіе этого изслѣдованія, мѣстное начальство распорядилось собрать вліятельнѣйшихъ сектантовъ на допросы, въ двухъ мѣстахъ: въ Екатеринославѣ и въ ихъ слободѣ Терпѣніи по рѣкѣ Молочной. Квакеры встрѣтили ихъ сначала весьма дружелюбно и называли своими собратіями. Въ Екатеринославѣ объясненія ихъ, довольно долго продолжавшіяся, были крайне темны и запутаны, и точно такими же повторились и въ Терпѣніи на Молочной. Когда же добрые квакеры потребовали отъ нихъ категорическаго, рѣшительнаго отвѣта на вопросъ: вѣруютъ ли они въ божественность Іисуса Христа? Духоборцы, подумавъ и нѣсколько замявшись, отвѣчали, что *Христосъ былъ добрый человѣкъ, и что Христомъ и Богомъ можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ могущій возымѣть силу быть истинно-добрымъ человѣкомъ.* При этомъ исповѣ-

даніи квакеры измѣнились въ лицѣ и, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, съ выраженіемъ ужаса и негодованія, воскликнули пофранцузски: «O ténèbre! ténèbre!» (о тьма! тьма)! Нѣтъ! нѣтъ! Вы не собратія наши!»

Вѣроятно квакеры довели до свѣдѣнія императора Александра Павловича объ этомъ результатѣ своихъ изслѣдованій. Между тѣмъ Капустинъ умеръ. Затѣмъ открылось, что духоборцы истязали и зарыли живыми въ землю нѣкоторыхъ изъ своихъ вѣроотступниковъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи возвратиться къ православію; и оказались признаки, что подобная казнь постигла многихъ жертвъ ихъ изувѣрства во время владычества Капустина. Производилось по этимъ дѣламъ слѣдствіе нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того, сдѣлалось извѣстнымъ, что самый грязный, преступный развратъ былъ у нихъ облеченъ въ религіозную форму подъ названіемъ «*свальный грѣхъ*».

При проѣздѣ императора Александра Павловича въ 1825-мъ году изъ Таганрога чрезъ молоканскія духоборческія поселенія въ Крымъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ главномъ ихъ селеніи *Терпѣніи*, когда толпа ихъ встрѣтила Государя съ хлѣбомъ и солью, онъ привсталъ въ коляскѣ и съ гнѣвомъ сказалъ, что ихъ хлѣба и соли не приметъ, что они оказываются людьми вредными, безнравственными, и если не всѣ, то многіе изъ нихъ даже злодѣями и что, по окончаніи надъ ними слѣдствія и суда, они подвергнутся заслуженной карѣ.

Эта кара и постигла ихъ; но слѣдствіе продолжалось еще долго, и только въ 1840-мъ году было рѣшено переселить ихъ всѣхъ въ Закавказскій край. Старшиною у нихъ былъ тогда Калмыковъ, ученикъ и преемникъ Капустина, человѣкъ также смышленый и также развратный. Онъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи въ Закавказье, умеръ. Духоборцы питаютъ большое благоговѣніе къ его памяти. Разсказываютъ, что за нѣсколько лѣтъ до ихъ переселенія на Кавказъ, когда князь Воронцовъ однажды дѣлалъ ему строгій выговоръ, какъ старшинѣ, за происходившіе у нихъ въ то время безпорядки и присовокупилъ, что если это не прекратится, то всѣ духоборцы будутъ переселены на Кавказъ, Калмыковъ якобы отвѣчалъ въ духѣ пророчества: «Не мы одни будемъ, но и вы будете за Кавказомъ!» Когда я пересказалъ о томъ въ Тифлисѣ князю Михаилу Семеновичу, то онъ отозвался, что дѣйствительно было что-то на то похожее, но что Калмыковъ могъ это сказать вовсе не по вдохновенію, а просто по носившимся уже тогда слухамъ о его назначеніи на Кавказъ.

Духоборцамъ въ Закавказскомъ краѣ отведено большое пространство, болѣе сорока тысячъ десятинъ, изъ свободныхъ пастбищныхъ мѣстъ въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, прилегающихъ къ Турецкой границѣ. Мѣста эти составляютъ плоскую возвышенность, имѣютъ климатъ весьма

здоровый и землю плодородную; но по причинѣ продолжительныхъ морозовъ, бывающихъ иногда и лѣтомъ, хлѣбные посѣвы, за исключеніемъ ячменя, вымерзаютъ, и духоборцы ими здѣсь мало занимаются. Это для нихъ вознаграждается богатыми пастбищами и сѣнокосами. Кромѣ того они промышляютъ извозничествомъ, приносящимъ имъ хорошіе заработки. При такихъ условіяхъ, при обложеніи ихъ весьма неотяготительнымъ взносомъ податей, духоборцы могли бы достигнуть полнаго благосостоянія; но большинство ихъ предается пьянству и разврату, вслѣдствіе чего ихъ хозяйственное состояніе совсѣмъ не устроено; дома плохіе, никакихъ порядочныхъ обзаведеній, построекъ, никакихъ древесныхъ насажденій. Этой небрежности содѣйствуетъ ихъ предубѣжденіе, что они и здѣсь живутъ временно, и ранѣе или позднѣе будутъ переселены куда нибудь далѣе.

Во время послѣдней Турецкой войны (1853—1856) они потерпѣли нѣкоторое разореніе отъ непріятеля и стѣсненіе отъ квартированія въ ихъ поселеніяхъ и перехода у нихъ войскъ; но за то имѣли выгоды и большіе заработки отъ своего извозничества, а также пригодились и нашимъ войскамъ въ этомъ отношеніи. Въ настоящемъ ихъ положеніи они могли бы быть полезными и себѣ, и правительству, еслибы грязная распущенность ихъ поведенія не препятствовала тому. За ними нуженъ строгій, постоянный надзоръ, а это вещь весьма трудная. Участковые засѣдатели, ближайшее ихъ начальство, всегда готовы поблажать имъ, потому что духоборцы обладаютъ отличными свѣдѣніями относительно средствъ для привлеченія ихъ на свою сторону. Во время управленія моего государственными имуществами, я попробовалъ, въ видѣ опыта, поручить этотъ надзоръ особому попечителю, съ надлежащими наставленіями и указаніями; опытъ не удался, въ силу того же перевѣса духоборческихъ свѣдѣній надъ чиновническою совѣстію. Наше мелкое чиновничество у насъ вездѣ, а въ Закавказскомъ краѣ еще болѣе, подъ какимъ бы то названіемъ оно ни было, подвержено слишкомъ неудержимой наклонности поддаваться соблазнамъ личной корысти и злоупотребленій. Что́ касается до религіознаго состоянія духоборцевъ, то оно остается и здѣсь тѣмъ же, чѣмъ было прежде, то есть грубо замаскированнымъ невѣріемъ и произвольными кривотолками, прикрываемыми безобразною обрядностію. Такъ между прочимъ, они увѣряютъ, что дѣти у нихъ оказываютъ неограниченное повиновеніе родителямъ; но если что либо подобное и случается, то это только до ихъ совершеннолѣтія, а потомъ дѣти, или очень мало, или вовсе не хотятъ знать своихъ родителей. Духоборческія женщины, также какъ и большею частью мущины, физически довольно развиты, рослыя сильныя, но вообще замѣчательно дикообразны и въ высшей степени

тупоумны. Мужчины смотрятъ на своихъ женщинъ, почти не иначе какъ на свою домашнюю скотину.

Нѣкоторыя попытки къ обращенію духоборцевъ въ православіе, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и здѣсь, не имѣли почти никакого успѣха. Тоже можно сказать и о всѣхъ прочихъ раскольникахъ, поселенныхъ въ Закавкасскомъ краѣ. Если здѣсь и бывали обращенія, то болѣе номинальныя, по наружности, и болѣе въ видахъ пріобрѣтенія новыхъ льготъ. Исключеніе составляетъ одно селеніе Бакинской губерніи Алты-Агачъ, гдѣ нѣсколько десятковъ душъ присоединилось къ православію, кажется по вліянію другой половины населенія, состоящей изъ коренныхъ православныхъ, между коими были люди порядочные и добрые христіане. Что же касается до дѣятельности духовныхъ миссіонеровъ, то хотя они и здѣсь стараются объ обращеніи сектантовъ, но до сихъ поръ никакой пользы и успѣховъ не оказали, и обращенные ими были большею частью люди такого рода, которые, по прибытіи въ здѣшній край православными, здѣсь уже сдѣлались молоканами изъ корыстныхъ цѣлей, а потомъ изъ тѣхъ же цѣлей, для пріобрѣтенія новыхъ льготъ, будто бы по убѣжденію миссіонеровъ, приняли вновь православіе. Нельзя сказать чтобы эти миссіонеры не были достаточно подготовлены къ исполненію своей обязанности въ научномъ отношеніи; но они полагаютъ всю силу закона единственно въ буквѣ, а не въ духѣ его и къ сожалѣнію, соединяя фанатическія понятія съ прискорбными дѣйствіями любостяжанія, налагаютъ на обращаемыхъ бремена тяжкія въ дѣлахъ обрядности и часто вредятъ имъ и самому дѣлу излишнею строгостію и даже мстительностію, коль скоро прихожане не выполняютъ рабски ихъ велѣній и прихотей. Меня удивляетъ, что есть же у насъ (какъ по крайней мѣрѣ пишутъ часто о томъ въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ), въ Сибири, Китаѣ, Японіи и многихъ другихъ странахъ миссіонеры, подвизающіеся въ дѣлѣ обращенія язычниковъ, истинно въ духѣ апостоловъ, съ неистощимымъ самоотверженіемъ, энергіей, христіанскимъ долготерпѣніемъ, являя въ себѣ пастырей добрыхъ, не щадящихъ самихъ себя для привлеченія къ стаду Христову овецъ *и не сего двора*; а для обращенія своихъ же заблудшихъ соотчичей таковыхъ не оказывается.

Число Русскихъ сектантовъ въ Закавказскомъ краѣ съ 1847-го по 1863-й годъ удвоилось, а именно:

Въ 1847-мъ году ихъ было въ Тифлисской губерніи обоего пола душъ	3484
Въ бывшей Шемахинской губерніи	4343
Итого	7827

А въ 1863-мъ году:

Въ Тифлисской губерніи	4561
Въ Бакинской губерніи	6395
Въ Кутаиской губерніи	1714
Въ Эриванской губерніи	1651
Итого	14321

Женскаго пола почти столько же: 14355 душъ; слѣдовательно, обоего пола 28676 душъ. Но вѣроятно эти цифры умалены по причинѣ утайки и безпечности составителей свѣдѣній на мѣстахъ; а потому и можно полагать примѣрно, что Русскихъ раскольниковъ въ Закавказскомъ краѣ приблизительно до 30000 душъ.

Въ числѣ 28676-ти душъ было показано:

Старообрядцевъ	54
Духоборцевъ	3256
Молоканъ	9229
Жидовствующихъ	1496
Духовидцевъ	44
Скопцовъ	42

Уже по внесеніи въ мои записки этихъ замѣтокъ о раскольникахъ я нашелъ въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи», 1864-го г. въ книгѣ II-й, донесеніе, сдѣланное въ 1844 году министру внутреннихъ дѣлъ о духоборцахъ и молоканахъ бывшимъ Тамбовскимъ губернаторомъ Корниловымъ, съ коимъ я совершенно согласенъ въ отношеніи вреда отъ распространенія въ Русскомъ простонародіи этихъ двухъ сектъ. Что же касается предлагаемыхъ имъ мѣръ, то онѣ, кажется, приняты не были, да и едва ли принесли бы пользу, кромѣ развѣ сокращенія переписки. Въ Закавказскомъ краѣ онѣ вовсе не примѣнимы. Замѣчательно, что здѣсь неизвѣстно ни одного случая совращенія въ раскольничью секту кого-либо изъ туземцевъ. Поэтому я и полагалъ бы полезнымъ, по мѣрѣ могущаго еще оказаться избытка въ свободныхъ казенныхъ земляхъ, водворять на нихъ изъ Русскихъ переселенцевъ преимущественно раскольниковъ, особенно изъ людей промышленныхъ и ремесленныхъ.

Со времени оставленія мною управленія государственными имуществами, мнѣ уже не случалось быть въ духоборческихъ поселеніяхъ Закавказскаго края. Но слышалъ я, что, при настоящемъ порядкѣ, по поступленіи ихъ въ исключительное завѣдываніе одними участковыми засѣдателями, бытовое устройство ихъ нисколько не подвигается впередъ, даже стало хуже, и что духоборцы еще болѣе чѣмъ прежде предоставлены самимъ себѣ. Пьянство между ними, всегда очень сильное,

дошло до крайней степени, также какъ и другіе низкіе инстинкты, не ограждаемые никакими стѣсненіями. Вообще можно сказать, что хотя нравственность и молоканъ тоже далеко не завидна, но все таки молокане едва ли не лучше духоборцевъ.

Окончивъ обозрѣніе духоборческихъ поселеній, я направился 4-го Сентября изъ послѣдняго ихъ селенія Троицкаго въ дальнѣйшій путь, сначала довольно ровный, хотя и лощинами, сближавшійся къ рѣчкѣ Арпачаю и Турецкой границѣ, затѣмъ гористый, каменистый, по косогорамъ, и снова ровнѣе только при спускѣ въ Александропольскую долину, гдѣ начинается гора Алагёзъ, вѣчно покрытая снѣгомъ. Александрополь расположенъ на пространной, возвышенной равнинѣ, довольно обширенъ и по наружности болѣе близокъ къ Европейскому типу. Домà, хотя и съ плоскими крышами, но довольно благообразные, выстроены изъ замѣчательно-мягкаго и гладкаго камня, составляющаго прекрасный матеріалъ для построекъ, который выламывается подлѣ самаго города. Улицы широкія, двѣ площадки; населеніе состоитъ главнѣйше изъ Армянъ, но есть Греки и Татары, поселенные въ отдѣльныхъ кварталахъ. Двѣ Армянскія церкви, не представляющія ничего особеннаго; садовъ нѣтъ, и только низменность въ Греческомъ кварталѣ насаждена ивами и тополями. Раздѣляющая Россію отъ Турціи рѣчка Арпачай протекаетъ въ одной верстѣ отъ города, а вблизи ея сооруженная второклассная крѣпость вновь исправлена и устроена, кажется, прочно и правильно, съ двумя бастіонами, изъ коихъ въ южномъ, такъ называемомъ Черномъ, содержатся арестанты, а въ сѣверномъ, Красномъ, выходящемъ на почтовую Тифлисскую дорогу, красивая, церковь, по внутренней и наружной отдѣлкѣ едва ли не лучшая въ Закавказскомъ краѣ, въ новомъ вкусѣ, во имя Св. Александры, съ иконостасами и ризницей, присланными императрицей Александрой Ѳеодоровной.

Окончивъ мои служебныя занятія въ Александрополѣ, я выѣхалъ 9-го Сентября по направленію къ Эчміадзину, резиденціи Армянскаго патріарха, главному святилищу и центру Армяно-григоріанской народности, въ родѣ католическаго Ватикана. Проѣзжалъ я чрезъ большія Армянскія селенія: Малый Караклисъ, Богускасаръ и Маштару, принадлежащія Эчміадзинскому монастырю. До этого мѣста дорога лежитъ по гористой и возвышенной мѣстности, но приближаясь къ деревнѣ Маштарѣ, спускается въ долину, гдѣ климатъ становится замѣтно умѣреннѣе и мягче: здѣсь жители производятъ уже, сверхъ хлѣба, сарачинское пшено, хлопчатникъ и имѣютъ значительное хлѣбопашество.

На другой день, пространство въ сорокъ верстъ, до селенія Сардаръ-Абада, тянулось мѣстами одичавшими вслѣдствіе запущенія водопроводовъ; но по сторонамъ виднѣлись слѣды многочисленнаго нѣ-

когда поселенія, разоренныхъ церквей, садовъ и крѣпости Талынь съ каменными стѣнами, еще хорошо уцѣлѣвшими. Сардаръ-Абадъ былъ нѣкогда Персидскою крѣпостію довольно обширныхъ размѣровъ; внутри ея теперь находится цѣлая Армянская деревня и домикъ, построенный въ проѣздъ Государя въ 1837 году для его ночлега. Мы здѣсь обѣдали и съ удовольствіемъ отдохнули послѣ чрезвычайно жаркаго дня и пыльной дороги. Здѣшнее Сентябрское солнце жгло жарче нежели у насъ въ Россіи Іюльское. При выѣздѣ изъ Сардаръ-Абада, виды совершенно измѣняются: съ правой стороны открывается на горизонтѣ колоссальный и величественный Араратъ, а слѣва остроконечная вершина Алагёза, и по обѣимъ сторонамъ хорошо обработанныя поля, орошаемыя множествомъ водопроводныхъ каналовъ, такъ что не видно ни клочка земли въ пустѣ лежащей. Ночлегъ мой былъ въ деревнѣ Карасу, гдѣ находилась прежде штабъ-квартира казачьяго полка. Здѣсь уже начинается настоящая Арменія, населенная очень густо. Жители отличаются трудолюбіемъ и исправностію во взносѣ податей; разбои и грабежи хотя случаются довольно часто, но происходятъ отъ потворства мѣстнаго начальства Куртинамъ, кочующимъ въ сосѣдствѣ.

Мѣстоположеніе страны отъ Карасу до Эчміадзина еще интереснѣе. Съ одной стороны красуются оба Арарата, Большой и Малый, съ прилегающими къ нимъ горами; съ другой Алагёзъ; между ними промежутокъ до восьмидесяти верстъ. Обѣ огромныя горы съ бѣлоснѣжными вершинами видны здѣсь еще яснѣе, и посѣвы разныхъ родовъ еще обширнѣе. Все занято хлѣбопашенными полями, рисомъ, хлопчатой бумагой, клещевиной. Разумѣется, всѣ эти поля поливныя, и потому вездѣ встрѣчаются канавы, пересѣкаемыя однакожъ порядочными мостиками. Зелени безконечная масса, а въ недальномъ разстояніи виднѣются безпрестанно большія деревни съ садами и рощами.

Видъ Эчміадзина не представляетъ ничего особенно величественнаго. Онъ расположенъ тоже на совершенной равнинѣ. Предъ монастыремъ селеніе; монастырь весь обведенъ глиняною оградою. При входѣ съ обѣихъ сторонъ въ два ряда покрытыя лавки съ разными товарами; соборная церковь окружена строеніями, на площадкѣ съ зеленью, и нѣсколькими деревьями, изъ коихъ два или три чинара, а прочія обыкновенныя ветлы. Изъ зданій наиболѣе красивое колокольня, самая же церковь напоминаетъ своей архитектурой Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ, какъ почти всѣ здѣшнія церкви старинной постройки. Внутри собора заслуживаетъ вниманія древняя стѣнная живопись и рѣзьба; но драгоцѣнностей немного, такъ же, какъ и въ ризницѣ. Есть нѣсколько мощей, особо чтимыхъ святынь, изъ коихъ важнѣйшія: копіе, коимъ пронзили бокъ Христа-Спасителя на крестѣ, кусокъ отъ Ноева

ковчега (какъ тамъ въ это твердо вѣрятъ), черепъ св. Репсиміи и другія. Когда показываютъ эти священные предметы, монахи торжественно выносятъ ихъ изъ алтаря, гдѣ они хранятся, при пѣніи молитвословій и разставляютъ на столѣ. Есть цѣнные по работѣ кресты, жезлы, митры и ризы, украшенныя каменьями, но кажется, не слишкомъ дорогими и безъ всякой отдѣлки. Замѣчательнѣе искусное шитье изъ жемчуговъ на ризахъ съ ликами святыхъ. Была здѣсь когда-то митра, украшенная превосходнымъ, рѣдкимъ по достоинству и величинѣ изумрудомъ, составлявшимъ гордость патріаршей ризницы. Теперь о ней остались одни горькія воспоминанія. Въ тридцатыхъ годахъ, одна высокопоставленная дама, плѣнившись митрой, обратилась съ просьбой къ Эчміадзинской администраціи одолжить ей на короткое время митру, чтобы снять съ нея точный рисунокъ. Монахамъ крѣпко не понравилось это предложеніе; но, не смѣя противиться предержащей власти, они, скрѣпя сердце, отправили съ избранной, довѣренной депутаціей свою драгоцѣнность въ Тифлисъ. Срисовываніе продолжалось долго, многіе мѣсяцы, однако окончилось, и митра возвращена въ Эчміадзинъ; только вмѣсто дорогаго изумруда оказалось самое обыкновенное, дешевое, зеленое стекло. Монахи застонали, заохали и охаютъ до сей поры, съ прискорбіемъ и поникшими главами разсказывая объ этой горестной метаморфозѣ, съ которой никакъ не могутъ свыкнуться и помириться, хотя болѣе имъ ничего не оставалось дѣлать, такъ какъ сила солому ломитъ. При самоуправномъ Персидскомъ владычествѣ Эриванскіе сардары, со всѣмъ своимъ Азіятскимъ, безцеремоннымъ отношеніемъ къ чужому имуществу, не посягнули на захватъ монастырской собственности; Русской же дамѣ ея Европейская цивилизація и высокое общественное положеніе нисколько не воспрепятствовали превзойти въ алчности Персидскихъ сардаровъ. Эта интересная исторія въ свое время надѣлала много шума и толковъ. Поговорить поговорили, тѣмъ и кончилось; только въ Эчміадзинѣ все еще охаютъ.

Въ числѣ любопытныхъ вещей въ церкви выдается изящной работой образъ Богоматери на эмали и тонкой рѣзьбой и патріаршій тронъ, подаренный нѣкогда Римскимъ папой, кажется Климентомъ XII-мъ. При монастырѣ устроена типографія духовныхъ Армянскихъ книгъ; есть также обширная библіотека, помѣщенная въ нѣсколькихъ большихъ комнатахъ подъ чердакомъ, набитыхъ тѣсно и безпорядочно Армянскими книгами и рукописями. Говорятъ, здѣсь много древнихъ библій, изъ коихъ я видѣлъ одинъ экземпляръ оригинально раскрашенный яркими красками на пергаменѣ. Хозяева монастыря, Эчміадзинскіе монахи, по наружности сытые, румяные, щеголевато одѣтые, замѣтно опрятнѣе и благовиднѣе нежели Армянское духовенство въ другихъ мѣстахъ. Ихъ

трапезная состоитъ изъ длиннаго, узкаго коридора, въ которомъ столъ и скамьи по обѣимъ сторонамъ его, сплошные, каменные. Въ помѣщеніи патріарха (тогда находившагося въ Тифлисѣ) три пріемныя комнаты украшены рѣзьбой съ разноцвѣтными узорчатыми стеклами; картины на стѣнахъ бо́льшею частію довольно грубой работы. Въ гостиной, на возвышеніи, стоитъ широкое, особой конструкціи кресло въ родѣ трона, присланное, какъ намъ сказали сопровождавшіе насъ монахи, изъ Индіи; а всѣ четыре стѣны, почти отъ потолка до пола, разрисованы сплошь красками альфреско, въ видѣ и размѣрѣ небольшихъ отдѣльныхъ квадратныхъ картинъ, изображающихъ мученія, которыми истязали Св. Григорія просвѣтителя Арменіи, по повелѣнію царя Тиридата, наперсника императора Діоклитіана. Картины въ художественномъ отношеніи не имѣютъ никакаго значенія; но количество и разнообразіе изображенныхъ истязаній заставляютъ удивляться неистощимой изобрѣтательности истязателя, или, можетъ быть, чрезмѣрному увлеченію усердіемъ и воображеніемъ рисовавшаго художника. Св. Григорій вездѣ представленъ нагой, и иныя пытки такъ необыкновенны, что невольно недоумѣваешь, какъ на счетъ чудовищной жестокости ихъ, такъ и на счетъ весьма неудобнаго помѣщенія ихъ на стѣнахъ гостиной. Я бы не желалъ находиться здѣсь въ обществѣ дамъ. А между тѣмъ патріархъ принимаетъ здѣсь всѣхъ дамъ, посѣщающихъ его, принималъ и княгиню Е. К. Воронцову. Нѣкоторые изъ мужчинъ, присутствовавшихъ при этомъ посѣщеніи, говорили потомъ, что чувствовали себя несовсѣмъ ловко и не знали куда поворотить глаза, чтобы не смотрѣть на стѣны.

Я обѣдалъ у архіепископа Луки, человѣка очень неглупаго, хитроватаго и популярнаго у своей паствы. Онъ замѣнялъ патріарха въ его отсутствіе. Обѣдъ былъ обильный, но безвкусіе пробивалось во всемъ. Столовая посуда, старинная, вѣроятно дорогая, доставленная изъ какихъ-то далекихъ заморскихъ странъ, судя по содержанію сдѣланныхъ на ней узоровъ и рисунковъ, частію рельефныхъ, очевидно произведена спеціально по предназначенію въ святую обитель, потому что представлены различныя сцены изъ Священнаго Писанія. На тарелкахъ такія изображенія, имѣя видъ образовъ, казались совсѣмъ неумѣстными и иногда съ непривычки вынуждали отказываться отъ кушанья. Напримѣръ, на жаркое подали жареную индюшку, а на тарелкѣ нарисованъ образъ Благовѣщенія; какая же возможность ѣсть на такой тарелкѣ, даже просто по чувству приличія?

Эчміадзинъ изобилуетъ водою. Незадолго предъ тѣмъ разведенъ садъ въ большомъ размѣрѣ съ прекраснымъ огромнымъ бассейномъ. Говорятъ, впослѣдствіи, патріархъ Нерцесъ обратилъ особое вниманіе

на садъ и привелъ его въ отличное состояніе. Въ одной верстѣ отъ монастыря находится принадлежащій ему обширный виноградникъ, а также большія житницы съ хлѣбомъ.

Послѣ обѣда я выѣхалъ въ Эривань, отстоящую на двадцать верстъ отъ Эчміадзина. По пути встрѣчаются деревни, красиво расположенныя среди садовъ, зелени, деревьевъ, вездѣ много воды. Дорога довольно ровная, но дѣлается неровной и каменистой по мѣрѣ приближенія къ Эривани. Этотъ городъ былъ въ то время еще уѣзднымъ и совершенно сохранилъ видъ Азіатскій; при въѣздѣ въ предмѣстье высокія глиняныя стѣны окружали пространные сады, тянущіеся версты на три до рѣки Занги, на берегу которой раскинутъ на значительномъ пространствѣ бывшій сардарскій садъ, сильно запущенный, но еще сохранившій слѣды прежняго великолѣпія. Главную красу его теперь составляютъ необыкновенной величины роскошные тополи, и посреди сада нѣкогда прелестный кіоскъ, по обычаю съ разноцвѣтными узорчатыми стеклами очень эффектно подобранными, къ сожалѣнію приходящій въ явный упадокъ. Видъ крѣпости отсюда чрезвычайно живописенъ: стѣны съ высокими башнями возвышаются надъ самой Зангой, съ шумомъ и ревомъ текущей внизу. Впрочемъ крѣпостныя стѣны уже распадались, и вскорѣ затѣмъ крѣпость вовсе уничтожена. Чрезъ рѣку хорошій древній мостъ, тоже приходящій въ разрушеніе, и при немъ водохранилище, снабжающее водою весь Зангибарскій магалъ. За рѣкой сейчасъ же начинается крутая гора до самаго города, расположеннаго, какъ и предмѣстье, то есть домовъ вовсе нигдѣ не видно, а видны только высокіе глиняные заборы и за ними деревья; лишь базаръ помѣщается на отдѣльной площади, открыто на виду. Единственный любопытный предметъ въ тогдашней Эривани былъ сардарскій дворецъ, или, вѣрнѣе сказать, его скудные остатки, съ садомъ, постройками гарема и другихъ принадлежностей. Внутри дворца лучше всего уцѣлѣла зеркальная зала, стѣны которой выложены кусочками зеркалъ, очень красиво и оригинально, и украшены портретами разныхъ шахзаде и сардаровъ, замысловатой Персидской работы. Въ нижнемъ этажѣ сберегается комната, гдѣ провелъ ночь покойный императоръ Николай Павловичъ, написавшій карандашомъ на бѣлой стѣнѣ число того дня и свое имя. Это мѣсто на стѣнѣ окружено рамкой подъ стекломъ, и потому надпись явственно сохранилась.

Изъ Эривани и Эчміадзина Араратъ видѣнъ какъ на ладонѣ, во всей красотѣ своего величія, освященнаго Библейскимъ сказаніемъ. Съ этой стороны знаменитая гора отличается отъ всѣхъ горъ той особенностію, что не находится въ общей цѣпи или группѣ горъ, а стоитъ какъ бы совершенно отдѣльно на равнинѣ, особнякомъ, какъ ги-

гантскій памятникъ, вполнѣ достойный, по облекающей его несравненной грандіозности, своего ветхозавѣтнаго значенія. Малый Араратъ, прилегающій къ нему въ видѣ сахарной головы, возвышается возлѣ него какъ часовой на стражѣ предъ великимъ свидѣтелемъ міроваго катаклизма, составляющаго историческое преданіе всѣхъ народовъ земнаго шара. Всѣ мѣстные жители относятся къ Арарату съ большимъ благоговѣніемъ. Въ Эривани и вообще во всей этой мѣстности, почти во всѣхъ туземныхъ домахъ, церквахъ, мечетяхъ, вездѣ встрѣчаешь на наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ и потолкахъ нарисованныя красками изображенія горы, съ ковчегомъ на верхушкѣ. Туземцы непоколебимо убѣждены, что на Араратъ взойти невозможно, ревниво отстаиваютъ это убѣжденіе, и разувѣрить ихъ нельзя. Напрасно ссылаться на Обовьяна, академика Абиха, генерала Ходзько, которые всходили на Араратъ: туземцы не повѣрять, считая даже предположеніе о томъ за нѣчто въ родѣ преступнаго святотатства. Эта упорная увѣренность связана со священною легендой о святомъ Іаковѣ, который будто бы хотѣлъ взойти на Араратъ для отысканія остатковъ Ноева ковчега, но на половинѣ пути заснулъ и увидѣлъ въ сновидѣніи ангела, возвѣстившаго ему, что нѣтъ верховной воли на то, чтобы нога человѣческая могла попирать вершину Арарата, но, снисходя къ благочестивому желанію святаго человѣка, ему даруется частица отъ ковчега. При этомъ ангелъ вручилъ ему ее. Проснувшись, св. Іаковъ увидѣлъ себя лежащимъ снова внизу, у подножія горы, а возлѣ—кусокъ отъ ковчега. Этотъ кусокъ хранится до сихъ поръ, какъ святыня, въ числѣ мощей Эчміадзинскаго собора. Мнѣ его показывали; онъ темнаго цвѣта, по вѣсу и ощупи нѣчто въ родѣ окаменѣлаго дерева.

Ближайшія окрестности колоссальной горы мало обитаемы, почти пустынны и посѣщаются только кочующими Курдами. Было тамъ одно селеніе, существовавшее съ незапамятныхъ временъ, но окончившее свое бытіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ самымъ внезапнымъ и трагическимъ образомъ. Это случилось въ 1840-мъ году. У подножія Арарата процвѣтало большое, богатое Армянское селеніе Архури, гордо называвшее себя «первымъ поселеніемъ», такъ какъ, по многовѣковымъ преданіямъ, оно было основано чуть ли не самимъ Ноемъ, а жители его считали себя прямыми потомками Гайка, правнука Ноева, родоначальника Армянской народности и основателя Армянскаго царства, по имени котораго Армяне доселѣ называются также Гайканцами. Поселеніе было промышленное, торговое, хорошо устроенное, съ прекрасными садами, богатыми церквами и состоятельными жителями, изъ коихъ многіе владѣли значительными капиталами и вели обширную торговлю. Въ 1840 году, лѣтомъ, въ одинъ праздничный день, дере-

венскіе пастухи, по обыкновенію, на разсвѣтѣ, погнали изъ Архури стада на пастбище въ поле. Нѣсколько часовъ спустя, позднѣе утромъ, они слышали церковный звонъ, призывавшій къ обѣднѣ. Затѣмъ около полудня они услыхали какой-то отдаленный, глухой гулъ, и вскорѣ послѣ того послѣдовало нѣчто странное: вдругъ стало какъ-то темнѣть, какъ бы смеркаться; солнце, предъ тѣмъ ярко свѣтившее, помрачилось, сдѣлалось почти совсѣмъ темно, въ воздухѣ распространилось что-то удушливое, запиравшее дыханіе и слѣпившее глаза. Наконецъ пастухи распознали, что это произошло отъ какой-то нахлынувшей пыли и мелкой земли, которыя густой, непроницаемой тучей наполнили весь воздухъ. Такъ продолжалось довольно долго, а потомъ начало понемногу постепенно проясняться. Къ вечеру пастухи погнали свои стада обратно въ деревню. Дорога была имъ хорошо знакома (всю жизнь они только и дѣлали, что два раза въ день гоняли по ней стадо; въ числѣ ихъ находился семидесятилѣтній старикъ, проведшій жизнь въ этомъ занятіи). Они шли, шли и никакъ не могли дойти до деревни. Они не понимали, что съ ними сдѣлалось, куда они зашли, куда дѣвалась деревня; думали, что сбились съ пути, ходили, искали, блуждали и не находили деревни: деревня исчезла! Всю ночь пастухи пробродили за поисками селенія и не нашли его. На другой день уже, выбившись изъ силъ, внѣ себя отъ перепуга, какъ обезумѣвшіе, добрели они до ближайшей, довольно далекой деревни, съ объявленіемъ необычайной вѣсти—Архури пропало! Нѣтъ его! Ихъ приняли за сумасшедшихъ и не торопились провѣрить ихъ показаніе; когда же рѣшились отправиться на розыски, то дѣйствительно Архури не отыскалось нигдѣ: оно исчезло съ лица земли, сгинуло безслѣдно. Недоумѣніе продолжалось не долго, гибельная катастрофа объяснилась немедленно и просто: съ Арарата свалился земляной обвалъ, и безмѣрная масса земли, мгновенно ринувшись съ огромной высоты, погребла заживо нѣсколько тысячъ человѣкъ, спокойно отдыхавшихъ отъ трудовъ недѣли и праздновавшихъ воскресный день послѣ обѣдни. Тотчасъ по извѣщеніи о событіи, прискакалъ уѣздный начальникъ, собрались мѣстныя власти, сбѣжался народъ; приняли всѣ зависѣвшія мѣры, дѣлали всевозможныя попытки, чтобы посредствомъ раскопокъ добраться до засыпаннаго селенія, но всѣ усилія остались тщетными. Сколько ни бились, сколько ни копали, ни до чего ни докопались. Цѣлая гора земли, обрушившейся на деревню, похоронила ее такъ глубоко, что не нашлось человѣческихъ средствъ достигнуть до нея. Втеченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ, отъ времени до времени принимались за новыя раскопки, копали въ разныхъ мѣстахъ, но все также безплодно. Курды, кочующіе въ этой мѣстности, зная, сколько богатствъ въ вещахъ, то-

варахъ и деньгахъ тамъ погребено, привлекаемые лакомой добычей, съ своей стороны усердно трудились потихоньку, роясь въ землѣ по всѣмъ направленіямъ, и также безуспѣшно. Земля не выдала того, что̀ захватила въ свои нѣдра безвозвратно. Полагаютъ, что главною причиной обвала были колебанія земли, которыя въ этомъ году, болѣе или менѣе сильно, длились все лѣто по всей Армянской области. Въ Эривани землетрясенія повторялись такъ часто, что большая часть жителей переселилась за городъ, въ поле, и жила въ палаткахъ.

При выѣздѣ изъ Эривани по Тифлисской дорогѣ, пространство верстъ на семь состоитъ изъ садовъ. Дорога крайне трудная и каменистая. Здѣсь же проложена инженерами путей сообщенія и искусственная дорога, на которую потрачено много времени и денегъ, но которая до того запущена, что и сами инженеры не могутъ различить гдѣ идетъ старая, природная, а гдѣ новая, возведенная ими дорога. По пути я заѣзжалъ въ лѣтнее мѣстопребываніе Эриванскаго чиновничества «Дарадзичагъ». Мѣстность хорошая, на горѣ и окруженная горами, отчасти покрытыми небольшими деревьями и кустарникомъ, весною богатая растительностію и множествомъ цвѣтовъ, которые теперь погорѣли отъ солнца. Она имѣетъ физіономію напоминающую Крымскую колонію Нейзацъ. Въ Дарадзичагѣ замѣчательны двѣ уже начавшія разрушаться Армянскія церкви и одна часовня, коимъ, говорятъ, болѣе тысячи лѣтъ, прекрасной и даже изящной архитектуры; отдѣлка, легкость зданія, тонкая работа рѣзныхъ орнаментовъ на камнѣ и правильное расположеніе удивительно хороши. Къ сожалѣнію, куполъ уже обрушился. Стоило бы ихъ поддержать или возобновить. Это, кажется, лучшія изъ видѣнныхъ мною древнихъ зданій въ Грузіи. Дома̀ чиновниковъ здѣсь бивуачнаго вида и постройки, и только два дома, уѣзднаго начальника и судьи, имѣютъ наружность какъ бы настоящихъ домовъ. При Дарадзичагѣ основано небольшое молоканское селеніе.

Эриванскій уѣздъ особенно отличается изобиліемъ водопроводныхъ канавъ, но почти всѣ онѣ въ крайнемъ запущеніи, и въ распредѣленіи воды происходятъ большіе безпорядки. По этой части народнаго хозяйства, при Персидскомъ владычествѣ, какъ увѣряютъ, все шло гораздо̀ лучше, особенно при послѣднемъ Эриванскомъ ханѣ. Во время моего управленія государственными имуществами, неоднократно дѣлались различныя предположенія и распоряженія объ отвращеніи этого зла. Князь Воронцовъ заботился и не жалѣлъ денегъ на эти предпріятія; денегъ истрачено много, но полезнаго сдѣлано мало, отъ нераспорядительности, неспособности и ошибокъ мѣстныхъ исполнителей, не исключая и спеціальныхъ инженеровъ, которые, впрочемъ,

иногда замѣнялись ничего въ этомъ дѣлѣ несвѣдущими чиновниками. Изъ Дарадзичага я направился почтовымъ трактомъ въ дальнѣйшій путь къ Тифлису. Путь пролегалъ по берегу Гокчинскаго озера, по вновь устроенной искусственной дорогѣ, хотя нѣсколько получше той, которая проведена изъ Эривани, но тѣмъ не менѣе не заслуживающей ни малѣйшаго похвальнаго отзыва. Въ иныхъ мѣстахъ она подымается совсѣмъ отвѣсно надъ озеромъ и наклонно къ нему, что̀ небезопасно, такъ какъ окраина ея не ограждена никакими перилами, ни заборомъ; а потому ничего нѣтъ легче какъ свалиться съ высокаго обрыва въ воду, особенно зимою, при гололедицѣ, что̀ и случалось и было причиной гибели людей. Однажды туда свалилось нѣсколько проѣзжавшихъ молоканскихъ повозокъ, съ лошадьми и людьми.

Озеро Гокча, называвшееся въ древности Лихнитъ, по своей величинѣ (60 верстъ въ длину и около 30-ти въ ширину) и глубинѣ, похоже на маленькое море, окруженное со всѣхъ сторонъ горами; въ немъ много рыбы, между прочимъ превосходная, крупная лаксфорель, какой нигдѣ нѣтъ въ краѣ. Изъ водъ его выступаетъ островомъ высокая скала Севанга, на дикихъ вершинахъ которой воздвигнутъ Армянскій монастырь того же имени, служащій иногда мѣстомъ заточенія или исправленія для провинившихся монаховъ. По наблюденіямъ академика Абиха, какъ онъ передавалъ мнѣ, озеро заключаетъ въ себѣ ту особенность, что регулярно два раза въ день, въ извѣстные часы, вода его нѣсколько повышается и понижается, на подобіе приливовъ и отливовъ. Абихъ затруднялся объясненіемъ причины такого явленія и рѣшительно не понималъ его, такъ какъ не могъ допустить возможности какого-нибудь подземнаго сообщенія озера Гокчи съ океаномъ, и чтобы это движеніе воды могло происходить по дѣйствію на нее океанскихъ приливовъ и отливовъ: разстояніе между ними слишкомъ велико, и Гокча стоитъ почти на шесть тысячъ футовъ выше уровня морскихъ водъ. Скорѣе можно было бы это отнести къ дѣйствію вулканической дѣятельности: множество окаменѣвшей лавы, базальта, обседіана, а также коническіе холмы съ воронкообразными углубленіями около озера, даютъ поводъ думать, что тамъ нѣкогда были вулканы, что̀ подтверждается и частыми донынѣ землетрясеніями, доказывающими продолжающуюся работу ихъ, хотя и скрытую. Но тутъ представляется другое затрудненіе: при вулканическомъ дѣйствіи движеніе воды не могло бы имѣть никакой правильности и одновременности. Эта странность остается неразрѣшимой загадкою природы.

Отъ Армянскаго селенія Чубухлы дорога расходится съ озеромъ и, сворачивая въ сторону, подымается на высокій хребетъ горы, а затѣмъ тянется по спуску съ нея девять верстъ и входитъ въ Делижан-

ское ущелье, которое по живописности своего мѣстоположенія дѣйствительно можетъ назваться очаровательнымъ. Со обѣихъ сторонъ его, горы, самыхъ разнообразныхъ формъ, обросшія густымъ лѣсомъ, источники и безпрестанно измѣняющіеся виды по извилинамъ вьющейся дороги. Проведена также и искусственная дорога, но только на нѣсколько верстъ. По всему этому пространству, до самаго селенія Большаго Караклиса, водворено шесть или семь новыхъ раскольничьихъ поселеній, гдѣ были смѣшано поселяемы и молокане, и жидовствующіе, и субботники, и старообрядцы. Вслѣдствіе ихъ религіозныхъ раздоровъ и предоставленія ихъ въ хозяйственномъ устройствѣ самимъ себѣ, они не достигаютъ той степени благосостоянія, на которой могли бы быть, если бы были порядочнѣе и трудолюбивѣе; но тѣмъ не менѣе они полезны здѣсь, хоть какимъ ни на есть устройствомъ домовъ и своей промышленностію, коими все-таки превосходятъ туземныхъ поселянъ. Селеніе Головино, пять верстъ не доѣзжая ущелья, имѣло бы всѣ способы сдѣлаться прелестной деревушкой, если бы тамъ жили добропорядочные люди. Близъ Делижана хорошій каменный мостъ и станція съ деревней расположены также въ очень красивой мѣстности. Вообще это ущелье, по красотѣ и разнообразію видовъ, одно изъ самыхъ живописныхъ, какія мнѣ встрѣчались въ Закавказскомъ краѣ. Отъѣхавъ съ версту отъ Делижана, я остановился ночевать въ новомъ Русскомъ поселеніи, основанномъ около года предъ тѣмъ, въ прекрасномъ мѣстѣ, въ лощинѣ, на берегу рѣчки Акстафы. Квартира моя, хотя была въ лучшемъ, недавно построенномъ домѣ, но спать мнѣ пришлось плохо, по причинѣ безчисленнаго множества таракановъ и прусаковъ, которые миріадами наполняли комнату. Эти насѣкомые составляютъ неизбѣжную принадлежность каждаго молоканскаго дома. Сопровождавшій меня инженеръ поручикъ Бекманъ пробовалъ ихъ истреблять и придумалъ даже для этого оригинальный способъ на основаніи военной хитрости и инженернаго искусства. Взявъ сковороду, онъ поставилъ ее на столъ, посыпалъ на нее небольшую кучку пороха и положилъ сверху кусочекъ хлѣба; въ туже минуту все это покрылось такимъ толстымъ слоемъ прусаковъ, сбѣжавшихся на хлѣбъ, что сковорода подъ ними исчезла изъ вида. Тогда Бекманъ зажегъ длинную палочку и, просунувъ ее въ массу копошившихся звѣрковъ, поджегъ порохъ: мгновенно раздался взрывъ, и прусаки взлетѣли на воздухъ, какъ Турки при Наваринскомъ боѣ. Но торжество военнаго искусства продолжалось недолго: не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ вновь прибывшія несмѣтныя стаи съ избыткомъ пополнили недочетъ своихъ погибшихъ собратій.

Изъ Армянскаго селенія Большой Караклисъ я своротилъ съ почтоваго тракта въ горы, сначала по ущелью, а потомъ на перевалъ черезъ громадную гору Безобдалъ. Съ вершины его открылся превосходный видъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ, на очень обширное пространство, покрытое безчисленными оттѣнками и переливами зелени плодородныхъ полей, долинъ, луговъ и лѣсныхъ дебрей, виднѣвшихся со всѣхъ сторонъ. Особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ огромныя скалы, на подобіе развалинъ двухъ крѣпостей, которыя у туземцевъ называются «Братомъ и Сестрой». Спускъ съ Безобдала, болѣе четырехъ верстъ, приводитъ къ дорогѣ въ военное поселеніе Гергеры, гдѣ мнѣ приготовленъ былъ ночлегъ. Это прекрасная долина, обильная растительностію, окруженная горами и болотистой почвой; тамъ квартировала артилерійская батарея, и въ то время находилась на жительствѣ рота женатыхъ солдатъ. Въ семи верстахъ оттуда расположено также военное артилерійское поселеніе въ Армянской деревнѣ Джелалъ-оглу или, какъ назвали Русскіе, Каменкѣ; чрезъ нее я проѣхалъ въ Лорійскую степь, гдѣ были вновь поселены двѣ большія молоканскія деревни Саратовка и Воронцовка.

Князь Воронцовъ поручилъ мнѣ согласить до трехъ сотъ семей молоканъ перейти на постоянное жительство въ эти мѣста, на упомянутой степи, съ платежомъ, по условію, оброка князьямъ Орбеліановымъ. Объ этой степи происходилъ тогда процессъ между казною и князьями Орбеліановыми, которыхъ князь Воронцовъ считалъ имѣющими неоспоримое право на принадлежность имъ степи. Этотъ процессъ былъ довольно оригинальный, и потому считаю не излишнимъ изложить его нѣсколько пространнѣе.

Лорійская степь находится почти на полпути прямой дороги изъ Тифлиса въ Александрополь. Сначала она принадлежала къ Эриванской губерніи, а въ послѣдніе годы причислена къ Тифлисской. Эта степь входила нѣкогда въ пространство земель, составлявшихъ область Самхетію, владѣтелями коей были, какъ говорятъ, князья Орбеліановы и ихъ предки, еще съ XII-го вѣка. Но нераздѣльный составъ Самхетіи уничтожился уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ различныя части этого пространства были или вольнымъ пастбищемъ для всѣхъ кочующихъ народностей, или временно принадлежали тѣмъ, коимъ онѣ отдавались пожизненно царями Грузіи и мусульманскими владѣтелями. Собственная Лорійская степь заключаетъ въ себѣ пространство около ста тысячъ десятинъ земли, богатой водою, растительностію, плодородіемъ и особенно тучными пастбищами. На эту-то часть князья Орбеліановы, потомки древнихъ обладателей ея (по увѣреніямъ ихъ) и пытались въ послѣдніе два года разновременно

предъявлять свои права, какъ на лучшую часть Самхетіи, и представляли въ доказательство справедливости этой претензіи разные документы, изъ коихъ однакожъ ни одинъ не былъ признанъ дѣйствительнымъ. Хотя впродолженіе долгаго времени нѣкоторые изъ князей Орбеліановыхъ и пользовались временно отдѣльными участками этой степи, но не по праву владѣльцевъ-собственниковъ, а какъ откупщики солевозной дороги изъ Александрополя въ Тифлисъ, платя своимъ Грузинскимъ царямъ откупную сумму за право взиманія пошлинъ съ солевозцевъ и другихъ проѣзжающихъ по этому тракту. Съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи и водвореніемъ здѣсь Русскаго правительства, князья Орбеліановы предприняли рядъ попытокъ къ завладѣнію Лорійской степью. Но всѣ эти попытки, до пріѣзда въ Грузію князя Воронцова, были найдены незаслуживающими вниманія. Ермоловъ рѣшительно призналъ ихъ документы фальшивыми; тоже самое признали сенаторы Мечниковъ и графъ Кутайсовъ, ревизовавшіе Закавказскій край, и даже воспретили принимать впредъ прошенія отъ князей Орбеліановыхъ по этому предмету. Послѣ сего Лорійская степь была объявлена непосредственною принадлежностію казны. Въ видахъ благоустройства края эта мѣра была весьма полезна, ибо не далѣе какъ въ ста верстахъ отъ Тифлиса она открывала возможность водворить на плодородныхъ земляхъ болѣе трехъ тысячъ семей Нѣмецкихъ и Русскихъ колонистовъ, которые, при трудолюбіи и промышленности, могли по умѣренной цѣнѣ снабжать городъ Тифлисъ и квартирующія въ немъ войска всѣми жизненными потребностями; а въ этомъ и теперь еще существуетъ недостатокъ, который тридцать лѣтъ тому назадъ ощущался еще сильнѣе. Сначала колонизація на этихъ земляхъ шла медленно: съ 1823 года тамъ водворено шесть деревень Армяно-католиковъ, а съ 1843-го года двѣ деревни прибывшихъ сюда изъ Россіи молоканъ – до трехъ сотъ семействъ. Между тѣмъ, послѣ выбытія Ермолова и отъѣзда ревизовавшихъ сенаторовъ, при частой перемѣнѣ главноуправляющихъ, князья Орбеліановы возобновляли свои претензіи на Лорійскую степь, имѣя на своей сторонѣ судебныя мѣста, наполненныя ихъ клевретами. И вотъ въ началѣ 1845-го года, когда въ Тифлисъ пріѣхалъ намѣстникомъ князь Воронцовъ, дѣло о Лорійской степи приняло другой оборотъ.

Не излишне будетъ здѣсь упомянуть объ особенномъ случаѣ, породившемъ въ князѣ Михаилѣ Семеновичѣ увѣренность, что эта степь принадлежитъ безспорно Орбеліановымъ. Еще въ ранней его юности, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ, онъ состоялъ адъютантомъ при князѣ Циціановѣ, главнокомандующемъ въ Грузіи, и въ 1802-мъ году, по какой-то служебной надобности, былъ командированъ имъ въ

Александрополь. Князья Орбеліановы, изыскивавшіе всевозможныя средства привлечь на свою сторону вліятельныхъ людей по дѣлу о Лорійской степи, уговорили молодого графа ѣхать прямою дорогою черезъ ихъ будто бы владѣнія, во всю дорогу принимали, угощали, увеселяли его всѣми зависѣвшими отъ нихъ способами и постоянно внушали и обращали его вниманіе на то, что все это пространство принадлежало и принадлежитъ ихъ роду, составляя ихъ неотъемлемую собственность съ самаго древнѣйшаго времени. Юный графъ, вовсе не знавшій сущности дѣла, слѣпо имъ вѣрилъ и утвердился къ мысли, что все это точно такъ. Съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ, и по прибытіи бывшаго адъютанта Циціанова полновластнымъ главой края, Орбеліановы тотчасъ подняли передъ нимъ вопли по новоду отнятія у нихъ Лорійской степи. Князь (тогда еще графъ) Воронцовъ счелъ это величайшею несправедливостію, и никакіе доводы людей совершенно безпристрастныхъ къ этому дѣлу не могли его разувѣрить: всѣ ихъ объясненія онъ называлъ шиканствомъ, подъячествомъ и даже сильно негодовалъ не только на тѣхъ, которые по долгу службы пробовали разъяснять ему это, но и на добросовѣстныхъ лицъ изъ туземцевъ, пытавшихся тоже доказать ему: такъ живо сохранилось въ немъ впечатлѣніе молодости. Палата Государственныхъ Имуществъ и бывшій губернаторъ Жеребцовъ, защищавшіе права казны, подверглись окончательно его неблаговоленію. Онъ предписалъ дать скорѣйшій ходъ иску князей Орбеліановыхъ въ Уѣздномъ Судѣ и Гражданской Палатѣ, и когда рѣшеніе ихъ поступило къ нему на утвержденіе, приказалъ представить дѣло на разсмотрѣніе Сената съ положительнымъ выводомъ, что Лорійская степь неоспоримо должна быть собственностію князей Орбеліановыхъ. Все это было изложено такимъ образомъ, якобы земля несправедливо оспаривается казною у Орбеліановъ, тогда какъ въ существѣ вопросъ состоялъ о земляхъ, оспариваемыхъ Орбеліановыми у казны и земляхъ, правà на которыя Орбеліановыхъ были дотолѣ уже неоднократно разсмотрѣны, уничтожены и опровергнуты нѣсколькими рѣшеніями, какъ сказано выше. Эту послѣднюю, фактическую сторону предмета въ изложеніи рапорта въ Сенатъ велѣно цѣликомъ выпустить. Но такъ какъ представленіе въ такомъ видѣ никого кромѣ князя Воронцова не интересовало, и онъ самъ его не читалъ, то въ немъ и вкрались ссылки противорѣчащія однѣ другимъ; потому что въ изложеніи дѣла было прописано то, чтò въ дѣлѣ находилось, а заключеніе оказывалось противно смыслу фактовъ находившихся въ дѣлѣ, чтò въ послѣдствіи, при исполненіи на мѣстѣ, и послужило поводомъ къ затрудненіямъ въ этомъ исполненіи безъ новаго рѣшенія.

Сенатъ, довольно лаконически, какъ бы прочитавъ одно лишь заключеніе въ представленіи, постановилъ, что права князей Орбеліановыхъ на Лорійскую степь оспариваются казною неправильно, и утвердилъ во всемъ мнѣніе князя Воронцова. Указъ о томъ, по полученіи въ экспедиціи государственныхъ имуществъ, былъ переданъ для приведенія въ исполненіе въ Эриванское Губернское Правленіе, которое весьма естественно встрѣтило затрудненіе въ исполненіи указа, по совершенной несообразности заключенія, не только съ тѣми фактами, кои имѣлись въ дѣлахъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, но даже съ предшествовавшимъ заключенію изложеніемъ хода дѣла въ самомъ указѣ Сената. Къ этой странной нескладицѣ присоединилось еще новое, не менѣе неудобное усложненіе; ибо возвращенный при указѣ планъ земли, представленный Сенату изъ канцеляріи намѣстника Кавказскаго, оказался вовсе негоднымъ къ руководству для выполненія сенатскаго указа, такъ какъ этотъ указъ относился ко всей Лорійской степи (состоявшей приблизительно изо ста тысячъ десятинъ земли), а на представленномъ планѣ были внесены только лишь части земли въ количествѣ 8645 десятинъ, предназначавшіяся для поселенія молоканъ. Это произошло потому, что канцелярія намѣстника, исполняя буквально прихотливое желаніе его, вовсе не заботилась о томъ, чтобы представить планъ, какой слѣдовало, а не входя ни въ какія разбирательства, по приказанію просто «представить планъ», приложила къ рапорту въ Сенатъ первый попавшійся планъ Лорійской степи, изъ множества частныхъ ея плановъ, находившихся въ канцеляріи.

При такомъ положеніи вещей, Эриванское Губернское Правленіе продержало это дѣло у себя нѣсколько лѣтъ, безъ всякаго движенія. Когда же, по жалобамъ князей Орбеліановыхъ, оно получило нѣсколько подтвержденій, и наконецъ строгихъ, о немедленномъ исполненіи, то представило донесеніе о своихъ недоумѣніяхъ и затрудненіяхъ главному управленію. Оказалась неизбѣжная необходимость разъяснить недоразумѣнія и развязать путаницу. Между тѣмъ время уходило, началась Севастопольская война, Воронцовъ выбылъ изъ края. Новый намѣстникъ генералъ Муравьевъ, пріѣхавшій въ Тифлисъ черезъ годъ послѣ отъѣзда князя, не находя возможности разрѣшить такую задачу самому, представилъ о томъ въ Кавказскій Комитетъ, требуя отъ него сего разрѣшенія. Въ заключеніи своего представленія Муравьевъ писалъ, что, по его мнѣнію, опредѣленіе Правительствующаго Сената и все дѣло по этому предмету требуютъ новаго пересмотра. Къ представленію онъ присоединилъ два плана: первый, тотъ самый, оказавшійся негоднымъ для соображенія по исполненію сенатскаго указа; второй — найденный въ кабинетѣ князя Воронцова по его отъѣздѣ.

Обстоятельства относящіяся къ послѣднему, второму плану, такъ курьезны, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ.

Въ числѣ лицъ заинтересованныхъ рѣшеніемъ дѣла о Лорійской степи въ пользу князей Орбеліановыхъ былъ и пользовавшійся довѣріемъ князя Михаила Семеновича А***, человѣкъ безспорно умный и даровитый, который съ давнихъ поръ, и особенно въ послѣдніе годы жизни и управленія Воронцова, составлялъ при немъ великую силу и обработывалъ подчасъ аферы неимовѣрныя, разумѣется сопряженныя съ его личной выгодой. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что планъ представлявшійся въ Сенатъ вовсе для желаемаго дѣла не пригоденъ и что подобаетъ его замѣнить другимъ, болѣе пространнымъ, то А*** внушилъ князю, что всѣ имѣющіеся планы Лорійской степи не вѣрны и не полны и что надобно составить новый, по расположенію земель въ самой натурѣ; что для этого необходимо командировать землемѣровъ, которые бы производили съемку подъ руководствомъ его, уполномоченнаго княземъ, А***, и что по такому лишь плану Орбеліановы могутъ получить вполнѣ свою собственность. Больной, изнуренный нравственно и физически князь на это согласился. Немедленно послѣдовали отправка землемѣровъ и рабское составленіе плана по точнымъ указаніямъ А***. Но планъ не могъ быть изготовленъ на бѣло раньше какъ уже въ 1854-мъ году, къ самому дню отъѣзда князя Воронцова за границу. Въ суматохѣ сборовъ и спѣшныхъ приготовленій къ дорогѣ, А***, благовременно для успѣха предпріятія, поднесъ свое произведеніе къ подписи больнаго князя, который, вовсе не разсматривая плана, чтобы отдѣлаться отъ докукъ и приставаній, подписалъ его. Не смотря на все свое расположеніе къ Орбеліановымъ и пристрастную настойчивость въ вопросѣ о землѣ, весьма сомнительно, чтобы онъ утвердилъ это дѣло въ его новой редакціи, если бы находился въ своемъ нормальномъ, спокойномъ состояніи духа: онъ былъ для этого слишкомъ государственный человѣкъ. Этотъ планъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ бумагъ, подписанныхъ передъ выѣздомъ Воронцова, не успѣли даже передать директору канцеляріи Щербинину до отъѣзда князя. А***, уѣхавшій вмѣстѣ съ княземъ, сказалъ только Щербинину второпяхъ и мимоходомъ, что на столѣ, въ кабинетѣ князя, осталось много бумагъ, кои по отбытіи его нужно будетъ исполнить. Щербининъ же, хотя и хорошій человѣкъ, но безпечный и лѣнивый до крайности, радъ былъ отдохнуть и принялся за разборъ бумагъ въ кабинетѣ князя *только черезъ годъ послѣ его отъѣзда.* Найдя между ними планъ Лорійской степи безъ всякихъ указаній, какъ и что съ нимъ дѣлать, онъ, при встрѣчѣ со мною, предложилъ мнѣ взять его, такъ какъ повидимому онъ касался до дѣлъ государственныхъ

имуществъ. Я отъ этого отказался безъ офиціальной бумаги съ препровожденіемъ плана ко мнѣ и указаніемъ мнѣ что я съ нимъ долженъ дѣлать. Послѣ сего Щербининъ оставилъ планъ по прежнему на столѣ въ кабинетѣ князя, до пріѣзда Муравьева и доложилъ о немъ не прежде какъ вмѣстѣ съ упомянутою бумагою въ Кавказскій Комитетъ о вышесказанныхъ затрудненіяхъ по исполненію сенатскаго указа. Этотъ рапортъ генерала Муравьева оставался безъ отвѣта изъ Кавказскаго Комитета до смерти князя Воронцова, послѣдовавшей въ 1856-мъ году. Было только извѣстно, что князь Воронцовъ, въ бытность въ Москвѣ на коронаціи, убѣдительно просилъ новаго намѣстника Кавказскаго, князя Барятинскаго, согласиться на окончаніе дѣла о Лорійской степи въ пользу Орбеліановыхъ, что̀, какъ кажется, Барятинскій и обѣщалъ ему.

Наконецъ въ 1857-мъ году, Кавказскій Комитетъ извѣстилъ, что онъ соглашается съ мнѣніемъ министра юстиціи, графа Панина, который выразился слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ планъ, найденный въ кабинетѣ князя Воронцова, утвержденъ собственноручною подписью его и такъ какъ намѣстникъ Кавказскій, на основаніи высочайшаго повелѣнія 5-го Ноября 1852-го года, въ отношеніи къ предметамъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ въ Закавказскомъ краѣ, пользуется всѣми правами министра, и слѣдовательно имѣетъ главное наблюденіе за исполненіемъ рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣламъ касающимся казеннаго интереса: то симъ самымъ устраняется всякій поводъ къ дальнѣйшимъ недоумѣніямъ и возраженіямъ противъ дѣйствительности послѣдняго плана, по коему должна быть отведена земля князьямъ Орбеліановымъ; а потому предположеніе о пересмотрѣ этого дѣла *оставить безъ послѣдствій*».

За симъ требовалось мнѣніе намѣстника, князя Барятинскаго.

Докладывая эту бумагу князю Александру Ивановичу Барятинскому и изложивъ ему кратко, но ясно сущность дѣла, я представилъ ему мое мнѣніе, состоявшее въ слѣдующемъ. Если есть основательная причина къ отдачѣ князьямъ Орбеліановымъ Лорійской степи, мнѣ неизвѣстная, то по всему было бы благовиднѣе, представивъ непосредственно Государю Императору о запутанности и темнотѣ правъ князей Орбеліановыхъ на Лорійскую степь, исходатайствовать прямо пожалованіе имъ ея; что кончить это дѣло такъ, какъ теперь предположено, было бы несообразно съ достоинствомъ правительства, потому что всѣ основанія къ утвержденію притязаній на эту землю невѣрны, превратны и даже заключаются въ подлогахъ; что это возбудитъ негодованіе и ропотъ другихъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ, изъ коихъ у многихъ предки имѣли во владѣніи земли, которыхъ они лишились и которыхъ имъ теперь не отдаютъ (что̀ дѣйствительно и послѣдовало).

Но все это было напрасно. Кажется, что у князей Воронцова и Барятинскаго, какъ и у многихъ нашихъ вельможъ стараго добраго времени, преобладала укоренившаяся увѣренность, что справедливость и правосудіе не всегда то, что̀ оно есть по совѣсти, по здравому смыслу и по логикѣ, а только то, что̀ сообразно съ ихъ желаніями и самовластнымъ стремленіемъ кончить дѣло по своему произволу. Князь Барятинскій на бумагѣ Кавказскаго Комитета надписалъ: *увѣдомить князя Орлова, что я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ министра юстиціи.* Такъ написано, такъ сдѣлано и такъ на дѣлѣ исполнено.

Результаты были такого рода: правительство лишилось средствъ увеличить населеніе Лорійской степи и усилить ея производительность вольнымъ трудомъ. Эта степь, которая при благоразумномъ распоряженіи могла бы сдѣлаться житницею Тифлиса, осталась почти тѣмъ же, чѣмъ была впродолженіе столькихъ вѣковъ до этихъ поръ, какимъ-то безполезнымъ пустыремъ; досталась она нѣсколькимъ изъ князей Орбеліановъ, изъ которыхъ иные вовсе ничѣмъ не заслужили такой большой награды и которые не умѣютъ и не могутъ сдѣлать изъ этого богатаго дара никакого полезнаго употребленія. Между ними непрестанно происходятъ раздоры по дѣлежу доходовъ, кои всѣ и состоятъ лишь въ оброкѣ съ молоканъ. Населеніе не умножается, оставаясь тѣмъ же, какимъ было до утвержденія степи за ними, по той причинѣ, что хотя, можетъ быть, и нашлись бы желающіе поселиться тамъ, но никто не увѣренъ, чтобы владѣльцы земли соблюдали договоры. Владѣльцы не могутъ отстать отъ привычки къ произвольнымъ дѣйствіямъ, укоренившимся въ нихъ особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени князя Воронцова постоянно кто-либо изъ членовъ этой фамиліи бываетъ или фаворитомъ намѣстника или лицомъ вліятельнымъ на ходъ правительственныхъ дѣлъ. Все это произошло отъ тѣхъ же причинъ, кои вообще давали возможность въ Россіи существовать столь долго неограниченному произволу наперсниковъ царскихъ, людей часто добрыхъ и благонамѣренныхъ, но въ которыхъ преобладали самолюбіе и увѣренность въ непогрѣшимости ихъ произвола *).

*) Въ настоящее время, при пересмотрѣ этой статьи въ 1865-мъ году, нахожу нелишнимъ добавить къ описанію хода изложеннаго дѣла, что оно само собою приходитъ къ натуральному и наименѣе невыгодному для общественной пользы исходу. Владѣльцы Лорійской степи, какъ люди не слишкомъ экономные, часто затрудняемые долгами, часто имѣющіе нужду въ деньгахъ, тяготясь малодоходностію имѣнія, сами стремятся распродавать, хотя и по дешевымъ цѣнамъ, доставшуюся имъ землю. Часть изъ нея приторгована уже живущими на ней молоканами, да и прочія части вѣроятно съ теченіемъ времени перейдутъ къ нимъ же. Молокане разсчетливой народъ, и потому, конечно, въ видахъ общей пользы выгоднѣе, если степь будетъ принадлежать имъ, нежели оставаться во владѣніи князей Орбеліановыхъ.

Возвращаюсь къ моимъ разъѣздамъ 1847-го года.

Я нашелъ молоканъ этой степи еще не совсѣмъ устроенныхъ; но видно было, что они довольно трудолюбивы, занимались прилежно хлѣбопашествомъ и особенно скотоводствомъ, къ чему имѣли всѣ способы, при большомъ пространствѣ луговъ, пастбищныхъ мѣстъ, тучныхъ сѣнокосовъ и вообще чрезвычайно плодородной землѣ. Климатъ умѣренный, вода, какъ рѣчная, такъ и ключевая, вездѣ здоровая. Лорійская степь въ длину разстилается до 70 верстъ и въ ширину до 15. На ней теперь поселено полторы тысячи душъ обоего пола молоканъ, какъ сказано, въ двухъ деревняхъ, кромѣ нѣсколькихъ Армянскихъ деревень и части находящейся подъ военнымъ поселеніемъ. Я полагаю, что это одинъ изъ наилучшихъ участковъ во всемъ Закавказскомъ краѣ для земледѣльческаго населенія. Очень жаль и невозградимая потеря въ томъ, что его не заняли въ самомъ началѣ пріобрѣтенія края подъ Русскія и Нѣмецкія поселенія; и тогда, конечно, не было бы надобности покупать по сту тысячъ четвертей хлѣба въ годъ изъ Турціи для продовольствія войскъ, какъ это случается часто, и даже было въ нынѣшнемъ году. Молокане, послѣ многихъ споровъ и затрудненій, происшедшихъ вслѣдствіе того, что эти мѣста были имъ указаны къ поселенію какъ безспорно-казенныя, въ началѣ 1840-го года (до прибытія князя Воронцова) вынуждены были согласиться на временное условіе съ князьями Орбеліановыми. Затѣмъ, со времени окончательнаго утвержденія сихъ земель за нынѣшними владѣльцами, условіе обратилось на срокъ болѣе продолжительный.

Я выѣхалъ изъ деревни Воронцовки далѣе, по прямому направленію въ Тифлисъ. Дорога, какъ здѣсь водится, трудная, каменистая, гористая, проходитъ по Армянскимъ и Татарскимъ деревнямъ: при въѣздѣ въ Борчалинскій участокъ подымаются на перевалъ чрезъ хребетъ Ингинчаха, который я переѣхалъ верхомъ, оттуда въ сторонѣ четыре духоборческихъ хутора на рѣчкѣ Машаверкѣ, при коей находится и бывшее укрѣпленіе Башкичетъ, гдѣ была прежде штабъ-квартира сперва Эриванскаго, а потомъ Мингрельскаго полка. Оставленные ими домики заняты духоборцами. Все это пространство было въ прежнее время густо населено: много разбросано разоренныхъ церквей и слѣдовъ большихъ деревень; въ Квечѣ, на высокой скалѣ, замѣчательная церковь и остатки большаго укрѣпленія. Послѣ завтрака подъ огромныхъ орѣховымъ деревомъ въ селеніи Думанисы, я добрался къ вечеру до колоніи Катеринифельдъ, гдѣ остановился по дѣламъ дня на три.

Колонія сильно пострадала лѣтомъ отъ холеры, но по наружности замѣтно поправлялась, обстраивалась хорошими домами, хозяй-

ственными пристройками, обсаживалась деревьями. Я квартировалъ, какъ и въ первый разъ, у добраго, умнаго старика шульца Пальмера осматривалъ приходившую къ окончанію канаву изъ рѣчки Машаверки, сады и прочее, толковалъ съ обществомъ. Ко мнѣ пріѣхалъ сюда на встрѣчу Зальцманъ, привезъ изъ Тифлиса письма и газеты. Онъ, какъ знатокъ мѣстныхъ колонистскихъ порядковъ, бывалъ мнѣ иногда полезенъ своими свѣдѣніями, особенно въ началѣ. Я теперь только примѣтилъ въ петличкѣ его сюртука зеленый бантикъ и спросилъ, что̀ это означаетъ? Зальцманъ заявилъ, что это Персидскій орденъ Льва и Солнца; я полюбопытствовалъ узнать, за что онъ его получилъ, и Зальцманъ объяснилъ, что однажды придумалъ послать въ подарокъ Персидскому шаху десятокъ крупныхъ ананасовъ съ листьями, а шахъ въ благодарность за гостинецъ и любезность прислалъ ему орденъ Льва и Солнца, съ надлежащимъ фирманомъ, въ которомъ было заявлено, что шахъ жалуетъ его этою наградой за разныя великія заслуги и добродѣтели, перечисленныя весьма пространно и подробно, а въ особенности за то, что онъ, Зальцманъ, *есть столбъ Русскаго дворянства.* Послѣдній величавый титулъ особенно забавенъ по отношенію къ Зальцману, который хоть и былъ когда-то Виртембергскимъ офицеромъ, но къ Русскому дворянскому званію не имѣлъ никакого прикосновенія, и если былъ его опорой, то развѣ когда держалъ въ Тифлисѣ маленькую гостинницу въ родѣ кабачка, куда сходились чиновники и офицеры, чтобы закусить, пообѣдать и выпить, (и очень вѣроятно, часто въ долгъ).

Изъ Катериненфельда, завернувъ въ колонію Елизабетталь, гдѣ переночевалъ, я выѣхалъ на почтовый Эриванскій трактъ къ послѣдней станціи Коды, и возвратился въ Тифлисъ 25-го Сентября.

Образъ жизни моей возобновился по прежнему порядку, и такъ продолжалось до окончанія года. Служебныя занятія, кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ, состояли, по порученіямъ князя Воронцова, въ составленіи новаго проэкта управленія государственными имуществами, въ разъясненіи свѣдѣній о крѣпостномъ правѣ туземныхъ князей и дворянъ на крестьянъ и въ предположеніяхъ о переселеніи нѣкоторыхъ горцевъ во внутренность края; но это послѣднее оказалось неудобоисполнимымъ.

Въ концѣ года генералъ Ладинскій оставилъ службу, и на мѣсто его предсѣдателемъ Совѣта назначенъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. Отъѣздъ перваго и водвореніе въ должности втораго генерала сопровождались достодолжными прощальными и заздравными обѣдами и завтраками съ обильнымъ возліяніемъ Шампанскаго. Проводы Ладинскаго были многолюдны и продолжительны, но не слишкомъ трогательны, хотя онъ почти всю жизнь провелъ въ Грузіи и на Кавказѣ.

Въ это же время, я, со всей моей семьей, съ искреннимъ удовольствіемъ встрѣтили прибытіе въ Тифлисъ стараго нашего пріятеля, князя В. С. Голицына. Онъ предъ тѣмъ занималъ должность начальника центра и жилъ въ Нальчикѣ. Я познакомился съ нимъ слишкомъ за тридцать лѣтъ тому назадъ въ Пензѣ, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, статнымъ, красивымъ, ловкимъ, удалымъ лейбъ-гусаромъ, плѣнявшимъ всѣхъ Пензенскихъ дамъ. Теперь лѣта и непомѣрная толщина совершенно измѣнили его физически; но морально онъ остался тѣмъ же веселымъ, добродушнымъ, остроумнымъ, неистощимой любезности человѣкомъ, какъ и тогда. Большею частію, въ промежуткахъ между службой, онъ проживалъ въ Москвѣ, въ своемъ родовомъ домѣ, близъ Петровскаго дворца, и состоялъ однимъ изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ членовъ Московскаго Англійскаго клуба. Въ сущности онъ былъ умный и добрый человѣкъ, хотя его жизнь, исполненная авантюръ всякаго рода, навѣвала иногда тѣнь на иные его поступки. Онъ считался не очень хорошимъ семьяниномъ, хотя чрезвычайно цѣнилъ свою жену, достойнѣйшую женщину, княгиню Прасковью Николаевну (урожденную Матюнину) и любилъ своихъ дѣтей; но своевольная ширь его натуры не допускала стѣсненій или препятствій въ его увлеченіяхъ. Онъ прожилъ нѣсколько солидныхъ состояній, какъ свое родовое, такъ и изъ боковыхъ наслѣдственныхъ, изъ коихъ значительнѣйшее досталось ему отъ тетки его по матери, Шепелевой. Однако, какъ онъ ни кутилъ, но никогда не докучивался въ конецъ, и всегда судьба ему помогала поправляться. Въ Петербургѣ, какъ-то, прокутившись въ плотную, находясь безъ службы, онъ надѣлалъ какихъ-то проказъ, за которыя ему было велѣно выѣхать и отправиться на жительство въ свою деревню. Голицынъ предъявилъ живѣйшую благодарность за пожалованіе ему деревни, такъ какъ изъ своихъ у него ни одной деревни не осталось; только просилъ указать, гдѣ она находится, для немедленнаго исполненія приказанія и удаленія туда, чтобы вступить во владѣніе ею. Такія продѣлки иногда Голицыну сходили съ рукъ, а часто приходилось и поплачиваться. У него была страсть къ каламбурамъ, болѣе или менѣе удачнымъ, которыми онъ пересыпалъ всѣ свои рѣчи. Онъ былъ тонкій гастрономъ, любилъ хорошо поѣсть, а еще болѣе угощать другихъ, и великій мастеръ устраивать всякія свѣтскія увеселенія: сочинялъ стихи, водевили, пѣлъ комическіе или сатирическіе куплеты собственнаго сочиненія и самъ себѣ акомпанировалъ на фортепіано. Для знакомства, онъ былъ человѣкъ неоцѣнимый, по пріятности своего общества, любезной обязательности, простотѣ и добродушію обращенія, по ровному характеру и постоянству своего расположенія. Впродолженіе нашего многолѣтняго знакомства, когда судьба сводила насъ съ нимъ послѣ долгихъ

годовъ разлуки, всегда, въ отношеніи меня и всей моей семьи, онъ оказывался добрымъ и вѣрнымъ другомъ. Теперь онъ провелъ въ Тифлисѣ нѣсколько мѣсяцевъ, посѣщалъ насъ почти ежедневно и очень оживилъ нашу домашнюю жизнь. Онъ приходился двоюроднымъ братомъ княгинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ Воронцовой; ихъ матери были родныя сестры, извѣстныя Энгельгардтъ, племянницы Потемкина; а потому, принятый въ домѣ Воронцовыхъ какъ свой, онъ обходился съ своей кузиной безъ всякихъ церемоній, совершенно запросто, по родственному, и говорилъ въ видѣ шуточекъ разныя горькія истины, иногда очень ея сердившія, о чемъ онъ нисколько не заботился. Въ настоящее время Голицынъ допекалъ ее тѣмъ, что она, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, «*самая молодая княгиня въ Россіи*», такъ какъ Воронцовъ незадолго передъ тѣмъ былъ пожалованъ княжескимъ достоинствомъ (въ 1845 году). Тогда говорили, что Воронцовы, разумѣется высоко цѣня царскую милость, отнеслись болѣе чѣмъ равнодушно къ этому повышенію и выражались въ такомъ смыслѣ, что «предпочитаютъ свое старое графство новому княжеству». Да это и немудрено, и особенно понятно въ Грузіи, гдѣ княжеское званіе такъ распространено и принадлежитъ такому множеству людей большею частію безъ всякаго значенія и даже низко стоящихъ, что въ этой сторонѣ оно не заключаетъ въ себѣ ничего внушительнаго и лишено всякаго престижа. Если правда, что Воронцовы не считали ничего для себя лестнаго въ княжескомъ достоинствѣ и даже жалѣли о графствѣ, къ которому привыкли въ теченіе всей своей жизни, то спустя семь лѣтъ, въ 1852 г. прибавленіе титула свѣтлости къ прежде пожалованному сану, вѣроятно, пришлось имъ болѣе по сердцу. Хотя, конечно, князь князю рознь, но все же титулованіе свѣтлость выдвигало ихъ изъ общаго княжескаго уровня, которымъ вымощено Закавказье.

У князя В. С. Голицына я въ первый разъ видѣлъ князя А. И. Барятинскаго, бывшаго въ то время еще полковникомъ, въ цвѣтѣ молодости и здоровья. Уже тогда говорили, будто бы Государь, указывая на него Наслѣднику, въ бытность князя предъ тѣмъ въ Петербургѣ, сказалъ: «это твой будущій военный министръ». Но о фельдмаршальствѣ его еще никому и въ голову не приходило; также и мнѣ въ голову не приходило, что впослѣдствіи я буду съ нимъ въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ.

Я закончилъ 1847 годъ и встрѣтилъ новый 1848, съ дѣтьми, на балѣ у Воронцовыхъ. Балъ былъ очень оживленный и веселый.

Такъ протекъ для меня этотъ годъ, впродолженіе коего имѣлъ я довольно житейскихъ непріятностей и заботъ. Онъ принесъ мнѣ нѣкоторую пользу лишь тѣмъ, что я сталъ болѣе укореняться въ хладнокровіи къ суетамъ міра сего и болѣе снисходить къ людскимъ недостаткамъ и слабостямъ.

КЪ ДѢЛУ О СИМБИРСКИХЪ ПОЖАРАХЪ 1864 ГОДА.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (Декабрь 1890 г.) напечатаны весьма интересныя воспоминанія Н. С. Милошевича о Симбирскихъ пожарахъ 1864 года, этомъ эпизодѣ плачевной памяти шестидесятыхъ годовъ, когда Поляки приступили къ вящему „будованію ойчизны“, нигилисты затѣяли осчастливить Россію анархіею, а гуманное правительство саморучно лишало себя власти и авторитета. Эпизодъ этотъ, не взирая на 27 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, все еще остается не вполнѣ выясненнымъ; главные виновники страшныхъ пожаровъ такъ и остались не наказанными, хотя, по смыслу разсказа г. Милошевича, слѣдуетъ считать Поляковъ организаторами дѣла.

Когда пожары приняли грозные размѣры, покойный Государь командировалъ въ Симбирскъ генералъ-адъютанта барона Александра Евстафьевича Врангеля, съ особыми обширными полномочіями. Въ числѣ лицъ, назначенныхъ въ его распоряженіе, находился и авторъ статьи, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Баронъ Врангель былъ *мой* генералъ, т.-е. я былъ у него долго адъютантомъ, близкимъ человѣкомъ, онъ былъ моимъ посаженнымъ отцомъ, былъ въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ моими родными. Послѣднія шесть лѣтъ предъ его кончиной, мы въ Петербургѣ почти каждый день видѣлись, вели продолжительныя бесѣды о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“, бесѣды вполнѣ откровенныя, безъ стѣсненій... Словомъ, я могу считать себя человѣкомъ, знавшимъ барона Врангеля очень хорошо. Во всемъ, что́ касается Симбирскихъ пожаровъ, я, конечно, вполнѣ несвѣдущъ; баронъ же, когда я пробовалъ заговорить объ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ неохотно и спѣшилъ перевести разговоръ на другіе предметы. Безъ сомнѣнія, изложеніе г. Милошевича совершенно вѣрно; но въ отношеніи собственно барона Врангеля я встрѣтилъ нѣсколько неточностей, вполнѣ впрочемъ извинительныхъ человѣку, незнакомому съ Кавказскими дѣлами и главными дѣятелями тамошней войны. Еще важнѣе, что авторъ воспоминаній, написавъ очень меткую характеристику Врангеля и высказавъ свой взглядъ на его дѣятельность въ Симбирскѣ, пришелъ однако къ выводу, едва ли соотвѣтствующему дѣйствительности и противурѣчащему даже его собственнымъ взглядамъ.

Прежде всего я набросаю краткій біографическій очеркъ барона Врангеля. Молодой Эстляндскій баронъ поступилъ въ 1819 году юнкеромъ въ Семеновскій полкъ; въ 1821 г. произведенъ въ офицеры въ одинъ изъ существовавшихъ тогда морскихъ полковъ. Въ 1831 г. взялъ его къ себѣ адъютантомъ баронъ Розенъ, назначенный главнымъ начальникомъ Кавказа. Когда наши войска въ 1832 году взяли приступомъ Дагестанскій аулъ Гимры (причемъ былъ убитъ первый имамъ, организаторъ общей борьбы Восточнаго Кавказа противъ Русскихъ, Кази-Мулла), баронъ Розенъ послалъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о томъ А. Е. Врангеля. Государь Николай Павловичъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ донесеніе и перевелъ посланца тѣмъ же чиномъ въ Семеновскій полкъ *). Въ 1837 году, во время пріѣзда Императора въ Тифлисъ, когда надъ барономъ Розеномъ, его зятемъ кн. Дадіаномъ и нѣкоторыми другими разразилась гроза, Врангелю Государь, напротивъ, оказалъ особую милость: произвелъ въ полковники и назначилъ командиромъ Ширванскаго полка. Съ Ширванцами баронъ участвовалъ въ знаменитомъ походѣ генерала Граббе 1839 г. подъ Ахульго, на приступѣ котораго былъ тяжело раненъ въ грудь, и въ извѣстной экспедиціи генерала Галафѣева въ Малой Чечнѣ (1840 г.), окончившейся кровавымъ дѣломъ у рѣчки Валерикъ, дѣломъ безполезнымъ, стоившимъ большихъ жертвъ. Затѣмъ, съ производствомъ въ генералы, онъ назначенъ Шемахинскимъ губернаторомъ. Въ 1851 баронъ Врангель возвратился къ военной дѣятельности, командовалъ Кавказскою гренадерскою бригадой, послѣ 20-ю пѣхотною дивизіею и лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, дѣйствовалъ съ успѣхомъ въ Чечнѣ. Въ началѣ 1855 года, пріѣхавшій на Кавказъ новый главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ своею придирчивостью и неделикатностью оскорбилъ барона Врангеля: онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности и, не взирая на то, что Муравьевъ, спохватившись, просилъ его оставаться на мѣстѣ, уѣхалъ съ Кавказа. По рекомендаціи князя Барятинскаго, Врангель былъ удостоенъ званія генералъ-адъютанта и назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи; должность эта была вполнѣ по немъ. Въ 1857 году Кутаискій генералъ-губернаторъ князь Гагаринъ былъ убитъ Сванетскимъ владѣтелемъ кн. Дадешкиліаномъ. Князь Барятинскій, замѣнившій Муравьева, предложилъ это мѣсто барону Врангелю. Состоялся высочайшій приказъ объ его назначеніи, но пока баронъ доѣхалъ до Тифлиса, кн. Барятинскій измѣнилъ свои предположенія: въ Кутаисъ онъ послалъ генерала кн. Эристова, а Врангеля назначилъ командующимъ войсками въ Прикаспійскій край,—должность болѣе важную, особенно въ тѣ времена, когда рѣшалась участь Шамиля и всего Восточнаго Кавказа. Баронъ и уѣхалъ въ началѣ 1858 въ Дагестанъ, чтобы свидѣться и поговорить о военныхъ дѣйствіяхъ съ Евдокимовымъ. Командованіе войсками въ Прикаспійскомъ краѣ было послѣднею службою барона на Кавказѣ. Въ концѣ 1859 г.

---

*) Баронъ разсказывалъ мнѣ, что одиимъ изъ первыхъ вопросовъ Государя было: „а въ какой формѣ были войска?“

онъ оставилъ край, отклонивъ предложеніе князя Барятинскаго объ исходатайствованіи ему назначенія генералъ-губернаторомъ Западной Сибири или атаманомъ Донскаго войска. Вскорѣ б. Врангель былъ назначенъ командиромъ 5-го корпуса, расположеннаго въ Новороссійскомъ краѣ, а съ упраздненіемъ корпусовъ—членомъ Военнаго Совѣта. 30 Декабря 1880 года онъ скончался въ Петербургѣ, 77 лѣтъ отъ роду. Вездѣ и всегда любезный, деликатный, гостепріимный, щедрый, вполнѣ джентльменъ, Врангель, къ тому же красавецъ собой, типъ сѣвернаго Скандинавскаго рыцаря, пользовался расположеніемъ и офицеровъ, и солдатъ, и туземныхъ жителей. Высшее начальство тоже относилось къ нему съ уваженіемъ, оказывало ему знаки расположенія и всякихъ любезностей; но ни князь Воронцовъ, ни князь Барятинскій не оставались вполнѣ довольны его служебной дѣятельностью, въ которой было что-то неудовлетворявшее ни ихъ взглядамъ на систему управленія, ни отчасти законному, установленному порядку. Барона нельзя было упрекнуть въ лѣни, въ отсутствіи усердія или въ какихъ-нибудь распоряженіяхъ, изобличающихъ личные интересы, непотизмъ; а между тѣмъ онъ нерѣдко возбуждалъ неудовольствіе Тифлиса то превышеніемъ власти, то ея слабостью, то неточнымъ исполненіемъ предписаннаго, то ссылками на слишкомъ буквальное исполненіе предписаній и т. п. Благородный, честный, безкорыстный, безстрашный подъ выстрѣлами, вообще симпатичный, какъ рѣдко встрѣтить можно, наконецъ достаточно образованный, читающій, вовсе нелишенный природнаго ума и опытности, а между тѣмъ часто дающій матеріалъ для критики его служебныхъ дѣйствій и даже для насмѣшекъ...

Приведу нѣсколько примѣровъ. Уѣхавъ въ 1855 году съ Кавказа, баронъ попалъ въ Петербургъ къ началу тѣхъ памятныхъ дней, когда слова: „передовой человѣкъ, гуманность, либерализмъ, прогрессъ, уваженіе личности“ и проч. стали модными словами; когда ихъ больше всего повторяли тѣ, что „стараго Гаврила, за измятое жабо, хлещутъ въ усъ да въ рыло“, или тѣ, для которыхъ модное слово и модный галстухъ одинаково важны. Баронъ увлекся этими вѣяніями, восторгался комедіею Львова „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“, разными обличительными разсказами, воскресными школами и проч. И не могло не увлекать все это человѣка по натурѣ добраго, мягкаго. Но, желая примѣнять эти начала къ дѣлу, баронъ забывалъ, что онъ военный генералъ, что ему слѣдовало подавать примѣръ подчиненія военной дисциплинѣ, что ея нарушеніе составляетъ непростительный, весьма опасный проступокъ, особенно въ военное время; что первый долгъ и первое достоинство военнаго человѣка умѣть самому подчиняться и умѣть заставлять другихъ себѣ подчиняться. Увлекшись фразой о „защитѣ меньшей братіи“, баронъ хотѣлъ во всемъ оправдать солдата и обвинить офицера, хотѣлъ облегчать тягость солдатской службы, улучшить и увеличить количество продовольствія (стремленія, само собою, прекрасныя), забывая, что на все есть законныя правила, должна быть мѣра—даже и въ хорошемъ. Въ военной службѣ всякая просьба, жалоба

должны идти по командѣ; кромѣ того, дается возможность заявлять претензіи на инспекторскихъ смотрахъ; а къ барону, напримѣръ, является прямо солдатъ съ жалобой, что ротный командиръ его безвинно наказалъ, или деньщикъ прибѣгаетъ изъ-за 15 верстъ расположенія батальона съ жалобою на то, что офицеръ его бьетъ. И что же? Командующій войсками выслушиваетъ этого деньщика и, вмѣсто того, чтобы приказать арестовать его, предать суду за самовольную отлучку, за дерзость явиться прямо къ нему, вмѣсто ближайшаго начальства,—не разслѣдовавъ подробно, справедлива ли жалоба (не надо забывать, что тогда тѣлесныя наказанія въ войскахъ не были еще отмѣнены), приказываетъ вытребовать офицера, посадить на гауптвахту, пишетъ выговоры полковому командиру, или призываетъ его къ себѣ и, не стѣсняясь присутствіемъ адъютантовъ, даже ординарцевъ, оборветъ такъ, что тотъ готовъ сквозь землю провалиться. Самъ я бывалъ свидѣтелемъ такихъ выходокъ, и всѣ мы, адъютанты, вообще приближенные барона, искренно его любившіе, знавшіе, что чрезъ полчаса вся эта вспышка будетъ забыта, все же не могли не пожимать плечами.

Другой примѣръ. Двигается отрядъ, нужно спѣшить, всякій часъ дорогъ, промедленіе можетъ скомпрометировать весь планъ предназначенныхъ дѣйствій; а баронъ вдругъ останавливаетъ колонну, приказываетъ людямъ лечь, отдыхать, пока не спадетъ жара, теряетъ нѣсколько часовъ и даетъ непріятелю время предупредить себя на угрожаемомъ пунктѣ.

Или: по установленной нормѣ продовольствія, солдату полагается $1^3/_4$ ф. сухарей, столько-то чарокъ винной порціи въ недѣлю и т. п.; но баронъ находитъ, что во время тяжелыхъ походовъ въ горахъ этого мало и приказываетъ прибавить по $^1/_2$ ф. сухарей, или по чаркѣ вина. Между тѣмъ, такой сверхсмѣтный расходъ можетъ разрѣшить только главнокомандующій, по особо вѣскимъ обстоятельствамъ. И когда барону, впрочемъ очень деликатно, замѣчаютъ изъ Тифлиса, что такъ нельзя, что онъ долженъ былъ войти съ представленіемъ, что интендантская смѣта и безъ того слишкомъ велика и съ трудомъ удостоилась высочайшаго утвержденія, въ виду затруднительнаго финансоваго положенія государства, вызывающаго необходимость въ строжайшей экономіи,—баронъ обижается и громогласно повторяетъ, что онъ ничего знать не хочетъ, что солдаты несутъ большіе труды и ихъ нужно хорошо кормить.

Или: главнокомандующій подтверждаетъ соблюдать правило, чтобы штабъ-офицеры не переводились въ полки безъ предварительнаго согласія полковаго командира (что́ совершенно правильно: командиръ отвѣчаетъ за свою часть и долженъ знать своихъ офицеровъ, которымъ поручаетъ роты и батальоны); а баронъ находитъ для себя щекотливымъ спрашивать у подчиненнаго ему полковаго командира согласія на переводъ къ нему офицера, и входитъ объ этомъ съ представленіемъ, на которое, само собою, получаетъ весьма деликатный, но категорическій отказъ.

Можно бы много привести подобныхъ примѣровъ для характеристики барона Врангеля. Авторъ статьи о Симбирскихъ пожарахъ (нужно отдать

ему справедливость), не взирая на свое кратковременное знакомство съ барономъ Врангелемъ, очень мѣтко набросалъ его нравственный портретъ. „Идеально-безкорыстный, нелицепріятный, чуждый всего грязнаго и пошлаго, мягкосердечный и отзывчивый на все доброе, онъ въ тоже время былъ неукротимъ въ своихъ порывахъ, вспыльчивъ, несдержанъ и въ припадкахъ раздраженія не признавалъ ни за кѣмъ права ему противурѣчить. Настойчивый и непоколебимый въ самостоятельно принятыхъ рѣшеніяхъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко подчинялся, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, постороннему вліянію". Да, это подчиненіе чуть не первому встрѣчному, умѣвшему поддѣлаться, было однимъ изъ главныхъ недостатковъ барона. И въ Шемахѣ, и въ Грозной, и въ Темиръ-ханъ-Шурѣ всегда были господа, вертѣвшіе имъ по своимъ видамъ; а онъ оставался въ убѣжденіи, что все дѣлаетъ самостоятельно.

„Проведя большую часть своей службы въ боевой обстановкѣ (продолжаетъ г. Милошевичъ), баронъ не сознавалъ законности и умѣстности гражданскаго строя въ общежитіи и всѣ людскія отношенія считалъ возможнымъ разрѣшать однимъ взмахомъ. Понятіе объ юридической правдѣ было ему чуждо. Жизнь человѣческая, не исключая его собственной, въ глазахъ Врангеля, цѣнилась недорого".

Съ этой послѣдней стороной характеристики я не совсѣмъ согласенъ. Во 1-хъ, баронъ Врангель, въ должности Шемахинскаго губернатора, отчасти въ должности начальника лѣваго фланга Кавказской линіи и еще болѣе командуя войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, имѣлъ достаточно времени и случаевъ сознать законность и умѣстность гражданскаго строя въ общежитіи; ему не разъ пришлось прочитывать и подписывать опредѣленія съ извѣстными „слушали, приказали", съ ссылками на статьи законовъ и т. п. Во 2-хъ, понятіе объ юридической правдѣ не должно было быть ему чуждо, не только по мягкости и человѣколюбивой его натурѣ, но и по увлекшимъ его съ 1855 года началамъ либерализма. Въ разговорахъ со мною, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ жизни, онъ не разъ затрогивалъ эту тему и иногда высказывалъ такіе взгляды, что, признаюсь, я даже съ нѣкоторымъ изумленіемъ слушалъ...

Дальше въ разсказѣ г. Милошевича кое-что становится мнѣ совершенно непонятнымъ. „Когда при докладѣ слѣдственнаго дѣла о горнистѣ Ѳедоровѣ, обвинявшемся въ поджогѣ Симбирска, пишущій эти строки (т.-е. г. Милошевичъ) высказалъ свое мнѣніе, что предавать Ѳедорова суду по полевымъ законамъ нѣтъ достаточно основаній, такъ какъ судъ вѣроятно постановитъ смертный приговоръ, то баронъ Врангель, *совершенно добродушнымъ тономъ,* выразился: стоитъ ли толковать о такихъ пустякахъ, какъ жизнь какого-то поджигателя Черемиса?"

Какъ! Мягкосердечный, отзывчивый на все доброе, считаетъ жизнь человѣка такимъ пустякомъ, о которомъ толковать не стоитъ? Къ тому же жизнь человѣка, вина котораго вовсе недоказана, человѣка простого, не-

развитаго, неумѣющаго давать въ свое оправданіе осмысленныхъ отвѣтовъ; наконецъ, при обстоятельствахъ, съ очевидностью доказывающихъ, что городъ жгли Поляки (что́ совершенно ясно видно изъ всего разсказа г. Милошевича)? Но вѣдь это преступное безчеловѣчіе и крайняя безтактность въ политическомъ смыслѣ! Разстрѣливая *солдата* Өедорова, баронъ тѣмъ самымъ подтверждалъ то что̀ Государь хотѣлъ считать клеветою, т.-е. участіе войскъ въ поджогахъ и давалъ случай Полякамъ смѣяться надъ „безмозглыми Москалями", которые разстрѣливаютъ своихъ, чтобы скрыть чужихъ....

„Въ другой разъ (продолжаетъ г. Милошевичъ), по поводу указанія барона, что такого-то слѣдовало бы разстрѣлять, ему замѣтили: безъ суда разстрѣлять нельзя, а судъ не осмѣлится приговорить къ разстрѣлянію. „Какъ не осмѣлится,—вспылилъ Врангель,—да я въ Кутаисѣ вѣшалъ по семи разбойниковъ въ день безъ всякаго суда!"

Я долженъ попросить у автора извиненія, ибо вынужденъ сказать: не вѣрю; ничего подобнаго Врангель не могъ сказать. Автору измѣнила память. Можетъ быть, баронъ сказалъ: на Кавказѣ по семи разбойниковъ въ день вѣшали безъ суда. И хотя это только *une manière de parler*, потому что ни по семи разбойниковъ въ одинъ день, *ни безъ суда*, и на Кавказѣ никого не вѣшали (случалось иногда повѣшеніе безъ суда измѣнника и то въ 20-хъ годахъ, при А. П. Ермоловѣ), однако я готовъ допустить, что въ минуту вспыльчивости Врангель могъ такое сказать. Но приписать это себѣ и въ Кутаисѣ, гдѣ онъ пробылъ генералъ-губернаторомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и то на бумагѣ, даже не доѣхавъ до Кутаиса?! Въ Кутаисѣ, среди мирнаго, *христіанскаго* населенія, гдѣ, въ теченіе 30 лѣтъ моей службы на Кавказѣ, не была ни разу поставлена висѣлица (по крайней мѣрѣ я объ этомъ не слышалъ и не читалъ), вѣдь это шутка! Наконецъ, ни генералъ-губернаторы, ни командующіе войсками не имѣли ни малѣйшаго права вѣшать, да еще безъ суда; потому что даже предать военному полевому суду и затѣмъ утвердить смертный приговоръ предоставлялось только полномочному императорскому намѣстнику и главнокомандующему. Нѣтъ, какъ угодно, не могъ этого сказать баронъ А. Е. Врангель, человѣкъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, благородный, не лгунъ, не фатъ, не глупецъ.

Еще бо̀льшимъ подтвержденіемъ моего предположенія, что автору воспоминаній измѣнила память, можетъ служить слѣдующее продолженіе его разсказа. „Лучшею иллюстраціею къ характеристикѣ барона Врангеля можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ его боевой Кавказской службы. При блокадѣ аула Веденя, когда рѣшено было штурмовать это послѣднее убѣжище Шамиля, Врангелю предназначалась самая трудная и опасная операція. Вдругъ, за нѣсколько минутъ до момента назначеннаго штурма, отъ фельдмаршала князя Барятинскаго получается контръ-приказаніе. Врангель очень хорошо зналъ, что фельдмаршалъ не допускаетъ ни малѣйшихъ нарушеній въ воинской дисциплинѣ и никогда ихъ не прощаетъ, и все-таки не послушался приказа и повелъ свои войска на штурмъ. Несмотря на

блистательный результатъ этого ослушанія (Веденъ былъ взятъ и Шамиль сдался), оно не прошло для Врангеля совершенно безслѣдно".

Жаль, что авторъ не упомянулъ, какой шутникъ разсказалъ ему эту, вовсе неостроумную сказку, могущую вызвать смѣхъ у всякаго, маломальски знакомаго съ исторіею Кавказскихъ военныхъ событій человѣка, да, полагаю, и вообще у военнаго читателя. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности нашихъ военныхъ дѣйствій 1859 года, закончившихъ полувѣковую борьбу на Восточномъ Кавказѣ; любопытствующіе могутъ ознакомиться съ ними въ моей „Исторіи Кабардинскаго полка", или въ „Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго". Я ограничусь нѣсколькими словами, чтобы уважаемый авторъ прекрасной статьи о Симбирскихъ пожарахъ могъ видѣть, какъ его мистифицировали.

1) Веденъ блокировалъ и взялъ 1-го Апрѣля 1859 года графъ Евдокимовъ, командовавшій войсками лѣваго крыла; баронъ Врангель тамъ вовсе не былъ. Веденъ не составлялъ послѣдняго убѣжища Шамиля, и онъ тамъ не сдавался. 2) Послѣднее убѣжище Шамиля былъ Гунибъ, взятый войсками барона Врангеля 25 Августа 1859 года, и здѣсь-то сдался Шамиль. Самое взятіе Гуниба совершилось, можно сказать, неожиданно, по почину самихъ начальниковъ колоннъ, расположенныхъ вокругъ Гуниба. Имъ было разрѣшено главнокомандующимъ дѣлать попытки взобраться на почти неприступную гору Гунибъ. Баронъ Врангель былъ ближайшимъ начальникомъ войскъ блокировавшихъ Гунибъ; но тутъ же присутствовалъ самъ главнокомандующій съ начальникомъ главнаго штаба арміи Д. А. Милютинымъ, и всѣ распоряженія исходили отъ нихъ; никакого штурма назначаемо не было, слѣдовательно и отмѣнять его не приходилось. Напротивъ, въ предположеніи, что невозможно взобраться иначе, какъ по единственной дорожкѣ, загражденной укрѣпленіями и защищаемой немногочисленнымъ, но отчаяннымъ гарнизономъ горцевъ, было рѣшено повести правильную осаду, порученную инженерному генералу Кесслеру, и уже сдѣланы были распоряженія къ доставленію нужныхъ осадныхъ средствъ. Рано утромъ 25 Августа, войска на трехъ пунктахъ совершенно неожиданно появились на Гунибѣ, что̀ вынудило и ген. Кесслера двинуть свою колонну прямо противъ укрѣпленія. И баронъ Врангель, и главнокомандующій, находившіеся въ лагерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гуниба, узнали объ этомъ, когда войска уже взошли на гору и окружили аулъ Гунибъ. 3) Князь Барятинскій, желая непремѣнно взять Шамиля живымъ, не позволялъ штурмовать аула; послѣ долгихъ переговоровъ и убѣжденій, нашъ знаменитый противникъ, наконецъ, рѣшился выйти и сдаться. Первые встрѣтившіе его у стѣнокъ самаго аула были: баронъ Врангель, начальникъ его штаба князь Д. И. Святополкъ-Мирскій, полковникъ Лазаревъ и я, посланный туда главнокомандующимъ съ особыми приказаніями. Великая заслуга барона Врангеля была не во взятіи Гуниба, а въ переправѣ чрезъ Андійское Койсу у Сагрытло, что̀ повело къ массовой покорности Дагестанскихъ горцевъ и къ потерѣ Шамилемъ надежды на спасеніе. Орденъ Св. Геор-

гія 3-го класса былъ наградой барону. Если князь Барятинскій былъ не совсѣмъ доволенъ Врангелемъ, то вовсе не потому что онъ, вопреки приказанію, что-нибудь штурмовалъ (этого не осмѣлился бы сдѣлать одинъ и не допустилъ бы другой), а по причинамъ вышеуказаннымъ и главнѣйше по убѣжденію, что баронъ не соотвѣтствуетъ предстоявшей главному начальнику Дагестана серьезной задачѣ ввести прочную администрацію среди только что покореннаго обширнаго края. Тѣмъ не менѣе князь Барятинскій цѣнилъ во Врангелѣ боеваго генерала и прекраснаго человѣка.

Если и это недостаточно убѣдительно, то пусть авторъ вникнетъ въ смыслъ его собственныхъ показаній по дѣлу о Симбирскихъ пожарахъ и, отрѣшившись отъ личныхъ симпатій къ покойному барону, положа руку на сердце, можетъ ли повторить свои слова: „Я скажу прямо, что выборъ покойнаго Государя нельзя не признать удачнымъ“?

Въ чемъ заключалась главная миссія, порученная барону? По моему мнѣнію, въ двухъ пунктахъ: а) возстановить довѣріе къ власти открытіемъ и наказаніемъ виновныхъ въ поджогахъ; б) исполненіемъ личнаго повелѣнія Государя, высказаннаго въ слѣдующихъ словахъ: „Требую, чтобы ты снялъ съ моихъ войскъ наложенное на нихъ пятно оклеветаніемъ въ поджогахъ и, надѣюсь, что ты съумѣешь исполнить это“. Все остальное (какъ раздачу погорѣльцамъ пособій, прекращеніе пожаровъ и безъ того уже почти утихавшихъ, водвореніе порядка) могъ отлично исполнить дѣльный губернаторъ, посланный безъ промедленія и съ обѣщаніемъ полной поддержки со стороны министра, на смѣну Анисимову.

Изъ всего разсказа г. Милошевича ясно, что виновниками пожаровъ онъ признаетъ Поляковъ, которыми были наполнены Симбирская и другія Поволжскія губерніи. Читая страницы 60—63 „Русскаго Вѣстника“, нельзя придти къ другому заключенію. Тамъ приводятся обстоятельства, *документально дознанныя при Врангелевскомъ управленіи*, что „слухи о пожарахъ зародились за 9 мѣсяцевъ до начала пожаровъ; что Польское нашествіе заполонило Симбирскій край со всѣхъ сторонъ; въ полиціи, администраціи, въ судѣ и въ войскахъ, въ городахъ и селахъ Поляки вездѣ имѣли соотечественниковъ-пособниковъ. Оставаясь безъ всякаго полицейскаго надзора, они пользовались полною свободою передвиженія съ мѣста на мѣсто; водворенные въ уѣздахъ, спокойно проживали въ Симбирскѣ и безъ всякой помѣхи устраивали свои сходки и совѣщанія. О съѣздахъ въ Симбирскѣ и проживаніи тамъ безъ разрѣшенія поднадзорныхъ Поляковъ было не безъизвѣстно *); не безъизвѣстно было **) о существованіи въ Симбирскѣ тайныхъ сходокъ; власть знала о волновавшихъ городъ слухахъ о пожарахъ еще задолго до ихъ начала; сыновья бывшаго полицеймейстера В., завѣдомые бунтари, устраивали у себя тайныя собранія, на которыя лѣтомъ пріѣзжали подозрительныя личности изъ Петербурга; нѣкоторые изъ про-

*) Кому?

**) Да кому же?

живавшихъ въ Симбирскѣ Поляковъ, впослѣдствіи заподозрѣнные въ поджогахъ, имѣли сообщеніе съ арестантами Польскаго происхожденія въ тюремномъ замкѣ. А Симбирская арестантская рота гражданскаго вѣдомства, наполнявшаяся преступниками изъ осужденныхъ повстанцевъ и другихъ активныхъ дѣятелей мятежа, вдохновляла организаторовъ поджоговъ и помогала увѣренности ихъ въ успѣшномъ и безнаказанномъ выполненіи; тамъ имѣлось много испытанныхъ на практикѣ повстанья мастеровъ пожарныхъ дѣлъ. Наконецъ, *имѣлись въ рядахъ войскъ дисциплинированные своими офицерами изъ Поляковъ,* въ родѣ разстрѣлянныхъ Өедорова и Григорьева".

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!.. И что́ же? Съ такими данными въ рукахъ попытались ли разсѣять туманъ, ловко напущенный на Симбирскія происшествія? Найдены тѣ, кому было не безъизвѣстно о тайныхъ сборищахъ? Или офицеры, которые дисциплинировали Өедоровыхъ? Нѣтъ. Не отрѣшивъ даже отъ должности непозволительнаго губернатора *), не назначивъ тотчасъ же на его мѣсто другаго энергическаго, надежнаго человѣка, разстрѣляли двухъ солдатъ, одного—до фанатизма окатоличеннаго ксендзами, другаго—„дисциплинированнаго офицерами изъ Поляковъ!" Развѣ этимъ открыли виновныхъ, наказали ихъ, возстановивъ довѣріе народа къ власти? Не напротивъ ли? Не далъ ли баронъ такимъ образомъ повода простонародью говорить, что вотъ-де офицеры, да ксендзы, да бунтари изъ полицеймейстерскихъ сынковъ устраивали поджоги, а простаго дурня солдата разстрѣливаютъ?

Еще важнѣе 2-й пунктъ. Само собою, Государю, и безъ того удрученному Польскимъ возстаніемъ, безпорядками среди учащейся молодежи, очевидною расшатанностью всей машины государственнаго управленія, было прискорбно подумать, что и въ рядахъ искони доблестной арміи, въ этой опорѣ порядка, могли оказаться бунтари и поджигатели. Говоря съ Врангелемъ, онъ выражалъ надежду, что посылаемый съ неограниченными почти правами и довѣріемъ генералъ-адъютантъ съумѣетъ открыть дѣйствительныхъ виновниковъ и тѣмъ самымъ сниметъ съ войскъ пятно оклеветанія ихъ въ поджогахъ. Иначе нельзя понимать словъ Государя. По смыслу же разсказа г. Милошевича, баронъ Врангель какъ будто понялъ эти слова такъ, что „дѣлай какъ знаешь и какъбы тамъ ни было, а съ войскъ пятно клеветы сними". Но это невѣроятно. Государь не могъ давать подобнаго повелѣнія, какъ бы требуя неискренности, фальши отъ своего довѣреннаго лица; а Врангель долженъ былъ понимать, что его обязанность говорить своему Государю въ такихъ важныхъ случаяхъ правду, и только одну правду. Онъ долженъ былъ доложить, что если окажется, что войска оклеветаны, то не только торжественнымъ образомъ будетъ снято съ нихъ пятно, но кле-

---

*) Министръ внутр. дѣлъ гр. Валуевъ защищалъ этого губернатора, находя, что *губернаторъ не брандмейстеръ!!* Анисимовъ получилъ высшее назначеніе, членомъ Совѣта министра.—Да, были времена!...

ветники понесутъ безпощадное наказаніе; если же, къ несчастью, будетъ доказана виновность людей изъ рядовъ войскъ (вѣдь это возможно: въ семьѣ не безъ урода), то нечего дѣлать—нужно будетъ виновныхъ примѣрно наказать и огласить дѣло, что гораздо правильнѣе, чѣмъ скрывать и давать пищу толкамъ, преувеличеніямъ, обобщеніямъ.

Полагаю, что такъ слѣдовало смотрѣть на дѣло. Баронъ Врангель былъ честный, нравственный человѣкъ; я не могу допустить, чтобы въ этомъ печальномъ дѣлѣ Симбирскомъ онъ держался обдуманно фальшивой системы дѣйствій, желая изъ угожденія скрывать истину. Нѣтъ; вся суть въ его слабохарактерности, непослѣдовательности, легкомъ подчиненіи чужому вліянію; въ странномъ сочетаніи въ немъ мужскихъ чертъ храбрости, безстрашія, съ женственною капризностью, въ этомъ придаваніи большой важности мелочамъ и въ упрямствѣ, съ какимъ онъ настаивалъ на своемъ взглядѣ или рѣшеніи, продуктахъ больше его воображенія, чѣмъ разума.

Г. Милошевичъ тоже держится высказаннаго мною взгляда на значеніе словъ Государя, сказанныхъ Врангелю. Когда стала довольно ясно обнаруживаться безуспѣшность трудовъ слѣдственной комиссіи, онъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы убѣдить Врангеля въ необходимости снять запретъ, ограничивающій дѣятельность комиссіи однимъ гражданскимъ вѣдомствомъ. *Имѣлись указанія*, говоритъ г. Милошевичъ, *что дознанія въ Самарскомъ пѣхотномъ полку и въ мѣстномъ батальонѣ внутренней стражи привели бы къ болѣе существеннымъ открытіямъ*; но каждый разъ онъ встрѣчалъ категорическій, ничѣмъ не мотивированный отказъ. Наконецъ, когда самъ Врангель убѣдился, что дѣло открытія виновныхъ окончательно ускользаетъ изъ его рукъ, представился случай къ рѣшительному объясненію. Баронъ въ первый разъ показалъ подлинную инструкцію, полученную имъ *), и тутъ же передалъ всѣ подробности аудіенціи, которую онъ имѣлъ наканунѣ выѣзда своего въ Симбирскъ. „Какъ хотите, закончилъ онъ, чтобы я, *послѣ того какъ далъ слово Государю* смыть пятно съ военнаго мундира, рѣшился размазывать еще это пятно?“

Далъ слово! Какъ же онъ, еще не выѣзжая изъ Петербурга, могъ давать слово, сдержаніе котораго зависѣло отъ обстоятельствъ, ему совершенно неизвѣстныхъ, для разслѣдованія которыхъ онъ именно и долженъ былъ ѣхать? И могъ ли Государь требовать слова въ такомъ смыслѣ?

Никакія убѣжденія г. Милошевича, что баронъ ложно понимаетъ слова Государя; что высшее правосудіе не можетъ быть удовлетворено иначе, какъ только соотвѣтственнымъ наказаніемъ виновныхъ, запятнавшихъ мундиръ; что, въ свою очередь, и войско не можетъ быть удовлетворено ничѣмъ инымъ, какъ изъятіемъ изъ его среды недостойныхъ членовъ, ни что не дѣйствовало: баронъ Врангель стоялъ на своемъ. „Не могу, не могу, да и поздно уже теперь“, были его послѣднія слова.

---

*) Жаль, что авторъ не говоритъ объ ней подробнѣе.

Авторъ воспоминаній, въ другомъ мѣстѣ (стр. 67), говоритъ, какъ бы въ подкрѣпленіе своего заключенія, что выборъ Государя былъ удачный: „Къ *великой* его (Врангеля) *заслугѣ* слѣдуетъ отнести уже то, что онъ имѣлъ *добросовѣстность не придавать* порученному ему *дѣлу, оказавшемуся не очень значительныхъ размѣровъ, событія чрезвычайной важности.* Врангель не страдалъ недугомъ честолюбія“.

Помилуйте, какая заслуга, да еще великая, со стороны проконсула, считать порученное ему дѣло незначительнымъ, неимѣющимъ чрезвычайной важности? Самое назначеніе такого полномочнаго лица уже придаетъ дѣлу характеръ чрезвычайной важности. Да Симбирское дѣло и было въ дѣйствительности таковымъ. Нужно быть большимъ партизаномъ добродушно-философской теоріи, что „все-де къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ“, чтобы систематическіе поджоги въ цѣломъ краѣ, возбуждающіе полное недовѣріе къ власти, очевидно стремящіеся произвести волненія и безпорядки, несомнѣнно съ политическою цѣлью, дабы ослабить энергію и силы правительства въ борьбѣ съ возстаніемъ въ Польшѣ, съ грозившею вмѣшательствомъ Европейской коалиціею, чтобы такія дѣла считать незначительнымъ событіемъ? И это во время неулегшагося еще возбужденія, вызваннаго освобожденіемъ крестьянъ, когда не было недостатка въ голосахъ недовольныхъ и пессимистовъ, грозившихъ безпорядками среди получившихъ свободу рабовъ; во время появленія подпольныхъ манифестовъ съ „золотыми печатями“ о землѣ и волѣ, во время уловленія школьнаго юношества въ сѣти Бакунинскихъ проповѣдей о спасеніи человѣчества посредствомъ анархіи!

Помилуйте, какой же—не говорю государственный—а просто разумный, зрѣлаго возраста человѣкъ, могъ бы не придать важнаго значенія такому дѣлу, какъ-то, которое Государь счелъ нужнымъ поручить своему генералъ-адъютанту, предоставивъ ему исключительныя права,—дѣлу, по которому сочли нужнымъ разстрѣлять двухъ человѣкъ *для устрашенія?*

Нѣтъ, баронъ Врангель не могъ считать порученнаго эму дѣла неимѣющимъ чрезвычайнаго значенія; еслибы это было дѣйствительно такъ, то пришлось бы признать его бездарнымъ, ограниченнымъ человѣкомъ, чего въ дѣйствительности не было. Государственнымъ человѣкомъ, конечно, онъ не былъ; но это еще не равнозначуще съ бездарностью, съ ограниченностью.

И на счетъ честолюбія авторъ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ ошибается. Врангель былъ честолюбивъ, какъ и всякій почти служащій, особенно военный человѣкъ; его очень радовали и аксельбанты, и ордена, и знаки милостиваго расположенія Государя. Я помню, какъ онъ плохо скрылъ свое огорченіе, когда генералъ Гильденштуббе былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а самъ онъ оставался членомъ Военнаго Совѣта. Да, наконецъ, развѣ честолюбіе порокъ? Развѣ это не двигатель къ оказанію великихъ заслугъ! Отсутствіе честолюбія, напротивъ, скорѣе можетъ быть даже недостаткомъ въ служащемъ военномъ человѣкѣ. На

всѣхъ поприщахъ государственной, общественной дѣятельности, въ литературѣ, искусствахъ, во всемъ честолюбіе, желаніе пріобрѣсти славу, извѣстность—сильнѣйшій рычагъ. Предоставимъ людямъ „не отъ міра сего" отсутствіе честолюбія, какъ особенно высокое качество; а намъ, грѣшнымъ, оно не въ укоръ. Да и честолюбіе честолюбію рознь.

И такъ, баронъ Врангель, считая невозможнымъ достигнуть полнаго успѣха въ исполненіи возложенной на него миссіи, сталъ тяготиться пребываніемъ въ Симбирскѣ и, не взирая на неудовольствіе, съ которымъ Государь отказалъ ему въ разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ, настойчиво повторилъ просьбу о своемъ отозваніи, которое и состоялось. Въ длинномъ письмѣ къ шефу жандармовъ, князю В. А. Долгорукову баронъ подробно изложилъ результатъ своихъ дѣйствій въ Симбирскѣ. Между прочимъ онъ указывалъ, что „особые труды войскъ по охраненію безопасности и имущества населенія и по обыскамъ мѣстъ, гдѣ укрывались бродяги, заставили всѣхъ по прежнему видѣть въ войскахъ охранителей спокойствія и безопасности мирныхъ жителей. Дружелюбное довѣріе и пріязнь къ войскамъ возвратились столь же быстро, какъ и были поколеблены".

Этимъ фразамъ баронъ Врангель вѣроятно хотѣлъ придать смыслъ снятія пятна, наложеннаго *клеветой*, обвинявшей войска въ поджогахъ. Неудивительно, что Государь принялъ его немилостиво и еще долго выказывалъ ему неблаговоленіе.

Послѣ всего вышесказаннаго, довольно страннымъ кажется выводъ г. Милошевича, что „выборъ покойнаго Государя нельзя не признать удачнымъ".

Съ чувствомъ самаго искренняго расположенія отношусь я къ памяти милаго, симпатичнаго барона Александра Евстафьевича, портретъ котораго виситъ у меня надъ письменнымъ столомъ; но истина прежде всего, и потому не могу умолчать, что, по свойству его характера, онъ вовсе не соотвѣтствовалъ роли проконсула въ Симбирскѣ.

Г. Милошевичъ заканчиваетъ свой интересный разсказъ словами: „миръ праху твоему, доблестный воинъ!" И я повторю: миръ праху твоему, доблестный воинъ, прекрасный человѣкъ, но не генералъ-губернаторъ!

Симбирскіе пожары—одинъ изъ эпизодовъ, на которые исторія въ свое время должна обратить не меньшее вниманіе, чѣмъ на многія другія событія въ эпоху царствованія императора Александра II-го. Все, что можетъ уяснить темныя стороны въ этихъ событіяхъ, слѣдуетъ считать матеріаломъ для исторіи, и единственно этой цѣли посвятилъ я настоящія строки.

А. Зиссерманъ.

Іюль 1891.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 61-й, кв. 11 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составители и издатели „Русскаго Архива" П. Бартеневъ, Ю. Бартеневъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1892 году на прежнихъ основаніяхъ (годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

10.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1891.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 годъ.

(Двѣнадцать книжекъ, составляющихъ три больщіе тома).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ.

Государыня-публицистъ. (Журнальная дѣятельность императрицы Екатерины Великой). Статья **Е. С. Шумигорскаго.**

Записки **Ѳ. Я. Мирковича.** (Царствованіе Павла.—Масонство въ Русскихъ полкахъ.—Директоромъ втораго кадетскаго корпуса.—Николай Павловичъ въ Тёплицѣ.—Виленскимъ военнымъ губернаторомъ.—Бесѣды съ Николаемъ Павловичемъ).

Тайная переписка о предполагавшемся бракѣ Наполеона съ великой княжной Анной Павловной. Съ предисловіемъ и объясненіями **С. С. Татищева.**

Бесѣды князя Адама Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

Воспоминанія **М. М. Муромцова** (1812 г.).

Воспоминанія **графа Рошешуара.** (Путешествіе М. А. Нарышкиной по Югу Россіи.—1812 годъ.—Близость къ Александру Павловичу).

Воспоминанія Французскаго дипломата **Баранта.**

Воспоминанія **барона А. П. Николаи.** (Даргинскій походъ).

Генералъ-губернаторство князя Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ. Статья **А. А. Чумикова.**

Воспоминанія стараго служаки. Венгерская война. **А. Алексѣенки.**

Воспоминанія **Г. Д. Щербачева.** Двѣнадцать лѣтъ молодости.

Воспоминанія **А. Н. Андреева.**

Воспоминанія **Б. Н. Чичерина.**

Письма **князя Воронцова** къ графу Бенкендорфу о крѣпостномъ правѣ.

Князь Воронцовъ и А. П. Ермоловъ. Ихъ переписка (1845—1855). (*См. на 3-й стр.*).

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Взятіе Тавриза 1827 *).

Тавризъ, столица Адербиджана и пребываніе Аббасъ-Мирзы, лежитъ на пространной равнинѣ, простирающейся на Югъ, и у южной подошвы горъ, кои по вышинѣ своей не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Вся равнина и городъ потянуты пасмурнымъ цвѣтомъ пыли и земли. Маловодіе есть отличительная черта всей страны; зелени не видно кромѣ засѣянныхъ луговъ, не въ большомъ количествѣ, и садовъ окружающихъ деревни, надъ коими возвышаются тополи, служившіе нашимъ фуражирамъ маьками.

Въ самомъ Тавризѣ употребляютъ воду проведенную изъ горъ подземными въ нѣкоторыхъ улицахъ каналами, такъ что массы воды нигдѣ не видно, исключая басейновъ, гдѣ она собирается съ большимъ тщаніемъ на дворахъ всѣхъ почти лучшихъ домовъ и служитъ главнымъ украшеніемъ оныхъ; русло же рѣки, видное въ городѣ, не содержитъ ни капли воды, и рѣка Аджи-Чай не имѣла почти совсѣмъ воды, когда мы подходили. Большой каменный мостъ на оной свидѣтельствуетъ, что она не всегда бываетъ въ такомъ состояніи; но вода въ ней горькосоленоватая и не годится къ употребленію, что доказываетъ и самое названіе: ибо *Аджи* по турецки значитъ *горькой*, а *Чай-рѣка*.

Лѣтомъ зной бываетъ очень силенъ въ Тавризѣ и окрестностяхъ онаго, а зимою холодъ очень ощутителенъ: морозы доходятъ до 18-ти градусовъ, что я слышалъ отъ Англичанъ тамъ живущихъ, которые говорили мнѣ, что однажды Персіяне перевозили свою артилерію черезъ рѣку Аджи-Чай по льду. Когда наши войска зимовали въ Тавризѣ, то были подряжены поставщики для дровъ въ войска по разчисленію, и сіе, кажется, вмѣнялось въ уплату обыкновенныхъ податей жителямъ. Но наши не умѣли довольствоваться симъ отпускомъ, а жители никакъ не умѣли устеречь у своихъ жилищъ дверей, кои обращались въ дрова. На варенье каши солдатамъ посту-

*) См. выше стр. 5.

пила, какъ я слышалъ, и большая часть росписныхъ или рѣзныхъ дверей дворца Аббасъ-Мирзы. За дверями слѣдовали высокіе пороги, тамъ косяки, рамы, наконецъ балки, и я слышалъ, что дворецъ Аббасъ-Мирзы и многія другія строенія много потерпѣли въ Тавризѣ въ зиму того года, которая была очень сурова; но сіе случилось уже гораздо послѣ нашего вступленія и, вѣроятно, произошло отъ безпорядка или упущенія начальниковъ...

Народонаселеніе въ Тавризѣ большое, и я полагаю, что городъ сей содержитъ отъ 70 до 90,000 жителей, между коими Армянъ очень немного; ибо Персіяне къ промышленности и торговымъ оборотамъ не менѣе способны Армянъ, а потому и владѣютъ сею отраслью доходовъ. Вообще городъ сей можно назвать богатымъ; дѣятельности много замѣтно, и въ оборотѣ видно много золота. Нравы развратны. Народъ вѣроломный, лживый, безчестный и отчасти пьяный, но скрытно-пьяный. Тотъ кто будетъ полагать, что народъ въ Персіи загнетенъ деспотическимъ правленіемъ, ошибется. Я не нахожу, чтобы въ Европѣ народъ пользовался такою волею какъ въ Азіи. Народъ повинуется только силѣ, которая рѣдко до него касается и которую онъ находитъ случаи избѣгать, но не повинуется царскому правленію по обязанности. Народъ сей покоренъ, считаетъ покорителей своихъ людьми другаго племени и управляется демократически, т. е. старшинами избранными изъ среди онаго, а царь уже имѣетъ дѣло со старшиною, коего жалуетъ по мѣрѣ заслугъ его престолу. Но лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ царь вмѣшивается во внутреннее распоряженіе народомъ, предоставляя все сіе старшинамъ и касаясь прямыми сношеніями народа только въ крайности или въ уголовныхъ дѣлахъ. Сіе-то правленіе и было причиною, что вражда между народомъ въ Персіи и иноплеменнымъ шахомъ (котораго называютъ Каджаромъ, по имени его племени) есть постоянная, и власть шаха знаменуется только на приближенныхъ къ престолу людей или составляющихъ его дворъ и войско; народъ же свободенъ и богатъ. Онъ терпитъ тогда только, когда правители идутъ вооруженною рукою собирать недоимки или какіе-нибудь новые налоги; въ такомъ случаѣ жители бѣгутъ и на время нашествія уклоняются въ сосѣдственныя горы со своими семействами и малымъ имуществомъ и возвращаются въ свои прежнія жилища по удаленіи собирателей. Тоже самое повторяется во всѣхъ ханствахъ и частяхъ правленія въ Персіи. Жители въ Тавризѣ и вездѣ называютъ себя Терли, т. е. *мѣстный*, въ различіе служащихъ шахъ-или шахъ-задовъ, Каджаровъ. Въ Тавризѣ былъ тогда главнымъ старшиною Фетъ-Али, который пожалованъ былъ ханомъ и носилъ званіе беглеръ-бека или губернатора. Человѣкъ сей служилъ и шаху, и Аббасъ-Мирзѣ, и народу, и намъ.

нѣсколько разъ былъ подъ гнѣвомъ Аббасъ-Мирзы, и даже, помнится мнѣ, однажды наказанъ имъ палками по пятамъ, но сохранялъ свое мѣсто вѣроятно по довѣренности, которою онъ пользовался въ народѣ. Мнѣ кажется справедливо сравнить нынѣшнее правленіе въ Персіи и отношеніе народа или племенъ къ правительству съ управленіемъ и сношеніями, существовавшими въ древней Греціи, при завоеваніи республикъ сосѣдственными сильными государствами, какъ то Македонянами, Римомъ и отчасти временно Персіею. Народъ сохранялъ свои права, обычаи и судъ старшинъ, а въ царяхъ видѣлъ болѣе завоевателей, имѣющихъ на него сильное вліяніе, но не разстроившихъ его домашняго управленія.

Во время посольства нашего въ Персію въ 1817-мъ году Тавризъ былъ открытой городъ, и слѣды укрѣпленій нами замѣченныхъ не могли его ставить на ряду крѣпостей; но въ 1827-мъ году столица сія уже была совершенная и сильная крѣпость. Городъ окруженъ высокою стѣною съ башнями, съ распещренными въ иныхъ мѣстахъ зубцами. Впереди стѣны сей городъ обведенъ Европейскимъ правильнымъ укрѣпленіемъ, бастіонами съ куртинами, глубокимъ сухимъ рвомъ, въ иныхъ мѣстахъ съ люнетами и гласисомъ. Укрѣпленія сіи очень правильно, выстроены и содержаны съ большою чистотою, но обшиты не дерномъ, а, кажется, нежженымъ кирпичемъ, что̀ достаточно въ сухомъ климатѣ. Орудія на валу были поставлены полевыя, батарейныя, отличной работы и въ большой исправности, что̀ несвойственно обычаю Азійскихъ народовъ и чего не было ни въ одной изъ взятыхъ у Персіянъ крѣпостей. Въ Аббасъ-Абадѣ было нѣсколько больше порядка обыкновеннаго; но въ Эривани, кажется, и въ Сердаръ-Абадѣ, крѣпостныя орудія, за исключеніемъ нѣсколькихъ полевыхъ, оставленныхъ Аббасъ-Мирзою при его отступленіи, можно было назвать неспособными къ дѣйствію: лафеты состояли изъ двухъ необтесанныхъ досокъ на деревянныхъ каткахъ, вырубленныхъ изъ бревна, въ коемъ просверлили середину для оси или толстой палки.

Крѣпость Тавризская имѣетъ въ окружности болѣе 5-ти верстъ, можетъ быть и до 7-ми. Въ южной оконечности оной находится цитадель, называющаяся Аркъ. Кромѣ вновь сдѣланной ограды, т. е. стѣны съ башнями, составляющей сію цитадель, имѣется еще въ южной оконечности оной высокая, обширная и древняя башня, которую видно весьма далеко. И въ самомъ дѣлѣ, размѣры оной необыкновенны: она въ поперешникѣ имѣетъ, можетъ, сажень 20 или болѣе и около 30 сажень (развѣ безъ малаго) въ вышину; построена изъ жженаго кирпича и заключаетъ въ себѣ особенную оборону и жилыя комнаты. Зданіе сіе одно изъ древнѣйшихъ въ Тавризѣ и служило еще въ недавнемъ

12*

времени мѣстомъ казни: съ онаго сбрасывали виновныхъ, и каратель могъ наслаждаться симъ зрѣлищемъ, расположась для сего въ самыхъ высокихъ покояхъ.

Въ цитадели заключаются арсеналъ, литейный дворъ, цейхгаузы, главный магазейнъ и, помнится мнѣ, колодезь или подземный водопроводъ. Передъ стѣнами, обращенными къ городу, не имѣется эспланады, а самыя стѣны составляютъ улицу, коей противуположная сторона застроена домами. Кругомъ же всей крѣпости расчищено нѣсколько на разстояніи 100 или 120 сажень; сію разчистку дѣлали уже въ 1826 году. Но мѣсто не выровнено, и во многихъ мѣстахъ оставались еще разваленныя стѣнки. Воротъ въ крѣпости до 12-ти, большею частью хорошо выстроенныхъ и съ надежною обороною; подъ воротами же или при оныхъ имѣются караульни. Всѣ сіи строенія свидѣтельствуютъ объ усиліяхъ владѣльца вкоренить Европейскій порядокъ въ безтолковомъ царствѣ, между народомъ, не постигающимъ пользы сего, и успѣхи, Аббасъ-Мирзою достигнутые, въ самомъ дѣлѣ значительны. Онъ былъ бы преобразователемъ Персіи, еслибъ ему не препятствовали отецъ его, слабый и зараженный предразсудками, зависть братьевъ его и непріятное сосѣдство Россіи, побороющей всѣ учрежденія такого рода, которыя слишкомъ могутъ усилить Персію.

*) Литейный дворъ находится въ цитадели. Литье орудій производилось съ успѣхомъ, удовлетворяющимъ небольшимъ нуждамъ немногочисленной Персидской полевой артилеріи. Онъ управлялся Персіяниномъ, учившимся въ Англіи лить пушки. Человѣкъ сей, одѣтый въ Персидскомъ платьѣ, носилъ бороду, говорилъ свободно по-англински, имѣлъ образованіе Европейское и былъ женатъ на Англичанкѣ. Я забылъ его имя. Онъ кромѣ того управлялъ и всѣми заведеніями такого рода и имѣлъ списки арсенала, находившагося также въ цитаделѣ. Арсеналъ сей былъ не великъ, но содержался въ порядкѣ. Въ немъ было тысячи двѣ или три Англинскихъ ружей 8-ми линейнаго калибра и различнаго рода снаряды для артилеріи и пѣхоты, частью и для кавалеріи, коей прежде былъ одинъ регулярный полкъ, распущенный въ послѣдствіи времени за расходами, которые для правительства казались слишкомъ велики. Пороховой заводъ былъ за городомъ и также не обширенъ, но весьма хорошо устроенъ. Всѣ сіи заведенія были нами истреблены; на пушечномъ же заводѣ было вылито нами два орудія со стемпелемъ *Тавриза*, которыя, кажется, хранятся теперь въ Москвѣ.

Дворецъ Аббасъ-Мирзы выстроенъ близъ Тегеранскаго выѣзда. Снаружи едва можно замѣтить, что тутъ какое либо строеніе. Изъ тѣ-

*) Писано уже въ Петербургѣ, 7 Сентября 1830 года. Н. Б.

снаго переулка поворачиваешь въ темный коридоръ, въ нечистыхъ стѣнахъ коего расположено нѣсколько торговыхъ лавочекъ, и коридоръ сей ведетъ на дворъ, на коемъ посажено нѣсколько рядовъ розовыхъ кустовъ. Въ концѣ двора, огражденнаго стѣною, выложенною изъ нежженаго кирпича, виденъ рядъ разноцвѣтныхъ маленькихъ стеколъ, вставленныхъ въ большія оконныя рамы, вверхъ подымающіяся и составляющія одну изъ четырехъ стѣнъ строенія, за коимъ опять имѣется другой дворъ съ такимъ же строеніемъ. Вообще весь дворецъ состоитъ изъ дворовъ различныхъ величинъ, къ коимъ примыкаютъ со всѣхъ сторонъ строенія такого же рода. Коридоровъ и дворовъ множество; а потому и дворецъ, состоящій изъ отдѣльныхъ покоевъ, составлявшихъ жилье женъ владѣльца, очень обширенъ. Иные дворы содержатся очень чисто и имѣютъ обширные басейны, какъ и изъ покоевъ нѣкоторые убраны богато, мраморомъ и множествомъ небольшихъ зеркаловъ. Но главныя украшенія сихъ покоевъ состоятъ въ живописи, которая очень мелка, а въ иныхъ комнатахъ очень пестра и нарядна. Видны и позолота, и искусная рѣзьба, и изваянія на стѣнахъ. Въ другихъ комнатахъ на стѣнахъ изображены побѣды Аббасъ-Мирзы, написанныя самою грубою кистью, въ родѣ картинъ нашего Бовы-Королевича и Ильи Муромца, и вообще изображенія охотъ, подвиговъ славнаго витязя Рустема, пляски наложницъ, портреты ихъ, и между ними изображеніе Богородицы, держащей на рукахъ Спасителя, окруженной девятью лицами. Трудно найти что нибудь страннѣе. Строенія сіи не представляютъ никакихъ удобствъ для жизни, исключая прохлады во время лѣта; зимою въ нихъ нестерпимый холодъ, ибо печей нѣтъ, двери не запираются, въ оконныхъ рамахъ вездѣ большія щели. Переходы изъ отдѣленія въ другое весьма сложны, а потому безъ совершеннаго знанія оныхъ во дворцѣ семъ легко заблудиться. Въ одномъ изъ сихъ отдѣленій помѣщались у Аббасъ-Мирзы нѣкоторыя мастерскія, за которыми онъ могъ самъ наблюдать, какъ то слесарня и столярня, снабженыя самыми лучшими Англинскими инструментами. Тутъ былъ также особенный небольшой арсеналъ, и тутъ же мы нашли амуницію еще окровавленную съ людей, коихъ мы потеряли въ несчастномъ сраженіи, данномъ Красовскимъ 17-го Августа при Ушаганѣ.

Мы выступили изъ лагеря близъ Саглана, подвигались къ Тавризу, и къ изумленію нашему изъ города никто не выѣзжалъ къ намъ на встрѣчу. Всѣ молчали и не знали, къ чему можно было приписать подобную тишину. Одинъ только житель, намъ нечаянно встрѣтившійся, сказалъ, что городъ сдается безъ драки. На сіе показаніе нельзя было положиться. Я начиналъ думать, что мы встрѣтимъ сильное сопротивленіе. Сіе меня безпокоило; но дѣлать уже было нечего, и я

рѣшился изъ первыхъ идти на приступъ, еслибъ въ семъ надобность встрѣтилась. Приблизившись къ обширнымъ предмѣстьямъ безмолвной столицы, мы были встрѣчены нѣсколькими жителями съ жертвами; ихъ закололи, и кровь ихъ орошала дорогу, по которой мы шли. На Аджи-Чаѣ прискакала къ намъ съ поля толпа всадниковъ, и начальникъ оной, бывшій ханъ Нухинскій, по имени Гусейнъ, молодой тучный человѣкъ, богато одѣтый, принесъ намъ покорность свою, говоря, что онъ служилъ въ войскахъ Аббасъ-Мирзы и нынѣ проситъ пощады и покровительства нашего. Человѣкъ сей, извѣстный по неистовству своему, былъ нѣкогда изгнанъ изъ Нухи, и мы не смѣли принять его въ число нашихъ союзниковъ безъ воли начальства. Ему дали неявственный отвѣтъ, дабы оставить его въ надеждѣ, и онъ ѣхалъ рядомъ съ нами стороною. По прибытіи Паскевича въ Тавризъ, человѣкъ сей былъ взятъ подъ стражу, не давъ къ тому никакого повода и изъ однихъ видовъ извѣстнаго Курганова, которому хотѣлось воспользоваться его богатствами и который снялъ съ него, по позволенію Паскевича, въ свою пользу золотой уборъ и богатое вооруженіе. Послѣ того онъ былъ отправленъ въ наши границы; но, воспользовавшись оплошностію офицера и казаковъ, онъ убилъ на дорогѣ перваго, а отъ другихъ ускакалъ, и съ тѣхъ поръ мы его болѣе не видали.

Алаяръ-ханъ, виновникъ войны, находился въ Тавризѣ и употреблялъ всѣ средства, дабы понудить жителей и войска къ защитѣ. Меня увѣряли, что за день до нашего прибытія онъ велѣлъ на площади срубить голову одному плѣнному офицеру нашему, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ; что въ то самое время какъ мы остановились на Аджи-Чаѣ, онъ бѣгалъ по валу и старался лично удержать при своихъ мѣстахъ сарбазовъ и артилеристовъ; онъ сдѣлалъ даже по насъ три пушечныхъ выстрѣла, но коихъ ядра до насъ не долетѣли по причинѣ отдаленія. Одному артилеристу приказалъ онъ отрѣзать носъ. Жестокій приговоръ сей былъ въ мигъ исполненъ; но пушкарь, увлеченный общимъ расположеніемъ народа не защищаться, въ знакъ непреклонности своей, въ присутствіи Алаяръ-хана поднялъ горсть земли и, приложивъ оную къ ранѣ своей, уклонился. Алаяръ-ханъ видѣлъ, что онъ не могъ болѣе удержать въ повиновеніи народъ и войско и самъ скрылся.

Все сіе случилось въ то время, какъ мы остановились на короткое время на Аджи-Чаѣ. Тутъ у насъ было довольно шумно. Сакенъ хотѣлъ непремѣнно съ кавалеріею идти вправо, обойти предмѣстья и городъ, выйти на Тегеранскую дорогу и преслѣдовать непріятеля по оной. Пылкаго предложенія сего нельзя было принять; ибо нельзя было еще утвердительно сказать, бѣжитъ ли непріятель, сдадутъ ли намъ

Тавризъ, и въ случаѣ еслибъ городъ защищался, кавалерія наша была бы отъ насъ отдѣлена крѣпостью и обширнымъ городомъ, могла встрѣтиться со вспомогательнымъ непріятельскимъ войскомъ, котораго ожидали со стороны Тегерана, и могла быть отъ насъ, кромѣ того, отрѣзана войсками самого Аббасъ-Мирзы, подвигавшимися съ праваго нашего фланга. Безъ сомнѣнія предпріятіе сіе принесло бы намъ тогда большую пользу, и мы могли бы захватить казну и женъ Аббасъ-Мирзы, которыя, какъ говорятъ, въ то самое время вывозились изъ дворца; но сего нельзя было тогда знать, и дѣйствіе такого рода было бы слишкомъ неосновательно.

Мы растянули войска свои на правомъ берегу Аджи-Чая, дабы ихъ показать какъ можно болѣе. Я и Панкратьевъ съ частью пѣхоты пошли впередъ. Эристовъ хотѣлъ непремѣнно съ нами идти; но я его уговорилъ остаться, дабы онъ мнѣ не мѣшалъ, представляя ему, что бо́льшая часть войскъ съ нимъ оставалась. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ вдоль берега рѣки; но я обставилъ его людьми, коимъ поручилъ его удержать. Вступая въ форштадтъ, мы зарядили ружья, не зная что́ будемъ дѣлать, и подвигались съ барабаннымъ боемъ. На улицахъ видно было нѣсколько жителей. Но сомнѣнія наши изчезли, когда мы вдругъ были встрѣчены толпою всадниковъ, богато одѣтыхъ, впереди коихъ ѣхалъ молодой человѣкъ, сынъ отсутствующаго губернатора Фетъ-Али-хана, Ахметъ-ханъ. Ему было отъ 19-ти до 20-ти лѣтъ; быстрые пріемы означали пылкаго и способнаго юношу; онъ за всѣхъ говорилъ, представилъ мнѣ кого надобно было изъ старшинъ города и сказалъ, что старшины давно бы уже встрѣтили насъ съ покорностью, еслибъ имъ не препятствовалъ въ томъ Алаяръ-ханъ, который хотѣлъ защищаться въ городѣ и который завалилъ и всѣ ворота; но что лишь только онъ скрылся (потому что войска его разбѣжались), всѣ бросились къ воротамъ, отвалили ихъ и встрѣтили насъ, къ чему они давно уже были готовы. Знаніе Турецкаго языка мнѣ въ семъ случаѣ много способствовало. Я обходился безъ переводчика, и всѣ прибѣгали ко мнѣ. Ахметъ-ханъ хотѣлъ, чтобы мы нѣсколько времени остановились, но мы продолжали идти съ музыкою въ сопровожденіи толпы народа. Тутъ выѣхалъ къ намъ, послѣ всѣхъ уже, муждегидъ, человѣкъ пустой и глупый; хотя къ нему старшины и показывали нѣкоторое уваженіе, но онъ въ семъ случаѣ не былъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ.

Я немедленно послалъ увѣдомить Эристова о семъ счастливомъ событіи, обнадеживая его, что черезъ нѣсколько времени мы займемъ и самую крѣпость. Для сего мы остановились нѣсколько предъ тѣмъ, какъ намъ было выходить на эспланаду, раздѣляющую предмѣстья отъ крѣпости, и послали въ крѣпость подполковника Эспехо́

съ нѣсколькими казаками, дабы онъ могъ замѣтить, нѣтъ ли какого либо вооруженія или волненія не въ пользу нашу. Эспехо исполнилъ свое порученіе весьма хорошо. Все ожидало насъ съ восклицаніями и торжествомъ. Итакъ, оставивъ Херсонскія 6 ротъ съ артиллеріею на глазисѣ, я съ Панкратьевымъ повелъ сводный баталіонъ черезъ ровъ въ ворота и прямо къ цитагели Аркъ, которую я спѣшилъ занять. Трескъ барабановъ, громкое ура, возглашенное при переходѣ рва и въ воротахъ, поздравленія Панкратьева и всѣхъ сослуживцевъ съ завоеваніемъ Тавриза, привѣтствія народа и старшинъ, все сіе доставило мнѣ одну изъ самыхъ лестныхъ и торжественныхъ минутъ въ жизни моей. Мнѣ было 32 года, я завоевалъ столицу и принималъ сознательное поздравленіе тѣхъ, кои по старшинству своему могли желать себѣ приписать сію славу. Врядъ ли самолюбіе можетъ встрѣтить когда либо столь сильныя наслажденія, особливо послѣ того, какъ я помышлялъ о томъ что̀ мнѣ предстояло, въ случаѣ неудачи.

Полковнику Попову, оставленному при Цареградскихъ воротахъ, въ которые мы вошли, приказано было содержать въ оныхъ караулъ и дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій, не вступая въ городъ, дабы предупредить всякій безпорядокъ, который бы могъ случиться въ мое отсутствіе при встрѣчахъ съ людьми. При томъ же надобно было знать, какія части города нужнѣе было занять; а я никому не довѣрялъ сего, хотѣлъ самъ присутствовать при семъ и надѣялся отвратить всякій безпорядокъ, къ коему люди наши, при обыкновенномъ попущеніи начальниковъ, слишкомъ склонны и кои могли имѣть самыя бѣдственныя послѣдствія въ столь обширномъ городѣ.

Наконецъ, я занялъ цитадель, коей Кошкарева назвалъ комендантомъ. Весь сводный баталіонъ назначенъ былъ для гарнизона оной. Я указалъ самъ всѣ посты, осмотрѣлъ на-скоро магазины, заводъ литейный и приказалъ, до настоящихъ распоряженій, взять надлежащія мѣры къ охраненію всего казеннаго имущества.

Во время сего явились ко мнѣ офицеры и чиновники Англійской миссіи въ полныхъ мундирахъ своихъ и просили охраннаго караула, что̀ имъ и было дано. Изъ гвардейской роты своднаго баталіона было отправлено къ Англичанамъ 12 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ. Англійскій флагъ развѣвался на домѣ миссіи и, не имѣя съ собою чиновниковъ дипломатическихъ, коимъ сношенія наши съ Англичанами должны бы лучше быть извѣстны, мы нѣсколько затруднялись въ обхожденіи, которое должны были съ ними имѣть. Казалось въ самомъ дѣлѣ страннымъ видѣть флагъ Англійской миссіи, развѣвающійся въ городѣ Россіи принадлежащемъ или занятомъ Россійскими войсками.

Въ числѣ сихъ Англичанъ былъ извѣстный Monteith (съ нимъ я былъ знакомъ еще во время посольства нашего), инженерный полковникъ, который давно уже жилъ въ Персіи и, занимаясь исключительно съемкою и описаніемъ края, а также и приведеніемъ въ устройство военной части по предмету рода службы его, входилъ также во всѣ дѣла Персидскаго правительства, особливо въ тѣ, кои касались до сношеній съ нами. Человѣкъ сей, съ хорошими свѣдѣніями, зналъ совершенно Персію, служилъ Персіянамъ лазутчикомъ между нами, ибо онъ былъ со всѣми хорошо знакомъ и пользовался особенною довѣренностію Аббасъ-Мирзы. Я былъ удивленъ его видѣть являющимся ко мнѣ, ибо забылъ совершенно объ Англичанахъ. Съ нимъ были другіе чиновники Англійской миссіи и военные офицеры, обучающіе войска; но самаго повѣреннаго въ дѣлахъ полковника Макдональда тутъ не было: онъ уѣхалъ къ Аббасъ-Мирзѣ и участвовалъ въ переговорахъ о мирѣ, къ которымъ Аббасъ-Мирза приступилъ съ Паскевичемъ, между тѣмъ какъ мы подвигались къ Тавризу. Жена его, молодая и любезная женщина, оставалась въ Тавризѣ. Съ другаго же дня начались къ ней визиты нашихъ генераловъ и офицеровъ, и скоро домъ Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ сдѣлался мѣстомъ собранія лучшаго общества. Говорили, что Чавчавадзево знакомство съ нею имѣло нѣкоторый успѣхъ; справедливо ли сіе, того не знаю; если сіе случилось, то уже послѣ моего выѣзда изъ Тавриза.

Я недолго могъ заняться съ Англичанами, раскланялся съ ними и сталъ продолжать свои поиски и распоряженія, ибо дѣятельность всѣхъ какъ бы помертвѣла или отъ удивленія, или отъ усталости. Народъ, который толпою за нами слѣдовалъ, вошелъ было также за нами въ цитадель; но я велѣлъ его выгнать и запереть ворота. И такъ мы владѣли среди крѣпости и города сильнымъ укрѣпленіемъ и всѣми запасами Персіянъ. Не столь трудно уже было распорядиться крѣпостью.

Пока все сіе происходило, Эристовъ, коего я совершенно забылъ на берегу Аджи-Чая, не утерпѣлъ и нарушилъ всѣ свои договоры со мною, преодолѣлъ всѣ препятствія, ему противупоставленныя, движимый однимъ желаніемъ побывать скорѣе въ самомъ Тавризѣ, пошелъ со всѣми войсками за нами и, пришедши на эспланаду, отдѣляющую предмѣстья отъ крѣпости, остановился безъ всякаго порядка и цѣли, но не смѣлъ вступить въ городъ, дабы не нарушить въ чемъ либо распоряженій моихъ, ему еще неизвѣстныхъ, для занятія и охраненія крѣпости. Оставивъ однако войско въ ружьѣ и полной походной амуниціи въ знойный день, онъ отправился съ ординарцами своими въ Тавризъ, но поѣхалъ не къ цитадели, а ко дворцу Аббасъ Мирзы; ибо нѣкоторые Персидскіе чиновники сказали ему, что народъ навод-

нилъ дворецъ и грабитъ его, что тамъ находится еще вся казна Аббасъ-Мирзы и славные ковры. Сего было достаточно для старика, не помышлявшаго и не знавшаго даже, можетъ быть, что была какая-либо цитадель въ Тавризѣ: онъ поспѣшилъ ко дворцу и нашелъ въ ономъ толпу народа, можетъ быть тысячи двѣ или три, которые все били, ломали, дрались между собою и уносили царскіе пожитки. Старикъ, въ сопровожденіи Персидскихъ чиновниковъ, самъ пустился за грабителями, гнался за ними съ плетью и всѣхъ билъ, но ничего не могъ сдѣлать, а могъ только заблудиться въ многочисленныхъ и извилистыхъ коридорахъ дворца. Онъ нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ сказать, чтобы я поспѣшилъ съ войсками ко дворцу; но я не могъ и думать о семъ, ибо въ случаѣ внезапнаго возмущенія мы не имѣли никакого отступленія, и потому я оставлялъ безъ вниманія требованія Эристова. Наконецъ онъ самъ явился въ цитадель и оказывалъ большое сожалѣніе о Хоросанскихъ коврахъ, которые народомъ унесены. Поспѣшите, есть еще время, и мы что-нибудь да еще захватимъ! Въ отвѣтъ я просилъ его извинить меня, ибо имѣлъ занятія и обѣщался по окончаніи оныхъ придти съ войсками ко дворцу. Онъ меня оставилъ и выѣхалъ изъ цитадели, кажется, заѣхалъ къ войскамъ, стоявшимъ на глазисѣ, а оттуда опять во дворецъ, коего разграбленіе раздирало ему сердце.

Окончивши съ цитаделью, я поѣхалъ къ Цареградскимъ воротамъ, гдѣ Херсонскаго полка роты ожидали приказаній, и повелъ ихъ ко дворцу Аббасъ-Мирзы. Мы также были сопровождаемы толпою народа и шли съ музыкою. Дворецъ былъ на другомъ концѣ города и довольно далеко отъ Цареградскихъ воротъ и цитадели. Мы вошли на первый дворъ и тотчасъ разставили орудія и посты для обороны въ случаѣ надобности; затѣмъ я взялъ команды и пустился разставлять другіе посты при арсеналѣ, входахъ, мастерскихъ, но терялся въ переходахъ. Народъ толпился и все еще дрался какъ прежде, я самъ разгонялъ его; но ни присутствіе войскъ, ни безпощадные побои плетьми и палками не могли достаточно подѣйствовать. Всякій былъ занятъ грабежемъ или оспариваніемъ своей добычи; подъ самыми побоями не оставляли даже узловъ, въ нихъ продолжали напихивать подушки, фарфоровую посуду, банки съ вареньемъ, сахаръ и всякіе запасы, коими гаремъ былъ наполненъ (женщины только-что успѣли выѣхать), и среди толпы сей я нашелъ старика Эристова, который продолжалъ въ поту лица своего преслѣдованіе. Народъ былъ столь смиренъ, что оставлялъ безъ вниманія поставленныхъ на часахъ двухъ улановъ, ординарцевъ князя, у входа въ половину Аббасъ-Мирзы. Сіи два улана составляли единственное войско наше, занявшее многолюдный городъ сей до вступленія Херсонскаго полка; они не могли остановить черни, но стояли без-

опасно у входа со своими пиками, пока Эристовъ, въ видѣ древняго какого-то духа-хранителя, носился съ бичемъ по горницамъ и коридорамъ дворца. Съ нимъ были изъ Грузинъ адъютантъ и переводчикъ. Нельзя было много нажиться; но они, какъ я слышалъ, кое-какія бездѣлицы ущипнули изъ вещей недрагоцѣнныхъ. Вскорѣ и весь штабъ и писаря, и нестроевые явились, и грабежъ сдѣлался общій. Часовые, мною разставленные, не могли удерживать никого; нѣкоторые солдаты Херсонскаго полка уже видны были на грабежѣ. Все сіе еще позволялось подъ тѣмъ предлогомъ, что они изгоняли Персіянъ; но Персіяне уступили намъ, наконецъ, остатки расхищеннаго ими имущества, и нашимъ достались еще кое-какія вещи. Пока я тутъ присутствовалъ, еще нѣсколько остерегались; но ночью Херсонцы замѣнили Персіянъ и, не взирая на присутствіе полковника своего Попова, который вѣроятно далъ имъ послабленіе, они расхитили даже мастерскія, которыя при мнѣ еще были цѣлы. Собранія отличныхъ Англинскихъ инструментовъ всякаго рода, которыя я располагалъ описать и взять въ казну, были расхищены и инструменты проданы по одиночкѣ жителямъ. Сіе было сдѣлано, не взирая на то, что уже около мастерскихъ были разставлены посты, и начальники, допустившіе столь явный безпорядокъ, безъ сомнѣнія подверглись бы строгому взысканію въ иномъ войскѣ и при другихъ обстоятельствахъ. Я говорилъ о семъ послѣ Попову; но человѣкъ сей, всегда мало заботившійся о своихъ обязанностяхъ, обратилъ сіе въ шутку и смѣючись говорилъ, что онъ ничего о семъ не знаетъ. Офицеры его полка также участвовали въ сихъ безпорядкахъ, а равно Марандскій ханъ, всѣ родственники его и многочисленные прислужники. Ихъ нельзя было оторвать отъ сего, и они находили мои требованія даже странными, полагая весьма законнымъ грабить имущество врага своего. Однако и они не избѣжали плетей, и двоюродный братъ Магмедъ-хана испыталъ безмолвно нѣсколько ударовъ. Въ одномъ изъ узловъ, разобранныхъ интендантскимъ чиновникомъ Гамазовымъ, найдено было полотно сарбазскаго знамени, которое и было представлено начальству. Инымъ достались порядочныя вещи, какъ-то сабли, ковры и пр.; но драгоцѣнности и деньги успѣли вывезти часа за два до нашего вступленія. То что къ утру другаго дня не было еще расхищено, осталось въ пользу казны и занеслось въ опись. Можно себѣ легко представить, что уже немного оставалось! Небольшая библіотека Аббасъ-Мирзы, состоящая изъ Англинскихъ книгъ, была захвачена и мнѣ представлена; я ее отдалъ въ штабъ, но кажется, что она разошлась по рукамъ. Собраніе хорошихъ Англинскихъ картинъ осталось у Миницкаго. Нѣкоторыя вещи Аббасъ-Мирзы большой цѣны, какъ-то разные подарки иностранныхъ державъ, тронъ безъ

украшеній, были спрятаны прислужниками дворца въ другомъ домѣ, найдены по прибытіи Паскевича и, кажется, представлены въ Петербургъ. Надобно полагать, что вещей было похищено на нѣсколько миліоновъ; ибо ихъ было много, хотя и не цѣнныхъ.

Я возвратился въ лагерь, близъ глазиса расположенный, уже поздно и засталъ конецъ непріятнаго происшествія, случившагося между Эристовымъ и полковникомъ Эспехò. Войска стояли цѣлый день на солнцѣ, въ ранцахъ и во всей амуниціи, безъ всякой надобности; и люди, вѣроятно полагая, что городъ грабятъ и что ихъ однихъ не допускаютъ до сего, стали жаловаться на усталость и роптать. Эристовъ, возвратившійся не за долго до меня, узналъ сіе и велѣлъ раздѣться и разбить палатки на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ самомъ безпорядкѣ, въ коемъ колонны стояли (ибо онъ не рѣшался безъ меня перемѣнить что-либо); но, полагая Эспехò виновнымъ въ своемъ собственномъ упущеніи, онъ надѣлалъ ему множество непріятностей за то, что онъ, по званію своему инженернаго офицера, исправлявшаго должность квартирмейстерскую, не занялъ лагеря и не предупредилъ тѣмъ усталости людей и ропота. Сколько Эспехò ни старался вразумить старика, говоря, что онъ не смѣлъ сего сдѣлать безъ приказанія, и что онъ былъ занятъ другою обязанностію въ цитадели, Эристовъ не внялъ ему. Оба жителя южныхъ краевъ, вспыльчивые, поссорились; Грузинъ наговорилъ Испанцу грубостей противъ обыкновенія своего и, кажется, даже арестовалъ его. Эспехò также вспылилъ, и они помирились уже по моемъ возвращеніи.

Передъ моею палаткою собралась толпа старшинъ и градоначальниковъ разныхъ степеней. Я переговорилъ съ ними и принялъ Ахметъ-хана и одного мирзу, который хотѣлъ мнѣ что-то объяснить наединѣ. Я его впустилъ въ палатку, и онъ сказалъ мнѣ, что Алаяръ-ханъ, оставившій валъ крѣпостной при нашемъ приближеніи къ городу, хотѣлъ бѣжать къ Тегерану; но что слуга увелъ его лошадей и что онъ скрывался въ небольшомъ домѣ въ противуположномъ предмѣстьѣ, ожидая способовъ къ побѣгу. Немедленно сказалъ я сіе Эристову, и по его согласію нарядилъ 25 Черноморскихъ казаковъ съ сотникомъ Памелою, коимъ далъ въ провожатые мирзу, открывшаго мнѣ сіе, приказавъ ему привести ко мнѣ Алаяръ-хана, на что я имѣлъ мало надежды, потому что не могъ предполагать, чтобъ Алаяръ-ханъ не нашелъ средства уйти. Ночь уже совсѣмъ легла, когда я отправилъ сію команду, съ коею пошелъ и Армянинъ Рустамъ, носившій званіе курьера при дипломатическихъ чиновникахъ и отпросившійся со мною въ походъ къ Тавризу, въ коемъ онъ имѣлъ много знакомыхъ. Въ подкрѣпленіе сей малой командѣ послалъ я еще роту пѣхоты, и войска

сіи тронулись со всевозможною тишиною. Не прошло двухъ часовъ, какъ посланные возвратились и противъ чаянія нашего привели знаменитаго плѣнника. Вотъ какъ сіе случилось. Памела окружилъ небольшой домикъ, который указали казаки, и самъ съ Рустамомъ вошелъ въ оный. Алаяръ-ханъ, видно, не ожидалъ сего посѣщенія; ибо, узнавъ внезапно о томъ, что Русскіе уже въ двери входятъ, онъ взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ на крышу и хотѣлъ съ оной соскочить, дабы бѣжать; но, встрѣченный пиками казачьими, обращенными вверхъ, онъ возвратился по лѣстницѣ внизъ, держа ружье на изготовьѣ и, не спустившись еще съ оной, былъ встрѣченъ Рустамомъ, по коему онъ спустилъ курокъ; но ружье его осѣклось, и Рустамъ, мужчина высокой, сильный и бойкій, обхватилъ его обѣими руками, лишилъ чрезъ то способа защищаться и представилъ ему, что всякое покушеніе къ освобожденію могло только подвергнуть жизнь его опасности. Алаяръ-ханъ сдался и въ мигъ былъ обезоруженъ Рустамомъ, который отнялъ у него ружье и богатый кинжалъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, который у него былъ за поясомъ.

Алаяръ-ханъ высокаго роста, красивый собою; ему было тогда около 45 лѣтъ, но онъ казался гораздо моложе, и я не нашелъ въ немъ никакого измѣненія сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда я его видѣлъ въ 1817-мъ году, во время посольства въ Персію. Онъ имѣлъ гордую и довольно величественную осанку, говорилъ свободно и пріятно; но всѣ пріемы его и разговоры отзывались важностію сана и родства его съ шахомъ. Его привели къ Эристову, который былъ внѣ себя отъ радости. Алаяръ-ханъ сидѣлъ у него въ палаткѣ, погруженный, нѣсколько въ задумчивость и отвѣчалъ коротко, умно и остро на множество вопросовъ довольно странныхъ, которые ему дѣлалъ Эристовъ, называвшій его братомъ своимъ, другомъ и клявшійся, что ему не будетъ сдѣлано никакихъ обидъ. Палатка Эристова вскорѣ наполнилась любопытными, что́ не могло быть пріятно Алаяръ-хану; но Эристовъ не имѣлъ довольно смысла, чтобы предупредить все, что́ могло оскорбить самолюбіе драгоцѣннаго его гостя и предмета мнимой его славы, и наконецъ послѣ разговора, продолжавшагося нѣсколько времени, въ коемъ Эристовъ не имѣлъ верха надъ своимъ узникомъ, Алаяръ-хана отвели въ особенно поставленную палатку, къ коей былъ приставленъ офицерскій, не почетный, а охранительный, караулъ. Я его всякой день навѣщалъ; онъ усиливался казаться веселымъ, не былъ горделивъ и разговаривалъ съ пріятностью. Тутъ начались толки. Сакенъ и Долгорукій жалѣли, что не ихъ послали брать Алаяръ-хана, находя, что порученіе сего рода было бы прилично званію ихъ и говоря, что они непремѣнно бы пустились на сіе предпріятіе, еслибъ они зна-

ли, что его навѣрное можно было найти и, кажется, за сіе нѣсколько на меня посѣтовали.

Наконецъ, послѣ труднаго и полнаго происшествіями дня, мы успокоились.

14-го числа войска были выставлены въ парадъ на глазисѣ, и при большомъ стеченіи народа, въ присутствіи муллъ, всѣхъ сановниковъ и Англинскихъ чиновниковъ, служили молебствіе по случаю тезоименитства государыни Маріи Ѳеодоровны, съ благодареніемъ за взятіе Эривани (настоящее извѣстіе о взятіи сей крѣпости было уже нами получено ввечеру). Эристовъ принималъ Англичанъ и также увѣрялъ ихъ, что имъ нечего было насъ опасаться, говоря, что когда у Русскихъ музыка гремитъ, то это знакъ мира и дружбы. «Живите благополучно», твердилъ онъ имъ и требовалъ, чтобы сіи великодушныя выраженія имъ были переводимы....

Вотъ приказъ, послѣдовавшій по отдѣльному Кавказскому корпусу послѣ взятія Эривани, сочиненный, какъ говорятъ, Грибоѣдовымъ:

«Въ крѣпости Эривани, Октября 1-го 1827-го года, № 97».

„Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь Русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго; побѣда вездѣ васъ сопровождала. Въ четыре дня взяли вы Сардаръ-Абадъ, въ шесть Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы ее прежде сего осаждали, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія. Вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна, вы разгромили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эривань пала передъ вами, и нѣтъ вамъ болѣе противниковъ въ цѣломъ Персидскомъ государствѣ. Гдѣ ни появитесь, толпы непріятелей исчезнутъ передъ завоевателями Аббасъ-Абада, Сардаръ-Абада и Эривани. Города отворятъ ворота свои, жители явятся вамъ покорными. Вы ихъ вездѣ щадили, и они, угнатые своими утѣснителями, теперь отвсюду собираются подъ великодушную защиту вашу. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество. Сердечно благодаренъ вамъ; поздравляю васъ, храбрые офицеры и солдаты Кавказскаго корпуса! Мой долгъ донести Великому Государю истину о подвигахъ и трудныхъ походахъ, о славныхъ дѣлахъ вашихъ. Въ нынѣшнюю кампанію вы овладѣли двумя областями. Восемь знаменъ, пятьдесятъ пушекъ, два сердаря, двадцать хановъ, шесть тысячъ плѣнныхъ сарбазовъ и десять тысячъ разсѣянныхъ, бросившихъ оружіе, многочисленные запасы продовольствія и снарядовъ: вотъ добыча вами завоеванная. Но прежде всего Богу Всевышнему благодарность, Подателю успѣховъ и побѣдъ. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ“.

Вотъ что̀ написано было въ реляціи Паскевича о покореніи нами Тавриза.

„Командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютантъ Паскевичъ доноситъ о взятіи 13-го Октября Тавриза, столичнаго города Аббасъ-Мирзы“.

„Извѣстіе о покореніи Эривани произвело рѣшительное вліяніе на Персіянъ; побѣги въ войскѣ Аббасъ-Мирзы чрезмѣрно умножились, такъ что при немъ осталось не болѣе 3000 человѣкъ, и самые жители Тавриза рѣшились не защищаться, *зная по опыту всей нынѣшней кампаніи, что дисциплина Россійскихъ войскъ столь велика*, что мирные жители не подвергаются никакой опасности“.

„Генералъ-лейтенантъ князь Эрнстовъ, видя таковое къ намъ хорошее расположеніе умовъ и получа при томъ свѣдѣніе, что Аббасъ-Мирза намѣревается истребить или вывести изъ Тавриза всѣ военныя и провіантскія заготовленія, рѣшился безъ потери времени занять сей городъ, по чему и выступилъ 11-го Октября со всѣмъ своимъ отрядомъ изъ Маранды и 12-го прибылъ въ деревню Сагланъ, въ 15-ти верстахъ отъ Тавриза. Жители вездѣ встрѣчали насъ, какъ своихъ покровителей, и даже находившіеся на работѣ въ поляхъ спокойно продолжали оную“.

„Между тѣмъ начальствовавшій въ Тавризѣ Алаяръ-ханъ, зять и первый министръ шаха, узнавъ о приближеніи войскъ нашихъ, употреблялъ всѣ средства величайшей жестокости, чтобы склонить къ защитѣ жителей и находившіеся тамъ два баталіона сарбазовъ; но, не смотря на то, всѣ его усилія остались тщетны.“

„13-го Октября ген. лейт. князь Эрнстовъ, подвинувшись къ рѣкѣ Аджи-Чаю, что въ 5-ти верстахъ отъ крѣпости Тавризской, выстроилъ въ одну линію отрядъ свой на правомъ берегу рѣки сей и послалъ къ городу г.-маіора Панкратьева и полк. Муравьева съ 6-ю ротами Херсонскаго гренадерскаго полка, своднымъ батальономъ сформированнымъ изъ выздоровѣвшихъ людей и 6-ю орудьями. Движеніе сіе побудило Алаяръ-хана и оставшихся при немъ сарбазовъ къ побѣгу; всѣ жители вышли къ намъ толпами на встрѣчу въ предшествіи старшинъ и имамовъ, изъявляя величайшую радость. Отрядъ нашъ сталъ немедленно лагеремъ между крѣпостію и предмѣстьями, а цитадель и крѣпость были заняты нашими караулами“.

„Послѣ побѣга изъ города Алаяръ-хана, недовольная правительствомъ чернь бросилась во дворецъ Аббасъ-Мирзы, и хотя по занятіи города отряженъ былъ туда караулъ, который и выгналъ народъ, но дворецъ былъ уже разграбленъ и во многихъ мѣстахъ поврежденъ. Самъ же Алаяръ-ханъ, выбѣжавши изъ города и увидя наши конные разъѣзды, скрылся въ одномъ домѣ въ форштатѣ, куда посланъ былъ за нимъ войска Черноморскаго сотникъ Памела съ казаками; онъ хотѣлъ было защищаться, но ружье у него осѣклось, и онъ сдался окружившимъ его казакамъ. Сверхъ того взятъ еще въ плѣнъ Талышинскій ханъ Кельбъ-Гусейнъ“.

„Въ Тавризѣ найдено 31 пушка, 9 мортиръ, 2 фальконета, 1016 ружей, 10250 ядеръ и много другихъ артилерійскихъ снарядовъ, большое количество токарныхъ, слесарныхъ и прочихъ инструментовъ, около 6000

четвертей хлѣба и запасовъ разнаго рода, какъ провіантскихъ, такъ и военныхъ. Во дворцѣ же Аббасъ-Мирзы взято одно знамя".

„Генералъ-адъютантъ Паскевичъ съ главнымъ отрядомъ прибылъ 16-го Октября въ Маранду, откуда на другой день намѣренъ былъ выступить въ Тавризъ съ авангардомъ, состоящимъ изъ полковъ: Нижегородскаго драгунскаго, Чугуевскаго уланскаго, казачьяго Шамшева, Эриванскаго карабинернаго и одного 41-го егерскаго съ 6-ю орудьями конно-артилерійской № 13 роты и 8-ю орудьями Донской казачьей № 3. Прочія же войска эшелонами послѣдують туда же. Выступивъ 6-го Октября изъ Эривани, оныя 16-го числа поспѣли уже въ Маранду".

„Объ Аббасъ-Мирзы получено извѣстіе, что онъ отступилъ отъ Дарадзинскаго ущелья далѣе за Хою".

Изъ перваго параграфа сей реляціи, замѣтно, сколько Паскевичъ старался уменьшить славу подвига войскъ взявшихъ Тавризъ, припи сывая все взятію Эривани. Безъ сомнѣнія распространившійся слухъ о взятіи полагавшейся Персіянами неприступною Эриванской крѣпости намъ способствовалъ; но не должно было отнимать у насъ и нами заслуженное. Молва народная намъ воздала должное. На проницательнаго судью сего не имѣютъ вліянія извѣстія, писанныя съ пристрастіемъ.

Въ томъ же самомъ параграфѣ подчеркнутое выраженіе, употребленное Паскевичемъ: *зная по опыту всей нынѣшней кампаніи, что дисциплина Россійскихъ войскъ столь велика*, показываетъ, что онъ хотѣлъ выставить мнимый безпорядокъ, существовавшій въ войскахъ при его предшественникѣ, что̀ не внушаетъ довѣренности къ его реляціямъ...

14-го числа, послѣ молебствія я съѣздилъ въ городъ, гдѣ все было совершенно тихо и покойно. На обратномъ пути я заѣхалъ къ Англичанамъ и познакомился съ Макдональдовой женою. Видная и собою хорошая женщина. Возвращаясь оттуда, я нашелъ Сакена и Долгорукаго и противъ всякаго моего ожиданія замѣтилъ въ Долгоруковѣ неудовольствіе на меня за то, что не онъ, а полковникъ Лазаревъ былъ назначенъ комендантомъ въ Тавризской крѣпости. Долгорукій просился на сіе мѣсто у Эристова, что̀ было весьма неприлично, тѣмъ болѣе, что онъ уже имѣлъ назначеніе командовать Черноморскою казачьей бригадою, данное ему самимъ главнокомандующимъ. Не знаю, Эристовъ по слабости своей обѣщалъ ли ему сіе мѣсто; только назначеніе Лазарева, находившагося безъ должности, было сообразнѣе съ дѣломъ. Долгорукій имѣлъ болѣе способностей Лазарева, но къ сему дѣлу оба были малоспособны; потому что оба они никогда не служили въ хлопотливыхъ мѣстахъ, ведущихъ за собою большую отвѣтственность, и Долгорукому, принимавшему сіе мѣсто просто за почетное, хотѣлось, чтобы имя его было названо въ газетахъ съ прибавленіемъ комен-

данта Тавризскаго; но должность коменданта въ Тавризѣ не состояла единственно въ наблюденіи порядка карауловъ: комендантъ въ Тавризѣ несъ должность и градоначальника, и судьи, и военнаго губернатора въ многолюдномъ городѣ семъ, и врядъ ли Долгорукій взялъ бы на себя самыя мелочныя и хлопотливыя обязанности. Лазаревъ къ онымъ также не былъ способенъ; но, будучи Армяниномъ, онъ могъ имѣть близкія сношенія съ городскими Армянами и посредствомъ оныхъ узнавать о происходящемъ между Персіянами. Безъ сомнѣнія нельзя было придавать полной вѣры симъ извѣстіямъ, ибо (какъ послѣ и оказалось) пронырливый, боязливый и обманчивый народъ сей вездѣ находилъ страхи, заговоры и напрасно тревожилъ насъ. Часто изъ личныхъ видовъ и озлобленій, Армяне взводили на Персіянъ ложныя жалобы; не дѣло было начальства разбирать доносы. Безъ сомнѣнія лучше пребывать въ осторожности, чѣмъ быть въ оплошности, и не надобно было пренебрегать мѣрами осторожности въ семъ многолюдномъ Тавризѣ, гдѣ народъ насъ не любилъ по одной уже разницѣ закона. Притомъ же я надѣялся самъ находить время навѣщать присутствіе комендантское и самъ распоряжаться, и какъ ни слабъ бы былъ Лазаревъ, но въ немъ можно было найти побольше дѣятельности, чѣмъ въ Долгорукомъ. Если бы Эристовъ сообщилъ мнѣ желаніе имѣть Долгорукаго комендантомъ, то я бы не оспоривалъ сего; но онъ, кажется, самъ желалъ имѣть Лазарева, съ другою однако же цѣлью, нежели я. Въ слѣдъ за Лазаревымъ, не спросясь меня, онъ назвалъ полицмейстеромъ города 41-го Егерскаго полка маіора Меликова, глупаго, пустаго, безтолковаго, безграмотнаго Армянина, котораго выгоняли изъ всѣхъ полковъ, гдѣ онъ ни служилъ; онъ привязался къ Эристову и вкрался къ нему въ дружбу, чтó было всякому слишкомъ легко. Сей небольшой раздоръ былъ послѣдствіемъ побѣды нашей. Сіе не случается, когда обстоятельства не благопріятствуютъ намъ, когда мы должны помышлять о предстоящихъ опасностяхъ и трудахъ: тогда всѣ умы заняты бываютъ дѣломъ, и люди сближаются.

14-го числа ввечеру князь Эристовъ получилъ отъ Паскевича слѣдующее предписаніе:

„Господину генералъ-лейтенанту князю Эристову. Получивъ донесеніе ваше отъ 10-го числа за № 536, я поспѣшаю отвѣтствовать вашему сіятельству. Движеніе ваше на Тавризъ съ малозначущими силами я нахожу преждевременнымъ. Слѣдуя самъ къ Тавризу, съ главнымъ отрядомъ и въ сопровожденіи парковъ и транспортовъ, могущихъ единственно обезпечить основательное наступательное дѣйствіе, вашему сіятельству долженствовало довольствоваться твердымъ занятіемъ Дарадизскаго ущелья, обезпечить мое приближеніе и заготовленіемъ запасовъ облегчить маршъ моей ко-

лонны. Теперь я опасаюсь, дабы съ вами не случилось какъ передъ симъ съ г.-лейтенантомъ Красовскимъ, и что я вынужденъ буду поправлять дѣла неблагопріятныя, отъ неосторожной отважности происшедшія: ибо ваше сіятельство изъ виду упускаете, что на дальномъ разстояніи отъ Аракса до Софіана или Тавриза, имѣя еще непріятеля по обоимъ флангамъ дороги, вы подвергаете не только себя потерять всякое сообщеніе, но и меня нападеніямъ непріятельской кавалеріи на транспорты, слѣдованіе которыхъ число войскъ со мною прибывшихъ совершенно прикрыть не дозволяетъ. Вслѣдствіе чего предписываю в. с-ву, буде вы еще далѣе не подвинулись, то, остановясь у Маранды, занять Дарадзинское ущелье надежнымъ отрядомъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Я намѣренъ 14-го числа сего мѣсяца выступить черезъ Араксъ, 15-го достигнуть рѣку Чирчиръ и 16-го Маранду. № 441, 12-го Октября 1827. Г. Нахичеванъ".

Изъ предписанія сего явствовало желаніе Паскевича не допускать насъ прежде себя къ Тавризу. Но тогда уже было поздно. Онъ даже старался устрашить насъ непріятелемъ, коего обезсиленіе было намъ извѣстно. При выступленіи изъ Маранды носились слухи, что Шахъ-Заде, защищавшій границу въ Карадагѣ, идетъ на нашъ лѣвый флангъ съ войсками; но сіе оказалось несправедливымъ, и усиленныя, совокупныя старанія Аббасъ-Мирзы и Паскевича оградить Тавризъ отъ насъ были безуспѣшны. Занятіе Тавриза погрузило перваго въ печаль, изъявленную имъ пролитіемъ слезъ, а втораго въ бѣшенство, выраженное заклятіями на мой счетъ, какъ я сіе послѣ узналъ отъ свидѣтелей.

Опасенія на счетъ его собственнаго движенія не имѣли никакого основанія, и онъ самъ зналъ, что его фланги обезпечены во время шествія его къ Тавризу.

Въ Софіанѣ явился ко мнѣ Армянинъ изъ Тавриза, доставилъ списокъ плѣннымъ офицерамъ нашимъ и письмо отъ штабсъ-капитана Воронкова (Тифлисскаго полка), взятаго въ плѣнъ въ 1826-мъ году при слѣдованіи его съ ротою изъ Караклиса къ Балыкчаю, къ матери его. Армянинъ сей ходатайствовалъ о пособіи и освобожденіи сихъ плѣнныхъ, будучи отъ нихъ посланъ въ тайнѣ. Когда Риза-Кули-Ага явился ко мнѣ, я послалъ его съ письмомъ и объявленіемъ въ Марагу, съ порученіемъ освободить, хотя-бъ то силою и возмутивъ народъ, нашихъ плѣнныхъ. По прибытіи его, плѣнныхъ нашихъ немедленно отправили далѣе къ Исфагану; но народъ взволновался, и плѣнныхъ съ дороги обратили назадъ и доставили въ Тавризъ. Поступокъ сей со стороны старшинъ Марагинскихъ заслуживалъ награжденія; не знаю, получили ли они заслуженное. По прибытіи Паскевича въ Тавризъ, былъ отправленъ въ Марагу корпусный адъютантъ Снаксаревъ, который былъ принятъ хорошо, и Марага намъ покорствовала. Плѣнные прибыли передъ выѣздомъ моимъ изъ Тавриза. Они не знали виновника своего

освобожденія, ибо тогда уже власти перемѣнились. Подполковникъ Назимовъ приходилъ ко мнѣ и благодарилъ меня за участіе, которое я принялъ въ освобожденіи сихъ несчастныхъ. Къ нимъ Паскевичъ не показалъ никакого состраданія и даже принялъ ихъ сухо и отказалъ въ помощи, которой они просили. Изъ нихъ маіоръ Чиляевъ былъ назначенъ полицеймейстеромъ въ Тавризъ на мѣсто Меликова, который къ сей должности былъ совершенно неспособенъ, и Чиляевъ исправлялъ оную съ дѣятельностію.

15-го числа мы перемѣнили свой лагерь и остановились на противуположной сторонѣ города, на площадкѣ по Тегеранской дорогѣ. Лагерь сей былъ неудобенъ, тѣсенъ. Эристовъ все хотѣлъ остановиться на квартирѣ въ городѣ; но я его удерживалъ отъ сего, зная, сколько бы сіе вредно было для сохраненія порядка въ войскѣ: ибо многіе начальники послѣдовали бы его примѣру. Погода была холодная, и всякій хотѣлъ отдохнуть отъ трудовъ, не помышляя о послѣдствіяхъ, могущихъ отъ сего произойти. Изъ сего лагеря хотѣлъ я открыть сообщеніе съ Карабагомъ черезъ Карадагъ. Я написалъ генер. Сипягину извѣщеніе о занятіи Тавриза и короткое письмо къ женѣ, коей я приносилъ въ даръ всѣ успѣхи наши и столицу Аббасъ-Мирзы. Бумаги сіи я отправилъ съ однимъ бѣглымъ сарбазомъ, который хвалился быстротою и твердостью ногъ своихъ и брался доставить оныя въ самое короткое время на наши аванпосты. Пока онъ дожидался бумагъ у палатки моей, я его кормилъ безъ пощады Персидскими конфектами, которыя присылались въ изобиліи къ князю Эристову; ибо сарбазъ сей жаловался на голодъ, говоря, что онъ нѣсколько дней не ѣлъ, а Эристовъ, окруженный, обставленный огромными латками съ разноцвѣтными и разнообразными конфектами, изготовленными съ шафраномъ и бараньимъ саломъ, не могъ выйти изъ палатки и, восхищаясь изобиліемъ вкусныхъ для него сладостей, разсылалъ ихъ щедрою рукою по всѣмъ начальникамъ, которые не знали куда съ ними дѣваться. Но ни извѣщеніе мое, ни письмо мое не дошли до своего назначенія, и я долженъ полагать, что бумаги сіи попались въ руки Персіянъ или Паскевича; если послѣдняго, то не полагаю, чтобы письмо мое могло ему причинить удовольствіе, ибо я принималъ на себя весь подвигъ завоеванія Тавриза, не оставляя ему ничего, и хотя о немъ ни слова не было упомянуто, но не менѣе того сіе могло только возбудить въ немъ чувство сильнаго негодованія на меня.

Во время бытности нашей въ семъ лагерѣ, сталъ уже носиться слухъ, что въ Тавризѣ были сборища недовольныхъ и что собирались нечаянно напасть на всѣ наши посты въ крѣпости. Вѣроятно была о семъ рѣчь между нѣсколькими людьми; но чтобы было предпринято что нибудь

основательнаго, тому нельзя повѣрить. Не менѣе того были приняты мѣры осторожности, и я счелъ необходимымъ перенести нашъ тѣсный лагерь совершенно за городъ, занимая одну крѣпость и цитадель, дабы съ большею удобностью встрѣтить всякое вспомогательное войско и не тѣсниться въ городѣ и предмѣстьяхъ, въ коихъ нельзя было наблюдать ни за порядкомъ, ни сдѣлать какого либо распоряженія въ случаѣ возмущенія со стороны жителей. 16-го числа лагерь былъ перенесенъ на обширную равнину, находящуюся за садомъ и лѣтнимъ дворцомъ Аббасъ-Мирзы.

Становилось очень холодно, и мы терпѣли большую нужду въ топливѣ. Собираніе сушенаго въ кирпичахъ навоза, въ окрестъ-лежащихъ деревняхъ, было сопряжено съ большими неудобствами: трудно было удержать въ семъ случаѣ людей въ должномъ порядкѣ, и жители приносили безпрерывныя жалобы. Такъ какъ временное правительство еще не было учреждено, то нельзя было еще собирать топлива повинностью со всей области; да при томъ и сіе средство, въ послѣдствіи времени употребленное нашимъ временнымъ правительствомъ, оказалось недостаточнымъ, что̀ ясно доказывалось сломанными во множествѣ въ городѣ потолками домовъ и оторванными съ петлей дверями. Въ сей крайности я не могъ изыскать другаго средства, какъ приняться за рубку новаго сада, который Аббасъ-Мирза заводилъ и который былъ позади нашего лагеря. Долго я не рѣшался на сіе средство; но наконецъ, съ общаго совѣта и разрѣшенія Эристова, допустилъ я оное и преподалъ мѣры, какъ къ сему приступить должно было. Сперва срубили тополи, окружавшіе ограду сада снаружи; послѣ принялись за аллеи и продолжали такимъ образомъ снабжать себя дровами до тѣхъ поръ, пока не были приняты мѣры къ снабженію войскъ нѣкоторымъ количествомъ кизяковъ. Я знаю, что Англичане негодовали на насъ за сію рубку; но мы на сіе мало смотрѣли. Аббасъ-Мирза съ горестью узналъ о началѣ истребленія сада, коимъ онъ много занимался. Онъ кромѣ того имѣлъ еще другое зрѣлище, которое его до слезъ тронуло. Въ ту ночь какъ мы взяли Тавризъ, или на другую, я приказалъ зажечь фейерверкъ на стѣнахъ цитадели Аркъ употребивъ на сіе всѣ плошки и фейерверочныя штуки, которыя мы нашли уже готовыми въ арсеналѣ цитадели. Съ высокой башни былъ пущенъ букетъ ракетъ; видъ былъ прелестный, вся цитадель въ огнѣ, и зрѣлище сіе видѣлось издалека. Аббасъ-Мирза, какъ я слышалъ, находившійся въ 20 верстахъ отъ Тавриза, видѣлъ оное и зарыдалъ. Эристовъ получилъ отъ него письмо, коимъ онъ просилъ пощадить городъ, обнадеживая его миромъ. Аббасъ-Мирзѣ было очень вѣжливо отвѣтствовано, что мы не имѣемъ обычая истреблять завоеванныхъ

нами городовъ, а что о мирѣ онъ можетъ имѣть только свѣдѣнія отъ главнокомандующаго, во власти коего состояло заключить оный.

Въ самый день перехода нашего за городъ, я перевелъ Алаяръ-хана на время, до занятія онаго войсками, въ лѣтній дворецъ Аббасъ-Мирзы, гдѣ и помѣстилъ его въ комнату обставленную часовыми. Я шелъ черезъ садъ. Онъ подозвалъ меня, взялъ за руку и пошелъ ходить по саду со мною, заводя сперва разговоръ о предметахъ неважныхъ. Я приказалъ двумъ часовымъ за нами ходить, не спуская насъ съ глазъ. «Сядемъ», сказалъ онъ. Мы сѣли. «Отпустите сихъ часовыхъ: они совершенно излишни; ибо, неужели вы думаете, что я не нашелъ бы средства уйти по занятіи вами Тавриза; вы можете видѣть, что я самъ отдался вамъ въ руки, и теперь вамъ нечего опасаться, чтобъ я бѣжалъ». Я ему сказалъ, что не могу отступать отъ принятыхъ нами правилъ и порядка, что часовые должны остаться и что они не помѣшаютъ ему объяснить того, что̀ желаетъ сказать; и приказалъ имъ нѣсколько отойти въ угожденіе ему, хотя они и не могли понимать разговора нашего на Турецкомъ языкѣ.

«Важнѣйшія мысли, продолжалъ Алаяръ-ханъ, занимаютъ меня теперь. Можетъ быть предстоитъ случай заключить прочный миръ между обѣими державами, и посудите, сколь мы счастливы будемъ, если насъ двухъ судьба избрала для положенія основанія миру сему между великими державами».

— «Я не имѣю права входить въ разсужденія о семъ предметѣ», отвѣчалъ я; «а потому все, что̀ вы мнѣ о семъ скажете, я приму какъ знакъ особенной довѣренности вашей, и слова ваши не могутъ теперь быть приняты за положительныя или какого либо вѣса, для основанія мира сего».

— «Я знаю, сказалъ онъ, что меня обвиняютъ въ сей войнѣ; полагаютъ, что я подвигнулъ къ сему государя своего, что я воспламенилъ въ народѣ вражду къ вамъ. Но сіе все несправедливо. Единственный виновникъ сей войны есть Аббасъ-Мирза, коему я всегда отсовѣтовалъ оную, коему я, отъ имени отца его, запрещалъ всякія къ тому покушенія. Но онъ не послушалъ меня, былъ за то мною недоволенъ; я не переставалъ настаивать, не взирая на гнѣвъ его, но не могъ одолѣть стремленія его. Война открылась, и вотъ до чего она насъ теперь довела. Исполнились предсказанія мои».

Переждавъ нѣсколько, Алаяръ-ханъ продолжалъ:

«Но теперь дѣло уже сдѣлано; подумаемъ, какъ оное исправить. Чего вы хотѣли? Абарань-Поля? Мы вамъ оное отдадимъ, если за симъ миръ можетъ заключиться? —Абарань-Поле наше, отвѣчалъ я; Персидское правительство не можетъ намъ отдать то что̀ намъ принадлежитъ;

и Эривань, и Аббасъ-Абадъ, и Тавризъ наши. Сихъ крѣпостей даже ваше правительство не можетъ намъ уже отдать, не только Абарань-Поля, малой пустоши, о коей бы и до войны не должно быть спора.

Онъ замолкъ и потомъ продолжалъ: «Я знаю, что все сіе теперь ваше; но при мирныхъ условіяхъ могутъ быть и вѣроятно будутъ измѣненія. Посудите, опять говорю вамъ, сколь лестно было бы для васъ называться посредникомъ въ столь важномъ дѣлѣ».

«Я человѣкъ военный, отвѣчалъ я, не могу искать сего званія, находящагося внѣ обязанностей моихъ, и не имѣю никакого права объясняться на сей предметъ съ вами» и, прекративъ рѣчь, пошелъ въ лагерь, простившись съ нимъ и приказавъ его вести въ палатку, для него въ лагерѣ приготовленную.

Я немедленно донесъ графу Сухтелену о разговорѣ семъ. Мирные переговоры въ главной квартирѣ еще не начались; но уже Персидскіе чиновники, имѣвшіе для приступленія къ онымъ нѣкоторыя порученія отъ своего правительства, были у Паскевича. Кажется, пріѣзжалъ и самъ Макдональдъ къ нему подъ Аббасъ-Абадомъ. Что тамъ было говорено или постановлено, мнѣ неизвѣстно, какъ равно и то, послужилъ ли къ чему либо рапортъ мой. Предложенія Алаяръ-хана были довольно неосновательны, но не менѣе того доказывали наклонность Персидскаго правительства къ заключенію мира.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего разговора, Алаяръ-ханъ былъ переведенъ въ цитадель, гдѣ ему было покойнѣе чѣмъ въ лагерѣ. Его везли верхомъ по улицамъ Тавриза, ведя лошадь въ поводу. Онъ накрылся полою своего платья, стыдясь показать народу упадшее величество свое. Я слышалъ, что онъ былъ оскорбляемъ на словахъ Кургановымъ въ разныхъ случаяхъ; его однакоже скоро выпустили, не извлекши никакой пользы изъ его плѣна, какъ я сіе слышалъ отъ другихъ: ибо, по прибытіи Паскевича въ Тавризъ, я уже не имѣлъ болѣе никакого участія въ дѣлахъ.

16-го Октября въ донесеніи князя Эристова Паскевичу было писано:

„Имѣю честь представить вашему высокопревосходительству копію съ письма, полученнаго мною отъ Аббасъ-Мирзы. Требуемаго имъ чиновника, Мирзу-Джафара, я не рѣшился отпустить къ нему безъ воли вашего высокопревосходительства, о чемъ вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю его“.

Мирза-Джафаръ былъ въ числѣ молодыхъ Персіянъ, посланныхъ Аббасъ-Мирзою при началѣ формированія регулярныхъ войскъ въ Англію для обученія. Онъ занимался съ успѣхомъ военными науками, былъ инженеромъ, говорилъ по французски и, кажется, по англійски. Онъ имѣлъ планъ Тавриза и крѣпости, и когда я отъ него потребовалъ оный, то онъ отозвался, что не имѣетъ его, говоря, что Алаяръ-

ханъ его взялъ и удержалъ у себя. Я потребовалъ плана сего отъ Алаяръ-хана, который съ негодованіемъ на Мирзу-Джафара сказалъ мнѣ, что въ то время, когда мы подходили къ крѣпости, онъ точно требовалъ плана оной у Джафара и нѣсколько разъ посылалъ за онымъ; но что Джафаръ разными проволочками уклонялся отъ исполненія его приказанія до тѣхъ поръ, пока онъ самъ, Алаяръ-ханъ, видя неповиновеніе войскъ и народа, принужденъ былъ укрыться въ предмѣстьи, но что онъ ручался мнѣ въ томъ, что планъ сей находился у Мирзы-Джафара. Посему я послалъ обыскать квартиру Мирзы-Джафара; планъ нашли и принесли ко мнѣ. За таковой поступокъ Мирзы-Джафара я взялъ его военноплѣннымъ и отдалъ въ цитадель, гдѣ онъ посидѣлъ нѣсколько времени, но послѣ былъ выпущенъ по приказанію Паскевича. Сей Мирза-Джафаръ былъ употребляемъ Аббасъ-Мирзою и въ дипломатическихъ миссіяхъ. Въ 1828-мъ году онъ былъ присланъ къ Паскевичу въ лагерь съ разными порученіями, а между прочимъ всего болѣе, кажется, чтобы развѣдать о состояніи дѣлъ нашихъ. Онъ засталъ Паскевича послѣ взятія Карса въ лагерѣ при Ахалкалакахъ и былъ свидѣтелемъ взятія сей крѣпости.

Мирза-Джафаръ человѣкъ довольно образованный, скрытный, какъ и нельзя ему было иначе быть: ибо онъ долженъ былъ принять и одежду, и обычаи своихъ соотечественниковъ, не порочить невѣжества ихъ и необразованности, тогда какъ онъ провелъ молодость свою въ самыхъ образованныхъ частяхъ Европы, носилъ платье Европейское и принялъ всѣ наши обычаи съ молодости своей. Въ обществѣ не имѣлъ онъ особенной пріятности. Изъ соучениковъ его я зналъ Мирзу-Сале, человѣка весьма умнаго, съ большими свѣдѣніями, у коего подъ платьемъ Персидскимъ не могли скрыться всѣ пріемы ловкаго и любезнаго Европейца: онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ Европейскихъ, кромѣ Азійскихъ, коихъ словесность зналъ онъ въ совершенствѣ. Европейская словесность и науки наши были ему также извѣстны; онъ любилъ заниматься, имѣлъ библіотеку и въ свободное время всегда уединялся и углублялся въ чтеніе. Человѣкъ сей чрезвычайно любезенъ и занимателенъ во всякомъ кругу. Онъ, кажется, пользовался довѣренностью Аббасъ-Мирзы, коего онъ самъ цѣнилъ нѣкоторыя достоинства и въ коемъ онъ съ отвращеніемъ и презрѣніемъ видѣлъ, какъ и во всѣхъ почти соотечественникахъ своихъ, закоснѣлость къ старымъ обычаямъ своимъ. Онъ не хвалилъ гаремовъ, начала всего зла и слабости Персидскаго правленія, и душевно не уважалъ обхожденія соотечественниковъ своихъ съ женами, самъ живя только съ одной, которую очень любилъ; такъ по крайней мѣрѣ замѣтно было. Онъ тосковалъ, что не могъ жить въ Европѣ, и принужденъ былъ со-

образоваться внѣ дома съ нравами Персіянъ. Онъ имѣлъ нѣсколько дипломатическихъ порученій отъ Аббасъ-Мирзы въ Европѣ, и потому много знакомыхъ и связей. Хитрость его въ сихъ случаяхъ оставалась при немъ, и онъ употреблялъ ее съ пользою. Мирза-Сале показался уже не въ первый день вступленія нашего въ Тавризъ. Неизвѣстно было, какъ его считать, гражданиномъ ли, придворнымъ ли; онъ не былъ военнымъ, а потому и не взятъ въ плѣнъ, и ѣздилъ по всѣмъ знакомымъ своимъ въ лагерѣ на волѣ. Его вездѣ принимали хорошо. Мирза-Сале былъ по пріемамъ и обычаямъ своимъ болѣе Англичанинъ. Мирза-Мосубъ, искренній товарищъ ихъ, былъ болѣе Французъ. Человѣкъ сей былъ также хорошо образованъ и занимателенъ; его, кажется, не было въ Тавризѣ при вступленіи нашемъ. Онъ имѣлъ послѣ того нѣкоторое участіе въ мирныхъ переговорахъ и въ разграниченіи съ Персіею. Я съ нимъ гораздо позже, въ Тифлисѣ, уже познакомился; съ Мирзою же Сале я былъ уже давно знакомъ, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ еще до войны. Во дворцѣ Аббасъ-Мирзы мы нашли бюстъ Мирзы-Сале. Очень похожъ на бюстъ Сократа, изваянъ хорошо, вѣроятно какимъ-нибудь Европейцемъ.

17-го числа получили мы слѣдующее предписаніе.

„Г.-лейтенанту и кавалеру кн. Эристову. Донесеніе вашего сіятельства отъ 12-го сего мѣсяца, отправленное вами 13-го изъ Саглана утромъ черезъ татарина, я сегодня получилъ. Усматриваю изъ онаго слѣдующее:

„1. Что ваше сіятельство, не взирая на повелѣніе мое отъ 10-го числа, въ которомъ именно сказано, дабы вы относились со всею подробностью ежедневно, пишете ко мнѣ разъ въ два или три дня“.

„2. Что, не имѣя на то никакого повелѣнія, вы съ однимъ только отрядомъ вашимъ рѣшились на покореніе большой и многолюдной столицы, лежащей среди непріятельскаго края и около которой все могущество Персіянъ сосредоточено быть можетъ“.

„3. Что вы неясно и лишь весьма поверхностно излагаете причины, васъ побуждающія къ такому отважному предпріятію“.

„4. Что изъ самаго послѣдняго вашего донесенія, отъ 12-го, явствуется, сколь мало вы сами удостовѣрены въ истинѣ доходящихъ до васъ слуховъ о непріятелѣ и о средствахъ сопротивленія онаго“.

. „5. Что вы даже и о мѣстѣ пребыванія Аббасъ-Мирзы и арміи его не упоминаете“.

„6. О сношеніяхъ вашихъ съ жителями Тавриза, о сдѣланныхъ вами предложеніяхъ онымъ ваше сіятельство также ни однимъ словомъ не упоминаете“.

„7. Что ваше сіятельство, получивъ мое предписаніе отъ 10-го числа, были извѣстны о прибытіи моемъ въ Нахичеванъ съ корпусомъ, и слѣдовательно должны были ожидать дальнѣйшихъ моихъ предписаній, поставивъ меня въ совершенную неизвѣстность о положеніи дѣлъ, о способахъ

и надеждахъ вашихъ, прежде нежели рѣшиться вторгнуться, какъ вы сіе дѣлаете, во внутренность непріятельскаго государства".

„8. Еслибъ ваше сіятельство еще остались одинъ только день въ Марандѣ, то получили бы повелѣніе мое, отправленное 12-го числа изъ Нахичевана, заключающее рѣшительныя вамъ наставленія".

„9. Наконецъ, вынуждаюсь объявить вашему сіятельству, что вы приняли на себя отвѣтственность такую, каковую самый счастливый успѣхъ едва ли можетъ оправдать. Паскевичъ. № 495, на привалѣ при Гергерахъ 1827-го года".

Паскевичъ сдержалъ свое слово: гоненія его попеременно обращались на меня, и онъ показывалъ мнѣ расположеніе только въ случаѣ надобности, когда не могъ обойтись безъ меня. Но общая молва народная и справедливость Государя защитили меня, и поступки его служили только ко вреду его собственнаго имени. Эристовъ, сей невинный, слабый старикъ, получилъ безъ представленія Александровскую ленту и подвергся также безпрерывнымъ неудовольствіямъ.

Паскевичъ въ сношеніяхъ своихъ съ нами совершенно упустилъ изъ виду и всегда упускалъ и въ послѣдствіи времени правило, что части войскъ отдѣльно дѣйствующія не должно стѣснять распоряженіями отдаленнаго начальства, которыя всегда придутъ не во время, никогда не будутъ сообразны съ настоящимъ дѣломъ и подвергнутся необходимо неисполненію или по крайней мѣрѣ важнымъ измѣненіямъ.

Занятія мои въ то время состояли въ учрежденіи правленія. Оно всего было нужнѣе на первыхъ порахъ для города, и потому я снабдилъ коменданта Лазарева слѣдующимъ наставленіемъ.

„*Охраненіе города*".

„1. Всѣ ворота крѣпостные должны быть заняты приличнымъ числомъ войскъ по количеству гарнизона; резерву же при орудіяхъ, съ штабъ-квартирою войскъ сихъ, находиться на дворѣ дворца Аббасъ-Мирзы".

„2. Часовые, поставленные на стѣнахъ, при орудіяхъ и башняхъ, должны видѣть одинъ другаго".

„3. Порядокъ службы гарнизона опредѣленъ постановленіями, коихъ и держаться во всей силѣ".

„*Спокойствіе города*".

„1. Имѣть денные и ночные пѣшіе патрули".

„2. Посылать днемъ и ночью казачьи по улицамъ разъѣзды".

„3. Требовать точнаго исполненія въ отдаваемыхъ приказаніяхъ отъ полицейскихъ и земскихъ чиновниковъ, отличая усерднѣйшихъ изъ оныхъ и поддерживая въ народѣ уваженіе къ нимъ, посылая, по требованіямъ ихъ, съ ними воинскія команды для прекращенія безпорядковъ могущихъ случиться въ городѣ".

„4. При значительныхъ сборищахъ по какимъ-либо необыкновеннымъ случаямъ, ставить особые воинскіе караулы на площадяхъ или гдѣ необходимость того востребуетъ".

„5. Ввести исправляющаго должность полицеймейстера въ полное управленіе возложенной на него обязанности, повѣряя дѣйствія его и требуя частыхъ отчетовъ въ оныхъ".

„6. Предоставить полный кругъ дѣйствія земскому полицеймейстеру, не входя на первый случай въ подробности управленія его, по многосложности онаго и неизвѣстности имѣющихся средствъ, что однакоже въ послѣдствіи времени неопремѣнно дознать надобно, дабы онъ, по предоставленной ему власти, не сдѣлалъ какого-либо злоупотребленія".

„7. Имѣть исправныхъ и вѣрныхъ лазутчиковъ изъ Армянъ, записывая въ особую книгу всѣ свѣдѣнія, какого бы они роду ни были, ими доставляемыя".

„*Управленіе городомъ*".

„1. Узнать совершенно старшинъ, начальствующихъ надъ десятью кварталами Тавриса".

„2. Узнать почетнѣйшихъ чиновниковъ имѣющихъ вліяніе на народъ, не по званію своему, но по уваженію ими заслуживаемому".

„3. Узнать чиновниковъ и письмоводителей, находящихся при старшинахъ сихъ".

„4. Требовать, дабы у каждаго старшины было по крайней мѣрѣ по 5-ти человѣкъ конныхъ разсыльныхъ".

„5. Учредить ежедневное присутствіе въ назначенное время старшинъ и почетныхъ людей, въ коемъ присутствовать гг. коменданту и полицеймейстеру".

„6. Отъ присутствія сего удалять людей лишнихъ и любопытныхъ".

„7. Присутствію сему дать столь можно болѣе важности".

„8. Въ присутствіи семъ не разсуждать о предметахъ до управленія касающихся, но отдавать приказанія, не принимая никакихъ возраженій; ибо предметы сіи должны быть обдуманы въ особенномъ совѣтѣ съ почетнѣйшими жителями и соображены по имѣющимся средствамъ со старшинами на единѣ".

„9. Отдаваемыя приказанія записывать въ особенную книгу на Русскомъ и Персидскомъ языкахъ и на слѣдующій день повѣрять исполненіе оныхъ, не прощая тѣмъ, кои бы были въ семъ случаѣ упустительны".

„10. Присутствіе болѣе двухъ часовъ не должно продолжаться, ибо всякій старшина долженъ заняться исполненіемъ возложенныхъ на него порученій".

„11. Почетнѣйшіе же изъ жителей должны сколь возможно чаще находиться при комендантѣ".

„12. Назначить часы для выслушанія просьбъ".

„13. Дѣла рѣшать сколь можно скорѣе, избѣгая сколь можно болѣе переписки".

„14. Ѣздя по часту по городу, разбирать и рѣшать споры, на самомъ мѣстѣ, безъ отлагательства; но преимущественно отсылать просителей въ сложныхъ дѣлахъ на судъ старшинъ, требуя отчета въ рѣшеніи оныхъ“.

„*Полиція*“.

„1. Дать болѣе власти полицеймейстеру“.

„2. Привести въ извѣстность всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ“.

„3. Дѣйствія тайной полиціи не должны быть извѣстны земскимъ чиновникамъ“.

„4. Привести въ извѣстность всѣхъ чиновниковъ и служителей базарныхъ, въ числѣ коихъ имѣются: начальники рядовъ, денные и ночные часовые, фонарьщики и прочіе, ввести ихъ въ полное отправленіе должностей своихъ и требовать точнаго исполненія“.

„*Свѣдѣнія*“.

„1. Узнать количество дворовъ, содержащихся въ каждомъ кварталѣ“.

„2. Имѣть списки всѣхъ знатныхъ особъ по кварталамъ“.

„3. Узнать собираемые доселѣ доходы городскіе“.

„4. Привести въ извѣстность недоимки“.

„5. Повѣрить суммы сіи по отысканію ихъ“.

„6. Дознать какого рода городскіе расходы“.

„7. Привести въ извѣстность повинности“.

„8. Узнать о жалованьѣ, которое получаютъ различные чиновники, служащіе для города“.

„9. Узнать раздѣленіе базара, число лавокъ, а также и богатѣйшихъ купцовъ“.

„10. Составить списки пріѣзжимъ купцамъ и иностранцамъ“.

„11. Привести въ извѣстность таможенное правленіе, доходъ онаго, самую казну, съ наименованіемъ чиновниковъ, а также и откуповъ, коихъ весьма много“.

„12. Привести въ извѣстность бани, мельницы, фабрики, мечети, школы и прочія общественныя заведенія“.

„Всѣ прописанныя свѣдѣнія доставить при донесеніи въ корпусный штабъ“.

„Отъ коменданта зависятъ всякія распоряженія могущія встрѣтиться по мѣстнымъ обстоятельствамъ, клонящіяся какъ къ лучшему устройству города, такъ и къ умноженію необходимыхъ свѣдѣній объ ономъ“.

„Полковникъ Муравьевъ“.

Въ наставленіи семъ изложено все, что̀ надобно было имѣть въ виду. Впослѣдствіи времени оно получило бы бо̀льшее раздробленіе. Я старался всю власть соединить въ одномъ лицѣ коменданта, дабы не допускать на него вліянія старшинъ; но не Лазареву можно было

исполнить что либо изъ сего. Человѣкъ сей, проведшій жизнь свою въ праздности, не былъ способенъ къ столь сложнымъ занятіямъ; онъ страшился и приступить къ онымъ, полагая, что званіе коменданта ограничивало его кругъ дѣйствія, какъ въ Россіи, однимъ обзоромъ карауловъ, чего онъ тоже не смыслилъ. Онъ не зналъ, какъ и приняться за исполненіе предписаннаго. Я приказалъ ему собрать первое засѣданіе старшинъ у себя и самъ пришелъ къ тому времени. Но Лазаревъ не умѣлъ ни слова выговорить. Я сдѣлалъ короткую рѣчь старшинамъ, съ коими познакомился и, поговоривъ съ нѣкоторыми по одиночкѣ, приказалъ сдѣлать другое собраніе, видя необходимость принять на себя должность Лазарева, за неимѣніемъ способныхъ къ сему людей; но сего собранія при мнѣ уже не было. Приближеніе и, наконецъ, вступленіе Паскевича въ Тавризъ все разстроило и ввело разныя измѣненія. Бурцовъ, возвратившійся къ тому времени изъ Астрахани, былъ названъ комендантомъ Тавриза. Онъ правилъ должностью сею съ большимъ успѣхомъ и увѣрялъ меня послѣ при свиданіи въ Тифлисѣ, что онъ руководствовался моимъ наставленіемъ, которое ему много послужило.

Я продолжалъ также собирать свѣдѣнія о казенномъ имуществѣ и провіантѣ посредствомъ комисій, которыя были мною наряжены и дѣйствовали съ успѣхомъ. Для настиженія бѣжавшаго гарема Аббасъ-Мирзы поскакали Марандскіе Персіяне съ ханскими родственниками, которые выводили меня изъ терпѣнія наглостью своею. Они далеко отъ Тавриза настигли вьюки сіи и, говорятъ, поживились множествомъ золотыхъ; за точную справедливость сего извѣстія не могу ручаться, ибо въ дѣлахъ такого рода зависть къ корысти весьма много увеличиваетъ добычу, а въ завистникахъ недостатка у насъ не было. Показывали тогда на Али-бека, брата Марандскаго хана, говоря, что онъ нашелъ большую наживу въ семъ преслѣдованіи; по возвращеніи съ онаго его не пустили въ городъ, какъ я и запретилъ пускать туда нашихъ союзныхъ Персіянъ, не прекращавшихъ грабежей и безпорядковъ, и онъ ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ, изъявляя жалобу свою, что столь отличныя заслуги его награждались столь дурнымъ обхожденіемъ съ нимъ. Но они всѣ мнѣ столь уже надоѣли, и я тогда имѣлъ занятія. Какъ онъ удивился слышать мой отзывъ, когда я сказалъ, что верблюдовъ грубыхъ и безполезныхъ подобно ему не велѣно мною въ городъ пущать, потому что они обходятся по воровски и срамятъ насъ, что заслугъ ихъ мы еще не видали, что напротивъ того съ нашей стороны сдѣланы для нихъ большія угожденія, коихъ они недостойны, и что онъ можетъ ночевать въ предмѣстьѣ столь же хорошо, какъ и въ городѣ: туда его болѣе не пустятъ ни въ одну заставу, какъ и

всѣхъ родственниковъ его. Али-бекъ отъ меня ушелъ изумленный, и я болѣе не видалъ его. Если справедливо впрочемъ, что про него говорили, что онъ досталъ нѣсколько шапокъ золота, то онъ не былъ жалокъ и, вѣроятно, очень самъ доволенъ. Эристовъ также надоѣдалъ мнѣ часто жеребцами, которыхъ онъ по слухамъ цѣнилъ въ несмѣтныя суммы денегъ. Его все сбивали Грузины и Армяне, окружавшіе его, и онъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я позволилъ ему послать взять сихъ жеребцовъ, про которыхъ онъ говорилъ, что даже знаетъ гдѣ они стоятъ. Это можно, говорилъ онъ: конь есть военная добыча, и я одного приведу Паскевичу, а другаго себѣ возьму, и вамъ, братъ, будетъ, говорилъ онъ. Право, братъ, вы скажите-можно, и я прикажу. Но я не давалъ своего согласія таскать лошадей изъ конюшенъ. Не менѣе того старикъ воспользовался суматохою, происшедшею отъ приближенія Паскевича и цапнулъ нѣсколько лошадей. Адъютантъ его Херхеулидзе нагло выламывалъ двери и нахально бралъ ихъ. Были жалобы; не знаю чѣмъ кончилось, а жеребцы остались при новыхъ хозяевахъ и пришли съ ними въ Тифлисъ.

Сихъ мнимо усердныхъ служивыхъ, подобныхъ Али-беку, нельзя было никогда подвинуть къ какой-либо настоящей службѣ. Многіе навязывались, а какъ дѣло доходило до службы, то всѣ укрывались подъ различными предлогами. Такимъ образомъ, узнавъ, что изъ войска Аббасъ-Мирзы 12 оставленныхъ орудій съ начальникомъ артилеріи Юсуфъ-ханомъ (родомъ изъ Грузинъ) безъ всякаго прикрытія, съ большою поспѣшностью, пришли на Марагскую дорогу, гдѣ и остановились верстахъ въ 40 отъ Тавриза, я хотѣлъ послать союзниковъ нашихъ, дабы отхватить сію блистательную добычу, но съ трудомъ нашелъ нѣсколько охотниковъ, которые или не настигли орудій, или побоялись подъѣхать и требовать сдачи оныхъ. Конницу нашу нельзя было послать: она нуждалась въ отдыхѣ, и неосновательно было бы заморить ее экспедиціею, въ коей не были увѣрены: ибо орудія сіи могли всегда увезти, если хотя половинное число лошадей при оныхъ имѣлось.

Окончивъ первое устроеніе правленія городомъ, я обратился къ управленію края. Молодой Ахметъ-ханъ, способный малый, былъ очень дѣятеленъ и доставлялъ мнѣ свѣдѣнія о первыхъ людяхъ и, сколько могъ, о краѣ. Я собиралъ къ себѣ старѣйшинъ и располагалъ было написать уложеніе для управленія краемъ. Надобно было назначить военнаго губернатора. Должность Сакена могъ замѣнить Чавчавадзе; онъ былъ способенъ на сіе, а потому я мысленно избралъ его для сего званія. Я сообщилъ мою мысль Эристову, и дабы она не разгласилась преждевременно, предложилъ ему провозгласить Сакена губернаторомъ Таврисской области у меня за завтракомъ. Къ сему завтраку въ па-

латкѣ моей были нечаянно собраны всѣ начальники. Налили Шампанскаго и, поднесши стаканъ Эристову, я шепнулъ ему, что время. Онъ обратился къ Сакену и выпилъ за здоровье губернатора Тавризскаго. Я полагалъ, что сіе привѣтствіе обрадуетъ всѣхъ, по участію, которое, казалось, принимали въ Сакенѣ; но какъ я удивился, когда увидѣлъ Панкратьева недовольнымъ. Онъ перепилъ немного за завтракомъ и не умѣлъ скрыть чувство зависти своей. Наконецъ объяснилось, что мѣста сего ему самому хотѣлось. Сакену назначеніе было очень лестно; но когда онъ увидѣлъ неудовольствіе Панкратьева, то подошелъ къ нему, старался его убѣдить, что онъ никогда не домогался сего назначенія, ничего не зналъ объ ономъ и охотно ему уступалъ сіе назначеніе. Эристовъ, видя, что начинался шумъ, струсилъ, обошелъ кругомъ стола украдкою и убѣжалъ къ себѣ въ палатку, гдѣ и притаился. Панкратьевъ долго объяснялъ, сколько онъ обиженъ и не принималъ никакихъ причинъ. Онъ былъ и начальникомъ пѣхоты, и старшее лице послѣ Эристова. Ничего не помогло: онъ все-таки считалъ себя обиженнымъ, что̀ показалось всѣмъ весьма странно. И такъ назначеніе было неудачно провозглашено, и я впредь не буду ихъ дѣлать въ кругу частномъ. Панкратьева уговорили домой идти. Онъ проспался. Эспехо̀ его утѣшилъ, и онъ болѣе никогда не говорилъ о семъ; но замѣтно было, что онъ неудовольствія своего не забылъ, и кажется, что̀ всего страннѣе, оно было обращено на Сакена. Панкратьевъ былъ человѣкъ мстительный, и потому нравъ его иногда былъ неуживчивъ. Но надобно же было настоять на томъ, чтобы Сакенъ былъ губернаторомъ. Эристовъ не могъ сдѣлать сего, и притомъ первый пріемъ былъ ошибоченъ, и потому я рѣшился отложить назначеніе сіе до прибытія Паскевича, который долженъ былъ на дняхъ придти въ Тавризъ.

Не взирая на всѣ сіи препятствія, наставленіе для управленія было издано, и еслибъ не былъ назначенъ губернаторъ, то я бы самъ временно занялъ его мѣсто. Но слѣдующее обстоятельство разстроило мои занятія.

17-го числа были у меня собраны старшины для совѣщанія по сему предмету, какъ я былъ позванъ внезапно Эристовымъ, объявившимъ мнѣ съ великимъ страхомъ, что въ Тавризъ прибыли исправляющій при Паскевичѣ должность адъютанта князь Суворовъ и знаменитый нашъ Каргановъ. Я ихъ только мелькомъ видѣлъ, особенно послѣдняго, который отправился немедленно по порученію на него таинственно возложенному.

Они привезли намъ слѣдующее предписаніе:

„Донесенія вашего сіятельства отъ 13 и 14 сего мѣсяца, съ извѣстіемъ о благополучномъ занятіи Тавриза, я сего числа имѣлъ удоволь-

ствіе получить, за которыя мнѣ весьма пріятно объявить вамъ мою совершенную благодарность".

„Прибывъ самъ сего числа въ Маранду, я намѣреваюсь завтра т. е. 17-го числа выступить въ Софіанъ. Послѣ завтра 18-го числа я приближусь съ частью меня сопровождающихъ войскъ къ Тавризу, остановясь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ онаго. 19-е число назначается для торжественнаго вшествія моего въ Тавризъ, для котораго прошу ваше сіятельство распорядиться слѣдующимъ образомъ".

„1. Ко времени приближенія моего съ войсками, 19-го числа, къ стѣнамъ Тавриза, должны уже войска ввѣреннаго вамъ отряда, за исключеніемъ только караульныхъ и частей находящихся въ командировкахъ, быть выстроены подъ ружьемъ въ полномъ парадѣ для встрѣчи".

„2. Почетная депутація г. Тавриза должна выдти ко мнѣ впередъ отъ вашихъ войскъ на нѣкоторое разстояніе съ городскими ключами".

„3. Послѣ принятія оной депутаціи, назначается войскамъ всѣмъ пройти церемоніальнымъ маршемъ, для чего ваше сіятельство изберете удобное мѣсто, буде можно въ самомъ городѣ, такимъ образомъ чтобы войска проходили черезъ оный, если расположеніе улицъ того позволитъ; буде же нельзя, то хотя вдоль предмѣстья, для занятія, послѣ церемоніальнаго марша, лагеря, за выходомъ къ г. Хою.

„4. Лагерное расположеніе вашихъ войскъ можетъ оставаться прежнее".

„Отправляя по особенному порученію въ г. Тавризъ, а можетъ быть и далѣе, гвардіи корнета князя Суворова и поручика Карганова, покорнѣйше прошу ваше сіятельство въ случаѣ надобности оказать имъ зависящее отъ васъ пособіе".

„Въ сопровожденіи сихъ офицеровъ, отправляется равномѣрно Англинской службы бывшій у меня для переговоровъ, капитанъ Кемпбель. Сего офицера, равно какъ и прочихъ природныхъ Англичанъ, принадлежащихъ къ Великобританскому посольству, примите ваше сіятельство съ вѣжливостью и подъ свое покровительство, но отнюдь не дозволяя имъ вмѣшиваться въ дѣла Персидскаго правительства, до жителей Тавриза или собственно до насъ касающихся. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, № 467, 16-го Октября 1827. Г. Маранда".

Въ первомъ параграфѣ не упустилъ онъ изъ виду назвать завоеваніе Тавриза *благополучнымъ занятіемъ*. Пріемъ, который онъ себѣ приготовлялъ, показывалъ желаніе его носить имя побѣдоносца, и кто бы у него могъ оспорить оное, какъ у главнаго начальника, отъ коего изливаются всѣ распоряженія, доставляющія успѣхъ? Но онъ самъ лишилъ себя славы сей черезъ мелочныя средства, употребляемыя имъ къ достиженію оной. Самое распоряженіе его къ торжественному вшествію соображено болѣе по картинамъ торжественныхъ вшествій союзныхъ государей въ Европейскія столицы. Ему должно было быть извѣстно, что тѣснота улицъ не позволяла въ Тавризѣ полнаго цере-

моніальнаго марша, и не должно было упоминать объ ономъ; а если уже ему такъ хотѣлось подражать Римлянамъ при торжественныхъ ихъ вшествіяхъ, то послалъ бы своего нарочнаго чиновника или начальника штаба распорядиться онымъ сообразно. Требованіе, чтобы ключи города были поднесены ему почетною депутаціею жителей, было несправедливо: ключи уже предполагались у насъ, и никто какъ Эристовъ не долженъ былъ ему подносить оныхъ. Я сіе далъ замѣтить Эристову, полагая, что его тронетъ подобное оскорбленіе; но старикъ уже слишкомъ былъ напуганъ и не дерзалъ возставать противъ сего приказанія; и потому я на себя взялъ отмѣну онаго.

Порученія, данныя Карганову и Суворову, въ точности не были мнѣ извѣстны; но казалось мнѣ, что имъ велѣно было доискиваться сокровищъ Аббасъ-Мирзы. Каргановъ дѣйствовалъ тайно и надѣлалъ много мерзостей.

Мысль не допускать Англичанъ вмѣшиваться въ дѣла наши была дѣльная; но ему самому бы надобно объ оной напоминать: ибо онъ нарушилъ самъ сіе правило въ послѣдствіи времени.

Рѣшено было мнѣ ѣхать въ Сагланъ, дабы увидѣться съ главнокомандующимъ и получить его приказаніе, и я поѣхалъ 18-го числа передъ вечеромъ, взявъ отъ Эристова докладную записку о назначеніи Сакена военнымъ губернаторомъ въ Адербиджанѣ и оставивъ слабаго старика въ страхѣ и задумчивости на счетъ будущей встрѣчи его съ Паскевичемъ. Коменданту, полковнику Лазареву, приказалъ я изготовить или достать какіе-нибудь странные большіе ключи, потому что городскіе ворота запирались на висячіе Русскіе замки, которые неприлично было бы представить при предполагаемой церемоніи.

Я прибылъ въ Сагланъ, какъ уже совсѣмъ было темно, и засталъ Паскевича со всѣмъ штабомъ и губернаторомъ Тавриза, беглеръ-беемъ Фетъ-Али-ханомъ за ужиномъ на дворѣ. Паскевичъ принялъ меня со скрытою ужимкою и улыбнувшись сказалъ: «Вотъ молодцы какіе! Куда забрались!» Посадилъ къ столу и кое о чемъ распрашивалъ, но безъ особеннаго вниманія, любопытства и безъ удовольствія. Между прочимъ онъ не забылъ спросить меня, получили ли мы предписаніе его не ходить къ Тавризу. Мы получили оное, отвѣчалъ я, по взятіи уже Тавриза.—Какъ это можно? возражалъ онъ; вѣдь извѣстно, съ кѣмъ оно было послано. Объ этомъ можно будетъ справиться черезъ посланнаго.—Послѣ взятія крѣпости, повторилъ я, и онъ замолчалъ, не показывая сердитаго вида. Онъ послѣ дѣлалъ разысканія сіи и домогался всѣми средствами обвинить меня въ ослушаніи; но самые сподвижники его, въ числѣ коихъ былъ Викинскій, служившій при мнѣ, не могли ничего доказать. Паскевичу также весьма досадно было узнать,

что официальная о томъ бумага получена была нами также по взятіи Тавриза (сіе случилось черезъ нечаянную неисправность обывателя, котораго послали съ сею бумагою къ намъ и который побоялся пройти до насъ).

Послѣ ужина я пошелъ къ Сухтелену въ палатку. Онъ поздравилъ меня со взятіемъ Тавриза, и хотя ему, можетъ, внутренно и было досадно, что мы лишили ихъ сей славы, но чувство справедливости въ немъ превозмогло. Онъ рѣшительно похвалилъ мой поступокъ, говоря, что мы должны были сіе сдѣлать, не взирая ни на что. Я ему подалъ докладную записку о назначеніи Сакена военнымъ губернаторомъ Тавриза, что́ и было исполнено черезъ нѣсколько дней по вступленіи Паскевича въ городъ.

На счетъ представленія ключей Паскевичу жителями я не нашелъ другаго средства къ отмѣненію сего приказанія, какъ представить графу Сухтелену то горестное положеніе, въ которое оно ввело старика Эристова, неутѣшнаго отъ сего распоряженія и погруженнаго въ сильную скорбь отъ сей немилости начальника и обиды: какъ отдать ключи завоеваннаго имъ города самимъ жителямъ обратно! Утѣшьте его, отвѣчалъ мнѣ Сухтеленъ; это перемѣнится безъ затрудненія, и скажите ему, что онъ можетъ самъ поднести ключи главнокомандующему. Около меня собралось нѣсколько любопытныхъ главной квартиры. Не могли не хвалить нашего успѣха, но во всѣхъ были замѣтны зависть и скрытное неудовольствіе. Общее мнѣніе было, что извѣстіе о взятіи Эривани много намъ способствовало. Оно отчасти было справедливо, но не лишало всеобщаго одобренія.

Было уже поздно. Я зашелъ ночевать къ Фридриксу и на разсвѣтѣ 19-го числа выѣхалъ обратно въ Тавризъ, дабы все приготовить для пріема главнокомандующаго. Съ равнымъ любопытствомъ былъ я принятъ въ своемъ лагерѣ и въ особенности Эристовымъ, который былъ внѣ себя, узнавъ, что Паскевичъ не бранился и очень доволенъ и что честь врученія ключей была ему лично предоставлена. Онъ занялся немедленно приготовленіемъ обѣда для всей главной квартиры и, собравъ ото всѣхъ штабныхъ своихъ посуду и грязное бѣлье столовое, сочинилъ какой-то пренеопрятный и дурной обѣдъ.

Панкратьеву предоставлено было устроить всѣ войска на площади, влѣво отъ предмѣстья находящейся, и принять главнокомандующаго. Я занялся приготовленіемъ церемоніала къ встрѣчѣ и, когда все было готово, я позвалъ Эристова и поставилъ его впереди толпы народной и старшинъ, слѣдовавшихъ изъ крѣпостныхъ воротъ (называющихся Стамбульскими или Цареградскими) въ улицу предмѣстья, по коей ожидали главнокомандующаго. Подлѣ Эристова ѣхалъ я съ одной стороны

нѣсколько сзади, а комендантъ съ другой, въ такомъ же разстояніи; за комендантомъ находился Донской урядникъ съ подносомъ, на коемъ, подъ небольшимъ какимъ-то цвѣтнымъ покрываломъ, лежали безобразные большіе ключи, взятые отъ какого-то амбара.

Около полдня Паскевичъ подъѣхалъ. Мы встрѣтили его. Урядникъ подалъ поднось Лазареву, Лазаревъ Эристову, а Эристовъ Паскевичу, который ихъ принялъ съ благосклонностью. За тѣмъ представили ему муштепда и другихъ главныхъ старшинъ. Паскевичу вѣроятно и хотѣлось сказать намъ или старшинамъ что нибудь привѣтливаго; но онъ не краснорѣчивъ и не умѣлъ ничего сказать, заикался и, наконецъ, замолчалъ; а одинъ изъ переводчиковъ его громогласно повторялъ на всѣ стороны успокоительныя выраженія народу въ нѣсколькихъ словахъ какъ то: Не бойтесь ничего! Добро пожаловали! Не бойтесь! и все одно и тоже самое. Не замѣтно было однакоже, чтобы кто либо боялся. Паскевичъ же примѣтно былъ въ замѣшательствѣ.

Мы повернули его въ лѣво на площадь, гдѣ были выстроены войска, къ правому флангу коихъ примкнули пришедшіе съ нимъ полки. (Онъ шелъ съ авангардомъ, главныя же силы приходили на другіе дни въ Тавризъ).

Всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо его и направились къ своимъ лагерямъ, а Паскевичъ выѣхалъ на эспланаду, раздѣляющую предмѣстья отъ крѣпости, приказавъ за собою слѣдовать уланскому полку, съ нимъ пришедшему, въ надеждѣ пропарадировать еще въ самомъ городѣ и воображая найти широкія улицы, площади, зданія, дворцы и толпы народныя, громкими восклицаніями провозглашающія славу его. Эристовъ метался какъ бѣшеный.

При въѣздѣ Паскевича въ крѣпость было приказано начать пальбу изъ всѣхъ Персидскихъ орудій, стоявшихъ на валу, для чего и были разставлены наши артилеристы при офицерахъ около орудій. Лишь только лошадь его ступила на мостъ, какъ первое орудіе, подлѣ самаго моста находившееся и неудачно по сему случаю направленное почти къ самому мосту, выстрѣлило. Лошадь его испугалась; и было чего, ибо его чуть не ударило. Онъ же съ видомъ безпокойствія оглянулся, но тотчасъ оправился и выѣхалъ въ ворота. Все что за нимъ двинулось, и уланы ѣхали по одиночкѣ или въ два коня. Онъ проѣзжалъ черезъ грязныя, узкія и темныя улицы неопрятнаго базара, принимая на себя видъ героя въ толпѣ народной, побѣдителя вселенной. Но картина представляла совсѣмъ другое.

Паскевича привезли, наконецъ, все безмолвнаго, въ лагерь нашъ. Не помню, не заѣзжалъ ли онъ прежде на изготовленную для него квартиру во дворцѣ Аббасъ-Мирзы. Эристовъ посадилъ его за скуд-

ный и холодный обѣдъ свой. Послѣ обѣда отвезли его въ квартиру въ крѣпость. Сего знака было достаточно, и я уже не надѣялся болѣе удержать начальниковъ въ лагерѣ: все понеслось въ городъ и заняло себѣ квартиры. Войска остались одни въ полѣ. Всякій день происходили безпорядки, драки, грабежи, жалобы со стороны жителей; виновные не отыскивались, а потому зло и не останавливалось, а жители, дотолѣ обращавшіеся съ нами съ довѣренностью, стали негодовать на насъ.

Я послѣдній переѣхалъ въ городъ. И что̀ мнѣ было болѣе дѣлать въ лагерѣ? Я уже не занималъ никакого мѣста болѣе; все перемѣшалось, и не было отдано никакого приказанія, не сдѣлано никакого распоряженія для какого-нибудь новаго раздѣленія войскъ, въ коемъ бы каждый начальникъ могъ видѣть свое назначеніе. Все смѣшалось, слилось, и полковые адъютанты по ночамъ блуждали по извилистымъ улицамъ Тавриза, дабы отыскать какое-нибудь лицо, которое соблаговолило бы отдать какое-нибудь приказаніе. Войска терпѣли нужду, были безъ фуража, безъ топлива. Въ семъ положеніи вновь прибывшій штабъ обратился ко мнѣ, дабы я назначилъ селенія, въ коихъ фуражировать можно было; но я уже былъ ото всего устраненъ. Раза два указалъ я имъ селенія; но могло ли сіе имѣть какой-нибудь толкъ, и можно ли на удачу называть селенія, коихъ извѣстны только одни названія, не зная ни числа фуражировъ, ни потребности, ни распоряженій, къ сему сдѣланныхъ? Но у нихъ никто не хотѣлъ ни во что вникать, и всякій частный начальникъ посылалъ обирать селенія, гдѣ ни попало, по своему собственному произволу, къ чему поводомъ служили недѣятельность и безпечность всего начальства, которое все безъ изъятія пренебрегло обязанностями своими. Обратились къ распутству, коему и предались всѣ до безстыдства, въ томъ числѣ и старикъ мой Фавнъ Эристовъ. Командиръ Нахичеванскихъ сарбазовъ Эхсенъ-ханъ сдѣлалъ изъ сего себѣ ремесло и, какъ я слышалъ, бралъ деньги съ женщинъ...

•На первыхъ порахъ занялись исключительно отыскиваніемъ сокровищъ и драгоцѣнныхъ вещей Аббасъ-Мирзы. Сіе продолжалось довольно долгое время, и для сего былъ употребленъ въ особенности Каргановъ.

Каргановъ началъ съ ограбленія Гуссейнъ-хана Нухинскаго, убѣдивъ Паскевича посадить подъ стражу человѣка сего, добровольно къ намъ явившагося. Каргановъ отобралъ у него и у другихъ хановъ заемныя письма, данныя имъ купцами Тавризскими, у коихъ деньги ихъ въ оборотѣ ходили, и понуждалъ купцовъ сихъ къ платежу намъ денегъ. Постыдное средство для увеличиванія бездѣлицами казны на-

шей, которую расхищали и расточали безъ милосердія. Нашли также нѣсколько вещей, принадлежащихъ Аббасъ-Мирзѣ, нѣсколько платья его; но все не составляло ничего важнаго. Такимъ образомъ нашли шпагу, подаренную Аббасъ-Мирзѣ когда-то Англинскимъ королемъ, и разломанный тронъ его, что́, кажется, было отправлено къ Государю. Каргановъ, Лазаревъ и офицеры обирали ковры, жеребцовъ и мѣдную посуду въ домахъ отсутствовавшихъ хановъ, что̀ дѣлалось почти силою, ибо остававшіяся жены защищали сіи пожитки и домашнія утвари. Едва ли что̀ изъ сихъ вещей досталось въ казну; кажется, что большая часть была расхищена чиновниками, окружавшими Паскевича; не полагаю, чтобы онъ самъ попользовался симъ. Послѣ моего выѣзда, обвинили меня, что я утаилъ все золото, бывшее въ казнѣ Аббасъ-Мирзы, говорили даже опредѣлительно, что я взялъ 5,000 червонцевъ. Я слышалъ, что и тайное слѣдствіе по сему производилось; но никто никогда не осмѣлился мнѣ говорить о семъ или показать мнѣ видъ сомнѣнія.

Муштеидъ попалъ къ Паскевичу въ милость. Онъ первый изъ Персіянъ поставилъ его на мысль войти въ какія-либо законныя сношенія съ народомъ и обѣщалъ ему открыть всѣ доходы Тавриза, говоря, что они различные, какъ-то: таможенные, откупные, мѣсячные, недѣльные, денные и тому подобные. Нынѣ онъ живетъ въ Тифлисѣ, имѣетъ большое отъ правительства содержаніе, орденъ св. Анны 1-й степени и пр.

Съ Англичанами Паскевичъ скоро сблизился, и они имѣли вліяніе во всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ Персіянами. Маіоръ ихъ или полковникъ Макдональдъ получилъ Анну 1-й степени; Монтейсъ, самый злой врагъ нашъ, бриліантовую Анну на шею и т. п.

Перейдя изъ лагеря въ городъ, я помѣстился въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ покоевъ дворца Аббасъ-Мирзы, такъ что на первыхъ порахъ я съ трудомъ могъ находить по темнымъ коридорамъ дорогу, дабы выдти на улицу. Между мною и Паскевичемъ находился еще весь штабъ, и всякому, имѣющему надобность въ городъ, надобно было проходить небольшимъ коридоромъ, смежнымъ съ его комнатою, потомъ подъ самымъ его окномъ и, наконецъ, весь дворъ, подъ глазами его. Сіе было причиною, что многіе, избѣгая неудовольствія попасться ему на глаза, не всегда рѣшались проходить подъ симъ окномъ, или пробѣгали мѣсто сіе, придерживаясь стѣнки, какъ будто внѣ выстрѣловъ. Эристовъ однажды, расхрабрившись у себя дома, рѣшился было пойти объясниться къ Паскевичу ни къ селу, ни къ городу на счетъ занятія Тавриза; но едва переступилъ на дворъ и увидѣлъ главно-

командующаго, прогуливающагося въ нѣкоемъ изступленіи взадъ и впередъ, поспѣшно отступилъ, не сказавъ ни слова.

Никто почти не зналъ мѣстопребыванія моего: такъ оно было скрытно. Дѣлами я болѣе не занимался ни по штабу, ни по какимъ предметамъ.

Наконецъ, послѣ продолжительной праздности, принялись за устроеніе правительства и назначили главнымъ членомъ онаго генералъ-интенданта.... Но, дабы дѣла шли своимъ порядкомъ, предположили назначить къ нему меня въ помощники, и предложеніе сіе было сдѣлано мнѣ черезъ Сухтелена. Не трудно было замѣтить, что симъ средствомъ, отдаляя меня отъ штаба, хотѣли заставить дѣло дѣлать за интенданта, не поручая мнѣ главнаго начальства надъ областью, дабы всю славу хорошихъ распоряженій обратить въ пользу интенданта, а въ случаѣ неудачи все дурное сложить на меня; и потому я, ни мало не медля, отказался отъ сей должности. Паскевичъ меня самъ лично приглашалъ къ оной; но я отказался и ему, говоря, что домашнія обстоятельства призываютъ меня въ Тифлисъ и что я прошу его отпустить меня туда; что я приму на себя всякое порученіе, которое онъ возложитъ на меня въ Грузіи, но что оставаться мнѣ при арміи никакъ болѣе нельзя, и что тѣмъ болѣе покушался я на сей отъѣздъ, что военныя дѣла кончены, и что я не имѣю болѣе никакой прямой обязанности. Разрѣшеніе просьбы моей было пріостановлено, но я въ слѣдъ за симъ вторично просился черезъ Сухтелена, и Паскевичъ согласился, хотя и съ отсрочкою нѣсколькихъ дней, по истеченіи коихъ, еслибъ не представилось препятствія, меня бы отпустили.

Правительство было учреждено; обошлись безъ меня. Сакенъ и Чавчавадзе были назначены главными членами онаго, а генералъ-интендантъ, который также числился въ членахъ, не принималъ никакого въ послѣдствіи времени участія.

Я сбирался выѣхать изъ Тавриза, изъ завоеваннаго мною города, и не увозилъ никакого памятника, даже не имѣлъ въ виду награжденія: ибо хотя я и былъ представленъ къ Георгію, но въ представленіи, передѣланномъ Паскевичемъ, было сказано, что я участвовалъ во всей экспедиціи и занятіи Тавриза по полученіи уже извѣстія о взятіи Эривани. Такого рода представленіе безъ сомнѣнія не могло мнѣ доставить Георгіевскаго креста, и я остался тогда безъ онаго. Ключи или, лучше назвать ихъ, висячіе замки Тавризскихъ воротъ были у меня. Надобно было ихъ отправить къ Государю, но они Паскевичу не понравились: были слишкомъ новы и обыкновенны. Онъ приказалъ достать другихъ постарѣе и помудренѣе. Я заказалъ слесарю большой ключъ и продержалъ его нѣсколько времени въ навозѣ, дабы желѣзо окисло; но и сей

не понравился. Отыскали какіе-то другіе отъ магазеина, которые ему показались и которые отправили къ Государю. Между тѣмъ висячіе замки, коихъ было 6 или 7, остались у меня. Я отнесъ ихъ къ Сухтелену и спросилъ что́ съ ними дѣлать мнѣ прикажутъ. Gardez les pour vous et servez vous en pour les suspendre à vos hangards dans vos terres *). Съ сими словами пріобрѣлъ я право оставить ихъ у себя и сохранять. Они были отвезены въ Тифлисъ и хранились за образами въ спальнѣ; но во время Турецкаго похода часть оныхъ была употреблена Прасковьей Николаевной для ея кладовыхъ и, кажется, утратилась, а три или четыре замка остались у меня въ сохранности.

Переговоры о мирѣ начались. Долго разсуждали о назначеніи мѣста для оныхъ, наконецъ избрали Деи-Корганъ, куда при мнѣ хотѣли еще отправлять почетные караулы и другія потребности. Симъ дѣломъ завѣдывалъ д. с. совѣтникъ Обрѣзковъ. Сначала онъ былъ, какъ кажется, неопытенъ въ семъ дѣлѣ и принимался за оное слишкомъ дипломатически. Съ Персіянами надобно болѣе страха, брани, военнаго грома и треска, для заключенія выгоднаго мира, и кажется, что дѣла сіи перешли послѣ въ управленіе Грибоѣдова и самаго Паскевича. Послѣдній шумѣлъ, кричалъ и чуть не дрался; сіи пріемы были самые дѣйствительные и произвели то, въ чемъ бы, можетъ быть, весь дипломатическій корпусъ не успѣлъ.

26-го числа я былъ рѣшительно отпущенъ Паскевичемъ, и дабы отъѣзду моему не дать видъ отпуска, онъ подписалъ предписаніе о командированіи меня въ Тифлисъ подъ начальство генерала Семякина. Но я еще не получилъ сего предписанія, какъ онъ послалъ за Викинскимъ и велѣлъ написать просто увольненіе.

Я былъ у Паскевича и просилъ его уважить нѣкоторыя представленія мои объ офицерахъ, служившихъ съ отличіемъ подъ моимъ начальствомъ (въ томъ числѣ былъ и племянникъ его, юнкеръ Миницкій); но по сему не были они награждены. Преслѣдованіе распространилось и на всѣхъ окружавшихъ меня. Паскевичъ, въ разговорѣ своемъ со мною, говорилъ мнѣ, что я могу быть начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, ставя мнѣ на видъ столь лестное назначеніе. Я отвѣчалъ ему, что долгое отсутствіе мое изъ Россіи и старость отца моего были причиною, что я не могъ болѣе отлагать давнишняго нетерпѣнія моего возвратиться въ Россію, и симъ отказался отъ предлагаемаго имъ званія начальника штаба. Онъ говорилъ со мною о новой границѣ, имъ предполагаемой съ Персіею. Онъ желалъ имѣть

*) Сберегите ихъ для себя; они вамъ годятся привѣсить къ сараямъ въ вашемъ помѣстьи.

цѣпь горъ преимущественно рѣкамъ, и въ семъ случаѣ онъ былъ правъ; ибо граница сія половину года не требуетъ защиты (горы покрываются снѣгомъ), лѣтомъ же, подвигая на границы войска, занимаются мѣста возвышенныя и здоровыя; между тѣмъ какъ граница наша по Араксу губитъ у насъ въ лѣтнее время несмѣтное число людей въ войскахъ отъ болѣзней. Разговоръ нашъ былъ довольно свободный, и ни съ одной стороны не было замѣтно злобы. Мы разстались хорошо. 27-го я также видѣлся съ Паскевичемъ; онъ былъ вѣжливъ и вообще довольно тихъ и, узнавши, что я на другой день хочу выѣхать, приказалъ мнѣ еще зайти къ нему.

28-го числа я хотѣлъ выѣхать поутру, но мнѣ не удалось сдѣлать сего за неизготовленіемъ разныхъ бумагъ въ штабѣ. Передъ вечеромъ все было готово и, не желая долѣе откладывать своего выѣзда, я отправилъ впередъ повозку свою, приказавъ людямъ разбить мнѣ палатку на эспланадѣ, что̀ между глазисомъ крѣпости и предмѣстьемъ, (тамъ, гдѣ Эристовъ 13-го числа столь долго стоялъ съ войскомъ и гдѣ мы расположили свой первый лагерь по занятіи Тавриза), а самъ зашелъ къ Паскевичу, дабы получить его приказанія и проститься съ нимъ. Онъ поговорилъ со мною очень мало и простился, сказавъ сіи слова: Je ne sais ce que je vous ai fait *), на что̀ я не счелъ нужнымъ отвѣчать ему и, раскланявшись со всею вѣжливостію подчиненнаго, вышелъ и пошелъ къ Сакену проститься. Сакенъ уже вступилъ въ управленіе провинціи. Я нашелъ его съ Чавчавадзевымъ и провелъ у нихъ съ часъ; сколько Сакенъ ни уговаривалъ меня остаться у него ночевать, но я не согласился на сіе, не имѣя болѣе ничего въ предметѣ какъ выѣхать изъ Тавриза.

Я выѣхалъ отъ Сакена часу въ 12-мъ ночи, въ сопровожденіи казака и пьянаго Павлова, служившаго при Сакенѣ переводчикомъ, котораго онъ послалъ съ фонаремъ проводить меня по темнымъ и тѣснымъ улицамъ базара до Цареградской заставы, гдѣ караульный офицеръ меня остановилъ и записалъ выѣхавшимъ. Таково было мое обратное шествіе изъ Тавриза, въ который за двѣ недѣли передъ тѣмъ я вступалъ торжественно, вводя побѣдоносныя войска, окруженный многочисленнымъ народомъ, принимая поздравленія сослуживцевъ своихъ при звукѣ военной музыки и громкихъ восклицаніяхъ. Мысли о превратности дѣлъ нашихъ въ жизни сей не могли никогда сильнѣе занять меня. Трудно пріискать столь сближенныя временемъ и столь разительныя противоположности въ участи моей; но я былъ покоенъ и душевно радовался моему удаленію. Я зналъ, что го-

*) Не знаю что̀ я вамъ сдѣлалъ.

неніе начальника, столь несправедливое, не могло имѣть вліянія на мое доброе имя и всего болѣе радовался скорому возвращенію къ семейству своему.

Я отыскалъ ночью палатку свою за глазисомъ. Тамъ уже дожидался меня двоюродный братъ жены моей, Ахвердовъ, служившій при мнѣ за адъютанта, и я вошелъ въ палатку съ несказаннымъ чувствомъ удовольствія: все вокругъ меня дышало свободою, я не опасался болѣе быть пробужденнымъ отъ сна и позваннымъ къ начальнику, меня не тревожили распоряженія другаго дня, я весь обратился къ себѣ и знакомился съ симъ несравненнымъ чувствомъ, для меня столь давно уже неизвѣстнымъ. Съ вечера еще написалъ я письмо къ женѣ, коимъ увѣдомлялъ ее о скоромъ возвращеніи моемъ. Письмо было отослано съ какимъ-то отправлявшимся курьеромъ въ Тифлисъ, послѣ чего я осмотрѣлъ все оружіе свое и долго еще не ложился спать, дабы болѣе насладиться свободою своею, и всталъ на другой день рано, едва вѣря оной.

Я сговорился ѣхать вмѣстѣ съ артилерійскимъ генераломъ Унтилье, который былъ очень боленъ. 29-го числа, въ ожиданіи его, отслужилъ у меня въ палаткѣ молебенъ священникъ бывшаго моего полка отецъ Тимофей Никитинъ, который со мною дѣлалъ первую экспедицію мою къ Туркестанскимъ берегамъ Каспійскаго моря, въ 1819-мъ году, къ которому я былъ привязанъ и который былъ также отпущенъ ѣхать въ Грузію.

29-го поутру пріѣхалъ Унтилье, и мы пустились въ путь. Унтилье заболѣлъ еще въ Эривани и прибылъ съ войсками больной въ Тавризъ. Онъ былъ очень слабъ, и едва ли была какая-либо надежда къ его выздоровленію; но ему хотѣлось возвратиться въ Тифлисъ, гдѣ у него оставалась жена. Тяжелый нравъ сего человѣка былъ еще несноснѣе во время болѣзни его. Адъютантъ его Влахопуло и лекарь Гросшопфъ много отъ него терпѣли дорогой, а слуги его были совершенные страдальцы и часто получали побои по однимъ прихотямъ больнаго. Никто кромѣ меня до него доступа не имѣлъ; лекаря онъ обвинялъ въ умыслѣ отравить его и вызывалъ его даже однажды на поединокъ за лекарства, которыя ему казались не настоящими. Гросшопфъ съ Влахопуловымъ, выходя изъ терпѣнья, приходили ко мнѣ приносить безполезныя жалобы на своего генерала.

Въ сей день, отдохнувъ нѣсколько около полудня близъ Саглана, прибыли мы на ночлегъ въ Софіанъ, откуда я еще имѣлъ случай послать домой письмо. Чѣмъ я болѣе отдалялся отъ Тавриза, тѣмъ былъ довольнѣе, дышалъ свободнѣе.

30-го числа прибыли въ Маранду, гдѣ уже было какимъ-то случаемъ давно извѣстно о приближеніи нашемъ. Марандскій Мегмедъ-ханъ, человѣкъ привыкшій бояться меня, уже возвратился изъ Тавриза во свояси и, узнавъ о прибытіи моемъ, выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу съ многочисленною свитою; онъ вѣроятно не узналъ еще о моемъ паденіи въ расположеніи начальства. Я его посадилъ къ себѣ въ повозку, и мы въѣхали такимъ образомъ въ Маранду. Сидя подлѣ меня, онъ не смѣлъ прямо смотрѣть на меня, съ бока только взглядывалъ и отвѣчалъ съ робостью и осторожностью на мои вопросы, что̀ было также хорошо замѣчено Ахвердовымъ, перенявшимъ его пріемы робкіе и осторожное обхожденіе. Въ Марандѣ стоялъ тогда съ осадною артилеріею, съ транспортами и Кабардинскимъ пѣхотнымъ полкомъ, генералъ-маіоръ Лаптевъ: новое лице, мнѣ незнакомое, къ коему по обязанности службы я явился. Занимая Маранду, онъ не озаботился даже знать людей, старшинъ, средства у него подъ рукою находящіяся, и не выходилъ изъ круга дѣйствія своего по войскамъ, въ коихъ онъ управлялся очень слабо. Посему и находился онъ въ мракѣ, дѣлая требованія неосновательныя отъ жителей, которыя не исполнялись. Между тѣмъ Маранда съ деревнями, столь хорошо сбереженная, продовольствовавшая насъ столь исправно и въ коей остались еще средства, указанныя Паскевичу рапортомъ князя Эристова отъ 15 Октября (№ 541), была разорена, жители разстроены. Войска, съ Паскевичемъ шедшія, привели богатый уѣздъ сей въ такое положеніе.

Я остановился на квартирѣ въ глухомъ переулкѣ; но меня отыскали и навѣстили старшины города, коихъ заслуги были мнѣ извѣстны и о награжденіи и успокоеніи коихъ я старался, но безуспѣшно. Они желали обезпечить себя, ибо боялись мести Персіянъ, когда отдадутъ Маранду, о чемъ уже носились слухи; они желали быть извѣстны начальству, дабы и ихъ не забыли при договорахъ мира. Но что̀ я могъ сдѣлать въ тогдашнемъ положеніи моемъ? Я утѣшалъ ихъ словами и объяснилъ имъ положеніе мое, скрывая, сколько возможно, глупость нашего правленія; и они были столь благоразумны, что поняли меня и перестали просить моего покровительства, ниже напоминать мнѣ о заслугахъ своихъ, а только продолжали оказывать мнѣ то уваженіе, которымъ я между ними пользовался въ первые дни знакомства моего съ ними. Черта необыкновенная, не только между Персіянами, но даже между нашими.

31-го мы прошли Дарадизское ущелье. Сколько воспоминаній для меня лестныхъ и пріятныхъ! Всѣ мѣста, коими я проходилъ, были мнѣ такъ коротко знакомы, что я прошелъ пѣшкомъ почти все ущелье. На одномъ изъ камней, гдѣ былъ заколонъ одинъ Персіянинъ въ авангард-

номъ дѣлѣ Панкратьева, когда занимали (помнится мнѣ, 1-го Октября) входъ ущелья, видна еще была кровь убитаго. Дорога по всему ущелью была устлана скотомъ, павшимъ въ отрядѣ Паскевича во время слѣдованія его.

1-го Ноября я переправился черезъ Араксъ и вступилъ какъ будто въ отечество, въ великіе предѣлы онаго: ибо всегда полагали, что, при заключеніи съ Персіянами мира, Араксъ останется у насъ границею.

Мы благополучно переправились въ бродъ черезъ Араксъ. Я возчувствовалъ особенную радость, когда вышелъ на лѣвый берегъ рѣки сей, которую привыкъ въ мысляхъ своихъ чтить границею своего отечества, или лучше сказать Грузіи, къ коей клонились всѣ мои помышленія, гдѣ я оставилъ все свое счастіе. Мы пріѣхали къ ночи въ Нахичеванъ, въ разоренную войною страну и городъ, коихъ разстройство и опустошеніе день ото дня увеличивались отъ безпрерывнаго движенія войскъ нашихъ. Мы заняли комнаты дворца, которыя еще сохранили нѣсколько свой видъ, и провели въ нихъ ночь.

Маіоръ Варламовъ, начальникъ транспортовъ, показалъ мнѣ усердіе и неизмѣнную преданность. Штабъ-офицеры Аббасъ-абадскаго гарнизона также являлись ко мнѣ: они помнили прежнее званіе мое. Не знаю, что̀ въ сіе время происходило у нихъ на сердцѣ, по крайней мѣрѣ они показались мнѣ одинаковыми противъ прежнихъ сношеній между нами. Всѣ слышали о паденіи моемъ и приписывали оное завоеванію Тавриза и Паскевичу. Они вѣроятно давно уже знали объ угрозахъ, имъ на мой счетъ произнесенныхъ по сему случаю.

Ферраджи-Улла-бекъ, одинъ изъ братьевъ Эхсенъ-хана, молодой человѣкъ лѣтъ 16-ти или 17-ти, коему было поручено управленіе Нахичевана, не могъ и не думалъ ни во что̀ входить. Народъ разбѣжался, дома разбирались на дрова, все сдѣлалось общею собственностью военныхъ, и не было никакой земской власти, дѣйствующей со стороны нашей; ибо полковникъ Волжинскій, командиръ Тифлисскаго полка и комендантъ крѣпости, коему сіе было поручено, не былъ въ состояніи что либо обнять и распорядиться. Такое положеніе области Нахичеванской долго продолжалось и послѣ заключенія мира, отъ безпечности вышняго начальства. Мехти-агѣ, другому брату Эхсенъ-хана, поручено было устроеніе почтъ по дорогѣ къ Эривани. Ему было около 19 или 20 лѣтъ, и онъ также не сдѣлалъ никакихъ порядочныхъ распоряженій и, я думаю, обращалъ въ свою собственную пользу средства, которыя онъ къ сему имѣлъ. На иныхъ станціяхъ находилось по нѣскольку лошадей и гонцевъ; но сіе все было такъ невѣрно и неисправно, что нельзя было на оныхъ разсчитывать, и курьеры добывали себѣ лошадей для проѣзда въ деревняхъ у поселянъ насильно.

Изъ Нахичевана отправилъ я еще письмо домой съ адъютантомъ Паскевича Фелькерзамомъ, который насъ тутъ нагналъ и ѣхалъ съ депешами изъ Тавриза въ Петербургъ. Мы ночевали въ селеніяхъ, въ кои часть жителей уже возвратилась, но пребывала въ бѣдности и раззореніи. Вся дорога была совершенно безопасна. Жители были покорны и увѣрены въ томъ, что будутъ намъ принадлежать.

Унтилье положили въ землянку. Онъ былъ очень слабъ и сообщилъ мнѣ предчувствіе свое, что ему не увидѣть болѣе Тифлиса и оставленной имъ тамъ жены, которую онъ заблаговременно называлъ вдовою.

6-го изъ Нуракё Унтилье поѣхалъ прямо въ Эчміадзинъ, гдѣ онъ располагалъ нѣсколько дней отдохнуть, но остался на вѣчномъ покоѣ, а я поѣхалъ въ Эривань, до коей было 8 верстъ. Красовскій, который начальствовалъ въ Эриванской области, принялъ меня съ отличною предупредительностію, къ чему вѣроятно способствовало и то, что онъ зналъ о неудовольствіяхъ, возникшихъ между мною и Паскевичемъ, коего онъ терпѣть не могъ. Но не менѣе того я долженъ отдать справедливость человѣку сему, что относительно меня поведеніе его могло только служить мнѣ упрекомъ въ прежнихъ поступкахъ моихъ съ нимъ, когда я не умѣлъ умѣрить своего нетерпѣнія и, не знавъ его добрыхъ качествъ, обходился съ нимъ какъ съ человѣкомъ, коего присутствіе тяготило меня, не отдавая ему того уваженія, которое должно было. Красовскій до сихъ поръ постоянно продолжаетъ изыскивать всѣ средства содѣлаться мнѣ полезнымъ и, такъ сказать, насильно привлекъ меня къ себѣ, поставя меня въ обязанность быть ему благодарнымъ за его обязательность ко мнѣ.

Довольно странно, что 6-го числа я пріѣхалъ къ Красовскому, въ самый день какъ онъ торжествовалъ взятіе Тавриза. Онъ далъ мнѣ замѣтить, что я въ Тавризѣ праздновалъ взятіе Эривани, а въ Эривани взятіе Тавриза, прибавивъ съ тайнымъ удовольствіемъ: «Я думаю, ему вы ножъ острый вонзили въ сердце».

Послѣ молебствія, сопровожденнаго пушечною пальбою, и церемоніальнаго марша, Красовскій повелъ меня по всѣмъ стѣнамъ и башнямъ крѣпости, разсказывая мнѣ осаду оной, и я могъ замѣтить, что хотя стѣна въ одномъ мѣстѣ и была повреждена ядрами, но она еще далеко была отъ того состоянія, которое способствовало бы приступу. Наши работы были нѣсколько смѣлы и весьма несовершенны; словомъ, крѣпость сдалась отъ невольнаго убѣжденія гарнизона и начальниковъ онаго въ томъ, что, рано-ли, поздно-ли, наше постоянство одолѣетъ ихъ и, что имъ нельзя было болѣе ожидать помощи отъ Аббасъ-Мирзы, отброшеннаго нами къ Хою и лишившагося въ побѣгѣ

своемъ главныхъ силъ своихъ. Намъ никогда не была отдана справедливость сія; но нѣкоторое участіе во взятіи Эривани принадлежитъ по истинѣ нашему отряду, такъ какъ и мы признаёмъ, что взятіе Эривани имѣло вліяніе на взятіе Тавриза. Стѣны, испорченныя нашими ядрами, были временно починены очень плохо нашими турами, взятыми изъ траншей, и кажется до сихъ поръ еще не были лучше исправлены. Беззаботливость главныхъ начальниковъ и частныхъ были слишкомъ велики, чтобы рѣшить даже, можно-ли намъ сохранить и поддерживать крѣпости Эривань, Сердаръ-Аббадъ. Самая область Эриванская при выѣздѣ моемъ въ семъ году изъ Тифлиса была еще въ состояніи завоеванной области, и для устройства оной не было еще предпринято никакихъ дѣятельныхъ мѣръ.

Ахвердовъ терялъ свое назначеніе при мнѣ черезъ мое удаленіе. Красовскій самъ вспомнилъ свое прежнее предложеніе взять его въ адъютанты къ себѣ, и мы оба согласились на сіе. Я былъ въ особенности доволенъ симъ. Я въ тотъ-же день отпустилъ его на легкахъ въ Тифлисъ, дабы онъ предупредилъ жену мою о моемъ скоромъ возвращеніи. Онъ былъ нѣсколько недоволенъ симъ отдаленіемъ отъ меня; но я не желалъ его при себѣ имѣть.

Я ночевалъ у Красовскаго во дворцѣ сардарскомъ, въ коемъ онъ стоялъ, и 7-го числа пріѣхалъ въ Эчміадзинъ, гдѣ нашелъ Унтилье въ дурномъ состояніи. Монастырь представлялъ самый печальный видъ. Монаховъ оставалось еще довольно, но все было разстроено черезъ долгое пребываніе войскъ нашихъ и гошпиталей, заразившихъ воздухъ въ оградѣ, покрывшихъ окрестности онаго многочисленными могилами и оставившихъ въ монастырѣ нечистоту и тяжелый запахъ. По сей причинѣ я не занялъ кельи, а разбилъ палатку свою на дворѣ, гдѣ однако смрадъ былъ также неизбѣженъ.

Дурной воздухъ въ монастырѣ семъ былъ такъ ощутителенъ, что на другой день пріѣзда моего, когда я возвращался отъ Унтилье въ свою палатку, со мною сдѣлалось дурно. Я думалъ не возвратиться болѣе въ семейство свое и полагалъ, что смерть меня внезапно поразитъ, какъ и Унтилье, въ положеніи коего лѣкаря отчаявались. Онъ умеръ въ монастырѣ семъ нѣсколько дней послѣ выѣзда моего. Вдова его, узнавши въ Тифлисѣ о смерти его, внезапно поѣхала въ Эчміадзинъ, не взирая на всѣ препятствія, предстоявшія ей отъ снѣга, холода и затрудненій въ проѣздѣ черезъ пустыя и раззоренныя мѣста по дорогѣ черезъ горы, и застала похороны мужа своего. Она послѣ того возвратилась въ Тифлисъ и, проведши тамъ зиму, возвратилась въ отечество свое. Родомъ она была изъ Лифляндіи.

Въ Эчміадзинѣ познакомился я съ Араратскимъ. Человѣкъ сей по странности своей заслуживаетъ, чтобы о немъ въ нѣсколькихъ строкахъ здѣсь упомянуть. Араратскій—бѣдный Армянинъ, родившійся въ предмѣстьи монастыря въ бѣдномъ званіи. Въ молодости своей возъимѣлъ онъ страсть къ путешествіямъ и пустился по свѣту безъ всякихъ средствъ; онъ таскался очень долго по Европѣ и Азіи, кажется, былъ и на сѣверныхъ берегахъ Африки, жилъ вспомоществованіями, нѣсколько себя образовалъ, одѣлся по европейски и принялъ наши обычаи, научился нѣсколько языкамъ и написалъ небольшую книгу о своихъ путешествіяхъ; странностью своею пріобрѣлъ онъ себѣ много знакомыхъ и людей, принимавшихъ въ немъ участіе. Онъ не имѣетъ никакой собственности, такъ же бѣденъ, какъ и прежде былъ, любитъ много говорить, не можетъ нигдѣ ужиться и подъ старость лѣтъ своихъ, возвратившись на родину, поселился въ монашеской кельѣ, гдѣ занимается, иногда выбѣгаетъ, дабы познакомиться съ проѣзжими, и разсказать имъ прошедшее и предположенія свои на будущія путешествія свои, въ кои онъ сбирается и для коихъ сборы его будутъ вѣроятно не велики, ибо онъ никогда не заботился ни о платьѣ своемъ, ни о пищѣ, ни объ опасностяхъ въ дорогѣ. Названіе Араратскаго далъ онъ себѣ въ воспоминаніе горы, сосѣдственной его родинѣ. Кочевая жизнь его содѣлала его совершенно страннымъ явленіемъ; но онъ не имѣетъ ничего пріятнаго въ обществѣ и на первыхъ порахъ надоѣстъ своею болтливостью. Ему было тогда уже около 50-ти лѣтъ по крайней мѣрѣ и, кажется, онъ имѣлъ слабость къ напиткамъ.

8-го числа я выѣхалъ изъ монастыря и пріѣхалъ ночевать при вступленіи въ горы, составлявшія прежнюю границу нашу. Я ѣхалъ полемъ сраженія Красовскаго. Небрежность и безпечность начальства до того достигли, что даже мертвыя тѣла по всему пространству поля сраженія, на разстояніи 20 верстъ, и даже около самаго Эчміадзина, не были прибраны. Стаи орловъ вырывали кишки изъ героевъ нашихъ, падшихъ на полѣ брани и разносили ихъ по каменьямъ. Зрѣлище было ужасное и оскорбительное для имени Русскихъ. Я слышалъ, что и на другой годъ обезображенныя и большею частью обезглавленныя тѣла сіи еще не были прибраны; нельзя ручаться, чтобы они и теперь еще не свидѣтельствовали о томъ маломъ уваженіи, которое мы оказываемъ къ памяти храбрыхъ.

10-го числа я переѣхалъ Безобдалъ и пріѣхалъ ночевать въ Джелалъ-Оглу. На всемъ пространствѣ отъ Эчміадзина до сего мѣста я встрѣчалъ многочисленные транспорты съ хлѣбомъ, которые везли въ Эривань. Половинное число сихъ аробъ и быковъ не возвратилось, ибо обозы сіи были отправлены въ такое время, когда полагалось

почти невозможнымъ перейти пограничныя горы, какъ по холоду, такъ и по совершенной безкормицѣ. Это были тѣ транспорты, которые Паскевичъ предписывалъ Сипягину отправить къ его прибытію въ Эривань или ко времени осады, никакъ не разсчитывая, что предписаніе его могло только къ тому времени прибыть и затруднить предстоявшихъ въ наймѣ, нарядѣ или выбивкѣ аробъ, въ покупкѣ или сборѣ хлѣба, въ перепеченіи и пересушкѣ онаго. Словомъ, самыми неумѣренными и безполезными по дурнымъ распоряженіямъ средствами разоряли казну, давали случай къ воровству и злоупотребленіямъ, раззоряли жителей и не доставляли войскамъ нужнаго, или доставляли часть предполагаемаго продовольствія. Четверть хлѣба обходилась съ доставкою до 100 рублей, тогда какъ оный можно было имѣть за дешевую цѣну на мѣстѣ военныхъ дѣйствій.

Въ Джелалъ-Оглу засталъ я еще князя Севарземидзева, который, не сдавъ полка своего и по привычкѣ къ оному и мѣстамъ, въ коихъ онъ былъ расположенъ, жилъ тутъ и продолжалъ свой обыкновенный родъ жизни до войны, считая и мѣста тѣ, и жителей, и строенія своею собственностью. Я уже выше сказалъ, что онъ уѣхалъ изъ Карабабы по предложенію Паскевича, недовольнаго ропотомъ его, который выражался имъ очень часто самымъ неосторожнымъ образомъ въ присутствіи войскъ или собранныхъ офицеровъ. Онъ съ производствомъ своимъ былъ назначенъ командиромъ Кавказской резервной гренадерской бригады, но не вступалъ никогда въ настоящее командованіе оною.

Приближаясь уже столь къ дому своему, я не спѣшилъ пріѣздомъ своимъ въ Тифлисъ, находя особенное наслажденіе тянуть удовольствіе ожиданія. Я дневалъ 11-го въ Джелалъ-Оглу, а 12-го пріѣхалъ ночевать въ Шулаверы, испытывая терпѣніе свое; но я не былъ покоенъ и помышлялъ только о другомъ днѣ, ожидая его съ неизъяснимымъ чувствомъ. Ложась спать на казачьемъ посту, я задумывался и старался себѣ представить чувство того дня, въ который я соединюсь съ семействомъ своимъ.

Настало и 13 число Ноября. Сегодня ровно три года сему, и сколь различно состояніе мое! Наслажденія настоящаго, предположенія въ будущемъ, все содѣлывало меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Три года я наслаждался счастіемъ своимъ. Богъ даровалъ мнѣ жену по сердцу и желанію моему. Я имѣлъ дѣтей, нынѣ-же одинокъ. Сынъ похороненъ въ Грузіи, жена съ другимъ ребенкомъ въ Россіи, старшую дочь везу въ Петербургъ, чтобы отдать ее родственникамъ и въ теченіи жизни моей еще сдѣлать ее сиротою. Боже, Боже мой! Не оставь меня въ дни скорби моей, къ Тебѣ Единому прибѣгаю!

13-го я обнялъ жену свою, которую нынѣ обнимаю только въ страшныхъ сновидѣніяхъ. Она приняла меня тогда въ кругу семейномъ; нынѣ никто не приметъ меня, и я не имѣю болѣе семейства. Мы жили въ пріятномъ мѣстѣ, въ странѣ прелестной, подъ яснымъ небомъ. Нынѣ я въ обширной пустынѣ, между людьми чуждыми, занятыми собственными заботами или разстройствами семейными, поразившими отечество мое*). Я былъ одинокъ въ дикой, свирѣпой странѣ сей. Мой другъ, единый другъ мой въ хладной могилѣ, покрытой льдомъ и снѣгомъ. Я обнялъ хладную могилу супруги моей, пріобрѣтенной въ краю чужомъ, безъ содѣйствія родныхъ, въ отдаленіи отъ всѣхъ носящихъ названіе сіе. Она не насладилась жизнью и въ тишинѣ неизвѣстности скрылась отъ насъ; ее не познали, не оцѣнили. Ея послѣднія слова, завѣщаніе были молитва за нихъ. Господи, помяни душу ея!

Подъѣзжая къ Тифлису, я встрѣтился на Телетскомъ посту съ полковникомъ Гуркою, который исправлялъ должность начальника штаба при Сипягинѣ. Онъ мнѣ сказалъ о полученномъ мною награжденіи алмазныхъ знаковъ на орденъ св. Анны 2-й степени. Я ожидалъ гороздо болѣе за сраженіе подъ Абасъ-Абадомъ или Джеванъ-Булакомъ, по крайней мѣрѣ получить награжденіе наравнѣ съ другими; но я долженъ былъ на сей разъ и симъ довольствоваться. Меня впрочемъ мало тронуло сіе. Я летѣлъ домой.

По прибытіи въ Тифлисъ, я по обязанности своей явился къ Сипягину, который принялъ меня отлично хорошо. Онъ вообще всѣхъ хорошо принималъ, но меня онъ въ особенности отличилъ, и сему было причиною то, что онъ былъ самъ въ числѣ недовольныхъ. Онъ получилъ Александра Невскаго, какъ и Эристовъ, ожидалъ же онъ получить Владиміра 1-й степени. Кромѣ того у него начинались на бумагахъ большія неудовольствія съ Паскевичемъ, и онъ жаловался на его несправедливости, безразсудныя требованія и грубыя выраженія. Всему сему повѣрить можно вообще; но всѣмъ подробностямъ, которыя Сипягинъ разсказывалъ, трудно было повѣрить. При томъ же онъ также со своей стороны не упускалъ случая вредить Паскевичу перепискамии своими въ Россіи, между прочимъ, кажется, и съ Дибичемъ. Я не сомнѣваюсь, что безпорядочнымъ правленіемъ онъ много надѣлалъ разстройства въ Грузіи; но Паскевичъ, еще менѣе его искусный въ управленіи, едва-ли могъ придраться къ настоящимъ предметамъ.

Въ Тифлисѣ познакомился я у себя въ домѣ съ Анною Николаевною Бурцовою, о коей въ домѣ моемъ имѣли самое нѣжное попеченіе во время отсутствія ея мужа. Молодая женщина сія Полька, во-

*) Говорится о ссылкахъ въ Сибирь послѣ 14 Декабря. П. Б.

спитывалась въ домѣ у графини Потоцкой, имѣетъ хорошее образованіе, умна, пріятна, но пріемовъ полупорядочныхъ въ обществѣ. Я съ нею сперва подружился, но вскорѣ отсталъ.

22-го числа пріѣхалъ въ Тифлисъ Бенкендорфъ изъ Хоя. Онъ такъ и предполагалъ сдѣлать, когда я съ нимъ видѣлся передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тавриза. Человѣку сему, привыкшему болѣе къ придворной жизни, казались трудны занятія войскъ и движенія; онъ надѣялся, что вскорѣ заключится миръ съ Персіянами, и просился обратно въ Петербургъ. Притомъ же у него были тоже неудовольствія съ Паскевичемъ. По пріѣздѣ его въ Грузію они были въ самыхъ сильныхъ узахъ дружбы, основанной на извѣтахъ, коими они занимались на счетъ Алексѣя Петровича. Уѣхалъ же онъ очень недовольнымъ Паскевичемъ и, кажется, не щадилъ его ни при дворѣ, ни въ общемъ мнѣніи въ Россіи.

23-го пріѣхалъ изъ Петербурга въ Тифлисъ адъютантъ Паскевича, графъ Ламсдорфъ, съ которымъ Дибичъ разговаривалъ на счетъ взятія Тавриза, отдавая мнѣ полную справедливость сего завоеванія. Онъ зналъ Эристова лично и ставилъ его въ мысляхъ своихъ на надлежащемъ мѣстѣ, хотя тотъ и получилъ орденъ Александра Невскаго за взятіе Тавриза. Мнѣ было обидно видѣть, что въ вѣдомостяхъ едва было упомянуто имя мое при описаніи взятія Тавриза; но я утѣшался тѣмъ, что гласъ народный былъ за меня, и не отъ кого не былъ сокрытъ настоящій виновникъ завоеванія сей столицы.

Въ послѣднихъ числахъ Ноября или въ первыхъ Декабря, пріѣхалъ изъ Тавриза въ Тифлисъ на пути въ Петербургъ поручикъ Чевкинъ, съ извѣстіемъ объ успѣхахъ въ мирныхъ переговорахъ. Всѣ думали, что вслѣдъ за симъ придетъ настоящее извѣстіе о совершенномъ заключеніи мира; но вмѣсто того стали приходить извѣстія о ссорахъ между Паскевичемъ и Аббасъ-Мирзою, за неисполненіе симъ послѣднимъ первыхъ договоровъ, и военныя дѣйствія открылись движеніемъ войскъ къ Капланъ-Ку, не взирая на всѣ предстоявшія затрудненія и сильную зиму. Мѣра сія, которая должна отнестись единственно къ вспыльчивому нраву Паскевича, доставила намъ, какъ выше будетъ объяснено, желаемый миръ съ Персіею.

Я находился въ Тифлисѣ не по надобностямъ службы, а считался въ отпуску. Сипягинъ пожелалъ употребить меня на службу; онъ хотѣлъ меня командировать на Цалну для обозрѣнія Турецкой границы, назначилъ меня въ комисію для повѣрки комисіонерства и всѣхъ гошпиталей; но я, не имѣя въ виду долѣе служить въ Кавказскомъ корпусѣ, отдѣлался отъ сихъ порученій.

9-го Января 1828 года я подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ въ Россію. Прошеніе мое было отправлено къ Паскевичу; между тѣмъ Сипягинъ возложилъ на меня прочитать и повѣрить Аналитическую Геометрію, переведенную съ Польскаго языка однимъ офицеромъ, по фамиліи Христъ. Потерявши давно изъ виду занятія сего рода и не располагая болѣе жертвовать временемъ своимъ по пустому, я удержалъ нѣсколько времени у себя книгу сію и, нашедъ въ заглавіи, что она уже была разсмотрѣна какими то учеными въ Варшавѣ, обратилъ ее къ Сипягину при рапортѣ своемъ, въ коемъ я излагалъ мнѣніе свое, что книга сія должна быть хороша, ибо она уже просмотрѣна и повѣрена учеными людьми.

Наконецъ, 26-го числа я получилъ отъ Сипягина порученіе вступить въ должность полковника Гурки, отправлявшагося въ Россію и занимавшаго при немъ должность начальника штаба. Я не нашелъ въ семъ случаѣ другаго средства избавиться какъ отозваться глазною болѣзнью, и къ счастію моему Сипягинъ, не смотря на всѣ сіи отговорки мои, не переставалъ ко мнѣ благоволить, къ чему его, можетъ, побуждало и склоняло то, что онъ видѣлъ во мнѣ человѣка не расположеннаго къ Паскевичу; но если я имѣлъ на сего послѣдняго негодованіе, то не менѣе того оба не пользовались моимъ душевнымъ уваженіемъ. Впрочемъ личные поступки Сипягина ко мнѣ были всегда исполнены предупредительности и ласки, и потому я не могу не остаться ему за сіе благодарнымъ, не взирая и не отыскивая цѣли, которая его къ сему подвигала и которая, можетъ быть, единственно въ томъ состояла, чтобы угодить мнѣ, какъ старому сослуживцу его и давнишнему знакомому. Желая упрочить свое пребываніе въ Россіи, я отправилъ 26-го числа къ Дибичу письмо, коимъ просилъ его о переводѣ меня по арміи до какого либо назначенія, по случаю тому, что домашнія мои обстоятельства не позволяли мнѣ болѣе продолжать службу въ Грузіи, гдѣ я находился уже 12-й годъ, и за симъ я ожидалъ только разрѣшенія отъ Паскевича на отпускъ, дабы ѣхать въ Россію съ семействомъ. Мысль сія меня однакоже огорчала. Оставить Грузію, въ коей я столько времени прожилъ и къ коей совершенно привыкъ! Я становился задумчивъ и, не будучи совершенно увѣренъ найти желаемое въ Россіи, я безпокоился на счетъ семейства своего, коему желалъ бы доставить болѣе средствъ къ существованію, чѣмъ тѣ, которыя мнѣ служба доставляла. Моя Софья утѣшала меня ласками своими, и я о ней единственно помышлялъ. Уже показывались признаки первой беременности ея; радость видѣть себя отцемъ и благополучіе, коимъ я наслаждался въ семействѣ своемъ, попеченія мои объ ономъ, перемѣна службы, новое состояніе мое въ Россіи, новыя связи, все сіе меня занимало по-

перемѣнно и смущало мои чувства, которыхъ описать я не въ состояніи....

Вотъ послѣднее извѣстіе о Персидской войнѣ, напечатанное въ газетахъ, которое я помѣщаю въ сихъ Запискахъ, оно отъ 22-го числа Февраля мѣсяца.

«Извѣстія изъ Персіи давно ожидаемыя и наконецъ прибывшія сюда 15-го и 17-го сего мѣсяца, къ сожалѣнію, не исполнили еще на сей разъ надежды нашей на миръ, которую справедливо подавали намъ открытые съ Аббасъ-Мирзою переговоры, его формальныя обѣщанія и письменныя объявленія самого шаха. Уже всѣ статьи договора, долженствовавшаго положить конецъ войнѣ между обоими государствами, были торжественно одобрены и надлежащимъ образомъ скрѣплены Россійско-императорскими полномочными, Аббасъ-Мирзою и другимъ уполномоченнымъ отъ Персидскаго двора; уже не оставалось никакихъ болѣе преній относительно важнаго пункта—денежнаго вознагражденія, требованнаго Россіею; сумма, до которой простирается сія справедливая замѣна толикихъ потерь и издержекъ, была уже окончательно опредѣлена; какъ скоро бы она вручена была полномочнымъ Его Императорскаго Величества, Россійскія войска, вслѣдствіе взаимнаго сношенія, готовы были очистить Адербиджанскую область и перейти обратно на лѣвый берегъ Аракса. Уже и капиталы, назначенные въ уплату слѣдующаго Россіи вознагражденія, были на пути къ Тавризу, какъ генералъ Паскевичъ извѣстился, что расположеніе шаха внезапно измѣнилось, и что особый полномочный Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ въ скоромъ времени явится на мѣсто конференціи для объявленія, что доколѣ Россійская армія предварительно не отступитъ за Араксъ и безъ малѣйшаго замедленія не очиститъ Адербиджана, Фетъ-Али-Шахъ не заплатитъ никакого вознагражденія и не ратифицируетъ мира, условія коего были имъ сперва приняты. Все сіе клонилось къ тому, чтобы съ одной стороны показать намъ мѣру своего вѣроломства, а съ другой требовать, чтобы мы отступились отъ единственнаго ручательства, которымъ можно было обезпечить исполненіе его обязательствъ. Предложеніе, съ которымъ ѣхалъ Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ, допускало одинъ только отвѣтъ: какъ скоро прибылъ онъ въ станъ генерала Паскевича и выполнилъ повелѣніе своего государя, сообщивъ о новыхъ рѣшеніяхъ шаха, главнокомандующій тотчасъ объявилъ ему, что переговоры прерваны и что военныя дѣйствія немедленно начнутся снова. Оныя дѣйствительно начались».

Военныя дѣйствія въ Персіи снова начались. Войска наши подвинулись въ холодную зиму впередъ и остановились подъ самыми горами Капланъ-Ку, занявши г. Міаншу, разчищали снѣга по дорогѣ и приступали уже къ открытію зимняго сообщенія черезъ горы, какъ Персидскій дворъ, устрашенный сими приготовленіями, заключилъ миръ и выслалъ первую часть условленнаго вознагражденія. Намъ было почти невозможно далеко двигаться, ибо мы лишились множества лошадей, въ кавалеріи и артиллеріи; зима была необыкновенно суровая

въ тотъ годъ, и не было средствъ къ продовольствію лошадей; притомъ же войска намъ были нужны для предстоящей Турецкой войны. Труды, оными перенесенные и еще предстоявшіе, были неимовѣрны. Послѣ лѣтнихъ нестерпимыхъ жаровъ, войска сіи стояли на бивакахъ на снѣгу въ сильные морозы; за сими трудами, переходами и различными недостатками отличныя войска Кавказскаго корпуса, герои, приготовленные къ войнѣ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, не пришли въ уныніе, но напротивъ того всегда оставались бодры и веселы. Мой бывшій полкъ всѣхъ болѣе отличался какъ исправностью своею, такъ бодростью и доброю волею къ перенесенію трудовъ. Мы могли бы далѣе пройти и возмутить области противъ шаха, ибо Персія не имѣла болѣе войскъ, дабы намъ противустать; да и войска Персидскія не могли держать зимняго похода; но мы сами не были бы въ состояніи съ горстью людей управиться завоеванными областьми, и безначаліе наше, въ Персіи водворенное, было бы для насъ самихъ вредно: ибо мы не имѣли бы съ кѣмъ мира заключить, опредѣлить границы наши, не могли бы вывести войскъ своихъ, коими должны бы унимать вѣчныя возстанія, и наконецъ не отъ кого было бы намъ получить 80,000,000 контрибуціи, когда бъ Персидскій шахъ былъ свергенъ съ престола и всѣ его сокровища разграблены. Но Фетъ-Али-шахъ слишкомъ боялся лишиться престола и жизни и, видя наступательное движеніе наше, заключилъ миръ въ Туркменчаѣ и заплатилъ намъ дань. Подробности сего происшествія мнѣ неизвѣстны; я знаю только, что было много жаркихъ преній, не заключавшихъ какіе либо тонкіе извороты дипломатики, но происходившихъ отъ нрава Паскевича, который въ семъ случаѣ однако принесъ большую пользу; ибо инымъ средствомъ не достигли бы желаемаго, и Персіяне проволокли бы переговоры, можетъ быть до открытія Турецкой войны. Свѣдѣнія о семъ мирѣ не входятъ въ предметъ Записокъ сихъ, а потому не буду болѣе о семъ распространяться. Дабы изобразить однако же алчность шаха Персидскаго, упомяну о 5,000 червонцахъ, которые ему были посланы въ даръ отъ Паскевича, за доставленіе перваго курула или первыхъ 10,000,000 контрибуціи. О дарѣ семъ просилъ самъ полномочный Персидскаго двора, и шахъ принялъ его съ удовольствіемъ. Червонцы были тщательно зашиты въ парчевой мѣшокъ, дабы они болѣе понравились; но я полагаю, что тяжесть металла болѣе всего обрадовала сребролюбиваго владѣльца. Онъ однакоже скоро умѣлъ пополнить ущербъ причиненный казнѣ его; ибо, вслѣдъ за заключеніемъ съ нами мира, онъ отправился съ собранными имъ весной войсками по разнымъ областямъ царства своего и обложилъ сыновей своихъ и правителей данью, которую самъ собиралъ, содержа себя со всѣмъ дворомъ на

счетъ тѣхъ, въ управленіи коихъ онъ находился, что заставило ихъ тѣмъ скорѣе уплачивать дань свою, дабы скорѣе избавиться отъ собирателя оной, удручавшаго ихъ новымъ и тяжелымъ налогомъ—содержать его со дворомъ и войскомъ.

Извѣстіе о мирѣ съ Персіею, или только еще объ окончательныхъ переговорахъ онаго, были, помнится мнѣ, привезены въ Тифлисъ Суворовымъ, который пріѣхалъ 12-го числа, а 13-го отъѣхалъ въ Петербургъ. Но настоящее извѣстіе о мирѣ долженъ былъ привезти Грибоѣдовъ. Онъ вскорѣ пріѣхалъ и со вступленіемъ его въ домъ къ Сипягину, по сигналу ракетою данному, открылась пальба изъ орудій Метехскаго замка. Извѣстіе сіе было вездѣ принято съ большою радостью. Грибоѣдовъ, въ полномъ смыслѣ слова былъ щедро награжденъ и возвратился уже въ Грузію лѣтомъ съ званіемъ министра двора нашего въ Персіи, съ большими почестями и содержаніемъ.

Я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры 15-го Марта, за отличіе въ Персидскую войну, прослуживъ безъ малаго 8 лѣтъ въ чинѣ полковника, когда чинъ сей доставался мнѣ уже по старшинству. Не менѣе того я обошелъ около ста полковниковъ, въ числѣ коихъ однакоже большая часть состояла изъ такихъ, которыхъ уже давно обходили въ производствѣ. Чинъ сей былъ для меня весьма пріятенъ тѣмъ, что онъ ставилъ меня въ нѣкотораго рода независимость отъ обязанностей, которыя могли еще на меня возложить въ Кавказскомъ корпусѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

Въ началѣ Января (1848 года), на исходѣ зимы, въ городѣ случилось маленькое, но очень странное происшествіе, которое произвело въ ту минуту на многихъ сильное впечатлѣніе, разумѣется скоро изгладившееся, такъ какъ все на свѣтѣ забывается: да притомъ же иные, можетъ быть, не обратили вниманія или не придавали особаго значенія удивительному совпаденію, проявившемуся при этомъ обстоятельствѣ. Простая ли случайность, или заявленіе свыше, это не моего сужденія дѣло. Тифлисскія церкви чрезвычайно бѣдны колоколами. Во всемъ городѣ не было ни одного не только хорошаго, но даже сколько нибудь порядочнаго колокола; церковный звонъ слышался только въ ближайшемъ сосѣдствѣ церквей, и его слабые, дребезжащіе звуки походили (какъ и теперь походятъ) на звонъ плохихъ почтовыхъ колокольчиковъ; да и по самому своему объему и вѣсу немногимъ превосходили Валдайскія издѣлія и отличались развѣ только древностію, вслѣдствіе которой давно отслужили свой вѣкъ и вѣроятно потрескались и раскололись, если судить по ихъ разбитому тону. Для Русскаго новопріѣзжаго человѣка, привыкшаго почти во всѣхъ городахъ и даже большихъ селахъ Россіи къ звучному, торжественному, могучему, часто оглушительному трезвону своихъ родныхъ массивныхъ колоколовъ, это отсутствіе колокольнаго звона, или въ замѣну его какое-то нестройное брянчаніе, раздражающее уши, кажется чѣмъ-то непріятно-чуждымъ, даже тягостнымъ, особенно на первыхъ порахъ и въ праздничные дня. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ замѣтилъ этотъ недостатокъ и давно подумывалъ объ исправленіи его хотя отчасти. Въ 1847-мъ году, по его приказанію, выписанъ въ Тифлисъ изъ Орловской губерніи литейныхъ дѣлъ колокольный мастеръ, которому князь заказалъ отлить колоколъ въ восемьсотъ пудовъ вѣса, для Сіонскаго каѳедральнаго собора. Мастера поселили въ Тифлисской Нѣмецкой колоніи, по лѣвой сторонѣ Куры, гдѣ онъ и занимался довольно долго

*) См. выше стр. 107.

своей работой. Многіе ходили смотрѣть, какъ отливался колоколъ (для жителей Грузіи это представляло совсѣмъ невиданное дѣло) и бросали туда серебрянныя деньги; нерѣдко заѣзжалъ во время прогулки верхомъ и князь Воронцовъ, наблюдатъ самъ за работой и повидимому очень интересовался ею. Наконецъ, колоколъ былъ отлитъ, окончательно отдѣланъ и готовъ къ перевозкѣ. Въ это время холода усилились, и сплошной снѣгъ уже недѣли двѣ покрывалъ всѣ улицы, чему туземцы очень удивлялись и говорили, что не запомнятъ такой зимы. Тогда оба противулежащіе берега Куры соединялись въ Тифлисѣ двумя мостами въ старомъ городѣ, около Метехскаго зàмка, и только въ этомъ мѣстѣ, между старой частью города и предмѣстіемъ Авлабаромъ по той сторонѣ рѣки, было постоянное сообщеніе. Михайловскій мостъ, нынѣ соединяющій въ центрѣ обѣ части новаго города, еще не существовалъ и замѣнялся деревяннымъ наводнымъ, временнымъ мостомъ. Черезъ этотъ-то мостъ долженъ былъ переправляться колоколъ. Въ назначенный для его перевозки день собралось множество народа. Въ Россіи, по исконному обычаю, православный народъ перевозитъ колокола въ церковь на себѣ; но такъ какъ въ Грузіи, надо полагать, не было колокола, котораго одинъ человѣкъ не могъ бы пронесть просто въ рукахъ, то туземцы не имѣли объ этомъ обычаѣ никакого понятія, и потому для перевозки колокола была наряжена рота солдатъ. Пріѣхали верхомъ князь и княгиня Воронцовы съ большой свитой и началась торжественная процессія. Колоколъ установили на крѣпкія, прочныя салазки съ прикрѣпленными къ нимъ длинными веревками; солдаты впряглись въ веревки по нѣскольку человѣкъ въ рядъ и длинной вереницей готовились двинуться впередъ.

Въ эту минуту подошелъ къ князю мастеръ-литейщикъ, отливавшій колоколъ, Русскій бородатый мужичокъ и, низко кланяясь, изъявлялъ желаніе что-то сказать. Воронцовъ, замѣтивъ его, спросилъ, что ему нужно. Мастеръ сказалъ: «Ваше сіятельство, прикажите узнать, нѣтъ ли между солдатами, что будутъ перевозить колоколъ, Жидовъ; если есть, велите, чтобы они ушли и не притрогивались къ этому дѣлу».—«Почему это, любезный?» съ удивленіемъ спросилъ Воронцовъ. «Ваше сіятельство, отвѣчалъ литейщикъ, колокола это мое ремесло; я въ жизни своей отлилъ ихъ много и насмотрѣлся на своемъ вѣку, какъ ихъ перевозятъ. Навѣрно докладываю вашему сіятельству, что если при перевозкѣ колокола замѣшается Жидъ, никогда не обойдется безъ несчастія. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ и отъ другихъ слышалъ. Нижайше прошу ваше сіятельство, если тутъ есть Жиды, прикажите имъ уйти: не то быть бѣдѣ».

Князь слегка кивнулъ головой и, съ снисходительной, полупрезрительной улыбкой, торопливо проговорилъ: «хорошо, хорошо, любезный», повернулъ лошадь, отъѣхалъ немного далѣе и отдалъ приказаніе двинуться. Тронулись. Довезли колоколъ благополучно до моста, перевезли черезъ мостъ и здѣсь остановились перевести духъ. На этомъ мѣстѣ было нѣчто въ родѣ ямы, а передъ нею возвышалась маленькая горка, съ которой, по причинѣ наступившей въ этотъ день оттепели, вода отъ стаевающаго снѣга стекала къ мосту и потомъ, замерзнувъ, образовала ледяныя лужицы. Передъ одной изъ этихъ лужицъ стояли салазки съ колоколомъ. Солдаты отдохнули и бодро принялись за работу; натянули веревки и, крѣпко понатужившись, разомъ дернули салазки съ мѣста, но не протащили ихъ пяти шаговъ, какъ раздались крики, и все опять остановилось. Раздавили одного солдата. Этотъ солдатъ находился въ числѣ людей впряженныхъ въ первомъ ряду, близъ самыхъ салазокъ, и когда вдругъ дернули, онъ поскользнулся на обледенѣлой лужицѣ, упалъ, и салазки съ восьмисотъ-пудовымъ колоколомъ одной своей стороной переѣхали черезъ него поперекъ туловища отъ правой ноги къ лѣвому плечу. Солдатъ былъ перерѣзанъ какъ бритвой, и кровь лила рѣкой изъ раздвоеннаго тѣла. Картина была страшная *). Принесли доски и, сложивъ на нихъ обѣ части трупа, лопатами загребали выпавшія внутренности, а когда понесли эти ужасные остатки, то кишки, падая съ досокъ, волочились по землѣ. Княгинѣ Воронцовой сдѣлалось дурно, и изъ сосѣдняго дома ей принесли стаканъ воды. Князь Воронцовъ подозвалъ къ себѣ коменданта, стараго генерала Бриземанъ-фонъ-Неттиха, и сказалъ ему: — «Поѣзжайте сейчасъ къ экзарху; раскажите объ этомъ происшествіи и скажите ему, что я прошу его позволить похоронить этого солдата въ оградѣ Сіонскаго собора, какъ человѣка погибшаго при совершеніи богоугоднаго дѣла, во время перевозки въ соборъ колокола. Скажите ему, что онъ очень меня этимъ обяжетъ». Вѣроятно князь хотѣлъ такимъ распоряженіемъ нѣсколько смягчить или изгладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное кровавымъ зрѣлищемъ на публику. Комендантъ поѣхалъ исполнять приказаніе, но спустя нѣсколько минутъ снова возвратился и доложилъ намѣстнику: «Ваше сіятельство, этого человѣка нельзя хоронить въ Сіонскомъ соборѣ». — «Какъ нельзя! Отчего нельзя?» «*Онъ Еврей*», отвѣчалъ комендантъ. Воронцовъ видимо смутился. Это извѣстіе его озадачило; онъ не сказалъ ни слова, но не могъ не вспомнить только что выслушанныя имъ просьбу и предсказаніе стараго коло-

*) Тогда еще не были знакомы съ нынѣшними безпрестанно повторяющимися подобными случаями на желѣзныхъ дорогахъ.

кольнаго мастера. Шествіе продолжалось далѣе въ порядкѣ и достигло мѣста назначенія уже безъ всякихъ приключеній. Съ тѣхъ поръ Тифлисъ обязанъ князю Михаилу Семеновичу своимъ единственнымъ, прекраснымъ, громозвучнымъ колоколомъ, которымъ отличаются праздничные и торжественные дни отъ обыкновеннаго будничнаго времени. На мѣстѣ происшествія, около наводнаго моста, нѣсколько дней виднѣлся снѣгъ окрашенный кровью.

Въ часы облегченія отъ болѣзни и свободы отъ занятій, я пріятно проводилъ время съ хорошими знакомыми, умными и интересными людьми. Князь Голицынъ съ двумя сыновьями, Гагемейстеръ, Соковнинъ, Ермоловъ (Викторъ Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Петровича), служившій тогда въ артилеріи, и многіе другіе постоянно посѣщали насъ, обѣдали и проводили съ нами вечера. Въ это же время я сблизился съ новыми моими сотоварищами по службѣ—Дюкроаси и Уманцемъ. Оба люди образованные и дѣльные. Первый, сынъ нѣкогда извѣстнаго Французскаго актера на Петербургской сценѣ, былъ впослѣдствіи членомъ Совѣта намѣстника и управляющимъ таможенною частію Закавказья; а второй, его помощникъ, былъ прикомандированъ ко мнѣ для содѣйствія по устройству новыхъ поселеній. Почти ежедневно у насъ бывалъ также одинъ неважный чиновникъ изъ канцеляріи намѣстника, служившій не болѣе какъ столоначальникомъ въ хозяйственномъ отдѣленіи моего зятя, но занявшій съ теченіемъ времени довольно важное мѣсто и значительное положеніе въ Петербургѣ, нѣкто Г***. Человѣкъ способный, дѣловой, акуратный, а главное ловкій, онъ искусно проложилъ себѣ дорогу умѣніемъ пользоваться обстоятельствами и людьми. При самомъ вступленіи на служебное поприще, онъ смастерилъ для себя курьезное маленькое дѣльце, увѣнчавшееся по видимому полнымъ успѣхомъ, но потомъ, два раза, едва его не погубившее въ служебномъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ послѣдствіямъ страннымъ образомъ содѣйствовавшее къ блестящему свершенію его карьеры. Онъ началъ службу въ Новороссійскомъ краѣ, поступилъ въ канцелярію графа Воронцова, понравился правителю канцеляріи Сафонову своею безупречною исполнительностію, понятливостію, быстротою работы, отличнымъ почеркомъ, и потому послѣдній бралъ его съ собою при разъѣздахъ съ графомъ по краю для переписки бумагъ и различныхъ порученій. Въ 1837-мъ году въ Одессѣ внезапно проявилась чума, надѣлавшая больше страха и переполоха, нежели вреда. По миновапіи ея, въ канцеляріи генералъ-губернатора составлялись списки о наградахъ чиновниковъ, которые дѣятельно трудились для прекращенія эпидеміи. Г***, также занимавшійся составленіемъ списковъ, не устоялъ предъ искушеніемъ и, безъ всякаго къ тому основанія, безъ

вѣдома и позволенія своего начальства, включилъ и себя въ списокъ представлявшихся къ награжденію Владимирскими крестами. Бѣловые такого рода списки тогда иной разъ не прочитывались и не провѣрялись не только начальниками, но и секретарями, что̀ случилось и теперь; никто на это не обратилъ вниманія, и Г***, неожиданно для всѣхъ, получилъ Владимирскій крестъ. Графъ узналъ о продѣлкѣ, разсердился, и честолюбивый чиновникъ тотчасъ же былъ удаленъ отъ службы. Затѣмъ, нѣкоторые доброжелатели его, принимавшіе въ немъ участіе, успѣли выхлопотать ему мѣстечко въ Симферополѣ, въ канцеляріи губернатора, гдѣ онъ и оставался нѣсколько лѣтъ. Съ назначеніемъ графа Воронцова намѣстникомъ Кавказскимъ, Сафоновъ, въ качествѣ правителя его канцеляріи, въ увѣренности, что графъ давно забылъ о случаѣ съ крестомъ, вмѣстѣ со многими чиновниками взятыми за Казказъ изъ Одессы и Новороссійскаго генералъ-губернаторства, опредѣлилъ и Г*** столоначальникомъ подвѣдомственной ему канцеляріи, каковымъ онъ и пребывалъ въ Тифлисѣ, забывъ и думать о своемъ самопроизвольномъ представленіи къ ордену (который однако носилъ въ петличкѣ), въ полной надеждѣ, что это и всѣми также забыто. Въ 1849-мъ или 1850-мъ году, князь Михаилъ Семеновичъ отправился лѣтомъ на южный берегъ Крыма, въ Алупку, гдѣ принималъ посѣщенія и почетнѣйшихъ тамошнихъ чиновниковъ. Однажды вечеромъ князь бесѣдовалъ съ своими гостями. Разговоръ зашелъ о плутняхъ и интригахъ изъ чиновничьяго міра; разсказывали разныя забавныя продѣлки, князь поддерживалъ эту тему и въ числѣ другихъ исторій, разсказалъ и случай съ своимъ канцелярскимъ чиновникомъ, который самъ себя представилъ къ ордену. Потомъ, помолчавъ, вдругъ сказалъ: «Не знаю, куда онъ послѣ того дѣвался; хотѣлъ бы я знать, гдѣ онъ теперь». Одинъ изъ присутствовавшихъ не выдержалъ и нескромно сообщилъ: онъ служитъ въ канцеляріи вашего сіятельства въ Тифлисѣ. Князь сначала не повѣрилъ, вознегодовалъ, даже разгорячился, но удостовѣрившись въ несомнѣнной истинѣ сообщеннаго извѣстія, тотчасъ же написалъ Сафонову весьма нелестное посланіе съ строжайшимъ выговоромъ и выразительными упреками, приказавъ безъ малѣйшаго замедленія уволить Г*** изъ канцеляріи. Сафоновъ, разумѣется, долженъ былъ исполнить приказаніе безпрекословно. Г*** собрался въ путь, самъ не зная куда ѣхать и пришелъ къ намъ въ очень огорченномъ и смущенномъ видѣ. Ему посовѣтовали ѣхать въ Петербургъ, гдѣ его никто не зналъ, но и онъ никого не зналъ. Онъ просилъ рекомендаціи. Я видѣлъ въ немъ человѣка со способностями, даровитаго, трудолюбиваго, который могъ быть полезнымъ для службы; грѣхъ съ орденомъ произошелъ уже такъ давно, въ его ранней моло-

дости, по легкомыслію, которое уже было дважды строго наказано и долженствовало послужить ему памятнымъ урокомъ на всю жизнь. Съ тѣхъ поръ служба его была безукоризнена, начальство его хвалило. Принявъ все это въ соображеніе, я далъ ему рекомендательныя письма къ знакомымъ мнѣ вліятельнымъ лицамъ, кои могли оказать ему покровительство и содѣйствіе къ поступленію на службу въ Петербургѣ. Кажется, тоже самое сдѣлалъ и Сафоновъ. Г***, по пріѣздѣ въ столицу, вскорѣ былъ опредѣленъ въ канцелярію Кавказскаго Комитета и не терялъ времени къ устройству своего положенія. Ему повезло. Теперь онъ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, обвѣшанъ орденами, занимаетъ важное мѣсто и стоитъ у преддверія значительнаго государственнаго поста *).

Въ концѣ Января открылась весна, а въ Февралѣ появились жары и разцвѣли миндальныя деревья. Въ комнатахъ, постоянно освѣжавшихся воздухомъ, чрезъ открытые окна и балконъ, духота иногда такъ одолѣвала, что я выходилъ на галерею искать малѣйшей прохлады или дуновенія вѣтерка, но искалъ напрасно: воздухъ и тамъ оставался недвижимъ, и солнце ожесточенно палило. Трудно было представить себѣ, что еще такъ недавно снѣгъ лежалъ на улицахъ, и морозы заставляли топить печи и камины. Но съ половины Марта погода начала хмуриться, пошли дожди, термометръ сильно понизился, и 17-го совершенно нежданно повалилъ снѣгъ, продолжавшійся съ недѣлю, съ морозцемъ въ три-четыре градуса. Это странное явленіе вполнѣ оправдывало основанное на опытѣ мнѣніе Грузинъ о Мартѣ мѣсяцѣ, который они называютъ *гижія*, то есть сумасшедшій, по рѣзкимъ перемѣнамъ погоды и образчикамъ всякихъ температуръ.

Въ концѣ Марта пришлось мнѣ сдѣлать небольшую поѣздку въ колонію Маріенфельдъ, по случаю посѣщенія ея княземъ Воронцовымъ съ княгинею и многочисленною свитою, въ проѣздъ его въ Кахетію и Бѣлоканскій округъ. Я выѣхалъ съ Уманцемъ и Зальцманомъ за день до отъѣзда намѣстника. Зелень едва пробивалась, мѣстами лежалъ снѣгъ. Князь очень интересовался начатымъ въ восьми верстахъ отъ колоніи устройствомъ водопровода, надъ которымъ работали четыреста человѣкъ подъ руководствомъ инженера князя Мухранскаго: тогда надѣялись, что къ концу года водопроводъ можетъ быть оконченъ. На слѣдующій день по прибытіи намѣстника, въ 9-мъ часу утра, мы всѣ отправились съ нимъ верхомъ осматривать производившееся сооруженіе. Эта прогулка показалась мнѣ утомительнѣе инаго продолжитель-

---

*) Который онъ и занялъ, но никогда не забывалъ услуги Андрея Михайловича, также какъ хорошихъ отношеній къ нему его ближайшаго начальника Ю. Ѳ. Витте. Н. Ф.

наго путешествія, потому что я къ верховой ѣздѣ былъ не слишкомъ привыченъ, и 16-ть верстъ на лошади, туда и обратно, да еще при осмотрѣ работъ, 5 верстъ пѣшкомъ, пока все обошли и оглядѣли, отзывались для меня довольно ощутительно. Но князь все это совершилъ бодро и не имѣлъ нисколько усталаго вида. Онъ остался доволенъ успѣхами работъ, которыя, къ сожалѣнію оказались впослѣдствіи совсѣмъ безплодными. Послѣ завтрака въ колоніи, князь со всѣмъ своимъ штатомъ отправился далѣе; я его провожалъ до урочища Гамборы, гдѣ квартировали артилерійская батарея и стрѣлковый баталіонъ.

Въ это время князь Михаилъ Семеновичъ весьма желалъ привести въ надлежащій по возможности порядокъ почтовыя сообщенія въ краѣ и, для устраненія причинъ къ затрудненіямъ въ содержаніи Закавказскихъ почтъ и чрезвычайныхъ издержекъ казны для поддержанія ихъ, придумалъ образовать нѣчто въ родѣ существовавшихъ нѣкогда въ Россіи *ямскихъ станцій,* и составить ихъ изъ раскольниковъ, такъ какъ многіе изъ нихъ промышляютъ здѣсь исключительно извозничествомъ. Князь поручилъ мнѣ переговорить съ раскольниками, склонить ихъ къ тому, съ предоставленіемъ имъ разныхъ выгодъ и льготъ. Порученіе я исполнилъ, толковалъ съ молоканами и духоборцами; но всѣ льготы, предложенныя имъ, не прельстили ихъ. Они испрашивали формальнаго имъ объявленія, что коль скоро Русскіе переселенцы въ Грузіи подвергнутся рекрутской повинности наравнѣ съ крестьянами въ Россіи, то чтобы тѣ изъ нихъ, которые обратятся въ почтовыхъ крестьянъ, были отъ повинности освобождены со всѣмъ своимъ потомствомъ и навсегда. Разумѣется, князь Воронцовъ не могъ принять подобнаго условія, и потому это предположеніе не состоялось.

По отъѣздѣ намѣстника въ дальнѣйшій путь, я собирался заѣхать въ Телавъ, но за дурною погодою отложилъ намѣреніе и, прогостивъ два дня у радушнаго хозяина батарейнаго командира полковника Семенова, возвратился въ Тифлисъ.

Нѣсколько дней спустя, я получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Эта награда, хотя и не обрадовала меня (я состоялъ статскимъ совѣтникомъ ужъ болѣе семи лѣтъ), потому что я давно сдѣлался равнодушенъ ко всѣмъ такого рода повышеніямъ и отличіямъ, ничего не доказывающимъ, но покрайней мѣрѣ ободрила въ увѣренности, что труды мои не будутъ такъ безплодны какъ на Саратовскомъ губернаторствѣ при Перовскомъ. Князь Воронцовъ, по возвращеніи своемъ, поздравилъ меня особенно ласково и милостиво.

Наступившую Пасху я провелъ по обыкновенію: былъ съ зятемъ моимъ у заутрени въ Сіонскомъ соборѣ, гдѣ служилъ экзархъ Исидоръ, въ присутствіи князя, княгини и всѣхъ представителей админи-

страціи; потомъ утромъ, съ моимъ семействомъ, на многолюдномъ пріемѣ у намѣстника съ обязательнымъ визитомъ, поздравленіемъ и разговѣніемъ; а на четвертый день праздничной недѣли у него же на балѣ, гдѣ я не имѣлъ привычки долго заживаться, являясь при подобныхъ случаяхъ только какъ-бы по служебной обязанности.

Спустя недѣлю, всѣ официальныя лица города собрались на торжественный обѣдъ у г-на Рогожина, открывавшаго въ Тифлисѣ, по полномочію Московскаго купечества, обширный торговый домъ съ многочисленными магазинами, соединенными въ одномъ зданіи и съ большимъ количествомъ всевозможныхъ, разнообразныхъ товаровъ, подъ названіемъ *депо*. Осуществленіемъ этого предпріятія исполнялось давнишнее желаніе князя Воронцова ввести Русскихъ людей въ торговлю Закавказскаго края, такъ какъ она вполнѣ и всецѣло заключалась въ Армянскихъ рукахъ. По его предложенію, нѣсколько богатыхъ Московскихъ купцовъ, составивъ компанію, взялись за это дѣло и приступили къ приведенію въ дѣйствіе полезнаго учрежденія. Понятно, всѣ Армянскіе торговые люди, въ страхѣ громаднаго подрыва, пришли въ отчаяніе; злобствованію ихъ не было границъ; они вопили, стонали и съ ожесточеніемъ предрекали, что депо не устоитъ, что оно лопнетъ, провалится, *пропадетъ*, и въ самомъ дѣлѣ какъ будто накликали неудачу: прекрасно устроенное депо, обильно снабженное всякаго рода товарами, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, при всесильной поддержкѣ намѣстника, долженствовавшее въ будущемъ еще болѣе развить кругъ своей дѣятельности, продержавшись лѣтъ пять или около того, начало мало по малу слабѣть, и наконецъ нашлось вынужденнымъ прекратить свои операціи, за исключеніемъ небольшаго отдѣленія съ офицерскими вещами, существующаго до сихъ поръ. Неуспѣхъ дѣла объясняли разными причинами, въ томъ числѣ, конечно, Армянскими происками, разномысліемъ и ссорами главныхъ заправилъ и неумѣніемъ справиться съ нимъ главнаго управляющаго Бобылева, отрекомендованнаго Московской компаніи нашимъ Гагемейстеромъ за искуснаго дѣятеля по этой части, но занимавшагося болѣе свѣтскими удовольствіями и литературными развлеченіями, нежели комерческими соображеніями, сопряженными съ его должностію. Ѳедотъ Ѳедотовичъ Бобылевъ, купеческаго происхожденія, считалъ себя прирожденнымъ писателемъ, призваніемъ своимъ предполагалъ не торговлю, а литературу, избравъ идеаломъ своихъ стремленій Николая Полеваго (тоже принадлежавшаго къ купеческому званію), усердно старался подражать его примѣру, съ твердымъ упованіемъ скоро сравняться съ нимъ и даже превзойти его въ извѣстности, чего достигнуть не успѣлъ, а только содѣйствовалъ паденію депо. Онъ остался

въ Тифлисѣ. Его газетныя статейки и фельстоны потомъ понравились князю Барятинскому, который ему и передалъ редакцію газеты Кавказъ. Впрочемъ Бобылевъ самъ по себѣ человѣкъ неглупый и не безъ таланта; онъ часто приходилъ къ намъ обѣдать, и съ нимъ иногда не скучно поговорить. У него въ кабинетѣ, на видномъ мѣстѣ, виситъ его портретъ, писанный масляными красками (работы академическаго художника Жуковскаго), на коемъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ изображенъ франтомъ и держитъ въ одной рукѣ зеленую перчатку. По этой причинѣ его и прозвали *Ѳедотъ зеленая перчатка*, каковымъ онъ и пребываетъ до сихъ поръ.

По открытіи депо, Тифлискіе торговцы Армяне не находили мѣры для выраженія своихъ взволнованныхъ чувствъ. Между прочимъ они выкинули такую штуку. Князь Воронцовъ, во время обычной утренней прогулки верхомъ, со свитой, проѣзжалъ за городомъ (помнится по дорогѣ на Навтлугъ, предмѣстіе, гдѣ находятся военные госпитали и проч.), какъ въ одной глухой улицѣ вдругъ изъ за забора высунулась голова въ Армянской бараньей шапкѣ и отчаяннымъ голосомъ прокричала, обращаясь къ князю: Ваша сыатэлсева, съ того день, какъ ваша благополучнія нога наступыла на нашъ земла, наинесчастье за наинесчастьемъ постигаетъ намъ: саранча! холеура! депомъ! По окончаніи возгласа, голова въ бараньей шапкѣ мгновенно исчезла за заборомъ, чрезвычайно удививъ князя и его свиту этимъ страннымъ экспромтомъ. Конвойные казаки хотѣли было лѣзть черезъ заборъ въ погоню за дерзкой головой; но князь ихъ остановилъ и, махнувъ рукой, поѣхалъ далѣе.

Весь Апрѣль до двадцатыхъ чиселъ я исключительно занимался и многомысленно работалъ по порученному мнѣ дѣлу составленія проекта о преобразованіи управленія государственными имуществами. Съ 1841-го года было учреждено и въ Закавказскомъ краѣ управленіе государственныхъ имуществъ, хотя съ нѣкоторыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями, но въ томъ же видѣ, какъ его ввелъ графъ Киселевъ за нѣсколько лѣтъ во всей Имперіи. Это было сдѣлано въ видахъ охраненія казеннаго достоянія отъ захвата его частными лицами и къ улучшенію быта казенныхъ крестьянъ; но ни та, ни другая цѣль симъ учрежденіемъ достигнута не была: позабыли, что для достиженія ея прежде всего въ краѣ нужно генеральное межеваніе, а не нововведеніе въ образѣ и формѣ администраціи. Закавказскій край, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, по разнородности жителей и многимъ другимъ условіямъ, не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ внутреннихъ губерній, а потому и отдѣльное надъ казенными имуществами и крестьянами управленіе производило только столкновенія и

пререканія съ общимъ губернскимъ управленіемъ. Въ обѣ учрежденныя палаты государственныхъ имуществъ и въ уѣздныя управленія чиновники избирались также неудачно, какъ и во всѣ прочія административныя вѣдомства. Приведу одинъ примѣръ. Управляющимъ Тифлисскою палатою, со времени ея основанія до самого упраздненія въ 1850-мъ году состоялъ, бывшій до того казначеемъ главнаго управленія, Орловскій. Статься можетъ, что онъ былъ и хорошій казначей, но объ управленіи какою бы то ни было частію народа онъ и понятія не имѣлъ, края вовсе не зналъ, знакомиться съ нимъ не желалъ, разъѣзжать не хотѣлъ, и потому въ казенныхъ имѣніяхъ никогда не бывалъ, а любилъ только много писать и расходовать огромное количество бумаги. И въ теченіи десяти лѣтъ этого управленія казна издержала нѣсколько сотъ тысячъ рублей безъ всякой пользы и надобности.

Отдавая полную справедливость благонамѣренности, обширному просвѣщенію и дѣятельности князя Михаила Семеновича, надобно сознаться, что въ дѣлахъ гражданскаго управленія онъ зналъ мало и руководствовался больше общепринятыми Европейскими идеями, нежели мѣстными соображеніями, вслѣдствіе чего его система по этой части не могла назваться успѣшной и почти всегда сопровождалась неудачей. Напримѣръ, онъ говорилъ, что «*казенная власть нигдѣ не умѣетъ управлять тѣмъ, что̀ имѣетъ*» и потому утверждалъ, что прибывающихъ вновь въ Закавказскій край Русскихъ и Нѣмецкихъ переселенцевъ лучше водворять на помѣщичьихъ земляхъ, нежели на казенныхъ. Но князь позабывалъ, что въ Закавказскомъ краѣ, за немногими исключеніями, положительно еще неизвѣстно, гдѣ какая земля дѣйствительно помѣщичья и гдѣ казенная. Неоднократно Русскіе поселяне и Нѣмецкіе колонисты были водворяемы на земляхъ, которыя сначала считались казенными, а послѣ эти же самыя земли, вслѣдствіе домогательства и происковъ, признавались помѣщичьими. Чтобы не разорять крестьянъ новымъ переселеніемъ, уплачивались помѣщикамъ огромныя суммы. Надобно еще замѣтить, что къ поселенію на помѣщичьихъ земляхъ и Русскіе, и Нѣмецкіе переселенцы имѣютъ непреодолимое отвращеніе; потому что Грузинскіе помѣщики, еще болѣе нежели наши Русскіе, укоренились въ привычкѣ произвольнаго обращенія съ водворенными на ихъ земляхъ поселянами, какого бы рода они не были. Это послѣднее обстоятельство послужитъ большимъ камнемъ преткновенія и при введеніи составляемаго теперь (въ 1860-хъ годахъ) положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Закавказскаго края.

Увѣренный въ томъ, что казенное опекунское управленіе надъ крестьянами безполезно, князь Воронцовъ вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ

однакоже прямо выставить себя противникомъ совершенно противуположной системы графа Киселева и потому приказалъ мнѣ составить проектъ преобразованія по управленію государственными имуществами въ Закавказскомъ краѣ, лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы уменьшить сколько возможно казенныя на то издержки, сосредоточивъ уѣздное управленіе почти исключительно въ одномъ общемъ полицейскомъ управленіи. Это была полумѣра, никакой существенной пользы не приносившая; но князь Воронцовъ не любилъ возраженій, и потому надобно было сдѣлать то, чего ему хотѣлось, съ соблюденіемъ дѣйствительной пользы, во сколько это при подобномъ порядкѣ вещей оказывалось возможно.

Стараясь сообразоваться съ этими двумя цѣлями, я составилъ проектъ преобразованія, одобренный княземъ намѣстникомъ, но получившій утвержденіе только въ концѣ 1849-го года, послѣ нѣсколькихъ возраженій со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Съ 22-го Апрѣля до Іюня я провелъ въ разъѣздахъ для обозрѣнія колоній и другихъ мѣстностей края. Въ Катериненфельдѣ я осматривалъ древнюю церковь въ семи верстахъ отъ колоніи, новые колонистскіе виноградники, долину за рѣчкой Машаверой, орошаемую недавно устроеннымъ каналомъ, и за горнымъ хребтомъ возлѣ рѣки Храма Нѣмецкіе пашни и луга, сильно страдавшіе отъ саранчи, которая уже напала въ безчисленномъ количествѣ на всѣ поля въ этой сторонѣ

Далѣе къ Елисаветполю замѣчателенъ мостъ черезъ рѣку Храмъ, такъ называемый *Красный*, въ 60 верстахъ отъ Тифлиса, устроенный еще въ XVII вѣкѣ при нашествіи Персіянъ, по распоряженію ихъ предводителя, весьма прочный и довольно красивый, который не требовалъ въ продолженіи двухъ столѣтій никакихъ значительныхъ починокъ. Достойно вниманія, что Азіатцы, въ отношеніи зодчества, не въ примѣръ искуснѣе многихъ нашихъ архитекторовъ: почти всѣ мосты, сооруженные сими послѣдними, возводились по нѣскольку разъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи, а Азіатскія постройки нерушимо стоятъ вѣка́, безъ всякихъ поддержекъ и издержекъ на нихъ.

По дорогѣ къ Елисаветполю, я заѣзжалъ въ Нѣмецкія колоніи и Русскія поселенія, расположенныя въ недальнемъ разстояніи отъ почтоваго тракта, для обозрѣнія ихъ хозяйственнаго устройства. По пространству занимаемому Елисаветполемъ и по числу его обывателей (до 27 т. слишкомъ душъ мужскаго пола, жительствующихъ въ 2700 дворахъ), этотъ городъ кажется выдающимся изъ числа мѣстныхъ городовъ; но въ сущности онъ состоитъ почти весь изъ дрянныхъ хижинъ и саклей. Красу его составляютъ сады и громадной величины старыя чинары Провелъ я также дней пять, и довольно пріятно, въ Еленен-

дорфѣ, большой, благоустроенной колоніи, особенно отличающейся доброй нравственностью колонистовъ.

Оттолѣ я отправился прямою дорогою (или вѣрнѣе сказать, вовсе безъ всякой дороги) чрезъ вновь основанныя раскольничьи поселенія, въ Шушинскій уѣздъ, или такъ называемый *Карабагъ*. Хотя съ большимъ трудомъ, но я проѣхалъ чрезъ эту мѣстность въ экипажѣ, и вѣроятно первый отъ сотворенія міра. Экипажъ у меня былъ легкій, и его въ нѣсколькихъ мѣстахъ буквально переносили на рукахъ. Обѣдалъ въ кибиткѣ на берегу рѣки Курухъ-чая, и потомъ хотя проявились слѣды проѣзжей дороги, но въ такомъ видѣ, что хуже прежняго бездорожья: экипажъ должны были везти на волахъ, и я пробирался кое-какъ, то верхомъ, то пѣшкомъ по дикимъ, гористымъ и лѣсистымъ трущобамъ. Раскольники выбрали для себя эти мѣста по здоровому климату, весьма плодороднымъ землямъ и, кажется, главнѣйше потому, что, вслѣдствіе трудности проѣзда, они здѣсь не такъ часто посѣщаются мѣстною полиціею и имѣютъ всѣ удобства скрывать своихъ собратій, бѣглыхъ и бродягъ. О хозяйственномъ ихъ устройствѣ и говорить не стоитъ; но все-таки они живутъ лучше, и находится у нихъ болѣе удобствъ для пріѣзжающихъ, нежели у туземцевъ.

Шуша, городъ тоже довольно обширный, отчасти обстроенный очень порядочными по наружности, большими каменными домами, которые внутри расположены на Азіатскій манеръ, то есть крайне неудобно. Климатъ здоровый, ибо Шуша находится на возвышеніи болѣе двухъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; садовъ нѣтъ, но почти всѣ дома обсажены деревьями. Русская церковь одна, и въ ней замѣчательный рѣзной иконостасъ. Мечети также незамѣтны. Лучшія или вѣрнѣе самыя большія строенія особенной архитектуры, въ видѣ зàмковъ, принадлежатъ потомкамъ бывшей ханской фамиліи.

Меня здѣсь встрѣтилъ Бекманъ, съ княземъ Константиномъ Тархановымъ *) и Мурачòвымъ, хозяиномъ первой моей Тифлисской квартиры, состоявшимъ теперь на службѣ въ Шушѣ въ должности городничаго. Они помѣстили меня на хорошей квартирѣ съ большой галереей и балкономъ, съ котораго открывался красивый видъ на городъ. Я сильно усталъ и радъ былъ отдохнуть послѣ безобразной, мучительной дороги; но долго отдыхать не пришлось. Занятія по дѣламъ, представленія мнѣ чиновниковъ и гражданъ, прогулки для ознакомленія съ городомъ, начались неизбѣжнымъ чередомъ. Немедленно послѣдовалъ большой обѣдъ у Тарханова; затѣмъ въ сопровожденіи его я дѣлалъ

---

*) Кажется, онъ былъ тогда Шушинскимъ уѣзднымъ начальникомъ, а впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ въ Баку.

визиты почетнѣйшимъ лицамъ, изъ коихъ во главѣ туземной аристократіи стояли: богатая вдова Мехти-Кули-хана, полковникъ Джафаръ-Кули-ханъ и престарѣлая, вдовствующая ханша Джаваиръ-ханумъ. Первая, на восточный ладъ довольно образованная и даже свѣтская, гостепріимно принимала посѣщавшихъ ее заѣзжихъ гостей и любезно надѣляла ихъ пешкешемъ своего произведенія, прекраснымъ ковромъ, У нея постоянно фабриковались въ большомъ количествѣ превосходные ковры въ родѣ Персидскихъ, чрезвычайно прочные, красивыхъ разнообразныхъ рисунковъ и величинъ, но всегда почти не квадратные, а длинные. Этой работой занимались въ гаремной тишинѣ ея женщины, а часто и сама ханша принимала участіе въ работѣ. Производились ковры не для продажи, но единственно для подарковъ, коими ханша щедро снабжала своихъ знакомыхъ, какъ лично, такъ и заочно, разсылая по краю. Съ нею проживала дочь ея съ мужемъ бекомъ, Хассаемъ Усміевымъ, офицеромъ, который ссылали при намѣстникѣ, тогда очень миловидная особа, заслужившая по красотѣ своей названіе «Карабахской розы». Второй Джафаръ-Кули-ханъ, полковникъ лѣтъ шестидесяти, порядочно говорившій по-русски, чему вѣроятно научился въ Петербургѣ, гдѣ пребывалъ на службѣ шесть лѣтъ, а потомъ еще два года въ Симбирскѣ, куда его ссылали въ заточеніе. Жилъ онъ въ Шушѣ весьма изрядно, можно сказать на широкую ногу, и хотя и съ Европейскими замашками, но съ преобладающимъ Татарскимъ пошибомъ. Онъ пригласилъ меня обѣдать, и чтобъ познакомить меня съ образомъ своей жизни и ея удовольствій, устроилъ превеликое празднество съ Азіятскими увеселеніями, плясками, музыкой, пѣніемъ, но разумѣется и съ Шампанскимъ; а вечеромъ усадилъ въ бостонъ, что̀ продолжалось далеко за полночь, и вслѣдствіе чего я возвратился домой съ тяжестью въ головѣ *).

Третья аристократка, вдова Джаваиръ-ханумъ, весьма важная, пожилая Татарская дама, тщательно поддерживала свое ханское величіе. По слухамъ, она христіанскаго происхожденія, изъ Грузинскихъ

*) Если не ошибаемся, кажется, къ этому Джафаръ-Кули относится солдатская Закавказская пѣсня, сложенная позднѣе:

Ай люли, ай люли,
Подъ селеньемъ Кюлюли
Сильно струсилъ Калантаровъ,
И бѣжалъ Джафаръ-Кули.
Побѣжалъ онъ безъ оглядки,
Задирая къ верху пятки;
Такъ бѣжалъ Джафаръ-Кули
Подъ селеньемъ Кюлюли.

княженъ, захваченная въ малолѣтствѣ Татарами, препроводившими ее въ ханскій гаремъ, гдѣ она обращена въ мусульманство и сдѣлалась главной женой хана. Говорятъ, она теперь усердная мусульманка; но вѣроятно по воспоминанію о прежней вѣрѣ, не успѣвшему притупиться многолѣтнимъ исламизмомъ, она до сихъ поръ не можетъ переносить церковнаго колокольнаго звона, и при звукахъ его старательно зажимаетъ себѣ уши. Джаваиръ-ханумъ и вдова Мехти-Кули-хана пріѣзжали въ Тифлисъ съ визитомъ къ княгинѣ Воронцовой, съ большой свитой прислужниковъ и прислужницъ и соблюденіемъ всѣхъ подобающихъ ихъ сану восточныхъ этикетовъ и церемоній. Меня уговорили побывать и въ театрѣ, который я нашелъ довольно порядочнымъ для уѣзднаго, и къ тому же Татарскаго, городка.

Выѣхалъ я изъ Шуши съ моими провожатыми подъ вечеръ, послѣ обѣда и чая у Тарханова, верхами, до сада ханши Мехти-Кули, въ десяти верстахъ отъ Шуши, гдѣ и долженъ былъ заночевать по причинѣ проливнаго дождя, преслѣдовавшаго меня затѣмъ почти безпрерывно все время остальнаго путешествія. Это еще болѣе затрудняло безъ того трудную дорогу, особенно при переѣздахъ черезъ рѣчки, гдѣ лошади останавливались отъ сильнаго напора теченія, экипажъ приподымался водой и рисковалъ перевернуться. не смотря на многолюдную помощь и поддерживанія, и кончилъ таки тѣмъ, что изломался. По счастію почлеги были сносные. По пути встрѣчалъ я Татарскія кочевья, перебиравшіяся въ горы, и прибылъ въ Нуху 26-го Мая. Погода прояснилась, но дождь смѣнился несноснымъ зноемъ. При въѣздѣ, справа виднѣются сады, изъ коихъ и бывшіе ханскіе Джафаръ-Абатскіе, сперва рѣдкіе, а потомъ чаще и по обѣимъ сторонамъ, съ плетневыми заборами, за коими непримѣтно скрываются дома и постройки. Деревья очень большія, а улицы несоразмѣрно узкія.

Городъ Нуха также былъ прежде столицею особаго ханства, также довольно обширенъ и славился шелковичными плантаціями и фруктовыми садами. Въ 1840-хъ годахъ основалось въ Нухѣ акціонерное общество, главными членами коего состояли: князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ, Жадовскій и Шульгинъ, всѣ трое Петербургскіе бары, знавшіе и о Закавказьи, и о шелководствѣ только по слухамъ, да по книгамъ и воображавшіе, что въ учрежденіи этого общества найдутъ для себя золотое дно. До 1848 года они уже вложили на это предпріятіе капиталъ въ 157 тыс. р. сер., а дохода не получали никакого. Исполненіе на мѣстѣ плановъ и преднамѣреній общества ввѣрялось ими шарлатанамъ вовсе незнакомымъ съ дѣломъ такого рода, или просто надувальщикамъ. Одинъ бывшій соучастникъ Итальянецъ *Трибодино* стоилъ обществу до 70 т. р. Машины и люди для работы

были выписаны изъ Италіи, стоили дорого и не принесли никакой пользы; машины оказались вовсе не пригодными къ употребленію, потому что никто не зналъ, какъ за нихъ взяться. Управляющими учрежденія назначались чиновники, которые если и успѣли извлечь пользу, то лишь для себя, а не для общества и не для достиженія благой цѣли. Правительство оказывало этому предпріятію всѣ возможныя пособія и содѣйствія: подъ заведеніе было отведено 5 т. десятинъ казенной земли; ему дано 14 деревень съ 540 дымами изъ туземныхъ жителей, съ названіемъ *речбаровъ*; они были какъ бы закрѣплены учрежденію для работъ и доставки необработаннаго шелка. Эти речбары были крайне отягощены такой повинностію. Кромѣ того, основано и причислено къ заведенію Русское поселеніе изъ раскольниковъ, которые при водвореніи ихъ въ самыхъ нездоровыхъ, жаркихъ мѣстахъ, всѣ или перемерли, или разбѣжались. И всѣ эти расходы и пожертвованія тратились безплодно. Съ окончаніемъ срока дѣйствія акціонернаго общества, оно отказалось отъ дальнѣйшаго занятія, и заведеніе передано въ одни руки, благонадежному Тифлисскому гражданину Мирзоеву. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло лучше. Въ покупкѣ и разработкѣ шелка въ Нухѣ принялъ также участіе извѣстный Московскій фабрикантъ Алексѣевъ, что немало содѣйствуетъ поправленію производства. Вообще же шелководство въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ замѣтно распространяется между поселянами. Въ прочихъ мѣстахъ Закавказья тоже принимались подобныя мѣры для улучшенія шелководства: еще при Ермоловѣ было основано въ Тифлисѣ Итальянцемъ Кастелло шелкомотальное заведеніе, стоившее казнѣ значительныхъ издержекъ. Дѣлались такія же попытки и въ Имеретіи извѣстнымъ и опытнымъ нашимъ шелководомъ Райко, къ сожалѣнію скоро умершимъ, а потому и онѣ не принесли желаемой пользы.

Нуха раскинута на горѣ и занимаетъ довольно большое пространство. На мощеной улицѣ, подымающейся въ гору, расположенъ базаръ, вездѣ во множествѣ встрѣчаются духаны, кузницы и разныя лавчонки. Сохранились остатки крѣпости, стѣны которой я нашелъ еще уцѣлѣвшими, равно какъ и корпусъ ханскаго дворца, очень любопытнаго какъ по наружному виду, такъ и по внутренней отдѣлкѣ, барельефамъ и восточной живописи, хотя и скверной, но совершенно явственно сохранившейся, съ изображеніями Персидскихъ всадниковъ и Азіатскихъ сраженій. Климатъ въ самой Нухѣ не слишкомъ жаркій. Фруктовые сады хорошіе; лучшее ихъ произведеніе безспорно, превосходныя груши, извѣстныя въ краѣ подъ названіемъ «гулябы»; онѣ по величинѣ, сочности, сладости и аромату пользуются вполнѣ заслуженною знаменитостію.

Здѣсь я получилъ изъ дома, отъ своихъ, письма, которыя меня порядочно встревожили, хотя ужъ и прошедшими бѣдами. Въ первыхъ числахъ Мая, обѣ мои дочери Екатерина и Надежда, съ зятемъ Ю. Ф. Витте, поѣхали на воды въ Пятигорскъ, не запасшись теплою одеждою при въѣздѣ въ горы; они застали тамъ внезапно открывшуюся прежестокую зиму, съ большимъ морозомъ и глубокимъ снѣгомъ. Между станціями Кошауръ и Коби, дорога, какъ почти вездѣ здѣсь, пробитая по откосу горъ, по большей части крайне узкая, мѣстами, можно сказать, выдается какъ бы карнизомъ, раздѣляющимъ скалы въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, отъ глубочайшей бездны, тоже въ нѣсколько тысячъ футовъ. Дѣти мои ѣхали въ двухъ экипажахъ, съ прислугой и конвойными казаками. Поровнявшись съ небольшимъ придорожнымъ духаномъ, ямщики остановились, и зять мой велѣлъ вынесть всѣмъ людямъ, прозябшимъ на морозѣ, по стаканчику водки, что задержало ихъ минутъ на пять. Не отъѣхали они и четверть версты, какъ послышался глухой грохотъ; нѣсколько камней, скатившись въ разбродъ, съ горы, перекатились черезъ дорогу и полетѣли въ бездну; вслѣдъ затѣмъ, въ десяти шагахъ передъ экипажами, громадная глыба земли съ камнями, засыпала большимъ длиннымъ бугромъ дорогу на довольно значительное разстояніе, совершенно сравнявъ покатость горы. Только одна счастливая остановка передъ духаномъ спасла ихъ отъ предстоявшей гибели! Не будь этой остановки, экипажи попали бы неминуемо подъ обвалъ и были бы или раздавлены тяжестію его или, скорѣе, снесены въ бездну вмѣстѣ съ глыбой обвала. Ѣхать далѣе, разумѣется, было невозможно. Послѣ многихъ трудовъ и усилій, одному изъ казаковъ удалось пѣшему перелѣзть черезъ обвалъ и дать знать о случившемся происшествіи на слѣдующей, ближайшей станціи Коби, откуда были присланы перекладныя и люди для исправленія дороги и пособія проѣзжающимъ. Много бѣдъ дѣлаютъ эти обвалы по Военно-Грузинской дорогѣ, особенно зимою, когда отъ накопленія снѣга они повторяются безпрестанно, прерываютъ сообщенія иногда на долго, и часто сопровождаются несчастіями и гибелью съ людьми. Покойный Государь Николай Павловичъ говорилъ, что «эта дорога стоила столько денегъ, что ее можно бы было отъ Владикавказа до Тифлиса вымостить червонцами».

Жена моя, оставшаяся съ внуками въ Тифлисѣ, подверглась опасности другаго рода. Доктора предписали ей принимать теплыя, сѣрныя ванны въ мѣстныхъ баняхъ. Наша квартира находилась почти за городомъ, на Верѣ, а бани на противуположномъ концѣ города, и потому Еленѣ Павловнѣ было очень утомительно каждое утро ѣздить

два раза туда и обратно черезъ весь городъ, да еще въ самую жару, и она предпочла нанять себѣ на это время маленькую квартиру возлѣ бань. Квартира нашлась удобная, въ саду, съ чистенькимъ дворомъ, вблизи отъ бань, у подножія горы надъ ботаническимъ садомъ, изъ которой и вытекаютъ сѣрные источники. На вершинахъ горы стоятъ остатки старой Грузинской крѣпости, стѣны коей мѣстами хорошо сохранились, съ огромными, объемистыми башнями. Самая высокая башня очень живописно возвышалась на скалѣ, заграждающей ботаническій садъ, и служила складомъ для пороха, котораго тамъ было болѣе двухъ сотъ пудовъ, и потому она охранялась часовымъ. Елена Павловна переселилась на новую квартиру съ внучкой Вѣрочкой (второй дочерью нашей старшей покойной дочери Е. А. Ганъ), двѣнадцати-лѣтней дѣвочкой, и съ прислугой, и жила спокойно. 16-го Мая поднялась сильная буря съ грозой; жена моя сидѣла вдвоемъ съ внучкой у стола, и обѣ читали. Вдругъ раздался страшный трескъ, въ тотъ-же мигъ всѣ окна и двѣ стеклянныя двери съ шумомъ распахнулись, стекла съ звономъ вылетѣли изъ рамъ и посыпались по комнатѣ; одинъ большой кусокъ стекла, вмѣстѣ съ рамой, упалъ на голову внучки, ранивъ ее; но она, забывъ о себѣ, первымъ движеніемъ бросилась къ бабушкѣ и, охвативъ ее, старалась закрыть ее собой. Комната наполнилась пылью, дымомъ, удушающимъ запахомъ сѣры; въ садъ, во дворъ, въ комнаты чрезъ окна и двери валились кучи каменьевъ, коими буквально все было сплошь завалено. Со всѣхъ сторонъ раздались крики, вой, стоны визгъ; минуту спустя сбѣжалась прислуга, хозяева квартиры, всѣ полумертвые, внѣ себя отъ перепуга; люди, проходившіе мимо дома по улицѣ, съ воплями бросились во дворъ, спасаясь отъ гибели, и тоже ворвались въ комнаты Елены Павловны, ища спасенія, израненные, съ перебитыми ногами, головами, окровавленные. У одного Грузина со всей ноги была сбита кожа. Поднялась суматоха невообразимая. По счастію, жена моя осталась невредима. Она никогда не теряла присутствія духа и теперь нисколько не испугалась и не потерялась, старалась всѣхъ успокоить, помочь чѣмъ могла и водворить по возможности порядокъ. Причина скоро объяснилась. Молнія ударила въ башню съ порохомъ надъ ботаническимъ садомъ и взорвала ее. Мгновенно огромные камни разбросало во всѣ стороны и даже на далекое разстояніе; въ городѣ многіе пострадали отъ нихъ. Возлѣ квартиры жены моей пять человѣкъ убито на мѣстѣ; шестнадцать ушибленныхъ замертво, но съ признаками жизни, подобрано для доставленія въ госпиталь (шестеро изъ нихъ умерло, не доѣхавъ до госпиталя). А сколько еще погибло въ другихъ частяхъ города! Улицы у подножія горы были покрыты большими камнями, и даже болѣе чѣмъ за версту, за Курой,

на Авлабарскомъ кладбищѣ, нашлись отброшенные камни, изъ коихъ одинъ въ шесть пудовъ вѣсу. Всѣ стекла и частію дома въ окружности крѣпости перебиты. Не вдалекѣ отъ взорванной башни, былъ другой складъ пороху въ десять тысячъ пудовъ; еслибъ туда добралась молнія, то не сдобровать бы и всему городу Тифлису.

Извѣстія эти меня нѣсколько разстроили, и я рѣшился сократить свои разъѣзды, чтобы поскорѣе возвратиться въ Тифлисъ. Изъ Нухи я выѣхалъ по дорогѣ чрезъ Ширагскую степь въ городъ Сигнахъ, красиво расположенный на горѣ, но слишкомъ стѣсненный. Жители его почти исключительно состоятъ изъ Армянъ, промышлявшихъ въ то время главнѣйше ссудами денегъ въ займы сосѣднимъ крестьянамъ за лихвенные проценты. Изъ 650-ти домовъ города только пятнадцать Грузинскихъ. Въ большей части Сигнахскаго уѣзда крестьяне всѣхъ сословій чрезвычайно обременены долгами Армянамъ, которые, кромѣ ремесленниковъ изъ класса торгующихъ, составляютъ теперь главные свои обороты сказаннымъ промысломъ. Начался онъ современно новому управленію и Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, которая также, какъ и уѣздные начальники, не обратила вниманія на предотвращеніе этого зла. Въ Сигнахскомъ участкѣ, изъ 23-хъ казенныхъ селеній, въ коихъ три тысячи домовъ, только одно селеніе Тибакъ не обременено долгами, по соучастію въ ихъ положеніи архимандрита монастыря Св. Стефана, Бучкіева, имъ помогающаго; прочія 22 селенія всѣ въ долгахъ, такъ что каждый домохозяинъ долженъ отъ 100 до 200 р. Армяне даютъ въ займы деньги, а росписки берутъ на хлѣбъ и вино по крайне дешевой цѣнѣ; напр. давая десять рублей, Армянинъ беретъ росписку на двадцать кодъ хлѣба. Росписка берется на время отъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ и до полугода, и если крестьянинъ не въ состояніи заплатить въ срокъ, то дѣлаютъ отсрочку и перемѣняютъ росписку до новаго урожая, но удвоивая при каждой перемѣнѣ сумму долга, такъ что крестьяне, занявшіе года три или четыре тому назадъ десять рублей и давшіе росписку на двадцать кодъ хлѣба, теперь уже должны сорокъ или пятьдесятъ, и по нынѣшней цѣнѣ хлѣба въ Сигнахѣ, 2 р. 40 коп. за коду, обязаны уплатить Армянамъ отъ 100 до 200 р., что̀ сдѣлать они не имѣютъ никакой возможности, и тѣмъ все болѣе затягивается Армянская петля, давящая ихъ. Я старался объ улучшеніи ихъ положенія и сдѣлалъ, что̀ могъ для освобожденія крестьянъ изъ этой кабалы.

Въ трехъ верстахъ отъ Сигнаха, въ живописномъ мѣстоположеніи, на склонѣ горы, находится православный Грузинскій *Бодбельскій* монастырь, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ погребена просвѣтительница Грузіи Святая Нина. Говорятъ, прежде онъ отличался благолѣ-

піемъ и былъ прекрасно устроенъ стараніями жившаго въ немъ 54 года Грузинскаго митрополита Іоанна († 1837). Я нашелъ монастырь приходящимъ въ упадокъ; признаки еще недавняго его благоустройства были почти незамѣтны. Мнѣ сказывали, что средства къ поддержанію онаго не истощились, но что причина оскудѣнія и разстройства монастырскаго заключалась въ плохихъ распоряженіяхъ и недостаткѣ заботливости о томъ духовнаго начальства. Здѣсь же погребенъ и первый въ Грузіи Русскій экзархъ Ѳеофилактъ, скончавшійся въ этой обители при объѣздѣ епархіи въ 1821 г. *) Судя по дѣламъ, энергіи и по отзывамъ самыхъ старыхъ туземцевъ, современниковъ Ѳеофилакта, заботливѣе и попечительнѣе этого архипастыря не было другаго въ Грузіи.

Постоянно дурная погода подѣйствовала на мое здоровье, ко мнѣ вновь привязалась лихорадка: сказано Азія, такъ Азія и есть: въ ней безъ лихорадки никакъ не обойдешься. Это меня заставило прямо повернуть въ Тифлисъ, что́ я и сдѣлалъ, проѣхавъ чрезъ колонію Маріенфельдъ, гдѣ только осмотрѣлъ Сорскую канаву, весьма медленно подвигавшуюся впередъ вслѣдствіе малочисленности рабочихъ, коихъ оставалось не болѣе ста человѣкъ.

Я засталъ жену довольно здоровою, но въ большихъ хлопотахъ по случаю перехода на другую квартиру изъ дома Сумбатова, гдѣ мы едва только успѣли обжиться. Причиной этой непріятности было переселеніе въ Тифлисъ бѣжавшаго изъ Персіи принца Бегмена-мирзы, роднаго дяди шаха Нассръ-Эддина. Помѣщеніе для принца со всѣмъ его гаремомъ, нукерами, конюхами, всею Татарскою челядью, обозомъ, множествомъ лошадей и всякаго хлама, требовалось очень пространное; о пріисканіи такого помѣщенія ревностно заботились княгиня Воронцова (князь былъ въ отъѣздѣ), Сафоновъ, вся дипломатическая канцелярія, и не нашли въ городѣ ничего приличнѣе и удобнѣе какъ домъ Сумбатова. Дѣйствительно, по значительной величинѣ его, большому двору съ садикомъ и, главное, отдѣльному, уединенному нахожденію за городомъ, онъ оказывался довольно подходящимъ къ настоящему случаю. Сначала его хотѣли купить, а потомъ передумали и наняли весь сполна срокомъ на три года. Насъ попросили очистить квартиру (хотя срокъ найма еще не кончился); хозяева наши Сумбатовы тоже выбрались, и домъ со всѣми принадлежностями предоставленъ въ распоряженіе Персидскаго шахзаде.

По счастію, для насъ скоро нашлась хорошая и гораздо удобнѣйшая квартира въ центрѣ города, на Комендантской улицѣ, противъ

*) До сихъ поръ въ Грузіи упорно держится слухъ, что Ѳеофилактъ былъ отравленъ.

Головинскаго проспекта, въ домѣ князя Чавчавадзе, гдѣ мы живемъ и до сихъ поръ. Домъ этотъ съ давнихъ поръ принадлежалъ князю Александру Чавчавадзе, бывшему моему товарищу по Совѣту, убившемуся за годъ передъ тѣмъ при паденіи съ дрожекъ, а послѣ него перешелъ къ сыну его князю Давиду, которымъ, въ самое время нашего найма, проданъ его куму, Тифлисскому гражданину Шахмурадову. Для избѣжанія возни, всегда сопряженной съ подобными перевозками, я остановился у моей жены, на ея квартиркѣ возлѣ бань. Дня два спустя, къ намъ явился въ гости бывшій нашъ хозяинъ Сумбатовъ, въ самомъ разстроенномъ видѣ, и долго разсказывалъ намъ о постигшихъ его огорченіяхъ и горькомъ разочарованіи. Онъ разсчитывалъ на большіе барыши, но уже при самомъ началѣ проявились разные прискорбные сюрпризы и непріятныя недоразумѣнія. Вышли какіе то неожиданные недочеты, недоумѣнія по разсчетамъ выплаты слѣдуемыхъ ему денегъ; затѣмъ самые дикіе распорядки въ его домѣ. Справедливость требуетъ сказать, что Сумбатовъ, какъ домохозяинъ, замѣтно отличался отъ тогдашнихъ Тифлисскихъ домовладѣльцевъ тщательными заботами о своемъ домѣ: строго наблюдалъ за чистотой, порядкомъ, хорошимъ содержаніемъ двора, построекъ, за устройствомъ сада, и все это у него находилось въ безукоризненномъ видѣ. Теперь же, чрезъ нѣсколько дней по водвореніи въ его домѣ Персіянъ онъ вздумалъ было заглянуть въ свой дворъ и обомлѣлъ отъ ужаса: домъ снаружи (а тѣмъ болѣе, надо полагать, внутри), совершенно изгаженъ, садъ уничтоженъ, водопроводы испорчены, на дворѣ и въ саду стоятъ до 150-ти лошадей и ишаковъ (ословъ), и весь дворъ покрытъ по колѣно навозомъ. Сумбатовъ попытался заявить протестъ, но Персіяне безъ дальнихъ разсужденій безцеремонно выпроводили его за ворота, и съ тѣхъ поръ и близко къ дому не подпускаютъ. Съ улицы входъ задѣланъ, одни ворота забиты на глухо, при другихъ стоитъ караулъ. Садовника, оставленнаго для присмотра за садомъ, новые хозяева до полусмерти прибили и выбросили на улицу. Сумбатовъ былъ въ отчаяніи. Можетъ быть, избытокъ волненій подѣйствовалъ и на его здоровье: онъ тоже лѣтомъ умеръ, кажется, отъ воспаленія мозга.

Принца принимали съ большимъ почетомъ. Княгиня Елисавета Ксаверьевна давала для него парадный обѣдъ и въ саду блестящій вечеръ съ великолѣпной илюминаціей. Принцъ собирался осенью ѣхать въ Петербургъ благодарить Государя за то, что онъ взялъ его подъ свое покровительство и спасъ отъ ослѣпленія, угрожавшаго ему въ Тегеранѣ. Полагали, что ему едва ли позволятъ вернуться обратно въ Закавказье, по близости онаго отъ Персидской границы, а по всей вѣроятности назначатъ ему мѣстопребываніемъ Петербургъ или какой

либо городъ въ Россіи. Но поѣздка его не состоялась, и онъ остался въ Тифлисѣ. Да и никакой опасности отъ его возвращенія въ Персію произойти не могло. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ, говорятъ, просилъ позволенія у шаха возвратиться въ отечество и будто бы шахъ, узнавъ объ этомъ, подошелъ къ его портрету, висѣвшему на стѣнѣ одной изъ залъ (не смотря на изгнаніе оригинала), взялъ ножъ, выкололъ у портрета глаза и, обратившись къ посреднику, передавшему просьбу принца, объявилъ: «Скажи Бегменъ-Мирзѣ, если онъ хочетъ вотъ этого, что̀ я сдѣлалъ съ его портретомъ, то пусть возвращается». Приманка была конечно не заманчивая, и принцъ въ Персію не поѣхалъ. Проживъ недолго въ Тифлисѣ, онъ отправился на постоянное жительство въ Шушу, поближе къ родинѣ, какъ онъ говорилъ. А слухи ходили, что онъ иногда черезъ чуръ увлекался деспотическимъ, восточнымъ нравомъ и позволялъ себѣ такія самоуправства съ своими Персіанами, какъ будто онъ жилъ не въ Сумбатовскомъ домѣ въ городѣ Тифлисѣ, а въ какой-нибудь сардарской резиденціи Шираза или Мешхеда, въ самой глубинѣ Ирана, и помимо обыденныхъ легкихъ бастонадъ палками по пятамъ, будто бы даже шахзаде, однажды разгнѣвавшись на одного изъ своихъ служителей, распорядился его повѣсить посреди двора, что̀ и послужило поводомъ къ переселенію его въ Шушу, съ предварительнымъ, приличнымъ этому случаю внушеніемъ. На сколько это справедливо, я не знаю. Также шла молва о несмѣтныхъ богатствахъ, вывезенныхъ имъ изъ Персіи, о безчисленномъ множествѣ драгоцѣнностей всякаго рода, о золотѣ въ слиткахъ, изъ которыхъ будто было двѣсти слитковъ чистаго золота въ формѣ и величинѣ крупныхъ дынь. Говорили также о его чрезмѣрной скупости. Вѣроятно все это не обошлось безъ преувеличенія. Впрочемъ послѣднія два показанія подтвердилъ мнѣ и князь Дмитрій Ивановичъ Долгорукій, близкій родственникъ моей жены, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Персіи и выручившій принца изъ бѣды. Онъ разсказывалъ, что шахъ, разсердившись на Бегмена-мирзу за безпорядки, недочеты въ податяхъ, своеволіе, неповиновеніе, лихвенные поборы и другія злоупотребленія въ управляемой имъ провинціи, вызвалъ его на расправу къ себѣ въ Тегеранъ. Принцъ медлилъ прибытіемъ, и шахъ принялъ энергичныя понудительныя мѣры. Препровождаемый подъ сильнымъ вооруженнымъ конвоемъ и въѣхавъ уже въ Тегеранъ, верхомъ, онъ проѣзжалъ по улицѣ мимо дома занимаемаго Русскимъ посольствомъ, мгновенно шмыгнулъ въ ворота, влетѣлъ въ домъ, бросился къ посланнику и объявилъ, что отдаетъ себя подъ защиту Русскаго царя. Конвой, сопровождавшій его, остановился, пораженный внезапностію этой продѣлки, но не рѣшился ворваться въ домъ посольства. Ворота, по распоряженію по-

сланника, сейчасъ же велѣно было запереть. Князь Долгорукій не считалъ себя въ правѣ отказать принцу и оставилъ его у себя, хотя и рисковалъ подвергнуться участи Грибоѣдова. Времена конечно ужъ были не тѣ: Русское вліяніе держалось въ Персіи твердо. Представитель Россіи считался великой силой; но дѣло такого рода могло окончиться и плохо, не смотря ни на какія политическія преимущества. Шахъ крѣпко прогнѣвался, требовалъ выдачи принца; князь Долгорукій старался его уговорить, смягчить, а тѣмъ временемъ сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ и получилъ разрѣшеніе переслать принца въ Тифлисъ, что̀ и сдѣлалъ тайкомъ, съ большими затрудненіями, но съ полнымъ успѣхомъ. Все это время, довольно долго длившееся, Бегменъ-Мирза жилъ въ домѣ Русскаго посольства и вовсе небезопасно для посланника. Въ Тифлисѣ тогда даже разнесся слухъ, будто князя Долгорукаго Персіяне убили. Выпроводивъ принца, онъ упросилъ шаха позволить выслать ему на Русскую границу все его имущество, гаремъ, прислугу, весь домъ его, что̀ и приведено въ исполненіе. Бегменъ-Мирза всѣмъ этимъ былъ обязанъ нашему посланнику и оказался человѣкомъ благодарнымъ. Водворившись въ Тифлисѣ, въ полномъ спокойствіи и безопасности, онъ прислалъ князю Долгорукому, въ знакъ признательности, двѣ золотыя шишечки отъ своего стараго тахтаравана (родъ портшеза), величиною съ небольшія пуговицы, цѣною рублей въ двадцать. Князь Дмитрій Ивановичъ смѣясь намъ ихъ показывалъ.

По переселеніи Бегмена-Мирзы въ Шушу, гдѣ онъ пребываетъ до нынѣ, пріѣзжающіе оттуда передаютъ о немъ много разныхъ курьезовъ, можетъ быть и не безъ прибавленій, въ особенности о его скупости. Принцу иногда нужно нанимать работницъ для черной работы при домѣ, но жаль тратить деньги на ихъ наемъ, и онъ придумалъ очень экономическій и даже остроумный способъ для устраненія этого расхода безъ всякаго для себя лишенія, то есть, чтобы имѣть сколько понадобится работницъ и вовсе не платить имъ денегъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что когда оказывается надобность въ новой прислужницѣ, принцъ велитъ привести къ себѣ для найма дѣвушку или вдову изъ Татарокъ, и вмѣсто уговора о работѣ и платѣ денегъ, предлагаетъ ей жениться на ней и поступить къ нему въ гаремъ. Татарка съ готовностію соглашается на такую честь; сейчасъ же является мулла, читаетъ положенныя молитвы, и новобрачная принцесса безъ промедленія отсылается къ назначенной ей работѣ, на кухню, въ огородъ, въ курятникъ. Такимъ образомъ (по увѣренію Шушинцевъ) всѣ прачки, поломойки, судомойки, стряпухи Бегмена-мирзы, суть его собственныя жены и работаютъ у него безплатно, что̀ составляетъ очевидно для него выгодный разсчетъ и ихъ общее удовольствіе.

Я оставался въ Тифлисѣ около двухъ недѣль, до окончанія курса ваннъ Елены Павловны и воспользовался этимъ временемъ, чтобы тоже полечиться отъ навязавшейся ко мнѣ въ разъѣздахъ по Кахетіи лихорадки. Какъ только она унялась, мы съ женой и маленькими внуками переѣхали на лѣтнее пребываніе въ колонію Елисабетталь, гдѣ хотя климатъ и жаркій, но все же, какъ въ деревнѣ, прохладнѣе и воздухъ чище нежели въ городѣ, а ночи достаточно свѣжія для того, чтобы можно было спокойно спать, тогда какъ въ Тифлисѣ ночная духота еще нестерпимѣе дневнаго жара. Къ тому же недальнее разстояніе колоніи отъ Тифлиса представляло мнѣ то удобство, что я могъ заниматься текущими служебными дѣлами и безъ затрудненія сообщаться съ городомъ.

При постоянныхъ занятіяхъ дѣлами, чтеніи, прогулкахъ и почти ежедневномъ посѣщеніи знакомыхъ, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ Тифлиса, мы провели довольно пріятно лѣто, хотя временами не безъ страданій отъ жаровъ и несносныхъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ мѣстоположеніе этой колоніи, лежащей всего только на нѣсколько сотенъ футовъ выше Тифлиса, далеко насъ не избавило, но только облегчило.

Жизнь наша въ Елисабетталѣ, не смотря на все однообразіе и спокойствіе Нѣмецкой колоніи, не обошлась безъ нѣкоторыхъ треволненій, причиненныхъ случайностями чисто мѣстнаго характера. Начать съ того, что почти не проходило дня, чтобы до насъ не доходили вѣсти о безпрестанныхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ въ окрестностяхъ колоніи, и даже въ ней самой, съ медвѣдями, которые во множествѣ водятся въ сосѣднихъ горахъ и лѣсахъ, привлекаемые лѣтней порой фруктами дикихъ деревьевъ, особенно кизилу. Когда же въ колонистскихъ садахъ и огородахъ начинаютъ созрѣвать овощи и плоды, медвѣди то и дѣло забираются туда, опустошаютъ гряды, виноградники, деревья и приводятъ въ отчаяніе Нѣмцевъ, не знающихъ какъ отъ нихъ отбиться: они ихъ выгоняютъ, пугаютъ, въ нихъ стрѣляютъ, но все это мало помогаетъ. Медвѣди по бóльшей части рѣдко бросаются на людей, если ихъ не трогаютъ или не поранятъ, но въ послѣднемъ случаѣ они дѣлаются очень опасны. При насъ, колонисты наткнулись вблизи колоніи на трехъ медвѣдей; у одного колониста было заряженное ружье, онъ выстрѣлилъ въ медвѣдя и ранилъ его; два убѣжали, а раненый кинулся на выстрѣлившаго, захватилъ его въ лапы и началъ ломать. Другіе люди подоспѣли на помощь и убили медвѣдя; но Нѣмецъ, побывавшій въ передѣлкѣ съ звѣремъ, сильно пострадалъ; одна рука оказалась вся искусана и ободрана.

Однажды жена моя вышла прогуляться и едва миновала послѣдніе дома колоніи при выходѣ изъ улицы, какъ вслѣдъ за нею быстро

пробѣжалъ по дорогѣ большой медвѣдь, тяжело перескакивая черезъ кустарники, весь запыхавшійся, вѣроятно выгнанный изъ садовъ. Колонистка, проходившая по улицѣ, увидавъ это, подняла страшный крикъ; выскочили Нѣмцы изъ ближайшихъ дворовъ и, захвативъ вилы, кочерги, лопаты, что попало подъ руку, бросились за медвѣдемъ, чтобы спасти Елену Павловну. По счастію она въ это время входила на пригорокъ, а медвѣдь пробѣжалъ внизу пригорка, въ двухъ саженяхъ отъ нея, такъ что она его и не замѣтила и чрезвычайно удивилась, увидѣвъ толпу сбѣжавшихся къ ней перепуганныхъ колонистовъ. Она съ ними и возвратилась домой, не желая подвергаться снова такой рискованной встрѣчѣ.

Потомъ появилась для населенія колоніи опасность другаго рода, гораздо непріятнѣе и серьезнѣе первой; ибо хотя происходила тоже можно сказать отъ звѣрей, но уже въ человѣческомъ образѣ, кои всегда злѣе и жаднѣе настоящихъ дикихъ звѣрей. Между Тифлисомъ и Елисабетталемъ завелась шайка разбойниковъ Татаръ, и принялась такъ хозяйничать и разбойничать по дорогѣ и окрестностямъ, что въ продолженіи слишкомъ мѣсяца не было отъ нея ни проѣзда, ни прохода. Нѣмцы боялись выѣзжать, и колонія находилась какъ бы въ блокадѣ. Началось съ того, что около Коджоръ (по прямой дорогѣ черезъ горы въ 8 верстахъ отъ Елисабетталя), Татары убили духанщика и ограбили двухъ Армянъ. На другой день утромъ, я послалъ верховаго колониста съ бумагами и письмами въ городъ, приказавъ ему вернуться въ тотъ же день вечеромъ, съ пакетами, кое-какими вещами и покупками, которыя мнѣ должны были прислать изъ города. Колонистъ вернулся поздно вечеромъ, но пѣшій и весь окровавленный: въ пяти верстахъ отъ колоніи, на него напали десять человѣкъ съ шашками, ружьями, отняли лошадь, сумку съ бумагами, домашніе припасы, мое платье, все, что онъ везъ, изранили и уѣхали. Слѣдующій день, еще засвѣтло, мы всей семьей расположились на галерейкѣ нашей квартиры пить чай; видимъ, являются съ улицы и подходятъ ко мнѣ два человѣка, какъ-то странно, безпорядочно одѣтые, блѣдные, съ вытянутыми лицами, и объявляютъ, что пришли просить у меня защиты, что они поѣхали верхомъ изъ Тифлиса прогуляться въ Елисабетталь, въ гости къ знакомымъ, и въ двухъ верстахъ отсюда, по дорогѣ, вдругъ ихъ окружили разбойники, взяли у нихъ лошадей, обобрали до чиста, раздѣли до гола, даже сняли сапоги и носки, прибили, ранили кинжалами въ нѣсколькихъ мѣстахъ; потомъ учтиво раскланялись, пожелали счастливаго окончанія пути и отпустили. Несчастные съ трудомъ плелись босые, нагіе, всѣ въ крови и, добравшись до колоніи, заняли въ первомъ домѣ кое-что изъ необходимаго платья и обратились ко мнѣ за

помощію. Одинъ изъ нихъ былъ живописецъ Байковъ, сынъ знаменитаго Ильи, кучера императора Александра I-го, выписанный княземъ Воронцовымъ для снятія видовъ и вообще рисованія картинъ Кавказскаго жанра; онъ болѣе всего жалѣлъ о портфелѣ съ рисунками, отнятомъ разбойниками. Другой пострадавшій, его товарищъ, былъ актеръ Ивановъ. Поднялась суматоха. Я приказалъ Нѣмцамъ поскорѣе собраться, вооружиться и ѣхать въ погоню за разбойниками, подъ предводительствомъ Ив. Ив. Бекмана, капитана полевыхъ инженеровъ, состоявшаго при мнѣ. Бекманъ раздѣлилъ колонистовъ на три партіи, взявъ команду надъ одной изъ нихъ, и пустился на розыски. Всю ночь проѣздили, ничего не нашли и въ девятомъ часу утра возвратились обратно безъ всякаго успѣха. Тотчасъ же за ними явились ко мнѣ съ жалобами и стонами два Грузина, изъ коихъ одинъ священникъ; на нихъ напали Татары возлѣ самой колоніи, одного ранили въ голову, а другому, священнику, отрубили руку по локоть. Такъ повторялось ежедневно. Я написалъ объ этомъ князю В. О. Бебутову, начальнику гражданскаго управленія и губернатору, настаивая, чтобы они приняли мѣры къ скорѣйшему прекращенію такого безобразія. Посылать Нѣмцевъ съ бумагами было невозможно: они боялись и носъ высунуть изъ колоніи. Всякое сообщеніе между Елисабетталемъ и Тифлисомъ прервалось. Я опять собралъ колонистовъ въ порядочномъ числѣ, велѣлъ вооружиться ружьями и, отдавъ ихъ снова подъ предводительство Бекмана, поручилъ ему ѣхать съ этимъ конвоемъ въ Тифлисъ и передать мои письма по назначенію, что́ и было сдѣлано. Мѣры, разумѣется, приняли, разбои поутихли; но совсѣмъ долго не прекращались, да и до сихъ поръ по временамъ возобновляются и не скоро еще переведутся. Я говорю о ближайшихъ окрестностяхъ Тифлиса, а о всемъ краѣ слишкомъ рано даже помышлять о такомъ преуспѣяніи.

Въ нашемъ старомъ Закавказьѣ на подобныя продѣлки не обращаютъ большаго вниманія: дѣло привычное! По общимъ убѣжденіямъ, всѣ разбойничьи шайки, шатавшіяся тогда возлѣ Тифлиса, были крѣпостные крестьяне, Татары, князя Мамуки (Макарія Ѳомича) Орбеліана, храбраго, умнаго, очень милаго Грузинскаго человѣка, одного изъ фаворитовъ князя Воронцова. Впрочемъ его разбойники-крестьяне иногда не щадили и своего владѣтеля и даже разъ сыграли съ нимъ препепріятную штуку. Намѣреваясь отправиться въ одну изъ своихъ деревень, съ большой компаніей гостей, на охоту, князь Мамука, какъ хлѣбосольный хозяинъ, отослалъ впередъ туда нѣсколько подводъ съ разными припасами. На эти подводы напали разбойники, несомнѣнно крѣпостные же люди князя; остановили обозъ, узнали чей онъ, осмотрѣли все въ немъ заключав-

шееся, отобрали себѣ большую и лучшую часть всѣхъ припасовъ, но однако не всѣ, оставили маленькую частицу и для своего господина. На всѣ протесты и заявленія проводниковъ, ѣхавшихъ съ подводами, знавшихъ въ лицо и по именамъ всѣхъ грабителей, послѣдніе сказали только имъ на прощаніе: «для Мамуки довольно и этого», и, навьючивъ своихъ лошадей, поѣхали далѣе.

Въ началѣ Сентября прямо изъ колоніи я отправился въ мои разъѣзды по Русскимъ и Нѣмецкимъ поселеніямъ, черезъ колонію Катериненфельдъ, по Эриванскому тракту. За Краснымъ мостомъ началась для меня новая, любопытная и пріятная по живописной мѣстности дорога: горы не слишкомъ большія, путь прилегаетъ къ шумящей рѣчкѣ Акстафѣ, по сторонамъ виднѣются Армянскія деревни съ садами и обработанными полями. Около Караванъ-Сарайской станціи начинается въѣздъ въ Дилижанское ущелье, гдѣ уже возвышаются горы, обросшія густымъ лѣсомъ, состоящія частію изъ голыхъ скалъ, мѣстами перпендикулярныхъ, базальтовыхъ и гранитныхъ. За четыре версты не доѣзжая Дилижанской станціи, мостъ черезъ Акстафу, и тамъ же жительство чиновниковъ путей сообщенія, находящихся при Дилижанѣ. Здѣсь дорога идетъ по возвышенности, а внизу подъ нею расположены селеніе этого же имени, почтовая станція и многія другія строенія.

Я направился отселѣ по Александропольскому тракту, гдѣ таковыхъ колоній было основано четыре. Сдѣлавъ распоряженія къ ускоренію ихъ устройства, я возвратился въ новыя поселенія Елисаветпольскаго уѣзда, въ нагорной его части, и проѣхалъ, хотя не безъ труда, по дорогѣ въ то время еще не обработанной, до духоборческой деревни Славянки. Впослѣдствіи, на томъ пространствѣ, гдѣ основаны четыре значительныя Русскія деревни, была проведена повозочная дорога довольно хорошая, но которая, кажется, со времени Турецкой войны совсѣмъ запущена. Подобныя дороги были проложены во многихъ мѣстахъ, съ немаловажными трудами для жителей и съ большими денежными издержками, въ различныя времена; нѣкоторыя изъ нихъ были устроены очень порядочно. Но дѣло въ томъ, что, по окончаніи ихъ устройства, онѣ передавались въ завѣдываніе земской полиціи, чтобы она наблюдала за поддержкою ихъ и ежегодною ремонтировкою; а этого-то и не соблюдается, и потому дороги черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно уничтожаются. Много разъ я говорилъ объ этомъ и мѣстнымъ, и главнымъ начальникамъ; но мой голосъ оставался *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ*.

Изъ молоканскихъ деревень нѣкоторыя приняли нѣсколько лучшій видъ сравнительно съ прошлогоднимъ: прибавились новые дома, исправ-

лены улицы, дворы, пристроены палисадники; но деревьевъ посажено мало. Болѣе другихъ поправилась деревня Никитино, гдѣ я пробылъ съ недѣлю. Между дѣломъ я тамъ разспрашивалъ духовнаго старшину Степана Богданова, вышедшаго изъ Царевскаго уѣзда, пользовавшагося особеннымъ почетомъ у раскольниковъ, о ихъ духовныхъ дѣлахъ. По его отзывамъ, бываютъ у нихъ сильныя распри, большею частію между выходцами изъ Саратовской губерніи и Бессарабіи: первые принимаютъ цѣлованіе и поклоненіе при моленіи, а послѣдніе отвергаютъ это. Постъ бываетъ произвольный, по три дня, и тогда уже ничего не ѣдятъ; пѣніе все изъ псалмовъ, но напѣвы разные, веселые и печальные, смотря по обстоятельствамъ; изступленные случаются, но въ правилахъ секты не полагаются. По его увѣреніямъ, они признаютъ непосредственную божественность христіанскаго откровенія. Онъ не отрицалъ безнравственность нравовъ своей паствы и полагалъ нужнымъ принятіе строгихъ мѣръ къ укрощенію пьянства и распутства. Вообще у молоканъ замѣтно менѣе притворства и лукавства нежели у духоборцевъ. Молокане мало жаловались на неудовлетворительный урожай, хотя повсемѣстно онъ былъ очень плохъ; но за то крѣпко жаловались на своеволіе кочевыхъ Татаръ, при возвращеніи ихъ съ кочевья. Въ этомъ отношеніи однакоже молокане все-таки менѣе терпѣли нежели туземные жители пограничныхъ селеній, которые страдали и отъ неурожая и еще болѣе отъ грабительства сосѣднихъ Татаръ. Многіе искали спасенія въ бѣгствѣ за границу. Числа бѣжавшихъ въ этомъ году Армянъ изъ Шурагельскаго участка въ Турцію въ точности не знали; но, по словамъ уѣзднаго начальника, число ихъ доходило до 250-ти семей. Они бѣжали не столько вслѣдствіе неурожая, какъ по неудовлетворенію ихъ справедливыхъ жалобъ мѣстному начальству на притѣсненія и грабежи Татаръ, особенно Курдовъ. Земля ихъ осталась пустая. При той недостаточности земель, которая постоянно такъ затрудняла колонизацію переселенцевъ, мнѣ казалось, что не предстояло надобности особенно заботиться о возвращеніи Армянъ; ибо мѣсто, ими оставленное, могло быть очень удобно къ водворенію раскольниковъ, изъ коихъ со временемъ можно бы было по границѣ образовать кордонную стражу. Но какъ для прежнихъ обитателей, такъ и для Русскихъ поселенцевъ, въ этихъ мѣстахъ необходимо доставить защиту отъ насилій и разбойничества Курдовъ, которые для мирныхъ сельскихъ жителей нетерпимы. Изслѣдованія судебнымъ порядкомъ, по Своду Законовъ, здѣсь вовсе неудобопримѣнимы.

Не менѣе Курдовъ, но не въ примѣръ постыднѣе, на границѣ безобразничали хищники другаго рода, казаки кордонной стражи, производившіе чрезвычайные безпорядки. Они формально торговали содѣй-

ствіемъ или препятствіемъ къ переходу за границу или изъ-за границы, въ видахъ корысти. Въ этомъ главнѣйше участвовали офицеры и полковые командиры. Они приходили сюда не имѣя ничего и здѣсь обогащались, въ чемъ (какъ утверждали хорошо свѣдущіе люди) можно было удостовѣриться справками въ почтовыхъ конторахъ, сколько они пересылали денегъ домой. Побѣгъ Армянъ въ 1848-мъ году за границу послѣдовалъ съ ихъ содѣйствія, что́ и было положительно доказано. А какъ поступили они при выходѣ Татаръ изъ-за границы въ этомъ же году! Казаки взяли у нихъ напередъ деньги за пропускъ и какъ только Татары стали переходить черезъ Арпачай и дошли до половины рѣки, казаки остановили ихъ, съ угрозами принуждали возвратиться, полагая, что Татары, испугавшись, бросятъ свои вьюки имъ въ добычу и уйдутъ. Но когда они требовали настоятельно пропуска, то казаки начали въ нихъ стрѣлять, нѣсколько человѣкъ убили и многихъ переранили. Слѣдствіе по этому дѣлу губернаторъ велѣлъ произвести своему чиновнику особыхъ порученій, молодому человѣку, не испытанному въ дѣлахъ такого рода, не понимавшему ихъ важности, къ тому же подружившимуся съ казачьимъ полковымъ командиромъ и безпрестанно у него бывавшему. При такомъ ходѣ дѣйствій, разумѣется, истина не можетъ открыться. Не можетъ также ничего открыться, если по запискамъ, составляемымъ членами Совѣта о замѣчаемыхъ ими во время разъѣздовъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, будутъ дѣлаться запросы лишь тѣмъ же мѣстнымъ начальникамъ, кои заинтересованы въ открытіи оныхъ, какъ это было по многимъ дѣламъ и какъ это часто дѣлается.

Изъ Славянки, осмотрѣвъ духоборческія деревни, я выѣхалъ по такой-же скверной дорогѣ, какъ во всемъ краѣ и, поломавъ снова экипажъ, пробираясь то въ тарантасѣ, то верхомъ, то пѣшкомъ, въ арбѣ, повозкѣ, возвратился черезъ Нѣмецкія колоніи обратно въ Тифлисъ въ половинѣ Октября.

Новое наше жилище было богато воспоминаніями прежнихъ лѣтъ. Покойный хозяинъ его князь Чавчавадзе жилъ въ немъ открыто и весело, широкою, беззаботною жизнію достаточнаго мѣстнаго помѣщика и Русскаго генерала. Двери его дома всегда были отверсты для безконечнаго множества родныхъ, друзей, знакомыхъ, гостей, которые въ немъ веселились, пировали, плясали досыта. Въ этомъ-же домѣ, кажется, старшая дочь князя, красавица княжна Нина Александровна, вышла замужъ за Грибоѣдова; здѣсь же была свадьба и другой дочечери, княжны Екатерины Александровны съ владѣтелемъ Мингреліи княземъ Дадіаномъ. Все что̀ пріѣзжало изъ Петербурга порядочнаго и сановитаго, молодаго и стараго, составляло принадлежность гостиной

князя. Эта гостиная была причудливо обита античными обоями съ изображеніями сценъ изъ миѳологіи. Говорили, будто-бы эти обои были подарены императрицей Екатериной отцу князя А. Г. Чавчавадзе, посланному въ Петербургъ царемъ Иракліемъ въ качествѣ аманата. Гостиная и небольшая комната возлѣ нея украшались единственными тогда въ Тифлисѣ цѣльными зеркальными стеклами въ окнахъ. Въ этой боковой комнатѣ, рядомъ съ гостиной, въ 1842 году пріѣзжавшій въ Тифлисъ, бывшій въ то время военнымъ министромъ, князь Александръ Ивановичъ Чернышовъ, на вечерахъ у Чавчавадзе, съ юношескимъ увлеченіемъ и искусствомъ, ловко отплясывалъ лезгинку съ красивой Грузинской дѣвушкой Мартой Салаговой, впослѣдствіи княгиней Эристовой, славившейся необыкновенной красотой и длиною своихъ волосъ. Пляски эти происходили хотя и на многолюдныхъ вечерахъ, но при замкнутыхъ дверяхъ и въ присутствіи только немногихъ избранныхъ зрителей, необходимыхъ для акомпанимента хлопаніемъ въ ладоши. Такая бойкая, шумная жизнь въ этомъ домѣ продолжалась до конца 1846 года, когда, въ одинъ печальный день, князь А. Г. Чавчавадзе, принесенный съ улицы въ безчувственномъ состояніи, съ разбитой о тротуарную тумбу головою, при паденіи съ дрожекъ, опрокинутыхъ испугавшеюся лошадью, и скончавшійся чрезъ нѣсколько часовъ, былъ положенъ на столѣ въ своей большой залѣ, гдѣ въ первый разъ всегдашнее оживленіе смѣнилось горестью и слезами. Вскорѣ затѣмъ домъ былъ проданъ, и первыми его жильцами привелось быть намъ. Первую зиму мы жестоко страдали отъ холода по причинѣ негодности печей и всѣ болѣе или менѣе переболѣли разными простудными недугами; до весны, въ комнатахъ мы должны были кутаться почти также, какъ на улицѣ. Въ этомъ отношеніи Грузія похожа на Италію и всѣ теплыя страны, гдѣ, по присвоенному имъ названію южнаго климата, не считаютъ нужнымъ принимать никакихъ предосторожностей противъ зимы, вслѣдствіе чего выходитъ, что въ Москвѣ и въ Петербургѣ гораздо меньше зябнутъ, нежели въ Неаполѣ и въ Тифлисѣ. Въ Неаполѣ грѣются на улицѣ, на солнцѣ; въ Тифлисѣ туземцы грѣются надъ мангалами (тазами съ горящими угольями), а въ домахъ устроены плохенькіе камины, способствующіе только къ простудѣ. Впрочемъ теперь въ Тифлисѣ уже во многихъ домахъ заведены хорошія Русскія печи.

За исключеніемъ небольшой поѣздки на нѣсколько дней въ колонію Маріенфельдъ, я провелъ остатокъ года въ городѣ, продолжая постоянно работать по проекту о преобразованіи управленія государственныхъ имуществъ, согласно программѣ, данной княземъ Воронцовымъ.

ГРАФЪ А. Г. ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ ВЪ ЕГО ХОЗЯЙСТВѢ.

Нижеслѣдующія письма относятся къ Павловскому времени. Престарѣлый

Орелъ изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла,

принявъ по неволѣ участіе въ перенесеніи праха Петра III-го изъ Невской Лавры въ Петропавловскую крѣпость, принужденъ былъ выѣхать за границу. Фамильное имя лица, къ которому письма писаны, намъ неизвѣстно; вѣроятно это былъ кто нибудь изъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей-дворянъ. Заботливое и умное домохозяйство было отличительною чертою братьевъ Орловыхъ, родившихся еще въ Елисаветинское время, когда Европейская роскошь только что начинала разорять Русское дворянство. Кстати замѣтить, что Орловы, возводя на престолъ Екатерину, были люди уже вполнѣ достаточные: отецъ ихъ владѣлъ помѣстьями съ пятью тысячами душъ и въ Москвѣ обширною усадьбою (на Малой Никитской отъ построенной имъ церкви Георгія на Всполье, гдѣ онъ и похороненъ, до самаго дома гр. Бобринскаго). Слѣдовательно не одно желаніе обогатиться руководило Орловыми въ ихъ великомъ дѣлѣ Екатерининскаго воцаренія. Чесменскій герой отлично выражаетъ себя въ своихъ письмахъ. П. Б.

1.

Получено 29 Сентября 1797 г.

№ 302. 1797. Сентября дня, изъ Лейбцига.

Государь мой Данила Артемычъ.

Письмо ваше, пущенное отъ 13 Августа, имѣлъ удовольствіе получить, за которое благодарю, радуясь, что вы, благодаря Господа, здоровы. Пишете, что баранъ Аглицкой зарѣзанъ и на пастуха подозрѣніе имѣете. Барана не возвратить, и по всему видно, что пастухъ былъ причиною: какъ ему мѣста извѣстны, то онъ и подтащилъ къ волчьей ямѣ; но оное и не стóитъ большихъ хлопотъ. А по оному и таковымъ, впредъ случающимся, маловажнымъ дѣламъ прошу васъ самому дѣлать ваши рѣшенія. А чтó приказали за положенной поборъ Якову Петрову съ крестьянъ вмѣсто куръ и барановъ собирать деньгами, оное хорошо; а положеніе теперь оныхъ крестьянъ оставить какъ у князей Хованскихъ было впредъ до разсмотрѣнія. И чтó не велѣли

доходовъ смѣшивать, и оное хорошо. Прежде мною писано было, чтобъ Хатунскіе хоромы постараться отдѣлывать, чтобъ можно было въ оныхъ жить. Тогда я мыслилъ самъ пріѣхать; а какъ доктора меня отъ онаго удержали своими совѣтами, и я здѣсь до будущей весны нанялъ квартеру, чтобъ еще къ водамъ съѣздить, то и не нужно будетъ многаго дѣлать, а можно помаленьку исправляться и въ хорошую погоду, а особливо складываніемъ печей. Хотя не успѣлъ еще раздѣлаться и толку найтить съ Плещеевыми наслѣдниками, какъ же быть; а прошу васъ какой нибудь конецъ съ ними сдѣлать. Выходитъ по истинѣ: не дѣлавъ услугъ по пріязни, будешь свободенъ отъ убытковъ и неудовольствій. Со мною въ жизнь мою большею частью такъ случалось.

Вотъ еще настоящій примѣръ и Борзненскихъ крестьянъ; я много разъ отговаривался, не хотя ихъ купить, и оброкъ положили сами на себя, а теперь вздумали блажить. Какъ видно, что много канальскихъ духовъ есть, которые развратительныя рѣчи внушаютъ съ тѣмъ, чтобъ самимъ чѣмъ нибудь воспользоваться. Но буйственныхъ людей укрощать должно; когда дòпряма таковыхъ изыщете, должно просить правленіе въ помощь и выбирать изъ нихъ годныхъ, отдавать въ зачетъ въ рекруты, а неспособныхъ въ рекруты можно отослать на поселеніе, хотя безъ зачету, буде примутъ ихъ; бурмистра же опредѣлить прежняго, ежели на него какихъ подозрительныхъ причинъ показано не будетъ, сказавъ имъ во всю волость, чтобъ они искали себѣ другаго помѣщика, а я не хочу ихъ имѣть; а буде сами не сыщутъ, тогда я ихъ могу опять прежнему помѣщику запродать. Что-то они послѣ онаго опять будутъ размышлять! Колосова жъ теперь къ оному не опредѣлять; а кого бъ другаго послать, я теперь самъ не знаю. А буде они не усмирятся и къ разоренію своему блажить будутъ, не на кого пенять: сами себѣ яму выкапываютъ.

При семъ прилагаю къ вамъ вѣрющее письмо, которое только сегодня получилъ, по которому можете поступать; а при томъ и росписаніе ваше съ княгинею *) получилъ, и я съ вами очень согласенъ, что она можетъ дворовыхъ людей продавать съ женами, дѣтьми; а Матернина, какъ Земскаго и другихъ принадлежащихъ къ деревнѣ людей, такъ и дѣтей, взятыхъ отъ отцовъ въ деревни, оныхъ въ продажу нѣтъ. Многимъ оное кажется бездѣлкою; но какъ оную рану къ себѣ приложишь, оная не бездѣльная. Всѣхъ же другихъ животныхъ отъ кобылы и до пуделя прошу возвратить къ прежде бывшей помѣщицѣ. Дивлюсь, что она всей деревни вдругъ не продаетъ; могли бы легче разсчитаться. Что̀ же принадлежитъ до вашей отставки, оная сдѣ-

---

*) Хованскою. П. Б.

лалась по вашему желанію, съ чѣмъ я васъ и себя поздравляю. Да даруетъ Господь благополучно пожить и въ спокойствѣ дни проводить! Я жъ, со всѣми при мнѣ находящимися, благодаря Господа, довольно здоровъ. Дочь моя благодаритъ васъ и сама свидѣтельствуетъ свое почтеніе. А о Туровскихъ крестьянахъ я къ вамъ писалъ только на угадъ. Я жъ есмь съ моимъ къ вамъ почтеніемъ вашъ, государя моего, готовый и охотный къ услугамъ графъ Алексѣй Орловъ-Чесменской.

Ал. Алексѣичъ [1]) вамъ кланяется и хотѣлъ самъ писать къ вамъ. Я писалъ Гаврилѣ, буде можно будетъ, взявъ пашпорты, выслать ко мнѣ двухъ живописцевъ, Колосова и Демишеля, да кларнетиста Мурзина, чтобъ они могли здѣсь поучиться. Прошу ваше стараніе объ ономъ приложить и достать имъ пашпорты. А между тѣмъ, буде бы понадобились люди для друга моего въ дорогу, такъ прошу приказать тѣмъ ѣхать, кто именно будетъ назначенъ.

2.

№ 315. 1797. Октября 9-го дня, изъ Лейбцига.

Государь мой Данила Артемычъ.

Послѣднія ваши письма подъ № 10 и 11 я имѣлъ удовольствіе получить. *Въ первомъ немного витіевато вы описываете* [2]). А что̀ принадлежитъ до смутьяновъ, то я чувствую, каковы они есть какъ для себя, такъ и для другихъ. Только не сочтите онаго на кого нибудь изъ Россіянъ; а мы часто болѣе терпимъ отъ чужестранцевъ, которые, пріѣзжая къ намъ, наше пьютъ, наше ѣдятъ, нашимъ согрѣваются, у насъ наживаются, по хлѣбосольству и добросердечію отъ насъ принимаются, да намъ же и пакости строятъ, особливо буде подъ свой салтыкъ подогнуть не могли. *А я покорно васъ благодарю за довѣренность вашу ко мнѣ; а какъ время докажетъ, то и не будете имѣть причины въ ономъ раскаеваться* [3]). А что̀ о мальчикѣ-парикмахерѣ описываете, такъ я съ вами согласенъ, чтобъ на волю его не отпускать, а пусть онъ остается лучше при домѣ и учится чесать *надъ дѣвками*. А по увѣдомленію отъ Крючкова, вамъ отъ него донесеніемъ, прошу его по случающимся дѣламъ не оставлять и ваши приказанія ему давать; а особливо какъ теперь нужда настоитъ по отмежеванію земли за взятое озеро покойною Государынею пожалованными землями покойному брату моему и по поступившимъ въ мое правленіе, можетъ быть не нужно ли будетъ къ нему на помощь *послать Горчакова* или кого вы знаю-

---

[1]) Чесменскій, лѣвый сынъ графа Алексѣя Григорьевича. П. Б.

[2]) Напечатанное курзивомъ здѣсь и ниже подчеркнуто въ подлинникахъ. П. Б.

[3]) Но раскаялся уже поздно! *Примѣчаніе* чужою рукою на подлинномъ письмѣ. П. Б.

щимъ найдете? Господину барону желаю счастливѣй и покойнѣй жить въ новой ему найденной квартерѣ. Вѣрющія письма, по подписаніи мною и по засвидѣтельствованіи Россійскимъ консуломъ, къ вамъ при семъ посылаются; только прошу поудержаться продажею дома Петрова, потому что я въ ономъ навѣрно не рѣшился, а впредъ васъ объ ономъ попрошу. Сожалѣю только, что господинъ консулъ не знаетъ ничего по-русски, а наши купцы мало разумѣютъ по-нѣмецки; но какъ нибудь да уладятся.

Похваляю ваше распоряженіе, что вы денегъ отъ крестьянъ болѣе на покупку рекрутъ не стали принимать; пусть же они сами въ ономъ лучше исправляются, чтобы не имѣть хлопотъ за доброжелательство къ нимъ, когда они и прежде онаго не хотѣли чувствовать; а у меня же правило: неблагодарные недостойны впредъ благодѣянія.

А что́ вы приписываете *о Елисаветѣ Семеновнѣ Синявиной, я бы желалъ, чтобы закладныя остались необъявленными, буде она деньги заплатитъ; а въ противномъ случаѣ за что́ и мнѣ деньги потерять? А когда заплата учинится, тогда уже какъ купчую на людей, такожъ и закладную ей выдать, выключа только бѣглеца Алёшку Чемеринцова, который ею мнѣ прежде уступленъ былъ. А впрочемъ я бы очень радъ былъ, когда бы съ нею раздѣлался: она бы отдала мнѣ мое, а взяла бы свое къ себѣ.* Приложенныя вами вѣдомости о хлѣбѣ и сѣнѣ мною получены, за что́ васъ благодарю. За одобреніе Бархатова благодарю, и онъ въ свое время получитъ за усердіе и стараніе приличное награжденіе. За записку дома Петрова по силѣ закона такожъ благодарю и за стараніе о сводѣ постоя двойнаго. Да что̀ я всѣмъ начальникамъ неудовольственное сдѣлалъ, то они двойную тяготу полагаютъ. Лучше что нибудь взять за постой; хотя на починку оныя за наемъ деньги употребить. Приложенную копію съ указа получилъ, но не могу вразумиться, на какія прямо мѣста оный простирается, на всѣ ли вообще или тѣ исключатся, которыя на Шведскихъ еще правахъ въ Выборгской губерніи. Я же, благодаря Господа, довольно здоровъ и со всѣми моими сопутствующими, окромѣ одного сбѣжавшаго отъ меня въ землю Ефрема, который отъ лишней охоты къ горѣлкѣ преселился тѣломъ въ землю, а душею къ небесамъ, а намъ велѣлъ долго жить.

3.

№ 338. 1797 г. Ноября 14 дня, изъ Лейбцига.

Слава Богу, что вы и у васъ все благополучно, что́ даруй Боже и впредъ. Я жъ, благодаря Господа, и со всѣми сопутниками, довольно здоровъ. Дочь моя позахворала было немного; но теперь, благодарить

Господа, опять оправляется. Погода у насъ вседовольно хороша: были маленькіе морозцы, а сегодня прогуливаюсь; мухъ еще на улицѣ видѣлъ. Вотъ тебѣ новенькое скажу: госпожа Петровская у насъ пропала, а на мѣсто ея сдѣлали госпожею Чесменскою. Они ѣздили въ Дрезденъ, тамо обвѣнчались и благополучно опять возвратились. Даруй Боже имъ и дѣтей нажить; а мнѣ бы на нихъ радоваться! Благодарю Павла Иваныча за приписку его ко мнѣ, прошу и ему отъ меня кланяться; я желаю ему всякаго благополучія.

Что вы Кабанову приказали, чтобы онъ въ казармахъ согласовался съ дворянами, оное очень хорошо; а что онъ помирился съ управителемъ князя Безбородки, я оное не принимаю. А что вы благодарите за искупленіе вашего дома, оное не такъ важно; я и впредъ вамъ радъ служить; а подождать ли вамъ или расплатиться, зависитъ отъ вашей воли. Благодарю за присланныя вами учрежденія, которыя мною получены; а какое росписаніе по рекрутству учредите, присылать ко мнѣ нужды нѣту; а какъ есть и въ дворовыхъ людяхъ невоздержнаго житья, о которыхъ Никитичъ знаетъ, таковыхъ лучше отдать въ рекруты, какъ то Коська и нарядчикъ въ Островѣ довольно продерзливы; буде годны будутъ, таковыхъ отдавать. Что княгиня Хованская выѣхала изъ дому, хорошо ею сдѣлано какъ себѣ, такъ и тебѣ; онымъ сдѣлала покой и удовольствіе. А что при продажѣ, не получа денегъ за людей, не будете подписывать, оная осторожность нужна и почти необходима, а я съ вами согласенъ, что (ссора) изъ онаго выйтить можетъ. Пишите же вы, что въ домѣ стоитъ 30 человѣкъ артилеристовъ и спрашиваете, отдать ли домъ внаймы? Лучше отдать внаймы, потому что они не весь домъ занимаютъ. А когда господинъ Мертенья переѣдетъ, онъ весь займетъ; а буде сожжетъ, кто жъ за оное заплатитъ? Отъ него же я никакого отзыва не получилъ. А вновь матеріаловъ нужно заготовлять, да можно будетъ многія бревна и изъ своего лѣсу имѣть, да и цѣна же лѣсу въ разсчисленіи Яшкою очень дорогà поставлена. Благодарю васъ за увѣдомленіе о сборахъ денежныхъ вмѣсто квартеръ, и я считаю, что гораздо лучше заплатить деньги, буде оное возметъ свое основаніе на твердомъ положеніи и буде постои съ полученія билетовъ скоро сведены быть могутъ; и это не безъ удивленія, что не могутъ и примѣрной смѣты сдѣлать, во чтó бы казармы стать могли. Буде же пожелаютъ для умѣщенія солдатъ и мой Слободской домъ купить, я съ охотою оной продамъ, хотя съ убыткомъ себѣ. Прошу объ ономъ начальникамъ дать знать, а меня увѣдомить, чтò они намѣрены за него заплатить. Тогда я могу къ вамъ вѣрющее письмо прислать. А чтó объ ономъ домѣ вы прежде уже предложеніе сдѣлали, за оное васъ благодарю. Буде же вы увѣрены, что постой навѣрно сведенъ будетъ,

то и прошу васъ по разсмотрѣнію вашему домы очищать отъ постою одинъ по другому, а за все вдругъ теперь заплатить деньгами не(льзя).

Желательно бы было, еслибы люди и въ половину мнѣ доброхотствовали, сколько я къ ихъ благополучію радъ поспѣшать. Писалъ было я къ вамъ прежде и о Мурзинѣ; но оное сдѣлалъ ошибкою въ имени; а мнѣ нуженъ скрипачъ, чтобы здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ поучился, которой живетъ у Василья Володимерыча *); буде не ошибаюсь, зовутъ его Лукьяномъ, и оное имя графиня подтвердила. И такъ вмѣсто Мурзина прислать Лукьяна сюда. И я къ Гаврилѣ писалъ, чтобы послать ихъ на своихъ лошадяхъ, нанявъ только знающаго дорогу ямщика, которой можетъ отсель лишнюю карету домой отвезти. Александръ Алексѣичъ на Аннѣ Николаевнѣ женился и сопрягли свою судьбу; я же имъ желаю всякаго благополучія. Они были нѣкоторое время скушны, а теперь, благодаря Бога, успокоились. Я думаю, что вамъ извѣстно, что я Леарда отпустилъ; но со всѣмъ онымъ никогда и ничего въ немъ такого примѣтить не могъ, каковымъ его описывали. Графиня и вся моя бесѣда благодарятъ васъ, и всѣ вамъ кланяются. Я же есмь вашъ, государя моего, готовой и охотной ко услугамъ графъ Чесменской. Прошу не поскучай только читать.

4.

№ 410. 1799 Ноября 13-го дня, изъ Теплица.

Письмо ваше подъ № 35 имѣлъ удовольствіе получить, въ которомъ увѣдомляете меня о благосостояніи домашнемъ, за что́ васъ благодарю и радуюсь сердечно, что вы здоровы и благополучны, такожъ и о всемъ подчиненномъ вамъ. Прописываете вы, что видѣли мою образину продажную у Елисаветы Аѳанасьевны, съ чего и прислали мѣрку величины, которая въ Италіи написана была тому уже болѣе 30-ти лѣтъ, и просятъ за нее 200 рублевъ. А какъ мнѣ помнится, что оная образина вышла изъ дому Ал. В. Евреинова и довольно похожа была въ то время; а теперь я самъ себя чувствую, пристарѣлъ, придревнѣлъ и въ оное время много болѣзней и печалей претерпѣлъ, слѣдственно съ теперешнимъ положеніемъ и никакого сходства уже быть не можетъ. Она же писана была въ Венеціи прежде еще морскаго похода, и заплата была за оную не выше пяти червонцевъ, а требованіе за нее слишкомъ велико можетъ быть, и оригиналъ теперь онаго не стоитъ. И такъ пусть она между руками по бѣлу свѣту погули-

*) Шереметева, который былъ пріятелемъ графу А. Г. Орлову. П. Б.

ваетъ; а что она продается, такъ видно, что она уже излишнею сдѣлалась. Сказываютъ, будто умные люди всѣхъ излишностей стараются избѣгать, напримѣръ такъ какъ корову, буде все молоко выдоили и больше уже не чаютъ получить, таковую на бойню и отсылаютъ. Оное все такъ въ свѣтѣ водится.

Прописывали вы ко мнѣ, что на Островскихъ пашняхъ хлѣба стало мало родиться, да и зерномъ очень измелѣлъ. Въ то время я къ вамъ отвѣчалъ и хотѣлъ впередъ еще отвѣчать, что́ симъ и исполняю. Прошу васъ (дѣлать) по сему разсчету, какъ на приложенныхъ бумажкахъ расписано, по которой пожелается. А мнѣ кажется, лучше можетъ быть, когда поля раздѣлятся на шесть, а не на пять частей: пшеничное, арженое, ячменное и овсяное; а другіе два участка подъ дятлину или называемой *клеверъ*; а когда дятлина съ одного участка скосится, тогда пальца на четыре дать оной вырости и потомъ унавозить и сѣять на оной пшеницу. Дятлиною же кормить однихъ коровъ; но и то не одною, чтобы онѣ не обожрались, отчего ихъ очень раздуваетъ и скоро издыхаютъ; а мѣшать можно въ кормъ, чтобы дятлины не болѣе третьей части было, а другія двѣ другаго корму, сѣна и соломы; лѣтомъ же можно и зеленую косить для коровъ, только бы оная въ плохомъ цвѣтѣ была. Сколько нужно можетъ быть для полудёнъ, только и накосить; но беречься должно, чтобы не сопрѣвала въ кучѣ, такожъ и на ночь онаго корму накашивать. Косить же оную, когда солнце росу уже обогрѣетъ; но лошадямъ въ кормъ не велѣть давать, окромѣ рабочихъ и разъѣзжихъ лошадей, да и тогда мѣшая съ другимъ, сѣномъ или съ соломою. Не худо сдѣлаете, ежели и въ Хатунѣ прикажете таковымъ же образомъ учредиться. А можетъ быть навозу не достанетъ для унавоживанія одного участка земли; въ такомъ случаѣ должно прибѣгнуть къ негашеной извести, чтобы источа или смоловъ оную жерновами, а послѣ развозить по кучкамъ и разсыпать по землѣ на полпальца толщины и потомъ запахать. Буде же вамъ что́ сумнительно покажется, прошу васъ со мною объ ономъ объясниться, потому что время есть еще довольно для онаго, чтобы можно было объясниться.

(Сообщено съ подлинниковъ А. А. Матвѣевымъ).

ОПИСАНІЕ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВІЯ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ ДОНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ 1812-го ГОДА.

Настоятель монастыря, бывшій архимандритъ Іоаннъ, выѣхалъ изъ монастыря 31-го числа Августа ввечеру на пяти повозкахъ. Съ нимъ были казначей и двое монашествующихъ. Штатные служители оставались при своихъ семействахъ. Убираться начали съ 27-го числа, по полученіи указа. Убирали однѣ ризничныя вещи движимыя, которыя не на виду, какъ-то Евангелія, сосуды, ризы и шапки, часть лампадъ, подсвѣчники и паникадила серебряныя и все то, что̀ можно было взять изъ золотыхъ, серебряныхъ и жемчужныхъ вещей. Образа̀ со всѣмъ украшеніемъ оставлены, изъ опасенія, какъ увѣряетъ отецъ архимандритъ Іоаннъ, чтобы народъ не встревожить.

Такимъ образомъ пріѣхали въ Кремль и, соединившись съ ризницами прочихъ монастырей, выѣхали изъ Москвы въ Вологду на разсвѣтѣ 1-го числа Сентября, подъ распоряженіемъ члена Синодальной Конторы архимандрита Симеона, что̀ нынѣ епископъ Тульскій [1]).

Въ дорогѣ ничего не встрѣтилось замѣчательнаго. Принимаемы были вездѣ усердно, особливо преосвященными Ярославскимъ и Вологодскимъ [2]). Прибыли въ Вологду 4-го Октября благополучно и жили въ Прилуцкомъ монастырѣ по 12 число Декабря, до полученія указа изъ Св. Синода отправиться въ Москву, куда возвратились 23 Декабря.

Отъѣзжая съ ризницею, настоятель препоручилъ монастырь намѣстнику іеромонаху Вассіану и выдалъ на содержаніе братіи по 50 р., а прочую сумму взялъ съ собою, оставя намѣстнику на всякій случай еще до 1500 рублей, которую намѣстникъ спряталъ, и она уцѣлѣла. По отъѣздѣ настоятеля, при самомъ входѣ непріятеля, шесть человѣкъ выпросили отъ намѣстника паспорты и, до вторженія въ мо-

---

[1]) Симеонъ 27 Февраля 1816 г. изъ архимандритовъ Донскаго монастыря посвященъ въ епископа Тульскаго. Слѣд. это „Описаніе" составлено около четырехъ лѣтъ послѣ событій. П. Б.

[2]) Въ Вологдѣ преосвященнымъ былъ тогда славный Евгеній (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій). П. Б.

настырь, удалились въ другія губерніи или по монастырямъ, или къ сродникамъ. Осталось въ монастырѣ осьмнадцать человѣкъ.

Непріятель взошелъ въ Москву 2-го числа Сентября. 3-е число въ монастырѣ была служба. Ворота кругомъ были заперты. Многія партіи пріѣзжали и ломились, требовали хлѣба и вина. Хлѣбъ имъ подавали съ ограды и въ подворотню; а въ монастырь во весь тотъ день не пустили непріятеля. Вломились было нѣсколько человѣкъ въ окно въ сторожкѣ, выломавши рѣшетку; но штатными вытѣснены, и окно кирпичемъ закладено.

Того-же числа въ 8 час. вечера зажгли непріятели у воротъ калитку. Видя опасность, всѣ монашествующіе и немалая часть народа бросились въ соборную церковь и заперлись; остальной народъ разсѣялся въ разныя мѣста по монастырю. Взошли въ монастырь до 200 Французовъ, всѣ вооруженные; а къ разсвѣту весь монастырь былъ полонъ непріятелями и ихъ повозками. Сперва бросились въ настоятельскія и братскія келіи съ большими восковыми въ рукахъ свѣчами. Часу въ 12-мъ обратились къ церквамъ. Входъ на паперть въ соборную церковь былъ запертъ. Выстрѣлили въ окно и влѣзли на паперть. Слыша, что есть въ церкви народъ, начали стучать и хотѣли ломать двери. Видя опасность, намѣстникъ выслалъ боковою дверью пономаря съ ключами отперет переднюю дверь, народу позволя бѣжать изъ боковой двери. Монашествующіе стали среди церкви, ожидая рѣшительной судьбы. Намѣстникъ надѣлъ епитрахиль и взялъ въ руки крестъ, думая, что всѣ будутъ лишены жизни.

Отворивши дверь и увидя монаховъ, Французы пріостановились на порогѣ и кричали: казаки, казаки! Услыша и увѣрившись, что то были не казаки, а монахи (которыхъ они послѣ называли Капуцинами), вбѣжали въ церковь и разсыпались, иные къ лампадамъ, хватая свѣчи, другіе въ алтарь, третьи начали раздѣвать монаховъ и требовать золота и серебра. Намѣстника больно били, ризничему голову проломили, всѣхъ грозили обнаженными саблями изрубить, если не выдадутъ денегъ и сокровищъ. Іеромонаха Иринея, нынѣшняго намѣстника, изранили по рукамъ и ногамъ саблями и штыками; впрочемъ болѣе никого саблями не рубили, а только били ружьями и палашами.

Наконецъ, полунагіе монахи разбѣжались и заклались нѣкоторые въ башнѣ. Старичекъ Веніаминъ пробылъ въ церкви до тѣхъ поръ, какъ стали вынимать образа, сдирать ризы и рвать лампады. Тогда и онъ скрылся.

На другой день уже найдено все разломаннымъ: и церкви, и ризница, и келіи. Въ церквахъ многіе образà раскиданы, иные расколоты. Изъ ризницы, кои не увезены, ризы парчевыя таскали и выжигали

середи монастыря. Одежды съ престоловъ сорваны. Ризница обращена въ кофейню. Келіи были полны народомъ.

Съ недѣлю не видно было никакой команды. Заклавшіеся въ башнѣ были найдены, и намѣстникъ опять битъ былъ жестоко, и строго запрещено укрываться.

Съ сего времени монахи употребляемы были въ разныя работы: носить воду, топить печи, копать картофель, носить разные запасы изъ города подъ ихъ карауломъ. Положеніе было самое трудное. Въ разодранныхъ рубищахъ, изнуренные голодомъ, мучены были безпрестанною работою. Замѣчательно то, что ни за кѣмъ не гонялись, кто вырывался изъ ихъ рукъ и скрывался, и послѣ не мстили за побѣгъ.

Спустя съ недѣлю по вторженіи, въ монастырь поставлена часть полка 2-й гвардіи и разставлены у воротъ караулы. Въ настоятельскихъ покояхъ остановился генералъ. Никто не знаетъ его имени, а только то вѣрно знаютъ и видѣли, что онъ взятъ въ плѣнъ подъ Малоярославцемъ и проведенъ въ Калужскую заставу мимо монастыря. Въ малыхъ настоятельскихъ покояхъ, что у воротъ, стоялъ капитанъ изъ Грековъ. Онъ былъ очень милостивъ къ монахамъ, и они все варили для себя на его кухнѣ. Съ сего времени хотя и употребляемы были въ работы, но жили въ совершенной безопасности.

Непріятели жили во всѣхъ церквахъ; а въ теплой церкви стояли лошади, въ алтарѣ коровы, къ престолу привязанныя. На престолѣ обѣдали.

Генералъ вскорѣ по вступленіи потребовалъ къ себѣ всѣхъ монаховъ. Они явились въ камилавкахъ. Увидя, весьма разсердился, сказавши: какъ вы смѣли явиться въ шапкахъ! Не слушая оправданія, что они и въ церкви такъ служатъ, приказалъ солдатамъ камилавки сорвать. Потомъ требовалъ хлѣба, вина, пива и прачекъ. Какъ они не могли ничего отыскать, то строго пригрозилъ; впрочемъ отпуская, приказалъ жить въ монастырѣ и служить въ церквахъ. Монахи одну церковь очистили и хотѣли служить хотя часы; но вскорѣ пришли солдаты и расположились въ церкви жить.

Около 20-го числа былъ въ монастырѣ Наполеонъ. Гвардія построилась за воротами, генералитетъ остановился у рѣшетки, которая между воротами и соборомъ; самъ на бѣлой лошади подъѣхалъ къ крыльцу собора, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ на соборъ, потомъ на правую и на лѣвую сторону и поѣхалъ назадъ. Болѣе въ монастырѣ не бывалъ.

Наконецъ, братіи не могли долѣе жить въ монастырѣ. Переводчики, довольно познакомившись, говорили, что скоро они пойдутъ изъ Москвы, и весьма вѣроятно, что монаховъ возмутъ въ армію и обра-

тятъ въ солдатъ, особливо которые посильнѣе и помоложе. Это ихъ весьма устрашило, особенно потому, что Русскихъ заставятъ воевать противъ Россіи. Но куда обратиться, не знали; ибо непріятели увѣряли, что всѣ города забраны, и Петербургъ. Между тѣмъ 22-го числа пришелъ одинъ служитель изъ Троицкой Сергіевой Лавры и увѣдомилъ, что Лавра не взята, что непріятели по Троицкой дорогѣ только на семь верстъ отъ Москвы, что въ Малыхъ Мытищахъ стоятъ казаки. Получа сіе извѣстіе, они рѣшились бѣжать.

Какъ при воротахъ монастырскихъ стоялъ караулъ, то и нельзя было открыто уйти. Итакъ вылѣзли изъ башни въ окно, пробитое непріятелями. Выходили не всѣ вдругъ, а человѣкъ по пяти, отъ 22-го по 27-е число Сентября. Остались только два престарѣлые, ризничій Иларіонъ и свѣчникъ Веніаминъ, которые и жили до самаго конца въ монастырѣ, въ кухнѣ у Французовъ.

Бѣжавшіе шли черезъ городъ и вышли черезъ валъ, иные подлѣ Преображенской, иные подлѣ Троицкой заставы. Пробирались сквозь лѣсъ, выходили на большую Троицкую дорогу противъ Малыхъ Мытищъ и далѣе. Тутъ случилось видѣть отличнаго проворства оныхъ козаковъ. Сіи спросили ихъ, не видали ли Французовъ? Тѣ отвѣчали, что проѣхали трое для фуражу у деревни Райкова, верстахъ въ трехъ отъ Мытищъ. Тужъ минуту казаки на лошадей, птицами полетѣли, и пока монахи тутъ отдыхали, казаки привели Французовъ.

Проживали монахи до возвращенія иные въ Троицкой Лаврѣ, иные въ Пѣшношѣ, другіе въ другихъ мѣстахъ.

Оставшіеся старцы только то сказываютъ, что при нихъ гвардейскій полкъ вышелъ и постановились другіе, которыхъ дисциплина была гораздо слабѣе, и потому болѣе вольности. Не говоря о другихъ мѣстахъ, въ самыхъ царскихъ вратахъ Сергіевской церкви совершено богомерзкое студодѣяніе...

Описываютъ и голодъ непріятелей. Они отнимали у монаховъ печеный картофель и хлѣбъ со стола. У капитанскихъ покоевъ навалены были кучи галокъ и воробьевъ, которыхъ варили и жарили.

Къ чести Грековъ сказываютъ, что не только капитанъ, но и солдаты изъ Грековъ поступали съ ними ласково и даже утѣшали. Одинъ Грекъ потребовалъ замка̀, старецъ ему принесъ. Онъ поцѣловалъ у него руку и три раза призывалъ къ себѣ и потчивалъ рыбою, винными ягодами, виномъ и полпивомъ.

Одинъ только разъ капитанъ показалъ страхъ ризничему, но тотчасъ и загладилъ. Призвавши его, поставилъ на колѣни между обнаженными шпагами и требовалъ, чтобъ сказалъ: гдѣ вашъ большой господинъ, разумѣя архимандрита. Когда старецъ подъ клятвою увѣрялъ,

что не знаетъ, то приказалъ солдатамъ вложить шпаги, старику встать и, успокоя его словами, поднесъ рюмку вина.

Предъ самымъ выходомъ непріятеля, возвратился намѣстникъ. Непріятели знали оставшихся старцевъ и, видя незнакомаго, почли его за казака и больно били. Узнавши, старцы прибѣжали и защитили, увѣривши, что это ихъ братъ. Такимъ образомъ трое дождались выхода.

Вотъ все, что можно было отобрать отъ бывшаго тогда настоятеля, монаховъ и штатныхъ служителей. Зданія монастырскія ни одно не сожжено.

Когда вышли непріятели изъ Москвы, нѣкоторые изъ нихъ, уклонясь отъ арміи, замедлили по домамъ штатныхъ служителей. Казаки тотъ же день всѣхъ ихъ перехватали и увели за заставу.

Собирались монашествующіе въ монастырь не въ одно время; иные спустя дня два, иные недѣлю, очень немногіе черезъ мѣсяцъ.

По пріѣздѣ настоятеля, церкви освящаемы были одна за другою, какъ могли приготовить утварь, одежды на престолы и жертвенники и поставить иконы. Теплая освящена 1813 г. Генв. 4, придѣлъ Ѳедора Стратилата—Февр. 18-го, придѣлъ Сергія чудотворца—Марта 2-го, соборъ—Августа 10-го, церковь Михаила Архангела — Сент. 11-го, церковь Срѣтенія Господня — 1815 г. Мая 20-го, церковь Тихвинскія—того же года Іюня 24-го, а церковь Захарія и Елисаветы въ колокольнѣ и церковь между монументами, построенная графомъ Зубовымъ, еще не освящены.

Въ соборной церкви мѣстные образа, ограбленные врагами, украшены вновь серебряными ризами, вкладомъ Донскихъ казаковъ, которые пожертвовали десять пудъ серебра и десять тысячъ деньгами, при письмѣ его сіятельства графа Матвѣя Ивановича Платова. Ризъ для священнослуженія устроено до сорока изъ парчевыхъ покрововъ, полагающихся въ Донскомъ монастырѣ.

(Сообщено съ современной рукописи Сергѣемъ Павловичемъ Тимофѣевымъ).

КЪ БІОГРАФІИ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ПАСКЕВИЧА.

Читатели наши помнятъ, конечно, полныя исторической важности и живой занимательности Записки князя И. Ѳ. Паскевича, извлеченныя нами изъ обширнаго труда князя А. П. Щербатова. (Р. Архивъ 1889, вып. 3-й) Нынѣ вышелъ второй томъ этой подробной біографіи, обнимающій собою съ небольшимъ одинъ годъ жизни князя Паскевича, именно съ назначенія его на Кавказъ до покоренія Эривани. Въ эту пору онъ становится извѣстенъ во всей Россіи и Европѣ. Николай Павловичъ одолженъ былъ ему первымъ славнымъ событіемъ своего царствованія, начавшагося при обстоятельствахъ столь прискорбныхъ. Паскевичъ оправдалъ собою выборъ молодаго Государя, и побѣдоносный миръ съ Персіею укрѣпилъ собою новые пріемы управленія, столь непохожіе на Александровскіе. Этимъ успѣхомъ окончилась война, на которую самъ Государь намѣревался поѣхать *). Она началась вторженіемъ Персіянъ 16 Іюля (черезъ 3 дни послѣ казни декабристовъ), и вѣсть о ней разнеслась въ то время, когда пріѣхалъ въ Москву изъ Варшавы Великій Князь Константинъ Павловичъ, появленіе котораго на Московскихъ улицахъ всякій разъ сопровождалось громаднымъ скопленіемъ народа. „Неужели я такъ несчастливъ, говорилъ тогда Николай Павловичъ, что едва я только коронуюсь, и даже Персіяне уже взяли нѣсколько нашихъ областей.“ Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, молодому Государю приходилось терпѣть за ошибки предъидущаго царствованія. Извѣстно, что усталый отъ безпрестанныхъ войнъ, императоръ Александръ избѣгалъ новыхъ столкновеній и предписывалъ Ермолову миролюбіе, тогда какъ Англичане подъ шумокъ вооружали Персію, и честолюбіе Аббаса-Мирзы становилось съ каждымъ годомъ опаснѣе. Кажется, что Николай Павловичъ лично почти не зналъ Ермолова, тогда какъ съ Паскевичемъ подружилъ его самъ покойный Государь еще въ 1814 году, въ Парижѣ, гдѣ по цѣлымъ часамъ, вдвоемъ съ Паскевичемъ, съ разложенными планами, будущій императоръ разбиралъ всѣ движенія и битвы недавнихъ великихъ войнъ. Паскевичъ на 14 лѣтъ былъ старше Николая Павловича, который могъ замѣтить его еще въ первой своей молодости, когда тотъ былъ пажемъ. Позднѣе, отъ брата своего Михаила Павловича, съ которымъ Паскевичъ путешествовалъ по Россіи и Европѣ, Николай Павловичъ долженъ былъ узнать про душевное благородство Паскевича,

---

*) См. 108 стр. Приложеній ко 2-му тому книги князя Щербатова.

про рыцарскій образъ его мыслей; а въ 1821 году, командуя гвардейскою бригадою и находясь подъ начальствомъ Паскевича, онъ полюбилъ его еще болѣе.

11 Августа 1826 г. командованіе войсками противъ Персіянъ поручено было Паскевичу подъ главнымъ начальствомъ Ермолова. Обоимъ военачальникамъ довелось отъ этого пережить немало тяжкихъ минутъ. При значительной разницѣ въ лѣтахъ Ермоловъ и Паскевичъ были люди совершенно разные. Первый, почти бѣднякъ, жившій службою, уже испыталъ заточеніе и ссылку при Павлѣ, закалился въ превратностяхъ счастія; второму судьба постоянно улыбалась: онъ былъ богатъ и самъ, и по женитьбѣ, имѣлъ давнія связи при дворѣ, и блестящая служба служила дополненіемъ его благосостоянію. Ермоловъ былъ постоянно себѣ на умѣ; Паскевичъ, напротивъ, отличался довѣрчивостью къ людямъ, пламеннымъ воображеніемъ, горячностью и пылкою впечатлительностью. Ермолова нельзя было не уважать, Паскевича (въ первую половину его славнаго поприща)—не любить.

Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 29 Августа 1826 года. Въ отрывкахъ изъ Записокъ его, помѣщенныхъ во 2-мъ томѣ его біографіи, содержатся подробности неопредѣленныхъ и странныхъ отношеній между нимъ и Ермоловымъ. 13 Сентября Паскевичъ уже выигралъ Елисаветпольское сраженіе, за которое получилъ шпагу, украшенную алмазами и слѣдующее письмо отъ Государя, писанное изъ Москвы, передъ выѣздомъ оттуда послѣ праздниковъ коронаціи.

„Москва, 28 Сентября 1826 года.

Получивъ отъ васъ извѣстіе объ одержаной вами побѣдѣ, *первой въ мое царствованіе*, и пріемля оную, какъ знакъ видимой благодати Божіей на васъ, мнѣ душевно пріятно, любезный мой Иванъ Ѳедоровичъ, старый мой командиръ, что предсказаніе мое вамъ при прощаніи сбылось. Не менѣе того, *я увѣренъ, что, еслибъ не ваши стараніе и умѣніе, такихъ послѣдствій не было бы, и, зная это, послалъ я васъ.* Теперь надо не довольствоваться симъ добрымъ началомъ; когда можно, и первыя подкрѣпленія подоспѣютъ, идти должно *pour rendre la visite.* Свѣдѣнія, которыя кн. Меньшиковъ намъ доставилъ объ Эриванѣ, доказываютъ, что надо ожидать въ Эриванѣ главнаго сопротивленія, и что безъ осады не обойдется; потому должно къ тому приготовиться. Я писалъ къ г. Ермолову, что я считаю возможнымъ взять крѣпостныя орудія изъ ближнихъ крѣпостей; минеръ я высылаю нѣкоторое число отсюда; но все сіе требуетъ время. Рѣшить должно, можно ли войти въ Персію и, дойдя до Аракса, блокировать Эривань до прибытія осадныхъ принадлежностей; во всякомъ случаѣ желательно не давать Персіянамъ опомниться. Стало, чѣмъ скорѣе появимся мы у нихъ, тѣмъ считаю лучше.

Я жду списка отъ васъ представляемыхъ къ наградамъ. Невольно вспоминаю Вильну, и какъ мы оба, лежа на *брюхѣ* на столахъ, воевали и спорили до слезъ. Вотъ судьба!

Прощайте, любезный Иванъ Өедоровичъ; моя благодарность и дружба вамъ всегда принадлежатъ. Искренно вамъ доброжелательный

Николай».

Паскевичъ намѣревался преслѣдовать Аббаса-Мирзу до столицы его Тавриза; но Ермоловъ, по своимъ соображеніямъ, не дозволилъ ему этого движенія, и только черезъ 11 мѣсяцевъ Тавризъ былъ покоренъ Н. Н. Муравьевымъ (о чемъ читатели знаютъ по его Запискамъ въ IX-мъ и въ X-мъ выпускахъ „Русскаго Архива" нынѣшняго года). За тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тянулся рядъ пререканій. Въ исходѣ Ноября Паскевичъ просилъ Государя отозвать его обратно въ Россію. „Отъ безхлѣбья войну остановили—писалъ Н. Н. Раевскій своему отцу—даемъ Аббасъ-Мирзѣ оправиться и снова въ силу взойти".

Заболѣвшему отъ всяческихъ тревогъ и отъ непривычнаго климата Паскевичу Государь писалъ:

„Петербургъ, Генваря 31-го 1827.

Давно я къ вамъ не писалъ, любезный Иванъ Өедоровичъ; я ждалъ случая писать къ вамъ совершенно на свободѣ, что̀ времени мнѣ не было исполнить досель.

Я съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ читалъ всѣ ваши донесенія, часто раздѣлялъ ваше мнѣніе и съ сожалѣніемъ видѣлъ, что часто съ наилучшими намѣреніями не всегда можно вести къ цѣли желаемой предпринятое дѣло. Вы меня вѣрно понимаете, вы все исполнили, чего требовать я могъ, и повѣрьте, цѣню ваше усердіе и желаніе пользы; прочее не въ вашихъ силахъ было. Чрезъ васъ узналъ я настоящее положеніе вещей, и поэтому долженъ принять рѣшительныя мѣры. Вслѣдъ за Опперманомъ будетъ къ вамъ г. Дибичъ, *что я вамъ однимъ даю знать*. Его пріѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ хранить сіе въ тайнѣ и не показывать по пріѣздѣ его, чтобы вы объ этомъ прежде знали. Онъ мной совершенно уполномоченъ дѣйствоватъ, какъ обстоятельства потребуютъ. Я все надѣюсь, что съ вашимъ усердіемъ и опытностью можетъ все придти въ должное положеніе, бывъ *настросно* начальникомъ моего штаба. Прочее онъ вамъ самъ объяснитъ. Если же иныя мѣры нужны будутъ, моя воля рѣшительна, и ничто ее не остановитъ. Но крайностей избѣгать есть мой долгъ.

Я все надѣюсь, что нынѣшній покой послужитъ хотя къ вашему излеченію, если болѣзнь только не столь же нравственна, какъ тѣлесна: на первое труднѣе дѣйствовать, чѣмъ на послѣднее.

Еслибъ исполнено было по нашему, можетъ быть, были бъ мы уже въ Тавризѣ о сю пору, что́ мнѣ послѣдній походъ Мадатова за Араксъ еще болѣе доказываетъ, вопреки *тамошнихъ увѣреній*. Но съ Божьею помощью все будетъ къ лучшему. Прощайте, любезный Иванъ Өедоровичъ. Моя старая дружба вамъ извѣстна; она неизмѣнна такъ, какъ и моя благодарность. Вашъ искренній Н.

Жена моя вамъ кланяется».

Вѣрный царственному долгу избѣгать крайностей, Государь вскорѣ за тѣмъ послалъ на Кавказъ начальника Главнаго Штаба Дибича, который и прибылъ въ Тифлисъ 20 Февраля 1827 года. Донесенія и письма Дибича очень любопытны между прочимъ и по отношенію къ Декабристамъ: Ермоловъ обиженъ Петербургскими подозрѣніями въ его потворствѣ этимъ людямъ и хвалится тѣмъ, что прогналъ отъ себя Кюхельбекера (въ Приложеніяхъ, стр. 199). Какъ извѣстно, усилія Дибича разграничить отношенія между Паскевичемъ и Ермоловымъ не имѣли успѣха. Послѣдній изъ нихъ оказалъ нѣкоторую податливость и даже совсѣмъ было склонилъ посредника на свою сторону; Паскевичъ же оставался вѣренъ себѣ. Но біографъ его напрасно пишетъ (стр. 179), будто нерасположеніе къ Ермолову раздѣлялъ съ Паскевичемъ и М. С. Воронцовъ: ихъ переписка, обнародованная въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года и въ 37-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ свидѣтельствуетъ, напротивъ, о постоянной дружбѣ, и позднѣе, будучи намѣстникомъ Кавказскимъ, Воронцовъ, въ общихъ пріемахъ войны, былъ продолжателемъ дѣйствій Ермолова. Точно также напрасно князь А. П. Щербатовъ объясняетъ (стр. 295) нерасположеніе Н. Н. Муравьева къ Паскевичу однимъ честолюбіемъ и неполученіемъ должности начальника корпуснаго штаба. Тутъ опять сказалась полная разница характеровъ, положенія и обстановки. Снизу, иной разъ не видать общаго хода дѣлъ. То что́ казалось Муравьеву извѣтомъ и доносомъ было слѣдствіемъ пылкой изъявительности и весьма естественнаго раздраженія, производимаго Кавказскимъ Цезаремъ, какъ называли Ермолова въ Петербургѣ. Беззавѣтно преданный исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, весь погруженный въ свое дѣло, Муравьевъ иногда не имѣлъ возможности оглянуться кругомъ, и нѣкоторые его отзывы и приговоры очевидно отличаются односторонностью; но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ всякій разъ о томъ заявляетъ въ драгоцѣнныхъ своихъ Запискахъ, безъ которыхъ теперь немыслима исторія Кавказскихъ событій. Будущему историку предстоитъ нелегкая, но чрезвычайно важная задача выяснять, кто тутъ былъ правъ и виноватъ.

Самъ Дибичъ во многомъ оправдывалъ передъ Государемъ Ермолова и не скрывалъ недостатковъ Паскевича. Дибичъ называетъ Муравьева человѣкомъ „свѣдущимъ, скромнымъ и къ службѣ усерднымъ“, и по его предложенію Муравьевъ былъ назначенъ въ помощники начальника корпуснаго штаба. Дибичъ предлагалъ Государю замѣнить Ермолова Витген-

штейномъ, но это предположеніе было скоро оставлено. Нѣкоторое время Дибичъ ласкался даже мыслью о томъ, чтобы самому перейти изъ посредника въ дѣятеля. Между тѣмъ зимнее время, когда останавливаются военныя дѣйствія, кончалось; неопредѣлительность отношеній тяготила не только Кавказскихъ военачальниковъ, но и самаго Государя, который для развѣдокъ послалъ на Кавказъ, въ послѣднихъ числахъ Февраля 1827 года, своего любимаго флигель-адъютанта В. Ѳ. Адлерберга. Можно думать, что свѣдѣнія, отъ него полученныя, привели Государя къ рѣшительной мѣрѣ, т. е. къ смѣнѣ Ермолова Паскевичемъ, который съ 28 Марта 1827 года вступилъ въ командованіе Кавказскимъ корпусомъ войскъ и въ управленіе Кавказскимъ краемъ. Государь потребовалъ отъ Дибича, чтобы эта смѣна „совершилась безъ шума, безъ скандала, безъ оскорбленія". „Вы отстраните—писалъ онъ ему—всякую комедію и неумѣстныя слезы; пусть все совершится въ порядкѣ и съ достоинствомъ". Военныя дѣйствія вслѣдъ за тѣмъ начались, но только осенью увѣнчались взятіемъ Эривани и Тавриза. Дибичъ уѣхалъ въ Петербургъ 30 Апрѣля. Отъѣздъ Ермолова описанъ въ Запискахъ Н. Н. Муравьева и въ Воспоминаніяхъ А. С. Гангеблова.

Второй томъ біографіи князя Паскевича, съ его обширными и важными приложеніями, внушаетъ читателю сочувствіе къ Государю Николаю Павловичу. Невольно вспоминаются тогдашніе стихи Пушкина:

Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, заботами, трудами.

Пожелаемъ, чтобы почтенный трудъ князя А. П. Щербатова продолжался и будемъ ждать появленія въ печати третьяго тома. П. Б.

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ *).

101. Изслѣдованіе о скопческой ереси. Напечатано по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 1844 8°. 238 стр.

Изслѣдованіе о скопческой ереси составлено по порученію министра внутреннихъ дѣлъ графа Л. А. Перовскаго В. И. Далемъ и напечатано было въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, менѣе 20, въ видѣ рукописи, и тѣ, по удостовѣренію П. И. Мельникова, почти всѣ сгорѣли. По свидѣтельству П. И. Бартенева, печатаніе книги не было окончено, потому что Н. И. Надеждинъ взялся написать изслѣдованіе о томъ же предметѣ болѣе подробное. Книга чрезвычайно рѣдка. С. А. Соболевскій признаетъ ее болѣе рѣдкой, чѣмъ изслѣдованіе о скопцахъ Надеждина. Въ Имп. Публ. Библіотекѣ и Румянцевской изслѣдованія Даля нѣтъ, равно какъ и въ извѣстныхъ мнѣ частныхъ собраніяхъ. Въ Чертковскую библіотеку экземпляръ поступилъ отъ самого Даля съ его надписью: „Книжницѣ Григорія Александровича Черткова"; но экземпляръ этотъ, безъ титула и безъ конца, оканчивается 210 стр. Въ моемъ же экземплярѣ, поступившемъ ко мнѣ отъ В. Я. Рошфора, а къ нему изъ библіотеки Требенева—238 стр., и нужно полагать, что болѣе и не было напечатано. Судя по оглавленію „приложенія", въ книгѣ недостаетъ только „снимка съ скопческаго паспорта", который предполагался къ помѣщенію, но не былъ помѣщенъ, а помѣщенъ былъ въ изслѣдованіи Надеждина. Оглавленіе изслѣдованія Даля напечатано на поляхъ книги. Оно слѣдующее: 1) Общее введеніе, 2) происхожденіе скопцовъ, 3) распространеніе скопчества, 4) вредность скопческой ереси, 5) лжетолкованія Св. Писанія, 6) способъ оскопленія, 7) басни, обращающіяся у скопцовъ, 8) историческая основа баснословія скопцовъ, 9) Лжехристъ Кондратій Селивановъ, 10) Лже-Предтеча Шиловъ, 11) купецъ Колесниковъ, 12) догматическое ученіе скопческой ереси, 13) обрядъ пріема, 14) обрядъ общаго моленія, 15) пророки и пророчицы, 16) изображенія и другія вещи, 17) единомысленность и братство, 18) гражданскія и государственныя отношенія, 19) причины и средства нынѣшняго распространенія скопчества, 20) заключеніе. Изслѣдованіе оканчивается 146 стр. Слѣдующая за тѣмъ страница не нумерованная съ заглавіемъ „приложеніе"; на оборотѣ ея слѣдующее оглавленіе: I) такъ называемыя у скопцовъ „страды" Лже-Христа Селиванова, II) скопческія духовныя пѣсни,

*) См. выше, „Русскій Архивъ" III, 84.

и III) снимокъ съ скопческаго паспорта. Съ 147 стр. помѣщены „страды", съ 187 стр. скопческія духовныя пѣсни, всѣхъ 37 (въ экземплярѣ Чертковской библіотеки 22), изъ которыхъ двадцать собраны изъ разныхъ показаній въ Соловецкомъ монастырѣ, четыре въ Бѣжецкомъ уѣздѣ и остальныя взяты изъ дѣла о скопцѣ унтеръ-офицерѣ Миронѣ Данильчиковѣ. Къ этому изслѣдованію кромѣ снимка съ скопческаго паспорта предназначались для приложенія пять литографій, изображающихъ скопческіе обряды. Они слѣдующіе: 1) приводъ, 2) оскопленіе, 3) радѣніе одиночное и пророчество мущины, 4) радѣніе одиночное и пророчество женщины и 5) радѣніе корабельное. Всѣ эти литографіи, составляющія чрезвычайную рѣдкость, также находятся въ моей библіотекѣ. Здѣсь прилагаются съ послѣднихъ трехъ картинъ фототипическіе снимки, исполненные въ фотографіи Фишера, бывшей Дьяговченка. Радѣніе одиночное и пророчество мущины сдѣлано почти въ натуральную величину подлинника, а остальныя двѣ въ уменьшенномъ видѣ.

Бартеневъ 3570.—Всемірная Иллюстрація 1872 г. № 207.—Россійская Библіографія 1880 г. № 19, стр. 414.

102. Изслѣдованіе о скопческой ереси. Напечатано по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 1845. 8°. 2 нен. 384 нум. стр. Приложеніе: 2 нен. и 120 нум. съ 7 рис.

Это изслѣдованіе о скопчествѣ принадлежитъ Н. И. Надеждину. Оно составлено болѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ изслѣдованіе Даля, описанное подъ № 101. Книга напечатана въ числѣ 25 экземпляровъ для членовъ комиссіи, учрежденной для изслѣдованія злоупотребленій, происходившихъ отъ скопческой секты. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Липранди. Изслѣдованіе о скопческой ереси занимаетъ собою 384 стр. Оглавленіе его помѣщено на поляхъ книги. Оно слѣдующее: 1) Общее введеніе, 2) происхожденіе и исторія скопцовъ, 3) религіозное значеніе скопчества, 4) скопцы въ Россіи, 5) явленіе скопчества, какъ ереси, 6) баснословіе, составляющее тайную сущность скопческой ереси, 7) историческая основа скопческаго баснословія: а) Лже-Христъ и Лже-Царь Селивановъ, б) Лже-Предтеча Александръ Ивановичъ, в) Лже-Богородица Акулина Ивановна, г) другія позднѣйшія Лже-Богородицы, 8) ересь скопческая родилась изъ ереси, называемой христовщиною или хлыстовщиною, 9) дѣйствіе оскопленія какъ понимается и какъ совершается у скопцовъ: а) разные виды оскопленія, б) оскопленіе женщинъ, в) гдѣ, когда и какъ оскопленіе производится, 10) обрядъ принятія въ скопческую секту, 11) богомоленіе, совершаемое въ скопческихъ сборищахъ: а) время молитвенныхъ собраній, б) призываніе Св. Духа, в) бесѣда или пророчествованіе, иначе хожденіе въ словѣ, г) радѣнія, д) пѣсни, е) причащенія, ж) мѣста молитвенныхъ собраній, з) какъ совершалось богомоленіе скопцовъ въ Петербургѣ въ личномъ присутствіи Лже-Искупителя, 12) внутреннее устройство и братскій союзъ скопческой

секты, 13) отношеніе скопческой секты къ православной церкви: а) по содержимому вѣроученію скопцы не только не православные, но и не христіане, б) внѣшняя приверженность скопцовъ къ православной церкви есть лицемѣріе, 14) признаки, изобличающіе принадлежность къ скопчеству, 15) статистика скопцовъ, 16) причины распространенія скопческой ереси, 17) общія соображенія и выводы о скопческой ереси: а) въ отношеніи нравственномъ, б) въ отношеніи гражданскомъ, в) въ отношеніи государственномъ, 18) заключеніе. Изслѣдованіе оканчивается на 384 стр. Слѣдующія двѣ страницы ненумерованыя, на которыхъ напечатано оглавленіе „приложенія". Приложеніе занимаетъ собою 120 стр. Въ „приложеніяхъ" помѣщены страды Лже-Христа, посланія Лже-Христа, скопческія духовныя пѣсни (всѣхъ пѣсней 55) и образцы скопческихъ пророчествъ. На особо-приложенныхъ листахъ находятся слѣдующіе рисунки: 1) снимокъ съ скопческаго паспорта, 2) портретъ Кондратія Селиванова, 3) портретъ Александра Ивановича Шилова, 4, 5, 6) снимки съ картинъ, отобранныхъ у скопцовъ и 7) видъ памятника на могилѣ Шилова въ Шлисельбургѣ. Въ 1862 г. эмигрантъ В. Кельсіевъ перепечаталъ эту книгу въ Лондонѣ. Изслѣдованіе Надеждина о скопчествѣ считается одною изъ весьма рѣдкихъ книгъ. Я купилъ ее въ антикварномъ магазинѣ Мартынова за 100 рублей.

Геннади 186.—Бартеневъ 3571.—Березинъ-Ширяевъ 1873 г. стр. 177.—Россійская Библіографія 1880 г. № 19, стр. 144.

103. Изслѣдованіе христіанства. Переводъ съ Англинскаго. Въ Яссахъ 1790 года. 4°, 190 нум. страницъ.

По мнѣнію Геннади „изслѣдованіе христіанства принадлежитъ Іоанну Арндту. Изслѣдованіе переведено Л. Сѣчкаревымъ и посвящено князю Григорію Александровичу Потемкину-Таврическому. Книга напечатана въ Яссахъ, въ походной типографіи, при главной квартирѣ Потемкина-Таврическаго.

Сопиковъ 4514. Плавильщиковъ 1373. Смирдинъ 776. Бартеневъ 695. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 1851 г. стр. 4. Лонгиновъ Библіографическія Записки 1857 г. № VII, Геннади 68. Губерти III, 152.

Готье 11, 10 р. Шибановъ XIII—1316, 10 р. (поврежденный экземпляръ). Клочковъ 17883, 10 р. Шибановъ XXVI—908, 10 руб. Готье 5002, 10 р. Шибановъ XXXIV—17, 5 руб. (неполный экземпляръ).

104. Изслѣдованіе юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательствѣ судебномъ съ генеральнымъ регламентомъ, съ уставомъ главнаго магистрата, и съ инструкціями городскихъ магистратовъ, словеснаго суда и гильдіи, съ уставомъ же таможеннымъ старымъ и новымъ, съ ихъ конфирмаціями и съ инструкціею коммерцъ-коллегіи, со всѣми прилич-

ными вездѣ указами. Сочиненное въ пользу учащихся юриспруденціи въ Московскомъ Императорскомъ Университетѣ. Отъ Филиппа Гендриха Дилтея, обѣихъ правъ Доктора оныхъ же и исторіи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Публичнаго и Ординарнаго Профессора, Маинцкой Академіи полезныхъ наукъ и разныхъ другихъ, какъ то Вольнаго Экономическаго и Россійскаго Вольнаго же Собранія Членомъ и присяжнымъ Адвокатомъ Конценсторіи Пассавской, что въ Вѣнѣ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1779 года. 4°. 12 нен. и 209 нум. стр.

Изслѣдованіе на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ. Оно раздѣлено на пять главъ: I) о принадлежащемъ для суда мѣстѣ, II) О судебной власти, III, О судейской должности, IV) О челобитной, V) О доказательствахъ юридическихъ. Послѣдняя глава раздѣлена на VII отдѣленій: 1. О главнѣйшихъ понятіяхъ доказательствъ. 2. О самопроизвольномъ признаніи. 3. О свидѣтеляхъ. 4. О письменномъ видѣ. 5. О присягѣ. 6. Объ осмотрѣ и 7. О незаконныхъ доказательствахъ.

Сопиковъ 4515, Смирдинъ 2080. Губерти II, 10. Біографич. Словарь профессоровъ и преподавателей Моск. Университета 61.

Клочковъ 34—19201, 3 р. Готье 5109, 3 р.

105. А. Ω. Gemma Magica, или магическій драгоцѣнный камень, то есть краткое изъясненіе Книги Натуры, по седми величайшимъ листамъ ея, въ которой можно читать Божественную и Натуральную Премудрость, вписанную перстомъ Божіимъ. Кн. Премудр. гл. I ст. 4. Премудрость не внійдетъ въ злонравную душу 1. Λ. Θ. Сія Премудрость не падаетъ на неблагородные умы, но на добродѣтельные и благородные. Въ печать отдано и споспѣшествовано любителемъ покойнаго Автора, съ пожалованіемъ и дозволеніемъ Аполлона и Музъ. Москва, въ Типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія. 1784. 8°. 7 нен. и 358 нум. стр.

Книга была конфискована у Новикова, въ его деревнѣ. Изъ предисловія видно, что авторъ книги „искалъ этотъ магическій камень отъ юности своей съ неутомимымъ прилежаніемъ, со многимъ бдѣніемъ и всегдашнею молитвою и въ глубокодонномъ морѣ Библіи". Все сочиненіе основано на ученіи и теоріяхъ Гермеса, Парацельса, Василія Валентина, Сендивогія и другихъ.

Сопиковъ 5011.—Отчетъ Моск. Публичнаго Музея до 1864 г. 39 стр.—Губерти II, 62.—Лонгиновъ 224.

Мартыновъ 6758, 25 руб. Шибановъ XXV—76, 10 р. Мелинъ 3—1104, 8 р. Готье 3766, 5 р.

106. Christosophia, или путь ко Христу, въ девяти книгахъ, Творенiе Iакова Бема, прозваннаго Тевтоническимъ философомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Санктпетербургъ, въ типографiи Iос. Iоаннесова. 1815 года. 8°. XXV и 434 нум. и 3 нен. стр.

Въ книгѣ четыре отчетливо гравированныя картинки съ символическими изображенiями. Книга переведена Лабзинымъ. Запрещена. Комитетъ, разсматривавшiй эту книгу, нашелъ, что она проповѣдуетъ мрачныя начала Розенкрейцеровъ, у которыхъ все духовное идетъ по физическимъ законамъ стихiй, а не по Слову Божiю, не по закону благодати, а потому комитетъ призналъ ее вредною и опасною.

Сопиковъ 9276. Рос. Библiографiя 1881 г. 2 стр. 30. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 20 стр. Скабичевскiй Очерки по исторiи Русской цензуры въ Отеч. Запискахъ 1883 г. 204 и 469 стр.

Шибановъ XVII—33, 2 р. Готье 537, 2 р. 50 к. Готье 3619, 5 р. Шибановъ XXIV—19, 3 р. Шибановъ XXIX—22, 3 р.

107. Именный списокъ господамъ депутатамъ, находящимся въ коммиссiи о сочиненiи проекта новаго уложенiя, съ показанiемъ, кто изъ оныхъ въ разныя отъ большаго собранiя учрежденныя частныя коммиссiи членами и кандидатами опредѣлены, и нынѣ дѣйствительно находятся. Февраля по 24 число 1769 года. Печатанъ въ Сактпетербургѣ при Сенатѣ. 8°. 97 нум. стр.

Въ каталогахъ не значится. Лонгиновъ, въ статьѣ „Матерiалы для исторiи комиссiи о сочиненiи проекта Новаго Уложенiя“ (Р. В. 1861 г.), это изданiе относитъ къ рѣдчайшимъ. Въ его библiотекѣ находился экземпляръ сего изданiя. Каждая страница описываемой книжки раздѣлена на пять графъ. Въ первой графѣ обозначены номера по порядку, во второй, откуда выбраны (депутаты), въ третьей имена и фамилiи, въ четвертой, въ которыхъ комиссiяхъ присутствуютъ и въ пятой, гдѣ при исправленiи своихъ должностей находятся. Въ спискѣ помѣщено 562 депутата. За нимъ помѣщенъ списокъ опекунамъ разныхъ иновѣрцовъ и присутствующимъ въ большомъ собранiи и, наконецъ, списки присутствующихъ въ частныхъ комиссiяхъ.

Отчетъ Импер. Публичной Библiотеки 1851 г. стр. 5.

108. Имянной списокъ господамъ депутатамъ, выбраннымъ въ коммиссiю о сочиненiи проекта новаго уложенiя, кто изъ

котораго мѣста выбраны, и кто кому имянно здали, также въ разныя учрежденныя отъ большаго собранія частныя коммиссія опредѣлены и нынѣ дѣйствительно находятся. Генваря по 1 число 1768 году. Печатанъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 8°. 56 нум. и 5 нен. стр.

Лонгиновъ и Геннади причисляютъ и этотъ списокъ къ рѣдчайшимъ. Списокъ этотъ по времени его составленія должно считать первымъ, а описанный подъ № 107 вторымъ. Въ первомъ спискѣ четыре графы. Первыя три такія же, какъ въ описанномъ выше, а четвертая „когда явились". Всѣхъ депутатовъ въ семъ спискѣ помѣщено 550, а затѣмъ слѣдуютъ списки присутствующихъ въ большомъ собраніи и въ разныхъ комиссіяхъ. Комиссіи были слѣдующія: 1) дирекціонная, 2) экспедиціонная, 3) о разборѣ наказовъ и проектовъ, 4) о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, 5) о юстиціи, 6) о имѣніяхъ вообще и 7) о среднемъ родѣ людей. Изъ списка, описаннаго подъ № 107, видно, что были образованы кромѣ этихъ комиссій еще слѣдующія: 1) о полиціи, 2) о городахъ, 3) объ общемъ правѣ, 4) для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами, 5) о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства и прочаго, 6) о образѣ сборовъ и расходовъ, 7) о рудокопаніи, растеній и сбереженіи лѣсовъ и о торговлѣ вообще, 8) духовно-гражданская, 9) объ училищахъ и требующихъ призрѣнія, 10) о почтахъ и гостинницахъ, 11) о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ и 12) объ обязательствахъ.

Сопиковъ 11182. Лонгиновъ Русск. Вѣстникъ, Декабря. т. XXXVI. Чертковъ 1838, 235 стр. № 3. Бартеневъ 4117, Геннади 23. Губерти III, 101.

Готье 511, 25 р. Шибановъ XIV—189, 20 р. Готье 3560, 25 р. Шибановъ XXXIV—188, 15 р. Шибановъ XXXIV—189, 12 р. подержанный экземпляръ.

109. Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Тобольскаго главнаго народнаго училища. Мѣсяцъ Сентябрь 1789. Развязывая умъ и руки, Велитъ любить торги, науки, и счастье дома находить. Ода къ Фелицѣ напечат. въ 1 части Соб. люб. Рос. сл. Въ Тобольскѣ. Въ типографіи Тоб. купца. Вас. Корнильева. 8°. 61 стр. Тоже мѣсяцъ Октябрь. 8°. 65.

Редакторомъ сего далекаго провинціальнаго изданія былъ Панкратій Сумароковъ, проживавшій въ то время въ Тобольскѣ въ ссылкѣ. Мѣсяцы Сентябрь и Октябрь, находившіеся въ моей библіотекѣ, составляютъ первый и второй номера этого журнала, прекратившагося въ Декабрѣ 1791 г. Всего вышло 28 книжекъ. Сотрудниками журнала были Т. Воскресенскій, И. Лафиновъ, И. Бахтинъ (губернскій прокуроръ), жена редактора Н. Сумарокова, А. Малышевъ, И. Набережнинъ, В. Прутковскій, Д. Дяги-

левъ, А. Гладковъ, А. Боуверъ, Н. Смирновъ, С. Бѣлещевъ, Н. Сѣверяковъ, И. Трунѣвъ, А. Евсевьевъ, Е. Фроренскій и И. Ивановъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что въ „Иртышѣ“ участвовалъ и А. Н. Радищевъ. А Н. Неустровъ удостовѣряетъ, что полной серіи этого журнала нѣтъ въ Императорской публичной и Румянцевской библіотекахъ, а мѣсяцевъ Сентябрь—Декабрь 1791 г. онъ нигдѣ не нашелъ, а потому содержаніе ихъ въ описаніи этого журнала онъ не обозначилъ.

Геннади 75.—Неустроевъ стр. 549—556.
Шибановъ 1—168, за мѣсяцы Октябрь, Ноябрь 1789 г. 7 р.

110. О ΖΗΛΟΣΟΦΟΣ искатель премудрости или Духовный рыцарь. Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ: станите убо препоясани чресла ваши истиною, и оболкшеся въ броня правды, и обувше нозѣ въ уготованіе благовѣствованія мира: надъ всѣми же воспріимше щитъ вѣры и шлемъ спасенія, и мѣчь духовный, иже есть Глаголъ Божій. Ефес. VI, 11. 14. 5791. 8°. 115 нум. и 1 неп. стр.

Второе изданіе Духовнаго Рыцаря и Нравоучительнаго Катихизиса, описаннаго въ семъ каталогѣ подъ № 61, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненное справками изъ сочиненія „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“. Оно тоже рѣдко, какъ и первое изданіе. Предполагаютъ, что оно напечатано въ 1816 или 1818 году.

Отчетъ Импер. Пуб. Библіотеки 1851 г. 5 стр.—Губертъ II, стр. 389—391.
Готье 3782, 3 р. Шибановъ XXXIV—281, 15 р.

111. Истинная політіка знатныхъ и благородныхъ особъ, переведена съ Французскаго чрезъ Василья Тредіаковскаго. Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ Секретаря, Въ Санктпетербургѣ MDCCXXXVII. 8°. 4 неп. 10 и 224 нум. стр.

Тредьяковскій полагаетъ, что это сочиненіе Фенелона. Всѣ сочиненія и переводы Тредьяковскаго давно уже считаются рѣдкими, въ особенности изданныя въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Книга находила читателей и выдержала три изданія. Второе изданіе вышло въ 1745, а третье въ 1787 году.

Сопиковъ 8494.—Губертъ I, 23.
Шибановъ II—105, 3 р. Мартыновъ 972, 3 р. Готье 430, 5 р. Готье 7204, 3 р. 50 к.

112. Истинный свѣтъ, поема въ девяти пѣсняхъ, сочиненная на Россійскомъ языкѣ. Печатана въ Университетской

типографіи у Н. Новикова, 1780 года. 4°. 160 нум. и 4 нен. стр.

Книга по распоряженію правительства отобрана изъ книжныхъ лавокъ. Содержаніе „Истиннаго Свѣта“ состоитъ изъ предсказаній архангела Гавріила объ Іоаннѣ Предтечѣ и изъ повѣствованія о жизни Іисуса Христа, о Его мученіяхъ, смерти, погребеніи, воскресеніи и вознесеніи. Все это воспѣвается въ стихахъ, авторъ которыхъ неизвѣстенъ.

Сопиковъ 8670. Смирдинъ 8163, Новиковъ стр. 129 и 0, 47. Губерти II, 24. Готье 3880, 5 руб. Клочковъ 92—231, 10 р.

113. Истолкованія Аглинскихъ Законовъ Г. Блакстона, переведенныя по Высочайшему повелѣнію Великой Законодательницы Всероссійской. Съ подлинника Аглинскаго. Печатаны въ Университетской типографіи у Н. Новикова. Три части. 1 ч. 1780 г. 2 ч. 1781 г. и 3 ч. 1782 г. 8°. 1 ч. 12 нен. 374 нум. 1 нен. стр. 2 ч. 16 нен. 568 нум. и 1 нен. стр. и 3 ч. XIV 417 нум. и 1 нен. стр.

Это сочиненіе одного изъ лучшихъ юристовъ Блакстона переведено на Русскій языкъ профессоромъ Московскаго Университета Десницкимъ; но оно переведено не все. Книга описана Н. В. Губерти по моему экземпляру.

Сопиковъ 4694.—Плавильщиковъ 2360.—Смирдинъ 2111.—Біографич. Словарь профессоровъ и преподавателей Моск. Университета ч. I, стр. 297—301.—Бартеневъ 4132.—Губерти II, 22.
Шибановъ 1—125, 6 р.

114. Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій изустныхъ извлеченныя о селѣ Коломенскомъ, съ присоединеніемъ видовъ и чертежа внутреннему расположенію стариннаго царскаго дворца съ теремами, до 1767 года тамъ находившагося и двумъ дворцовымъ церквамъ, за нѣсколько вѣковъ сооруженнымъ и до нынѣ существующимъ. Издано въ осьмое лѣто царствованія Государя Императора Александра Перваго. Печатано въ типографіи Императорскаго Московскаго Университета 1809. Въ б. л. 4 нен. и 16 нум. стр. съ 7 гравюрами и 4 планами на особыхъ листахъ.

Книга составлена П. Валуевымъ и посвящена имъ императору Александру Первому. Въ ней описывается село Коломенское. Село Колеменское основано по преданію выходцами г. Коломны, оставившими ее во время нашествія Батыя. Вѣроятность этого преданія подтверждается названіемъ вновь заселеннаго имя мѣста. Въ Коломенскомъ съ давнихъ временъ нахо-

дился царскій дворецъ; есть указаніе лѣтописца, что царь Іоаннъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о покореніи Астраханскаго царства въ Коломенскомъ дворцѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ и расширилъ дворецъ, который былъ любимымъ его лѣтнимъ мѣстопребываніемъ. При императрицѣ Екатеринѣ II дворецъ былъ за ветхостію разобранъ. Описываемая мною книга интересна какъ по историческимъ свѣдѣніямъ, которыя она сообщаетъ о Коломенскомъ, такъ и по гравюрамъ, изображающимъ царскій дворецъ, замѣчательный по своей архитектурѣ. На первой гравюрѣ изображены дубъ и кедръ, растущіе въ дворцовомъ саду. Подъ изображеніемъ дуба стихи:

Сей дубъ присутствіемъ Петровымъ украшался,
Отецъ отечества подъ онымъ просвѣщался.

Подъ изображеніемъ же кедра слѣдующіе стихи:

Подъ кедромъ Александръ здѣсь, въ юности своей,
Ученію внималъ для счастья нашихъ дней.

На слѣдующихъ четырехъ гравюрахъ изображенъ дворецъ съ разныхъ сторонъ, а за тѣмъ на двухъ гравюрахъ изображены: церковь Вознесенія Господня и церковь Казанской Богоматери и, наконецъ, на четырехъ листахъ планы дворца и упомянутыхъ церквей. Прекрасное и рѣдкое изданіе. Въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1852 г. говорится, что извѣстный Петербургскій букинистъ Матюшинъ, десятки лѣтъ торгующій книгами, въ рукахъ котораго перебывало едва ли не все напечатанное на Русскомъ языкѣ, по собственному его сознанію, никогда прежде не видалъ этой книги.

Сопиковъ 10166, Смирдинъ 2454. Чертковъ 1838 г. 166 стр. 22. Бартеневъ 672. Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1852 г. 78 стр. Геннади 109.

Готье 3612, 75 руб. Антикварій Мартыновъ продалъ экземпляръ этого изданія за 100 рублей.

115. Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. С.-Петербургъ. Въ типографіи Ф. Персона. 1862. 8°. 107 стр.

Весьма интересное правительственное изданіе, составленное, какъ говорятъ, П. К. Щебальскимъ. Въ продажу не поступало. Книга, по удостовѣренію Я. Ѳ. Березина-Ширяева, была напечатана въ трехъ изданіяхъ. Книга состоитъ изъ трехъ главъ, въ первой говорится о цензурѣ въ Россіи; со времени основанія первой типографіи до 1804 года, во второй съ 1804 г. до 1855 года и въ третьей съ 1855 г. до Іюля мѣсяца 1862 года. Въ книжкѣ сообщаются интересныя свѣдѣнія о книгахъ, которыя были запрещены, а равно различныя мѣры, предположенія правительства объ измѣненіи цензурнаго устава и мнѣнія разныхъ лицъ по этому предмету. Исторія цензуры составляетъ важный и существенный отдѣлъ исторіи литературы.

Въ этомъ отношеніи для занимающихся послѣднею описываемая книжка необходима, не смотря на то, что историческія свѣдѣнія о цензурѣ помѣщались въ Русской Лѣтописи 1871 г. въ №№ 9, 12—15 и въ Отечественныхъ Запискахъ за 1882 и 1883 годъ. Въ послѣднемъ журналѣ статья принадлежитъ А. М. Скабичевскому подъ заглавіемъ: „Очерки по исторіи Русской цензуры".

Геннади 207. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 194 стр. Россійская Библіографія 1880 г. № 13, стр. 314.

Мартыновъ Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 10 р. Шибановъ 111—302, 10 р. Клочковъ 37—20523, 5 р. Мартыновъ 6243, 8 р. Клочковъ 28—16789, 6 р. Клочковъ 88—4083, 3 р. 50 к. Шибановъ XXXV—136, 10 р. Клочковъ 99—4330, 8 р.

116. Историческое, географическое и економическое описаніе Воронежской губерніи, собранное изъ Исторіи, Архивскихъ записокъ, исказаній В. С. П. П.П. Е. Болховитиновымъ. Воронежъ, въ типографіи Губернскаго Правленія. 1800 года. 4°. 2 неп. и 229 нум. стр.

Трудъ извѣстнаго ученаго Евгенія Болховитинова, впослѣдствіи бывшаго Кіевскимъ митрополитомъ. Біографъ митрополита Евгенія Шмурло объ этомъ трудѣ говоритъ слѣдующее: „Воронежская исторіографія еще не подарила насъ такимъ трудомъ, послѣ котораго сочиненіе Евгенія Болховитинова дѣйствительно осталось бы только положить на полку. Таковъ былъ трудъ, появившійся 88 лѣтъ тому назадъ".

Смирдинъ 3672. Чертковъ 1838 г. 159 стр. 44. Бартеневъ 345. Библіографъ 1888 г. 2, стр. 86. Шмурло „Митрополитъ Евгеній, какъ ,ученый". Спб. 1888 г. стр. 207—266.

Мартыновъ 3037, 10 р. Готье 4369, 6. р.

117. Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное Богдановымъ; со многими изображеніями первыхъ зданій; а нынѣ дополненное и изданное Надворнымъ Совѣтникомъ, правящимъ должность Директора надъ Новороссійскими училищами, Вольнаго Россійскаго Собранія, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества Членомъ Васильемъ Рубаномъ. Изданіе первое. Въ Санктпетербургѣ 1779 года. 8°. 6 неп. 528 нум. и 30 неп. стр. 84 таблицы съ 112 изображеніями.

Первое по времени на Русскомъ языкѣ изданіе, самое полное описаніе Петербурга и весьма интересное по рисункамъ. При книгѣ проложенъ портретъ императора Петра I гравир. Челноковымъ. Портретъ у Ровин-

скаго описанъ подъ № 242. Со всѣми рисунками книга считается рѣдкою и цѣнною.

Сопиковъ 7583. Плавильщиковъ 2957. Смирдинъ 3645. Геннади 50. Губерти II, 13. Чертковъ 1838 г. 168 стр. 36. Бартеневъ 712.

Мартыновъ 1385, 40 р. Шибановъ 1—119, 45 р. Шибановъ III—76, 40 р. Клочковъ 3376, 36 р. Нероновъ 118, 36 р. Семеновъ 30 р. Посредникъ 1 стр. 18, 25 р. Шибановъ VIII—368, 25 р. Шибановъ XII—353, 25 р. Шибановъ XV—374, 25 р. (экземпляръ подправлен.) Готье 3580, 15 р. Клочковъ 56—52, 40 р. Клочковъ 63—1805, 30 р. Клочковъ 75—622, 30 р. Клочковъ 91—3846, 20 р.

118. Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княженія. Издано по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ 1794 года. 4°. 6 нен. IV, 64 и LXXIV нум. и 4 нен. стр. съ картиной и тремя таблицами.

Изслѣдованіе принадлежитъ графу Мусину-Пушкину. Оно посвящено императрицѣ Екатеринѣ II. Авторъ, опровергая мнѣнія Татищева и Болтина, полагавшихъ, что Тмутаракань находилась въ Рязанскомъ княжествѣ, и мнѣнія Байера и другихъ ученыхъ, доказываетъ, на основаніи лѣтописныхъ и географическихъ свѣдѣній, что Тмутаракань находилась на островѣ Таманѣ; но самымъ разительнымъ доказательствомъ этого положенія служитъ, по его мнѣнію, найденный въ 1793 году въ развалинахъ древней Фанагоріи мраморный бѣлый камень съ надписью: „Глѣбъ князь мѣрилъ море по лэду отъ Тъмутараканя до Кърчева 8054 сажени". На картинѣ гравированъ фронтисписъ, съ изображеніемъ зданія и самаго камня; у двери зданія человѣкъ, сидящій и держащій каменную доску съ надписью: „Изображеніе камня найденнаго на островѣ Таманѣ". Въ открытую дверь видно сіящее солнце, на дискѣ котораго начертанъ 1793 (годъ). На первой таблицѣ изображенъ камень съ надписью, на второй родословіе князей, владѣвшихъ Тмутараканью и на третьей часть древней Россіи до нашествія Татаръ.

Сопиковъ 4504. Плавильщиковъ 3049. Смирдинъ 2647. Чертковъ 1838 г. стр. 88, 15. Бартеневъ 1569. Губерти II, 177. Березинъ-Ширяевъ II, стр. 27.

Готье Рос. Библіогр. 1881 г. 10, 5 р. Мартыновъ 861, 5 р. Готье 249, 10 р. Клочковъ 1—426, 8 р. Клочковъ 6—4551, 7 р. Шибановъ XIX—261, 6 р. Киммель XXXVI—685, 4 р. 50 к. (за неполный экземпляръ). Готье 6478, 7 р. Шибановъ XXXIV—329, 12 р.

119. Историческое обозрѣніе Сибири. Книга первая съ 1585 до 1742 года. Москва. Въ типографіи А. Семена. При императорской медико-хирургической Академіи 1838. 8°. XXX, 589 и III нум. стр. и 4 нен. стр. Книга вторая съ 1742 по 1823 годъ. С.-Петербургъ. Печатано въ Типографіи Карла Крайя. 1844. XXXVI, 4 нен., 523, 11 таб. и 13 стр. приложенія.

Историческое обозрѣніе Сибири составлено П. Словцовымъ и доведено до 1823 года. Второй томъ изданъ послѣ его смерти Помаскинымъ. Считается особенно рѣдкимъ первый томъ. По удостовѣренію Геннади, за него платили по 25 р. Въ 1886 г. Сибиряковъ издалъ историческое обозрѣніе Сибири Словцова вторымъ изданіемъ. Въ предисловіи ко второму изданію говорится: „Прошло полвѣка со дня выхода 1 ч. этого труда, но онъ не потерялъ своего значенія. Напротивъ, при ростѣ сознанія и при отсутствіи новаго сочиненія, достойнаго его замѣнить, интересъ къ нему возрастаетъ еще въ большей степени, и книга сдѣлалась замѣчательною библіографическою рѣдкостію". А. Н. Пыпинъ въ своей статьѣ „Сибирь и ея изученіе" даетъ объ изслѣдованіи Словцова слѣдующій строгой отзывъ: „рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, неприготовленнаго раньше читателя".

Ольхинъ 1669. Геннади 171. Пыпинъ «Вѣстникъ Европы", 1888 г. 8.
Готье Рос. Библіогр. 1881 г. 18, 25 рубл. (за I т. экземпляръ попорченъ).
Мартыновъ Рос. Библіографія 1881 г. 18, 100 р. (за оба тома).

120. Историческое описаніе города Пскова, и его древнихъ пригородовъ съ самаго ихъ основанія. Заключающее въ себѣ многія достойныя любопытства происходимости, составленное изъ многихъ древнихъ лѣтописцевъ, надписей, записокъ и Россійской исторіи Николаемъ Ильинскимъ. Въ Санктпетербургѣ, 8°. 6 частей 1 ч. 1790 г. 67 нум. и 4 нен. стр. 2 ч. 1791 г. 71 нум. стр. 3 ч. 1793 г. 52 нум. стр. 4 ч. 1794 г. 64 нум. стр. 5 ч. 1795 г. 62 нум. стр. и 6 ч. 1795 г. 60 нум. стр. Первыя двѣ части напечатаны въ типографіи Б. Л. Гека, третья въ С.-Петербургѣ, но безъ обозначенія типографіи; четвертая въ Нижнемъ Новгородѣ безъ обозначенія типографіи; пятая и шестая въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Мейера.

Источниками для составленія исторіи г. Пскова служили для Ильинскаго какъ печатныя книги, такъ и рукописныя, которыя онъ успѣлъ собрать во время своего нахожденія въ Псковѣ. Исторія доведена до 1763 года.

Сопиковъ 7579. Плавильщиковъ 2718. Смирдинъ 2464. Чертковъ 1838 г. 165, стр. 10. Бартеневъ 608. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 72 стр.
Мартыновъ 6982, 10 р. ШибановъXXXVIII—148, 30 р.

121. Историческое описаніе древняго Россійскаго музея, подъ названіемъ мастерской и оружейной палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося. Часть первая. Сочинено въ седьмое лѣто бла-

гополучнаго царствованія Государя Императора Александра Перваго, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію. Печатано въ типографіи Императорскаго Московскаго Университета. 1807. Въ л. 2 неп. стр. XLIV и 139 нум. стр. съ 29 рисунками и съ двумя виньетками.

Описаніе Оружейной Палаты составлено А. Малиновскимъ, какъ удостовѣряетъ объ этомъ Сопиковъ. Посвящено же Александру I-му отъ главноначальствующаго надъ оружейною палатою Валуева. Второй части не издано. Изданіе дорогое; у Плавильщикова цѣна обозначена въ 50 р., а у Смирдина 75 р. Въ моемъ экземплярѣ недостаетъ одного рисунка. Кромѣ этого описанія Оружейной Палаты издано еще Евреиновымъ описаніе ея въ 1839 г. и Вельтманомъ, послѣднимъ два изданія, второе въ 1860, въ роскошномъ видѣ.

Сопиковъ 7574. Плавильщиковъ 2715. Смирдинъ 2399. Чертковъ 1838 г. 97 стр. 10. Бартеневъ 1768.

Мартыновъ III. 75 р. (на веленевой бумагѣ) 40 р. (на синей бумагѣ). Шибановъ 1—223, 15 р. Клочковъ 56—69, 20 р. (неполный экземпляръ). Мартыновъ 6942, 35 р. Шибановъ XXXVIII—46, 50 р.

122. Историческое родословіе Благородныхъ Дворянъ Булгаковыхъ, собранное изъ достовѣрныхъ извѣстій Игуменомъ Ювеналіемъ Воейковымъ. Москва, въ Университетской типографіи у В. Окорокова 1792. 8°. 4 стр.

Составитель родословій Воейковыхъ, Булгаковыхъ и описанныхъ подъ №№ 123, 124 и 125, а равно авторъ стихотвореній, описанныхъ мною подъ №№ 72 и 73-мъ, Иванъ Воейковъ родился въ 1721 г. отъ Григорія Дмитріевича Воейкова. Получивъ образованіе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ въ 1748 г. былъ командированъ въ Ингерманландію, а въ 1749 г., оставивъ самовольно службу, поступилъ въ монашество и жилъ, какъ говорится въ его біографіи, отшельникомъ въ лѣсу Брянскаго уѣзда, а потомъ въ Одринѣ и Воскресенскомъ монастыряхъ. Получивъ прощеніе за самовольное оставленіе службы, Воейковъ воспріялъ въ 1755 г. малую схиму и нареченъ Ювеналіемъ. Въ 1763 г. онъ назначенъ былъ игуменомъ въ Одринъ монастырь, а затѣмъ назначенъ былъ настоятелемъ въ Новосильскій Свято-Духовъ монастырь, гдѣ ночью 5-го Февраля 1776 года ворвавшимися въ монастырь разбойниками, подъ атаманствомъ Орловскаго купца Таранова, былъ мучимъ, избитъ кистенями и изрѣзанъ ножами. Въ концѣ своей службы, Ювеналій былъ настоятелемъ Корниль ева монастыря, а въ 1784 году былъ уволенъ на покой за старостью и за увѣчьемъ, причиненнымъ ему разбойниками. На покоѣ онъ проживалъ въ Московскомъ Новоспаскомъ монастырѣ, гдѣ и занимался составленіемъ родословій; скончался же въ 1807 году, достигнувъ глубокой старости.—Въ составлен-

номъ имъ родословіи Булгаковыхъ сообщается о выѣздѣ въ Россію „изъ Нѣмецъ“ Ивана Булгака. Родословіе Булгаковыхъ настоящимъ образомъ начинается, за недостаткомъ свѣдѣній, со Степана Булгакова.—А. П. Барсуковъ, въ своемъ обзорѣ источниковъ и литературы Русскаго родословія, говоритъ, что онъ никогда не видалъ родословія Булгаковыхъ, составленнаго Ювеналіемъ Воейковымъ (стр. 29, прим. 1).

Губерти II, 463 и 464.

123. Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ. и проч. и проч. Съ пріобщеніемъ Царскихъ жалованныхъ грамотъ, и проч. и проч. Собранное Игуменомъ Ювеналіемъ Воейковымъ. Печатано иждивеніемъ оной фамиліи. Москва, въ Университетской типографіи, у В. Окорокова. 1792. 8°. 10 нен. II, IV 152 и XVIII нум. стр. съ портретомъ Ювеналія Воейкова, гербомъ и двумя родословными таблицами.

Родословіе Воейковыхъ начинается съ Прокопія, выѣхавшаго изъ Пруссіи въ Москву при великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ. Оно раздѣлено на четыре колѣна, первое—Тимоѳея Григорьевича, второе—Симеона Григорьевича, третье—Ѳедора Григорьевича, по прозванію Малыша, и четвертое—Іоанна Григорьевича, по прозванію Ивки. Портретъ Ювеналія Воейкова, приложенный къ родословію Воейковыхъ, описанъ Ровинскимъ подъ № 1 и Васильчиковымъ, т. II, стр. 488 подъ № 1-мъ. По удостовѣренію А. П. Бутковскаго (автора „Нумизматики или исторіи монетъ 1861 г. и словаря портретовъ, гравюръ Русскихъ и иностранныхъ художниковъ, составленнаго въ 1865 году, но не изданнаго), „Родословіе Воейковыхъ“ съ портретомъ Юв. Воейкова напечатано только въ числѣ 25 экземпляровъ. Это свѣдѣніе сообщилъ Бутковскому родственникъ Ювеналія Воейкова, полковникъ Алексѣй Владимировичъ Воейковъ. Д. А. Ровинскій удостовѣряетъ, что портретъ Ювеналія Воейкова приложенъ при книгѣ „Краткое описаніе о произшествіи знаменитаго рода Юрьевыхъ-Романовыхъ“, изданной Воейковымъ 1798 г.; но это удостовѣреніе опровергается: 1) моимъ экземпляромъ описываемой книги, экземплярами, описанными Геннади и Губерти и экземпляромъ, находящимся въ Историческомъ Музеѣ, 2) вышеозначеннымъ удостовѣреніемъ полковника А. В. Воейкова и 3) надписью на портретѣ; на ней обозначенъ 1792 годъ, въ которомъ издано и родословіе Воейковыхъ, тогда какъ краткое описаніе о происшествіи рода Юрьевыхъ-Романовыхъ издано въ 1798 году.

Сопиковъ 9762. Смирдинъ 2376. Геннади стр. 83. Губерти II, 168. Барсуковъ, стр. 29, Д. А. Ровинскій т. III, стр. 2186, № 1 и т. IV, стр. 48.

124. Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Кропотовыхъ и Дуровыхъ, собранное изъ достовѣрныхъ извѣстій

Игуменомъ Ювеналіемъ Воейковымъ. Москва, въ Университетской типографіи у В. Окорокова. 1792. 8°. 17 стр. и родословная таблица.

Ювеналій Воейковъ говоритъ въ родословіи, что о родоначальникѣ Кропотовыхъ свѣдѣній не имѣется и начинаетъ описывать родъ ихъ съ Ивана и Семена Юрьевичей Кропотовыхъ. Сообщая, что родъ Дуровыхъ происходитъ изъ Новгорода, онъ начинаетъ родословіе ихъ съ думнаго дьяка Александра Степановича Дурова.

Сопиковъ 9763. Геннади стр. 83. Губерти II, стр. 466. Барсуковъ стр. 29. Шибановъ XII—65, 10 р.

125. Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Чичериныхъ, собранное изъ достовѣрныхъ извѣстій игуменомъ Ювеналіемъ Воейковымъ. Москва, въ Университетской типографіи у В. Окорокова, 1792. 8°. 44 стр.

Родословіе Чичериныхъ начинается сообщеніемъ свѣдѣній о выѣздѣ въ Россію Италіанца Аѳанасія Чичерина, пріѣхавшаго въ 1472 году. Съ 20-й страницы помѣщено „прибавленіе“, въ которомъ напечатаны жалованныя грамоты, одна царя Алексѣя Михайловича, а остальныя три отъ царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича. Всѣ четыре родословія, описанныя подъ №№ 122, 123, 124 и 125, а равно стихотворенія, описанныя подъ №№ 72 и 73, а также родословія Казаковыхъ и Вадбольскихъ, которыя будутъ описаны, напечатаны на плотной, золоотообрѣзной бумагѣ и переплетены въ одну книгу, на переплетѣ которой вытиснутъ золотомъ государственный гербъ и слова: „Его Сіятельству князь Гавріилу Петровичу Гагарину, милостивому государю подноситъ старецъ Ювеналій Воейковъ“. Подобные же гербы и на экземплярахъ П. В. Губерти и Историческаго Музея, на первомъ съ посвященіемъ Михаилу Ивановичу Воейкову, а на второмъ Ивану Ивановичу Шувалову.

Сопиковъ 9764. Геннади стр. 83. Губерти II, стр. 464 и 465. Барсуковъ стр. 29.

126. Историческое сказаніе о выѣздѣ, военныхъ подвигахъ и родословіи благородныхъ дворянъ Левшиныхъ. Москва, 1812. Въ Университетской типографіи. 4°. 4 ненум. 146 нум. и 2 нен. съ раскрашеннымъ гербомъ рода Левшиныхъ, родословной таблицей и портретомъ графа Сувола.

Историческое сказаніе составлено Василіемъ Алексѣевичемъ Левшинымъ и посвящено имъ Ал. Андр. Левшину. Оно начинается съ графа Сувола Левенштейнскаго, выѣхавшаго въ Россію изъ Швабіи, въ 1365 г. Приложенный при книгѣ портретъ графа Сувола Левенштейнскаго, родо-

начальника Левшиныхъ, изображаетъ его въ латахъ, со щитомъ, позади его съ одной стороны войско, а съ другой крѣпость. Книга украшена гравированнымъ заглавіемъ и 8 виньетками. На *первой* виньеткѣ представленъ графъ Сувола, принимающій въ Новгородѣ на вѣчѣ Русское подданство, на *второй*—Ѳедоръ Семеновичъ Левшинъ беретъ приступомъ Иванъ-городъ, на *третьей*—Семенъ Семеновичъ Левшинъ убиваетъ въ сраженіи Татарскаго царевича Ахмета, на *четвертой*—Иванъ Даниловичъ Левшинъ укрощаетъ волненіе стрѣльцовъ, на *пятой*—Аѳанасій Ивановичъ Левшинъ разбиваетъ Стеньку Разина и приказываетъ наложить на него оковы, на *шестой*—императоръ Петръ I жалуетъ за храбрость Андріану Левшину шпагу, на *седьмой*—кончина Никиты Алексѣевича Левшина при взятіи крѣпости Измаила, гдѣ онъ былъ пораженъ пулею, и на *восьмой*—надгробный памятникъ, на которомъ шпага, лавровый вѣнокъ и знамена. Къ памятнику прислоненъ щитъ, съ изображеніемъ герба рода Левшиныхъ, на постаментѣ памятника надпись: „Въ честь на брани убіенныхъ г. Левшиныхъ". Всѣ виньетки и портретъ графа Суволы гравированы очень плохо, хотя въ предисловіи говорится, что историческое сказаніе есть „великолѣпнѣйшее изданіе". Д. А. Ровинскій удостовѣряетъ, что въ этой книгѣ приложенъ портретъ Василія Алексѣевича Левшина; но ни въ моемъ экземплярѣ, который въ отличной сохранности, ни въ описанныхъ П. И. Бартеневымъ и Геннади, ни въ библіотекѣ Щапова, ни въ продажныхъ у Готье, потрета Василія Алексѣевича не имѣется, и въ самой книгѣ объ немъ нѣтъ никакихъ указаній, тогда какъ въ ней даже и виньеты описаны на особой страницѣ. Книга очень рѣдка, такъ какъ все почти изданіе ея сгорѣло въ 1812 г. при нашествіи Французовъ въ Москву, какъ объ этомъ удостовѣряетъ въ каталогѣ П. И. Бартеневъ.

Сопиковъ 10276. Смирдинъ 2375, стр. Бартеневъ 1277. Геннади 119. Ровинскій т. IV, стр. 65 и т. II, стр. 1179.

Готье 3617, 8 руб. Готье 6019, 3 р. (неполный и поврежденный экземпляръ).

127. Исторія Губернскаго города Смоленска отъ древнѣйшихъ временъ до 1804 года. Собранная изъ разныхъ лѣтописей и Россійскихъ дѣеписателей. Трудами Д. Н. Мурзакѣвича. Съ дозволенія начальства. Смоленскъ. При Губернскомъ Правленіи. 1804 года. 8°. 5 и 3 нен. IV, 221, VI и 67 нум. стр.

Почти все изданіе (767 экземпляровъ) сгорѣло въ пожарахъ гг. Смоленска и Москвы, во время 1812 г. Въ 1847 году Исторію гор. Смоленска вновь составилъ и издалъ И. Никитинъ.

Сопиковъ 4745. Плавильщиковъ 2722. Смирдинъ 2465. Чертковъ 1838 г. 165, стр. 8. Бартеневъ 617. Геннади. Справочный словарь о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, т. II, стр. 357.

Шибановъ 1—216, 2 р. Шибановъ II—314, 3 р. Мартыновъ 992, 6 р. Мартыновъ 7406, 5 р. Клочковъ 56—318, 7 р. Киммель XXXVI—684, 4 р. 50 к. Готье 6476, 2 р. (два экземпляра).

128. Исторія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Императорскаго Величества полка. Санктпетербургъ. Печатано въ Военной типографіи. 1833 г. 8°. 3 нен. и 100 нум. стр.

Геннади предполагаетъ, что этотъ трудъ А. Висковатова; но на моемъ экземплярѣ есть слѣдующая надпись: „отъ сочинителя П. П. Замятнина Его Высокоблагородію Дмитрію Гавриловичу Павловскому“. Сочиненіе раздѣлено на пять главъ. *Первая* глава: Учрежденіе полка, *вторая*: О перемѣнахъ въ полку послѣдовавшихъ, *третья*: Внутренняя служба и походы полка въ мирное время, *четвертая*: Военные походы, дѣла и сраженія, въ коихъ полкъ участвовалъ и отличія за оныя полученныя, и *пятая*: Особы, начальствовавшія въ полку. Изслѣдованіе оканчивается 61 стр., на слѣдующихъ страницахъ подъ заглавіемъ „Приложенія“ помѣщены разные документы, относящіеся до полка, а съ 95—100 стр. примѣчанія. Изъ исторіи полка видно, что онъ учрежденъ въ 1733 году.

Геннади 160.

129. Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи. Часть первая. Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1832. 8°. 4 нен. 238 нум. стр. съ двумя планами и картой.

Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи составлена И. П. Сахаровымъ. Въ описываемой книгѣ напечатана только половина перваго тома, одни дополненія. „Но, увы! прибавляетъ Сахаровъ въ своей запискѣ, и эта выпущена безъ начала по обстоятельствамъ, совершенно отъ меня независящимъ. Несчастная книга! Сколько было надъ ней опекуновъ! Кто только за меня не сбиралъ подписокъ! И гдѣ дѣвались собранныя ими деньги, доселѣ не знаю“. Подлинная рукопись, пропущенная цензоромъ, находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ и ждетъ своего издателя. Одна статья, вѣроятно изъ этой рукописи, была помѣщена въ Современникѣ за 1837 г. ч. VII стр. 295—325 подъ заглавіемъ: „Общественное образованіе Тульской губерніи“; но еще ранѣе въ Галатеѣ 1835 г. № 11 былъ помѣщенъ Сахаровымъ: „Отрывокъ изъ исторіи Тульской губерніи“. Описываемая книга была напечатана въ числѣ 600 экземпляровъ, но изъ нихъ 300 сгорѣло въ Тулѣ, во время бывшаго тамъ въ 1837 году пожара.

Отчетъ Моск. Публичнаго Музея за 1867—1868 стр. 37. Бартеневъ 352. Русскій Архивъ 1873 г. 929 стр.

Шибановъ 111—293, 3 р. Шибановъ XIV—471, 2 р. Киммель XXXVI—730, 2 р. Шибановъ XXIII—342, 5 р. Готье 7751, 5 р.

130. Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина, Артемона Сергіевича Матвѣева; состоящая изъ челобитенъ,

писанныхъ имъ къ Царю и Патріарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заточенія и о возвращеніи изъ онаго; изданная Николаемъ Новиковымъ, Членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Въ Санктпетербургѣ. 1776 года. 8°. 20 нен. и 400 нум. стр. съ портретомъ.

Портретъ боярина А. С. Матвѣева описанъ Д. А. Ровинскимъ подъ № 1. Второе изданіе въ 1785 г. На ненумерованныхъ страницахъ помѣщено посвященіе графу Румянцеву, предисловіе, списокъ подписавшихся и оглавленіе. Списокъ, по которому издана „Исторія о заточеніи", полученъ Новиковымъ изъ библіотеки императрицы Екатерины II, подлинникомъ же для этого списка служила рукопись князя В. И. Мещерскаго. „Исторія о заточеніи" содержитъ въ себѣ слѣдующіе документы: три челобитныя боярина Матвѣева къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, три къ патріарху Іоакиму, 11 писемъ къ разнымъ особамъ, объявленіе, составленное очивидцемъ, въ которомъ помѣщены всѣ свѣдѣнія объ обвиненіи, заточеніи, оправданіи, возвращеніи изъ ссылки и объ убіеніи Матвѣева стрѣльцами, и „вѣдѣніе", въ которыхъ годахъ и отъ какихъ царей А. С. Матвѣевъ былъ жалованъ чинами и получилъ боярство. Въ концѣ книги сообщены надгробныя надписи надъ умершими особами рода Матвѣевыхъ.

Сопиковъ 4820. Плавильщиковъ 3436. Смирдинъ 2834. Чертковъ 1838 г. 39 стр. 18. Бартеневъ 965. Кеппенъ I, 52. Березинъ-Ширяевъ VIII, стр. 32. Лонгиновъ стр. 39. Губерти II, 1.

Шибановъ 1—104, 3 р. (о портретѣ не упомянуто). Готье 3821, 5 р. Шибановъ XX—306, 3 р. (о портретѣ не упомянуто). Готье „Рос. Библіогр. 1881 г. II, 5 р. Киммель XXXVI — 911, 6 р. Клочковъ 72—298, 5 р. Клочковъ 75—478, 5 р. Шибановъ XXX—143, 4 р. безъ портрета.

131. Исторія о Тавріи, сочиненная на Французскомъ языкѣ Станиславомъ Сестренцевичемъ Богушемъ, Преосвященнымъ Митрополитомъ Римско-Католическихъ церквей въ Россіи, Архіепископомъ Могилевскимъ, Предсѣдательствующимъ въ Римско-Католической Духовной Коллегіи, Виленскаго и Московскаго Императорскаго Университетовъ, Санктпетебургскаго Экономическаго Общества и Великобританскаго о земледѣліи Членомъ и орденовъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. Анны 1 класса, св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеромъ. Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета, въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи Шнора. 1806. 8°. Въ двухъ томахъ: 1 т. 440 нум. стр. и двѣ таблицы, 2 т. 442 нум. 2 нен. стр. и двѣ карты.

Авторъ исторіи Тавріи, имѣвшій возможность продолжительное время проживать въ Крыму, изучилъ его въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Плодомъ этого изученія былъ настоящій историческій трудъ о Тавріи, изданный первоначально на Французскомъ языкѣ. Исторія Таврическаго полуострова доведена до 1783 года, до года, въ которомъ онъ былъ присоединенъ къ Россіи. Сочиненія Сестренцевича-Богуша печатались въ маломъ количествѣ экземпляровъ и не для продажи.

Сопиковъ 4937. Плавильщиковъ 2723. Смирдинъ 2443. Чертковъ 1838 г. 34 стр. 11. Бартеневъ 519. Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 123 стр.

Николаевъ VI—1045, 7 руб. 50 к. Мартыновъ 6610, 12 р. Шибановъ 2—329, 5 р Шибановъ XV—41, 3 р. (обрѣз. экз.) Шибановъ XI—364, 15 р. на веленевой бумагѣ.

132. Исторія Россійскаго государства, сочиненная Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Стриттеромъ. Въ Санктпетербургѣ 1800 года. Печатано у содержателя типографіи коммиссіи объ учрежденіи Школъ, Ѳедора Брункова. Три части, 2 ч. 1801, 3 ч. 1802. Обѣ послѣднія части напечатаны при Императорской Академіи Наукъ. 4°. 1 ч. 4 нен. 635 нум. и 6 таб. 2 ч. 530 нум. и 3 ч. 327 нум. 1 нен. и 6 табл.

Исторія доведена до 1462 года. По свидѣтельству Старчевскаго, современники отдавали исторіи Стриттера полную справедливость по достовѣрности источниковъ, на которыхъ она основана. По мнѣнію Бестужева-Рюмина, исторія Стриттера есть скучная и сухая компиляція, любопытная болѣе по замѣчаніямъ на нее императрицы Екатерины.

Сопиковъ 4885. Плавильщиковъ 2679. Смирдинъ 2409. Чертковъ 1838 г. 6 и 7 стр. 37. Бартеневъ 59. Старчевскій „Очеркъ литературы по Рус. исторіи до Карамзина“. Спб. 1845 г. стр. 281. Бестужевъ-Рюминъ „Рус. Исторія“ т. I, стр. 218.

Мартыновъ 904, 12 р. Готье 8173, 6 р. Киммель XXXVI—520, 12 р.

133. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ времянъ. Сочинена Князь Михайломъ Щербатовымъ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 4°. 7 томовъ (15 частей). 1 и 2 томы вторымъ тисненіемъ 1 т. 1794 г. 2 т. 1805. Послѣдующіе томы первымъ тисненіемъ съ 1774—1791 г. *I т.* 4 нен. XVI нум. 45 нен. 325 нум. и таб. *II т.* 575 нум. 69 нен. и 12 таб. *III т.* 50 нен. 514 нум. 8 нен. и 26 таб. *т. IV ч. 1*—598 нум. и 1 таб. *т. IV ч. 2*—542 нум. *т. IV ч. 3*—355, 54, 50 нум. и 1 таб. *т. V ч. 1*—555 нум. и 2 нен. *т. V ч. 2*—444 нум. *т. V ч. 3*—224, 100 нум. 2 нен. и 1 таб. *т. V ч. 4*—XII и 263 нум. *т. VI ч. 1*—328 нум. и 2 нен. *т. VI ч. 2*—296, 30 нум. и 1 нен. *т. VII ч. 1*—365 нум. *т. VII ч. 2*—441 нум. и 2 нен. и *т. VII ч. 3*—178 нум. стр.

Исторія князя Щербатова доведена только до царствованія Михаила Ѳеодоровича. Послѣднія двѣ части изданы послѣ смерти автора. По мнѣнію Старческаго исторія Щербатова составляетъ обширный магазинъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ и документовъ, которые вездѣ показаны съ необыкновенною точностію. Наклонность его къ прагматизму, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, нерѣдко вводила его въ смѣшныя заблужденія; такъ напримѣръ причину успѣха Татаръ онъ видѣлъ въ излишнемъ благочестіи нашихъ предковъ. Во всякомъ случаѣ этотъ трудъ Щербатова есть одинъ изъ почтенныхъ трудовъ.

Сопиковъ 4888. Плавильщиковъ 2685. Смирдинъ 2107. Чертковъ 1838 г. 3 стр. 14. Бартеневъ 27. Березинъ-Ширяевъ II, стр. 16 и 17. Старчевскій „Очеркъ литературы по Рус. исторіи до Карамзина“. Спб. 1845 г. стр. 156—160. Современное состояніе Рус. исторіи въ Моск. Обозр. 1859, 1. Бестужевъ-Рюминъ Рус. истор. т. I, 215 и 216 стр.

Готье, Рос. Библіографія 1881 г. 7, 35 р. Мартыновъ 883, 60 р. Киммель XXXVI—580, 45 р. (первые два тома втораго изданія). Клочковъ 46—24609, 40 р. Семеновъ 30 р. Готье 8886, 50 р Клочковъ 99—4608, 35 р. Нероновъ 1—11, 20 р. Киммель XXXVI—580, 35 р.

134. Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная покойнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Астраханскимъ Губернаторомъ Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ. 4 книги. 4°. 1-я книга 1768 г. 2-я кн. 1773, 3-я кн. 1774 и 4 кн. 1784. Первыя три напечатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, а послѣдняя въ Санктпетербургѣ въ типографіи Вейтбрехта. 1 кн. 10 нен. XXVIII и 600 нум. 2 кн. 6 нен. и 536 нум., 3 кн. 4 нен. и 530 нум. и 4 кн. 595 нум.

В. Н. Татищевъ надъ составленіемъ своей исторіи трудился нѣсколько десятковъ лѣтъ. Для составленія ея онъ имѣлъ болѣе 1000 книгъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ; въ числѣ послѣднихъ много было древнихъ лѣтописей; нѣкоторымъ изъ нихъ, по его свидѣтельству, было не менѣе 250 лѣтъ. Отечественную исторію Татищевъ предполагалъ довести до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича; далѣе вести онъ считалъ по тогдашнему времени неудобнымъ, между прочимъ, потому „что въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оные,—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія“ (т. 1, стр. XXII). Въ послѣдніе годы своей жизни, Татищевъ, находясь въ отставкѣ и проживая въ своей подмосковной деревнѣ, спѣшилъ напечатать свою исторію, но по свидѣтельству Шлецера, не могъ привести этого желанія въ исполненіе, такъ какъ по вольному образу мыслей навлекъ на себя подозрѣніе не только въ рели-

гіознομъ, но и въ политическомъ вольнодумствѣ; вслѣдствіе этого предполагалъ онъ свой трудъ послать въ Лондонское ученое общество, но и это намѣреніе не суждено было ему исполнить. Онъ скончался, оставивъ свой замѣчательный, долголѣтній трудъ въ рукописныхъ фоліантахъ, подлинникъ которыхъ былъ затерянъ, а списокъ съ нихъ былъ подаренъ сыномъ историка Евграфомъ Васильевичемъ Московскому Университету, но этотъ списокъ оказался неисправнымъ. Историку Миллеру было поручено исправить его и издать, что имъ и было исполнено. Онъ не согласился только издать четвертую книгу, по невозможности ее исправить; но по приказанію императрицы Екатерины II и она была напечатана въ С.-Петербургѣ въ 1784 году. Въ 1843 году М. П. Погодинъ въ своей библіотекѣ нашелъ еще одинъ томъ рукописной исторіи Татищева, по счету пятый, который издало въ 1848 году Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ редакціею О. М. Бодянскаго. Въ этой пятой книгѣ исторія оканчивается смертію царя Ѳедора Іоанновича. Если Татищевъ исполнилъ то, что онъ предполагалъ, т. е. довести исторію до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, то остается еще розыскать шестую книгу, въ которой должны быть изложены историческія событія отъ 1598 по 1613 годъ.—Исторія Татищева въ сущности сводная лѣтопись, объясненная интересными примѣчаніями, часть которыхъ, къ сожалѣнію, издатель Миллеръ не напечаталъ, *по излишней вольности сужденій* Татищева.

Сопиковъ 4889. Плавильщиковъ 2683. Смирдинъ 2408. Чертковъ 1838 г. 2 и 3 стр Бартеневъ 17. Березинъ-Ширяевъ кн. II, стр. 15 и 16. Старчевскій „Очеркъ литературы Русс. Исторіи до Карамзина", Спб. 1845 г. стр. 131—134. Поповъ „Татищевъ и его время" 1861 г. Пекарскій „Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ" 1864 г. Бестужевъ-Рюминъ „Біографіи и характеристики" 1882 г. стр. 1—175.

Готье, Рос. Библіографія 1881 г. 18, 15 р. Мартыновъ 884, 50 р. Клочковъ 6—4870, 20 р. (неполный экземпляръ). Готье 3900, 30 р. Готье 8259 35 р.

135. Исторія Славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями и портретомъ, писанная имъ при Балтійскомъ Портѣ въ 1764 году. 1782 года. 12°. 105 стр. Мѣсто печати не обозначено.

Это изданіе ни катологамъ, ни библіографамъ не было извѣстно до описанія его Н. В. Губерти по моему настоящему экземпляру. Разсказъ о жизни Ваньки Каина и о его разныхъ похожденіяхъ ведется отъ его лица и, какъ видно изъ заглавнаго листа, писанъ Каиномъ при Балтійскомъ Портѣ, куда онъ былъ отправленъ „на холодныя воды, отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ": этими словами онъ заканчиваетъ исторію своихъ преступныхъ похожденій. Разсказъ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. В. Губерти, дышетъ неподдѣльнымъ, простонароднымъ юморомъ и изобилуетъ прибаутками, поговорками и присловьями. За исторіей его жизни и похожденій, съ 81 страницы помѣщены его любимыя пѣсни:

1. Не шуми мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
2. Не бушуйте вы вѣтры буйные,
Не шумите вы лѣса темные.
3. Ахъ! тошныма мнѣ доброму молодцу, тошнехонько,
Что грустнымъ-та мнѣ доброму молодцу грустнехонько.
4. Породила да меня матушка,
Породила да сударыня.
5. Поутру то было ранымъ рано,
На зарѣ то было на утренней.
6. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Отъ крутыхъ красныхъ бережковъ.
7. Веселъ я веселъ севоднишней день,
Радостенъ, радостенъ теперешней часъ.
8. Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались ребятушки, закручинились.
9. Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Зашаталася безпріютная моя головушка.
10. У залетнова яснова сокола,
Подопрѣло ево правое крылышко.
11. Ужъ какъ полно, моя сударушка, тужить-плакать;
Не наполнить тебѣ синя моря слезами.
12. Ахъ ты нашъ батюшка Ерославль городъ.
Ты хорошъ, пригожъ, на горѣ стоишь.
13. Государь мой родной батюшка,
Государыня родна матушка.
14. Голова-ль ты моя головушка,
Голова моя молодецкая.
15. Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнава,
Изъ-подъ чистаго осиннику.
16. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ, да горъ высокихъ.
17. Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьи тово не было.
18. Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла.
19. Ты дѣтинушка, сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка.
и 20. Ты дума, моя думушка,
Ты дума моя крѣпкая.

Въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ пѣсенъ воспѣвается удалая, безшабашная жизнь разбойника, и въ одной, именно въ третьей, упоминается Ванька Каинъ, какъ уже сыщикъ. Въ ней поется:

Побывалъ бы добрый молодецъ въ каменной Москвѣ.
Только лихъ-та на насъ добрыхъ молодцевъ новой сыщечекъ,
Онъ по имени, по прозванью Иванъ Каиновъ.
Онъ не дастъ намъ добрымъ молодцамъ появитися,
И онъ спрашиваетъ пашпортовъ все печатныхъ.
А у насъ братцы пашпорты своеручные, своеручные пашпорты,
все фальшивые.

Изъ изслѣдованія Есипова видно, что Ванька Каинъ, томясь долгіе годы въ тюрьмѣ, любилъ пѣть пѣсни и съ товарищами по заключенію, и одинъ. Народъ даже приписывалъ Каину одну изъ лучшихъ пѣсенъ, которую онъ любилъ пѣть, а именно:

Не шуми, мати, зелена дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,
Что заутра мнѣ, добру молодцу, въ допросъ идти,
Предъ грознаго судью—самаво царя.

Губерти II, 46.

136. Исторія славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями и портретомъ. 1785 года. 12°. 127 стр. Мѣсто печати не обозначено.

Это изданіе исторіи Ваньки Каина также неизвѣстно по каталогамъ, и нигдѣ не было описано. Разсказъ объ его жизни и похожденіяхъ также ведется отъ его лица, но съ нѣкоторыми измѣненіями противъ описаннаго выше изданія (135). Съ 97 страницы помѣщены пѣсни, предъ которыми на особой страницѣ заглавіе: „Пѣсни пѣваемыя мною Каиномъ и товарищами моими“. Всѣхъ пѣсней помѣщено двадцать четыре. Кромѣ тѣхъ, которыя помѣщены были въ изданія 1782 года, помѣщены въ этой книгѣ слѣдующія пѣсни:

1. Бѣсъ проклятой дѣло намъ затѣялъ,
   Мысль картежну въ сердца наши всѣялъ.
2. Ахъ, палъ туманъ на сине море,
   Вселилася кручина въ ретиво сердце.
3. Ей усы, усы проявились на Руси,
   Проявились усы за Москвою за рѣкой.

и 4. Что по выше было города Царицына,
   Что по ниже было города Саратова.

Предъ пѣсней: „Бѣсъ проклятой дѣло намъ затѣялъ“ слѣдующая замѣтка: „На голосъ франкмасонской пѣсни: Образъ Діевъ, стѣны Вавилонскія“. Въ этой пѣсни между прочимъ упоминается Ванька Каинъ.

137. Исторія славнаго вора, разбойника и бывшаго Московскаго сыщика Ваньки Каина со всѣми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями и портретомъ. Москва. 1792 года. 12°. 159 стр.

Это изданіе уже описано у Геннади. Съ 99 страницы помѣщены пѣсни; предъ ними на особой страницѣ, на которой веньетка, слѣдующее заглавіе: „собраніе разныхъ Каиновыхъ пѣсенъ". Въ книгѣ помѣщено сорокъ девять пѣсенъ, хотя по нумераціи ихъ должно быть пятьдесятъ, но 29-я пѣсня не помѣщена. Въ это изданіе вошли всѣ пѣсни, напечатанныя въ книгахъ, описанныхъ мною подъ №№ 135 и 136 и двадцать пять новыхъ. Портреты Ваньки Каина, приложенные въ книгахъ, описанныхъ подъ №№ 135, 136 и 137, имѣютъ разницу съ описанными Д. А. Ровинскимъ. На портретахъ въ моихъ книгахъ Ванька Каинъ изображенъ съ неподстриженными въ кружокъ волосами, а на противъ того съ длинными волосами, лежащими на плечахъ, схожимъ, судя по описанію Д. А. Мордовцева (108 стр.), съ оригинальнымъ портретомъ Каина, находившимся въ его домѣ. Ванька Каинъ опасенъ былъ, какъ воръ, по своей изобрѣтательности въ пріемахъ кражи, страшенъ былъ, какъ разбойникъ по смѣлости и дерзости нападенія на намѣченныя имъ жертвы преступленія, но еще страшнѣе и ужаснѣе онъ сталъ, когда сдѣлался сыщикомъ, когда повелѣно было: „всякаго чина и достоянства людямъ, яко вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества, въ поимкѣ злодѣевъ чинить Каину всякое вспоможеніе, а естли кто при поимкѣ такихъ злодѣевъ ему, доносителю Каину, по требованію его вспоможенія не учинитъ, таковые, яко преступники, жестоко истязаны будутъ по указомъ безъ всякаго упущенія", когда при этомъ еще въ его распоряженіе дана была цѣлая команда и когда вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, что если кто покажетъ на него, „то оное показаніе за истинное принято не будетъ". Пользуясь такими данными ему уполномочіями и будучи обличенъ такимъ довѣріемъ, онъ съ своими молодцами врывается въ дома богатыхъ людей, требуетъ денегъ, стращая привлеченіемъ къ розыску, страшному въ то время и забираетъ въ свою квартиру разныхъ людей, которыхъ и подвергаетъ у себя на дому пыткамъ, требуя отъ нихъ признанія и оговора неповинныхъ людей. Такой преступной его дѣятельности положенъ былъ предѣлъ только въ 1749 году, когда онъ былъ заключенъ въ казематъ и объ немъ началось дѣло, которое кончилось только въ 1755 году. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, колесовавъ, отрубить голову; но Сенатъ смягчилъ это рѣшеніе, приговоривъ Каина къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на тяжкія работы.—Народный эпосъ, говоритъ Безсоновъ, овладѣвшій лицомъ и жизнью Каина, овладѣлъ и всѣмъ, что́ къ нему прикасалось. Народъ жадно слушалъ и читалъ жизнеописаніе Ваньки Каина, пѣлъ о немъ пѣсни, разсказывалъ чудеса о его подвигахъ. Еще при жизни его были распространены сказанія о его похожденіяхъ, слова и изрѣченія его переходили изъ устъ въ уста. Жизнеописаніе его выдержало

17 изданій, число, какъ справедливо замѣчаетъ Д. Л. Мордовцевъ, до котораго не доходило изданіе жизнеописанія ни одной самой крупной исторической личности.—О Ванькѣ Каинѣ помѣщены статьи Есиповымъ „Осмнадцатый вѣкъ", т. III и Мордовцевымъ „Древняя и новая Россія 1876 г. т. III.

Библіографическія Записки, т. II, № 1, стр. 27, Григорій Книжникъ (Геннади) „Жизнь Ваньки Каина" стр. 91.

Готье 5551, 1 р. 50 (безъ портрета).

138. И то и сіо. Строками служу, бумагой бью челомъ, а обое вообще извольте покупать, купивъ же считайте за подарокъ, для того, что небольшова оное стоитъ. 8°. 416 нен. стр.

Издателемъ этого сатирическаго журнала былъ М. Д. Чулковъ. Изъ числа его сотрудниковъ извѣстны С. Башиловъ, М. Поповъ и А. П. Сумароковъ. Журналъ издавался въ 1769 году и выходилъ каждую недѣлю по полулисту. Всего вышло 52 номера. Послѣдніе два номера вышли въ одномъ выпускѣ. Номеръ продавался по двѣ копѣйки. Журналъ имѣлъ сатирическое направленіе; но въ немъ кромѣ того М. Д. Чулковъ, какъ собиратель этнографическихъ матеріаловъ, помѣщалъ описаніе древнихъ Русскихъ повѣрій, игрищъ, обычаевъ, а равно помѣщалъ разныя Русскія пѣсни; также напечатанъ былъ имъ на страницахъ описываемаго журнала словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ Русскій языкъ, съ объясненіемъ ихъ значенія.

Сопиковъ 3895. Плавильщиковъ 6892. Смирдинъ 9677. Буличъ стр. 252—263. Аѳанасьевъ 258 и 259. Неустроевъ стр. 132—135. Геннади 29. Майковъ стр. 400. Губерти III, 105.

Готье 3566 20 руб. Клочковъ 86—2841, 2 р. (не опечатка ли?) Шибановъ XXXIV—195, 12. р.

139. Кабинетъ Петра Великаго. Издано по Высочайшему повелѣнію, Императорской Академіи Наукъ Унтеръ-Библіотекаремъ Осипомъ Бѣляевымъ. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской типографіи 1800 года. 4°. Въ 3-хъ отдѣленіяхъ, *1 отд.* 6 нен. и 215 нум. *2 отд.* 2 нен. и 287 нум. и *3 отд.* 2 нен. и 278 нум. стр. При книгѣ четыре гравюры.

Книга въ первый разъ издана была въ 2 ч. въ 1793 г. Каждое отдѣленіе имѣетъ особую заглавную страницу, на которыхъ сообщается содержаніе. На первой гравюрѣ изображена статуя Петра, на второй его лошадь, на третьей двѣ его собаки и на четвертой гравюрѣ изображено паникадило, сдѣланное Петромъ и отрубокъ сосны. Настоящая книга подробно и обстоятельно описана Н. В. Губерти.

Сопиковъ 4974. Плавильщиковъ 3117. Смирдинъ 2728. Чертковъ 1838 г. 297, стр. 23. Березинъ-Ширяевъ V, стр. 87. Губерти II, 220. Ровинскій т. IV, стр. 50.

Мартыновъ 1066, 15 р. Шибановъ I—206, 7 р. Шибановъ VII—44, 15 р, Готье 45, 15 р. Клочковъ Библіографъ 1885 г. № 3, стр. 71, 7 р. Клочковъ 92—65, 6 р. Мелинъ I—374, 6 р.

140. Кавказскій плѣнникъ, повѣсть. Соч. А. Пушкина. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча. 1822. 8°. 53. стр. съ портретомъ.

Первое изданіе Кавказскаго плѣнника. Портретъ Пушкина, рисованный во время его юношества и гравированный Е. Гейтманомъ. Портретъ описанъ Д. А. Ровинскимъ подъ № 1-мъ.

Смирдинъ 6762.

141. Карманная книжка для В*** К*** и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ; съ присовокупленіемъ: 1) изъ высочайшей философіи для размышленія, и 2) поучительныхъ изрѣченій, раздѣленныхъ на три степени. Изданіе второе. Въ Москвѣ. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1783 года. 12°. 116 стр.

Въ первый разъ книжка эта издана въ Петербургѣ 1779 подъ заглавіемъ: „Записная книжка для друзей человѣчества". Н. И. Новиковъ показалъ Шишковскому, что Карманную Книжку перевелъ маіоръ Оболдуевъ; но на моемъ экземплярѣ есть надпись, что ее перевелъ В. Елагинъ. Книжка сожжена по распоряженію правительства.

Сопиковъ 5082. Лѣтописи Рус. Литер. и древности т. 5, стр. 7 и 26. Лонгиновъ стр. 208. Скабичевскій „Очерки по исторіи Рус. цензуры" Отеч. Записки 1882 г. № 4, стр. 466. Сочиненія Ешевскаго ч. III, стр. 407 и 408. Пыпинъ „Вѣстникъ Европы 1867 г. 9, стр. 40. Губерти II, 52.

Готье Рос. Библіогр. 1881 № 13, 5 р. Мартыновъ 2941, 5 р. Клочковъ 18—12178, 4 р. Шибановъ 1—140, 1 р. Шибановъ XII—174, 3 руб. Готье 1715, 4 р. Шибановъ XXII—143, 3 р. Готье 5759, 3 р. и 3 р. 50 (необрѣз. экземпляръ). Клочковъ 92—254, 6 р.

142. Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка, издаваемый Кириловымъ. С.-Петербургъ. MDCCCXLV. 16°. Два выпуска. Въ первомъ выпускѣ 176 стр., во второмъ съ 177 по 324 стр. 1 нен. XVII нум. стр. и четыре рисунка.

На оберткѣ перваго выпуска Словаря помѣщено нѣсколько словъ отъ издателя, гдѣ говорится, что Словарь есть краткая энциклопедія понятій, внесенныхъ къ намъ Европейскою образованностію. Первый выпускъ словаря вышелъ въ 1845 г., а второй напечатанъ въ 1846 году. Въ моемъ экземплярѣ втораго выпуска на ненумерованной страницѣ помѣщено посвященіе отъ издателя Великому Князю Михаилу Павловичу. Въ Словарѣ

объяснено 1799 словъ. Послѣдняя статья: „Орденъ Мальтійскій". На заглавномъ листѣ Словаря и въ его посвященіи Великому Князю Михаилу Павловичу значится издателемъ Н. Кириловъ, но собственно издателемъ Словаря былъ Кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Петрашевскій, убѣжденный поклонникъ ученій Фурье и другихъ соціалистовъ, распространялъ эти ученія, раздавая сочиненія ихъ разнымъ лицамъ. Съ 1845 года онъ устроилъ у себя по пятницамъ собранія, на которыхъ у него бывали учители, литераторы и студенты. На вечерахъ обсуждались такіе вопросы, какъ напримѣръ объ улучшеніи судопроизводства, объ уничтоженіи крѣпостнаго права, которые обсуждать было въ то время небезопасно. Съ цѣлью бо́льшаго распространенія своихъ идей, Петрашевскій предпринялъ издавать энциклопедію въ формѣ словаря иностранныхъ словъ, въ составленіи котораго принялъ самое дѣятельное участіе В. Н. Майковъ, даровитый критикъ, погибшій въ молодыхъ лѣтахъ отъ такой же случайной смерти, какъ и другой, болѣе поздній по времени, но не менѣе талантливый критикъ Д. Писаревъ. Въ составленіи Словаря также принималъ участіе товарищъ Майкова по Университету Р. Р. Штрандманъ. Въ Словарѣ проводились взгляды Овена, Сенъ-Симона, Фурье, Кабе, Прудона и другихъ. Довольно обстоятельно ученіе соціалистовъ было изложено въ статьѣ „Овенизмъ", помѣщенной на 263—266 страницахъ, и обѣщалось болѣе подробное его изложеніе подъ словомъ „Фурьеризмъ". Въ другихъ статьяхъ также излагалось это ученіе, какъ напримѣръ въ статьѣ „организація производства" или въ статьѣ „оракулъ"; въ послѣдней статьѣ, между прочимъ, говорится (295 стр.), что ученіе Іисуса Христа, „имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлію *водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности*, съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ... Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія..." Въ нѣкоторыхъ же статьяхъ, редакція Словаря относилась критически къ существующему порядку вещей, такъ напримѣръ въ статьѣ „Анархія" говорится: „Анархія иногда господствуетъ и въ такомъ государствѣ, гдѣ *повидимому* существуетъ и стройность и порядокъ въ управленіи, но въ *сущности* нѣтъ ни прочныхъ постановленій, ни строгаго выполненія ихъ". Слова „повидимому и въ сущности" напечатаны курсивомъ. Цензоръ, разсматривавшій Словарь, доносилъ Цензурному Комитету: „Главное затрудненіе проистекало изъ общаго направленія статей противъ существующаго порядка въ общественной жизни. Редакція Словаря видитъ во всемъ *ненормальное*, какъ она выражается, *положеніе* и напрягается всѣми силами развивать способы къ приведенію общества въ другое положеніе, нормальное. Для редакціи кажется, что въ христіанскомъ обществѣ должно быть равенство, потому что религія христіанская есть религія братской любви". По поводу этого донесенія въ офиціальномъ изданіи „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи" замѣчено: „Инстинктъ не обманывалъ цензора; предъ нимъ были первыя основанія весьма полной системы, которую онъ только

не умѣлъ назвать,—соціализма". Словарь, вскорѣ по выходѣ, былъ конфискованъ, по распоряженію правительства, второй же выпускъ совсѣмъ не поступилъ въ продажу. Правительство нашло, что „статьи Словаря составлены по энциклопедіи Пьера Леру, проникнутой тлетворными идеями". За эти идеи вскорѣ пришлось пострадать Петрашевскому и его кружку, въ которомъ былъ и Ѳ. М. Достоевскій. Въ Румянцевской и Чертковской библіотекахъ Словаря не имѣется, а въ библіотекѣ Щапова—экземпляръ не полный.

Геннади 187. Березинъ-Ширяевъ 1876 г. стр. 214. Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, стр. 46, 53 и 54. Русская Старина 1872 г. т. VI, 73, Вѣстникъ Европы 1886 г. № 4. Семевскій „Крестьянскій вопросъ въ Россіи" Спб. т. II стр. 370—385. Историч. Вѣстникъ 1888 № 5, стр. 448. Русская Старина 1890 г. № 1, стр. 52 и 53. Историч. Вѣстникъ 1890 г. № 6, стр. 543 и 544 и № 9 стр. 536 и 537. Критическіе опыты В. Майкова. С.-Петербургъ 1891 г. стр. II, XV—XVII и XIX.

Мартыновъ Рос. Библіографія 1881 г. № 18, 7 р. Шибановъ 1—385, 5 р. Мартыновъ 1383, 10 р. Шибановъ XXI—176, 5 р. (поврежденный экземпляръ). Шибановъ XL—188, 5 р.

143. Каталогъ хранящимся въ Императорской публичной библіотекѣ изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ. Санктпетербургъ. Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской, домъ № 15. 1867. 12°. 10 нен. 274 и XXXI нум. стр.

Въ прекрасно-составленномъ А. Ѳ. Бычковымъ и прекрасно-изданномъ каталогѣ описаны 205 изданій, напечатанныхъ при Петрѣ Великомъ гражданскимъ шрифтомъ съ разными библіографическими замѣчаніями. Каталогъ посвященъ барону М. А. Корфу въ память пятидесятилѣтія его службы. За описаніемъ книгъ помѣщенъ на нумерованныхъ Римскими цифрами страницахъ указатель. Каталогъ изданъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступалъ. Мой экземпляръ напечатанъ на двойной веленевой бумагѣ.

Геннади 213. Березинъ-Ширяевъ VIII, стр. 101. Березинъ-Ширяевъ Рос. Библіографія 1880 г. № 11. Семевскій „Рус. Старина 1890 г. № 10, стр. 303. Бокачевъ 252.

Мартыновъ „Рос. Биб. 1881 г. № 18, 40 р. на веленевой бумагѣ и 75 р. на двойной веленевой бумагѣ. Клочковъ 96—1915, 25 р. Клочковъ 75—326, 25 р. Клочковъ 91—5199, 25 р. Шибановъ XXXIV—60, 50 р. на слоновой бумагѣ. Клочковъ 100—5330, 25 р. Клочковъ 101—24, 25 р.

144. Ключъ къ таинствамъ натуры, сочиненіе г-на Эккартсгаузена, въ IV частяхъ. Изданіе второе. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Морской типографіи, 1821 года. 8°. *1 ч.* XII, 372 нум. 2 нен. стр. съ гравюрой, *2 ч.* 360 нум. стр. съ 4 гравюрами, *3 ч.* 309 нум. и 5 нен. стр. съ гравюрой и *4 ч.* VII, 304 нум. стр. съ гравюрой и таблицею.

Настоящее сочиненіе переведено Лабзинымъ и въ первый разъ издано въ 1804 г. Заглавные листы гравированы. На нихъ виньеты съ изображеніемъ умирающаго сфинкса. Гравюры работы нашихъ славныхъ граверовъ Ухтомскаго, Галактіонова и Сандерса. Въ первой части описываемаго экземпляра сохранилось гравированное заглавіе къ первому изданію. Сочиненіе запрещено и сдѣлалось рѣдкимъ. Въ каталогѣ Плавильщикова цѣна объявлена въ 150 рублей.

Сопиковъ 12697. Плавильщиковъ 1555. Смирдинъ 951, Россійская Библіографія 1881 г. 14 стр. 305. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 31. стр.

Мартыновъ 2023, 15 р. Мартыновъ 6607, 15 р. Шибановъ XXII—457, 5 р. Шибановъ XXXIV—604, 5 р. Готье 8912—6, 5. р.

145. Книга именуемая Брюсовской календарь. 1-е сотвореніе света. 2-е таблица ісчисленіе летъ праотецъ: 3-е святцы 12 мцъ влицахъ 4-е означеніе планетъ на всякій мцъ подкоторыми младенцы родятся. 5-е седмь вселѣнскихъ соборовъ. 6-е о праздникахъ яже каждаго лѣта преходятъ. 7-е четыре мира. 8-е Фигура о сіяніи луны. 9-е новая таблица круга луннаго. 10-е ісчисленія долготы широты и імена звездамъ. 11-е дѣйство особное и общѣе. 12 предъ знаменованіе дѣйствъ на всякій день. 13-е предъ знаменованіе времени на всякій годъ, 14-е таблица имѣетъ версты кроссійскимъ губерніямъ и городамъ. 15-е трактъ ксанктпетербургу и доиностранныхъ городовъ, дознатныхъ монастырей и доимператорски дворцовъ и коликое число соборовъ и монастырей и церквей. 16-е долготы широты по градусамъ знатныхъ городовъ. 17-е ланкарта московская. 18-е ланкарта санктъпетербургская. 19-е гербъ россійской имперіи спротчими. 20-е вѣдомость коликое, число во время крестныхъ ходовъ малыхъ и большихъ святыхъ иконъ отъ пускается. Въ продолговатую четверку, 51 стр. безъ обозначенія мѣста и года печати.

Экземпляръ на синей бумагѣ, гравированъ, страницы на оборотахъ чистыя. На одной изъ страницъ посвященіе императрицѣ Екатеринѣ II, съ государственнымъ гербомъ, а на другой портретъ Петра III въ медальонѣ. По обѣимъ сторонамъ медальоны съ вензелевыми именами Елисаветы и Петра. Подъ портретомъ видъ Петербурга, а затѣмъ карта Петербургской губерніи. Нѣкоторые листы складные. Экземпляръ, находящійся въ моей библіотекѣ съ описаннымъ у Снегирева (Лубочныя картинки Рус. народа М. 1861 г. 76 стр.) и съ описанными у Д. А. Ровинскаго (Русскія народныя картинки СП. 8. 1881 г. кн. II, стр. 361—433) имѣетъ разницу, но почти точно такой экземпляръ находится въ библіотекѣ

И. Дмитровскаго. Различіе отъ послѣдняго заключается только въ томъ, что въ моемъ экземплярѣ имѣется страница съ портретомъ Петра III и видомъ Петербурга, чего въ экземплярѣ Дмитровскаго не достаетъ.

Дмитровскій „Библіографъ 1887 г. 6 и 7, стр. 68—72.

146. Книга о Атакѣ и оборонѣ крѣпостей, изданная чрезъ господина де-Вобана, Маршала Франціи и Генерала Директора надъ фортификаціями королевства Французскаго, переведена чрезъ Ивана Ремезова, Порутчика Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1744. 4°. 8 нен. 5 и 184 нум. 1 нен. стр. съ XXXII чертежами, къ которымъ принадлежатъ еще 14 нен. стр. съ пояснительнымъ текстомъ.

Книга состоитъ изъ двухъ частей, въ первой помѣщены правила объ атакѣ крѣпостей, а во второй объ оборонѣ ихъ. Книга посвящена императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ переводчика. Заглавіе съ киноварью.

Сопиковъ 2517. Плавильщиковъ 215. Смирдинъ 4337. Чертковъ 1838 г. стр. 462, 49. Бартеневъ 4400. Геннади 14. Березинъ-Ширяевъ 1884 г. 274 стр. Губерти III, 48.

Мартыновъ „Рос. Библіографія“ 1881 г. 18, 15 р. Шибановъ 1—47, 10 р. Шибановъ III—25, 10 р. Шибановъ VIII—43, 3 р. 50 к. Клочковъ 7—5152, 10 р. Клочковъ II—7741, 6 р. Клочковъ 23—14327, 7 р. Клочковъ 52—50, 3 р. Шибановъ XXVIII—58, 5 р. Клочковъ 75—121, 4 р. Клочковъ 79—5, 4 р. Шибановъ XXXIV—77, 5 р. Клочковъ 100—5747, 2 р 50 к.

147. Книга объ избраніи на царство великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича. Издана коммиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящею при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Москва. Въ Сѵнодальной типографіи. 1856. Въ л. 4 нен. XL и ροί нум. стр. съ литохромическимъ портретомъ царя Михаила Ѳеодоровича и заглавнымъ листомъ.

При книгѣ долженъ быть атласъ съ 21 картинами, изображающими торжество избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, снятыми съ старинной рукописи. Самая рукопись находится въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Книга издана въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. На исполненіе картинъ, помѣщенныхъ въ атласѣ, было истрачено около 7000 р.

Геннади 198.—Д. А. Ровинскій т. IV, стр. 133 и 134.

Шибановъ 1—417, 12 р. (безъ атласа) Клочковъ 72—224, 25 р. (безъ атласа). Клочковъ 75—342, 25 р. (съ атласомъ). Готье 647, 35 р. съ атласомъ. Шибановъ 111—454, 35 р. съ атласомъ. Шибановъ XXXIV—229, 30 р. По публикаціи Московскаго Архива

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помѣщенной въ Р. Старинѣ 1890 г. 1, цѣна объявлена 3 р.

148. Книга степенная Царскаго родословія, содержащая исторію россійскую съ начала оныя до времен Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященныхъ митрополитовъ Кипріана и Макарія, А напечатанная подъ смотрѣніемъ Коллежскаго Совѣтника, и Императорской Академіи Наукъ, такожъ и разныхъ Иностранныхъ Академій и Вольнаго Экономическаго и Россійскаго Вольнаго же Собранія Члена Герарда Фридерика Миллера. Въ Москвѣ. При Императорскомъ Университетѣ. 1775. 4°. Двѣ части, въ 1 ч. VIII и 580 нум. во 2 ч. 298 нум. стр.

Въ Степенной Книгѣ примѣнена одна изъ первыхъ попытокъ къ систематизаціи Русской исторіи. Система принятая въ ней состоитъ въ расположеніи фактовъ по великимъ князьямъ, а великіе князья расположены по степенямъ. Степенную Книгу началъ составлять митрополитъ Кипріанъ, умершій въ 1406 г., а окончилъ ее митрополитъ Макарій, умершій въ 1564 году. При изданіи Степенной Книги Миллеръ имѣлъ двѣ рукописи, одна изъ которыхъ была писана въ царствованіе царя Ивана Васильевича.

Сопиковъ 5208. Плавильщиковъ 3007. Смирдинъ 2604. Чертковъ 1838 г. стр. 77, 16. Бартеневъ 1349. Геннади 45. Губерти I, 194. Петровъ. Исторія родовъ Рус. дворянства 1886 г. т. I стр. 1. Н. Барсуковъ. стр. 18 и 19.

Готье Рос. Библіографія 1881 г. 8, 20 р. Мартыновъ „Рос. Библіографія 1881 г. 18, 15 р. (за 2 часть). Мартыновъ 2239, 40 р. Готье Рос. Библіогр. 1881. 8, 20 р. Шибановъ VII—185, 25 р. Клочковъ, Библіогр. 1885 г. 5. стр. 130, 15 р. Пероновъ 1—25, 20 р. Шибановъ XI—200, 15 р. Шибановъ XIV—233, 15 р. Клочковъ 14—10256, 25 р. Шибановъ XVII—207, 20 р. Клочковъ 24—14840, 17 р. Клочковъ 37—20537, 15 р. Клочковъ 64—24312, 15 р. Клочковъ 50—1211, 10 р. Клочковъ 63—1586, 15 р. Шибановъ XXVII—154, 12 р. Клочковъ 68—2816, 15 р. Готье 5709, 15 р. Шибановъ XXXIV—221, 15 р. Шибановъ XXXIV—222, 20 р. (съ большими полями).

149. Книга Уставъ Воинскіи о должности генераловъ, фелтъ-маршаловъ, и всего генералітеита, и протчіхъ чіновъ, которые при воискѣ надлежатъ быть, и о иныхъ воінскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно. Напечатася повелѣніемъ Царскаго Величества. Въ Санктъпетербурхѣ. Лѣта Господня 1716, Іуліа въ 19 день. 8°. 301, 4 и 19 стр.

Это изданіе Воинскаго Устава Пекарскому не было извѣстно. Уставъ перепечатанъ въ V т. Полнаго Собранія Законовъ, подъ № 3006.

Бычковъ 72.

150. Книга уставъ морской, о всемъ что касается доброму управленію, въ бытности флота на морѣ. Напечатася повелѣніемъ Царскаго Велчества въ Санктъптербургской типографіи. Лѣта Господня 1720, Апрѣля въ 13 день. Въ л. 9 нум. 8 нен. 432 и 14 нум. стр. съ фронтисписомъ.

Предисловіе къ уставу, занимающее 9 нум. страницъ, было написано самимъ Петромъ, но передѣлано Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Первоначальная редакція помѣщена въ Исторіи Петра В. соч. Устрялова т. II, стр. 397—401. Положенія Устава большею частію заимствованы изъ Голландскихъ законовъ. Въ моемъ экземплярѣ не достаетъ рисунковъ. Фронтисписъ гравированъ Пикартомъ.

Сопиковъ 12226. Пекарскій II т. стр. 481—484, 437. Бычковъ 112.

Шибановъ IV—194, 10 р. Шибановъ XXXIV—232, 15 р. Шибановъ XXXIV—233, 10 р. (безъ фронтисписа).

ПИСЬМО Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО КЪ Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ.

Старая Русса, 17 Іюля 1880.

Глубокоуважаемая Елена Андреевна. Нуждаюсь во всемъ вашемъ человѣколюбіи и разумномъ снисхожденіи къ людямъ, чтобъ простить меня за то, что такъ промедлилъ отвѣтомъ на прекрасное и привѣтливое ваше ко мнѣ письмецо отъ 19 Іюня. Но вникните однакоже въ факты и, можетъ быть, найдете въ себѣ силу даже и ко мнѣ быть снисходительной. 11-го Іюня я возвратился изъ Москвы въ Руссу, ужасно усталый, но тотчасъ же сѣлъ за Карамазовыхъ и залпомъ написалъ три листа. За тѣмъ, отправивъ, принялся перечитывать все написанное обо мнѣ и о моей Московской рѣчи въ газетахъ (чего до тѣхъ поръ и не читалъ, занятый работой) и рѣшилъ отвѣчать Градовскому, т. е. не столько Градовскому, сколько написать весь *нашъ* profession de foi на всю Россію: ибо знаменательный и прекрасный, *совсѣмъ новый* моментъ въ жизни нашего общества, проявившійся въ Москвѣ на праздникѣ Пушкина, былъ злонамѣренно затертъ и искаженъ. Въ прессѣ нашей, особенно Петербургской, буквально испугались чего-то *совсѣмъ новаго*, ни на что прежнее не похожаго, объявившагося въ Москвѣ: значитъ, не хочетъ общество одного подхихикиванія надъ Россіей и одного оплеванія ея, *какъ* доселѣ; значитъ, настойчиво захотѣло иного. Надо это затереть, уничтожить, осмѣять, исказить и всѣхъ разувѣрить: «ничего-де такого новаго не было, а было лишь благодушіе сердецъ послѣ Московскихъ обѣдовъ. Слишкомъ-де уже много кушали». Я еще въ Москвѣ рѣшилъ, напечатавъ мою рѣчь въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, сейчасъ же издать въ Петербургѣ *одинъ* № «Дневника Писателя»—единственный номеръ на этотъ годъ, и въ немъ напечатать мою рѣчь *и нѣкоторое* къ ней предисловіе, пришедшее мнѣ въ голову буквально въ ту минуту на эстрадѣ, сейчасъ послѣ моей рѣчи, когда вмѣстѣ съ Аксаковымъ и всѣми, Тургеневъ и Анненковъ тоже бросились лобызать меня и, пожимая мнѣ *руки*, настойчиво говорили мнѣ, что я написалъ вещь *геніальную!* Увы, такъ ли они теперь думаютъ о ней? И вотъ мысль о томъ, какъ они подумаютъ о

ней сейчасъ, какъ опомнились бы отъ восторга, и составляетъ тему моего предисловія. Это предисловіе и рѣчь я отправилъ въ Петербургъ въ типографію и уже и корректуру получилъ, какъ вдругъ и рѣшилъ написать и еще новую главу въ Дневникѣ, profession de foi, съ обращеніемъ къ Градовскому; вышло два печатныхъ листа, написалъ—всю душу положилъ и сегодня, всего только сегодня, отослалъ ее въ Москву въ типографію. Вчера былъ день рожденія моего Ѳеди: пришли гости, а я сидѣлъ въ сторонѣ и кончалъ работу! А потому будьте же снисходительны ко мнѣ и вы, Елена, Андреевна, и не сердитесь за то, что замедлилъ отвѣтомъ. Я васъ люблю, и вы это знаете.

Впечатлѣній моихъ въ Москвѣ и проч. не могу пересказывать на письмѣ, теперешняго настроенія почти тоже. Весь въ работѣ, въ каторжной работѣ. Къ Сентябрю хочу и рѣшилъ окончить всю послѣднюю, четвертую часть Карамазовыхъ, такъ что, воротясь осенью въ Петербургъ, буду, относительно говоря, нѣкоторое время свободенъ и буду приготовляться къ Дневнику, который, кажется, уже навѣрно возобновлю въ будущемъ 1881 году.—Вы на дачѣ? Откудова же къ вамъ доходятъ вѣсти изъ Москвы? Не знаю, какъ вамъ передавалъ Гаевскій; но дѣло съ Катковымъ не такъ было. Каткова оскорбило Общество Любителей Русской Словесности, устраивавшее праздникъ, отобравъ у него назадъ посланный ему билетъ; а говорилъ рѣчь Катковъ на думскомъ обѣдѣ, какъ представитель Думы и по просьбѣ Думы. Тургеневъ же *совсѣмъ* не могъ бояться оскорбленій отъ Каткова и дѣлать видъ, что боится, а напротивъ Катковъ могъ опасаться какой-нибудь гадости себѣ. У Тургенева же была подготовлена (Кавалевскимъ и Университетомъ) такая колоссальная партія, что ему нечего было опасаться. Оскорбилъ же Тургеневъ Каткова первый. Послѣ того, какъ Катковъ произнесъ рѣчь и когда такіе люди какъ Иванъ Аксаковъ подошли къ нему чокаться (даже враги его чокались), Катковъ протянулъ *самъ* свой бокалъ Тургеневу, чтобы чокнуться съ нимъ, а Тургеневъ отвелъ свою руку и не чокнулся. Такъ разсказывалъ мнѣ *самъ Тургеневъ*.

Вы пишете, чтобъ я прислалъ вамъ мою рѣчь. Но я не имѣю у себя экземпляра, а единственный экземпляръ, который имѣлъ, въ типографіи, гдѣ печатается Дневникъ. Дневникъ выйдетъ около 5-го Августа: обратите на него вниманіе и сообщите его Андрею Андреевичу, дорогому моему сотруднику. Мнѣ хочется знать его мнѣніе.

Вашъ весь Ѳ. Достоевскій.

(*Сообщено Н. Н. Страховымъ.*)

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Статья **А. Л. Зиссермана.**

Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ. Статья **А. Н. Сиротинина.**

К. Ѳ. Рылѣевъ. Статья **А. Н. Сиротинина.**

Письма **А. С. Пушкина** къ графу Канкрину.

Письма **митрополита Филарета** къ А. П. Ахматову.

Письмо **митрополита Филарета** къ графу Д. А. Толстому о праздновании дня 4 Апрѣля 1866 года.

Гоголь и Славянофилы. Статья **Н. М. Павлова.**

Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. Посмертное сочиненіе **С. Т. Аксакова.**

Письма **К. С. Аксакова** къ Гоголю.

Три письма **Н. Ф. Павлова** къ Н. В. Гоголю.

Три автобіографическихъ письма **Н. П. Гилярова-Платонова.**

Въ приложеніяхъ къ **РУССКОМУ АРХИВУ** 1890 года помѣщены **«Капище моего сердца»**, соч. **князя И. М. Долгорукаго** и **«Дневникъ С. П. Жихарева»**. Цѣна Русскому Архиву 1890 года 8 р., съ пересылкою 9 р.

„БЛАГОВѢСТЪ".

Повременное изданіе, имѣющее цѣлью выясненіе духовно-нравственныхъ стремленій, задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и остальнаго Славянства, издается съ 15 Августа 1890 г. подъ руководствомъ Аѳ. Васильева. Сотрудники Н. П. и Ѳ. П. Аксаковы, С. Ѳ. Шараповъ, А. Г. Сахарова, Н. Н. Филипповъ, К. И. Одынецъ, Л. М. Медвѣдевъ, А. А. Коринфскій и др, Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна: за годъ съ дост. и перес. пять руб. Подписка принимается: съ 1 Авг. 1891 по 1 Авг. 1892 года цѣна пять руб. и съ 1 Авг. по конецъ года цѣна два руб. Благовѣстъ за 1890 г. съ руководящими статьями: Аѳ. Васильева—Задачи и стремленія Славянофильства, и Н. Аксакова—Причины невѣрія, высылается за два рубля.

Кормило (редакція) изданія: Петроградъ, Пет. стор., Большой пр. д. 1. Отдѣленіе при Русско-славянскомъ книжномъ складѣ: Невскій 74. Подписка принимается также въ книжныхъ лавкахъ „Новаго Времени" и кромѣ того въ Москвѣ: у Н. Печковской, Петровскія лин. и у И. Ф. Папкова Тверская, Чернышевскій переулокъ.

21 выпускъ „Благовѣста" содержитъ: 1) Критика и исторія въ описаніи земн. жизни Господа нашего Іисуса Христа. *Абб. Дидона.*—2) Желанные гости *Аѳ. Васильева.*—3) Демьянъ Куденевичъ. Переяславская быль XII вѣка. Стих. *Ѳ. Аксакова.*—4) Къ характеристикѣ народн. чтеній. *Казанца.*—5) „Вижу-ли колосъ къ землѣ нагибается". Стих. *Я. Егорова.*—6) Гайдукъ Иванъ. Разсказъ *Дж. Турича.* Переводъ съ Хорватскаго *Н. Филиппова.*—7) Слетъ Чешскихъ „соколовъ" въ Прагѣ. *І. Т-ка.*—8) По поводу XIII тома сочиненій графа Л. Н. Толстаго. *Н. Ч.*—9) Венгерская полиція въ Воеводинѣ и Сербы. *Мил. Мар—нича.*—10) „Въ минуту сомнѣній и горькихъ скорбей..." Стих. *Л. Медвѣдева.*— 11) Положеніе Русскаго дѣла въ Польшѣ. Письмо *Л. К.*—12) О новыхъ книгахъ.

22 выпускъ „Благовѣста" отъ 15 Августа содержитъ: 1) Преп. Сергій Радонежскій, всея Россіи Чудотворецъ. По поводу предстоящаго 500-лѣтія его блажен. кончины. *Ѳ. Четыркина*— 2) Критика и исторія въ описаніи земн. жизни Господа нашего Іисуса Христа. *Абб. Дидона.*—3) Привѣтствія королю Сербскому Александру.- 4) „О не корите меня"... Стих. *Л. Медвѣдева.*—5) Угорская Русь *Ѳ.*—6) О старомъ и новомъ славянофильствѣ *Н. П. Аксакова.*

Кормчій **Ѳ. В. Четыркинъ.** Издательница **А. В. Васильева.**

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—**одиннадцать рублей**; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; **въ Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 61-й, кв. 11 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по Четвергамъ отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ продажи.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ, Ю. Бартеневъ.**

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1892 году на прежнихъ основаніяхъ (годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

Отъ Саратовскаго особаго по продовольственному вопросу Комитета.

Саратовской губерніи предстоитъ пережить тяжелый годъ. Чтобы составить понятіе о нуждѣ населенія нужно замѣтить, что если въ губерніи собирается всякаго хлѣба менѣе 11-ти милліоновъ четвертей, то она уже нуждается.

Въ 1880 году губернію постигъ голодъ. Она получила всего около 5¾ милл. четв. хлѣба. Бѣдствіе облегчалось урожаемъ смежныхъ губерній, и Саратовская, съ помощію казны, около 3-хъ милліоновъ рублей, могла кое-какъ перебиться. Тогда она не была еще истощена: у крестьянъ имѣлись деньги, кое-какіе запасы хлѣба, заработки, а главное—кормъ для скота.

Въ 1889 и 1890 годахъ губернія подверглась недороду: собрано въ 1889 году всего 10½ милліоновъ четвертей хлѣба и въ 1890 менѣе 9 милліоновъ четвертей. Потребовалась значительная денежная помощь и запасные хлѣбные магазины были разобраны.

Въ настоящемъ же 1891 году собрано хлѣба значительно менѣе 1880 года; во многихъ мѣстахъ не получено сѣмянъ; яровые посѣвы почти всѣ погибли; нѣтъ сѣна и соломы; скотъ безъ кормовъ; народъ безъ топлива; всѣ денежные и хлѣбные запасы истощены: въ сосѣднихъ губерніяхъ также голодъ; заработковъ нѣтъ. Судите о нуждѣ и чѣмъ можете **ПОМОГИТЕ!**

Предсѣдатель Комитета Саратовскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ **Косичъ**.

8 Сентября 1891 г. г. Саратовъ.

Пожертвованія принимаются: у казначея Комитета Николая Петровича Фролова, Малая Сергіевская ул., соб. домъ; въ канцеляріи губернатора, губернской земской управѣ, Саратовской городской управѣ, Саратовскомъ биржевомъ комитетѣ и уѣздныхъ земскихъ и городскихъ управахъ.

НОВАЯ КНИГА:

Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи.

Т. I съ 1768 по 1774 г.

Изданіе состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Коммисіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Подъ редакціей проф. А. А. Цагарели.

Спб. 1891 г. LXXII+518 стр. Съ картою Закавказья 1771 г.

Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

Продается въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и у книгопродавца А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ князя Горчакова.

„КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА“ графа Л. Н. Толстаго. Замѣтки **И. С. ЛИСТОВСКАГО.** М. 1891. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

ВОСПОМИНАНІЯ А. Г. ХОМУТОВОЙ О МОСКВѢ ВЪ 1812 ГОДУ.

Почти восемьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ эпохи Отечественной войны. Едва ли остался кто въ живыхъ изъ ея свидѣтелей и участниковъ. Воспоминаній о томъ времени накопилось въ печати множество, и не смотря на то, новые, неизвѣстные памятники славной эпохи постоянно выплываютъ на свѣтъ Божій. Къ числу такихъ воспоминаній принадлежитъ и тотъ разсказъ, который предлагается здѣсь читателямъ.

Долгое время Отечественная война изучалась только со стороны военной и политической; немало также было говорено и объ ея вліяніи на развитіе нашего общественнаго и народнаго самосознанія. Но бытовая сторона войны, состояніе Русскаго общества передъ ея началомъ и въ самый періодъ борьбы еще недостаточно выяснены, не смотря на существованіе уже нѣсколькихъ замѣчательныхъ попытокъ не только въ нашей исторической литературѣ, но и въ романѣ. Печатаемыя воспоминанія даютъ богатый матеріалъ именно въ этомъ отношеніи. Они принадлежатъ женскому перу, притомъ перу молодой особы, жившей среди самого блестящаго общества старой «до-пожарной» Москвы.

Сочинительница этихъ воспоминаній Анна Григорьевна Хомутова, лицо, безъ сомнѣнія, памятное читателямъ «Русскаго Архива»: въ 1867 году на его страницахъ были помѣщены любопытные отрывки изъ ея дневника, и кромѣ того сообщена была краткая ея біографія. То и другое было доставлено при посредствѣ князя П. А. Вяземскаго, который лично зналъ А. Г. Хомутову и справедливо цѣнилъ интересъ ея воспоминаній. Въ 1812 году ей было двадцать шесть лѣтъ; она была хорошо образована по своему времени, то-есть прекрасно владѣла Французскимъ языкомъ и много читала изъ Французской литературы. Одаренная живымъ чувствомъ, умная и наблюдательная, она съ ранней молодости сдѣлала привычку вести дневникъ и заносила въ него не только обстоятельства своей личной жизни, но и все то, что видѣла и слышала кругомъ себя. Впослѣдствіи, не выйдя замужъ, она еще болѣе посвятила себя литературнымъ занятіямъ и стала сочинять повѣсти, полагая въ основы ихъ истинныя происшествія изъ жизни того общества, среди котораго ей приходилось вращаться. Повѣсти А. Г. Хомутовой остались ненапечатанными, и объ этомъ можно пожалѣть: онѣ, безъ сомнѣнія, не лишены интереса, если не въ художественномъ, то въ историческомъ отношеніи; обставленныя необходимыми объясне-

ніями, онѣ могли бы послужить любопытными памятниками нравовъ и понятій прошлаго, подобно тому, какъ во Французской литературѣ XVII столѣтія «героическіе» романы дѣвицы Скюдери представляютъ идеальную картину придворнаго общества временъ регентства Анны Австрійской.

Въ своихъ литературныхъ занятіяхъ А. Г. Хомутова выработала, очевидно, извѣстный навыкъ изложенія, о чемъ свидѣтельствуютъ и разсказы ея о 1812 годѣ. Это не просто отрывки изъ ея дневника, но также и не воспоминанія, набросанныя чрезъ много лѣтъ послѣ совершившихся событій, подъ впечатлѣніями иного времени и измѣнившейся обстановки; разсказъ А. Г. Хомутовой есть переработка ея поденныхъ записокъ, въ которой постепенныя наблюденія приведены въ порядокъ и, такъ сказать, подведены къ итогамъ, но не утратили своей первоначальной свѣжести *). Сочинительницѣ хотѣлось, при помощи имѣвшихся у нея матеріаловъ, намѣтить существенныя черты достопамятной эпохи и пережитыхъ тогда впечатлѣній, и задача эта рѣшена ею очень удачно. Не смотря на краткость разсказа, передъ читателями проходятъ въ живыхъ очеркахъ разные представители и представительницы стариннаго Московскаго большаго свѣта, и ихъ образы ярко рисуются сперва на блестящемъ фонѣ свѣтской жизни, а затѣмъ—среди треволненій и бѣдствій грознаго нашествія. Разсказу своему А. Г. Хомутова сумѣла сообщить извѣстную цѣльность, и это служитъ ей извиненіемъ въ тѣхъ случахъ, когда рядомъ съ новыми подробностями она повторяетъ вещи общеизвѣстныя.

Большое достоинство воспоминаній А. Г. Хомутовой составляетъ ея безпристрастіе. Говоря о старомъ Московскомъ обществѣ, она не впадаетъ въ тонъ сатиры, но также не пишетъ и апологіи ему. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи воспоминанія А. Г. Хомутовой выгодно отличаются отъ извѣстныхъ уже въ печати писемъ ея современницы и сверстницы М. А. Волковой. Коренная Москвичка, М. А. Волкова твердо стоитъ на житейскомъ уставѣ, выработанномъ въ Московскихъ гостиныхъ, и съ этой точки зрѣнія судитъ и рядитъ обо всѣхъ и обо всемъ, начиная съ мелкихъ свѣтскихъ происшествій и кончая нашими военными порядками (въ которыхъ нарушено старшинство по службѣ, «существовавшее испоконъ-вѣку») и недавнею Московскою гостьею, г-жею Сталь, «которая сочиняетъ столь безнравственныя книги, что міръ гибнетъ съ тѣхъ поръ, какъ люди стали думать и чувствовать, какъ эта женщина». Такихъ самоувѣренныхъ и рѣшительныхъ приговоровъ мы не найдемъ у А. Г. Хомутовой. Къ окружавшей ее средѣ она относилась не безъ критики. Легкомысліе и малодушіе, обнаруженныя многими Москвичами въ эту страшную пору, не ускользали

---

*) Судя по эпиграфу, воспоминанія А. Г. Хомутовой о 1812 годѣ составлены уже въ тридцатыхъ годахъ: эпиграфъ взятъ изъ стихотворенія князя П. А. Вяземскаго „Къ старому гусару“ (Д. В. Давыдову), которое написано въ 1832 году, а въ печати появилось въ 1833 (Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV, стр. 152). Стихи Жуковскаго, помѣщенные въ концѣ воспоминаній взяты изъ вступленія къ „Двѣнадцати спящимъ дѣвамъ“, произведенія, написаннаго въ 1817 году.

отъ ея наблюдательности, и она говоритъ о нихъ съ нѣкоторымъ юморомъ. Но не насмѣшка, а чувство жалости и скорби преобладаетъ въ ея разсказѣ. Она умѣла понять грозную торжественность минуты, и эту-то драматическую сторону тогдашняго настроенія выдвигаетъ она впередъ, изображая ее впрочемъ безъ всякой риторики, просто и задушевно. Мимоходомъ упоминая ту или другую замѣчательную личность, она искусно отмѣчаетъ, какъ отражались на ней тогдашнія событія, сообразно ея характеру. Въ настроеніи свѣтской молодежи, устремившейся въ военную службу, она вѣрно угадала порывъ патріотизма съ примѣсью сентиментальности. Бѣдствія народной толпы также находятъ себѣ откликъ въ ея сердцѣ, и въ то время, какъ М. А. Волкова пишетъ, что отложила свой отъѣздъ въ деревню, потому что «тамъ теперь тяжелое время—происходитъ наборъ ратниковъ», А. Г. Хомутова выражаетъ сочувствіе горю крестьянскихъ семей, изъ которыхъ отцы, братья и сыновья уходятъ на войну. Вообще, весь разсказъ А. Г. Хомутовой проникнутъ чувствомъ человѣчности, и это придаетъ ему особую прелесть.

«Воспоминанія о Москвѣ въ 1812 году» написаны на французскомъ языкѣ; они составляютъ тетрадь почтовой бумаги въ восемь листовъ довольно мелкаго письма, съ очень немногими помарками. Рукопись эту, составляющую автографъ сочинительницы, мы получили въ свое распоряженіе, благодаря любезности А. А. Катенина. Мы старались передать разсказъ А. Г. Хомутовой въ возможно-точномъ переводѣ, не дозволяя себѣ никакихъ измѣненій или сокращеній противъ подлинника.

Л. Майковъ.

10 Сентября 1891.
С. Михайловское.

Москва въ 1812 году.

Но не та Москва, что̀ нынѣ,
А Двѣнадцатаго года,
Веселая голова,
Какъ сбиралась непогода,
А ей было трынъ-трава!

Князь П. А. Вяземскій.

Никогда не забуду я 20-го Іюня 1812 года. Точно сейчасъ вижу ту большую комнату, въ которую мы вошли, возвратясь съ вечера, проведеннаго въ гостяхъ,—комнату, раздѣленную пополамъ стеклянными ширмами краснаго дерева, съ креслами, обитыми тисненою кожей, и столомъ, покрытымъ зеленою скатертью; на немъ стояли двѣ свѣчи, корзинка съ плодами, присланная М. А. Дурасовымъ, и лежала куча писемъ. Д. Н. Дурновъ сталъ ихъ распечатывать, его жена принялась складывать свою желтую шаль, а я закусила отличный персикъ. Дмитрій Николаевичъ, не мѣняясь въ лицѣ, обыкновеннымъ своимъ

голосомъ прочелъ громко: «Французы переправились черезъ Нѣманъ и вступили въ наши предѣлы». Марья Никитична выпустила шаль изъ рукъ, я подавилась персикомъ: раздался первый ударъ колокола, возвѣщавшаго бѣдствіе! «Кости брошены», писалъ намъ Фридрихъ Феншау: «Французы перешли черезъ Нѣманъ, и теперь мы должны убѣдиться въ ихъ коварствѣ. Прочтите письмо Государя къ графу Салтыкову,—вы увидите, что Александръ твердо рѣшился наказать Наполеона за его коварное вторженіе. Вчера императрица Марія Ѳедоровна пріѣзжала изъ Павловска, чтобы помолиться о дарованіи побѣды ея сыну; иностранные посланники еще здѣсь, хоть и получили уже свои паспорты; вотъ уже три дня, что вся Европа двинулась на насъ съ Наполеономъ».

На другой день это извѣстіе заняло всѣ умы: ѣздили другъ къ другу, чтобы сообщить его; останавливались на улицахъ, чтобы перемолвиться; разсказывали о праздникѣ въ Закретѣ, гдѣ стало извѣстно Государю, о приближеніи Французовъ, объ ихъ вступленіи въ Вильну, откуда наши едва успѣли выйти, о паденіи галереи, которое явилось печальнымъ предзнаменованіемъ, и о трагической смерти архитектора, ея несчастнаго строителя.

Слѣдующіе дни прошли въ праздныхъ толкахъ и догадкахъ; но никто не предвидѣлъ, что въ скоромъ времени изчезнетъ и слѣдъ тѣхъ богатыхъ и изящныхъ гостиныхъ, гдѣ напропалую препирались о предстоявшихъ событіяхъ, которыхъ однако никто не умѣлъ вообразить себѣ въ настоящемъ свѣтѣ. По вечерамъ, слѣдуя модному обычаю, много народа собиралось на бульварѣ; тревожныя толпы, въ мрачномъ настроеніи, проходили по немъ, прислушиваясь къ рѣчамъ говоруновъ, которые разсказывали то, что̀ успѣли узнать, провѣдать, а иной разъ и выдумать. Н. Н. Демидовъ, въ короткомъ плащѣ, изъ-подъ котораго видны были его вышитые панталоны, шелъ съ грустнымъ видомъ, совершенно разстроенный, испуская вздохи—не все однако о бѣдствіяхъ отечества. В. П. Бахметевъ, въ изящномъ костюмѣ, устремлялся вслѣдъ за нимъ со своими племянницами и дочерьми, свѣженькими цвѣточками въ ту пору, но которымъ суждено было скоро погибнуть. Онѣ кокетливо кивали головой князю Николаю Гагарину, который въ небрежной позѣ сидѣлъ на скамейкѣ, не слушая болтовни сѣменившаго около него Бартенева. Вяземскій порхалъ около хорошенькихъ женщинъ, мѣшая любезности и шутки съ серьезными тогдашними толками. Василій Пушкинъ подвигался за нимъ тяжелымъ шагомъ; его широкое добродушное лицо выражало полнѣйшую растерянность; впервыя, при разговорѣ о Наполеонѣ, онъ не рѣшился разсказать, какъ имѣлъ—*счастіе* представляться ему. Въ обществѣ господствовала робкая, но глу-

хая тревога; всѣ разговоры вращались около войны: одерживались побѣды, терпѣлись пораженія, заключались договоры. Но всего болѣе распространено было мнѣніе, что Наполеонъ, послѣ двухъ-трехъ побѣдъ, принудитъ насъ къ миру, отнявъ у насъ нѣсколько областей и возстановивъ Польшу,—и это находили вполнѣ справедливымъ, великолѣпнымъ и ничуть не обиднымъ!

Однажды, послѣ обѣда, я застала Е. Н. Нелединскую въ ея оранжево-зеленой комнатѣ. Она лежала на диванчикѣ слабая, хворая, скорченная, съ огорченіемъ слушая пустые разговоры окружавшихъ ее дамъ. Ю. А. Нелединскій глядѣлъ на нихъ съ насмѣшливою улыбкой и наконецъ промолвилъ: «Во всемъ, что̀ вы тутъ говорите, нѣтъ никакого смысла; а я вамъ скажу кое-что повѣрнѣе».—«Ну, что же? Что же? Говорите скорѣе!»—«Да то, что Французы придутъ въ Москву». «Въ Москву! Какой ужасъ! Французы придутъ въ Москву!»—«Да, черезъ три мѣсяца!» Старухи стали креститься, отплевываться и проклинать Наполеона; а мы, молодыя дѣвушки, возбужденныя угрожающею опасностью, мы воображали себя то амазонками, то странницами, то сестрами милосердія; мы готовы были взяться за копья, за лопаты и щипать корпію. Annette Трубецкая мечтала о каскѣ, Catherine Пушкина—о батистовомъ чепчикѣ; Sophie Нелединская предпочитала тотъ нарядъ, который болѣе соотвѣтствовалъ ея лѣнивой беззаботности.

Въ ту пору мы съ М. Н. Дурновой часто ѣзжали обѣдать къ ея брату, который жилъ въ своемъ старинномъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ. Н. Н. Демидовъ желтый, измятый, сгорбленный, убитый воздухомъ родины, на который онъ ворчалъ, жиденькимъ голосомъ изливалъ свои патріотическія чувства и бранилъ Французовъ за то, что по ихъ милости онъ вынужденъ былъ покинуть любезную ему Францію. Е. А. Демидова спрашивала: что̀ станется съ эмигрантами, если они всѣ возмутся за оружіе? «Они будутъ разстрѣляны», холодно отвѣчалъ Д. Н. Дурновъ, понюхивая табакъ изъ своей прекрасной табакерки съ эмалью. Она блѣднѣла, а другіе улыбались или поглядывали на малахитовые часы, которые она, какъ разсказывали, остановила въ минуту своего прощанья съ графомъ Полиньякомъ, командиромъ Апшеронскаго полка; такъ они и стояли теперь.

Вечера мы проводили у губернатора Обрѣзкова. Сюда являлись пріѣзжіе, здѣсь узнавались новости, и здѣсь же постоянно можно было встрѣтить графа Растопчина. Его широкій лобъ еще не былъ тогда озаренъ пламенемъ Московскаго пожара, ни запечатлѣнъ убійствомъ Верещагина. Умный человѣкъ и прекрасный, но не неистощимый разкащикъ, графъ Растопчинъ часто повторялъ свои любимые

анекдоты; но смѣяться всему, что бы онъ ни сказалъ, считалось въ обществѣ обязательнымъ.

5-го Іюля Феншау писалъ намъ слѣдующее: «Графъ Сенъ-Жюльенъ уѣхалъ послѣ невѣроятныхъ усилій; прекрасная Аріадна, графиня Потоцкая, оковала его узами, которыя могъ порвать только долгъ. Маршалъ еще здѣсь и корчитъ важную особу въ экипажѣ своего начальника. Завтра выѣзжаютъ иностранные дипломаты. Вчера фельдъегерь привезъ извѣстіе о двухъ дѣлахъ—подъ Миромъ и Новогрудкомъ, окончившихся въ пользу Русскаго оружія».

Въ Москвѣ радовались этимъ двумъ удачамъ и возлагали большія надежды на укрѣпленный лагерь у Дриссы. Тревога уменьшилась: стали возвращаться къ обычнымъ заботамъ и привычкамъ.

Мы отправились въ деревню къ одной изъ нашихъ родственницъ. Я оставила тамъ Марью Никитичну и возвратилась въ Москву 10-го Іюля поздно вечеромъ. Я очень устала, и утромъ, 11-го Іюля, еще спала глубокимъ сномъ, какъ внезапно меня разбудилъ стукъ открывшейся двери. Передо мною стоялъ мой отецъ недвижимъ и въ сильнѣйшемъ волненіи, съ бумагой, которая дрожала у него въ рукѣ. То былъ ужасный манифестъ, которымъ Государь возвѣщалъ грозившую отечеству опасность, необходимость всеобщаго вооруженія и свое прибытіе въ Москву, гдѣ его ждали въ тотъ же день. Наступило страшное утро: мчались экипажи, мужчины спѣшили къ графу Растопчину, народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу Царю или въ Кремль; мы бродили по нашимъ огромнымъ комнатамъ и посылали во всѣ концы за извѣстіями. П. Н. Демидовъ написалъ нѣсколько строкъ карандашомъ: «Трубецкой, привезшій манифестъ, долго сидѣлъ у меня вчера вечеромъ; все идетъ дурно. Я послалъ за сестрой». Едва узнавъ объ ея пріѣздѣ, я отправилась къ ней пѣшкомъ, подъ палящимъ солнцемъ и ослѣпляемая пылью, которую поднималъ вѣтеръ. Марья Никитична лежала за ширмами и, опасаясь, что слишкомъ разгорѣлась во время переѣзда, смачивала себѣ лицо одеколономъ. Я ходила по комнатѣ и при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ бросалась къ окну. Вотъ приближается карета; я воскликнула: «Князь Трубецкой пріѣхалъ!» — «Ахъ, я такъ разстроена», отвѣчала мнѣ Марья Никитична, «что не могу принять его». Но просьбами и мольбами я убѣдила ее встать съ постели. Трубецкой входитъ и съ развязнымъ, почти веселымъ, по своему обыкновенію, видомъ объявляетъ намъ въ короткихъ словахъ, что лагерь у Дриссы оставленъ, что Наполеонъ быстро приближается, и что Государь пріѣдетъ объявить о созывѣ ополченія. Къ этимъ печальнымъ новостямъ онъ прибавилъ нѣсколько шутокъ и заставилъ насъ смѣяться вопреки нашему ужасу.

Вечеромъ весь городъ собрался въ Кремлѣ. Толпились на площади и душили другъ друга на лѣстницѣ. Болѣе свободно было намъ въ малой галереѣ и въ сосѣднихъ съ нею залахъ, открытыхъ по распоряженію П. С. Валуева. Съ приторною вѣжливостью, гнусливымъ голосомъ онъ старался разсѣять мою тревогу; между тѣмъ Демидовъ, котораго пробиралъ ознобъ, усиливалъ ее своимъ мрачнымъ видомъ. Обрѣзковъ, прозванный Иваномъ Быстрымъ, бѣгалъ въ своемъ бѣломъ мундирѣ, объявляя направо и налѣво: «Французы въ Оршѣ». Тарара *)—одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ уже нѣтъ въ нынѣшнее время—Тарара, этотъ длинный, сухощавый мастеръ на пустыя дѣла, расточалъ свои вздоры во всѣхъ углахъ. Между тѣмъ приближалась ночь. Государя все не было. Стали тревожиться, громкій разговоръ превратился въ шепотъ, шепотъ—въ молчаніе. Едва слышнымъ голосомъ стали говорить: «Государь погибъ!» Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ,—всему готовы были вѣрить или всего бояться. На Спасской башнѣ пробило десять часовъ; народъ на площади заволновался. Демидовъ притронулся къ моему локтю похолодѣлою рукой и сказалъ: «Бунтъ!» Тарара, прерванный на какой-то шуткѣ, тоже пробормоталъ: «Бунтъ!» И это слово, переходя изъ устъ въ уста, слилось въ глухой гулъ. Онъ затихъ только предъ прекрасною, покойною фигурой Обрѣзкова, который, сидя у окна, смотрѣлъ на освѣщенныя луной толпы волновавшагося народа. Вскорѣ стала извѣстна причина этого волненія: прибылъ курьеръ отъ Государя съ извѣстіемъ, что самъ онъ пріѣдетъ лишь завтра.

На другой день, 12-го Іюля, небо покрылось грозными тучами, подобно тому, какъ тяжелая судьба расстилалась надъ нашими головами. Кремль опять наполнился людьми, площадь почернѣла отъ народной толпы, мы снова собрались въ малой галереѣ. Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботы выражалось во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой. Крики *ура* проводили его въ соборъ. Звонили во всѣ колокола; но въ этомъ благовѣстѣ, въ этихъ крикахъ было что-то мрачное.

Вечеромъ на бульварѣ господствовало уныніе, и Бахметевъ увлекъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ предавались только любви, куренію и забавамъ. Графъ Салтыковъ и князь Гагаринъ въ сюртукахъ, безъ галстуховъ, лежали на диванахъ, держа въ рукахъ длинныя трубки, которыя закуривали имъ дочери и племянницы хозяина, а тѣ цѣловали

---

*) Князь Трубецкой, прозванный такъ потому, что „тарара" было его любимою поговоркою. (Сочиненія князя П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 468).

ихъ въ лобъ въ знакъ благодарности. Въ отдаленномъ уголкѣ г-жа Николева пересѣменивала *) то съ Обрѣзковымъ, то съ графомъ Санти; это подало поводъ Томасу сказать, что она измѣряетъ широту и долготу. Хорошенькія горничныя въ зеленыхъ передникахъ разносили чай и подавали ужинъ. Бахметевъ пересыпалъ разговоръ двусмысленностями, а Евреиновъ и Нарышкинъ распѣвали:

Si l'on mettait è l'eau fraîche
Toute fillette qui pêche,
L'eau fraîche serait enfin
Plus chère que le vin!

14-го Іюля яркое освѣщеніе златоглаваго собора, при лучахъ солнца, составило какъ бы вѣнецъ надъ главой Государя, который горячо молился. Толпа такъ была велика, а жара такъ сильна, что многимъ дамамъ дѣлалось дурно. По выходѣ изъ собора князь Трубецкой заѣхалъ къ намъ, чтобы насъ успокоить. Онъ разсказывалъ намъ о молодыхъ военныхъ и о томъ, какъ онъ влюбленъ въ свою очаровательную невѣсту (дѣвицу Вейсъ). Затѣмъ пріѣхалъ Балашовъ и придалъ разговору болѣе дѣльное направленіе. Онъ былъ тогда очень интересенъ; онъ былъ посылаемъ въ Вильну, видѣлъ Наполеона и говорилъ намъ, что засталъ его въ той самой комнатѣ, которую за нѣсколько дней предъ тѣмъ занималъ нашъ Государь. Наполеонъ, по его словамъ, не хотѣлъ принять никакого мирнаго соглашенія и выражалъ удивленіе, что мы намѣрены сопротивляться. «Онъ спросилъ меня: Да что́ же поддерживаетъ Русскихъ?—Вѣра, государь!—Да развѣ ея такъ много въ Россіи?—Также много, какъ въ Испаніи. Онъ насупилъ брови и вскорѣ отпустилъ меня».

Вечеромъ, у Обрѣзкова стало извѣстно о прибытіи великаго князя Константина и шла рѣчь о собраніи дворянства и купечества, назначенномъ на слѣдующій день. Одни готовы были все принести въ жертву отечеству; другіе желали бы спасти его, не слишкомъ вредя собственному благосостоянію; нѣкоторые полагали, что всѣ эти жертвы безполезны и что подвергнуться пораженію отъ Наполеона—дѣло неизбѣжное. Графъ Растопчинъ пріѣхалъ поздно; онъ не сѣлъ за карты, а разговаривалъ съ мужчинами, на которыхъ, повидимому, желалъ подѣйствовать. Искусный мастеръ, онъ подготовлялъ матеріалъ, чтобы завтра пустить его въ дѣло.

15-го Іюля нашъ балконъ былъ занятъ множествомъ дамъ, а всѣ мужчины отправились въ собраніе. Вскорѣ прибылъ туда Государь;

*) Употребляемъ выраженіе Ю. А. Нелединскаго, которымъ онъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, означалъ кокетливую болтовню молодыхъ женщинъ.

онъ проѣхалъ въ коляскѣ съ Великимъ Княземъ, которому брови, насупленныя болѣе обыкновеннаго, придавали грозный видъ. Государь былъ блѣденъ и задумчивъ. Часы проходили въ ожиданіи; улица, по которой прогремѣли тысячи экипажей, опустѣла и затихла. Первый выбѣжалъ изъ собранія Волковъ; онъ мчался со всѣхъ ногъ, билъ въ ладоши и подавалъ намъ знаки восторга. Затѣмъ появился Государь: онъ былъ свѣтелъ и раскланивался, какъ бы выражая признательность. Наконецъ, возвратились наши господа; мы стали спрашивать у нихъ подробностей, а они требовали завтрака; наименѣе проголодавшійся разсказалъ намъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ дворянства и купцовъ, о полкахъ, которые обѣщали поставить и снарядить Демидовъ, князь Гагаринъ, графъ Салтыковъ и графъ Мамоновъ.

17 го Іюля на бульварѣ шелъ говоръ про отъѣздъ Великаго Князя и про сраженіе подъ Дашковкой, которое такъ славно выдержано генераломъ Раевскимъ.

18-го Іюля, за обѣдомъ у Демидова, онъ и Гагаринъ ломали себѣ головы, какъ бы имъ назвать свои полки, и наконецъ рѣшили такъ: Спасскій егерскій и Кремлевскій гренадерскій. Такъ какъ графъ Салтыковъ уже назвалъ свой полкъ Московскимъ гусарскимъ, то одинъ казацкій полкъ Мамонова оставался еще безъ прозвища; это безпокоило Демидова, и онъ послалъ Бахметева и Евреинова за справками. Вечеромъ, у Обрѣзкова было множество народа: графъ Растопчинъ сообщилъ объ отъѣздѣ Государя; Балашовъ пріѣхалъ проститься; онъ прошелся по заламъ съ Дурновымъ и долго говорилъ съ нимъ на лѣстницѣ. Затѣмъ Дмитрій Николаевичъ явился за мною на балконъ, гдѣ я весело болтала съ моими пріятельницами. Лицо его, всегда безстрастное, выражало чрезвычайную тревогу. «Позовите жену», сказалъ онъ,—и поѣдемте; у меня болитъ голова». Какъ только мы сѣли въ карету, онъ поднялъ стекло, опасаясь быть услышаннымъ, и сталъ намъ говорить шепотомъ: «Петербургъ въ опасности; мнѣ сказалъ объ этомъ Балашовъ и совѣтовалъ намъ уѣзжать, чтобы спасти, что̀ будетъ можно; завтра мы ѣдемъ». Жена его принялась плакать и доказывать безполезность отъѣзда.

Ночь прошла у нихъ въ спорахъ, которые возобновились и на слѣдующее утро. Дмитрій Николаевичъ настаивалъ на отъѣздѣ и на всѣ возраженія отвѣчалъ: «У меня есть жалованныя табакерки отъ всѣхъ Государей, ото всѣхъ дворовъ; я не хочу ихъ лишиться.» Только графу Кутайсову удалось шутками и бранью убѣдить его отложить отъѣздъ на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобъ онъ уѣхалъ одинъ, если это окажется возможнымъ.

Мы съ Дурновой отправились къ Барановымъ и застали тамъ обоихъ Пушкиныхъ, Вяземскаго съ женою (они только что пріѣхали изъ Остафьева) и графа Мамонова, молодаго, умнаго, богатаго, всѣми уважаемаго красавца, который бросилъ свою столь почетно начатую службу, чтобы посвятить себя отечеству въ дни его бѣдствія. Шелъ печальный разговоръ о текущихъ событіяхъ. Василій Львовичъ испускалъ громкіе вздохи, и Алексѣй Михайловичъ замѣтилъ ему: «Да напиши ты жалобную пѣсенку; теперь какъ разъ время развернуться твоей плаксивой Музѣ. Впрочемъ, этотъ дуракъ ничего не умѣетъ сдѣлать во время: онъ и не подозрѣваетъ, что его отечество на краю гибели, какъ во время оно не подозрѣвалъ, что я былъ въ связи съ его женой.» Княгиня Вѣра разсмѣялась, мы тоже, и такимъ образомъ часокъ позабыли грозившую намъ участь.

20-го Іюля мы присутствовали большимъ обществомъ на народномъ праздникѣ. М. Н. Дурнова пріѣхала разряженная, но въ слезахъ, и объявила намъ: «Я завтра уѣзжаю; генералъ Кутузовъ напугалъ меня; онъ увѣряетъ, что Москва въ опасности не меньше Петербурга». Внезапный ужасъ овладѣлъ нами, и мы зарыдали среди радостныхъ кликовъ уже кончавшагося праздника, которому суждено было быть послѣднимъ въ этихъ стѣнахъ, вскорѣ опустѣвшихъ и сдѣлавшихся жертвою огня.

22-го Іюля Марья Никитишна желала еще разъ блеснуть своимъ изящнымъ туалетомъ на бульварѣ. Тамъ стучали шпоры и толпилось множество новыхъ военныхъ, такъ какъ всѣ чиновники промѣняли перо на шпагу. Гагаринъ и Салтыковъ щеголяли своими мундирами, и не одно сердечко летѣло за ними въ слѣдъ или разрывалось предъ разлукой. Н. Н. Демидовъ украсился эполетами и все пытался снять свою шляпу съ перьями, постоянно забывая, какъ военные отдаютъ честь. На гуляньѣ было много народа, но господствовало уныніе: говорили только о войнѣ. За то у Обрѣзкова играли въ карты въ глубокомъ молчаніи;—казалось, всѣ уста замкнулись въ виду приближавшейся опасности. Только графъ Растопчинъ бодро встрѣчалъ ее неистощимою болтовней. Его рѣчи какъ бы предвѣщали тѣ афиши, которыя онъ сталъ выпускать вслѣдъ затѣмъ. Онъ смѣялся надъ нашими страхами и упрекалъ Марью Никитишну. «Сдѣлайте мнѣ честь», говорилъ онъ, «повѣрьте мнѣ: пока я главнокомандующимъ въ Москвѣ, я не отдамъ ея ключей Наполеону».—«Ну, а если васъ заставятъ?» возразилъ ему одинъ изъ почитателей великаго человѣка. «Меня заставятъ?» воскликнулъ Ростопчинъ и поднялся во весь свой ростъ. «Но, графъ», возразилъ его собесѣдникъ, «вѣдь Вѣна, Берлинъ, Мадридъ»...—«Москва не будетъ имъ подражать и останется неподражаемою»,

воскликнулъ Растопчинъ. Пожаръ Москвы, казалось, пылалъ уже въ его воображеніи, и блескъ огня уже отражался въ его сѣрыхъ глазахъ.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ разсталась я съ М. Н. Дурновой, не зная, когда намъ суждено будетъ снова встрѣтиться, такъ какъ среди печальной мглы настоящаго мы не предугадывали чудесъ будущаго.

Послѣ отъѣзда Марьи Никитишны я стала больше сидѣть дома; мысли мои все омрачались. Москва боролась со всѣми бѣдствіями тогдашней поры; въ ней еще не прекращались ни гулянья, ни вечера, ни даже балы, но уныніе съ каждымъ днемъ въ ней усиливалось. Бульваръ почти совсѣмъ опустѣлъ, въ театръ перестали ѣздить, собранія въ частныхъ домахъ стали рѣдки и печальны: говорили только объ опасностяхъ да о скоромъ отъѣздѣ; всѣхъ угнетала мысль о необходимости бѣгства. Извѣстій изъ главной квартиры не приходило; опасались, чтобъ армія Багратіона не была окончательно отрѣзана отъ арміи Барклая. Однажды вечеромъ, между тѣмъ какъ Нелединскій и Карамзинъ разсуждали объ этомъ, и лица ихъ, у одного—спокойное, у другого—очень подвижное, бороздились тревогою, а Вяземскій, сидя съ нами за мраморнымъ столикомъ, составлялъ полкъ изъ женщинъ и вербовалъ насъ всѣхъ, давая пароль: «aimer toujours, changer souvent», явился князь Александръ Оболенскій съ извѣстіемъ о побѣдѣ Тормасова надъ Саксонцами подъ Кобринымъ.

На другой день мы пили чай на балконѣ, когда мимо насъ проѣхалъ, стоя на дрожкахъ, комендантъ Гессе, носившій очень длинный султанъ и отличавшійся рѣзкостью манеръ, и послалъ одного изъ своихъ драгуновъ поздравить насъ съ побѣдой. Минуту спустя, входитъ Д. Н. Дурновъ, предшествуемый, какъ всегда, блюдомъ съ плодами, отираетъ себѣ лобъ краснымъ бумажнымъ платкомъ и подаетъ намъ грязный и измятый листокъ бумаги; этотъ листокъ содержалъ въ себѣ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна подъ Себежемъ и о соединеніи обѣихъ армій подъ стѣнами Смоленска.

Но эти арміи продолжали отступать! Стали говорить объ измѣнѣ и называть предателей; Е. С. Обрѣзкова громко посылала имъ проклятія.

6-го Августа, когда стали сотнями приводить ополченцовъ, былъ ужасный день. Они наводнили всѣ улицы, всѣ дворы; ихъ сопровождали матери, жены и дѣти; на каждомъ шагу, ежеминутно происходили раздирательныя сцены. Я встрѣтила Вяземскаго въ мундирѣ Мамоновскаго полка. «И вы тоже», сказала я, «вооружились на защиту Москвы».—«Нѣтъ, я защищаю только Лубянку», отвѣчалъ онъ и запѣлъ:

„Лучше улицъ всѣхъ Лубянка!“

Въ послѣдній разъ улыбнулась я въ Москвѣ, да и то съ усиліемъ. Какая-то грусть слышалась въ голосѣ Вяземскаго, не смотря на его веселую пѣсню: въ эту минуту, какъ впрочемъ нерѣдко, краешекъ его сердца мелькнулъ сквозь шутливость его ума.

Нелединскій торопилъ свою жену отъѣздомъ; наканунѣ его я отправилась съ Юріемъ Александровичемъ и съ Sophie на бульваръ. Онъ былъ совершенно пустъ. Евреиновъ шелъ, прихрамывая, съ Демидовымъ и показывалъ ему хорошенькихъ магазинщицъ, разряженныхъ во все, что̀ у нихъ перестали покупать. Тарара̀, опустя руки, дивился, что никто не смѣется его шуткамъ. Возвратясь домой, мы застали у Екатерины Николаевны *) старую княгиню Барятинскую, умъ которой сохранилъ еще столько привлекательности, что забывались ея семьдесятъ лѣтъ и понятны становились тѣ страсти, которыя она внушала въ молодости. Она была возмущена жестокостями, которыя приписывались Французской арміи, и не узнавала націи, такъ восхищавшей ее во время о̀но въ Парижѣ. «Нѣтъ», восклицала она, «это не соплеменники Вольтера, который былъ такъ любезенъ съ женщинами; онъ сказалъ мнѣ: J'ai vu le soleil et vous, madame; je puis mourir». Послѣдній ужинъ въ розовой столовой прошелъ печально. Sophie сидѣла надувшись и глотала слезы; Екатерина Николаевна плакала и говорила мужу: «Мнѣ все кажется, что мы съ тобою не увидимся».—«Будьте покойны», отвѣчалъ онъ, «увидите еще меня: не умремъ же мы на нашихъ курульныхъ креслахъ; при первомъ признакѣ опасности дадимъ тягу».

Нелединскіе уѣхали 10-го Августа. Я была очень огорчена: разрывалась первая связь, нарушалась одна изъ привычекъ. Вечеромъ въ тотъ же день на нашей улицѣ раздался шумъ, и она наполнилась народомъ; но было темно, и только при свѣтѣ нашихъ лампъ мы могли разглядѣть конныхъ драгунъ, полицейскихъ офицеровъ и самого Ивашкина въ дрожкахъ. Мы не понимали причины всего этого движенія; но одинъ знакомый забѣжалъ къ намъ и сказалъ, что арестовали почтдиректора Ключарева. Посѣтитель ушелъ, и ворота заперли изъ предосторожности на случай безпорядковъ; но я осталась у окна, чтобы смотрѣть и слушать. Вдругъ меня окликнулъ чей-то голосъ, прерываемый слабыми рыданіями: то была одна изъ нашихъ родственницъ; она стояла на улицѣ и кричала въ отчаяніи: «Смоленскъ взятъ!» Я содрогнулась, у меня застучали зубы. Въ тоже время Демидовъ явился къ намъ, чтобы сообщить, что Французы послѣ кровопролитнаго сраженія вошли въ Смоленскъ, который горитъ съ четырехъ концовъ, а наша армія

*) Т. е. у Нелединской. П. Б.

отступила къ Дорогобужу. Моя тетка и кузина, пріѣхавшія къ намъ ужинать отъ Барановыхъ, привезли еще новыя подробности объ этомъ роковомъ событіи.

На другой день появилось о томъ печальное извѣстіе. О, сколько горя, сколько страха причинило оно! Живо помню тѣхъ взволнованныхъ людей, что̀ появлялись и мелькали въ нашей желтой гостиной: одни раскраснѣвшіеся, съ видомъ отчаянія, другіе блѣдные, трепещущіе. Фельдмаршальша *), съ краснымъ, распухшимъ отъ слезъ лицомъ, расположилась на диванѣ и обмахивалась старымъ вѣеромъ; вокругъ нея толпилось человѣкъ двадцать, которые предавались жалобамъ, разсказывали что-то, проклинали судьбу, строили предположенія, которыя немедленно и опровергались. Едва кто нибудь заводилъ рѣчь объ отъѣздѣ, какъ начинали обсуждать, слѣдуетъ ли уѣзжать и куда; боялись всего и подозрѣвали всѣхъ; обвиняли дипломатовъ, генераловъ и, кажется, самого Государя въ томъ, что они предали Россію или потеряли голову. Москва заволновалась отъ ужаса; думали только о бѣгствѣ и о томъ, чтобы увезти свое добро или зарыть его въ землю, либо замуравить въ стѣну. Дома загромоздились сундуками, улицы наполнились обозами, тяжелыми каретами и легкими бричками съ цѣлыми семьями и всѣмъ скарбомъ. Церкви стояли цѣлый день отворенныя; только въ нихъ знакомые встрѣчались другъ съ другомъ, пожимали другъ другу руки, плакали и прощались даже съ тѣми, кого едва знали. Общая опасность, общее бѣдствіе легли камнемъ на всѣхъ Москвичей.

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ, предъ тою чудною иконой Спасителя, которая блюдетъ насъ въ нашихъ бѣдствіяхъ и пріемлетъ наши молитвы, я видѣла г-жу Бартеневу, которая казалась мнѣ не столь пустою въ минуту горя, и г-жу Корсакову съ ея юношей-сыномъ, уже въ ополченскомъ мундирѣ; она молилась за двухъ другихъ своихъ сыновей, уже находившихся въ арміи и изъ которыхъ одному суждено было вскорѣ погибнуть. Много народу собиралось въ Кремлѣ, котораго бѣлыя башни и золоченые купола, казалось, посылали намъ торжественный прощальный привѣтъ. Мы смотрѣли на нихъ со слезами, спрашивая себя: увидимъ ли мы ихъ снова? В. Л. Пушкинъ, возводя глаза къ небу и подымая руки, декламировалъ:

„Москва, Россіи дочь любима!“

Мы грустно слушали его, когда внезапно появившійся Алексѣй Михайловичъ ударилъ его по плечу со словами: «Да полно тебѣ чужимъ

---

*) Графиня Анна Павловна Каменская, рожденная княжна Щербатова, вдова фельдмаршала графа Михаила Өедотовича Каменскаго.

умомъ жить!» Мнѣ была досадна эта неумѣстная шутка, какъ взрывъ хохота въ домѣ, гдѣ лежитъ мертвецъ.

13-го Августа мы отправились пѣшкомъ къ Обрѣзковымъ. Улицы были пусты, на углахъ перешептывались какіе-то люди во фризовыхъ шинеляхъ; видъ города былъ страшенъ: ни звѣздочки на небѣ, ни одной свѣчи въ окнахъ домовъ; я обрадовалась, увидѣвъ освѣщенный домъ Обрѣзкова. Въ гостинной у нихъ было много народа, но царствовало молчаніе. Только графъ Растопчинъ встрѣчалъ опасность съ насмѣшливою улыбкой и своими обычными шутками. Всѣмъ, кто ему говорилъ о возможности занятія Москвы Французами, онъ отвѣчалъ: «Мы размостимъ улицы и выгонимъ ихъ градомъ камней». Демидовъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ: «Завтра мы выступаемъ въ Можайскъ. Напишите моей сестрѣ и молитесь за меня. Мы будемъ драться!» Между тѣмъ порывъ вѣтра ворвался въ открытое окно и привелъ въ движеніе кисти его золотыхъ эполетъ и голубые цвѣты на моей шляпкѣ. «Ужасный климатъ», сказалъ онъ, «а вѣдь придется стоять на бивакѣ». Когда мы возвращались, улицы были также темны; но движенія на нихъ было больше, только оно возбуждало еще больше безпокойства, чѣмъ прежняя тишина. Производился арестъ подозрительныхъ Французовъ, которыхъ предполагали на другой день выслать во внутреннія губерніи. Въ тотъ же вечеръ стало извѣстно о побѣдѣ Витгенштейна подъ Кохановой и о назначеніи Кутузова. Рѣшили, что все спасено, такъ какъ во главѣ арміи поставленъ человѣкъ не съ Нѣмецкимъ именемъ. А между тѣмъ эта армія все отступала да отступала къ Москвѣ, преслѣдуемая непріятелемъ, и опасность становилась все болѣе неминуемою.

Мы тоже выѣхали въ Рыбинскъ. Дорога была усѣяна разными повозками; стѣны постоялыхъ дворовъ покрыты надписями, писанными чернилами или карандашомъ, или вырѣзанными ножемъ. То были числа дней, стихи и проза, какъ напримѣръ: «Le mot *adieu*, ce mot terrible!» «Distinguez-vous et ne m'oubliez pas!» «Je vous salue, o lieux charmants, quittés avec tant de tristesse!» Было и такое странное четверостишіе:

Барклай де-Толли
Не нужно болѣ!
Поѣхалъ Кутузовъ
Бить Французовъ!

У Троицы мы остановились, чтобы помолиться Св. Сергію, мощи котораго почіютъ въ серебряной ракѣ. Тутъ мы встрѣтились съ Барановыми, отъѣзжавшими въ Казань, и разстались съ ними со слезами.

Въ Рыбинскѣ мы тоже застали раздирательныя сцены сдачи ополченцевъ. Мы жили здѣсь въ скукѣ и грусти, ходили только въ церковь

да гуляли по берегу Волги; но Волга утратила для насъ свою прелесть и поэзію: ея волны отражали въ себѣ небо изгнанія.

1-го Сентября узнали мы о Бородинской битвѣ и съ содроганіемъ прочли длинный списокъ убитыхъ и раненыхъ, изъ которыхъ о многихъ хранили мы или пріятное, или сердечное воспоминаніе. Тутъ былъ и графъ Кутайсовъ, который, прежде чѣмъ наводить свои пушки, пѣвалъ обожаемой имъ красавицѣ:

Non, tu n'auras jamais d'autre rivale
Q'un peu de gloire au champ d'honneur,

и Баранцовъ, котораго прелестный голосъ еще звучалъ въ ушахъ робко любимой имъ Евгеніи, и Валуевъ, и Корсаковъ, и Грузинскій, которые всѣ бывали на нашихъ балахъ,—князь Дмитрій, такъ весело плясавшій у насъ 1-го Мая уже на восходѣ солнца и протягивавшій, чтобы потушить свѣчи, ту самую руку, которую ему оторвало на полѣ сраженія (эта рана была причиной его смерти, и онъ умеръ съ именемъ Nathalie на устахъ).

Каждый день являлись къ намъ новые бѣглецы изъ Москвы. Они разсказывали намъ о Растопчинскихъ афишахъ, о послѣднихъ надеждахъ, которыми упивалась народная толпа, и о крестномъ ходѣ, въ которомъ по всему городу носили икону Иверской Божіей Матери, въ сопровожденіи толпы плачущаго народа и всѣхъ властей, уже чувствовавшихъ, что подъ ними колеблется та почва, гдѣ они командуютъ. Еще новые бѣглецы сообщили намъ, что въ Москву прислано было множество раненыхъ, что оттуда вывезли пожарные инструменты, что тамъ разбивали кабаки и бочки съ виномъ.

Матушка разсказала намъ, что 31-го Августа вечеромъ она была у фельдмаршальши съ другими четырьмя или пятью дамами, и что всѣ изнемогали отъ сомнѣній, когда пришло письмо П. С. Валуева: «Все идетъ худо; я уѣзжаю сегодня въ ночь». Это и было сигналомъ къ ихъ общему бѣгству.

Но судьба Москвы еще не была рѣшена: то говорили, что ее сдадутъ, то—что будутъ защищать и драться на Поклонной горѣ, то—что очистятъ городъ. Такъ различны были ежеминутно доходившіе до насъ слухи, и эта неизвѣстность убивала насъ.

«Москва взята!» эта вѣсть раздалась въ нашихъ ушахъ, какъ глухой ударъ грома. Ее повторяли не то съ ужасомъ, не то съ сомнѣніемъ; потому что опредѣленнаго извѣстія не было. Воображали даже, что Англичане прійдутъ на помощь Москвѣ, или что Карагеоргій съ Сербами уничтожитъ Французскую армію! Де-Санглень, посланный изъ главной квартиры въ Петербургъ, остановился въ Рыбинскѣ, чтобы пе-

ремѣнить лошадей; всѣ наши господа бросились въ почтовую контору увидѣть и пораспросить его. Онъ разсказалъ про послѣдній военный совѣтъ въ Филяхъ, гдѣ обсуждался вопросъ объ оставленіи Москвы, какъ Кутузовъ предложилъ этотъ вопросъ только что вошедшему Раевскому, и какъ тотъ отвѣтилъ:

Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она.

Де-Сангленъ подтвердилъ извѣстіе о занятіи Москвы Наполеономъ. Мы были поражены и со слезами на глазахъ воображали себѣ враговъ на улицахъ и въ домахъ роднаго города. Онъ горѣлъ, и вновь прибывавшіе бѣглецы разсказывали намъ объ этомъ ужасномъ пожарѣ, о церквахъ, обращенныхъ въ конюшни, объ опустошеніи Московскихъ окрестностей. Говорили также, что все наше имущество разграблено, что проникли въ нашу замурованную комнату: наша вольная, спокойная, счастливая жизнь погребена въ дымящихся развалинахъ Москвы, и бѣдные Москвичи разсѣялись въ разныя стороны, безъ надежды снова соединиться. Мы оплакивали наше прошлое и то, что̀ насъ ожидало впереди; оплакивали наши потери и наши воспоминанія, наши надежды смятыя, разрушенныя и словно брошенныя въ пропасть. О, какъ сильны были наши рыданія, какъ горячи молитвы въ тѣ минуты, когда священникъ, колѣнопреклоненный предъ Всевышнимъ, произносилъ слова: «Многомилостиве Господи! Покори враги подъ нозѣ наши!» Однажды вечеромъ намъ сказали, что Французы въ Угличѣ, и показали намъ на горизонтѣ со стороны Углича красноватое зарево. Намъ почудилось, что Угличъ горитъ, и что враги скоро пріййдутъ въ Рыбинскъ. Всю ночь я не смыкала глазъ и слышала ѣзду и крики на улицѣ; я подошла къ окну и отдернула занавѣску. При блѣдномъ свѣтѣ Сентябрьскаго утра увидѣла я военные повозки и мундиры. Пальцы у меня сжались, и я разорвала занавѣску. Я подумала, что вступаютъ Французы; но оказалось, что то былъ двигавшійся куда-то нашъ военный обозъ.

Вслѣдствіе извѣстія о появленіи Французовъ въ Угличѣ принцъ Ольденбургскій прислалъ въ Рыбинскъ распоряженіе сжечь дрова и хлѣбъ на баркахъ. Испуганные и приведенные въ отчаяніе купцы поспѣшили въ Ярославль и выхлопотали у его высочества распоряженіе объ отсрочкѣ этой мѣры впредъ до тѣхъ поръ, пока бѣдственный ходъ дѣлъ приведетъ къ ея необходимости. Въ то время, какъ купцы, за десятою чашкой чая, разсказывали намъ объ этой экспедиціи, въ комнатѣ появилось нѣчто въ родѣ привидѣнія: то былъ одинъ изъ знакомыхъ отца, пришедшій изъ Москвы пѣшкомъ. Онъ былъ въ сермяжномъ кафтанѣ и въ лаптяхъ; растрепанные волосы и борода почти закрывали его лицо, въ которомъ только и оставалось человѣческаго,

что два черные глаза. Онъ разсказалъ намъ, прерывая свои слова воплями, про видѣнные имъ ужасы и перенесенные страданія. «Злодѣи отняли у меня», говорилъ онъ, «образа въ окладахъ и мои серебряныя ложки».

Летучая почта принесла намъ извѣстіе, что Винценгероде и Левъ Нарышкинъ взяты въ плѣнъ, и что вскорѣ Москва будетъ намъ возвращена; но радость наша была непродолжительна.

13-го Октября, по выходѣ отъ обѣдни, мы узнали, что предъ оставленіемъ Москвы Наполеонъ велѣлъ взорвать Кремль: соборы, дворецъ, наши святыни, гробницы нашихъ государей, все погибло! Мы поблѣднѣли при этомъ извѣстіи, холодъ охватилъ насъ съ головы до ногъ.

14-го Октября мы поѣхали къ фельдмаршальшѣ въ Мологу. Жалко было видѣть ее въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, убранномъ выбойчатою мебелью, послѣ того какъ она жила въ палатахъ, украшенныхъ золотомъ и шелкомъ. Тамъ мы узнали объ обратномъ взятіи Полоцка Витгенштейномъ и о побѣдѣ при Тарутинѣ, но это было малымъ утѣшеніемъ сравнительно съ вѣстью о разрушеніи Кремля.

15-го утромъ пришли къ намъ г. Грушецкій и графъ Михаилъ Гудовичъ, спѣша, на сколько позволяли имъ ихъ старыя ноги. Едва вошли они въ комнату, какъ бросились цѣловать насъ и кричали: «Слава Богу! Слава святымъ Его! Соборы цѣлы! Взорвана только небольшая часть Кремля. Иловайскій занялъ Москву. Москва опять наша!» Мы возблагодарили Бога со слезами радости, которыхъ уже давно не проливали. Узнавъ, что на площади собраны Французскіе плѣнные, мы отправились посмотрѣть на нихъ. При видѣ насъ они сняли фуражки и согласились надѣть ихъ только по нашему настоянію. Казалось, имъ было пріятно, что мы говорили по французски: они сказали намъ, что не будь холода—они вообразили бы себя во Франціи. Тутъ было человѣкъ десять офицеровъ разныхъ націй, и все люди порядочные. Самый видный изъ нихъ былъ De-la-Thibaudière, родомъ изъ Вандеи: онъ увѣрялъ насъ, что участвовалъ во всѣхъ Вандейскихъ кампаніяхъ и разсказывалъ о бѣдствіяхъ своего семейства. Они жаловались на грубость Русскихъ крестьянъ, говорили намъ о Метивье, Рейневалѣ и Коленкурѣ, котораго называли большимъ негодяемъ. О своемъ императорѣ они выражались очень непочтительно. «Его величество», говорили они, «очень ошибся: онъ полагалъ, что будетъ встрѣченъ съ отверстыми объятіями; а теперь ему остается только, если угодно, летѣть во Фран-

цію на воздушномъ шарѣ. Бородинское дѣло»—прибавляли они—«было прекрасно въ своемъ ужасѣ; а отступать Русскіе умѣютъ великолѣпно».

Мы разстались съ ними послѣ большихъ любезностей съ ихъ стороны.

Возвратившись домой, мы узнали отъ проѣзжавшаго Жандра о сраженіи подъ Малоярославцемъ, которое преградило Французамъ путь на Калугу. Они направили свое отступленіе на Смоленскъ, подвергая себя ужаснымъ затрудненіямъ, преслѣдуемые нашими войсками; ихъ брали въ плѣнъ тысячами. Толпы плѣнныхъ проходили по Ярославской губерніи. Я видѣла ихъ, и сердце мое обливалось кровью: едва прикрытые рубищемъ, босые, гонимые палками нашихъ мужиковъ, они протягивали раненую руку прохожимъ. «Du pain! Un sou!» кричали они на томъ языкѣ, который мы слышали доселѣ только въ звучныхъ стихахъ и изящныхъ разговорахъ.

Наконецъ, 13-го Ноября мы отправились въ Москву, куда уже возвратились всѣ власти, отъѣзжавшія во Владиміръ. Въ Ростовѣ мы поклонились мощамъ Св. Димитрія, почіющимъ въ серебряной ракѣ. У Троицы мы слышали заупокойную службу по митрополитѣ Платонѣ. 20-го, холоднымъ и туманнымъ утромъ, приблизились мы къ Москвѣ и тщетно старались разглядѣть золотой крестъ Ивана Великаго. Нашъ ямщикъ жалобнымъ голосомъ пѣлъ пѣсню:

Слободушка моя разореная!

Слезы полились у насъ изъ глазъ. Городъ представился намъ грудою развалинъ, нагроможденныхъ среди совершеннаго безлюдья. Мы проѣзжали мимо стѣнъ каменныхъ домовъ, но безъ крышъ и безъ оконъ. Нашъ домъ уцѣлѣлъ, но былъ въ полномъ безпорядкѣ: мебель частью унесена или замѣнена какою-то другою, шкафы разбиты, книги разорваны, бумаги разбросаны по полу, занавѣски содраны, стекла выбиты. Комнаты наши стали все равно что ледникъ: я зябла въ нихъ и плакала отъ холода; тутъ я узнала, какъ страдаютъ бѣдняки. Лишь нѣкоторыя церкви приводились въ порядокъ, и ихъ святили вновь для божественной службы. Кремль былъ запертъ. Только издали можно было видѣть башни и стѣны его, разрушенныя злобою Наполеона; но всѣ съ пламенною вѣрой возводили взоры на икону Св. Николая Чудотворца, у которой стекло и лампада остались невредимы среди этого ужаснаго потрясенія. Воду пили съ предосторожностями; купить что-нибудь для устройства дома не было возможности; торговля возникала

помаленьку въ шалашахъ и холщевыхъ палаткахъ. Въ нашу замуравленную комнату проломанъ былъ ходъ: съ образовъ сорваны дорогіе оклады, а самыя иконы брошены на полъ; фарфоръ и хрусталь разбиты на мелкіе кусочки; платья наши уничтожены, и я нашла только обрывокъ золотой бахромы, блестящій остатокъ моихъ нарядовъ.

Постепенно доходили до насъ извѣстія о побѣдѣ подъ Краснымъ, о бѣдственной переправѣ черезъ Березину, о жалкомъ отступленіи Французовъ и объ отъѣздѣ Наполеона изъ Сморгонъ въ Парижъ. Наконецъ, врагъ былъ изгнанъ изъ Русскихъ предѣловъ, и наша главная квартира перенесена въ Вильну. Государь прибылъ туда съ наградами для вѣрныхъ и съ прощеніемъ для виновныхъ. Россія была спасена!

Москва искупила ее своимъ славнымъ пожаромъ. Никто не сомнѣвался, что пожаръ былъ произведенъ по распоряженію графа Растопчина: онъ приказалъ раздать факелы выпущеннымъ колодникамъ, а его довѣренные люди побуждали ихъ къ поджогу. Графъ Растопчинъ похудѣлъ и утратилъ свою насмѣшливую улыбку; на лбу у него, еще болѣе обнажившемся отъ волосъ и покрытомъ морщинами, лежала печать тяжкой думы, смѣлаго дѣла и открытаго признанія въ немъ. Въ Нижнемъ и въ Казани, куда удалилось большинство Москвичей, уже стали веселиться и давать балы. Но наша жизнь въ Москвѣ была тягостна и печальна. Городъ еще не заселялся и, бродя, среди покрытыхъ снѣгомъ развалинъ, мы не слышали стука экипажей и вообще никакого шума: то была тишина погребальнаго склепа. По вечерамъ вдругъ раздавался выстрѣлъ изъ пистолета; но никто не зналъ, было ли то дѣломъ случая или преступленія. Поэтому очень удивило насъ, когда М. А. Дурасовъ вздумалъ пригласить насъ на обѣдъ въ свое Люблино. Насъ собралось тамъ человѣкъ съ тридцать, и всѣ были обрадованы и поражены тѣмъ, что могли свидѣться, но въ тоже время печалились нашею малочисленностью, отсутствіемъ многихъ, кого намъ недоставало. Мужчинъ было больше, чѣмъ женщинъ; пріѣхали между прочимъ Булгаковъ, котораго любопытно было послушать, и графъ Андрей Гудовичъ, громко потѣшавшійсяся надъ хозяиномъ. Обѣдъ у Дурасова былъ великолѣпенъ; потомъ послѣдовало представленіе его крѣпостныхъ актеровъ и возвращеніе при факелахъ. Все это произвело на насъ странное впечатлѣніе. Нельзя передать того, что̀ почувствовали мы при первомъ ударѣ смычка на порогѣ Москвы; а въ Москвѣ еще пахло дымомъ пожара.

Это подобіе праздника было единственнымъ нашимъ увеселеніемъ на Рождествѣ. 31-го Декабря я сидѣла одна у себя въ комнатѣ, когда пробило полночь.

Такъ кончился 1812 годъ, годъ столь тяжелый, а начатый такъ весело у одного изъ Нарышкиныхъ, среди пѣсенъ, танцевъ, возліяній и свѣта огней, при столькихъ пожеланіяхъ и поздравленіяхъ! Мнѣ не суждено было увидѣть многихъ изъ тѣхъ, кто ожидалъ найдти въ немъ себѣ счастіе.

Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ,
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки...
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!

*

Воспоминанія Анны Григорьевны Хомутовой о Москвѣ 1812 года написаны слишкомъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ событій, въ то время, когда она жила въ Петербургѣ, въ семействѣ брата своего Сергѣя Григорьевича Хомутова. Старою дѣвушкою сохраняла она живость душевную. Лермонтовъ написалъ ей извѣстное посланіе. Въ тридцатыхъ годахъ, вскорѣ послѣ Польскаго мятежа, въ нашемъ образованномъ обществѣ оживилось народное сознаніе. Возникла мысль о памятникѣ на Бородинскомъ полѣ, въ Зимнемъ дворцѣ собраны портреты дѣятелей 1812 года, Михайловскому-Данилевскому поручено написать Исторію Отечественной войны. Для Государя Николая Павловича съ этою войною соединялась память о молодыхъ годахъ его, а главный тогдашній дѣятель, графъ Бенкендорфъ былъ однимъ изъ ея участниковъ. Многіе въ то время стали записывать свои воспоминанія о 1812 годѣ, и въ числѣ ихъ А. Г. Хомутова. Большая часть лицъ, упоминаемыхъ ею, извѣстны читателямъ „Русскаго Архива“. Напомнимъ, что Дурновы жили въ прекрасномъ домѣ своемъ на Петровкѣ, рядомъ съ монастыремъ, Демидовы за церковью Никиты-мученика на Покровкѣ, Нелединскіе въ Златоустовскомъ переулкѣ, въ домѣ принадлежавшемъ въ наши дни Мазурину (еще недавно уничтоженъ на немъ гербъ Нелединскихъ), что Сонн Нелединская—это Софья Юрьевна Самарина, а старая княгиня Барятинская—бабка фельдмаршала (урожд. принцесса Гольштейнъ-Бекъ). П. Б.

ПОХОДНЫЯ ЗАМѢТКИ Н. А. ОБНИНСКАГО.

Покойный отецъ мой, полковникъ Наркизъ Антоновичъ Обнинскій, первоначальное образованіе получилъ въ Іезуитскомъ Коллегіумѣ, существовавшемъ въ г. Винницѣ, откуда поступилъ въ Дворянскій полкъ (нынѣ Константиновское 2-е военное училище). Этому учебному заведенію въ Мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1887 г. посвящено нѣсколько благодарныхъ воспоминаній, авторъ которыхъ съ полнымъ основаніемъ могъ, между прочимъ, сказать слѣдующее: „Какъ много напоминаетъ это слово тѣмъ лицамъ, которыя взросли въ рядахъ Дворянскаго полка и вынесли изъ-подъ его знамени много добраго, много хорошаго, что̀ пригодилось имъ затѣмъ въ жизни“ (стр. 791). На 17-мъ году отъ роду отецъ былъ уже выпущенъ офицеромъ въ Казанскій драгунскій полкъ и сраженіемъ подъ Данцигомъ 28 Сентября 1813 года началъ свое боевое поприще. Продолжая его все въ томъ же драгунскомъ полку, онъ участвовалъ въ слѣдовавшихъ затѣмъ войнахъ. Вся лучшая половина его жизни прошла среди битвъ и походовъ; въ хранящемся у насъ современномъ той эпохѣ „Русскомъ Инвалидѣ“ нѣсколько реляцій съ полей битвъ свидѣтельствуютъ о его беззавѣтной храбрости; а сабля, которую носитъ теперь внукъ его, взята имъ въ бою отъ командира Польскаго пѣхотнаго карре, разбитаго его эскадрономъ— дѣло, по отзыву свѣдущихъ людей, очень трудное. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ (ему было тогда за 60), отецъ былъ избранъ Калужскимъ дворянствомъ въ начальники 73-й дружины ополченія 1855 года, съ которою участвовалъ въ Крымской кампаніи, а возвратившись по заключеніи мира домой, вмѣсто отдыха послѣ похода, обставленнаго самыми убійственными условіями, принялъ живѣйшее участіе въ другомъ нашемъ историческомъ событіи—освобожденіи крестьянъ, въ качествѣ члена Калужскаго комитета. Горячо возражая однажды противъ мнѣній объ освобожденіи крѣпостныхъ безъ земли, онъ съ тою же воинскою храбростью заявилъ комитету, что, если добрый и заботливый отецъ, отпуская любимую дочь свою въ замужество, старается надѣлить ее хорошимъ приданымъ, то также точно долженъ теперь поступать и помѣщикъ, отпускающій на волю своихъ крѣпостныхъ. И это была не одна красивая фраза: свои земли онъ положительно изуродовалъ и обезцѣнилъ, надѣливъ крестьянъ далеко выше установленныхъ Положеніемъ нормъ и обезпечивъ ихъ лѣсными угодьями, что́, какъ извѣстно, было необязательно и по закону. Такимъ образомъ,

вся жизнь его, *сначала и до конца*, являла собою самоотверженіе ради счастія и славы отечества.

О Крымскомъ походѣ онъ оставилъ намъ свои Записки. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ въ нихъ, что „пишетъ журналъ только для домашнихъ: дѣти могутъ научиться, какъ въ мои лѣта и въ моемъ чинѣ *можно быть малымъ довольнымъ, и я, благодаря Бога, никогда не скучалъ отъ лишеній*; одно воспоминаніе о васъ меня печалило, но жизни прежней, *комфорта я никогда не жалѣлъ*“. Обращаясь затѣмъ къ матушкѣ, онъ прибавляетъ: „по крайней мѣрѣ ты, другъ мой милый, увидишь, что, за все время назначенной Богомъ разлуки нашей, со мною ничего хуже не случалось; здѣсь зеркало жизни моей. Я многое скрывалъ отъ тебя, но ты меня простишь—*такъ надо было*“. И дѣйствительно, только изъ этихъ Записокъ узнали мы о томъ, что̀ пришлось вытерпѣть отцу и дружинѣ его, добрая половина которой „легла костьми“ на далекой окраинѣ передъ непріятельскимъ лагеремъ: въ своихъ письмахъ, чтобы не огорчать и не тревожить семью, онъ умалчивалъ объ этихъ „*лишеніяхъ*“. Даже и въ Запискахъ, составляемыхъ изо дня въ день, среди самой мрачной, самой удручающей обстановки, столько здороваго, искренняго юмора, столько характерныхъ картинъ, интересныхъ типовъ и своеобразныхъ сценъ, что читатель позабываетъ объ этой обстановкѣ и, дѣйствительно, „*учится*“ у автора „не жалѣть о комфортѣ и не скучать отъ лишеній“.

Въ наше себялюбивое и изнѣженное время подобное отношеніе къ окружающему дѣйствуетъ какъ-то особенно освѣжительно. Я помню впечатлѣніе, оставленное во мнѣ Записками Гордона, погибшаго въ Хартумѣ, печатавшимися въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: и здѣсь и тамъ—таже беззавѣтная вѣра, таже рыцарская покорность горькой судьбѣ, таже незамутимая ясность міросозерцающей души и тоже пренебреженіе матеріальными благами; и здѣсь и тамъ немного историческихъ или стратегическихъ данныхъ, но много того, что̀ еще ближе душѣ читателя, что̀ ободряетъ слабыхъ, веселитъ страдающихъ, что̀ помогаетъ человѣку стать выше своей обстановки и не падать духомъ подъ гнетомъ отовсюду грозящей опасности, среди повседневныхъ лишеній.

Съ другой стороны, Записки отца представляютъ собою безпристрастно-вѣрный, простой и чрезвычайно живой разсказъ, отличающійся, кромѣ того, не смотря на свою героическую тему, полнѣйшимъ отсутствіемъ какого-либо шовинизма, совершеннѣйшимъ устраненіемъ своего собственнаго *я* и разоблаченіемъ той „оборотной стороны медали“, которая до сихъ поръ еще мало затрогивалась и которая, какъ увидитъ читатель, отнюдь не мѣшала ни горячей любви ихъ автора къ родинѣ, ни его безусловной вѣрности своему воинскому долгу, ни тому общему, конечному впечатлѣнію, на которомъ можетъ покоиться трезвое и свободное отъ иллюзій патріотическое чувство читателя. Тою же откровенною непредвзятостью отличается и отзывъ отца о дворянствѣ. Достаточно въ этомъ отношеніи упомянуть, что отецъ служилъ до ополченія предводителемъ дворянства. Онъ наблю-

далъ его ополчающимся на защиту отечества; вскорѣ потомъ мнѣ пришлось наблюдать его разстающимся съ своими крѣпостными—и оба мы пришли къ одинаковымъ заключеніямъ.. Истинный патріотизмъ не гнѣздится въ фиктивныхъ рамкахъ и условныхъ перегородкахъ, онъ не знаетъ никакихъ привилегій и можетъ развиваться лишь на широкой свободѣ и безразлично одушевлять собою каждое благородное сердце.

Записки свои отецъ озаглавилъ „Походными Замѣтками", не заботясь о формѣ изложенія. Въ той же безыскусственной простотѣ являются они и теперь предъ читателемъ. Какъ положительные, глубоко-отрадные факты, такъ и отрицательные, самые вопіющіе, находили себѣ въ нихъ равное мѣсто: нивеллирующей тенденціи не было; заносились событія по мѣрѣ того, какъ заявляла ихъ окружающая жизнь. Отсюда мѣстами противорѣчіе, но противорѣчіе только видимое, кажущееся: обрисовывая иногда симпатичнѣйшими чертами отдѣльныхъ военачальниковъ, взятыхъ въ обособленіи, отецъ жалуется, однако, на такія невзгоды, страданія и лишенія своей дружины въ походѣ и на стоянкахъ, которыхъ можно было бы, казалось, избѣжать при той „отеческой заботливости" о судьбахъ ополченія, какою нѣкоторые изъ этихъ военачальниковъ отличались. Между тѣмъ въ общемъ шла хаотическая сутолока: или безцѣльная трата духовныхъ и физическихъ силъ, времени, денегъ, средствъ, или единичный героизмъ. Не тоже ли самое приходится наблюдать и теперь, въ другихъ гражданскихъ сферахъ—земствѣ, судахъ, самоуправленіи? Сколько каждый изъ насъ знаетъ прекрасныхъ, даровитыхъ, благонамѣреннѣйшихъ личностей; но разъ эти личности, покидая свою симпатичную обособленность, входятъ въ составъ чего-либо цѣлаго, совокупнаго, и качества ихъ какъ-то теряются, улетучиваются въ общемъ далеко несимпатичномъ итогѣ. Въ природѣ подобныхъ явленій нѣтъ противорѣчія; она злополучно обусловливаются мимовольными причинами: отсутствіемъ той жизненной школы, которая выработывала бы элементы и способности, необходимые для гармоніи въ общности дѣйствій, въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ, въ томъ „согласіи, въ какомъ, по Латинской пословицѣ, „растутъ и малыя дѣла" и безъ котораго „разрушаются большія". Благодаря тогдашней военной системѣ, внѣ пассивнаго повиновенія и парада не знавшей никакихъ иныхъ цѣлей, внезапно поставленной лицомъ къ лицу съ опасностью, требовавшей иныхъ способностей, иной школы, иныхъ традицій, эта наша бытовая, наша племенная черта съ особенною болью сказывалась въ минувшихъ перипетіяхъ Крымской кампаніи, и безпристрастная лѣтопись не могла не отмѣтить ея. Другая, не менѣе характерная наша бытовая черта, и также помимо всякой предвзятой тенденціи автора, проходитъ, однако, такою же красною нитью въ его Запискахъ: это совершеннѣйшее обособленіе своего собственнаго *я*, своего крохотнаго личнаго мірка отъ окружающей общественной обстановки, хотя бы она несмолкаемыми пушками и потоками крови взывала къ отвлеченной, внѣличной идеѣ долга по отношенію къ погибающему отечеству: я самъ по себѣ, а служба—сама по себѣ; если

послѣдняя и интересуетъ меня, то лишь настолько, насколько она входитъ въ кругъ моихъ личныхъ, моихъ кровныхъ интересовъ. И здѣсь, какъ и тамъ, одна причина, одинъ корень: вскормленное практикою безсознательнаго повиновенія, подобное отношеніе къ идеѣ долга не могло не развиваться; эта идея жила своею собственною, постороннею дѣятелю жизнію; онъ стоялъ къ ней не какъ живой и сознательный факторъ, носитель или поборникъ ея, а какъ равнодушный исполнитель чужихъ велѣній, чужихъ предначертаній; съ ними не было у него кровнаго родства, онъ не принималъ въ ихъ организаціи никакого участія, объ исходахъ не заботился, а думалъ лишь о себѣ. Горячо преданный дѣлу патріотъ представлялся смѣшнымъ фанатикомъ, а „ловля рыбы въ мутной водѣ“ несравненно серьезнѣйшею задачею. Какими интересами по преимуществу жилъ и волновался 27-тысячный лагерь, расположенной въ Бельбекской долинѣ передъ глазами непріятеля, ежедневно оглашаемый безпрерывнымъ грохотомъ пушекъ, ежедневно опустошаемый тифами, лихорадками и дизентеріей— читатель увидитъ между прочимъ изъ тѣхъ повседневныхъ замѣтокъ, которыя заносилъ въ свой походный дневникъ одинъ изъ обывателей этого лагеря, оставившій домъ, жену и дѣтей, чтобы стать, на склонѣ дней своихъ, на защиту дорогаго отечества и заживо гнить въ сырой землянкѣ подъ Севастополемъ.

Таково въ общей, бѣглой характеристикѣ содержаніе Записокъ моего отца Имъ идетъ уже 37-й годъ, и то, что́ писалось „только для домашнихъ“, можетъ сдѣлаться теперь достояніемъ общаго интереса.

П. Н. Обнинскій.

I.

Записки полковника Наркиза Антоновича Обнинскаго о Крымскомъ походѣ 1855—1856 годовъ.

Крымская война принимала большіе размѣры. Россія была въ затруднительномъ положеніи. Альмское сраженіе хотя и показало непріятелю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, но за то и онъ употребилъ въ свою пользу все, что́ наука открыла новѣйшаго и полезнѣйшаго для военнаго искусства и раззорительнаго для рода человѣческаго.

Франція, Англія, Сардинія, Турція съ регулярнымъ войскомъ и съ ордою оборванныхъ Египетскихъ баши-бузуковъ сдѣлали десантъ въ Крыму. Кесарь сподличалъ и ввелъ въ Молдавію 160 тысячъ войска. Пруссія переминалась, не высказывая своихъ мнѣній. Видно, всѣ друзья, всѣ пріятели до чернаго лишь дня. Швеція и Данія, хотя и не дѣлали намъ зла, но позволяли непріятельскимъ кораблямъ укрываться въ своихъ гаваняхъ и снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ. Съ бульваровъ Петергофскихъ видны были флаги непріятельскаго флота. Моря Балтійское,

Черное, Азовское, Каспійское и Сѣверный океанъ усѣялись пароходами и винтовыми кораблями непріятельскихъ флотовъ.

Русской арміею командовалъ адмиралъ князь Меньшиковъ, Французской - сперва генералъ Арнò, умершій въ Камышевой бухтѣ послѣ Альмскаго сраженія, а потомъ генералъ Канроберъ; Англійскою—лордъ Кодрингтовъ, Сардинскою—генералъ Ла-Мармора, Турецкой—Омеръ-Паша; флотомъ Англійскимъ—адмиралъ Непиръ, старый перепелъ и хвастунишка; Французскимъ - адмиралъ Жуанвиль.

Россіи приходился матъ. Манифестомъ Николая I-го сдѣлано воззваніе къ дворянству идти въ ополченіе; назначено было взять 21 человѣкъ съ тысячи. Дворяне поступали на службу по балотировкѣ при губернскихъ съѣздахъ. Ополченіе «перваго призыва» раздѣлялось на дружины по 1000 человѣкъ въ каждой. Офицеры изъ статскихъ переименовывались въ военные чины, но съ большимъ пониженіемъ, такъ что статскіе совѣтники переименовывались въ капитаны.

Въ Февралѣ почти всѣ дворяне Калужской губерніи съѣхались на выборы; были, однако, къ стыду дворянства, и такіе молодцы, которые подъ разными предлогами укрывались по хуторамъ, и полиція ихъ привозила въ залу собранія.

Здѣсь я увидѣлъ, какъ низко упало Русское дворянство: нѣтъ ни благороднаго сознанія достоинства своего сословія, ни любви къ родинѣ, ни малѣйшаго желанія подать помощь шатающемуся престолу; нѣтъ той энергіи, той благородной гордости и самоотверженія, которыя отличаютъ высшую породу человѣка отъ простонародной толпы. Эти бабы въ дворянскихъ мундирахъ привозили рекомендательныя письма отъ знатныхъ родственниковъ своихъ, просили, плакали; богатые предлагали большія деньги, а побѣднѣе—выдумывали на себя разныя болѣзни, позволяли докторамъ раздѣвать себя и свидѣтельствовать, точно мужики отъ «некрутчины», и всѣ эти униженія переносили для того, чтобы избавиться отъ защиты Русской земли—родины своей!

На выборы выѣхалъ я изъ Москвы, давъ женѣ честное слово не поступать въ ополченіе. Я прослужилъ 27 лѣтъ, былъ въ пятидесяти двухъ сраженіяхъ; а говорятъ, что всякая штука удается только до трехъ разъ,—мнѣ она прошла счастливо 52 раза. При томъ же жена милая, малыя дѣтки, прекрасное помѣстье, безбѣдное состояніе—все это привлекало къ жизни.

Въ Боровскомъ уѣздѣ ближе всѣхъ былъ я съ семействомъ Михаила Александровича Челищева. Охота сдружила насъ. Челищевы—дворяне въ душѣ и на дѣлѣ. Портретъ ихъ--въ манифестѣ Государя Александра I-го: «честь и украшеніе своего сословія, блескъ и опора престола»...

Наканунѣ выборовъ мы съ Челищевыми, поговоривъ о смутномъ положеніи Россіи и объ обязанностяхъ дворянъ, согласились идти въ ополченіе и составили основаніе Боровской дружины. Одинъ помѣщикъ, прекрасный и образованный человѣкъ, прямо изъ Парижа попалъ на выборы и примѣромъ нашимъ такъ воодушевился, что изъявилъ желаніе поступить въ ополченіе. Такъ какъ по его обстоятельствамъ было бы безразсудно бросить семейство, то мы начали его уговаривать,—такъ нѣтъ! Заколачиваетъ себя кулакомъ въ грудь: «иду съ вами, чтобы не подумали, что я струсилъ»... И лишь послѣ четырехдневнаго увѣщанія удалось намъ убѣдить коллежскаго ассесора Сергѣя Ѳедоровича Арсеньева отказаться отъ своего геройскаго намѣренія.

Здѣсь же мы имѣли случай потѣшиться надъ однимъ гордымъ господиномъ, который говаривалъ, что онъ «по чину и по состоянію первый человѣкъ въ уѣздѣ». Задали же мы ему «перваго человѣка въ уѣздѣ!» Наша игра была лучше; онъ струсилъ и началъ отпрашиваться и умолять насъ уволить его отъ ополченія. Признаюсь, я дурно съ нимъ поступилъ, но что же дѣлать: все прощу, все перенесу, но униженія—никогда.

Дружина была составлена изъ двухъ уѣздовъ: Боровскаго и Малоярославецкаго. Мнѣ сдѣлали честь выборомъ въ начальника дружины. Офицерами были: по Боровскому уѣзду—Михаилъ Александровичъ Челищевъ, дѣти его Дмитрій и Нилъ Михайловичи Челищевы и внукъ—Николай Дмитріевичъ Челищевъ, Василій Ростиславовичъ Загоскинъ, Николай Петровичъ Енько-Даровскій, Иванъ Петровичъ Филимоновъ, Коротневъ, Краснопольскій и Баташовъ; по Малоярославецкому—дворяне: Рустицкій, Васильевъ, Ермолаевъ, Рахмановъ, Радищевъ, Мамаевъ и Смольяниновъ; докторъ—г. Вознесенскій.

Положено было собраться 1 Апрѣля въ Маломъ Ярославцѣ для набора ратниковъ. Я прибылъ 5-го Апрѣля и засталъ тамъ всѣхъ Челищевыхъ уже обмундированными по формѣ.

Составъ ратниковъ ополченія образовался изъ мѣщанъ и крестьянъ, казенныхъ и помѣщичьихъ. Ни нравственные, ни тѣлесные недостатки не составляли препятствія къ пріему. Была бы голова, руки и ноги, хотя бы поломанные, ничего—«годенъ». Поэтому въ дружину мою были приняты 2 дурака и 52 человѣка съ грыжами. Купечество болѣе всѣхъ способствовало украшенію дружины: привозили мѣщанъ съ выбритыми на половину головой, усами и бородою, т. е. прямо изъ острога. Зато кто изъ этихъ молодцовъ остался въ живыхъ, тотъ по роспускѣ дружины на другой же день попалъ въ тюрьму. Когда по

возвращеніи на родину дружина провожала въ Пафнутьевъ монастырь, согласно завѣщанію жертвователя, дружинную икону, то въ толпѣ народа одна женщина, утирая слезы, говорила: «есть же счастіе другимъ, что ихъ мужья умерли въ Крыму; а мое сокровище живъ—нелегкая его принесла!»...

Городскія общества очень рады были ополченію: кого нельзя было ни сдать въ рекруты, ни сослать въ Сибирь, того привозили въ ополченіе.

Таковъ былъ составъ всего ополченія и моей № 73 дружины. Но благословеніе Божіе не оставляло меня: въ продолженіе Крымскаго похода я ни одного раза не расплачивался за ратниковъ. Разбоя, воровства, жалобъ не бывало; военная дисциплина соблюдалась, учились хорошо, труды переносили терпѣливо, за то пили добре, а особенно въ Малороссіи.

Во многихъ дружинахъ проявлялись возмущенія; въ Медынской, напримѣръ, при выступленіи изъ Калуги, затѣмъ въ Таврической губерніи, за Днѣпромъ и, наконецъ, при роспускѣ ополченія, когда дѣло становилось на столько серьезнымъ, что для усмиренія крамольныхъ Медынцевъ былъ командированъ Государемъ генералъ-адъютантъ Бетанкуръ; бывали слѣдствія, жалобы на смотрахъ, драки, даже между офицерами. Въ моей дружинѣ подобнаго «художества» не случалось, и этимъ обязанъ я товарищамъ и помощникамъ моимъ, которыхъ и главнокомандующій ставилъ въ примѣръ всему ополченію. Правда, случилась и въ моей дружинѣ «суспиція» на Бельбекѣ; но это была потасовка семейная и полюбовная, кромѣ меня никто о ней не зналъ, и я все-таки съ удовольствіемъ скажу, что не Боровскіе офицеры произвели «катавасію», а произошла она по случаю прибытія въ дружину двухъ новыхъ офицеровъ, навязанныхъ намъ Калужскимъ комитетомъ.

По высочайшему повелѣнію приказано было изъ гарнизонныхъ батальоновъ дать унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ лучшаго поведенія и съ совершеннымъ познаніемъ фронта, дабы они были наставниками военной службы и служили бы для ратниковъ во всемъ примѣромъ. Высочайшая воля исполнена была такъ, что изъ 160 «наставниковъ» одинъ только унтеръ-офицеръ Вишневскій былъ отличнаго поведенія; прочіе же всѣ—или гонялись сквозь строй, или по нѣскольку разъ бывали разжалованными и штрафованными людьми, и только нѣкоторые ратники изъ Боровскихъ мѣщанъ могли сравняться съ ними въ мошенничествѣ.

Лучшаго по виду и расторопнѣйшаго изъ кадровыхъ назначилъ я фельдфебелемъ 1-ой роты. Накануне выступленія дружины, командиръ той роты капитанъ Рустицкій хлопоталъ при отправленіи обоза; су-

харная фура не была еще уложена. Онъ посылалъ нѣсколько разъ къ фельдфебелю, чтобы несли сухари; наконецъ, побѣжалъ самъ въ пекарню и нашелъ, что сухари въ печкѣ сгорѣли, а фельдфебель лежитъ пьяный безъ чувствъ на полу подъ лавкою и два ратника подлѣ него. Добрый капитанъ, говоря мнѣ это, заплакалъ.

Вотъ въ какомъ составѣ тронулся я въ Крымъ. Одному только благородству моихъ офицеровъ, ихъ усердію въ исполненіи долга своего и уваженію ко мнѣ обязанъ я тѣмъ, что окончилъ службу безъ малѣйшаго неудовольствія.

Порядокъ службы и обращеніе съ офицерами я старался вести по методѣ прежней моей драгунской службы. Мы никогда не отлучались отъ дружины; на привалахъ, на ночлегахъ мать-сыра земля была общей нашей постелью. Походомъ офицеры всегда были одѣты по формѣ, разговаривали, шутили; ратники пѣли, шли весело, свободно, но порядкомъ, въ отдѣленіяхъ, и никогда толпою. Къ знамени оказывалось всегда величайшее уваженіе; вблизи его никто не смѣлъ курить, или растегнуться даже. Это много бы мнѣ помогло въ сраженіяхъ, въ крайнемъ случаѣ.

Мы всѣ были люди небогатые, жили однимъ жалованьемъ, изъ котораго бóльшую половину отсылали домой. Офицеры меня берегли, особенно Боровскіе: мы жили съ ними, какъ братья. Медынская дружина шла вмѣстѣ съ нами, составляя мой эшелонъ; въ ней былъ офицеръ Баташовъ, славный малый; онъ такъ полюбилъ насъ, что отъ роднаго дяди своего, командовавшаго дружиной, перепросился въ нашу, служилъ славно, умеръ на Бельбекѣ подъ Севастополемъ и похороненъ за Бахчисараемъ, въ Греческомъ монастырѣ, въ Чуфутъ-Кале.

Дружина № 73 именовалась Малоярославецко-Боровскою. Дружиннымъ образомъ, пожертвованнымъ Боровскимъ городскимъ головою Санинымъ, была икона Казанской Божьей Матери. Г. Санинъ, узнавъ, что я прежде служилъ въ Казанскомъ драгунскомъ полку, гдѣ полковымъ праздникомъ былъ день Казанской Божьей Матери, былъ такъ внимателенъ, что образъ ея пожертвовалъ и въ командуемую мною дружину. Образъ этотъ теперь стоитъ въ Боровскомъ Пафнутьевомъ монастырѣ, а знамена всего ополченія—въ Калужскомъ соборѣ.

Начальникомъ Калужскаго ополченія былъ избранъ графъ Толстой, генералъ-лейтенантъ и сенаторъ.

Нѣкоторые командиры дружинъ приняли на себя обмундированіе ратниковъ. Я отказался, и потому часть ополченія обмундировывалась губернскимъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ губернатора Булгакова. Эти дружины были одѣты лучше прочихъ: сукно на кафтанахъ было свѣжѣе и прочнѣе; ремни поставилъ Унковскій; фуры строилъ Шаб-

лыкинъ и сверхъ штатной цѣны на всякую прибавилъ по 15 рублей. Рубашки, порты, нагрудники и полушубки сдавались отдатчиками при пріемѣ ратниковъ. Кафтаны и панталоны шились въ Калугѣ на три роста и доставлялись партіями въ дружины Ротные командиры изъ усердія перешивали ихъ и пригоняли по ратникамъ. Ружья доставлялись изъ Тулы *съ кремнями*, и уже въ Крыму на Бельбекѣ полки промѣняли ихъ намъ на пистонныя, оставшіяся отъ убитыхъ.

Съ перваго дня пріема мы занялись выправкою ратниковъ; по мѣрѣ пріема увеличивался и фронтъ. Они выходили на ученье въ шапкахъ и шляпахъ, нѣкоторые въ лаптяхъ. Семейства собирались на лугъ, садились въ кружки и плакали. Но съ обмундированіемъ ратники ожили и какъ бы переродились: начали ходить добрѣе, на ученье шли весело, съ ученья—еще веселѣй; сформировались пѣсенники, плясуны, появились разные инструменты.

Я рискнулъ имъ подстригать бороды для уравненія, ибо многіе были безобразны, и сообщилъ мысль свою офицерамъ; они сначала стали намекать ратникамъ, потомъ уговаривать и наконецъ приступили къ дѣлу; удалось, какъ нельзя лучше, хотя и много было старовѣровъ. Когда Малоярославецкій архимандритъ, отслуживъ передъ дружиною молебенъ, пошелъ по фронту съ крестомъ, то половина ратниковъ не прикладывалась къ нему, и тутъ я узналъ, что это были все старовѣры.

Офицеры поспѣшно обмундировались и обзавелись верховыми лошадьми, кромѣ нѣкоторыхъ, пропутешествовавшихъ въ Крымъ и обратно по образу честныхъ отцовъ, въ странничествѣ подвизавшихся. Иногда лишь усталые члены ихъ находили себѣ отдыхъ на артельныхъ повозкахъ.

Походомъ не всегда намъ бывало весело, особливо проходя Орловскую и Курскую губерніи, гдѣ по деревнямъ во всякой избѣ было по нѣскольку больныхъ холерою. Офицеры ночевали по сараямъ или въ своихъ повозкахъ, а ратники иногда и подъ открытымъ небомъ, когда не было навѣсовъ. При дружинѣ не было ни врача, ни медикаментовъ, хотя то и другое было по штату положено. Ратники падали на дорогѣ и умирали на привалахъ. Добрые офицеры занимались ихъ лѣченіемъ. Одному заболѣвшему холерой ратнику ночью влили въ ротъ одеколону, и ратникъ выздоровѣлъ. Со вступленіемъ въ Малороссію дѣла приняли лучшій оборотъ: оказалось, что Хохолъ болѣе сочувствовалъ ополченію; ратниковъ кормили лучше; всѣ сословія старались оказывать радушіе и гостепріимство проходящимъ дружинамъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, гдѣ сами помѣщики не жили, приказано было управляющимъ угощать офицеровъ и ратниковъ, давать подводы, сколько слѣдуетъ, что очень облегчало походъ въ жаркое время. Земская полиція была

до безконечности снисходительна. Священники въ деревняхъ и въ городахъ встрѣчали вступающія дружины съ хоругвями, купеческіе старшины съ хлѣбомъ-солью, священники служили молебны, обходили по фронту съ святою водой и благословляли образами на походъ. Говорить ли объ винной порціи?—нѣтъ: порція эта—было море, по которому шли ратники по горло отъ границъ Харьковской губерніи до Днѣпра. Въ этомъ только случаѣ наставники наши—капралы служили примѣромъ; они первыми напивались пьяны и тогда только отставали отъ угощенія, когда ихъ за ноги отволакивали въ солому. Удивительно, что здоровье какъ ратниковъ, такъ и учителей ихъ нисколько отъ пьянства не страдало; одного только кадроваго фельдфебеля 1-й роты приходилось часто отливать водою и нѣсколько разъ походомъ бросать кровь отъ опьяненія. Этотъ знаменитый мужъ возвратился здравъ и невредимъ въ Калугу, чтобы разсказывать въ казармахъ о баснословномъ истребленіи вина въ ополченіи.

Въ Россіи для разбойниковъ и мошенниковъ двѣ ссылки: одна въ Сибирь, другая—въ военную службу *). Душегубецъ, грабитель и поджигатель, если только онъ молодъ и годится въ рекруты, то или закономъ приговаривается въ солдаты, или помѣщики не жалѣютъ ни денегъ, ни поклоновъ, чтобы послѣ похвастать передъ сосѣдями: «упекъ, батюшка, своего мошенника, Фильку-то, въ солдаты; слава Богу, квитанція будетъ, издержки свои ворочу!» Помилуйте, скажутъ мнѣ, какого же лучше и требовать войска, какъ наше! Развѣ Россійскіе побѣдоносные орлы не развѣвались на стѣнахъ Парижа, Эрзерума и Адріанополя? Правда, но за то и палка на спинѣ солдатской въ продолженіи 25 лѣтъ получила большое развитіе. За ошибку на ученьѣ отодрать солдата фухтелемъ, или желѣзнымъ шомполомъ, такъ что его на шинелѣ отнесутъ въ лазаретъ—это ничего не значило. Выбить нѣсколько зубовъ эфесомъ сабли, чтобы солдатъ глядѣлъ на начальника веселѣе и держалъ голову выше, или сверлить саблей спину, чтобы солдатъ подавался грудью впередъ—это значило знать выправку и умѣть учить солдата. Если солдатъ послѣ такихъ побоевъ зачахнетъ, кровью харкаетъ, то и радуется: «слава Богу, ваше благородіе; осенью въ неспособные назначатъ!»

Теперь времена измѣнились. Найдутся, пожалуй, либералы, которые утверждать станутъ, что умѣніе командовать другими заключается не въ зуботычинахъ, а въ способности преподавать свое искусство, на что́ потребуется отъ начальника умъ; а гдѣ его взять! Да и на что начальнику умъ? Воинскій уставъ онъ знаетъ, какъ свои пять паль-

*) Писано въ 1856 году.

цевъ, между подчиненными фамильярности не допускаетъ, командуетъ громко - такъ чѣмъ же онъ не начальникъ?...

Я служилъ съ однимъ полковымъ командиромъ, который грамотѣ вовсе не зналъ. Наканунѣ смотра дѣлалъ онъ полку репетицію и, передушивъ множество солдатъ черною суковатою палкой (сабли онъ на ученьѣ никогда не вынималъ, а ѣздилъ всегда съ огромнѣйшею палкой; самъ же онъ былъ 14 вершковъ роста), продержалъ полкъ на плацу до сумерекъ, собралъ эскадронныхъ командировъ и сказалъ: Господа, послѣ уборки лошадей сдѣлайте еще по эскадронамъ репитицію, чтобы люди лучше кричали «ура», чтобы виденъ былъ восторгъ, чтобы это выходило, какъ изъ бочки, чтобы люди весело глядѣли на начальника, чтобы его ѣли глазами; одинъ только 1-й эскадронъ хорошо глядитъ и кричитъ ура—благодарю эскадроннаго командира (и этимъ счастливцемъ былъ я), прочіе всѣ—господа; дурно, нѣтъ къ службѣ ни малѣйшей атенки (вмѣсто «атенціи»), такъ себѣ, негляжа (вмѣсто неглиже)... И мы, 8 эскадронныхъ командировъ, стояли передъ этимъ болваномъ на вытяжку, руки подъ козырекъ, каблуки вмѣстѣ и повторяли хоромъ «слушаю-съ». «Ну теперь по конюшнямъ маршъ! А завтра послѣ смотра въ гробъ закопаю всѣхъ васъ, сукины сыны, господа офицеры,—смирррно!» Это была любезность того времени. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

. . . . „и видѣлъ я
„Брега, мечты священной полны.
„И я былъ тамъ; тамъ и меня
„Кипящія носили волны“.

Мнѣ расказывалъ одинъ помѣщикъ, бывшій предводитель дворянства одного изъ уѣздовъ Воронежской губерніи, что при Павлѣ служилъ онъ юнкеромъ 10 лѣтъ въ какомъ-то «Камзольскомъ мушкетерскомъ полку». «Однажды лѣтомъ у вечерней зори полковой командиръ съ тростью въ рукѣ, съ косою и въ букляхъ, закричалъ: юнкеръ К—овъ, поди сюда!» Я подошелъ и вытянулся въ струну; трость у меня форменная, наконечникъ у большаго пальца правой ноги. «Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!» Полковникъ сказалъ: «дуракъ!» и, помолчавъ немного, спросилъ: «сколько ты служишь юнкеромъ?»—«10 лѣтъ, ваше высокоблагородіе». Осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, полковникъ закричалъ: «палокъ!» Два унтеръ офицера вышли изъ гауптвахты съ палками. «Становись; банделеръ долой!»—Я снялъ перевязь съ тесакомъ. «Мундиръ казенный долой!»—Я снялъ мундиръ, положилъ на землю фуражку и трость, заложилъ обѣ руки по формѣ за шею, правую ногу впередъ. «Помилуйте, ваше высокоблагородіе!» Это ска-

залъ я не для того, чтобы онъ меня помиловалъ, а чтобы показать, что солдатъ готовъ къ воспріятію начальническаго наказанія, заслуженнаго, или нѣтъ—про то старшо́й знаетъ. «Бей!» Дали мнѣ 10 палокъ. «Стой», сказалъ полковникъ; сегодня полученъ приказъ, что ты произведенъ; поздравляю тебя прапорщикомъ»—обнялъ меня и поцѣловалъ «Казенныя вещи сдай исправно; а деньги есть на обмундировку?»—«Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе».—«Приходи ко мнѣ, дамъ денегъ; а помни службу царскую и знай, что курица не птица, а прапорщикъ не офицеръ». Добрый былъ начальникъ, дай Богъ ему царствіе небесное».

Во время моей службы дворянъ палками не били, за то оскорбляли словами сколько угодно было Нѣмецкой душѣ бригаднаго командира. Одинъ изъ нихъ, Нѣмецъ, пьяный, кричалъ на ученьѣ: «Капитанъ Обнинскій, что вы такъ furioso разъѣзжаете передъ эскадрономъ; вы только своею лошадью занимаетесь, а люди у васъ не ровняются; я на васъ, сударь, бѣлый ремень надѣну». Другой, тоже Нѣмецъ, хотя и не пьяница, но разбойникъ (въ Ригѣ въ крѣпости 6 мѣсяцевъ просидѣлъ) такъ напустился на меня: «Майоръ Обнинскій, ты вѣчно соберете вокругъ себя офицеровъ и шуточками ихъ забавляете; это неприлично штабъ-офицеру, вы фамильярничаете съ подчиненными. Что́ вы на меня съ улыбкой глядите? Я васъ въ бараній рогъ согну, я на васъ бѣлый ремень надѣну». Дался имъ этотъ бѣлый ремень! И какъ эти Нѣмцы скоро выучиваются браниться по-русски! Вѣрно и ихъ также бранили, хотя Нѣмцевъ при Николаѣ бранить было страшно. Этотъ Нѣмецъ, когда былъ полковымъ командиромъ, получилъ въ рожу отъ своего офицера на разводѣ и все-таки не отучился браниться.

Никто не повѣритъ, если я скажу, что дружина была набрана, сформирована и обучена въ три съ половиной мѣсяца. Ратники, старики изломанные и болѣзненные, оторванные отъ многочисленныхъ семействъ отцы, съ загрубѣвшими отъ долговременныхъ трудовъ членами, засидѣвшіеся по острогамъ, учились и маневрировали очень хорошо. Съ ратниками обращались мы кротко; наказанія тѣлесныя были весьма рѣдки и назначались только за подлость и воровство. Тѣмъ не менѣе, ружейные пріемы, стрѣльба въ цѣль, всѣ построенія, егерскій разсыпной строй—все это исполнялось очень хорошо. Маршировка и равненіе были превосходны, и, если кто на ученьѣ и ошибался, то это были наставники—подлецы кадровые. Другой изъ нихъ отъ роду во фронтѣ не бывалъ и ружья въ рукахъ не имѣлъ, а присланъ къ намъ въ учителя! Вотъ какъ исполнялся высочайшій указъ. Батальонные командиры воспользовались случаемъ сбыть все, что́ было худшаго въ ихъ батальонахъ; купеческія общества сбывали все, что̀ было худшаго въ городахъ; помѣщики очищали имѣнія свои отъ уродовъ и бродягъ.

Вотъ составъ ратниковъ защиту отечества!

2.

Походъ въ Крымъ (Походныя Замѣтки).

17 Іюля 1855 года, въ Воскресенье, дружина моя выстроена была въ карре на площади города Малоярославца, противъ монумента, для освященія знамени, присланнаго изъ Петербурга, наканунѣ выступленія въ походъ. Послѣ церемоніи мы всѣ занялись приготовленіемъ къ походу, а къ вечеру улицы маленькаго городка наполнены были ратниками, гулявшими съ своими семействами, сошедшимися съ разныхъ деревень, чтобы проводить своихъ родимыхъ. Бабы плакали и выли— такъ оно и слѣдуетъ. Ратники бодрились, пѣли пѣсни; а на душѣ жутко было. Я глядѣлъ на нихъ и думалъ: Кому-то Богъ позволитъ гулять по этимъ улицамъ послѣ войны? Вѣроятно, не многимъ. Всѣ эти группы гуляющихъ ходили со штофиками въ рукахъ, бабы носили калачи; все это было пьянѣе вина, но все двигалось и плясало; одни только унтеръ-офицеры, данные намъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ по высочайшему повелѣнію, изъ людей лучшей нравственности для обученія ратниковъ порядку службы, лежали подъ заборами, пьяные безъ чувствъ. Но драки и воровства не было примѣра—слава Богу!

18 Іюля въ 2 часа утра раздался первый барабанный бой—вставать и одѣваться; въ 3 часа второй—собираться на площадь для выступленія въ походъ. Дни стояли жаркіе, и я назначилъ выступить въ 4 часа утра; за разными сборами тронулись въ 6. Протопопъ съ образами провожалъ насъ до заставы, тутъ пропѣлъ что-то, окропилъ насъ и оружіе святою водою, сказалъ краткое слово, благословилъ и— маршъ! Барабанщики и гарнисты заиграли, поднялся плачъ и вой бабъ... Мнѣ это надоѣло, и я поѣхалъ впередъ. У деревни Нѣмцовой я взъѣхалъ на гору, чтобы взглянуть, въ какомъ порядкѣ двигается моя дружина. Господи! Что̀ увидѣлъ я? Густая пыль на версту покрываетъ большую дорогу; въ ея туманѣ сверкаютъ только штыки; все прочее представляетъ какую-то безобразную массу, изъ которой несутся дикій гамъ, свистъ, плачъ и пѣсни. Безчисленное множество телѣгъ тянется по сторонамъ большой дороги; нѣкоторыя лошадки, задравши хвосты вверхъ, бьютъ разнокалиберные тарантасы; бабы несутъ ружья, старики ранцы, заплаканные ребятишки—тесаки; ратники держатъ на рукахъ грудныхъ младенцевъ...

Я вспомнилъ оду Державина къ Екатеринѣ:

„Рѣчешь—и двинется полъ-свѣта;
„Различный образъ и языкъ,
„Татаринъ, чтитель Магомета,
„Чувашъ, Башкирецъ и Калмыкъ,

„Донецъ нестройною толпою,
„И съ нимъ воинственный Черкесъ...
„Всѣ потекутъ вслѣдъ за тобою,
„Подымутъ пыль ажъ до небесъ...

Думаю, что и въ войскѣ Фараона болѣе было порядка, даже тогда, когда онъ взошелъ по колѣно въ море.

Въ 4 часа пополудни знамя уже стояло въ отведенной для меня квартирѣ, въ д. Михѣевой. Слѣдовательно, въ 10 часовъ времени дружина совершила переходъ въ 24 версты, въ жаркій день. Былъ у меня деньщикъ изъ ратниковъ, съ однимъ глазомъ (другой вышибла ему жена); я взялъ его къ себѣ за его смиреніе. На бѣду за нѣсколько дней передъ походомъ чортъ принесъ къ нему бабу, и съ тѣхъ поръ вздурилъ мой деньщикъ: всякій день пьянство и драка съ женой. Въ первый же день похода тарантасъ мой опрокинулся. Борисъ говоритъ, что лошади испугались борзыхъ и понесли. «Неправда, отвѣчаетъ деньщикъ, лежа на землѣ; я былъ пьянъ, меня все и гнуло на одинъ бокъ; канава была съ лѣвой стороны, а у меня лѣваго глаза-то нѣтъ, я канавы-то и не видѣлъ—вотъ и вся притча тутъ». Борисъ дворовый человѣкъ, такъ и надобно солгать, барина, значитъ, обмануть: а деньщикъ—мужиченко простота и сказалъ правду.

Квартира у меня славная, въ нѣсколько комнатъ. Хозяинъ мой, по прозванью «Снѣтокъ», развернулся и потчивалъ насъ чаемъ, огурцами и печеными яйцами, увѣряя, что это съ чаемъ чудесно. На квартирѣ насъ было пятеро: я, трое Челищевыхъ и исправникъ Энгельгардъ, сопровождавшій по дружбѣ и добротѣ своей дружину нашу до границъ Калужскаго уѣзда; обѣдали въ 6 часовъ вечера; обѣдомъ заботился исправникъ.

20 Іюля. Деревня Жерело. Здѣсь квартира моя дурная; у другихъ еще хуже; хозяинъ, старый, крошечный и проворный мужичекъ, прозывается «Шкаликъ». Онъ всю молодость провелъ въ Петербургѣ форейторомъ у графа Орлова. По улицѣ шелъ ратникъ мнѣ на встрѣчу, съ женою своей подъ ручку; увидѣвъ меня, супруги остановились; жена застегнула мужу кафтанъ, поправила ему шапку на головѣ и поставила его во фронтъ, а сама обѣими руками подперла его въ спину. Ратникъ былъ такъ пьянъ, что не видѣлъ меня и все спрашивалъ жену, для чего она съ нимъ дѣлаетъ такую операцію. Вотъ что значитъ знаніе службы въ дружинѣ и отданіе чести начальнику чрезъ постороннее лицо.

21 Іюля, Калуга. Въ Калугѣ отвели мнѣ квартиру въ гостиницѣ «Золотой Якорь» въ 3 комнаты; городъ платилъ хозяину за насъ. Графъ Толстой дѣлалъ смотръ моей дружинѣ и Медынской на лугу за Окой;

обѣ дружины составляли мой эшелонъ. Здѣсь городъ до того употчивалъ моихъ ратниковъ, что мы едва въ сумерки могли тронуться въ походъ. На крутой горѣ за Окою я громогласно объявилъ, что бабамъ дальше слѣдовать за мною не позволю. Началось прощаніе. Одинъ ратникъ уже простился съ своей женой, но та опять догнала и повисла на шеѣ; ратникъ плакалъ, жена голосила по формѣ, т. е. приговаривала глупыя слова; наконецъ, ратникъ оттолкнулъ жену, плюнулъ ей въ глаза, потомъ ударилъ ее въ лицо и сказалъ: «убирайся къ чорту—надоѣла!»

Дорога была песчаная, ночь темная. Я ѣхалъ впереди съ Ниломъ Челищевымъ верхами, и оба молчали; вдругъ лошадь моя испугалась и шарахнулась въ сторону: изъ овса поднялись двѣ черныя фигуры. «Кто это?»—«Ратники».—«Зачѣмъ же вы ушли впередъ?»—«Мы спрятались отъ женъ: плачутъ, надоѣли»...

22—23 Іюля. Дневка въ д. Сушкахъ. Оба штаба нашихъ дружинъ размѣстились въ 19 дворахъ; по 30 ратниковъ стояло въ одной избѣ; день былъ жаркій; въ 3 часа пополудни проливной дождь освѣжилъ воздухъ. Челищева человѣкъ повелъ въ прудъ купать лошадей и увидѣлъ по серединѣ пруда что-то черное, подъѣхалъ ближе и закричалъ: «Господи, человѣкъ въ водѣ!» Я стоялъ на берегу и послалъ за сотскимъ. Вытащили молодую женщину, лѣтъ 20-ти, въ ситцевомъ платьѣ, съ длинной распущенной черной косой. Оказалась она дворовою дѣвушкою князя Несвицкаго, дружина котораго шла впереди меня однимъ днемъ. Дѣвушку эту наканунѣ видѣли съ ратниками. Неужели она утопилась съ горя?.. Дали знать становому, и мы ушли дальше.

24-го Іюля, д. Зимницы. За три дня до нашего прихода одна торона деревни совершенно уничтожена пожаромъ. Хорошо, что не при насъ, а то сказали бы: ратники ночевали и сожгли.

25-го, г. Лихвинъ на Окѣ и на крутой горѣ. Съ ночлега мы выступили рано, чтобы избѣгнуть жары; отойдя 4 версты, переправились на паромахъ черезъ Оку. На другомъ берегу мы съ офицерами расположились пить чай; утро было чудесное; ратники и обозы плыли по Окѣ, ратники пѣли, горнисты играли... Часу въ 1-мъ мы дошли до Лихвина. Городишко дрянной, три церкви, пять кабаковъ и площадь, наполненная бочками съ дегтемъ. День былъ невыносимо жаркій; гора при входѣ въ городъ большая. Мы вошли съ барабаннымъ боемъ, но ни одна полицейская крыса насъ не встрѣтила: видно, городничему жаль было разстаться съ своимъ халатомъ. Хлѣба намъ не дали и въ водѣ отказали, воздухомъ только пользовалась дружина безденежно. Объ этомъ я написалъ губернатору, и досталось же несчастному городничему!

Вечеромъ мы съ женою и дѣтьми сидѣли на крыльцѣ, къ намъ подсѣлъ городовой докторъ, мимо пронесли гробъ съ инвалиднымъ солдатомъ, умершимъ отъ холеры. Плохое дѣло! Изъ Лихвина мы выступили утромъ въ половинѣ 4-го. Пройдя 10 верстъ, опять паромъ черезъ Оку. Здѣсь мы достигли Медынцевъ, которые поднялись изъ Лихвина еще до полуночи. Переѣхавъ на паромѣ, мы расположились подъ лѣсочкомъ пить чай; ратники всѣ перекупались.

26-го, село Никола-Гостунскій. Здѣсь обѣ дружины расположились вмѣстѣ. Изъ моей квартиры прелестный видъ на Оку; барки, нагруженныя лѣсомъ, проходятъ мимо. У Краснопольскаго хозяйка украла золотые часы съ цѣпочкою. Церковь старинная, каменная, вросла въ землю, очень древней архитектуры; построена Іоанномъ Грознымъ въ память побѣды надъ Литовцами. Въ церкви чудотворная икона Св. Николая. На вопросъ—какимъ образомъ явилась икона, дьячиха разсказала, что «одинъ разъ увидѣли люди, что надъ прудомъ на вязкѣ сидитъ икона, провѣдалъ митрополитъ и прислалъ взять образъ въ Москву, взяли и отвезли, а на другое утро (полюбилось знать ему) смотримъ—Николай Чудотворецъ сидитъ себѣ на вязку; съ тѣхъ поръ и остался онъ въ нашей церкви». На слѣдующій день (была дневка) протопопъ о. Стефанъ служилъ для ратниковъ обѣдню съ молебствіемъ чудотворной иконѣ. Я взошелъ въ алтарь и просилъ священника сказать ратникамъ слово о вѣрности службы Царю, о трезвости, о безотлучномъ нахожденіи при своемъ знамени и о повиновеніи начальству своему. О. Стефанъ чудесно исполнилъ просьбу мою и тутъ же составилъ проповѣдь, совершенно соотвѣтствовавшую нашей потребности и положенію ратниковъ.

28, г. Бѣлевъ. Первая станція Тульской губерніи. Люди живутъ здѣсь Жиды и Татары: подводъ не даютъ, хлѣбомъ не кормятъ.

29, с. Дольцы. Изъ Бѣлева мы выступили въ 4 часа утра. День былъ жаркій. Пройдя 10 верстъ, сдѣлали привалъ въ деревнѣ помѣщика Бунина; разослали въ тѣни коверъ и, пока Николай Челищевъ приготовлялъ чай, я крѣпко и сладко уснулъ—сномъ путника, которому бы позавидовалъ не одинъ министръ. Насъ встрѣтилъ становой, отставной уланъ. «Сколько дадите подводъ?» спросилъ я его. «Сколько вамъ будетъ угодно»; вотъ человѣкъ, подумалъ я, видно, что кавалеристъ. Подъ вечеръ вышло, однако, что онъ жидоморъ: напился пьянъ, бралъ деньги и контрмарки, а подводъ—ни фунта. Кое-какъ правдой и хитростью дѣло сладили. Здѣсь умеръ холерою первый человѣкъ 3-й роты, ратникъ лѣтъ 40; у него было много денегъ, но всѣ пропилъ.

30—31. Вотъ мы и въ Болховѣ, славномъ выдѣлкою кожъ и коноплянниками. У заставы насъ встрѣтилъ частный приставъ, въ бѣ-

лыхъ панталонахъ и въ каскѣ. Сегодня базарный день; народу множество насъ сопровождало; пѣсенники, барабаны и горнисты по очереди забавляли публику, поглядывавшую на насъ искоса, такъ какъ гр. Толстой имѣлъ глупость вчера оставить здѣсь отношеніе, что въ его ополченіи свирѣпствуетъ холера, чѣмъ и перополошилъ мирныхъ жителей, о холерѣ и не подозрѣвавшихъ. Нѣсколько плѣнныхъ Турокъ ходятъ по улицамъ въ жалкомъ положеніи; одинъ изъ нихъ на городской площади собиралъ сѣно и солому.

1 Августа, станція Синецъ. Семь постоялыхъ дворовъ достались намъ на два дружинныхъ штаба; находившимся при моемъ 34-мъ человѣкамъ я роздалъ на харчи по 15 коп., ибо здѣсь никого не кормятъ. Заходилъ ко мнѣ З., разсказывалъ, что купилъ ротѣ сто калачей, что въ Орлѣ хочетъ попарить ее въ банѣ, что купилъ еще одну артельную лошадь, что вчера въ хороводѣ его пѣсенниковъ плясали дѣвки, что подошелъ помѣщикъ, что пьянаго ратника водою отливали, что онъ обѣдалъ у графа Строганова, что его братъ адъютантомъ... Наконецъ ушелъ, обѣщаясь еще зайти—«спаси Господи люди твоя!..»

4 Августа, Орелъ. Мы тронулись въ походъ въ 2 часа утра. Было такъ темно, что одна только лошадь моя бѣлѣлась, сѣрыхъ же всадниковъ вовсе не было видно. Пошелъ дождь и мочилъ насъ болѣе трехъ часовъ. Не доходя 14 верстъ до города, мы сдѣлали привалъ. Здѣсь подъ сараемъ на подводѣ скончался горнистъ 3-й роты, 20 л.; онъ имѣлъ припадокъ холеры и было выздоровѣлъ, но потомъ опять заболѣлъ и умеръ; за двѣ минуты до смерти онъ разговаривалъ съ поручикомъ Челищевымъ и былъ въ совершенной памяти. Въ Орлѣ мы уговорили Михаила Александровича Челищева ограничить этимъ пунктомъ свое военное поприще. Очень не хотѣлось благородному старцу оставить насъ; но наконецъ со слезами согласился онъ, что присутствіе его нужнѣе дома, чѣмъ въ дружинѣ. 5 Августа въ 6 часовъ утра графъ смотрѣлъ обѣ дружины на Кромской площади передъ выступленіемъ въ походъ. Загоскинъ съ своей ротой вовсе не явился на смотръ; графъ осмотрѣлъ дружину, не замѣтивъ отсутствія одной роты, и очень благодарилъ меня за порядокъ, увѣряя, что у него глазъ вѣрный...

6 Августа, Куликовье. Дневка и самая скучная: то и дѣло или видишь, или слышишь про холеру; умершихъ проносятъ мимо; заболѣвшихъ везутъ впередъ. Вчера Радищевъ заболѣлъ сильно холерою, сегодня отправляется въ Орелъ въ больницу—довезутъ ли его? Господи, помилуй насъ и выведи скорѣе изъ этой земли плача и скорби! На походѣ замѣтно, что во всѣхъ ротахъ ратники идутъ еще довольно бодро, охотно пѣсни поютъ; но въ офицерахъ духъ упалъ до точки за-

мерзанія. Ихъ не пугаютъ ни предстоящія опасности, ни труды и лишенія похода; но какое-то уныніе овладѣло всѣми, особливо послѣ Орла, гдѣ многіе получили письма отъ своихъ родныхъ. Не тоска ли это по родинѣ? Правда, что мы принесли большую жертву Царю, отечеству, поступивъ въ ополченіе,—жертву, которую никто оцѣнить не можетъ: нашъ начальникъ гласно бранитъ ополченіе, презираетъ его, называетъ панскимъ войскомъ, и онъ причиной упадка энергіи въ дворянахъ, энергіи, которую главный начальникъ поддержать и сохранить можетъ и долженъ. Врача при ополченіи нѣтъ ни одного, а больныхъ со всякимъ днемъ прибавляется и прибавляется. Попеченія о войскѣ ни малѣйшаго; презрѣніе обнаруживается во всѣхъ сношеніяхъ съ дружинными начальниками; за то и послѣдніе не могутъ похвастаться ни любовью къ своему начальнику, ни увѣренностью въ немъ. Я одинъ не имѣю права жаловаться на обращеніе со мною и съ дружиною моею; но таковое ко мнѣ вниманіе есть предубѣжденіе, порожденное маленькими моими заслугами въ Польскую кампанію, когда я былъ нѣкоторое время подъ командою графа. Дружину мою онъ всѣмъ выхваляетъ, называя ее первою въ ополченіи, что̀ и доказываетъ его гомеопатическое познаніе службы. Вообще наше ополченіе сформировано ошибочно и на скорую руку, и «нѣтъ никакихъ данныхъ, какъ говоритъ Баташовъ, для основанія порядка». Дворяне выбрали изъ среды своей лицъ, не заботясь объ ихъ военныхъ познаніяхъ; лица эти набирали ратниковъ, сформировали батальоны и обучали ихъ всякій по своему безъ современныхъ наставниковъ; начальники дружинъ—экземпляры, взятые изъ трехъ царствованій, Павла, Александра и Николая, обучали свои дружины со всѣмъ усердіемъ тому, что̀ знали сами, кто по-драгунски, кто по-артилерійски, кто по-піонерному; статскіе совѣтники ничему не учили и только спорили съ комитетомъ; надворные совѣтники обмундировывали и вооружали ополченіе; предводитель и городскіе головы продовольствовали дружины, покупали для нихъ лошадей и получали на то деньги изъ казначейства. Начальникъ дружины оглядывался на всѣ стороны и перелистывалъ книжечку разсыпнаго строя. Еще дружины не были сформированы, а помѣщики всякій день присылали мужичковъ на перемѣну; инспекторскій департаментъ требовалъ, чтобы каждыя двѣ недѣли показывать въ рапортахъ, сколько ратниковъ въ дружинѣ совершенно обучены пѣхотной службѣ и стрѣльбѣ въ цѣль, а ни ружей, ни пороху еще не было... Но «сіе море пространно есть, въ немъ же гада нѣсть числа» и безпорядковъ тоже.

8 Августа, д. Полевая, ночлегъ. Сегодня вечеромъ вернулся изъ Орла Краснопольскій; тамъ перенесъ онъ холеру и сильно похудѣлъ, бѣдный. На привалѣ, гдѣ мы съ Челищевыми расположились пить чай,

выскочилъ изъ конопли Загоскинъ верхомъ на желтенькой лошадкѣ, имѣвшей полное право съ успѣхомъ оспаривать худобу у Россинанты Донъ-Кихота; вслѣдъ за нимъ изъ-за огородовъ выѣхалъ на телѣжкѣ съ краснымъ сундукомъ сзади Филимоновъ, потомъ показалась телѣжка, нагруженная морсомъ и г. Енькодаровскимъ. Эти усердные офицеры, шествовавшіе по собственному своему маршруту, потеряли роту и съ удивленіемъ узнали, что имъ здѣсь ночлегъ. Загоскинъ разсказывалъ чудеса о гостепріимствѣ какого-то помѣщика Яковлева, о чудномъ дѣйствіи своихъ антихолерныхъ капель, которыя самъ ежедневно отъ 10 до 12 разъ принималъ съ рюмкой водки, но которыми никого еще не вылѣчилъ, предлагалъ мнѣ какую-то глупую жирную дрохву, показывалъ свой фланелевый набрюшникъ... и разговору конца бы не было, еслибъ барабанщики не ударили подъемъ, и мы не тронулись въ походъ.

Одни только Рустицкій, Челищевъ Нилъ, Васильевъ, Мамаевъ и Смольяниновъ никогда не отстаютъ отъ своихъ ротъ, всегда впереди, и на своемъ мѣстѣ служатъ примѣромъ своимъ подчиненнымъ, перенося съ ними вмѣстѣ всѣ труды похода. Какъ товарищъ, чувствую къ нимъ особенное мое уваженіе, какъ начальникъ—благодарю ихъ отъ души за благородное исполненіе своей обязанности.

9. Станція Очки. Дневка. Переходъ былъ въ 17 верстъ; но караульный взводъ по милости З. сдѣлаетъ 34: 4-я рота должна была на привалѣ смѣнить 2-ю и слѣдовать при штабѣ; всякій другой исполнилъ бы это во время, но З-ну невозможно сдѣлать ничего толкомъ, именно отъ страсти все толковать и перетолковывать по своему; онъ вѣчно и всюду опаздываетъ. Теперь четверть шестаго, а караулъ еще не смѣненъ. Какъ З. могъ служить въ инженерахъ, не понимаю.

10. Былъ у меня становой въ мундирномъ длиннополомъ сюртукѣ и въ палевомъ жилетѣ, маленькій и очень толстый человѣчекъ; говоритъ съ одышкой, волоса у него висятъ длинными прядями, весь въ поту, безпрестанно утирается клѣтчатымъ платкомъ и вскакиваетъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что дочь его Олимпіада, очень красивая собою, вышла замужъ за казначея Екатеринбургскаго полка, и по этому случаю онъ въ тотъ же полкъ опредѣлилъ и трехъ сыновей своихъ; двое затѣмъ, служившіе по штатской службѣ, поступили въ ополченіе, а шестой въ Орловскомъ корпусѣ. Пока мужъ прекрасной Олимпіады служилъ казначеемъ, дѣла шли хорошо; но его произвели въ капитаны, дали роту и въ первомъ же сраженіи убили. Прекрасная Олимпіада возвратилась теперь изъ-подъ Севастополя и вдовствуетъ; старшаго сына ранили въ руку, но онъ пишетъ къ отцу, что кость не повреждена, а мясо наростетъ... «Это все ничего-съ, но я осмѣливаюсь просить васъ написать къ губернатору Валерьяну Ивановичу Сафонову,

что я васъ усердно проводилъ—становой приставъ Звягинъ». Желаніе его исполнено.

11. С. Поныри (Курской губ.). Селеніе раскинулось на 7 верстъ. 4-я рота въ караулѣ. З. цѣлый переходъ занималъ насъ разговоромъ: что здѣсь пройдетъ желѣзная дорога, что локомотивы будутъ отопляться торфомъ, что у него есть жареный гусь, что на границѣ Курской губерніи водка хороша, что Политковскаго отравила жена, что третьяго дня онъ ѣлъ нашпигованную саломъ дрохву и давалъ ее офицерамъ 3-й роты, что онъ всегда носитъ фланелевый набрюшникъ... продолженіе—завтра.

14. Коренная. Сколько воспоминаній для меня сохраняется здѣсь! Здѣсь я былъ молодъ, счастливъ, какъ только можетъ быть счастлива беззаботная молодость. Здѣсь мы молились чудотворной иконѣ Божьей Матери и несли икону на колодезь вечеромъ, въ 10 часовъ.

22. с. Юнаковка, имѣніе князя Голицына, начальника Московской дружины. Съ недѣлю назадъ онъ проѣхалъ въ Севастополь и приказалъ, чтобы всѣ дружины встрѣчаемы были съ хоругвями, хлѣбомъ и солью и чтобы всякой дружинѣ давать по иконѣ на счетъ князя, что и было исполнено; мнѣ достался образъ Спасителя, который я отдалъ въ 1-ю роту, бывшую въ караулѣ, а Медынской дружинѣ - икону Божьей Матери.

Воротимся теперь немного назадъ. Отъ Орла до Курска на разстояніи 180 верстъ нѣтъ ни одного города, деревушки бѣдныя, постоялые дворы плохіе. Въ деревнѣ Очки въ 77 верстахъ отъ Орла у меня совершенно истощился запасъ бѣлаго хлѣба; принесли ржаного; ѣсть невозможно—черный, невыпеченный, клейстеръ настоящій. Вечеромъ еще ничего, но на разсвѣтѣ выходить въ походъ, ничего неѣвши,—плохо, а гробы то и дѣло мимо оконъ таскаютъ. Пришлось пропадать!

Картина 1-я. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни стоитъ богатая усадьба помѣщичья. Спрашиваю у хозяина «кто живетъ?»—«Баронъ Б.». Хорошій человѣкъ?»—«Ха—рошъ» (и почесалъ затылокъ). Я думалъ, думалъ и позвалъ своего Петра: «поди ты къ помѣщику, вызови лакея и скажи—въ деревнѣ ничего купить нельзя, полковникъ, дескать, приказалъ кланяться и проситъ кусокъ хлѣба». Вышелъ самъ баринъ и сказалъ моему Петру: «скажи полковнику, что у меня хлѣба нѣтъ». Это происшествіе я не разсказывалъ офицерамъ: мнѣ было совѣстно за себя и стыдно за скота Б. Я далъ хозяину цѣлковый за подводу; онъ съѣздилъ въ Ново-Архангельскъ (21 в.) и къ вечеру привезъ 15 Французскихъ свѣжихъ хлѣбцевъ—мнѣ стало до Курска.

Картина 2-я. Изъ Бѣлгорода, догоняя дружину, я ѣхалъ проселочной дорогой, и застигла меня ночь темная. Въ 10 часовъ добрался до слободы Бѣлой. Въ правленіи я взялъ десятскаго показать мнѣ квартиру для ночлега; въ одномъ домѣ хозяинъ сказалъ, что у него братъ умираетъ, и попъ читаетъ отходную. Я поглядѣлъ въ окно—правда. Въ другомъ домѣ, только что услышали колокольчикъ у воротъ, потушили огонь и притаились; сколько мы ни стучали въ ворота—ни гугу. Десятскій мнѣ говоритъ, что есть хорошій постоялый дворъ, и комната чистая, и самоваръ есть—только надобно деньги платить. «Веди, братецъ, скорѣй». Подъѣхали. Собаки залаяли, огоньки забѣгали, и вышелъ со свѣчей молодой Хохолъ въ синемъ казакинѣ. Комнатка славная, образовъ множество и передъ каждымъ теплится лампадка—была Суббота. Подали самоваръ со всѣми принадлежностями, даже ложечка серебряная. Желая имъ сдѣлать доходъ, я спросилъ чаю и сахару, хотя со мною было все. Я былъ счастливъ, какъ младенецъ, наслаждаясь чаемъ; а хозяинъ, стоя у печки, расказывалъ, что онъ недавно былъ въ Севастополѣ и слышалъ, какъ «съ пушекъ стрѣляютъ—страсти Господни, да и только!.. А ужинать изволите?»—«Нѣтъ, но накормите моего ратника».—«Слушаю-съ». На другой день спрашиваю хозяина, чтò ему слѣдуетъ за чай, сахаръ, квартиру и ужинъ.—«Ничего-съ». Какъ я ни настаивалъ, хозяинъ ничего брать не хотѣлъ. Я ему пожалъ руку. Провожая меня, онъ всунулъ въ тарантасъ огромный пшеничный хлѣбъ. Какая разница между богатымъ помѣщикомъ Б. и Хохломъ, хозяиномъ постоялаго двора; а еще с. с. Б. по французски говоритъ, а дѣтей и по англійски учитъ; онъ мнѣ сказалъ «хлѣба нѣтъ», а Хохолъ, подавая хлѣбъ, сказалъ «пріймите, ваше благородіе; не обижайте отказомъ насъ бѣдныхъ людей».

Картина 3-я. Не доѣзжая 13 в. до Суджи, мнѣ надо было перемѣнить лошадей въ д. Улановой. Въ правленіи, пока искали лошадей, я сѣлъ на крыльцо, закурилъ сигару и попивалъ лафитъ. Былъ день воскресный, часъ 10-ый; люди шли изъ церкви. Черезъ улицу напротивъ стоялъ бѣленькій домикъ. Подошелъ хозяинъ отъ обѣдни, поотворялъ ставни; маленькій Хохленокъ въ рубашонкѣ подбѣжалъ къ нему; онъ его погладилъ по головкѣ, поцѣловалъ и посадилъ возлѣ себя. Я позавидовалъ его счастію: и у меня праздникъ, и у меня милыя дѣтки пришли изъ церкви, и я бы ихъ приласкалъ... слезы навернулись на глазахъ, и я запилъ ихъ виномъ. Старый Хохолъ постучался въ окно, вышла къ нему жена; они переговорили о чемъ-то; Хохолъ всталъ, пригладилъ голову, поправилъ на себѣ кафтанъ и подошелъ ко мнѣ. «Ваше сіятельство, пожалуйте къ намъ обѣдать».—«Спасибо, братъ,

для меня еще рано».—«Вы люди дорожные, такъ и пожалуйте».—«Покорно благодарю, мнѣ ѣсть не хочется; но когда ты такой добрый, то накорми моего ратника».—«И ратника милости просимъ, и вы пожалуйте». Ратникъ пошолъ и послѣ сказалъ, что Хохолъ важнѣйшій человѣкъ и все семейство его—любезнѣйшіе люди. Хохла звали Иваномъ Проценко. Вопросъ: кто благороднѣе—Проценко, или Б.?.. А еще дворянинъ и баринъ, а подлецъ!

23. Августа. д. Писаревка Харьковской губерніи. Хохлы. Имѣніе генеральши Савичъ, которая имѣетъ пятерыхъ сыновей и трехъ дочерей; всѣ живутъ при матери, и имѣніе нераздѣльное. Встрѣтили насъ также съ Евангеліемъ и хоругвями за деревней. Послѣ молебствія священникъ благословилъ насъ образомъ Іоанна Воина, сказалъ краткую, одушевляющую рѣчь и потомъ съ образами шелъ впереди дружины вплоть до моей квартиры. Икону я передалъ въ 4-ю роту маіору Загоскину; тотъ обратился къ своему офицеру: «Николай Петровичъ, возьмите образъ»—«А куда же я его дѣну?» сказалъ Николай Петровичъ... Сегодня вступили мы въ Харьковскую губернію; водка крѣпкая и дешевая; одинъ ратникъ 1-ой роты, изъ предосторожности и не надѣясь на себя, штыкъ свой прикрѣпилъ къ портупеѣ замочкомъ. «Водка славная, говоритъ, неравно штыкъ потеряешь». Караулъ 1-ой роты съ кадровымъ урядникомъ пьянъ поголовно—завтра расправа. Здѣсь умеръ отъ холеры ратникъ 3-й роты; досокъ для гроба въ цѣлой слободѣ не нашли, урядникъ пошелъ просить досокъ у помѣщика, баринъ вышелъ самъ и сказалъ: «дай полтора цѣлковыхъ, можетъ и найду»; я далъ деньги, и гробъ сдѣланъ. У помѣщика до 2000 душъ, гумно огромное, и амбары засыпаны прошлогоднимъ хлѣбомъ... Жаль мнѣ, что о дворянахъ ничего еще хорошаго сказать не могу.

25. г. Сумы. Ужасная пыль встрѣтила насъ при входѣ въ городъ, потомъ квартальный на вороной лошади, а на площади—священникъ съ образами и голова И. А. Ткаченко съ хлѣбомъ-солью. Квартира славная, два рояля, на столѣ завтракъ, подъ столомъ коверъ, кроват желѣзная постлана, и старенькая хозяйка все присѣдаетъ. Добрые, видно, люди, дай имъ Богъ здоровья! Старушка два раза приходила спрашивать, не нужно ли мнѣ чего для стола; просила, чтобъ я ничего не покупалъ. Я, разумѣется, ничего не требовалъ, но отъ души благодарилъ за вниманіе; здѣсь бы поучиться дураку В. вѣжливости и радушію!

28. Казенная хохлацкая слобода Боромля. Священники съ четырехъ церквей насъ встрѣтили, благословили дружину иконою Ахтырской Божьей Матери, дали 20 образковъ для урядниковъ, а голова угощалъ дружину водкой и калачами. Когда я благодарилъ его за ласко-

вый пріемъ, онъ сказалъ мнѣ: «это нашъ долгъ; это еще ничто, а что́ для васъ готовится въ Ахтыркѣ —того и сказать нельзя!».. Благочинный (о чудо!) просилъ позволенія угостить обѣ дружины виномъ отъ усердія священниковъ: это 24 ведра! Завтра проводы съ образами и раздача образковъ всѣмъ офицерамъ.

29. Тростянецъ, имѣніе князя Голицына, старичка 70 лѣтъ. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, теперь уѣхалъ въ Харьковъ на выборы и повезъ съ собою двухъ сыновей, чтобы предложить ихъ въ ополченіе. Вчера въ Бороилѣ мы отстояли обѣдню, служили молебенъ, выслушали проповѣдь и, по окропленіи дружины святою водою, священникъ съ крестомъ и хоругвямъ проводили насъ болѣе версты черезъ деревню; въ концѣ слободы была еще церковь; старенькій священникъ вышелъ къ намъ съ тою же благодатью. Пришли мы въ Тростянецъ, священство уже ожидало насъ на дорогѣ, и паки молебствіе и окропленіе св. водою. Я не понимаю, что́ это значитъ: во всякой деревнѣ Харьковской губерніи, лишь только насъ завидятъ, то поднимается колокольный звонъ, сбѣгается народъ—и «спаси Господи люди твоя!» Я начинаю думать, не войско ли мы архіерея Харьковскаго и Ахтырскаго, не церковная ли армія, грядущая въ Палестину для изгнанія невѣрныхъ поклонниковъ Магомета? Молиться по нѣскольку разъ въ день людямъ усталымъ отъ похода, голоднымъ, какъ волки, и чаще всего, пьянымъ до нельзя—возможно ли?

31. Ахтырка. На площади противъ собора смотрѣлъ насъ графъ. Эшелонъ былъ выстроенъ въ карре; Загоскинъ не опоздалъ—это одно изъ чудесъ Ахтырской Божьей Матери. Было молебствіе, мы два раза прошли церемоніяльнымъ маршемъ и получили по образу въ дружину. Выхлопоталъ у графа переводъ добраго Баташова изъ Медынской дружины въ свою, т. е. изъ плѣна Египетскаго въ землю Ханаанскую! Въ 3 верстахъ отъ города, на берегу Ворсклы, стоитъ на прекрутой горѣ мужской Троицкій монастырь. Я съ офицерами и въ сопровожденіи городничаго отправились осмотрѣть монастырь, воспользовавшись дневкой. Когда пестрая наша ватага съ шумомъ ввалилась въ ограду, монахи забѣгали въ разныя стороны, какъ встревоженные муравьи. Послѣ молебна отправились мы къ архимандриту. Домикъ чистенькій, новенькій, и кругомъ хорошій цвѣтникъ. Когда мы взошли въ комнаты, никого не было; немного погодя, отворилась дверь, и изъ нея выползъ преуродливый карликъ съ двумя горбами. Мы всѣ остолбенѣли отъ удивленія, и никто не трогался съ мѣста. Горбунокъ взглядомъ своимъ точно приковалъ насъ къ полу; онъ посмотрѣлъ кругомъ и улыбнулся, вѣроятно замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на насъ его появле-

ніемъ. Я опомнился первымъ и подошелъ подъ благословеніе. Горбунокъ взялъ меня за обѣ руки, поглядѣлъ мнѣ пристально въ глаза и сказалъ: «вижу, что вѣра ваша велика есть; напишите семейству вашему, что я ихъ благословляю»; при этомъ онъ благословилъ воздухъ. Онъ насъ потчивалъ чаемъ, потомъ повелъ показывать свою домовую церковь черезъ спальную; кроватка его, какъ дѣтская люлька, три подушечки, столикъ; на немъ «Сѣверная Пчела» и очки. Архимандритъ Сергій, лѣтъ 48; лицо смуглое, носъ крючкомъ, какъ у ястреба, усы черные щетинистые, борода взъерошенная, глаза маленькіе, глубоко во лбу, но блестятъ, какъ яхонтъ. Горбунокъ повидимому обладаетъ большою силою магнетизма: кого онъ исповѣдывалъ или приготовлялъ на тотъ свѣтъ, всякій дѣлалъ значительныя пожертвованія, или отказывалъ все свое достояніе—и въ 13 лѣтъ созданъ изъ ничего, на голомъ мѣстѣ, прекрасный и великолѣпный монастырь, съ келіями, гостинницами, самоварами и со всѣмъ комфортомъ для пріѣзжающихъ, которыхъ всегда много; мы застали нѣсколько семействъ. Архимандритъ Сергій благословилъ насъ всѣхъ иконою, а меня и Дм. Челищева образками на розовыхъ лентахъ. Дм. Челищева онъ очень полюбилъ, глядѣлъ на него съ улыбкой и въ разговорахъ часто грозилъ ему пальцемъ.

3 Сентября. Слобода Котельва. Сегодня сдѣлали 30 верстъ, и три раза священники встрѣчали насъ съ молебствіями. Здѣсь застали мы фельдъегеря отъ князя Горчакова съ повелѣніемъ идти намъ прямо въ Севастополь—поздравляю!

4. Мѣстечко Опочна. На переходѣ я травилъ трехъ русаковъ, и всѣ трое ушли. Здѣсь гр. Строгановъ формируетъ 2-й конный казачій полкъ. Въ селеніи Млинахъ, 3 версты отъ Опочки, насъ встрѣтилъ командиръ 5-ой сотни, ротмистръ Потоцкій; позвалъ къ себѣ офицеровъ всего эшелона, угостилъ, напоилъ, показывалъ своихъ лошадей и послѣ проводилъ насъ верхомъ въ проливной дождь. Потоцкій живетъ паномъ; ему 34 года, высокій, стройный, пріятнаго лица, образованный, имѣетъ жену, трехъ дѣтей, 1000 душъ—и охотой пошелъ въ казаки. Я обѣдалъ у гр. Строганова; тамъ былъ и гр. Толстой. Строгановъ живетъ магнатомъ и занятъ службой; онъ славный человѣкъ.

8. Рѣшетиловка. Здѣсь проѣзжалъ Великій Князь Николай Никокаевичъ и съ нимъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ, очень вѣжливый человѣкъ. Я подалъ рапортъ Великому Князю; онъ распрашивалъ меня о состояніи дружины и здоровьѣ людей. Я ему доложилъ, что въ Тульской, Орловской и Курской губерніяхъ намъ не давали подводъ, время было невыносимо жаркое, мои старики падали отъ изнуренія, заболѣвали холерой и въ полчаса умирали въ чистомъ полѣ

или въ канавѣ у большой дороги, безъ малѣйшей помощи, такъ какъ врачей нигдѣ не было. «Есть ли теперь при дружинѣ врачъ?» — «Нѣтъ, Ваше Высочество».—«Какъ ваша фамилія?» Я отвѣтилъ. «Гдѣ вы служили?» — «Въ драгунахъ».—«Вотъ вы изъ кавалеріи попали въ пѣхоту». —Драгунскому офицеру нечужда и пѣшая служба». Великій Князь улыбнулся и уѣхалъ; стоявшіе тутъ ратники крикнули «ура»... Здѣсь проѣзжаютъ лошадей, назначенныхъ для Государя. Хохлы оригинальны въ своихъ отвѣтахъ. Рустицкій спрашиваетъ у одного, «сколько верстъ до Ѳедосѣевки?» – «А нема ни единой». Спросили другаго Хохла, сколько верстъ до деревни? «А було девять, да пастухи одну спалили; то и осталось чи восемь, чи що»... Противъ моей квартиры строится новая деревянная церковь на старинной усадьбѣ: каменная часовня, окруженная вишнями, сливами и тёрномъ, нѣсколько скромныхъ надгробныхъ памятниковъ, старинный и запущенный помѣщичій домикъ; все это возлѣ самой рѣки Голтвы и очень романтично, но заглохло отъ бурьяна выше человѣческаго роста. Рабочихъ вокругъ строющейся церкви, бабъ, дѣвокъ и мужиковъ много, но отъ нихъ ничего узнать нельзя: чья усадьба, куда дѣвался панъ, отчего домъ запустѣлъ, Богъ знаетъ; отъ Хохла послѣ многихъ вопросовъ насилу добьешься слова «не знаю». Хохолъ, когда не пьянъ, то отъ лѣни ничего не говоритъ и на разговоръ скупѣе Англичанина. Погода чудесная; я много ходилъ. Ночью ожидаютъ проѣзда Государя. Графъ Орловъ уже проѣхалъ.

11. Д. Пески на р. Пслѣ. Моя квартира у попа. Комнатка чистенькая, часы съ кукушкой; хозяинъ старичекъ съ претолстымъ краснымъ носомъ, человѣкъ простой, говоритъ простымъ Хохлацкимъ нарѣчіемъ; онъ не приказалъ моему Петру разводить огня и предложилъ мнѣ своего борщу съ бараниной, говоря, что и генералъ Миллеръ кушалъ его борщъ и похваливалъ; послѣ такой рекомендаціи я уже не смѣлъ сомнѣваться въ изящности борща, одобреннаго высшимъ начальствомъ. Когда послѣ обѣда священникъ вышелъ отъ меня, я заперъ двери на крючокъ, и первымъ стараніемъ моимъ было укротить ярость часовой кукушки. Несчастная птица, хотя и продолжала выскакивать каждый разъ, но уже безъ голоса: покиваетъ головой и спрячется въ свою канурку. Священникъ нѣсколько разъ приходилъ и поглядывалъ на часы. «Чтò вы, батюшка, поглядываете на свои часы?» — «Да такъ, что-то моя птица не поетъ».— «Это, батюшка, вѣрно отъ моей трубки; кукушка птица хволая; а можетъ и къ погодѣ».— «А развѣ это бываетъ»?— «Какъ же, и очень часто».— «Ну, можетъ быть и такъ»... Пріѣхалъ З.; его рота стоитъ на большой дорогѣ, а квар-

тира его какъ разъ противъ станціи, гдѣ сегодня ночью будетъ проѣзжать Царь. Я ему рѣшился сказать: «Пожалуйте, маіоръ, домой».— «Отчего это?»—«А потому что уже поздно, тамъ никого нѣтъ; я боюсь, чтобы не случилось какихъ безпорядковъ отъ ратниковъ; пожалуста поѣзжайте и будьте осторожнѣе». Насилу согласился: увѣряетъ, что ничего случиться не можетъ. Въ 8 часовъ вечера мы съ Ниломъ Михайловичемъ рѣшились ѣхать на станцію и дождаться тамъ проѣзда Государя. Цѣлую ночь просидѣли на крыльцѣ станціи до 6 часовъ утра. Государь почивалъ и не выходилъ изъ коляски. Потихоньку перепрягли лошадей, и экипажи помчались одинъ за другимъ. З. никогда такъ счастливъ не бывалъ, какъ въ эту ночь: онъ распоряжался ямщиками, училъ ихъ, до сыта наговорился съ исправникомъ, встрѣчалъ и провожалъ всѣхъ проѣзжающихъ, разсказывая имъ, что̀ слышалъ отъ другихъ, принималъ почту, выносилъ ко мнѣ конверты, прочитывая надписи у фонаря, относилъ ихъ обратно, получалъ подорожныя, будилъ почтальона и говорилъ безъ умолку; если къ какому-нибудь проѣзжему нельзя было придраться, то спрашивалъ, который у него часъ, по какому времени, Московскому или Харьковскому, поставлены часы; иногда кричалъ мнѣ: «Полковникъ, ваши часы полчаса назади»... Проѣзжающій вскакивалъ въ телѣгу, и З. обращался тотчасъ же къ исправнику, какъ лицу не могущему уже куда-либо отлучиться. Увѣряетъ меня, что ему спать не хочется—въ счастіи не спится!

18. Александръ. Кременчугъ, черезъ который мы прошли въ эти дни, городъ хорошій, съ прекрасными дворянскими домами. Жителей 17 т. Много Жидовъ, арбузовъ, Хохловъ, быковъ, коммисаріатскихъ женъ, разъѣзжающихъ всякій вечеръ въ пролеткахъ парой. Значительныхъ купцовъ здѣсь нѣтъ, капиталы маленькіе; все Жидовье и Хохолъ, Русскаго человѣка мало, но и тотъ или торгашъ, или мошенникъ—послѣдователь Жидовской школы; но, кажется, ученики уже перехитрили своихъ учителей. Александровъ—имѣніе помѣщика Леонтовича, славнаго и гостепріимнаго пана. Онъ для меня назначилъ комнаты въ своемъ домѣ, угощалъ на пропалую всѣхъ офицеровъ; но я не воспользовался ни комнатами, ни угощеніемъ: я пріѣхалъ изъ Кременчуга ночью и остановился у Хохла; къ тому же я былъ нездоровъ.

19. Анновка, имѣніе нашего ополченца князя Кочубея. Управитель его принялъ насъ въ домѣ, обѣдъ былъ готовъ для офицеровъ цѣлаго эшелона. Цѣлый день мы провели вмѣстѣ, была музыка, пѣніе, и мы пріятно просидѣли до 1-го часа ночи.

20. Лозоватка—военное поселеніе, на протяженіи 7 верстъ разбросанное по берегу р. Ингула. Правая сторона вся въ каменистыхъ

утесахъ, лѣвая глаже; на ней церковь и военное управленіе подъ начальствомъ поручика, который ѣздитъ въ поле и смотритъ, какъ Хохлы землю пашутъ. На берегу рѣки варили пищу для ратниковъ; мы съ офицерами присутствовали при скромной трапезѣ. Ратники, размѣстившись кучками по камнямъ, весело и шумно обѣдали. И мы отвѣдали ихъ кашицы, похваливали, хотя каждый изъ насъ не то думалъ, что́ говорилъ; впрочемъ еще рано, а привыкнуть можно. Котлы подогрѣвали здѣшнимъ топливомъ: овечьимъ навозомъ, нарѣзаннымъ большими кирпичами и высушеннымъ. Горитъ хорошо, но воняетъ невыносимо. Вечеромъ я пилъ чай надъ рѣкой, развелъ огонь и поставилъ мѣдный чайникъ: это была проба той жизни, которая намъ предстоитъ. Солнце еще было на горизонтѣ, вечеръ тихій, теплый. Я сидѣлъ на крутомъ обрывѣ, свѣсивъ ноги надъ пропастью; рѣка была подъ ногами и такъ близко, что я плеснулъ изъ стакана прямо въ Ингулъ. На той сторонѣ, между камнями, по кустикамъ распѣвали птички, въ водѣ квакали лягушки, Хохлы вѣяли хлѣбъ, и гуси съ поля осторожно пробирались по камнямъ къ рѣкѣ. Пригнали стадо къ водопою, Хохлушки спускались по ущельямъ съ ведрами за водою. Наконецъ смерклось, закричали совы по трущобамъ и разбудили меня; чай мой простылъ, и сигара давно погасла въ рукахъ. Хозяйка моя, попадья, вдова, говорила потомъ, что, увидѣвъ дымъ на своемъ огородѣ, подходила ко мнѣ, но я ей ничего не отвѣчалъ, и она подумала, что я сплю.

22. На привалѣ у Криваго Рога мы всѣмъ эшелономъ расположились завтракать; къ намъ подъѣхалъ помѣщикъ и слезно просилъ зайти къ нему. Я никогда на подобныя приглашенія не подавался, но на этотъ разъ согласился и съ офицерами обѣихъ дружинъ отправились къ доброму пану. Панъ оказался отставнымъ уланскимъ полковникомъ, Александромъ Евдокимовичемъ Ходинымъ. Жена его въ черномъ платьѣ, съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, любезна, умна, безъ претензій казаться такою, и была намъ искренне рада. Потчивали, угощали, подливали всякихъ напитковъ преусердно. З. сперва трещалъ, потомъ шумѣлъ, подъ конецъ завелъ ссору съ Медынскими ополченцами; тѣ встали на дыбы и, сколько я ни старался заговаривать хозяйку, все-таки она замѣтила и посматривала на мужа. Послѣ второй бутылки Шампанскаго З. началъ кричать на Ляпунова; я его держалъ за фалду, а онъ всталъ, отнялъ у меня третью бутылку, сталъ всѣмъ наливать и кричать «за здоровье полковника». Я дернулъ крѣпче, онъ облилъ скатерть; а, чтобъ тебя чортъ взялъ, думаю себѣ, убилъ ты меня! И совѣстно, и досадно мнѣ. Послѣ обѣда я сѣлъ въ гостинной съ помѣщицей, слышу въ залѣ опять шумъ и уже крупныя слова...

Я скорѣе за шапку и простился съ добрыми хозяевами. Теперь, господа, впередъ меня не заманите! Что̀ было потомъ, что̀ я слышалъ дорогой—того и во снѣ не увидать.

23. Село Широкое—военное поселеніе на Ингулѣ Есть и церковь, есть и маіоръ, управляющій волостью и имѣющій двухъ ротмистровъ, управителей деревнями, подъ своею командою. Все чисто, бѣло, все подъ одну линію выведено; но всѣ ли сыты и довольны?—вотъ вопросъ. Люди шляются по улицамъ, ничего не дѣлаютъ. Почему ихъ не посылаютъ для свиданія съ Французами, не понимаю; а вѣрно они сдѣлали бы больше пользы, нежели мы: здѣсь стоятъ двѣ артилерійскія конныя батареи. Почтовыхъ сообщеній нѣтъ на разстояніи 200 верстъ. Мы уже давно идемъ по Екатеринославской губерніи, а въ нашемъ маршрутѣ все еще значится Херсонская. Прибылъ докторъ Б. изъ Симферополя, прикомандированный къ моей дружинѣ, Жидъ, но кажется, ученый человѣкъ, студентъ Офенскаго университета; написалъ разсужденіе о холерѣ и цынготной болѣзни; онъ утверждаетъ, что холера зарождается въ воздухѣ, и уничтожать ее можно пушечными выстрѣлами...

26. Большой Александровъ. Хохлы, подвѣдомственные управленію государственными имуществами, глупы и скупы. Говорятъ, что «по ихъ шляху [1]) во все лѣто большое гоненіе вораміи [2]) и всякаго солдатства, что въ Перекопѣ живетъ Грекъ и Жидова̀, и Нѣмецъ поселился на ихъ земляхъ, и никакого провіанту наравнѣ съ ними не правятъ, ни подводъ, ничего—стало быть Государь ихъ жакуетъ!» [3]) Они говорятъ, затѣмъ, что «наши дѣды и прадѣды тутъ по Ингулу живали аще чи не за гетманщину», и даже костюмъ ихъ доказываетъ, что они Запорожцы чистой крови; только подъ вліяніемъ окружныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ Хохлы побѣднѣли и поглупѣли, какъ, впрочемъ, это и слѣдуетъ. Квартира моя на этотъ разъ съ деревяннымъ поломъ и слава Богу, а то прежде отъ сырого глинянаго пола я всегда кашлялъ. Изъ окна виденъ Ингулъ и слышно, какъ шумитъ мельница. На томъ берегу, поросшемъ ивнякомъ, что̀ здѣсь рѣдкость, голая гора, на ней бѣленькій домикъ, въ немъ живетъ вдова-помѣщица; ни деревца, ни воротъ, ни забора; живетъ себѣ вдова въ чистой степи, на юру, открыто, и не боится она ни волка, ни злаго человѣка; да кажется ихъ здѣсь и нѣтъ. Хохлы слишкомъ лѣнивы, чтобы безпокоить себя промы-

[1]) Тракту.
[2]) Арміи.
[3]) Жалѣетъ.

ломъ въ темную ночь,—это дѣло Великоросса: тотъ не боится ни вьюги, ни трескучаго мороза, пролежитъ долгую зимнюю ночь въ снѣгу, высмотритъ все, а къ свѣту или уведетъ дрянную лошаденку, или взломаетъ замокъ, обокрадетъ церковь, или пересыплетъ изъ амбара весь хлѣбъ къ себѣ въ сани, а хозяина подопретъ коломъ, чтобы не вышелъ; на то у всякаго хорошаго человѣка есть и «струментъ» желѣзный ломъ, или пила; а у Хохловъ въ цѣлой деревнѣ гвоздя не найдешь, двери на улицу веревочкой завязываются, а воротъ рѣшительно нигдѣ нѣтъ. Живутъ себѣ, да горилку пьютъ, бабы хаты мажутъ, дѣвки подсолнухи грызутъ да пісни спиваютъ, свиньи роютъ не обмолоченные за пять лѣтъ скирды хлѣба, а несчастный быкъ вѣчно въ ярмѣ—всякому свое дѣло! Зато Хохолъ—«человѣкъ разумній», онъ «много свѣту бачивъ»; а спроси его, за 20 верстъ дороги не знаетъ, не знаетъ на какой рѣкѣ живетъ: была бы вода, а какъ она называется, про то «письменные» знаютъ. Отъ чего ты, чортовъ сынъ, хлѣба не смолотишь?—«А кто его зна, гоненіе большое вораміи, чи що никогда»; онъ самъ еще не увѣренъ что ему мѣшаетъ.

27. Каменка. Хохлы здѣсь казенные крестьяне, нищіе и разоренные; ихъ жилища доказываютъ то неусыпное попеченіе о благосостояніи крестьянъ, которымъ отличаются вездѣ окружные начальники.

28. Д. Мыловая на Днѣпрѣ, котораго ратники называютъ «Нѣпра». Здѣсь онъ прекраснѣе, нежели въ Кременчугѣ: онъ покрытъ островами съ зеленѣющими деревьями, что въ безконечной степи поражаетъ удивленіемъ. На другой сторонѣ рѣки красуется огромная Нѣмецкая колонія, а рядомъ съ нею—Жидовская на хлѣбопашествѣ.

30. Шведская колонія, на берегу Днѣпра, прекрасно выстроенная въ одну линію, съ островонечными крышами домовъ и большими окнами. Когда они переселены, кѣмъ и откуда, не знаю, и спросить не у кого: женщины дики, а мужчинъ дома нѣтъ. Шведъ не Хохолъ, сложа руки дома не сидитъ, за то и живетъ въ изобиліи. Цѣлую ночь дулъ сильный вѣтеръ; не повредилъ ли онъ Французскимъ кораблямъ? Не худо бы хоть вѣтру вступиться за насъ и хотя немного осадить гордость господъ союзниковъ. Буря сорвала съ якоря стоявшее у берега судно, и Шведы въ двухъ маленькихъ лодочкахъ ищутъ теперь этотъ якорь. Ночью постучался ко мнѣ Ермолаевъ. «Отоприте, полковникъ; я вамъ привезъ изъ Береславля высочайшее повелѣніе». Я проворно зажегъ свѣчу, распечатали конвертъ; повелѣніе гласило о перемѣнѣ маршрута: моему эшелону идти вмѣсто Бахчисарая въ Херсонъ, въ резервную дивизію генерала Вишневскаго; съ нами же назначены и дружины Миллера и князя Несвицкаго. Мы очень обрадовались, что из-

бавились отъ путешествія по Татарскимъ деревнямъ, особливо теперь, когда ихъ нерасположеніе къ Русскимъ такъ явно обнаруживается.

2 Октября. Г. Берееславль. Здѣсь переправа черезъ Днѣпръ, и за ней никакого присмотра: безпорядокъ и злоупотребленія ужасные, до пяти тысячъ повозокъ съ транспортами казенными и частными стоятъ по недѣлѣ съ обѣихъ сторонъ; фурщики плачутъ, быки лежатъ на голомъ пескѣ и умираютъ съ голоду. А въ городѣ есть городничій, толстый, какъ медвѣдь, и грубый, какъ поселенный Хохолъ; есть и комендантъ-полковникъ, но оба они видно еще не «вступали въ отправленіе своихъ обязанностей». Я простился здѣсь съ гр. Толстымъ, который отправляется въ Варшаву на свое сенаторское кресло. Моя дружина должна его жалѣть: онъ былъ для насъ несправедливо хорошъ и любилъ насъ искренно.

4. С. Даринка. Сюда съѣхалось сегодня много семействъ изъ Херсона спасаться отъ Французовъ; они гдѣ-то слышали выстрѣлы въ морѣ и струсили. Нашъ докторъ Б. отпросился въ Херсонъ; говоритъ, что боится за свое семейство, что Французы близко, чтобъ не захватили ихъ въ плѣнъ — шутъ!

5. Херсонъ. Въ 4 часа утра мы выступили въ Херсонъ; темнота была непроницаемая. Васильевъ сбился съ дороги въ степи и чуть было не опоздалъ къ смотру генерала Вишневскаго, новаго нашего начальника въ Херсонѣ. Съ городомъ я еще вовсе не знакомъ, хотя измѣрилъ его вчера собственными ногами до того, что хоть ложись на улицѣ. Видѣлъ только мачты, черный дымъ парохода и жителей въ волненіи. Присутственныя мѣста укладываютъ свои драгоцѣнныя глупости, покрытыя паутиной, и ожидаютъ только добрыхъ быковъ, которые, вѣроятно за преступленія праотцевъ своихъ при Адамѣ, должны свезти эту ябеду въ Елисаветградъ. Губернаторъ П. отправилъ семейство свое третьяго дня; за нимъ поднялись многія семейства трусливыхъ или денежныхъ обывателей: такъ-то мгновенно, какъ бы электрически передается трусость отъ одного дурака къ другому. Когда мой эшелонъ проходилъ по городу, то толпы жителей кричали: «батюшки наши, защитники наши, насилу-то вы пришли»; а одинъ пьяный чиновникъ ревѣлъ, какъ медвѣдь, басомъ: «и покорити подъ нозѣ наша всякаго врага и супостата!»

6. Все тѣже глупости и толки о близости Французовъ. Сегодня моя дружина заняла караулы, расходъ въ людяхъ большой; 400 человѣкъ въ караулѣ при 7 офицерахъ, да 200 потребовали на работы.

8. Ген. Вишневскій пригласилъ полковыхъ и дружинныхъ командировъ ѣхать съ нимъ за городъ осмотрѣть позиціи и указать всякому свое мѣсто и обязанность на случай нападенія Французовъ. Въ 4 часа

послѣдовалъ приказъ, чтобы никто отъ своего мѣста не отлучался: получено извѣстіе, что 8 пароходовъ Французскихъ отдѣлились отъ флота и идутъ на Херсонъ. Ночью потребовали меня къ генералу: мнѣніе его на счетъ диспозиціи перемѣнилось. Французовъ ожидали къ свѣту, и всю ночь продолжали укладываться, и казенныя мѣста, и жители, и уѣзжали кто куда зналъ. Мы не раздѣвались и были на готовѣ.

9. 8 часовъ утра. Французовъ нѣтъ. Всѣ спѣшатъ уложиться и выѣхать. Хозяйка моя убираетъ богатыя иконы и плачетъ; хозяинъ махнулъ рукой и пошелъ въ городъ. Онъ—арматоръ; имѣлъ своихъ три кораблика, два затопили въ Одессѣ, а третій стоитъ здѣсь на якорѣ другой годъ и отъ бездѣйствія разсохся; его Французы вмѣстѣ съ прочими сожгутъ. Въ 11 час. пріѣхалъ ко мнѣ ген. Миллеръ и сказалъ, что мнѣ, вмѣсто защиты Бѣлозерской дороги, должно занять пространство по берегу Днѣпра отъ Стрѣлецкой слободы до Борокъ, а оттуда до пристани займутъ егеря; сообщеніе съ главными силами я долженъ имѣть посредствомъ дружины Л—ва, и его я не увижу, какъ своего уха. Скажетъ «средствъ никакихъ не было», и баста; онъ человѣкъ рѣшительный и непоколебимый: если онъ легъ спать, то уже ни за что не встанетъ, пока не выспится.

10. Французовъ нѣтъ; а уже три дня, какъ мы ихъ съ минуты на минуту ожидаемъ. Присутственныя мѣста тоже, видно, даромъ потревожали пауковъ своихъ, укладывая на воловъ мудрыя дѣла свои. Сегодня у насъ ученье: стрѣльба холостыми патронами...

Въ 4 часа по полудни получено извѣстіе отъ ген. Задонскаго изъ Голой Пристани, что въ 14 верстахъ отъ Херсона на правомъ берегу Днѣпра 10 Французскихъ пороходовъ изъ Чернаго моря вошли въ Лиманъ и идутъ на Херсонъ. Сегодня утромъ казаки привели четырехъ Англичанъ, пойманныхъ ими въ камышахъ противъ Херсона. Говорятъ, что они измѣряли рѣку; двоихъ казаки убили, трое бѣжало; между плѣнными есть одинъ офицеръ, но онъ скрывается подъ простою одеждою и не сказывается.

8 часовъ. Опять подтвержденіе быть на сторожѣ. Мамаевъ пришолъ изъ города и говоритъ, что къ коменданту провезли скованнаго нашего генерала, который былъ начальникомъ на Кинбурнской Косѣ, взятой сегодня Французами.

9 часовъ. На дворѣ тихо и свѣтло. Хозяинъ куда-то проводилъ жену и имущество и возвратился домой.

2 часа ночи. Меня разбудили запискою ген. Вишневскаго—быть въ совершенной готовности. Я сплю не раздѣваясь.

11 Октября. Въ 8 часовъ утра я переодѣлся, побрился, напился чаю, а Французовъ нѣтъ какъ нѣтъ, и стрѣльбы ни ночью, ни на раз-

свѣтѣ въ морѣ слышно не было. Чтó бы значилъ сей сонъ? Ужъ не дурачатъ-ли насъ? Бить бьютъ, да еще насмѣхаются? Это уже много чести.

12 Октября. Уже пятый день, какъ городъ въ волненіи, мы подъ ружьемъ, и всѣ говорятъ, что «непріятель на носу»; каковы же здѣсь должны быть длинные носы, что въ пять дней непріятеля этого еще не видно! 200 ратниковъ цѣлый день разгружали казенную барку, таскали съ нея доски, брусья и лопаты, назначенныя для отправки въ Николаевъ; но обстоятельства перемѣнились, и барку эту опять нагрузятъ глиной и каменьями, пароходъ зацѣпитъ ее крючкомъ, потащитъ по Днѣпру за собою до узкаго мѣста противъ Голой Пристани и тамъ затопитъ ее, чтобы Французамъ удобнѣе сѣсть на мель противъ нашей баттареи. При выгрузкѣ барки ратниками я наблюдалъ за успѣхомъ работы, узнавъ полезную цѣль ея. Такъ какъ на баркѣ было тѣсно, то я присѣлъ на перилахъ купеческаго судна, стоявшаго бокъ о бокъ съ баркой. Судно готовилось къ отплытію, и въ трюмъ тащили огромнаго борова; связанный боровъ барахтался и кричалъ на весь заливъ. Я разговорился съ шкиперомъ, человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, въ синей курткѣ и съ безконечными усами.

«Куда отходите?» — «Въ Каховку; чужой товаръ перевожу». — «А въ морѣ далеко бывали?» — «Гдѣ я не бывалъ! Въ Америкѣ, въ Неаполѣ, около Везувія четыре раза проходилъ, на всѣхъ Греческихъ островахъ бывалъ; да я былъ и тамъ, гдѣ уже и компасъ не дѣйствуетъ». — «Развѣ компасъ у васъ есть?» — «Какже, компасъ и карта; вотъ пожалуйте сюда, я вамъ покажу; только теперь все это запылилось». — «Кто же по немъ маракуетъ?» — «Есть такой знахарь». — «А страстей видали?» — «Какихъ?» — «Ну, напримѣръ, штормъ»... — «Сколько разъ! Я на этой мачтѣ просидѣлъ 5 дней и 5 ночей, ничего не ѣлъ и не пилъ; судно наше затопило во время бури, многіе потонули; наконецъ сдѣлался штиль; вода была до половины мачты, насъ оставалось шестеро, и мы висѣли на веревочныхъ лѣстницахъ. Вотъ какъ сдѣлался штиль, мы и давай перебираться на главную мачту, на самую верхушку, вотъ на эти бѣлыя перекладины; одинъ стоялъ, а пятеро сидѣли и держались за мачту; сперва кричали, а потомъ, не видавши никого, замолчали. У меня въ карманѣ нашелся кусочекъ листоваго свинцу; я отдиралъ понемногу и давалъ его каждому въ ротъ; мы свинецъ сосали, и намъ было легче. Потомъ совсѣмъ окоченѣли, двое съ голоду умерли, да и повалились на меня, я ихъ ногою спихнулъ въ море... Наконецъ, какое-то иностранное судно насъ спасло, и судно-то наше зацѣпили и вытащили. Тотъ, чтó все стоялъ—у него сдѣлался Антоновъ огонь въ ногахъ, и онъ скоро умеръ; а двое съ ума сошли

и почернѣли, какъ уголь, да такъ перемѣнились, что когда я оправился, то объявилъ капитану корабля, который насъ спасъ, что это люди не наши; не только лицо, но и все тѣло черное-чернехонькое. Да лопотали на какомъ-то языкѣ, что и самъ чортъ не разберетъ, а хлопцы-то были наши, Херсонскіе Хохлы. Такъ что же, государь мой! Диво дивное: стали приходить въ себя, и побѣлѣли, и выздоровѣли. Такъ вотъ штука!» — «Какъ же вы говорите, когда пристанете къ чужому берегу?» — «А я говорю по итальянски, по турецки и по гречески,— такъ и пробуешь, мѣшаешь то то, то другое: впрочемъ съ Тальянскимъ нарѣчіемъ вездѣ пройдешь».— «А еще какихъ страстей видали?» — «О, много! Да теперь некогда; когда хотите послушать любопытную исторію, такъ приходите вечеркомъ въ чайную гостинницу—тамъ слободно, да и ромъ тамъ хорошій, такъ я васъ позабавлю. Много, много я видалъ»... Я поблагодарилъ его, но явиться на хорошій ромъ съ морскимъ волкомъ струсилъ.

Въ Херсонѣ есть дома съ вывѣсками «чайная гостинница», куда обыкновенно собираются судохозяева потолковать о дѣлахъ своихъ, а шкипера и выпить.

Мой хозяинъ тоже судохозяинъ; иногда нанимается и шкиперомъ. Расказывалъ мнѣ, что одинъ разъ доставилъ онъ судно въ Сицилію, разсчитался и съ нѣсколькими Херсонцами, перешолъ на иностранное судно, шедшее въ Одессу. На морѣ ночью разбойники убили часовыхъ, а всѣмъ прочимъ приказали изъ трюма выходить по одиночкѣ на верхъ. Дураки струсили и повиновались; ихъ по очереди перевязали, обобрали и стали обходить, прикладывая пистолетъ ко лбу. «Дошла очередь и до меня; я ни живъ ни мертвъ; а рядомъ со мною привязанъ корабельный поваръ, старичекъ лѣтъ 80-ти, морякъ бывалый, и шепчетъ онъ мнѣ: «не бойся, ничего». Выстрѣлили въ меня—я глаза зажмурилъ, выстрѣлили въ повара—хитрая старая акула вскрикнулъ и замолкъ. Разбойники пошли спускать шлюпку; я взглянулъ на повара, а онъ и голову повѣсилъ, а мнѣ усами моргаетъ—я и самъ повѣсилъ голову и опустился. Разбойники все уложили на шлюпку, да и говорятъ «зазжемъ весь хламъ внутри, поставимъ руль на лѣво, судно понесетъ къ берегу и неминуемо разобьетъ; теперь ночь, а кричать некому—всѣмъ карачунъ». Такъ и сдѣлали и уѣхали. Когда на кораблѣ утихло, поваръ и спрашиваетъ меня: «Живъ ты?» — «Живъ».— Попробуемъ развязаться зубами; ну, кое-какъ скинули веревки, вышли, смотримъ— судно наше, что̀ змѣй, мчится къ берегу, а дымъ такъ и валитъ съ трюма. И давай мы кричать «кто въ Бога вѣруетъ — спасите!» Ну, слава Богу, глядимъ, къ намъ на помощь летитъ баркасъ, взяли насъ»...—«Все это хорошо, только какъ же разбойники-то васъ не за-

стрѣлили?»—«А вотъ какъ. Старый поваръ былъ въ Индіи; пошолъ на охоту, да и заблудился, а лѣса тамъ страшенные. Вотъ онъ и слышитъ женскій голосъ кричитъ; пошолъ и увидалъ: женщина старая привязана къ дереву надъ муравейникомъ; кругомъ никого нѣтъ; онъ взялъ да и развязалъ ее, очистилъ онъ муравьевъ, и пошли они; дошли до хижины; онъ переночевалъ, а на утро старуха вывела его на дорогу, да въ благодарность выучила, какъ заговаривать пули для себя и еще для одного только; мое счастье, что я былъ рядомъ съ нимъ привязанъ—онъ и заговорилъ, и пуля насъ не взяла»..

13. Въ 4 часа пополудни барку, нагруженную каменьями, повезли топить въ устьѣ Днѣпровскаго лимана. О Французахъ перестали говорить. Вчера пароходъ Дарго зацѣпилъ баркасъ крюкомъ и потащилъ его туда же на лиманъ топить за то, что отъ старъ. Не мѣшало бы доброму Дарго заѣхать въ Крымскую армію и оказать тамъ подобную услугу.

17. Странствующая труппа заѣхала въ Херсонъ и очень удачно, въ то самое время, когда всѣ достаточные жители разъѣхались. Вчера давали три пьесы; раненая и изуродованная публика была въ восхищеніи, стучали костылями, деревяшками — странное и непріятное впечатлѣніе! Взглянувъ на ложи и партеръ, я подумалъ, что зашолъ въ госпиталь. Мой № былъ 19-й отъ стѣны, и, чтобы добраться туда, я долженъ былъ пройти цѣлую рогатку форменныхъ черныхъ деревяшекъ, у кого торчала одна, у кого—двѣ, да вдобавокъ съ двумя огромными костылями; подвязанныя руки—вещь самая обыкновенная; головы, точно боченки съ огурцами, перевиты повязками и обручами, лица, носы, уши—все подверглось фантастическимъ измѣненіямъ. Такою же публикою наполнены въ городѣ гостиницы, улицы, площади, церкви, бульвары и лавки; но это лишь часть раненыхъ, еще ползающихъ, но есть и лежащіе; а сколько ихъ—страшно и подумать!

19. Сегодня я нездоровъ: жаръ, и горло болитъ, простудился или на пристани, или у себя на квартирѣ. Это—погребъ; что ни возьмешь въ руки—все мокро, какъ изъ воды; когда говорятъ—видно дыханіе. Добрый Нилъ Михайловичъ хлопочетъ найти квартиру въ деревянномъ, а не въ глиняномъ домѣ, къ горлу привязалъ мнѣ тряпку съ мыломъ, и мнѣ лучше. Благородные мои офицеры, какъ они обо мнѣ хлопочатъ, съ какимъ живымъ, непритворнымъ участіемъ навѣщаютъ меня, когда узнаютъ, что я нездоровъ! «Мы безъ васъ пропали, полковникъ, вы одни насъ ободряете и поддерживаете; до сихъ поръ намъ было хорошо, потому что вы съ нами»... Добрые люди и не подозрѣваютъ, что въ первомъ сраженіи я ихъ не пощажу, хотя и люблю искренно.

Въ Херсонѣ всѣ начальствующія лица прекрасные и преблагородные люди. Генералъ-лейтенантъ Вишневскій рѣдкій и замѣчательный человѣкъ: дѣятеленъ, разсудителенъ и заботливъ о благосостояніи нижнихъ чиновъ до высочайшей степени. Комендантъ крѣпости генералъ Карловичъ - благороднѣйшее существо и акуратенъ, какъ Нѣмецъ; сегодня онъ собралъ всѣхъ ополченныхъ казначеевъ и сказалъ имъ: «во всѣхъ нуждахъ адресуйтесь прямо ко мнѣ; васъ здѣсь подрядчики попробуютъ надувать, но я вамъ помогу».

21. Завтра нашъ дружинный праздникъ, и я отправляюсь съ приглашеніями ко всѣмъ властямъ. Послѣ обѣдни и молебствія ратникамъ по чаркѣ вина и по пирогу съ начинкой изъ говядины; потомъ всѣ наши гости пожалуютъ ко мнѣ на завтракъ. Кромѣ икры, сардинъ и неизбѣжнаго сыра, который здѣсь несправедливо носитъ названіе Швейцарскаго, на каждомъ столѣ будутъ наставлены: паштетъ изъ дичи, разварныя стерляди, жареныя куропатки, стрепеты и индѣйки, пирожное, а затѣмъ кофій. Все это взялся поставить содержатель гостиницы Одесса, а приготовленіями распоряжается Ермолаевъ; весь въ поту, краснѣе, чѣмъ въ день своей свадьбы, онъ все еще не можетъ успокоиться, хотя всякое опасеніе за неудачу праздника уже исчезаетъ; онъ точно хорошо подмазанная самовѣйка: только тронь ее—она уже сама будетъ вертѣться. Сегодня у моего хозяина, въ городѣ, въ 11 часовъ дня, украли лошадь и самымъ оригинальнымъ образомъ. Домъ его въ центрѣ города; въ этомъ домѣ квартировала помѣщица, которая на-дняхъ, при общемъ смятеніи, произведенномъ умнымъ губернаторомъ, переѣхала въ деревню; домъ остался пустымъ, и хозяинъ пріѣхалъ посмотрѣть, все ли цѣло; онъ взялъ съ собою сына, мальчика 6 лѣтъ; остановившись у воротъ своего дома, онъ далъ мальчику возжи, а самъ пошолъ въ калитку. Мальчикъ шевелитъ возжами, покрикиваетъ, какъ кучеръ; но лошадь смирная, лѣнивая, стоитъ себѣ, и ни съ мѣста. Подходитъ какой-то человѣкъ: «покатать тебя, мальчикъ?» — «Покатайте, дяденька». Человѣкъ взялъ возжи, мальчика посадилъ на колѣни и поѣхалъ на выгонъ, остановился тамъ и сказалъ мальчику: «теперь я тебя шибко покатаю; только прежде надобно попробовать самому, какъ она побѣжитъ — ты постой здѣсь, а я за тобой пріѣду». Поставилъ мальчика на дорогѣ, а самъ поѣхалъ; мальчикъ стоялъ, пока дяденька не скрылся изъ глазъ; заплакалъ и пошолъ; долго блуждалъ онъ по улицамъ, пока знакомая Жидовка не привела его домой, гдѣ мальчикъ и разсказалъ отцу, что дяденька покаталъ его немножко, а самъ уѣхалъ.

23. Праздникъ удался какъ нельзя лучше — слава Тебѣ, Защитница наша! Утромъ получили мы повелѣніе идти на Перекопъ, гдѣ

ждетъ насъ дальнѣйшій маршрутъ. Какъ хорошо намъ было здѣсь 20 дней. Обѣдалъ у генерала Вишневскаго; что за добрые, милые и образованные люди, и онъ, и она. Какъ подумаешь да припомнишь, сколько козловъ-генераловъ я встрѣчалъ на службѣ, сколько свиней въ этомъ крупномъ скотѣ я видалъ, то какъ же не подивиться, встрѣтившись съ хорошимъ человѣкомъ, милымъ, образованнымъ, умнымъ и благороднымъ, и этотъ человѣкъ—генералъ, и этотъ генералъ—твой начальникъ, излагающій свои приказанія вѣжливо и умно! Да это чудо въ Русской арміи, глазамъ не вѣрится. Россійскій генералъ долженъ быть непремѣнно курносый, пузатый, и чѣмъ глупѣе, чѣмъ лучше, долженъ непремѣнно кричать на своихъ подчиненныхъ, особливо когда соберется много народу посмотрѣть на ученье, тутъ-то ему и повеличаться:– «Вотъ командиръ, такъ ужъ и видно, что важная персона! Какъ онъ офицериковъ-то пудритъ!..»

25 Октября. Въ 10 часовъ утра дружины Калужская, Медынская, Тарусская и наша выстроились на площади въ четырехъ колоннахъ, отслужили молебствіе, простились съ Херсономъ, съ добрымъ нашимъ генераломъ и отправились къ пристани, гдѣ нагружался обозъ. Тамъ дружина сѣла на три барки и съ пѣснями, барабанами, гикомъ и шумомъ поплыли въ Тавриду. Черезъ 4 часа мы причалили къ уѣздному городку Алешки (нынѣ Днѣпровскъ). Городокъ очень маленькій, на Таврическомъ берегу Днѣпра, покрытаго здѣсь земляными островками; моя квартира свѣтленькая, чистенькая у самаго берега, такъ что слышно какъ лодочники переговариваются на баркахъ. Господи Боже мой! Зачѣмъ это не мирное время? Какъ пріятно было бы проходить эти мѣста съ другими мыслями, въ другомъ настроеніи духа! А между тѣмъ я все думаю о походахъ, о возвращеніи домой, гдѣ меня такъ ждутъ, ждетъ ангелъ-жена, ждутъ милыя дѣтки... а я шляюсь одинъ, по чужой сторонѣ. Какъ я глупъ!

На берегу рѣки разложены большіе огни; дружина варитъ себѣ кашу, ночь темная; въ заревѣ огней виднѣются только бороды ратниковъ, обступившихъ свои котлы. Изъ-за мирной Оки пришолъ этотъ народъ и на берегу роскошнаго Днѣпра развелъ свои огни, а завтра утромъ съ шумомъ и съ пѣснями пойдетъ дальше въ степь Ногайскую, откуда прежде Татарва также забѣгала до Серпухова, до этой Оки.. Каша кипитъ, и ратники мои хоромъ поютъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Какъ не вспомнить Пушкина:

„Не стая вороновъ слеталась
„На груды тлѣющихъ костей.
„За Днѣпромъ, ночью, вкругъ огней,
„Дружина храбрыхъ собиралась“...

Какъ бы тамъ ни было, но картина эта такъ мнѣ понравилась, что я не утерпѣлъ, вышелъ къ нимъ, попробовалъ пищу въ котлахъ, назвалъ ихъ молодцами и далъ 3 рубля на водку.

26. Малыя Копани. Переходецъ знатный; въ маршрутѣ показано 12, а сдѣлали мы 42 версты. Пески невылазные; какъ зимою въ мятель надуваетъ непроходимые сугробы, такъ здѣсь занесло дорогу, и слѣда не видать. Образъ Аравіи пустынной. Жители говорили намъ, что еще на счастье наше вѣтра не было, а то намъ всѣмъ такъ залѣпило бы глаза, что дальнѣйшее слѣдованіе оказалось бы невозможнымъ. Мы съ бѣдными ратниками дотащились кое-какъ до ночлега, а обозъ и мой тарантасъ увязли въ снѣгахъ и 40 человѣкъ осталось при нихъ для помощи. Я всегда говорю, что со мною ничего худого случиться не можетъ: теперь напр., тарантасъ, т. е. весь домъ мой, остался за 20 верстъ въ пескахъ; ночь темная, вѣтеръ воетъ, пѣшіе люди пришли оттуда, пожалуйте корму, надо тамъ ночевать, лошади выбились изъ силъ, кое-что поломано»—а у меня ни пить, ни ѣсть, ни табаку, ни постели, нечѣмъ укрыться, а избенка холодная, одна голая лавка и свѣчки нѣтъ. Кажется матъ: пропалъ, голоденъ, и не раздѣваясь ложись хоть на полу; а вышло не такъ. Добрые Челищевы узнавъ о моемъ бездомовьѣ, прислали человѣка съ самоваромъ и бѣлымъ хлѣбомъ, Баташевъ и Рустицкій прислали подушку, ватную шинель, водки, рому, вина, сыра, икры и хлѣба! И вы думаете, что такъ обязательно позаботились они обо мнѣ отъ того, что я дружинный начальникъ?—ничуть не бывало. Еслибы они меня не любили, не дали бы ни фунта; а любовь товарищей на базарѣ не купишь. Это даръ Божій, которымъ свыше Провидѣніе награждаетъ счастливыхъ. Этимъ Веніаминамъ всегда и вездѣ хорошо.

27. Деревня Челбасъ. Туманъ, дождь и вѣтеръ несносный, сиверко, шинели наши всѣ смокли. Пришли на квартиры въ 5-мъ часу. Моя—нераздѣльная съ хозяевами: ребятишки плачутъ, а старые Хохлы сидятъ и рыгаютъ. Что́ со мною будетъ, когда они уснутъ! Здѣсь ночуетъ гусарскій короля Прусскаго полкъ на сѣрыхъ лошадяхъ, командуетъ полкомъ генералъ графъ Нироdъ. По службѣ я бы долженъ быть у него, но на дворѣ такъ темно, хоть глазъ выколи—пойду завтра. Мой хозяинъ, Коваленко, имѣетъ глупое свидѣтельство отъ Таврической Палаты Государственныхъ Имуществъ, что онъ хорошій человѣкъ; если онъ также хорошъ, какъ тѣ крючки, которые подписали это свидѣтельство, то свидѣтельство это не стоило въ рамкѣ и за стекломъ вѣшать на стѣну. Здѣсь намъ дневка. Изморозь съ вѣтромъ, мокро и холодно; каково-то намъ будетъ завтра, а переходъ въ 30 верстъ и по голой степи. Мамаевъ занемогъ, а врача при дружинѣ

опять нѣтъ—привлекательное положеніе умереть среди пустынной степи безъ всякой помощи, и это въ нашемъ любезномъ отечествѣ, которому въ славѣ нѣтъ равнаго!

30. Перекопъ. Сегодняшній переходъ былъ ужасенъ. Мы выступили въ половинѣ седьмаго и черезъ двѣнадцать часовъ дошли до мѣста, постоянно борясь съ нестерпимымъ вѣтромъ на встрѣчу. Какъ мои старцы-ратники дошли, я удивляюсь; въ Калужской дружинѣ, которая шла съ нами, подъ вечеръ пропало 113 ратниковъ; казаки посланы разыскивать ихъ по степи. Стужа такая, что всѣхъ насъ насквозь пронизало холодомъ; никакое платье, ни водка согрѣть насъ не могли. Кто не бывалъ осенью въ Таврической губерніи около Перекопа, тому нельзя и представить себѣ всѣхъ трудностей перехода въ этой мѣстности: въ дождливое время невылазная грязь, а въ сухую погоду продолжительные и сильные вѣтры, пронизывающіе путника насквозь.

1 Ноября. Юшунъ-аулъ. Татарва, 14 сакель. На дорогѣ мы встрѣтили Орловское ополченіе за работой: копали землю на батареяхъ и насыпали уже боевой валъ. Это мѣсто замѣчательно: оно должно служить единственной обороной соединенія Крымскаго полуострова съ Россіей; на всемъ протяженіи отъ гнилого моря (Сивашъ), соединяющагося съ Азовскимъ, до Чернаго, на разстояніи 8 верстъ, расположены въ одну линію семь соляныхъ озеръ; вода, насыщенная солью, такъ густа, что не волнуется, не смотря на самый сильный вѣтеръ, дувшій все время нашего перехода; кругомъ ни былинки, по берегамъ бѣлѣется застывшая соль; между озерами въ той же линіи возводится 7 батарей. Французы много объ этомъ мѣстѣ думаютъ; отъ Евпаторіи оно въ 40, а отъ Севастополя въ 130 верстахъ; въ Октябрѣ они было рискнули на этотъ подвигъ изъ Евпаторіи и въ числѣ 30 тысячъ отошли уже 35 верстъ, а наши войска двинулись отрѣзать имъ дорогу съ тыла. Французы совсѣмъ было попались въ западню, но подлецы Татары ихъ увѣдомили, и они бѣгомъ въ ночь сдѣлали болѣе 40 верстъ и спрятались въ Евпаторіи.

2. Аулъ Дюръ-бекъ. Только что вытянулась дружина вдоль дороги, какъ я увидалъ коляску шестеркой, мчавшуюся во весь опоръ къ станціи: ѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ. Я воротился назадъ и, подойдя къ коляскѣ, рапортовалъ В. Князю о состояніи дружины. На концѣ перехода, въ степи мы увидали маленькіе поросшіе травой бугорки, ихъ было 21: это нашъ ночлегъ въ аулѣ. Подойдя къ ямкѣ, я съ любопытствомъ разглядывалъ трущобу—гдѣ же я буду здѣсь стоять?.. Понесли знамя въ ямку; сѣни большія, направо лазейка, затѣмъ коридоръ въ землѣ, наконецъ ма-

ленькая дверь. Знамя положили: поставить его было нельзя. Мы стояли нагнувшись; принесли огонь, хотя на дворѣ былъ еще день. Избенка крошечная, безъ потолка, крыта землей, одно окошко, заклеенное бумагой; двѣ лавки, одна покрыта пестрымъ ковромъ и надъ нею балдахинъ. Взошелъ хозяинъ, старый Татаринъ, безъ зубовъ, въ мохнатой шапкѣ, грудь голая; поклонился и поставилъ на низенькомъ столикѣ, покрытомъ пестрымъ войлокомъ, мѣдный подносъ, на немъ кофейникъ; налилъ немножко кофію въ крошечную чашечку, выпилъ самъ (чтобы показать, что не отравленный), потомъ въ другую чашечку налилъ мнѣ, показавъ предварительно, что она порожняя, поставилъ въ мѣдный стаканчикъ и подалъ мнѣ. Кофе былъ безъ сахару, горячій, и съ холоду мнѣ очень понравился. Потомъ вошелъ молодой Татаринъ и принесъ на большомъ блюдѣ двѣ тарелки, въ одной—рисъ съ бараниной, въ другой что-то жидкое. Я ему сказалъ: «кошъ-кель-дешекъ» (добраго здоровья) и далъ ему рюмку водки.

3. Аулъ Ай-Байдаръ. Нѣсколько несчастныхъ саклей досталось намъ на ночлегъ и на дневку. У меня такъ холодно, какъ на дворѣ, только вѣтру меньше; въ сѣняхъ Уральскіе казаки дерутся съ хозяиномъ: казакъ разбилъ чашку, и хозяйка требуетъ денегъ. Нѣсколько офицеровъ остановились въ полуверстѣ въ трактирѣ у Жида. Ихъ обокрали сегодня: овесъ, сѣно, хомуты и у повара Краснопольскаго платье, такъ что онъ остался въ нанковомъ сюртучкѣ. Овесъ здѣсь 1 р. 10 к. мѣрка, сѣно по рублю за пудъ, да еще жидоморъ беретъ съ нихъ по пятачку, чтобъ напоить лошадь въ колодцѣ, и комнаты не топитъ, конечно. По утру я зашелъ къ нимъ и засталъ тамъ проѣзжающихъ на почтовыхъ изъ главной квартиры двухъ адъютантовъ кн. Горчакова; у одного изъ нихъ, Молдавскаго бояра, шкура ободрана на носу: ихъ вчера ночью ямщикъ вывалилъ на мосту; воображаю, какъ они благодарили его за таковую услугу!.. Они за чаемъ разсказывали намъ о безпорядкахъ въ главной квартирѣ, о неспособности лицъ, занимающихъ разныя мѣста, о безпрерывномъ опасеніи нападенія непріятеля и между прочимъ утверждали, что еслибъ въ прошедшую зиму у насъ было хотя бы 10 батальоновъ хорошей пѣхоты да желаніе сдѣлать что-либо въ пользу Русскаго оружія, то изъ Французовъ бы не осталось ни одного. Сами Французы говорили потомъ, что при первомъ рѣшительномъ на нихъ нападеніи они не могли бы защищаться и положили бы оружіе съ удовольствіемъ, чтобы увидѣть конецъ своимъ страданіямъ. Но никто изъ нашихъ воеводъ того не хотѣлъ. Весеннее солнце обогрѣло Французовъ, а они обогрѣли насъ въ свою очередь.

Съ большимъ любопытствомъ приближаюсь я къ древней колоніи ссыльныхъ Греческой имперіи, затѣмъ—Генуэзскому торговому складу, потомъ Татарскому «Акъ-мечеть», а нынѣ губернскому городу Таврической губерніи—къ Симферополю. Говорятъ, что, не смотря на стѣснительныя условія военнаго времени, въ немъ и теперь кипитъ торговая дѣятельность; что же было во времена свободнаго мореплаванія! Я видѣлъ Кременчугъ, Херсонъ, даже маленькіе Алешки—города по берегамъ благодѣтельнаго Днѣпра, и вездѣ, даже въ мѣстечкѣ Армянскій Базаръ, вездѣ, гдѣ только Жиды и Азіатцы пользуются правомъ торговли, замѣтна изумительная комерческая дѣятельность. Жиды и Караимы сумѣли сдѣлать изъ лѣнивыхъ Хохловъ славныхъ шкиперовъ, судохозяевъ, лихихъ лодочниковъ, и рѣдкій изъ нихъ не бывалъ въ Константинополѣ, Неаполѣ, Греціи... И злость и досада беретъ, когда вспомнишь Русское купечество: сидитъ себѣ «браду уставивъ» на лежанкѣ и вшей бьетъ, ворота заперты, и собака на цѣпи. «Послали мы, батюшка, своего молодца къ Макарію», а «молодецъ» потряхиваетъ себѣ скобкой да обманываетъ и его, стараго дурака, и всѣхъ прочихъ, кто только попадется ему въ руки. Напрасно, мнѣ кажется, правительства дѣлаютъ разницу между своими подданными. Присяга на вѣрность должна давать всѣмъ равныя привилегіи: молись, какъ твой отецъ молился, говори, какъ знаешь, но ты мой подданный и потому пользуйся наравнѣ съ прочими. Хохлы говорятъ: «далеко куцему до зайца»—и правда: не скоро, да и, навѣрное, никогда, Русское безграмотное, бездарное купечество не постигнетъ ни истинной науки, ни торговой предпріимчивости; они только изгадили города, ограбили села и сами живутъ медвѣдями.

Аулъ и почтовая станція Три-Аблемъ. Здѣсь расположены двѣ пѣхотныхъ дивизіи бивуаками; непріятель въ 10 верстахъ—въ Евпаторіи. Мы переночевали спокойно, хотя на дружину отдѣлили только четыре сакли; я съ нѣсколькими офицерами помѣстился у Жидка, который отправилъ жену въ Симферополь, а самъ остался въ пустой избѣ безъ оконъ и дверей, продаетъ водку и поминутно грѣетъ самоваръ, даже и ночью.

6. Аулъ Сара-бузъ. Еще на вчерашнемъ переходѣ обрисовались на горизонтѣ Крымскія горы; сегодня онѣ уже совершенно явственно стоятъ предъ нами, и вдали, выше всѣхъ прочихъ, громадный Чатырдагъ. Версты за три до ночлега прошли воспѣтый Пушкинымъ, Богъ вѣдаетъ за что, Салгиръ: рѣчонка въ 2½ шага ширины, бѣжитъ себѣ довольно шибко. Дневка. Сакля темная. Пришелъ Татаринъ и сѣлъ на корточкахъ у порога; глядитъ, какъ я пишу, и ни слова, настоящій звѣрь; а это, кажется, будетъ мой товарищъ на сегодняшній ночлегъ—

въ крошечной саклѣ компанія не совсѣмъ пріятная, хотя у дверей и ходитъ часовой; на бѣду я и нездоровъ.

9. Бахчисарай. Преоригинальный городокъ, но ночлегъ былъ гадкій; въ дружинѣ кн. Несвицкаго замерзъ ратникъ. Здѣсь я имѣлъ много хлопотъ и тоски, пока дождался начальника штаба арміи ген. Коцебу. Утромъ ѣздилъ къ нему въ главную квартиру; принялъ очень ласково, въ кабинетѣ, далъ мнѣ казака въ проводники, и я отправился на позицію въ Бельбекъ, въ 7-ю дивизію генер. Ушакова, въ бригаду генерала Сабашинскаго, въ Полоцкій егерскій полкъ (полковникъ Островскій). Сегодня на рукахъ перенесли съ кровати въ тарантасъ больнаго Гайдукова (ополченный офицеръ) и отправили съ Потуловымъ къ доктору. Бѣдный Дмитрій Константиновичъ, говорятъ, очень плохъ; но когда его уложили въ тарантасъ и тронулись въ дорогу, онъ слабымъ голосомъ сказалъ: «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ»...

Славная здѣсь сторона, и не Татарамъ бы здѣсь жить! Каменистыя горы въ самыхъ причудливыхъ очертаніяхъ тянутся по разнымъ направленіямъ: то башни древней архитектуры, то длинныя гладко обтесанныя стѣны, то остроконечный минаретъ, то круглое выдвинувшееся впередъ зданіе; такъ и кажется, что за ними улица и городъ. Горы поражаютъ великолѣпіемъ, а ущелья и долины—просто рай: маленькая рѣчка, какъ змѣя, быстро бѣжитъ по камнямъ; къ ней прилѣпился грязный Татарскій аулъ, шумитъ мельница, кругомъ фруктовые сады или кладбище Татарское съ надгробными чалмами, и замазанная Татарка въ шароварахъ и желтыхъ туфляхъ несетъ бараньи кишечки съ рѣки. Проѣзжая долину въ Ортъ-Каролесъ, я видѣлъ, какъ пѣхотные солдаты вынимали надгробную плиту для стола въ свой лагерь; у ограды кладбища въ черной бараньей шапкѣ стоялъ старый Татаринъ, молчалъ и плакалъ. Это меня тронуло, и я было заговорилъ солдатамъ; но куда тутъ! «Здѣсь тесина—цѣлковый, ваше благородіе!».. Фруктовыя деревья всѣ объѣдены сверху до низу; сердце болитъ: чудесная, це обработанная въ продолженіе 80 лѣтъ страна, теперь въ конецъ раззоренная.

3.

На позиціи при рѣчкѣ Бельбекъ.

12 Ноября. Мы съ княземъ Несвицкимъ ѣздили въ мѣстечко Ортъ-Каролесъ являться къ корпусному командиру генералу отъ артилеріи Сухозанету. Новый нашъ корпусный начальникъ прекрасный человѣкъ, Калужскій помѣщикъ и дворянинъ въ душѣ, принялъ насъ, какъ земляковъ, и обѣщалъ помощь и защиту. Его адъютантъ, Унковскій, сынъ нашего губернскаго предводителя, проводилъ насъ до князя Кочу-

бея. Добрый князь встрѣтилъ насъ такъ же какъ землякъ и товарищъ; баракъ у него тѣсный и холодный, но хозяинъ согрѣлъ насъ. Мы пробыли у него до 11 часовъ ночи; потомъ князь со всѣми своими офицерами сѣли на лошадей и проводили насъ до Бельбека, гдѣ оставались съ нами до 2-хъ часовъ. Подобное радушіе можно только встрѣтить на чужой сторонѣ, вдали отъ родины, отъ родныхъ и вблизи опасности и смерти. Здѣсь все сближаетъ всѣхъ, здѣсь всякій другъ другу душою и непритворно радъ.

13. Воскресенье. Полковая церковь стоитъ на высокой горѣ. Я былъ со всѣми своими офицерами у обѣдни; пошолъ проливной дождь; палатка намокла, сжалась и сдѣлалось такъ душно, что у меня голова закружилась, ноги зашатались, и я бы упалъ, если-бъ не подхватили офицеры; на воздухѣ мнѣ стало лучше, черезъ пять минутъ я опомнился и дошолъ до своего барака съ офицерами. Бомбардировка Сѣверной части Севастополя сегодня сильнѣе всѣхъ дней; стрѣльба слышна даже въ баракахъ. На сигнальныхъ столбахъ ничего однако не видно.

14. Понедѣльникъ. Сегодня въ 9 часовъ утра потребовали меня къ корпусному командиру въ Ортъ-Каролесъ. Благородный старецъ поддержалъ и оживилъ духъ Калужскаго ополченія, упавшій уже до точки замерзанія. Что-то нашъ бѣдный Коротневъ? Выздоровѣетъ-ли онъ? Что-то давно не пишетъ...

15. Вторникъ. Въ четверть одинадцатаго я раздѣлся и легъ спать. Пушечная пальба не прекращается; въ лагерѣ все утихло, эфемерная военная жизнь замолкла, солдаты улеглись, а отъ выстрѣловъ дрожитъ мой баракъ — чортово рыганье! Я всталъ и подошолъ къ окну: мѣсяцъ свѣтитъ ярко; огоньки мелькаютъ по горамъ, въ лощинахъ уже темно, кой-гдѣ казакъ проскачетъ съ длинною пикой, или протащится «служба» съ ружьемъ на плечѣ.. Долго стоялъ я у окна, наконецъ легъ и уснулъ сномъ праведника. Къ утру канонада утихла. Какой ихъ чортъ раздразнилъ вчера?

16. Середа. Дождь и пушечная стрѣльба опять. Подрядчики Жиды надоѣли; одинъ плачетъ, другой грозитъ жаловаться на меня князю Горчакову. Къ вечеру дождь пересталъ, туманъ разсѣялся, показались вершины горъ, и пальба еще слышнѣе: 16 верстъ—недалеко. Начальникъ Курской дружины А. П. Сафоновъ разсказывалъ мнѣ о чудесныхъ порядкахъ въ военномъ госпиталѣ: 8 ратниковъ его дружины остались въ больницѣ въ Перекопѣ, возвратились только 6; гдѣ же двое? — «Мы всѣ было выздоровѣли, отвѣчаютъ ратники, и подводы были уже готовы, да вмѣстѣ съ нами отправляли и трудно-больныхъ въ Харьковъ; ихъ назначено было 40, и лепортъ написанъ на 40 человѣкъ; начали считать — анъ выходитъ только 38 трудно-больныхъ: подлекарь выско-

чилъ къ намъ на дворъ, взялъ нашихъ двухъ ратниковъ здоровыхъ, да и отправилъ ихъ на подводахъ въ Харьковъ съ тяжело-больными, а насъ сюда прислали пѣшкомъ»...

18. Пятница. Вчера былъ на вечерѣ у Изъѣдинова, начальника дружины Курскаго ополченія; тамъ были: генералы Ушаковъ, Бялый, Игнатьевъ и Сабашинскій, ополченцы Сафоновъ и Стремоуховъ, нѣсколько полковниковъ, адъютантъ Ушакова, баронъ Медемъ, и дивизіонный докторъ. Играли въ карты. Простота, безцеремонность и равенство въ обращеніи поразили меня. Духъ ли то времени, или труды, опасности и близость смерти изгладили разстояніе между чинами?..

19. Суббота. Грязь невылазная. Больныхъ прибавляется; въ одну недѣлю заболѣло 35 человѣкъ и всѣ—поносомъ; гадкая осень и мутная вода въ Бельбекѣ отъ множества лошадей, быковъ и людей, которые цѣлый день бродятъ и проѣзжаютъ по рѣчкѣ, полощатъ въ ней кишки; здѣсь же и бойни для скота, и кухни, и бани, и... еще худшее нѣчто, и все это по обѣимъ берегамъ крошечной рѣчки.

21. Понедѣльникъ. Въ 10 часовъ утра я былъ у корпуснаго командира; была трактація о дѣлахъ ополченія... По части продовольствія дружины здѣсь встрѣтились большія затрудненія, и я имѣю много неудовольствій; но кто же жизнь безъ горя проводитъ?.. Вечеромъ пришла въ лагерь Орловская дружина; пріюта ей не оказалось; я принялъ полковника въ свой баракъ на ночь, а дружину его велѣлъ размѣстить съ своими ратниками. Вечеръ былъ тихій и теплый. Я взошолъ на превысокую гору, откуда весь лагерь виденъ какъ на ладонкѣ. Въ долинѣ, гдѣ расположены наши главныя силы, и по ущельямъ въ разныхъ направленіяхъ порыты землянки. Зажглись вечерніе огоньки; люди носятъ дрова, котелки съ водою, огромныя говяжьи туши на палкахъ валятъ въ неизмѣримые котлы, и все это истребится черезъ часъ. Завтра и всю зиму все тоже. Господи, чего стоитъ война!.. Тысячи лошадей ведутъ по одной дорогѣ на водопой къ Бельбеку, одни подъигриваютъ, иныя еле ноги таскаютъ. Солдаты унылы, пѣсенъ не слыхать, всякій идетъ и тащитъ свое, молча; точно муравьи, встрѣтятся, поговорятъ и разойдутся по своимъ норкамъ. Все это, взятое вмѣстѣ, наблюдаемое съ высокой горы, составляетъ чудесную картину—не для тѣхъ только, кто ея сюжетомъ.

22. Вторникъ. Ну жизнь заморская!.. Признаюсь, я былъ готовъ на многое, но такого адскаго испытанія не ожидалъ. Проснулся я сегодня весь въ водѣ; льетъ отовсюду, на полу грязь, какъ на улицѣ; все мокро: шинель, платье, постель, бумаги, хлѣбъ и сухари—все кисель. Поздравляю съ праздникомъ! И это жилище штабъ-офицера, пришедшаго защищать права Царя своего и родину. Свиньи, бараны и ко-

ровы никого не защищають, но имѣютъ помѣщеніе гораздо суше, чище и просторнѣе нашего. Свинья, когда смокнетъ, то кричитъ, пока хозяинъ не пуститъ ея въ теплую закуту. Мы мокнемъ и не кричимъ, а еще на насъ кричатъ; больные офицеры въ горячкѣ, въ грязи. Мокро сверху, мокро снизу, тѣсно, холодно и угарно. И никто и ухомъ не ведетъ. О «славной кампаніи Крымской» вчера я слышалъ многое отъ одного стараго и умнаго генерала. Сколько погибло скота и лошадей въ двѣ осени—того и умъ человѣческій постичь не можетъ, а денегъ—страшно и подумать; между тѣмъ ужасный недостатокъ въ провіантѣ и въ фуражѣ, всѣ терпятъ лишенія, всѣмъ скверно, кромѣ... генераловъ, получающихъ крупные оклады: эти господа устроились на позиціяхъ лучше, чѣмъ дома, да и ухомъ не ведутъ; играютъ себѣ въ карты, да пьютъ Крымское дешевое вино «числомъ побольше, цѣною подешевле»... Добрый мой Нилъ Михайловичъ занемогъ вчера; докторъ бываетъ, но что онъ можетъ сдѣлать, когда больной, при многихъ лишеніяхъ, да еще лежитъ въ грязи? Рустицкій тоже заболѣлъ, сегодня ставилъ себѣ банки, и глаза у него пожелтѣли. Господи, помилуй насъ!

Добрый Ермолаевъ зашелъ по утру ко мнѣ и, удивившись наводненію въ моей квартирѣ, прислалъ 20 воловьихъ кожъ; ими покрыли мою землянку, но все еще капаетъ во многихъ мѣстахъ. Краснопольскій ѣдетъ завтра въ Симферополь за деньгами для дружины; я очень радъ, что онъ хотя нѣсколько дней поживетъ въ домѣ, а не въ грязи, какъ мы.

23. Среда. Подморозило; погода ясная. Пушечная стрѣльба съ нашей стороны не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью Опять ѣду въ Оргъ Каролесъ къ корпусному командиру. Одинъ только нѣжнѣйшій отецъ можетъ такъ заботиться о своихъ дѣтяхъ, какъ генералъ Сухозанетъ печется о нашемъ ополченіи. Стоя на передовой линіи, завѣдуя корпусомъ въ 60 тысячъ, благородный старецъ ѣздитъ въ Бахчисарай къ главнокомандующему, выхлопатываетъ намъ разныя льготы, стоитъ за насъ горою и, не откладывая въ долгій ящикъ то, что обѣщалъ сегодня, навѣрное завтра же пришлетъ за мною и скажетъ отвѣтъ. И какъ вѣжливъ, деликатенъ... Это счастливая звѣзда для ополченцевъ. Его взглядъ, улыбка, манера говорить—воплощеніе кротости и ангельской доброты. У него двѣ комнатки, зала и спальная. Онъ чрезвычайно акуратенъ и дѣятеленъ: ежедневно повѣряетъ числительность людей. Разъ былъ я у него при докладѣ: удивительно, какъ помнитъ онъ какую-нибудь команду казаковъ, поставленную еще лѣтомъ гдѣ нибудь на горѣ, или въ ущельѣ. Сегодня при мнѣ онъ такимъ же образомъ толковалъ Донскому полковнику Тасову, какъ ему изъ шести сотенъ сформировать три, а остальныхъ отпустить за Днѣпръ для удобнѣй-

шаго продовольствія лошадей, днемъ ставить на такихъ-то постахъ по 3, а на ночь по 6 казаковъ, на такой то горѣ офицера не надо— мѣсто не опасное и т. п.; все это ясно, толково и подробно. Князю Урусову сегодня говоритъ: «траншею заройте, а если Французы станутъ васъ крѣпко тѣснить, то отступайте до такого-то мѣста, но уже тамъ надобно умереть, а не отдать; понимаете, князь?—умереть, а не отдать». Сидитъ онъ всегда въ сюртукѣ на собольемъ мѣху поверхъ мундира гвардейской артилеріи, въ длиннѣйшихъ сапогахъ, декорацій никакихъ не носитъ, не любитъ и новыхъ пальто: все на немъ прежней Александровской формы. На столѣ никакихъ украшеній, простая чернильница, карандаши, карты и бумаги, пишетъ и читаетъ безъ очковъ, и почеркъ прекрасный. Подъ ногами шуба черного медвѣдя. Ему 68 лѣтъ.

23. Четвергъ. Ночью была буря и нагнала дождь. Опять течь отовсюду; сѣсть еще можно—на голову не капаетъ; но ногъ протянуть некуда: вездѣ лужи; живешь какъ въ прудѣ. Вѣрно, молитвы моей Вариньки и дѣтей поддерживаютъ меня и охраняютъ отъ болѣзни. Намъ приказано перейти за мостъ, на другую сторону рѣчки. Вечеромъ ѣздилъ осматривать новыя жилища. Ни въ одномъ баракѣ печей нѣтъ, въ моемъ кучи навоза: лошади стояли: это не бѣда, можно вычистить, но какъ помѣстить 30 больныхъ ратниковъ, какъ перевезти Нила Михайловича, Рустицкаго, Баташова? Всѣ они больны, лежатъ въ постеляхъ. Бѣдные люди, что̀ съ ними будетъ!..

25. Пятница. Ясный день. Давно невиданное, выглянуло солнышко, очистились и заблестѣли горныя вершины, и на сердцѣ какъ будто повеселѣло. Но какъ вспомню, что сегодня надо перевозить 30 человѣкъ больныхъ въ землянки безъ печей и дверей, такъ холодъ по спинѣ пробѣжитъ. Начальство уже два раза присылало офицера спрашивать, скоро ли я перейду? Дѣлать нечего, въ четверть перваго взяли знамя, и дружина тронулась на новую позицію по колѣна въ грязи. Въ лагерѣ я остался одинъ, въ моемъ баракѣ нѣтъ еще дверей; завтра переѣду. Какъ-то скучно безъ своихъ; сегодня военный вечеръ у Сафонова: надо бы быть для развлеченія, но очень темно, безъ фонаря нельзя, а Борисъ мой послѣ горячки еще не совсѣмъ оправился. Наши бараки заняло Орловское ополченіе; теперь они устраиваются. Странная случайность: въ той самой землянкѣ, гдѣ стояли трое Челищевыхъ, теперь помѣстились три брата Кирѣевскихъ. Нѣсколько офицеровъ пришли ко мнѣ; они стояли прежде подъ Евпаторіей; разъ Французы въ Октябрѣ задумали выдти изъ Евпаторіи (вѣроятно «pour rafraîchir la garnison») въ числѣ 25 человѣкъ; по утру, въ 8 часовъ, прошли нѣсколько верстъ и воротились къ 10-ти домой. Ночью Орловское опол-

ченіе получило приказаніе выступить и зарядить ружья; ударили тревогу и въ 11 часовъ пошли противъ непріятеля, прошли 6 верстъ отъ лагеря и у станціи Ай-Байдаръ получили другое приказаніе—воротиться назадъ. Чудесное распоряженіе!

26. Суббота. Праздникъ Св. Георгія. Дождь и вѣтеръ. Насъ, Георгіевскихъ кавалеровъ, собрали на высокой горѣ, поставили для молебствія столикъ, солдатъ держалъ надъ священникомъ зонтикъ вмѣсто походной церкви. Старшій изъ кавалеровъ ордена, начальникъ 7-й дивизіи, ген. Ушаковъ угощалъ водкой, по три чарки, и обѣдомъ.

27. Воскресенье Опять дождь. Потекло со всѣхъ сторонъ. Постель, платье, носовой платокъ въ карманѣ, картузъ, перчатки—все мокро: нечѣмъ лицо утереть. Господи, научи насъ, что́ дѣлать! У многихъ моихъ офицеровъ нѣтъ походныхъ кроватей; одна тесина сто́итъ цѣлковый, и то надо посылать за 20 верстъ въ Карасу-Базаръ. И такъ они бѣдные спятъ на мѣловой мокрой землѣ и помѣщаются вмѣстѣ съ 20-ю ратниками въ шалашѣ безъ оконъ и печей; общій и единственный выходъ завѣшанъ циновкою, а другая циновка раздѣляетъ офицерскую половину отъ солдатской. Постели устраиваются на землѣ такимъ образомъ: кладется сперва кожа и двѣ жердочки по сторонамъ, потомъ войлокъ и сверху кто что́ имѣетъ; благодѣтельная бурка, спасеніе души и тѣла, служитъ одѣяломъ. Нерѣдко, ночью, они вскакиваютъ, покидаютъ ложе свое на жертву водѣ, выбираютъ сухой уголокъ въ землянкѣ и, завернувшись въ бурку, прижавшись одинъ къ другому, просиживаютъ на корточкахъ до разсвѣта, разсуждая, какъ у нихъ до̀ма для свиней закута срублена, мохомъ законопачена и сухой соломой устлана. Какъ тутъ не сдѣлаться пьяницей? Одинъ разсказывалъ, что вчера ночью проснулся весь въ водѣ, волоса на головѣ мокрехоньки, сапоги куда-то уплыли, и онъ ихъ не нашелъ, накинулъ бурку и босикомъ побѣжалъ къ товарищу въ другую землянку, но и тамъ обитатели сидѣли на корточкахъ, уже занявъ всѣ сухія мѣста; онъ назадъ, смотритъ—всѣ ратники вышли на скалу сушиться подъ дождемъ: подъ ногами хоть твердо. Наконецъ разсвѣло, отправились выгребать воду лопатами; офицеръ послалъ за водкой и съ утра началъ испивать по чарочкѣ черезъ минуту; такъ, онъ, бѣдный, трудился до вечера, но пришелъ къ заключенію, что водка его не крѣпка, отправился къ товарищу, тамъ успѣлъ еще два графинчика «пально́й», въ половинѣ десятаго возопилъ: «Господи, когда же это у меня въ головѣ зашумитъ, цѣлый день пью и все даромъ!» плюнулъ и по прежнему трезвымъ отправился домой. Иногда дождикъ перестанетъ, проглянетъ солнышко, и мы всѣ выходимъ на гору грѣться и сушиться; ратники высыпятъ изъ шалашей какъ муравьи, внутри ни одного не оста-

нется, всѣ на скалѣ, и пойдутъ толки. «Нѣтъ, замѣчаетъ одинъ, пойдемъ лучше опять помѣщикамъ служить; тамъ придешь съ барщины въ сухую избу, да и на палати, а здѣсь, хуже собаки, сгніешь въ грязи; право слово, что хуже: вши одолѣли»... Одинъ прикомандированный къ моей дружинѣ молоденькій офицерикъ егерскаго полка разсказываетъ, что у него столько этихъ насѣкомыхъ, что когда онъ засыпаетъ, то боится, чтобы они его соннаго на себѣ куда нибудь не утащили.

Моя землянка все еще течетъ, я хожу по грязи и, однако, здоровъ; ко всему можно привыкнуть! Челищевъ Нилъ, Баташевъ, Рустицкій, Коротневъ все еще больны, въ постелѣ и въ грязи; въ госпиталь ѣхать не хотятъ: страшно отъ своихъ отстать; «умирать», говорятъ, «такъ умирать между своими». По вечерамъ я испиваю по семи стакановъ чаю съ благодѣтельнымъ вареньемъ кизилъ, которое я достаю въ Бахчисараѣ (ратники называютъ «большіе сараи»), потомъ пью три рюмки водки, ужинаю щи и кашу, иногда битокъ, запиваю дешевымъ краснымъ виномъ, завожу часы, молюсь Богу, закуриваю трубку и ложусь спать, укрываясь сверху клеенкою, которая къ утру уже вся мокрая; вшей еще нѣтъ.

28. Понедѣльникъ. Ясно, тепло и тихо, только вершины горъ въ туманѣ; ночью былъ морозъ, теперь оттаиваетъ и скользко. Пойду по шалашамъ—что́ дѣлаютъ мои ратники? Вчера вечеромъ трое Челищевыхъ занимались чтеніемъ Псалтири, которую Нилъ привезъ съ собою и тщательно пряталъ до сихъ поръ отъ насъ. Здоровье Баташева хуже; мы его уговариваемъ отправиться въ госпиталь: здѣсь, въ сырости, не выздоровѣетъ. Сегодня корпусный докторъ свидѣтельствовалъ наши землянки и сказалъ, что если положеніе наше не перемѣнится, то черезъ мѣсяцъ половина дружины перемретъ. Ваpинька, мой ангелъ, гдѣ ты? Дѣтки, Петруша, Анатоль... будьте счастливы. Я, благодаря Бога, совершенно здоровъ.

29. Вторникъ. Пасмурно и сиверко. Вчера отправили 6 больныхъ въ Бахчисарай, изъ нихъ одинъ холерный; сегодня поѣхало 19 человѣкъ, и все поносомъ. Вечеромъ показался молодой мѣсяцъ: дай Богъ, чтобы онъ былъ счастливѣе прошедшаго! Сегодня былъ у меня ген. Бѣлевцевъ, начальникъ 14 дивизіи и Курскаго ополченія. Бригадный мой генералъ А. И. Сабашинскій превѣжливый человѣкъ; ходитъ съ палкой, раненъ и имѣетъ два Георгія—одинъ на шеѣ. Разсказываетъ, что разъ въ Севастополѣ, сходя по ступенькамъ съ бастіона, увидалъ артилериста, который что-то несъ въ полѣ шинели.—«Что́ ты несешь?»—«Раненаго, ваше превосходительство».—«Покажи»; смотримъ—а тамъ нѣсколько черепочковъ отъ головы его товарища. Въ дру-

гой разъ онъ стоялъ на батареѣ; бомба убила артелериста; другой, стоявшій подлѣ убитаго, плюнулъ и сказалъ: «Счастье же людямъ! Вотъ этотъ только третій день какъ пришелъ и, вишь, на повалъ, а я такъ девять мѣсяцевъ здѣсь, какъ собака, пропадаю». Въ эту минуту лопнула бомба и оторвала ему лѣвую руку; «вотъ-те разъ!» сказалъ онъ, «теперь все-таки лучше», и отправился на перевязочный пунктъ. Одинъ старый бомбардиръ былъ на бастіонѣ съ самаго начала осады, при немъ перебито было десять комплектовъ прислуги и восемь орудій разбито въ дребезги; онъ одинъ оставался точно заколдованный, встрѣчалъ новыхъ товарищей равнодушно, каждому указывалъ его мѣсто и молча становился на свое, съ котораго онъ не отлучался уже одинадцатый мѣсяцъ. На убитыхъ онъ почти не обращалъ вниманія, но подбитое орудіе онъ всегда оплакивалъ; нѣкоторыя пользовались его особеннымъ расположеніемъ. «Вотъ мѣткая-то была матушка! Вотъ вѣрнякъ-то былъ!» Когда подбили у него и девятое орудіе, онъ пришелъ въ отчаяніе, ругалъ Французовъ, грозилъ имъ съ бастіона кулакомъ, потомъ сложа руки, долго глядѣлъ въ раздумьи на лежавшее у ногъ его разбитое орудіе, перекрестился, сталъ на брустверъ, спустился въ низъ и прямо пошелъ къ Французамъ... Чтó передумалъ и перечувствовалъ этотъ ветеранъ, служившій такъ вѣрно и рѣшившійся въ нѣсколько минутъ на побѣгъ?.. Это психологическій вопросъ.

30. Среда. Сильный восточный вѣтеръ. У меня угарно. Утромъ у меня былъ генералъ И. и восхищался моей землянкой, потомъ вызвалъ меня ѣхать съ нимъ въ Ортъ-Каролесъ къ корпусному командиру; дорогой началъ опять объ землянкѣ. «А что, полковникъ, вѣдь ваша землянка хороша?» — «Да, ваше превосходительство; только у моего скотника сѣни гораздо лучше». — «Ну, что! Про домашнее и говорить нечего! Развѣ мы съ вами не спали на голой землѣ? Э, полковникъ, вспомните-ка наши прежнія войны—развѣ неправда?» — «Нѣтъ, ничего хуже какъ переходить съ мѣста на мѣсто»...

Дѣло объяснилось съ пріѣздомъ къ корпусному командиру, который приказалъ генералу очистить для моей дружины свои бараки— «не для того, чтобы я баловалъ васъ, а для того, что это справедливо». Вотъ къ чему клонилъ свою дипломатію старый И: онъ напередъ зналъ, зачѣмъ насъ корпусный командиръ къ себѣ требуетъ. Вечеромъ пріѣзжалъ въ дружину начальникъ дивизіи генералъ Ушаковъ. Александръ Ивановичъ небольшаго роста, пузатенькій, сюртукъ застегивать не любитъ, носитъ большія бакенбарды, пріятнаго лица, взглядъ безпокойный, вѣчно оглядывается, точно кого-то ищетъ, въ движеніяхъ живой, разговорчивый, вѣжливый, любитъ насвистывать и острить на

чужой счетъ, играетъ въ ералашъ по 2 копѣйки и никогда не споритъ. Служитъ онъ давно и составилъ себѣ репутацію отличнаго боевого генерала: за то и обвѣшанъ всѣмъ, чѣмъ только можно, но носитъ только одного Георгія...

1 Декабря, Четвергъ. Морозъ и снѣгъ. Вчера ночью была умора: буря съ дождемъ до того расходилась, что въ землянкѣ моей рѣшительно негдѣ было главы приклонить. Подали ужинать — капаетъ въ тарелку, наконецъ закапало на свѣчку, и она потухла. Я принялся за работу: взялъ иголку и сталъ прикрѣплять къ хворосту надъ головою клеенку, потомъ бурку, такъ что надъ кроватью образовался непроницаемый потолокъ, съ котораго съ шумомъ сбѣгала вода по бокамъ, но кровать оставалась уже неприкосновенною. Я помолился Богу, чтобы спасъ меня отъ потопа, выпилъ полъ-стакана краснаго вина, закурилъ трубку и легъ. Читать нечего; въ цѣлой дивизіи (это надо замѣтить) едва ли не единственная книга—это Псалтирь Нила Михайловича. Шумъ въ лагерѣ утихъ, но дождь и вѣтеръ бушевали, изрѣдка раздавался окликъ часоваго «кто идетъ?...» Укрывшись потеплѣе, я повеселѣлъ: мнѣ казалось, что я—Ханъ-Гирей, засыпающій подъ журчаніе фонтана... Увы! теперь этотъ фонтанъ разрушенъ, ханскій дворецъ заваленъ больными, все исчезло... осталась только сладкая поэзія Пушкина... Сегодня изъ землянки Челищевыхъ вынесли 18 ведеръ дождевой воды.

2. Пятница. Пасмурно и морозъ. Явился изъ плѣна ратникъ Курскаго ополченія; разсказываетъ, что его тамъ спрашивали по-русски, сколько пришло въ Крымъ бородачей?—«Я немного подумалъ и сказалъ «четыре мильонта». Меня держали подъ карауломъ, и было двое часовыхъ; одного потребовали къ начальнику, а у другого я выхватилъ ружье, укокошилъ его, переплылъ рѣчку, пошолъ по камышамъ, да и добрался до перваго казачьяго пикета»... Сегодня насилу спровадили Баташова въ госпиталь. Я ему далъ своей тарантасъ. Онъ совсѣмъ плохъ, двѣ недѣли у него поносъ, щеки ввалились, и носъ заострился. Докторъ сказалъ ему, что его болѣзнь на исходѣ, а мнѣ потомъ сообщилъ, что онъ совсѣмъ безнадеженъ. Бѣдный, прощаясь со мной, горько плакалъ, хваталъ меня за руки и не выпускалъ ихъ. Я посадилъ къ нему Мамаева—«до свиданья, Григорій Абрамовичъ, выздоравливайте и пріѣзжайте къ намъ поскорѣе»...

Я написалъ «Взглядъ на ополченіе» и думаю подать корпусному командиру: если примутъ, то штука будетъ славная. Казначей нашъ не возвращается, а въ дружинѣ денегъ нѣтъ, и у меня денегъ нѣтъ, и сухарей къ чаю нѣтъ, и чаю нѣтъ. Занялъ у Челищевыхъ и денегъ, и чаю.

3. Суббота. Морозъ и сѣверный вѣтеръ. Въ 10 часовъ утра объѣзжалъ мой лагерь корпусный командиръ. Рядомъ съ моей дружиной стоитъ одна дружина Курскаго ополченія, несчастная во всѣхъ отношеніяхъ. Откуда набрали они такихъ уродовъ, чтобы наполнить ими дружину? Настоящіе Курскіе перепела, мухортенькіе, невидные, одѣты такъ, что срамъ. «Зайдемъ въ офицерскую землянку, сказалъ мнѣ генералъ, посмотримъ, какъ Курскіе офицеры живутъ». Взошли и увидали человѣчка въ полотняныхъ порточкахъ: «извините меня, ваше превосходительство, я началъ бриться»... Генералъ напустился на него: «какъ же я могу надѣяться, что вы хлопочите, чтобъ хорошо устроить ратниковъ, когда ты самъ (всѣмъ оберъ офицерамъ генералъ говорилъ «ты») живешь какъ свинья? Какже ты ничего не подмостилъ себѣ и спишь на сырой землѣ; такъ однѣ свиньи валяются—стыдно, срамъ», и ушолъ.

4. Воскресенье. Морозъ болѣе 10 гр. Если не Р., то подрядчикъ Жидъ насылается на меня судьбою: эти люди не постигли способа излагать свое дѣло вкратцѣ. Иногда, кажется, рѣчь ихъ приходитъ къ концу,—«хорошо, хорошо, все сдѣлаю, будьте покойны»,—«вотъ изволите видѣть, г. полковникъ»... и опять вся исторія сначала, такъ что я въ изнеможеніи прислоняюсь къ печкѣ, единственной точкѣ опоры въ моей квартирѣ, и уже съ христіанскимъ терпѣніемъ выслушиваю все въ глубокомъ молчаніи, не возражая ни слова, пока Богъ не пошлетъ спасенія, какъ напр. «докторъ пріѣхалъ свидѣтельствовать пищу ратниковъ», или «пожалуйте къ генералу»,—тогда я кидаюсь за саблю, а мучители мои за мною въ догонку и скороговоркой оканчиваютъ свою болтовню. Сегодня утромъ былъ у меня подрядчикъ, я съ нимъ обошолся хорошо, черезъ часъ является опять и привелъ съ собою двухъ Жидовъ. Теперь ожидаю Р. изъ Бахчисарая!.. Нечего тутъ скорбствовать, нечего и роптать.

5. Понедѣльникъ. Генералъ Ушаковъ, желая чѣмъ-нибудь уразнообразить монотонную жизнь 7-й дивизіи, расположенной на позиціи Бельбекъ, въ осеннее и зимнее время устроилъ вечерà, куда собираются военные люди разныхъ чиновъ и проводятъ время безъ чиновъ и церемоній; составляются партіи въ преферансъ не свыше 2 коп.; въ 9 часовъ становятся на столъ водка, холодная закуска и вино, а въ 1-мъ часу на длинномъ столѣ ставятъ бѣфстексъ съ хрѣномъ и картофелемъ, который здѣсь составляетъ роскошь (онъ дòрогъ, покупается на фунты, и посылать за нимъ надо въ Карасубазаръ), баранина, заяцъ, или индѣйка (стоютъ здѣсь 6 цѣлковыхъ) и безконечный рядъ бутылокъ дешеваго, но хорошаго Крымскаго вина. Шампанское изгнано совершенно: его пьютъ одни прапорщики въ день полученія жалованья.

Одѣты всѣ въ пальто; никто, разговаривая съ генераломъ, не встаетъ; желающіе прикладываются къ закускѣ, или читаютъ, если что найдется; бесѣда самая разнообразная, чѣмъ забавнѣе, тѣмъ лучше. Собранія эти у Ушакова происходятъ по Воскресеньямъ. Понедѣльники у полковника А. П. Островскаго, къ полку котораго прикомандирована моя дружина; Вторники у флигель-адъютанта князя Эристова, полковаго командира, Середы у полковника Вознесенскаго, Четверги у генерала Бялаго, Пятницы поочереди, одна — у Курскаго ополченца Сафонова, другая—у Курскаго же ополченца Изъѣдинова обще съ Стремоуховымъ, котораго иначе не зовутъ, какъ «дѣдушкою ополченія»—веселый и любезный старичекъ; наконецъ, по Субботамъ обѣды у князя Кочубея съ стрѣльбою въ цѣль. Всѣ эти господа, разобравшіе вечера на Бельбекѣ, здѣшніе старожилы: они, кромѣ обыкновенныхъ бараковъ, выкопали въ землѣ длинныя залы съ потолкомъ и крышей, съ печками и каминами, стѣны обтянули полосатымъ ситцемъ, а потолки бѣлымъ коленкоромъ; опрятно и тепло. Я бываю только у тѣхъ, съ кѣмъ лучше знакомъ; у себя же принимать не могу: я пришелъ на Бельбекъ поздно, мнѣ и строиться невозможно.

7. *Середа.* Жестокій морозъ. Цѣлый день я одѣвался и все было холодно. На ногахъ у меня пять паръ чулокъ и носковъ, сапожища у меня простой кожи и широкіе; къ вечеру надѣлъ наконецъ дубленку, хотя и не долюбливаю ея, и согрѣлся. Сегодня было молебствіе—взятіе Карса, первое въ два года войны. Вездѣ тихо; уже нѣсколько дней не слышно ни одного выстрѣла, только часовой постукиваетъ окоченѣвшими ногами у моей землянки; боюсь, чтобы не замерзъ; я вынесъ свою бурку и надѣлъ на него—ходитъ, какъ Черкесъ.

8. *Четвергъ.* День свѣтлый и морозъ въ 17 гр. Говорятъ, что въ Полоцкомъ полку замерзъ часовой. Боже сохрани—случись бы у меня—житья бы не было. И безъ того на насъ нападаютъ: ополченцы, говорятъ, балованное войско, къ рукамъ ихъ надо прибрать. Да и «прибираютъ» постепенно, пока вовсе не приберутъ: сегодня больныхъ отправили въ Бахчисарай 26 человѣкъ; съ ними отправился въ больницу и мой Борисъ.

13. *Вторникъ*—день многихъ непріятныхъ столкновеній. По письменнымъ приказамъ корпуснаго и дивизіоннаго начальниковъ дружина моя должна перейти съ лѣваго берега Бельбека на правый и занять лучшіе тамъ бараки. Я послалъ Филимонова съ передовыми занять мѣсто; онъ даетъ мнѣ знать, что Могилевскій полкъ уже распоряжается нашими бараками. Нилъ Челищевъ повезъ приказъ; но пѣхотный офицеръ Денисенко и говорить не хочетъ, велѣлъ своимъ солдатамъ располагаться и сказалъ Челищеву: «посмотримъ, чей будетъ верхъ; ужъ

вѣрно армейскихъ уважутъ, а не ополченіе». Черезъ пять минутъ ихъ разбранили и выгнали на прежнее мѣсто; долго Челищевъ искалъ храбраго Денисенко, чтобы посмѣяться, чей верхъ оказался, но тотъ спрятался. Второе столкновеніе было съ докторомъ Савойскимъ; онъ занялъ баракъ, назначенный для меня, и не очистилъ его. Раздѣлка съ докторомъ будетъ завтра, но лучше бы ему не видать восхожденія солнца завтрашняго дня.

14. Середа. Прекрасная сухая погода. Я перешолъ въ баракъ генерала Игнатьева и—признаюсь—стоило хлопотать: сухо, высоко, тепло, и есть каминъ! Сегодня, съ роздыхами я взбирался на высокую гору, чтобы оттуда полюбоваться картиною 27-ми тысячнаго лагеря при захожденіи солнца и тамъ засталъ тоже одного офицера, любителя странствованій по скаламъ и ущельямъ: онъ лазилъ по горамъ и спускался въ пропасти, придерживаясь за плющъ; въ одномъ мѣстѣ онъ замѣтилъ человѣческій слѣдъ—должно быть Татары, шельмы, шпіоны. Тутъ недалеко Французскіе аванпосты; онъ говоритъ, что безъ оружія странствовать здѣсь опасно: Татаринъ какъ разъ накинетъ арканъ на шею и продастъ Французамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ видѣлъ ключъ прекрасной воды; напротивъ, въ скалѣ высѣчена ниша, и въ стѣнѣ надъ печкою укрѣпленъ осьмиугольный крестъ; онъ утверждаетъ, что сооруженіе это относится ко временамъ владѣнія Генуезцевъ въ Балаклавѣ. Это онъ вретъ: послѣ Генуэзцевъ были Греки; печка, сложенная, по его словамъ, изъ бѣлаго известковаго плитняка, не могла бы такъ долго сохраниться, а осьмигранный крестъ указываетъ скорѣе на то, что жилецъ былъ или Греческій отшельникъ, или просто нашъ раскольникъ. Какъ бы то ни было, мѣсто чудесное для посвятившаго себя молитвѣ и одиночеству и крайне заманчивое для убѣжденнаго въ глупой суетности свѣта.

19. Понедѣльникъ. Офицеры 1-й роты поѣхали въ моемъ тарантасѣ въ Бахчисарай хоронить Баташова; въ Греческомъ монастырѣ, въ 3 верстахъ отъ города купили мѣсто для могилы; тамъ ему и памятникъ поставимъ. Миръ праху твоему, добрый товарищъ! Изъ его родныхъ въ Медынской дружинѣ никто не поѣхалъ: свирѣпствуютъ за переходъ его въ мою дружину, но за гробомъ нѣтъ мщенія. Пушечная пальба все еще продолжается, но Французы не отвѣчаютъ; видно, порохъ берегутъ.

22. Четвергъ. Военными новостями, войною вообще здѣсь меньше занимаются, чѣмъ въ Саратовѣ. При мнѣ одинъ генералъ спрашиваетъ у другаго, только что пріѣхавшаго съ сѣверной половины: «Ну, что новенькаго въ Севастополѣ?» —«Да ничего; какія я тамъ сегодня устрицы ѣлъ—это прелесть! Вотъ какія большія».—«Что же это наши стрѣ-

ляють и по днямъ, и по ночамъ?» — «А кто ихъ тамъ знаетъ; скажу тебѣ только, что такихъ устрицъ здѣсь никогда не бываетъ». И это во время войны внутри государства, это — заботливые начальники огромной арміи, за 18 верстъ отъ непріятеля!.. Онъ не стрѣляетъ теперь, но пощипываетъ насъ частенько. На дняхъ, ночью, въ трескучій морозъ, Французы, надѣвъ бѣлые плащи (чтобы не чернѣлось на снѣгу), сняли наши аванпосты; лѣнтяи Донцы слѣзли съ лошадей, закутались въ бурки и разсѣлись, не слышали, какъ подкрались Французы, а тѣ одного казака убили, товарищи его разбѣжались, оставивъ Французамъ 10 лошадей и оружіе. Французы въ зимнюю ночь на насъ нападаютъ Вѣдь это — срамъ! Тѣ самые Французы, которые въ прошлую зиму околѣвали, сидя въ траншеяхъ съ обвернутыми одѣяломъ ногами, а мы не умѣли воспользоваться ихъ отчаяннымъ положеніемъ! За то теперь они учатъ нашихъ умныхъ генераловъ—да безъ пользы, какъ видно... Были бы вкусныя устрицы, да раціоны, да жалованье... разсчетъ вѣрный: чѣмъ дольше война продолжится, тѣмъ больше получится. Кому же придетъ охота содѣйствовать прекращенію жатвы денегъ, чиновъ и звѣздъ? Задумай кто-нибудь такое неразсчетливое дѣло—да на него возстанутъ цѣлыя фаланги, уже стоящія на прекрасной дорогѣ; его посадятъ въ домъ умалишенныхъ.

23. Пятница. Снѣгъ выпалъ на четверть. Вчера я провелъ вечеръ очень пріятно. Въ числѣ гостей былъ одинъ артилерійскій полковникъ; его я видѣлъ въ первый разъ и не знаю, кто онъ. На видъ человѣчекъ невзрачный, говорятъ храбрый. Послѣ ужина онъ запѣлъ; но что за голосъ! Это чудо. Пѣлъ онъ далеко за полночь, безъ всякаго акомпанимента, что очень трудно и, пожалуй, монотонно; однако, бывали такіе моменты, что шумное, свободное общество вдругъ и надолго замолкало, водворялась тишина такая, что полетъ мухи былъ слышенъ, а затѣмъ—взрывъ всеобщаго восторга. Говорятъ, пѣвецъ и прекрасный пьянистъ. Для образчика жизни на Бельбекѣ приведу слѣдующій, подслушанный мною на вечерѣ разговоръ: «Ну-съ, и такъ мы завтра на блины?» «Хорошо, да какъ же мы это сдѣлаемъ? времени не хватитъ». «Помилуйте, вѣдь онъ посылалъ въ Симферополь за провизіей и за винами; привезли полную казенную фуру, и на Сѣверную два раза гонялъ за устрицами. У васъ во всемъ затрудненіе. Всю эту фуру, и устрицы, и вина, мы истребимъ и выпьемъ въ 2 часа; ну, вотъ вамъ и 12 часовъ; а затѣмъ поѣдемъ къ кн. К. Онъ насъ звалъ обѣдать; отъ него возвратимся въ 4 часа, *отдохнемъ*, и прошу покорно ко мнѣ на вечеръ: у меня чертова пропасть провизіи навезено, не знаю, когда я ее и съѣмъ; есть серна, и дрофа сегодня выходитъ изъ мочки; мои

курицы нанесли свѣженькихъ яичекъ, и такъ будемъ дѣлать яичницу по Парижской методѣ... Ну, значитъ, такъ? Видите, что на все время хватитъ - была бы добрая воля»...

24. Суббота. Сегодня Сочельникъ, а завтра великій на Руси праздникъ. Сколько семействъ собралось вмѣстѣ, сколько счастливыхъ школьниковъ дерутъ безъ оглядки домой... и думать, и разсуждать не хочу: воспоминаніе—отрада глупыхъ, а праздникъ—такъ праздникъ; ни намъ до него, ни ему до насъ и дѣла нѣтъ: мы на Бельбекѣ... Дураки Французы, что не нападутъ на насъ!

25. Воскресенье. Рождество. Морозъ въ 16 градусовъ; тихо и ясно. Видѣлъ скверный и тяжелый сонъ, чего дóма со мною не случается. Но обращусь лучше къ дѣйствительности.

Въ пѣхотныхъ полкахъ домоводство развито въ значительной степени. Нерѣдко на баракѣ можно наблюдать поющаго среди шума, стрѣльбы и барабаннаго боя пѣтуха; куры, гуси и индѣйки особенныхъ и рѣдкихъ породъ бродятъ по лагерю; бѣлый, съ огромными рогами, на которыхъ звенятъ два колокольчика, козелъ преважно идетъ впереди лошадей къ водопою; у одного баранъ, у другого свинка,— она почему-то особенно нравится солдатамъ. Одинъ генералъ спрашивалъ меня, нѣтъ ли въ дружинѣ огородника. Я ему послалъ двухъ, которымъ онъ приказалъ дѣлать парники... Въ лагерѣ, въ военное время, на позиціи передъ непріятелемъ... и парники! Да пока глупый лукъ взойдетъ, его можетъ быть убьютъ, а онъ все-таки сажаетъ! Такова уже природа человѣка: живой живое гадаетъ.

26. Понедѣльникъ. Вчера на вечерѣ ѣли, пили, играли, танцовали, плясали, и все это съ какимъ-то неистовымъ ожесточеніемъ. Не принималъ въ этомъ участія лишь одинъ изъ гостей, пріѣхавшій изъ аванпостовъ, полковникъ князь Мирскій, средняго роста блондинъ съ живымъ взглядомъ и одушевленнымъ лицомъ: во весь вечеръ не проронилъ онъ ни одного слова, тогда когда все вокругъ него говорило, пѣло, плясало и ревѣло. Князь Мирскій замѣчателенъ тѣмъ, что на Кавказѣ онъ раненъ въ грудь съ лѣвой стороны; пуля прошла подъ правую лопатку на вылетъ, а подъ Севастополемъ получилъ рану въ грудь съ правой стороны, и пулю вырѣзали въ спинѣ, возлѣ лѣвой лопатки, она была штуцерная. «Ну, князь», сказалъ ему кто-то, «два раза прошло—въ третій берегитесь, не пройдетъ». «Въ третій», повторилъ князь, и молча съ улыбкою указалъ пальцемъ на середину груди. Полковникъ Вознесенскій говорилъ мнѣ, что хорошая, мягкая корпія уменьшаетъ страданія на половину; когда имъ роздали по связочкѣ корпіи, присланной отъ Императрицы въ госпиталь, то они запирали ее у у себя на ключъ, чтобы раненый у раненаго не укралъ; иначе—только что уснешь, какъ и утащатъ.

Сегодня мнѣ объявлено высочайшее благоволеніе за дружину. Между тѣмъ по службѣ уже наклёвываются непріятности. Я бы могъ ихъ сшибить сразу, но это была бы ошибка. Благородный старецъ уже нѣсколько разъ спрашивалъ меня: «довольны ли вы всѣмъ?»—«Очень доволенъ, ваше высокопревосходительство».—«Да нѣтъ, отношеніями довольны ли вы?»—«Пока еще не имѣю причинъ жаловаться».—«Помните, полковникъ, коль скоро что нибудь непріятное коснется васъ—прямо ко мнѣ. Вы сами понимаете, что повиноваться должно; но, когда это перешло границы—прямо ко мнѣ, и баста: я однимъ ударомъ пересѣку все, я—вашъ защитникъ»... И чего же лучше? Осѣдлать лошадь, всего-то двѣ версты, и закричать «ваше высокопревосходительство, дружину обижають!» и въ одну минуту все полетѣло бы вверхъ, но послѣдствія вышли бы трогательныя: благородный защитникъ ополченія вѣроятно скоро будетъ назначенъ главнокомандующимъ Южною арміей и уѣдетъ. Все это взвѣсивъ, я пошелъ по лѣстницѣ чиновъ снизу и, если не буду удовлетворенъ, то получу уже право идти выше.

Князь Кочубей находитъ особенное наслажденіе разсказывать слѣдующій анекдотъ.

«Стоялъ на Дунаѣ въ аванпостахъ нашъ часовой, и былъ онъ Хохолъ, и долго всматривался онъ въ часоваго Турецкаго на томъ берегу; наконецъ, вырубилъ огня, закурилъ трубку и такъ адресовался къ нему: «Господинъ Турка, а чи вы разуміете по-руську?»—«Еге», отвѣчалъ Некрасовецъ. «А коли знаете, то можно съ вами и побесѣдовать?»—«А що?»—«Почему вы, господинъ Турка, не покоряетесь нашему Великому Государю?»—«Намъ и у султана хорошо».—«Та не все же тамъ хорошо, коли у вашего солтана Турскаго вся его Туретчина—извините господинъ Турка—съ овчинку, супротивъ нашей великой Россіи видь Билаго моря до Чирнаго, видь Каспійскаго до Нѣмецкаго; и вся та земля населенная народами разной віры и разныхъ языцевъ; тутъ живетъ и всякій Нимецъ, Полякъ, Татарва, люди Черкесскіе, Литва, Сибиряки, и Богъ знаетъ какого народа и какихъ языцевъ у нашего Царя нѣту, и вси эти языцы мовчатъ—бо благоденьствуютъ»...—«Бо вси такіе дурни, якъ и ты», сказалъ Турецкій часовой.

Послѣ этого князь Кочубей выпьетъ чего-нибудь и скажетъ: «дворяне на Бельбекѣ гуляютъ—будьте благонадежны». Безъ этого анекдотъ никогда не кончается.

30. Пятница. Совсѣмъ весна: горы зазеленѣлись и просохло. Лошадка моя «Альма» заболѣла; а я на нее разсчитывалъ, потому что бѣлый мой «Бельбекъ»—лѣнь страшная; онъ меня въ дѣлѣ погубитъ.

31. Суббота. Опять подморозило. Послѣдній день сквернаго года. Многіе жалуются на него; многіе уже ни на кого не жалуются; многіе встрѣтили его на двухъ ногахъ, а провожаютъ теперь на одной. Каковъ-то будетъ слѣдующій? Неужели и этотъ прибавитъ калѣкъ въ Россіи?... Я званъ встрѣчать новый годъ къ князю Эристову. Жаль, что не могу встрѣтить его въ Симферополѣ: грязь невылазная, и дороги нѣтъ. Впрочемъ, если не у своихъ, то мнѣ все равно хоть у Татарина. Простились съ новымъ годомъ весело, даже великолѣпно: нѣсколько залъ, выкопанныхъ въ землѣ, полы устланы войлоками и коврами, потолки подперты колоннами, обтянутыми, какъ и стѣны, бѣлымъ, какъ снѣгъ, коленкоромъ, тысячи свѣчей въ звѣздахъ, устроенныхъ изъ штыковъ, два хора музыки въ отдѣльныхъ палаткахъ; гостей было около ста человѣкъ — все офицеры разнаго оружія, между прочимъ: генералъ Ушаковъ, новый корпусный командиръ вмѣсто Сухозанета, который будетъ командовать Южною арміей вмѣсто Лидерса, занявшаго постъ князя Горчакова; генералы: Чернышевъ, Тимашевъ, Бялый, Сабашинскій, Ейзенкранцъ, полковники: князь Мирскій, князь Орбеліани, Бурманъ, Шатиловъ, Островскій, Оленичъ и ополченцы: князь Кочубей, Амбодикъ, Изъѣдиновъ, Селитрянниковъ и я; остальныхъ не знаю. Ужинъ былъ роскошный: множество хрустальныхъ вазъ съ фруктами и конфектами; о винахъ и говорить нечего. Въ 12-ть полилось Шампанское, пошли поздравленія, пожеланія... Но въ этой всеобщей шумной веселости сердце сжалось у меня въ груди, душа замерла, и я поздравилъ васъ, милые мои, Шампанскимъ, смѣшаннымъ со слезами. Многіе видѣли, какъ я былъ смѣшонъ; но не многіе поняли меня.

1 Января 1856 г. Новый годъ начался довольно глупо: проливной дождь, и дураки-барабанщики, которымъ я до 9 часовъ утра успѣлъ раздать 8 цѣлковыхъ, воображаютъ, что очень одолжили меня своею игрой. Добрый нашъ начальникъ генералъ Ушаковъ переѣзжаетъ завтра въ Ортъ-Каролесъ командиромъ корпуса; ему смерть не хочется, и сегодня за ералашемъ онъ все напѣвалъ «Oh! la pénible existence que celle d'Ort-Karoless». Отъ потчиваній здѣсь можно съ ума сойти: напримѣръ, пирогъ у Шатилова, обѣдъ у князя Кочубея, вечеръ у Оленича, и вездѣ всего разливанное море. Какъ ихъ на все это хватаетъ! Надоѣла мнѣ жизнь праздная.

4. Середа. Морозъ, солнце и вѣтеръ. Сегодня ратники привели ко мнѣ на судъ наставника своего — стараго егеря: «онъ-де творитъ безобразіе въ баракѣ, при всѣхъ; намъ съ нимъ жить неспособно». Хорошъ наставникъ!

Передъ закатомъ солнца сдѣлалось такъ тихо, тепло и ясно, что грѣшно было не воспользоваться такою погодою, и я поѣхалъ верхомъ въ горы. Виды поражающіе и мысль, и взоръ; но эта красота не въ моемъ вкусѣ: удивляешься и только. Крымскія горы капризны и фантастичны въ своихъ контурахъ, но общій видъ ихъ угрюмъ и суровъ. Въ ущельѣ что-то оборвалось, камень вѣроятно; лошадь моя испугалась и понесла; я думалъ, что воронъ и костей моихъ не соберетъ; было къ тому же и скользко; однако мнѣ удалось направить ее въ колючій кустарникъ, и здѣсь только она остановилась. Я бережно спустился внизъ и выѣхалъ на дорогу. Впередъ никогда не поѣду по горамъ, особенно одинъ.

Наиболѣе близкимъ мнѣ по служебнымъ отношеніямъ оказывается командиръ Полоцкаго егерскаго полка полковникъ Альбертъ Ивановичъ Островскій, человѣкъ лѣтъ 45-ти, высокаго роста, стройный, съ высоко приподнятою головою, продолговатымъ и пріятнымъ лицомъ, обрамленнымъ, по обычаю всѣхъ Крымскихъ героевъ, густыми бакенбардами и небольшою лысиною, которая къ нему очень идетъ; говоритъ хорошо, но нѣсколько громко—тоже Крымская привычка. Сужденія его основательны, заключенія мѣтки и справедливы; въ коммерческія игры играетъ превосходно, въ обращеніи вѣжливъ, а у себя дома и ласковъ; любитъ угощать и вечерà задаетъ на славу; имѣетъ умнаго бѣлаго пуделя и хорошую верховую лошадь. Вся дружина и всѣ офицеры мои его очень полюбили. Семейство его живетъ въ Варшавѣ.

13. Пятница. Ратники мнѣ сказывали, что на горахъ, гдѣ они рубятъ лѣсъ, есть мѣсто, съ котораго видно море, и на немъ колышатся Французскіе корабли. Я зналъ, что послѣднее обстоятельство не болѣе, какъ плодъ ихъ воображенія (всѣ они большіе пустомели и лгуны), тѣмъ не менѣе любопытство было затронуто, и мнѣ захотѣлось самому взглянуть на море. Я отправился верхомъ, несмотря на дважды данное себѣ обѣщаніе не ѣздить въ горы одному: мѣстность незнакомая, по-татарски не знаю, а, главное, лошадь плоха и къ горамъ непривычна. День былъ прекрасный, и я часа въ 3 послѣ обѣда выѣхалъ изъ лагеря. На полѣ полковникъ Островскій училъ полкъ свой егерскому строю; я простоялъ здѣсь около часу, а потомъ поѣхалъ по направленію къ высочайшей изъ окружающихъ лагерь нашъ горъ. Она казалась мнѣ очень не далеко, видны были на ней всѣ тропинки, тогда какъ до нея было 13 верстъ: такъ разстоянія въ здѣшнихъ мѣстахъ обманчивы. Я пустился рысью, доѣхалъ до горы и пошолъ пѣшкомъ. Было очень круто и каменисто; лошадь съ трудомъ карабкалась за мною, а я придерживался за дубовые кусты и, наконецъ, достигъ такимъ образомъ вершины. Подулъ свѣжій вѣтеръ, я застегнулъ пальто,

сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше, проѣхалъ еще одно ущелье и добрался до другой голой горы, которая казалась мнѣ еще выше. Остановившись наверху, я точно увидѣлъ море, но ни мачтъ, ни кораблей разсмотрѣть было невозможно: ратники соврали. Кругомъ полнѣйшее одиночество, ни малѣйшаго признака жизни... Меня взяла оторопь, и я для бодрости запѣлъ «Возлѣ города Славянска, на высокой на горѣ», закурилъ сигару и началъ спускаться назадъ. Профессоръ Рулье былъ правъ, говоря, что «лучшимъ доказательствомъ тому, что человѣкъ одаренъ разсудкомъ, есть то, что онъ ошибается»: желая выбрать ближайшій путь, я началъ мудрствовать и не поѣхалъ по прежней тропинкѣ, а взялъ на глазомѣръ и заѣхалъ въ такую трущобу, что принужденъ былъ вести лошадь въ поводу... Вдругъ изъ за камня выскочила дикая коза и, подпрыгивая вверхъ, пронеслась мимо меня; лошадь вырвалась и поскакала; но и она, бѣдная, видно боялась оставаться одной въ пустынѣ: пробѣжавъ немного, она остановилась, я сѣлъ и поѣхалъ. Смерклось, туманъ опустился на горы и заморосилъ дождичекъ. Прибавивъ ходу, лошадь моя все упрямилась, забирая вправо; я ее шпорилъ и поворачивалъ влѣво, оріентируясь по одной скалѣ, которую я полагалъ за Бельбекомъ противъ нашего лагеря. Такимъ образомъ я долго спорилъ съ своею лошадью; гдѣ-то близко раздался неистовый крикъ, лошадь начала стричь ушами и пофыркивать: на встрѣчу ѣхалъ Татаринъ верхомъ и во все горло оралъ пѣсню. Поровнявшись съ нимъ, я спросилъ его, въ которой сторонѣ Бельбекъ; но вмѣсто отвѣта онъ взмахнулъ нагайкой и поскакалъ дальше. Вскорѣ я услыхалъ лай собаки и туда направилъ путь, но лошадь и тутъ все воротила вправо. «Теперь же ты дура, а не я», сказалъ я и ударилъ ее,— собаки лаютъ, значитъ лагерь. Я поѣхалъ на показавшійся огонекъ и, увы! То былъ не лагерь, а бойня, расположенная въ двухъ верстахъ отъ него *влѣво*. Только теперь я догадался, гдѣ я, и вздохнулъ свободнѣе. Насъ путешествовало двое—я и моя лошадь. Я, какъ человѣкъ, ошибался; лошадь, какъ животное, была права. Я погладилъ лошадку, поговорилъ съ нею, далъ ей свободныя поводья; она тотчасъ же круто поворотила на право и привезла меня къ крыльцу.

23. Понедѣльникъ. Морозъ и снѣгъ, а вчера была грязь. Дороги здѣсь до того испорчены, что еслибъ лѣтомъ мѣста здѣсь были бы въ десять разъ лучше рая небеснаго, то одно предчувствіе того, что будетъ зимой, выгнало бы меня отсюда: страшно и подумать объ этомъ ужасномъ растворѣ воды съ землею. Единственная доступная при этомъ ѣзда—верхомъ, и то нужна лошадь сильная и смѣлая. Я ѣздилъ вчера ночью въ Ортъ-Каролесъ. Когда я взъѣхалъ на высокій и узенькій мостикъ, лошадь моя испугалась шуму воды подъ ногами, останови-

лась и затряслась всѣмъ тѣломъ. Я такъ и думалъ, что сейчасъ мы будемъ съ нею въ Бельбекѣ; однако, освоившись, повидимому, съ положеніемъ, она, похрапывая и осторожно переступая, перебралась благополучно; но ратникъ мой, ѣхавшій сзади, съ самаго начала моста шаркнулся въ рѣчку — и на правую сторону: у него нѣтъ праваго глаза. Къ счастью, насъ догналъ полковникъ Оленичъ, ѣхавшій съ фонаремъ, и мы доѣхали безъ приключеній.

Ратники мои утверждаютъ, что миръ уже заключенъ: «Англичанка пріѣхала въ Питеръ просить прощенья у Государя, но ея еще не допускаютъ».

26. Четвергъ. Крѣпкій морозъ. Сегодня собрано 40 тысячъ войска съ артилеріею на смотръ главнокомандующаго Лидерса. Онъ пріѣхалъ въ 11 часовъ въ каретѣ, окруженный многочисленной свитой. Все это оборванцы, лошаденки дрянь, взяты на прокатъ у бѣдныхъ казаковъ, а то и даромъ,—точно оборванные Кроаты свиты Елашича, котораго Ч—ій «обыгралъ когда-то въ карты». Гдѣ-то онъ теперь, добрѣйшій И. И.? Какъ-то онъ рѣшаетъ дѣла Европы и восточный вопросъ? А уже, навѣрное, порѣшилъ и только ожидаетъ, что все сбудется, какъ онъ предсказалъ... И съ Пелисье онъ «коротко знакомъ» — «встрѣчался съ нимъ въ Парижѣ»...

29. Воскресенье. День свѣтлый и тепло. Ѣздилъ съ офицерами своими верхами въ Бахчисарай; тамъ обѣдали у Данцигера, заплатили по 2 рубля съ персоны. Челищевъ купилъ тамъ часы, а я съ Мамаевымъ по нагайкѣ; въ сумерки вернулись домой. Такимъ образомъ у скуки украли одинъ день.

31. Вторникъ. Вчера былъ вечеръ у полковника Островскаго; мы засидѣлись до половины третьяго. За ужиномъ подавали чудесные блины съ зернистою икрой и съ сметаной. Послѣдняя здѣсь рѣдкость: Татарки продаютъ ее по 15 коп. за ложку. Десятокъ яицъ — полтора рубля; устрицы дешевы, но посылать за ними надо на Сѣверную, а это 15 верстъ. У всѣхъ нашихъ маркитантовъ нашолся только одинъ лимонъ, да и тотъ попорченный; Изъѣдиновъ заплатилъ за него рубль. Колода картъ стоитъ 3 рубля.

6. Понедѣльникъ. Морозъ, вѣтеръ и снѣгъ. Мятель такая, что и горъ не видать. Вчера, послѣ вечерней зари, слышна была сильная кононада. Что̀ ихъ тамъ расхватываетъ? И вѣрно пустяки, потому что если бы и было что серьезное, потащили бы и насъ и не дали бы намъ спать раздѣвшись. Французовъ упрекать нечего: они насъ давно не безпокоятъ. Это все наши на Сѣверной задорятся: увидятъ гдѣ нибудь нѣсколько собравшихся человѣкъ, или промелькнетъ ночью огонекъ—и давай туда жарить; кучка давно разойдется, и огонекъ пога-

снетъ, а бомбы все летятъ .. чтобы выстрѣлить положенное число зарядовъ въ сутки.

Къ моей дружинѣ прикомандировано 96 егерей Полоцкаго полка «для образованія ратниковъ». Одинъ разъ говорю я егерскому унтеръофицеру: «ты, братецъ, даромъ живешь въ дружинѣ, а присланъ учить ратниковъ; сегодня былъ у меня вѣстовой твоей роты—мужикъ мужикомъ, говорить не умѣетъ, одѣтъ неопрятно. Прежде чѣмъ послать ко мнѣ вѣстового, ты каждый разъ его осматривай; ко мнѣ ходятъ люди, а дуракъ стоитъ въ передней и отвѣчать не умѣетъ, генерала называетъ «ваше благородіе»... срамъ; чтобы этого впередъ не было»— «Слушаю-съ!» Черезъ нѣсколько дней я позвалъ вѣстоваго. Онъ мнѣ изъ передней отвѣчаетъ громко и скороговоркой: «Чего изволите ваше высокоблагородіе?» Ого, думаю себѣ,—просвѣщеніе, вотъ какъ его егеря подпринцовали! Однако жду, не идетъ мой вѣстовой.

— «Что же ты не идешь?»—«Точно такъ, в. в—іе».—«Поди сюда».—«Не могу знать, в. в—іе».

Пошелъ къ нему самъ и говорю: «Пора печку топить».—«Точно такъ, ваше в. в—іе».—«Что же ты не топишь?—Не могу знать, в. в—іе».—«Поди же, принеси дровъ, или позови моего Петра».—«Точно такъ, в. в—іе».

А самъ стоитъ, вытянувшись въ струнку, глаза вытаращилъ на меня и ни съ мѣста, только бровями моргаетъ.—«Да что ты, одурѣлъ что-ли?»—«Точно такъ, в. в—іе»... Наши цивилизаторы-егеря всю дружину окончательно съ ума сведутъ!

Князь Кочубей служилъ когда-то на Кавказѣ при гр. Воронцовѣ, чѣмъ-то въ родѣ дипломатическаго агента. Воронцовъ (Азіатцы звали его Баранцовъ) всегда занимался дѣлами съ 8 часовъ утра до 2-хъ, потомъ садился верхомъ и объѣзжалъ городъ до 5-ти часовъ пополудни. Всякій, кто только находился по чему либо при главной квартирѣ, долженъ былъ сопровождать его, и каждому посылались верховыя лошади изъ конюшенъ графа. При графѣ въ качествѣ переводчика находился флигель-адъютантъ кн. Мамука-Орбельяни. Воронцовъ любилъ, чтобы во время его прогулокъ народъ оказывалъ ему уваженіе и кланялся. Случилось разъ, что графъ, проѣзжая по одной площади съ многочисленной и пестрой свитой, въ которой были и военные, и статскіе, и Азіятцы, и иностранцы-туристы, замѣтилъ большую толпу народа, не обращавшую ни малѣйшаго вниманія на проѣздъ намѣстника края. Грузины отличаются тѣмъ общимъ съ Жидами свойствомъ, что когда двое дерутся, то тысячи стоятъ кругомъ и кричатъ. Толпа окружала кабакъ на площади: двое Грузинъ тащили оттуда цѣловальника и били его. Родные и знакомые обѣихъ сторонъ препира-

лись между собою, гвалтъ стоялъ невообразимый. Воронцовъ остановилъ лошадь и сказалъ: «князь Мамука, узнайте пожалуйста, о чемъ эти добрые люди спорятъ». Орбельяни нагайкой по коню и врѣзался въ самую средину толпы; появленіе офицера верхомъ и съ нагайкой тотчасъ водворило въ толпѣ молчаніе. Орбельяни, поднявъ руку, о чемъ-то поговорилъ и, возвратившись къ графу, доложилъ: «Эти Азіатцы, ваша свѣтлость, совѣщаются, какимъ образомъ выразить вамъ свою нижайшую благодарность за то мудрое управленіе и за то счастіе, коими наслаждаются они подъ покровительствомъ вашей свѣтлости»... «Правда? Но пусть лучше они выберутъ для этого другое время, очень имъ благодаренъ» — и, поклонившись имъ съ улыбкой, графъ поѣхалъ дальше... Уже не знаю, пояснялъ разсказчикъ, повѣрилъ ли графъ, или нѣтъ, такой находчивости князя Орбельяни.

9. Четвергъ. Господи, что съ нами будетъ! У меня ежедневно отправляется въ Бахчисарай больныхъ отъ 8 до 10 человѣкъ; половина дружины уже по госпиталямъ. Медынская дружина почти поголовно въ горячкѣ; она стоитъ въ Буюкъ-Сюрели—мѣсто низкое и болотистое; тамъ же, въ помѣщичьемъ домѣ лазаретъ, разсадникъ заразы. Амбодикъ захворалъ, Краснопольскаго недавно причащали. Сегодня одинъ ратникъ явился изъ больницы. Челищевъ его спрашиваетъ: «ты совсѣмъ выздоровѣлъ?» — «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, да тамъ съ голоду умрешь: тебя станетъ на ѣду позывать, а тебѣ даютъ «сукъ»... «Какой сукъ?» — «Да такъ—сукъ, такая ѣда называется «сукъ».

9. Четвергъ. На Сѣверной выстрѣлы и взрывы. На этотъ разъ хозяйничаютъ Французы. Сегодня прислали намъ новыя медали за Севастополь. Нашъ маркитантъ, Армянинъ Агамоловъ надѣлъ на тулупъ медаль на Георгіевской лентѣ. Вечеромъ у полковника Оленича денщикъ подавалъ намъ водку, и у него на сѣромъ нанковомъ казакинѣ виситъ Севастопольская медаль. Во время осады несъ онъ на батарею своему офицеру на сковородкѣ битокъ; двѣ пули прострѣлили у него правую руку, и битокъ онъ выронилъ на землю; офицеръ же говоритъ: «рука-то—чортъ ее возьми, а битка жаль, горячій былъ, ѣсть крѣпко хотѣлось, и водку-то пролилъ; не могъ пяти шаговъ донести, дуракъ!»..

Въ 6 часовъ вечера сдѣлалось на дворѣ тихо и тепло; теплѣе, чѣмъ въ моемъ баракѣ. Туманъ, точно кисеей, окуталъ верхушки горъ, спускаясь оттуда внизъ красивыми, причудливыми фестонами; мы всѣ вышли изъ бараковъ полюбоваться величественной и живописной картиной: блѣдно-сѣрые, прозрачно-дымчатые фестоны волновались, какъ будто кто двигалъ этой кисеею, или игралъ ею; въ воздухѣ стало душно; фестоны начали принимать грубыя формы; туманъ темнѣлъ и спускался все ниже и ниже... Старожилы предсказывали бурю. И точно:

въ 8 часовъ она разразилась надъ Бельбекомъ; но то не была буря, къ какой мы привыкли, — то было какое-то адское веселье, какой-то содомъ: свистъ, ревъ, завыванія, стоны и жалобы... Все это, наконецъ, вихремъ вырвалось изъ ущелья въ Ортъ-Каролесъ и понеслось по нашей равнинѣ; наступила тьма, кругомъ что-то неистово бушевало, нѣкоторые шалашики летали по воздуху. Черезъ часъ все пронеслось мимо. Мой баракъ устоялъ: его строилъ у самой подошвы горы генералъ Игнатьевъ, человѣкъ положительный, и вотъ почему онъ выдержалъ штормъ.

Жилища наши построены всѣ на одинъ манеръ. Выкапывается въ землѣ квадратъ въ два аршина глубины; кто поприхотливѣе—копаетъ себѣ нѣсколько такихъ квадратовъ рядомъ; крыша дѣлается изъ дубовыхъ листьевъ и хворосту, а сверху засыпается бѣловатой землей; нерѣдко крыша обваливается и калѣчитъ людей, а сыпется постоянно. Земля сверху, земля снизу, земля съ боковъ—живешь себѣ, какъ заживо погребенный въ могилкѣ. Кто можетъ, тотъ покрываетъ баракъ кожами съ убитыхъ быковъ; кто этого не можетъ, плаваетъ во время дождя со всею своею амунидіею; иногда буря уноситъ кожи эти далеко, и тогда онѣ становятся собственностью того, кто ихъ подхватитъ—таковъ обычай въ лагерѣ. Во многихъ баракахъ живутъ огромныя, никого и ничего небоящіяся лягушки; ночью, при дождѣ, сапоги очень часто уплываютъ; мои плавали нѣсколько разъ. Въ баракѣ генерала Бялаго возлѣ стѣны вдоль прокопана канава, по которой вѣчно бѣжитъ вода; ее берутъ на самоваръ. У дивизіоннаго гевальдигера недавно въ баракѣ открылся родникъ прекрасной воды; онъ его обдѣлалъ досками и получаетъ воду, не выходя изъ комнаты. Прошу тутъ быть здоровымъ!

12. На сѣрой лошадкѣ проѣхала Татарка верхомъ; закутана съ головы до ногъ бѣлою, какъ снѣгъ, чадрою, руки спрятаны, сидитъ неподвижно, какъ мумія; маленькій Татарченокъ, босикомъ, по колѣна въ грязи, идетъ впереди и на длинномъ поводѣ ведетъ лошадку, въ рукахъ у него длинный шестъ. Странствующая Татарская синьора была болѣе похожа на болванъ, слѣпленный изъ снѣга, нежели на живое существо. Такимъ образомъ, говорятъ, провозятъ Татары по нашему лагерю Турецкихъ шпіоновъ. На Сѣверной продолжается стрѣльба.

13. Понедѣльникъ. Прекрасный день и давно невиданное солнце. Благодаря Бога, Краснопольскій мой будетъ живъ; у него была тифозная горячка, 14 дней онъ лежалъ безъ памяти, и его обливали холодной водой; на 15-ый его пріобщили; теперь поправляется, сидитъ на кровати и пьетъ бульонъ.—Послѣ обѣда, отъ 3 до 5 часовъ дѣлалъ ученье дружинѣ, погода была прекрасная; но только что возвратился

домой, какъ вдругъ сдѣлалось темно и повалилъ такой густой снѣгъ, что на дворѣ ничего нельзя было различить—вотъ климатъ! Филимоновъ просилъ сегодня позволенія отпустить пѣсенниковъ своей роты къ какому-то капитану стоящаго рядомъ съ нами Смоленскаго пѣхотнаго полка. Этотъ капитанъ слышалъ его пѣсенниковъ, когда мы возвращались съ ученья и такъ плѣнился ихъ пѣніемъ, что далъ имъ 5 рублей, обѣщая дать еще 10, если они пропоютъ у него вечеръ.

14. Вторникъ. Сегодня званъ я на пирогъ къ Курскому ополченцу В. Е. С—ву. Онъ здѣсь извѣстенъ всѣмъ подъ именемъ «ополченнаго дѣда», которымъ окрестилъ его Ушаковъ. Личность замѣчательная: взглядъ разсерженной кошки, улыбочка, никогда не сходящая съ устъ, щетинистыя, вѣчно двигающіяся брови, громадные крашеные чернымъ усы, маленькая фигурка, нагнутая впередъ подъ 96 град. и сухія, тоненькія ножки. Служилъ когда-то въ гвардіи, потомъ вояжировалъ, имѣетъ внучатъ, но еще живой и бодрый старичекъ. Его всѣ знаютъ въ нашей дивизіи; всякій солдатъ, завидѣвъ его, скажетъ «вотъ дѣдушка проѣхалъ», и нѣтъ офицера въ цѣлой Крымской арміи, который бы не зналъ какихъ-нибудь стиховъ, посвящаемыхъ ему каждый вечеръ нашимъ неоцѣненнымъ генераломъ Чернышовымъ. По Субботамъ вечера у князя Эристова; ему прислали изъ Грузіи славнаго Кахетинскаго вина, С. клюкнулъ, и вотъ экспромитъ:

„Помнишь, дѣдушка, Субботу,
„Кахетинское вино,
„Какъ и въ рвоту, и въ икоту
„Тебя бросило оно"... и т. д.

За ужиномъ все общество всегда занимается дѣдомъ—кто что придумаетъ. Дѣдъ и глазомъ не моргнетъ: остри кто хочетъ и какъ угодно, еще и самъ подсказываетъ. Есть въ нашемъ лагерѣ превысокій курганъ; онъ назначенъ отхожимъ мѣстомъ для солдатъ, и всякій его далече объѣзжаетъ отъ нестерпимыхъ міазмовъ. Одинъ разъ послѣ ужина генералъ Ушаковъ говоритъ: «Вотъ, господа, всѣ мы утѣшаемся дѣдушкой, а никто изъ насъ не подумаетъ, гдѣ мы его похоронимъ, когда онъ умретъ?».. Я говорю—«на курганѣ».—«Браво!» закричало все общество, «мѣсто избрано для дѣда настоящее—злачное и спиртуозное... Да, послушайте, онъ тамъ не сгніетъ... станутъ люди приходить издалека на поклоненіе, Крымъ обогатится»... «А я, замѣчаетъ уже самъ С., въ завѣщаніи прикажу своему сыну, чтобы тутъ кабакъ построилъ: имѣній ему я не оставляю—такъ вотъ ему и средство разбогатѣть»... «Хорошо, говорятъ, но надо и эпитафію приготовить». «У кого карандашъ есть, отвѣчаетъ Чернышовъ, пишите и эпитафію:

„Здѣсь, на хо́лмѣ уединенномъ,
„Въ мундирѣ скромномъ, ополченномъ,
„Лежатъ останки старика,
„Погибшаго отъ травника"...

16. Четвергъ. День чудесный, солнце, и снѣгу какъ не бывало. Начальникъ штаба дѣлалъ моей дружинѣ смотръ и сказалъ мнѣ: «votre compagnie, colonel, c'est la perle de notre milice». Онъ ѣдетъ сегодня во Французскій лагерь заключать перемиріе.

17. Пятница. Морозъ въ 5 гр. По случаю счастливо отбытаго смотра, мои офицеры угощаютъ меня обѣдомъ; я ихъ упрашивалъ, что это мое дѣло, но они уперлись на своемъ. Обѣдали мы въ Бахчисараѣ у Данцигера. Тамъ было нѣсколько Французскихъ офицеровъ и трое Англичанъ; съ ними прелестный черный понтеръ. Возвращались верхами въ 7 часовъ вечера и на дорогѣ встрѣтили ген. Тимашева и дипломата Озерова, возвращавшихся отъ Французовъ съ отвѣтомъ къ главнокомандующему. Тимашевъ говорилъ мнѣ, чтъ во Французскомъ лагерѣ вѣсть о перемиріи встрѣчена всеобщимъ восторгомъ: на уговорный пунктъ у Черной рѣчки выѣхало ихъ болѣе 50 офицеровъ, были и дамы верхами; Французскіе офицеры были очень вѣжливы съ нашими и на прекрасныхъ Арабскихъ лошадяхъ.

18. Суббота. Сегодня была панихида по покойномъ Государѣ, на горѣ подъ открытымъ небомъ. Служилъ благочинный Полоцкаго полка, старичокъ съ тремя медалями.

Любопытны цѣны у насъ на разные продукты: пара гусей 13 р., дикая коза 11 р., пудъ гречневой муки 6 р; за карты сначала платили 3 р., потомъ 5 р.; теперь весь лагерь играетъ старыми, обтрепанными. Каково отчаянье всего лакейства! Это былъ его доходъ. У одного купца въ Симферополѣ сгнило въ погребѣ 50 тысячъ игоръ картъ: онъ думалъ продать подороже и прижался.

21. Вторникъ. Переговоры о перемиріи что-то не приходятъ къ окончанію. Французы требуютъ, чтобы мы имъ очистили перевалъ надъ Байдарской долиной: мѣсто, которое они во все лѣто не могли взять, отдай имъ теперь даромъ, и въ случаѣ несостоявшагося мира выбивай ихъ оттуда! Тоже, ребята теплые.

23. Четвергъ. Переговоры о перемиріи кончились. Вчера Французы взяли въ плѣнъ двухъ ротозѣевъ, Донскихъ казаковъ; но тотчасъ же Французскій генералъ при вѣжливомъ письмѣ à monsieur de Z—eff, colonel des Cosaques, отослалъ ихъ обратно, извиняясь въ ошибкѣ. M—r de Z—eff не могъ разобрать «грамотки» и прислалъ ее къ генералу Ушакову, которымъ при мнѣ она и получена.

24. Ужасная погода. Буря съ снѣгомъ и громомъ, производящимъ въ горныхъ ущельяхъ удивительный эффектъ, свирѣпствовала всю ночь. Изъ Калуги прислали въ мою дружину еще двухъ офицеровъ С. и И.; но этотъ И. не родственникъ преждеприбывшему, «по образу пѣшаго хожденія», однофамильцу своему, хотя между ними и много общаго; оба статскіе гуси, оба изъ Перекопа пришли пѣшкомъ, и оба съ перваго слова денегъ просятъ. Принесло же ихъ, когда наша служба почти кончается, и мы помышляемъ объ обратномъ пути, къ чему начальствомъ уже дѣлаются распоряженія. Съ ними путешествовалъ еще третій перепелъ, но тотъ дорогою заболѣлъ, остался въ Симферополѣ, а денегъ все-таки проситъ... За чѣмъ ихъ присылаютъ къ намъ?

25. Суббота. Буря стихла, но грязь сдѣлалась невылазная. Ратникъ мой прибылъ изъ Симферополя, куда посылали его для покупки скота на говядину. Два товарища его остались на Альмѣ: они не могли дойти; купили пять быковъ, которые, отойдя версты четыре, легли въ грязи. Видя неминучую бѣду, ратники прирѣзали быковъ и по кусочкамъ вытащили за дорогу. Одинъ ратникъ пришелъ въ лагерь за лощадью для перевозки мяса; онъ сдѣлалъ 30 верстъ; пришелъ весь въ грязи, изнеможенный, еле могъ разсказать въ чемъ дѣло; ноги опухли, какъ колоды, такъ что сапоги на немъ разрѣзали. На большой дорогѣ онъ увязъ въ глинѣ по грудь, и навѣрное тамъ и умеръ бы, еслибы не спасъ его наѣхавшій случайно казакъ: онъ подалъ ему конецъ своей длинной пики и вытащилъ его; затѣмъ ратникъ, придерживаясь за хвостъ казацкой лошади, дошелъ такимъ образомъ до лагеря и далъ казаку гривенникъ. Онъ говоритъ, что вся дорога уложена трупами лошадей въ упряжи и волами; жалко смотрѣть на несчастныхъ верблюдовъ, умирающихъ въ грязи: «лежитъ себѣ, сердечный, да такъ жалостно кричитъ, что инда волосъ дыбомъ у человѣчества становится; кричитъ онъ такъ, бѣдный, да и издохнетъ». Онъ видѣлъ и двухъ погонщиковъ, умершихъ въ грязи...

Сегодня я былъ очень озабоченъ приказомъ главнокомандующаго, коимъ дружина моя прикомандировывается къ Якутскому полку, а полкъ этотъ стоитъ въ Мелитополѣ. Всѣ подъемныя лошади изнурены совершенно, трехъ недостаетъ, болѣе ста тысячъ патроновъ съ пулями и пятьсотъ ружей остались на моей шеѣ; подняться въ походъ я не могу: какъ тронуться въ такое время года, когда люди и лошади тонутъ въ грязи? Благодѣтель мой Ушаковъ и тутъ меня выручилъ; прежде еще, чѣмъ я къ нему пріѣхалъ, онъ уже послалъ адъютанта съ письмомъ къ главнокомандующему, прося его не лишать дивизію лучшей дружины въ ополченіи. «Останьтесь у меня, а Медемъ къ вечеру пріѣдетъ съ отвѣтомъ». Главнокомандующій согласился, и вмѣсто моей наряжена другая дружина.

28. Вторникъ. Вчера въ дружинѣ князя Кочубея хоронили доктора, котораго онъ привезъ изъ Петербурга. Докторъ былъ хорошій и, кромѣ того, славный малый, всѣми любимый товарищъ. Ему было всего 22 года, единственный сынъ у матери, которая не хотѣла его отпускать въ армію; князь выпросилъ его, взялъ къ себѣ на руки и теперь схоронилъ... Бѣдная мать! Другой молодой докторъ, назначенный въ Крымъ, доѣхалъ до Перекопа и тамъ зарѣзался бритвой; въ оставленномъ письмѣ онъ объясняетъ, что на пути къ мѣсту своего назначенія онъ встрѣтилъ столько страданія, что предпочелъ покончить жизнь сразу, нежели пасть неминуемою жертвой болѣзненности въ Крыму.

Здѣсь на сто верстъ кругомъ не найдешь никакого экипажа. Пути сообщенія тѣже, чтó были при султанѣ Гиреѣ, который, выкупавшись въ ваннѣ изъ червоннаго золота, отправлялся въ путь верхомъ, а султанши, рабы и палатки сопутствовали ему на верблюдахъ. Главнокомандующій учредилъ, но только для военныхъ, «почтовые дилижансы»: это длинная, скрипучая Татарская арба, влекомая двумя верблюдами или быками; она перевозитъ по десяти офицеровъ съ одной станціи на другую; соблюдается очередь, мѣсто дается тому, кто дольше высидѣлъ на станціи.

1 Марта, Четвергъ. Всякую минуту ждемъ повелѣнія выступить въ походъ. Далѣе оставаться здѣсь войскамъ невозможно: продовольствіе становится затруднительнымъ. У Французовъ, которые по прежнему чрезвычайно вѣжливы и предупредительны съ нашими, ресторацій въ лагерѣ множество; содержатся онѣ какъ въ Парижѣ—все есть. Полковникъ Островскій заѣхалъ за мной, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ Французамъ на Черную рѣчку. Мы пообѣдали въ 12 часовъ и пустились въ путь. На Мекензіевой горѣ я сорвалъ нѣсколько фіалокъ и потомъ послалъ ихъ въ письмѣ къ Варинькѣ. Множество Французовъ перешло на нашу сторону; поютъ, пляшутъ, коверкаются, а наши хохочутъ. «Бонъ, бонъ, камрадъ!» У нашего полковника, который стоитъ на Мекензіевой горѣ, пили чай и отправились обратно.

Во время своего путешествія по Европѣ князь Кочубей познакомился со многими Французскими офицерами; нѣкоторые изъ нихъ уже генералы и служатъ теперь въ Крымской арміи. Они ему очень обрадовались и просили Лидерса позволить Кочубею бывать у нихъ. Сегодня онъ тамъ обѣдалъ у знакомыхъ и возвратился съ адъютантомъ ген. Тимашева, Долинскимъ, бывшимъ при заключеніи перемирія. Англійскіе офицеры просили у него на память пуговицу съ его мундира, къ нимъ присоединились и миледи, и 14-ти пуговицъ какъ не бывало. Переговоры велись у Каменнаго моста на Черной рѣчкѣ; подъ открытымъ небомъ стоялъ столъ, за которымъ писали дипломаты; болѣе ты-

сячи человѣкъ Французовъ, Англичанъ, Сардинцевъ и Турокъ собралось вокругъ; столько же было и нашихъ. Вѣжливые Французскіе генералы уже дожидались нашихъ на мѣстѣ; сошли съ лошадей, толковали немного (все было подготовлено заранѣе) подписали и, попотчивавъ нашихъ Шампанскимъ (ибо дѣло было на ихъ сторонѣ), разъѣхались при крикахъ «ура» и «vivat». Наши солдаты по цѣлымъ днямъ разговариваютъ съ Французами черезъ Черную рѣчку. Караульный офицеръ говоритъ мнѣ, что разговоры не прекращаются и ночью. «Камрадъ, ты тутъ?» — «Oui, oui, Russe!—«Французъ, бонъ»,—«Oui, et les Russes bon»; нашъ скажетъ «Александръ», и они повторяютъ «Alexandre», они скажутъ «Napoleon» и наши откликнутся «Напліонъ»—и общій, неистовый смѣхъ. А то залѣпитъ Французъ въ грязь свою монету и перекинетъ ее на нашу сторону; наши отвѣчаютъ тѣмъ же: залѣпятъ въ комокъ грязи мѣдную копѣйку и швырнутъ къ нимъ. Иногда летаютъ бутылки съ водкой, сухари, бѣлый хлѣбъ и старыя фуражки... Давно ли эти люди, подползая изъ-за камня, цѣлились другъ въ друга, какъ въ бекаса и, сваливъ противника съ ногъ, также кричали «vivat» и «ура», а теперь по цѣлымъ днямъ добродушно забавляютъ другъ друга, танцуютъ на берегу кадриль, а наши на своей сторонѣ отдираютъ въ присядку.

4. *Воскресенье.* Не всѣ, однако, посѣщаютъ непріятельскій лагерь такъ удачно, какъ князь Кочубей. Еще не миръ, а только перемиріе; поэтому осторожность и недовѣрчивость съ обѣихъ сторонъ вполнѣ естественны. Съѣзжаться можно только на нейтральныхъ, опредѣленныхъ пунктахъ; внутрь лагеря безъ особаго разрѣшенія главнокомандующаго заѣзжать нельзя: иначе, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, осмотренный лагерь перестанетъ быть тайною для непріятеля. Сегодня на аванпостахъ адъютантъ князя Ушакова баронъ М. получилъ отъ Французскаго полковника визитную карточку, афишу театра и два билета на маскарадъ и ужинъ. И взыгрался довѣрчивый Нѣмецъ, пригласилъ съ собою стараго С. (никто другой, разумѣется, не поѣхалъ бы), надѣли они лакированные сапоги, лайковыя перчатки и, со множествомъ порученій закупить припасовъ и питій, отправились, М. потанцовать, а С. обыграть союзную армію въ карты. Намѣнялъ онъ звонкой монеты, у кого только можно было, у меня взялъ 50 новыхъ полтинниковъ (Французы нашимъ ассигнаціямъ не вѣруютъ), и поѣхали. Долго блуждали они по лагерю, отыскивая своего полковника, наконецъ остановились у одной палатки; часовой пропустилъ ихъ. Взошли, спрашиваютъ по карточкѣ своего незнакомца. Передъ ними стоялъ пожилой мужчина высокаго роста, худой, и, молча, Наполеоновскимъ взглядомъ измѣрялъ ихъ съ головы до ногъ.—«Je suis général de division; qui

êtes-vous, messieurs?›... Смѣшались наши гости. ‹Вы здѣсь не должны быть, продолжалъ генералъ, безъ дозволенія Пелисье; тотъ, кто васъ пригласилъ, долженъ былъ встрѣтить васъ у Черной рѣчки и проводить—тогда бы онъ за васъ и отвѣчалъ... Но, такъ какъ вы уже переступили мой порогъ, то вы мои гости, прошу садиться... позвать ко мнѣ адъютанта›.—Явился адъютантъ, и подали чудесный завтракъ. ‹Угощайте господъ Русскихъ офицеровъ, а послѣ проводите ихъ на аванпосты; я назначилъ сегодня смотръ, дивизія моя уже готова . . . pardon, messieurs, я ѣду›. Нашихъ проводили до мостика и пустили... Дѣти мои милыя! Въ тысячу и первый разъ говорю вамъ: не довѣряйтесь приглашеніямъ. Иной приглашаетъ, а самъ думаетъ: неужели онъ такъ глупъ, что повѣритъ?

5. *Понедѣльникъ.* Передъ вечеромъ былъ у меня совершенно незнакомый священникъ. ‹Чтó вамъ, батюшка, угодно, и—прошу садиться› Попикъ молоденькій, еще безъ бородки и стриженный; лайковыя бѣлыя перчатки и батистовый платокъ въ рукѣ. Началъ онъ буквально такъ: ‹Я священникъ Кременчугскаго егерскаго полка; назначенъ для говѣнія всѣхъ дружинъ на Бельбекѣ. Адресуюсь къ первому вамъ, о вождь крестоносцевъ! Соблаговолите приказать отвести умѣстительный баракъ для подобаемаго богослуженія›; все это сказано было торжественнымъ тономъ и съ разстановкой. Требовалось много самообладанія, чтобъ не разсмѣяться; къ счастью пришелъ Д. М. Челищевъ и выручилъ меня: витіеватаго попика я передалъ ему съ рукъ на руки съ тѣмъ, чтобы отвелъ его къ Нилу Михайловичу для назидательной бесѣды.

8. Вчера вечеромъ долго сидѣли у меня Д. М. Челищевъ, Островскій и З., пріѣхавшій ко мнѣ съ Инкерманскихъ высотъ. Послѣ чая за закуской З. началъ врать безчеловѣчно и противорѣчить самому себѣ. Островскій, видѣвшій его въ первый разъ, остолбенѣлъ отъ удивленія; мы съ Д. М. смѣемся, а З. и радъ, что напалъ на новаго человѣчка: порется такую дичь, что я съ благодарностью вспоминалъ, что онъ уже не въ моей дружинѣ. Всякій день у Генуэзской башни онъ съѣзжается съ Англичанами (это—можетъ быть), всѣ лорды его чрезвычайно любятъ, такъ какъ Англійскій языкъ онъ знаетъ лучше своего (это безсовѣстно солгалъ) и если кому изъ насъ что нужно, то онъ завтра же пришлетъ цѣлую фуру и винъ, и провизіи по необыкновенно сходнымъ цѣнамъ. Мы ему заказали на 300 р. всякой всячины. ‹Извольте, извольте, затараторилъ З. повертываясь на каблучкахъ во всѣ стороны; все это пришлю завтра же къ полудню съ своимъ ратникомъ и реестръ покупкамъ Наркизу Антоновичу, а вы уже разберетесь сами›... и совралъ: до сихъ поръ ничего не присылаетъ.

10. Суббота. Молоденькій попикъ, прибывшій для исповѣди дружины, разсказываетъ, что часто на перевязочномъ пунктѣ исповѣдывалъ тяжелораненыхъ; одинъ солдатъ, уже послѣ исповѣди, бранилъ Французовъ. «Что бы имъ, шельмамъ, оторвать у меня лѣвую ногу; такъ нѣтъ, какъ нарочно, возьми да отхвати правую!.. Братцы-товарищи, поищите въ канавѣ мою ногу: тамъ въ сапогѣ три четвертака; жалко, даромъ пропадутъ!».. Черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ.

Въ одномъ матросскомъ домикѣ генералъ Ушаковъ занялъ себѣ квартиру, чтобы приходить туда обѣдать; однажды идетъ онъ туда съ дивизіоннымъ докторомъ; на крыльцѣ видитъ сидитъ дѣвочка лѣтъ 5-ти съ повязанной головой. «Здѣсь видно мода такая», замѣчаетъ Ушаковъ, «что всѣ, даже дѣти, ходятъ съ повязанными головами», но докторъ полюбопытствовалъ и остановился. «Отчего у тебя голова завязана?» — »Янійо.» — «Гдѣ же тебя ранило?» — «На Маяховомъ куйганѣ.» — «Зачѣмъ же ты такъ далече ходила?» — «Тятенькѣ обѣдать носила, то и янійо»... Добрый Ушаковъ выхлопоталъ этому ребенку пенсіонъ ея отца и медаль на Георгіевской лентѣ.

Одному солдату оторвало правую руку съ ружьемъ, онъ перекрестился лѣвой и, сказавъ «слава тебѣ, Господи, теперь уже совсѣмъ отдѣлался!», весело отправился на перевязочный пунктъ.

15. Четвергъ. Снѣгъ, вѣтеръ и морозъ. Вотъ вамъ и «трава», и «подножный кормъ», которые намъ обѣщали здѣсь еще въ половинѣ Февраля.»Это—«Италія Россіи», прославленная восторженными поэтами, разгуливавшими въ Крыму въ хорошее время года и созерцавшими красоты его изъ хорошей и покойной коляски. Глупъ тотъ, кто судитъ о странѣ по описаніямъ поэтовъ: поэзія—вдохновеніе, поэтъ пишетъ, когда онъ чѣмъ либо восторгается, а восторгъ—горячечное состояніе ума.

16. Пятница. Третьяго дня возвратился изъ отпуска первый лгунъ на Бельбекѣ. Ему уже никто не вѣритъ; но онъ нимало не хлопочетъ объ этомъ—лишь бы его слушали... «У него много знакомства въ гвардіи, большія связи при дворѣ, сидѣлъ всегда въ первомъ ряду креселъ, бывалъ и за кулисами, всѣ на него наводили бинокли, всѣ восхищались его ополченнымъ костюмомъ»... а онъ, маленькій, остриженный въ скобку, въ своемъ кафтанчикѣ съ коротенькимъ лифомъ, сильно смахиваетъ на лабазнаго приказчика.

17. Суббота. Здѣсь лишь, отойдя отъ лагеря на 5 верстъ, можно вздохнуть чистымъ воздухомъ, а, уходя, дорогою надо стараться не глядѣть по сторонамъ: мертвыя лошади, быки и верблюды валяются на право и налѣво, а присутствіе солдатства вездѣ обнаруживается нечистотою и зловоніемъ. Какъ ни строго наблюдаетъ начальство за чистотою и порядкомъ въ лагерѣ, а подѣлать ничего не можетъ. Гдѣ

бы ни постоялъ солдатъ, онъ все попортитъ—землю, луга, воздухъ, воду, огороды, фруктовыя деревья, крыши, надгробные памятники... все ему нужно расшевелить, снести въ сторону и бросить. Ни караулъ, ни наказанія не останавливаютъ этого разрушительнаго стремленія, и гдѣ былъ лагерь—тамъ уже на 10 верстъ вокругъ ничего не осталось на своемъ мѣстѣ. Вчера въ Бахчисараѣ какой-то адъютантъ остановилъ Николая Челищева. «Господинъ ополченецъ! Мнѣ очень пріятно первому сообщить вамъ радость—ополченіе распускаютъ, я самъ читалъ приказъ изготовить для васъ маршруты». Н. Д. Челищевъ поблагодарилъ его и, ударивъ нагайкой по лошади, помчался во весь опоръ къ намъ, чтобы скорѣе передать радостную новость. Вскорѣ явилось и оффиціальное подтвержденіе—бумага о роспускѣ ополченія. Какая радость Поздравленія, лобзанія... и пьянство.

18. Воскресенье. На лугу за Черной рѣчкой противъ лагеря иностраннаго легіона обязательные Французы устроили скачку для забавы нашихъ офицеровъ. Нѣкоторые изъ нашихъ посѣтителей Французскаго «la ville de Kamich» успѣли надѣлать тамъ столько глупостей, что теперь очень трудно получить билетъ для посѣщенія національнаго лагеря. На берегу Черной рѣчки собралось нашихъ много. Французскій штабъ-офицеръ на лихомъ Арабскомъ конѣ переѣхалъ черезъ мостикъ съ трубачемъ и съ изысканною вѣжливостью объявилъ, что скачка сейчасъ начнется; кто имѣлъ билетъ поѣхалъ съ нимъ, а прочіе размѣстились по скаламъ, чтобы «спросить отъ имени Пелисье, здѣсь ли князь Кочубей и дошло ли до его рукъ письменное приглашеніе на скачку?» Скачка была сперва простая, а потомъ съ препятствіями; участвовали Французы и Англичане, всѣ призы достались Французамъ—побѣдила Арабская лошадь. Князю Кочубею Англичане подарили пару гончихъ и сетера; онъ купилъ еще шесть муловъ и все это отправилъ въ свою Херсонскую деревню Анновку.

19. Если перемиріе не завершится миромъ, то первая схватка послѣ роздыха будетъ, вѣроятно, рѣшительная: всѣмъ намъ такъ надоѣла жизнь въ Крыму, и болѣзни, и смертность, что лучше уже покончить все сразу.—Вчера на вечерѣ у ген. Ушакова было много народу, между прочимъ прапорщикъ Полоцкаго полка ***, который цѣлые дни лазитъ по горамъ и ущельямъ, снимая Крымскіе виды; онъ отсылаетъ ихъ въ «Художественный Листокъ» и за каждый видъ получаетъ по 10 рубл., чѣмъ и содержитъ себя чудесно. Онъ былъ въ Балаклавѣ и à la ville de Kamich, гдѣ тоже рисовалъ, и говоритъ, что принимали его крайне радушно, давали лошадей и всякую помощь, какъ художнику. Рисуетъ онъ прекрасно, между прочимъ сдѣлалъ нѣсколько карикатуръ на нашихъ сослуживцевъ—всѣ похожи чрезвычайно, и всякій схваченъ съ

своей слабой стороны. Не миновала альбома и оригинальная фигура «ополченнаго дѣдушки». Про него разсказываютъ, что онъ никогда не молится, не хочетъ говѣть вмѣстѣ съ дружиной, что его уговариваютъ и отчитываютъ, ибо въ немъ сидитъ бѣсъ, и что однажды начальникъ его для наилучшаго вразумленія швырнулъ въ него сапогомъ, когда дѣдъ отказался идти къ вечернѣ. Изображена сцена такъ: ратникъ на веревкѣ ведетъ капитана въ церковь, тотъ упирается, а маіоръ сзади подгоняетъ его сапогомъ; вдали среди лагеря виднѣется церковь. Подъ картиною надпись: «г. С., чувствуя сильное влеченіе и поощряемый заботливымъ начальствомъ, отправляется въ церковь говѣть».

20. Былъ инспекторскій смотръ, кончившійся въ 1-мъ часу. Два ратника упали во фронтѣ, одинъ лежалъ безъ памяти, другаго рвало; ихъ снесли въ бараки. У меня заболѣла пятка, у Островскаго на ногѣ вередъ, и вотъ мы, начальники на смотру, оба хромые. Я совсѣмъ передрогъ; генералъ просилъ меня надѣть шинель, но ея со мною не было. Дай Богъ, чтобы это прошло мнѣ даромъ: простудиться въ Крыму—все равно, что яду принять.

21. Середа. Мы получили приказъ поспѣшно приготовить все оружіе къ сдачѣ. Намъ предсказываютъ три исхода: копанье Московско-Одесской дороги, возобновленіе Севастополя или обратный путь

22. Четвергъ. Еще ни одно дерево не распускается; въ горахъ все желто, какъ зимою; сегодня утромъ была ужасная мятель, такъ что за два шага барака не было видно. Каково бѣднымъ часовымъ! Коммиссіонеръ, который отпускаетъ для насъ сухари, былъ вчера на Мекензіевой горѣ и засталъ тамъ множество Французовъ. Почти всѣ солдаты очень молодые ребята; они обнимались и цѣловались съ нашими, плясали, показывали пантомимы, какъ, напримѣръ, Англичанинъ послѣ перваго выстрѣла падаетъ, а Турокъ ползетъ и прячется, Русскій же «bon et toujours «ура», «et les Francais à Malach aussi «ура!»—«да, да на Малаховомъ Французъ «ура», добре, добре»... и общій смѣхъ и цѣлованія. «Mais, maintement faut pas «ура»: à présent Francais-Russes amis camarades»... «Да», кричатъ наши въ отвѣтъ, «Французъ бонъ, Русь бонъ—камрадъ». Французы принесли съ собою рому, а наши водки и потчивали другъ друга. «Александръ ура»!—«Напліонъ ура!»... А одинъ Французикъ, мальчикъ лѣтъ 17-ти, такъ употчивался, что умеръ въ нашемъ лагерѣ. Пришелъ офицеръ съ докторомъ и унесли Француза, а наши кричатъ имъ въ слѣдъ: «Камрадъ нонъ капутъ, камрадъ—спитъ»... Между прочимъ подходитъ ратникъ, расталкиваетъ толпу: «пустите ребята, вотъ я съ ними поговорю» и съ видомъ человѣка, совершенно увѣреннаго въ своемъ дѣлѣ, обращается, подбоченившись, къ одному изъ Французовъ съ бутылкою въ рукахъ: «Кам-

радъ, си сюда, апортъ рому!» Французъ не замедлилъ исполнить требованіе и подалъ бутылку къ великому восторгу зрителей.—«Ай да дружина! Вотъ такъ молодецъ!» Ратникъ выпилъ, отдалъ бутылку и сказалъ: «Камрадъ, кушъ!»—»Oui, coucher, comme les Anglais à Malach», и Французъ легъ на землю. «Ну, теперь, авансъ!», и Французъ поползъ. Крику и восторгамъ не было конца; всѣ изумлялись учености ратника. Кто-то спросилъ его: «скажи, братецъ, гдѣ ты выучился такъ славно по-французски говорить?»—«А у меня, ваше благородіе, старшій братъ въ охотникахъ и собакъ учитъ; вотъ я и вслушался, какъ онъ на охотѣ съ собаками разговариваетъ, а собака по-французски понимаетъ».—«Что же ты еще съ нимъ не поговорилъ?»—«Заврался Французъ, ваше благородіе, началъ чортъ знаетъ что молоть: должно, пьянъ»...

25. Воскресенье. Въ 2 часа пополудни чрезъ нашъ лагерь проѣхали пять Французскихъ офицеровъ верхами; вокругъ нихъ бѣжало столько нашихъ солдатъ, что лошадей было не видно. Они отправились въ Ортъ-Каролесъ обѣдать къ ген. Ушакову. Изъ Балаклавы къ намъ пріѣхали купцы, Греки и Французы, съ винами и разными разностями; они продавали апельсины по 5, а лимоны по 7 коп., и чудесные. Французскіе негоціанты славно обстроились à la ville de Kamich, возвели большіе въ два этажа дома, основали ресторации и магазины и просятъ теперь позволенія остаться тамъ на житье. Лидерсъ довелъ это до свѣдѣнія Государя. Камышевая бухта, недавнее обиталище лягушекъ, имѣетъ теперь 7 тысячъ жителей торгующаго класса, большой театръ, въ которомъ сегодня идетъ опера, а послѣ балъ, гдѣ будутъ играть сто музыкантовъ; есть особая зала для собраній съ паркетнымъ поломъ, множество гостинницъ съ номерами для проѣзжающихъ, съ постелью, съ роскошной меблировкой, столовыя, кондитерскія и магазины.

28. Середа. Десять Французскихъ офицеровъ отправились сегодня въ Бахчисарай; вѣроятно, они читали въ переводѣ Пушкина и надѣются найти тамъ чудеса—бѣдные! Какъ они будутъ разочарованы! Къ намъ пріѣзжали и Сардинскіе офицеры; но это уже далеко не то, что ихъ элегантные союзники. Всѣ они до того пьяны, что едва держатся на тощихъ лошаденкахъ; одинъ изъ нихъ маленькій, голова какъ бочка, рожа ужасная, съ козлиной бородкой. Нашлись сочувствующіе имъ и изъ нашихъ и провожали ихъ, обнявшись.

29. Четвергъ. Удивительная чистота во Французскомъ лагерѣ. Между бараками всюду шоссе; даже къ водопою для лошадей проложено шоссе. Лагерь обсаженъ деревьями, акуратно поливаемыми каждое утро въ 6 часовъ; возлѣ всякой офицерской палатки палисадникъ съ цвѣтами; внутри мягкій диванъ два кресла, каминъ, желѣзная кровать, два столика и рукомойникъ съ мраморными досками—все это казенное.

Затѣмъ кофе, шоколадъ, 1 бутылка вина, ½ бут. абсента или рому, обѣдъ, бѣлье, платье и сапоги: все это казна имъ присылаетъ готовое изъ Франціи на корабляхъ, такъ что жалованье имъ совершенно не на что расходовать, всѣмъ они обезпечены; даже табакъ и сигары отпускаются офицерамъ изъ казны. За то они и дерутся славно. Также чисто, опрятно и беззаботно живутъ и солдаты; услужливые, и вѣжливые, они бѣгаютъ за Русскими посѣтителями ихъ лагеря; вы тамъ не услышите «пожалуйте, ваше благородіе, на водочку», да и желанія не замѣтите, а если предложите сами, вамъ отвѣтятъ грубостью.

Немудрено, что Французскій лагерь ежедневно наполненъ посѣтителями съ нашей стороны. Гостепріимство, любезности, безподобные ликеры въ особенности, просто съ ума сводятъ нашихъ. Старый С. увѣряетъ, что Французскіе офицеры любятъ его до безумія, а 48-ой полкъ иначе не называетъ его, какъ «oncle du régiment»; онъ тамъ и днюетъ и ночуетъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и молодымъ попикомъ Кременчугскаго полка, котораго они всюду таскаютъ съ собой и который, навѣрное, сбѣсится.

1 Апрѣля. Сегодня Пелисье будетъ смотрѣть наши войска, а потомъ обѣдаетъ у Лидерса; обѣдъ будетъ въ палаткахъ, выстроенныхъ на лугу у Черной рѣчки, но не болѣе 50 кувертовъ: не хватаетъ посуды.

Вчера Жиды продали Филимонову часы и очень не дорого; Жидъ получилъ деньги и ушелъ. Вечеромъ приходятъ два Жида—одинъ, продавшій часы, а другой—хозяинъ. Послѣдній проситъ Филимонова показать билетикъ, который былъ привязанъ къ часамъ. «Я его разорвалъ и бросилъ».—«А пижвольте поискать?»—«Ищи». Жиды взяли свѣчку и начали елозить по полу: нашли одну половину, потомъ и другую. Хозяинъ подошолъ къ свѣчкѣ, сложилъ обѣ половинки, прочиталъ и остолбенѣлъ; затѣмъ вцѣпился въ своего товарища, и между ними началась жестокая потасовка. Повалились оба на полъ, дерутся, катаются, визжатъ оба, какъ коты, пыль столбомъ, повалили столъ... Филимоновъ и квартирующій съ нимъ Енькодаровскій перепугались, вскочили на кровать, поджали ноги и прижались въ уголъ, а Жиды все визжатъ и дерутся. Позвали ратниковъ; они взяли одного Жида, а другой держится за него и кричитъ; ихъ каткомъ выкатили на дворъ; ратники взяли палки и стали бить того, который на верху; Жиды перевертываются и только пуще царапаютъ другъ друга; ратники, подталкивая ихъ ногами, спустили подъ гору къ Бельбеку. Когда ратники возвратились, Филимоновъ спрашиваетъ—«что̂ Жиды?»—«Дерутся, ваше благородіе; невидно—ночь темная, а внизу слышно, что кричатъ»... Причина этого неистоваго побоища, какъ оказалось потомъ, заключа-

лась въ томъ, что часы были проданы за полцѣны. Послѣ побоища на полу въ баракѣ нашли нѣсколько Жидовскихъ пуговицъ, воротникъ отъ пальто и обрывки пестраго галстука; осталось еще нѣчто, для устраненія коего пришлось курить мозжевельникомъ. Филимоновъ и Енькодаровскій говорятъ, что отроду не видывали ничего подобнаго.

3. *Вторникъ*. Французскій главнокомандующій Пелисье, 60 лѣтъ, маленькій, толстый, лицо грубое, остриженъ подъ гребенку, неуклюжій и пузатый; верхомъ ѣздить не любитъ: ножки коротки, держаться нечѣмъ, и часто падаетъ; манеры и разговоръ человѣка простаго—d'un homme du peuple. Англійскій—Кодрингтонъ—лордъ и джентелменъ въ полномъ смыслѣ слова; при началѣ Крымской кампаніи онъ былъ только капитаномъ гвардіи; онъ сынъ того Кодрингтона, который командовалъ флотомъ въ Наваринскомъ сраженіи. Командующій Сардинскими войсками графъ Ла-Мармора, молодой и красивый мужчина, въ щегольскомъ, богаторасшитомъ золотомъ мундирѣ и на прекрасномъ Арабскомъ конѣ.

5. *Четвергъ*. Ночью заѣзжалъ ко мнѣ генералъ Острецовъ, возвращаясь изъ Балаклавы. Онъ все хватается руками за голову, вздыхаетъ и говоритъ: «Какъ я жалѣю, что туда ѣздилъ! Лучше бы я ничего не видалъ и не зналъ!.. Какъ мы далеко и во всемъ отъ нихъ отстали!.. И съ этакимъ-то народомъ мы думали продолжать войну!»..

8. Всѣ суетятся и радостно собираются въ походъ; одинъ старый С. сердится, зачѣмъ заключили миръ: ему такъ весело жилось въ послѣдніе дни, а домой не тянетъ. Ему, напр., очень нравится эпитафія: «Ci gît ma femme, Oh! que c'est bien» «Pour son repos et... le mien».

Сегодня пріѣхалъ къ намъ въ лагерь Англичанинъ продавать свою лошадь. Почтенный джентльменъ кромѣ своего языка иного не знаетъ и, повидимому, крайне глупъ: показываетъ что-то пальцами, а сколько проситъ за лошадь гиней—разобрать не возможно. Вышелъ и я, пробовалъ его по французски, потомъ по нѣмецки, съ отчаянія коснулся даже латыни,—дуракъ Англичанинъ крутитъ только головою. Рустицкому очень понравилось сѣдло, но добиться толку было нельзя. Такъ, болванъ, и уѣхалъ въ Балаклаву. Въ толпѣ стоялъ ратникъ. «Я бы съ нимъ поразговорился, да господа тутъ... Я бы его въ ухо, потомъ въ другое—небось заговорилъ бы!»...

10. *Вторникъ*. Ночью выпалъ снѣгъ. Намъ остается только три дня до похода! Въ 10 часовъ ѣду съ своими офицерами проститься съ начальствомъ. Одинъ ратникъ послалъ къ женѣ письмо; на адресѣ была такая приписка: «а ты пиши ко мнѣ въ 73 дружину, на горѣ Бельбекѣ, въ Таврію, въ городъ Цинцырополь и въ Большіе Сараи,—да чтобы рѣчь твоя была понятнѣй». Письмо дошло исправно, и полученъ отвѣтъ!

Докторъ Якубовскій, молодой человѣкъ въ очкахъ, назначенъ сопровождать насъ до Кагула; отъ главнаго госпиталя ему предписано набрать лѣкарствъ, сколько потребуется на всю дорогу (впослѣдствіи ничего не дали, но «распоряженіе было сдѣлано», и они правы)... Когда мы шли на войну, то насъ гнали, какъ стадо барановъ, безъ врача и лѣкарствъ, во время ужаснѣйшей холеры; теперь, когда мы ни на что не нужны, намъ оказываютъ величайшее попеченіе, хотя все это остается въ однихъ только приказахъ, на дѣлѣ-же—ровно ничего.

14. Суббота. Въ 7 часовъ утра на площади противъ моего барака дружина выстроилась въ карре, благочинный отслужилъ молебенъ Казанской Божьей Матери, и мы выступили въ походъ. Идти съ пѣснями было нельзя, потому что сегодня Страстная Суббота. Сухо, и погода хорошая; ратники идутъ бодро, разговоровъ не слыхать, раздается только топотъ шаговъ по просохшей дорогѣ; изрѣдка пронесется мимо Англичанинъ въ красномъ сюртукѣ, нагнувшись на передъ... И опять тишина, степь и дружный топотъ...

Прощай Бельбекъ, свидѣтель моей тоски, уединенныхъ прогулокъ моихъ и вечерней молитвы моей за жену и дѣтей. Прощай, шуми себѣ, какъ знаешь; никто болѣе не возмутитъ игриваго теченія твоего; солдаты не будутъ обижать тебя полосканіемъ своего грязнаго бѣлья, и подрядчикъ-Жидъ перестанетъ бросать окровавленныя внутренности воловъ въ свѣтлыя струи твои; изрѣдка развѣ Татаринъ, проѣзжая въ бродъ, напоитъ усталаго коня, ударитъ его нагайкою и поскачетъ по равнинѣ, затянувъ свою заунывную, безтолковую и безконечную, какъ степная дорога, пѣсню; да на закатѣ солнца выскочитъ изъ сосѣдняго ущелья дикая козочка, оглянется, напьется чистой воды твоей, фыркнетъ и стрѣлой помчится назадъ, къ дѣткамъ своимъ...

4.

Обратный путь съ Бельбека на родину—Господи благослови!

Выступивъ изъ лагеря въ 7 часовъ утра, мы къ 6-ти вечера пришли на рѣку Альму и расположились на берегу ея въ саду; моя квартира была подъ липой, а Челищевыхъ—подъ объѣденной грушей. По ту сторону Альмы стоялъ пѣхотный гренадерскій полкъ, выступившій вчера. Тамъ были порожніе бараки, которые намъ предлагали для ночлега. Но, увы, этимъ «предложеніемъ» никто не могъ воспользоваться: полковой командиръ, его адъютантъ и пропасть народу перемерли въ этихъ, вчера только покинутыхъ, баракахъ отъ тифозной горячки.

Мы развели огоньки и стали дожидаться Свѣтлаго Христова Воскресенья. Ночь была тихая, и свѣтилъ мѣсяцъ. Я сидѣлъ подъ своей липой, глядѣлъ на Альму и думалъ о первой встрѣчѣ нашей здѣсь съ подлецами-союзниками, потомъ взглянулъ на дружину и истинно пожалѣлъ ее: у всѣхъ насъ есть домъ свой, родные; всѣ они теперь собрались вмѣстѣ и вспоминаютъ насъ, а мы – подъ открытымъ небомъ, далеко отъ нихъ, на голой землѣ, у берега Татарской рѣки; нѣтъ намъ ни крова, ни пристанища, ни даже соломки на подстилку...

Проходя сегодня черезъ Бахчисарай, мы съ Чиломъ Михайловичемъ заѣхали въ кондитерскую, купили тамъ облитую разноцвѣтнымъ сахаромъ бабу и окорокъ запеченной ветчины, тоже съ сахарными цвѣточками. Шельма Жустинка содрала съ меня за бабу 6 рублей и за окорокъ 4. Въ полночь раздался пушечный выстрѣлъ, поднялся барабанный бой; вскочили ратники, побѣжали къ рѣкѣ умываться, потомъ начали молиться Богу. Я велѣлъ разослать коверъ, поставилъ что́ было; пришли офицеры; мы похристосовались и разговѣлись; ратники выпили по чаркѣ водки, закусили сухарями и тронулись въ походъ. Немного оставалось до ночлега. Деревня, хотя и Татарская, но принадлежитъ помѣщику—Симферопольскому вице-губернатору Брашко. Мнѣ и офицерамъ квартиры отвели въ помѣщичьемъ домѣ. Что̀ за радость заиграла на всѣхъ лицахъ, когда мы вошли въ комнаты чистыя, сухія, свѣтлыя, съ большими окнами, съ деревяннымъ поломъ, съ диванами и стульями! Все это послѣ грязныхъ и сырыхъ землянокъ показалось намъ сущимъ раемъ. Въ пяти шагахъ отъ окошекъ журчитъ ручеекъ, раздѣляя прекрасный, уже зазеленѣвшій садъ на двѣ половины; тюльпаны и нарцизы въ полномъ цвѣту, множество птичекъ вьютъ гнѣзда, скворецъ трещитъ безъ умолку, берега ручейка выложены плитнякомъ. И въ этомъ-то раю небесномъ намъ дневка! Отдохнемъ же мы здѣсь важно послѣ собачьей жизни въ Крыму. Народъ заговорилъ, всѣ стали веселѣе, пошли шутки, разложили всякую прикуску, что́ у кого было, и въ торжественномъ засѣданіи собрались вокругъ чайнаго стола въ залѣ. Къ ужину явились яичница, сметана, молоко, хорошій хлѣбъ, курица и дикая утка. Всю эту благодать достали мы у дворовыхъ. Надобно было претерпѣть столько лишеній, которыя выпали на нашу долю, чтобы оцѣнить вполнѣ тѣ наслажденія, какія принесъ съ собою этотъ нашъ первый ночлегъ. Мы долго не могли уснуть, и разговорамъ конца не было.

15 Апрѣля. Дворовые съ музыкой и плясками гуляютъ по саду мимо нашихъ оконъ, немилосердно рвутъ цвѣты и разбрасываютъ ихъ по аллеямъ. Это праздничное удовольствіе дармоѣдовъ! А когда пріѣдутъ господа и спросятъ, гдѣ цвѣты, то навѣрное отвѣтятъ, что «ополченіе

проходило, все разорили, господскую птицу перебили» и т. д., а мы за все платимъ въ десятеро.

16. Понедѣльникъ. На второмъ переходѣ отъ Бельбека я оставилъ дружину и отправился въ Николаевъ. Въ Симферополѣ встрѣтился съ двумя профессорами Кіевскаго университета, командированными въ Крымъ, въ непріятельскій лагерь, а затѣмъ и въ Константинополь для изслѣдованія тифа, цинги, лихорадки и т. п. наслѣдія, оставленнаго войною. Мы остановились у своихъ экипажей, послали отыскивать себѣ квартиры, они — на три дня, я — для ночлега. Мой посланный первый нашелъ три комнаты, и я пригласилъ своихъ спутниковъ; но эти комнаты оказались только что оставленными заразными больными; вскорѣ ихъ человѣкъ нашелъ двѣ грязныхъ, но просторныхъ комнаты у Жида. Обязательные профессора уступили мнѣ одну изъ нихъ, а сами расположились въ другой и тотчасъ же засѣли писать; я ходилъ въ гостинницу ужинать, вернулся въ 11, а они все пишутъ. Я простился съ ними, намѣреваясь выѣхать рано утромъ; участвовать въ платежѣ за квартиру мнѣ не позволили, а утромъ старый слуга ихъ, по приказанію господъ, приготовилъ мнѣ стаканъ кофе и также на отрѣзъ отказазался принять отъ меня рубль.

18 Среда. Перекопъ. Глупый городъ, глупая гостиница и состязаніе съ станціоннымъ смотрителемъ; моя побѣда и освобожденіе шести прапоровъ, ожидавшихъ лошадей двое сутокъ. На слѣдующей станціи драгунскіе офицеры провожали своего корпуснаго командира ген. Врангеля. Ихъ было 40 человѣкъ, всѣ верхами; въ серединѣ карета шестеркой; крыльцо усыпано тюльпанами, и въ комнатѣ на столѣ цѣлая батарея Шампанскаго. Здѣсь же я имѣлъ пріятную встрѣчу съ генералъ-адъютантомъ графомъ Ржевускимъ, котораго не видалъ болѣе 20 лѣтъ. Онъ познакомилъ меня съ ген. Врангелемъ, мы выпили Шампанскаго и разъѣхались въ разныя стороны.

20. Пятница. По утру на станціи догналъ меня докторъ ст. сов. Б.; онъ ѣхалъ на перекладной; я его пригласилъ въ свой тарантасъ, а въ г. Алешкахъ онъ попросилъ меня обождать два часа, пока онъ освидѣтельствуетъ цинготный госпиталь. Въ Алешкахъ докторъ завезъ меня къ коменданту полковнику гр. Л. Комендантъ принялъ доктора съ необычайными изъявленіями радости; угощеніе, начавшееся пасхою, приняло вскорѣ Гомерическіе размѣры, такъ что докторъ отправился инспектировать госпиталь, имѣя голову нѣсколько склоненною на одинъ бокъ. Во всемъ этомъ очень наивно проглядывала зависимость коменданта отъ доктора въ данномъ вопросѣ, и послѣдній, возвратясь съ ревизіи, благодарилъ всѣхъ за исправность и обрушился

лишь на одного доктора, ударившаго когда-то фельдшера склянкой по головѣ. На берегу Днѣпра у перевоза мы разстались.

4 Мая. Николаевъ. Здѣсь я между прочимъ познакомился съ морякомъ Владиміромъ Бутаковымъ и адъютантомъ Корнилова. Заношу въ свой дневникъ два слѣдующіе любопытные разсказа ихъ.

В. Бутаковъ—братъ флигель-адъютанта и начальника штаба Черноморскаго флота, обезсмертившаго себя командованіемъ пароходомъ «Владиміръ» въ Черномъ морѣ въ бою съ Турецкимъ пароходомъ «Первасъ-Бахри». Пальба съ обоихъ пароходовъ была столь ужасна, что на мѣстѣ сраженія ничего, кромѣ сплошнаго дыма различить было невозможно. Черезъ часъ дымъ началъ по немногу разноситься вѣтромъ, и въ облакахъ его показался нашъ «Владиміръ», весь израненный, безъ трубы и на боку; онъ плылъ къ берегу и тащилъ за собою «Первасъ-Бахри». По морскому праву завоеванный призъ принадлежитъ завоевателю. «Первасъ» продали, вырученную сумму распредѣлили между офицерами и матросами, и на долю Бутакова досталось 40 тысячъ. Когда Бутковъ былъ посланъ для переговоровъ по какому-то дѣлу къ Французамъ, то зашла рѣчь и объ этомъ сраженіи. «Вы оплакиваете теперь, говорили ему Французы, славную смерть вашего Буткова, Русскій флотъ лишился храбрѣйшаго изъ своихъ капитановъ».—«Увѣряю васъ, что это неправда: Бутаковъ живъ».—«Что̀ вы говорите? Всѣ видѣли, какъ на палубѣ онъ погибъ славною смертью». Тогда Бутаковъ сказалъ имъ, что командиръ Владиміра стоитъ предъ ними. Общій конфузъ.—Адъютантъ Корнилова былъ посланъ на Кавказъ съ депешами, купилъ тамъ шашку и, возвратившись, показывалъ ее Корнилову. «Что̀ вы заплатили за нее?»—«30 рублей»—«Очень дешево, клинокъ чудесный».—«А потому эта шашка досталась мнѣ дешево, что ее никто покупать не хотѣлъ».—«Отчего?»—«Про эту шашку идетъ нехорошая слава: говорятъ, что кто ее надѣнетъ въ сраженіи, тотъ непремѣнно будетъ убитъ; я этому не вѣрю и купилъ шашку». Пароходъ «Владиміръ» отправлялся въ море, и адъютантъ попросился участвовать въ экспедиціи. Первымъ картечнымъ выстрѣломъ съ Турецкаго парохода носитель роковой шашки былъ убитъ. Корниловъ очень жалѣлъ своего адъютанта и велѣлъ доставить себѣ его шашку. Всѣ окружавшіе упрашивали Корнилова не брать несчастную шашку, но онъ сказалъ: «вѣроятно, никто изъ васъ не вѣритъ, чтобы шашка могла притягивать смерть, и я этому не вѣрю», надѣлъ шашку на себя, а въ первомъ послѣдовавшемъ за тѣмъ сраженіи ядро оторвало ему ногу, ту самую, у которой висѣла шашка, и ее перебило по поламъ. Оба кусочка переломленнаго чудеснаго клинка хранятся теперь у вдовы Корнилова.

10 Четвергъ. Въ 4 часа послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Николаева догонять дружину и въ сопровожденіи полковника Греве прибылъ въ Херсонъ. Тамъ въ прекрасной гостиницѣ Куруты мы ужинали; въ 12 часовъ зала наполнилась множествомъ офицеровъ, собравшихся поужинать послѣ театра. Завязался неизбѣжный споръ объ игрѣ актрисы Гусевой... Мы послушали и пошли спать; потому что уже одинъ отчаяннаго вида гусаръ сказалъ другому—«я тебя уничтожу, какъ эту пробку» и далъ ей очень внушительный щелчокъ. Выѣзжая изъ гостиницы по утру, вдругъ слышу за собою голосъ «Бельбекъ, Обнинскій!» Оглянулся—стоитъ на крыльцѣ съ распростертыми объятіями генералъ Ушаковъ. Я очень ему обрадовался, и мы вспомнили нашу адскую жизнь на Бельбекѣ; онъ ѣдетъ въ Варшаву къ дочерямъ своимъ, которыя воспитываются тамъ въ институтѣ.

12. Суббота. Мелитополь. Здѣсь я явился къ начальнику Калужскаго ополченія, генералъ-адъютанту Бетанкуру, пообѣдалъ въ гостиницѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ Челищевымъ, который при немъ опять адъютантомъ, и къ вечеру нагналъ дружину въ Ногайской деревенькѣ Акерманъ. Хозяинъ мой, богатый Ногаецъ съ серебряною медалью на шеѣ, вошелъ въ комнату, положилъ обѣ руки на животъ и сказалъ: «поздравляю, бачка, съ пріѣздъ—ваша нога для насъ счастіе», постоялъ немного и ушелъ.

13. Воскресенье. Тигерweйде, Прусская колонія. Это—рай земной, устроенный Нѣмцами въ 30 лѣтъ среди Ногайской пустыни; тѣнистыя аллеи, веселыя рощи, бульвары, цвѣтники; все это прелестно воздѣлано и содержится въ щегольской чистотѣ. На походѣ мы прошли одну подобную же Нѣмецкую колонію; вышелъ Нѣмецъ и запросилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ позавтракать; большой домъ, всѣ строенія каменныя, крыты черепицей, все выкрашено, вылакировано, чистота всюду баснословная; но, когда я изъ залы увидалъ цѣлое поле тюльпановъ, то ахнулъ отъ удивленія; хозяйка тотчасъ же взяла сама лопату, выкопала нѣсколько тюльпановъ съ луковицами, и я ихъ везу съ собою. Кромѣ лѣсовъ, трудолюбивый Нѣмецъ развелъ здѣсь и шелковичныя деревья; мой хозяинъ выдѣлываетъ ежегодно по 14 пудовъ шелку. Вечеромъ три хозяйскія дочери надѣли соломенныя шляпы съ лентами и отправились доить коровъ. Потомъ вся семья чинно усѣлась въ сѣняхъ вокругъ большаго стола; подали кофе пополамъ съ рожью и отварной картофель съ масломъ: это ихъ обычный ужинъ. Здѣсь намъ дневка.

14. Сегодня мой хозяинъ запрягъ четверку прелестныхъ, рослыхъ лошадей съ форейторомъ въ плугъ и послалъ своихъ сыновей пахать. Мальчики взяли съ собою хлѣба и сыра и отправились въ нанковыхъ сюртучкахъ въ поле на цѣлый день. Скотъ, свиньи въ особенно-

сти, здѣсь чудесный; женскій же полъ крайне некрасивъ: первыя содержатся въ заперти, а послѣднія ходятъ на волѣ, а слѣдовало бы на оборотъ. Слѣдующимъ приваломъ была деревня Черниговскіе Хутора. Здѣсь Хохлы, живутъ на мѣстѣ сто лѣтъ; но какая разница! Вездѣ голо, грязно, ни одного деревца; глупый Хохолъ, мой хозяинъ, сидитъ на лавкѣ олицетвореніемъ безпробудной лѣни. Ногайскія деревни уже начали подражать Нѣмцамъ, но Хохолъ и усомъ не ведетъ.

18. Среда. Новая Григорьевка—деревня, растянутая на пятиверстномъ пространствѣ, двѣ церкви; населеніе Хохлы; живутъ бѣдно. Здѣсь намъ назначенъ карантинъ на сорокъ дней, приказано принять «мѣры очищенія», ратниковъ размѣстить попросторнѣе, провѣтривать воздухомъ и очищать водою. Это дешево, полезно и, сверхъ того, кстати: объ лекарствахъ не упомянуто ни слова, въ дружинѣ нѣтъ даже слабительнаго; добрый докторъ нашъ Якубовскій не знаетъ, что и дѣлать; на бѣду и самъ заболѣлъ лихорадкой. Моя квартира чистенькая, но полъ глиняный, отчего ногамъ всегда холодно.

18. Пятница. Трое ратниковъ крѣпко захворали, лечить ихъ нечѣмъ и отправить въ больницу некуда! Навѣрное, умрутъ. Къ Рустицкому вторично вернулась лихорадка; Еньколаровскій тяжко боленъ; упрямый Хохолъ—пока докторъ былъ при дружинѣ, онъ все съ нимъ ссорился и лечиться не хотѣлъ, а теперь Васильевъ говоритъ, что «Хохлу травы не топтать».

19. Суббота. Въ дружинѣ Загоскина, который стоитъ отъ насъ въ 12 верстахъ, застрѣлился молодой докторъ. Онъ кончилъ университетъ съ двумя золотыми медалями и искалъ работы пообширнѣе той, какая была ему поручена, роптал и жаловался; за пять дней до смерти онъ еще разъ попробовалъ упросить начальство, но получилъ въ отвѣтъ обычное назиданіе— «оставайтесь при дружинѣ, исполните сперва это порученіе, а тамъ посмотримъ»... Бѣдняга заплакалъ и черезъ пять дней застрѣлился.

24. Въ деревнѣ ярмарка. Главный и самый лакомый для обывателей товаръ—соленая рыба, издающая страшное зловоніе. Рахмановъ ѣздилъ въ г. Орѣховъ за 42 версты, чтобы запастись хотя кое-какой провизіей; я просилъ его купить мнѣ бѣлаго хлѣба, но и тамъ ничего нѣтъ. Туда же третьяго дня я отправилъ 6 человѣкъ больныхъ; ибо при дружинѣ уже нѣтъ ни лекаря, ни лекарствъ, и ратники предоставлены волѣ Божіей. Въ Орѣховѣ не оказалось даже и больницы, и несчастныхъ ратниковъ повезли дальше въ г. Александровъ, это будетъ верстъ 80, по жарѣ, на подводахъ, безъ малѣйшей помощи; половина ихъ дорогой перемретъ; двоихъ еще здѣсь причащали. Насъ остановили здѣсь для поправленія здоровья; удобнѣе мѣста съ этою

цѣлью и избрать невозможно: на 80 верстъ кругомъ нѣтъ ни врача, ни аптеки. Вмѣсто «поправленія здоровья» здѣсь переморятъ и остальныхъ, дабы по возвращеніи на родину некому было и расказать, гдѣ были.

26. Суббота. Утромъ прошолъ дождикъ. Не будетъ ли воздухъ здоровѣе, а то лихорадки съ каждымъ днемъ увеличиваются. Вчера вечеромъ Енькодаровскій совсѣмъ собрался умирать: написалъ мнѣ письмо, до того несвязное, до того видимо слабѣющей рукой, что я крайне встревожился. Человѣкъ онъ хорошій и офицеръ усердный: проситъ поскорѣе принять отъ него казенныя деньги. Офицеры исполнили это дѣло, къ полуночи возвратилась; все въ цѣлости и порядкѣ.

27. Воскресенье. Енько еще живъ. Онъ до того преданъ служебному долгу своему, что и въ бреду то и дѣло твердитъ: «на 10 человѣкъ крупъ... по $^1/_4$ гарнца... Выходитъ 2 гарнца и $^1/_{30}$... Запиши 5 рубл.» и т. п. Сегодня, исполняя высочайшее повеленіе, я опрашивалъ ратниковъ, не пожелаетъ ли кто остаться на службѣ на 25 лѣтъ?.. Но желающихъ не оказалось, да и врядъ ли изъ всѣхъ 300 тысячъ ополченія выищутся хотя бы трое такихъ желателей.

3 Іюня. Воскресенье. Въ Григорьевкѣ есть рѣчка и колодцы, и вода хорошая; но все это запущено и загажено, колодцы ничѣмъ не обложены: Хохлы лѣнивы и безпечны, а по отношенію къ водѣ—хуже Татаръ. Послѣднимъ надо отдать справедливость: никто не умѣетъ пользоваться этимъ даромъ Божіимъ, такъ какъ это дѣлаетъ Магометанинъ. Въ пустынѣ, безъ всякаго жилья на пространствѣ 50 версъ кругомъ, стоитъ колодезь; онъ тщательно обложенъ дикимъ, гладко обтесаннымъ камнемъ, сверху карнизъ, вдѣланъ кранъ, подъ нимъ такое же гладко выточенное корытце; вода бѣжитъ день и ночь, чистая какъ кристалъ. Сооруженіе чтится, какъ святыня. Заведи такой колодезь у насъ—и съ перваго же дня вывернули бы кранъ, или украли корытце. Объ орошеніи и говорить нечего: каждое деревцо своего сада Татаринъ окапываетъ канавкою, соединяетъ ее съ другою, выкладываетъ плитнякомъ и изъ ближайшаго горнаго ручейка проводитъ воду. Агрономія и скотоводство въ Нѣмецкихъ колоніяхъ достигли высокой степени, но въ дѣлѣ садоводства пальма первенства принадлежитъ пока Татарамъ.

8. Пятница. Я ѣздилъ въ степь. Ничто не сравнится съ прелестью степнаго пейзажа въ тихій Іюньскій вечеръ. Просторъ и тишина кругомъ; на 5 верстъ слышенъ голосъ человѣка, а птицъ, куликовъ, большихъ и маленькихъ, сѣрыхъ и пестрыхъ — цѣлыя стада. По утру, на зарѣ, говорятъ, еще лучше. Это удовольствіе мы испытаемъ въ походѣ, надо только пораньше выступать. Изъ Бельбека вышли мы 14 Апрѣля, а теперь уже половина лѣта!.. Сорокъ дней у насъ оттягали даромъ этой стоянкой ради мнимаго оздоровленія дружины.

9. Суббота. Вечеромъ у насъ устроилась скачка. Выѣхали въ степь на пяти лошадяхъ: Д. М. Челищевъ купилъ четыре—двѣ Донскихъ, одну Татарскую и одну Ногайскую; участвовала въ скачкѣ и моя Альма; я былъ зрителемъ и судьею. Скоро конецъ нашей стоянкѣ— и слава Богу! Здѣсь царство тифа, лихорадокъ, цинги, засухи и сусликовъ, которые въ истребленіи молодыхъ посѣвовъ конкурируютъ съ саранчею. Сусликъ пропадаетъ только въ дождливое лѣто, а оно бываетъ здѣсь въ 25 лѣтъ разъ. Правительство роздало по селеніямъ машинки для добыванія сусликовъ изъ норъ, и сельская расправа выдаетъ обывателямъ квитанціи; помѣщики управляются съ сусликами, какъ кто умѣетъ.

15. Д. Богань. Отсюда и до городка Орѣхова на протяженіи 35 верстъ тянется одна сплошная деревня, или, лучше сказать, множество соединенныхъ селъ, различаемыхъ только по церквамъ, да по названіямъ; посерединѣ течетъ въ оврагѣ ручей, отдѣляющій Таврическую губернію отъ Екатеринославской. Церкви старыя, деревянныя и бѣдныя, но попы живутъ богато. Сегодня прибылъ въ дружину докторъ Якубовскій, но это тѣнь прежняго Якубовскаго: до того измѣнила его Крымская лихорадка. Онъ говорилъ мнѣ, что на прошлой недѣлѣ, когда былъ кризисъ его болѣзни, онъ до того измучился, что хотѣлъ зарѣзаться; но докторъ, лѣчившій его, не отходилъ отъ него ни на минуту, даже ночью, и тѣмъ предотвратилъ исполненіе задуманнаго.

17. Воскресенье. Г. Орѣховъ. Вчера мы выступили вечеркомъ и, сдѣлавъ 17 верстъ, ночевали на лугу; ночь была прекрасная, лугъ косили, и атмосфера была пропитана запахомъ свѣжаго сѣна; мы развели огни, разогрѣли борщъ, дикую утку, а косцы-колонисты потчивали насъ молокомъ и сыромъ. Г. Орѣховъ скорѣе похожъ на деревню, чѣмъ на городъ, въ немъ одна церковь, за то винная коммерція процвѣтаетъ: какой-то Курскій купецъ, узнавъ, что изъ Крыма идетъ войско тысячъ въ 80, и вся эта сила прослѣдуетъ черезъ Орѣховъ, закупилъ въ Харьковѣ вина, пріѣхалъ сюда и торгуетъ на славу.

19. Вторникъ. Д. Алѣева, помѣщикъ тоже Алѣевъ, молодой и очень любезный человѣкъ, явился къ намъ, пригласилъ къ себѣ и за ужиномъ разсказалъ замѣчательный трагическій случай въ сосѣднемъ имѣніи помѣщика Бобича, брата его жены. Г. Бобичъ имѣлъ у себя обезьяну; однажды бабы обмазывали домъ его бѣлой глиной, какъ это водится въ Малороссіи передъ праздниками; онѣ принесли съ собою грудныхъ дѣтей, которыхъ между дѣломъ и кормили грудью. Обезьяна все это присматривала; одна изъ бабъ ради потѣхи мазнула обезьяну щеткой по мордѣ; обезьяна, обтеревъ лапками свою морду, схватила одного изъ спеленутыхъ ребятишекъ, взобралась съ нимъ на балконъ,

съ балкона на крышку и начала катать по ней спеленутаго малютку, какъ колоду; заберется съ нимъ на самый верхъ крыши, выпуститъ и, когда онъ, какъ колодочка подкатится къ навѣсу, въ два прыжка подхватитъ его и опять наверхъ; къ ужасу оторопѣвшихъ бабъ она успѣла продѣлать это нѣсколько разъ, пока сбѣжавшійся народъ не подставилъ лѣстницу; взобрались на крышу съ палкой, но обезьяна, схвативъ ребенка, спряталась съ нимъ за трубу, прогрызла темя, выцарапала мозгъ и бросила... Обезьяну застрѣлили; помѣщикъ былъ отданъ подъ судъ и дорого *поплатился*, чтобы выкарабкаться изъ бѣды.

24. Воскресенье. Д. Елисаветовка. При переходѣ жара была невыносимая. Мой сегодняшній хозяинъ, очень зажиточный Хохолъ, не знаетъ фамиліи своего помѣщика, живущаго въ 30 верстахъ отсюда, какъ называется деревня, въ которой живетъ 52 года безвыѣздно—«не то Елисаветовка, не то Татарка, не то Надежевка... Та швидше буде, що Надежевка», не знаетъ, какъ называется и рѣчка, протекающая у его огорода... Въ la ville de Kamich никто бы не повѣрилъ, что можетъ существовать человѣкъ, осѣдлый и достаточный, обладатель нѣсколькихъ сотъ овецъ и цѣлаго четверика карбованцевъ, и при всемъ этомъ не знающій мѣста своего жительства.

29. Пятница. Сегодня въ д. Перещепиной мы съ 15 офицерами и докторомъ отпраздновали день Петрушиныхъ имянинъ. Хозяинъ мой, старый высокій Хохолъ съ бѣлою бородой и пріятнымъ лицомъ, имѣетъ семью въ 20 душъ и 5 борзыхъ собакъ, за одну изъ которыхъ заплатилъ будто бы 50 цѣлковыхъ, большой враль и хвастунъ; увѣряетъ, что въ молодости перепрыгивалъ черезъ лошадь. Я ему подарилъ бутылку мадеры за здоровье имянинника. Онъ ее поднялъ высоко и сказалъ:

— «Давай Богъ, щобъ вашъ сынъ выросъ отъ-такой большой, и разумній бувъ якъ графъ Киселевъ.» —«Почему же, какъ Киселевъ?»— «А я съ нимъ разговаривалъ»... «Гдѣ?—«Я ходилъ головою четыре года».—«Какъ же ты не задохся, четыре года ходивши вверхъ ногами?» Хохолъ немного помолчалъ и сказалъ: «Бачь, куда стрѣляе! Я бувъ волостнымъ головою, а не тое щобъ вверхъ ногами ходивъ, що я дурень, абожъ комедіянъ!» Онъ имѣетъ почетный кафтанъ съ галунами и медаль земледѣльческой выставки за барана.

8 Іюля. Разумная, Бѣлгородскаго уѣзда, имѣніе сестры Аполины *). Здѣсь свидѣлся я съ женой и дѣтьми, выѣхавшими ко мнѣ на встрѣчу. Послѣ годовой разлуки Богъ позволилъ мнѣ увидѣть ихъ здоровыми.

---

*) Аполина Антоновна, мать Владимира Иполитовича Дорогобужинова, достойнѣйшаго, высокопросвѣщеннаго человѣка, служившаго долго Костромскимъ грбернаторомъ (онъ скончался въ Харьковѣ, въ Маѣ 1889 г.). П. Б.

20. Августа. Д. Михѣево. Бабокъ и мужичковъ уже много при дружинѣ: пріѣхали встрѣчать своихъ! Въ с. Семейкинѣ, имѣніи покойника Рахманова, вдова его угощала роту, которою онъ командовалъ.

21. Малый Ярославецъ. Женщины и ребятишки изъ мѣстныхъ мѣщанъ встрѣтили дружину въ д. Нѣмцовой. Вслѣдъ за этимъ авангардомъ показались шляпы и шляпки, а вскорѣ толпа такъ увеличилась, что ни меня, ни уцѣлѣвшихъ остатковъ дружины моей вовсе не было видно *). Шествіе уподоблялось крестному ходу; ратники, вытѣсненные изъ рядовъ, шли объ руку съ своими женами, прикусывая принесенныя ватрушки; часто раздавались и крики «батюшка, родимой мой, на что ты меня покинулъ» (все это, впрочемъ, въ порядкѣ вещей). Наконецъ показались иконы, городничій и голова съ хлѣбомъ-солью, началось молебствіе; я, офицеры, моя лошадь буквально были засыпаны цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ и букетовъ; рукопожатіямъ и поздравленіямъ не было конца. Я былъ глубоко тронутъ, ибо знаю, что радость добрыхъ людей не была притворною: все поднялось за городъ само собою, все дѣлалось и говорилось отъ души. До 27-го ратники мои пропьянствовали въ М. Ярославцѣ, а мы приготовляли дѣла и вещи къ сдачѣ. 27-го, собравъ Малоярославецкую дружину на площади противъ монумента, я простился съ ратниками, роздалъ имъ экономическія деньги и билеты и передалъ ихъ на руки исправнику.

28-го Августа мы съ Ниломъ Михайловичемъ (прочіе офицеры уже разъѣхались по домамъ) проводили Боровскую дружину до Боровска. У монастыря архимандритъ Никодимъ со всѣми своими старцами встрѣтилъ насъ, отслужилъ молебенъ и благословилъ.

Въ Боровскѣ городничій съ квартальнымъ ожидали насъ у заставы. За ними протопопъ съ молебствіемъ и проповѣдью, а послѣ того угощеніе на площади для ратниковъ—столы, покрытые калачами и нарѣзанною говядиной. «Пожалуйте-съ, прикажите ратникамъ закусить-съ, городъ жертвуетъ-съ». Ѳ. С. Щукинъ (предводитель дворянства) угостилъ насъ обѣдомъ. Послѣ обѣда въ 4 часа мы отправились съ крестнымъ ходомъ проводить дружинную икону до Пафнутьева монастыря. На половинѣ дороги встрѣтилъ насъ почтеннѣйшій архимандритъ Геннадій со всею монашествующею братіею. Ратники, прощаясь съ святою Покровительницею своею, плакали; прослезились и всѣ присутствовавшіе... Аминь!

Авторъ Записокъ, Наркизъ Антоновичъ Обнинскій, скончался 16 Декабря 1863 года, въ своемъ имѣніи, селѣ Бѣлкинѣ, Боровскаго уѣзда, 72 лѣтъ отъ роду.

---

*) За время похода выбыло изъ строя жертвами тифа, холеры и др. болѣзней 400 ратниковъ и 2 офицера.

ВОСПОМИНАНІЕ О БОМБАРДИРОВАНІИ ОДЕССЫ ВЪ 1854 году.

Княжны Варвары Николаевны Репниной.

Въ Страстную Пятницу 1854 года я отправилась въ Одесскую Лицейскую церковь для исповѣди. По окончаніи ея, духовникъ мой протоіерей Павловскій сказалъ мнѣ, что вѣроятно завтра Одесса будетъ подъ ядрами Англо-Французскихъ флотовъ, которые выставились передъ городомъ. Я поѣхала къ графу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, которому поручено было охранять Одессу, но не застала его дома (онъ былъ на хуторѣ Ланжерона). Между тѣмъ протоіерей Павловскій устроилъ для себя съ дочерью, для генеральши Попандопуло съ ея семействомъ и для насъ (матери моей, Глафиры и для меня) убѣжище въ Пріютѣ на Молдаванкѣ: мѣсто удаленное отъ моря, куда не могли долетать бомбы.

Нашъ домъ въ Одессѣ былъ на Садовой, дальше отъ моря, чѣмъ домъ Попандопуловыхъ; поэтому Павловскіе и Попандопуловы на ночь всѣ переѣхали къ намъ. На другое утро рано, т. е. въ Субботу, такъ какъ въ домовой нашей церкви обѣдня случилась поздно, то мы съ Глафирой отправились въ соборъ, гдѣ служилъ самъ преосвященный Инокентій. Во всѣхъ углахъ собора стояли аналои, и священники исповѣдывали: всѣ готовились къ смерти. Я стала напротивъ преосвященнаго. Загудѣлъ первый ударъ, затрещало въ куполѣ; у преосвященнаго на бородѣ ни одинъ волосъ не дрогнулъ: онъ продолжалъ служеніе медленно, благоговѣйно.

Мысль, что мать моя, услышавъ громъ пушекъ, будетъ безпокоиться за насъ, заставила меня предложить Глафирѣ вернуться домой и причащаться у насъ въ домовой церкви. Мы протѣснились черезъ толпу, которая въ смущеніи выбиралась изъ собора, и встрѣтили княжну Гагарину въ слезахъ. На вопросъ мой, куда она идетъ, она отвѣчала, что слѣдуетъ за матерью, которая побѣжала къ другимъ своимъ дѣтямъ, находившимся у знакомой ихъ, на самомъ берегу моря.

Возвратясь домой, я послала къ отцу Дієвскому (священнику гимназіи, который всегда въ нашей церкви отправлялъ божественную

службу) просить его, чтобъ онъ поспѣшилъ къ намъ. Онъ явился очень скоро. Началась обѣдня, и мы съ Глафирой причастились при пушечной пальбѣ.

Попандопуловы и Павловскіе отправились на Молдованку. Мать моя и я рѣшились было остаться на мѣстѣ въ нашемъ домѣ, но ядра продолжали сыпаться. Одно попало къ намъ на чердакъ, надъ маленькой комнатой возлѣ церкви, гдѣ была ризница. Съ потолка ея обрушилась щекатурка. Люди наши пошли на чердакъ и нашли ядро, которое въѣлось въ балку; они его лопатой выбросили черезъ слуховое окно на дворъ. Я пошла посмотрѣть на этотъ гостинецъ, посланный намъ непріятелемъ, и плюнула на него; слюна закипѣла. Я его пихнула ногой, оно покатилось дальше. Когда потомъ графъ Сакенъ узналъ объ этомъ, онъ ужаснулся и прислалъ артилериста освидѣтельствовать ядро. Къ счастію, оно было только раскалено, а не начинено; въ послѣднемъ случаѣ оно могло-бы отъ моего пинка разорваться, и тогда я была-бы или убита или изувѣчена, чт́о и случилось съ однимъ бѣднымъ солдатомъ, который на бульварѣ, поднявъ ядро, уронилъ его: оно разорвалось, и у него отняло обѣ ноги!

Глафира замѣтила мнѣ, что я не должна поддерживать мать мою въ ея рѣшеніи оставаться въ нашемъ домѣ. «Другое ядро можетъ къ намъ попасть, говорила она; какъ можете вы предвидѣть чт̀о случится? А если мать ваша погибнетъ, какой отчетъ дадите вы вашему брату и вашей сестрѣ, что вы не оберегли ея?»

Эти слова меня убѣдили, и я уговорила мать мою воспользоваться убѣжищемъ, которое приготовилъ намъ протоіерей Павловскій. Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы я предварительно поѣхала на Молдаванку и узнала отъ смотрительницы Пріюта, можно ли будетъ матери моей имѣть особую комнату (она была нездорова). Я поѣхала, а незадолго передъ этимъ, надъ нашимъ садикомъ пролетѣла бомба, какъ черная птица, и дорогою я увидѣла лежавшую бомбу. Смотрительница Пріюта сказала мнѣ, что она можетъ уступить матери моей гостинную, гдѣ она будетъ одна; развѣ (прибавила она) потребуетъ ее генералъ Ш. (попечитель Пріюта), на что я отвѣчала, что ни за что я не соглашусь пустить генерала Ш. въ комнату, отданную моей матери, развѣ только онъ пройдетъ черезъ мой трупъ.

Возвратясь домой, я перевезла мать въ Пріютъ. Въ коридорѣ я встрѣтила протоіерея Павловскаго, отъ котораго получила строгую нахлобучку, что, вмѣсто благодарности къ смотрительницѣ Пріюта, я оскорбила ее, и такое-же замѣчаніе сдѣлала мнѣ М. М. Попандопуло, съ которой я была очень дружна. Я передала имъ мой разговоръ съ смотрительницей и, увидя ее въ концѣ коридора, подбѣжала къ ней и

разъяснила ей, что я была вправѣ назвать себя трупомъ. Мнѣ вполнѣ удалось съ нею помириться, доказавъ ей, что я не имѣла намѣренія ее оскорбить.

Итакъ, мать моя съ своей вѣрной Мареой, ея горничной, помѣстилась въ гостинной. Не знаю, гдѣ поселился протоіерей Павловскій. Генеральша Попандопуло также получила особую комнату вмѣстѣ со своей больной племянницей, а мы прочія въ столовой, кто на столахъ, кто подъ столомъ, какъ и на чемъ пришлось. Полъ асфальтовый, воспитанницы въ темныхъ платьяхъ, впечатлѣніе мрачное, истая казенщина! Въ рекреаціонной залѣ, въ концѣ которой находилась большая образная (церкви не было), протоіерей Павловскій отслужилъ намъ заутреню. На другой день, въ Воскресеніе Христово, мы встрѣтили праздникъ праздниковъ грустно, и въ теченіе дня узнали, что наканунѣ послѣ заутрени во всѣхъ церквахъ читано приказаніе графа Остенъ-Сакена, чтобы всѣ мущины, какого-бы званія ни были, направились на Пересыпь, дабы, въ теченіе ночи, устроить батарею на отлогомъ берегу моря, на случай, если бы непріятель вздумалъ совершить высадку.

Англичане чтятъ строго день Воскресенія. Они остались недвижимы, а Французы, снарядивъ канонирскую шлюпку, подъѣхали къ Пересыпи, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ, и несчастные потонули. О, какой ужасъ война!

Не помню, въ самое ли Воскресеніе или на другой день, мы отправились съ М. М. Попандопуло въ городъ, въ надеждѣ узнать что-либо отъ графа Остенъ-Сакена. На бульварѣ мы оглядывались на всѣ стороны, не увидимъ ли мы кого-нибудь изъ знакомыхъ, и остановились за памятникомъ герцога Ришилье на первой ступени лѣстницы, которая спускается до моря. Видимъ по ней всходитъ генералъ Граве съ женой. Мы спросили его совѣта, оставаться ли намъ въ Одессѣ или уѣхать, на что онъ отвѣчалъ намъ: если у васъ дѣти, то лучше вамъ удалиться; а мы обѣ, зрѣлыя дѣвы, улыбаясь, сказали ему, что у насъ хуже чѣмъ дѣти: матери, которымъ мы повинуемся и о которыхъ мы должны имѣть попеченіе. Тогда онъ, указывая намъ на графа Остенъ-Сакена, подымавшагося къ другому концу бульвара, сказалъ намъ: «Самое лучшее что̀ вы можете сдѣлать, это обратитесь къ Сакену». Мы поспѣшили на конецъ бульвара и пришли въ то самое время, какъ графъ Сакенъ садился въ коляску. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и спросилъ меня: «Что̀ вы тутъ дѣлаете?» Я отвѣчала ему: «Мы хотимъ знать, будутъ ли еще бомбардировать Одессу?» Тогда онъ, указавъ рукой на непріятельскій флотъ, сказалъ мнѣ: «Спросите у

Дундаса!» и еще прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ выѣхать изъ Одессы; я уже нѣсколько дней какъ отправилъ свою жену».

Съ этимъ совѣтомъ вернулись мы на Молдаванку къ своимъ матерямъ. Въ этотъ ли, или на другой день я отправилась въ нашъ домъ и пригласила о. Діевскаго перенести всѣ принадлежности церкви въ просторный подвалъ подъ домомъ. Все это онъ исполнилъ; остался одинъ иконостасъ. Опасались грабежа. Помню я, когда упразднилась церковь, то горничная моя заплакала. Чтобы спуститься въ подвалъ, нужно было поднять тяжелую окованную желѣзомъ дверь. Поваръ нашъ помогалъ выносить церковныя принадлежности, къ которымъ міряининъ можетъ прикасаться. Святыню же несъ самъ отецъ Діевскій. Я стояла на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ подвалъ; поваръ въ торопяхъ задѣлъ дверь, которая упала мнѣ на голову и такъ мнѣ ее пригнула, что я подумала, что шея у меня переломлена; однако все окончилось сломаннымъ гребнемъ, державшимъ мою косу, и небольшой царапинкой.

Въ пасхальный Понедѣльникъ, Глафира и нашъ старый другъ Маром Андреевна Коноплина (которая съ 19 лѣтъ до старости и смерти жила у насъ) отправились къ обѣднѣ въ какую-то церковь на Молдаванкѣ и, возвратясь, съ изумленіемъ разсказывали намъ, что во время причастнаго стиха женщина въ платкѣ на головѣ и въ ситцевой кофтѣ стала на амвонъ спиной къ царскимъ вратамъ и произнесла краснорѣчивую рѣчь, въ которой очень сильно говорила о прощеніи обидъ и о любви къ врагамъ. Меня такъ удивилъ разсказъ этихъ двухъ правдивѣйшихъ и благочестивѣйшихъ лицъ, что я тутъ же имъ сказала: «Вѣрно Господь за чистоту вашихъ душъ сподобилъ васъ такого видѣнія!» Онѣ сильно опровергали мои слова, и Глафира еще прибавила, что она видѣла, какъ священникъ отворялъ царскія врата и вышелъ съ чашею, какъ многіе подходили причаститься, и между ними и та женщина, и что одна только застѣнчивость Глафиры помѣшала ей подойти и поговорить съ нею. Послѣ столькихъ лѣтъ не могу отстать отъ мысли, что Глафира и М. М. сподобились видѣть чудо. Вѣдь не слыхано, чтобы женщина говорила въ церкви, и удивительно что эту простую женщину допустили говорить рѣчь!

Теперь остается мнѣ добавить, какое впечатлѣніе произвела на меня Одесса въ эти дни. Этотъ коммерческій и совсѣмъ не Русскій городъ оправославился въ это время. Напротивъ нашего дома былъ хлѣбный магазинъ, какихъ очень много въ Одессѣ, и за нѣсколько дней до бомбардированія я увидѣла въ немъ открытые ворота, священника, служившаго молебенъ, и много молившихся солдатъ.

По совѣту графа Сакена, мы уѣхали изъ Одессы, Попандопулы въ свое имѣніе Маріевку, а мы въ село Анатольевку, принадлежащее

князю Барятинскому, гдѣ священникъ намъ былъ коротко знакомъ. Мать моя поселилась у него, а мы у дьякона. Я очень скучала въ дали отъ Одесской тревоги. Не помню, сколько мы тамъ прожили, а въ тотъ день, какъ вернулись въ Одессу, великолѣпный Англійскій пароходъ Тигръ былъ взорванъ. Благодаря небывалымъ туманамъ въ Одессѣ, онъ застрялъ въ бухтѣ возлѣ дачи какого-то негоціанта, откуда никакъ не могъ высвободиться; капитану предложили сдаться, но онъ не согласился; тогда съ берега стали пускать въ него бомбы, одна изъ нихъ оторвала капитану обѣ ноги, и несчастная команда должна была сдаться. Опять загудѣли ядра, всѣ окна нашего дома затрещали. Я молила Бога, чтобы на это время мать моя оглохла, и молитва моя была услышана: она ничего не слыхала! Англичанамъ предложили взять съ корабля вещи, но они не воспользовались этимъ; нѣсколько дней они оставались безъ прѣсной воды. Ихъ взяли въ плѣнъ. Раненыхъ и здоровыхъ вывели на берегъ. Они съ воплемъ просили воды, и когда принесли имъ вёдра съ водой, то многіе черпали башмаками. Ихъ помѣстили въ разные дома и приставили къ нимъ Русскихъ офицеровъ. Мнѣ случилось быть въ знакомомъ домѣ, куда были приглашаемы нѣкоторые офицеры, мичманы и докторъ; изъ нихъ никто не говорилъ по-французски, исключая доктора, и то не очень удовлетворительно; а изъ насъ никто не говорилъ по-англійски. Что за куріозный былъ этотъ разговоръ! Другъ съ другомъ кое-какъ сообщались мимикой. Мичманы были красивые, розовые мальчики. Докторъ сожалѣлъ, что не взялъ съ парохода свою Библію; къ счастію у меня была Англійская Библія, и я ему ее послала.

Еще нужно мнѣ прибавить къ моему разсказу, что я была у графини Сакенъ, которая въ то время не владѣла ногами. Милая, добрѣйшая женщина имѣла сердечное попеченіе объ Англійскомъ капитанѣ, посылала ему бульону и всего, что ему было нужно. Когда адъютантъ ея мужа, посланный имъ въ Петербургъ курьеромъ къ Государю съ извѣстіемъ, что Одесса уцѣлѣла, вернулся, то графъ Дмитрій Ерофеевичъ (примѣрный мужъ) ввелъ его запыленнаго, съ сумкой черезъ плечо, которая была ему поручена, къ женѣ своей, дабы она имѣла удовольствіе сама открыть сумку. Она обѣими руками взяла адъютанта за голову и поцѣловала. Когда онъ вручилъ ей пакетъ, она его открыла: въ немъ была звѣзда и Андреевская лента. Въ одно мгновеніе всѣ жившіе въ домѣ Сакена и прислуга наполнили комнату, всѣ поздравляли и цѣловались: это былъ настоящій семейный праздникъ, и я отъ души радовалась, что мнѣ пришлось присутствовать при немъ.

Еще скажу нѣсколько словъ о преосвященномъ Иннокентіи. Не помню, сколько прошло времени послѣ бомбардированія, я была у него и

онъ принялъ меня въ бесѣдкѣ, которая стояла на самомъ берегу моря. Онъ разсказывалъ мнѣ, что все время онъ въ зрительную трубу разсматривалъ что̀ происходило на непріятельскомъ флотѣ. На одномъ изъ кораблей капитанъ также глядѣлъ въ бинокль. Къ сожалѣнію я забыла, почему съ досадой онъ бросилъ свой бинокль въ море; вѣрно какое-нибудь съ нашей стороны дѣйствіе было не по нутру непріятеля. Преосвященный все время сидѣлъ въ своей бесѣдкѣ на весьма опасномъ мѣстѣ, и ни одна бомба не попала въ него. А къ монахамъ моимъ, прибавилъ онъ съ улыбкой, которые отъ страха спрятались въ подвалъ, прикатилось ядро, но къ счастью не причинило имъ вреда.

Съ 1854 года до 1890 прошло 36 лѣтъ, и можетъ быть я позабыла много подробностей. Видимо, что Одесса была сохранена милосердіемъ Божіимъ. Не было ни пожаровъ, ни грабежей, и небывалый въ это время туманъ былъ такъ густъ, что причинилъ гибель Тигра.

Я со многими другими присутствовала на соборной площади при раздачѣ Георгіевскихъ крестовъ Щеголеву и его сподвижникамъ. Мы всѣ дамы снабжали графа Сакена булавками, чтобы прикалывать кресты на грудь героевъ.

Княжна В. Репнина.

ПИСЬМО ГРАФИНИ ЭДЛИНГЪ КЪ ГРАФУ КАПОДИСТРІИ.

Weimar, 27 janvier 1817 (8 décembre 1818).

Mon cher comte, je profite du passage d'un courrier pour Vous remercier de Votre lettre et Vous envoyer les comptes de l'argent qui m'a passé par les mains pour nos jeunes Grecs. J'ai écrit à l'archevêque en lui envoyant le même compte, et je lui parle au long de nos élèves; l'espoir que Vous me donnez de Vous voir cet été fait que je réserve à cette époque tout ce que j'aurais pu Vous mander là-dessus. Les bonnes nouvelles que j'ai reçues de ma famille, confirmées par Vous, me sont une grande consolation. Je puis bien dire: *à chaque année suffit sa peine*. Celles qui nous attendent dans celle-ci me paraissent bien certaines. Une lutte formelle s'est établie en Allemagne, et les passions humaines se déchaînent des deux côtés. Un bien petit nombre de personnes cherchent la justice et la vérité, et Vous serez aussi charmé que moi d'apprendre que notre bon Stein est à la tête de ce parti; mais aussi on commence déjà à dire que ses opinions sont anti-libérales et qu'il a perdu la tête. Imaginez que dans le petit coin où nous nous trouvons, qui est devenu le champ de bataille de toutes ces idées, il n'y a que mon mari qui suive les traces de Stein, en tâchant d'amener un *mezzo-termine* qui soit conforme à la raison et à la justice.

Je vois maintenant par expérience combien il est difficile de défendre constamment la vérité. Si je dois Vous exprimer franchement ma façon de penser, je ne conçois pas comment l'Empereur pourra traverser l'Allemagne sans se prononcer *), et ce serait une fâcheuse extrémité: car les princes, à commencer par le roi de Prusse, ont aussi tort que leurs sujets. Ils se sont joués de ce qu'il y a de plus sacré dans le monde, l'honneur, la justice, l'humanité et par cette conduite ont ouvert

---

*) Припомнимъ, что осенью 1818 года долженъ былъ собраться Ахенскій конгрессъ и что графъ Каподистрія завѣдывалъ тогда нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Н. Ш.

la porte à la licence et au désordre. Je désirerais bien que l'Empereur apparaisse à l'Europe pour la seconde fois comme l'ange-sauveur; mais ce ne peut être que quand les cartes seront si brouillées, qu'on ne saura plus s'en tirer que par son intervention. Nous n'en serons pas encore là au mois de septembre.

Puisque je suis en train de m'épancher, il faut que je Vous parle encore du voyage des deux Impératrices qui fait déjà le plus mauvais effet du monde. Vous sentez qu'il faut du désintéressement de ma part pour désirer qu'il n'aie pas lieu, ce serait une fête pour moi que de revoir tout ce monde; mais la dignité du nom russe me tient encore plus à coeur. Il m est insupportable de voir qu'on parle de l'arrivée des deux Impératrices de Russie comme d'une calamité, sans oublier que dans la disposition actuelle des esprits on ne peut point répondre de ce qui s'imprimera. Il n'y a pas de puissance sur la terre qui puisse lutter contre l'opinion d'un pays civilisé. Je dois encore ajouter, mon cher comte, que par un pressentiment assez naturel qui fait craindre aux révolutionnaires la sagesse et la puissance de notre cher Alexandre, on tâche déjà d'indisposer la masse contre lui, et ne sachant comment s'y prendre, parce qu'il est réellement le héros du peuple en Allemagne, on s'est emparé des rapports qui existent entre la Russie et l'Espagne pour publier que l'Empereur protège le despotisme et l'inquisition du roi d'Espagne contre les droits de l'homme en Amérique. Cette alliance est présentée habilement sous les couleurs les plus allarmantes pour les libéraux, et déjà plusieurs gazettes glissent finement leurs observations là-dessus, mais avec une fureur qui m'amuse beaucoup.

Tous ces détails, mon cher comte, ne sont que pour vous seul. Je me suis déjà fait des reproches de me mêler ainsi de ce qui ne me regarde pas; mais j'écris à un second frère, et mon zèle me fait croire que personne ne pourra vous donner des informations aussi justes et aussi impartiales. Weymar est un lieu de passage d'où l'on peut observer fort à son aise.

Le voyage du roi de Prusse, annoncé pour le mois de juin, désole tous ceux qui s'intéressent à lui; il faut aussi avouer que c'est le comble de la déraison. Les Prussiens qui sont encore attachés à la maison royale, fixent toutes leurs espérances sur le prince royal *). Vous savez combien je le trouve aimable, rempli de feu et de génie,

*) Съ 1840 года король Фридрихъ Вильгельмъ IV-й. П. Ш.

mais je commence à craindre que ce génie ne se tourne entiérement du côté des arts. Vous savez qu'il dessine à ravir, et j'apprends que dans des circonstances aussi graves que celles-ci, il ne rêve que l'Italie et des monuments.

Je dois pourtant vous dire encore un mot sur le pauvre Kotzebue, que votre réprimande a atteré. Il est bien malade et malgré cela écrit toujours. Je vous prie de me dispenser du grave emploi de censeur de journal. Mon mari, pour le calmer, parce qu'il était réellement au désespoir, lui a promis de lire de temps en temps des feuilles avant l'impression. Au reste, il faut convenir qu'il combat comme un lion contre le parti révolutionnaire. Tout le monde le déchire et le lit. Le pauvre homme s'imaginait mériter les plus grands éloges, et votre lettre a été un coup de foudre pour lui. Le passage que vous lui reprochez peut être interprété de différentes manières. L'abus qu'on fait de la Bible en Allemagne nous prouve que l'Église doit être seule chargée du soin de diriger et d'interprêter cette lecture. O, si vous saviez combien je me suis attachée à la sainte autorité de l'Église, depuis que je vois de près toutes les folies du protestantisme! Madame de Krüdener a passé par ce pays, je l'ai vu une seule fois et je n'ai pas voulu répéter ma visite. Elle a dit publiquement que c'est elle qui a fait la Sainte Alliance, que l'Empereur est l'élu de Dieu, que les Turcs inonderont l'Europe.

Cette lettre est bien longue. Adieu, mon cher comte; venez à Carlsbad, amenez moi mon frère, et nous viendrons vous tenir compagnie, mon mari et moi. A propos, n'oubliez pas le pauvre Tyrolien. Il mérite bien davantage les bienfaits de la Russie que cette foule d'émigrés français qu'elle a nourris.

(*Сообщилъ Н. К. Шильдеръ*).

Переводъ.

Веймаръ, 27 Дек. 1817 г. (8 Янв. 1818 г.).

Дорогой графъ, пользуюсь проѣздомъ курьера, чтобы поблагодарить васъ за письмо и отослать вамъ счетъ денегъ, полученныхъ мною для раздачи нашимъ молодымъ Грекамъ. Такой же счетъ я послала епископу при письмѣ, въ которомъ пространно сообщаю ему о нашихъ учащихся. Все что̀ могла бы я передать вамъ объ этомъ, откладываю до лѣта, когда надѣюсь (согласно вашему обѣщанію) увидѣться съ вами. Добрыя извѣстія о моей семьѣ, подтвержденныя вами, очень меня утѣшили. Я вполнѣ могу сказать: *довлѣетъ каждому году злоба его.* Напасти, грозящія намъ въ этомъ году, для меня кажутся несомнѣнны.

Открытая борьба началась въ Германіи, и съ обѣихъ сторонъ разнуздались людскія страсти. Лишь небольшое число людей ищутъ справедливости и истины. Вамъ будетъ, также какъ и мнѣ, пріятно узнать, что во главѣ этой партіи стоитъ нашъ добрый Штейнъ; но вотъ уже стали слышаться толки, что его убѣжденія анти-либеральныя, что онъ свихнулся. Представьте себѣ, что тотъ маленькій уголокъ, гдѣ мы живемъ, сдѣлался ареной битвы для всѣхъ этихъ идей; здѣсь мой мужъ одинъ слѣдуетъ начертаніямъ Штейна, стараясь избирать *средній путь*, согласованный и съ здравымъ смысломъ, и съ справедливостью.

По опыту вижу теперь, какъ трудно постоянно защищать истину. Буду говорить съ вами вполнѣ откровенно. Я не могу допустить, чтобы Государь, въ проѣздъ свой черезъ Германію, не высказалъ своего образа мыслей; это будетъ несносною крайностью: ибо властители, начиная съ Прусскаго короля, въ равной степени виновны, какъ и подданные ихъ. Они презирали все, что́ есть святаго въ мірѣ: честь, справедливость, человѣчность, и въ силу этого открыли двери для безпорядка и распущенности. Я очень желала бы, чтобы Государь явился во второй разъ въ Европѣ, какъ ангелъ-хранитель; но это можетъ случиться лишь тогда, когда все до такой степени смѣшается, что выпутаться изъ затруднительнаго положенія придется лишь благодаря его вмѣшательству. А въ Сентябрѣ дѣло еще не дойдетъ до этого.

Начавши разъ откровенничать съ вами, я не могу не сказать и о путешествіи обѣихъ императрицъ; оно уже производитъ самое дурное дѣйствіе. Вы понимаете, что мое желаніе чтобы это путешествіе не состоялось вполнѣ безкорыстно, для меня было бы праздникомъ снова ихъ всѣхъ увидѣть; но сердцу моему еще ближе достоинство имени Русскаго. Невыносимо для меня, что о прибытіи Русскихъ императрицъ говорятъ, какъ о несчастіи. Не слѣдуетъ забывать, что при настоящемъ настроеніи умовъ нельзя ручаться за печать. Нѣтъ такой власти, которая могла бы бороться съ общественнымъ мнѣніемъ просвѣщенной страны. И вотъ еще что́ я должна вамъ сказать, дорогой графъ; конечно революціонеры съ опасеніемъ предчувствуютъ, что имъ придется имѣть дѣло съ мудростью и могуществомъ нашего дорогаго Александра, и стараются теперь уже возстановить противъ него народъ; но, не зная, какъ за это приняться (ибо онъ дѣйствительно народный герой въ Германіи), они воспользовались существующими теперь между Россіей и Испаніей отношеніями и публично заявляютъ, что Государь покровительствуетъ деспотизму и инквизиціи Испанскаго короля противъ правъ человѣческихъ въ Америкѣ. Они сумѣли представить эти сношенія въ такомъ видѣ, что либералы должны быть въ высшей степени встревожены. И уже нѣкоторыя газеты слегка коснулись въ своихъ замѣткахъ этого дѣла и съ такимъ ужасомъ, что я очень забавляюсь.

Эти подробности, дорогой графъ, написаны лишь для васъ одного. Я даже укоряла себя въ томъ, что вмѣшиваюсь въ дѣла до меня не касающіяся; но я пишу къ своему второму брату, и мое усердіе заставляетъ меня вѣ-

рить, что никто не будетъ въ состояніи дать вамъ болѣе правдивыя и безпристрастныя указанія. Веймаръ—проѣзжее мѣсто, откуда очень удобно наблюдать.

Путешествіе Прусскаго короля, назначенное на Іюнь мѣсяцъ, огорчаетъ всѣхъ кто ему привер женъ; и надо признаться, что это путешествіе — верхъ неразумія. Прусаки, еще привязанные къ королевскому дому, устремляютъ всѣ свои надежды на королевскаго принца. Вы знаете, что я его нахожу очень милымъ, полнымъ огня и талантливымъ; но я начинаю бояться, какъ бы его талантъ не обратился всецѣло на искусства. Вамъ извѣстно, что онъ превосходно рисуетъ, и я узнаю, что въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ только и бредитъ объ Италіи и памятникахъ.

Однако я вамъ должна сказать нѣсколько словъ о бѣдномъ Коцебу; его удручилъ вашъ выговоръ, онъ очень боленъ и, не смотря на то, все время пишетъ. Прошу меня уволить отъ тяжелой обязанности быть цензоромъ журнала. Мой мужъ, желая его успокоить, такъ какъ онъ дѣйствительно въ отчаяніи, обѣщался время отъ времени прочитывать передъ печатью его журналъ. Вообще слѣдуетъ сознаться, что онъ по львиному сражается съ революціонной партіей. Всѣ, нападая на него, его читаютъ. Бѣдняга воображалъ заслужить похвалу, и ваше письмо было для него ударомъ грома. То, что вы ему ставите въ упрекъ, можетъ быть истолкованно различнымъ способомъ. Злоупотребленіе Библіей въ Германіи показываетъ, что на одной церкви должна лежать забота направлять и толковать это чтеніе. Если бы вы знали, какъ я стала привержена къ святой власти церкви съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла вблизи всѣ нелѣпости протестантизма! Г-жа Крюднеръ проѣзжала черезъ Веймаръ, я видѣла ее одинъ разъ и не пожелала увидать еще. Она при всѣхъ заявляла, что учредила Священный Союзъ, что императоръ Александръ Божій избранникъ, что Турки наводнятъ Европу.

Довольно длинно это письмо. Прощайте, дорогой графъ; пріѣзжайте въ Карлсбадъ, привозите моего брата, и мы, мой мужъ и я, составимъ вамъ компанію. Кстати не забывайте бѣднаго Тирольца. Онъ въ большей мѣрѣ заслуживаетъ благодѣяній Россіи, чѣмъ вскормленная Россіей толпа эмигрантовъ.

*

Письмо это служитъ превосходнымъ дополненіемъ къ Запискамъ графини Р. С. Эдлингъ, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 года и во Французскомъ подлинникѣ отдѣльною книгою. Графиня Эдлингъ, урожд. Стурдза, только что вышла передъ тѣмъ за мужъ (графъ Эдлингъ, Славянинъ по происхожденію, былъ посланникомъ одного изъ Нѣмецкихъ государствъ при Веймарскомъ герцогѣ), и въ Петербургъ уже болѣе не пріѣзжала. Нѣмцы до сихъ поръ ея не жалуютъ; между тѣмъ это былъ высокій, православный умъ, и ея благотворное дѣйствіе на Александра Павловича несомнѣнно. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

1849-й годъ.

Новый годъ, по обыкновенію встрѣченный на балѣ у Воронцовыхъ, начался для меня непріятнымъ разочарованіемъ. По многимъ причинамъ, довольно серьезнымъ какъ въ служебномъ, такъ и въ семейномъ отношеніи, мнѣ хотѣлось, чтобы зятя моего, Витте, прикомандировали изъ канцеляріи намѣстника для занятій при мнѣ (это было наше обоюдное желаніе). Я сообщилъ о томъ Сафонову, который, переговоривъ съ княземъ, передалъ мнѣ объ его согласіи, и дѣло считалось рѣшеннымъ; однакоже, безъ всякаго основательнаго повода, оно въ то время не осуществилось, что̀ меня нѣсколько огорчило. Давно уже мнѣ была пора привыкнуть къ такимъ разочарованіямъ, много я испыталъ ихъ на службѣ и прежде, и послѣ того; но слабости человѣческія часто невольно берутъ верхъ. Замѣтилъ я впрочемъ, что вслѣдъ за какой-нибудь семейной или служебной непріятностью приходитъ событіе пріятное; такъ было и тутъ: 5-го Февраля 1849 года пріѣхалъ ко мнѣ въ Тифлисъ давно ожидаемый сынъ мой Ростиславъ, что̀ было для всѣхъ насъ великою радостію. Я не замедлилъ представить его князю Михаилу Семеновичу, который принялъ его очень привѣтливо. Князь умѣлъ снисходить къ увлеченіямъ и необдуманнымъ дѣйствіямъ молодыхъ людей; зналъ подробно, въ настоящемъ видѣ, всю сущность непріятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ пустаго дѣла, которое задерживало прибытіе къ намъ моего сына и, по его милостивому ходатайству, немедленно изгладились послѣдствія сихъ дѣйствій.

Съ 24-го Апрѣля возобновились мои разъѣзды по Нѣмецкимъ и Русскимъ поселеніямъ. Въ этомъ году мнѣ надлежало объѣхать Гокчинское озеро, пустынные берега котораго изобиловали плодородными мѣстами, удобными для новыхъ поселеній. По сохранившимся признакамъ, окружности озера были нѣкогда оживлены большимъ народонаселеніемъ.

---

*) См. выше, стр. 229.

Первое изъ новыхъ поселеній основано различными сектантами, Молоканами, Жидовствующими, старообрядцами, на самомъ берегу озера, и названо *Семеновкою*, по имени князя Семена Михайловича Воронцова, сына намѣстника. Князь, въ благодарность за это, устроилъ тамъ фонтанъ. Поселенцы скоро достигли порядочнаго благосостоянія, особенно посредствомъ рыболовства, которымъ они умѣютъ заниматься лучше и съ большею прибылью, нежели туземцы. Дорога въ объѣздъ озера идетъ у самыхъ береговъ и, противъ обыкновенія, довольно сносная, даже мѣстами для экипажной ѣзды. Снѣжныя горы постоянно находятся въ виду, воздухъ чистый, и хотя мѣстоположеніе большею частію гористое, но почва земли и растительность превосходныя. Нѣсколько мѣстъ были мною предназначены для новыхъ поселеній на земляхъ совершенно пустопорожнихъ и на пространствѣ около 40 в. между дер. *Еленовкою* и деревнею *Коваромъ*, которая вслѣдъ затѣмъ обращена въ уѣздный городъ подъ названіемъ *Новый Баязетъ*, въ живописной возвышенной лощинѣ, къ сожалѣнію нѣсколько вдали отъ озера.

Я употребилъ на объѣздъ озера, имѣющаго въ окружности болѣе 200 верстъ, четыре дня. Въ деревнѣ Адіаманъ, верстахъ въ двухъ отъ Гокчи, при устьѣ рѣчки того же имени, находятся хорошіе рудники, которыхъ я впрочемъ самъ не видалъ, и здѣсь же меня угощали отличными балыками изъ лаксъ-форели. Далѣе, по невозможности переправиться черезъ устье рѣчки Мазрачай, при мѣстечкѣ Гиль, мы были вынуждены разстаться на время съ береговой дорогой и пробиваться вовсе безъ всякой дороги, хотя красивыми мѣстами, но до того дикими, что проѣздъ по нимъ оказался вовсе невозможнымъ: мы шли пѣшкомъ, иногда ѣхали верхомъ, а нѣсколько верстъ меня несли въ креслахъ, которыми уѣздный начальникъ имѣлъ любезность и предусмотрительность для меня запастись. По счастію, эта незавидная переправа продолжалась не долго, и мы на слѣдующій день выбрались на прежній путь. Ночи проводилъ я въ Татарскихъ кибиткахъ.

На всемъ протяженіи осмотрѣннаго мною пространства нашлось достаточно свободныхъ мѣстъ для новыхъ поселеній, вслѣдствіе того, что эти земли большею частью или никому не принадлежали, или ими пользовались Татары, имѣвшіе уже и безъ того въ избыткѣ отведенный имъ надѣлъ. Особенно замѣчательна долина Мазрачайская. Въ ней приблизительно 50 тысячъ десятинъ прекраснѣйшей земли, а ею пользовались всего двадцать одна деревня, въ 568 дымовъ Армянъ и Татаръ. Но занятіе этой земли было отложено до генеральнаго обмежеванія земель въ Закавказьи, и главнѣйше потому, что въ то время не предвидѣлось еще прибытія въ большомъ количествѣ новыхъ Русскихъ переселенцевъ. Все это пространство не имѣетъ лѣсной растительно-

сти, за исключеніемъ можжевеловаго кустарника, который здѣсь ростетъ большими деревьями сажени въ двѣ и болѣе вышины. Эта прекрасная Мазрачайская долина остается и теперь (1867-й годъ) въ томъ же положеніи, какъ была въ 1849 году. Генеральное межеваніе земель за Кавказомъ едвали кончится и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, а тѣмъ временемъ Татары конечно найдутъ средства занять эти земли своими безполезными аулами. Кажется, что хоть нѣсколько значительныхъ участковъ изъ пустопорожнихъ земель можно было бы обмежевать преимущественно передъ другими, именно съ цѣлью неизмѣннаго предположенія о заселеніи ихъ Русскими или другими переселенцами, кои были уже осѣдлыми на прежнихъ мѣстахъ жительства. Мѣра весьма желательная; но къ сожалѣнію не всегда дѣлается то, что́ нужно.

Князь Воронцовъ имѣлъ намѣреніе учредить на Гокчинскомъ озерѣ небольшое пароходство. По этому производились изысканія, но они остались безъ послѣдствій. Нѣтъ сомнѣнія, что это предпріятіе вполнѣ осуществимо; но дѣло въ томъ, что по устройствѣ пароходовъ имъ надобно дать какую нибудь производительную дѣятельность, а для этого необходимо оживленіе береговой мѣстности по обѣимъ сторонамъ озера населеніемъ не только трудолюбивымъ, но и промышленнымъ. Объ этомъ слѣдовало бы позаботиться прежде всего, ибо иначе пароходы были бы безполезны: некого и нечего было бы перевозить. Совсѣмъ другое бы послѣдовало, еслибы напр. Мазрачайская долина была населена предпріимчивыми и смышлеными жителями: они могли бы болѣе усилить поставку въ Тифлисъ жизненныхъ потребностей и тѣмъ самымъ удешевить цѣнность ихъ въ этомъ дорогомъ городѣ.

Подвигаясь по берегу озера, я достигъ до того мѣста, гдѣ, по причинѣ природныхъ преграожденій, крутыхъ и высокихъ скалъ, прилегающихъ къ самому озеру, не представляется уже удобствъ для новыхъ поселеній. Я повернулъ въ Елисаветпольскій уѣздъ, къ находящейся въ 10 верстахъ отъ Гокчи, Молоканской новой деревнѣ Михайловкѣ, которую нашелъ я довольно обстроенной; оттуда направился чрезъ Торчайское ущелье по новой дорогѣ, сперва на Делижанскій трактъ, а потомъ чрезъ сел. Караклисъ, Шогалинскій лѣсъ (гдѣ нѣкогда была проведена повозочная дорога, въ послѣдствіи запущенная до невозможности) и переваломъ чрезъ Безбдалъ, до военныхъ поселеній Гергеры и Джелалъ-Оглу, которое названо Русскими Каменкой.

Осмотрѣвъ урочище Гергеры, я нашелъ ихъ по красивому мѣстоположенію, умѣренному климату и другимъ условіямъ, довольно подходящимъ убѣжищемъ для спасенія отъ Тифлисскихъ жаровъ, и потому рѣшился принять любезное предложеніе тамошняго батарейнаго командира подполковника Воропаева, провести въ Гергерахъ лѣто съ моей

семьей. Обратно въ Тифлисъ прибылъ я 4-го Іюня. Онъ уже обратился въ раскаленную духовую печь.

Лѣто въ Гергерахъ прошло пріятно и разнообразно. Утро я проводилъ, какъ всегда, въ занятіяхъ; послѣ обѣда устраивались большія прогулки пѣшкомъ, на линейкахъ и верхомъ по окрестностямъ, большею частію въ живописное Безобдальское ущелье. Для меня достали отличную, спокойную лошадку изъ породы Имеретинскихъ иноходцевъ, такъ называемыхъ *бача*, и я часто ѣздилъ верхомъ, что̀ было полезно для моего здоровья. Ко мнѣ постоянно пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ чиновники по дѣламъ, также хорошіе знакомые, гостившіе у насъ по нѣскольку дней; приходили мѣстные артиллерійскіе офицеры и Воропаевъ съ женой, приглашавшіе и насъ безпрестанно къ себѣ. Сынъ мой съ зятемъ ѣздили нѣсколько разъ на охоту въ Борчалинское кочевье, гдѣ познакомились съ извѣстнымъ въ то время въ краѣ агаларомъ Тоштамуромъ, который устроивалъ для нихъ эти охотничьи забавы. Ихъ всегда сопровождалъ проживавшій тогда у насъ ученый Александропольскій мирза Абдула-Теймуразъ-оглы, котораго мой сынъ взялъ къ себѣ, чтобы учиться Татарскому языку.

Иванъ Васильевичъ Воропаевъ, заслуженный, отличавшійся въ битвахъ съ горцами офицеръ, Георгіевскій кавалеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнѣйшій человѣкъ, имѣлъ одну непобѣдимую, фатальную слабость: неустрашимый со всякими врагами и супостатами, онъ страшно боялся мышей. При одномъ словѣ мышь онъ мѣнялся въ лицѣ и начиналъ лихорадочно дрожать, а при видѣ ея положительно падалъ въ обморокъ. Этотъ паническій страхъ доводилъ его иногда до самыхъ эксцентрическихъ выходокъ. Впослѣдствіи онъ былъ переведенъ батарейнымъ командиромъ въ Гори, и на первыхъ же порахъ продѣлалъ такой казусъ, который долго оставался памятенъ Горійскимъ жителямъ. По пріѣздѣ его къ новому мѣсту назначенія, всѣ офицеры его батареи собрались представляться въ первый разъ своему начальнику. Воропаевъ бодро вошелъ въ пріемную, сталъ передъ офицерами и вдругъ поблѣднѣлъ какъ полотно, весь затрясся, выхватилъ изъ ноженъ шашку, вскочилъ на стулъ, потомъ на столъ и, закрывъ одной рукой глаза, другою сталъ отчаянно махать во всѣ стороны. Предстоявшіе офицеры, озадаченные такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, разумѣется, не могли его объяснить себѣ ничѣмъ другимъ, кромѣ припадка внезапнаго умопомѣшательства. Сцена продолжалась довольно долго. Воропаевъ совершалъ весь этотъ маневръ въ полномъ безмолвіи: у него отъ избытка ужаса пропалъ голосъ. Все разъяснилось тѣмъ, что ему послышалось, будто въ углу комнаты скребется мышь.

Жена его Александра Николаевна, чрезвычайно симпатичная женщина какъ наружностію, такъ и душою, до замужества своего слыла самою красивою дѣвушкой въ Тифлисѣ, и хотя была дочерью неважнаго провіантскаго чиновника Мезенова, но генеральша Головина особенно дорожила присутствіемъ на всѣхъ своихъ балахъ дѣвицы Мезеновой, какъ украшеніемъ своего общества. Когда мы познакомились съ Ворапаевыми, ихъ довольно большая семья состояла, кромѣ ихъ двоихъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, изъ ея отца, матери и трехъ братьевъ. Въ самое короткое время всѣ они вымерли, кромѣ старушки-матери и дѣтей. Точно что-то роковое преслѣдовало это семейство. Первымъ умеръ отецъ, старикъ Мезеновъ; вскорѣ потомъ умеръ въ Гори Иванъ Васильевичъ Воропаевъ отъ горячки, оставивъ семью почти безъ всякихъ средствъ. За нимъ послѣдовалъ отъ чахотки старшій изъ братьевъ Воропаевой, молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ Московскаго университета, служившій въ канцеляріи намѣстника, надежда и опора матери и сестры. Потомъ скончалась отъ чахотки же Александра Николаевна Воропаева, едва перешедшая за тридцатилѣтній возрастъ; а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ второй ея братъ, офицеръ, отъ тифа. Третій братъ, по выходѣ корпуса, служилъ офицеромъ въ Симбирскѣ. Не прошло года послѣ послѣдней смерти, какъ всѣ газеты наполнились описаніями страшныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ въ Симбирскѣ. Народъ волновался, подозрѣвая поджоги, и доискивался поджигателей. Въ числѣ различныхъ эпизодовъ бѣдствія, газеты передавали и такой случай. Горѣла одна изъ улицъ; собравшіяся толпы мрачно смотрѣли на гибель своего города. Тутъ же стояли два офицера, разговаривая между собою; одинъ изъ нихъ засмѣялся. Изъ толпы раздался крикъ: «Смотрите! Мы погибаемъ, а они смѣются! Это и есть наши злодѣи-поджигальщики, въ огонь ихъ!» Толпа кинулась къ офицерамъ, одинъ изъ нихъ успѣлъ вырваться и убѣжать, именно тотъ, который смѣялся; онъ оказался Полякомъ; другаго схватили и кинули живьемъ въ самое жерло пламени. Сгорѣвшій офицеръ былъ прапорщикъ Мезеновъ, послѣдній сынъ старушки-матери.

Изъ числа лицъ, навѣщавшихъ насъ въ это лѣто, самымъ замѣчательнымъ былъ упомянутый выше агаларъ Тоштамуръ, зажиточный Александропольскій Татаринъ, прапорщикъ милиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитый разбойникъ. Можетъ быть, онъ самъ лично и не разбойничалъ, но во всякомъ случаѣ, по репутаціи, за нимъ установившейся, считался весьма вліятельнымъ лицомъ въ разбойничьей сферѣ, что однако нисколько не стѣсняло его свободы и не мѣшало его хорошимъ отношеніямъ съ властями. Вѣроятно прямыхъ уликъ не открывалось, а дѣло мастера боялось. Познакомившись съ моимъ сыномъ и зятемъ

на охотѣ въ Борчалѣ, онъ прибылъ сюда со всѣмъ своимъ кочевьемъ, водворившимся неподалеку отъ Гергеръ, въ красивой долинѣ, съ цѣлью отдать имъ визитъ. Къ тому же онъ былъ большимъ пріятелемъ съ нашимъ мирзой Абдаллой, честнымъ и строгимъ мусульманиномъ. Ага-Тоштамуръ устроилъ для насъ увеселительное празднество въ кочевьѣ, очень занимательное и забавное, особенно для моихъ внуковъ, но окончившееся для насъ весьма неблагополучно. Мы отправились туда съ утра, всей семьей, съ Воропаевыми, батарейными офицерами, большой компаніей, и провели тамъ цѣлый день до поздняго вечера. Тоштамуръ хотѣлъ отличиться и задать пиръ на славу: навезъ съ собою или выписалъ всякихъ мѣстныхъ Татарскихъ музыкантовъ, скомороховъ, канатныхъ плясуновъ, фокусниковъ, акробатовъ, которые цѣлый день представляли передъ нами всяческіе фарсы и штуки подъ акомпаниментъ неумолкавшей зурны, бубновъ и дикаго для непривычныхъ ушей Азіатскаго пѣнія. Обѣдали въ кибиткахъ на разостланныхъ коврахъ. Угощеніе, конечно, туземное, преизобиловало бараниной во всевозможныхъ видахъ, а также сластями и конфектами, по обычаю восточныхъ кондитерскихъ, на бараньемъ жирѣ. День прошелъ для насъ шумно и оригинально. На возвратномъ пути, уже въ поздніе сумерки, мы ѣхали на линейкахъ, а часть публики верхомъ, въ томъ числѣ и мой Ростиславъ. Лошадь его, испугавшись чего-то, понесла; дорога шла косогоромъ по склону горы, скопанной по окраинѣ прилегающей къ дорогѣ; стараясь остановить лошадь, сынъ мой круто повернулъ ее въ гору, рыхлая земля осунулась подъ ея ногами, и лошадь со всего розмаха повалилась на землю бокомъ. Сѣдло было Азіатское съ широкими мѣдными стременами; при паденіи лѣвая нога Ростислава проскользнула внутрь стремени и, придавленная всею тяжестію лошади, была ужасно изранена острымъ краемъ стремени, глубоко вонзившимся въ тѣло и содравшимъ кожу болѣе чѣмъ на четверть ниже колѣна. Съ большимъ усиліемъ онъ выдернулъ ногу изъ-подъ лошади, пытался встать, но не могъ, и трава около него мгновенно обагрилась кровью изъ раны. Все это происходило на нашихъ глазахъ. Можно себѣ представить, какъ мы были перепуганы, и каково намъ было смотрѣть на это. Спутники сына моего, подоспѣвъ къ нему, подняли его, кое-какъ перевязали рану и, усадивъ съ нами на линейку, привезли домой. Докторъ нашелъ рану очень опасной, а чрезъ нѣсколько дней объявилъ о необходимости отнять ногу изъ опасенія Антонова огня; но сынъ мой, по счастію, не согласился на операцію, предпочитая лучше умереть, нежели лишиться ноги. Не довѣряя медицинскому искусству доктора, онъ рѣшительно устранилъ его отъ себя и началъ лѣчиться у фельдшера, казавшагося ему благонадежнѣе. Къ великой нашей ра-

дости, эта мѣра оказалась вполнѣ удачной, и хотя Ростиславъ пролежалъ въ постели почти шесть недѣль, но, слава Господу, рана совершенно закрылась, нога окрѣпла, и здоровье его возстановилось.

Съ этого времени началось наше знакомство съ Тоштамуромъ, продолжающееся до сихъ поръ. Пріѣзжая въ Тифлисъ, онъ всегда является ко мнѣ, также какъ и въ Александрополѣ, когда мнѣ случается заѣзжать туда. Разговоръ его, не лишенный своего рода остроумія и юмора, иногда бываетъ очень забавенъ. Однажды, въ Александрополѣ, онъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Я вообще небольшой охотникъ до званыхъ обѣдовъ, а тѣмъ болѣе до Татарской кухни; но, не желая обидѣть почтеннаго агалара отказомъ, принялъ его приглашеніе, однако въ трапезѣ его участвовалъ умѣренно, изъ опасенія за свой желудокъ. Чрезъ нѣсколько времени, уже въ Тифлисѣ, я узналъ отъ нашего мирзы Абдаллы, что Тоштамуръ для этого обѣда укралъ быка у своего Александропольскаго муфтія. А муфтій у мусульманъ-шіитовъ высокое духовное лицо, въ родѣ архіерея. Въ первый затѣмъ свой пріѣздъ въ Тифлисъ, Тоштамуръ пришелъ къ намъ въ гости. Послѣ обѣда, за кофеемъ, разговоръ между прочимъ коснулся религіозныхъ предметовъ, именно на счетъ магометанскаго ученія о страшномъ судѣ. Мирза Абдалла, очень набожный шіитъ, считавшій себя великимъ богословомъ, разсказывалъ, что на страшномъ судѣ будутъ судиться первыми и строже всѣхъ другихъ мусульмане, а затѣмъ уже всѣ прочіе; что тамъ будутъ присутствовать не только всѣ люди, но даже всѣ звѣри, всѣ животныя, что все жившее и дышавшее съ сотворенія міра предстанетъ на судъ предъ лицомъ Аллаха. Кто-то изъ присутствовавшихъ спросилъ Тоштамура, боится ли онъ этого суда? «Что̀ мнѣ бояться», храбро возразилъ онъ; «вовсе не боюсь. Что̀ я дѣлаю такое, чтобъ мнѣ бояться?» — «Что́ дѣлаешь?» воскликнулъ въ увлеченіи мирза, «ты развѣ святой? И святые будутъ бояться, а ты кто такой? Мало ли ты дѣлаешь какихъ дрянныхъ дѣлъ на свѣтѣ?» — «А что̀ я дѣлаю, ну скажи! Что́ я дѣлаю»? — «Да вотъ хоть напримѣръ, продолжалъ подумавъ мирза, помнишь, какъ ты въ Александрополѣ для обѣда эрнала (генерала) укралъ у нашего муфтія быка?» Агаларъ немножко сконфузился, не отъ кражи быка, а ему сдѣлалось неловко, что я теперь узналъ, что онъ меня потчивалъ краденымъ быкомъ; но онъ сейчасъ же оправился. «Ну что жъ что укралъ, ну и укралъ, что жъ за важность!» — «Да вѣдь это большой грѣхъ», важно доказывалъ мирза»; еслибъ у простаго человѣка, такъ ничего, а у муфтія нельзя. Муфтій будетъ жаловаться самому Аллаху, скажетъ: я твой слуга, а вотъ Тоштамуръ меня обидѣлъ, укралъ моего быка; накажи его за это.» — «А я скажу, что это неправда, что муфтій вретъ». — «Не мо-

жешь», горячился мирза, «тутъ же будетъ и самъ быкъ! Быкъ скажетъ Аллаху: да, это правда, я быкъ Александропольскаго муфтія, Тоштамуръ меня укралъ и зарѣзалъ для обѣда эрнала».—«И прекрасно!» обрадовался Тоштамуръ, «я сейчасъ же возьму быка за рога и отдамъ муфтію; скажу ему: на, вотъ возьми своего быка, и пожалуста отстань отъ меня!» Такой неожиданный результатъ диспута крайне озадачилъ мирзу и разсмѣшилъ насъ всѣхъ. Тоштамуръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что привелъ въ смущеніе своего антагониста и такъ удачно отвязался отъ него; даже казалось, онъ какъ будто предвкушалъ будущее, уже упроченное торжество своей находчивости на страшномъ судѣ. Въ этотъ же вечеръ, въ разговорѣ, у него спросили, сколько у него женъ? «Три жены», объявилъ онъ. При этомъ выразили удивленіе, какъ онъ можетъ уживаться съ тремя женами, тогда какъ у насъ, Европейцевъ, и съ одною не всегда уживаются, а отъ трехъ женъ обыкновенно приходится вѣшаться, чтó доказывается даже всѣмъ извѣстною баснею о Троеженцѣ. «Ничего!» возразилъ Тоштамуръ; мнѣ хорошо съ моими тремя женами, потому что когда одна меня бьетъ, двѣ другія всегда заступаются». Вообще этотъ Борчалинскій герой прекуріозный Татаринъ *).

Въ Августѣ мѣсяцѣ я съ зятемъ и частію моего семейства ѣздилъ на недѣлю въ урочище Дарачичагъ, лѣтнее пребываніе Эриванскихъ чиновниковъ, на берегу Гокчи пересѣлъ въ шлюпку и снова проѣхался по озеру, при чемъ заѣзжалъ въ Армянскій монастырь на скалѣ Севанго. Въ Дарачичагѣ я осматривалъ древнія церкви, хотя запущенныя, съ обрушившимися куполами, но любопытныя по красивой отдѣлкѣ и прочному построенію; ѣздилъ въ караванъ-сарай, откуда любовался издали видомъ Арарата и дышалъ чистымъ легкимъ воздухомъ этой здоровой мѣстности.

Въ Гергерахъ окончилъ я и отправилъ къ князю Воронцову проектъ новаго преобразованія управленія государственными имуществами въ Закавказскомъ краѣ; а въ половинѣ Сентября мы разстались съ Гергерами. Воропаевъ съ своими офицерами устроилъ намъ торжественные проводы до самой Каменки, гдѣ прощальный обѣдъ съ

*) Въ 1870-хъ годахъ Тоштамуръ былъ сосланъ въ Сахалинъ за убійство полицейскаго чиновника; но общее мнѣніе не винило его въ этомъ преступленіи, потому что чиновникъ, производя надъ нимъ слѣдствіе по дѣлу совершенно несправедливому, насильственно вторгся въ его гаремъ, чтó у мусульманъ равносильно святотатству. Въ послѣднюю Турецкую войну сынъ Тоштамура отличался въ нашихъ войскахъ отвагою и удальствомъ, оказалъ значительныя услуги и, по окончаніи войны, командующій войсками генералъ Лорисъ-Меликовъ у него спросилъ, какую награду онъ желаетъ получить за свои подвиги; сынъ Тоштамура молилъ о возвращеніи его отца изъ ссылки. Просьба его была исполнена, Тоштамуръ возвратился на родину, но вскорѣ послѣ того умеръ. Н. Ф.

разливнымъ моремъ Шампанскаго продолжался такъ долго, что мы едва къ вечеру успѣли выбраться въ дальнѣйшій путь.

На третій день мы расположились на отдыхъ въ колоніи Екатериненфельдъ, гдѣ дѣла меня задержали болѣе двухъ недѣль. Жили мы тутъ спокойно и удобно. При насъ въ ней произошли два трагическихъ случая. На площади, пересѣкающей главную улицу, въ канавѣ, гдѣ не было и на полъ-аршина воды, утонула маленькая колонистская дѣвочка; а вскорѣ затѣмъ, одинъ Нѣмецъ, домохозяинъ, наработавшись въ своемъ саду, прилегъ подъ деревомъ отдохнуть и крѣпко заснулъ; къ нему тихонько подкралась гіена, забравшаяся въ садъ, и откусила у него носъ. Бѣдный Нѣмецъ, страшно обезображенный, едва не истекъ кровью. Здѣсь вездѣ эти гадкіе звѣри водятся во множествѣ, также какъ и шакалы, вой которыхъ по ночамъ напоминаетъ пронзительный дѣтскій крикъ или плачъ.

Изъ Елисабетталя мое семейство возвратилось въ Тифлисъ, а я заѣхалъ еще въ Маріенфельдъ, гдѣ оставался до конца Октября, главнѣйше по причинѣ тамъ устраиваемой и никогда не устроенной надлежащимъ образомъ Іорской канавы.

Въ Тифлисѣ мнѣ не пришлось долго оставаться: въ теченіе короткаго времени я сдѣлалъ еще нѣсколько поѣздокъ по служебнымъ надобностямъ. Подъ конецъ года, кромѣ обычныхъ моихъ многочисленныхъ кабинетныхъ занятій, въ нашемъ Совѣтѣ также накопились довольно важныя дѣла. Между прочимъ 14-го Ноября у насъ происходило продолжительное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ намѣстника, для обсужденій объ открытіи Эриванской губерніи.

1850-й годъ.

Первые дни начавшагося 1850-го года ознаменовались полученіемъ высочайшаго утвержденія объ уничтоженіи въ Закавказскомъ краѣ палатъ государственныхъ имуществъ и объ учрежденіи при главномъ управленіи, подъ названіемъ «Экспедиціи», въ родѣ министерскаго департамента, управляющимъ коего назначенъ я. Много въ началѣ мнѣ было хлопотъ, много представлялось всякихъ затрудненій при введеніи новаго преобразованія; не менѣе того возникло по сему случаю всякихъ говоровъ и толковъ на разные лады. Однако Экспедиція была торжественно открыта, и дѣла пошли вновь установленнымъ порядкомъ. Могу сказать по совѣсти, что все зависѣвшее отъ меня къ основанію лучшаго устройства въ новомъ ходѣ дѣлъ я сдѣлалъ. Но успѣхъ хорошаго и точнаго исполненія моихъ распоряженій отъ меня не зависѣлъ, потому что исполнителями на мѣстахъ были уѣздные начальники,

непосредственно подчиненные губернаторамъ. Я могъ только имѣть ближайшее вліяніе на улучшеніе быта и организацію Русскихъ поселенцевъ, а также на устройство водопроводовъ и водвореніе хотя нѣкотораго порядка въ управленіи и пользованіи лѣсами. Натурально, служебныя мои занятія сравнительно съ прежними удвоились.

Тогда же, въ самомъ началѣ, я имѣлъ непріятность открыть плутовскую стачку двухъ изъ моихъ подчиненныхъ чиновниковъ, которыхъ до того времени считалъ вполнѣ благонадежными. Произошло это совершенно случайно. Въ одно воскресное утро, чиновникъ находившійся при мнѣ съ давнихъ поръ, еще изъ Астрахани, разбиралъ на моемъ письменномъ столѣ пакеты и дѣловыя письма, полученныя въ тотъ день, распечатывалъ и читалъ ихъ мнѣ въ слухъ, не заглядывая на адресы. Въ числѣ бумагъ попалось письмо, адресованное въ канцелярію Экспедиціи Государственныхъ Имуществъ, писанное чиновникомъ, завѣдывавшимъ многими значительными раскольничьими поселеніями, къ другому чиновнику, служившему въ моей канцеляріи. Письмо обнаруживало самымъ несомнѣннымъ образомъ переписку ихъ между собою и раскольниками о томъ, какимъ образомъ помогать послѣднимъ въ припискѣ и укрывательствѣ приходящихъ къ нимъ бѣглыхъ ихъ собратій, разумѣется, за хорошую плату. Это открытіе тѣмъ прискорбнѣе подѣйствовало на меня, что оба чиновника считались мною одними изъ лучшихъ въ моемъ вѣдомствѣ и были такимъ же образомъ зарекомендованы мною князю-намѣстнику, предъ которымъ я былъ поставленъ теперь въ самое неловкое положеніе. Мнѣ самому было очень досадно и совѣстно, что я могъ такъ ошибиться въ людяхъ и своей ошибкой ввести въ заблужденіе другихъ. Я счелъ своею обязанностію довести это обстоятельство до свѣдѣнія князя, представилъ обличительное письмо и просилъ извиненія въ моемъ промахѣ. Князь Михаилъ Семеновичъ спокойно меня выслушалъ, поглядѣлъ на меня какъ бы съ легкимъ удивленіемъ, махнулъ рукой и улыбаясь сказалъ: «Вотъ нашли еще въ чемъ извиняться! Со мной столько случалось такихъ исторій, что я и счетъ имъ потерялъ. Я такъ привыкъ къ подобнымъ открытіямъ, что давно уже сдѣлался къ нимъ равнодушенъ. Удивляюсь, какъ вы еще можете принимать это къ сердцу. Развѣ можно узнать человѣка, пока онъ самъ не проявитъ себя?».

Ранней весной Тифлисъ находился въ ожиданіи новаго, еще невиданнаго имъ зрѣлища: открытія первой въ странѣ сельско-хозяйственной, промышленной выставки. Князь Воронцовъ отнесся къ этому дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ, а потому для устройства его было оказано всевозможное содѣйствіе и помощь. Выставка открылась въ Мартѣ. Она вышла очень удачна для первоначальнаго опыта въ этомъ родѣ.

Я нѣсколько разъ осматривалъ ее, особенно сельско-хозяйственный отдѣлъ, устройствомъ котораго занимался, по порученію князя, зять мой Ю. Ф. Витте. Всю же выставку вообще устраивалъ пріѣхавшій въ прошломъ году изъ Пететбурга къ Воронцову, тайный совѣтникъ баронъ Мейендорфъ, человѣкъ образованный, но необыкновенно плодовитый прожектеръ, а вмѣстѣ съ тѣтъ превеликій фантазеръ. Онъ пробылъ въ Тифлисѣ нѣсколько лѣтъ, которыя посвятилъ исключительно на измышленіе разныхъ глубокомысленныхъ предпріятій, оказывавшихся, за немногими исключеніями, одни несостоятельнѣе другихъ. Между прочимъ онъ уговорилъ князя основать пароходство на Курѣ и многія хозяйственныя заведенія въ большихъ размѣрахъ. Всѣ эти плоды подвижнаго воображенія поглотили много денегъ, и всѣ они, еще до выѣзда барона изъ Закавказья, успѣли разлетѣться прахомъ.

Въ Мартѣ у насъ въ Совѣтѣ состоялось продолжительное засѣданіе, заключавшееся въ совѣщаніяхъ объ учрежденіи новыхъ гражданскихъ мундировъ на Кавказѣ. Обсудили и учредили. А 29-го того мѣсяца я съ зятемъ моимъ присутствовалъ у князя Воронцова на открытіи Общества Сельскаго Хозяйства.

Приблизительно около этого времени, разыгралась маленькая исторія, поставившая въ крайне непріятное недоумѣніе все Тифлисское народонаселеніе. Совершенно неожиданно для всѣхъ, городскіе торговцы мясомъ закрыли свои лавки и прекратили торговлю говядиной. Вышло это вслѣдствіе того, что съ нѣкоторыхъ поръ мясные продукты въ городѣ стали безъ всякой причины повышаться въ цѣнѣ, чтó возбудило ропотъ и жалобы жителей, дошедшія до свѣдѣнія намѣстника. Князь приказалъ немедленно понизить таксы и строго наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія. Оно такъ не понравилось мясникамъ, что они, не долго думая, сдѣлали между собой единодушную стачку и внезапно заперли всѣ свои лавки. Впродолженіи двухъ дней, нельзя было достать ни за какія деньги куска говядины, весь городъ содержался на строжайшемъ постѣ. Поднялся общій крикъ. Князь Воронцовъ призвалъ губернатора князя Андроникова и крѣпко распекъ его за подобные безпорядки въ городѣ. Въ слѣдъ затѣмъ, драматизмъ мясной исторіи началъ принимать траги-комическій характеръ. Надобно знать, что князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, популярно называемый въ Грузіи просто «Малхазычъ», хотя въ молодости служилъ въ гвардіи, живалъ въ Петербургѣ, но къ Европейской цивилизаціи ни чуть не пріобщился и сохранилъ себя во всей полнотѣ, по нраву и обычаямъ, цѣльнымъ Азіатскимъ человѣкомъ. Храбрый на войнѣ, крайне неподатливый въ общежитіи, онъ имѣлъ весьма слабыя понятія о Русскихъ законахъ, также какъ о размѣрѣ правъ должностныхъ лицъ; онъ

даже не могъ или не хотѣлъ одолѣть премудрости Русской грамоты и долго не умѣлъ подписывать своего собственнаго имени: вмѣсто «Андрониковъ» писалъ «*князь Андроковъ*». (Уже назначенный Тифлисскимъ губернаторомъ, онъ выучился этой хитрости послѣ многихъ прилежныхъ стараній и умственнаго напряженія). Сильно раздраженный вышесказанной головомойкой намѣстника и желая на комъ нибудь выместить злость, онъ отправился прямо въ градскую думу. Въ присутственной залѣ онъ засталъ засѣданіе думы въ полномъ собраніи и, безъ дальнихъ объясненій, ожесточенно напустился на городскаго голову, съ крикомъ и ругательствами обвиняя его и думу во всей происшедшей неурядицѣ. Озадаченный голова резонно возразилъ озлобленному губернатору, что его сіятельство напрасно изволитъ такъ кричать и браниться, что дума ни въ чемъ не виновна, что ея дѣло надзирать за торговлей, смотрѣть за соблюденіемъ таксы, а за порядкомъ мясныхъ лавокъ и мясниковъ обязана смотрѣть полиція; всѣмъ извѣстно, что полиція въ Тифлисѣ самая дрянная и полицейскіе никуда не годятся; и что князь Андрониковъ, какъ прямой начальникъ полиціи, долженъ обратиться съ своей руганью къ ней, а никакъ не къ думѣ, не имѣющей въ этомъ дѣлѣ никакого участія, слѣдовательно и отвѣтственности. Слова эти привели пылкаго генерала въ такой гнѣвъ, что онъ, окончательно разсвирѣпѣвъ, съ яростію ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ неистовымъ голосомъ: «Если бы у меня теперь былъ кинжалъ, я бы тебя сейчасъ же закололъ!» Послѣ этого краткаго, но потрясающаго возгласа, князь Андрониковъ съ грознымъ видомъ удалился изъ залы присутствія.

Возвратившись къ себѣ домой въ самомъ сердитомъ расположеніи духа, поджигаемый страстнымъ позывомъ отомстить головѣ за его продерзости, онъ первымъ дѣломъ послалъ за своимъ секретаремъ (помнится, княземъ Джоржадзе), толковымъ чиновникомъ, приставленнымъ къ нему спеціально для его руководствованія и вразумленія. При появленіи секретаря, губернаторъ ошеломилъ его объявленіемъ энергичнаго приказа къ неотложному исполненію. «Какъ можно скорѣе, сдѣлайте распоряженіе, чтобы градскаго главу немедленно схватить и высѣчь плетьми на площади.» Чиновникъ, хотя хорошо знакомый съ нравомъ своего начальника, сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, но, по вторичномъ возглашеніи приказанія, осмѣлился скромно замѣтить:—«Ваше сіятельство, это невозможно! По Русскимъ законамъ вы не имѣете права сдѣлать такое распоряженіе, и его никто не послушаетъ».—«Какъ не послушаютъ? Что̀ ты знаешь! Ну въ такомъ случаѣ, я приказываю сейчасъ же ему забрить лобъ и отдать въ солдаты.»—«Этого тоже никакъ нельзя сдѣлать». — Гмъ! сердито заворчалъ Малхазычъ, такъ

пусть его сегодняже запрутъ въ острогъ!—«И это никакъ невозможно».—«А я хочу непремѣнно чтобы его хоть высѣкли! Если нельзя публично, то пусть домашнимъ образомъ».—«Городскаго голову нельзя высѣчь». — «Такъ пусть по крайней мѣрѣ его посадятъ подъ караулъ.»—«Городскаго голову нельзя посадить подъ караулъ».—«И подъ караулъ нельзя?!»—«Ни подъ какимъ видомъ нельзя».—«Ты что знаешь! Я не могу подъ караулъ?!»—«Не можете, ваше сіятельство, ничего этого вы не можете сдѣлать. Городскаго голову вы не можете ни высѣчь, ни отдать въ солдаты, ни запереть въ острогъ, ни посадить подъ караулъ».—«Кто такъ сказалъ?»—«Законъ такъ сказалъ».—Андрониковъ отчаянно замычалъ, остановился, помолчалъ, подумалъ, и наконецъ воскликнулъ рѣшительнымъ тономъ:—«Ну такъ я пойду, побью его!—«Вотъ это другое дѣло, одобрительно согласился секретарь, побить городскаго голову вы можете, если вамъ угодно; вы его побьете, онъ васъ побьетъ, и прекрасно, тѣмъ все и кончится». Однако князю Андроникову не удалось удовлетворить себя даже и этимъ маленькимъ удовольствіемъ. Самъ ли передумалъ, отсовѣтовалъ ли кто, только онъ головы не побилъ. Можетъ быть, не успѣлъ, потому что вынужденный принять скорѣйшія мѣры для освобожденія города отъ неурочнаго мясопуста, онъ долженъ былъ прежде всего заняться этимъ дѣломъ; а потомъ, погодя, ужъ кипятокъ остылъ, и страстный порывъ мстительности улегся. Съ мясниками онъ управился скоро: не затрудняясь мѣропріятіями, онъ объявилъ базарнымъ революціонерамъ, что если они сегодня же не начнутъ торговать мясомъ, то онъ вытребуетъ солдатъ, прикажетъ разбить всѣ мясныя лавки и выкинуть на улицу все что тамъ найдется. Эта резолюція подѣйствовала очень успѣшно, и съ того же дня говядина снова появилась въ городѣ.

Четыре года спустя, во время Крымской войны, князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ воевалъ съ большимъ успѣхомъ въ Закавказіи. Командуя Гурійскимъ отрядомъ, онъ усердно колотилъ Турокъ, а въ Кобулетскомъ санджакѣ, при рѣкѣ Чолокѣ, расколотилъ на голову мушира Селимъ-пашу съ его 34-хъ тысячнымъ корпусомъ, забравъ въ трофеи побѣды весь лагерь, всю артилерію, пушки, знамена, значки и множество оружія. Нѣтъ сомнѣнія, что побіеніе враждебнаго Турецкаго мушира не въ примѣръ славнѣе и лестнѣе побіенія безобиднаго градскаго головы. Надобно полагать, что такая удача на полѣ брани вознаградила съ лихвою князя Ивана Малхазовича за неудачу въ Тифлисской городской думѣ. Но въ тотъ день гнѣвнаго увлеченія, когда ему такъ сердечно хотѣлось разнести въ дребезги, или хоть по крайности посѣчь дерзновеннаго голову, если бы *въ тотъ день* предложили будущему Чолокскому герою, разгромившему Турецкій корпусъ, вы-

боръ между муширомъ и головой, едва-ли бы не вышло на оборотъ, и пострадать бы пришлось не муширу, а головѣ.

Князь Андрониковъ тогда оказалъ мнѣ большую услугу, давъ указанія на участки свободныхъ земель въ Кахетіи (его родинѣ), для поселенія колонистовъ или Русскихъ переселенцевъ. Я нарочно 3-го Мая поѣхалъ въ Кахетію для обозрѣнія этихъ участковъ и нашелъ ихъ вполнѣ удобными. Я проѣхалъ на Сигнахъ и Телавъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ видѣлъ казенныхъ и церковныхъ крестьянъ въ той же крайней бѣдности, о коей упоминалъ выше, по причинѣ (кромѣ неурожаевъ) накопившихся неоплатныхъ долговъ Армянамъ-кулакамъ. Князья и дворяне тоже быстро бѣднѣли, какъ отъ безпечности, такъ и отъ раздробленія имѣній, чему никакихъ предѣловъ до сего времени у нихъ не постановлено. Князей въ уѣздѣ больше всего Андрониковыхъ и Вачнадзе; самый богатый изъ нихъ, нашъ губернаторъ Иванъ Малхазовичъ, имѣющій здѣсь двѣсти дымовъ крестьянъ.

За Сигнахомъ замѣчательно Анахское ущелье, какъ по мѣстоположенію, такъ и особенно по множеству родниковъ, на коихъ устроено болѣе сорока небольшихъ водяныхъ мельницъ. До станціи Мокучанской дорога пролегаетъ въ долинѣ близъ селеній, раскинутыхъ на лѣво, почти безпрерывною цѣпью, по скату горъ, у подножія коихъ тянутся сплошнымъ рядомъ виноградные сады. Лучшія изъ селеній, Карданахъ и Бакурцихе, помѣщичьи; первое почти все князей Вачнадзе. Телавскій уѣздъ начинается въ четырехъ верстахъ отъ станціи; дорога проходитъ уже черезъ самыя селенія и между садами. Мѣста прелестныя: съ правой стороны горы снѣжныя, съ лѣвой покрытыя густымъ лѣсомъ. Наиболѣе выдающееся изъ селеній—Цинондалы, принадлежащее князьямъ Чавчавадзе.

Телавъ городокъ небольшой, но живописно расположенный на пригоркѣ, съ разбросанными каменными домами и садиками. Крѣпость еще довольно уцѣлѣла; въ ней двѣ церкви и дворецъ царя Ираклія, въ которомъ три комнаты возобновлены, а прочая часть въ разрушеніи. Отсюда я повернулъ на Гамборы, въ 30-ти верстахъ отъ Телава, по низменности, покрытой садами и рощами; далѣе, поднявшись верстъ на двѣнадцать въ гору, спустился на столько же внизъ, большею частію лѣсомъ. Дорога хотя не слишкомъ каменистая, но постоянно грязная и топкая по причинѣ горныхъ родниковъ, отчего устройство ея очень затруднительно. Я вынужденъ былъ сдѣлать почти весь этотъ переѣздъ верхомъ. Въ Гамборахъ, пообѣдавъ у батарейнаго командира подполковника Левина, къ вечеру прибылъ я въ колонію Маріенфельдъ, дабы осмотрѣть Іорскую канаву, уже оконченную по Самгорскому полю.

Дня черезъ два я выѣхалъ въ Лачины на встрѣчу князя Воронцова, проѣзжавшаго въ Дагестанъ. Его провожали княгиня Елисавета Ксаверьевна, ея родственница графиня Шуазель, князь Бебутовъ, начальникъ штаба Коцебу, Сафонювъ и много другихъ. Вмѣстѣ съ ними я отправился на канаву, которую князь желалъ видѣть. Онъ остался ею доволенъ, только приказалъ провести далѣе до впаденія въ оврагъ, чтобъ вода могла удобнѣе прямо стекать въ Демурчасальскую канаву на Караясской степи; сдѣлалъ распоряженіе объ исправленіи послѣдней канавы, о построеніи каменнаго моста, монумента при немъ, одобрилъ всѣ мои распоряженія и поѣхалъ со всей свитой обѣдать и ночевать въ Маріенфельдъ, гдѣ я пробылъ у него до десяти часовъ. На слѣдующій день князь продолжалъ путь въ экспедицію, а княгиня съ графинею, распростясь съ нимъ, повернули обратно въ Тифлисъ, куда и я за ними послѣдовалъ.

Я засталъ городъ въ необыкновенномъ движеніи, по случаю происходившаго въ тотъ день, 14-го Іюня, погребенія въ Мцхетѣ послѣдней Грузинской царицы Маріи Георгіевны, умершей въ Москвѣ и привезенной въ Грузію послѣ слишкомъ сорокалѣтняго отсутствія, для помѣщенія въ общей царской усыпальницѣ Мцхетскаго собора, возлѣ ея мужа царя Георгія, умершаго въ 1800 году. Все туземное общество и народонаселеніе стремилось въ Мцхетъ отдать послѣдній долгъ праху ея. Эта царица, изъ семейства князей Цицiановыхъ, вдова послѣдняго Грузинскаго и Кахетинскаго царя Георгія XIII-го, надѣлала въ свое время много шума и возбудила много толковъ.

Въ началѣ столѣтія, вскорѣ по присоединеніи Грузіи къ Россіи, главнокомандующій князь Цицiановъ, по приказанію изъ Петербурга, предложилъ вдовствующей царицѣ немедленно выѣхать со всѣмъ семействомъ изъ Тифлиса въ Россію. Царица на отрѣзъ отказалась. Князь Цицiановъ, не смотря на то, что самъ былъ Грузинъ по происхожденію, а можетъ именно по этой самой причинѣ, не слишкомъ церемонился съ туземной аристократіей. Онъ послалъ къ царицѣ храбраго генерала Лазарева (побѣдителя Омара, хана Аварскаго) съ дорожными экипажами и строжайшимъ наказомъ уговорить ее, усадить въ экипажъ и безъ проволочекъ отправить въ дорогу. Лазаревъ (по сказаніямъ молвы пользовавшійся близкой благосклонностью царицы), какъ ни старался убѣдить ее, но все было напрасно: она сердилась, бранилась и ѣхать не желала. Вынужденный исполнить приказаніе начальства во что́ бы ни стало, Лазаревъ хотѣлъ повезти ее силою. Тогда, говорятъ, произошла скандальная сцена: будто бы, въ пылу гнѣва, царица дала ему пощечину, а онъ не задумываясь возвратилъ ей оную. Такъ или не такъ, только разъяренная царица вытащила

изъ подъ тюфяка тахты, на которой предъ тѣмъ сидѣла, большой кинжалъ и заколола генерала. Онъ тутъ же скончался; а царицу съ дѣтьми сейчасъ же взяли, посадили въ экипажи и отвезли въ Бѣлгородъ, гдѣ она жила на покаяніи, кажется, при монастырѣ, нѣсколько лѣтъ, а потомъ переселилась въ Москву и пребывала тамъ до конца жизни. Общее мнѣніе, заслуживающее довѣріе, утверждало, что Лазаревъ убитъ не собственноручно царицей, а находившимся при ней бичо, молодымъ человѣкомъ въ родѣ тѣлохранителя, Кахетинцемъ Химшіевымъ, которому она отдала кинжалъ съ приказаніемъ убить генерала; а по исполненіи этого приказанія, взяла вину на себя, объявивъ себя убійцей для спасенія настоящаго убійцы. Это же, какъ говорятъ, подтверждалъ въ Мцхетѣ, на ея похоронахъ, сопровождавшій тѣло изъ Москвы духовникъ ея, заявившій, что на предсмертной исповѣди царица сказала ему, что генерала Лазарева не она убила, и просила послѣ ея смерти объявить это гласно.

Для нашей лѣтней перекочевки на этотъ разъ было избрано военное поселеніе Пріютъ, куда я со всѣми моими и переѣхалъ 25-го Іюня. Здѣсь не излишне сказать, что̀ такое были военныя поселенія въ Грузіи. Кажется, что еще при Ермоловѣ породилась мысль къ основанію ихъ, изъ отставныхъ или выслужившихъ сроки воинскихъ нижнихъ чиновъ, съ цѣлью, съ одной стороны, успокоенія заслуженныхъ воиновъ, коимъ возвращаться въ Россію было или трудно, или за неимѣніемъ близкаго родства не для кого и не для чего; а съ другой—чтобы между туземными населеніями водворить Русскій элементъ. Таковой проектъ приведенъ въ дѣйствіе при главнокомандующихъ Головинѣ и Нейдгардтѣ. Для этихъ поселеній избраны здоровыя, хорошія мѣста, почти всѣ близъ постоянныхъ полковыхъ квартиръ. Земли надѣлено вдоволь, на обзаведеніе сдѣлано достаточное вспоможеніе, даны всѣ средства для успѣшнаго водворенія. При такихъ условіяхъ поселенія могли бы скоро утвердить свое благосостояніе и приносить вообще пользу краю, особенно находясь большею частію не вдалекѣ отъ Тифлиса, гдѣ всѣ продукты могутъ всегда сбываться по выгодной цѣнѣ, еслибы съ самаго начала ихъ учрежденія былъ установленъ хорошій надзоръ за ихъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ хозяйству. Но къ сожалѣнію, объ этомъ-то и не подумали. Поселяне были сначала подчинены полковымъ командирамъ, которые объ ихъ нравственности и домашнихъ распорядкахъ вовсе не заботились, а считали ихъ чѣмъ-то въ родѣ приписныхъ къ полковымъ квартирамъ крѣпостныхъ крестьянъ, и извлекали изъ нихъ всевозможную пользу. Это дошло до свѣдѣнія князя Воронцова, который предварительно поручилъ мнѣ обозрѣть поселенія, а потомъ составить проектъ о передачѣ ихъ въ управленіе

вновь учрежденной Экспедиціи Государственныхъ Имуществъ, что мною и было исполнено. Правда, что и это распоряженіе до сихъ поръ вполнѣ не достигло своей цѣли, именно потому, что эти поселенія разсѣяны по краю, и что ближайшій надзоръ за ними на мѣстахъ ихъ жительства я долженъ былъ ввѣрить мѣстному начальнику изъ чиновниковъ.

Въ одномъ изъ такихъ-то поселеній я устроился на лѣто. Военное поселеніе Пріютъ находится отъ Тифлиса всего въ тридцати верстахъ, между Коджорами и полковою штабъ-квартирою Эриванскаго гренадерскаго полка, Манглисомъ. Климатъ здѣсь хорошій, а мѣстоположеніе еще лучше. Главнокомандующій Нейдгардтъ основалъ близъ этого поселенія мѣстопребываніе на лѣтнее время главныхъ начальниковъ края и всего главнаго управленія, назвавъ его Пріютомъ. Нѣсколько зданій для квартированія ихъ возведены изъ экономическихъ суммъ. Выборъ мѣста, по моему мнѣнію, былъ самый удачный. Очень жаль, что докторъ и фаворитъ князя Воронцова, Андріевскій, склонилъ его измѣнить это распоряженіе переводомъ лѣтняго пребыванія главнаго управленія въ Коджоры, гдѣ и климатъ суровѣе, и удобствъ для размѣщенія чиновниковъ, особенно небогатыхъ, гораздо менѣе. Нѣсколько тысячъ рублей было брошено на постройку зданій, которыя теперь уже развалились и совсѣмъ уничтожаются. Главное изъ нихъ называлось Казармою.

Поселеніе Пріютъ было тогда окружено лѣсомъ на близкомъ разстояніи, а настоящій пріютъ, гдѣ предназначалась резиденція главнокомандующихъ, находился совсѣмъ въ лѣсу, мѣстами дремучемъ, возлѣ большой дороги, ведущей въ Манглисъ, и всѣ постройки тонули въ зелени густой тѣнистой рощи. Проѣзжая дорога, на пространствѣ многихъ верстъ, шла въ видѣ прекрасной аллеи, окаймленной съ обѣихъ сторонъ высокими зелеными стѣнами старыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того, когда я подъѣзжалъ къ Пріюту, я просто не узналъ этой мѣстности: вмѣсто аллеи въ лѣсу широкая, пустынная дорога разстилалась въ какой-то степи, а лѣсъ виднѣлся по бокамъ издали, чуть ли не на горизонтѣ. Все кругомъ было вырублено. Какъ часто припоминалось мнѣ чрезвычайно удачное, остроумное словцо бывшаго министра финансовъ графа Канкрина. На одномъ изъ экзаменовъ въ Лѣсномъ Институтѣ, преподаватель спросилъ ученика: — «Какіе водятся въ лѣсахъ истребители, самые вредные для лѣса?» — «Хоботоносецъ и древоѣдъ», отвѣчалъ ученикъ. — «Нѣтъ, замѣтилъ присутствовавшій на экзаменѣ графъ Канкринъ, совсѣмъ не такъ: самые вредные истребители лѣса вовсе не хоботоносецъ и не древоѣдъ, а *топороносецъ и хлѣбоѣдъ*». По несчастію, сказано совершенно вѣрно.

Возлѣ развалинъ дома, служившаго нѣкогда жилищемъ главнокомандующаго Нейдгардта, а потомъ обращеннаго въ казарму, въ глубинѣ рощи, въ маленькомъ домикѣ изъ двухъ комнатъ, проживалъ Грузинскій помѣщикъ князь Тулаевъ, пожилой холостякъ. Вѣроятно скучая въ своемъ уединенномъ одиночествѣ, онъ былъ очень доволенъ нашимъ переѣздомъ въ его сосѣдство, всякій день приходилъ къ намъ, по вечерамъ игралъ со мною въ преферансъ и часто приглашалъ насъ къ себѣ въ рощу обѣдать. Обѣды конечно готовились моими поварами, изъ привозимыхъ моихъ же припасовъ, а Тулаевъ отчасти угощалъ виномъ изъ своей деревни. Мы тамъ въ хорошую погоду съ удовольствіемъ проводили иногда почти цѣлые дни: обѣдали на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнію вѣковыхъ чинаровъ и орѣховъ, гуляли въ лѣсу, пили чай и возвращались домой поздно вечеромъ всегда почти пѣшкомъ. У насъ постоянно были гости изъ Тифлиса и Коджоръ, также чиновники, офицеры по дѣламъ, знакомые, ѣхавшіе въ Манглисъ и оттуда, заѣзжавшіе по дорогѣ къ намъ отдохнуть и разсказать новости. Всѣ они въ тѣ дни отправлялись съ нами обѣдать въ лѣсъ, и время проходило очень оживленно. У Тулаева бывали и свои гости, два Грузина, одинъ дворянинъ Чачиковъ и другой, называвшійся храбрымъ поручикомъ (фамиліи не припомню), очень забавные люди, увеселявшіе насъ разсказами разныхъ занимательныхъ событій изъ жизни старой и современной Грузіи. Оба они были не женаты и далеко не молоды. Особенно курьезно отличался въ разговорахъ храбрый поручикъ, неглупый старичекъ, съ приправой замѣчательнаго туземнаго юмора. Его однажды кто-то изъ нашего общества спросилъ, почему онъ до сихъ поръ не женился?—«Вотъ, еслибъ теперь было такое время, какъ при нашихъ царяхъ, то я давно бы ужъ женился. Я бы тогда купилъ своей женѣ чадру за шесть абазовъ, а она и носила бы ее шесть годовъ. А теперь, если я только женюсь, она сейчасъ скажетъ: дай мнѣ башмакъ, дай мнѣ клокъ, дай мнѣ шляпка!—Я скажу: На что башмакъ? На что шляпка? - А она скажетъ: У Тамамшевой есть башмакъ, у Орбеліановой есть шляпка, у Тумановой есть клокъ!—«А я гдѣ возьму деньги на шляпка и клокъ? Лучше не надо жены».

Вѣроятно по той же причинѣ и Тулаевъ не женился, хотя средства къ жизни у него должны бы быть порядочныя: онъ имѣлъ 1800 десятинъ хорошей земли подъ лѣсомъ и съ сотню душъ крестьянъ. Съ такимъ состояніемъ въ Россіи всегда можно прожить безъ нужды; но здѣсь не Россія, а Грузія; здѣсь попадаются помѣщики и побогаче Тулаева, которые живутъ немного лучше своихъ буйволовъ, пребывающихъ въ затхлыхъ буйлятникахъ. Тулаевъ жилъ въ своемъ домикѣ, хозяйственно обставленномъ, но скудно и грязно. Онъ жаловался на

плохія дѣла, объясняя ихъ тѣмъ, что лѣсъ даетъ мало, а крестьяне и того меньше. Раза три-четыре въ годъ, по большимъ праздникамъ, къ нему приходятъ изъ деревни нѣсколько мужиковъ съ поздравленіемъ, приносятъ ему нѣсколько куръ, иногда и барана, а господинъ долженъ ихъ за это угостить многими тунгами вина; мужики выпьютъ вино, и тутъ же зажарятъ или сварятъ своихъ куръ съ бараномъ, съѣдятъ ихъ и уйдутъ назадъ въ деревню. Тѣмъ почти и ограничивались отношенія помѣщика къ его крестьянамъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ стали ходить слухи, что въ окрестностяхъ Пріюта завелась шайка разбойниковъ: зарѣзали духанщика, безцеремонно разъѣзжаютъ по почтовой дорогѣ, тутъ же останавливаются на роздыхѣ въ ожиданіи добычи, спокойно пасутъ своихъ лошадей, стрѣляютъ по проѣзжающимъ, и все это днемъ, въ виду казачьяго поста и большой деревни военнаго поселенія. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, подобныхъ проказъ въ здѣшней окружности не водилось со времени вступленія Русскихъ войскъ въ Грузію. Однажды мы только что встали отъ обѣда, часу въ пятомъ, какъ услышали отчаянный вопль, и къ намъ во дворъ вбѣжалъ Татаринъ въ изорванной одеждѣ, весь въ крови, съ криками *кардашъ! кардашъ!* (что̀ значитъ по татарски братъ). Онъ такъ задыхался, что едва могъ говорить; однако мы кое-какъ поняли, что онъ съ своимъ братомъ муллой возвращался въ кочевку изъ Тифлиса, куда они водили на продажу скотъ; недалеко отъ Пріюта на нихъ напали восемь человѣкъ разбойниковъ, ограбили ихъ, забрали деньги, лошадей, брата застрѣлили, а его самаго схватили, завязали глаза и потащили въ оврагъ вмѣстѣ съ тѣломъ брата. Водили его долго; потомъ стали разсуждать что̀ съ нимъ дѣлать и куда имъ теперь идти; а Татаринъ тѣмъ временемъ сдернулъ платокъ съ глазъ и потихоньку отъ нихъ удралъ. Они кинулись его догонять, но по оврагамъ, трущобамъ, за камнями, лѣсомъ, потеряли изъ виду, и Татарину удалось добраться до Пріюта.

Въ тотъ самый день у насъ кстати обѣдали Тулаевъ и участковый засѣдатель князь Аргутинскій, пріѣхавшій ко мнѣ по дѣлу, съ десяткомъ конныхъ чапаровъ. Мой сынъ сейчасъ же всѣхъ ихъ посадилъ на лошадей и, взявъ еще съ поста трехъ казаковъ, отправился на розыскъ по указаніямъ Татарина. Этотъ послѣдній, еще совсѣмъ растерянный, повелъ ихъ не на мѣсто убійства, а въ лѣсъ, откуда ушелъ, подъ конецъ спутался и никакъ ничего не могъ найти. Между тѣмъ смерклось, и такъ какъ разъѣзжать въ темнотѣ на обумъ по кручамъ, обрывамъ, непроходимому лѣсу, не привело бы ни къ чему путному, то они рѣшили отложить поиски до слѣдующаго дня. Однакоже на возвратномъ пути они напали на слѣдъ: потоптанную лошадьми

траву и на ней рѣзкую полосу, по которой тащили мертвое тѣло. Слѣдъ привелъ къ окраинѣ глубокаго оврага, куда ночью спускаться было невозможно безъ риска сломать себѣ головы и поломать лошадямъ ноги о пни и корни деревьевъ. Здѣсь же нашли папаху убитаго и должны были этимъ ограничиться.

На другой день поиски возобновились, но разбойниковъ не настигли, а на днѣ глубокаго оврага, въ грязи, нашли трупъ убитаго муллы. Поселяне перенесли его въ Пріютскую казарму. На груди его, подъ чохой, хранилась книжка съ выпиской изъ Корана и девять рублей денегъ, уцѣлѣвшихъ отъ разбойничьихъ рукъ, захватившихъ у него двѣсти рублей, вырученныхъ за продажу скота. Тѣмъ дѣло и кончилось, впрочемъ только съ разбойниками, а съ ихъ потерпѣвшими жертвами, напротивъ, только съ этого началось. Пошло слѣдствіе, пріѣхалъ засѣдатель, задержалъ убитаго и живаго, наводилъ справки, ожидалъ прибытія лѣкаря для медицинскаго освидѣтельствованія; лѣкарь не пріѣхалъ. Наконецъ, черезъ недѣлю, засѣдатель взялъ съ родственниковъ пострадавшихъ Татаръ посильную подачку и отпустилъ обоихъ братьевъ, убитаго полуистлѣвшаго и живаго полумертваго. Любопытно, что засѣдатель нашелъ чтó взять даже съ человѣка, уже ограбленнаго разбойниками. Надо полагать, что еслибы онъ, послѣ того, какъ имѣлъ дѣло съ засѣдателемъ, попался къ разбойникамъ, едва ли они нашли бы у него что нибудь кромѣ собственной кожи. Разбойники, убившіе муллу, въ туже ночь украли у Тулаева изъ конюшни двѣ лошади. Значитъ, отдохнувъ по близости въ лѣсу, они преспокойно вернулись снова на прежнюю почтовую дорогу за новыми заработками.

Съ наступленіемъ осени наступили и мои служебные разъѣзды. Оставивъ жену мою съ семьей въ Пріютѣ, я съ Витте и Ростиславомъ поѣхалъ чрезъ Манглисъ на Цалку, Лорійскую степь, и оттолѣ прямою дорогою въ Александропольскій уѣздъ. Тамъ меня въ то время занимали двѣ водопроводныя канавы подъ названіемъ Боздаганской и Музуглинской, кои оживили большое пространство пустынной и плодородной степи и открыли весьма удобное мѣсто для поселенія до 300 семей. Чуть ли эти канавы не были единственными, достигшими тогда цѣли ихъ проведенія. Не знаю, поддерживаются ли онѣ теперь.

Я остановился на нѣсколько дней въ Александрополѣ, откуда ѣздилъ осматривать канавы. На Музуглинской, въ 25-ти верстахъ отъ города, меня встрѣтилъ нарочно пріѣхавшій ко мнѣ изъ Сардаръ-Абада участковый засѣдатель Квартàно, старый мой знакомый еще съ 1837-го года, по Пятигорску. Хотя должность участковаго засѣдателя не совсѣмъ соотвѣтствовала его лѣтамъ, такъ какъ онъ самъ считалъ себѣ за семьдесятъ, а князь Александръ Ивановичъ Барятинскій (очень любившій его, какъ

веселаго, пріятнаго собесѣдника) насчитывалъ ему почти Мафусаиловъ вѣкъ, однако онъ былъ еще необыкновенно подвижной, живой старичокъ. Жизнь Квартàно была сплетеніемъ самыхъ необычайныхъ похожденій. По происхожденію Испанецъ, хотя родившійся въ Россіи, человѣкъ совершенно порядочный, образованный, знавшій множество языковъ, онъ въ молодости служилъ офицеромъ въ гвардіи. Но вздумалось емуповояжировать; взялъ отпускъ и поѣхалъ заграницу, объѣздилъ Европу, завернулъ въ Испанію, нашелъ тамъ своихъ родственниковъ, какія-то дѣла по наслѣдству, и тамъ засѣлъ на много лѣтъ, забывъ о своемъ отпускѣ и Русской службѣ. Похожденія его въ Испаніи были самыя разнообразныя и превратныя. Сначала ему везло. Онъ путался въ политическія дѣла, въ заговоры, ловеласничалъ, дрался на дуэляхъ, подвергался многоразличнымъ непріятностямъ, попадалъ въ безвыходныя положенія, вывертывался изъ нихъ и снова попадался. Разъ даже попалъ въ инквизицію, тогда еще дѣятельную въ Испаніи (въ первой четверти вѣка), сидѣлъ въ подземельѣ, даже испыталъ слегка удовольствіе инквизиціонныхъ пытокъ, но и оттуда какъ-то успѣлъ выскочить. Поступивъ въ военную службу, по тогдашнимъ сумятицамъ въ Испаніи, онъ воевалъ со всякими врагами, чужими и своими, опять замѣшался въ какую-то революцію, кажется Ріего Нунеца, и опять попалъ въ Мадридскую тюрьму; его приговорили къ разстрѣлянію. Тутъ какимъ-то образомъ удалось ему дать о себѣ знать Русскому посланнику, къ которому онъ обратился, какъ Русскій подданный и офицеръ. Посланникъ заступился, выручилъ его и отправилъ прямо въ Петербургъ. Изъ Петербурга Квартàно безъ дальнихъ проволочекъ препроводили на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ солдатомъ, коимъ онъ пребывалъ пятнадцать лѣтъ. Всѣ эти злоключенія нисколько не измѣнили его всегда веселаго, беззаботно-добродушнаго характера. Въ полку онъ былъ любимъ товарищами и въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ полковымъ командиромъ Безобразовымъ. По производствѣ въ офицерскій чинъ, уже въ преклонномъ возрастѣ, онъ послужилъ еще въ полку нѣсколько времени, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, проходилъ разныя маленькія должности, и наконецъ встрѣтилъ меня на Музуглинской канавѣ въ санѣ участковаго засѣдателя. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ мое управленіе лѣсничимъ, а затѣмъ пристроился на службу по провіантской части. Главное достоинство Квартàно заключается въ томъ, что онъ преинтересный разсказчикъ неистощимаго запаса анекдотовъ, всякихъ забавныхъ продѣлокъ и исторій, которыя онъ умѣетъ мастерски передавать. Ему теперь далеко за восемдесятъ; но ему все еще очень не хочется умирать. Онъ съ грустнымъ видомъ, потихоньку, сообщаетъ добрымъ зна-

комымъ о своемъ желаніи, чтобы на его могильномъ камнѣ была сдѣлана надпись:

Здѣсь лежитъ Квартано,
Который умеръ слишкомъ рано.

Въ нашемъ путешествіи такой сопутникъ былъ истинной находкой.

Ѣхали мы въ Александрополь и обратно почти все верхомъ, карабкались по горамъ, трущобамъ, обѣдали въ степи, въ лѣсахъ, у ручьевъ, ночевали въ кибиткахъ и буйлятникахъ. Въ иныхъ деревняхъ попадались и сносныя квартиры, гдѣ мы даже устраивали преферансъ. Заѣзжали въ аулы, кочевки, Греческія, Армянскія, Молоканскія, Татарскія поселенія. На половинѣ дороги между Амамлами и Кишлагомъ видѣли памятникъ Монтрезору, убитому въ 1804 году, сооруженный Воронцовымъ. Однажды пришлось намъ заночевать въ глухомъ, дикомъ мѣстѣ, въ горахъ. Усталые отъ труднаго пути, поздней ночью, мы усѣлись въ пустой саклѣ пить чай. Вдругъ, въ ночной тишинѣ раздался рѣзкій звонъ почтоваго колокольчика; мы удивились, что въ такую пору и въ такомъ мѣстѣ кто нибудь можетъ ѣхать на почтовой тройкѣ; но еще болѣе удивились, когда уѣздный начальникъ, участковый засѣдатель и другіе чиновники, провожавшіе меня, очень серьезно заявили, что *никто не ѣдетъ.*—«Какъ не ѣдетъ? Да вѣдь это почтовый колокольчикъ!»—«Слышимъ, не разъ ужъ слышали; только это никто не ѣдетъ».—«Да откуда же колокольчикъ? Гдѣ онъ звонитъ? Вѣдь это же не эхо какое-нибудь».—«Какое эхо? Развѣ можетъ быть такое эхо? Богъ его знаетъ, что́ это такое!» И чиновники только разводили руками въ знакъ своего полнѣйшаго недоумѣнія, а на дальнѣйшіе распросы разсказали слѣдующее. По свидѣтельству всѣхъ окружныхъ мѣстныхъ жителей, здѣсь прежде никогда не было слышно никакого колокольчика. Лѣтъ десять тому назадъ, этими мѣстами, по брошенной нынѣ дорогѣ, внизу, въ долинѣ, проѣзжалъ ночью почтовой тройкой на перекладной съ колокольчикомъ комисаріатскій чиновникъ; на него напали разбойники, убили его и ямщика. Съ тѣхъ поръ по ночамъ сталъ здѣсь раздаваться звонъ почтоваго колокольчика, и такъ громко, что слышенъ въ горахъ на далекое разстояніе. Позвонивъ нѣсколько минутъ, онъ умолкаетъ, а потомъ опять начинаетъ звонить, и такъ продолжается до разсвѣта, когда звонъ совсѣмъ прекращается, и днемъ его никогда не слышно. По этому поводу уже наводили справки, распрашивали жителей, но не могли добиться никакого объясненія; общее убѣжденіе стояло на томъ, что этотъ таинственный звонъ происходитъ не отъ міра сего и есть прямое послѣдствіе убійства комисаріатскаго чиновника, ѣхавшаго на тройкѣ съ колокольчикомъ.

Въ концѣ Сентября я возвратился въ Тифлисъ, гдѣ дня два спустя послѣдовало достопамятное для страны событіе: 25 Сентября Тифлисъ торжественно встрѣчалъ прибытіе путешествовавшаго по Кавказу и Закавказскому краю Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Я, вмѣстѣ съ прочими офиціальными лицами, ожидалъ отъ трехъ до шести часовъ въ Сіонскомъ соборѣ пріѣзда его высочества. Шествіе, въ сопровожденіи громадной толпы, со всѣми амкарскими цехами, съ ихъ значками и атрибутами, двигалось медленно. По совершеніи молебствія экзархомъ Грузіи Исидоромъ, Наслѣдникъ отправился, въ открытомъ экипажѣ съ княземъ Воронцовымъ, въ домъ намѣстника. На слѣдующій день я представлялся въ общемъ пріемѣ его высочеству, а затѣмъ обѣдалъ на парадномъ обѣдѣ у намѣстника. На третій день вечеромъ дворянство давало раутъ, въ караванъ-сараѣ, близъ темныхъ рядовъ. Обширная, крытая площадка посреди караванъ-сарая, окруженная внутри грязными лавками, была превращена въ великолѣпную залу, роскошно разукрашенную зеленью, цвѣтами, деревьями, коврами, фонтанами съ бьющими изъ нихъ струями краснаго и бѣлаго Кахетинскаго вина, имѣвшую при яркомъ освѣщеніи волшебный видъ. Наслѣдникъ казался очень доволенъ, со многими милостиво разговаривалъ, особенно любезно съ дамами. Онъ потѣшался нѣкоторыми Грузинскими проказами по части питія и тостовъ въ честь его августѣйшаго присутствія, съ удивленіемъ смотрѣлъ на подвигъ Кахетинскаго атлета стараго князя Гульбата Чавчавадзе, когда тотъ, за здравіе и многолѣтіе дорогаго гостя, выпилъ залпомъ огромный турій рогъ вина, почерпнутый изъ фонтана, не отнимая губъ отъ рога до послѣдней выпитой капли. Въ разговорахъ съ иными лицами Великій Князь иногда добродушно улыбался при наивныхъ выраженіяхъ, не совсѣмъ привычныхъ для его слуха. Такъ, обратившись къ одной почтенной туземной княгинѣ, вдовѣ заслуженнаго генерала, плохо говорившей по-русски, которая стояла въ числѣ многихъ другихъ на невысокой эстрадѣ, не слишкомъ прочно устроенной, Наслѣдникъ спросилъ у нея: «не боится ли она тамъ стоять, какъ бы не подломилось; не лучше ли сойти внизъ?» Княгиня съ апломбомъ отвѣчала: «Нѣтъ, ваше высочество! Я ничего не боюсь. Я только боюсь одни *мишь*» (то есть мышей). Это откровенное признаніе безстрашной княгини вызвало веселую улыбку на лицѣ Наслѣдника.

На четвертый день, 29 Сентября, его высочество оставилъ Тифлисъ, а 3 Октября князь Воронцовъ послѣдовалъ за нимъ. Вскорѣ и я предпринялъ небольшой объѣздъ Нѣмецкихъ колоній, недѣли на двѣ, взявъ съ собой жену мою съ внуками до Маріенфельда, гдѣ они остались подождать меня. Мнѣ хотѣлось доставить имъ удовольствіе пожить

еще немного посреди зелени, погулять въ садахъ, до наступленія зимы, въ теченіи которой Елена Павловна, по разстроенному здоровью, уже не могла выходить изъ дома до самой весны. Въ самомъ Тифлисѣ и его окрестностяхъ и теперь (въ 60-хъ годахъ) мало зелени, а тогда еще было меньше. Съ одной стороны гòрода, растянутаго вдоль Куры, голыя скалы, камни; съ другой—обнаженныя, пустынныя горы; всего только одинъ садъ, при домѣ намѣстника, недоступный для публики, кромѣ одного раза въ недѣлю, по Четвергамъ, а въ настоящее время закрытый для нея. Другой садъ-Муштаидъ, далеко за городомъ, по той сторонѣ рѣки и не совсѣмъ удобный для прогулокъ. Затѣмъ, въ городской Нѣмецкой колоніи за Курой, при домахъ огороды и виноградники. Вотъ и все по части зелени. Теперь, по распоряженію князя Барятинскаго, на Александровской площади разведенъ паркъ; но еще долго надо дожидаться, пока онъ разростется *).

Въ Ноябрѣ сынъ мой Ростиславъ снова опредѣлился на службу въ Закавказскую артилерію и назначенъ въ легкую горную батарею 20-й бригады, квартировавшую въ урочищѣ Кусарахъ, Шемахинской губерніи, на самой границѣ южнаго Дагестана. Я самъ представилъ сына моего въ офицерскомъ мундирѣ князю Воронцову, начальнику штаба Коцебу и князю Бебутову. Чрезъ два мѣсяца, 9 Января 1851 года, онъ выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія.

Занятія мои умножились въ слѣдствіе передачи въ вѣдомство государственныхъ имуществъ церковныхъ имѣній края, по поводу чего князь Михаилъ Семеновичъ возилъ меня къ экзарху Грузіи для переговоровъ. Я былъ знакòмъ съ преосвященнымъ Исидоромъ лишь по визитамъ; съ этихъ же поръ установившіяся дѣловыя отношенія заставили насъ чаще видѣться и сблизили насъ до короткаго, можно сказать, дружескаго знакомства, коимъ я тѣмъ болѣе дорожилъ, чѣмъ лучше узнавалъ нашего достойнаго пастыря. Наши хорошія отношенія до сихъ поддерживаются постоянною перепиской.

*) Садъ уже давно разроссн и былъ бы истиннымъ благодѣяніемъ для города, если бы верхняя его часть, выходящая на Головинскій проспектъ, не была почти истреблена для постройки зданія „Храма Славы" въ воспоминаніе Кавказской войны. Жаль, что не нашли для того другаго мѣста. Н. Ф.

К. П. ФОНЪ-КАУФМАНЪ О ТЕАТРѢ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Письмо въ Москву изъ Вильны.

(1865).

Сергѣй Андреевичъ Райковскій увѣдомилъ меня о готовности г. Тарновскаго прибыть въ Вильну для ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ театровъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и для устройства ихъ, еслибъ то понадобилось, сообразно съ современнымъ состояніемъ общества и положеніемъ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ. Г. Тарновскій столько извѣстенъ какъ любитель и истинный знатокъ театральнаго дѣла, что, благодаря его заранѣе за его любезное предложеніе, я считаю, однако, необходимымъ, высказать вамъ, для передачи г. Тарновскому, до пріѣзда его сюда, мой взглядъ на то положеніе, которое долженъ занимать здѣсь театръ (положеніе, при которомъ нельзя отказать театру въ нѣкоторой затратѣ суммъ) и затѣмъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ состояніи находятся теперь театры въ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ и Минскѣ.

Въ Западномъ краѣ театръ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, долженъ служить подспорьемъ общему дѣлу, долженъ содѣйствовать къ воздѣлыванію нравственной почвы здѣшней публики на началахъ чисто-Русской жизни и, черезъ то, имѣть отчасти дидактическое значеніе. Ни въ Вильнѣ, ни въ другихъ подвѣдомственныхъ моему управленію губернскихъ городахъ, нельзя допустить смотрѣть на театръ, какъ на одно развлеченіе. Этотъ взглядъ справедливъ, какъ въ отношеніи Русскаго, такъ и ополяченнаго и Еврейскаго обществъ. Въ настоящее время здѣсь еще такъ мало Русскихъ людей, Русское общество до того еще не окрѣпло, что Русскому человѣку здѣсь некогда и отдыхать, какъ онъ отдыхаетъ внутри Россіи; поэтому въ досужное время, особенно въ театрѣ, ему можно желать не такого развлеченія, которое отстраняетъ его мысли отъ серьезной дѣятельности, а такого, которое настраиваетъ его на оную, даетъ ему новые источники силъ для дѣятельности и для борьбы съ враждебными элементами. Здѣсь почти

потребностію для Русскаго общества становятся пьесы изъ народнаго быта и пьесы историческаго содержанія: напоминая или свѣтлыя стороны народной жизни, или славное былое, онѣ даютъ нравственную поддержку каждому Русскому и поселяютъ увѣренность въ будущемъ торжествѣ нашего дѣла. Ополяченному или, какъ оно себя называетъ, Польскому обществу необходимо ознакомленіе съ правдивою Русскою жизнью, съ нашею историческою драмой, съ славными подвигами Русскаго царства и Русскихъ героевъ, съ нравами и обычаями нашей жизни. Нельзя отрицать нѣкотораго стремленія этого общества къ такому ознакомленію.

Что-же касается Еврейскаго общества, то на него театръ можетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе чѣмъ на кого-либо, при его впечатлительности и страсти къ зрѣлищамъ. Не смотря на борьбу старой Еврейской партіи съ новою, Евреи весьма охотно посѣщаютъ театръ, не исключая и шабашныхъ дней, особенно если даются пьесы относящіяся до ихъ быта. Евреи очень мало читаютъ Русскія книги, и для нихъ театръ есть наилучшій проводникъ Русскаго просвѣщенія. Черезъ посредство театра можно вызвать броженіе въ Еврейской массѣ, что̀ будетъ содѣйствовать къ усиленію новой, прогрессивной, Еврейской партіи, тогда какъ умственный застой всегда усиливалъ только старую. Такія пьесы какъ *Дебора* (была играна на Виленскомъ театрѣ нынѣшней зимой), *Менахимъ-бекъ-Израиль, Уріель Акоста* здѣсь были-бы весьма полезны.

Мѣстныя условія края таковы, что многія капитальныя произведенія драматической литературы не могутъ быть разыгрываемы на Виленской сценѣ. Я разумѣю здѣсь тѣ произведенія, которымп такъ богата наша современная литература и которыя бичуютъ темныя стороны Русской жизни, рисуя ихъ во всей ихъ наготѣ. Выставлять на Виленской сценѣ Русскихъ чиновниковъ—продажными, полицію—плутоватою и грубою, купцовъ—мошенниками или въ смѣшномъ видѣ, Русскаго крестьянина въ пьяномъ видѣ, было-бы вполнѣ неумѣстно. Поляки не столько добросовѣстны, чтобы, видя однѣ дурныя стороны, сами-бы вспомнили о хорошихъ; да и Русскимъ людямъ здѣсь вполнѣ неудобно видѣть на сценѣ обнаженіе лишь однѣхъ язвъ нашего общества. Вся каррикатурная сторона Русской жизни, по возможности, здѣсь должна быть отброшена. Не знаю, нужно-ли говорить послѣ сказаннаго, могутъ-ли имѣть мѣсто въ здѣшнемъ репертуарѣ Французскія мелодраммы и т. п? Даже классическія пьесы чуждыхъ намъ нравовъ могутъ являться только по необходимостм, и то лишь послѣ строгаго критическаго выбора. Говоря это, я не думаю, однако, проводить ту мысль, что легкія пьесы, водевили, оперетки, фарсы и пр. не могутъ

разыгрываться на здѣшнихъ сценахъ: изрѣдка онѣ бываютъ необходимы для разнообразія самого спектакля.

Изъ мѣстныхъ театровъ только одинъ Виленскій не находится нынѣ въ рукахъ антрепренера и управляется особой дирекціей изъ трехъ лицъ, по моему назначенію. Два года тому назадъ въ Вильнѣ совсѣмъ не было Русскаго театра. Изрѣдка Русскія пьесы были скверно разыгрываемы Польскими актерами. Теперь, хотя и имѣется нѣкоторое число Русскихъ актеровъ, все же еще большинство составляютъ Поляки. Кромѣ дурнаго выговора и непониманія Русской жизни, Поляки вносятъ съ собою за кулисы особый родъ театральной интриги, извѣстной только мѣстнымъ театрамъ, интриги, основанной на разладѣ политическомъ, чтó особенно тяготитъ здѣшнихъ актеровъ. Хотя нѣкоторыя пьесы на Виленской сценѣ идутъ весьма порядочно и есть нѣсколько даровитыхъ актеровъ, но вообще еще желательно много улучшеній по всѣмъ отраслямъ театральнаго управленія.

Изъ остальныхъ театровъ въ краѣ лучшій въ Гроднѣ. Театры въ Гроднѣ, въ Минскѣ и Ковнѣ содержатся антрепренерами, при пособіи отъ правительства отъ 2—до 2½ т. рубл. серебромъ.

Сцена въ здѣшнемъ краѣ, по моему мнѣнію, не можетъ быть коммерческою, вслѣдствіе того серьезнаго взгляда, который здѣсь должно имѣть на театръ; здѣсь надо не низводить театральное дѣло до площадныхъ пьесъ, такъ нравящихся неразвитой массѣ и приносящихъ по этому барыши, а напротивъ возвышать театръ до его истиннаго значенія—до значенія школы народной.

Изложивъ мой взглядъ на театръ въ Западномъ краѣ, я прибавлю къ этому, что я желалъ-бы къ будущему 1866—1867 году дать новую жизнь здѣшнимъ театрамъ, сосредоточивъ главное руководство общимъ направленіемъ дѣла и репертуарною частью въ Вильнѣ.

Я просилъ-бы васъ сдѣлать содержаніе моего письма извѣстнымъ г. Тарновскому и поблагодарить его отъ моего имени за его любезное предложеніе. Если онъ раздѣляетъ мой взглядъ на положеніе театра въ Сѣверо-Западномъ краѣ и приметъ на себя трудъ указать и должный репертуаръ, и надлежащее, цѣлесообразное устройство здѣшнихъ театровъ, въ указанномъ направленіи, то мнѣ было бы особенно пріятно видѣть его въ Вильнѣ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Съ своей стороны, я предоставлю г. Тарновскому всѣ нужныя средства и способы для ознакомленія съ здѣшними театрами и для окончательнаго ихъ устройства. Примите увѣреніе и пр.

12 Ноября 1865 года г. Вильна.

Константинъ Петровичъ Фонъ-Кауфманъ, съ половины Апрѣля 1865 года достойнѣйшій преемникъ графа М. Н. Муравьева въ только что умиротворенномъ Сѣверо-западномъ краѣ, отлично постигалъ великое нравственное и политическое значеніе театра и, по указанію покойнаго М. Н. Каткова, для исполненія благой мысли своей, изложенной въ напечатанномъ выше письмѣ, обратился къ знатоку этого дѣла К. А. Тарновскому, который, по его приглашенію, вмѣстѣ съ нимъ въ исходѣ 1865 г., поѣхалъ для того изъ Петербурга въ Вильну. Первоначально предположено было устроить Русскую сцену въ Вильнѣ и Гроднѣ. Работа закипѣла; въ средствахъ задержекъ не было; привлечены лучшія сценическія силы, готовилось новое зданіе Русскаго театра въ Вильнѣ. По просьбѣ К. А. Тарновскаго, А. Н. Островскій совмѣстно съ Чаевымъ и Писемскимъ приняли дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Первый изъ нихъ началъ писать для тамошней сцены „Осаду Смоленска", Писемскій—драмму изъ жизни князя Александра Тверскаго, а Чаевъ—трагедію „Изгой". Въ Вильнѣ начались представленія, привлекавшія зрителей. По приглашенію К. А. Тарновскаго, туда поѣхали даровитые артисты Рѣшимовъ, Ѳедорова, Піунова, Литвина, нѣкоторые новички изъ С.-Петербургскаго Театральнаго Училища и изъ частной труппы Михаила Ильича Огарева. Знаменитая артистка Никулина-Косицкая имѣла большой успѣхъ въ „Грозѣ" и „Скопинѣ Шуйскомъ", а А. А. Расказовъ до того сочувствовалъ патріотическому дѣлу, что оставилъ для того службу въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы К. П. Фонъ-Кауфманъ пробылъ долѣе генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края, Русское искусство успѣло бы пустить корни въ Вильнѣ, Ковнѣ и Гроднѣ. Но въ половинѣ Августа 1866 года преемникомъ Кауфману назначенъ графъ Барановъ, Виленскій театръ переданъ въ управленіе графа Ожаровскаго, и къ Январю 1867 года ни одного изъ Московскихъ артистовъ въ Вильнѣ уже не оставалось. Такъ гибнутъ у насъ благія начинанія!

*

Успѣхъ Русскаго театра въ Сѣверо-западномъ краѣ, хотя къ сожалѣнію кратковременный, составляетъ одну изъ заслугъ Константина Августиновича Тарновскаго. Недавно (12 Сентября 1891) праздновался пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности, которой съ такою неизмѣнною любовью посвящаетъ онъ себя съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни.

К. А. Тарновскій родился 4 Іюля 1826 года, въ Кіевской губерніи, въ знаменитой Каменкѣ, одинъ изъ владѣльцевъ которой, воспѣтый Пушкинымъ, Александръ Львовичъ Давыдовъ, былъ его крестнымъ отцомъ. Дѣдъ его, Антонъ Ивановичъ, нѣсколько лѣтъ сряду былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Кіевской губ. Отецъ его Августинъ Антоновичъ († 28 Іюля 1850 въ чинѣ генерала-маіора), владѣлецъ сосѣдняго съ Каменкою села Матвѣевки, служилъ сначала въ конной гвардіи, потомъ въ Финляндскомъ драгунскомъ полку, а за отличіе въ сраженіи подъ Дзендзёлами имѣлъ Владимірскій крестъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Москвѣ по государствен-

ному коннозаводству. Онъ былъ друженъ съ директоромъ Московскихъ театровъ А. Н. Верстовскимъ, благодаря которому сынъ его, съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни, получилъ возможность воспитаться въ любви къ сценическому искусству. Мать К. А. Тарновскаго, Екатерина Порфирьевна, урожд. Нелидова, приходилась родственницей супругѣ графа В. Ѳ. Адлерберга, Сенявинымъ, Нарышкинымъ, князьямъ Голицынымъ. Въ 1843—1847 гг. Тарновскій былъ студентомъ-юристомъ Московскаго Университета. Служба его началась переводчикомъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; потомъ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа Назимовѣ, но вскорѣ, по личному приглашенію графа В. Ѳ. Адлерберга, перешелъ въ Министерство Двора, въ управленіе театрами А. М. Гедеонова былъ секретаремъ театральной дирекціи въ Москвѣ, а во время коронаціи Александра Николаевича инспекторомъ репертуара, когда открывался возобновленный послѣ пожара Большой Московскій театръ. Кромѣ того К. А. Тарновскій служилъ въ 1873 году предводителемъ Серпуховскаго дворянства и почетнымъ мировымъ судьею. Служба его кончилась въ 1874 году. Но другую свою службу, стяжавшую ему общественную признательность, службу сценической литературѣ, несетъ онъ доселѣ. К. А. Тарновскій по долгу живалъ во Франціи, знаетъ въ совершенствѣ Французскую литературу и близко познакомился съ Парижскою сценою, въ лучшія времена ея процвѣтанія. Много живаго и изящнаго умѣлъ онъ перенести къ намъ оттуда, и въ этомъ самая главная его заслуга. К. А. Тарновскимъ написано и поставлено на сцену до ста піесъ. Многія изъ нихъ пользовались крупнымъ, выдающимся успѣхомъ и цѣлые десятки лѣтъ держались на репертуарѣ Императорскихъ сценъ. Его „Воробушки" очень нравились покойному Государю Александру Николаевичу, который неоднократно приказывалъ ставить ихъ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву.

Многолѣтнимъ опытомъ воспитанное художественное чувство, выработанное мастерство стихотворной и прозаической рѣчи, умѣнье уловлять тайну сценическаго успѣха: таковы неотъемлемыя достоинства маститаго драматурга. Пожелаемъ ему силъ и дальнѣйшихъ успѣховъ. П. Б.

*

ПОПРАВКА.

На стр. 305 (вып. 10-й Р. Архива сего года) цѣна книги объ избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича означена 3 рубля. Слѣдуетъ—30 рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для другихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 61-й, кв. 11 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателей можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ, Ю. Бартеневъ.**

„Русскій Архивъ" будетъ издаваться въ 1892 году на прежнихъ основаніяхъ (годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

12.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

„БЛАГОВѢСТЪ“.

Повременное изданіе, имѣющее цѣлью выясненіе духовно-нравственныхъ стремленій, задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и остальнаго Славянства, издается съ 15 Августа 1890 г. подъ руководствомъ Аѳ. Васильева. Сотрудники Н. П. и Ѳ. П. Аксаковы, С. Ѳ. Шараповъ, А. Г. Сахарова, Н. Н. Филипповъ, К. И. Одынецъ, Л. М. Медвѣдевъ, А. А. Коринфскій и др. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна: за годъ съ дост. и перес. пять руб. Подписка принимается: съ 1 Авг. 1891 по 1 Авг. 1892 года цѣна пять руб. и съ 1 Авг. по конецъ года цѣна два руб. „Благовѣстъ“ за 1890 г. съ руководящими статьями: Аѳ. Васильева—Задачи и стремленія Славянофильства, и Н. Аксакова—Причины невѣрія, высылается за два руб.

Кормило (редакція) изданія: Петроградъ, Пет. стор., Большой пр. д. 1. Отдѣленіе при Русско-славянскомъ книжномъ складѣ: Невскій 74. Подписка принимается также въ книжныхъ лавкахъ „Новаго Времени“ и кромѣ того въ Москвѣ: у Н. Печковской, Петровскія лин. и у И. Ф. Панкова Тверская, Чернышевскій переулокъ.

Кормчій **Ѳ. В. Четыркинъ.** Издательница **А. В. Васильева.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 30 листовъ. **Русское Обозрѣніе** будетъ издаваться по прежней программѣ, при сотрудничествѣ слѣдующихъ лицъ:

Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ. В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ - Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Л. Марковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Георгіевскій, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, Н. И. Дубасовъ, Н. Ю. Зографъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, Бретъ-Гартъ, Dr. H. Brunnhofer, П. Бурже, М. де-Вогюэ, Г. Вельшингеръ, П. Леруа-Болье, Э. Гартманъ, Ж. Симонъ, В. Стэдъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ.	За полгода.
Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи....	15 руб. 50 к.	8 руб. — коп.
За границу....................	19 „ — „	10 „ — „

Отдѣльные №№ продаются въ конторѣ журнала по 1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверской бульваръ, д. Зыкова, № 46, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

Въ Мартѣ 1851 года начались снова мои обязательные разъѣзды, сперва по ближайшимъ поселеніямъ и водопроводамъ, а потомъ въ Елисаветпольскій уѣздъ и въ раскольничьи поселенія Шемахинской губерніи. Колонія Анненфельдъ находилась въ бѣдственномъ положеніи по причинѣ гибельнаго климата, удушливаго жара и чрезвычайнаго множества вредныхъ насѣкомыхъ въ лѣтнее время. Городъ Елисаветполь по прежнему красовался лишь вѣковыми, громадными чинарами, а народъ повсемѣстно нуждался въ пропитаніи; всходы на поляхъ обѣщали хорошій урожай, но признаки саранчи уже заранѣе понижали эти обѣщанія. Колонія Еленендорфъ въ наружномъ видѣ значительно поправилась: много построилось и строилось новыхъ домовъ, шелководство подвигалось, вообще благосостояніе замѣтно росло. Тамъ мнѣ разсказывали объ одной удивительной продѣлкѣ медвѣдя, незадолго предъ тѣмъ гулявшаго въ здѣшнихъ мѣстахъ. Нѣсколько человѣкъ Нѣмцевъ-колонистовъ шли въ поле на работы. Съ одной стороны отъ нихъ возвышалась стѣной высокая скала, вдоль середины которой, надъ обрывомъ, тянулась узенькая тропинка, пробитая между камнями. Нѣмцы увидѣли снизу, что по тропинкѣ пробирается большой медвѣдь, а на встрѣчу ему съ другаго конца идетъ маленькая дѣвочка, лѣтъ трехъ, колонистка. Встрѣча дѣвочки съ медвѣдемъ была неминуема, разойтись невозможно; о помощи нечего было и думать, такъ какъ взобраться на скалу въ этомъ мѣстѣ совершенно немыслимо, а Нѣмцы не имѣли съ собою никакого огнестрѣльнаго оружія. Колонисты остановились въ нѣмомъ ужасѣ, безполезными, безсильными зрителями этой потрясающей картины. Дѣвочка шла сначала беззаботно, очевидно не замѣчая приближающагося звѣря. Они сходились все ближе и ближе. Наконецъ, дѣвочка увидѣла медвѣдя и остановилась, какъ оцѣпенѣлая. Медвѣдь тихо и мѣрно подвигался впередъ, подошелъ къ ней совсѣмъ

*) См. выше, стр. 424.

близко и въ трехъ-четырехъ шагахъ тяжело поднялся на заднія лапы. У зрителей внизу скалы заледенѣла кровь отъ ужаса. Дѣвочка стояла неподвижно. Медвѣдь на двухъ лапахъ подступилъ къ ней вплоть, протянулъ переднія лапы, обхватилъ дѣвочку за туловище, поднялъ ее и перебросилъ черезъ свою голову назадъ за себя. Дѣвочка упала на дорожку, а медвѣдь, опустившись на переднія лапы, спокойно продолжалъ свое шествіе далѣе. Онъ просто удалилъ ее, какъ встрѣтившееся на тропинкѣ препятствіе, и вполнѣ этимъ удовольствовался. Нѣмцы бросились въ обходъ горы, взобрались на тропинку и нашли дѣвочку уже на ногахъ, не только невредимою, но даже не слишкомъ испуганною. Ее благополучно доставили въ домъ къ родителямъ.

Изъ Елисаветполя я направился къ Шемахѣ. Въ раскольничьихъ деревняхъ Шемахинской губерніи, въ средѣ прочихъ сектантовъ, проживало и до 350 скопцовъ. Я нашелъ водвореніе ихъ въ земледѣльческихъ поселеніяхъ вовсе безполезнымъ, по неспособности ихъ къ хлѣбопашеству и тяжелымъ работамъ. Всѣ скопцы безъ исключенія были торгаши, ремесленники и поденщики. Въ Закавказскомъ краѣ удобнѣе разселять ихъ по городамъ, и преимущественно такимъ, гдѣ нѣтъ или мало Русскихъ: секта эта, ни мусульманъ, ни Армянъ къ себѣ не привлечетъ, а въ городахъ они, пока не перемрутъ, все-таки могутъ приносить какую либо пользу мастерствами и поденною работою. Въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ селеніяхъ открылось, что по камеральнымъ описаніямъ показывалось болѣе семей и душъ, нежели сколько дѣйствительно на лицо было, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ это вакантное число принимать бѣглыхъ и бродягъ. Нѣсколько виновныхъ, и въ томъ числѣ писарь, по изобличеніи, сосланы въ арестантскія роты въ Баку; но этимъ еще далеко не искоренено зло, противъ котораго слѣдовало бы принять въ самомъ началѣ строгія мѣры.

Пробывъ въ Шемахѣ четыре дня, я заѣхалъ въ большое раскольничье селеніе Алты-Агачъ, лучше прочихъ устроенное; тутъ скопцовъ было свыше полутораста душъ. Впослѣдствіи, значительнѣйшая часть изъ нихъ перешла въ православіе, построила церковь и, при разумномъ направленіи мѣстнаго начальства—если таковое будетъ—можно было бы надѣяться, что и всѣ они со временемъ обратятся. Оттуда я повернулъ въ урочище Кусары, навѣстить моего сына. Сынъ встрѣтилъ меня въ Кубѣ. Я ѣхалъ съ зятемъ Ю. Ф. Витте и добрымъ знакомымъ, капитаномъ генеральнаго штаба А. В. Фрейгангомъ, присоединившимся ко мнѣ въ Шемахѣ, и всѣ вмѣстѣ мы отправились въ Кусары, гдѣ насъ приняли отлично. Полковой командиръ Манюкинъ и батарейный Кудрявцевъ старались сдѣлать для меня пріятнымъ пребываніе въ ихъ стоянкѣ и задержали меня тамъ долѣе, нежели я предпо-

лагалъ. Вскорѣ должны были открыться военныя дѣйствія. Сынъ мой ихъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, понятнымъ въ молодомъ человѣкѣ съ врожденной наклонностію и призваніемъ къ военному дѣлу.—Урочище Кусары было занято подъ военное поселеніе еще при Ермоловѣ, въ 1821 г., и выбрано необыкновенно удачно, по климату, мѣстоположенію, обилію воды и лѣса. Оно и устроено лучше всѣхъ другихъ подобныхъ поселеній. Между прочимъ разведены два хорошіе сада, одинъ при домѣ полковаго командира, другой общественный, большой, тѣнистый, съ отборными фруктовыми деревьями. Несовсѣмъ удобно только расположены постройки, всѣ деревянныя и тѣсно скученныя.

Сынъ мой проводилъ меня до Баку. Въ тридцати верстахъ отъ Кубы, я заѣзжалъ въ урочище Астаръ-Абадъ, къ Джафаръ-Кули-хану, для осмотра его плантацій мареньі на казенной землѣ, отведенной ему для сего четыре года назадъ, коими онъ занимался очень удовлетворительно. Далѣе путь пролегаетъ по приморской долинѣ, имѣющей въ ширину отъ одной версты до десяти и болѣе до подножія горъ. Замѣчательна по формѣ и громадности скала Шайтанъ-дагъ. Встрѣчалось много соляныхъ озеръ. Винодѣлія въ этой мѣстности никакого не производится, лишь нѣсколько Армянъ гонятъ изъ винограда водку. Довольно оригинально, что крѣпостные крестьяне Татарскихъ бековъ работаютъ своимъ господамъ всего только три дня въ годъ.

Городъ Баку замѣтно улучшился съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ: пароходное сообщеніе съ Астраханью постоянно оживляло его; но торговля съ Персіей производилась почти исключительно Бакинскими судохозяевами, Татарами. Жара, угнетавшая меня предъ тѣмъ въ дорогѣ, проявилась здѣсь во всей своей силѣ съ прибавленіемъ вѣтра и страшной пыли, что́ однако не помѣшало мнѣ въ теченіи пяти дней, между дѣломъ, заняться осмотромъ города и его достопримѣчательностей, впрочемъ не слишкомъ многочисленныхъ. Я побывалъ въ крѣпости, развалинахъ ханскаго дворца, мечети, общественномъ саду, съѣздилъ на знаменитые Бакинскіе огни. На шестой день, погрустивъ при разставаніи съ моимъ сыномъ, продолжалъ я свое странствіе по берегу Каспійскаго моря, до рыбныхъ промысловъ, составляющихъ важнѣйшую оброчную статью Закавказскаго края, и въ раскольничьи поселенія Ленкоранскаго уѣзда.

Въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости, длинный спускъ съ горы Падамбаръ ведетъ въ ровную степь, которая тянется до караванъ-сарая, откуда путь приближается къ Курѣ; по дорогѣ попадаются остатки большаго водопровода и пространство на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, усѣянное все сплошь огромными каменьями. На ватагѣ Торна-Кале меня встрѣтилъ управлявшій рыбными промыслами откупщикъ

Аршакуни, проводившій меня на Божій Промыселъ, куда я прибылъ рано утромъ наканунѣ Вознесенія. Послѣ хорошаго отдыха и сытнаго обѣда, я успѣлъ осмотрѣть всѣ заведенія, былъ въ церкви у всенощной, а вечеромъ пили чай и играли въ преферансъ въ бесѣдкѣ. Видно было, что Аршакуни дѣятельно занимался и старался объ устройствѣ дѣлъ своей компаніи: нѣкоторыя строенія воздвигались вновь, построена больница, приступали къ постройкѣ каменной церкви вмѣсто ветхой деревянной; оброчная сумма уплачивалась исправно, и вообще все состояло въ желательномъ видѣ.

Переѣхавъ черезъ Куру, потомъ немного сухопутьемъ до Мертваго Култука, мы для разнообразія поплыли моремъ. Скоро поднялась качка, замедлявшая движеніе, и я рѣшился выбраться на берегъ и заночевать у рынка ватаги, близъ селенія Кизилъ-Агача, откуда направился на ватагу въ Кумбашй, а затѣмъ въ тотъ же день къ обѣду въ Ленкорань. Изъ частныхъ ватагъ рынокъ Кизилъ-Агача не слишкомъ значителенъ; Кумбашй важнѣе, какъ по значительности лова, такъ и по центральности онаго въ Ленкоранскихъ промыслахъ.

При осмотрѣ различныхъ заведеній и учрежденій рыбныхъ производствъ, мнѣ мимоходомъ случилось видѣть курьезное зрѣлище изъ рыбьяго живаго міра. Въ томъ мѣстѣ у берега, куда выкидываютъ негодные къ употребленію отброски рыбы, въ нарочно устроенной для того постройкѣ, постоянно кишитъ необычайное множество сомовъ въ ожиданіи добычи, на которую они набрасываются цѣлыми стаями съ чудовищною жадностію и проворствомъ, перехватывая ее другъ у друга. Отъ ихъ плеска и движенія вода здѣсь бурлитъ, какъ кипятокъ въ котлѣ. Сомы большею частію преогромные, иные почти въ родѣ маленькихъ китовъ. Одинъ изъ моихъ чиновниковъ, плотный, широкоплечій здоровякъ, вздумалъ потягаться силой съ этими водяными хищниками. Для опыта онъ взялъ длинную веревку, на одинъ конецъ ея привязалъ большой кусокъ рыбьяго хвоста, а другой конецъ взялъ крѣпко въ обѣ руки, и конецъ съ приманкою бросилъ въ воду. Въ тоже мгновеніе громадный сомъ, накинувшись на добычу, рванулъ веревку съ такой силой, что чиновникъ тоже достался бы на съѣденіе сомамъ, еслибы не успѣлъ, уже на лету въ воду, поскорѣе выпустить изъ рукъ веревку, и если бы люди, стоявшіе возлѣ него, схвативъ его, не удержали отъ неминуемаго паденія въ пучину морскую и пасть соминую.

Управляющій Аршакуни принималъ меня со всей широтой гостепріимства, обычнаго у всѣхъ откупщиковъ въ пріѣздъ какого-либо начальства или вліятельнаго лица. Шампанское лилось настоящимъ Ніагарскимъ водопадомъ, какъ будто бы черпалось изъ неисчерпаемаго Каспійскаго моря. Собственно мое личное участіе въ этомъ фестивалѣ

было болѣе нежели скромное; но чиновники, находившіеся со мной, люди молодые, здоровые, кажется, не отказались отъ благопріятнаго случая вдоволь покутить, чтó проявилось весьма замѣтно на слѣдующее утро, когда пришлось заниматься дѣломъ. Въ то время я былъ далекъ отъ предположенія, чтобы откупщикъ Аршакуни могъ изобразить изъ себя какой-либо интересъ въ общественномъ отношеніи или пóслужить предметомъ для толковъ и сужденій, помимо его рыбныхъ и торговыхъ предпріятій. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ умудрился заставить много о себѣ говорить. Вахтангъ Богдановичъ Аршакуни, типъ Армянскаго торгаша невысшаго разряда, какъ физически, такъ и морально, весьма некрасивой наружности грубаго Азіатскаго покроя, не представлялъ своею личностію ровно ничего интереснаго, а тѣмъ менѣе симпатичнаго или достойнаго упоминанія, еслибы вскорѣ не обнаружилъ наклонности къ такому увлеченію, которое шло совершенно въ разрѣзъ съ его натурою и составляло въ немъ загадочное психологическое явленіе. По происхожденію простолюдинъ, сынъ мелкаго торговца или духанщика, какимъ и самъ былъ въ началѣ, онъ попалъ по торговлѣ къ богатому Тифлисскому комерсанту Мирзоеву, заслужилъ его довѣріе, сдѣлался его прикащикомъ, повѣреннымъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ составилъ себѣ состояніе, позволившее ему вступить главнымъ лицомъ въ компанію, взявшую на откупъ рыбные промыслы, коими и управлялъ онъ очень успѣшно. Дѣло велъ онъ вообще хорошо, разумѣется, не забывая себя на первомъ планѣ, и довелъ свои капиталы до миліоннаго размѣра. Все это вещи бывалыя, обыкновенныя; но онъ задумывалъ и не совсѣмъ бывалое. Въ душѣ этого комерческаго человѣка, поглощеннаго, казалось, сполна разсчетами, оборотами и барышами, таился завѣтный идеалъ, созрѣвала задушевная мечта. Эта мечта была диковинный домъ на удивленіе всего Закавказья. Быть можетъ, еще въ своемъ дѣтствѣ, когда Аршакуни уличнымъ мальчишкой шнырялъ по базарамъ, или служилъ на побѣгушкахъ въ духанахъ и пурняхъ (пекарняхъ), онъ наслушался въ досужіе часы отъ бродячихъ сазандаровъ и рыночныхъ краснобаевъ, въ ихъ пѣсняхъ и сказкахъ, описанія волшебныхъ дворцовъ, сказочныхъ чертоговъ съ хрустальными стѣнами, зеркальными потолками, жемчужными фонтанами, всѣми затѣями пылкой восточной фантазіи, и чудесные разсказы неотразимо запечатлѣлись въ его воображеніи. Быть можетъ, это побужденіе возникло изъ какого-либо другаго источника, только сказочный домъ крѣпко засѣлъ въ его умѣ, сидѣлъ тамъ многіе десятки лѣтъ, и всѣ наживаемыя имъ деньги предназначались на созиданіе онаго.

Самою главною, непремѣнною принадлежностію дома, въ родѣ драгоцѣннаго перла, должна была въ немъ соорудиться пара залъ,

«зеркални и крустални», по выраженію Аршакуни; а затѣмъ, по окончаніи всего сооруженія, онъ мечталъ отпраздновать новоселіе необычайнымъ баломъ, такимъ же диковиннымъ, какъ и диковинный домъ. Тутъ мечты его достигали всего своего предѣла и дальше не шли; онѣ изсякали отъ полноты истощенія. Онъ купилъ въ Тифлисѣ на Комендантской улицѣ, недалеко отъ моей квартиры, большое мѣсто и занялся составленіемъ плановъ. Самъ онъ ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслилъ. Само собой понятно, всѣ архитекторы, подрядчики, весь людъ, заинтересованный въ предпріятіи, заботился только о томъ, чтобы побольше съ него взять денегъ, и брали сколько могли. Постройка началась и тянулась нѣсколько лѣтъ. Выписывались со всѣхъ сторонъ, даже изъ Персіи, мастера, рисовальщики, рѣзчики, золотильщики, для наружной и внутренней отдѣлки; выписывались изъ Европы и Азіи груды мебели, ковровъ, всякаго рода вещей, изъ коихъ попадались и хорошія, а по большей части хламъ, стоившій гораздо дороже своей цѣнности. За ними Аршакуни посылалъ нарочныхъ агентовъ. Между тѣмъ постепенно воздвигалось и, наконецъ, воздвиглось причудливое, обширное зданіе, съ пристройками, прикрасами, башенками, узорчатыми рѣзными рѣшетками и рамами. Обработка внутренней части производилась еще мудренѣе внѣшней. Тамъ съ особой тщательностію сооружался *зеркални и крустални* залы, съ мозаичными, зеркальными и изъ разноцвѣтныхъ стеколъ арабесками по потолку и стѣнамъ; отдѣлывалось множество комнатъ, каждая въ своемъ родѣ и вкусѣ, а вѣрнѣе сказать въ безвкусьѣ. Великолѣпный буфетъ съ широкимъ прилавкомъ, съ огромными стѣнными шкафами для посуды и серебра; комната съ мраморнымъ бассейномъ, со дна котораго возвышался громадный букетъ металическихъ, ярко раскрашенныхъ или эмальированныхъ листьевъ и цвѣтовъ, изъ чашечекъ которыхъ должны были бить фонтанчики, что̀ было бы очень эффектно. И такимъ образомъ чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Такъ какъ самъ Аршакуни ничего въ этомъ не понималъ и сознавалъ, что не понимаетъ, то и совѣтовался со всѣми, передѣлывалъ и раздѣлывалъ все по многу разъ. Онъ устроилъ комнату для библіотеки, но кто-то сказалъ: «На что̀ вамъ библіотека? Лучше сдѣлайте здѣсь кунацкую» (для пріятельскихъ бесѣдъ). Сейчасъ же библіотеку по боку, разставлены тахты, раскинуты ковры, разбросаны шитыя подушки, и кунацкая готова. Потомъ явился новый совѣтчикъ: «Къ чему кунацкая? Ужъ лучше церковь. Какъ же такой богатый домъ безъ домовой церкви!» И немедленно кунацкую долой, потолокъ перестроенъ куполомъ, развѣшаны образа, и явилась маленькая Армянская церковь. Но кому-то церковь не понравилась; заявлено мнѣніе, что умѣстнѣе было бы здѣсь завести биліардную, и разомъ

совершена новая метаморфоза: церковь обращена въ биліардную. Такъ шло безъ конца. Продѣлки выходили иногда просто шутовскія. Въ амбразурахъ оконъ «кустални залъ» Аршакуни велѣлъ нарисовать альфреско, во весь ростъ, портреты свой, своей жены старой Армянки, своихъ друзей и пріятелей. Азіатскій рисовальщикъ намалевалъ грубой кистью нелѣпѣйшія фигуры въ чохахъ и сюртукахъ съ длинными красными носами. Аршакуни восхищался. Но какой-то доброжелатель предложилъ портреты забѣлить и замѣнить арабесками съ цвѣтами, что и было благоразумно исполнено. Безвкусица и нелѣпица встрѣчались на каждомъ шагу. На дарбазахъ (стѣнныхъ полкахъ) красовались самые разнородные предметы: богатый кальянъ, бронзовая группа, а возлѣ рядомъ мѣдный тазъ и сапожная щетка. Словомъ, все было очень оригинально, и постоянно толпы публики сходились смотрѣть на эти курьезы.

Но какую злую шутку съиграла съ бѣднымъ Аршакуни его фатальная судьба! Дѣло подходило совсѣмъ къ концу, уже можно было предвидѣть срокъ окончанія всего строительства, даже навѣрно разсчитать время, чрезъ сколько мѣсяцевъ, когда именно можно будетъ отпраздновать торжество новоселія, какъ вдругъ Аршакуни замѣтилъ въ себѣ какое-то нездоровье, не то чтобы мучительное, но затяжное. Лечился онъ долго въ Тифлисѣ, не вылечился, поѣхалъ за границу, совѣщался съ разными Европейскими знаменитостями и вернулся въ томъ же положеніи, приведя съ собой цѣлый обозъ всякихъ вещей для дома. Тифлисскіе доктора отправили его въ Пятигорскъ или Ессентуки, откуда онъ возвратился больнѣе прежняго. Болѣзнь его опредѣлилась ясно и несомнѣнно: чахотка въ горлѣ. Между тѣмъ, за это время домъ совсѣмъ достроился, отдѣлался во всѣхъ частяхъ окончательно; оставалось только поставить заказанную на Тифлисской гранильной фабрикѣ мраморную лѣстницу, которая должна была кончиться недѣли черезъ двѣ, и тогда все было бы готово вполнѣ, и задавай Аршакуни балъ хоть въ тотъ же день, хоть предъ послѣднимъ своимъ вздохомъ! Но Аршакуни лежалъ уже въ постели и умеръ за два дня до постановки лѣстницы. Конецъ сооруженія дома и конецъ жизни хозяина его совпали одновременно. Такъ и кончилась эта хотя сумбурная, но все же грандіозная затѣя. Армяне хоронили своего злополучнаго соплеменника съ великимъ почетомъ и торжествомъ; духовенства собралось тьма тьмущая, гробъ несли на рукахъ высоко надъ головами; а за гробомъ его домашніе разсказывали, какъ покойникъ мучился передъ смертію, не тѣломъ, а душою; не хотѣлъ даже говорить ни съ кѣмъ, и объясняли это въ Армяно-комерческомъ смыслѣ тѣмъ, что: «если у человѣка хоть

сто рублей есть, помирать какъ тяжело; а у него оставался такой домъ! *Какой болшой домъ, такой у него былъ болшой грусть!*»

Домъ Аршакуни стоилъ болѣе восьми сотъ тысячь. Аршакуни клалъ на него всѣ свои средства, и въ тоже время тряссся надъ копѣйками на посторонній расходъ. Когда ѣхалъ онъ на воды въ Пятигорскъ, чрезъ горы, по Военно-грузинской дорогѣ, больной, въ лѣтнюю пору, его томила жара, и онъ сталъ жаловаться сопровождавшему его фельдшеру на раздраженіе горла отъ пыли; фельдшеръ принесъ ему стаканъ молока. Аршакуни схватилъ стаканъ, съ жадностію поднесъ къ губамъ и остановился.—«Сколько стòитъ это молоко?»—«Десять копѣекъ», отвѣчалъ фельдшеръ.—«Десять копѣекъ! Одинъ стаканъ десять копѣекъ! Ты сумасшедшій что ли? Зачѣмъ не поторговался?»—«Я торговался, ничего не хотятъ уступить».—«Такъ и не надо, зачѣмъ взялъ? Неси обратно, отдай: скажи имъ, больше трехъ копѣекъ не дамъ». Фельдшеръ взялъ стаканъ и самъ выпилъ молоко, потому что заплатилъ за него десять копѣекъ изъ своихъ денегъ. Какъ объяснить такіе несообразные контрасты? Человѣкъ бросаетъ безъ счету, безшабашно, сотни тысячъ на пустую прихоть, на непроизводительную игру своей фантазіи и въ тоже время скаредно отказываетъ себѣ въ стаканѣ молока для утоленія жажды!

Аршакуни, помнится, завѣщанія не оставилъ. Жена его, замужняя сестра и прочіе родственники, первымъ дѣломъ между собою перессорились и начали судное дѣло, продолжающееся до сихъ поръ. Запустѣлый домъ, сшитый на живую нитку, съ шатающимися полами, непрочными потолками, грозитъ опасностію развалиться. Мебель и вещи, наполнявшія его, мало по малу растаскиваются; а то, чтó успѣетъ уцѣлѣть, предназначается къ распродажѣ съ публичнаго торга за безцѣнокъ. Такъ рухнуло прахомъ минутное величіе дома Аршакуни, возбуждавшаго въ свое время общее любопытство, много толковъ и пересудовъ, а еще болѣе издѣвательствъ надъ чудачествами его хозяина *).

Въ Ленкоранѣ уѣздный начальникъ Цвѣтаевъ возилъ меня на тамошнія горячія воды, въ горахъ, въ дремучемъ лѣсу, совершенно безъ всякаго устройства и приспособленій для пользованія ими, даже безъ всякихъ обиталищъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ шалашей, въ одномъ изъ коихъ мы и пообѣдали. Изъ Ленкорани я проѣхалъ чрезъ раскольничьи поселенія въ Сальяны, откуда опять по рыбнымъ ватагамъ до Шемахинской дороги, по коей прямо въ Елисаветполь и Еленендорфъ,

*) Домъ держится и донынѣ (1889), но въ самомъ плачевномъ видѣ. Достался онъ нѣсколькимъ наслѣдникамъ и былъ отданъ въ наемъ для помѣщенія „Кружка“, который потомъ оставилъ его; а домъ, проданный за ничтожную плату (кажется, за шесть т. р.) находится въ полнѣйшемъ запустѣніи, съ выбитыми окнами, поломанными рамами. Н. Ф.

откуда возвратился 1-го Іюня въ колонію Елисабетталь. Здѣсь я засталъ все мое семейство. Мы собирались провести это лѣто въ 55-ти верстахъ отъ Тифлиса, на Бѣломъ Ключѣ, штабъ-квартирѣ Грузинскаго гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка, по настоятельному приглашенію полковаго командира князя Илико Орбеліани, бывшаго Елисаветпольскаго уѣзднаго начальника, фаворита князя Воронцова. Въ Елисабетталь ко мнѣ пріѣхало нѣсколько чиновниковъ по дѣламъ и знакомыхъ повидаться, въ числѣ ихъ Зальцманъ, съ которымъ, во время его краткаго вояжа изъ города въ колонію, случилось необыкновенное приключеніе.

Выѣхалъ онъ изъ Тифлиса въ Елисабетталь верхомъ, вмѣстѣ съ тамошнимъ Нѣмецкимъ пасторомъ, прямою дорогой чрезъ Коджоры. Спускаясь изъ Коджоръ съ крутой лѣсистой горы, густо заросшей деревьями и кустарникомъ, они пробирались гуськомъ, пасторъ впереди, а Зальцманъ шаговъ на тридцать позади его. Вдругъ пасторъ остановился и, не произнося ни слова, началъ производить руками какія-то таинственныя движенія, показывая Зальцману на что-то въ кустахъ. Зальцманъ понялъ изъ этой мимики, что пасторъ желаетъ, чтобы онъ молчалъ и не двигался съ мѣста; а потому, полагая, что онъ увидѣлъ въ кустахъ какого нибудь звѣря и указываетъ на него, снялъ со спины заряженное ружье, прицѣлился по направленію жестовъ пастора и выстрѣлилъ. Въ тоже мгновеніе, пасторъ какъ снопъ свалился съ лошади на землю. Зальцманъ вообразилъ, что убилъ его, перепугался, соскочилъ съ лошади, бросился къ пастору; пасторъ лежалъ недвижимъ, безмолвенъ, безъ признака жизни. Зальцманъ тщетно его ворочалъ, осматривалъ, ощупывалъ: раны не видно, а пасторъ лежитъ совсѣмъ мертвый. Зальцманъ въ ужасѣ началъ взывать по-нѣмецки къ Богу; у пастора открылся одинъ глазъ, и опять закрылся; немного погодя, открылись оба глаза, и пасторъ произнесъ умирающимъ голосомъ:—«Это вы, Зальцманъ?» Гдѣ же медвѣдь?—«Какой медвѣдь?»—«Медвѣдь, который бросился на меня!» Рѣшившись приподняться, пасторъ дрожащей рукой показалъ Зальцману на траву, гдѣ дѣйствительно виднѣлось вещественное доказательство проходившаго медвѣдя, изобиловавшее кизиловыми косточками (медвѣди страстно любятъ кизилъ). Послѣдовали объясненія. Выяснилось, что пасторъ, замѣтивъ этотъ слѣдъ, предположилъ, что медвѣдь сидитъ тутъ же, за кустомъ и, чрезмѣрно струсивъ, сталъ показывать знаками спутнику своему, чтобъ онъ не шевелился, ибо здѣсь скрывается нѣчто страшное; а когда послѣдовалъ ружейный выстрѣлъ, пасторъ счелъ себя погибшимъ, въ увѣренности, что медвѣдь сейчасъ же на него бросится и растерзаетъ, но вдругъ вспомнилъ, что есть средство спастись

отъ медвѣдя: стóитъ только притвориться мертвымъ, и поспѣшилъ это привести въ исполненіе, свалился съ лошади и замеръ; а когда Зальцманъ его ворочалъ, онъ былъ увѣренъ, что это его ворочаетъ медвѣдь, и изъ всѣхъ силъ старался получше представляться мертвымъ. Только услышавъ отчаянные возгласы его надъ собой, пасторъ дерзнулъ сначала посмотрѣть однимъ глазомъ, а потомъ ужъ рѣшился открыть и оба. Такимъ образомъ оба путника смертельно перепугали другъ друга и долго не могли опомниться отъ постигшаго ихъ казуса. Эта исторія позабавила насъ всѣхъ. Зальцманъ разсказывалъ намъ ее хотя и смѣясь, но все еще съ большимъ волненіемъ, не успѣвшимъ затихнуть послѣ такой необычайной продѣлки пастора.

На Бѣломъ Ключѣ я помѣстился по просьбѣ князя Орбеліани, въ его полковомъ домѣ, а семейство мое расположилось въ нѣсколькихъ наемныхъ поселянскихъ домахъ вблизи одинъ отъ другаго. Климатъ здѣсь хорошій, воздухъ чистый, какъ на всѣхъ умѣренныхъ возвышенностяхъ, хотя днемъ, въ жаркую пору, иногда и припекаетъ довольно сильно и доходитъ въ тѣни до 20°/₀, но безъ духоты, которая тяготитъ хуже самого жара. Мѣстоположеніе красивое: много лѣса (пока не вырубили), недалеко протекаетъ быстрая, многоводная рѣка Храмъ, живописно огражденная съ обѣихъ сторонъ высокими скалистыми берегами. Въ окрестныхъ лѣсахъ развалины старинныхъ укрѣпленій и церквей; изъ послѣднихъ одна замѣчательная, хорошо сохранившаяся подъ названіемъ «Зеленый Монастырь», до того обросла лѣсной чащей, что видѣть ее можно, добравшись къ самымъ стѣнамъ ея.

Бѣлый Ключъ, какъ большое урочище, штабъ-квартира полка, болѣе походитъ на уѣздный городокъ, нежели на деревню. Есть нѣсколько улицъ, есть хорошіе дома, церковь, казармы, разныя полковыя постройки; есть постоянное мѣстное офицерское общество, есть клубъ; къ тому же лѣтомъ всегда много пріѣзжихъ изъ Тифлиса спасающихся отъ жаровъ; а потому обычаи и жизнь болѣе городскаго свойства, хотя не лишены отчасти свободы и простой деревенской. Почти каждый вечеръ военная музыка играла возлѣ дома полковаго командира. Князь Орбеліани въ первые же дни нашего пріѣзда задалъ для насъ парадный обѣдъ. Часто устраивались разныя увеселенія, балы, танцовальные вечера у него и обществомъ офицеровъ; разъ даже устроился домашній спектакль, въ коемъ участвовала моя младшая внучка, Вѣрочка *). Мы ѣздили въ лѣсъ, на водяную мельницу, въ старинную крѣпость Шамъ-Швильди, въ «Зеленый Монастырь» и другія красивыя мѣста пить чай и иногда обѣдать.

*) Нынѣ извѣстная писательница Вѣра Петровна Желиховская. П. Б.

16-го Іюля, въ шестомъ часу по полудни, мы всѣ любовались рѣдкимъ явленіемъ, великолѣпною картиною полнаго солнечнаго затмѣнія, съ вершины одной изъ самыхъ высокихъ Бѣлоключинскихъ горъ *Гомера.* Для этой же цѣли тамъ собрались и полковой командиръ съ офицерами. Зрѣлище по истинѣ было поразительное. Съ высшей точки горы Гомеръ горизонтъ открывался широко во всѣ стороны. Постепенно усиливавшаяся тѣнь начавшагося затмѣнія, какіе-то странные переливы и измѣненія цвѣтовъ при переходѣ отъ свѣта къ тьмѣ, и потомъ обратно, представляли всю окружающую природу въ такомъ необычайномъ, волшебномъ видѣ, какой, кажется, не создать самому пламенному воображенію. По наступленіи полнаго затмѣнія, эффектъ усилился: мракъ не достигалъ абсолютной темноты, даже былъ слабѣе обыкновенной безлунной ночи; въ немъ не было ничего чорнаго, ничего сумрачнаго; онъ принялъ чудную густо-фіолетовую окраску, и хотя она возрасла на столько, что небо загорѣлось яркими звѣздами, но вся окрестность виднѣлась совершенно явственно; только всѣ предметы, горы, лѣса, бездонныя низменности, скалы, все приняло неопредѣленныя, фантастическія формы, таинственныя очертанія и какъ бы тонуло въ необъятномъ пространствѣ прозрачнаго темно-фіолетоваго тумана. Картина производила потрясающее впечатлѣніе. Въ это же время, такая чуждая обычному порядку и виду тьма произвела страшный переполохъ въ царствѣ животныхъ: птицы какъ одурѣлыя суматошились, шныряли съ крикомъ, карканіемъ, ища свои потерянные ночные пріюты; съ подножія горы до насъ доносились отчаянныя мычанія, блеянія, ржанія, хрюканія пасшихся стадъ, съ акомпаниментомъ заунывнаго воя собакъ. Послѣ мы узнали, что и люди въ поселеніи и деревняхъ, хотя предупрежденные о предстоявшемъ затмѣніи, подверглись не менѣе животныхъ паническому страху: многіе прятались, молились, падая на колѣна, или въ нѣмомъ ужасѣ ожидали послѣдняго часа, увѣренные, что настало свѣтопреставленіе.

Среди нашей публики на верхушкѣ горы Гомера, при созерцаніи чуднаго величія и красоты происходившаго предъ нами явленія, заводились урывками разговоры самаго наивнаго содержанія. Задавался вопросъ: «и отчего это дѣлается затмѣніе?» Полковой казначей, поручикъ Шёнгардъ, окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, счелъ удобнымъ отвѣчать подробнымъ разъясненіемъ причинъ и процесса солнечнаго затмѣнія. Его начали слушать со вниманіемъ; но едва зашла рѣчь о движеніи земли вокругъ солнца, нашъ добрый полковникъ, очевидно не довѣряя своимъ ушамъ, какъ бы съ испугомъ переспросилъ: «Что̀ такое? Что̀ вы это говорите! Земля движется?!» И громко засмѣявшись, дружески замѣтилъ опѣшившему поручику: «Знаете, Шён-

гардъ, у васъ отъ слишкомъ большой учености совсѣмъ умъ за разумъ зашелъ. Что̀ вы разсказываете! Развѣ можетъ земля двигаться?» И безнадежно махнувъ рукою, отвернулся отъ него. Лекція поручика на томъ и остановилась. При такомъ скептическомъ отношеніи начальства къ астрономіи, у поручика не достало мужества повторить знаменитый возгласъ Галилея: *E pur si muove!*... Вскорѣ появившійся свѣтъ, а затѣмъ и само вечернее, пылавшее Іюльскимъ жаромъ солнце, безъ всякаго изъяна и недочета, окончательно успокоило взволнованныя чувства человѣческаго и животнаго міра.

Въ Августѣ я получилъ увѣдомленіе, что сынъ мой въ дѣлѣ съ горцами раненъ пулею въ ногу, по счастію не тяжело.

3-го Сентября семейство мое возвратилось обратно въ Тифлисъ, а я въ тоже время направился въ разъѣзды по Цалкскому округу и раскольничьимъ поселеніямъ Ахалцыхскаго и другихъ уѣздовъ. Первый ночлегъ мой былъ на Черепановомъ хуторѣ, всего въ десяти верстахъ отъ Бѣлаго Ключа, гдѣ находится весь фурштатъ и всѣ фуражные запасы гренадерскаго Грузинскаго полка. Дорога оттуда до казачьяго штаба въ 25-ти верстахъ, все подымается выше, сплошнымъ лѣсомъ. Весь Цалкскій округъ былъ въ прежнее время значительно населенъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество развалинъ церквей и жилищъ. Истребленіе и разсѣяніе жителей, первоначально Грузинъ и Армянъ, послѣдовало, по отзывамъ старожиловъ, вслѣдствіе набѣговъ Лезгинъ изъ лѣсовъ Храмскихъ. Около 1780 года, Умай-ханъ увелъ въ плѣнъ до тысячи семей Греческихъ поселенцевъ, а послѣ того Ага-Магометъ-ханъ сдѣлалъ тоже самое. Турки изъ Ахалцыхскаго пашалыка также часто производили опустошительные набѣги. Въ 1826 г. Цалкскій округъ былъ совершенно пустъ. Первое его поселеніе вновь основалось съ 1829 г., Греками и Армянами, вышедшими изъ Турціи. Тогда еще всѣ эти земли считались исключительно казенными, и изъ помѣщиковъ никто притязаній на нихъ и не помышлялъ заявлять, что̀ продолжалось почти до нынѣшняго времени. Не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ предъ этимъ, проявились помѣщики изъ князей, начавшіе добираться и сюда съ предъявленіемъ своихъ будто бы правъ и съ требованіями сабалахи, т. е. платы за прогонъ скота по ихъ землѣ. Немало терпятъ жители и отъ Татаръ, главнѣйше изъ кочевья Борчалинскаго участка, притѣсняющихъ христіанъ воровствомъ и угономъ скота. То и другое заставляетъ жителей переселяться въ другія мѣстности.

Въ 25-ти верстахъ отъ казачьяго штаба, съ горы Топоравани, открывается прекраснѣйшій видъ на озеро и за нимъ на горы. На берегу озера лежитъ духоборческая деревня Родіоновка. Здѣсь также все говоритъ о давно минувшемъ многолюдствѣ и богатствѣ страны; суще-

ствуетъ еще превосходной архитектуры древняя церковь, которой по преданіямъ насчитываютъ болѣе девяти сотъ лѣтъ; сохранился караванъ-сарай и много всякихъ развалинъ, матеріалы которыхъ употребляются Духоборами на избы и заборы.

Проѣхавъ по всѣмъ Духоборческимъ деревнямъ, я нашелъ положеніе сектантовъ въ хозяйственномъ отношеніи вполнѣ удовлетворительнымъ, не смотря на всѣ ихъ жалобы, яко бы зе́мли ихъ по холодному климату неудобны къ хлѣбопашеству. Посѣвы большею частію принимались хорошо, и на каждаго хозяина въ сложности доводилось по 14 головъ рогатаго скота, до 6 лошадей и 20 овецъ.

Въ Молоканской деревнѣ Воронцовкѣ передъ самымъ моимъ пріѣздомъ разразилась гроза, молнія ударила въ домъ Молокана Добрынина, назначенный для моей квартиры, убила человѣка и зажгла домъ, быстро сгорѣвшій до тла.

Въ нравственномъ состояніи раскольниковъ, разумѣется, никакого преуспѣянія не обнаруживалось, кромѣ развѣ замѣтнаго прогресса въ страсти къ наживѣ, которую они при случаѣ доводили до безобразнѣйшаго бездѣльничанья. Напр. въ деревнѣ Никитинѣ, Молоканскіе аферисты въ прошломъ году при проѣздѣ губернатора, за тарелку малины, собранной ребятишками въ сосѣднемъ лѣсу, и за самоваръ поставили въ счетъ семь р.; а теперь и мнѣ поднесли счетецъ, въ которомъ записали пять р. за тарелочку съ медомъ, выставленную обществомъ вмѣсто хлѣба-соли, при пріемѣ меня въ деревнѣ, какъ высшаго начальника. Эти деревенскіе люди, съ ихъ якобы сельской простотой, перещеголяли въ наглости самыхъ завзятыхъ столичныхъ обиральщиковъ.

Побывавъ въ Джелалъ-Оглы, Гергерахъ, перебравшись черезъ Безобдалъ (пѣшкомъ и верхомъ), въ Караклисѣ, Ахтахъ и проч., я остановился дня на три въ Дарачичагѣ, откуда по другимъ деревнямъ и поселеніямъ къ Октябрю прибылъ въ Тифлисъ.

Въ эту поѣздку я удостовѣрился, что Молокане, въ ихъ вѣроученіи, лучше Духоборовъ и скорѣе могутъ быть обращены въ православіе нежели послѣдніе, если когда либо здѣшніе миссіонеры сами будутъ благоразумнѣе, терпѣливѣе, и особенно менѣе своекорыстны, нежели нынѣ. Молоканскіе старики, изъ ихъ духовныхъ вожаковъ, разсказывали мнѣ между прочимъ, что будто бы Духоборческая секта произошла отъ Молоканской, отдѣлившись отъ оной въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія. Это показаніе какъ бы согласуется съ заключеніемъ Гакстгаузена, въ его сочиненіи (т. 1-й, стр. 344). Они говорятъ, что какой-то Семенъ (вѣроятно Колесниковъ) былъ первымъ отдѣлившимся отъ Молоканъ и основавшимъ секту Духоборовъ. Молокане считаютъ себя въ своихъ духовныхъ правилахъ чище Духоборовъ

тѣмъ, что держатся Священнаго Писанія и читаютъ его, тогда какъ Духоборы слѣдуютъ исключительно изустному преданію, передавая его изъ одного поколѣнія въ другое, все въ болѣе и болѣе искаженномъ видѣ. Молокане имѣютъ стариковъ въ родѣ духовныхъ старшинъ; а Духоборы (по крайней мѣрѣ гласно) не признаютъ теперь никакихъ. Молокане по Воскресеньямъ сходятся на молитвенныя собранія; у Духоборовъ же они бываютъ безъ различія дней, только по общему соглашенію. Вообще Молокане, не смотря на свои заблужденія и долговременное отчужденіе отъ церкви, придерживаются христіанскихъ основаній; Духоборы же залѣзли въ такой омутъ, въ которомъ ничего не содержится кромѣ безсмысленнаго пустоболтанія *).

Въ Октябрѣ къ намъ пріѣхалъ сынъ Ростиславъ, здоровый и довольный своей службой; рана его на ногѣ, хотя не серьезная, часто однако напоминала о себѣ. Военныя дѣйствія прекратились на зиму, и онъ воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы повидаться и пожить съ нами нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь при этомъ у начальника артилеріи.—Въ Ноябрѣ я ѣздилъ не на долго въ колонію Маріенфельдъ, все по поводу канавы. Въ этомъ же мѣсяцѣ произошло событіе для Тифлисскаго общества, именно открытіе Итальянской оперы, выписанной княземъ Воронцовымъ, для усугубленія водворявшейся цивилизаціи Грузіи. Я не былъ на первыхъ представленіяхъ, предоставивъ это удовольствіе моимъ дѣтямъ, которыя остались ими довольны. 22-го того же мѣсяца я присутствовалъ на пріемѣ князя, возвратившагося въ Тифлисъ, не совсѣмъ еще оправившагося отъ продолжительной лихорадки, истомившей его; а чрезъ нѣсколько дней, былъ у него же на парадномъ обѣдѣ въ честь проѣзжавшаго Персидскаго посланника.

Осенью я получилъ давно запоздавшій, по долголѣтію моей службы, орденъ Владиміра 3-й ст. Онъ мнѣ напомнилъ мою раннюю молодость, когда почему-то именно этотъ орденъ Св. Владиміра составлялъ мечту моего честолюбія. Теперь же эта награда произвела на меня такое же впечатлѣніе, какъ и за три года передъ тѣмъ полученный чинъ, пріятное тѣмъ, что здѣсь начальство относилось внимательнѣе къ моимъ трудамъ, нежели на Саратовскомъ губернаторствѣ.

---

*) У Молоканъ есть и исповѣдь. Если не всѣ, то многіе исповѣдуются у своихъ духовныхъ старшинъ. Только послѣдніе иногда употребляютъ странный способъ для очищенія грѣшниковъ отъ ихъ грѣховнаго бремени. Такъ въ деревнѣ Воронцовкѣ, духовный старшина Добрынинъ (тотъ самый, у котораго сгорѣлъ домъ), при исповѣди приходившихъ къ нему, держалъ возлѣ себя корову и усиленно теръ ее обѣими руками, увѣряя, что посредствомъ этой операціи втираетъ въ нее прегрѣшенія кающагося, и что такимъ образомъ всѣ исповѣдуемые грѣхи переходятъ цѣликомъ въ корову, а исповѣдующійся отъ нихъ вполнѣ освобождается, за что и получалъ надлежащее вознагражденіе. Быть можетъ, это былъ не общепринятый, но исключительный методъ исповѣди. Н. Ф.

До весны, я провелъ время въ обыкновенныхъ моихъ служебныхъ бумажныхъ занятіяхъ и въ обычномъ кругу нашего домашняго общества. Въ то время однимъ изъ ежедневныхъ гостей моего дома былъ маіоръ Степанъ Васильевичъ, внучатный племянникъ князя Смоленскаго, человѣкъ среднихъ лѣтъ, незначительнаго ума и способностей. К. былъ вполнѣ поглощенъ земными инстинктами, особенно плотоугодіемъ, составлявшимъ высшую цѣль и идеалъ его жизни. Жизнію своею онъ дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ, а затѣмъ хорошимъ обѣдомъ. Можетъ быть, онъ и сдѣлался такимъ частымъ нашимъ гостемъ, потому что тогда три повара на нашей кухнѣ дѣйствительно были мастерами своего дѣла. Приходя къ намъ, онъ первымъ дѣломъ потихоньку прокрадывался на кухню, чтобы навести справки объ обѣдѣ и распредѣлить для себя, какого кушанія брать больше, а какого меньше. Состоянія у него не было, и всѣ средства его заключались въ службѣ, которая, не смотря на вліятельныя связи въ Петербургѣ и знатное родство, шла довольно туго. Особенное покровительство оказывала ему его близкая родственница камеръ-фрейлина графиня Т*** Онъ долго служилъ въ гвардіи не слишкомъ успѣшно и, засидѣвшись въ чинѣ, пожелалъ подвинуться и отличиться, для чего перешелъ служить на Кавказъ, гдѣ прямо попалъ въ экспедицію и отправился воевать съ горцами. Надобно было брать непріятельскій аулъ; вызвали охотниковъ, которыхъ вышло довольно много, особенно юнкеровъ. Вышелъ и К., еще никогда не испытавшій воинственности своего духа. Какъ старшаго по чину, его назначили начальникомъ охотниковъ. Начался штурмъ аула; сопротивленіе оказалось сильное, но охотники смѣло лѣзли на завалы, многіе изъ нихъ уже перебрались черезъ нихъ; еще немного времени, и аулъ былъ бы взятъ. Въ эту минуту К. струсилъ и скомандовалъ бить отбой. Охотники должны были бросить почти конченное дѣло и отступать обратно, что конечно ободрило горцевъ, огонь ихъ усилился, и при отступленіи почти всѣ охотники легли лоскомъ, въ томъ числѣ погибло двѣсти человѣкъ юнкеровъ. Послѣ того, разумѣется, К*** пришлось отказаться отъ военныхъ подвиговъ. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и началъ перебиваться по маленькимъ гражданскимъ должностямъ; но ему рѣшительно не везло. Самъ ли не уживался, или ужъ такая неудача, только онъ перемѣнилъ множество мѣстъ, служилъ недолго и у меня въ управленіи. Послѣдней его должностію на Кавказѣ было мѣсто полицеймейстера въ Эривани. Потерявъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на новое помѣщеніе, онъ поѣхалъ въ Петербургъ подъ родственное крылышко граф. Т***, которая и доставила ему мѣсто, кажется, смотрителя военнаго госпиталя въ Херсонѣ, но объявила, что протекція ея съ этимъ кончается, и бо-

лѣе за него она хлопотать не станетъ. К. водворился въ Херсонѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ госпиталѣ оказались безпорядки, назначили ревизію, и однажды утромъ К. нашли въ его спальнѣ мертвымъ: онъ себѣ перерѣзалъ горло бритвой. Такая смерть человѣка въ высшей степени животолюбиваго чрезвычайно удивила знавшихъ его; въ ней проявилось какъ бы возмездіе за погибшихъ по причинѣ его юнкеровъ: струсилъ смерти отъ руки непріятелей, и за то обстоятельствами приведенъ къ тому, чтобы умереть отъ собственной руки.

Въ родѣ этого былъ еще болѣе поразительный случай, въ началѣ Севастопольской войны, съ капитаномъ генеральнаго штаба С***мъ. Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій на Турецкой границѣ, С***, состоявшаго при штабѣ въ Александрополѣ, послали съ двумя или тремя сотнями казаковъ на рекогносцировку. Они наткнулись на сильный Турецкій отрядъ, и С***, не долго думая, поворотилъ коня вспять и ускакалъ въ Александрополь, а всѣ казаки, бывшіе подъ его командой, погибли. На другой день, послѣ спокойнаго сна, С***ну утромъ понадобилось побывать въ штабѣ, находившемся черезъ улицу противъ его квартиры. Ночью шелъ дождичекъ, на улицѣ было грязно. С*** велѣлъ осѣдлать лошадь и верхомъ сталъ переѣзжать черезъ улицу. Передъ самымъ входомъ въ штабъ, изъ воротъ сосѣдняго двора выскочила курица, прямо подъ ноги лошади; лошадь испугалась, бросилась въ сторону, С*** не удержался въ сѣдлѣ, упалъ, ударился головой о камень, тутъ же захрипѣлъ и умеръ. Это было дѣйствительно странное совпаденіе; въ немъ какъ бы слышался голосъ не отъ міра сего: ты не хотѣлъ умереть съ товарищами твоими славной смертію отъ оружія враговъ отечества, такъ вотъ умри же безславно, отъ курицы, среди уличной грязи.

Въ Апрѣлѣ 1852 г. я предпринялъ разъѣзды въ Елисаветпольскій уѣздъ и другія мѣста, былъ на образцовомъ хуторѣ, основанномъ барономъ Мейендорфомъ въ 12-ти верстахъ отъ Елисаветполя, по всѣмъ правиламъ агрономіи. Къ сожалѣнію, баронъ основалъ его на землѣ, безспорно казнѣ не принадлежавшей, къ тому же не имѣлъ ни терпѣнія, ни средствъ привести дѣло къ концу, а потому чрезъ два года бросилъ его безвозвратно. Въ новыхъ поселеніяхъ я нашелъ, что устройство ихъ хотя и медленно, но все-таки идетъ впередъ. Въ Айрюмскомъ участкѣ, Елисаветпольскаго уѣзда, князь Воронцовъ поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ членомъ совѣта Коцебу и уѣзднымъ начальникомъ князь Макаріемъ Орбеліаномъ, избрать и опредѣлить мѣста для новыхъ Русскихъ поселеній на земляхъ весьма плодородныхъ и на обширномъ пространствѣ. Эти земли находились въ кочевомъ пользованіи Татаръ, безъ всякаго на то права и даже безъ существенной

пользы для нихъ самихъ. Мы это дѣло привели въ исполненіе совершенно успѣшно, и теперь тамъ водворены четыре большія, довольно хорошо устроенныя раскольническія деревни.

Оттуда мы направились въ Делижанское ущелье, гдѣ осматривали производившіеся, по распоряженію князя-намѣстника, въ рѣчкѣ Акстафѣ горнымъ инженеромъ полковникомъ Иваницкимъ золотые пріиски. Труда и издержекъ было потрачено много, но успѣха послѣдовало очень мало: нашли не золото, а только золотыя блестки, и въ такомъ маломъ количествѣ, что расходы на добываніе золота, при дальнѣйшей разработкѣ, не могли даже вознаградиться. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что *Шардонъ*, путешествовавшій по Кавказу за двѣсти лѣтъ предъ симъ, упоминалъ въ своемъ сочиненіи о признакахъ нахожденія золота въ нѣдрахъ земли во многихъ мѣстахъ края; но и тогда, по тѣмъ же признакамъ и геологическимъ наблюденіямъ, полагалъ, что золота не можетъ быть здѣсь много.

Затѣмъ я заѣзжалъ вновь на Гокчинское озеро и въ Новый Баязетъ. Совершивъ нужное обозрѣніе, возвратился я 19 Мая въ Тифлисъ. Въ Іюнѣ я отправился въ Боржомъ, гдѣ проживалъ и князь Воронцовъ. Я пробылъ тамъ всего пять дней, и между служебными дѣлами пріятно проводилъ время у стараго князя, слушая за обѣдами и по вечерамъ его разсказы о людяхъ и событіяхъ прежняго времени.

По возвращеніи къ концу того же мѣсяца въ Тифлисъ, я на другой же день выѣхалъ въ Бѣлый Ключъ къ ожидавшей меня семьѣ. А въ Тифлисѣ тогда случилось большое и важное несчастіе съ новопостроеннымъ корпуснымъ соборомъ. Его давно ужъ строили, онъ стоилъ много трудовъ и денегъ, снаружи былъ почти оконченъ и скоро долженъ былъ сдѣлаться красивѣйшею изъ Тифлисскихъ церквей. Главный его архитекторъ, Италіянецъ Скудіери, пользовавшійся довѣріемъ намѣстника и дѣйствительно человѣкъ съ талантомъ*), для осмотра построекъ, взобрался на самую верхушку купола, вмѣстѣ съ подрядчикомъ и другими людьми. Мгновенно куполъ рухнулъ, и все величественное зданіе вмѣстѣ съ нимъ разрушилось, какъ карточный домъ, заваливъ, кромѣ людей, бывшихъ на куполѣ, еще много другихъ, работавшихъ внизу. Говорили, будто бы нѣсколько дней слышались стоны, раздававшіеся изъ-подъ развалинъ; но никакая помощь была немыслима по невозможности скоро разчистить такую громадную массу. Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, новый соборъ все собираются строить, для него давно отведено мѣсто, не прежнее на Александровской пло-

---

*) Доказательствомъ тому служитъ донынѣ Тамамшевскій караванъ-сарай на Эриванской площади. Н. Ф.

щади, а другое, между гимназіей и домомъ намѣстника; но собора все еще нѣтъ какъ нѣтъ *).

Весной этого года много шума надѣлала на Кавказѣ исторія съ извѣстнымъ Хаджи-Муратомъ, первымъ наибомъ Шамиля. Хаджи-Муратъ якобы поссорился съ Шамилемъ и передался нашимъ войскамъ. Его привезли въ Тифлисъ съ большимъ торжествомъ, ласкали, кажолировали, увеселяли балами съ лезгинкой, возили по городу, показывали всѣ достопримѣчательности и даже судебныя мѣста; потомъ препроводили въ Нуху, по его собственному выбору (какъ говорили), поближе къ завѣтнымъ горамъ. Тамъ онъ пользовался какъ будто свободой, но подъ незамѣтнымъ для него надзоромъ: князь Воронцовъ былъ слишкомъ опытенъ, чтобы увлекаться излишнимъ довѣріемъ. Однажды наибъ поѣхалъ прогуляться верхомъ съ своими нукерами и двумя-тремя казаками въ видѣ почетной стражи. На пути Хаджи-Муратъ и нукеры стали стрѣлять въ казаковъ, а сами пустились удирать въ горы. Одного казака убили, другой успѣлъ ускакать и дать знать въ Нухѣ. Бросились въ погоню, догнали близъ селенія Беладжикъ и, послѣ сильнаго сопротивленія, всѣхъ измѣнниковъ перебили, а Хаджи-Мурату отрѣзали голову и привезли трофеемъ въ Нуху. Это непріятное событіе очень встревожило князя Михаила Семеновича; онъ чуть было не заболѣлъ и потребовалъ, чтобы голова Хаджи-Мурата немедленно была доставлена въ Тифлисъ для устраненія всякихъ превратныхъ толковъ и сомнѣній. Голову привезли въ банкѣ со спиртомъ и выставили въ полиціи на особомъ столикѣ, гдѣ она красовалась три дня на показъ публикѣ, собиравшейся на это зрѣлище съ великимъ рвеніемъ и въ великомъ множествѣ. Всѣмъ было еще памятно, что такъ недавно, въ Тифлисѣ, предъ этой головой расточались такія любезныя улыбки, говорились такія сладкія слова и комплименты! Общее мнѣніе утверждало, что ссора наиба съ имамомъ была ничто болѣе, какъ *штука*, чтобы дать возможность Хаджи-Мурату познакомиться съ здѣшнею мѣстностію, все высмотрѣть, разузнать и потомъ, удравъ въ горы, предоставить Шамилю всякія удобства для его дерзкой предпріимчивости.

Въ Сентябрѣ, побывавъ въ Коджорахъ для дѣловаго свиданія съ намѣстникомъ, я началъ свои разъѣзды въ Цалкскомъ округѣ и прилегающихъ къ нему возвышенныхъ мѣстахъ, для осмотра и пріисканія земель къ поселенію ожидавшагося прибытія въ большомъ числѣ Ма-

---

*) А теперь прошло ужъ около сорока лѣтъ, и все его собираются строить, и даже покойный Государь Александръ Николаевичъ, во время своего пребыванія въ Тифлисѣ, заложилъ первый камень фундамента собора, а все его нѣтъ какъ нѣтъ! Н. Ф.

лороссійскихъ казаковъ. Но это прибытіе ограничилось небольшимъ числомъ семействъ, кои были первоначально водворены въ Боржомскомъ имѣніи, а потомъ переселились въ Джелалъ-Оглу. Затѣмъ я повернулъ чрезъ Лорійскую степь въ вольное поселеніе Привольное и большое Армянское Шулаверы, одно изъ многолюднѣйшихъ Армянскихъ поселеній въ Закавказскомъ краѣ, жители котораго весьма достаточны и трудолюбивы. Оттуда я проѣхалъ чрезъ Катериненфельдъ обратно въ Бѣлый Ключъ, гдѣ жена моя съ семьей оставались, поджидая меня. Осень въ томъ году была прекрасная, какъ это часто здѣсь бываетъ. Мы воротились въ Тифлисъ 17 Сентября.

Въ Октябрѣ я еще долженъ былъ съѣздить въ Сартачальскій округъ, вслѣдствіе проэкта о поселеніи, близъ колоніи Маріенфельдъ, изъявившихъ къ тому желаніе Персіянъ. Но оказалось, что Персіяне были почти всѣ бродяги, совершенно неспособные къ постоянному жительству и занятію сельскими работами.

6 Ноября послѣдовало прибытіе князя-намѣстника, а 8 на парадной аудіенціи мы поздравляли его съ пріѣздомъ и съ днемъ его имянинъ. Затѣмъ потянулась привычная канитель пріемовъ, докладовъ, представленій и служебныхъ занятій.

Спустя немного, въ Тифлисѣ пронесся необыкновенный слухъ, вскорѣ достовѣрно подтвердившійся и встревожившій все городское населеніе. По ночамъ на улицахъ сталъ показываться какой-то страшный, невѣдомый звѣрь. Онъ являлся только ночью, по большей части на Александровской площади и оттуда бѣгалъ по всѣмъ направленіямъ города, пугалъ проходящихъ, на иныхъ бросался, кусалъ, не поддавался никакимъ преслѣдованіямъ и произвелъ такую панику, что, съ наступленіемъ сумерекъ, робкіе люди боялись выходить изъ домовъ. Сначала его принимали за собаку, потомъ, судя по величинѣ и объему, за волка, а наконецъ, по быстротѣ, легкости движеній и огромнымъ скачкамъ, за барса. Онъ появлялся внезапно и также быстро исчезалъ, всегда глубокою ночью, а днемъ его и слѣда не было. Разъ онъ предсталъ предъ часовымъ у комендантскаго дома; часовой хотѣлъ пырнуть его штыкомъ, но звѣрь, ловко увернувшись, перепрыгнулъ черезъ часоваго и убѣжалъ. Воронцовъ назначилъ большую денежную награду за убіеніе звѣря, приказалъ дѣлать ночные разъѣзды по городу для поимки или истребленія его; но все было напрасно: звѣрь оказывался неуловимъ и неуязвимъ. Многихъ онъ перекусалъ, иные умерли отъ ранъ, въ томъ числѣ, помнится, швейцаръ дома намѣстника. Въ концѣ концовъ, звѣрь самъ собою исчезъ безслѣдно и болѣе не показывался. Подвиги его продолжались ровно двѣ недѣли. Навелъ онъ такой страхъ, что простой народъ суевѣрно склонялся къ убѣжденію, что это вовсе

ни собака, ни волкъ, ни барсъ, а просто чортъ, оборотившійся въ звѣря, оборотень.

Приблизительно около этого же времени случилось въ нашемъ Главномъ Управленіи маленькое обстоятельство, совсѣмъ незамѣтное, даже очень обыкновенное и не на одномъ Кавказѣ, но тѣмъ не менѣе не лишенное нѣкотораго интереса. Года за три предъ тѣмъ, высшему начальству вздумалось завести ботаническій садъ въ Сухумъ-Кале. За дѣло принялись горячо; немедленно сдѣланы всевозможныя распоряженія: пригласили хорошаго садовника, выписали растенія, сѣмена со всѣхъ концовъ свѣта; не стѣснялись расходами, исписали много бумаги, усердно хлопотали, собрали всѣ нужные матеріалы и устроили великолѣпное основаніе Сухумскаго сада. Съ тѣхъ поръ о немъ какъ-то совсѣмъ позабыли, перестали обращать вниманіе, не заботились, не думали, и онъ совершенно испарился изъ памяти начальства. Неожиданно садъ самъ о себѣ напомнилъ. Въ канцеляріи намѣстника получилась бумага отъ коменданта Сухумъ-Кале, въ коей онъ спрашивалъ, какія будутъ угодно сдѣлать распоряженія относительно Сухумъ-Кальскаго сада: ибо главный садовникъ онаго такъ долго не получалъ жалованія и содержанія своего, что, не имѣя средствъ къ существованію и пропитатію своему, такого-то мѣсяца и числа повѣсился. Это извѣстіе произвело впечатлѣніе, послужившее къ пользѣ сада: имъ начали снова по немногу заниматься, и теперь онъ, говорятъ, въ цвѣтущемъ состояніи.

Въ самый Сочельникъ подъ Рождество пріѣхалъ сынъ мой, едва оправившійся отъ сильной болѣзни, а въ первыхъ числахъ Января возвратился зять мой съ дочерью изъ Петербурга и Москвы. Я былъ очень обрадованъ ихъ пріѣздомъ, тѣмъ болѣе, что въ зятѣ моемъ Ю. Ѳ. Витте одномъ только имѣлъ усерднаго, надежнаго помощника въ моихъ служебныхъ занятіяхъ. Они мнѣ иногда становились тягостны, особенно потому, что если у меня и были канцелярскіе чиновники не безъ способностей, но совершенно благонадежныхъ почти не было никого.

Мнѣ тогда очень хотѣлось пристроить сына моего въ Тифлисѣ на службѣ къ намѣстнику, дабы менѣе разлучаться съ нимъ. На первый разъ онъ былъ прикомандированъ къ начальнику артилеріи, храброму генералу Бриммеру.

Первый мой выѣздъ этого года, въ Апрѣлѣ, былъ направленъ для осмотра поступившихъ въ мое вѣдомство, передъ тѣмъ, церковныхъ имѣній. Во время разъѣздовъ, я встрѣтилъ и частію сопровождалъ князя Воронцова, ѣхавшаго въ отрядъ чрезъ Кахетію. Обозрѣвъ церковныя имѣнія въ Тифлисской губерніи, я отправился въ Кутаисскую, по вновь пролагавшейся дорогѣ, которая устраивалась для сокращенія

пути и избѣжанія многихъ неудобствъ прежней искусственной дороги чрезъ горы. Мысль къ этому измѣненію пути подалъ князю Воронцову престарѣлый Имеретинскій митрополитъ Давидъ Церетели. Горы дѣйствительно оставались въ сторонѣ, и путь нѣсколько сокращался; но упустили изъ виду, что новая дорога должна была пролегать по лѣсистой низменности и во многихъ мѣстахъ по трясинѣ, вслѣдствіе чего частую безпроѣздность этой дороги устранить было рѣшительно невозможно, даже никакими шоссе. Чрезъ два года ее бросили и принялись за исправленіе дороги чрезъ горы, по старому направленію, на что издержки потребовались большія. Подобные случаи впрочемъ и во всей Россіи, а тѣмъ болѣе въ Закавказскомъ краѣ, встрѣчаются нерѣдко и повсемѣстно.

Съ въѣздомъ моимъ въ Кутаисскую губернію, я увидѣлъ мѣстность для меня новую и весьма красивую, какъ по богатству и многообразной растительности, такъ по устройству Имеретинскихъ деревень, очень оригинальному: деревни состоятъ изъ деревянныхъ домиковъ и разсѣяны отдѣльными хуторами, при коихъ весь участокъ каждаго хозяина особенно обгороженъ. Я имѣлъ первый ночлегъ у благочиннаго, отца Кайхофо Церетели, почтеннаго, гостепріимнаго старца, одной изъ лучшихъ и древнихъ Имеретинскихъ фамилій. По словамъ князей Церетели, предки ихъ вышли изъ Дагестана уже болѣе тысячи лѣтъ тому. Всѣ члены ея уходили съ послѣднимъ царемъ Имеретинскимъ въ Турцію, но возвратились въ 1825 г. Въ пріѣздъ мой, изъ нихъ одинъ былъ Кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ. На другое день, на пути въ Кутаисъ, я встрѣтилъ Кутаисскаго военнаго губернатора, князя Гагарина, человѣка хорошаго и полезнаго на этомъ мѣстѣ, сдѣлавшагося чрезъ нѣсколько лѣтъ жертвою сумасбродства Сванетскаго князя Дадешкиліани, который закололъ его кинжаломъ въ его кабинетѣ, за то, что правительство нашло неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе этихъ князей въ ихъ Сванетскомъ владѣніи и распорядилось удаленіемъ ихъ въ Россію. Дадешкиліани былъ разстрѣлянъ. Вообще же эти вынуждаемыя необходимостію удаленія нѣкоторыхъ мѣстныхъ князей изъ ихъ владѣній вознаграждались Русскимъ правительствомъ такъ щедро, что выгода превышала потерю. Князь Гагаринъ ѣхалъ осматривать вновь созидаемую дорогу, о которой я говорилъ и, еще не видѣвъ ее, уже весьма основательно сомнѣвался въ возможности ея сущетвованія. Черезъ рѣку Куру я переправлялся на паромѣ близъ уѣзднаго города Шаропань. Онъ былъ когда-то дѣйствительно городомъ, извѣстнымъ въ древности, но въ настоящее время состоялъ изъ одного дома, гдѣ помѣщалось уѣздное управленіе, и изъ шести хижинокъ, съ двумя десятками жителей.

Кутаисъ замѣчателенъ чрезвычайно-живописнымъ мѣстоположеніемъ; особенно его украшаютъ роскошная растительность и славная рѣка Ріонъ. Но множество уродливыхъ Жидовскихъ жилищъ очень его безобразятъ. Чрезъ рѣку Ріонъ устроенъ хорошій мостъ; есть и хорошій бульваръ, близъ коего строилась соборная церковь, до нынѣ еще не оконченная. Дома обывателей, Имеретинъ и Армянъ, почти всѣ незначительны, особенно на правомъ берегу Ріона, гдѣ только и заслуживаютъ вниманія развалины древнихъ строеній, какъ напр., великолѣпные остатки храма построеннаго царемъ Багратомъ, еще въ XI столѣтіи, слѣдовательно одновременно съ Софійскимъ соборомъ въ Кіевѣ. Храмъ уничтожился при смутахъ и непріятельскихъ нашествіяхъ, громившихъ Имеретію, еще въ 1670 году. Отсюда весь городъ виденъ за рѣкою со всѣми его окрестностями и замѣчательнымъ монастыремъ *Гелати*. Въ этотъ монастырь и другой по сосѣдству съ нимъ *Мацаметы*, въ десяти верстахъ отъ города, я ѣздилъ и любовался прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Они оба описаны подробно въ путешествіи по Грузіи А. Н. Муравьева. Жаль, что въ Мацемети древняя церковь испорчена новымъ куполомъ и колокольнею.

Я нашелъ церковныя имѣнія и дѣла́ по нимъ еще въ большемъ хаосѣ, нежели въ Грузіи. Всѣ свѣдѣнія о состояніи церковныхъ имѣній въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи невообразимо запутаны. Вездѣ въ этомъ краѣ видишь богатую природу, но крайне бѣдное устройство и почти полнѣйшее отсутствіе всякой промышленности.

Изъ всѣхъ уѣздовъ Кутаисской губерніи безспорно примѣчательнѣйшій Ра̀чинскій. Мѣста̀ въ немъ живописныя, зажиточные крестьяне производятъ и доставляютъ въ продажу много различныхъ продуктовъ, даже и въ Тифлисъ. Но единственная повозочная дорога существуетъ только на разстояніи 40 или 50 верстъ отъ Кутаиса, и къ ней добираются со всего уѣзда плохими тропинками, проложенными въ узкихъ ущеліяхъ. Есть въ уѣздѣ и превосходный лѣсъ, который еще требуетъ описанія и принятія мѣръ отъ захватовъ.

Изъ Русскихъ поселеній въ Имеретіи находится только одно, въ 40 верстахъ отъ Кутаиса, на берегу Ріона, состоящее изъ скопцовъ, въ числѣ до 150 душъ. Оно основано еще по распоряженію Ермолова, въ 1825 году, по случаю высылки ихъ изъ Россіи, изъ воинскихъ чиновъ. Они здѣсь не безполезны, занимаясь сплавомъ казеннаго провіанта и разными другими казенными работами, имѣютъ скотоводство, огороды, и нѣкоторые изъ нихъ разжились до весьма достаточнаго положенія. Въ этомъ мѣстѣ они совершенно безвредны, потому что въ теченіе сорока лѣтъ не успѣли совратить въ свою секту ни одного туземца. Если бы здѣсь было поболѣе казенной земли, то хорошо бы

было собрать здѣсь же на жительство скопцовъ изъ всей Имперіи: безъ всякихъ строгихъ мѣръ они могли бы сами собою исчезнуть.

Въ концѣ Мая я возвратился въ Тифлисъ, а въ Іюнѣ вновь отправился въ Боржомъ, гдѣ находился тогда и князь Воронцовъ. Это былъ послѣдній годъ его лѣтняго пребыванія въ любимомъ имъ Боржомѣ. Недѣля эта она мнѣ особенно памятна: бо́льшую часть дня я проводилъ съ княземъ, утромъ у него въ кабинетѣ по дѣламъ, затѣмъ обѣдалъ у него, и на вечернихъ прогулкахъ съ нимъ, всегда любезнымъ, высоко интереснымъ человѣкомъ, въ его простыхъ, интимныхъ бесѣдахъ. Къ несчастію, эта недѣля прервалась полученіемъ тревожнаго извѣстія о войнѣ съ Турціей. Государь самъ писалъ о томъ князю. Князь не хотѣлъ сначала вѣрить и долго не вѣрилъ, чтобы война могла возгорѣться. Но приготовительныя распоряженія были необходимы, и съ этого времени они почти исключительно занимали князя Воронцова, хотя недовѣріе его продолжалось. Когда я пришелъ къ князю откланяться, онъ сказалъ мнѣ: «Какая война? Съ кѣмъ? Развѣ Турція можетъ помышлять о войнѣ съ нами? Все это ничто болѣе какъ пустая тревога, какая-то политическая мистификація».

Изъ Боржома я проѣхалъ прямою, скверною дорогою чрезъ горы, въ урочище Манглисъ, штабъ-квартиру гренадерскаго Эриванскаго полка. По красотѣ мѣстоположенія Манглисъ не уступаетъ Бѣлому Ключу, имѣя предъ нимъ даже нѣкоторыя преимущества, какъ напримѣръ прекрасную сосновую рощу посреди самаго урочища, живописную рѣчку Алгетку, и въ полуторѣ верстѣ замѣчательный древній храмъ, принадлежащій къ числу первыхъ христіанскихъ памятниковъ въ Закавказскомъ краѣ и уцѣлѣвшій доселѣ еще въ довольно хорошемъ видѣ. Лѣто прошло оживленнѣе обыкновеннаго по причинѣ военныхъ сборовъ, передвиженія войскъ, выступленія полка въ походъ, лагеря, музыки, всевозможныхъ толковъ, возбужденныхъ этими распоряженіями. 29-го Іюля мы встрѣтили прибывшаго сюда князя Воронцова. На другой день я былъ у него съ докладомъ, а потомъ на парадномъ обѣдѣ и вечеромъ на балѣ по случаю его пріѣзда у полковаго командира князя Мухранскаго. На третій день князь уѣхалъ. Я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что сынъ мой получилъ чинъ и крестъ.

Съ 9-го Августа, по ночамъ, заблистала на небѣ яркая комета съ огромнымъ хвостомъ, по народному повѣрію предвѣстница большой, кровавой войны. Въ этомъ году наше лѣтнее переселеніе длилось до 25-го Сентября, съ нѣсколькими моими поѣздками за то время въ Коджоры, къ князю Воронцову, переѣхавшему туда временно, чтобы быть ближе къ Тифлису, до уменьшенія зноя.

Хлопоты, суматоха, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненное состояніе князя Воронцова все усиливались. Неожиданное извѣстіе, въ половинѣ, Октября, о нападеніи Турокъ на нашъ таможенный постъ Св. Николая, на восточномъ берегу Чернаго моря, взятіе его и избіеніе гарнизона, поразили князя какъ громомъ. Онъ слегъ въ постель. На третій день прискакалъ курьеръ съ донесеніемъ о пораженіи Турокъ и объ изгнаніи ихъ изъ поста Св. Николая. Эта вѣсть пришла именно утромъ въ Четвергъ, пріемный день княгини Елисаветы Ксаверьевны, когда гостиная ея была по обыкновенію наполнена посѣтителями. Княгиню вызвали къ князю, и чрезъ минуту она возвратилась, сіяя восторгомъ, съ объявленіемъ радостнаго извѣстія. Она вышла и въ переднюю, гдѣ, кромѣ домашней прислуги, находилось много лакеевъ пріѣхавшихъ съ гостями, и съ неописанной радостію извѣстила ихъ о побѣдѣ!

20-го Октября послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турками. Князь Бебутовъ назначенъ командовать дѣйствующимъ отрядомъ на Турецкой границѣ. Онъ выѣхалъ въ Александрополь. Сынъ мой постоянно находился при немъ, и за отличіе въ сраженіяхъ при Башъ-Кадыклярѣ и Кюрукъ-Даре получилъ золотую шашку и Владиміра съ бантомъ.

Въ Октябрѣ я ѣздилъ еще въ Кахетію по дѣламъ церковныхъ имѣній. Осенняя погода была прекрасная, и въ это время я ближе узналъ этотъ прелестный уголокъ Закавказскаго края, жителямъ коего, для ихъ благосостоянія и даже обогащенія, не достаетъ только промышленности. По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ князь Воронцовъ оказалъ мнѣ новую милость доставленіемъ добавочнаго жалованья въ 1200 рублей по случаю совершившагося 50-ти лѣтія моей службы, что̀ для меня въ то время было весьма кстати.

5-го Января 1854 г. получено свѣдѣніе о безсрочномъ отпускѣ князя Воронцова по болѣзни, за границу. Исправленіе его высокой должности было поручено старшему генералу Реаду. Н. А. Реадъ, человѣкъ очень пріятный, добрый и, какъ говорятъ, отличный кавалерійскій боевой генералъ, о гражданскомъ управленіи не имѣлъ ровно никакого понятія. Воронцовъ его назначилъ къ этому важному занятію, надобно полагать, по увѣренности, что онъ не будетъ нисколько отступать отъ его системы; а свою систему, какъ вообще, такъ и въ частности, князь ему подробно объяснилъ и преподалъ надлежащія наставленія *).

---

*) Въ то время о Реадѣ ходило много курьезныхъ разсказовъ, какъ объ удаломъ офицерѣ, лихомъ полковомъ командирѣ и страстномъ любителѣ прекраснаго пола. У него было два брата; всѣ трое Реада служили въ военной службѣ, въ кавалеріи, и состояли

Въ Ноябрѣ минувшаго года, пріѣхала въ Тифлисъ княгиня Долгорукая, жена бывшаго посланника въ Тегеранѣ, князя Дмитрія Ивановича, близкаго родственника моей жены. Она страдала грудною болѣзнію, и Тегеранскій докторъ почему-то отправилъ ее на лѣченіе въ Тифлисъ, вѣроятно, чтобы сбыть съ рукъ. Съ ней пріѣхали двѣ дочери, одна большая, другая маленькая. Княгиня съ дочерьми ежедневно бывала у насъ, пока болѣзнь не уложила ея въ постель. Воронцовы, принимавшіе въ нихъ живое участіе, предвидя неизбѣжность печальнаго исхода болѣзни, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Тифлиса, просили жену мою и меня, въ случаѣ смерти княгини Долгорукой, взять дочерей ея къ намъ въ домъ, на время пока отецъ ихъ пріѣдетъ за ними или сдѣлаетъ какое либо о нихъ распоряженіе. Долгорукая скончалась 18-го Марта, дочери ея въ тотъ же день перешли къ намъ и прожили у насъ около четырехъ мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ отецъ ихъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву и лѣтомъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ недѣли три. Мы съ удовольствіемъ проводили съ нимъ многіе часы, слушая его любопытные разсказы. Уѣзжая въ Москву съ дочерьми, онъ прослезился и, ставъ передъ Еленой Павловной на колѣни, просилъ ея благословенія для себя и дочерей своихъ.

Между тѣмъ мои занятія въ Совѣтѣ и текущими дѣлами въ Экспедиціи продолжались усиленно, по той причинѣ, что Воронцовъ желалъ до отъѣзда своего разрѣшить важнѣйшія дѣла. 22-го Февраля былъ полученъ манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей, а 24-го я былъ съ послѣднимъ докладомъ у князя Михаила Семеновича, 3-го Марта распрощался съ нимъ, а 4-го онъ выѣхалъ, и я уже болѣе его не видалъ. Я ему благодаренъ за многое добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ.

въ отдѣльномъ Русскомъ корпусѣ, остававшемся три года во Франціи подъ командой графа Воронцова. Однажды въ Парижѣ, три брата Реады обѣдали въ ресторанѣ; возлѣ нихъ за столикомъ сидѣли три Француза. Узнавъ въ Реадахъ Русскихъ офицеровъ, Французы начали оскорбительно отзываться о Россіи и о Русскомъ войскѣ. Реады вступили съ Французами въ горячія препирательства, произошла ссора, и на другой день три Реада стрѣлялись съ тремя Французами. По условію, стрѣляться должны были поочередно, начиная съ старшихъ по лѣтамъ, и тотъ изъ противниковъ, который оставался въ живыхъ, долженъ былъ продолжать поединокъ съ слѣдующимъ противникомъ. Н. А. Реаду, какъ младшему изъ братьевъ, слѣдовало выступить послѣднимъ изъ нихъ. При первыхъ выстрѣлахъ, старшій Реадъ упалъ смертельно раненый и умеръ тутъ же; его замѣнилъ второй, средній братъ и тоже свалился, убитый тѣмъ же противникомъ. Тогда сталъ на мѣсто убитыхъ братьевъ, возлѣ труповъ ихъ, послѣдній Реадъ и убилъ наповалъ убійцу братьевъ, а за нимъ втораго, и потомъ третьяго Француза. Стрѣлялись шесть человѣкъ, и только одинъ Н. А. Реадъ вышелъ живымъ изъ этой бойни. Но и ему было суждено пасть отъ Французской руки, только сорокъ лѣтъ спустя, и не на берегахъ Сены, а Крымской Чорной рѣчки.

Вслѣдствіе войны и довольно смутнаго состоянія края, я долженъ былъ ограничить свои поѣздки въ этомъ году ближайшими колоніями и водопроводными канавами. Въ концѣ Мая ѣздилъ я на освященіе церкви въ колоніи Катериненфельдъ, великолѣпнѣйшей изъ иновѣрческихъ церквей въ краѣ. Въ этомъ же году основана новая Нѣмецкая колонія, выселеніемъ части колонистовъ изъ колоніи Елизабетталь, находившейся въ стѣсненномъ положеніи по случаю значительнаго умноженія жителей, затруднявшаго ихъ даже въ средствахъ къ пропитанію. Они основали эту колонію въ Цалкскомъ округѣ.

17-го Іюня я отправился съ семействомъ на лѣтнее житье опять въ Бѣлый Ключъ. На этотъ разъ мы квартировали тамъ весьма удобно въ домѣ новаго полковаго командира, князя Тарханова, находившагося въ походѣ. Прежній, князь Элико Орбеліанъ, былъ убитъ подъ Башъ-Кадыкляромъ. Я выѣзжалъ оттуда въ небольшіе разъѣзды, на короткое время, по причинѣ разореній претерпѣнныхъ нѣкоторыми Духоборческими селеніями отъ вторженія непріятеля; но они съ лихвою вознаградили себя за то заработками для военныхъ транспортовъ.

Въ Октябрѣ я возвратился въ Тифлисъ. Много мы перенесли въ этомъ году безпокойствъ вслѣдствіе войны и неоднократныхъ покушѣній непріятеля вторгнуться въ наши предѣлы; но подвиги нашихъ войскъ, подъ предводительствомъ князя Бебутова и князя Андроникова, избавили насъ отъ этого несчастія.

1854-й годъ былъ самымъ тревожнымъ годомъ для Закавказья, съ тѣхъ поръ какъ оно присоединилось къ Россіи. У Турокъ, осаждавшихъ наши границы, было много войска, а у насъ, въ началѣ, слишкомъ мало, такъ мало, что твердой увѣренности въ себѣ не могло быть. Самъ Бебутовъ, передъ сраженіемъ подъ Башъ-Кадыкляромъ, сказалъ моему сыну: «Знаешь, братецъ, я теперь молю Бога, чтобы первая Турецкая пуля попала въ меня!» Вскорѣ онъ увидѣлъ, что побѣда зависѣла не отъ количества, а отъ качества войскъ. Но всегда на это разсчитывать было нельзя, и еслибы Турки выиграли у насъ хоть одно большое сраженіе подъ Александрополемъ, то безпрепятственно могли бы идти до самаго Тифлиса. Защищать его было некому. При этомъ, по общему мнѣнію, все мусульманское населеніе края разомъ бы встало, приняло бы Турокъ съ отверстыми объятіями и присоединилось бы къ нимъ. И тутъ же въ горахъ сидѣлъ на готовѣ Шамиль, какъ хищная птица надъ добычей, нетерпѣливо ожидая перваго слуха о побѣдѣ, чтобы устремиться со всѣми своими силами на подмогу Туркамъ. Этимъ же лѣтомъ онъ уже заявилъ свою дерзость, нагрянувъ на Кахетію, переправившись черезъ Алазань и забравъ въ плѣнъ семейства князей Чавчавадзе, Орбеліани и много

другихъ. Къ этимъ тревогамъ присоединились и другія: отъѣздъ Воронцова и переходъ власти къ личностямъ, не внушавшимъ довѣрія. Въ Тифлисѣ стали орудовать три, можетъ быть и достойныхъ, но не совсѣмъ надежныхъ военачальника: неумѣлый Реадъ, замѣстившій князя Бебутова, дряхлый Реутъ и чопорный Нѣмецъ комендантъ Ротъ, всѣ трое вовсе неспособные поддержать общественную бодрость. Русскіе со страхомъ проводили дни и ночи въ ожиданіи извѣстій. Въ городѣ, переполненномъ Татарами и многими враждебными туземными элементами, постоянно ходили смутные толки, и ежедневно бывали столкновенія. На улицахъ частенько приходилось Русскимъ выслушивать возгласы такого рода: «Недолго ужъ вамъ здѣсь царствовать, скоро васъ отсюда погонятъ, скоро ужъ вамъ конецъ!» Изъ туземцевъ Армяне держали себя еще покойнѣе другихъ, объявляя, что, въ случаѣ опасности города, они будутъ защищать его, по той причинѣ, что «переходить къ Туркамъ намъ не разсчетъ». По распоряженію начальства, населеніе города было вооружено ружьями; даже Нѣмцевъ-колонистовъ выстраивали на улицахъ, на площадяхъ, обучали военнымъ пріемамъ и производили смотры. Каждую ночь, по улицамъ и окрестностямъ города ходили вооруженные обходы, разъѣзжали конные объѣзды, а на окружающихъ горахъ съ вечера зажигались огромные костры, пылавшіе до утра, изъ предосторожности, чтобы не проглядѣть какого либо внезапнаго нападенія. Всѣ, кто могли, уѣзжали изъ Тифлиса въ Россію. Каждый день цѣлыя вереницы экипажей всякаго рода, тарантасы, кареты, коляски, кибитки, подводы, тянулись съ утра до вечера по Головинскому проспекту, по направленію къ Военно-грузинской дорогѣ. Тѣ, кого удерживали служба или дѣла, спѣшили высылать свои семьи. Постоянныя нравственныя тревоги и опасенія, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, не могли не отзываться подавляющимъ гнетомъ на общественномъ и домашнемъ настроеніи.

Въ это-то тяжелое время общаго смущенія и всякихъ устрашительныхъ ожиданій, нашелся человѣкъ, который, однимъ ловкимъ словцемъ, съумѣлъ развеселить смятенныя души и вызвать смѣхъ на самыхъ угрюмыхъ, вытянутыхъ лицахъ. Благодѣтель этотъ былъ графъ Сологубъ. Наслушавшись однажды въ канцеляріи намѣстника всевозможныхъ наводящихъ ужасъ толковъ о безотрадномъ положеніи дѣлъ, онъ сталъ въ позу и съ паѳосомъ продекламировалъ:

Пускай враги стекутся:
Не бойся ихъ, народъ!
О Грузіи пекутся
Реадъ, Реутъ и Ротъ.

Никогда словцо не было сказано болѣе кстати: оно быстро распространилось въ публикѣ и нѣсколько дней услаждало удрученныя Тифлисскія сердца.

Все вниманіе главнаго начальства было обращено на дѣла войны, а потому проходили недѣли и даже мѣсяцы безъ докладовъ, что̀ для меня не составляло особенной непріятности, тѣмъ болѣе, что въ это время у меня усилилась головная боль, привязавшаяся ко мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ. Но по дѣламъ, усложнившимся военнымъ переполохомъ края, приходилось мнѣ часто бывать у Реада, иногда по два раза въ день. Въ день имянинъ Государя мы собирались у него на парадномъ обѣдѣ, а спустя недѣли полторы, всѣмъ Совѣтомъ поздравляли его съ высочайшею наградою. 16-го Декабря было получено извѣщеніе объ окончательномъ увольненіи князя Воронцова отъ должности намѣстника и о назначеніи на его мѣсто генерала Муравьева.

Со времени моего прибытія въ Грузію, 1855 годъ былъ первымъ годомъ, въ который я оставался безвыѣздно въ Тифлисѣ до 9-го Іюня, занимаясь исключительно текущими дѣлами въ Совѣтѣ и Экспедиціи.

Въ началѣ Февраля Реадъ, для развлеченія общества, далъ блестящій балъ, на который я впрочемъ не поѣхалъ, а были мои дѣти. Въ концѣ того же мѣсяца, къ общему сожалѣнію, скончался давно хворавшій, разбитый параличемъ, одинъ изъ лучшихъ Кавказскихъ боевыхъ вождей, ген.-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій; его похоронили съ большимъ парадомъ и при огромномъ стеченіи публики.

1-го Марта послѣдовалъ пріѣздъ въ Тифлисъ новаго намѣстника Муравьева. Всѣмъ было извѣстно, что онъ относился къ Воронцову и всѣмъ его дѣйствіямъ враждебно; многіе знали его лично, съ давнихъ поръ, и вѣроятно по тому самому весьма немногіе ожидали его съ удовольствіемъ, а бо́льшая часть съ волненіемъ и какъ бы со страхомъ. Пріѣхалъ онъ поздно вечеромъ. Толпа публики, собравшаяся передъ домомъ намѣстника, съ любопытствомъ всматривалась въ его особу при переходѣ изъ экипажа на крыльцо, и была немало удивлена, когда въ самомъ скоромъ послѣ того времени, едва отъѣхалъ дорожный экипажъ, къ крыльцу подъѣхала коляска, и только что прибывшій намѣстникъ снова появился въ дверяхъ, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ къ экзарху. Всѣ недоумѣвали, что̀ за причина такой поспѣшности знакомиться съ экзархомъ. На слѣдующее утро все объяснилось. Новый намѣстникъ привезъ извѣстіе о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Фельдъегерь съ печальною вѣстію догналъ Муравьева за нѣсколько часовъ до его пріѣзда въ Тифлисъ. Можно себѣ представить, какое это произвело смятеніе, сколько было тревожныхъ говоровъ и сужденій; съ одной стороны, неизвѣстность, чего ожи-

дать отъ дѣйствій новаго намѣстника, а съ другой еще болѣе, чего ожидать отъ послѣдствій нежданной кончины Государя при тяжкой войнѣ!

Въ тотъ же день, 2 го Марта, все служащее, носящее мундиръ, присягало на Александровской площади новому Государю и затѣмъ представлялось новому намѣстнику.

Муравьевъ назначилъ мнѣ доклады по вечерамъ. Скоро пришлось мнѣ услышать его ворчаніе. 16-го Марта, я, въ полной парадной формѣ, вмѣстѣ съ прочими откланивался уѣзжавшему Реаду. Въ тотъ же день, я въ первый разъ обѣдалъ у генерала Муравьева (обѣдъ былъ постной, по случаю Великаго поста), потомъ ѣздилъ съ нимъ въ ботаническій садъ и получилъ отъ него особое порученіе.

Въ началѣ Апрѣля, сынъ мой Ростиславъ, по лестной рекомендаціи князя Барятинскаго и князя Бебутова, былъ отправленъ Муравьевымъ въ Крымъ, дабы для здѣшнихъ военныхъ соображеній узнать настоящее положеніе дѣлъ. Поѣздка его длилась три недѣли. По возвращеніи, передавая намѣстнику желаемыя свѣдѣнія, онъ объяснился съ совершенной откровенностію (какъ того требовали прежде князья Воронцовъ и Барятинскій) о печальной дѣйствительности и о грозившей въ близкомъ будущемъ невозможности отстоять Севастополь. За это онъ подвергся непріятному замѣчанію со стороны главнокомандующаго. За три дня до своего выѣзда изъ Тифлиса, Муравьевъ послалъ его курьеромъ въ Александрополь, а 10-го Мая выѣхалъ къ нашему дѣйствующему корпусу для открытія кампаніи подъ своимъ личнымъ начальствомъ противъ главныхъ силъ Турецкой Анатолійской арміи, расположенной въ Карсѣ. Сына моего онъ оставилъ при себѣ и сначала удостоивалъ его довѣренностію, неоднократно давалъ довольно важныя порученія, но по своей подозрительности, а можетъ быть, вслѣдствіе замѣченнаго имъ въ молодомъ человѣкѣ несогласія мыслей съ его намѣреніями и убѣжденіями, сталъ заявлять иногда свое неблаговоленіе. А потому сынъ мой, въ концѣ кампаніи, при взятіи Карса, отпросился въ свою батарею на Линію, и пріѣхалъ къ намъ въ Тифлисъ. По прибытіи намѣстника въ Александрополь, князь Бебутовъ возвратился въ Тифлисъ и вступилъ въ управленіе гражданскою частію.

Съ первыхъ дней пріѣзда Муравьева на Кавказъ, еще съ Ставрополя, начались разсказы о его странныхъ выходкахъ и мелочныхъ придиркахъ, а по водвореніи его въ Александрополѣ, такого рода разсказы распространялись всюду. Хотя въ сущности они не заключали въ себѣ ничего особенно-серьезнаго, но многихъ возстановляли противъ него и вообще не внушали къ нему симпатіи. Что онъ иногда доводилъ свои требованія и брюзгливость чуть не до комизма, это совершенно вѣрно. Изъ множества случаевъ приведу одинъ, бывшій съ

моимъ сыномъ. Однажды ночью, въ третьемъ часу, Муравьевъ послалъ за нимъ на квартиру, находившуюся не близко. Его разбудили, онъ поспѣшно одѣлся и явился къ главнокомандующему. Муравьевъ сидѣлъ пасмурный и сердито посмотрѣлъ на него. «Отчего вы такъ долго не шли?» — «Какъ только мнѣ сказали, я сейчасъ же пошелъ». — «Вы что̀ по ночамъ дѣлаете? Вы думаете, я не знаю, что̀ вы дѣлаете? Я знаю. Я знаю, что вы дѣлаете по ночамъ!» Сынъ мой нѣсколько смутился: онъ вспомнилъ, что иногда, засидѣвшись поздно въ пріятельской компаніи, ему случалось съ товарищами толковать о Муравьевѣ и изрядно перемывать ему косточки. Натурально, первая мысль его была, что до Муравьева что-нибудь объ этомъ дошло. Онъ молчалъ. Муравьевъ тоже молчалъ, уставившись на него гнѣвными глазами. — «Да! возгласилъ наконецъ торжественно главнокомандующій. Да! Я знаю. Я все знаю. Я знаю что̀ вы дѣлаете по ночамъ!» Еще помолчалъ. «Вы по ночамъ—спите!» Онъ сказалъ эти слова такъ, какъ будто уличилъ его въ государственной измѣнѣ, или дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, или въ какомъ-либо равносильномъ преступленіи. У сына моего однако отлегло отъ сердца, но былъ онъ такъ озадаченъ, что едва нашелся сознаться въ истинѣ этого преступнаго дѣянія.—«Виноватъ, ваше высокопревосходительство; мнѣ дѣйствительно случается иногда по ночамъ спать».— Муравьевъ еще больше насупился и долго ворчалъ на эту тему.

Князь Барятинскій тоже не сошелся съ Муравьевымъ и вскорѣ оставилъ должность начальника штаба, выпросивъ у Государя свой переводъ въ Петербургъ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ состоялся мой первый выѣздъ въ ближайшія Нѣмецкія колоніи, а оттолѣ чрезъ Привольное и Гергеры въ Делижанскія поселенія, Дарачичагъ и Лорійскую степь. Въ эту поѣздку я нашелъ въ Молоканскихъ селеніяхъ новую секту *Прыгуновъ*, самую глупую и безтолковую, что-то въ родѣ подражанія Американской сектѣ, и, кажется, дѣйствительно перенятую по слухамъ о ней нѣкоторыми нашими сумазбродами единственно по своекорыстію: они обманывали и обирали невѣжественныхъ глупцовъ изъ своихъ собратій, до тѣхъ поръ, пока главный коноводъ ихъ Щетининъ не былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, послѣ чего эти сектанты по немногу уничтожились, и теперь о нихъ уже ничего не слышно.

Чрезъ мѣсяцъ я проѣхалъ на Бѣлый Ключъ, гдѣ уже засталъ мое семейство. Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, тамъ произошелъ необыкновенный пожаръ въ караванъ-сараѣ Арцруни, возлѣ Сіонскаго собора, на берегу Куры. Огонь распространился съ такою быстротою, что не только громадное зданіе, но и всѣ склады со множествомъ това-

ровъ сгорѣли до тла. Убытокъ насчитывали до двухъ миліоновъ. Болѣе недѣли пылалъ и тлѣлъ огонь въ погребахъ и кладовыхъ. Изъ оконъ выходящихъ къ Курѣ, по стѣнамъ струился широкими темно-красными потоками растопленный, перегорѣлый сахаръ, стекая въ рѣку. Въ числѣ сгорѣвшихъ вещей былъ драгоцѣнный, старинный сервизъ князя А. И. Барятинскаго, оставленный имъ на храненіе Мирзоеву, который помѣстилъ его въ своей кладовой, въ томъ же караванъ-сараѣ. Желѣзные сундуки, въ которыхъ хранилось серебро, хотя и вытащили, но всѣ вещи почернѣли, исковеркались и большею частію расплавились. Особенно достойны сожалѣнія великолѣпные канделябры, блюда и вазы, какъ произведенія высокаго искусства.

Потрясающее впечатлѣніе произвело въ Закавказіи извѣстіе о несчастномъ штурмѣ Карса, унесшемъ безплодно до десяти тысячъ человѣкъ изъ лучшихъ нашихъ войскъ. Мало было въ Тифлисѣ домовъ, гдѣ бы не горевали о комъ нибудь изъ погибшихъ въ этомъ плачевномъ дѣлѣ. Общее уныніе усилилось. Въ концѣ Октября непріятель вторгся въ Мингрелію, и еслибы онъ имѣлъ искуснаго и рѣшительнаго полководца, то вѣроятно намъ Русскимъ пришлось бы убираться изъ Закавказья. Но Богъ помогъ, и мы остались невредимы.

Спустя нѣсколько дней по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, умеръ сотоварищъ мой по Совѣту генералъ Реутъ, добрый старичокъ и въ свое время храбрый офицеръ.

18-го Ноября мы получили свѣдѣніе о сдачѣ Карса, а 7-го Декабря возвратился въ Тифлисъ и Муравьевъ *). У него были самые ги-

*) Кампанія кончилась, но общія ожиданія въ отношеніи главнокомандующаго значительно понизились. Даже его горячіе поклонники отзывались о его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ какъ-то меланхолично. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ съ такимъ умомъ, съ такимъ военнымъ талантомъ, какими безспорно обладалъ Н. Н. Муравьевъ, имѣлъ свои причины дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Но для простыхъ смертныхъ, не посвященныхъ въ его соображенія и судящихъ только по фактамъ, казалось, что дѣло велось далеко не удовлетворительно. Все какъ-то перемудрялось или не домудрялось. Особенно недоумѣвали туземцы, считавшіе въ началѣ генерала Муравьева за втораго Искандера (Александра Великаго). Часто приходилось въ то время слышать ихъ простыя, наивныя сужденія не лишенныя нѣкоторой справедливости, преимущественно Армянъ, людей хитроумныхъ, бойко и зорко слѣдившихъ за всѣмъ и знавшихъ многое лучше другихъ по связямъ съ своими заграничными соотечественниками. Они описывали дѣятельность Муравьева подъ Карсомъ такимъ образомъ. „Поѣхалъ Муравьевъ на войну. Войска у него было много, не то что у Бебутова. Бебутовъ ходилъ съ горсточками, а у Муравьева была уже цѣлая армія. Подступилъ къ Карсу. Карсъ былъ не такой какъ теперь, а гораздо плоше; крѣпость старая, ненадежная, стѣны мѣстами обваливались; Турки сидѣли въ немъ напуганные. Взять его было можно. Со дня на день и думали, что его возмутъ. Но Муравьевъ его не взялъ, а сталъ дожидаться. Постоялъ, постоялъ, забралъ часть войска и пошелъ за Саганлугскія горы. Походилъ, походилъ, сжегъ Турецкія казармы съ складомъ провіанта и воротился обратно подъ Карсъ. За это время Карсъ уже сталъ по-

гантскіе планы. Онъ объявлялъ всѣмъ и каждому, очень рѣшительно и самоувѣренно, что пойдетъ съ своимъ корпусомъ отъ Закавказскихъ береговъ Чернаго моря походомъ въ Крымъ и освободитъ Севастополь. Но онъ забывалъ о бездѣлицахъ: *первое*, о томъ, что Черное море не замерзаетъ, а *второе*, что ему и на мѣстѣ нечѣмъ было кормить войско. Подрядчикъ Тамамшевъ оказался несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего былъ учрежденъ особый комитетъ, въ которомъ и я былъ членомъ. Но ни Муравьевъ, ни нашъ многолюдный комитетъ ничего не могли выдумать: хлѣба или не было, или перевозить его было не начѣмъ, по недостатку въ скотѣ и по причинѣ дорогъ, сдѣлавшихся безпроѣздными. Кажется, намѣстникъ надѣялся поправить дѣло, смѣнивъ генералъ-интенданта и назначивъ меня на его мѣсто; но я, на его

правляться: стѣны укрѣплялись, подновлялись, Турки усердно работали. Взять его уже было не такъ легко, но все же возможно, и еслибъ Муравьевъ рѣшился, то навѣрно бы взялъ; но онъ не рѣшился, и опять сталъ дожидаться. Постоялъ, постоялъ и пошелъ снова за Саганлугскія горы. Подошелъ къ Эрзеруму, остановился въ двухъ часахъ пути отъ города. Въ Эрзерумѣ его ожидали съ радостію, никто и не думалъ сопротивляться, Армяне приготовляли торжественную встрѣчу. Шелъ только большой споръ: спорили Армянскій архіерей съ Персидскимъ консуломъ, кто изъ нихъ двухъ поднесетъ генералу Муравьеву ключи отъ города; и тотъ хотѣлъ, и другой хотѣлъ. Вдругъ узнаютъ, Русскія войска ушли! Не хотѣли вѣрить. Какъ ушли? Для чего ушли? Отчего не пришли въ Эрзерумъ? Удивлялись, жалѣли. А Муравьевъ постоялъ два дня подъ Эрзерумомъ и пошелъ опять подъ Карсъ. Тутъ ужъ Карсъ сдѣлался не тотъ что̀ прежде, и узнать его было нельзя: крѣпость стала грозная, подступиться къ ней ужъ было трудно, и хотя состояла въ блокадѣ, а все же Турки находили лазѣйки, понемногу провозили и провіанту, и оружіе, провезли и Англичанъ съ генераломъ Вильямсомъ. Англичане Турковъ прибрали къ рукамъ, придавали имъ куражу. Вотъ генералъ Муравьевъ снова сталъ подъ Карсомъ. Стоялъ полтора мѣсяца. Вдругъ рѣшился. Ночью 17-го Сентября поднялъ тревогу, наскоро собралъ войска и бросился штурмовать Карсъ. Въ попыхахъ забыли взять даже нѣкоторыя необходимыя для штурма вещи. Пять часовъ штурмовали крѣпость. Положили десять тысячъ человѣкъ своихъ подъ ея стѣнами. Крѣпости не взяли. Воротились сидѣть на прежнюю позицію. Блокаду устроили строже, Турецкія лазѣйки закрыли и гулять за Саганлугъ перестали. Зима была ранняя, строгая, много солдаты натерпѣлись всякихъ мукъ; Муравьевъ заставлялъ ихъ развлекаться играми. Идетъ онъ разъ, видитъ нѣсколько солдатъ бѣгаютъ, чтобъ согрѣться; спрашиваетъ: „вы это играете въ городки, ребята?“ А солдаты отвѣчаютъ: „Никакъ нѣтъ! Наигрались ужъ мы въ городки вонъ тамъ (показываютъ на Карсъ), будетъ съ насъ!“ Насупился, пошелъ. Такъ и сидѣли, пока Турки съѣли всѣ свои запасы, поѣли даже лошадей, и когда ужъ кушать было нечего, сказали Муравьеву: Иди сюда! На тебѣ Карсъ! Только выпусти насъ отсюда. Муравьевъ и вошелъ въ Карсъ. А могъ войти за полгода до того, а если не могъ, то ужъ было бы сидѣть какъ сидѣлъ; за что было губить столько людей на штурмѣ? Искандеръ такъ не дѣлалъ“.

По поводу штурма Карса, повторялось словцо графа Соллогуба: „Все случилось отъ того, что 17-го Сентября Муравьевъ ночью спалъ и увидѣлъ во снѣ святыхъ Вѣру, Надежду и Любовь, а матери ихъ Софіи (Премудрости) не видѣлъ!“ Надобно полагать, что мнѣніе это преобладало и въ Петербургѣ, такъ какъ, восемь мѣсяцевъ спустя, Муравьевъ не былъ приглашенъ на коронацію, а былъ, по его прошенію, уволенъ отъ должности намѣстника Кавказскаго и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

явные намеки, и наконецъ рѣшительное и настоятельное предложеніе, отозвался на отрѣзъ, что вовсе не чувствую себя къ тому способнымъ и ни за что не возьмусь за дѣло, котораго не понимаю.

Первые мѣсяцы 1856 года я провелъ въ постоянныхъ хлопотахъ, не столько по настоящимъ моимъ обязанностямъ, сколько по дѣлу о провіантѣ. Отъ предсѣдательства въ комитетѣ, которое намѣстникъ непремѣнно хотѣлъ возложить на меня, я съ большимъ трудомъ отдѣлался. Безпокойства, которыя тогда озабочивали меня, кажется и были причиною продолжительнаго обморока, случившагося со мною въ Февралѣ; развязался я съ этимъ провіантскимъ дѣломъ не прежде, какъ въ Апрѣлѣ, послѣ манифеста о мирѣ. Сколько этотъ миръ ни былъ плохъ, но по человѣческому предвидѣнію продолженіе войны могло быть еще хуже.

Въ это время мы познакомились съ нашимъ знаменитымъ ученымъ, академикомъ Беромъ, пріѣзжавшимъ изъ Петербурга на короткое время для научныхъ изслѣдованій; изъ нихъ главнѣйшее состояло въ средствѣ искусственнаго разведенія рыбъ различныхъ породъ въ горныхъ рѣкахъ края. Онъ, тотчасъ по прибытіи, явился съ визитомъ къ моей женѣ, давно зная о ней по слухамъ и сочиненіямъ нѣкоторыхъ изъ ученыхъ, Русскихъ и иностранныхъ. Елена Павловна съ удовольствіемъ приняла его, и онъ часто у насъ бывалъ. Беръ чрезвычайно заинтересовался огромною коллекціей ея рисунковъ, цвѣтовъ съ натуры, флоры Кавказской, Саратовской и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ей приходилось жить. Хотя рисунки не заключали въ себѣ какого-либо художественнаго исполненія, но академикъ именно плѣнялся ихъ живою натуральностію, безъискусственною вѣрностію изображеній, отсутствіемъ придаточныхъ прикрасъ. Въ послѣднее свое посѣщеніе онъ обратился къ женѣ моей съ просьбой, на которую у нея не достало духа согласиться. Онъ просилъ ее довѣрить ему на время эти книги (томовъ 29 большаго размѣра въ листъ), чтобы снять съ нихъ копіи для Императорской Академіи Наукъ, ручаясь за невредимость ихъ. Онъ говорилъ, что готовъ *на колѣняхъ* молить объ исполненіи этой просьбы, и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ стать на колѣни. Елена Павловна колебалась, но не рѣшилась разстаться на неопредѣленное время съ этимъ трудомъ всей своей жизни, доставлявшимъ ей усладу и утѣшеніе. Она сказала это Беру, прибавивъ, что вѣроятно она уже долго не проживетъ и ей было бы очень тяжело лишиться, подъ конецъ жизни, многолѣтней своей любимой работы; но что послѣ ея смерти дѣтямъ ея, которые ботаникой не занимаются, она предоставитъ принести эти книги въ даръ нашей Академіи Наукъ *).

---

*) Всѣ эти книги съ собраніемъ рисунковъ, цвѣтовъ и растеній работы Е. П. Фа-

Выѣзжая въ Петербургъ, Беръ явился къ намѣстнику откланяться. У нихъ завязался разговоръ, заключившійся довольно забавно. Беръ принялся объяснять результаты своихъ опытовъ разведенія и размноженія рыбъ въ водахъ Закавказья. Николай Николаевичъ, выслушавъ его, замѣтилъ: «Намъ теперь нужно размножать не рыбъ, а солдатъ». Почтенный академикъ немножко опѣшилъ, но поспѣшилъ заявить свое оправданіе: «Къ сожалѣнію, въ мои преклонные года, я уже никакъ не могу оказать государству такого рода услугу.»

Тогда же разсказывали курьезную исторію (и слухъ этотъ упорно держался), будто намѣстникъ морилъ въ банѣ начальника своей канцеляріи Крузенштерна. Муравьевъ, какъ истинно-Русскій человѣкъ, не могъ обойтись безъ бани, каждое утро посѣщалъ ее и подолгу оставался въ ней. Баня устроена при домѣ намѣстника. Но какъ человѣкъ чрезвычайно-занятый, дорожившій временемъ, Николай Николаевичъ назначилъ свои банные часы для пріема докладовъ. Одни утверждали, что Муравьевъ, слушая доклады, сидѣлъ въ передбанникѣ, закутанный въ простыню; а злополучные докладчики, въ мундирахъ и вицмундирахъ (чаще всѣхъ Крузенштернъ), задыхаясь отъ жару и пара, почтительнѣйше читали ему свои служебные доклады.

За исключеніемъ небольшой моей поѣздки въ колонію Маріенфельдъ на нѣсколько дней, я оставался безвыѣздно въ Тифлисѣ до переселенія моего съ семействомъ на лѣто въ Коджоры, въ концѣ Іюня. Туда же переѣхалъ на лѣтнее пребываніе и намѣстникъ, и тамъ же я еженедѣльно докладывалъ ему дѣла. Для его помѣщенія были наняты три дома. Онъ показывалъ ко мнѣ большое расположеніе, и въ отношеніи себя не видалъ я отъ него ничего, кромѣ хорошаго. Онъ даже приглашалъ меня остановиться въ Коджорахъ прямо у него и поселиться въ одномъ съ нимъ домѣ. Конечно я не могъ воспользоваться его приглашеніемъ, такъ какъ жилъ съ семействомъ; да къ тому же, признаться, возымѣлъ подозрѣніе, не хочетъ ли онъ опять припрячь меня къ какой-нибудь тяжелой работѣ. Муравьевъ по утрамъ выходилъ гулять и подолгу. Онъ часто заходилъ ко мнѣ на дачу, прохаживался со мной по дорожкамъ моего садика, разговаривалъ, отдыхалъ на лавочкѣ, шутилъ съ моими маленькими внуками, изъ коихъ особенно занимался старшимъ внукомъ Сашей Витте, десятилѣтнимъ мальчикомъ: называлъ его своимъ любимцемъ, велъ съ нимъ продолжительные раз-

---

дѣевой до сихъ поръ, слишкомъ 30 лѣтъ, въ цѣлости и свято хранятся у насъ, остатковъ ея семьи. Мы бы очень желали исполнить обѣщаніе и желаніе, заявленное ею о передачѣ ихъ въ Академію Наукъ, но не знаемъ, какъ это устроить и къ кому обратиться. Въ 70-хъ годахъ Р. А. Фадѣевъ писалъ объ этомъ академику Беру, но Беръ въ это самое время умеръ. Н. Ф.

говоры и пресерьезно экзаменовалъ изъ Русской исторіи, грамматики и ариѳметики. Все это онъ дѣлалъ совершенно добродушно, но иногда казался мнѣ задумчивымъ.

Между тѣмъ приближалось время коронаціи. Половина Грузіи выѣзжала или собиралась выѣзжать въ Москву. Ожидали назначенія дня отъѣзда намѣстника, но намѣстникъ не говорилъ объ этомъ ни слова и не дѣлалъ никакихъ дорожныхъ сборовъ. Началось общее недоумѣніе, догадки, толки; казалось невѣроятнымъ, чтобы намѣстникъ Кавказскій могъ не присутствовать при коронаціи. Скоро послѣдовало разрѣшеніе затруднительнаго вопроса. Оказалось, что всѣ были правы, и всѣ ошиблись: Кавказскій намѣстникъ *присутствовалъ* на коронаціи, только это былъ не генералъ Муравьевъ. 31 Іюля пріѣхалъ курьеръ съ извѣщеніемъ объ увольненіи Муравьева и о назначеніи на его мѣсто князя Барятинскаго. Николай Николаевичъ казался, или старался казаться, равнодушнымъ къ этому событію, послѣдовавшему будто бы по его желанію, во всякомъ случаѣ по его прошенію. Но совсѣмъ другое было съ чиновничествомъ гражданскимъ и людомъ военнымъ, которые съ трудомъ скрывали свою радость: хотя Муравьевъ никому не сдѣлалъ никакого зла и инымъ даже въ частности сдѣлалъ добро, но для всѣхъ былъ крайне тяжелъ и непріятенъ. Я разстался съ нимъ 7 Августа, отправляясь въ мои разъѣзды, и уже болѣе его не видалъ. Я обязанъ ему признательностію за его добрыя отношенія ко мнѣ и за полученіе на коронацію, по его предстательству, Станиславской ленты. Но еще болѣе былъ бы я признателенъ ему, еслибы онъ былъ справедливѣе къ моему сыну, котораго онъ нѣкоторымъ образомъ преслѣдовалъ, потому что не понималъ его. Со временемъ интересно будетъ читать безпристрастную біографію Н. Н. Муравьева. Нельзя отвергать многія его хорошія качества и высокія достоинства, познанія его были обширны, память удивительная; но все это у него было такъ перепутано съ странными, своеобразными идеями, съ необыкновенною подозрительностію и въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ отсталыми понятіями, что эта помѣсь иногда какъ будто затмѣвала то, что у него было несомнѣнно и истинно хорошаго. Кажется, рѣшительно можно сказать, что для управленія Закавказскимъ краемъ, *при тогдашнихъ обстоятельствахъ*, онъ совсѣмъ не подходилъ.

Я выѣхалъ въ Боржомъ, гдѣ, пробывъ съ недѣлю, отправился по дорогѣ чрезъ Ахалкалаки въ Духоборческія селенія, въ коихъ приводилъ въ извѣстность положеніе Духоборовъ послѣ войны; оттолѣ въ Александрополь, а на другой день чрезъ Делижанскія и Лорійскія поселенія возвратился къ своимъ въ Коджоры. Съѣздилъ оттуда еще въ Катериненфельдъ и въ половинѣ Сентября вернулся въ Тифлисъ.

Въ Октябрѣ пріѣхалъ къ намъ сынъ мой Ростиславъ, по приказанію князя Барятинскаго, который еще изъ Москвы предписалъ ему выѣхать въ Тифлисъ къ его прибытію.

3-го Ноября послѣдовали пріѣздъ Барятинскаго и торжественная встрѣча его. Всѣ были имъ обласканы и почти всѣ были довольны его назначеніемъ. Государь предоставилъ ему право, какого еще ни одинъ изъ начальниковъ края до него не имѣлъ: право дѣлать, по главному управленію краемъ и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ, всѣ преобразованія и измѣненія, какія онъ найдетъ нужнымъ, собственною своею властію, *безъ* высочайшаго утвержденія, съ тѣмъ только, чтобы, по указанію опыта, онъ представлялъ ихъ для разсмотрѣнія и обращенія въ постоянный законъ, сначала срокомъ по 1863 г. Срокъ этотъ, въ послѣдствіи и для новаго намѣстника, Великаго Князя, продолженъ по 1866 г. Эта мѣра конечно облегчила нужныя измѣненія, но она имѣла и неудобства при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ не по указанію опыта и обдуманнаго плана, а по своеобразному заключенію главнаго начальника, иногда вопреки основательнымъ возраженіямъ, какія представляли ему члены комитета о преобразованіяхъ.

Въ Ноябрѣ же получено извѣстіе о кончинѣ князя Воронцова. Какъ человѣкъ и вельможа, онъ принесъ много пользы государству, Закавказскому краю въ особенности. Жаль только, что онъ мало зналъ Россію, руководствовался общими Европейскими идеями, не всегда удобными къ слѣпому руководству Русскимъ государственнымъ людямъ, и имѣлъ маленькую слабость къ нѣкоторымъ Грузинскимъ семействамъ и къ личностямъ, выходившую иногда за черту благоразумія для представителя Русской власти.

Въ этомъ году, и вообще по окончаніи войны, главное вниманіе и заботы управленія государственными имуществами были обращены на три предмета: 1) на розысканіе вновь свободныхъ земель для новыхъ поселеній; 2) на устройство казенныхъ лѣсовъ, и 3) на устройство водопроводовъ.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, какія собрать было можно, оказалось, что нѣсколько въ значительномъ количествѣ земли находится въ излишествѣ только въ Эриванской губерніи; но сколько именно, знать было нельзя. И губернское, и уѣздное начальство, по избытку усердія, старалось примѣрную цифру свободныхъ десятинъ выставить сколь возможно высшую. Но эти показанія были вовсе не достовѣрны. Например, уѣздные начальники показывали таковой земли на 3700 семей, а участковые засѣдатели на 2370 семей. Точнаго количества свободной казенной земли, даже и приблизительно, прежде генеральнаго межеванія, опредѣлить невозможно; тѣмъ болѣе, что, для опредѣленія земли

въ посемейный надѣлъ, необходимо было знать, сверхъ количества, еще и качество ея, мѣстоположеніе, удобство дорогъ и т. п.

Въ устройствѣ *лѣсовъ* выказывали заботливость и князь Воронцовъ, и особенно Муравьевъ, который заявлялъ, что онъ мастеръ этого дѣла. Но выяснилось, что правильнаго устройства лѣсовъ въ Закавказскомъ краѣ, до обмежеванія ихъ, также ввести было невозможно; а это обмежеваніе, равно какъ и вообще всѣхъ земель, по недостатку средствъ и людей, не можетъ произойти быстро и скоро. Назначенныя для того средства были ничтожны, да и ограничить вдругъ безпредѣльную порубку лѣсовъ воинскими чинами, укоренившуюся съ самаго вступленія Русскихъ войскъ въ здѣшній край, было крайне затруднительно. Столь же трудно вводить въ этомъ отношеніи какой-либо порядокъ и между казенными поселянами, которые привыкли, по закону царя Вахтанга, считать воздухъ, воду и лѣсъ собственностію каждаго, кто захочетъ ими пользоваться.

Что̀ касается до *водопроводовъ*, то метода князя Воронцова приниматься за возобновленіе большихъ, древнихъ водопроводовъ, разрушившихся и уничтожившихся въ продолженіи вѣковъ, оказалась вполнѣ безполезною по тому самому, что требуетъ огромныхъ издержекъ и искусныхъ гидравликовъ, а у насъ ни денегъ, ни подобныхъ людей не имѣется. Нѣтъ сомнѣнія, что, для благосостоянія Закавказскаго края, этотъ предметъ былъ и есть одно изъ важнѣйшихъ мѣропріятій; но необходимо прежде устранить генеральнымъ межеваніемъ всѣ юридическіе споры по землевладѣнію; до тѣхъ же поръ, мнѣ кажется, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на сооруженіе водопроводовъ тамъ только, гдѣ народонаселеніе болѣе густо, гдѣ удобенъ сбытъ продуктовъ и гдѣ народонаселеніе, отъ недостатка или запущенія водопроводовъ, дѣйствительно затрудняется въ достиженія благосостоянія.

Всѣ эти несвоевременныя мѣры, и во всей Россіи, и особенно въ Закавказьи, происходятъ, надо полагать, по той причинѣ, что, съ Петра Великаго и едва ли не доселѣ, мы, по словамъ Жуковскаго, не перейдя *Понедѣльника*, переступаемъ прямо во *Вторникъ*.

Въ слѣдующемъ 1857 году новый намѣстникъ занимался исключительно предположеніями о мѣрахъ къ совершенному умиротворенію Кавказа, а также объ измѣненіи гражданскаго управленія по своему образу мыслей. Въ первомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ логично и основательно, а потому чрезъ три года и успѣхъ оказался полный. Во второмъ же послѣдствія не были вполнѣ удовлетворительны. По этой послѣдней причинѣ и занятія мои съ нимъ происходили рѣже и были непродолжительны, кромѣ развѣ тѣхъ, кои интересовали его лично, какъ напр. объ утвержденіи Лорійской степи за князьями Орбелі-

ановыми. Вслѣдствіе этого, я занимался въ Тифлисѣ текущими дѣлами безвыѣздно до Мая мѣсяца; да и потомъ не было надобности ѣздить далеко и на долгое время: я съѣздилъ только для обыкновенныхъ обзоровъ Нѣмецкихъ и Духоборческихъ поселеній и въ Боржомъ. Лѣто, съ семействомъ, я провелъ въ Коджорахъ, гдѣ находился и намѣстникъ. Видѣлся я съ нимъ по обыкновенію очень часто, какъ по дѣламъ, такъ и по его приглашеніямъ; заходилъ и онъ ко мнѣ. Относился онъ ко мнѣ вообще, какъ и всегда, чрезвычайно благосклонно и любезно.

Съ княземъ Александромъ Ивановичемъ прибыли многія новыя лица изъ его свиты, адъютанты, чиновники. Нѣкоторые были у меня, познакомились съ моимъ сыномъ, зятемъ, и нашъ домашній кругъ увеличился нѣсколькими хорошими знакомыми. Изъ числа тѣхъ, кои наиболѣе сошлись съ нами, былъ Василій Антоновичъ Инсарскій, старый пріятель моего зятя еще по Петербургу, человѣкъ близкій къ князю Барятинскому уже издавна, котораго онъ опредѣлилъ къ себѣ для дѣлъ, въ особенности конфиденціальныхъ. Въ Инсарскомъ я нашелъ добраго, умнаго человѣка, пріятнаго собесѣдника и прекраснаго сотоварища по службѣ: съ нимъ я сблизился и остаюсь въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ служилъ въ Тифлисѣ все время, пока кн. Барятинскій состоялъ намѣстникомъ, и только по выбытіи его возвратился въ Петербургъ.

Въ теченіи этого года, къ нашему большому удовольствію, служебное положеніе зятя моего Ю. Ф. Витте опредѣлилось назначеніемъ его ко мнѣ въ помощники. Оживилась надежда и на лучшую будущность сына моего, постоянно пользовавшагося добрымъ расположеніемъ князя Барятинскаго. Сынъ мой познакомилъ меня съ генераломъ Евдокимовымъ, столь славнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ покоренія Кавказа. Евдокимовъ очень любилъ моего Ростислава и относился къ нему чрезвычайно дружелюбно; съ тѣхъ поръ, пріѣзжая въ Тифлисъ, онъ всегда бывалъ у меня и часто обѣдывалъ.

Мартъ мѣсяцъ 1858 года отмѣтился для меня нѣсколькими непріятными событіями: 10-го Марта умеръ предсѣдатель Совѣта князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, человѣкъ умный, образованный и отлично ко мнѣ расположенный, особенно въ первые годы нашего совмѣстнаго служенія. Впослѣдстіи онъ сдѣлался большимъ эгоистомъ: успѣхи его во время войны, полученіе, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, ордена Андрея Первозваннаго (примѣръ едвали не единственный въ Россіи), кажется, нѣсколько ослѣпили его. Для полнаго его благополучія ему не доставало только генералъ адъютантства, о которомъ онъ всегда мечталъ. Надежда его была на коронацію, какъ вдругъ неожиданное назначеніе намѣстникомъ Кавказскимъ князя Барятинскаго (бывшаго за годъ предъ тѣмъ подъ его начальствомъ) уязвило его самолюбіе и,

какъ полагали, было причиною ускореннаго развитія его болѣзни и, быть можетъ, самой смерти. Его не могли утѣшить, ни производство въ полные генералы, ни подарокъ въ собственность полуразвалившагося дома начальника гражданскаго управленія, въ которомъ онъ жилъ. Въ лѣтописи туземныхъ генераловъ онъ останется памятенъ. Мѣсто его заступилъ генералъ-адъютантъ князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, находящійся понынѣ въ этой должности.

Вслѣдъ затѣмъ, было получено извѣстіе о переводѣ экзарха Грузіи Исидора въ Кіевъ. Для меня это была большая потеря.

Почти одновременно мы получили печальную вѣсть о неожиданной смерти мужа нашей внучки Вѣры, Н. Н. Яхонтова. Онъ умеръ отъ скоротечной горячки, простудившись дорогой на возвратномъ пути въ Тифлисъ; жена его осталась съ двумя маленькими сыновьями, изъ коихъ младшій родился у насъ въ домѣ уже по отъѣздѣ своего отца.

По дѣловымъ отношеніямъ, мнѣ пришлось свести знакомство съ барономъ Торнау, незадолго предъ тѣмъ прибывшимъ въ Грузію. По складу ума, настроенію направленій, предпріимчивости, онъ имѣлъ много общаго съ барономъ Мейндорфомъ, подобно которому отличался и духомъ прожектёрства. Подобно ему же, всѣ его предпріятія были равно неудачны и, испытавъ несостоятельность нѣсколькихъ своихъ попытокъ, онъ возвратился въ Петербургъ. Съ этого времени началось дѣло о преобразованіи гражданскаго управленія по програм̄мѣ князя Барятинскаго. Хотя ясно оказывались неудобства иныхъ нововведеній, но ихъ надобно было вводить неотступно, потому что князь оставался въ своихъ убѣжденіяхъ непреклоннымъ.

Въ Апрѣлѣ мы проводили нашего Ростислава въ экспедицію.

Наконецъ въ этомъ году послѣдовалъ мнѣ отводъ земли, 1500 десятинъ въ Ставропольской губерніи, пожалованный мнѣ еще тогда, когда я былъ главнымъ попечителемъ надъ Калмыками, въ 1838 году. Земля эта приноситъ мнѣ пользы очень мало, но все же въ послѣдствіи времени можетъ служить подспорьемъ дѣтямъ моимъ къ тѣмъ небольшимъ средствамъ, кои могу я имъ оставить.

Въ Маѣ я отправлялся для обозрѣнія церковныхъ имѣній, а дѣти мои, съ цѣлью богомолья, сопровождали меня до Мардкобскаго монастыря, въ 20-ти верстахъ отъ Тифлиса. Монастырская церковь недавно построена на развалинахъ древней, воздвигнутой святымъ Антоніемъ, однимъ изъ тринадцати подвижниковъ, пришедшихъ въ половинѣ шестаго вѣка изъ Сиріи въ Грузію, для окончательнаго довершенія подвига св. Нины, т. е. обращенія страны отъ тьмы языческой къ свѣту Христову. Монаховъ здѣсь теперь уже нѣтъ, а живетъ при церкви священникъ, такъ какъ изъ Тифлиса сюда приходятъ постоянно

во множествѣ богомольцы. Это мѣсто считается одной изъ наиболѣе уважаемыхъ святынь края. Монастырь, обстроенный красивыми домиками, съ гостинницей, находится въ прекрасномъ мѣстоположеніи, окруженъ лѣсомъ, горами, съ живописной на одной изъ вершинъ старинной башней, по преданію жилищемъ св. Антонія. Благоустройствомъ своимъ Мардкоби обязано попеченіямъ экзарха Исидора. Въ лѣтнее время оно служитъ иногда мѣстопребываніемъ для экзарховъ.

Въ концѣ мѣсяца я проѣхалъ въ Боржомъ, куда въ началѣ Іюня прибыли намѣстникъ, а за нимъ митрополитъ Исидоръ, еще не покинувшій края. Я ежедневно съ ними видѣлся, проводилъ въ бесѣдѣ съ обоими многіе пріятные часы и пробылъ съ ними слишкомъ мѣсяцъ, по 8 е Іюля. Туда же пріѣхалъ и новый экзархъ, архіепископъ Евсевій.

Князь Александръ Ивановичъ—очень занимательный собесѣдникъ и замѣчательный разсказчикъ. Когда онъ здоровъ, въ духѣ и оживленъ разговоромъ, то любитъ разсказывать, и разсказываетъ мастерски, удивительно эффектно, остроумно, иногда комично, представляя героевъ своихъ разсказовъ въ лицахъ, подражая ихъ жестамъ, говору. Большею частію разсказы забавные, но часто и серьезные, и всегда интересные. Въ Боржомѣ меня заинтересовалъ одинъ разсказъ о его ранѣ. Въ немъ давно уже сидѣла ружейная Черкесская пуля, которую нельзя было вынуть; но она такъ заросла и гдѣ-то запряталась, что не безпокоила его. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ на Кавказъ, молодымъ офицеромъ, то во время экспедиціи, въ дѣлѣ съ горцами, пуля попала ему въ лѣвую сторону груди. Его отнесли въ палатку, положили въ постель и, по осмотрѣ, сочли рану смертельною. Князь задыхался и, сознавая приближеніе кончины, потребовалъ священника. Къ нему привели полковаго священника, старичка, помнится, отца Ивана. Батюшка замѣтилъ, что раненый тяжело дышетъ, повидимому кончается, и голова его лежитъ очень низко, на одной подушкѣ. Для бóльшаго удобства при совершеніи таинства, священникъ велѣлъ подложить нѣсколько подушекъ. Князя приподняли и устроили на постелѣ въ полусидячемъ положеніи; затѣмъ онъ исповѣдался, причастился и, скоро почувствовавъ замѣтное облегченіе, вступилъ съ батюшкой въ разговоръ. Изъ разговора открылось, что отецъ Иванъ, за долго до того, былъ священникомъ въ родовомъ имѣніи Барятинскихъ, Ивановскомъ, въ то именно время, когда тамъ проживали родители князя и родился самъ князь, и этотъ самый отецъ Иванъ его крестилъ. Такое открытіе очень обрадовало ихъ обоихъ; священникъ въ умиленіи прослезился, а князю съ этого дня стало дѣлаться все легче, и наконецъ онъ совсѣмъ выздоровѣлъ, что̀ приписывали тому, что священникъ подложилъ ему подъ

голову подушки, и его высоко приподняли: пуля, его душившая давленіемъ на сердце, опустилась внизъ, и князь былъ этимъ спасенъ.

Между тѣмъ произошла перемѣна въ моей службѣ, за которую я считаю себя весьма признательнымъ князю Барятинскому: 12 Іюня я освобожденъ намѣстникомъ отъ становившагося для меня тягостнымъ управленія Экспедиціею Государственныхъ Имуществъ, съ возложеніемъ на меня руководствованія онымъ и съ оставленіемъ членомъ Совѣта, а также состоящимъ лично при намѣстникѣ для особыхъ порученій *).

Я начиналъ уже чувствовать, что управленіе сіе становится мнѣ не по силамъ, о чемъ и прежде докладывалъ намѣстнику. Думаю, что и онъ былъ недоволенъ этимъ, потому что, по характеру своему, онъ не терпѣлъ противорѣчій; а я не могъ удержаться, когда по моему убѣжденію видѣлъ, что дѣла не такъ рѣшаются какъ должно. Одинъ изъ генералъ-прокуроровъ, Беклешовъ, сказалъ великую истину: «Надобно служить, но не переслуживаться». Оставаться же только лишь членомъ Совѣта, безъ отвѣтственности, почти тоже чт̀о перестать служить, съ выгодою полученія того же содержанія, какое я получалъ. Пенсіи такой никогда бы не дали. Да и то было не безвыгодно, что не вдругъ прекращались всѣ занятія, отъ чего, какъ извѣстно, иные старые служивые преждевременно умираютъ. Еще имѣлъ я то утѣшеніе, что мѣсто мое по управленію Экспедиціею (съ переименованіемъ въ Департаментъ) князь Барятинскій передалъ зятю моему Витте. Въ тоже время я получилъ извѣщеніе о пожалованіи меня въ тайные совѣтники. Въ преклонныхъ лѣтахъ подобныя повышенія цѣны имѣютъ немного, но всегда бываютъ болѣе или менѣе пріятны, быть можетъ, какъ отзывъ прошлыхъ временъ и прошлыхъ настроеній.

По возвращеніи въ Іюлѣ въ Тифлисъ, я вскорѣ переѣхалъ съ семействомъ въ Бѣлый Ключъ, откуда въ Августѣ ѣздилъ проститься окончательно съ митрополитомъ, отправлявшимся въ Кіевъ. Съ Сентября оставался я безвыѣздно въ Тифлисѣ до конца года. Въ Октябрѣ сынъ мой опредѣленъ къ главнокомандующему по особымъ порученіямъ.

Въ Сентябрѣ же мѣсяцѣ пріѣзжали въ Закавказскій край молодые Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Сынъ мой въ то время находился на Линіи, въ экспедиціи; начальнику отряда понадобилось передать спѣшное донесеніе главнокомандующему, и Ростиславъ вызвался отвезти его прямою дорогою черезъ непокоренныя горы, за-

*) Князь Барятинскій предлагалъ А. М. Фадѣеву высшій постъ; но Фадѣевъ, при его строгомъ воззрѣніи на свой служебный долгъ, заявилъ, что за нѣсколько лѣтъ ранѣе, онъ могъ бы принять предложеніе, но теперь, въ его лѣта, съ разстроеннымъ здоровьемъ, онъ не былъ бы въ состояніи исполнять свои обязанности такъ, какъ привыкъ ихъ исполнить всегда, а потому не можетъ взять ихъ на себя. Н. Ф.

селенныя непріятелемъ. Верхóмъ, съ однимъ проводникомъ, онъ переѣхалъ Лезгинскую линію и горы, считавшіяся непроѣзднымм, мѣстами по каменистой, заросшей, извилистой тропинкѣ, шириной ўже аршина, иногда вовсе исчезавшей, обсыпавшейся подъ ногами коня, по краямъ отвѣсныхъ скалъ и бездонныхъ пропастей. Противъ всѣхъ ожиданій переѣздъ совершился благополучно. Ростиславъ спустился въ Кахетію около Сигнаха и, пріѣхавъ въ Мухравань, представился Великимъ Князьямъ, которые ночевали тамъ проѣздомъ по краю. Затѣмъ онъ продолжалъ путь въ Тифлисъ. Переѣздъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что изъ *Русскихъ* мой сынъ совершилъ его *первый*.

Князь Барятинскій лежалъ больной, но пиры и празднества по случаю прибытія высочайшихъ гостей шли своимъ чередомъ. Уже и тогда ходили слухи, что одинъ изъ нихъ предназначенъ преемникомъ Барятинскому, только не знали, который именно. Они пробыли въ Тифлисѣ три дня и объѣхали нѣкоторыя части края.

Съ 1-го Января 1859 года вступили въ дѣйствіе измѣненія, сдѣланныя по распоряженію князя Барятинскаго въ положеніи и штатахъ Главнаго Управленія. Они существенно состояли въ томъ, что нѣкоторымъ департаментамъ Главнаго Управленія данъ обширнѣйшій кругъ дѣйствій противъ прежняго. Учреждены: временное отдѣленіе для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и учрежденій по всему краю, замѣнившее бывшую походную канцелярію при намѣстникѣ; а вслѣдъ затѣмъ и контрольный департаментъ. Послѣдствія иныхъ измѣненій скоро доказали, что это новое преобразованіе въ Главномъ Управленіи столь же мало принесло пользы для устройства края, какъ и всѣ прежнія. Контрольный же департаментъ оказался совершенно безполезенъ, и едвали не былъ созданъ лишь для того, чтобы доставить почетное мѣсто директора департамента бывшимъ въ то время начальникомъ Главнаго Управленія Крузенштерномъ одному изъ его пріятелей.

Въ Февралѣ по совѣту добраго старика, давняго здѣшняго старожила, доктора Прибиля, а также князя Барятинскаго (любившаго лѣчить своими средствами), я сталъ лѣчиться накалываніемъ на ногахъ, по системѣ Бауштедта. Князь Барятинскій для этого подарилъ мнѣ инструментъ. Пользы однако было немного и не надолго. Дабы предоставить мнѣ случай пользоваться Кавказскими водами, намѣстникъ мнѣ далъ служебную командировку въ Ставропольскую губернію, съ достаточнымъ пособіемъ, для собранія свѣдѣній о положеніи тамошнихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по поводу начавшагося дѣла объ улучшеніи ихъ быта во всей Имперіи.

По причинѣ проливныхъ дождей, да еще въ горахъ, по Военно-Грузинской дорогѣ, путешествіе наше было прескверное. Отъѣхавъ

сорокъ верстъ отъ Владикавказа, мы завернули въ сторону, чтобы посмотрѣть *Алагирскій* казенный серебро-свинцовый заводъ и посѣтить начальника завода, горнаго инженеръ-полковника А. Б. Иваницкаго, умнаго, добраго, большаго хлѣбосола, но нѣсколько легкомысленнаго, съ которымъ мы были въ дружескихъ отношеніяхъ почти со времени моего прибытія на Кавказъ. Послѣ безобразной дороги, мы у него отлично отдохнули и пробыли пять дней. Алагиръ расположенъ довольно красиво, при входѣ въ горное ущелье; оно, по признакамъ серебряной руды, уже издавна обращало на себя вниманіе, и князь Воронцовъ, съ прибытіемъ на Кавказъ, выписалъ Иваницкаго, чтобы изслѣдовать мѣстность. Иваницкій изобразилъ ему это мѣстоположеніе какъ скрывающее неисчерпаемое богатство металовъ и минераловъ, а потому Воронцовъ и рѣшился немедленно основать тамъ горное заведеніе въ большомъ размѣрѣ. Прежде всего начали строить много домовъ для чиновниковъ, великолѣпную церковь, основали на большомъ пространствѣ садъ и другія насажденія. Прошло лѣтъ съ десятокъ, и оказалось, что потрачены огромныя суммы, что наружное оживленіе и внѣшнее устройство мѣсту дано; что всѣ служащіе чиновники удобно и благополучно тамъ поживаютъ, но что существенной пользы и нѣтъ, и не предвидится. Да и серебра почти нѣтъ, а есть какая-то серебряная *обманка*, да свинецъ. Князь Барятинскій рѣшился передать заводъ въ частныя руки. Великій Князь, по вступленіи въ управленіе Кавказомъ, принялъ эту же мысль; но прошло съ тѣхъ поръ уже нѣсколько лѣтъ, а желающихъ воспользоваться заводомъ не оказывается, иначе какъ съ большою придачею отъ казны. И вотъ новый образчикъ подобнаго образа дѣйствій въ государственномъ хозяйствѣ.

Въ первыхъ числахъ Іюня я прибылъ въ Пятигорскъ и, по предварительномъ совѣтѣ съ медиками, приступилъ къ лѣченію водами. Ровно мѣсяцъ я бралъ ванны Сабанѣевскія и въ новомъ провалѣ, почти ежедневно, но помощи чувствовалъ мало. Между тѣмъ, въ часы свободные отъ водъ, я часто видѣлся и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ двумя очень занимательными людьми: Астраханскимъ архіереемъ Аѳанасіемъ, архипастыремъ далеко незауряднымъ по уму, замѣчательному образованію, привѣтливости и простотѣ въ обращеніи, и съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга тайнымъ совѣтникомъ В. И. Панаевымъ. Оба они искали въ Пятигорскѣ исцѣленія отъ недуговъ; первый, кажется, обрѣлъ его отчасти; а второй захворалъ еще сильнѣе и, возвращаясь обратно, на пути, въ Харьковѣ, скончался.

30-го Іюня поздно вечеромъ прибылъ въ Пятигорскъ изъ Петербурга князь Барятинскій, съ утвержденнымъ планомъ окончательнаго покоренія Кавказа, что́ однакожъ, въ то время, онъ тщательно скры-

валъ. На слѣдующее утро онъ принялъ меня, какъ всегда, весьма ласково; но я замѣтилъ, что онъ очень озабоченъ. Онъ много со мною говорилъ о затрудненіяхъ, которыя предвидятся къ хорошему исходу дѣла освобожденія крестьянъ, но въ этомъ, по счастію, ошибся. Вѣрнѣе были его заключенія о настоятельной надобности уничтожить на Кавказѣ всѣ казенныя заведенія и хозяйственныя общества, производящія огромныя издержки и ничтожную пользу, а выгоды только лицамъ дѣйствующимъ подобно Н***, Т*** и т. п. Въ тоже время онъ отозвался неблагопріятно объ одномъ вліятельномъ лицѣ, котораго хотѣлъ сбыть съ рукъ. Затѣмъ князь не медля уѣхалъ въ Кисловодскъ, пригласивъ меня обѣдать у него на другой день въ Пятигорскѣ, куда онъ возвратился къ своему обѣду въ шесть часовъ, и переночевавъ, 3-го Іюля отправился прямо къ войскамъ, громить Шамиля. Я внутренно пожелалъ ему счастливаго успѣха въ совершеніи славнаго и великаго дѣла. Онъ былъ что-то не въ духѣ, кѣмъ-то недоволенъ, кажется, судя по его словамъ, генераломъ Филипсономъ.

Хозяйственное управленіе минеральными водами, какъ всегда, шло плохо. Мѣстные отцы-командиры старались выказывать себя постройками (отчасти совсѣмъ ненужными), наружнымъ щегольствомъ, и притомъ никакъ не забывали самихъ себя. Общественный садъ могъ бы быть прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ; но по всему видно, что на устройство его, и даже на сколько нибудь исправное содержаніе бульвара, мало обращалось вниманіе. Близъ Пятигорска находится Нѣмецкая колонія, жители которой при старательномъ направленіи могли бы съ выгодою увеличить средства для продовольствія посѣтителей водъ, овощами, фруктами, хорошимъ хлѣбомъ и проч. Къ сожалѣнію, они предоставлены самимъ себѣ, а потому и посѣтителямъ отъ нихъ пользы почти никакой, да и собственное состояніе ихъ плохое.

Въ Іюлѣ я переѣхалъ въ Кисловодскъ. Я взялъ сорокъ ваннъ Нарзана и почувствовалъ какъ будто небольшое облегченіе, но кратковременное. Нарзанъ, по увѣренію туземныхъ жителей (хотя доктора этого не говорятъ), съ нѣкоторыхъ поръ потерялъ много своей цѣлительной силы. Утверждаютъ, что въ немъ значительно уменьшилось количество углекислаго газа, послѣ возведенія новой галереи, при постройкѣ коей затронули въ землѣ главный источникъ, вслѣдствіе чего онъ смѣшался съ водою желѣзною и простою.

Въ Кисловодскѣ скучать было некогда. Я встрѣтилъ множество знакомыхъ старыхъ и новыхъ; приходилось безпрестанно принимать и отдавать визиты не только днемъ, но и по вечерамъ. Пріятнѣе же всего для меня были прогулки по прекрасно расположенному вдоль рѣчки парку; жаль только, что, за недостаткомъ инвалидной ком анды, онъ не

содержится въ исправности: коровы и свиньи разгуливаютъ въ немъ совершенно свободно и во множествѣ, что́, по слухамъ, продолжается и по нынѣ. Въ Кисловодскѣ было замѣтно прохладнѣе, воздухъ чище, и какъ-то во всемъ лучше нежели въ Пятигорскѣ. Изъ вседневныхъ нашихъ гостей за обѣдомъ и вечерами, съ иными приходилось мнѣ заниматься и дѣлами, какъ напр. съ Ставропольскимъ губернаторомъ Брянчаниновымъ, генераломъ Волоцкимъ, Инсарскимъ и др. Между тѣмъ, письма отъ сына моего приносили намъ радостныя вѣсти о успѣхахъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ горахъ, возбуждавшихъ живѣйшій интересъ, такъ какъ на нихъ тогда сосредоточивалось всеобщее вниманіе. Данное мнѣ порученіе въ Ставропольской губерніи, о сборѣ всѣхъ предварительныхъ свѣдѣній къ приготовленію въ ней освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, я окончилъ довольно успѣшно. Да это и не представляло особыхъ затрудненій по небольшому числу таковыхъ крестьянъ въ губерніи; ихъ было всего съ небольшимъ 7000 душъ, изъ коихъ почти половина принадлежала тремъ помѣщикамъ: князю Воронцову, Калантаровымъ и Скаржинскому. Крестьяне тогда же, или вскорѣ, были отпущены помѣщиками, частію безвозмездно, а частію посредствомъ выкупа. Правда, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ, положеніе помѣщичьихъ имѣній представляло нѣкоторыя затрудненія, препятствовавшія подвести всѣ предположенія подъ одинъ общій уровень; но при нѣсколько ближайшемъ соображеніи оказалась возможность ихъ преодолѣть.

23-го Августа я разстался съ Кисловодскомъ. На обратномъ пути въ Тифлисъ слышались разсказы о побѣдоносныхъ успѣхахъ кн. Барятинскаго противъ Шамиля. 30-го Августа, 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ намъ о взятіи Шамиля и о покореніи Кавказа. Четыре дня спустя, мы были неожиданно обрадованы пріѣздомъ моего сына. Какъ очевидецъ и участникъ происходившихъ событій, подъ впечатлѣніемъ всего только что имъ видѣннаго и испытаннаго, онъ живыми, одушевленными словами передавалъ намъ достопамятныя подробности о послѣднихъ дняхъ Кавказской войны и сокрушенномъ, наконецъ, имамѣ. Вскорѣ возвратился и намѣстникъ. Пріемъ ему былъ сдѣланъ самый торжественный. Въ память встрѣчи его, при въѣздѣ въ городъ, городское общество рѣшило выстроить тріумфальные ворота, коихъ однакоже и до сихъ поръ нѣтъ какъ нѣтъ, да кажется что и никогда не будетъ. Князь отзывался въ самыхъ лестныхъ словахъ о сынѣ моемъ, благодарилъ меня за него, разсказывалъ о важной услугѣ, оказанной имъ во время войны, и потомъ, при всякомъ свиданіи со мной, выражалъ къ нему большое участіе и расположеніе. Сынъ мой получилъ «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости въ дѣлѣ съ горцами

25 Августа», Станислава съ мечами на шею, а за переправу черезъ Андійское Койсу переведенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, тѣмъ же чиномъ капитана.

Заслуга моего сына состояла въ слѣдующемъ. Въ крѣпости Грозной, въ половинѣ Іюля, онъ получилъ приказаніе главнокомандующаго отправиться къ колоннѣ генерала Врангеля и употребить всѣ усилія съ своей стороны, чтобы отрядъ Врангеля непремѣнно перешелъ рѣку Койсу и присоединился къ главному Чеченскому отряду. Разбивъ скопище горцевъ, Врангель подошелъ къ Койсу. Противоположный берегъ былъ занятъ мюридами, рѣчка же была такъ быстра, что не представляла почти никакого вѣроятія для переправы отряду, такъ что генералъ Врангель, въ виду невозможности исполнить приказаніе главнокомандующаго, отказался отъ этого предпріятія. Ростиславъ, сознавая важность переправы, настаивалъ на совершеніи ея; Врангель не соглашался. Истощивъ всѣ убѣжденія, мой сынъ предложилъ Врангелю вызвать охотниковъ. Подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ, онъ сѣлъ на камень берега рѣки, опустилъ ноги въ воду и объявилъ, что не встанетъ съ мѣста, пока послѣдній солдатъ отряда не будетъ на той сторонѣ. Врангель рѣшился послѣдовать его совѣту. На вызовъ охотниковъ заявило желаніе нѣсколько человѣкъ; но только трое изъ нихъ, какъ лучшіе пловцы, послѣ неимовѣрныхъ усилій и опасностей, нѣсколько разъ поглощаемые бѣшенымъ теченіемъ рѣки, успѣли переправиться на непріятельскій берегъ. Первымъ переправился солдатъ изъ приволжскихъ жителей, бывшій разбойникъ (сдѣлавшійся впослѣдствіи монахомъ). Во время переправы охотниковъ, стрѣлки были разсыпаны по берегу и частымъ огнемъ не давали мюридамъ, собравшимся въ пещерѣ скалы, стрѣлять по переправляющимся. Затѣмъ былъ перекинутъ канатъ, и на канатѣ устроена люлька, скользившая надъ пучиной, на которой начали одинъ по одному переправляться солдаты и милиціонеры. Люлька нѣсколько разъ опрокидывалась. Тогда, для ускоренія переправы, былъ устроенъ зыбкій веревочный мостъ. Когда уже не было сомнѣнія въ успѣхѣ устройства переправы, генералъ Врангель обнялъ моего сына, расцѣловалъ и благодарилъ за его настойчивость. Своевременной геройской переправой черезъ Койсу была рѣшена участь скораго покоренія Кавказа.

Генералъ Врангель, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, посѣтилъ меня, и, также какъ и князь Александръ Ивановичъ, благодарилъ меня за сына и сказалъ: «Если бы не онъ, я бы не рѣшился на переходъ черезъ Койсу, и очень вѣроятно, что Шамиль до сихъ поръ сидѣлъ бы въ горахъ, и война бы продолжалась». Также разсказывалъ мнѣ полковникъ А. А. Тергукасовъ, что при началѣ атаки Гуниба, когда вой-

ска расположились къ ночи у подошвы горы, то Тергукасовъ, высмотрѣвъ большую промоину въ скалистомъ поясѣ горы, на разсвѣтѣ, устремился къ ней и съ помощію веревокъ и лѣстницъ взошелъ на верхнюю площадь прежде всѣхъ другихъ, какъ это извѣстно; и что мой сынъ все время былъ съ нимъ, и *первый* вступилъ на вершину Гуниба вмѣстѣ съ штурмовою колонною. Въ знакъ памяти о Гунибѣ князь Барятинскій подарилъ Ростиславу одинъ изъ значковъ, взятыхъ у Шамиля, находящійся понынѣ у насъ въ домѣ. Къ зимѣ князь далъ ему работу: писать исторію Кавказской войны.

10-го Ноября намѣстникъ выѣхалъ въ Петербургъ, а 21-го получено свѣдѣніе о пожалованіи его въ фельдмаршалы.

Спокойнѣе, сравнительно съ прежними годами, я встрѣтилъ 1860-й годъ. Необременительныя занятія по Совѣту и по крестьянскому дѣлу Ставропольской губерніи продолжались своимъ чередомъ и, по временамъ, доставляли довольно длительныя работы. Въ началѣ года надѣлало много шума убійство командира Эриванскаго гренадерскаго полка, въ Манглисѣ, полковника Фохта, офицеромъ того же полка Макѣевымъ. Повидимому, это случилось вслѣдствіе столь часто у насъ бывавшаго, безразборчиваго выбора полковыхъ командировъ. Со времени моего пребыванія въ Закавказьи это былъ уже второй случай: въ первый разъ, на Бѣломъ Ключѣ, капитанъ Правиковъ закололъ кинжаломъ полковаго командира Козачковскаго.

19-го Января я былъ обрадованъ извѣстіемъ о производствѣ сына моего въ полковники. Для этого князь Барятинскій долженъ былъ выдержать сильную борьбу, потому что мой сынъ недавно только получилъ двѣ награды; но князь находилъ ихъ недостаточными и вытребовалъ третью. 20-го Февраля князь возвратился въ Тифлисъ.

Между тѣмъ наступилъ великій постъ. Въ Страстную Субботу по обыкновенію поѣхалъ я къ заутрени въ Сіонскій соборъ, а оттуда съ поздравленіемъ и на разговѣнье къ намѣстнику, гдѣ засталъ толпу въ мундирахъ. Неожиданно произошелъ маленькій курьезный случай. Когда князь Александръ Ивановичъ, принявъ поздравленія съ праздникомъ, хотѣлъ разговѣться и, приблизившись къ столу, уставленному пасхальными яствами, пригласилъ всѣхъ приступить и заняться тѣмъ же, оказалось, что на столѣ нѣтъ вилокъ. Князь разсердился не на шутку. Сдѣлавъ строгое замѣчаніе кому слѣдовало за небрежность, онъ обратился ко всѣмъ намъ и объявилъ совершенно серьезно и съ полнымъ убѣжденіемъ: «Видите, какіе у меня порядки! Что́ мнѣ съ этимъ дѣлать? Мнѣ больше ничего не остается, какъ нанять себѣ маленькую квартирку у какой-нибудь бѣдной вдовы, чтобъ она вела мое хозяйство, смотрѣла за вещами, держала все въ порядкѣ, клала на столъ

вилки и все что надобно. Больше мнѣ нечего дѣлать. Я объ этомъ давно думаю, и такъ и сдѣлаю!» Это рѣшеніе князя всѣхъ очень позабавило; общее мнѣніе осталось въ увѣренности, что хотя безъ вилокъ иногда и трудно обойтись, но едва ли *какой-либо бѣдной вдовѣ* дождаться къ себѣ въ нахлѣбники такого важнаго квартиранта.

Весною этого года меня нѣсколько разъ посѣтилъ пріѣзжавшій въ Тифлисъ извѣстный профессоръ Московскаго университета Погодинъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ его занимательныя рѣчи. Умный, ученый человѣкъ: хотя Петербургскіе журналисты иногда и подсмѣиваются надъ нимъ, но не признать въ немъ замѣчательныхъ литературныхъ достоинствъ не могутъ.

12-го Августа, въ четвертомъ часу утра, доброй жены моей не стало! На третій день она погребена въ Тифлисѣ, предъ стѣной алтаря Вознесенской церкви, находящейся у подошвы горы, при спускѣ дороги изъ Коджоръ. Рядомъ съ ея могилой я оставилъ мѣсто для себя.

Помѣщаю здѣсь нѣсколько замѣтокъ о ея родословіи и вообще о ея жизни. Она происходила отъ старшей вѣтви дома князей Долгорукихъ. Отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ временъ Екатерины, былъ товарищемъ и сослуживцемъ Кутузова. Онъ приходился роднымъ внукомъ тому князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, который испыталъ на себѣ жестокую превратность счастія, былъ наперсникомъ Петра, посломъ Россіи при Польскомъ и другихъ дворахъ, считался однимъ изъ высшихъ и богатѣйшихъ сановниковъ Имперіи; потомъ сосланъ въ Березовъ [1]), гдѣ оставался восемь лѣтъ и, наконецъ, обезглавленъ (по семейному сказанію колесованъ) въ Новѣгородѣ, 26 Октября 1739 года, въ періодъ свирѣпаго самоуправства Бирона. Нужно еще замѣтить, что князь Сергѣй Григорьевичъ былъ родной племянникъ князя Якова Ѳеодоровича Долгорукова, безстрашнаго ревнителя правды и совѣтника Петра Великаго,—сынъ брата его Григорія Ѳеодоровича. Крестъ Св. Великаго Князя Михаила Черниговскаго, предка Долгорукихъ, о коемъ до сихъ поръ было извѣстно только то, что эта драгоцѣнность составляетъ достояніе старшей линіи фамиліи Долгорукихъ, находился у отца Елены Павловны, отъ него достался ей и, быть можетъ, эта святыня постоянно руководила покойницу на пути полезной и дѣятельной жизни ея.

Князь Василій [2]) былъ въ ссылкѣ въ Сибири, вмѣстѣ съ отцомъ,

---

[1]) Въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ“ сказано: въ Ораніенбургъ, но это совершенно невѣрно.

[2]) Въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгорукихъ“, князя Петра Долгорукова, кромѣ другихъ невѣрностей, князь Павелъ Васильевичъ приписанъ совсѣмъ къ другой вѣтви и

и тамъ отданъ для обученія кузнечному ремеслу; а по возвращеніи изъ Сибири, не получивъ ничего изъ конфискованнаго имѣнія его отца, женился на Анастасіи Ивановнѣ Ладыженской, имѣлъ трехъ сыновей и дочь, и старшимъ сыномъ былъ отецъ покойной Елены Павловны, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій, скончавшійся въ 1837 году. Мать его, Анастасія Ивановна и братъ ея Николай Ивановичъ Ладыженскій, были по матери послѣдними отраслями знаменитаго рода князя Ромодановскаго-Кесаря при Петрѣ Великомъ. Этому брату ея императоромъ Павломъ была дана фамилія князей Ромодановскихъ; онъ имѣлъ только одного сына, князя Александра Николаевича, служившаго генералъ-лейтенантомъ. Онъ умеръ бездѣтнымъ, чѣмъ и фамилія князей Ромодановскихъ прекратилась. Княгиня Анастасія Ивановна получила отъ своего отца весьма значительное приданое: 8 т. душъ крестьянъ, 80 пудовъ серебра и много драгоцѣнныхъ вещей. Но все это она съ мужемъ поспѣшила прожить, по барской привычкѣ жить безъ разсчета. Сынъ ея, отецъ Елены Павловны, въ отставкѣ со временъ Павла, владѣлъ далеко не блестящими средствами, которыя поправились только за нѣсколько лѣтъ до его кончины, полученіемъ наслѣдства по смерти сестры его Е. В. Кожиной.

О Еленѣ Павловнѣ, могу повторить то, что̀ сказало о ней постороннее лицо въ біографическомъ очеркѣ, подъ названіемъ: «Елена Павловна Фадѣева». Приведу изъ него краткую выдержку.

„Съ глубокимъ серьезнымъ умомъ, замѣчательнымъ образованіемъ, многосторонними, обширными познаніями, обращавшими на нее вниманіе Европейскихъ ученыхъ, Елена Павловна Фадѣева соединяла добрѣйшее, благородное сердце, любила тихую жизнь, среди своей семьи и занятій, составлявшихъ главное утѣшеніе и развлеченіе ея жизни. Любила природу, изучала ее, и особенно занималась ботаникой въ часы, свободные отъ занятій съ дѣтьми и домашняго хозяйства, которымъ сама завѣдывала и вела превосходно. Памятниками ея работъ остались 50 томовъ (величиной въ листъ) собственноручныхъ рисунковъ, преимущественно растеній съ натуры, которыя сама она опредѣляла при помощи библіотеки лучшихъ сочиненій по этой части. Книги эти прельщали ученыхъ натуралистовъ, и знаменитый академикъ Беръ чуть не на колѣняхъ молилъ Елену Павловну позволить снять съ нихъ копію для Императорской Академіи Наукъ. Занималась также и другими научными предметами, и занималась разумно, съ толкомъ, изучивъ ихъ серьезно и основательно, и составила нѣсколько интересныхъ, богатыхъ коллекцій по этимъ предметамъ. Часть орнитологической, минералогической и палеонтологической коллекціи, еще при жизни, подарила Кавказскому Обществу Сельскаго Хозяйства. Это безкорыстное, необыкновенное въ женщинѣ служеніе наукѣ сдѣлало имя Елены Павловны извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ (Слѣдуютъ названія сочиненій президента Лондонскаго географическаго общества Мурчисона, Французскаго академика Верпеля, нашего Стевена и многихъ другихъ, писавшихъ съ уваженіемъ и удивленіемъ о Е. П. Фадѣевой, ея по-

тоже показанъ бездѣтнымъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ послѣдующихъ родословныхъ книгахъ ошибочныя показанія относительно этой линіи князей Долгорукихъ неизмѣнно повторяются, иногда съ нѣкоторыми варіяціями не менѣе произвольными. Н. Ф.

знаніяхъ и трудахъ). Но естественныя науки не исключительно занимали собою Елену Павловну. Ея многосторонній умъ требовалъ столько разнообразной пищи, и потому она съ неменьшимъ усердіемъ занималась и другими науками: исторіей, археологіей, нумизматикой, языками, изъ коихъ нѣсколько знала въ превосходствѣ. Занималась она наукою единственно изъ любви къ наукѣ. Обширность познаній соединялась въ ней съ такою истинно-женскою скромностію, что человѣкъ не интересующійся учеными предметами могъ быть знакомъ съ нею годы, пользоваться ежедневно душевною теплотою ея бесѣды, и не подозрѣвать ея знаній. И не одна наука, но все, что возбуждаетъ интересъ въ наблюдательномъ умѣ, занимало ее и врѣзывалось въ ея памяти. Обширныя знакомства первой половины ея жизни, дружеская связь со многими замѣчательными людьми, которыхъ привлекала къ ней ея личность, оставили въ ея памяти цѣлую хронику событій и лицъ, придававшую необыкновенную прелесть ея разговору. Особенно заслуживаетъ вниманія то, что Е. П. Фадѣева, при разговорахъ съ личностями, стоявшими далеко ниже ея по образованію, умѣла не дать понять имъ этой разницы, и бесѣда съ нею представляла всегда интересъ для лицъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ характеровъ и почти всѣхъ спеціальностей. Покойная, посвящавшая жизнь исключительно своему семейству и занимавшаяся даже своими любимыми предметами только въ часы досуга, имѣла мало случаевъ къ раскрытію своихъ рѣдкихъ качествъ въ дѣлѣ общественной дѣятельности; но и въ этомъ отношеніи она оставила по себѣ память учрежденіемъ дѣтскаго пріюта въ Саратовѣ, который, по крайней мѣрѣ до выѣзда ея изъ Саратова въ 1846 году, былъ признаваемъ образцовымъ.

Елена Павловна воспитывала своихъ дѣтей съ самою нѣжною заботливостію, замѣняя имъ большую часть учителей. Всѣ ея дѣти, а впослѣдствіи и внуки, учились читать по-русски и по-французски и многому другому, сидя у нея на колѣняхъ. И это ученіе служило какъ бы фундаментомъ того солиднаго образованія, которое достигнуто ими потомъ. Насъ безъ труда поймутъ, когда мы скажемъ, что памятная Русской читающей публикѣ талантливая беллетристка Елена Андреевна Ганъ, писавшая подъ псевдонимомъ Зинаиды Р., была дочь Е. П. Фадѣевой и воспитана ею; а нашъ извѣстный военный писатель Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ—сынъ ея".

30-го Августа мы возвратились въ Тифлисъ. Я получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Особенныхъ заслугъ въ продолженіи нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ я никакихъ оказать не могъ; но съ нѣкотораго времени вошло какъ бы въ правило (особенно въ Закавказьѣ) давать награды почти всѣмъ чиновникамъ чрезъ каждые два года. Въ томъ же Сентябрѣ, большимъ прощальнымъ обѣдомъ провожали нашего начальника штаба Д. А. Милютина, отъѣзжавшаго въ Петербургъ на должность товарища военнаго министра.

Въ концѣ этого года посѣтилъ Тифлисъ принцъ Людвигъ Баденскій, пріѣзжавшій для обозрѣнія Закавказскаго края. Намѣстникъ прикомандировалъ къ нему моего сына, который и сопровождалъ его по горамъ, за что получилъ Баденскій орденъ Цюрингенскаго Льва. Между тѣмъ самъ князь Александръ Ивановичъ все это время страдалъ подагрическими припадками.

Это былъ первый годъ, съ тѣхъ поръ какъ запомню, что я никакой поѣздки по дѣламъ службы не предпринималъ.

Въ 1861 году, князь Барятинскій, незадолго до выѣзда своего за

границу, назначилъ меня членомъ въ Совѣтъ Общества для возстановленія въ краѣ православнаго христіанства, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно въ прежнее время здѣсь существовало. Это общество можетъ быть очень благодѣтельно для края; жаль только, что уставъ его составленъ скороспѣшно, что въ первые годы нѣсколько затрудняло успѣхъ дѣйствій, но за всѣмъ тѣмъ, польза учрежденія и теперь уже оказывается несомнѣнна: капиталъ Общества достигаетъ до 500 т. рублей; построено нѣсколько церквей въ мѣстахъ, гдѣ онѣ наиболѣе необходимы; духовенству тѣхъ мѣстностей увеличено содержаніе, которое до того времени было самое нищенское, или вовсе не было никакого; заведены школы, и составлено предположеніе объ образованіи для сего предмета способныхъ миссіонеровъ. Можно надѣяться, что, при особенномъ вниманіи къ такому благому дѣлу Великаго Князя Намѣстника, учрежденіе разовьется постепенно лучше и успѣшнѣе чѣмъ до сихъ поръ, не взирая на то, что дѣло это, въ краѣ совершенно новое, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ встрѣчаетъ множество препятствій и причинъ къ замедленію *). Я думаю, что было бы полезно, въ проектируемомъ миссіонерскомъ училищѣ приготовлять миссіонеровъ, хотя въ небольшомъ числѣ, не только для обращенія потомковъ прежде бывшихъ туземныхъ христіанъ, но и Закавказскихъ раскольниковъ. Присылавшіеся до нынѣ къ нимъ миссіонеры отъ эпархіальнаго начальства причинили, судя по видимому, болѣе вреда православію, нежели пользы. По моему мнѣнію, полный успѣхъ и вполнѣ благотворныя послѣдствія отъ учрежденія Общества для возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ могутъ тогда только осуществиться, когда будетъ здѣсь въ санѣ экзарха лицо, вполнѣ соединяющее въ себѣ необходимыя для того качества, а именно: онъ долженъ быть лично, главный и самый вліятельный *миссіонеръ*; долженъ быть вовсе не *формалистъ*, а чистый *реалистъ*; долженъ хотя нѣсколько ознакомиться съ туземными языками, ѣздить съ самоотверженіемъ, какъ можно чаще, въ мѣста, гдѣ нужно между жителями возстановленіе православнаго христіанства; узнавать и мѣстности, и людей, съ коими надобно имѣть дѣло, какъ въ духовенствѣ и учителяхъ, такъ и въ самомъ народѣ, ближайшимъ ознакомленіемъ съ которымъ и пріобрѣтеніемъ довѣрія и

*) Примѣчаніе 1866-го года. Кажется, я обманулся въ надеждѣ моей на успѣхъ этого учрежденія. Несмотря на то, что составъ Совѣта Общества увеличился количествомъ членовъ, засѣданія бываютъ рѣдко, лишь въ зимнее время, все главнѣйшее дѣлается по личнымъ распоряженіямъ высшаго начальства и представленіямъ графа Л., о коихъ Совѣтъ общества часто находится въ совершенномъ невѣдѣніи, а потому и я о томъ ничего не знаю, такъ какъ въ засѣданіяхъ Общества, бывающихъ въ вечернее и ночное время, по слабости здоровья, уже другой годъ участія принимать почти не могу.

уваженія его, можно скорѣе всего утвердить въ немъ вѣру и искреннее желаніе быть истинными христіанами, не по обрядности только, но и по духу. Лишь такого рода люди пріобрѣтали любовь и довѣріе обращаемыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхъ въ дѣлѣ. Такого рода были всѣ прославившіеся введеніемъ и распространеніемъ христіанства пастыри во всѣхъ странахъ міра. Были и у насъ на Руси подобные іерархи, какъ напримѣръ св. Стефанъ Пермскій и другіе; да есть и теперь Иннокентій архіепископъ Иркутскій; можетъ статься, нашлись бы и еще, еслибы на назначеніе экзарха съ этою главнѣйшею цѣлью было обращено особенное вниманіе. А безъ этого, только лишь одна внѣшняя сторона дѣла можетъ (если еще можетъ) подвигаться впередъ; главнѣйшая же цѣль едва ли когда-либо вполнѣ достигается.

18-го Марта полученъ въ Тифлисѣ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. То былъ тревожный день, проведенный въ неспокойныхъ соображеніяхъ о приготовительныхъ работахъ для предстоящей реформы и въ Закавказскомъ краѣ. Многіе и продолжительные разговоры приходилось мнѣ вести по этому поводу съ больнымъ намѣстникомъ, лежавшимъ въ постелѣ. Въ тоже время я узналъ отъ него о рѣшительномъ его намѣреніи ѣхать для излѣченія за границу.

7-го Апрѣля распрощался я съ княземъ Александромъ Ивановичемъ. Не думалъ я тогда, что болѣе его не увижу. Вслѣдъ за выѣздомъ намѣстника, отправился и сынъ мой въ отрядъ на Линію. Онъ горевалъ объ отъѣздѣ князя, которому столь много былъ обязанъ.

Въ Боржомѣ, куда я выѣхалъ 20 Іюня, судьба привела меня свидѣться съ давнишнимъ знакомымъ, котораго я зналъ еще ребенкомъ въ моей молодости, теперь начальникомъ Боржомскихъ водъ, старымъ подпоручикомъ Александромъ Николаевичемъ Сутгофомъ, человѣкомъ въ нѣкоторомъ отношеніи весьма любопытнымъ. Безъ малаго за 50 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1813 году, я познакомился въ Кіевѣ съ семействомъ отца его, генерала Сутгофа, бывшаго въ родствѣ съ бабкою жены моей. Молодой Сутгофъ былъ тогда прелестнымъ 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, хорошо учившимся и много обѣщавшимъ. Къ сожалѣнію, надежды на будущность его не сбылись, по причинѣ постигшаго его несчастія, разбившаго всю жизнь его. Въ 1825 году, находясь уже на службѣ офицеромъ гвардіи, ротнымъ командиромъ, онъ поддался увлекательнымъ софизмамъ и убѣжденіямъ Каховскаго и вступилъ въ заговоръ 14 Декабря, въ числѣ другихъ: онъ вывелъ свою роту на Сенатскую площадь и оставался тамъ до конца переполоха. По опредѣленію Верховнаго Уголовнаго Суда, Сутгофъ причисленъ къ первому разряду бунтовщиковъ, разжалованъ и сосланъ въ каторгу, гдѣ и пребывалъ девять лѣтъ. По отбытіи ея, водворенный на поселеніи, ли-

шенный всякой надежды на возвращеніе въ Россію, онъ совершенно покорился своей участи, обзавелся домкомъ съ садикомъ и огородомъ, кое-какимъ хозяйствомъ, и въ довершеніе, прескверно женился на дочери доктора, вовсе къ нему не подходящей, необразованной, некрасивой, недальняго ума. Онъ полагалъ, что въ Сибири на поселеніи и такая сойдетъ! Обжился онъ на этомъ мѣстѣ, устроился въ полнѣйшей увѣренности, что такъ и будетъ проживать до конца жизни, но въ концѣ царствованія Николая Павловича получилъ извѣщеніе объ освобожденіи изъ Сибири и переводѣ на Кавказъ солдатомъ, по усиленному ходатайству его матери генеральши Сутгофъ и сестры г-жи Нарышкиной. Весьма непріятно пораженный такою милостію, разстроившей его жизнь и всѣ планы, Сутгофъ въ огорченіи отправился съ супругой на Кавказъ, гдѣ тянулъ солдатскую лямку еще лѣтъ съ восемь. Только съ воцареніемъ Александра Николаевича онъ былъ произведенъ въ офицеры. Князь Барятинскій, по предстательству о немъ Московскихъ бояръ и его знатныхъ родственниковъ, а также узнавъ его лично, принялъ его подъ свое покровительство. Оставивъ Сутгофа числиться офицеромъ военной службы, по преклонности лѣтъ и недугамъ, князь прикомандировалъ его къ управленію минеральными водами, сначала Кисловодскими, а потомъ Боржомскими. Въ этой должности добрый, благородный старикъ нашелъ, наконецъ, успокоеніе отъ житейскихъ треволненій. Мы съ нимъ видѣлись по нѣскольку разъ въ день; онъ часто приходилъ ко мнѣ обѣдать и вечера проводилъ со мною. По его образованности и большой опытности, пріобрѣтенной несчастіями, его бесѣды всегда были для меня занимательны.

Въ началѣ Сентября мы возвратились въ Тифлисъ. Вскорѣ затѣмъ было получено извѣстіе, что Государь въ Октябрѣ мѣсяцѣ прибудетъ изъ Крыма на Кубанскую линію и, высадившись въ Поти, проѣдетъ для обозрѣнія и по Закавказскому краю до Кутаиса. Получилъ и я весьма пріятное и успокоившее меня извѣстіе жизни: дочери моей Надеждѣ Государь, по ходатайству князя Барятинскаго, повелѣлъ производить послѣ моей смерти, въ пенсіонъ, мое прибавочное жалованье.

Между тѣмъ, горизонтъ общественной тишины и спокойствія снова сталъ омрачаться зловѣщими тучами, смущавшими и волновавшими умы. Тревожныя вѣсти изъ Россіи о разгоравшейся революціи въ Польшѣ и возмутительныхъ происшествіяхъ въ нашихъ университетахъ приводили въ безпокойство и недоумѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей.

Сынъ мой былъ отряженъ, со вступленіемъ Государя на берегъ Закавказскаго края, сопровождать Его Величество. Государь остался

имъ доволенъ, въ доказательство чего, при отъѣздѣ, надѣлъ ему на шею орденъ Св. Владимира 3-й степени.

Съ начала 1862 года, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Совѣтъ намѣстника Кавказскаго главнѣйше занимался дѣломъ *о имущественныхъ и личныхъ правахъ высшаго мусульманскаго сословія во всемъ Закавказскомъ краѣ.* Мнѣнія всѣхъ прежде бывшихъ начальниковъ края до пріѣзда князя Воронцова, или лучше сказать, до бытности въ Закавказскомъ краѣ, въ 1842 году, покойнаго военнаго министра князя Чернышова, относительно признанія общаго права высшаго мусульманскаго сословія на неограниченное потомственное владѣніе землями, коими оно пользовалось, *были отрицательны.* Право считалось только пожизненнымъ (по высочайшимъ повелѣніямъ 20 Мая 1838 г. и 28 Мая 1841 г.). Это же основное правило относилось и къ Армянскимъ меликамъ, и оно въ существѣ едва ли не было самое вѣрное. Сообразно сему, въ 1840 г., съ преобразованіемъ управленія въ Закавказьи, сдѣланы распоряженія о двухъ категоріяхъ тѣхъ лицъ, которыя вошли въ разрядъ какъ бы принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію: одно *объ агаларахъ,* кои были устранены отъ управленія деревнями, съ назначеніемъ имъ, вмѣсто поземельнаго владѣнія, пожизненнаго денежнаго содержанія соразмѣрнаго съ суммою прежнихъ ихъ доходовъ; а другое, *о бекахъ,* кои были признаны также неимѣющими потомственнаго права на владѣніе деревнями, и потому постановлено, чтобы со смертію сихъ владѣльцевъ имѣнія ихъ обращать въ казну, а ихъ наслѣдникамъ предоставлять имѣнія въ такомъ только случаѣ, если правительство найдетъ этихъ наслѣдниковъ, по личнымъ заслугамъ и дѣйствіямъ, заслуживающихъ того.

И агалары, и беки такимъ распоряженіемъ остались недовольны. Въ 1842 году прибылъ въ Закавказскій край военный министръ князь Чернышовъ, съ особеннымъ уполномочіемъ. Его немедленно окружили со всѣхъ сторонъ почетные агалары и беки и оглушили жалобами на оказанную имъ якобы несправедливость. Ихъ поддерживалъ находившійся при немъ въ родѣ директора канцеляріи генералъ Ладинскій, служившій до того долгое время на Кавказѣ, бывшій въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ беками и агаларами и не знаю, по убѣжденію ли, или по другой какой-либо причинѣ, находившійся вполнѣ на сторонѣ этихъ господъ. Послѣдствіемъ сего было пріостановленіе княземъ Чернышовымъ приведенія въ дѣйствіе распоряженія 1840 г., и предписаніе, данное мѣстнымъ властямъ, войти въ новое и ближайшее разсмотрѣніе дѣла. Это разсмотрѣніе продолжалось до назначенія намѣстникомъ Кавказскимъ князя Воронцова.

Князь Михаилъ Семеновичъ, до прибытія къ новому мѣсту назначенія, отправлялся изъ Одессы въ Петербургъ. Тамъ онъ получилъ отъ покойнаго императора Николая Павловича наставленіе по важнѣйшимъ предметамъ его новаго управленія, между коими было и дѣло о *бекахъ и агаларахъ*, которое, по внушенію князя Чернышова, Государь изобразилъ Воронцову вопіющею несправедливостію, и поручилъ ему заняться какъ можно скорѣе разсмотрѣніемъ его. Надобно замѣтить, что князь Воронцовъ и безъ того былъ расположенъ въ пользу бековъ и агаларовъ, которые, еще въ молодости его, когда онъ состоялъ адъютантомъ при князѣ Циціановѣ, какъ люди пронырливые и хитрые, успѣли, какъ говорится, *обойти* его. Онъ поручилъ составить всѣ данныя по дѣлу тому же генералу Ладинскому, поступившему при немъ въ званіе начальника гражданскаго управленія. Данныя были составлены изъ тѣхъ дѣлъ Главнаго Управленія, которыя этому направленію благопріятствовали. Никакихъ свѣдѣній и матеріаловъ отъ мѣстнаго управленія не требовалось. На основаніи сихъ данныхъ Ладинскій представилъ намѣстнику, а этотъ послѣдній Государю: что этотъ важный предметъ до 1842 г., былъ дурно понятъ, что всѣ сдѣланныя о немъ заключенія прежнихъ главныхъ начальниковъ края были невѣрны, а вслѣдствіе опыта и утвержденія ихъ высочайшею властію оказались несправедливы и требуютъ перемѣны; что земли у бековъ и агаларовъ отобраны ошибочно; что наслѣдственное право на поземельное владѣніе у нихъ всегда существовало; что возвращеніе имъ сего права едва ли не будетъ спасеніемъ всего края и во всякомъ случаѣ будетъ имѣть большое вліяніе на общее его успокоеніе.

Послѣ предварительной переписки по этому поводу съ Кавказскимъ Комитетомъ, состоявшей въ дополнительныхъ объясненіяхъ, составленныхъ въ томъ же духѣ и возраженій противъ нихъ со стороны нѣкоторыхъ министровъ, послѣдовалъ 6-го Декабря 1846 г. высочайшій рескриптъ на имя князя-намѣстника, долженствовавшій служить основаніемъ къ утвержденію правъ высшаго мусульманскаго сословія въ Закавказскомъ краѣ. Главная сущность рескрипта состояла въ томъ (§ 1), что, независимо отъ земель пожалованныхъ лицамъ мусульманскаго сословія уже нашимъ правительствомъ за особыя отличія и подвиги, въ ихъ потомственномъ владѣніи утверждались всѣ тѣ земли, *коими роды ихъ обладали во время присоединенія мусульманскихъ провинцій къ Россіи и кои находились въ безспорномъ ихъ владѣніи во время изданія рескрипта.*

По полученіи этого рескрипта, для собранія свѣдѣній, необходимыхъ къ окончательному распоряженію по рескрипту, князь-намѣстникъ учредилъ двѣ коммиссіи: *Шемахинскую* и *Дербентскую*. Семь

лѣтъ продолжалась огромная переписка между обѣими коммиссіями и Главнымъ Управленіемъ по оказавшимся недоразумѣніямъ. Коммиссіи нашли это дѣло, при ближайшемъ изслѣдованіи на мѣстѣ, вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ оно былъ изложено по тѣмъ представленіямъ намѣстника, на коихъ былъ основанъ высочайшій рескриптъ 6-го Декабря, т. е. оказалось, что, за весьма немногими исключеніями, касавшимися только до лицъ, принадлежавшихъ къ ханскимъ фамиліямъ, всѣ прочіе беки, агалары, мелики и проч., не имѣли никакихъ доказательствъ, чтобы предки ихъ обладали какими-либо землями до присоединенія края къ Россіи и чтобы при изданіи рескрипта земли эти находились въ ихъ владѣніи.

Это обстоятельство поставляло князя Воронцова въ большое затрудненіе. Чтобы обойти непредвидѣнное препятствіе, онъ въ 1852 г. испросилъ отъ Кавказскаго Комитета разрѣшеніе снабдить актами и свидѣтельствами на право владѣнія и тѣ лица, о давности владѣній которыхъ вовсе не имѣлось никакихъ свѣдѣній, также какъ и о томъ, были ли какіе споры противъ давности владѣнія. Однако этимъ распоряженіемъ препятствія не отстранились. Надобно было разсмотрѣть категорическіе списки Шемахинской коммиссіи и утвердить за каждымъ ихъ владѣльцемъ то право собственности, какое могло принадлежать ему на основаніи рескрипта 6 Декабря. А при разсмотрѣніи списковъ оказалось, что бо́льшая часть изъ нихъ составлена въ прежнее время нашими полицейскими чиновниками, и что на такія свѣдѣнія относительно количества земли полагаться нельзя, и они не заслуживаютъ никакого довѣрія.

Такъ агаларо-бекская мудреная канитель тянется до сей поры. Коммиссія испрашивала по этому дѣлу разрѣшенія нынѣшняго, новаго намѣстника, Его Высочества Великаго Князя, который изволилъ признать нужнымъ составить еще разъ коммиссію для пересмотра всѣхъ списковъ бекскихъ имѣній, по разсмотрѣніи ихъ постановить по нимъ свои заключенія, и когда они получатъ утвержденіе намѣстника, то выдавать бекамъ свидѣтельства, удостовѣряющія, что на прописанныя въ нихъ имѣнія казна притязанія не имѣетъ. Нынѣ это распоряженіе приводится въ исполненіе. Оно, по моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ, какое въ настоящемъ положеніи этого дѣла возможно было придумать. Желательно, чтобы оно пошло успѣшно; но я далеко не увѣренъ въ томъ, удостовѣрясь многими опытами, какъ часто и самыя лучшія распоряженія главнаго начальства затрудняются здѣсь въ исполненіи по проискамъ и невнимательности исполнителей на мѣстѣ.

Я нѣсколько распространился по этому дѣлу, дабы высказать, до какой степени простираются неудовлетворительность и крайняя медлен-

ность въ здѣшнемъ краѣ, особенно когда вплетаются многіе частные интересы. Было ихъ немало въ теченіи 18-ти лѣтняго моего служенія въ Совѣтѣ Закавказья. О важнѣйшихъ изъ нихъ хранятся отдѣльныя записки въ моихъ бумагахъ.

Искусный вершитель агаларо-бекской комбинаціи, Ладинскій, пустивъ свою работу въ ходъ на многія лѣта, благоразумно подалъ въ отставку, и когда, передъ его отъѣздомъ, одинъ изъ членовъ Совѣта предложилъ ему запросъ: «кто же теперь будетъ расхлебывать кашу, которую вы заварили по этому дѣлу?» съ пріятно-насмѣшливой улыбкой объявилъ: «*ужъ никакъ не я!*» И отправился на житье въ свое хорошо-устроенное помѣстье возлѣ Ѳеодосіи, обезпеченный прекрасными средствами, предоставивъ другимъ трудиться на здоровье надъ пережевываніемъ его неудобоваримой каши.

Обыкновенныя мои занятія въ этомъ году были тѣже какъ и въ предшествовавшіе послѣдніе годы и меня не отягощали; напротивъ, еслибы у меня вдругъ прекратились всѣ служебныя дѣла, то по утрамъ я непременно бы скучалъ. Кромѣ обязательныхъ засѣданій въ Совѣтѣ, я занимался крестьянскими дѣлами по Ставропольской губерніи. Главное изъ нихъ въ 1862 г. было почти приведено къ окончанію. За производство его въ Главномъ Управленіи я получилъ золотую медаль. Что же касается до Закавказскаго края, то въ немъ дѣло это пребывало почти въ совершенномъ застоѣ до прибытія въ 1863 г. Великаго Князя. Собирались только предварительныя свѣдѣнія, послужившія матеріалами къ занятіямъ 1863 и 1864 годовъ.

Весна открылась рано, и жары начались ужъ съ Марта. Кажется, съ этого года я перестадъ ѣздить въ церковь къ заутренѣ на Пасху, изъ опасенія чтобы не сдѣлалось обморока, къ чему, при жарѣ и особенно духотѣ, я всегда имѣлъ наклонность.

Съ нѣкоторыхъ поръ Тифлисскую публику усиленно занимали сплетни и подметныя письма противъ правительственныхъ лицъ и ихъ распоряженій. У насъ, въ Россіи, во всѣхъ городахъ, есть большое стремленіе къ пустой болтовнѣ, вымысламъ и распусканіямъ ни на чемъ не основанныхъ слуховъ; но въ Тифлисѣ это влеченіе существуетъ по превосходству: почти каждый день, на Армянскомъ базарѣ собирается много народу, который этимъ только и занимается. Иногда въ пасквиляхъ попадалась и доля правды, но она поглащалась массою нелѣпостей. Сбивчивые слухи о томъ, возвратится ли князь Барятинскій въ Закавказье или нѣтъ, продолжались по прежнему. Извѣстія отъ лицъ, сопровождавшихъ его, часто противорѣчили одни другимъ, и положительнаго ничего не выяснялось.

Въ Октябрѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ принцъ Альбертъ Прусскій, братъ короля Фридриха Вильгельма. Въ дальнѣйшемъ путешествіи его по краю ему сопутствовалъ прикомандированный къ нему сынъ мой. Въ это же время я удостоился новой награды: Владимирской звѣзды 2-й ст., а зять мой Витте Станиславской ленты. Начальство не забывало прежней моей службы; за настоящую же, которая меня такъ мало тяготитъ, едвали я заслужилъ эту награду.

Между тѣмъ начали распространяться достовѣрные слухи о скоромъ возвращеніи князя Барятинскаго. Опредѣляли день его пріѣзда, казалось, на этотъ разъ несомнѣнно; а въ Ноябрѣ, неожиданно, получено свѣдѣніе о болѣзни его на возвратномъ пути въ Вильнѣ. Потомъ, еще была получена телеграмма о скоромъ выѣздѣ князя въ Тифлисъ. Но это не совершилось. 15-го Декабря, положительное свѣдѣніе извѣстило объ увольненіи фельдмаршала князя Барятинскаго отъ званія намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго Кавказскою арміею и о назначеніи на его мѣсто Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича. Сначала это свѣдѣніе появилось въ газетахъ, а затѣмъ, 21 Декабря, получено офиціально. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получены извѣстія о тяжкой болѣзни князя Барятинскаго въ Вильнѣ. Не знаю, какъ другіе, а я съ сыномъ крѣпко грустили о томъ.

Въ новый 1863-й годъ я еще могъ выстоять обѣдню и молебенъ въ соборѣ. Служебныя дѣла слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ состояли въ обычныхъ занятіяхъ по Совѣту. Занятія по дѣламъ службы, также какъ и по своимъ дѣламъ, казалось мнѣ, шли не такъ-то гладко и стройно, какъ бывало прежде. Покамѣстъ я еще постоянно посѣщалъ засѣданія Общества распространенія православнаго христіанства, происходившія у экзарха. Я донынѣ числюсь членомъ здѣшнихъ обществъ, географическаго и сельскаго хозяйства, съ самаго ихъ учрежденія, но туда я ужъ давно и не заглядывалъ, даже въ годовыя, офиціальныя собранія *).

Въ Февралѣ сынъ мой Ростиславъ тяжело заболѣлъ и жизнь его была въ опасности. Долго здоровье его не могло возстановиться вполнѣ.

16-го Марта весь городъ рано поднялся на ноги и несмѣтными толпами, со всѣмъ туземнымъ церемоніаломъ, амкарами, цѣховыми значками, двинулся съ шумными ликованіями встрѣчать прибывшаго въ Тифлисъ новаго Августѣйшаго Намѣстника. Жаль только, что пас-

*) А. М. Фадѣевъ въ началѣ сороковыхъ годовъ написалъ „Статистическое описаніе Саратовской губерніи“, которое послалъ въ Петербургъ извѣстному Кеппену, помѣстившему эту статью, кажется, въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. А. М. Фадѣевъ былъ тогда же избранъ членомъ Русскаго Географическаго Общества. Н. Ф.

мурная, вѣтряная погода не соотвѣтствовала общему праздничному настроенію. Я вмѣстѣ съ прочими, съ 11-го до 4-го часа, ожидалъ во дворцѣ пріѣзда Его Императорскаго Высочества. Въ тотъ же день былъ и первый пріемъ высшихъ чиновниковъ и гражданъ, а два дня спустя первый парадный обѣдъ. Участіе, которое Великій Князь выразилъ мнѣ по поводу болѣзни моего сына, меня глубоко тронуло.

Съ нѣкоторыхъ поръ служащимъ здѣсь, военнымъ и гражданскимъ, въ награду заслугъ, раздавали въ значительномъ количествѣ участки свободныхъ земель на Кавказѣ. Въ концѣ Марта, меня сердечно порадовала добрая вѣсть о предназначеніи Его Высочествомъ пожалованія мнѣ пяти тысячъ десятинъ земли, что́ возбудило во мнѣ надежду на болѣе прочное обезпеченіе положенія дѣтей моихъ послѣ меня *).

Въ Апрѣлѣ послѣдовала поѣздка Великаго Князя въ Поти для встрѣчи Великой Княгини съ августѣйшими дѣтьми. 16-го того же мѣсяца, Ихъ Высочества прибыли въ Тифлисъ. Встрѣча снова была чрезвычайно торжественная. Великая Княгиня ѣхала въ открытой коляскѣ. Великій Князь съ многочисленною свитой сопровождалъ Ея И. В. верхомъ. На другой день былъ во дворцѣ парадный обѣдъ. Въ Маѣ также были большіе парадные пріемы по случаю пріѣзда Турецкаго посла для поздравленія Его Высочества съ новымъ его назначеніемъ. Очень пріятно мнѣ было видѣть оказываемое Великимъ Княземъ, съ самаго его прибытія, милостивое благорасположеніе къ зятю моему Витте.

Въ это же время я получилъ грустное свѣдѣніе о смерти уже 50 лѣтъ знакомаго мнѣ добраго пріятеля въ Крыму, почтеннаго старика Штевена. Всѣ старые знакомые постепенно предшествуютъ мнѣ въ неотложномъ направленіи къ вѣчности. Онъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ, особенно по ботаникѣ, и по этому поводу находился въ частыхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойною женою моею.

Между тѣмъ какъ Великій Князь былъ занятъ приготовленіями къ окончательному покоренію береговъ Кавказа, прилегающихъ къ Черному морю, получены непріятныя вѣсти о возстаніи Лезгинъ въ Чечнѣ, куда по этому случаю командированъ сынъ мой. Это возстаніе вспыхнуло, какъ и большая часть подобныхъ частныхъ вспышекъ на Кав-

---

*) Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, въ теченіи своего многолѣтняго служебнаго поприща, нѣсколько разъ занималъ такія мѣста, на которыхъ могъ обогатиться и оставить своимъ дѣтямъ хорошее состояніе. Но онъ никогда ничего не имѣлъ, кромѣ того, что́ давала ему служба, ведя жизнь скромную и строго соразмѣряя ее съ объемомъ своего содержанія. Иногда необходимость заставляла его черпать изъ небольшаго капитала своей жены, который они берегли для дѣтей своихъ, и при первой возможности пополнялъ взятое. Дѣтямъ его достались этотъ капиталъ и два участка земли въ Ставропольской губерніи, семь тысячъ десятинъ. Ростиславъ Андреевичъ отказался отъ всякаго наслѣдства въ пользу своихъ сестеръ. Н. Ф.

казѣ въ продолженіе 60-ти лѣтъ, отъ безпорядочныхъ и безразсудныхъ дѣйствій мѣстнаго начальства. Оно было скоро потушено, но обошлось не безъ жертвъ и не безъ потерь; былъ убитъ и одинъ хорошій генералъ, князь Шаликовъ. Изъ туземцевъ, по усмиреніи возстанія, нѣсколько десятковъ главныхъ виновниковъ повѣшены.

Въ Боржомѣ, уже въ Іюлѣ мѣсяцѣ, я нашелъ все по старому, также какъ и стараго, добраго Сутгофа. Изъ числа новыхъ пріѣзжихъ я познакомился съ Кутаисскимъ архіереемъ, преосвященнымъ Гавріиломъ, по происхожденію Имеретиномъ, бывшимъ прежде законоучителемъ Тифлисскаго дѣвичьяго института. По его познаніямъ, просвѣщенному уму и неотъемлемымъ достоинствамъ, онъ вполнѣ заслуживаетъ уваженіе, коимъ пользуется. Изъ туземныхъ іерарховъ онъ, кажется, едвали не первый совершенно владѣетъ Русскимъ языкомъ.

Въ концѣ Августа я получилъ приглашеніе отъ Великаго Князя-намѣстника пріѣхать въ Бѣлый Ключъ (гдѣ онъ проводилъ лѣто), на крестины новорожденнаго Великаго Князя Георгія Михаиловича, и къ прибытію туда, на 30-е Августа, путешествовавшаго въ этомъ году по Россіи Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Конечно, не обошлось по этому поводу безъ многихъ хлопотъ и суеты. Выѣхавъ изъ Боржома чрезъ Тифлисъ, я 29-го Августа пріѣхалъ въ Бѣлый Ключъ.

День для подобнаго торжества выдался неблагопріятный, по причинѣ дурной погоды и проливнаго дождя; но оно исполнилось въ точности по церемоніалу. Отъ десяти до перваго часа мы простояли въ полковой церкви, гдѣ совершались литургія, крещеніе высокаго новорожденнаго и молебствіе, затѣмъ послѣдовали визиты къ нѣкоторымъ пріѣхавшимъ почетнымъ особамъ, а потомъ слѣдовалъ парадный обѣдъ, на коемъ и я былъ представленъ Наслѣднику Цесаревичу. Онъ удивился, когда на вопросъ его: сколько лѣтъ я нахожусь въ службѣ? я отвѣчалъ, что *болѣе* шестидесяти; но я объяснилъ Его Императорскому Высочеству, что родился въ тотъ вѣкъ, когда записывали на службу не только несовершеннолѣтнихъ, но даже и находящихся въ колыбели. Въ вечеру былъ балъ, отъ присутствія на коемъ Великій Князь Намѣстникъ по добротѣ своей меня уволилъ. Уже около десяти лѣтъ, какъ я пересталъ бывать на балахъ.

31-го Ихъ Высочества отправились въ Тифлисъ. Туда же послѣдовалъ и я, и тамъ возобновился обычный ходъ моей жизни. Въ это время удалился отъ службы бывшій начальникъ главнаго управленія А. Ф. Крузенштернъ, человѣкъ въ высшей степени добрый и честный, но къ сожалѣнію столько же и слабый. Въ продолженіи 17 лѣтъ, онъ

находился со мною въ лучшихъ отношеніяхъ. Мѣсто его занялъ тогда же пріѣхавшій въ Тифлисъ, сенаторъ баронъ А. П. Николаи.

1-го Сентября, во дворцѣ былъ офиціальный обѣдъ, а вечеромъ большой балъ отъ города, въ домѣ Аршакуни, въ честь Наслѣдника-Цесаревича. На балѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ представлялъ Цесаревичу нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ лицъ, въ томъ числѣ и дочь мою Екатерину. Начались танцы и стали выплясывать неизбѣжную національную лезгинку, затянувшуюся слишкомъ долго. Наслѣдникъ-Цесаревичъ, очевидно соскучившись глядѣть на эту увеселительную выставку, подошелъ къ дочери моей и сказалъ ей: «Вы конечно знаете нашу Русскую поговорку *хорошенькаго понемножку*». Она тотчасъ же поспѣшила сообщить объ этомъ одному изъ устроителей бала, и лезгинка немедленно была прекращена, за что Наслѣдникъ, съ довольной улыбкой, поблагодарилъ мою дочь. На слѣдующій день, 2-го Сентября, Цесаревичъ выѣхалъ по пути въ Крымъ, гдѣ пребывалъ въ то время Государь Императоръ и куда вскорѣ отправился и Великій Князь Намѣстникъ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ, я получилъ свѣдѣніе объ утвержденіи Государемъ пожалованія мнѣ въ Ставропольской губерніи 5500 десятинъ земли. Почти одновременно мнѣ пожалованъ знакъ отличія, учрежденный за успѣшное приведеніе въ дѣйствіе положеній 19 Февраля 1861 г., объ устройствѣ быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; а также пожалованъ знакъ Общества возстановленія православнаго христіанства за Кавказомъ, 2-й степени.

Въ 1864 году, изъ служебныхъ занятій Главнаго Управленія, первый предметъ по важности своей былъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ. Совѣтъ въ этомъ дѣлѣ участія не имѣлъ, а производилось оно въ особомъ Комитетѣ, Великимъ Княземъ-Намѣстникомъ, по пріѣздѣ его, учрежденномъ, въ который и я былъ назначенъ членомъ. Но какъ засѣданія Комитета происходили всегда вечеромъ и продолжались иногда до поздней ночи, то меня, по старости и особенно по слабости зрѣнія, отъ личнаго присутствія уволили, а присылали проекты работъ Комитета къ просмотру. Направленіе этихъ работъ примѣнялось по возможности къ тому ходу этого дѣла, какой оно имѣло по Россіи, съ нужными измѣненіями по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Много возникло толковъ, споровъ и препирательствъ по сему случаю; но наконецъ къ Іюлю мѣсяцу проектъ Положенія отправленъ въ Петербургъ, и тамъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ получилъ высочайшее утвержденіе. По моему внутреннему убѣжденію, для помѣщиковъ Закавказскаго края оказано въ этомъ дѣлѣ болѣе милости, а для крестьянъ едва ли не менѣе, чѣмъ вообще въ Имперіи.

Но какъ это была принятая уже система верховнаго правительства, то я и находилъ совершенно безполезнымъ входить по этому предмету въ какіе-либо споры и настаивать на своемъ мнѣніи.

Важнѣйшее событіе въ этомъ году было совершившееся полное замиреніе края. Самое вѣрное его изображеніе сдѣлано, по мнѣнію людей близко знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, сыномъ моимъ, въ его «Письмахъ съ Кавказа», въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1864 и 1865 годовъ.

10-го Іюня Великій Князь-Намѣстникъ, отпраздновавъ торжественно въ Тифлисѣ окончательное покореніе Кавказа, прибылъ также съ семействомъ въ Бѣлый Ключъ, для избѣжанія Тифлисскаго зноя. Я часто бывалъ у Его Высочества, гдѣ находилъ постоянно благосклонный пріемъ. Я много прогуливался и ходилъ въ церковь, чтó доставляло мнѣ большое утѣшеніе. Попеченіями полковыхъ командировъ церковь устроена прекрасно, служеніе въ ней очень хорошее, съ отличными пѣвчими. Книгъ для чтенія я имѣлъ достаточно изъ полковой библіотеки. Въ обществѣ тоже недостатка не было; кромѣ мѣстной публики, ежедневно являлось много пріѣзжихъ; въ штабъ-квартирѣ было болѣе оживленія и увеселеній, не смотря на продолжавшуюся дурную погоду. Дочь моя съ мужемъ и сынъ часто бывали на обѣдахъ, вечерахъ, балахъ, у Великаго Князя и полковаго командира Свѣчина, жившаго широко и открыто. Вообще было шумнѣе и суетливѣе обыкновеннаго, чтó впрочемъ мало нарушало установленный порядокъ моей жизни. 2-го Іюля на общемъ пріемѣ приносили Его Высочеству поздравленія съ полученіемъ награды. Я опоздалъ, чтó послужило къ лучшему, ибо я засталъ Великаго Князя одного; онъ принялъ меня съ обычною своею привѣтливостію, долго со мною милостиво разговаривалъ и при прощаніи поцѣловалъ, чего на общемъ пріемѣ бы не случилось.

Въ концѣ Іюля, Великій Князь Намѣстникъ съ семействомъ отправился въ Крымъ для пользованія морскими купаніями. Вслѣдъ за ними уѣхалъ туда же и сынъ мой, и многіе разъѣхались. Въ Сентябрѣ и мы возвратились въ Тифлисъ, а вскорѣ я былъ весьма обрадованъ, прочитавъ въ Инвалидѣ о производствѣ сына моего въ генералъ-маіоры. Онъ и самъ, исполнивъ порученіе, возложенное на него Его Высочествомъ, не замедлилъ своимъ пріѣздомъ къ намъ.

8-го Ноября, въ день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Намѣстника, было торжественно провозглашено въ Тифлисѣ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ тотъ же день я получилъ орденъ Бѣлаго Орла за мое въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе.

8-е Января, Ростиславъ поѣхалъ за границу на нѣсколько мѣсяцевъ: онъ хотѣлъ познакомиться съ Европой, которой еще не видалъ и заѣхать въ Англію повидаться съ княземъ Барятинскимъ, неоднократно приглашавшимъ его къ себѣ.

Съ первыхъ чиселъ Апрѣля, стали получаться по телеграфу тревожныя свѣдѣнія о тяжкой болѣзни Наслѣдника Цесаревича въ Ниццѣ. 20-го Апрѣля Великій Князь Намѣстникъ со всѣмъ семействомъ отправился моремъ, чрезъ Германію въ Петербургъ, къ похоронамъ Цесаревича, предназначавшимся въ Маѣ. По случаю этого отъѣзда, князь Г. Д. Орбеліани вступилъ въ отправленіе должности намѣстника, а я занялъ его мѣсто председателя въ Совѣтѣ.

Теперь скажу нѣсколько словъ по поводу постоянно повторяющихся здѣсь измѣненій и реформъ въ гражданскомъ управленіи края.

При первоначальномъ присоединеніи Грузіи къ Россіи, гражданское управленіе въ странѣ было учреждено на самыхъ односложныхъ началахъ. Главное управленіе состояло изъ небольшой канцеляріи главноуправляющаго, губернатора, губернскаго правленія и судебной палаты въ Тифлисѣ; и затѣмъ, въ городахъ и уѣздахъ находилась мѣстная администрація, состоявшая изъ комендантскаго управленія. Много было говорено о злоупотребленіяхъ и самовластіи этого комендантскаго управленія; но тогда оно было совершенно своевременно. Все народонаселеніе Закавказскаго края издревле привыкло къ суду и рѣшенію дѣлъ скорому, безпроволочному и односложному. Зло происходило отъ того, что на качества людей, избираемыхъ въ званіе комендантовъ, обращалось *слишкомъ мало вниманія*, и они назначались чаще всего по протекціямъ и разнаго рода домогательствамъ. Все это почти также происходило, какъ происходитъ и теперь, при уѣздныхъ начальникахъ. Коменданты, конечно, во многихъ случаяхъ имѣли болѣе простора дѣлать злоупотребленія, нежели уѣздные начальники; но, при хорошемъ ихъ выборѣ, они могли дѣлать и гораздо болѣе добра нежели послѣдніе. Съ постепеннымъ расширеніемъ Закавказскаго края, съ присоединеніемъ къ нему Имеретіи, Гуріи и завоеванныхъ провинцій отъ Персіи и Турціи, расширялись и новыя учрежденія по гражданской части. Чиновники къ занятіямъ вновь учреждаемыхъ должностей прибывали изъ Россіи во множествѣ и, къ сожалѣнію, самые неблагонадежные, привлекаемые единственно разными преимуществами по службѣ. Они укоренили происки, подлоги, ябедничество и всевозможныя злоупотребленія въ краѣ, и тѣмъ болѣе были вредны, что прививали и распространяли эти пороки не только между туземными дворянами и разночинцами, искавшими своего существованія по гражданской службѣ составленіемъ кляузныхъ прошеній и хожденіемъ по дѣламъ, но даже развивали ябед-

ничество и между крестьянами; такъ что, напр., въ Имеретіи крестьяне, пріѣзжая на базаръ для продажи своихъ продуктовъ, удѣляютъ каждый разъ часть вырученныхъ денегъ для покупки гербовой бумаги.

Происшедшія въ управленіе князя Воронцова измѣненія въ гражданской администраціи края, конечно, были не всѣ безполезны. Совѣтъ Главнаго Управленія получилъ болѣе опредѣлительный кругъ дѣйствій. Вновь учрежденныя губерніи, Кутаисская, Дербентская и Эриванская, облегчили возможность не столь медленныхъ распоряженій губернскаго правленія и особенно были полезны въ томъ отношеніи, что послужили къ возвышенію и улучшенію благосостоянія городовъ Кутаиса, Эривани и Дербента. Преобразованіе же управленія государственными имуществами, послѣдовавшее въ 1850 г., сосредоточило это управленіе и дало возможность къ приведенію въ извѣстность нѣкоторой части земель несомнѣнно-казенныхъ, (на коихъ и умножено водвореніе Русскихъ переселенцевъ), и содѣйствовало къ собранію болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи края. Это послужило и къ ближайшимъ соображеніямъ по улучшенію хозяйственной части, особенно въ отношеніи водопроводовъ, лѣсовъ и разныхъ отраслей промышленности.

Князь Барятинскій, по представленному ему праву, утвердилъ, 21 Декабря 1858 года, Положенія о Главномъ Управленіи и Совѣтѣ намѣстника Кавказскаго, въ видѣ опыта на два года. Въ послѣдствіи этотъ срокъ былъ отложенъ по 1863 годъ, и наконецъ, послѣдовавшимъ 12 Сентября 1862 г. высочайшимъ повелѣніемъ продолженъ по 1 Января 1866 г. Слѣдов., данъ семилѣтній періодъ времени для опытовъ и наблюденій о удобствѣ или неудобствѣ Положеній 1858 г., и для замѣны ихъ лучшими, по опыту и ближайшимъ соображеніямъ.

Между тѣмъ, по вступленіи въ управленіе краемъ Великаго Князя Михаила Николаевича, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ Положеніи о Совѣтѣ и учрежденныхъ департаментахъ, по разнымъ отраслямъ управленія, впрочемъ, не общія, а частныя. Въ настоящее время, въ особо учрежденномъ Комитетѣ идетъ пересмотръ и проектируется составленіе Положенія о преобразованіяхъ въ краѣ *всего* гражданскаго управленія, а въ томъ числѣ и Совѣта. Что̀ будетъ изъ всего этого, пока еще не извѣстно. Хорошо сдѣлано и то, что преобразованіе предположено вводить не такъ какъ доселѣ, *съ верху въ низъ, а съ низу въ верхъ*, то есть прежде положеніе о сельскомъ и уѣздномъ управленіяхъ, а потомъ уже выше. Но успѣхъ дѣла будетъ зависѣть единственно отъ внимательнѣйшаго выбора чиновниковъ. Впрочемъ, въ отношеніи Совѣта, я остаюсь при твердомъ убѣжденіи, что онъ для главнаго начальника края можетъ быть весьма полезенъ только при двухъ условіяхъ: *первое*, чтобы избраніе членовъ, по крайней мѣрѣ, хотя на

половину, дѣлалось съ большею разборчивостію нежели доселѣ; и *во вторыхъ*, чтобы существовало наблюденіе за исправностію хода дѣлопроизводства въ составленіи записокъ, справокъ, и проч., для чего, само собою разумѣется, и самая канцелярія должна быть составлена съ болѣе тщательнымъ вниманіемъ. Особенно же правитель дѣлъ долженъ быть не инвалидъ, не рутинёръ и не изъ старой школы доморощенныхъ здѣшнихъ канцелярскихъ чиновниковъ, а изъ хорошихъ правовѣдовъ, человѣкъ въ силахъ и трудолюбивый.

Въ половинѣ Мая получено извѣстіе о пріѣздѣ Е. И. В. Великаго Князя Намѣстника въ Петербургъ, одновременно съ Государемъ Императоромъ. Возвращеніе Его Высочества въ край было отложено на долго, до осени. Около этого времени случилось землетрясеніе, не слишкомъ продолжительное, но очень ощутительное; я въ это время, былъ въ Совѣтѣ, и нѣсколько сильныхъ ударовъ едва не сбросили насъ съ креселъ. Какъ всегда, оно сопровождалось рѣзкимъ подземнымъ грохотомъ и гуломъ.

Съ 27-го по 30-е Іюня въ Тифлисѣ происходила необычайная суматоха, конечно, безъ важныхъ послѣдствій. Добрый и покорный, но легковѣрный здѣшній простой народъ былъ доведенъ до нарушенія порядка, до безчинства и до преступленій, которыхъ со стороны Армянскаго населенія никогда нельзя было ожидать. Кажется, что тутъ необходимо дѣйствовала какая либо подземная работа враговъ порядка, недовольныхъ вольнодумцевъ, а имъ содѣйствовало отсутствіе всякаго сколько-нибудь порядочнаго устройства и дѣйствія полиціи, безтолковыя и сбивчивыя распоряженія высшаго начальства и, такъ сказать, совершенная анархія. Въ продолженіи двухъ, и даже частію третьяго дня, всѣ лавки и базары были закрыты, сообщенія затруднялись, и многіе жители провели эти дни безъ хлѣба и жизненныхъ припасовъ. Около двухъ мѣсяцевъ занимались безполезными сборами и передвиженіями войскъ, что̀ возбуждало и поддерживало тревожныя опасенія въ жителяхъ.

*) Волненіе и переполохъ, такъ внезапно и безпричинно овладѣвшіе городомъ, были вызваны распространившимися ложными слухами объ обложеніи города новыми, необычайными налогами *за все*, безъ исключенія, даже, какъ выражались туземцы,—*за окошко и за кошку*. Первое движеніе проявилось между амкарами и необыкновенно быстро разнеслось по городу. Огромныя, тысячныя толпы туземцевъ расхаживали по улицамъ, собирались на Авлабарскомъ Армянскомъ кладбищѣ за Курой, для совѣщаній, сосредоточивались на площадяхъ, шумѣли, кричали, грозили. Озлобленіе ихъ особенно относилось къ нѣсколькимъ лицамъ, которыхъ они считали виновниками налоговъ, и къ нимъ они порывались добраться съ крайнимъ ожесточеніемъ. Къ одному богатому Армянскому купцу и добрались; онъ успѣлъ скрыться, но бунтовщики ворвались къ нему въ домъ и въ дребезги истребили и разнесли все что̀ было въ домѣ. Въ числѣ прочихъ вещей, въ

Возвращеніе сына моего здороваго, всегда бодрго духомъ, освѣжившагося пріятной, занимательной поѣздкой по Европѣ, оживило нашъ маленькій семейный кружокъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, въ Тифлисѣ отъ времени до времени предпринимались маленькія попытки къ возобновленію прежнихъ безпорядковъ, и хотя ихъ тушили въ самомъ началѣ, но расположеніе къ смутѣ не унималось вполнѣ и заставляло опасаться новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ, по поводу Іюльскихъ треволненій, возникла дѣятельная газетная полемика, особенно въ Петербургскихъ и Московскихъ газетахъ, усердно старавшихся разбирать и объяснять главнѣйшіе мотивы порожденія этихъ смутъ. Въ Сентябрѣ, появилась въ Московскихъ Вѣдомостяхъ особенно энергичная статья Каткова, довольно вѣрно изображавшая причины и поводы къ этому глупому и вмѣстѣ съ тѣмъ безобразному событію. Статья розбудила множество толковъ, всякихъ препираній и сильно раздражила страсти нѣкоторыхъ личностей. Между прочимъ въ ней выражалось, отчасти справедливо, и обвиненіе покойнаго намѣстника князя Воронцова, будто бы возбудившаго излишнюю самонадѣянность туземцевъ и пренебреженіе ко всему Русскому. Послѣдовало нѣсколько возраженій на эту статью, болѣе бранныхъ и рѣзкихъ, нежели правдивыхъ; изъ нихъ только одно, М. П. Щербинина, было написано порядочно и имѣло нѣкоторое значеніе. Прочія же, напечатанныя большею частію въ мѣстной газетѣ Кавказъ (одно Кипіани), были пусты по содержанію и невѣрности доводовъ.

Прошло уже около 20-ти лѣтъ какъ я освободился отъ Саратовскаго губернаторства, а все еще отъ времени отдаются отголоски этой,

---

домѣ была богатая библіотека, состоявшая изъ старыхъ Армянскихъ, Арабскихъ и другихъ рѣдкихъ книгъ и рукописей, которыя были изорваны въ мельчайшіе куски и выброшены на улицу. Вся улица, на протяженіи многихъ десятковъ саженей, была буквально засыпана обрывками и лоскутками страницъ изъ книгъ, какъ глубокимъ слоемъ снѣга. У насъ до сихъ поръ сбережено нѣсколько лоскутковъ, поднятыхъ изъ этой массы изорванной бумаги и пергамента. По слухамъ, произошло нѣсколько убійствъ, въ томъ числѣ убитъ одинъ служащій въ городовомъ общественномъ управленіи, кажется секретарь. Многіе изъ высшихъ властей, военныхъ и гражданскихъ, пробовали урезонивать, пытались унимать бунтовщиковъ. Но они не унимались. Болѣе другихъ на нихъ подѣйствовалъ генералъ Минквицъ; на своихъ же, изъ туземцевъ, бунтовщики не обращали ни малѣйшаго вниманія. Генералъ-губернаторъ, предсѣдатель Совѣта, исправлявшій должность намѣстника, князь Орбеліанъ, всячески старался по грузински образумить, уговорить ихъ, и ревностно взывалъ къ нимъ: „Не вѣрьте обманщикамъ, не вѣрьте злоумышленникамъ, а вѣрьте мнѣ! Я никогда не обманывалъ васъ. Вы знаете, кто я! Знаете весь родъ мой, знаете и дѣда, и отца, знаете и меня!“ На это изъ толпы отвѣчали ему: „Какъ же, какъ же! Знаемъ хорошо весь родъ твой“, и затѣмъ слѣдовали весьма не лестные отзывы на счетъ всего рода, дѣда, отца и самаго князя. Расходившаяся толпа угомонилась только на четвертый день, при появленіи войскъ, вызванныхъ изъ сосѣднихъ штабъ-квартиръ. Н. Ф.

въ памяти моей отвратительной должности. Не проходило въ эти 20 лѣтъ почти ни одного года, чтобы я не получалъ изъ Саратова какого-либо запроса по предмету какихъ-либо канцелярскихъ упущеній, случившихся *якобы* во время моего управленія и *до* меня, совершившихся 35, 40 лѣтъ тому назадъ. Послѣ каждаго моего отвѣта, кляузный или тупоумный запросъ безгласно умолкалъ, а спустя годъ-два, снова повторялся въ новой формѣ, не менѣе безсмысленной.

1-го Ноября, послѣдовалъ пріѣздъ въ Тифлисъ Его И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, въ 5-мъ часу вечера, тихо безъ всякихъ шумныхъ демонстрацій и встрѣчъ. На другой день, я въ полномъ мундирѣ былъ на представленіи во дворцѣ и принятъ также милостиво, какъ всегда: а 8-го, въ день Архистратига Михаила, присутствовалъ на молебствіи и затѣмъ обѣдалъ у Великаго Князя.

Такъ даровалъ мнѣ Господь прожить въ мірѣ семъ и 1865-й годъ. Я провелъ его и достигъ 76 лѣтъ довольно сносно, даже и въ отношеніи состоянія моего здоровья, какъ бы съ нѣкоторымъ облегченіемъ сравнительно съ прежнимъ. Нравственныя огорченія и заботы были; но человѣкъ, прожившій до старости, ранѣе или позднѣе долженъ познать, что полное душевное спокойствіе не есть удѣлъ міра сего. Слава Богу и за то, что всѣ мои остались живы и здоровы!

Проекты преобразованій въ Главномъ Управленіи продолжались вновь и въ 1866 году. Повидимому они имѣютъ цѣлью установить въ немъ тѣже начала, какія въ послѣднее время установляются въ Имперіи вообще. Можетъ быть, что въ сихъ видахъ они будутъ не безполезны; но существенной пользы для края, кажется, они принесутъ столь же мало какъ и прежнія, за исключеніемъ случая, если сократятъ сколько нибудь издержки, въ чемъ сомнѣваюсь. Значительныя сокращенія едва ли будутъ достигнуты. Существенная польза произойдетъ лишь тогда, когда начнутъ обращать болѣе вниманія и разборчивости на свойства людей, кои обязаны исполнять распоряженія главнаго начальства, въ какомъ бы видѣ и формѣ оно ни существовало. Недостатокъ соблюденія этого правила былъ причиною неурядицъ въ краѣ, и бывшихъ, и теперь продолжающихся, и кои едва ли не погасили въ народѣ всякое довѣріе и уваженіе къ правительству.

Въ Мартѣ, мой сынъ командированъ въ Ставрополь для исполненія должности предсѣдателя военно-судной коммиссіи, учрежденной надъ тамошними чиновниками интендантскаго вѣдомства. Это дѣло было совсѣмъ не по немъ. Я предусматривалъ много для него хлопотъ и боялся, по соображенію обстоятельствъ, непріятностей. Но отговариваться было нельзя: дѣло служебное; надобно дѣлать что̀ велятъ. Жары начались рано и иногда сильно утомляли меня, особенно въ за-

сѣданіяхъ Совѣта, Крестьянскомъ Комитетѣ и другихъ, гдѣ приходилось сидѣть въ духотѣ часа по четыре и болѣе, при слушаніи скучнаго. чтенія. Я позволялъ себѣ по временамъ не дослушивать ихъ до конца, когда не находилъ въ томъ надобности, и уѣзжалъ заблаговременно домой. На Свѣтлое Христово Воскресеніе былъ я на пріемѣ у Великаго Князя Намѣстника, посидѣлъ за пасхальнымъ столомъ, хотя ничего не ѣлъ, такъ какъ заранѣе разговѣлся дома съ своими, а только поглядѣлъ на обыкновенную въ этотъ день суету мірскую. 1-го Апрѣля у Ихъ Императорскихъ Высочествъ родился сынъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, и мы получили приглашеніе пожаловать на церемонію Святаго Крещенія высоконоворожденнаго.

Я получилъ въ этомъ году полный окладъ двойнаго жалованія за выслугу на службѣ въ Закавказьи двадцати лѣтъ, а въ день тезоименитства Великаго Князя Намѣстника отъ Государя золотую табакерку, украшенную брилліантами съ вензелемъ имени Его Императорскаго Величества, за особыя заслуги при введеніи въ дѣйствіе въ Тифлисской губерніи крестьянской реформы.

1867. Выѣзжалъ я рѣдко, Великимъ постомъ часто бывалъ въ церкви, а на Страстной недѣлѣ Господь удостоилъ меня говѣть и пріобщиться Св. Таинъ въ церкви Св. Нины. На первый день праздника, по обыкновенію, былъ я у Великаго Князя, гдѣ встрѣтилъ всегдашнія, свойственныя этому дню, суматоху, суету, христосованіе и разговѣнье. Заѣзжалъ раза два къ экзарху Евсевію, не надолго, не находя удовольствія въ слушаніи его пересудовъ и комеражей.

Съ весны сынъ мой отправился въ командировку съ порученіемъ по важнымъ дѣламъ, на продолжительное время, и долженъ былъ объѣздить почти весь Закавказскій край.

Со времени удаленія князя Александра Ивановича Барятинскаго изъ края, т.-е съ 1862 г., неоднократно приходили вѣсти, что здоровье фельдмаршала совсѣмъ поправляется и что онъ вступаетъ вновь на служебную дѣятельность. Къ сожалѣнію, эти слухи и вѣсти скоро замѣнялись другими, совершенно противоположными. Повидимому, почти несомнѣнно, что служебная дѣятельность князя болѣе не возобновится, что́ очень жаль, при его блестящихъ дарованіяхъ, благихъ намѣреніяхъ и той степени довѣренности, которую Государь къ нему имѣетъ. Въ послѣдній годъ пребыванія князя въ Тифлисѣ, онъ не рѣдко въ разговорахъ высказывалъ мысль, которая всегда меня удивляла своей грандіозной оригинальностію. Онъ предполагалъ, что весь строй Россійской имперіи переродился бы къ лучшему съ перенесеніемъ столицы съ береговъ Невы на нижній Днѣпръ, т. е. изъ Петербурга въ Кіевъ. И князь какъ будто даже не сомнѣвался въ возможно-

сти осуществленія этого затѣйливаго плана. Я не берусь судить, на сколько онъ былъ правъ; только кажется, что исполненіе было бы трудновато.

28-го Іюля. Вотъ я уже опять на лѣтнемъ кочевьѣ въ двадцать первый разъ со времени моего пріѣзда въ Тифлисъ, и на этотъ разъ избралъ Манглисъ. Обошлось дорогонько. Но квартиры довольно удобны, умѣренность климата мнѣ нравится; и вообще я какъ-то довольнѣе здѣсь, чѣмъ въ Бѣломъ Ключѣ и Боржомѣ. Внуки Борисъ и Сергѣй пріѣхали на каникулы изъ Одессы. На недѣлю пріѣзжалъ и старшій внукъ, нашъ штабсъ-капитанъ Александръ, предъ отъѣздомъ въ Петербургъ, куда его отправляли какъ лучшаго офицера, въ образцовый эскадронъ, и все это много меня утѣшило. Въ отношеніи здоровья, mal-aise и разные мелочные недуги не оставляютъ меня; была и маленькая лихорадка отъ легкой простуды, но слава Богу, все это еще сносно въ семьдесятъ семь лѣтъ.

Августъ. Наконецъ, послѣ долговременнаго отсутствія, неожиданно для меня, возвратился изъ объѣзда своего по краю и мой Ростиславъ.

*

Этимъ оканчиваются „Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева". 28-го Августа 1867 года его не стало. За день до кончины, онъ еще довольно твердымъ почеркомъ написалъ нѣсколько словъ въ своемъ дневникѣ. Приписка о пріѣздѣ сына сдѣлана за нѣсколько дней до кончины.

Отецъ былъ очень радъ свиданію съ сыномъ, ободрился, повеселѣлъ; состояніе его здоровья не внушало никакихъ опасеній. Погостивъ нѣсколько дней, Ростиславъ Андреевичъ сталъ собираться въ обратный путь, кончать свои дѣла, какъ вдругъ лихорадка у Андрея Михайловича возобновилась отъ новой простуды, вслѣдствіе того, что, при сырой, ненастной погодѣ послѣ дождя, онъ вышелъ посидѣть съ часъ на галлереѣ передъ обѣдомъ, подышать воздухомъ, что̀ для него сдѣлалось необходимостію. Пароксизмъ лихорадки продолжался 18 часовъ и сильно изнурилъ его. Докторъ потребовалъ немедленнаго переѣзда въ Тифлисъ, надѣясь на помощь отъ перемѣны климата. Въ спокойномъ дормезѣ повезли Андрея Михайловича, въ сопровожденіи всей семьи его и доктора. На полпути, въ Пріютѣ, остановились, чтобы не слишкомъ утомить больнаго. Къ вечеру лихорадка повторилась, хотя въ слабѣйшей степени, но повлекла за собой совершенный упадокъ силъ. Надежды на спасеніе не оставалось. Рано утромъ его причастили; онъ былъ въ полной памяти, говорилъ, благословилъ своихъ дѣтей и внуковъ. Ростиславъ Андреевичъ, на колѣняхъ возлѣ отца, читалъ послѣднія главы Евангелія отъ Іоанна, особенно имъ любимыя, и къ десяти часамъ утра, Андрей Михайловичъ съ яснымъ, спокойнымъ лицомъ тихо вздохнулъ въ послѣдній разъ.

Тѣло перевезли въ Тифлисъ, и при погребеніи гробъ несли на рукахъ сынъ, внуки и правнуки и положили его рядомъ съ Еленой Павловной, о которой онъ не переставалъ грустить до конца своего, въ оградѣ Спасо-Вознесенской церкви, у подножія Салалакской горы. Семейство его получило изъ Боржома телеграмму отъ Ихъ И. В. Великаго Князя и Великой Княгини, съ выраженіемъ соболѣзнованія о великомъ, постигшемъ его несчастіи. Ростиславъ Андреевичъ увѣдомилъ фельдмаршала князя Барятинскаго о кончинѣ своего отца и получилъ отъ него незамедлившій отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ помѣщается здѣсь, какъ достойное заключеніе „Воспоминаній“ о своей жизни одного изъ достойнѣйшихъ людей на свѣтѣ.

„Женева, 14 Сентября 1867 года. Многоуважаемый Ростиславъ Андреевичъ. Горестная вѣсть о кончинѣ многопочтеннаго и душевно мною любимаго Андрея Михайловича скорбно отозвалась въ сердцѣ моемъ. Утромъ часу въ восьмомъ я лежалъ въ постели, когда получилъ отъ васъ извѣстіе о смерти любимаго вами отца. Я только что читалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Записки ваши о вооруженныхъ силахъ Россіи; я уже десять минутъ какъ положилъ книгу и мысленно перенесся къ вамъ, къ любезному семейству вашему и естественно сталъ думать о батюшкѣ вашемъ; никогда мое воображеніе такъ живо не представляло какъ въ это утро. Я вспоминалъ о долговременномъ съ пользою служеніи его, о мудромъ опытностію умѣ его, я вспомнилъ нѣсколько разговоровъ съ нимъ, и въ это самое время, мнѣ, между прочими письмами и газетами, подали ваше письмо, которое машинально, не узнавая даже почерка, я распечаталъ и прочиталъ. Предоставляю вашему воображенію изобразить мое горестное удивленіе при такомъ живомъ, пріуготовительномъ впечатлѣніи, какимъ было любезное воспоминаніе о покойникѣ, когда я узналъ, что его нѣтъ уже съ нами. Мнѣ сдѣлалось очень грустно, и я спѣшу подѣлиться своими чувствами съ вами. Благодарю васъ за все лестное, переданное вами по памяти расположенія ко мнѣ покойнаго; я всегда умѣлъ цѣнить и никогда не забуду добрыхъ его отношеній ко мнѣ. Жалѣю, что вы оставляете Кавказъ. Весьма любопытствую узнать, что́ вы далѣе намѣрены дѣлать. Сердечно вамъ преданный князь А. Барятинскій“.

(*Сообщено Надеждою Андреевной Фадѣевой*).

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ *).

151. Колыбель камня мудрыхъ, описанная неизвѣстнымъ Шевалье на Французскомъ языкѣ, а на Нѣмецкій переведена I. А. М. С.—Кто сіе искусство одинъ бы разъ къ концу привелъ, тотъ бы довольно имѣлъ, хотя бы жилъ онъ тысячу тысячъ лѣтъ; и хотя бы каждый день кормилъ онъ четыре тысячи человѣкъ. Гермесъ и Геберъ.—Москва, въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія. 1783. 8°. 56 нум. стр.

Вся книга напечатана курсивомъ. Въ ней помѣщены двѣ статьи: „Къ остроумному читателю“ и „Родильничная постеля Камня Мудрыхъ“. Сочиненіе масонское, написанное условнымъ мистическимъ языкомъ. Книга была арестована въ деревнѣ Новикова. Сопиковъ, а вслѣдъ за нимъ Лонгиновъ, ошибочно отнесли годъ ея изданія къ 1786 году.

Сопиковъ 6932.—Лѣтописи Рус. литературы и древности, т. 5, стр. 24.—Лонгиновъ 63 прил.—Пыпина. Вѣстн. Европы 1867 г. стр. 42.—Губерти II, 50.
Готье 3954, 5 р. Шибановъ XXVII—157, 5 р. Шибановъ XXXIV—238, 10 р.

152. Копіи его царскаго Велічества Указовъ состоявшіхся въ 1719, и въ 1720 годѣхъ. Въ Санктпетербурхѣ, въ Правїтельствующемъ Сенатѣ, собраны и напечатаны, Іюня въ 28 день, 1721 Году. 8°. 451, 40 нум. стр. и 5 нен. стр.

Къ книгѣ на 451 стр. помѣщено 135 указовъ, на слѣдующихъ 5 нен. страницахъ реестръ указовъ, и за тѣмъ на 40 нум. страницахъ помѣщенъ „Экстрактъ краткой изъ вышенапечатанныхъ 1719 и 1720 годовъ указовъ“ П. П. Пекарскій обозначилъ, что въ этомъ сборникѣ три ненум. страницы; но такое указаніе не вѣрно.

Толстой 53.—Пекарскій II т. 476.—Бычковъ 127.—Березинъ-Ширяевъ I, стр. 17.
Готье 3527, 8 р. Шибановъ XXXIV—242, 5 р.

---

*) См. выше, „Русскій Архивъ“ III, 275.

153. Кошелекъ, еженедѣльное сочиненіе 1774 года. Въ Санктпетербургѣ. 8°. 164 стр.

Кошелекъ издавалъ Н. И. Новиковъ, при содѣйствіи княгини Дашковой. Новиковъ посвятилъ его „Отечеству". Журналъ появился въ началѣ Іюня 1774 года, а окончилъ свое существованіе на девятомъ листѣ, вышедшемъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года. Кошелекъ былъ послѣднимъ журналомъ изъ сатирическихъ, издававшихся въ царствованіе императрицы Екатерины. Главнымъ образомъ Кошелекъ нападалъ на галломанію, чѣмъ было тогда заражено наше высшее общество; но такое направленіе журнала возбудило неудовольствіе при дворѣ, и Новиковъ долженъ былъ прекратить журналъ и уѣхать на время изъ Петербурга. Кромѣ статей сатирическаго содержанія въ Кошелькѣ была помѣщена комедія „Народное Игрище" и „Ода Россіи, на одержанныя ею въ 1770 году побѣды". Макаровъ пологаетъ, что комедія сочинена Новиковымъ и И. И. Шуваловымъ, а ода сочинена Антономъ Барсовымъ, какъ удостовѣряетъ объ этомъ А. Н. Неустроевъ. Буличъ, Аѳанасьевъ, Геннади, А. И. Неустроевъ и Н. В. Губерти, описывая Кошелекъ, не указываютъ, что послѣ 112 стр. слѣдуетъ ненумерованная страница, а за тѣмъ слѣдуетъ нумерація съ 130 страницы и идетъ далѣе послѣдовательно, оканчиваясь 164 стр. Въ 1858 году Кошелекъ былъ изданъ вторично А. Н. Аѳанасьевымъ.

Сопиковъ 3896.—Плавильщиковъ 6895.—Смирдинъ 9687.—Макаровъ „Отеч. Записки 1839 г.—Буличъ стр. 286—288.—Аѳанасьевъ стр. 281 и 282.—Лонгиновъ стр. 31—33.—Неустроевъ стр. 205.—Геннади 43.—Губерти 1—190.—Россійская Библіографія 1881 г. № 3, стр. 62 и 63.

Панаѳидинъ „Библіографъ" 1885 г. № 3, стр. 71, 20 р. Готье 186, 25 р. Клочковъ 8—5917, 12 р. Готье 3577, 20 р. Шибановъ XXVIII — 167, 15 р. Шибановъ XXXIV — 248, 15 р.

154. Краткая метода взаимнаго обученія, для первоначальной школы Россійскихъ солдатъ, приспособленная равно и для дѣтей. Крѣп. Мобежъ во Франціи 1817 года. 8°. 63 стр.

Предположеніе о введеніи въ Россіи школъ взаимнаго обученія, называемыхъ, по имени ихъ учредителя, Ланкастерскими, возникло въ 1813 году. Въ этомъ году Іосифъ Гамель, посланный за границу для собиранія разныхъ свѣдѣній по разнымъ частямъ хозяйства и мануфактуръ, познакомился въ Лондонѣ съ извѣстнымъ химикомъ и квакеромъ Вильямомъ Алленомъ, который и показалъ ему Ланкастерскую школу, гдѣ одинъ мальчикъ обучалъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Гамель, будучи пораженъ успѣхами школы, изучилъ систему Ланкастерскаго обученія и сообщилъ объ ней министру внутреннихъ дѣлъ. Это сообщеніе по распоряженію министра было напечатано въ Сѣверной Почтѣ. Въ 1816 году по высочайшему повелѣнію были посланы въ Лондонъ четыре студента Педагогическаго Института, Тимаевъ, Свенске, Буссе и Ободовскій, для изученія преподаванія

по методѣ взаимнаго обученія. Въ Петербургѣ учрежденъ былъ вскорѣ и тоже по высочайшему повелѣнію комитетъ для введенія взаимнаго обученія солдатскихъ дѣтей, а въ 1819 г. въ Петербургѣ составилось общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія. Общество въ томъ же году открыло нѣсколько школъ. Школы эти заведены были не только въ Петербургѣ, но и въ Перми, Вологдѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Кронштадтѣ, Астрахани, Тифлисѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Херсонѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Тулѣ и въ другихъ городахъ. Въ Русской же арміи школы взаимнаго обученія заведены были еще ранѣе, еще въ то время, когда наши полки стояли послѣ 1814 г. во Франціи. Одна изъ такихъ школъ, въ которой обучалось триста солдатъ, находилась въ крѣпости Мобежѣ. Эту школу посѣтилъ въ 1818 г. великій князь Михаилъ Павловичъ. Узнавъ, что въ три мѣсяца въ школѣ многіе научились очень удовлетворительно чтенію и письму, великій князь остался доволенъ. Ланкастерскія школы были заведены и въ полкахъ, находившихся въ Россіи. Наши офицеры охотно занимались обученіемъ солдатъ. Онѣ имѣли вліяніе и на смягченіе суровой воинской дисциплины, такъ какъ въ постановленіяхъ ихъ было слѣдующее гуманное правило: „Всякого рода тѣлесныя наказанія не должны быть допущены“ (стр. 58). Съ двадцатыхъ годовъ наше правительство, прежде благоволившее къ Ланкастерскимъ школамъ, стало подозрительно къ нимъ относиться, полагая, что онѣ распространяютъ вольнодумство. Когда случился въ Семеновскомъ полку бунтъ, то императоръ Александръ приписывалъ его отчасти вліянію этихъ школъ. Заподозрѣнныя такимъ образомъ Ланкастерскія школы не могли, конечно, болѣе существовать.— Описываемая мною здѣсь книжка есть сокращенный переводъ сочиненія Ніона „Manuel pratique ou Précis de la méthode d'enseignement mutuel“. Она напечатана въ крѣпости Мобежѣ, въ походной типографіи. Книжка раздѣлена на четыре части; въ первой говорится объ устройствѣ школы и о внутреннемъ ея расположеніи, во второй объ ученіи вообще и въ частности объ ученіи въ каждомъ классѣ, въ третьей о средствахъ взаимнаго обученія и въ четвертой о должностяхъ учителя въ разсужденіи порядка и наставленія. Предварительно же сообщаются историческія свѣдѣнія о методѣ взаимнаго обученія.—Книжка очень рѣдка. Мой экземпляръ находился прежде въ библіотекѣ А. Н. Неустроева. На оберткѣ замѣтка прежняго владѣтеля: „спрячь мнѣ эту книжку бережно“.

Отчетъ Импер. Пуб. Библіотеки 1857 г. 47 стр.—Геннади 127.—Пыпинъ. Общ. движеніе при Алек. I. Спб. 1871 г. стр. 356.

Клочковъ 56 — 245, 12 р. Шибановъ XXVI — 445, 10 р. Шибановъ XXXIV — 250, 10 р.

155. Краткая Россійской имперіи географія, второе исправнѣйшее изданіе съ карманнымъ атласомъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, 1773 года, 16°. 44 непум. стр. и 14 картъ.

Это второе изданіе; первое было напечатано въ Географическомъ на 1768 г. Мѣсяцесловѣ. У Геннади показано 15 картъ, у Смирдина и Н. В. Губерти 14, въ моемъ экземплярѣ тоже 14 картъ. Предъ атласомъ гравированный заглавный листъ. Геннади удостовѣряетъ, что при книжкѣ находятся 19 видовъ Москвы и Петербурга работы Махаева и другихъ; но въ моемъ экземплярѣ и въ экземплярѣ, описанномъ Н. В. Губерти, видовъ нѣтъ, и нѣтъ объ этомъ указаній и въ самой книжкѣ; объ нихъ также не упоминаетъ и Бакмейстеръ. Кромѣ сего слѣдуетъ замѣтить, что Краткая Географія издана въ 1773 году, а граверъ Махаевъ умеръ предъ этимъ за три года, а именно въ 1770 г. (Ровин. т. IV стр. 705).

Смирдинъ 11119.—Геннади 41.—Бакмейстеръ Russ. Bibl. 2. Band. CXLVIII, 103—105.—Губерти III—116.

156. Краткій и легчайшій способъ молиться, коимъ каждый легко можетъ пріобрѣсть внутреннюю, сердечную молитву и достигнуть черезъ то высокаго совершенства. Твореніе Госпожи Гіонъ съ ея примѣчаніями. Изданіе второе исправленное. Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1822. 12°. IV, XIV, 139, оглавленіе на IX и фронтисписъ.

Въ первый разъ книга была издана въ 1821 г. Оба изданія были запрещены. Въ докладѣ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова императору Александру Первому о вредномъ направленіи нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ въ 1820 годахъ, по поводу описываемой книги сказано: „Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ красить сукна, или мочить пеньку, или дѣлать что-нибудь подобное; но слыхано ли, чтобы былъ краткій и легчайшій способъ молиться? Можно ли молитву уподоблять какому-нибудь ремеслу, къ обученію котораго предлагается краткій и легчайшій способъ? Не насмѣшка ли это надъ человѣческими понятіями о молитвѣ? И еще просто сказано молиться, не говоря кому, Богу или діаволу; ибо можно и сему послѣднему молиться. Нужно ли по одному заглавію разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?“

Геннади 138.—Записки Адмирала Шишкова стр. 63.—Березинъ-Ширяевъ III стр. 20.—Россійская Библіографія 1881 г. № 14, стр. 302.—Скабичевскій „Очерки по исторіи Русск. цензуры 1883 г. стр. 205.

Готье 1131, 6 р. Клочковъ 1—260, 2 р. Шибановъ XXXIII—76, 60 к. (экзем. поврежденный. Шибановъ XXXVII—103, 1 р.

157. Краткое историческое и хронологическое описаніе жизни и дѣяній Великихъ Князей Россійскихъ, Царей, Императоровъ и ихъ пресвѣтлѣйшихъ супругъ и дѣтей; и ихъ правленія, силы и славы различныхъ войнъ и междоусобныхъ раздоровъ до введенія монархическаго самодержавія, бунтовъ и

проч. отъ Р. Х. съ 862 года до нынѣ благополучно царствующаго Великаго Государя Императора Александра I, Самодержца Всероссійскаго съ достопамятными примѣчаніями о высокомъ ихъ родословіи, союзахъ, потомствѣ и времени жизни, царствованія, кончины и мѣстѣ погребенія. Съ изображеніемъ гравированныхъ ихъ портретовъ. Иждивеніемъ и трудами, изъ разныхъ достовѣрныхъ бытописателей и манускриптовъ собранное и въ свѣтъ изданное для пользы Россійскаго юношества Кол. Сов. Еф. Филиповскимъ. Москва въ типографіи Платона Бекетова. 1805. 4°. Три части. 1 ч. XXVIII и 169 стр. 2 ч. 1807 года 197 стр. и 3 ч. 1810 года VIII и 134 нум. стр. и 3 ненум. стр.

Книга имѣетъ и другое слѣдующее заглавіе: „Пантеонъ Россійскихъ государей, съ изображеніемъ гравированныхъ ихъ портретовъ. Изданъ трудами и иждивеніемъ кол. сов. Ефр. Филиповскаго". Второй заглавный листъ гравированъ. Пантеонъ посвященъ императору Александру Первому. Посвященіе тоже гравированное. Первая часть выходила тетрадями, которыхъ было выпущено пять. Въ первой части 38 гравюръ, изъ которыхъ 31 портр., начиная съ Рюрика и кончая Константиномъ I Всеволодовичемъ. На *первой* гравюрѣ изображенъ фронтисписъ съ бюстомъ Александра Перваго, на *второй*—станъ Александра Великаго, предъ которымъ Скиѳскіе послы говорили рѣчь, на *третьей*—послѣднее завѣщаніе Гостомысла, на *четвертой*—приходъ Рюрика съ братьями къ Русскимъ рубежамъ и ему встрѣча отъ чиновъ Русскихъ, на *пятой* изображеніе города Изборска съ подписью: „Труворъ скончался въ Изборскѣ въ 864 г.", на *шестой*—изображеніе могильнаго кургана съ подписью: „Синеусъ скончался на Бѣлѣ озерѣ, 864-го" и на *седьмой*—Рюрику подносятъ короны. Подъ гравюрой подпись: „По смерти двухъ братьевъ Рюрикъ присоединяетъ двѣ короны къ княженію Новгородскому и дѣлается самодержавнымъ". Во второй части 30 портретовъ, начиная съ Ярослава II и кончая царемъ Василіемъ Шуйскимъ. Въ третьей части 31 гравюра, изъ числа которыхъ 25 портретовъ, начиная съ царя Михаила Ѳеодоровича и кончая императрицей Елисаветой Алексѣевной, супругой Александра I-го. Кромѣ портретовъ царственныхъ особъ въ третьей части помѣщены портреты родителей Михаила Ѳеодоровича. На *первой* же гравюрѣ фронтисписъ съ вензелемъ Александра I-го и съ двумя внизу медаліонами, въ которыхъ изображены портреты Петра I и Екатерины II, на *второй*—дворецъ, находившійся въ селѣ Коломенскомъ; подъ гравюрой стихи:

1. Къ Россійской области въ семъ домѣ рокъ былъ щедръ.
2. Природа извела сокровища изъ нѣдръ.
3. Дыхнулъ отъ небеси къ нему небесный вѣтръ:
4. Въ семъ домѣ родился Великій Россамъ Петръ.

На *третьей*—памятникъ, надъ нимъ въ овалѣ грудное изображеніе Петра, надъ которымъ геній держитъ корону, внизу подпись: „Петру Великому“; на *четвертой*, раздѣленной на двѣ половины, на верхней—памятникъ Петру Великому, а на нижней—перевозка камня-грома; на *пятой*—памятникъ, на постаментѣ котораго въ овалѣ грудное изображеніе императрицы Екатерины II, внизу подпись: „Екатеринѣ Великой“ и на *шестой*—дерево съ вензелемъ Александра I, на древѣ помѣщено девять медаліоновъ съ грудными изображеніями Константина, Николая, Михаила, Маріи, Екатерины, Анны, Александры, Елены и Ольги. Портреты гравированы пунктиромъ и отпечатаны всѣ, кромѣ портрета Дмитрія Самозванца, въ подвижныхъ рамкахъ, съ рѣзными украшеніями (passe par tout). Большинство портретовъ безъ подписей граверовъ, подъ нѣкоторыми подписи Осипова, Цынтерова и подъ однимъ (Василій II), подпись гравера Н. Иванова. Д. А. Ровинскій указываетъ экземпляръ „Пантеона“, находящійся въ библіотекѣ П. А. Ефремова, съ нѣкоторыми отличіями противъ обыкновенныхъ. Мой экземпляръ также имѣетъ отличіе съ описаннымъ у Ровинскаго, а именно въ первой части не восемь гравюръ, а семь, вслѣдствіе чего и подписи на 4 и 7 гравюрѣ другія. (Подписи приведены выше). Во второй части подъ портретомъ царя Василія Шуйскаго въ моемъ экземплярѣ только одна Русская подпись, подписи на Латинскомъ языкѣ нѣтъ; въ той же части портретъ Дмитрія Самозванца отпечатанъ безъ рамки. Первая и третья часть моего экземпляра находятся въ гравированныхъ бумажныхъ переплетахъ съ разными украшеніями. Вторая же часть отпечатана на прекрасной, плотной бумагѣ и портреты въ ней въ сильныхъ и отчетливыхъ оттискахъ. Въ полномъ видѣ, со всѣми портретами „Пантеонъ“, считается очень рѣдкимъ и цѣннымъ изданіемъ. Д. А. Ровинскій могъ только съ трудомъ достать его. Пантеонъ цѣнимъ и библіофилами, и любителями портретовъ. Большинство портретовъ фантастическіе.

Сопиковъ 8075.—Смирдинъ 2793.—Чертковъ 1838 г. 66 стр. 2.—Бартеневъ 1236.—Геннади 100.—Рос. Библіографія 1881 г. № 1 стр. 1—3.—Ровинскій т. IV. стр. 55—59.

Мартыновъ „Рос. Библіографія“ 1881 г. № 18, 15 р. (за первую часть) Шибановъ 1—219, 50 р. Готье 360, 75 р. Шибановъ XXXIV—572, 15 р. (за первую часть).

158. Краткое историческое начертаніе жизни лейбгвардіи подпоручика Ѳеодора Михаиловича Булгакова. И завѣты его сочиненные имъ къ сыну своему собраны игуменомъ Ювеналіемъ изъ фамиліи Воейковыхъ, въ пользу духовную истиннаго христіанина и честнаго человѣка. Печатаны иждивеніемъ друга покойнаго Ѳ. Д. Р. Б. Л. Г. К. В. Съ одобренія опредѣленныхъ цензоровъ. Москва. Въ Сенатской типографіи у В. Окорокова. 1795 года. 4°. 14 стр. и на особомъ листѣ гербъ Воейковыхъ.

Прежде всего въ брошюркѣ помѣщена краткая біографія Ѳ. М. Булгакова, изъ которой видно, что онъ родился въ 1718 г. Первоначально Булгаковъ служилъ въ военной службѣ, а потомъ, поселившись въ своемъ имѣніи, въ Козельскомъ уѣздѣ, былъ избранъ дворянствомъ на должность судьи и состоялъ имъ въ продолженіи трехъ выборовъ. По поводу послѣдней его службы, біографъ говоритъ: „а поелику онъ наблюдалъ въ судѣ справедливость, не дѣлая проволочки въ производствѣ дѣлъ, къ тому же гнушался онъ алчбы ко взяткамъ и мзды съ невинныхъ не бралъ, тѣмъ и заслужилъ отъ всего благороднаго Козельской округи дворянства и прочихъ къ себѣ любовь и почтеніе". Ѳедоръ Михайловичъ скончался въ 1795 г. Завѣтъ его къ сыну, помѣщенный въ описываемой брошюркѣ, состоитъ изъ 12 пунктовъ. Въ немъ Булгаковъ завѣщаетъ сыну хранить обязанности къ Богу, ближнему и государю и преподаетъ правила для частной и общественной жизни. Кромѣ завѣта, въ брошюркѣ помѣщена духовная Булгакова, его послѣднее завѣщаніе и стихи на его смерть съ подписью: соч. М. Засод. Гербъ Воейковыхъ гравированъ Розоновымъ. Подъ гербомъ 12 стиховъ:

Воейковы! На гербъ фамильный свой взирайте
И предковъ подвиги въ себѣ изображайте,
За кои гербомъ симъ они награждены.

Сопиковъ 6772.—Геннади 83 стр.—Бартеневъ 833.—Губерти II—190. Готье 8955, 2 р.

159. Краткое историческое описаніе древнихъ Россійскихъ пушекъ съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ разсужденій, о 12 фунтовыхъ новыхъ пушкахъ. 16°. 2 неп. 18 и 12 нум. стр. Безъ обозначенія мѣста и года печати.

Изданіе графа Аракчеева. По предположенію Геннади, книга издана въ 1807 г. Въ продажу она не поступала. Описанію пушекъ предшествуетъ предисловіе, въ которомъ объясняется, что до Петра I-го никакихъ правилъ для литья пушекъ не соблюдалось, „а каждый литейный мастеръ располагалъ ихъ, кажется, по собственному своему произволу", но Петръ приказалъ лить пушки по даннымъ чертежамъ. Въ историческомъ очеркѣ описано 8 пушекъ, вылитыхъ въ прошлое время. Самая древняя изъ нихъ вылита въ 1685 году. Послѣ историческаго обозрѣнія помѣщены „нѣкоторыя разсужденія о 12-фунтовыхъ пушкахъ". Въ концѣ книжки приложены три вѣдомости: 1) сколько именно въ какихъ годахъ содержалось въ артиллеріи мѣдныхъ полевыхъ и полковыхъ орудій, 2) сколько сдѣлано съ 1801 по 1807 годъ на Охтенскомъ, Шостенскомъ и Казанскомъ пороховыхъ заводахъ пороха и 3) сколько приготовлено въ арсеналѣ Санктпетербургскомъ и Брянскомъ съ 1801 по 1807 годъ орудій.—На моемъ экземплярѣ рукою графа Аракчеева написано: „Млсливу Госудрь Осипу Степанову". Затѣмъ слѣдуетъ обозначеніе фамиліи, которую трудно разобрать, и обозначенъ 1807 годъ.

Смирдинъ 11039.—Чертковъ 1838 г. 295 стр. 7.—Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки за 1858 г. 61 стр.—Геннади 106.

Киммель XXXVI—1590, 4 р.

160. Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Коробановыхъ во удовлетвореніе прозбы преміеръ-маjора Паvла Θеодоровича Коробанова. Сочинилъ Игуменъ Ювеналій Воейковъ. Печатано иждивеніемъ Преміеръ-Маjора Паvла Θеодоровича Коробанова. Съ одобренія опредѣленныхъ цензоровъ. Москва, въ Сенатской Типографіи у В. Окорокова. 1795 года. 4°. 100 стр. и на особомъ листѣ гербъ Коробановыхъ.

Въ родословіи описаны десять степеней рода Коробановыхъ, начиная съ Іоанна, безъ обозначенія отечества. Изъ письма Ювеналія Воейкова къ П. Θ. Коробанову, помѣщеннаго въ началѣ книги, видно, что родословіе Коробановыхъ составлено Ювеналіемъ по просьбѣ Павла Θедоровича. Препровождая составленное родословіе въ рукописи къ П. Θ. Коробанову, Ювеналій пишетъ ему: „Вы, благосклонно воззрѣвъ на сіе, конечно изволите согласиться означенное краткое историческое родословіе, подписавъ своеручно, предать типографскому тисненію“. Въ концѣ родословія помѣщенъ гравированный гербъ рода Коробанова и письмо П. Θ. Коробанова къ игумену Ювеналію Воейкову, при которомъ Павелъ Θедоровичъ, посылая къ нему разные документы, относящіеся до рода Коробанова, проситъ его написать родословіе. За этимъ письмомъ въ „прибавленіяхъ“ напечатаны и самые документы. При книгѣ должна быть родословная таблица, но въ моемъ экземплярѣ ея не достаетъ.

Сопиковъ 9767.—Чертковъ 1838 г. 543 стр. 2.—Бартеневъ 1279.—Геннади 83 стр.—Барсуковъ 29.

161. Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Макаровыхъ во удовольствіе Лейбгвардіи коннаго полку корнета Алексія Петровича Макарова. Сочинено въ Московскомъ первокласномъ ставропигїальномъ Новоспасскомъ монастырѣ 1795 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ Игуменомъ Ювеналіемъ изъ фамиліи Воейковыхъ. Иждивеніемъ Любови Сvмеоновны Макаровой, урожденной Воейковой. Москва, въ Сенатской типографіи у В. Окорокова. 1795 года. 4°. 5 стр. и родословная таблица.

Родословіе Макаровыхъ состоитъ изъ четырехъ степеней. Оно начинается съ Алексѣя Васильевича Макарова, который служилъ писаремъ при Вологодской канцеляріи. Въ 1693 г. императоръ Петръ I взялъ его къ себѣ и вскорѣ назначилъ его кабинетъ-секретаремъ. Въ концѣ брошюрки

приложена родословная таблица, которую, какъ значится на ней, рисовалъ іеросхимонахъ Іоаннъ Терновскій на 87 г. отъ своего рожденія.

Сопиковъ 9768.—Геннади стр. 83.—Барсуковъ 29.

162. Краткое историческое родословіе благородныхъ дворянъ Приклонскихъ. По сообщеннымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Михаила Василіевича Приклонскаго. Собранное и написанное въ Московскомъ Первокласномъ Ставропигїальномъ Ново-Спасскомъ монастырѣ, пребывающимъ въ ономъ на пенсіи Ігуменомъ Ювеналіемъ, изъ фамиліи Воейковыхъ. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7304, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1796, Индикта DI, мѣсяца Мая. Печатано иждивеніемъ друга Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Елевѳерія Василіевича Приклонскаго. Съ указнаго дозволенія. Москва. 1796. Въ Маѣ мѣсяцѣ. 4°. 8 стр.

Родословіе начинается съ Максима Васильевича Приклонскаго, выѣхавшаго изъ Польской Пруссіи въ Россію при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Въ родословіи помѣщено десять степеней.

Чертковъ 1838 г. 517 стр. 4.—Бартеневъ 1281.—Геннади стр. 83.—Барсуковъ 29.

163. Краткое историческое родословіе благородныхъ и знаменитыхъ дворянъ Лопухиныхъ во удовольствіе оной знаменитой фамиліи. Изъ родословной Князей и Дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, и изъ разныхъ достовѣрныхъ извѣстій собранное и написанное въ Московскомъ первокласномъ Ставропигїальномъ Ново-Спасскомъ монастырѣ, пребывающимъ въ ономъ на пенсіи Игуменомъ Ювеналіемъ, изъ фамилїи Воейковыхъ. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7304, отъ Рождества же по плоти Бога-Слова 1796. Индикта DI, мѣсяца Мая. Отъ рожденія издателя сего сочиненія шестьдесятъ седьмаго года, въ девятый мѣсяцъ. Съ указнаго дозволенія. Москва, печатано въ типографіи Селивановскаго и товарищи. 1796. 4°. IV и 52 нум. 3 нен. стр. гербъ Лопухиныхъ и родословная таблица.

На первой страницѣ „для любопытныхъ читателей“ Ювеналій Воейковъ указываетъ источники, которыми онъ пользовался при составленіи родословія Лопухиныхъ; за тѣмъ на 2, 3 и 4 стр. помѣщено оглавленіе, за которымъ слѣдуетъ гербъ Лопухиныхъ, гравированный Розоновымъ. На

3 и 4 страницахъ, помѣченныхъ Арабскими цифрами, приведена между прочимъ слѣдующая выписка изъ Несторовой лѣтописи: „Въ лѣто 1022 Мстиславу сущу въ Тмутараканѣ, и пойде на Косоги. Слышавъ же князь Касогскій, изыде противу и ставшима обѣма полками противу собѣ, рече Редедя ко Мстиславу: что ради губивѣ дружину межи собя? Снидевась сами борети, да аще одолѣеши ты, то возмешь имѣніе мое, и жену, и дѣти, и землю мою; ащель азъ одолѣю, то возму твое все. И рече Мстиславъ: тако будь, и рече Редедя ко Мстиславу: не оружіемъ ся біевѣ, но борьбою. И ястася бороти крѣпко и надолзѣ борющимась има, и нача изнемогати Мстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мстиславъ: О превятая Богородица, помози ми; аще бо одолѣю сего, сожизду церковь во имя Твое, и се рекъ, удари имъ о землю, вынзе ножъ и зарѣза Редедю. И вшедъ въ землю сю, взя все имѣніе его, и жену его, и дѣти его, и дань наложи на Косоги“. Далѣе приводится справка изъ Разряднаго Архива, изъ которой видно, что вел. князь Мстиславъ сыновей Редеди крестилъ, назвавъ одного Юріемъ, а другаго Романомъ, „а у Романа сынъ Василій, а у Василій сынъ Юрья, а Юрья Иванъ бездѣтенъ, да Михайло Сорокоумъ“. Послѣ этого приводится выписка изъ родословной книги, изъ которой видно, что у Михаила Сорокоума былъ сынъ Илья, у Ильи Григорій, у Григорія Варѳоломей, а у Варѳоломея Василій Лопуха. Съ этого Василія Лопухи и начинается родословіе Лопухиныхъ. Оно состоитъ изъ четырехъ поколѣній. Первое поколѣніе изъ XII степеней, описаніе которыхъ слѣдуетъ съ 5 до 32 стр. На 32 страницѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о II, III и IV поколѣніяхъ рода Лопухиныхъ, при чемъ Ювеналій Воейковъ замѣчаетъ, что о III и IV поколѣніяхъ, послѣ подачи въ разрядъ росписи, онъ свѣдѣній ни отъ кого не получилъ, почему и оставляетъ ихъ до будущаго времени. Послѣ родословія на трехъ ненумерованныхъ страницахъ въ описываемой мною книгѣ помѣщено письмо Петра Лопухина къ Ювеналію Воейкову. За письмомъ съ 33 стр. помѣщено прибавленіе, въ которомъ напечатаны разные документы, относящіеся до рода Лопухиныхъ. Въ концѣ книги приложена гравированная Дьяконовымъ родословная таблица, внизу которой сказано: „итого мужеска пола здѣсь показано седмь персонъ“.

Сопиковъ 9766.—Чертковъ 1838 г. 543 стр. 3.—Бартеневъ 1280.—Геннади стр. 83.—Барсуковъ 29.

Готье 3600, 10 р.

164. Краткое историческое родословіе благородныхъ и знаменитыхъ дворянъ Сабуровыхъ, во удовольствіе оной знаменитой фамиліи изъ Родословной книги Князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, и изъ разныхъ печатныхъ книгъ, и разныхъ достовѣрныхъ извѣстій собранное и напечатанное въ Московскомъ первокласномъ Ставропигіальномъ Ново-Спасскомъ монастырѣ пребывающимъ въономъ на пенсіи Игуме-

ИГУМЕНЪ ЮВЕНАЛІИ ВОЕЙКОВЪ РОДИЛСЯ 1729 ГОДА СЕНТЯБРЯ 18 ДНЯ
Игумену Ювеналію Воейкову
отъ потомковъ неки Воейкова

номъ Ювеналіемъ, изъ фамиліи Воейковыхъ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7305, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1797, Индикта ЕІ—15. Москва, въ Университетской типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1797. 4°. 27 нум. и 1 нен. стр. гербы Сабуровыхъ и Родіоновыхъ и четыре родосл. таблицы.

Родословіе Сабуровыхъ начинается съ князя Четы, въ крещеніи нареченнаго Захаріемъ, выѣхавшаго въ Россію изъ Золотой Орды въ 1330 г. Въ родословіи описываются три колѣна рода Сабуровыхъ, болѣе же подробныя свѣдѣнія сообщаются о первомъ колѣнѣ, которое раздѣляется на 12 степеней. Въ книгѣ приложенъ, кромѣ герба Сабуровыхъ, гербъ Ларіоновыхъ; послѣдній, вѣроятно, на томъ основаніи, что одна особа изъ рода Сабуровыхъ, а именно Екатерина Ѳедоровна, состояла въ супружествѣ съ статскимъ совѣтникомъ Сергіемъ Ивановичемъ Ларіоновымъ, о родѣ котораго сообщены Ювеналіемъ Воейковымъ краткія свѣдѣнія на 22 страницѣ, въ примѣчаніи. Гербы гравированы Ник. Дьяконовымъ. На второй родословной таблицѣ собственноручно написано Ювеналіемъ Воейковымъ: „Итого 185, кошту есть болѣе 250. Гдѣ ихъ взять и отъ кого получить. Не стыдно ли гг. Сабуровымъ?“ Такая укоризна смиреннаго игумна будетъ болѣе понятна, если имѣть въ виду его собственноручную отмѣтку на экземплярѣ родословія Сабуровыхъ, описаннаго Н. В. Губерти, гдѣ Ювеналій, перечисливъ сколько и отъ какого Сабурова получилъ денегъ, написалъ „итого 185 р., недостаетъ 165 рубл.“

Сопиковъ 9765.—Геннади стр. 83. Губерти II—200.—Барсуковъ 29.

165. Краткое начертаніе жизни лейб-гвардіи преображенскаго полку Капитанъ Поручика Михаила Николаевича Воейкова, скончавшагося 1795 года, Октября 17-го числа по утру въ седьмь часовъ. Сочинилъ покойнаго Капитанъ-Поручика Воейкова Богословіи учитель іеросхимонахъ Іоаннъ Терновскій и печатано его иждивеніемъ съ указнаго дозволенія. Москва. Въ типографіи Селивановскаго и товарищи 1795. Декабря XI числа. 8°. 5 стр. и гербъ Воейковыхъ.

Въ брошюрѣ сообщается, что М. Н. Воейковъ родился въ 1757 г., сначала воспитывался дома у родителей, а потомъ обучался у своего дяди Ювеналія Воейкова въ Свято-Духовомъ Новосильскомъ монастырѣ. Въ 1770 г. опредѣленъ былъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ, послѣдовательно получая чины, былъ въ 1793 г. произведенъ въ кап.-поручики. Состоя на службѣ, былъ онъ любимъ товарищами и начальствомъ. Въ концѣ некролога помѣщены стихи на смерть М. Н. Воейкова, сочиненные его учителемъ Терновскимъ, и стихи, писанные рукою Воейкова „Къ вольнодумцу“. Въ каталогахъ эта брошюрка не значится, и нигдѣ она не описана.

166. Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ за 1862 годъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Ф. Персона. 1862. 8°. 84 нум. и 3 ненум. стр.

Правительственное изданіе, не пущенное въ продажу, но чрезвычайно интересное. „Съ самаго начала 1862 года, говорится во введеніи этой оффиціальной брошюрки, періодическая литература наша обращала особенное вниманіе на предметы правительственной дѣятельности и вопросы, вытекавшіе изъ условій общественной жизни. Сочиненія чисто литературныя не выдвигались на первый планъ и не возбуждали особеннаго интереса въ читающей публикѣ. Это настроеніе въ литературѣ замѣчается отчасти уже въ началѣ нынѣшняго царствованія и преимущественно со времени послѣдовавшихъ въ 1857 г. распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. Какъ относилась наша періодическая печать ко всѣмъ вопросамъ законодательной дѣятельности, когда по всякому вѣдомству шли самыя существенныя преобразованія или съ нетерпѣніемъ ожидались таковыя, въ описываемой мною брошюркѣ приводится для примѣра слѣдующій отзывъ Сѣверной Пчелы: „Шесть лѣтъ всего прошло съ окончанія послѣдней войны, а сколько уже пережито, передумано, передѣлано съ тѣхъ поръ въ Россіи! Сколько осуществилось въ это время такого, о чемъ и говорить не смѣли мы едва шесть лѣтъ тому назадъ! То, о чемъ только мечтали и гадали всегда лучшіе граждане Россіи, совершено въ наше время. Если не каждый день, то каждая недѣля, или, по меньшей мѣрѣ, каждый мѣсяцъ представлялъ намъ какой-либо несомнѣнный фактъ о поступательномъ движеніи впередъ какъ нашей администраціи, такъ и другихъ элементовъ нашей жизни“.—„Александръ II, говорится далѣе въ Сѣверной Пчелѣ, сдѣлалъ шагъ къ дарованію Россіи возможности дышать свободнѣе. Такіе шаги—освобожденіе крестьянъ, скорое введеніе гласнаго судопроизводства, желаніе расширить свободу печатнаго слова и готовность даровать народу мѣстное самоуправленіе. Отчасти даровавъ, а отчасти готовясь даровать законы, укрѣпляющіе за Россіею свободу религіи, судъ, свободу слова и право человѣка, Императоръ Александръ II сдѣлалъ больше всѣхъ сошедшихъ въ могилу правителей Руси“. Предпославъ въ своемъ введеніи нѣсколько общихъ замѣчаній, составитель оффиціальной брошюры переходитъ затѣмъ въ частности къ обозрѣнію статей по вопросамъ о преобразованіяхъ правительственныхъ и по вопросамъ жизни общественной, помѣщенныхъ въ Современникѣ, Отечественныхъ Запискахъ, Библіотекѣ для Чтенія, Русскомъ Словѣ, Времени, Свѣточѣ, Основѣ, Военномъ Сборникѣ, Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, Сѣверной Пчелѣ, Инвалидѣ, Современномъ Словѣ, Вѣкѣ, Сынѣ Отечества, Русскомъ Вѣстникѣ, Современной Лѣтописи, Православномъ Обозрѣніи, Днѣ, Нашемъ Времени, Московскихъ Вѣдомостяхъ, Одесскомъ Вѣстникѣ и Биржевыхъ Вѣдомостяхъ. Въ особенности же оффиціальное обозрѣніе останавливается на

статьяхъ по вопросу о преобразованіи судебной части и болѣе всего удѣляетъ имъ мѣста, по чрезвычайной важности сего преобразованія. Упомянувъ о томъ, что въ засѣданіяхъ 29 и 30 Января 1862 года чрезвычайныхъ собраній дворянства С.-Петербургской губерніи постановлено было ходатайствовать о безотлогательномъ введеніи суда устнаго, гласнаго и независимаго отъ администраціи, съ сохраненіемъ выборнаго начала при назначеніи судей, оффиціальное обозрѣніе переходитъ къ статьѣ профессора Московскаго Университета Б. Н. Чичерина, помѣщенной въ Нашемъ Времени (№ 51) и выписываетъ изъ нея слѣдующее авторитетное мнѣніе: „Не политическая свобода, не уравненіе сословій, *а судъ составляетъ насущную потребность Россіи.* Судъ и администрація двѣ совершенно различныя области. Только судъ можетъ признавать гражданина виновнымъ; до приговора всякій предполагается невиннымъ. Администрація, которая беретъ на себя дѣло суда, ставитъ себя въ самое ложное положеніе: она вѣчно должна колебаться между слабостью и насиліемъ. Во имя правосудія, во имя законности, во имя уваженія къ человѣку, во имя святости самой власти, охраняющей законы, мы желаемъ, чтобы ни одинъ Русскій подданный не былъ наказанъ иначе, какъ по приговору суда, при всѣхъ законныхъ гарантіяхъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ средствъ къ защитѣ". Далѣе въ брошюрѣ говорится, что общество нетерпѣливо ожидало судебной реформы, что нетерпѣніе отражалось и въ нѣкоторыхъ статьяхъ повременныхъ изданій, но что за тѣмъ, когда были обнародованы основныя положенія преобразованія судебной части, наше общество прониклось радостію и благодарностію къ царю-законодателю и это настроеніе выражалось во всѣхъ органахъ печатнаго слова. „Телеграфическія нити", сообщалось въ передовой статьѣ Дня, „всюду, куда только простираются онѣ, разнесли по Россіи извѣстіе, что ей назначены самыя новѣйшія судебныя учрежденія, что старой кривдѣ, полтораста лѣтъ въѣдавшейся въ народную жизнь, сказанъ конецъ". Въ другой газетѣ сообщалось, что въ Россіи началась новая эра, новая эпоха съ воцареніемъ Александра II, того, кто первый призналъ права милліоновъ на свободу, кто первый провозгласилъ доселѣ лишь мечтательную у насъ мысль, мысль, что никто не можетъ быть наказанъ за преступленія и проступки, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда. Въ третьей газетѣ (Сынъ Отечества) сообщалось, что „надъ Россіей новый день, новая эпоха, которая навсегда впишется въ исторію, которая навсегда прославитъ и безъ того безсмертное имя Александра II, столь щедраго на милости къ своему народу. Это тоже освобожденіе, только не однихъ крестьянъ, а всей Россіи". Даже извѣстный публицистъ М. Н. Катковъ, который впослѣдствіи такъ враждебно относился къ судебнымъ учрежденіямъ, въ своей Современной Лѣтописи говорилъ: „Всякому внимательному наблюдателю должно быть очевидно, что именно настоящая минута, въ сравненіи съ ближайшимъ прошедшимъ, отличается неожиданно-быстрымъ распространеніемъ вѣрныхъ политическихъ понятій. Если бы та правительственная мѣра, которую мы радостно привѣтствуемъ на порогѣ втораго тысячелѣтія Русскаго государства, если бы обнародо-

ваніе основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи могло послѣдовать семь лѣтъ тому назадъ, то не всякій ли согласится, что Русская публика не была бы въ состояніи усмотрѣть всю важность этого дѣла и оцѣнить его по достоинству? Не опасаясь впасть въ тонъ самовосхваленія, мы можемъ сказать, что развитіе Русскаго общества, взятое въ цѣломъ, шло въ послѣднее время по правильному пути и сопровождалось такими успѣхами, которые даже предугадать было невозможно. Этимъ Россія обязана тому, что правительство, руководимое мыслію о благѣ подданныхъ и не смущаемое опасеніями робкой слабости, все болѣе и болѣе обезпечивало общественную свободу и гласность". Сдѣлавъ выписки и изъ другихъ газетъ и журналовъ, „Обозрѣніе" заключаетъ, что всѣ журналы и газеты единодушно привѣтствовали *великое дѣло.* Оффиціальное обозрѣніе также даетъ много мѣста въ брошюркѣ разсмотрѣнію направленія журналистики по вопросамъ жизни общественной. Здѣсь „Обозрѣніе" касается статей профессора Б. Н. Чичерина „Мѣры и границы", „Что̀ такое охранительныя начала" и „Различные виды либерализма", разныхъ статей о романѣ И. С. Тургенева „Отцы и дѣти", по поводу котораго говорится въ „Обозрѣніи": „Критики Современника и Русскаго Слова, всегда прежде сходившіеся въ воззрѣніяхъ, выказались въ неловкомъ положеніи и стали противорѣчить другъ другу". „Обозрѣніе" касается и статей по случаю бывшихъ въ С.-Петербургѣ пожарахъ, прокламацій, которыя въ то время разсылались и разбрасывались, статей о „Колоколѣ", издаваемомъ Герценомъ въ Лондонѣ и о возникшихъ безпорядкахъ въ Польшѣ. Разсмотрѣвъ всю повременную литературу по всѣмъ вопросамъ законодательной и общественной жизни, которая въ то переходное время была особенно чревата разными событіями, составитель правительственнаго обозрѣнія пришелъ къ тому заключенію, что „чѣмъ внимательнѣе будемъ разсматривать направленіе и духъ нашей журналистики въ 1862 г., тѣмъ болѣе и болѣе должно придти къ убѣжденію, что въ это время прочнѣе чѣмъ когда-либо утвердилось въ ней сочувствіе къ важнѣйшимъ правительственнымъ мѣрамъ и сознаніе о поступательномъ движеніи впередъ нашего общества въ указываемыхъ ему правительствомъ цѣляхъ". „А если, продолжаетъ далѣе составитель оффиціальнаго обозрѣнія, въ теченіи минувшаго полугодія могло показаться что-нибудь неудовлетворительнымъ въ нашей журналистикѣ, то это должно быть отнесено къ тому общему характеру современныхъ явленій, который такъ ясно былъ выраженъ органомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, газетою „Сѣверная Почта"; въ ней объявлялось слѣдующее: „Совершенная правительствомъ реформа крестьянскаго быта, а равно и другія, ожидаемыя важныя преобразованія по части судебной и административной, не могли не сообщить сужденіямъ частныхъ лицъ особеннаго оттѣнка исключительно свойственнаго всѣмъ переходнымъ эпохамъ. Первый и наглядный признакъ этихъ явленій представляютъ,—мы говоримъ это смѣло и не скрываясь,—часто выражаемое неудовольствіе настоящимъ и общее стремленіе къ лучшему будущему. Во всякое другое время это

было бы весьма неутѣшительно; но въ настоящую переходную эпоху и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, подобныя явленія суть послѣдствіе развитія новыхъ формъ во внутренней жизни государства и показываютъ только общее сочувствіе къ цѣли, указанной самимъ правительствомъ. Оно двинуло тѣ вопросы, которые нынѣ занимаютъ публику; оно предприняло тѣ преобразованія, съ помощію коихъ должно осуществиться со временемъ лучшее будущее, къ которому мы стремимся". Въ концѣ книги на ненумерованныхъ страницахъ помѣщены три приложенія: 1) списокъ періодическихъ изданій, разсмотрѣнныхъ для составленія „Обозрѣнія", 2) о преобразованіяхъ по разнымъ частямъ управленія въ государствѣ и 3) главные предметы разсужденій нашей журналистики въ 1862 году.

Геннади 206.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 193 стр.—Россійская Библіографія 1880 г № 13 стр. 314.

Мартыновъ „Рос. Библіографія 1881 г. № 18, 8 р. Мартыновъ 3348, 8 р. Клочковъ 25—15320, 8 р. Клочковъ 57—703, 12 р. Клочковъ 63 — 1595, 12 р. Клочковъ 75—360, 12 р. Клочковъ 101—13, 8 р.

167. Краткое описаніе Египетской купчей крѣпости, писанной въ городѣ Птолемаидѣ, за 104 года до Р. Х. Санктпетербургъ, въ типографіи Н. Греча. 1822. 8°, 27 стр. и рисунокъ.

Описаніе купчей, писанной на Греческомъ языкѣ за 104 года до Рождества Христова, принадлежитъ нашему извѣстному археологу А. Н. Оленину и прежде было помѣщено въ Сынѣ Отечества (1822 г. т. 78). Описаніе главнымъ образомъ составлено на основаніи изслѣдованій Бёкха и Жомара. Къ описанію купчей приложенъ ея снимокъ.

Геннади, стр. 78.

168. Краткое описаніе комментаріевъ Академіи Наукъ. Часть первая на 1726 годъ. Напечатано въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ. 1728 года. 4° 8 нен., 246 нум. и 4 нен. стр. съ 7 таблицами и тремя виньетами.

Въ 1727 г. Академія Наукъ, недавно предъ этимъ учрежденная, начала издавать свои труды на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Одновременно съ этимъ труды нашихъ академиковъ стали издаваться и на Русскомъ языкѣ въ извлеченіяхъ, вполнѣ же переводились только историческія изслѣдованія Байера: 1) „о началкѣ и древнихъ пребывалищахъ Скиѳовъ", 2) о мѣстоположеніи Скиѳіи въ лѣта Геродота и 3) о стѣнѣ Кавказской. Въ Комментаріяхъ кромѣ статей историческихъ, помѣщались слѣдующія изслѣдованія по Физикѣ, Математикѣ, Анатоміи, Ботаникѣ и Астрономіи: 1) о первыхъ ученія физическаго фундаментахъ, 2) о щетѣ інтегралномъ, 3) о Кеплері-

griановомъ предложеніи, 4) ботаника, 5) о движеніи мышицъ, 6) описаніе анатомическое сосудовъ млечныхъ, 7) о мѣху, въ которомъ первопитальный сокъ отвсюду скопляется, и его протокѣ грудномъ, въ катапардѣ фокѣ и въ слонѣ усмотрѣнномъ, 8) о сіяніи сѣверномъ, 9) о причинѣ тяжести отъ движенія вихрей, 10) о исправленіи барометровъ, 11) исторія о скорби, приключившейся въ (uterque) литіе, 12) наблюденія астрономическія, увѣщаніе, 13) затмѣніи спутниковъ Юпитеровыхъ, наблюдены въ С.-Петербургѣ чрезъ господъ Іосифа-Николая Делиля и брата его Людовика Делиля де ла Кроэра, 14) примѣчанія на сіи наблюденія, 15) употребленіе прежде бывшихъ усмотрѣній, для установленія расположенія Санктпетербурга смотря по протчимъ Европейскимъ обсерваторіямъ, 16) затмѣніи спутниковъ Юпитеровыхъ наблюдены въ Парижѣ, 17) разность мередіановъ Парижа и Санктпетербурга, 18) затмѣніи спутниковъ Юпитеровыхъ наблюдены въ Болоніи, въ Италіи, 19) разность меридіановъ Санктпетербурга и Болоніи иже въ Італіи, 20) затмѣніи перваго спутника Юпітерова, наблюденныя въ Лісбонѣ и 21) примѣчаніи на сіи наблюденія. Къ нѣкоторымъ статьямъ приложены рисунки. Въ предисловіи къ Комментаріямъ, которое начинается слѣдующими словами: „Доброхотному Россійскому читателю радоватися“, между прочимъ сказано: „Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится, въ чемъ Профессоры здѣшнія Академіи Наукъ потрудилися, 1726 года. Якоже бо безъ сумнѣнія тебѣ довольно извѣстно есть, что кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, такожде повсенедѣльно дважды свое особливое собраніе имѣютъ, въ которомъ все то, что всякъ въ домѣ испытывалъ, всему обществу представлялъ, и ихъ разсужденію предлагалъ, и тако оттуду произошла предъ нѣсколькими мѣсяцами изданная на Латинскомъ языкѣ книга, изъ которыхъ сіе изъято и сокращенно есть“, и далѣе: „и хотя тебѣ отъ всего сего довольно извѣстно есть, что Профессоры время свое къ расширенію наукъ добрѣ и честнѣ употребили, но еще опасаемся, да не речеши: Богъ вѣсть, что сіе все между собою смѣшено? Не буди нетерпѣливымъ, любезный читателю, хотя сія вещь тебѣ и не весьма понятна. Прародители наши сего такожде не знали; дождешися оныя радости, что чада твоя со временемъ не точію тебѣ оное изъяснять, но и сами помощію Божіею, можетъ быть, такіе же добрые плоды принесутъ“. Академики обѣщались на слѣдующій годъ еще изготовить „двѣ части Комментаріевъ“; но Миллеръ свидѣтельствуетъ, что Русское общество не поняло Комментарій; этого впрочемъ, какъ видно изъ приведеннаго предисловія, Академики и ожидали, вслѣдствіе чего это весьма важное и интересное изданіе прекратилось на первой части.

Сопиковъ 7664.—Смирдинъ 6186.—Чертковъ 1838 г. 331 стр. 1.—Неустроевъ 8—12 стр.—Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ. т. 1. вып. 1. стр. XXXII — XXXVI.—Губерти III—7.

Шибановъ XII—190, 20 р. Готье 284, 25 р. Киммель XXIV—480, 6 р. Шибановъ XXIII—183, 10 р. (экзем. подмоченъ) Готье 6782, 10 р. (поврежд. экземпляръ). Шибановъ XXXIV—251—10 р.

169. Краткое описаніе о произшествіи рода Юрьевыхъ-Романовыхъ и жизни Великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича, Патріарха Московскаго и всея Россіи, съ присовокупленіемъ къ сему жизнеописанію, соч. Ювеналія Воейкова. Москва. Въ Университетской типографіи 1798 годъ. 8°. 42 нум. стр. съ гравюрой.

Родословіе Юрьевыхъ-Романовыхъ доведено до сыновей Никиты Романовича; за тѣмъ слѣдуетъ статья о Борисѣ Годуновѣ, „какъ о главномъ гонителѣ боярина Өеодора Никитича Юрьева-Романова" и наконецъ (съ 15 стр.) жизнеописаніе Өедора Никитича Юрьева-Романова, бывшаго потомъ патріархомъ. Въ послѣдней статьѣ удостовѣряется Ювеналіемъ Воейковымъ, что супруга Өедора Никитича Ксенія Іоанновна была изъ рода Шестовыхъ, а не княжна Сицкая, и что она и внучка ея, дочь царя Михаила Өедоровича Ирина, погребены въ Московскомъ Новоспаскомъ монастырѣ, а не въ Спасской церкви на Бору, какъ полагаютъ. Въ доказательство перваго мнѣнія Ювеналій Воейковъ привелъ выписку изъ вкладной книги Новоспасскаго монастыря, въ которой значится, что Ксенія Іоанновна пожаловала въ тотъ монастырь свою родовую вотчину „дѣда своего Василія Михайловича Шестова и отца своего Ивана Василіевича село Домнино съ деревнями". (Вкладная книга Новоспаскаго монастыря напечатана въ Памятникахъ древней письменности и искуства 1883 года). Въ доказательство же втораго мнѣнія Ювеналій Воейковъ привелъ надписи надъ гробницами, находящимися въ Новоспаскомъ монастырѣ, подъ которыми погребены инокиня Марөа Іоанновна и царевна Ирина Михайловна. Въ заключеніи Ювеналій говоритъ: „А невѣрующему сему моему, яко седьмидесятилѣтняго странника, показанію провозглашаю: маловѣре! почто усумнѣваешися? Пріиди на показанное мѣсто и виждь, и не буди невѣренъ, но увѣренъ". На гравюрѣ, приложенной при книгѣ, изображена пишущая рука. Д. А. Ровинскій удостовѣряетъ, что при описываемой мною книгѣ приложены два портрета, портретъ императора Павла со стихами: „Се подданныхъ творецъ", и портретъ Ювеналія Воейкова; но ни въ моемъ экземплярѣ, ни въ экземплярѣ П. В. Щапова, поступившемъ въ Библіотеку Историческаго Музея, ни въ экземплярахъ, описанныхъ Чертковымъ, Геннади, П. И. Бартеневымъ и Н. В. Губерти, этихъ портретовъ нѣтъ, а равно не было ихъ и въ экземплярѣ, продававшемся у Готье. Портретъ же Ювеналія Воейкова, на который указываетъ Д. А. Ровинскій приложенъ при книгѣ: „Историческое родословіе благородныхъ дворянъ Воейковыхъ", описанной здѣсь подъ № 121.

Смирдинъ 2365.—Чертковъ 1838 г. 543 стр. 5.—Бартеневъ 1282.—Геннади стр. 83.—Губерти II—205.—Ровинскій т. IV. стр. 48.

Готье 1087, 5 р.

170. Краткое показаніе о бывшихъ какъ въ Тобольскѣ, такъ и во всѣхъ Сибирскихъ Городахъ и острогахъ съ начала взятія Сибирскаго Государства Воеводахъ и Губернаторахъ, и прочихъ чинахъ; и кто они имянно, и въ какихъ городахъ были и кто какой городъ строилъ, и когда. Писанна въ Тобольскомъ домѣ Архіерейскомъ, 1791 года. Печатано съ дозволенія Управы Благочинія въ Тобольскѣ, въ типографіи у Василья Корнильева. 1792 года. 4°. 84 стр.

Въ книгѣ находятся свѣдѣнія о слѣдующихъ Сибирскихъ городахъ: Тобольскѣ, Тюмени, Березовѣ, Пелыми, Тарѣ, Сургутѣ, Нарымѣ, Кетскѣ, Верхотурьѣ, Туринскѣ, Мангазеѣ, Томскѣ, Кузнецкѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Якутскѣ, Илимскѣ, Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Удинскѣ, Селенгинскѣ и Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ сообщается о томъ, когда каждый изъ упомянутыхъ городовъ выстроенъ и кѣмъ; кто были въ нихъ воеводы, губернаторы и другія начальствующія лица, какіе были сооружены храмы и другія постройки, кто были епископами и когда; сообщаются также свѣдѣнія о народныхъ бѣдствіяхъ: пожарахъ, наводненіяхъ, и равно отмѣчены разныя другія событія, совершившіяся въ предѣлахъ Сибири; говорится и о самомъ важномъ, о смерти Василія Тимоѳѣевича Ермака. Изъ интересныхъ событій, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, слѣдуетъ упомянуть о смерти перваго воеводы князя Семена Дмитріевича Болховскаго, пріѣхавшаго въ Сибирь въ 1583 году и умершаго въ томъ же году „отъ бывшаго въ Сибири *голоду* и цынготной болѣзни", а также о событіи, занесенномъ подъ 1593 годомъ. Объ этомъ событіи говорится слѣдующее: „А въ 1593 г. присланъ былъ въ Тобольскъ *въ ссылку* колоколъ безъ уха, въ которой били въ набатъ, какъ Царевичу Димитрію на Углицѣ сдѣлалось убіеніе. Нынѣ жъ на Софійской колокольнѣ набатной". Какъ извѣстно, въ настоящее время жители г. Углича ходатайствуютъ о возвращеніи имъ этого опальнаго колокола, находящагося до сихъ поръ въ безсрочной ссылкѣ. За смерть Димитрія-царевича пострадали и многіе жители г. Углича, большая часть которыхъ, вмѣстѣ съ колоколомъ, была сослана въ Сибирь; объ семъ обстоятельствѣ въ описываемой книгѣ говорится слѣдующее: „А населенъ былъ городъ Пелымъ Угличанами, ссыльными людьми за убіеніе Царевича Димитрія Іоанновича, чрезъ которыхъ онъ и построенъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ". Въ концѣ книги сказано: „Продолженіе будетъ впредь"; но обѣщаніе не было исполнено. Начало этой книги было перепечатано въ № 15 Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1871 годъ.

Сопиковъ—8476. Чертковъ 1838 г. 535 стр. 2.—Бартеневъ 384.—Тобольскія Губерн. Вѣдомости 1871 г. № 15.—Геннади 78.—Губерти III—161.

171. Краткое понятіе о физикѣ, для употребленія Его Императорскаго Высочества благовѣрнаго Государя Великаго

Князя Павла Петровича. Въ Санктпетербургѣ. 1760 года. 12°. 65 стр.

Въ началѣ книги отъ ея автора говорится: „Знаніе натуры не меньше нужно тѣмъ, которыхъ Божіе Провидѣніе опредѣлило быть обладателями цѣлыхъ народовъ, какъ тѣмъ, кои опредѣлены быть подданными“. Книга раздѣлена на 6 главъ: 1) о физикѣ вообще, 2) о свѣтѣ, 3) о небѣ и о тѣлахъ небесныхъ, 4) о земномъ шарѣ, 5) о натуральной исторіи и 6) о Создателѣ натуры. Въ концѣ книги, съ 53 страницы, помѣщено сокращеніе нравоучительной науки, гдѣ говорится объ обязанностяхъ къ Богу и ближнимъ. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ расположены въ отвѣтахъ на предлагаемые вопросы.—У Геннади и Губерти ошибочно указано въ описываемой книгѣ 63 стр.

Сопиковъ 8530.—Смирдинъ 11215.—Отчетъ Имп. Пуб. Библ. 1869 г. 71 стр.—Геннади 231.—Березинъ-Ширяевъ 1873 г. 380 стр.—Губерти 1—96.

Шибановъ XXI—196, 3 р. Шибановъ XXXIV—252, 5 р. Готье 7532, 1 р. Шибановъ XL—211, 3 р.

172. Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области, сочиненное на Французскомъ языкѣ Петромъ Палласомъ, Статскимъ Совѣтникомъ, Академіи Наукъ членомъ, Ордена Св. Владиміра Кавалеромъ, и переведенное Иваномъ Рижскимъ. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской типографіи, 1795 года 4°, 2 нен. и 72 нум. стр.

Знаменитый ученый Палласъ, приглашенный нашимъ правительствомъ въ 1767 г. въ члены Академіи Наукъ, посвятилъ нашему отечеству тридцать лѣтъ своей ученой дѣятельности. Съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма, онъ дважды съ ученою цѣлью посѣщалъ его, а въ 1795 году, получивъ въ подарокъ отъ императрицы Екатерины, щедрой на раздачи, значительное количество въ немъ земли, онъ вскорѣ поселяется тамъ въ Шулѣ, разводитъ сады, виноградники и занимается кромѣ того овцеводствомъ. Свое краткое описаніе Таврической области Палласъ посвящаетъ Екатеринославскому, Вознесенскому и Таврическому генералъ-губернатору, графу П. А. Зубову. Въ посвященіи онъ говоритъ, „что путешествіе его по южнымъ областямъ Россіи доставило ему возможность обозрѣть естественное ихъ состояніе, наипаче же Тавриду, пріобрѣтенную паче мудростію и твердостію духа, нежели оружіемъ и которая навсегда пребудетъ для благодарной Россіи неизгладимымъ памятникомъ побѣдами увѣнчаннаго царствованія“ и что со временемъ составитъ она „наивящщую драгоцѣнность Россійскія державы“. За посвященіемъ Палласъ излагаетъ описаніе Крыма въ слѣдующемъ порядкѣ: минералогія и физическая географія Таврической области, горы, слои, состоящіе изъ недавнихъ морскихъ осадокъ, соленыя озера, иловатыя изверженія, или пучины на полуостровѣ Керчи и островѣ

Таманѣ, растенія, хозяйственная часть и животныя. Все это описываетъ Палласъ въ краткомъ видѣ, обѣщаясь изложить описаніе Крыма съ большими подробностями въ „Путешествіи", которое дѣйствительно было имъ издано на Нѣмецкомъ языкѣ и затѣмъ въ 1799 г. на Французскомъ въ переводѣ Годефруа. Послѣднее изданіе находится въ библіотекѣ извѣстнаго библіографа Я. Ѳ. Березина-Ширяева, который письменно сообщилъ мнѣ, что оно отпечатано въ роскошномъ видѣ, съ раскрашенными рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ атласомъ.

Сопиковъ 7781.—Плавильщиковъ 2960.—Смирдинъ 3662.—Чертковъ 1838 г. 157 стр. 29.

Шибановъ XVIII—295, 3 р. (испорчен. экземп.). Готье 2795, 3 р. Готье 6933, 3 р. Киммель XXIV—504, 1 р.

173 Кузъ-Курпячь. Башкирская повѣсть, писанная на Башкирскомъ языкѣ однимъ Курайчемъ и переведенная на Россійскій въ долинахъ горъ Рифейскихъ 1809 года. Казань. Въ Университетской типографіи. 1812. 8°. 179 стр., изъ коихъ первыя стр. помѣчены Римскими цифрами, и 1 нен. стр.

На помѣченныхъ Римскими цифрами страницахъ помѣщено предисловіе „Отъ переводчика" и „Приношеніе Курайча сыну Осмиродца", а затѣмъ съ 9 страницы помѣщена самая повѣсть, а на ненумерованной страницѣ „Прибавленіе" и „Опечатки". Описываемую повѣсть перевелъ дворовой человѣкъ г. Тимашева Тимофей Бѣляевъ, который въ предисловіи говоритъ, что, проживая между Башкирцами, случилось ему прочесть на ихъ языкѣ рукопись подъ названіемъ: Кузъ-Курпячь, изъ которой многія пѣсни онъ слышалъ и прежде. Особенный образъ мыслей и выраженій, обычаи Башкировъ, описанные въ повѣсти, простота ихъ нравовъ и безкорыстіе показались на столько ему любопытными, что онъ перевелъ ее на Русскій языкъ. Далѣе переводчикъ говоритъ, что переведенная имъ повѣсть собрана изъ пѣсенъ и изустныхъ преданій Башкирскихъ поэтомъ-историкомъ Курайчемъ, который посвятилъ ее „сыну Осмиродца"—особѣ, любившей Башкирцевъ. Это посвященіе Курайча переведено на Русскій языкъ стихами, часть которыхъ я здѣсь приведу:

Принять не устыдися
Немногіе листы!
Въ нихъ нѣтъ ни подлой лести,
Ни низкія хвалы.
Твоей забавы ради
Я повѣсть написалъ,
Чтобъ ты, любя Башкирцевъ,
Въ свободный часъ читалъ.
А часъ одинъ тобою,
Усердіемъ моимъ,
Пріятно проведенный
Мнѣ радостнѣй весны.

Въ самой повѣсти описываются разныя похожденія Кузъ-Курпячя и его возлюбленной Баяны. Въ прибавленіи Бѣляевъ сообщаетъ, что онъ и вторую часть повѣсти началъ переводить и если первая часть будетъ принята читателями благосклонно, то онъ вскорѣ напечатаетъ и вторую часть. Но, вѣроятно, первая часть не была принята благосклонно, потому что второй части не было издано. Особа, которой посвящена книга — Н. И. Тимашевъ; по поводу ея онъ писалъ Державину изъ Оренбурга, между прочимъ слѣдующее: „Постарѣлъ, сталъ немощенъ и нахожу только утѣху, слушая сказки о Башкирскихъ богатыряхъ, изъ коихъ одну велѣлъ написать собственному моему грамотѣю, а онъ написавъ, поднесъ ее мнѣ. Присовѣтовали придать ее типу; въ третій годъ насилу вышла, и то угодно было иное перемѣнить и помѣстить смыслъ и слова не похожія на наши". Посылая Державину книжку „Кузъ-Курпячь", Тимашевъ пишетъ: „прочтите и посмѣйтесь обще съ осмиродцами и напомните всегда вамъ преданнаго покорнѣйшаго слугу". По свидѣтельству П. П. Пекарскаго, Тимашевъ разсылалъ съ Бѣляевымъ „Кузъ-Курпячь" къ своимъ знакомымъ и тѣмъ давалъ ему возможность получать деньги. Въ замѣткахъ академика В. В. Вельяминова-Зернова, сообщенныхъ Гроту и помѣщенныхъ имъ въ VI томѣ сочиненій Державина (251 стр.) говорится, что Кузъ-Курпячь неправильно названъ Башкирской повѣстью, а происхожденіе ея чисто Киргизское, а отъ Киргизовъ она уже перешла къ Башкирамъ. Академикъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ предполагалъ издать Киргизскій текстъ „Кузъ-Курпяча" съ Русскимъ переводомъ и комментаріями, о чемъ сообщалъ Гротъ, но изъ обязательнаго письма В. В. Вельяминова-Зернова ко мнѣ видно, что предположенію этому не суждено было осуществиться, и изготовленный переводъ Кузъ-Курпяча находится у него до сихъ поръ въ рукописи.

Сопиковъ 5834.—Плавильщиковъ 4417.—Сочиненія Державина, изд. Грота VI т. 249 стр.—Геннади 120.

Готье „Рос. Библіогр. 1881 г. № 14, 5 р. Мартыновъ" Рос. Библіогр. № 18, 5 р. Мартыновъ 1379, 5 р. Мартыновъ 8771, 5 р. Шибановъ 1—236, 3 р. Шибановъ XIII—245, 3 р. 50 к. Готье 669, 5 р. Готье 3618, 3 р. Шибановъ XXVI—218, 3 р.

174. Кумъ Матвѣй, или превратности человѣческаго ума. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго, 1803. 12°. Четыре части. 1 ч. 4 нен. стр., 224 нум. и 2 нен. стр.; 2 ч. 2 нен. и 260 нум. стр.; 3 ч. 2 нен. и 279 нум. стр. и 4 ч. 302 нум. и 2 нен. стр.

Сочиненіе написано на Французскомъ языкѣ Дюлораномъ и издано во второй половинѣ XVIII вѣка въ Лондонѣ. Оригиналъ выдержалъ много изданій, на Русской языкъ перевелъ и издалъ его Пельскій. На ненумерованныхъ страницахъ первой части помѣщено увѣдомленіе отъ издателя и замѣчаніе отъ переводчика. Въ первомъ издатель, между прочимъ, говоритъ,

что онъ былъ болѣе четырехъ лѣтъ въ нерѣшимости выдавать ли сочиненіе въ свѣтъ, что изъ 12 друзей четверо хотѣли, чтобы онъ его напечаталъ, четверо же убѣждали сжечь. Въ замѣчаніи отъ переводчика говорится, что въ романѣ главнымъ образомъ представлены четыре лица: Кумъ Матвѣй, молодой и увлекающійся человѣкъ, отецъ Иванъ—якобинецъ, Діего — ханжа и Жеромъ — разсудительный и достойный человѣкъ. Въ примѣчаніи отъ переводчика объ немъ сказано: „Слѣдуйте его совѣтамъ и не ослѣпляйтесь остротою ума, который вводитъ часто въ заблужденіе“, а относительно Кума Матвѣя сказано: „Онъ умствуетъ, заблуждается, переходитъ изъ системы въ систему, навлекаетъ на себя бѣдствія, и оканчиваетъ дурачествомъ. Молодые люди, разсмотрите его со вниманіемъ; въ немъ многіе основатели ложной философіи нынѣшняго времени найдутъ собственный ихъ портретъ“. Московскій военный губернаторъ графъ Салтыковъ запретилъ эту книгу продавать и книгопродавцевъ, у которыхъ она продавалась, арестовалъ; но государь повелѣлъ освободить ихъ. Въ некрологѣ Пельскаго, напечатанномъ въ Москов. Вѣстникѣ 1809 г. №№ 21 и 22, говорится, что „отважная предпріимчивость перевесть и напечатать этотъ романъ, во время бытности его цензоромъ, была, говорятъ, причиною его преждевременной кончины“.

Сопиковъ 5835.—Отчетъ Имп. Пуб. Библіотеки 1851 г. 6 стр.—Геннади 94.—Березинъ-Ширяевъ VII, стр. 57.—Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи стр. 9 и 10.—Скабичевскій „Очерки по исторіи Русской цензуры“. Отеч. Записки 1882 г. № 8, стр. 364.

Мартыновъ „Рос. Библіографія“ 1881 г. № 18, 25 р. Мартыновъ 7339, 20 р. Шибановъ 1—213. 10 р. Готье 1179, 15 р. Клочковъ 26—15695, 7 р. Готье 3604, 10 р. Клочковъ 103—1034, 10 р. Клочковъ 110—345, 10 р.

175. Луція Апулея Платонической секты философа Превращеніе, или Золотой Оселъ. Перевелъ съ Латинскаго Императорскаго Московскаго Университета Баккалавръ Ермилъ Костровъ. Въ Москвѣ. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 2 части. 1 ч. 1780 г. и 2 ч. 1781 г. 8°. 1 ч. 223 стр. 2 ч. 353 стр.

Луцій Апулей-писатель II-го вѣка. Описываемое его здѣсь произведеніе пользовалось такою славою, что его „Осла“ назвали „Золотымъ“. Сатирическій романъ Апулея живо изображаетъ намъ жизнь древняго Римскаго общества, со всѣми его недостатками, съ его развратомъ, въ то время, когда на Востокѣ уже занималась заря христіанства. Въ этой рамѣ, говорится въ предисловіи ко второму изданію, какъ драгоцѣнный камень въ простой оправѣ, вставленъ прелестный эпизодъ Психеи—высокій миѳъ безсмертія души человѣческой. Исторія Психеи вдохновила многихъ поэтовъ и художниковъ. Между первыми почетное мѣсто занимаетъ и нашъ Богдановичъ съ своею „Душенькою“. Золотой Оселъ былъ переведенъ Ер. И. Костровымъ и почти черезъ сто лѣтъ вторично изданъ въ 1870 г., въ Москвѣ.

Сопиковъ 4313.—Плавильщиковъ 2040.—Смирдинъ 8959.—Русскій Архивъ 1870 г. 0709 стр.—Губерти II—26.

Мартыновъ 1864, 25 р. Клочковъ 57—655, 5 р. Клочковъ 63—1627, 5 р. Клочковъ 84—1521, 3 р. Готье 6125, 3 р. Клочковъ 92—317, 5 р.

176. Лучъ Благодати, или Писанія Н. А. К. 8°. 74 стр. и гравюра. Безъ обозначенія мѣста и года печати.

На заглавной страницѣ эпиграфъ: „Божіе никто ни вѣсть, точію Духъ Божій. 1 Кор. гл. 2, ст. 11". Въ книжкѣ помѣщено 11 писемъ къ Л***, три созерцанія и девять бесѣдъ. Всѣ статьи мистическаго содержанія, авторомъ которыхъ былъ Николай Александровичъ Краевичъ, а издателемъ извѣстный масонъ И. В. Лопухинъ. На гравюрѣ, помѣщенной предъ заглавіемъ, изображенъ надгробный крестъ, обнесенный рѣшеткою. Подъ гравюрой подпись: „Изображеніе памятника поставленнаго въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ погребено тѣло Николая Александровича Краевича, на 34 году своей жизни представльшагося 24 Іюня 1790".

Сопиковъ 6056.—Отчетъ Импер. Публ. Библ. 1851 г. 5 стр.—Геннади 220.—Губерти II—196.—Берсзинъ-Ширяевъ 1884 г. 427 стр.

Клочковъ 34 — 19294, 6 р. (безъ гравюры) Готье 3646, 5 р. Шибановъ XXVII — 164, 10 р. Клочковъ 92 — 315, 12 р. Шибановъ XXXIV — 249, 8 р. Шибановъ XL — 206, 3 р.

177. Лѣтопись Русской Нумизматики. Отдѣленіе первое. Изданіе второе. Санктпетербургъ. Въ типографіи Якова Трея. 1851. 4°, 2 неп. 70 нум. и XII таб.

Это трудъ нашего извѣстнаго археолога Сахарова. Въ первый разъ лѣтопись была издана въ 1842 г. Въ лѣтописи описаны монеты великихъ княжествъ Кіевскаго, Владимірскаго, Рязанскаго, Тверскаго, Смоленскаго, Московскаго и удѣльныхъ княженій Серпуховскаго и Боровскаго, Можайскаго и Бѣлозерскаго. Но кромѣ описанія монетъ въ книгѣ сообщаются чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о нумизматическихъ собраніяхъ въ Россіи, объ открытіи кладовъ съ монетами и о цѣнности старыхъ монетъ. Къ лѣтописи приложено XII таблицъ съ изображеніями. На первой таблицѣ изображены монеты Кіевскаго княжества, на второй—почерки буквъ и изображеній на Кіевскихъ монетахъ, на третьей - монеты Владимірскаго княжества и почерки буквъ и изображеній, находящихся на нихъ, на четвертой—монеты Рязанскаго княжества и почерки буквъ и изображеній на нихъ, на пятой и шестой—монеты Тверскаго княжества, на седьмой—изображенія, помѣщенныя на Тверскихъ монетахъ, на восьмой—почерки буквъ на тѣхъ монетахъ, на девятой, десятой и одиннадцатой—монеты Московскаго княжества и изображенія на нихъ. Этотъ почтенный трудъ славнаго археолога П. П. Сахарова не оконченъ, какъ и нѣкоторые другіе его труды; въ немъ нѣтъ отдѣльной статьи: „о Русской нумизматической ли-

тературѣ“, которую онъ обѣщалъ въ своемъ предисловіи къ „Лѣтописи“ и кромѣ того не всѣ приложены къ книгѣ таблицы; при описаніи монетъ есть ссылки на ихъ изображенія, помѣщенныя на 17-й таблицѣ, но всѣхъ таблицъ, какъ показано выше, приложено только двѣнадцать. Книга считалась очень рѣдкою и цѣнною, но въ концѣ прошлаго года у Петербургскаго книгопродавца Шигина появилось порядочное количество ея экземпляровъ цѣною по 3 руб. за экземпляръ; впрочемъ вскорѣ они всѣ были раскуплены, и въ настоящее время цѣна описываемой книги опять возросла.

Базуновъ 5263.

Готье „Рос. Библіографія“ 1881 г. № 8, 20 р. Тюппнъ 30 р. Шибановъ XXVIII—335, 25 р. Шибановъ XXXIV—461, 25 р. Шигинъ 442, 3 р.

178. Магазинъ Свободно-Каменьщической, содержащій въ себѣ: Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ; пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія, стихами и прозою. Въ 7 томахъ, а каждый томъ въ 3 частяхъ состоящій. Томъ 1. Часть 1. Москва, въ типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784. 8°. 1 ч. VII и 141 стр. 2 ч. 144 стр.

Магазинъ издавался Московскими масонами и долженъ былъ, по видимому, служить ихъ лѣтописью. Предполагалось выпустить его въ VII томахъ, но изданы было только первыя двѣ части перваго тома; третья же часть была недопечатана и вслѣдствіе этого не была выпущена. Магазинъ въ продажу не поступалъ, а раздавался масонамъ, оставшіеся же отъ раздачи экземпляры въ послѣдствіи были уничтожены. Въ 1 части 1 тома помѣщено пять разсужденій, рѣчь, говоренная при окончаніи года, хоры и пѣсни; во 2-й части 1-го тома помѣщено пять разсужденій, двѣ рѣчи, одна говоренная 31 Мая 1784 г., а другая въ послѣдній вечеръ 1784 года, хоры и пѣсни, стихи анакреонтическіе С. И. Г. и размышленіе въ стихахъ. Въ библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея находится Магазинъ свободно-каменьщической въ рукописи (отчетъ за 1876—78 гг., стр. 95), а также рукописные томы II—VI Магазина находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Содержаніе послѣднихъ подробно описано въ Отчетѣ Публичной Библіотеки за 1869 г. на 35—40 стр.

Сопиковъ 6137.—Отчетъ Публ. Библ. 1855 г. 36 стр.—Библіогр. Записки. т. III стр. 381.—Лѣтописи Рус. литературы и древности. т. 5. стр. 24.—Сочиненія Ешевскаго. ч. 3 стр. 545.—Лонгиновъ 225 стр.—Пыпинъ „Русское Масонство“ Вѣстн. Европы 1867 г. № 9, стр. 53. Пекарскій „Дополненія къ исторія масонства въ Россіи XVIII вѣка“ 194 стр.—Неустроевъ 360—362.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г. стр. 112.—Губерти II—59.—Россійская Библіографія 1880 г. № 21, стр. 478 и 479.

Мартыновъ 1911, 25 р. Мартыновъ 6702, 10 р. Готье 697, 25 р. Шибановъ XVIII—221, 10 р. (неполный экзем.) Готье 3713, 8 р. Шибановъ XXXIV—289, 15 р. Клочковъ 107—3351, 10 р.

179. Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристра-

стно. Въ Санктпетербургѣ 1784 года. Печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Геннинга. 8°. 2 нен. VII и 114 нум. и 1 нен. стр.

Книга направлена противъ масонства. Неизвѣстный ея авторъ, принадлежавшій самъ прежде къ масонамъ, съ безпощадностію критикуетъ ученіе, таинства и обряды ихъ. Въ своемъ предувѣдомленіи онъ говоритъ: „Открывая таинства масонскія точно и безпристрастно, отдаю я должное добродѣтели, а пороки обличаю. Я объявляю то, что очи мои видѣли и руки осязали. Свѣтъ будетъ несправедливъ, когда мнѣ не повѣритъ; ибо я не имѣю никакой пользы его обманывать и принимаюсь за перо для того токмо,дабы воспрепятствовать умноженію столь нелѣпаго общества...“ Обнаруживая таинства масонскія, онъ подробно разсказываетъ свое принятіе въ масоны и между прочимъ описываетъ ужинъ съ попойкою, бывшій послѣ его принятія и при этомъ говоритъ: „Ужинъ былъ богатый, ничего не доставало, кромѣ трезвости. Тутъ таже вольность ѣсть и говорить, какъ и у профановъ. Какъ нѣсколько ликеры, портеръ и вино начали развеселять компанію, тотчасъ Венерабель ударилъ однажды и сказалъ: „феры, въ порядокъ“. По приведеніи въ порядокъ, началось чтеніе катихизиса, а потомъ отвѣты на разные масонскіе вопросы, которые кончены были приказомъ: „заряжайте, мои феры, пушки“. Послѣ этой команды, каждый ухватилъ свой боченокъ съ краснымъ порохомъ и зарядилъ свою пушку (краснымъ порохомъ называлось вино, а пушками стаканы). Потомъ всѣ встали, имѣя полотенцы на плечахъ, а запоны у поясовъ, и Венерабель провозгласилъ тостъ за здоровье князя N. N, великаго местра всѣхъ Англинскихъ ложъ со всѣми нашими гостями, и за тѣмъ раздалась его команда: „правую руку къ пушкѣ, подвинь пушку, прикладывайся, пали, хорошо пали, разомъ, феры“. Далѣе по командѣ каждый показалъ пушку, представляя треугольникъ, поставилъ ее на столъ, ударилъ по три раза въ ладоши и кричалъ такъ громко: гузе, гузе, гузе, сколько можно болѣе кричать пьянымъ“. Потомъ заряжали пушки за здравіе всего государева дома, за Венерабелей всѣхъ ложъ, за нашего Венерабеля, за феровъ, за новоосвященнаго и за всѣхъ масоновъ. Оканчивая описаніе этой попойки, авторъ книги добавляетъ: „Сіи генеральные заряды не препятствовали тѣмъ, кои кто чинилъ за свои собственныя выгоды; ибо чѣмъ болѣе кто пьянъ, тѣмъ болѣе пить хочетъ“.—Съ какого языка переведена описываемая книга, точныхъ указаній нѣтъ. Н. В. Губерти полагаетъ, что съ Англійскаго, а А. Н. Пыпинъ полагаетъ, что съ Французскаго языка, на которомъ былъ изданъ „Масонъ безъ Маски“ въ Лондонѣ въ 1751 году. Это послѣднее свѣдѣніе заимствовано мною изъ письма А. Н. Пыпина отъ 7 Февраля 1790 года къ Андрею Николаевичу Лебедеву. Переводчикомъ „Масона безъ маски“ былъ, по указанію Анастасевича, составителя Смирдинскаго каталога, Иванъ И. Соцъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что книга „Масонъ безъ маски“, какъ направленная противъ масонства, была пе-

реведена и издана по иниціативѣ императрицы Екатерины II, враждебно относившейся къ масонству. Въ г. Орлѣ у Андрея Николаевича Лебедева, собирателя рѣдкихъ книгъ, я видѣлъ рукопись съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Масонъ безъ маски или подлинные секреты франкъ-масонскіе, изданные въ свѣтъ со всѣми подробностями, точно и безъ притворства". Изъ помѣты въ концѣ рукописи видно, что она написана въ первыхъ числахъ Февраля 1760 года, въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что предположеніе о томъ, что „Масонъ безъ маски" былъ переведенъ по иниціативѣ императрицы Екатерины II—ошибочно, такъ какъ Екатерина вошла на престолъ въ 1762 г.; а въ 1760 г., будучи супругою наслѣдника Россійскаго престола, она ни въ какія дѣла не вмѣшивалась и отъ участія въ дѣлахъ была устранена; но остается еще не опровергнутымъ другое предположеніе объ изданіи перевода по ея распоряженію, такъ какъ книга была напечатана въ 1784 году, когда Екатерина уже царствовала. Такая же рукопись описана у графа Толстаго (отд. 5, стр. 657, № 11) и кромѣ того находится въ библіотекѣ Н. В. Губерти. Изъ сего можно предположить, что „Масонъ безъ маски" еще до напечатанія былъ распространенъ въ рукописяхъ и находилъ читателей.

Сопиковъ 6168.—Плавильщиковъ 1539.—Смирдинъ 953.—Чертковъ 1845 г. 378 стр. 4.—Пыпинъ. Вѣстн. Европы 1867 г. № 12 стр. 16 и 17.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г. 112 стр.—Россійск. Библіографія 1880 г. № 21, стр. 479.—Губерти II—71.

Готье „Рос. Библіографія" 1881 г. № 18, 5 р. Мартыновъ 1876, 6 р. 50 к. Шибановъ IV—235, 1 р. 50 к. Готье 1322, 3 р. 50 к. Мартыновъ 7596, 3 р. 50 к. Шибановъ XV—238, 3 р. Клочковъ 30—17483, 8 р. Клочковъ 34—19310, 4 р. Клочковъ 37—20573, 3 р. Клочковъ 46—24359, 1 р. 50 к. Клочковъ 48—25422, 2 р. Клочковъ 59—384, 2 р. Клочковъ 68—2857, 2 р. 50 к. Шибановъ XXIX—214, 2 р. (экзем. поврежд.). Готье 6294, 2 р. Клочковъ 101—394, 2 р. Шибановъ XL—256, 2 р.

180. Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ, Членомъ разныхъ ученыхъ Обществъ. № 1. Обозрѣніе источниковъ для составленія Россійской словесности. Санктпетербургъ, въ Медицинской типографіи 1819 года. 8°. 92 стр.

Въ этой небольшой книжкѣ, посвященной князю Д. Н. Салтыкову, Кеппенъ описалъ по 1819 годъ почти всѣ книги, отнесенныя имъ къ источникамъ для составленія Россійской словесности. Въ концѣ книжки, съ 85 страницы, помѣщенъ „азбучный списокъ лицъ и заведеній, о коихъ было упомянуто". Оканчивая обозрѣніе книгъ, Кеппенъ говоритъ, что можетъ быть онъ привелъ и такія сочиненія, которыя по строгому разсмотрѣнію не окажутся достойными названія источниковъ для исторіи нашей словесности; но, прибавляетъ онъ „по новости сего предмета мнѣ казалось, что лучше упомянуть о лишней книгѣ, нежели умолчать о такой, которая заслуживаетъ вниманія". Второй номеръ „Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", составляютъ, какъ извѣстно, Библіографическіе

Листы, но они уже мною описаны подъ № 14; третій же номеръ „Матеріаловъ", изданныхъ Кеппеномъ въ 1827 году, мною не описывается, такъ какъ онъ не считается рѣдкимъ. Экземпляръ „Матеріаловъ" № 1, находящійся у меня, принадлежалъ прежде нашему извѣстному библіофилу и библіографу С. Д. Полторацкому и находился въ его знаменитой Авчуринской библіотекѣ. На немъ есть его собственноручныя замѣтки.

Плавильщиковъ 3096.—Смирдинъ 2527.—Чертковъ 1838 г. 608 стр. 13.—Бокачевъ 451.

Мартыновъ 4532, 5 р. Клочковъ 54 — 531, 12 р. Мартыновъ 6992, 5 р. Шибановъ XXVII — 153, 40 р. (за всѣ три номера). Клочковъ 68—2414, 30 р. (за всѣ три номера). Шибановъ XXXIV—219, 35 р. (за всѣ три номера).

181. Медаль, на память пребыванія Его Величества Императора Петра Великаго въ Парижѣ, 1717 года. При осматриваніи Королевскаго монетнаго двора нечаянно въ присутствіи Его натисненная. 4°. 27 стр. безъ обозначенія мѣста и года печати.

На заглавномъ листѣ изображена и самая медаль съ ея описаніемъ· На лицевой сторонѣ медали изображенъ Петръ, а на оборотной представлена парящая при восходящемъ солнцѣ слава, на верху которой надпись „отъ часу сильняе", внизу „Въ Парижѣ 1717". Въ книгѣ собственно описывается путешествіе Императора Петра въ Парижъ, предпринятое, какъ сказано въ той же книгѣ, для обозрѣнія разныхъ учрежденій „и изъ того почерпнуть нѣчто для пользы своего государства". Путешествіе продолжалось полтора года. По указанію Сопикова „Медаль" напечатана въ С.-Петербургѣ, въ 1771 году.

Сопиковъ 6180.—Смирдинъ 2384.—Чертковъ 1838 г. 40 стр. 24.
Киммель XXXVI—1572, 5 р. (поврежд. экземп.). Готье 6313, 1 р. 50 к.

182. Меморіалъ Графа Калліостро противъ господина Генералъ Прокурора, обвиняющаго его, писанной имъ самимъ. Иждив. С. Петрова. Въ Москвѣ, въ типографіи Пономарева, 1786 г. Съ указнаго дозволенія 8° 132 стр.

Издатель описываемой мною книги, въ своемъ „извѣстіи", съ котораго она начинается, говоритъ, что онъ для удовольствія публики предполагаетъ перевести всѣ меморіалы Калліостро, кардинала Рогана, дѣвицы Одивы и проч. на Русскій языкъ, первые же листы меморіала Калліостра выпустить въ свѣтъ 18 Іюля. Въ Меморіалѣ помѣщено содержаніе допроса Калліостра, его признаніе, копія съ письма министра иностранныхъ дѣлъ къ Страсбургскому градоначальнику, допросъ, учиненный Калліостру 30 Января 1786 года, опроверженіе той части Меморіала графини де-ла-Мотъ, которая касается до графа Калліостра и про-

шеніе Калліостра Верховному Парламенту объ освобожденіи его больной жены, томящейся пять мѣсяцевъ въ Бастиліи или о допущеніи его къ свиданію съ нею, „чтобы подать ей помощь, или когда оная безполезна, чтобы сомкнуть ей глаза".—Въ томъ же 1786 г. эта же книга была издана въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Оправданіе Графа де Калліостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго склаважа во Франціи. Писанное имъ самимъ". На своемъ мѣстѣ книга эта будетъ описана. По цензурной вѣдомости (XVIII вѣкъ, т. I, стр. 433) подписку о полученіи книги „Меморіала графа Калліостро" далъ Л. Прохоровъ. Не былъ ли онъ переводчикомъ описываемой книги „Меморіалъ?"

Сопиковъ 6200.—Смирдинъ 11098.—Древняя и новая Россія 1875 г. № 2.—Русская Старина 1875 г. № 1.—Губертя II—104.

Готье 5614, 2 р.

183. Мое отдохновеніе для отдыху другимъ. Сочиненное Нижегородской Главной Школы Учителемъ Исторіи Натуральной, Исторіи Гражданской и Географіи Яковомъ Орловымъ. 4°, III и 184 стр.

На заглавномъ листѣ виньетка. Въ „Отдохновеніи" помѣщено 56 статей разнообразнаго содержанія, большинство же стихотвореній. Авторъ „Отдохновенія" Яковъ Орловъ учился въ Лаврско-Сергіевой Семинаріи, въ 1794 году по указу Сѵнода былъ посланъ въ Санкпетербургскую учительскую гимназію, въ которой обучался до Декабря 1796 г., а отсюда назначенъ былъ учителемъ въ Нижегородскую школу. Въ благодарность къ мѣсту своего первоначальнаго образованія, Орловъ помѣстилъ въ книгѣ слѣдующіе стихи, подъ заглавіемъ: „Мои чувствія къ Лаврско-Сергіевой Семинаріи".

О! Лавра, съ Никономъ гдѣ Сергій почиваетъ,
Къ тебѣ мой духъ паритъ, тебя мой гласъ взываетъ;
Въ тебѣ я жилъ, въ тебѣ учился жить вездѣ;
Скучалъ, чтобъ не скучать теперь уже нигдѣ.
О! строгость мудрая, предѣлъ къ поползновенію,
И вольность днесь слаба меня къ перемѣненію.
О! Академскій лѣсъ. Исчезъ—посѣченъ онъ.
Но въ Лаврѣ есть другой:—тамъ есть другой Платонъ.

Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію объяснено, что Греческій философъ Платонъ обучалъ въ лѣсу, называемомъ Академъ. Книжка издана на плохой бумагѣ и притомъ на разной, синей и сѣрой и кромѣ того напечатана небрежно и сбитымъ шрифтомъ.

Сопиковъ 6267.—Смирдинъ 6149.

Шибановъ XIII — 682, 12 р. Шибановъ XXXIV — 366, 6 р. Шибановъ XXXVI — 549, 6 р.

184. Молитвы при Божественной литургіи. Иждивеніемъ К. Л. 1821 Года. 16°. 2 нен. 47 нум. и 1 нен. стр.

Напечатаны на цвѣтной бумагѣ. Изданіе князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго. На послѣдней ненумерованной страницѣ обозначено: Парижъ, Мая. 15 дня 1821 года.

Геннади 136.—Березинъ-Ширяевъ III стр. 25.—„Рус. Библ. 1880 г. 13. стр. 315. Мартыновъ „Рос. Библіографія 1881 г. 18, 3 р. Мартынова 6359, 3 р. Шибановъ II — 446, 7 р. (на розовой бумагѣ) и 5 р. (на бѣлой бумагѣ). Клочковъ 6 — 4456, 7 р. (на розовой бумагѣ). Готье 1338, 10 р. Клочковъ 37 — 20586, 3 р. Шибановъ XIII—895, 3 р. 50 коп. Клочковъ 56—311, 5 р. (на розовой бумагѣ). Шибановъ XXVI—574, 5 р. (на розовой бумагѣ). Шибановъ XXXVI—648, 5 р. Готье 3627, 5 р. Клочковъ 63—1674, 5 р. на розовой бумагѣ. Клочковъ 75—445, 5 р. (на розовой бумагѣ). Клочковъ 91—5392, 5 р. (на розовой бумагѣ). Шибановъ XXXIV—315, 5 р. (на розовой бумагѣ).

185. Молитвы чтомыя въ навечеріи пятьдесятницы. Иждивеніемъ К. Н. Парижъ, типографія братіевъ Ф. Дидота. 1838 Года. 12°. 37 стр.

Изданіе К. А. Парышкина. Какъ эта книжка, такъ равно и описанная подъ № 184, изданы въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и напечатаны прекраснымъ шрифтомъ.

Чертковъ 1845 г. 379 стр. 11.—Геннади 170.
Готье 1339, 10 р. Готье 3638, 5 р.

186. Мопсъ безъ ошейника и безъ цепи или свободное и точное открытіе таинствъ общества именующагося Мопсами. Въ Санктпетербургѣ 1784 года, печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Генинга. 8°. 35 стр.

Начало учрежденія общества Мопсовъ авторъ описываемой книги аббатъ Ларюданъ относитъ къ 1736 году, къ тому времени, когда папа Климентъ XII наложилъ проклятіе на масоновъ и тѣмъ принудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отстать отъ масонства и образовать другое общество, въ которое принимались и женщины. Учредивъ общество, говоритъ далѣе Ларюданъ, „они вздумали взять символъ и дать имя, а какъ вѣрность и любовь, которыя они себѣ обѣщаютъ, дѣлаютъ существо ихъ общества, то они взяли для эмблемы собаку и дали себѣ имя Мопса, которое на Нѣмецкомъ языкѣ значитъ небольшую Англинскую собаку“. Въ книгѣ описываются обряды общества при принятіи новыхъ членовъ и церемоніи стола. Касаясь отношеній, возникающихъ въ обществѣ Мопсовъ между мущинами и женщинами, авторъ книги говоритъ: „Любятся между собою, но обыкновенно только глазами; но имѣютъ случай, прибавляетъ онъ далѣе, и на самомъ мѣстѣ изъясняться „откровенно и самопроизвольно“. Въ концѣ

книги помѣщенъ „Катихизисъ Моисовъ“, расположенный по вопросамъ и отвѣтамъ.

Сопиковъ 6312.—Плавильщиковъ 1542.—Смирдинъ 954.—Чертковъ 1845 г. стр. 378, 5.—Березинъ-Шпряевъ 1873 г. стр. 288.—Губерти II, 72.

Клочковъ 34—19326, 2 р. Готье 6439, 2 р. Шибановъ XL—273, 3 р.

187. Муравейникъ, литературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей. 1831 г. 8°. пять номеровъ. № 1—32 стр. № 2—31 стр. № 3—32 стр. № 4—23 стр. и № 5—22 стр. Мѣсто печати не указано.

На заглавномъ листѣ помѣщены слѣдующіе стихи Шиллера:

Beschäftigung, die nie ermattet,
Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur für Sandkorn reicht,
Doch von der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Tage, Jahre streicht.

Редакторомъ этихъ листковъ былъ В. А. Жуковскій, наставникъ покойнаго Государя Императора. Листы печатаны въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ подъ наблюденіемъ генералъ-адъютанта С. А. Юрьевича. Они издавались съ цѣлью поощренія Государя-Наслѣдника, Августѣйшихъ сестеръ его, Великихъ Княгинь Маріи Николаевны и Ольги Николаевны и совоспитанниковъ Наслѣдника, графа І. Віельгорскаго и А. Паткуля, въ практическомъ занятіи Русскимъ языкомъ. Въ Муравейникѣ помѣщались сочиненія Августѣйшихъ особъ и ихъ товарищей по ученію, обозначенныя первою буквою имени, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ первою буквою и фамиліи. Въ немъ также нѣкоторыя свои сочиненія помѣщалъ и самъ редакторъ „Листовъ“ В. А. Жуковскій. По чрезвычайной рѣдкости этого сборника, гдѣ помѣщались упражненія двѣнадцатилѣтняго царственнаго отрока, считаю необходимымъ сообщить здѣсь оглавленіе статей, въ немъ помѣщенныхъ. № 1: 1) Взглядъ на землю съ неба. W. Z. 2) Цидъ. Извлеченіе изъ древнихъ романсовъ Испанскихъ. W. Z. 3) Le sort commun des hommes. N. 4) Обращеніе Нортумберландіи въ христіанство. Съ Англ. P. 5) Изображеніе Аравитянъ. P. 6) Разговоръ Магометова праотца съ непріятельскимъ военачальникомъ P. 7) Le Langage des oiseaux. Съ Англ. N. 8) Насъ семеро. Съ Англ. Подъ этимъ заглавіемъ двѣ статьи. Подъ одною N, а подъ другою M. Въ примѣчаніи къ нимъ сказано: издатель получилъ два перевода; печатаетъ оба, дабы доставить удовольствіе сравненія своимъ читателямъ. 9) Фридрихъ II. A. 10) Разговоръ дѣда съ внукомъ. M.—№ II: 1) Письмо къ издателю, N. N. 2) Цидъ. W. Z. 3) Смерть Адама. R. M. 4) Le lever du soleil au sommet de l'Etna **. 5) Суворовъ на Сенъ-Готарѣ. Съ Фр. O.

6) Голодный Аравитянинъ А. 7) Les saintes images I. O. 8) Пери и Ангелъ R. M.—№ III: 1) Способъ обратить добродѣтель въ привычку. 2) Перчатка. 3) L'Etna * *. 5) Любовь къ отечеству. I. O. 5) Les catacombes de Rome. R. M. 6) Описаніе Алгамбры въ древней Гренадѣ. J. O. 8) Les Arabes R. N. 8) Неожиданное свиданіе. 9) Надгробная пѣснь Регнера Лодброга. N. 10) Двѣ загадки.—№ IV: 1) Двѣ были. 2) О Петрѣ Великомъ. O. P. 3) Споръ. P. O. 4) Замокъ на берегу моря. 5) Два явленія.—№ V: 1) Александръ Невскій. A. P. 2) Сраженіе съ змѣемъ. 3) Аристодемъ. П. 4) Наставленіе Ментора Телемаку. П. 5) Островъ. 6) Каннитферштанъ. Р. П. и 7) Пѣснь Регнера Лодброга. В. На третьемъ и на четвертомъ номерахъ моего экземпляра надпись: С. А. Юрьевичу. Экземпляръ въ превосходномъ тисненомъ переплетѣ.

Отчетъ Импер. С. Петерб. Библіотеки 1858 г. 46 стр.—Геннади 152. Русскій Архивъ 1879 г. № 2.—Березинъ-Ширяевъ. Россійская Библіографія 1880 г. № 11, стр. 282.—Шляпкинъ. Россійская Библіографія 1880 г. № 3, стр. 104.

188. Наполеонова политика или царство гибели народной, и состояніе Европейскихъ государствъ до начатія Французской войны 1812 года. Сочиненіе Максима Невзорова. Изданіе второе. Москва 1813. Въ Университетской типографіи. 8°. VIII и 102 стр. съ фронтисписомъ.

Въ первый разъ сочиненіе это было напечатано въ Историческомъ Статистическомъ и Географическомъ Журналѣ за Сентябрь и Октябрь мѣсяцы 1812 г. Описываемое же здѣсь изданіе напечатано было по просьбѣ и на средства извѣстнаго масона Ивана Владимировича Лопухина. Къ книжкѣ приложенъ фронтисписъ, представляющій обнаженнаго человѣка, у котораго изо всѣхъ жилъ пущена кровь; подъ нимъ надпись: Плоды Наполеоновой политики.

Плавильщиковъ 3192.—Смирдинъ 3494.

Шибановъ XV—258, 5 р. Киммель XXXVI—1193, 1 р. 50 к. Готье 1361, 1 р. 50 к. Готье 6595, 3 р.

189. Народныя русскія легенды, собранныя А. Н. Аѳанасьевымъ. Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова. Москва. Въ типографіи В. Грачева и ком. 1859. 8°. XXXII, 203 и II нум. стр.

Въ книгѣ помѣщены 33 легенды. Вскорѣ по выходѣ изъ печати онѣ были запрещены, говорятъ, по настоянію Московскаго митрополита Филарета, усмотрѣвшаго въ нѣкоторыхъ изъ нихъ кощунство. Легенды снабжены разъясненіями и примѣчаніями Аѳанасьева.

Геннади стр. 141.

Николаевъ 1-510, 8 р. Клочковъ 2—714, 10 р. Клочковъ 22—13785, 10 р. Шибановъ XIV—18, 10 р. Готье 3645, 15 р. Шибановъ XXV—16, 10 р. Шибановъ XL—14, 15 р. Мелинъ 1—130, 12 р. Клочковъ 42—535, 10 р.

190. Наставленія политическія. Барона Билфелда. Ni Jallor. Переведены съ Французскаго языка. Москва. 4°. 1 ч. 1768 г. 10 нен. 462 и 9 нум.; 2 ч. 1775 г. 2 нен. 494 нум. и 6 нен. стр.

Обѣ части напечатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Первую часть перевелъ князь Ѳедоръ Шаховской, а вторую часть Антонъ Барсовъ. Политическія наставленія переведены по желанію императрицы Екатерины II. Авторъ описываемаго сочиненія въ своемъ вступленіи между прочимъ говоритъ: „Нынѣ на все есть системы; только одна наука царствованія, хотя важнѣйшая изъ всѣхъ, не утверждена надежными правилами. Знаніе какъ править государствомъ оставлено ненадежному просвѣщенію нашего разсудка и искусству, часто весьма сомнительному. Государи, которые съ младенчества учатся всѣмъ педантствамъ военнаго искусства, не должны оставлять учиться наукѣ, какъ царствовать. Не однѣ побѣды прославляютъ героевъ. Войны кратки, а управленіе государствомъ постоянно“. Далѣе во вступленіи доказывается необходимость знанія политики министрамъ, судьямъ и др. лицамъ, принимающимъ участіе въ управленіи. Въ первой части книги слѣдующія главы: 1) Вступленіе. 2) О предшествующихъ знаніяхъ къ политикѣ, 3) О политикѣ вообще, 4) О способѣ какъ просвѣщать народъ, 5) О содержаніи общества и добромъ порядкѣ, 6) О законахъ и учрежденіи оныхъ, 7, 8 и 9) О полиціи, 10) о изобиліи государства, 11 и 12) О государственныхъ доходахъ, 13) О мануфактурахъ, 14) О коммерціи, 15) О мореплаваніи и 16) О силахъ государственныхъ, о арміи и флотѣ. Во 2-й ч.: 1) О политическомъ поведеніи государей, 2) О совѣтѣ и министрахъ, 3) О департаментахъ иностранныхъ дѣлъ, 5) О могуществѣ государствъ и о системѣ ихъ, 5) О взаимныхъ обязательствахъ государей, 6) О союзахъ и договорахъ, 7) О войнѣ и мирѣ, 8) О негоціаціи, 9) О публичныхъ министрахъ, 10) О инструкціяхъ, вѣрющихъ грамотахъ и другихъ письменныхъ дѣлахъ для негоціаціи потребныхъ, 11) О особахъ свиту публичнаго министра составляющихъ и домѣ его, 12) О политическомъ поведеніи публичныхъ министровъ, 13) О церемоніалѣ, 14) О политическихъ исчисленіяхъ и 15) О упадкѣ государствъ.—Политическое наставленіе барона Билфелда—сочиненіе для своего времени замѣчательное. Въ немъ между прочимъ есть параграфы „о фаворитахъ“, „о государскихъ любовницахъ“ и параграфъ, трактующій о томъ „самъ ли собою долженъ государь все управлять или принимать мнѣнія отъ своихъ совѣтниковъ“. Въ этихъ и другихъ статьяхъ описываемаго сочиненія излагаются истины, къ выслушанію которыхъ не всѣ бываютъ расположены. Не даромъ эпиграфомъ 2-й части взяты слѣд. стихи изъ Ганріады Вольтера:

Сниди съ высоты небесъ, святая Истина,
Излей на мое писаніе силу свою и ясность,
Дабы ушеса Царей навыкли тебя слышать.

Сопиковъ 2233.—Смирдинъ 2174.—Геннади 24.
Шибановъ II—141, 5 р. Шибановъ XXXIV—41, 5 р. Киммель XXXIV—871, 5 р. (за первую часть). Готье 4322, 10 р.

191. Начальное управленіе Олега, подражаніе Шакеспиру безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ. Печатано въ Типографіи Горнаго Училища 1791 года.

Послѣ текста предъ нотами другое слѣдующее заглавіе:

Музыка историческаго представленія Начальнаго управленія Олега. Печатано въ Типографіи Горнаго Училища 1791 года. Въ л. VII 38 и CLXXXIX нум. стр. и 5 виньетъ.

Это сочиненіе императрицы Екатерины II, поправленное княземъ Г. А. Потемкинымъ. Екатерина давала его переписывать своему статсъ-секретарю А. В. Храповицкому, которому вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано передѣлать хоры бѣлыми стихами. Строфы и антистрофы переложены въ стихи Сичкаревымъ, нѣкоторые хоры заимствованы изъ стихотвореній Ломоносова, а нѣкоторые изъ Русскихъ пѣсенъ. Музыка сочинена Сарти, Паскевичемъ и Коноби. Докладъ о постановкѣ „Управленія Олега" поднесенъ былъ Императрицѣ 24 Іюля 1789 г. въ Царскомъ Селѣ. По докладу требовалось на постановку Олега, кромѣ имѣвшагося гардероба, 15000 р., на что̀ послѣдовала резолюція: „изготовьте все сіе къ концу 1790 года, а платье и деньги возмите, первыя изъ казны, а вторыя исподволь изъ кабинета". На одной изъ репетицій, Императрица, замѣтивъ, что Дмитревскій, представлявшій Олега, играетъ слишкомъ напыщенно и говоритъ съ Игоремъ о государственныхъ дѣлахъ громко, подозвала директора Соймонова и приказала сказать Дмитревскому, что, говоря съ наслѣдникомъ Кіевскаго престола, слѣдуетъ ему отойти въ сторону и говорить въ полъ-голоса, прибавивъ, что хотя Дмитревскій лучше ея понимаетъ драматическое искусство, но въ этомъ случаѣ можетъ воспользоваться ея совѣтомъ. Въ первый разъ Олега давали на Эрмитажной сценѣ 22 Октября 1790 г. Піеса имѣла блестящій успѣхъ. Въ ней учавствовала вся труппа и кромѣ того 600 статистовъ; балетъ и игры были поставлены извѣстными танцовщиками Канціани и Пикомъ, хоры были составлены изъ пѣвчихъ придворной капеллы и Преображенскаго полка. Кромѣ Дмитревскаго изъ извѣстныхъ артистовъ въ піесѣ принимали участіе: Шушеринъ, Плавильщиковъ и Вальберхъ. — „Начальное Управленіе Олега" выдержало нѣсколько изданій. Въ первый разъ оно было помѣщено въ 14-ой части Россійскаго Ѳеатра и отдѣльно въ 1787, 1791 и 1793 годахъ. Описываемое здѣсь изданіе относится къ 1791 г. Оно издано великолѣпно со

всею типографскою роскошью, на отличной бумагѣ. Оба заглавія гравированы. Изданіе украшено пятью прекрасно исполненными виньетами, помѣщенными предъ каждымъ дѣйствіемъ. Первая виньета изображаетъ мѣсто построенія г. Москвы, гдѣ представленъ Олегъ, которому жрецы подносятъ камень для заложенія Москвы; въ вышинѣ изображенъ парящій орелъ. Подъ виньетою подпись: „Сей градъ будетъ нѣкогда обширенъ и знаменитъ". Вторая виньета изображаетъ берегъ Днѣпра, на которомъ раскинуты шатры княжескіе; вдали Кіевъ. Подпись: „меня вѣнцы нетлѣнные ожидаютъ въ вѣчности". Третья представляетъ палаты княжескаго дворца, двѣ боярыни вводятъ Прекрасу подъ руки. Подпись: „не именемъ моимъ, но добродѣтелью въ народѣ прославится". Четвертая виньета изображаетъ войско Олега и самаго Олега предъ Константинополемъ; подпись: „Договоромъ симъ ты, государь, получаешь дань, выгоды и торговлю". Пятая, наконецъ, представляетъ зданія Царьграда, Олегъ укрѣпляетъ щитъ Игоря; подпись. „пусть позднѣйшіе потомки узрятъ его".—Книга послѣ гравированнаго заглавнаго листа начинается „предувѣдомленіемъ"; въ немъ говорится: „Въ семъ историческомъ представленіи болѣе есть исторической истины, нежели выдумки", а потомъ кратко передается содержаніе каждаго дѣйствія. Далѣе слѣдуетъ „объясненіе на музыку господиномъ Сартіемъ сочиненную для историческаго представленія: Начальное управленіе Олега". Въ концѣ объясненія значится: „Перевелъ Н. Львовъ". На оборотѣ конца „объясненія" „Дѣйствующія лица", и затѣмъ слѣдуетъ самая піеса, оканчивающаяся на 38 листѣ, а потомъ второй гравированный заглавный листъ съ двумя флеронами: верхній представляетъ гирлянду изъ цвѣтовъ съ лентою, вокругъ сіяніе; нижній—лиру съ лавровою вѣтвью. За заглавнымъ листомъ помѣщены ноты на 1—CLXXXIX листахъ.—Книга очень рѣдкая и цѣнная. Мой экземпляръ, въ отличной сохранности, поступилъ ко мнѣ изъ библіотеки извѣстнаго библіофила Дурова.

Сопиковъ 5474.—Смирдинъ 11705.—Чертковъ 1838 г. 470 стр. 97.—Араповъ и Ропольтъ. Драматическій альбомъ М. 1850 г.—Араповъ. „Лѣтопись Русскаго театра" Спб. 1861 г. стр. 114 и 115.—Лонгиновъ Драматическія Сочиненія Екатерины II стр. 15.—Щебальскій. „Русскій Вѣстникъ" 1871 г. № 5 стр. 126 и № 6 стр. 542, 544, 545.—Геннади 77.—Губерти III, 157.

Готье 110, 50 р.—Готье 3595, 35 р.

192. Наука числъ, сочиненіе Карла Эккартгаузена, служащее продолженіемъ его Ключа къ таинствамъ натуры, въ двухъ частяхъ. С-тъ Петербургъ. Въ морской Типографіи 1815 г. 8°. 1 ч. XII нум. 2 неп. 317 нум. и 1 неп. стр. съ гравюрой, и 2 ч. 1 неп. 363 нум. и 1 неп. стр. съ гравюрой.

Настоящее мистическое сочиненіе переведено на Русскій языкъ Лабзинымъ. Оно есть продолженіе другаго мистическаго сочиненія „Ключъ къ таинствамъ натуры", описаннаго мною подъ № 144. Заглавные листы въ

обѣихъ частяхъ гравированные, съ виньетками. Въ каждой части по гравюрѣ. Въ первой части гравюры работы Ухтомскаго, а во второй безъ подписи гравера. Гравюры и виньетки исполнены отчетливо. Символическое значеніе ихъ объяснено въ предисловіи отъ издателя. Книга запрещена. Цѣна у Плавильщикова показана въ 15 рублей.

Сопиковъ 12700.—Плавильщиковъ 1556.—Смирдинъ 957.—Россійская Библіографія 1881 г. № 14. стр. 305.—Березинъ-Ширяевъ 1884 г. стр. 32.
Готье 8916, 3 р. Ключковъ 5023, 3 р.

193. Нбо новое зновыми звѣздами, сотворенное, то есть Пребл҃венная Дв҃а Мр҃іа Бц҃а з чудами своими. Составленное трудолюбіемъ Іеромонаха Іоаникія Галятовскаго, Ректора и Ігумена Братскаго Кіевскаго; нынѣ же типомъ издася въ лѣто ҂аѱчѳ҃ въ Могилевѣ, въ тип. Максима Вощанки. 4°. 2, 216 и 9 стр. съ двумя гравюрами.

Въ книгѣ описываются чудеса Богоматери. Книга выдержала три изданія. Въ первый разъ она была издана въ Львовѣ въ 1655 г., во второй въ Черниговѣ въ 1677 г.; настоящее изданіе—третье. Заглавіе книги гравированное, на немъ изображена Богородица среди Ангеловъ. При книгѣ гравюра, изображающая крещеніе Іисуса Христа. Сочинитель описываемой книги, Іоанникій Голятовскій, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ богослововъ XVII вѣка. Онъ въ особенности былъ извѣстенъ, какъ полемистъ, съ успѣхомъ обличавшій іезуитовъ.

Сопиковъ 700.—Гр. Толстой 191.—Царскій 227.—Чертковъ 1838 г. 415 стр. 50.—Ширяевъ 154.—Кастеринъ 576.—Каратаевъ 1140.—Ровинскій „Русскіе граверы и ихъ произведенія" стр. 168 и 169.

194. Невинное упражненіе. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1763 года. 8°. 304 стр.

Издателемъ невиннаго упражненія былъ, по мнѣнію Неустроева, И. Ѳ. Богдановичъ, а по мнѣнію Губерти, Херасковъ. Но по собственному признанію Богдановича онъ только „употребленъ былъ къ соучаствованію въ этомъ журналѣ, выходившемъ подъ покровительствомъ княгини Е. Р. Дашковой". Журналъ издавался въ продолженіи шести мѣсяцевъ, начиная съ Января 1763 года. Послѣдняя книжка была издана въ Іюнѣ мѣсяцѣ. По поводу прекращенія журнала въ книжкѣ было сказано: „Благосклонные читатели. По многимъ неотвратимымъ препятствіямъ и во первыхъ потому, что какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались, отъ сего Іюня мѣсяца Невинное Упражненіе болѣе продолжаться не будетъ". По предположенію Неустроева, всѣ статьи и переводы принадлежатъ самому издателю, исключая статьи объ эпическомъ стихотворствѣ, которую перевела княгиня Дашкова. Л. Н. Майковъ допускаетъ

предположеніе, что Дашковой принадлежитъ и переводъ изъ Гельвеція „Объ источникахъ страстей". Весь журналъ преимущественно былъ наполненъ стихами и переводами небольшихъ статей. На моемъ экземплярѣ собственноручная надпись извѣстнаго Рузаевскаго стихотворца: „изъ книгъ Николая Струйскаго № 0".

Сопиковъ 3830.—Плавильщиковъ 6917.—Отечественныя Записки 1853 г. т. LXXXVII стр. 184.—Лонгиновъ „Московскія Вѣдомости" 1857 г. 36.—Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 1860 г. стр. 28.— Буличъ стр. 207.— Неустроевъ стр. 96.—Геннади 21.— Губерти I, 118.—Майковъ стр. 397 и 398.
Шибановъ XXXIV—334, 7 р.

195. Ни То ни Сіо, въ прозѣ и стихахъ. Ежесубботное изданіе 1769 года. Объявленіе цѣны: Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ, Тому ни То ни Сіо дадутъ листокъ одинъ. На оборотѣ эпиграфъ: «Maxima de Nihilo nascitur historia. Propertius. То есть: Наипространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть. Проперцій» 8°. 160 стр.

Издателемъ „Ни То ни Сіо" былъ В. Г. Рубанъ. Этотъ рѣдкостный еженедѣльникъ выходилъ по полулисту въ 8 страницъ съ 21 Февраля по 11 Іюля. На двадцатомъ листѣ онъ превратилъ свое существованіе, прощаясь съ публикою слѣдующими стихами, въ которыхъ упоминаются всѣ сатирическіе журналы того времени:

Къ публикѣ.

Ужъ намъ ни То ни Сіо наскучило писать,
Читатели, а вамъ наскучило читать.
Къ другимъ трудамъ свои мы обратили руки;
Но нынѣ публика терпѣть не будетъ скуки.
Здѣсь *Всяка Всячина* еще досель цвѣтетъ,
Отъ ней и *То и Сіо* и съ *Трутнемъ Смѣсь* растетъ.
И пишется при томъ *Полезное съ пріятнымъ*:
Примѣровъ много есть и добрымъ и развратнымъ.
Для умноженія жъ забавы и отрадъ,
Помѣсячно завелъ свою здѣсь почту *Адъ*.
Пусть публика сіи листы теперь читаетъ,
Веселья съ пользой ей ни То ни Сіо желаетъ;
Но нынѣ для чего окончилось оно,
То въ слѣдующемъ здѣсь письмѣ изъяснено.

Въ письмѣ, которое слѣдуетъ за этимъ стихотвореніемъ, говорится, что „марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая болѣзнь, какъ и плести стихи", и для исцѣленія отъ этого недуга предлагается „многодѣліе", какъ лѣкарство, благотворное дѣйствіе котораго издателямъ „собственнымъ

опытомъ извѣдать случилось“. Въ журналѣ принимали участіе: С. Башиловъ, В. Петровъ, М. Поповъ, Я. Хорошкевичъ, Ѳ. Лазинскій, И. Дебольцовъ и И. Пырскій. Журналъ не имѣлъ опредѣленнаго направленія и большею частію помѣщалъ на своихъ страницахъ переводы. Во второй разъ „Ни То ни Сіо“ издано въ 1771 году.

Сопиковъ 3902.—Плавильщиковъ 6984.—Смирдинъ 9678.—Буличъ стр. 263—266.— Аѳанасьевъ стр. 259 и 260.—Неустроевъ стр. 135.—Геннади 30.—Майковъ стр. 400 и 401. Мартыновъ. Росс. Библіографія 1881 г. 18, 25 р. Готье 3567, 10 р. (испорченный экземпляръ).

196. Новое и полное собраніе Россійскихъ Пѣсенъ, содержащее въ себѣ Пѣсни Любовныя, Пастушескія, Шутливыя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Святочныя, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ оперъ и Комедій. Въ Москвѣ. Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1780 года. 8°. 6 частей. 1 ч. 208 нум. и 8 нен.; 2 ч. 208 нум. 8 нен.; 3 ч. 202 нум. и 8 нен.; 4 ч. 184 нум. и 8 нен.; 5 ч. 174 нум. и 8 нен. и 6 ч. 200 нум. и 8 нен. стр. Шестая часть напечатана въ 1781 году.

Это такъ называемый букинистами Новиковскій пѣсенникъ чрезвычайно рѣдокъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Лонгиновъ (стр. 130), Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія т. I, стр. 109) и Н. В. Губерти; послѣдній удостовѣряетъ, что этотъ пѣсенникъ въ полномъ видѣ въ настоящее время почти не находимъ. Въ нашихъ публичныхъ библіотекахъ его не имѣется. За экземпляръ, бывшій въ библіотекѣ Н. В. Губерти, два любителя наперерывъ предлагали 100 рублей. Издателемъ пѣсенника былъ М. Д. Чулковъ. Чулковъ въ сотрудничествѣ съ Поповымъ издалъ въ первый разъ пѣсенникъ въ Петербургѣ въ 4 частяхъ, 1770—74 гг.; во второй разъ былъ пѣсенникъ изданъ въ 1776 году. „Вслѣдъ затѣмъ, говоритъ П. А. Безсоновъ, „знаменитый Новиковъ почти слово въ слово перепечаталъ четыре части пѣсенника Чулкова, присоединивъ къ нимъ 5 и 6 части съ пѣснями сочиненными и такъ называемыми романсами“. Кромѣ пѣсенъ „сочиненныхъ“ и „такъ называемыхъ романсовъ“ и заимствованныхъ изъ разныхъ піесъ, почти всѣ остальныя пѣсни, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, принадлежатъ народному творчеству и чрезвычайно замѣчательны; нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ до глубокой древности, воспѣваютъ такія событія, о которыхъ сохранилось мало памятниковъ, а иныя воспѣваютъ ближайшихъ по времени дѣятелей, дѣятелей XVII и XVIII в., или касаются семейнаго внутренняго быта, такъ что могутъ служить матеріаломъ для изученія нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ. Въ сборникѣ Новиковъ помѣстилъ 1200 пѣсенъ. Въ каждой части приложено оглавленіе пѣснямъ, расположенное въ алфавитномъ порядкѣ по первой буквѣ, съ которой онѣ

начинаются. Н. В. Губерти при описаніи этого пѣсенника ошибочно обозначилъ число страницъ 1-й части, показавъ ихъ 198, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ 208; ошибка эта объясняется недосмотромъ корректора, ибо страницы пѣсенника занумерованы неправильно, начиная съ 192-й, гдѣ счетъ ошибается на 10 страницъ (значится 182).

Сопиковъ 10944.—Плавильщиковъ 5167.—Смирдинъ 8048.—Безсоновъ „Заря“ 1870 г.— № 4. Русскій Архивъ 1870 г. стр. 1351—1352, 1935—37.—Губерти II—27.—Пыпинъ. Вѣстникъ Европы 1886 г. № 6.

197. Новое киронаставленіе или путешествія Кировы съ приложенными разговорами о Богословіи и баснотворствѣ древнихъ, сочиненныя господиномъ Рамзеемъ, съ Французскаго на Россійскій языкъ перевелъ Авраамъ Волковъ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1765 году. 8°. 1 ч. 6 нен. 212 нум.; 2 ч. 167 нум. стр. съ гравюрой.

Подъ гравюрой надпись: Киръ требуетъ совѣта у Даніила. Книга посвящена графу П. С. Салтыкову. Содержаніе ея описаніе (вымышленное) путешествія Персидскаго царя Кира въ Египетъ, Грецію, Вавилонъ и въ другія государства. Съ 80-й стр. 2-й части слѣдуетъ „Разговоръ о Богословіи и Баснотворствѣ“, раздѣленный на двѣ части; въ первой доказывается, что „философы во всѣ времена и вездѣ имѣли понятіе о высшемъ божествѣ, отличенномъ и отдѣленномъ отъ вещества“, а во второй —„что слѣды главнаго ученія Откровенія о трояномъ міра состояніи находятся въ Богословіи всѣхъ народовъ“. Съ 154-й стр. 2-й части помѣщено „письмо господина Фререта, члена Академіи Надписей въ Парижѣ, къ читателю о счисленіи времени въ книгѣ сей“. Книга эта уважалась масонами, потому что въ ней изглагалось содержаніе баснословія восточныхъ народовъ, объясненіе Зороастра тайнъ природы, посвященіе Санхисомъ Кира во всѣ тайны Египетскаго богослуженія. Книга выдержала три изданія; во второй разъ она издана въ 1785 году подъ заглавіемъ: „Новая Киропедія или путешествія Кировы“, и въ третій разъ въ 1820 году.

Сопиковъ 5144.—Плавильщиковъ 1938.—Смирдинъ 1174.—Пыпинъ. „Русское Масонство“ Вѣстникъ Европы 1867 г. № 9, стр. 40.—Геннади 22.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г. стр. 109 и 110.

Мартыновъ „Россійская Библіографія“ 1881 г. № 18, 3 р. (за первую часть). Готье 327, 10 р. Шибановъ III—47, 1 р. 50 к. (безъ гравюры). Шибановъ V—359, 1 р. (безъ гравюры). Шибановъ XIX—375, 1 р. (безъ гравюры). Клочковъ 5—3458, 5 р. Клочковъ 23 — 14589, 4 р. Клочковъ 30 — 17572, 3 р. Готье 3559, 5 р. Шибановъ XX — 392, 2 р. Клочковъ 87—3276, 2 р. 50.

198. Новое химическое свѣтило, изъ Источника Натуры и ручнаго опыта почерпнутое: съ присовокупленіемъ Философской Притчи и Разговора между Алхимистомъ, Меркуріемъ

и Натурою. Сочиненіе Михаила Сендивогія. Москва, въ Типографіи Н. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1785. 8°. 6 нен. 146 нум. и 2 нен. стр.

По указанію Н. В. Губерти, Сендивогій былъ только издателемъ этой книги, написанной на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Cosmopolitae Novum Lumen Chimicum“ однимъ изъ знаменитѣйшихъ алхимиковъ XVII вѣка Сетоніемъ Скоттомъ. Въ первый разъ книга на Латинскомъ языкѣ была издана въ Прагѣ 1604 г. Описываемая книга начинается предисловіемъ, изъ котораго видно, что авторъ ея достигъ философскимъ путемъ истиннаго превращенія металловъ. За предисловіемъ слѣдуетъ XII трактатовъ и заключеніе, потомъ съ 89 стр. „Къ сынамъ истины предисловіе на загадку философскую“ и самая „Философская притча или загадка“ и, наконецъ, „Разговоръ Меркурія, Алхимика и Натуры“. Лонгиновъ предполагаетъ, что „Новое Химическое Свѣтило“ было напечатано масонами въ тайной типографіи; но съ такимъ его предположеніемъ нельзя согласиться, такъ какъ на заглавномъ листѣ обозначено, что книга напечатана въ типографіи Лопухина. Книга была конфискована у Новикова въ сельцѣ Авдотьинѣ, Бронницкаго уѣзда. Сопиковъ причисляетъ ее къ весьма рѣдкимъ.

Сопиковъ 10169.—Лонгиновъ стр. 224.—Лѣтописи Русской литературы и древности т. 5 стр. 24.—Губерти II, 80. Россійская Библіографія 1880 г. 21. стр. 479.—Березинъ-Ширяевъ 1884 г. стр. 16.

Шибановъ 1—156, 10 р. Шибановъ III—113, 5 р. Шибановъ XII—377, 6 р. Готье 3881, 5 р. Шибановъ XXV—360, 5 р. Клочковъ 92—521, 10 р. Шибановъ XXXIV—478, 5 р. Шибановъ XL—365, 5 р. Клочковъ 107—3350, 10 р.

199. Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанина. Новое изданіе въ Санктпетербургѣ 1816 г. 8°. 2 нен. и 111 нум. стр. съ гравюрой.

Это сочиненіе извѣстнаго масона И. В. Лопухина въ первый разъ издано въ 1798 г., а во второй въ 1801 году. Третье изданіе — настоящее. Заглавіе гравированное. Сочиненіе состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) о началѣ и продолженіи внутренней церкви, 2) описаніе церкви въ образѣ храма, 3) о церкви Антихристовой, 4) о знакахъ истинной церкви Божіей и истинныхъ членовъ главы ея Іисуса Христа, 5) о возрожденіи, о могущихъ въ ономъ быть паденіяхъ, заблужденіяхъ и о ложной духовности, 6) о пути Христовомъ въ душѣ, 7) о подражаніи Іисусу Христу, и 8) о главныхъ средствахъ на пути къ Божественной жизни. Съ 87 стр. помѣщено „краткое изображеніе качествъ и должностей истиннаго христіанина, почерпнутое изъ Слова Божія и расположенное по вопросамъ и отвѣтамъ“. Это сочиненіе чрезвычайно интересно, какъ самобытное произведеніе Рус-

скаго масонства XVIII в., а не переводное. И. В. Лопухинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ масоновъ, писалъ его въ 1789 г. въ Москвѣ, и многое написано имъ во время прогулокъ въ саду графа Разумовскаго, находящемся на Гороховомъ полѣ. Такъ какъ не было надежды напечатать это сочиненіе на Русскомъ языкѣ, какъ оригинальное, то оно первоначально было издано на Французскомъ языкѣ подъ видомъ книги, напечатанной за границей. Сочиненіе это имѣло большой успѣхъ не только у насъ въ Россіи, что̀ доказывается тремя его изданіями, но и за границею, гдѣ оно было переведено на Латинскій и Нѣмецкій языки.

Сопиковъ 12993.—Смирдинъ 10807.—Записки И. В. Лопухина М. 1860 г. 30—32 стр.—Березинъ-Ширяевъ III стр. 19. „Россійская Библіографія“ 1881 г. № 2 стр. 31.—Ешевскій. Русскій Вѣстникъ 1857 г. 21 стр. 190—194.

Мартыновъ 2029, 2 р. Клочковъ 1—190, 75 к. Клочковъ 92—384, 2 р. 50 к. Шибановъ XXIX—249, 1 р. Готье 3950, 3 р.

260. Нѣсколько словъ о г-жѣ Медвѣдевой и объ игрѣ главныхъ артистовъ Московской драматической сцены. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1859. 8°. 16 стр.

Въ брошюркѣ говорится объ артистическихъ талантахъ Шумскаго, Самарина, Щепкина, Васильева; отмѣчается кромѣ того „совершенно новое явленіе, до сихъ поръ невиданное“, а именно говорится о Чернышовѣ, человѣкѣ съ состояніемъ и принадлежащемъ къ одной изъ лучшихъ фамилій, не пренебрегающемъ своимъ талантомъ, а выступившемъ на сцену въ піесѣ „День изъ жизни художника“ и въ Гамлетѣ. Затѣмъ неизвѣстный авторъ этой брошюрки, скрывшій свое имя и фамилію подъ иниціалами Ѳ. Г— кій, переходитъ къ Н. М. Медвѣдевой. Назвавъ ее геніальною актрисою, онъ описываетъ ея талантливую игру въ нѣсколькихъ піесахъ, говоритъ объ ея умѣ, образованіи, объ ея добромъ сердцѣ, прекрасномъ характерѣ и о ея красотѣ. Коснувшись ея красоты, онъ не упускаетъ случая упомянуть о ея „маленькой правильной ножкѣ, вполнѣ достойной башмачка Сандрильоны“. Вообще видно, что брошюрка составлена жаркимъ поклонникомъ Н. М. Медвѣдевой. По удостовѣренію Геннади, этотъ панегирикъ не понравился Медвѣдевой и былъ, вслѣдствіе этого, уничтоженъ до выпуска въ обращеніе; но въ послѣднее время онъ появился у букинистовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и цѣна его понизилась до рубля.

Геннади 202.

Готье 267, 5 р. Шибановъ 1—421, 2 р. Шибановъ IX—95, 2 р. Готье 1146, 5 р. Клочковъ 22—14047, 3 р. Шибановъ XVI—305, 2 р. Готье 1372, 5 р. Шибановъ XXIII—259, 1 р. Шибановъ XXXI—272, 1 р. Шибановъ XXXIX—362, 1 р.

РОССІЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО НА ОБѢДѢ У ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА (1833).

Событіе.

Въ Санктъ-Петербургѣ въ бытность мою, Рыбникова, 13-го Маія 1833-го года, Его Императорское Величество всемилостивѣйшій Государь Императоръ Николай Павловичъ, по случаю выставки Россійскихъ произведеній, изволилъ назначить въ Зимнемъ дворцѣ царскій обѣденный столъ на 500 кувертовъ, къ которому были приглашены по билетамъ по высочайшему повелѣнію, въ 3 часа. А какъ всѣ собрались въ концертную залу, гдѣ стояли водка и закуска, то желающіе пили водку и закусывали. Потомъ къ столу были первые прошены Московскіе фабриканты, за ними С.-Петербургскіе заводчики изъ дворянскаго сословія, изъ иностранцевъ; потомъ всѣ высшіе чины, предсѣдатель Государственнаго Совѣта его свѣтлость Кочубей, министры, генералъ-адъютанты, посланники дворовъ и всѣ военныя и штатскія первоклассныя особы, члены Мануфактурнаго и Комерческаго Совѣтовъ, и комитета выставки и С.-Петербургское первыхъ двухъ гильдій купечество. Всѣмъ были назначены своя мѣста; а что̀ болѣе удивило, по назначенію самаго Императора, въ томъ столѣ, гдѣ самъ Государь съ Государынею и весь Императорскій дворъ намѣрены кушать, назначены восемь персонъ сидѣть за тѣмъ же столомъ, а именно: по лѣвую руку Императора 1-й мануфактуръ-совѣтникъ суконный фабрикантъ Иванъ Назаровъ Рыбниковъ, 2-й мануфактуръ-совѣтникъ Гаврила Никитинъ Урусовъ, 3-й мануфактуръ-совѣтникъ Павелъ Назаровъ Рагожинъ, 4-й Санктъ-Петербургскій градскій голова Кукушкинъ, 5-й мануфактуръ-совѣтникъ Иванъ Михайловъ Кондрашовъ, 6-й Московскій первой гильдіи купецъ суконный фабрикантъ Илья Семеновъ Бабкинъ, 7-й Санктъ Петербургскій первой гильдіи купецъ мануфактуръ-совѣтникъ, сахарный заводчикъ и кавалеръ Прокофій Ивановичъ Пономаревъ *), 8-й заводчикъ химическихъ произведеній Московскій первой гильдіи купецъ и членъ Комерческаго Банка Василій Логиновичъ Лепешкинъ.

---

*) Пономаревъ былъ близко знако̀мъ графу А. Х. Бенкендорфу, въ приморскомъ имѣніи котораго Фалѣ (за Ревелемъ) онъ построилъ для графа Бенкендорфа деревянный домикъ въ Русскомъ вкусѣ, доселѣ сохранившійся подъ именемъ Пономарева. П. Б.

Пришла та минута, шествовали въ ту Георгіевску залу, гдѣ былъ накрытъ столъ, Государь и Императрица рядомъ ручка съ ручкой; за ними Наслѣдникъ престола Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, а за нимъ Великія Княжны рядомъ, Марія и Ольга Николаевны, а за ними Великій Князь Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ.

И какъ скоро Императоръ и Императрица изволили подойти къ двери, то всѣ Ихъ Величеству присутствующіе кланялись, на что самъ Императоръ и Императрица изволили кланяться, и потомъ обошелъ столъ до половины и поперекъ стола изволилъ сѣсть Государь Императоръ противъ самой двери, откуда изволили взойти; а напротивъ его изволила сѣсть Государыня Императрица тоже въ половинѣ стола у самаго входа двери, откуда изволили шествовать. По правую руку Ея Императорскаго Величества сидѣлъ Великій Князь Цесаревичъ Наслѣдникъ престола, а подлѣ его Великія Княжны, старшая и младшая, рядомъ, и возлѣ Ихъ Высочествъ штатсъ-дама Кочубей. По лѣвую руку Государыни Императрицы изволилъ сидѣть Великій Князь Михаилъ Павловичъ, возлѣ Его Высочества двѣ фрейлины Государыни Императрицы, а возлѣ ихъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта его свѣтлость Викторъ Павловичъ Кочубей, и такъ далѣе по классамъ и всѣ чины, по старшинству.

Возлѣ Государя Императора по правую руку сидѣлъ министръ финансовъ графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ; возлѣ его иностранные министры, посланники дворовъ, и такъ далѣе. А по лѣвую рядомъ съ Императоромъ сидѣлъ помянутый фабрикантъ мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ Рыбниковъ, съ которымъ Его Императорское Величество изволилъ, во весь столъ кушавши, разговаривать, и священныя Его Императорскаго Величества слова остались незабвенными у всеподданнѣйшаго и въ потомствѣ его, Рыбникова.

Еще два стола были поставлены къ помянутому первому столу и обозначали литеру покой II, какъ рисункомъ обозначено, за которыми сидѣли по правой сторонѣ въ одномъ столѣ Московскіе фабриканты и заводчики, тоже и С.-Петербургскіе и многія особы изъ дворянъ, имѣющія фабрики и заводы. Въ другомъ столѣ по лѣвую сторону С.-Петербургскіе купцы первой и второй гильдіи и первоклассные чины, всѣ тѣ, кои были приглашены по билетамъ, военные и штатскіе.

Билетъ былъ въ слѣдующихъ словахъ напечатанъ: Къ назначенному, по случаю выставки отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній, обѣденному столу по высочайшему повелѣнію приглашаетесь вы пожаловать въ Зимній Его Императорскаго Величества дворецъ сего 13-го Мая въ Суботу, въ 3 часа по полудни.

Его Императорское Величество всемилостивѣйшій Государь Николай Павловичъ во время стола изволилъ говорить со мною, Рыбниковымъ. Сперва Государь Императоръ изволилъ сказать:

— Кажется, мануфактура наша скорыми шагами идетъ впередъ. Я очень радъ!

Имѣлъ счастіе Рыбниковъ отвѣчать:

— Всемилостивѣйшій Государь, мы въ Москвѣ были въ великомъ уныніи и страхѣ.

— Отчего?

— У насъ разнеслись слухи, Ваше Императорское Величество, яко бы на всѣ мануфактурные товары пошлина уменьшается, и многіе артикулы вовсе дозволятся ввезти безъ пошлины.

— Это неправда; но, напротивъ, увѣряю васъ, что тарифъ вновь будетъ разсмотрѣнъ, и на нѣкоторыя статьи пошлина надбавится, а нѣкоторыя мануфактурныя издѣлія и вовсе будутъ запрещены.

— Государь, это единственная будетъ польза для отечества и всѣхъ сословій въ государствѣ Вашего Императорскаго Величества.

— Выставкой я очень доволенъ: нашелъ всѣ издѣлія и прочія вещи слишкомъ хороши.

— Государь, я отъ всѣхъ фабрикантовъ всеподданнѣйше благодарю Ваше Императорское Величество.

— Московскіе фабриканты достойны вниманія по своимъ издѣліямъ. Чтò Кожевниковъ и его фабрика?

— Въ большомъ разстройствѣ, Ваше Императорское Величество; теперь всѣмъ его имѣніемъ распоряжается конкурсъ.

— Можетъ ли фабрика его когда-либо поправиться?

— Въ скоромъ времени ожидать нельзя, Ваше Императорское Величество.

— Жаль, что такъ случилось. А фабрика была знаменитая. Онъ самъ виноватъ. А ваша фабрика идетъ хорошо?

— Слава Богу, Ваше Императорское Величество.

— Чтó, на Кяхту вы много продали?

— До девяти тысячъ штукъ, Ваше Императорское Величество.

— Отчего въ Москвѣ тонкими сукнами въ сбытѣ затрудняются, я слышалъ?

— Полагаю потому, Ваше Императорское Величество, что въ Москвѣ и ея округѣ, въ теченіи трехъ лѣтъ, до двухъ сотъ фабрикъ вновь развели, и умножилось количество, а покупатели всѣ тѣже; да къ тому-жъ и изъ Польши везутъ очень много тонкихъ суконъ, поелику пошлина взимается почти ничтожная въ сравненіи по тарифу изъ прочихъ мѣстъ наложенной.

— Тамъ фабрики почти всѣ раззорены; нельзя же ихъ съ прочими сравнить, ибо и они наши подданные: имъ и такъ ровныхъ суконъ почти вовсе везти нельзя. Чтó, Рагожинъ женатъ или нѣтъ?

— Женатъ, Ваше Императорское Величество.

— Кто возлѣ головы сидитъ?

— Шелковыхъ издѣлій фабрикантъ Кондратьевъ, Ваше Императорское Величество.

— А кто возлѣ Кондратьева?

— Товарищъ мой, Бабкинъ, Ваше Императорское Величество.

— Давно ли вы товарищи съ нимъ?

— Двадцать три года, Ваше Императорское Величество.

— Были вы въ Технологическомъ Институтѣ?

— Былъ, Ваше Императорское Величество.

— Это заведеніе въ самомъ младенчествѣ.

— Въ послѣдствіи времени это заведеніе должно пользу принесть, Ваше Императорское Величество; только иностранныхъ мастеровъ и техниковъ должно чаще перемѣнять и выписывать чрезъ каждые три года. Извѣстно, что въ Англіи и Франціи успѣшнѣе техника идетъ, нежели гдѣ-либо.

— Это правда. Но Москва становится мануфактурный городъ, какъ Манчестеръ и, кажется, вовсе забыла несчастный 12-й годъ.

— Еще есть, Ваше Императорское Величество, нѣкоторые и помнятъ, а особливо тѣ, которые получили въ ссуду деньги, выстроились, а платить нечѣмъ; теперь ихъ преслѣдуютъ. Виноватъ, Государь, простите!

Что-то поговоря съ министромъ по-французски, оборотясь ко мнѣ сказать изволилъ:

— Я князю Голицыну далъ на волю его снова взыскать, ежели можно; а кто не можетъ, того простить, даже и взысканныя деньги назначилъ тамъ же употребить. Чтó биржа въ Москвѣ строится?

— Нѣтъ еще, Ваше Императорское Величество, а дѣлаются на матеріалы подряды.

— Я люблю Москву; она примѣрная столица, что въ ней всегда тихо. Я желалъ бы, чтобы и всѣ съ нея брали примѣръ.

— У насъ хозяинъ Москвы, князь Голицынъ, хорошій вельможа, Ваше Императорское Величество.

— Да, почему Титова здѣсь нѣтъ и Куманина?

— Титовъ, Ваше Императорское Величество, становится старъ, слабъ здоровьемъ; а Куманинъ съ семействомъ уѣхалъ на богомолье въ Кіевъ и въ Воронежъ.

— Вы не были въ Кронштадтѣ? Вамъ всѣмъ Московскимъ фаб-

рикантамъ надо побывать, увидать, какъ тамъ славно все обстроено и приведено въ порядокъ.

— Непремѣнно исполнимъ приказаніе Вашего Императорскаго Величества.

— Вамъ, господа, непремѣнно должно стараться выдерживать соперничество въ мануфактурѣ съ иностранцами и чтобы сбытъ былъ вашихъ издѣлій не въ одной только Россіи, а и на прочихъ рынкахъ.

— Точно, стараться надо, Ваше Императорское Величество; но еще потребно на это нѣсколько времени, ибо иностранцы столѣтіями насъ опередили.

— Почему наши Россійскіе негоціанты неохотно приступаютъ къ строенію кораблей, чтобъ имѣть обширную торговлю и сношенія со всѣми государствами?

— На это потребны, Ваше Императорское Величество, большіе капиталы; а у насъ не у многихъ они есть.

— Можно бы на акціяхъ или компаніями.

— На первый случай, Ваше Императорское Величество, и то было бы хорошо, ежели бы отъ нашего купечества въ иностранныхъ торговыхъ городахъ были открыты торговые домы, а тогда по времени и корабли сдѣлались бы необходимы.

— Это правда; на первый разъ начать хотя открытіемъ домовъ. Вотъ у насъ Закавказскій край имѣетъ обильнѣйшія всякаго рода произрастенія, множество разныхъ красокъ и виноградовъ, даже можно бы соперничать въ винѣ и съ Франціей; но къ сожалѣнію все еще молчитъ въ забвеніи.

— Къ намъ въ отдѣленіе Мануфактурнаго Совѣта генералъ Завалевскій сообщалъ, Ваше Императорское Величество, проектъ, чтобы тамъ начать, составить компанію на акціяхъ, улучшить плантаціи и даже открыть складочное мѣсто, содѣйствовать торговлѣ съ Персіею. Но отложено до слѣдующаго засѣданія. А Завалевскій, кажется, дѣйствуетъ по порученію министра графа Канкрина.

— Это весьма нужно. (Нѣсколько словъ по-французски графу Егору Францовичу Канкрину сказалъ). Я вамъ мѣшаю кушать. Кушайте, Рыбниковъ.

Сложа руки ладонями вмѣстѣ, прижавъ къ сердцу, я сказалъ:

— Ваше Императорское Величество, какъ мы счастливы, что удостоились за однимъ столомъ кушать съ Батюшкою-Царемъ и Матушкою-Государынею!

— Вы того стоите.

— Ваше Императорское Величество, потомки наши должны благословлять въ сердцахъ своихъ незабвенно сіе событіе, и въ исторіи останется навсегда безсмертнымъ.

— Дѣти ваши здоровы?

— Покорно благодарю, Ваше Императорское Величество. Меньшой сынъ виноватъ передъ Вашимъ Величествомъ: дѣтей у него и теперь еще нѣтъ; а Ваше Императорское Величество ему на Московской выставкѣ сказать изволили, что надѣетесь, у него будутъ дѣти. Ежели Ваше Императорское Величество случится, у перваго младенца осчастливьте быть воспріемникомъ.

— Изволь, изволь, изволь! Не скажу вамъ, что я въ семъ году пріѣду въ Москву на шесть мѣсяцевъ, а на три непремѣнно.

— Въ прошломъ годѣ Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ изволилъ обозрѣвать у меня фабрику и были въ домѣ. Ваше Императорское Величество, во время бытности въ Москвѣ, осчастливьте пожаловать ко мнѣ на фабрику.

— Изволь, непремѣнно буду у васъ. Вы будете на Макарьевской ярмаркѣ?

— Буду, Ваше Императорское Величество.

— И мнѣ желается побывать. Какъ она начинается и когда оканчивается?

— Съ 25-го Іюля, Ваше Императорское Величество, и кончается 28-го и 29-го чиселъ Августа, почти до 1-го Сентября.

— Я подъ конецъ самый, хотя на одинъ день постараюсь быть. Чтò у васъ Коммерческій Судъ открытъ? Вы довольны имъ?

— Открытія не было, Ваше Императорское Величество, а предсѣдатель и товарищъ выбраны, равно и члены отъ купечества; полагаю, очень скоро къ сему приступятъ.

Какъ скоро стали подавать хлѣбенное, всемилостивѣйшій Государь всталъ, тоже и Государыня, Наслѣдникъ престола и Великія Княжны и всѣ присутствующіе.

Государь: — Здоровье Московскихъ фабрикантовъ и всей мануфактурной промышленности!

Фабриканты были предварены, тотчасъ, не садясь, благодарили всемилостивѣйшаго Государя, Императрицу, Наслѣдника престола, Великаго Князя Михайлу Павловича, Великихъ Княженъ и всѣхъ присутствующихъ низкими поклонами. Въ продолженіе стола подавали фрукты, варенья, мороженое и кофій.

По окончаніи стола Государь и Государыня и всѣ вышли въ Концертную залу. Государь и Государыня изволили остановиться посреди залы, а какъ фабриканты Московскіе, Санктъ-Петербургскіе и прочіе съ купечествомъ Санктъ-Петербургскимъ стояли рядомъ въ полукружіи (*), то всемилостивѣйшая Государыня изволила почти къ каждому фабриканту подходить, и министръ графъ Канкринъ каждаго

представлялъ и всякаго по фамиліи называлъ. Государыня всѣхъ привѣтствовала; со многими изволила разговаривать, что она знаетъ его издѣлія, видѣла на выставкѣ и нѣкоторыя хвалила; а Кондрашову указала на свое бѣлое шелковое платье и изволила сказать: «Это ваша матерія». Потомъ подходить ко мнѣ, Рыбникову, всемилостивѣйше изволила мнѣ поручить: «Когда пріѣдете въ Москву, кланяйтесь отъ меня князю Дмитрію Владимировичу Голицыну и Татьянѣ Васильевнѣ». И такъ всѣхъ обойти изволила и стала опять посреди залы, куда, вѣроятно съ позволенія, привели Великаго Князя Константина Николаевича и принесли Великаго Князя Николая Николаевича. Потомъ самъ Государь Императоръ изволилъ также, какъ и Императрица, всѣхъ обойти, а министръ графъ Канкринъ тоже всѣхъ по фамиліи называлъ и представлялъ. Государь со многими фабрикантами и купцами изволилъ разговаривать. Обойдя всѣхъ, Государь взялъ Великаго Князя Константина Николаевича за головушку и наклонялъ оную ему низко, говоря: «Кланяйся, кланяйся ниже». Потомъ ему сказать изволилъ: «Ты адмиралъ, то полѣзай на мачту самъ». Государь сталъ прямо и сказать изволилъ: «На мачту!» Великій Князь Константинъ Николаевичъ сталъ хвататься за Государевы руки, за пуговицы мундира и петли, а потомъ за плечо и влѣзъ на плечо Государя, сѣсть изволилъ лицомъ къ лицу Государя на самый эполетъ; тогда его Государь поцаловалъ и сказать изволилъ всѣмъ присутствующимъ: «Это адмиралъ исправный». Потомъ сказать изволилъ: «Ну, адмиралъ, тѣмъ же маршемъ съ мачты долой!»

Потомъ Государь беретъ на руки Великаго Князя Николая Николаевича и изволитъ говорить: «Вотъ къ сожалѣнію весьма былъ боленъ почти шесть мѣсяцевъ, однако теперь прошло»; отдаетъ Великаго Князя Николая на руки къ нянюшкѣ. И почали Государь и Государыня раскланиваться, и всѣ имъ тоже кланялись. Они изволили выйти изъ этой залы въ комнату сбоку, въ которой стеклянныя двери, и въ той комнатѣ Государь всѣхъ Великихъ Князей, Княженъ, кого потреплетъ по щечкѣ, кого поцалуетъ. А мы всѣ сквозь дверь стеклянную все кланялись, только когда къ намъ становился лицомъ. А Государыня къ нему подходила. Государь съ нею нѣсколько усмѣхался, и мы, насладясь лицезрѣнія благословенной четы, Государю и Государынѣ поклонясь нѣсколько разъ, пошли изъ дворца, и сказалъ я, Рыбниковъ: «Слава Тебѣ, Боже, и тебѣ, Царю-Батюшкѣ многолѣтствовать!»

Мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Назаровъ Рыбниковъ.

КЪ СТАТЬѢ О ДВУХСОТЛѢТІИ КОМЕДІЙНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

Въ 12 выпускѣ „Русскаго Архива“ за прошлый годъ, напечатана статья „Двухсотлѣтіе Русскаго сценическаго искусства и комедійной Московской школы“, подписанная „Звенигородцемъ“. Въ концѣ ея авторъ говоритъ, что послѣ 1674 года дальнѣйшая судьба Московской придворной комедійной школы неизвѣстна, но весьма вѣроятно, что со смертію Матвѣева эта затѣя покончилась, не найдя поддержки ни въ комъ изъ окружавшихъ преемника Алексѣя Михайловича, царя Θеодора Алексѣевича, который чуждался всякихъ потѣхъ и увеселеній, по свойству своего глубоко-набожнаго, но необщительнаго характера.

Такое заключеніе автора, въ существѣ дѣла правильное, нуждается однако въ поясненіи.

Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича (1677 — 1682) у насъ пріобрѣло значеніе Южно-русско-польское направленіе, особенно усилившееся послѣ женитьбы государя на Агаѳьѣ Семеновнѣ Грушецкой, родомъ изъ выѣхавшей въ Россію шляхетской семьи. Господствовавшее въ послѣдніе годы правленія Алексѣя Михайловича вліяніе Нѣмцевъ - протестантовъ, первыхъ піонеровъ у насъ комедійнаго дѣла, пало. „Отецъ и другъ Нѣмцевъ“, А. С. Матвѣевъ, женатый на Шотландкѣ Гамильтонъ, былъ сосланъ въ Сибирь. Нѣмецкій театръ, по царскому указу, былъ убранъ; вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, окончила существованіе и комедійная школа. По крайней мѣрѣ, о послѣдней мы не имѣемъ извѣстій до 1702 года, когда наше правительство вознамѣрилось имѣть актеровъ изъ своихъ и, для этой цѣли, выбравъ 17 человѣкъ подъячихъ изъ разныхъ приказовъ, отдало ихъ въ науку Ягану Куншту.

Уже намѣреніе правительства имѣть актеровъ „изъ своихъ“ указываетъ на то, что въ періодъ 1674—1702 гг. театральныя зрѣлища не прекращались; измѣнился лишь ихъ характеръ. Прежде „тѣшили“ царя Алексѣя Нѣмцы, потомъ Нѣмецкій театръ былъ закрытъ, но вошли въ моду Польскіе обычаи, появились Польскія и Латинскія школы, явился и театръ, но, конечно, уже въ новомъ духѣ. Театральныя произведенія Симеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева, Димитрія Ростовскаго носятъ на себѣ ясные слѣды

зависимости отъ подобныхъ же Польскихъ произведеній. Царевна Софья Алексѣевна полюбила представленія, сама писала пьесы, играла въ нихъ *), и вскорѣ мистеріи стали смѣшиваться съ комическимъ. По свидѣтельству Штелина, Мольеровъ „Врачъ противъ воли" (Médecin malgré lui) былъ игранъ еще въ дѣтствѣ Петра въ Москвѣ и былъ первою пьесою недуховнаго содержанія, въ которой участвовала сама царевна и многія придворныя дамы.

Такимъ образомъ, было бы, по моему мнѣнію, слишкомъ смѣло утверждать, что послѣ 1674 г. комедійное дѣло совершенно пало и возродилось лишь въ эпоху Петра Великаго. Нѣтъ, оно существовало, но только въ существованіи своемъ переживало кризисъ.. Объ отношеніяхъ Өеодора Алексѣевича къ театральнымъ представленіямъ, намъ, правда, ничего не извѣстно; но не думаемъ, чтобы онъ относился къ нимъ безучастно. Набожность царя не могла служить препятствіемъ къ подобнаго рода развлеченіямъ, коль скоро они были проникнуты духомъ религіознымъ. „Тишайшій" отецъ его былъ человѣкъ глубоко-религіозный, а не задумывался посмотрѣть пляску Орфея; да и Өеодоръ Алексѣевичъ иногда не прочь былъ развлечься. Царь любилъ пѣніе и имѣлъ собственныхъ пѣвчихъ. Изъ дѣлъ Большаго Приказа видно, что „спѣвакѣ Григорію Воробьеву" приказано было сшить рукавицы красныя на песцовомъ мѣху, опушенныя бобровыми обочинами. Впрочемъ, въ дѣлахъ того же Приказа упоминается и царскій шутъ „дуракъ Тарасъ".

Г. Воробьевъ.

Г. Плоцкъ.

ЖИВОПИСЕЦЪ ЛАГРЕНЕ ВЪ РОССІИ.

Луи Лагрене или Лагрене Старшій (1724—1805), ученикъ Ванло, былъ однимъ изъ типичныхъ представителей той Французской школы живописи восемнадцатаго вѣка, которая не превзойдена, можетъ быть, въ изяществѣ и граціи, но не оставила глубокаго слѣда, будучи поверхностной, не идя дальше красивыхъ вымысловъ и скользя по глубокимъ сторонамъ искусства. Какъ изящные декораторы, все украшавшіе, переносившіе воображеніе въ увлекательный и легкій міръ, Французскіе художники по всей Европѣ были баловнями легкомысленнаго восемнадцатаго вѣка, вызвавшаго ихъ къ жизни и на который, въ свою очередь, творчество сильнѣйшихъ отъ нихъ, какъ Буше, Ватò, наложило свой особый, неизгладимый колоритъ. Въ жанрѣ они создали свой невѣроятный „пастушескій“ міръ, миѳологію превратили въ какой-то праздникъ красивыхъ позъ, лицъ и красокъ, портрету дали, смотря по требованію, или пышность или кокетливую красоту, историческимъ сценамъ—условную торжественность и даже для священныхъ изображеній непремѣннымъ условіемъ поставили эфектность и красивость общей композиціи, мало заботясь о духовной сторонѣ предмета. Они однако были законодателями вкуса во всей Европѣ и временно имѣли вліяніе на искусство всего образованнаго міра.

Разцвѣтъ этой школы совпалъ со временемъ первыхъ насажденій искусствъ въ Россіи, съ первыми заботами о созданіи у насъ художественнаго образованія. Послѣ придворныхъ художниковъ-иностранцевъ, выписаны были изъ Франціи два „инструктора“ во вновь учрежденную Академію Художествъ. Среди Петербургскихъ тумановъ стали преподавать живопись, собраннымъ изъ дальнихъ краевъ Россіи юношамъ, два Парижскихъ живописца Лоренъ и Лагрене, которые вмѣстѣ съ Россіяниномъ Козловымъ и были первыми директорами Петербургской Академіи Художествъ.

Вліяніе ихъ замѣтно на первоначальной, подражательной эпохѣ нашей живописи, и отъ дѣйствія его свободенъ лишь такой сильный индивидуальный талантъ, какъ Боровиковскій, стоявшій вдобавокъ въ сторонѣ отъ Академіи, тогда какъ и даровитый Левицкій подпалъ подъ это вліяніе, превзойдя, впрочемъ, своихъ учителей.

Сохранился перечень работъ Лагренѐ, составленный имъ самимъ, принадлежащій Эдмонду Гонкуру и напечатанный въ книгѣ этого талантливаго писателя: „Portraits intimes du dix-huitieme siecle“ (Paris 1878, стр. 323). Здѣсь, годъ за годомъ, художникъ вноситъ записи о томъ, что̀ выходило изъ-подъ его кисти и, какъ человѣкъ аккуратный, отмѣчаетъ и то, что̀ каждое произведеніе приносило ему въ видѣ франковъ или изрѣдка обмѣна и подарковъ. Подъ 1756 годомъ прекращаются имена Французскихъ заказчиковъ, и мы читаемъ слѣдующее.

„Я уѣхалъ въ Россію, вызванный императрицею Елисаветою, 27 Сентября 1756 года и возвратился 27 Апрѣля 1762 года, вслѣдствіе кончины императрицы. Вотъ перечень картинъ, написанныхъ въ Россіи съ цѣнами ихъ:

1. Воскресеніе Христово, картина для ея императорскаго величества, 5000 франковъ.

2. Портретъ графа Шувалова, бюстъ, 1000 фр.

3. Портретъ маркиза Де Л'Опиталь, Французскаго посланника при Русскомъ дворѣ, 1000 фр

4. Портретъ г-жи Сакко [1]), 750 фр.

5. Портретъ графини Шуваловой, 1000 фр.

6. Портретъ молодой графини Шереметевой, 2000 фр.

7. Портретъ графа Шувалова въ ростъ, 3000 фр.

8. Танкредъ и Клоринда. Картина съ фигурами въ настоящую величину для графа Андрея Шувалова, 3000 фр.

9. Портретъ графа Андрея Шувалова, бюстъ, 750 фр.

10. Русская Императрица покровительствующая искусствамъ, картина, писанная для моего пріема въ Петербургскую Академію Художествъ [2]).

11. Судъ Париса, для г. камергера Шувалова, перваго министра, 3000 фр.

12. Лотъ съ дочерьми, для графа Бутурлина, 3000 фр.

13. Аполлонъ покидаетъ Клитію. Рисунокъ для графа Строганова. Получилъ подарокъ въ 500 фр.

14. Портретъ въ ростъ графини Шуваловой, 3000 фр.

15. Сцевола сжигаетъ руку передъ Порценой. Маленькая картина для графа Строганова, 1000 фр.

16. Эскизъ фамильнаго портрета, 200 фр.

17. Римское милосердіе, для графа Андрея Шувалова, 1500 фр.

---

[1]) Кто эта г-жа Сакко, намъ неизвѣстно. П. Б.

[2]) Эта картина, а также картины отмѣченныя въ этомъ спискѣ подъ номерами 11, 12 и 17, находятся и теперь въ Академіи Художествъ.

18. Эскизъ плафона большой галлереи Императорскаго дворца. Произведеніе это не было выполнено, за смертію императрицы, также какъ и эскизъ Тронной залы, 1000 фр.“

„Сверхъ того“, прибавляетъ разсчетливый Французъ, „сбережено мною какъ изъ жалованья моего, которое было въ 10.000 франковъ, такъ и изъ суммъ отпускавшихся на содержаніе экипажа и лошадей, на отопленіе, освѣщеніе, меблировку (5000 франковъ), на что, какъ я сказалъ, отпускались деньги особо, равно отъ продажи двухъ экипажей и лошадей при отъѣздѣ моемъ, всего 9000 фр.

Что̀, вмѣстѣ съ заработанными за картины 25.000 фр. составляетъ всего добытаго въ Петербургѣ 39.700 фр.“.

Изъ дальнѣйшаго списка картинъ видно, что Лагренѐ и послѣ отъѣзда изъ Петербурга не совсѣмъ порвалъ связи съ Россіей. Императрица Екатерина II покупаетъ у него двѣ большихъ картины: „Vertumne et Pomone“ и „Юпитеръ въ образѣ Діаны и Калисто“, по 600 франковъ каждая, и два маленькихъ пандана: „Живопись“ и „Скульптура“, по 360 фр.; а фельдмаршалъ графъ Разумовскій—маленькую „Мадонну“. Польскій король Станиславъ-Августъ купилъ у него за 4800 фр. характерную картину: „Цезарю подносятъ голову Помпея“.

Впослѣдствіи Лагренѐ былъ директоромъ Французской Академіи живописи въ Римѣ, почетнымъ смотрителемъ музеевъ и т. п. Революція нанесла непоправимый ущербъ его благополучію, лишивъ его званій и государственной пенсіи. Но еще болѣе тяжелый ударъ нанесло ему новое направленіе живописи, благодаря которому заброшены были самые блестящіе представители прежняго искусства. Въ Россіи былъ онъ въ періодъ своего блеска. Умеръ Лагренѐ забытый и пережившій свою славу.

В. Горленко.

О ПРЕБЫВАНІИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА ВЪ ТАМАНИ.

Въ городѣ Темрюкѣ проживаетъ весьма почтенный старикъ, есаулъ въ отставкѣ, С. З. П—въ, который намъ любезно сообщилъ о Лермонтовѣ слѣдующее.

Дѣло было, сколько онъ помнитъ, въ 39-мъ или 40-мъ году. П—въ, какъ и ему подобныя дворянскія дѣти бывшаго Черноморскаго войска, служилъ 18-лѣтнимъ юношей въ Таманскомъ земскомъ сыскномъ начальствѣ. Въ Тамани, какъ тогдашнемъ административномъ центрѣ, пребывали и убывали разныя войска. Съ нимъ и въ одно время въ Тамань попалъ и Лермонтовъ, котораго ни г. П—въ, ни его сослуживцы не знали, какъ писателя и поэта. На видъ онъ былъ не казистъ, носилъ рубашку съ высокимъ воротникомъ, за свои постоянныя остроты надъ другими и не стѣсняемое поведеніе былъ прозванъ служащими въ сыскномъ начальствѣ *шалопутомъ*. Отъ нечего дѣлать онъ часто захаживалъ въ сыскное начальство. Придя однажды, по обыкновенію онъ сѣлъ на стулъ и сталъ покачиваться на немъ такъ сильно, что стулу грозила опасность быть разрушеннымъ. Тогда С. З. П—въ, бывшій дежурнымъ въ учрежденіи, сказалъ ему: „Послушай, ты казенныхъ стульевъ не смѣй ломать; иначе мы тебя выведемъ отсюда“. Смѣясь, М. Ю. Лермонтовъ замѣтилъ: „Развѣ можно такъ говорить старому Кавказскому офицеру?“ По отъѣздѣ его изъ Тамани и послѣ появленія въ печати повѣсти „Тамань“, всѣ, конечно, узнали, что́ изъ себя изображалъ шалопутъ-офицеръ. По словамъ г. П—ва, онъ зналъ лично ту дѣвицу, о которой упоминается въ повѣсти и тотъ домъ, который въ настоящее время будто бы существуетъ гдѣ-то около обрыва въ Тамани, изображая собою чрезвычайно ветхую хижину.

Не мѣшало бы, изъ уваженія къ памяти поэта, сохранить этотъ домикъ.

Инспекторъ Темрюкскаго городскаго училища О. Арканниковъ.

ПИСЬМО А. С. ХОМЯКОВА КЪ С. Т. АКСАКОВУ.

(1857).

Дорогой и почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳѣевичъ. Не доброе затѣяли вы дѣло—хворать. И что же глядитъ Гольденбергъ? Какъ онъ это допускаетъ? Вѣдь такая его слабость наноситъ нѣкоторый позоръ гомеопатіи. Если же вы сами его не призываете, то право съ вашей стороны не хорошо: если человѣкъ имѣетъ какую-нибудь возможность быть здоровымъ, онъ не имѣетъ права хворать. Пожалуйста не допускайте себя до такой дурной привычки.

Замедлилъ я отвѣчать вамъ и доставить условія, которыя вы желали получить. Причина вотъ какая. Я знаю, что мои здѣшнія условія съ крестьянами вамъ не идутъ, и сверхъ того они не тѣ, которыхъ дѣйствіе знаетъ и одобряетъ Перфильевъ [1]). Поэтому я писалъ въ тѣ конторы, чтобы мнѣ выслали одинъ изъ подлинниковъ, здѣсь велѣлъ списать и два списка къ вамъ теперь посылаю. Отъ души желаю, чтобы они вамъ пригодились при тѣхъ перемѣнахъ, на которыхъ вамъ укажетъ ваше собственное и подробное знаніе своей мѣстности. На будущій годъ, если Богъ поможетъ, я кончу вездѣ; нынѣшній годъ не удалось за отсрочкою въ межеваніи по одной деревнѣ. Крестьяне нетерпѣливо ждутъ этого, и я едва могъ ихъ уговорить для собственной же пользы отложить. Петербургская перемолчка ничего не значитъ: я имѣлъ вѣрнѣйшее доказательство, что тамъ объ этомъ думаютъ, и постоянно. Не знаю, ошибаюсь ли; но кажется мнѣ, что близость ревизіи имѣетъ нѣкоторое вліяніе на кажущееся усыпленіе: время это будто бы неудобно для перемѣнъ [2]).

Здѣсь слышно, что Б. А. Павл. какъ-то устроился и будто бы даже другой, Шевыревскій врагъ, тоже что-то сдѣлалъ; но этотъ, будучи либераломъ, говорятъ, въ чемъ-то крестьянъ надулъ. Дѣло вѣроятное и на которое я его считаю крайне способнымъ.

---

[1]) Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, въ то время предсѣдатель Московскаго Опекунскаго Совѣта. П. Б.

[2]) А. С. Хомяковъ скончался 23 Сентября 1860 г., слѣд. за нѣсколько мѣсяцевъ до раскрѣпощенія; но въ имѣніяхъ его, за долго до того, крестьяне переведены были съ барщины на оброкъ, а къ концу жизни имѣлъ онъ утѣшеніе знать, что во всѣхъ его деревняхъ состоялось между нимъ и крестьянами соглашеніе, опредѣлявшее ихъ взаимныя отношенія. Оттого память А. С. Хомякова до сихъ поръ свято чтится у бывшихъ его крѣпостныхъ крестьянъ. П. Б.

Но что́ за милая вещь губернія! Всѣ ждутъ перемѣны, большая часть боится ея, и что же? Поѣзжайте къ помѣщикамъ: они знаютъ (по крайней мѣрѣ думаютъ, что знаютъ) интриги придворныя, разсказываютъ анекдоты про то, что̀ дѣлается въ уѣздахъ, напр., что въ Ефремовскомъ уѣздѣ докторъ прописалъ барынѣ микстуру съ надписью: «передъ пріемомъ встряхивать», и домашніе поняли это такъ, что надобно всякій разъ передъ пріемомъ встряхивать больную, отъ чего она чуть-чуть не умерла; а про опыты, дѣлаемые помѣщиками въ отношеніи къ измѣненію отношеній съ крестьянами, скорѣе узна̀ете въ Москвѣ, чѣмъ за десять верстъ отъ тѣхъ деревень, гдѣ произво̀дятся опыты. Что̀ за гнилое сословіе! Право, хуже поповскаго. Когда я буду въ Москвѣ, я вамъ разскажу про одинъ интересный вечеръ, проведенный мною на постояломъ дворѣ въ распиваніи чая съ Лебедянской чиновницею и откупившимся на волю крестьяниномъ-прасоломъ. Безстрастный смыслъ этого человѣка меня порадовалъ: въ немъ удивительно высказывалась та особенность крестьянина, которую я давно въ немъ вижу, не смотря на сомнѣнія многихъ и которой иначе нельзя назвать какъ историческимъ чутьемъ. Отъ этого-то чутья, по моему мнѣнію, происходитъ и самое безстрастіе и какая-то важность въ толкованіи о вопросахъ общественныхъ. Была когда-то эта способность вѣроятно и въ другихъ сословіяхъ, но ее утратили; а сохранилась она, по закону правосудія, только въ сословіи обиженномъ. Я радъ, что мы ихъ презрителю, Соловьеву, отпѣли пѣсенку [1]). Ну да это повуда въ сторону!

Читали ли вы въ «Молвѣ» статейку мою о современномъ вопросѣ, и довольны ли? Не знаю, напечатана ли моя статья о Чичеринѣ? Мнѣ хотѣлось покончить ту полемику, которая шла у насъ съ западниками. Я дѣлаю вопросы; не привезетъ ли Константинъ Сергѣевичъ отвѣта? Какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ! У васъ теперь и Европейскій путешественникъ [2]). Говорятъ, что его отказались возстановить въ правахъ литературнаго гражданства. Если это правда, значитъ противъ нихъ злопамятны. Опять скоро въ Москвѣ полный сборъ. Не соберемся ли съ силами для большей дѣятельности? Всѣмъ вашимъ передайте поклонъ мой; а вы, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, похлопочите о своемъ здоровьи. Вашъ отъ души А. Хомяковъ.

Адресую не къ вамъ за незнаніемъ адреса.

(Съ подлинника, сообщеннаго Д. А. Хомяковымъ).

---

[1]) Подразумѣваются четыре статьи (Хомякова, Ю. Ѳ. Самарина, К. С. Аксакова и П. А. Безсонова), вмѣстѣ вышедшія, въ опроверженіе статьи С. М. Соловьева: „Шлецеръ и антиисторическое направленіе". Статьи эти появились въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 года кн. 3-й, чѣмъ и опредѣляется время написанія этого письма. П. Б.

[2]) Николай Ивановичъ Тургеневъ? П. Б.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ БАРОНУ БУДБЕРГУ.

Monsieur le général baron de Budberg.

Le sujet de cette lettre étant une affaire de quelque importance et mon écriture n'étant pas de plus lisibles, j'ai préféré de dicter ce que j'ai à vous dire.

Un courrier, arrivé de Schleswig, m'a apporté une lettre de ma fille et la pièce allemande, que vous trouverez ci-jointe. Je vous avoue que la proposition qu'elle renferme m'a indignée, tant par elle même que par son motif. Il ne s'agit de rien moins que de transporter à Weimar la moitié de la dot de ma fille, placée ici, et cela est motivé, d'après la lettre de ma fille, «par l'embarras où sont les états de Weimar de trouver de l'argent pour payer la contribution». Ce serait donc la dot de la Grande-Duchesse qui doit remplir les caisses du Weimar, ennemi de la Russie dans ce moment et qui, employée au payement d'une contribution imposée par Napoléon, servirait ensuite à alimenter la guerre qu'il nous fait! Cette réflexion seule suffit pour apprécier la proposition à sa juste valeur, quand même elle ne serait pas diamétralement contraire aux stipulations du contrat de mariage; stipulations qui sont toujours regardés comme des actes sacrés, et qui doivent d'autant plus l'être pour nous qu'elles sont fondées sur la volonté de feu l'Empereur; stipulations, dont la profonde sagesse a été mise dans son plein jour par les circonstances malheureuses du moment, où les enfants de feue ma fille Hélène seraient dénués de toute ressource si la moitié de la dot de leur défunte mère n'était pas restée en Russie. Que deviendraint-ils, si on n'avait pas pris cette sage précaution? Ce n'est donc pas seulement, comme il est gratuitement avancé dans l'écrit allemand, parce que la moitié de la dot dans de certains cas doit retourner à la couronne de Russie, que la stipulation de la placer dans nos banques a été faite; mais c'est pour assurer aux Grandes-Duchesses un sort indépendant; c'est pour leur ménage, ainsi qu'à leurs enfants, une ressoure hors de toute atteinte, quels que soyent les événements qui les attendent dans l'étranger.

On parle des sûretés qu'on veut offrir pour le remboursement de ces 500 t. roubles; mais on devrait se rappeler en premier lieu que l'on a déjà à répondre d'une somme pareille dont la moitié peut dans de certains cas être réclamée; et puis sur quelles bases fragiles reposent les sûretés que l'Allemagne peut offrir dans ce moment! La sécurité la plus naturelle, comme la plus solide, des Grandes-Duchesse consiste en ce que le capital qui leurs assure dans tous les cas possibles une substance et des ressources, se trouve dans leurs pays natal. On prétend faciliter le payement des intérêts qui n'a jamais rencontré la moindre difficulté et épargner les frais de remise et de commission que la Grande-Duchesse n'a jamais portés, comme si l'on ignorait que par la bonté de feu et celle de l'Empereur, mon très cher fils, la valeur du rouble est pour ces remises invariablement fixée et que les frais sont bonifiés séparement au banquier.

Vous ayant exposé mon opinion sur cette affaire, je vous prie, mon général, de la porter à la connaissance de l'Empereur avec les extraits de contrat de mariage que je joins ici, et d'obtenir de lui une réponse que je puisse envoyer à la Grande-Duchesse. Je suis assurée que mon fils portera un respect sacré aux dispositions faites par feu son père, qui ont si évidement le bonheur de ses soeurs pour premier but et qu'au reste il a déjà ratifié lui-même le contrat de mariage de ma fille Marie, fait à l'imitation de celui de sa soeur Hélène, ayant été conclu dans son règne. Mais, quoique je crois qu'il sera d'accord avec moi dans la facon de juger de cette étrange proposition, il faut une réponse formelle de sa part, que vous aurez la bonté de me faire parvenir. C'est avec bien du plaisir, au reste, que je profite de l'occasion pour réitérer l'expresion des sentiments d'estime et de bienveillance avec lesquels je suis votre affectionnée «Marie».

«Je vous prie, mon cher général, de me faire prompte réponse. Je vais vous communiquer encore un passage de la lettre de ma fille sur laquelle de même vous me ferez plaisir demander les intentions de l'Empereur».

«La comtesse Henkel a deux fils, dont l'aîné est parmi les gardes du corp prussiens, et le cadet n'est point en service et a 20 à 22 ans. Ce jeune homme, qui est aux environs de Königsberg, depuis qu'il a vu les Russes, s'est tellement passionné pour tout ce qui est Russe, qu'il meurt d'envie d'entrer au service de notre Monarque et qu'il a beaucoup prié sa mère de lui procurer ce bonheur. Elle a plutôt le désir de le voir entrer dans la carrière civile que militaire et m'a demandé s'il y aurait bien moyen de le faire inscrire au Collège des Affaires Étrangères».

«Comme je suppose que vous n'avez pas auprès de vous les contrats de mariage de mes filles Hélène et Marie, j'en ai fait extraire articles qui regardent la dot et les joins ici. La pièce allemande étant l'original qui m'a été envoyé, je vous prie de me la renvoyer quand vous me transmettrez la réponse de l'Empereur».

«Marie».

S-t Pétersbourg, le 28 avril 1807.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ БАРОНУ БУДБЕРГУ.

Monsieur le général de Budberg.

Constamment animé par le plus tendre intérêt pour tout ce qui concerne ma très chère soeur la Grand-Duchesse Marie, princesse héréditaire de Saxe-Weimar, j'ai examiné avec une attention particulière la demande enoncée par les états de ce pays d'obtenir, à titre d'emprunt, le demi-million de roubles formant la moitié de la dot de ma soeur et qui, en vertu de son contrat de mariage, doit rester en Russie. Quelque soit mon désir de contribuer au soulagement d'un pays qui est devenu une seconde patrie pour ma soeur, je ne saurais cependant perdre de vue les motifs très fondés qui ont dicté les dispositions de feu mon père, de glorieuse mémoire, relativement à la dot des Grandes-Duchesses mes soeurs et que j'ai moi-même ratifiées. Je ne saurais également ne pas prendre en considération la situation actuelle des affaires où, par une complication des malheurs inouïs, le duché de Saxe-Weimar se trouve partager le triste sort de la majorité de l'Allemagne, qui gémit sous le joug du gouvernement Français, et que, par conséquent tout secours pécuniaire accordé aux états ne tarderait pas à passer dans les coffres de l'ennemi et l'alimenterait ainsi la guerre qu'il nous fait. Je me trouve donc dans l'impossibilité parfaite d'adhérer à la proposition des états de Weimar, mentionnée dans la lettre du 28 avril que vous a adressée l'Impératrice Ma Mère, et je vous autorise à en rendre compte à Sa Majesté Impériale. Je désire du reste qu'en appréciant à leur juste valeur les motifs qui m'empêchent de me prêter à leur voeu, les états soyent bien persuadés que ce refus ne tient nullement à un manque de bonne volonté de ma part et que bien au contraire je serai toujours prêt à leur donner tous les témoignages de mes bonnes dispositions et de mon estime, qui seront compatibles avec les lois fondamentales de mon Empire, ainsi qu'avec les circonstances. Je suis, monsieur le général, votre bien affectionné (signée:) Alexandre.

Bartenstein. Ce 6 may 1807.

Переводъ.

Господинъ генералъ баронъ Будбергъ. Такъ какъ предметъ письма этого имѣетъ нѣкоторую важность, а почеркъ мой не изъ очень четкихъ, то я предпочла продиктовать то, что̀ мнѣ нужно вамъ передать. Прибывшій изъ Шлезвига курьеръ привезъ мнѣ письмо отъ моей дочери и приложенную при семъ Нѣмецкую бумагу. Признаюсь, что содержащееся въ немъ предложеніе возмутило меня, какъ само по себѣ, такъ и его поводомъ. Дѣло, ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы перевести въ Веймаръ половину помѣщеннаго здѣсь приданаго моей дочери, и это, по письму моей дочери, вызвано „затрудненіемъ Веймарскаго правленія найти денегъ, чтобы уплатить контрибуцію". Итакъ приданымъ Великой Княгини хотятъ пополнить казну Веймара, который въ настоящую минуту врагъ Россіи, и деньги эти, употребленныя въ уплату наложенной Наполеономъ контрибуціи, пойдутъ потомъ на издержки войны, которую онъ ведетъ противъ насъ! Уже одно это соображеніе даетъ возможность опредѣлить настоящее значеніе такого предложенія, если бы оно и не было діаметрально противно условіямъ брачнаго договора, которые всегда считались священными, и для насъ должны быть тѣмъ болѣе таковыми, что они основаны на волѣ покойнаго Государя. Глубокая мудрость ихъ вполнѣ обнаружилась въ несчастныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени: дѣти покойной моей дочери Елены очутились бы безъ всякихъ средствъ, если бы половина приданаго ихъ матери не была оставлена въ Россіи. Что̀ сталось бы съ ними, не будь принята эта мудрая предосторожность? Половина приданаго помѣщена въ Россійскихъ банкахъ не потому только (какъ напрасно говорится въ Нѣмецкой бумагѣ), что оно въ извѣстныхъ случаяхъ должно возвратиться въ Русскую императорскую казну, но для обезпеченія Великихъ Княженъ: это неприкосновенный запасъ для ихъ обихода, для ихъ дѣтей, какія бы обстоятельства ни случились съ ними въ чужихъ краяхъ.

Говорится о залогахъ, которые хотятъ предложить для вѣрнаго восполненія этихъ 500 т. рублей; но прежде всего надлежало бы вспомнить объ отвѣтственности въ подобной же суммѣ, половина которой въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть потребована назадъ; а потомъ, какъ ненадежны въ настоящее время залоги, которые можетъ предложить Германія. Самое естественное, какъ и самое прочное, обезпеченіе Великихъ Княженъ въ томъ, что капиталъ, на который, каковы бы ни были обстоятельства, могутъ онѣ жить, имѣя средства въ запасѣ, находится въ ихъ родной странѣ. Утверждаютъ, что облегчится уплата процентовъ; но въ этомъ никогда не встрѣчалось ни малѣйшаго затрудненія; а относительно сбереженія расходовъ за переводы и комиссію, Великая Княгиня никогда ихъ не знала. Будто неизвѣстно, что по милости покойнаго и таковой же нынѣшняго Государя, моего любезнѣйшаго сына, цѣнность рубля при этихъ переводахъ опредѣлена неизмѣнно, и банкиръ получаетъ за то вознагражденіе отдѣльно.

Изложивъ вамъ мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, прошу васъ, генералъ, довести его до свѣдѣнія Государя, съ приложенными здѣсь извлеченіями изъ брачнаго договора, и получить отъ него отвѣтъ, который бы я могла послать Великой Княгинѣ. Я увѣрена, что сынъ мой благоговѣйно отнесется къ распоряженіямъ покойнаго своего отца, которыя столь явно имѣютъ цѣлью благосостояніе его сестеръ. Впрочемъ онъ самъ подтвердилъ

заключенный въ его царствованіе брачный договоръ дочери моей Маріи, написанный на подобіе брачнаго договора сестры его Елены. Полагая, что онъ одинаково со мною посмотритъ на это странное предложеніе, я всетаки должна имѣть формальный отъ него отвѣтъ, который вы, будьте добры, доставьте ко мнѣ. За тѣмъ, съ большимъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ возобновить вамъ выраженіе чувствъ уваженія и благосклонности, съ каковыми есмь ваша благожелательная Марія.

Прошу васъ, любезный генералъ, о скоромъ отвѣтѣ. Еще сообщаю вамъ выдержку изъ письма моей дочери, по которой, сдѣлайте мнѣ удовольствіе также, спросите у Государя, какъ онъ думаетъ.

„У графини Генкель два сына, изъ которыхъ старшій въ Прусской гвардіи, а меньшой, лѣтъ 20 или 22, еще не въ службѣ. Этотъ молодой человѣкъ, находясь въ окрестностяхъ Кенигсберга, какъ только увидалъ Русскихъ, до того плѣнился всѣмъ что̀ есть Русскаго, что сгараетъ желаніемъ поступить на службу нашего Монарха и очень просилъ свою мать доставить ему это счастіе. Ей хочется, чтобы онъ лучше поступилъ не въ военную, а въ гражданскую службу, и она меня спрашивала, нѣтъ ли возможности опредѣлиться ему въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ".

Полагая, что при васъ не имѣется брачныхъ договоровъ дочерей моихъ Елены и Маріи, я велѣла сдѣлать изъ нихъ выписки, касающіяся приданаго, и прилагаю здѣсь. Нѣмецкая бумага есть подлинникъ, и потому прошу васъ возвратить ее мнѣ, когда вы доставите мнѣ отвѣтъ Государя. С.-Петербургъ, 28 Апрѣля 1807. Марія.

*

Господинъ генералъ Будбергъ. Постоянно одушевленный нѣжнѣйшимъ участіемъ ко всему относящемуся до любезнѣйшей сестры моей Маріи, наслѣдной принцессы Саксенъ-Веймарской, я съ особеннымъ вниманіемъ разсмотрѣлъ прошеніе правленія этой страны о томъ, чтобы получить заимообразно полмиліона рублей, которые составляютъ половину приданаго моей сестры и, въ силу ея брачнаго договора, должны оставаться въ Россіи. Какъ ни желательно мнѣ содѣйствовать къ облегченію страны, сдѣлавшейся вторымъ отечествомъ для сестры моей, не могу я упускать изъ виду тѣ весьма основательныя распоряженія, которыя сдѣланы относительно приданаго сестеръ моихъ Великихъ Княженъ покойнымъ отцомъ моимъ, славной памяти, и которыя подтверждены мною самимъ. Равнымъ образомъ не могу я не принять во вниманіе настоящаго положенія дѣлъ, когда, по сцѣпленію неслыханныхъ бѣдствій, Саксенъ-Веймарское герцогство раздѣляетъ печальную участь большей части Германіи, стонущей подъ игомъ Французскаго правленія, и когда слѣдовательно всякая денежная помощь, оказанная Веймару, не замедлитъ перейти въ сундуки непріятеля и будетъ употреблена на войну, которую онъ ведетъ противъ насъ. И такъ мнѣ совершенно невозможно согласиться на предложеніе Веймарскаго правленія, упомянутое въ письмѣ отъ 28 Апрѣля, съ которымъ обратилась къ вамъ Императрица моя мать, и я васъ уполномочиваю сообщить о томъ Ея Императорскому Величеству. Впрочемъ, я желаю, чтобы Веймарцы, взвѣсивъ въ полной справедливости поводы, препятствующіе мнѣ согласиться на ихъ желаніе, были увѣрены, что этотъ отказъ происходитъ вовсе не отъ недостатка доброй моей воли и что, напротивъ, я всегда готовъ буду всячески доказать имъ мое благорасположеніе и уваженіе, лишь бы не вопреки основнымъ законамъ моей Имперіи и обстоятельствамъ. Есмь, господинъ генералъ, вамъ весьма благожелательный Александръ Бартенштейнъ. 6 Мая 1807.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГУБЕРНСКИХЪ УЧЕНЫХЪ АРХИВНЫХЪ КОММИССІЙ ВЪ 1890-МЪ ГОДУ.

(Читано въ собраніи Археологическаго Института 25 Октября 1891 года.).

Въ отчетѣ о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій за 1889 годъ было упомянуто директоромъ Археологическаго Института Иваномъ Ефимовичемъ Андреевскимъ *), что къ прежнимъ коммиссіямъ (Рязанской, Тамбовской, Тверской, Орловской, Костромской, Саратовской, Нижегородской, Таврической и Оренбургской) присоединилась 10-я Пермская, и устроиваются 11-я и 12-я, въ Ярославлѣ и Калугѣ. Поэтому въ настоящемъ отчетѣ долженствовало бы сообщить о дѣятельности 12-ти коммиссій; но, къ сожалѣнію, дѣло по открытію *Калужской коммиссіи* не могло завершиться въ 1890-мъ году, и открытіе ея воспослѣдовало только 28-го Января текущаго года. Отчетность о ея дѣятельности будетъ сообщена въ предстоящемъ 1892-мъ году.

Костромская коммиссія, дѣйствовавшая въ отчетномъ году при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (какъ-то: при крайне-незначительныхъ денежныхъ средствахъ, отсутствіи помѣщенія для историческаго архива и музея, незначительномъ числѣ сотрудниковъ и, за отъѣздомъ изъ Костромы бывшаго предсѣдателя ея Д. К. Трандафилова, при отсутствіи новаго предсѣдателя), приступила къ собиранію и печатанію матеріаловъ для 2-го выпуска своего сборника «Костромская Старина». Въ число этихъ матеріаловъ включены остальные списки съ рукописей изъ архива Макаріева-Унженскаго монастыря, сообщенные И. К. Херсонскимъ, которыя послужатъ дополненіемъ такихъ же списковъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ выпускѣ «Костромской Старины». Членъ ея И. В. Миловидовъ продолжалъ пересмотръ и изложеніе дѣлъ архива Костромскаго Губернскаго Правленія и составилъ археологическую карту Костромской губерніи, признанную Московскимъ Археологическимъ Обществомъ вполнѣ соотвѣтствующею цѣлямъ общества. Членъ И. К. Херсонскій продолжалъ печатаніе въ Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ лѣтописи того же Унженскаго монастыря, и сооб-

*) Скончался 20 Мая; похороненъ на кладбищѣ у церкви села „Старая Деревня находящейся вблизи С.-Петербурга, на правомъ берегу р. Большая Невка.

щилъ коммиссіи рукопись и описаніе лицеваго сvнодика Кинешемскаго Вознесенскаго монастыря. Рукопись эта заключаетъ въ себѣ 36 миніатюръ; каждая изъ нихъ занимаетъ лицевую сторону листа, на оборотной же сторонѣ написанъ текстъ, объясняющій содержаніе миніатюрной картины (исключеніе составляютъ три послѣднія миніатюры, къ которымъ объясненій не написано). Всѣ рисунки раскрашены и помѣщены въ рамки изъ цвѣтовъ и листьевъ. Собранное сотрудникомъ коммиссіи І. Д. Преображенскимъ значительное количество рукописныхъ свитковъ, относящихся къ XVII-му и XVIII-му вѣкамъ, имъ разобраны и, при содѣйствіи И. В. Миловидова, приступлено къ ихъ печатанію. Тѣми же лицами начатъ разборъ частнаго архива гг. Ерлыковыхъ. Они же просматривали описи предположенныхъ къ уничтоженію дѣлъ сосредоточеннаго архива Костромскаго Окружнаго Суда.—Съ цѣлью дополненія и провѣрки собранныхъ ранѣе свѣдѣній о памятникахъ Костромской старины коммиссія обращалась къ гг. земскимъ начальникамъ съ просьбою оказать содѣйствіе по приведенію въ извѣстность древностей Костромской губерніи. Доставленныя по сему какъ отъ гг. земскихъ начальниковъ, такъ и отъ частныхъ лицъ свѣдѣнія обработаны членомъ коммиссіи И. В. Миловидовымъ и помѣщены въ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.—Денежныя средства коммиссіи состояли изъ 200 рублей, ассигнованныхъ Министерствомъ Юстиціи, изъ которыхъ израсходовано 130 рублей. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ, по предложенію непремѣннаго попечителя коммиссіи В. В. Калачова, губернское земское собраніе постановило: внести въ смѣту на 1891-й годъ въ помощь коммиссіи 500 рублей и затѣмъ вносить такую же сумму впредь до отмѣны этого постановленія.

Нижегородская коммиссія пріурочивала свои засѣданія, по заведенному съ первыхъ дней ея существованія обычаю, къ историческимъ «Нижегородскимъ днямъ», въ которые заслушивались соотвѣтствующія днямъ сообщенія ея предсѣдателя А. С. Гацискаго. Засѣданія эти состоялись: 22-го Декабря 1889 года—о торжественномъ празднованіи въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1779-мъ году открытія Нижегородскаго намѣстничества; 4-го Марта 1890 года—объ основателѣ Нижняго-Новгорода великомъ князѣ Георгіѣ Всеволодовичѣ; 27-го Мая—о жизни и литературномъ значеніи автора «Философическихъ Писемъ» Петра Яковлевича Чаадаева, родившагося въ своемъ родовомъ имѣніи, Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, и 22-го Октября—для воспоминанія о смутномъ на Руси времени—о жалованной грамотѣ Козмѣ Минину, отъ 20-го Января 1615 года, на село Богородское съ деревнями. Имъ же, г-мъ Гацисскимъ, составлена карта Ардатовскаго уѣзда, съ занесеніемъ на нее Кургановъ и городищъ, дополненная сообщеніями А. Я. Садовскаго.

Заботами его же, А. С. Гацисскаго, пріобрѣтены для коммиссіи двѣ старинныя изразцовыя печи, изъ коихъ одна предназначена для помѣщенія въ предполагаемый къ устройству «Петровскій Музей». Главнѣйшимъ дѣятелемъ Нижегородской коммиссіи можно считать правителя ея дѣлъ В. И. Снѣжневскаго, при помощи котораго выполняется главное назначеніе коммиссіи по разбору и описанію ея историческаго архива, и имъ же разобрано, при подробномъ описаніи, 537 дѣлъ слѣдующихъ учрежденій: уѣздныхъ судовъ — Арзамасскаго, Васильсурскаго, Семеновскаго, Макарьевскаго, и Нижегородскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, съ 1730-го по 1867-й годы. Изъ описанныхъ г-мъ Снѣжневскимъ дѣлъ одно, о бѣгломъ крестьянинѣ-разбойникѣ Василіи Гулящемъ, прочитанное въ засѣданіи коммиссіи 22-го Октября, возбудило пренія, въ которыхъ заслуживаетъ уваженія мнѣніе, выраженное членомъ В. Г. Короленко, «что описи дѣламъ должны выражать, по возможности, полное содержаніе ихъ и служить подготовительною работою для изслѣдователя, который захотѣлъ бы воспользоваться ими, и чѣмъ болѣе фактовъ занесено будетъ изъ дѣла въ опись, тѣмъ лучше исполнитъ она свое назначеніе». Мнѣніемъ этимъ г-нъ Короленко совершенно вѣрно оцѣнилъ достоинство описей, произведенныхъ г-мъ Снѣжневскимъ, замѣчательныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. На замѣчаніе же одного изъ гг. членовъ, что такихъ дѣлъ, какъ дѣло о Гулящемъ, найдутся тысячи, и что дѣлать подлинныя выписки изъ показаній подсудимыхъ едва ли нужно (тѣмъ болѣе, что эти показанія — не подлинныя слова допрашиваемаго, а запись чиновника о сущности сказаннаго на допросѣ, выраженная не народнымъ, а канцелярскимъ языкомъ), слѣдуетъ замѣтить, что такихъ дѣлъ, какъ дѣло о Гулящемъ, не найдется въ архивахъ Нижегородской губерніи и десятка. Справедливость и практичность мнѣнія г. Короленко подтверждается описаніемъ дѣла о Гулящемъ, гдѣ упоминается, что Гулящаго сманили на участіе съ ними разбойники и грабители Сергѣй и Пахомъ Швецовы, судимые въ Курмышскомъ уѣздномъ судѣ. А такъ какъ Симбирскъ не пожелаетъ отстать отъ прочихъ губернскихъ городовъ, и въ немъ также откроется ученая архивная коммиссія, которая не замедлитъ разобрать и описать богатый актами архивъ Курмышскаго уѣзднаго суда, то, при описаніи дѣлъ о разбояхъ и грабежахъ Сергушки и Пахомки Швецовыхъ, полное и основательное описаніе дѣла о Васькѣ Гулящемъ предоставитъ изслѣдователю народнаго быта въ уѣздахъ Курмышскомъ, Ядринсномъ и Васильсурскомъ обширный матеріалъ, который обнаружитъ и невзрачныя дѣйствія полицейской власти, существовавшей въ томъ краю въ концѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія. Невзрачность эта обнаружится въ томъ, что во

все время, въ которое Сергушка и Пахомка разгуливали по упомянутымъ уѣздамъ, грабя и мучая богатыхъ людей по обоимъ берегамъ Суры и наводя на все окрестное населеніе ужасъ, полиція не могла изловить ихъ. Такое бѣдственное положеніе породило въ народѣ безусловное вѣрованіе, что разбойники Сергушка и Пахомка (иначе ихъ не называли) владѣютъ разрывъ-травою, сбивающею замки у амбаровъ и сундуковъ, а также съ ножныхъ и ручныхъ кандаловъ на бѣглыхъ острожникахъ; что они имѣютъ волшебный войлокъ, на которомъ, какъ на плоту, переплываютъ Суру, спасаясь отъ погони за ними исправниковъ съ облавою изъ сотни крестьянъ; что они же, Сергушка и Пахомка, заколдованы отъ пуль, которыя ни убить ни ранить ихъ не смѣли, но, отскакивая отъ нихъ, убивали и ранили тѣхъ именно, кто въ нихъ выстрѣлилъ. Вѣрованіе въ эти бредни всецѣло держалось между разнороднымъ населеніемъ той мѣстности (въ которой Русскіе перемѣшаны съ Чувашами, Черемисами и Татарами), простодушно принимавшимъ мастерскую снаровку, умѣнье и ловкость грабителей при отмычкѣ замковъ за разрывъ-траву; приготовленные же заранѣе, въ извѣстныхъ грабителямъ мѣстахъ, плотики на Сурѣ за волшебный войлокъ; а часто повторяющіеся при выстрѣлахъ разрывы ружей «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма», коими вооружались въ то время инвалидныя при каждомъ уѣздномъ городѣ команды, причиняя инвалидамъ увѣчья и раны, убѣждали въ томъ, что пули послѣ выстрѣла отскакивали отъ разбойниковъ и попадали въ злосчастныхъ стрѣльцовъ. Что касается до замѣчанія, что такихъ дѣлъ о разбойникахъ найдутся тысячи, то это опровергается тѣмъ, что послѣ разбойниковъ Сергушки и Пахомки явился въ томъ краю только одинъ ничтожный, по сравненію съ ними, грабитель Алешка Плетневскій, названный такъ по мѣсту родины своей, изъ сельца Плетневки или Плетнихи. Былъ послѣ него знаменитый конокрадъ и воръ Татаринъ Сягитка изъ деревни Базлово. Но о грабительствахъ перваго и воровствѣ втораго едвали сохранилось что̀ въ архивахъ. О первомъ потому, что онъ былъ убитъ въ схваткѣ, ѣхавшими съ Ильиной горы въ Качалово, людьми Д. И. Ермолаева, на большой дорогѣ, между Болобоновымъ и Діановымъ, противъ Плетнихи, въ овражкѣ неблагозвучнаго именованія; а Сягитка умеръ естественною смертью послѣ самосуда надъ нимъ крестьянъ, у которыхъ онъ укралъ лошадей.—Г-нъ же Снѣжневскій составилъ по матеріаламъ историческаго архива статью: «Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ (людей) въ послѣдней четверти XVIII и въ началѣ XIX-го вѣка».—Членъ коммиссіи В. И. Сторожевъ доставилъ въ коммиссію сообщеніе: «Составъ Нижегородскаго дворянства по десятнямъ XVII вѣка», присовокупивъ къ нему преди-

словіе, долженствующее служить образцомъ при изданіяхъ такихъ актовъ.—Въ отчетномъ году «Дѣйствія» коммиссіи выходили, по прежнему, отдѣльными выпусками, и къ 22-му Октября вышелъ 9-й выпускъ, въ которомъ перепечатаны упомянутый списокъ съ жалованной грамоты Козмѣ Минину и списокъ съ записи изъ кормовой книги Калязинскаго монастыря, о вкладѣ ризы и стихаря, сдѣланныхъ Мининымъ въ 1613-мъ году, изъ государевой казны. Въ изданныхъ коммиссіею «Дѣйствіяхъ» помѣщены разнообразныя, по содержанію, статьи ея членовъ: гг. Богословскаго, Васильева, Магницкаго, Мельникова, Можаровскаго, Савельева, Соколова и Эйнгорна. Изъ постороннихъ лицъ содѣйствовали ея цѣлямъ гг. Поливановъ, Рѣпьевъ и Садовскій. Въ ея историческій архивъ поступило отъ г. Цвѣткова 400 листовъ списковъ съ 8-ми Нижегородскихъ переписныхъ, смѣтныхъ и платежныхъ книгъ за 1615—1629 годы.—Помѣщеніе коммиссіи, благодаря Нижегородской городской думѣ, увеличилось, такъ какъ, въ дополненіе къ Ивановской башнѣ, городская дума предоставила еще Бѣлую башню Нижегородскаго Кремля.—Благодаря иниціативѣ и содѣйствію непремѣннаго попечителя коммиссіи Н. М. Баранова, осуществляется вопросъ объ образованіи при коммиссіи музея въ старинномъ домѣ на Почайнѣ, который въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, перейдетъ въ собственность коммиссіи. Въ числѣ пожертвованій, поступившихъ въ коммиссію, должно отмѣтить 154 старинныя монеты, присланныя Сергачскою полиціею, 109 такихъ же монетъ, пожертвованныхъ М. В. Лебедевымъ, и кладъ серебряныхъ денегъ и копѣечекъ (числомъ 157), временъ царей Іоанна Грознаго, Θеодора Іоанновича и другихъ, присланныхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею.

Оренбургская коммиссія, не имѣющая помѣщенія, не получила въ отчетномъ году возможности приступить къ предназначенному ей важному труду: разобрать сотню тысячъ архивныхъ дѣлъ, оставшихся послѣ упраздненнаго Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго управленія, сваленныхъ на чердаки помѣщенія Казенной Палаты, безъ всякаго надъ ними надзора. Въ виду такого безвыходнаго положенія, непремѣнный попечитель коммисіи, г. начальникъ Оренбургской губерніи вошелъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ текущаго года, съ представленіемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ объ ассигнованіи единовременно 1.850 рублей на покупку для коммисіи и для помѣщенія упомянутыхъ архивныхъ дѣлъ каменнаго двухъ-этажнаго дома, принадлежащаго Оренбургскому казачьему войску, и каждогодно по 350 рублей на содержаніе этого дома. Представленію предполагается дать благопріятствующій исходъ, ежели Министерство Финансовъ найдетъ возможность ассигновать испрашиваемыя суммы.

Орловская коммиссія занималась разборомъ и описаніемъ архивовъ, разработкою получаемаго при этомъ матеріала, собраніемъ свѣдѣній о памятникахъ древности въ губерніи, созданіемъ историческаго архива, приступивъ къ выбору въ него дѣлъ изъ архивовъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. Разборомъ и описаніемъ занимались правитель дѣлъ С. А. Блохинъ и членъ коммиссіи А. Г. Пупаревъ. Первый разобралъ дѣла Орловской Духовной Консисторіи, по приказному столу, съ 1768-го по 1789-й годъ; составилъ подробныя описи разобраннымъ прежде 64-мъ дѣламъ Уголовной Палаты, съ 1779 по 1814-й годъ, 3-мъ дѣламъ Верхней Расправы съ 1781-го по 1783-й годъ, и 32-мъ дѣламъ Сѣвскихъ: Провинціальной Канцеляріи, Провинціальнаго Магистрата и Уѣзднаго Суда, съ 1749-го по 1786-й годъ; а послѣдній разобралъ дѣла Орловской городской думы, съ 1776-го по 1826-й годъ. При этомъ г. Блохинъ составилъ, на основаніи архивныхъ дѣлъ городской думы, три реферата; а г. Пупаревъ, разобравъ дѣла Орловской городской думы съ 1776-го по 1826-й годъ, составилъ изъ дѣлъ Уголовной Палаты одинъ рефератъ, и изъ дѣлъ Трубчевскаго магистрата списалъ «Вѣдомость о сочиненіи географическаго и историческаго описанія города Трубчевска». Членъ коммиссіи И. Д. Некрасовъ сдѣлалъ три извлеченія изъ документовъ, сообщенныхъ г-мъ Пупаревымъ. Всѣ упомянутые рефераты и описи дѣламъ и журналы коммиссіи напечатаны въ «Трудахъ коммиссіи», каковыхъ въ 1890-мъ г. издано четыре выпуска. Въ 1889-мъ году коммиссія обращалась къ настоятелямъ церквей и монастырей съ просьбой о сообщеніи списковъ съ находящихся у нихъ достопримѣчательныхъ древностей. На эту просьбу откликнулись только двое священнослужителей: о. Іоаннъ Головинъ и о. Александръ Успенскій. Первый сообщилъ свѣдѣніе объ основаніи въ Брянскѣ Покровскаго собора, о надписяхъ на плитѣ, о Евангеліи 1698 года и о переименованіи, въ Октябрѣ 1798 года, Преображенской, въ Брянскѣ, церкви Покровскимъ соборомъ; второй сообщилъ о хранящихся въ ризницѣ Воскресенской, въ Ельцѣ, церкви древнихъ книгахъ и священныхъ предметахъ съ 1688 года.—Въ библіотеку коммиссіи поступило 86 книгъ разныхъ названій. Въ музей ея прислано изъ Императорской Археологической коммиссіи 50 Русскихъ серебряныхъ монетъ изъ клада, найденнаго въ 1888-мъ году, въ деревнѣ Городищѣ, Трубчевскаго уѣзда.—Денежныя средства коммиссіи заключались: по приходу въ 576 р. 94 к., въ коихъ главнѣйшая статья состоитъ отъ продажи изданій коммиссіи, именно 435 рублей 3 коп. Израсходовано 221 р. 3 коп. Въ остаткѣ къ 1-му Января 1891 года состоитъ 355 р. 91 коп.—Всѣхъ членовъ коммиссіи состояло въ отчетномъ году 92.

Пермская коммиссія, послѣ смерти перваго предсѣдателя своего В. Н. Шишонко, имѣла только одно засѣданіе, 10-го Марта, въ которомъ предсѣдательствующій М. П. Богдановичъ возбудилъ вопросъ объ избраніи предсѣдателя коммиссіи вмѣсто скончавшагося; а правитель ея дѣлъ А. А. Дмитріевъ указалъ на члена коммиссіи Д. Д. Смышляева, какъ на достойнѣйшее въ данномъ случаѣ лицо, давно заявившее себя учеными работами о Пермскомъ краѣ; но, за отказомъ г-на Смышляева отъ сдѣланнаго ему предложенія, собраніе избрало въ предсѣдатели коммисіи А. А. Дмитріева. Въ томъ же засѣданіи коммиссія постановила: 1) издавать свои «Труды» выпусками, хотя бы по одному въ годъ; 2) образовать редакціонный комитетъ изъ предсѣдателя А. А. Дмитріева, правителя дѣлъ А. С. Попова и члена П. А. Вологдина, и 3) ассигновать изъ суммъ коммисіи до 150 рублей на изданіе 1-го выпуска «Трудовъ». Въ заключеніе засѣданія коммисія, въ дополненіе къ избраннымъ ею въ день открытія своего, 5-го Іюля 1888 года, 108-ми членамъ, предложила это званіе еще 14 лицамъ. Затѣмъ, такъ какъ предсѣдатель ея г. Дмитріевъ, по случаю перехода на службу въ другую губернію, не могъ руководить дѣятельностью коммиссіи, то таковой не отыскивается въ теченіе отчетнаго года, и она, быть-можетъ, проявится подъ руководствомъ новаго предсѣдателя Я. И. Амфіонова, избраннаго вмѣсто г. Дмитріева. Существованіе коммисіи обезпечивается ежегодными выдачами 300 рублей отъ Пермской городской думы и 200 рублей отъ Пермскаго уѣзднаго земства.

Рязанская коммиссія осуществила свою постоянную и успѣшную дѣятельность по разбору и описанію архивныхъ дѣлъ, не смотря на то, что все вниманіе ея было обращено на устройство помѣщенія какъ историческаго архива, такъ и музея, а равно и на размѣщеніе и приведеніе въ порядокъ дѣлъ, хранящихся въ ея архивѣ, при содѣйствіи членовъ А. В. Селиванова, А. Д. Повалишина, В. П. Лашевскаго и другихъ. Изъ числа ихъ гг. Лашевскій и Повалишинъ продолжали разсмотрѣніе дѣлъ канцеляріи Рязанскаго губернатора, выдѣляя изъ нихъ дѣла и всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ о состояніи Рязанской губерніи, подлежащіе храненію въ историческомъ архивѣ. Подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ коммиссіи А. В. Селиванова, служащими въ Рязанскомъ Окружномъ Судѣ производился разборъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ. Всего пересмотрѣно 9.006 дѣлъ, изъ коихъ отобрано для храненія 721 дѣло. Въ историческій архивъ поступили дѣла и документы, а именно: 23 дѣла изъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива, по Межевому Департаменту, и изъ волостныхъ правленій Рязанской губерніи книги рѣшеній волостныхъ судовъ за время съ 1864 по 1875 годъ. Предположено собрать и сосредоточить въ историческомъ архивѣ

и остальныя книги изъ всѣхъ волостныхъ правленій губерніи. Къ разработкѣ заключающагося въ книгахъ народнаго обычнаго права приступилъ членъ коммисіи В. А. Шефферлингъ.—Историческій архивъ перемѣщенъ въ новое помѣщеніе, устроенное въ нижнемъ этажѣ зданій губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.—Коммиссія собирала свѣдѣнія о памятникахъ древности, сохранившихся въ Рязанской губерніи. Членъ коммиссіи В. А. Городцовъ производилъ розысканія близъ станціи Луховицы. Музей коммиссіи обогатился въ отчетномъ году цѣнными вещами, частью поступившими въ даръ отъ разныхъ церквей и лицъ, частью пріобрѣтенныхъ покупкою. Изъ вещей купленныхъ заслуживаютъ вниманія древнія кафели, принадлежавшія Рязанскому архіерейскому дому, также золотой перстень XIV вѣка съ изображеніемъ св. Никиты, найденный въ Рязани. Изъ церковныхъ вещей поступили въ музей оловянные сосуды, лубочные вѣнцы, рѣзныя и живописныя иконы. Къ числу важныхъ въ археологическомъ отношеніи пріобрѣтеній музея относятся вещи, купленныя у крестьянъ села Старой Рязани и заключающія въ себѣ древнія металлическія привѣски и другіе предметы, принадлежащіе къ одному типу съ найденными гр. Уваровымъ въ Курмакскомъ могильникѣ. Вещи эти пополнили собою коллекцію прежде найденныхъ въ Старой Рязани предметовъ, относящихся къ древней эпохѣ, предшествовавшей Славянскому населенію.—Благодаря заботамъ непремѣннаго попечителя коммиссіи Д. И. Кладищева, удалось осуществить давнишнее желаніе коммиссіи устроить для музея отдѣльное и доступное публикѣ помѣщеніе, въ которомъ, послѣ освященія его, 16-го Декабря 1890 года, произошло первое въ немъ засѣданіе коммиссіи. Въ засѣданіи этомъ коммиссія раздѣлилась на три отдѣленія: архивное, историческое и археологическое, при чемъ установлены для каждаго отдѣленія должности предсѣдателя и секретаря. По воспослѣдовавшимъ затѣмъ выборамъ на эти должности избраны: предсѣдателемъ архивнаго отдѣленія С. Д. Яхонтовъ, секретаремъ В. С. Праотцевъ; предсѣдателемъ историческаго отдѣленія А. П. Доброклонскій, секретаремъ В. А. Шефферлингъ; предсѣдателемъ археологическаго отдѣленія А. И. Черепнинъ, секретаремъ В. А. Городцовъ; библіотекаремъ избранъ В. С. Праотцевъ.—Библіотека коммиссіи получила отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича въ даръ два изданія Его Высочества «Монеты царствованія Императоровъ Николая I-го и Александра II-го». Г. Оленинъ пожертвовалъ цѣнное изданіе «Исторія Русскаго орнамента». Всего поступило отъ разныхъ лицъ 267 книгъ различныхъ наименованій, составляющихъ 393 тома, такъ что къ концу отчетнаго года библіотека коммиссіи заключаетъ въ себѣ 1.968 названій или 5.246 книгъ.—Трудовъ коммис-

сія вышло, подъ редакціею правителя дѣлъ А. В. Селиванова, 4 выпуска IV тома, за 1889 годъ, и 8 выпусковъ V тома, за 1890 годъ. Въ сообщеніи рефератовъ и различныхъ историческихъ матеріаловъ принимали участіе 24 члена. Изъ самостоятельныхъ изслѣдованій можно отмѣтить слѣдующіе труды: В. Н. Сторожева «Рязанскія засѣчныя книги XVII вѣка», и «Составъ Рязанскаго дворянства по десятнямъ того же XVII вѣка»; А. В. Селиванова «О раскопкахъ въ Старой Рязани и въ древнемъ городкѣ, извѣстномъ въ лѣтописи подъ именемъ «Новый городокъ Олговъ», и «Основаніе города Раненбурга»; Н. А. Дешеваго «Цифирныя и архіерейскія школы въ Переславлѣ Рязанскомъ при Петрѣ I-мъ»; В. К. Трутовскаго «Надгробныя надписи изъ текіи Афганъ-Мохаммедъ-Султана, въ г. Касимовѣ». И. В. Добролюбовъ закончилъ IV-й томъ «Историко-статистическаго описанія церквей и монастырей Рязанской епархіи». А. М. Черепнинъ описалъ коллекцію древнихъ монетъ музея. И. Ф. Микулинъ окончилъ алфавитный списокъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края. С. Е. Звѣревъ составилъ описаніе архива Воронежскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря. А. В. Селивановъ, редактируя выпуски «Трудовъ» коммиссіи, приступилъ къ снятію копій съ Рязанскихъ писцовыхъ книгъ XVI—XVII вѣка.—Личный составъ коммиссіи состоялъ къ концу отчетнаго года изъ 205 членовъ.—Денежныя средства коммисіи не соотвѣтствовали по приходу произведеннымъ расходамъ, почему явилась передержка въ 231 р. 69 коп.; по расчету: приходъ 691 р. 25 коп., расходъ 931 р. 69 коп.

Саратовская коммиссія рѣшила важнѣйшій для всѣхъ ученыхъ архивныхъ коммисій вопросъ, о разборѣ архивовъ своей мѣстности какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, принявъ для практическаго осуществленія программу, изложенную въ докладѣ ея предсѣдателя князя Л. Л. Голицына. Разборъ дѣлъ постановленъ, на основаніи этого доклада, такимъ способомъ: каждый архивъ разбирается одновременно и согласуется съ симпатіями и спеціально научною подготовкою каждаго изъ трудящихся, и чтобы достигнуть единства труда, всѣ описи архивовъ читаются лицами ихъ составившими. Всякія противорѣчія и недоразумѣнія устраняются путемъ живыхъ личныхъ объясненій самихъ авторовъ описей, подчиняющихся приговору общаго собранія коммиссіи. Указанный способъ разбора былъ примѣненъ къ архиву Окружнаго Суда, изъ коего, послѣ разсмотра 5.634 дѣлъ, отобрано для храненія только 420.—Въ отчетномъ году положено начало изданія «Саратовскаго историческаго сборника», въ коемъ первое мѣсто предоставляется лѣтописи, веденной Саратовскимъ священникомъ о. Герасимомъ Скопинымъ и продолженной сыномъ его о. Николаемъ Скопинымъ. Повседневная запись этими лицами событій изъ Саратовской

жизни второй половины XVIII и начала XIX столѣтій и безхитростный метеорологическій бюллетень, веденный ими изо дня въ день въ теченіе почти трехъ четвертей столѣтія, были признаны коммиссіею вполнѣ достойными служить краеугольнымъ камнемъ предпринятаго изданія.—Въ отчетномъ году коммиссія обратила особое вниманіе на древности близъ Саратова. Прежде всего обслѣдовано городище Стараго Саратова на луговомъ берегу рѣки Волги. Съ этого городища членъ коммиссіи В. К. Воронковъ снялъ планъ, который, вѣроятно, останется послѣднимъ свидѣтелемъ существовавшаго когда-то Стараго Саратова, такъ какъ мѣсто, гдѣ онъ былъ, разрушается Волгою, отступившею отъ нагорнаго берега и подмывающею ея луговой берегъ. Въ сороковыхъ годахъ, когда г. Леопольдовъ писалъ «Историческій очеркъ Саратовскаго края», городище Стараго Саратова занимало 22.500 квадратныхъ сажень, теперь же оно уменьшилось до 10.002 квадр. сажень; остальное снесено Волгою. Это указываетъ на то, что если Волга не измѣнитъ теченія, то о мѣстности Стараго Саратова останется одно преданіе. Гораздо большее вниманіе коммиссія сосредоточила на городищѣ Увека или Укека? (вопросъ подлежащій разрѣшенію будущаго времени). Коммиссія ходатайствовала въ отчетномъ году предъ Императорскою Археологическою Коммиссіею о разрѣшеніи раскопать это городище. Было бы благотворно, еслибъ Археологическая Коммиссія отказала въ этомъ ходатайствѣ, такъ какъ разрѣшеніе только повредитъ дѣлу, въ виду того, что ученая архивная коммиссія не имѣетъ ни денежныхъ средствъ, ни практическаго умѣнія, ни научныхъ силъ для производства раскопки Укека. Не слѣдуетъ забывать, что подъ словомъ «Укекъ» значится не какая либо одинокая развалина, которую возможно раскопать неумѣлою рукою, истративъ сотню рублей, а должно знать, что Укекъ—цѣлый городъ, коего улицы, площади, фундаменты зданій и прочаго находятся подъ спудомъ налегшихъ на него въ минувшее тысячелѣтіе космическихъ, земельныхъ, песчаныхъ, растительныхъ и иныхъ осадковъ, толща коихъ еще не изслѣдована, такъ какъ первичная почва, на которой стоятъ уцѣлѣвшіе остатки Укека, еще не обнаружена, а черезъ это неизвѣстно пространство площади земли, имъ занимаемой. Въ виду этого раскопкою города Укека можетъ заняться только второй Шлиманъ, если таковой явится, съ тѣми капитальными денежными средствами, съ тою неутомимою энергіею и съ тѣми научными и практическими знаніями, коими обладалъ первый Шлиманъ. И только тогда второй ли Шлиманъ, или общество, или правительство, съ присущими первому Шлиману данными, могутъ приступить къ раскопкѣ Укека, и не иначе какъ пріобрѣтя въ собственность всю площадь земли, подъ которой похороненъ Укекъ, такъ

какъ владѣлецъ этой земли едва ли пожертвуетъ десяткомъ десятинъ для научныхъ цѣлей. Затѣмъ, не приступая къ раскопкамъ виднѣющихся развалинъ, необходимо прежде всего очистить улицы, площади и внутренности уцѣлѣвшихъ зданій отъ упомянутыхъ тысячелѣтнихъ наслоеній, оставляя въ неприкосновенности каждый камень на его вѣковѣчномъ мѣстѣ и просѣвая сквозь грохотъ каждую лопату осадковъ, чтобъ ни одна вещица не погибла въ массѣ вывозимаго за городъ мусора. Когда же, послѣ такой очистки, явятся на свѣтъ Божій улицы, площади и фундаменты зданій, тогда только можно приступить къ научной раскопкѣ всего уцѣлѣвшаго для отысканія древностей. Не слѣдуетъ забывать и того, что не одинъ Укекъ, но и не уступающій ему по древности другой подобный ему городъ Булгаръ, ожидаетъ также для своего воскресенія втораго Шлимана, и что до появленія послѣдняго вся забота должна заключаться въ томъ, чтобы спасти Укекъ и Булгаръ отъ раскопокъ и хищеній, въ особенности такихъ, которыя совершали въ 1881-мъ году Саратовцы, вывозившіе изъ Укека камни и плиты для мощенія въ Саратовѣ улицъ, что́ по горячей просьбѣ Николая Васильевича Калачова было въ то время отъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева воспрещено.—На дѣятельность коммисіи въ научномъ отношеніи указываетъ изданный; подъ редакціею правителя дѣлъ С. С. Краснодубровскаго, 1-й выпускъ III-го тома «Трудовъ», гдѣ напечатаны «Матеріалы для исторіи колонизаціи Саратовской губерніи», составленные по переписнымъ книгамъ 2-й ревизіи, 1745—1747 годовъ, А. А. Голомбіевскимъ. Въ томъ же выпускѣ значится, что членъ коммиссіи Н. Ѳ. Ивановъ составилъ опись дѣламъ Петровскаго уѣзднаго полицейскаго управленія съ начала текущаго столѣтія до *восмидесятыхъ годовъ.* Это послѣднее обстоятельство возбудило вопросъ: возможно ли напечатать эту опись въ «Трудахъ?»—Точно также и рефератъ члена В. И. Дурасова «Изъ исторіи крѣпостнаго права въ Саратовской губерніи», возбудилъ вопросъ, имѣетъ ли коммиссія право печатать изслѣдованіе о событіяхъ, которымъ не истекла еще 50-лѣтняя давность? Разрѣшая этотъ вопросъ, коммисія постановила: напечатать рефератъ безъ всякихъ измѣненій лишь въ первой его половинѣ, кончая тридцатыми годами; вторую же половину напечатать также безъ измѣненій съ замѣною именъ, лицъ и мѣстностей звѣздочками. Но въ послѣдующемъ засѣданіи г. предсѣдатель коммиссіи князь Л. Л. Голицынъ поставилъ на видъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ многія изъ лицъ, упомянутыхъ въ рефератѣ, живы; поэтому онъ находитъ неудобнымъ оглашать ихъ дѣйствія, по нѣкоторымъ чисто-нравственнымъ побужденіямъ и по требованію законовъ о печати.—Одинаковая съ этимъ приговоромъ участь постигла и опись дѣлъ

Петровскаго полицейскаго управленія. Отдавая должную и полную дань уваженія справедливымъ, практичнымъ и полезнымъ мѣропріятіямъ г. предсѣдателя коммиссіи князя Л. Л. Голицына какъ по производству разбора архивныхъ дѣлъ, описанія ихъ и передачи на храненіе въ историческій архивъ, такъ и по наложеніи имъ veto на печатаніе «Описанія дѣлъ Петровскаго уѣзднаго полицейскаго управленія» и «Исторіи крѣпостнаго права въ Саратовской губерніи», доведенной, какъ можно предположить, также до восьмидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, нельзя не пожалѣть, что гг. члены коммиссіи увлекаются желаніемъ поспѣшить оповѣщеніемъ, хотя-бы подъ звѣздочками вмѣсто именъ и фамилій, дѣянія людей не отшедшихъ еще въ вѣчность, но злоупотребленія которыхъ крѣпостнымъ правомъ сохранились въ архивныхъ дѣлахъ... Но такъ какъ сила всякаго veto прекращается срочнымъ днемъ давности, то является грустное убѣжденіе, что худая слава о крѣпостникахъ, благодаря архивнымъ дѣламъ о ихъ злоупотребленіяхъ, пронесется чрезъ печать въ потомство изъ рода въ родъ; все же совершенное тѣми же крѣпостниками доброе для своихъ людей, отражавшееся только на благоденствіи этихъ людей, погибнетъ безслѣдно!.. Поэтому не безполезно было бы, чтобъ достоуважаемые члены ученыхъ архивныхъ коммисій озаботились собираніемъ свѣдѣній отъ лицъ, видѣвшихъ «во очію» зло и добро творимое крѣпостниками своимъ крестьянамъ. Свѣдѣнія эти послужатъ весьма важнымъ матеріаломъ для правдивой и безпристрастной «Исторіи крѣпостнаго права въ Россіи», такъ какъ они оповѣстятъ потомству, что если многіе изъ дворянъ злоупотребляли этимъ правомъ, то многіе же изъ дворянъ были и истинными благодѣтелями для своихъ крѣпостныхъ людей, удерживая ихъ отъ пьянства, разврата, укрѣпляя въ нихъ трезвость, домовитость, усердіе къ труду, порядокъ въ сельскихъ работахъ, и черезъ это водворяя въ ихъ семьяхъ миръ, избытокъ хлѣбовъ въ амбарахъ и гумнахъ, а во дворахъ домашняго и рабочаго скота; въ годину же голодовокъ тѣже дворяне-крѣпостники не пускали своихъ крестьянъ по міру, но, по силѣ возможности, прокармливали ихъ до новыхъ хлѣбовъ изъ своихъ житницъ. Объ этомъ помнятъ тѣ, кто пережилъ дореформенное время. Объ этомъ свидѣтельствуютъ теперь тѣ нищенскія разрушенныя избы въ деревняхъ и селахъ свободныхъ людей, у которыхъ, какъ издревле говорится, «нѣтъ уже ни кола, ни двора, ни мила-живота», но которые, четверть столѣтія назадъ, красовались своими постройками и зажиточностью при крѣпостномъ правѣ. Иной характеръ, иное значеніе имѣютъ документы, собранные В. П. и Г. П. Холмогоровыми изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и сообщенные коммиссіи подъ названіемъ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и археологіи Саратовскаго сѣверо-во-

сточнаго края, до второй половины XVIII вѣка». Гг. Холмогоровы поставили себѣ задачею выбрать изъ сотенъ тысячъ томовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи по строчкѣ, по двѣ, по три изъ каждаго, относящагося до ихъ задачи дѣла все, что касалось заселенія края, и въ результатѣ этого многолѣтняго труда получилось, по словамъ правителя дѣлъ коммисіи, ученое изслѣдованіе, представляющее рядъ географическихъ указаній и хронологическихъ датъ, являясь строго-классифицированнымъ архивнымъ матеріаломъ, дающимъ самую подробную родословную тѣхъ, облеченныхъ въ сермяги и лапти, подвижниковъ, которые «дикое поле» Саратовской земли обратили въ культурный и богатый край. Сами же гг. Холмогоровы, со свойственной истинно-ученымъ труженикамъ скромностію, сообщили о своемъ трудѣ только то, что матеріалы, ими собранные, пока не обработаны, а лишь приведены въ систематическій порядокъ, и что изъ массы документовъ, около которыхъ приходится съ большимъ трудомъ вращаться, всѣхъ свѣдѣній въ одинъ разъ не выберешь. «Намъ де надобно было этотъ матеріалъ, какъ бисеръ разсыпанный, собрать на нитку безъ узора; теперь и того пока достаточно, что сдѣлано».—Непремѣнный попечитель коммиссіи А. И. Косичъ препроводилъ въ коммиссію свѣдѣнія о кладахъ и до тысячи серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ XVII и XVIII столѣтій, а также нѣсколько документовъ.—Денежныя средства коммиссіи состояли изъ 300 рублей, ассигнованныхъ Саратовскою губернскою земскою управою, 200 рублей, ассигнованныхъ Саратовскою же уѣздною управою, и 200 рублей акредитованныхъ Министерствомъ Юстиціи.

Таврическая коммиссія имѣла въ отчетномъ году 9 засѣданій, и члены ея разсмотрѣли 5.640 дѣлъ соединеннаго архива упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Таврической губерніи и отобрали изъ нихъ для храненія въ историческомъ архивѣ 56 дѣлъ и 6 документовъ. Разборомъ занимались члены коммиссіи: гг. Кашпаръ, Сѣницкій, Мартышевскій, Маркевичъ, Лашковъ, Монастырлы, Сахаровъ и Знаменскій. Независимо отъ этого гг. Маркевичъ, Гроздовъ, Сахаровъ и Лашковъ разобрали архивныя дѣла Старокрымской городовой ратуши, Таврической Духовной Консисторіи и канцеляріи губернатора. Результатомъ этихъ занятій состоялось сообщеніе г. Лашкова «Матеріалы для исторіи второй Турецкой войны 1787—1789 годовъ»; имъ же сняты копіи съ неизданныхъ шертныхъ грамотъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и списокъ древнихъ картъ Таврической губерніи, находящихся тамъ же. По присоединеніи упомянутыхъ 50-ти дѣлъ и 6-ти документовъ въ историческій архивъ, въ немъ къ концу отчетнаго года состояло 257 дѣлъ и 89 документовъ.—Находящійся при коммисіи музей пополнился 4-мя зо-

лотыми бусами, фрагментами желѣзнаго панцыря и другими вещами, добытыми предсѣдателемъ коммиссіи А. X. Стевеномъ и членами А. И. Марковичемъ и А. О. Кашпаръ, при раскопкѣ кургана вблизи дороги, ведущей изъ Симферополя въ деревню Курцы Въ него же поступило 502 монеты и 469 разныхъ предметовъ древностей, найденныхъ въ предѣлахъ губерніи. Кромѣ пожертвованій музей пополнился, черезъ покупку, золотымъ вѣнцомъ, найденнымъ въ одной изъ Греческихъ катакомбъ, и нѣсколькими золотыми монетами, изъ числа найденныхъ въ землѣ села Балабановки. Черезъ это въ музеѣ состоитъ на лицо 1.113 монетъ и 1.411 разныхъ предметовъ. Въ числѣ пожертвованій обращаетъ на себя вниманіе даръ П. В. Давыдова, плита съ Греческою надписью времени Алексѣя, владѣтеля Өеодоро, 1427 года.—Дѣятельность коммиссіи проявилась въ собираніи свѣдѣній о древностяхъ въ Таврической губерніи и въ заботѣ о сохраненіи разнаго рода памятниковъ. Для этого предсѣдатель ея А. X. Стевенъ и членъ А. И. Маркевичъ ѣздили, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, въ Мангупъ и произвели изслѣдованіе пещерной церкви. Членомъ X. И. Ящуржинскимъ открыта древняя пещерная могила Сорака въ Керчи, которая имъ и описана. Правитель дѣлъ Ө. Ө. Лашковъ отремонтировалъ Екатерининскую милю подлѣ деревни Чоргуна, при чемъ были найдены три плиты съ древне-Армянскими надписями, поступившія въ музей коммиссіи, а членъ А. К. Романюкъ осмотрѣлъ урочище «Ай-Димитрій» и далъ описаніе его древностей.—Въ остальномъ дѣятельность коммиссіи заключалась въ изданіи 9-го и 10-го выпусковъ «Извѣстій», подъ редакціею г. Лашкова и при сотрудничествѣ гг. Маркевича, Гроздова, Муратъ-бея-Біярсланова, Казаса и Романюка. При № 9-мъ «Извѣстій» приложены фотографическіе снимки капители, орнамента плиты и черепка съ крестомъ, найденныхъ въ долинѣ у подножья Мангупа. Къ № 10-му приложены литографическіе снимки: а) кургана въ окрестностяхъ Симферополя; б) надписи въ Греческой катакомбѣ; в) другой Греческой надписи, и д) древностей въ урочищѣ «Ай-Димитрій». Въ 9-мъ и 10-мъ №№ «Извѣстій» помѣщено предметное описаніе 40 дѣлъ историческаго архива.—Библіотека коммиссіи увеличилась на 155 книгъ, и къ 1-му Января 1891 года въ ней состоитъ 344 названія. Денежныя средства коммиссіи состояли: по приходу 801 р. 84 к., а по расходу 707 р. 7 копѣекъ. Въ остаткѣ 94 р. 77 копѣекъ.

Тамбовская коммиссія имѣла въ отчетномъ году пять засѣданій, въ которыхъ читались рефераты, составленные на основаніи вновь добытаго матеріала, дѣлались доклады о текущихъ дѣлахъ и нуждахъ коммиссіи, о вновь поступившихъ пожертвованіяхъ въ музей и о сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами. Для ознакомленія членовъ

коммиссіи съ результатами архивныхъ работъ предсѣдатель ея И. И. Дубасовъ и правитель дѣлъ П. А. Дьяконовъ читали рефераты, основанные на вновь отобранныхъ архивныхъ документахъ. Рефераты г. предсѣдателя изображали постепенное развитіе государственной жизни въ Тамбовскомъ краѣ; исключеніе составляетъ рефератъ объ Онузѣ на Воронежи, въ которомъ указаны новые матеріалы для рѣшенія вопроса о мѣстѣ стоянки Батыя, упоминаемой въ лѣтописи. Рефераты г. правителя дѣлъ состояли въ эпизодическомъ изображеніи быта населенія. Имъ же, сверхъ прямыхъ обязанностей по коммисіи, составлена вторая часть указателя къ описи дѣлъ, поступившихъ въ историческій архивъ; онъ же принималъ участіе въ разборѣ архивнаго матеріала, составлялъ описи и снималъ копіи съ документовъ, и редактировалъ каждый выпускъ «Извѣстій» коммиссіи, коихъ вышло въ отчетномъ году 5 выпусковъ, подраздѣляющихся на три отдѣла: въ первомъ помѣщались статьи и рефераты, во второмъ — продолженіе описей архивныхъ дѣлъ, а въ третьемъ—списки историческихъ актовъ. Разборомъ и описаніемъ дѣлъ, поступившихъ въ историческій архивъ, занимались члены: И. И. Пискаревъ, В. В. Староградскій, И. И. Знаменскій и правитель дѣлъ П. А. Дьяконовъ. Въ общей сложности, включая просмотръ поступившихъ изъ разныхъ учрежденій описей дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, просмотрѣно коммисіею около 30000. Изъ нихъ отобрано для храненія въ историческій архивъ 210 дѣлъ, къ которымъ обстоятельныя описи составлены преимущественно г. Пискаревымъ. Наиболѣе интересные акты, поступившіе въ историческій архивъ, заключаются въ копіяхъ съ засѣчныхъ книгъ 1625 года и съ актовъ бывшаго Темниковскаго Пурдышевскаго монастыря. Всѣхъ дѣлъ, помѣщенныхъ въ архивъ со дня основанія коммиссіи, 3.172. Въ «Извѣстіяхъ» напечатаны копіи съ документовъ, хранящихся въ Московскихъ архивахъ, снятыя сочленами коммисіи гг. Холмогоровымъ, Токмаковымъ и Поповымъ. Изъ нихъ копіи, доставленныя г. Холмогоровымъ, заключающія историческіе, статистическіе и археологическіе матеріалы, относящіеся до г. Темникова и его уѣзда, напечатаны отдѣльною книжкой. Изъ прочихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ», слѣдуетъ отмѣтить опись Козловскаго Троицкаго монастыря 1706 года, списанную въ монастырскомъ архивѣ г-мъ Дьяконовымъ. Изъ вновь поступившихъ въ музей коллекцій предметовъ обращаютъ на себя вниманіе: богатая коллекція монетъ, пожертвованныхъ г. Коломнинымъ, стаканъ времени Петра I-го и коронаціонная чарочка 1730 года съ соотвѣтствующею надписью. Вообще музей коммисіи пользуется довѣріемъ общества, и хотя располагаетъ многими предметами и имѣетъ обстановку вполнѣ приспособлен-

ную для посѣщенія публики, но коммиссія не находитъ удобнымъ открыть въ него доступъ, такъ какъ мало вѣроятія, чтобъ сопряженные съ его открытіемъ расходы возмѣстились платою съ посѣтителей. Для провинціальнаго жителя подняться на третій этажъ—дѣло настолько, по убѣжденію коммиссіи, непривычное, что онъ скорѣе откажетъ своей любознательности, чѣмъ совершитъ такой подвигъ восхожденія.—Въ распоряженіи коммисіи было 3.222 рубля 7 коп. Общій изъ нихъ расходъ произведенъ въ 647 рублей 38 коп. Остатокъ 2.574 рубля 69 к. хранится въ Отдѣленіи Государственнаго Банка.

Тверская коммиссія, состоящая изъ скромнаго, но дѣятельнаго числа членовъ (42), находилась подъ предсѣдательствомъ А. К. Жизневскаго и правителя дѣлъ И. А. Иванова, владѣя собственнымъ помѣщеніемъ въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ. Дѣятельность ея членовъ состояла въ описываніи писцовыхъ и переписныхъ книгъ Ржевскаго, Осташковскаго и Зубцовскаго уѣздовъ, письма и дозору Якова Загрязскаго и подъячаго Василія Толмачова 1646 года, и Зубцовскаго жъ уѣзда переписи князя Ивана Борятинскаго и подъячаго Михайла Воробьева 1678 года. Изъ вѣдомости, приложенной къ отчету коммиссіи, видно, что ею разсмотрѣно, по описямъ разныхъ архивовъ, 26.994 дѣла, изъ коихъ отобрано въ историческій архивъ 1.623 дѣла. Предсѣдатель коммисіи продолжалъ заниматься описаніемъ поступающихъ въ музей предметовъ и напечаталъ описаніе тѣхъ, которые пріобрѣтены въ 1889 и 1890 годахъ. Подъ его руководствомъ составлены г. Дюковымъ историческая записка о Ѳедоровскомъ монастырѣ; а г. Пушкинымъ алфавитный указатель къ 364-мъ рукописямъ музея и къ 4-мъ журналамъ коммисіи. Онъ же, г. предсѣдатель, сообщилъ о синодикѣ Кашина монастыря, въ коемъ заключается рѣдкая особенность, состоящая въ томъ, что въ синодикѣ поминаются жертвы крѣпостнаго права, или «мучимыхъ отъ насилія господій своихъ, всякою работою нудящихъ и до смерти біющихъ». Правитель дѣлъ составилъ описи грамотамъ и актамъ, хранящимся въ архивѣ Троицкаго-Калязина монастыря. Г. Сперанскій составилъ «Описаніе рукописей Тверскаго музея». Членъ коммиссіи В. Н. Сторожевъ обогатилъ и Тверскую коммиссію такимъ же драгоцѣннымъ сообщеніемъ, «Составъ Тверскаго дворянства по десятнямъ XVII вѣка», какимъ онъ обогатилъ Нижегородскую и Рязанскую коммиссіи. Имъ же, г. Сторожевымъ, доставлена въ коммиссію «Дозорная книга города Твери, 1616 года». Дозоръ былъ произведенъ Степаномъ Чепчуговымъ послѣ пожара, истребившаго городъ, за исключеніемъ посадовъ. Членъ коммиссіи В. И. Холмогоровъ доставилъ списокъ съ книги патріарха Никона 1654 по 1655 годъ, по расходу денегъ патріаршей домовой казны, во время путешествія его изъ Москвы въ Троицко-Сергіевъ монастырь

и Калязинъ, и отсюда въ Вязьму съ семействомъ царя Алексѣя Михайловича. Членомъ коммисіи Плетневымъ была произведена раскопка кургановъ близъ села Дуденева, по инструкціи профессора Самоквасова. Раскопано было, изъ группы 150-ти кургановъ, два кургана на берегу Волги, близъ впаденія въ нее рѣки Тьмы. Въ первомъ курганѣ найдено: сверху небольшой красноватый камень, ниже горшокъ, бронзовая пряжка, желѣзный ножъ, битый кремень и сильно поврежденный костякъ, обращенный головою на Западъ. Во второмъ курганѣ найдено: три горшка, нѣсколько колецъ изъ мѣдной проволоки, около 200 бусъ разныхъ цвѣтовъ и величинъ, браслетъ (запястье) изъ мѣдной пластинки, двѣ деревяшки съ втиснутыми бубенчиками и кольцами, гривна въ видѣ жгута изъ шести мѣдныхъ проволокъ, четыре бляхи изъ серебряной пластинки и два костяка, обращенные также головами къ Западу, и подъ однимъ черепомъ остатокъ темныхъ волосъ; въ обоихъ курганахъ замѣтно присутствіе угля. Результатъ раскопокъ, какъ во всѣхъ прочихъ раскопкахъ, творящихся въ Россіи, *«помѣстить найденное въ музей»*, и только!—такъ какъ кургано и могило-копатели безсильны дать какой-либо научный отвѣтъ, не зная къ которому вѣку, къ какому народу причислить найденные костяки, черепа, горшки и прочія вещи. Варварское уничтоженіе памятниковъ глубочайшей древности нашего отечества постоянно возмущало Николая Васильевича Калачова, и ему страстно желалось достичь, чрезъ посредство правительства, до строжайшаго запрещенія разрывать курганы и могилы кому бы то ни было, и чрезъ это сохранить эти памятники для будущихъ болѣе ученыхъ личностей.—Музей коммиссіи въ отчетномъ году, также какъ и въ предшествовавшіе годы, продолжалъ свое образовательное назначеніе, привлекая, преимущественно, учащееся юношество. Всѣхъ посѣтителей въ 1890-мъ году было 5.339 человѣкъ. Въ отдѣлахъ музея: археологическомъ состоитъ 5.943 предмета, въ рукописномъ 4.833 рукописи. Разнообразныя каменныя орудія музея пополняются ежегодно новыми, замѣчательными по превосходной отдѣлкѣ и разнообразію формъ, экземплярами; вмѣстѣ съ каменными орудіями находятъ по берегамъ Волги и костяные, а также металлическіе, стеклянные и другіе предметы доисторическаго времени, вымытые изъ разрушавшихся весенними водами кургановъ.—Въ библіотекѣ коммиссіи находится 1.085 книгъ и 12 картъ.—Въ отчетѣ Тверской коммиссіи помѣщено сообщеніе, что на берегу Волги, версты на двѣ повыше впаденія въ нее рѣки Тьмы, есть городище, между которымъ и Дуденевскими курганами, въ выселкѣ Кокошкѣ отправляется ежегодный праздникъ Ярилѣ, совершаемый въ Петровское заговѣніе и называемый «Погребеніе Ярилы». На праздникъ собирается молодежь изъ окрестныхъ деревень отъ 1.000

до 2.000 человѣкъ. Сообщеніе это очень важно, и коммиссія окажетъ большую для науки услугу, если соберетъ отъ поселянъ, живущихъ въ окрестностяхъ Дуденевскихъ кургановъ, преданія, уцѣлѣвшія о Ярилѣ, или упоминаніе о немъ въ пѣсняхъ и частности, до него касающіяся, въ играхъ. И то и другое можетъ разъяснить что-либо о культѣ этого божества, память о коемъ сохранилась чрезъ цѣлое тысячелѣтіе у потомковъ, предки которыхъ были отторгнуты отъ язычества и обращены въ христіанство, но не взирая на это тысячелѣтіе Ярила влечетъ къ себѣ живущее населеніе, которое кромѣ клички «Ярило», другаго чего объ немъ ничего, быть можетъ, не знаетъ, какъ не знаетъ и о «Сѣмикѣ», *) совершая объ немъ каждогодно помпнки. Не въ одной Тверской губерніи, но и въ Нижегородской, вѣроятно и въ другихъ, народъ празднуетъ Ярилѣ, если не въ сборищахъ съ пѣснями и играми, то въ гульбѣ на базарахъ, бываемыхъ въ селахъ въ опредѣленные дни, изъ числа ~~коихъ~~ базаръ предъ Петровскимъ заговѣньемъ, или въ самое заговѣнье, называется «базаръ на Ярилу». Это совершается въ селѣ Большомъ Андосовѣ, Сергачскаго уѣзда.—Тверская коммиссія обладаетъ очень скромными денежными средствами, но просуществовала безбѣдно весь отчетный годъ, имѣя въ приходѣ 388 р., въ число коихъ вступило 145 р. 95 к. за проданныя изданія коммиссіи, и сдѣлавъ расходъ только въ 184 р. 72 к. Такой скромный расходъ воспослѣдовалъ, благодаря разумной мѣрѣ, принятой коммиссіею, не печатать на свои средства рефератовъ и другихъ статей господъ членовъ, но препровождать эти сочиненія, смотря по содержанію, или въ губернское, или въ епархіальное вѣдомство, съ просьбою напечатать въ повременныхъ изданіяхъ съ предоставленіемъ коммиссіи опредѣленнаго числа отдѣльныхъ оттисковъ. Было бы благотворно, еслибъ и прочія коммиссіи приняли къ руководству эту разумную экономическую мѣру.

Двѣнадцатая послѣдняя *коммиссія Ярославская* была открыта 15-го Ноября 1889 года, а потому отчетный 1890-й годъ слѣдуетъ считать первымъ годомъ ея существованія. Коммисія прежде всего приступила къ отысканію удобнаго и безопаснаго отъ огня помѣщенія для историческаго архива, которое и нашлось въ зданіи Контрольной палаты. За тѣмъ, по избраніи предсѣдателя и правителя дѣлъ, въ видахъ по-

*) Пишу Сѣмикъ, а не Семикъ, потому что не вѣрю толкованію о производствѣ этого прозвища отъ „седьмаго четверга по Пасхѣ", въ который *нынѣ* празднуютъ Сѣмику. Не вѣрю потому, что поклоненіе Сѣмику совершалось Славянами задолго до обращенія ихъ въ христіанство, и Славяне, какъ идолопоклонники, молились Сѣмику какъ божеству, оживотворяющему въ землѣ *сѣмена* весенняго посѣва хлѣбовъ и, черезъ это, дающаго сѣменамъ всходъ и растительность.—Затѣмъ объ оплодотвореніи этихъ всходовъ и растительности зерномъ Славяне молились другому божеству, Ярилѣ, въ надеждѣ получить отъ него обильный урожай.

люченія возможности покрывать необходимые расходы, коммисія обратилась съ ходатайствомъ о вспомоществованіи къ губернскому земству, которое и ассигновало въ ея распоряженіе 1.000 рублей. Вслѣдъ этому отъ Министерства Юстиціи была отпущена субсидія въ 200 р., на расходы по разбору и описанію дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Ярославской губерніи. Дѣятельность по этому предмету коммисія предположила начать съ архивовъ древнѣйшихъ городовъ губерніи — Углича и Ростова. Вслѣдъ этому членъ коммисіи г. Мизиновъ разобралъ и описалъ дѣла въ архивѣ мужской гимназіи и результатъ разбора изложилъ въ статьѣ «Очерки изъ прежняго Ярославской мужской гимназіи». Членъ г. Трефолевъ разбиралъ дѣла бывшаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, касающіяся народнаго образованія, за время царствованій Екатерины II-й и Павла I-го. Членъ г. Корсунскій разбиралъ архивъ Ярославской Духовной Консисторіи, гдѣ, между прочимъ, нашелъ дѣло о столкновеніи митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича съ герцогомъ Бирономъ. Г. Якушкинъ описалъ связку столбцовъ для передачи въ историческій архивъ. Ѳ. А. Бычковъ разбиралъ дѣла Рыбинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія. Правитель дѣлъ А. Ал. Титовъ занимался разборомъ и передачею въ историческій архивъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Окружнаго Суда. Въ музей коммиссіи поступили каменные: молотокъ-топоръ и клинъ, найденные на Черной горѣ, въ землѣ на глубинѣ до 3-хъ аршинъ, возлѣ человѣческихъ костей. По предложенію правителя дѣлъ, на изысканныя имъ денежныя средства и подъ его редакціею, изданъ первый выпускъ «Трудовъ» коммисіи, въ которомъ главное мѣсто представлено рукописи «Углицкій лѣтописецъ».

*

Окончивъ отчетъ о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммисій, считаю своею обязанностью сообщить о цѣнности актовъ, обработанныхъ младшимъ помощникомъ редактора описей и изданій Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Вас. Ник. Сторожевымъ, присланныхъ имъ въ Нижегородскую, Рязанскую и Тверскую коммиссіи. Этимъ актамъ дано общее названіе «Составъ дворянъ по десятнямъ XVII-го вѣка». Они уцѣлѣли въ упомянутомъ архивѣ Министерства Юстиціи, и г. Сторожевъ, найдя ихъ, собралъ, составилъ къ нимъ образцовыя предисловія и разослалъ по принадлежности «Составовъ» въ сказанныя ученыя коммиссіи. Благодаря этому дворяне Нижегородской, Рязанской и Тверской губерній, усидѣвшіе въ своихъ прародительскихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, а также и разселившіеся по разнымъ мѣстностямъ Россіи, получили точныя данныя къ своимъ родословнымъ и, не взирая на отшедшія въ вѣчность три столѣтія,

могутъ повстрѣчаться съ своими предками какъ бы лицомъ къ лицу, такъ какъ въ разборѣ дворянъ по десятнямъ того времени теперешніе потомки ихъ знакомятся не съ одними именами и отчествами своихъ родныхъ предковъ, но и съ умственными и нравственными ихъ качествами, съ ихъ дѣяніями, съ событіями въ ихъ жизни, съ богатствомъ или бѣдностью, съ числомъ и мѣстностями принадлежащихъ имъ помѣстій и вотчинъ, съ получаемымъ ими жалованьемъ и окладами и съ лежащею на каждомъ обязанностью: быть вѣчно на службѣ своего Царя и Отечества, защищая ихъ отъ внѣшнихъ враговъ и, къ стыду нашему, отъ своихъ Русскихъ воровъ-измѣнниковъ. Что Русскій дворянинъ, получая отъ правительства помѣстье, для прокормленія себя съ семействомъ, жалованье, для содержанія своего на службѣ, и вотчины, за совершенные имъ подвиги, обязанъ былъ служить всю жизнь, не щадя живота своего и крови, это извѣстно; но гдѣ именно служить, по какому распорядку и при какихъ условіяхъ нести ту или другую службу и въ какой постепенности—это мало кому знаемо. Теперь же, благодаря почтенному и цѣнному труду г-на Сторожева, стало вѣдомо, что Русскій дворянинъ, зачислявшійся со дня рожденія своего въ разрядъ «*недорослей*», обязанъ былъ, впредъ до совершеннолѣтія, нести или денежную, или даточную повинность. Вмѣстѣ съ этимъ ту или другую повинность несли вдовы и дочери дворянъ, получившія послѣ смерти мужей и отцовъ прожиточныя на свое прокормленіе помѣстья и вотчины; наравнѣ съ этимъ тѣ же повинности несли и отставные отъ службы дворяне до смерти каждаго. Исключенія являлись только въ тѣхъ случаяхъ, когда по истинной и доказанной бѣдности взять было не съ чего и нечего. Сказанное подтверждается слѣдующими записями: «Вдовы и дѣвки живутъ на прожиточныхъ помѣстьяхъ и на вотчинахъ; а по сказкѣ окладчиковъ съ тѣхъ помѣстей и съ вотчинъ даточныхъ людей и съ даточнаго человѣка и деньгами взяти не съ чево; а помѣстья и вотчины за ними худы, а за иными пусты». О томъ же говоритъ запись о малолѣтнихъ недоросляхъ: «Зубчане же, недоросли, въ службу не поспѣли и государевымъ жалованьемъ, помѣстными и денежными оклады не верстаны, а живутъ въ прожиточныхъ помѣстьяхъ и на вотчинахъ родственныхъ; а по сказкѣ окладчиковъ съ тѣхъ ихъ помѣстей и съ вотчинъ даточныхъ людей взяти не съ чево, помѣстья де и вотчины за ними худы: а по разчоту съ даточного человѣка денгами, что государь укажетъ; а за иными де помѣстья и вотчины пусты, и съ тѣхъ ихъ помѣстей и вотчинъ съ даточного человѣка и денгами взяти не съ чево». Существовали и такіе недоросли, у которыхъ ничего имущественнаго не было и о которыхъ отмѣчалось въ спискахъ такъ: «Недоросли жъ въ

службу не поспѣли, и живутъ у отцовъ своихъ, и у дядьи, и у братьи, а помѣстей и вотчинъ за ними нѣтъ», — и за тѣмъ перечислялись ихъ имена, отчества и фамиліи, съ обозначеніемъ лѣтъ каждому, съ полугодичнаго отъ рожденія возраста. По достиженіи же совершеннолѣтія недоросли перечислялись въ «*новики*» и зачислялись на службу, смотря по способностямъ и по физическимъ достоинствамъ или недостаткамъ каждаго, о чемъ записывалось такъ: «Иванъ Клементьевъ Озеровъ. Окладчики и городомъ сказали: собою молодъ и малъ, и въ службу ево въ полковую не будетъ, а служить ему осадная служба, покамѣстъ подростетъ; а помѣстья и вотчины за нимъ нѣтъ». Или же: «Нарядчикъ Андрей Тим. Новокрещеновъ собою худъ, помѣстье за нимъ худо; на службѣ будетъ на меринкѣ съ саадачникомъ». Изъ новиковъ перечислялись въ «*городовые*». Здѣсь ихъ распредѣляли для отправленія службы, смотря по состоянію здоровья и по владѣемому каждымъ имуществу, наблюдая за ихъ нравственностью, какъ сказано про одного изъ нихъ Ивана Степанова Шипилова: «Живетъ въ Муромѣ; бражникъ и зернщикъ.... взята по немъ порука, что впредъ не играть». Замѣчательно, что, въ какихъ бы жизненныхъ и имущественныхъ условіяхъ ни находился дворянинъ, но при верстаньѣ его на службу дѣлалась ссылка на его бѣдность. Записи по этому дѣлались примѣрно такъ: «Илья Ивановъ сынъ Воейковъ. Окладчики и городомъ сказали: собою молодъ и добръ, а съ ними не служивалъ, верстанъ недавно; а въ службу ево будетъ, толко бѣденъ; а помѣстья-де за нимъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ полселца Воробьева съ пустошми, а въ немъ всего одинъ крестьянинъ да бобыль, — и на государевѣ-де службѣ быти не съ чево; а помѣстье-де за нимъ худо; а государева де ему жалованья городомъ 9 рублевъ, и тѣмъ-де ему государевымъ жалованьемъ на государеву службу поднятца нечѣмъ». За городовыми шелъ разрядъ «*дворовыхъ*». И тутъ являлась такая же общая по формѣ запись о бѣдности: «Богданъ Даниловъ сынъ Извѣковъ. Окладчики и городомъ сказали: головою своею (т.-е. умомъ) и службою добръ, служивалъ на добромъ конѣ, и простой конь, и служилой человѣкъ за нимъ бывали; а помѣстье за нимъ въ Ржевскомъ уѣздѣ деревня Ильино съ пустошми, въ дачахъ 200 чети, а въ ней всего одинъ бобыль; и съ тово-де ему Ржевскаго помѣстья на государевѣ службѣ быти не съ чево. А Богданъ самъ про себя и про свою службу и про Ржевское помѣстье сказалъ тожъ; а государева-де ему жалованья изъ чети 12 рублевъ; и толко-де государь ево пожалуетъ—велитъ ему дать свое государево жалованье, окладъ ево, и онъ на государевѣ службѣ будетъ на середнемъ конѣ безъ доспѣху, въ саадакѣ да и въ саблѣ». Изъ упомянутаго разряда дворяне верстались въ высшій разрядъ, именовавшійся «*выборъ*». И тутъ оди-

наково всѣ, хотя и «емлютъ изъ чети», но показываютъ, что отъ Литовскія войны и отъ казаковъ обѣднѣли, а нѣкоторые увѣряли, что и съ жалованьемъ подняться на службу не въ состояніи; но ни то ни другое не освобождало отъ службы, и о выборныхъ отмѣчалось въ спискахъ по такимъ приговорамъ: «Юр. Ер. Бахметеву на государевѣ службѣ быть, ему и впредъ будетъ на конѣ, въ саадакѣ, да съ нимъ 2 человѣка на конѣхъ съ карабинами, да 2 человѣка съ простыми копями, на конѣхъ же съ карабины, да 3 человѣка въ кошу съ долгими пищалми». При этомъ приговорѣ помѣщена отмѣтка: «Жалованье не получилъ, ибо былъ на Черномъ Яру на воеводствѣ».—Получить отставку отъ службы было очень трудно. Это видно изъ слѣдующей записи: «Нарядчикъ Олексѣй Васильевъ сынъ Басовъ. Окладчики и городомъ сказали: Олексѣй собою добръ, а былъ въ нарядѣ 20 лѣтъ, и на государевѣ-де службѣ бывалъ съ ними всегда, и служилъ на добромъ конѣ, и на службѣ живалъ безъ съѣзду, и на срокъ пріѣзживалъ, а до сроку не съѣзживалъ, и на бояхъ съ ними бывалъ; а нынѣ-де старъ и мало видитъ, и впередъ ево въ нарядъ и въ далную службу не станетъ, а служить ему ближняя рядовая служба»... «И по сказкѣ окладчиковъ и всего города Олексѣй Басовъ отъ наряду отставленъ, а велѣно ему служить зъ городомъ рядовая ближняя служба. А на ево мѣсто, въ нарядчики, окладчики и городомъ выбрали сына боярского Степана Олексѣева сына Лопакова». Этотъ Лопаковъ былъ изъ служилыхъ новиковъ и поверстанъ государевымъ жалованьемъ, помѣстными и денежными оклады. А въ которую статью поверстанъ, и то писано въ версталномъ спискѣ подъ его именемъ такъ: «Степанъ Олексѣевъ сынъ Лопаковъ. Окладчики и городомъ сказали, что Степанъ отечествомъ середней, а собою добръ, и съ ними зъ городомъ служилъ многія государевы службы, какъ-де былъ подъ Москвою воръ Ивашко Болотниковъ, и какъ Ивашка Болотникова побили и розгоняли, а Юшку Беззубцова осадили въ Заборьѣ, а онъ-де въ тѣ поры въ бою былъ; да онъ же-де служилъ въ Болховѣ, какъ былъ бояринъ и воевода князь Иванъ Семеновичь Куракинъ, ходилъ на Литовскихъ людей къ Орлу, и сошлися межъ Орла и Болхова, и онъ въ тѣ поры съ Литовскими людми бился явственно, и съ тово бою отвезъ знамя; да онъ же де служилъ, какъ шолъ съ Москвы Гасѣвской съ Литовскими со многими людми, и въ тѣ поры приходилъ на Литовскихъ людей князь Микита Шеховской да Кирило Воржинской, и Литовскихъ людей побили и языки поимали, и онъ-де въ тѣ поры съ Литовскими людми бился же; да онъ же-де служилъ, какъ приступалъ къ Погорѣлому Городищу Лисовской, и онъ-де въ тѣ поры сидѣлъ въ осадѣ, и написанъ былъ на стѣнѣ, и съ Литовскими людми на приступѣ бился жъ;

и за службу де пригодитца онъ въ первую статью служилыхъ новиковъ, въ 350 чети, денегъ 12 рублевъ. И на государеву-де службу ему тѣмъ государевымъ жалованьемъ поднятца нечѣмъ, а помѣстья-де за нимъ и вотчины нѣтъ. Да окладчики жъ и городомъ сказали: билъ-де челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи прежней ихъ города нарядчикъ Олексѣй Басовъ, чтобъ ево государь пожаловалъ, велѣлъ за старость и за увѣчье отъ наряду отставить, и прежней-де ихъ нарядчикъ Олексѣй Басовъ нынѣ старъ и мало видитъ и впередъ ево въ нарядъ не будетъ, а пригодитца-де на ево мѣсто въ нарядъ Степанъ Лопаковъ, и въ нарядъ ево станетъ. И по сказкѣ окладчиковъ и всего города Олексѣю велѣно служить съ городомъ рядовая служба, а въ нарядѣ на ево мѣсто велѣно быти въ нарядчикахъ Степану Лопакову».

Тѣже драгоцѣнныя «Десятни», сообщенныя г-мъ Сторожевымъ, познакомятъ старинныхъ родовыхъ дворянъ и съ семейнымъ бытомъ ихъ предковъ. Для примѣра можно указать на Филипа Григорьева Кропотова, о которомъ окладчики и городомъ сказали: «Ѳилипъ умеръ въ 128-мъ году, а жены и дѣтей у него не осталось; а помѣстье за нимъ было въ Зубцовскомъ уѣздѣ, и нынѣ пусто»; или на Григорія Васильевича Нармацкаго, который, сказавъ окладчикамъ, что ему съ Вологодскаго помѣстья подняться на государеву службу, безъ жалованья, не чѣмъ, добавилъ: «да за нимъ-де помѣстье въ Арзамасѣ—дано ему жены ево прожиточное помѣстье деревня Невѣровъ Усадъ, въ дачахъ 67 чети безъ третника, а въ немъ 6 крестьяниновъ да 6 бобылей, и съ того де ему помѣстья велѣно, по государеву указу, выдать замужъ падчерица своя, а приданово за нею велѣно дать 50 рублевъ». Одинаково съ нимъ и отецъ его Василій Григорьевичъ Нарматцкой заявилъ, что за нимъ хотя и числится въ Старицкомъ уѣздѣ родственная вотчина, деревня Игутьева съ пустошми, на 50 чети, съ двумя крестьянинами и съ двумя бобылями, но что «ту вотчину свою отдаетъ въ приданое за дочерью своею зятю своему Олексѣю Хрипунову». А Юрій Воиновъ Поливановъ показалъ, что за нимъ вотчина родственная въ Московскомъ уѣздѣ половина села Поливанова съ пустошми, «и тою-де вотчиною, ево долею, завладѣли насилствомъ братья ево двоюродные Борисъ, да Кочева, да Василей, да Юрьи Поливановы».

Тѣже «Десятни» показываютъ, что и въ началѣ XVII-го столѣтія существовалъ у нѣкоторыхъ, преимущественно Нижегородскихъ, дворянъ древній обычай зваться не по имени, данному при крещеніи, а какими-то странными прозвищами: Путило Ѳ. Бартеневъ, Блудъ Тимоѳеевъ Суринъ, Имаха Бобоѣдовъ, Мисюра Соловцовъ, Жданъ Петровъ Болтинъ, Китай Струйской, Мясоѣдъ Никитинъ Рокотовъ, Посникъ Безсо-

новъ Оначкинъ, Семой Салтановъ Симанскій, Курдюкъ Семеновъ Карамзинъ, Мирославъ Степановъ Приклонскій, Иванъ Всполоховъ сынъ Скобелцынъ, Нехорошей Дементьевъ Ушаковъ, Поздѣй Исламовъ Каиревъ. Нашелся даже и такой, котораго, если бъ при немъ не было Русской фамиліи, то по имени и отчеству слѣдовало бы считать Татариномъ—Мисюрь Мансуровъ Товарыщевъ.

Тѣже «Десятни» дополняютъ родословныя нашихъ старинныхъ, такъ называемыхъ столбовыхъ дворянскихъ домовъ, какъ напримѣръ Бобоѣдовыхъ, сидящихъ и теперь въ своей прародительской вотчинѣ деревнѣ Ожгибоковкѣ, переименованной нынѣ въ село Ожгибовку, въ коемъ сидѣлъ, кормился и откуда въ 1616-мъ году ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, за полученіемъ жалованья, по помѣстному окладу, отъ князя Михаила Борятинскаго и подъячаго Василія Семенова, и за тѣмъ отправлялся на государеву службу, предокъ ихъ Имаха Бобоѣдовъ, о коемъ въ роду ихъ не сохранилось и преданія. Или ближніе сосѣди Бобоѣдовыхъ въ селѣ Старинскомъ, Сергачскаго уѣзда, Приклонскіе, вѣроятно только теперь, изъ 9-го выпуска «Дѣйствій Нижегородской губернской ученой архивной коммисіи», узнали, что въ 1622-мъ году предокъ ихъ Богданъ Мирославовъ Приклонскій служилъ на конѣ, въ пансырѣ, саадакъ и сабля, съ простымъ конемъ, человѣкъ на меринѣ, саадакъ и сабля». А Петръ Сусловъ Приклонскій «оставленъ на Москвѣ для посолскаго дѣла». Такъ и другіе сосѣди ихъ Шипиловы узнаютъ, что въ числѣ предковъ ихъ хотя и былъ «бражникъ и зернщикъ», но только не Нижегородскій, а Муромскій, но были и первостатейные въ «выборѣ» дворяне, какъ Степанъ Посниковъ Шипиловъ, помѣстье коего, село Шипилово, покуда еще состоитъ въ ихъ родѣ.

Изъ тѣхъ же «Десятенъ» стало извѣстно, что между Нижегородскими помѣщиками, были кормовые иноземцы, въ числѣ коихъ состояло 16 человѣкъ изъ Литвы, при коихъ находимъ отмѣтки: «за худымъ помѣстьемъ, въ 20 чети, служити пѣшему». Про «Нѣмца» (20 человѣкъ) сказано, что изъ числа ихъ было трое окладчиковъ: Гарлантъ, Думерстотъ, Рымеровъ, и что послѣ смерти П. И. Шоркжанова помѣстье отдано кормовому Нѣмчину Захарью Вестру.

Изъ всего изложеннаго видно, что губернскія ученыя архивныя коммисіи, придерживаясь строго программы, начертанной учредителемъ ихъ Николаемъ Васильевичемъ Калачовымъ, открываютъ по немногу завѣсу съ отшедшаго въ вѣчность времени, воскрешаютъ минувшую жизнь государства и знакомятъ съ событіями, мѣропріятіями и съ дѣяніями нашихъ праотцевъ, не прикрашивая ихъ никакою тенденціею, а представляя ихъ предъ всѣми въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ родила ихъ наша Матушка Русь Православная.

Аскалонъ Труворовъ.

РѢЧЬ О ГЛАВНЫХЪ ЗАДАЧАХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА ПО МЫСЛИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА.

(Читана въ Собраніи Института 25-го Октября 1891 года.)

Въ день памяти незабвеннаго учредителя Археологическаго Института беру на себя смѣлость представить вашему благосклонному вниманію нѣкоторыя разъясненія относительно тѣхъ главнѣйшихъ задачъ, какія ставилъ Институту самъ учредитель его. Для лицъ близко стоящихъ къ Археологическому Институту, слѣдящихъ непрерывно и внимательно за его четырнадцатилѣтнею жизнію, задачи эти достаточно ясны и опредѣленны; но нельзя сказать того же *вообще о Русскомъ образованномъ обществѣ*. Вращаясь среди археологовъ и почитателей Русской старины, я много разъ имѣлъ случай выслушивать невѣрныя сужденія объ Институтѣ, которыя и убѣдили меня, что Институтъ для публики—учрежденіе мало извѣстное; одни опредѣляютъ задачи его такъ, другіе иначе. Съ особенною силою обнаружилась эта разноголосица общественнаго мнѣнія въ тотъ критическій моментъ, который наступилъ для Института съ кончиною высоко цѣнимаго всѣми продолжателя дѣла Калачова, директора Института Н. Е. Андреевскаго, когда не былъ еще назначенъ новый директоръ и когда на Институтъ обращено было общее вниманіе. Для насъ стало тогда совершенно ясно, что наше общество, даже представители науки, въ томъ числѣ и археологи, въ своихъ сужденіяхъ о задачахъ Института руководятся не столько дѣятельностію Института, въ сущности довольно ясно уже опредѣлившеюся, сколько его наименованіемъ «Институтъ Археологическій». Но такъ какъ терминъ «Археологія» ни въ нашей ученой литературѣ, ни, смѣю думать, въ научномъ сознаніи ея представителей не получилъ еще точно опредѣленнаго значенія, то отсюда и происходятъ крупныя разногласія: одни считаютъ Археологію наукою о вещественныхъ памятникахъ древности, въ широкомъ смыслѣ слова; другіе ограничиваютъ объемъ этихъ памятниковъ эпохою первобытною; третьи расширяютъ объемъ Археологіи до nec plus ultra и т. д. Эта неточность термина, если руководиться только однимъ имъ въ опредѣленіи характера цѣлаго учрежденія, какъ Археологиче-

скій Институтъ, конечно, легко можетъ привести къ ложному истолкованію задачъ Института. И дѣйствительно, нерѣдко приходилось слышать мнѣніе, что Археологич. Институтъ предназначаетъ своихъ слушателей для раскопки кургановъ, и въ тоже время не имѣетъ каѳедры первобытной Археологіи; а это уже составляетъ жестокій и несправедливый упрекъ. Другіе говорили и говорятъ, что кургановѣдѣніе должно быть оставлено нами совершенно въ сторонѣ, какъ предметъ совсѣмъ не относящійся къ существу задачъ Института, и даже упрекали насъ за то, что мы, въ интересахъ чисто-педагогическихъ, два-три раза посылали нѣкоторыхъ изъ слушателей посмотрѣть, какъ производятся раскопки спеціалистами. Подобныя недоразумѣнія, не ослабѣвающія доселѣ, и даютъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ опредѣлялись задачи Археологическаго Института въ сознаніи самого учредителя его.

Уже въ то время, когда Калачовъ задумалъ учредить Археологическій Институтъ, у насъ въ Россіи существовали Археологическая Коммисія, Археолог. Общество, Археографическая Коммисія и зарождалось Общество любителей древней письменности. Учрежденіе особаго Археолог. Института представлялось, повидимому, излишнимъ. Но это только—*повидимому*. Калачовъ отлично зналъ всѣ эти учрежденія и былъ членомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; но онъ зналъ также и то, что они мало затрогиваютъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ источниковъ историческаго знанія и совсѣмъ не ставятъ своею задачею систематическую научную подготовку спеціалистовъ. Этотъ крупный источникъ есть *архивъ*. Калачовъ былъ архивистъ. Онъ всегда стоялъ близко къ архиву, съ юныхъ лѣтъ привыкъ высоко цѣнить его; самъ, въ своихъ ученыхъ работахъ, пользовался сокровищами архива; издавалъ архивные документы и потому болѣе, чѣмъ кто либо другой въ то время, горячо желалъ поставить архивовѣдѣніе на надлежащую высоту, сдѣлать архивъ изъ простаго склада старыхъ бумагъ, столбцовъ, именно источникомъ научнаго знанія, вполнѣ пригоднымъ и доступнымъ для спеціальныхъ занятій. Самая мысль объ Археол. Институтѣ возникла въ головѣ Николая Васильевича подъ вліяніемъ осмотра и изученія заграничныхъ архивовъ, предпринятаго лѣтомъ 1873 года въ интересахъ упорядоченія архивнаго дѣла въ Россіи; первоначальный проектъ его прошелъ чрезъ Коммиссію объ устройствѣ архивовъ. Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на дѣло, со стороны ли личныхъ симпатій и спеціальныхъ занятій учредителя Института, или со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ къ жизни новое учрежденіе, во всякомъ случаѣ Археол. Институтъ предназначался для цѣлей *архивовѣдѣнія*. Онъ учрежденъ съ цѣлію приготовленія специа-

листовъ по Русской старинѣ для занятія мѣстъ *въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ* (§ 1 Полож.). «Первый предметъ, говорилъ Николай Васильевичъ въ своей рѣчи въ торжественномъ собраніи Института 22 Января 1879 г., на который обращено ваше вниманіе, это *архивное дѣло...* Задача нашего учрежденія заключается въ приготовленіи опытныхъ архивистовъ какъ для столицъ, такъ особенно для провинцій». Приводить дальнѣйшія доказательства тому, мм. гг., значило бы доказывать общеизвѣстную, по крайней мѣрѣ для лицъ близко знавшихъ Н. В. Калачова, и неоспоримую истину, до очевидности подтверждаемую всею дѣятельностію его прекрасно охарактеризованною въ чтеніяхъ, посвященныхъ памяти его (3 Декабря 1885 года) и напечанныхъ въ V-мъ выпускѣ Институтскаго Вѣстника.

Однако, переходя къ осуществленію своей завѣтной мечты, къ учрежденію Археол. Института, Н. В. Калачовъ, *повидимому*, уклонился отъ своей первоначальной задачи и начерталъ довольно широкую программу преподаванія для Института: онъ включилъ въ эту программу нѣсколько такихъ предметовъ, которые на первый взглядъ представляются слишкомъ далекими отъ главной цѣли, заключающейся въ архивовѣдѣніи. Эта широта программы обратила на себя вниманіе многихъ вслѣдъ за опубликованіемъ проекта положенія объ Институтѣ. Многіе находили программу *слишкомъ* широкою, невыполнимою и даже не признавали ее цѣлесообразною. Мнѣ лично неоднократно приходилось слышать объ этихъ отзывахъ отъ самого Николая Васильевича, причемъ онъ называлъ, помню, извѣстнаго знатока древностей, бывшаго предсѣдателя Импер. Археол. Коммиссіи графа С. Г. Строганова. Объ этомъ предметѣ даже говорилъ публично Николай Васильевичъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Археологическомъ Институтѣ, именно 15 Февраля 1881 года. «Не разъ, говорилъ онъ въ этой рѣчи, приходилось мнѣ бесѣдовать съ лицами, сочувствующими нашему дѣлу, и слышать отъ нихъ такой отзывъ: вы одновременно принялись за многое: основать бы вамъ одну какую-нибудь школу, напр. по изученію архивнаго дѣла, или по церковнымъ древностямъ, или по краніологіи и т. п. Отзывы подобнаго рода нерѣдко приходится слышать *и до сихъ поръ*. Насъ упрекали иногда въ томъ, что мы вторгаемся въ чужую область, именно въ область вѣдѣнія Археологической Коммисіи и Археологическихъ Обществъ и рекомендовали не касаться ничего другаго, кромѣ архива, т. е. не только оставить въ сторонѣ заботы о сохраненіи и научномъ объясненіи другихъ памятниковъ, кромѣ архивныхъ документовъ, но и преподавать въ Институтѣ исключительно только то, что̀ прямо и непосредственно относится къ архиву».

Такъ ли это? Калачовъ отлично зналъ назначеніе ученыхъ учрежденій и не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія посягать на ихъ права; но онъ никоимъ образомъ не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы поставить въ столь узкія рамки институтское преподаваніе. Онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире, создавалъ не профессіональную школу, для приготовленія техниковъ архивнаго дѣла; хотѣлъ воспитать не архиваріусовъ въ старомъ смыслѣ этого слова: для этого не было, пожалуй, и нужды въ особомъ учрежденіи: старый архиваріусъ воспитывался посредствомъ навыка и долговременной практики. Н. В. Калачовъ создавалъ не школу, а *Институтъ*, откуда могли бы выходить *ученые архивисты*, которые бы не только хранили бумаги и документы, но и понимали содержаніе ихъ, цѣнили ихъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ историческаго знанія, и могли обслѣдовать ихъ, во всеоружіи спеціальной подготовки. Какъ историку трудно обойтись безъ географіи, латинисту безъ знанія Римскаго быта, такъ и ученому архивисту безъ своихъ вспомогательныхъ наукъ. Къ этому присоединялось еще одно очень важное соображеніе. Архивисты Института предназначались не столько для столицъ, сколько для провинціальныхъ городовъ, губернскихъ и уѣздныхъ. Древности, встрѣчающіяся въ провинціальной глуши, очень разнообразны по своему характеру; а между тѣмъ *представителей* разнообразныхъ спеціальныхъ отраслей Археологіи здѣсь нѣтъ; оберегать древности отъ разрушенія и расхищенія некому. Не могла ли отсюда естественно родиться мысль—представить въ провинціальномъ ученомъ архивистѣ такое лицо, которое бы, помимо архива, оберегало ихъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ обращено на нихъ вниманіе спеціалистовъ, гарантирующее ихъ дальнѣйшую сохранность, сообщало свѣдѣнія о нихъ подлежащимъ правительственнымъ учрежденіямъ и такимъ образомъ облегчало путь къ сохраненію и изученію провинціальныхъ древностей. Скромный архивистъ *въ Западной Европѣ*, по свидѣтельству Н. В. Калачова, есть въ тоже время и разыскатель и собиратель древностей вообще въ своемъ тихомъ закоулкѣ. Тѣмъ болѣе такъ должно быть у насъ, при нашемъ недостаткѣ въ провинціальныхъ знатокахъ древностей: къ архивисту понесутъ собиратели и старыя монеты, и старые складни, и кресты, и рукописи; ему же сообщатъ свѣдѣнія о неожиданной находкѣ памятниковъ древностей. Но для всего этого архивисту необходима нѣкоторая широта и разнообразіе свѣдѣній; необходима по крайней мѣрѣ на столько, чтобы онъ могъ отличить памятникъ древности отъ произведенія новаго, описать его съ надлежащею точностію и полнотою, сдѣлать снимокъ съ него, обезпечить его сохраненіе въ интересѣ его дальнѣйшаго спеціальнаго

обслѣдованія. Вотъ почему уже при первомъ начертаніи Положенія объ Археол. Институтѣ въ кругъ институтскаго преподаванія введены были: палеографія вообще и въ особенности Русская, Русскія древности бытовыя (бытъ церковный, общественный, домашній, юридическій), хронологія, генеологія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ и древняя географія вообще, въ особенности Россіи до XVIII в. включительно.

Точное выполненіе этой программы, особенно на первыхъ порахъ, представлялось дѣломъ чрезвычайно затруднительнымъ. Институтъ могъ дать своимъ слушателямъ свѣдѣнія по архивовѣдѣнію, исторической географіи, юридическимъ древностямъ, церковнымъ древностямъ, палеографіи и метрологіи. Недостатокъ свѣдѣній по другимъ предметамъ до нѣкоторой степени былъ восполняемъ вечерними сообщеніями въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ. Нечего и говорить о томъ, что институтскій органъ «Сборникъ Археол. Института», предназначенъ былъ главнымъ образомъ для цѣлей архивовѣдѣнія. Неожиданная кончина Николая Васильевича не позволила ему лично довести начатое дѣло до конца; задуманное учредителемъ Института расширеніе предметовъ преподаванія, усиленіе средствъ Института, обезпеченіе правъ институтскихъ слушателей и другія тяжелыя заботы по Институту перешли къ его достойному, но къ сожалѣнію также недолговѣчному, преемнику. Съ полною энергіею и знаніемъ дѣла Иванъ Ефимовичъ Андреевскій велъ Институтъ къ намѣченной цѣли: онъ дѣйствовалъ «въ духѣ и силѣ» учредителя; многое недостающее восполнилъ, велъ и поддерживалъ съ рѣдкою энергіею еженедѣльныя вечернія собранія членовъ и слушателей, главнымъ предметомъ занятій которыхъ было опять таки архивное дѣло. Но не мнѣ распространяться о заслугахъ Ивана Ефимовича: объ этомъ скажутъ авторитетное слово ученики его въ особомъ вечернемъ собраніи, которое будетъ посвящено всецѣло оцѣнкѣ его заслугъ. Однако и Иванъ Ефимовичъ, при всей своей преданности дѣлу Института, не успѣлъ сдѣлать всего, чего искренно желалъ, и оставилъ намъ все еще довольно трудную задачу довершенія дѣла, начатаго учредителемъ. Мы осиротѣли во второй разъ; но мы глубоко вѣруемъ въ цѣлесообразность задачъ, поставленныхъ нашимъ первоначальнымъ руководителемъ; мы стараемся быть вѣрными его планоначертаніямъ и съ надеждою смотримъ на будущее. Руководительство Институтомъ перешло въ руки новаго директора, Аскалона Николаевича Труворова, воодушевленнаго идеями Калачова и горячо преданнаго архивной старинѣ. Исполняя завѣты Калачова и Андреевскаго, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на институтское преподаваніе, и его первые шаги въ этомъ направленіи увѣнчались желательнымъ успѣхомъ: по предло-

женію его, Совѣтъ Института пригласилъ къ небольшой семьѣ институтскихъ преподавателей одного изъ весьма почтенныхъ ученыхъ — профессора Спб. университета Н. И. Веселовскаго, который, въ случаѣ согласія на то со стороны г. министра народнаго просвѣщенія, и предполагаетъ въ Ноябрѣ настоящаго года приступить къ чтенію лекцій въ Институтѣ по предмету первобытной Археологіи и древностей южной Россіи, чего такъ сильно желалъ Н. В. Калачовъ. Пусть слушатели Института не предназначаются для раскопки кургановъ, но они должны имѣть достаточныя свѣдѣнія о результатахъ, добытыхъ первобытною Археологіею, ея дальнѣйшихъ задачахъ и необходимыхъ пріемахъ ея изслѣдованій, въ интересахъ общаго археологическаго образованія и возможнаго примѣненія этихъ свѣдѣній въ томъ случаѣ, еслибы оказалось нужнымъ ихъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ, все-таки остается еще немало пробѣловъ въ нашей программѣ: нѣтъ у насъ каѳедры исторіи Славяно-русскаго языка, древне-Русской литературы, исторической географіи и обозрѣнія источниковъ Русской исторіи; но мы надѣемся съ теченіемъ времени восполнить и эти недостатки. Питаемъ также надежду подвинуть впередъ изданіе основаннаго Калачовымъ «Вѣстника Археологіи и Исторіи» и исходатайствовать необходимыя права для слушателей по окончаніи ими институтскаго курса.

Вамъ хорошо извѣстно, мм. гг., что ближайшимъ образцомъ для Археологическаго Института послужила Французская школа École des chartes; но у насъ есть и особыя задачи, вызываемыя потребностями національной жизни и условіями Русской цивилизаціи. Поэтому кругъ предметовъ институтскаго преподаванія даже и въ настоящее время шире, чѣмъ въ École des chartes; но это расширеніе стоитъ въ полномъ согласіи съ основными задачами, начертанными для Института основателемъ его. Мы развиваемъ идею Калачова и идемъ къ указанной имъ цѣли. Вѣруемъ и надѣемся, что цѣль эта уже недалека отъ насъ.

Н. Покровскій.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ О ЕДИНОТОРЖІИ.

Въ сношеніяхъ Екатерины Великой съ Дидеротомъ всего любопытнѣе для историка ея подробные отвѣты на пытлывые распросы философа о внутреннемъ состояніи Россіи. («Русскій Архивъ» 1880, кн. III). Когда рѣчь зашла объ откупахъ, Екатерина выразилась такъ: Je haïs jusqu'au nom de monopole. Le père de Pierre-le-Grand avait fait mettre dans le ban de l'église tous les monopoleurs. Je me tiens à ce règlement sage (т. е. мнѣ ненавистно самое слово единоторжіе. Отецъ Петра Великаго приказалъ предать церковному проклятію всѣхъ единоторжниковъ. Я держусь этого мудраго постановленія).

Такъ отозвалась Екатерина въ 1773 году о захватѣ жизненныхъ потребностей въ немногія руки. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1794 году, когда Державинъ, тогдашній президентъ Коммерцъ-коллегіи, представилъ ей прошеніе знатныхъ лицъ, обѣщавшихъ казнѣ доходу десять милліоновъ за дозволеніе взять нѣкоторыя произведенія на откупъ, Екатерина написала: «Прожекторамъ, знать, не извѣстно, что на подобные откупы и прожекты въ Успенскомъ соборѣ на престолѣ въ Москвѣ положено проклятіе въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича; понеже Имперіи и торгу разорительны. Чего имъ объявить» («Русскій Архивъ» 1887, II, 518).

ОТРОЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

(Дополненіе къ „Книжнымъ Рѣдкостямъ" № 187).

Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и разобранныхъ И. А. Бычковымъ, видно, что нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ описанномъ мною «Муравейникѣ» предназначались къ помѣщенію въ «Собирателѣ», который также издавалъ въ 1829 году В. А. Жуковскій для своихъ августѣйшихъ учениковъ. Описывая рѣдкостный «Муравейникъ», не могу отказать въ удовольствіи себѣ и, думаю, другимъ помѣстить изъ него (№ 5-й)одно изъ первыхъ и прекрасныхъ сочиненій двѣнадцатилѣтняго царственнаго

отрока, направляемаго гуманнымъ учителемъ къ возвышенной цѣли: «для блага всѣхъ свое позабывать». Вотъ это прелестное сочиненіе.

Александръ Невскій.

Александръ въ юности былъ чувствителенъ къ красотамъ природы: онѣ всегда возносили душу его ко Всевышнему. Однажды въ пустынномъ мѣстѣ застигла его ночь; отъ усталости онъ погрузился въ сонъ; утро занималось, когда онъ пробудился; на краю Востока сверкала звѣзда, предшественница солнца. Александръ увидѣлъ, что онъ находился на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ утесами: все было дико, но между терновникомъ цвѣли прекрасныя лиліи. Съ высоты представлялось необъятное пространство, еще покрытое мракомъ. Но скоро сей мракъ началъ рѣдѣть: открылась глазамъ обширная равнина, усѣянная холмами и рощами, посреди коей извивалась пышная рѣка, и повсюду являлись спокойныя жилища человѣческія. Небо, между тѣмъ, болѣе и болѣе воспламенялось; наконецъ утренняя звѣзда начинаетъ блѣднѣть и исчезаетъ въ блескѣ восходящаго солнца. Александръ долго смотрѣлъ на сіе величественное зрѣлище; наконецъ онъ понялъ его таинственное знаменованіе, сложилъ руки, палъ на колѣни и, рѣшившись *во глубинѣ души быть для народа своего тѣмъ, что̀ солнце сіе для всего міра*, смиренно произнесъ: Да будетъ Твоя воля! Александръ исполнилъ то, что̀ въ эту минуту обѣщалъ себѣ и Богу: онъ сдѣлался образцемъ государей и героевъ. Свое княженіе въ Новѣгородѣ ознаменовалъ онъ блистательными побѣдами; но исторія еще болѣе удивляется его истинно-христіанскому смиренію. Его подданные, не привыкнувъ переносить иго Татаръ, возмущались и убивали посланныхъ для собиранія податей: Александръ, чувствуя, что подобное сопротивленіе только увеличитъ бѣдствіе Россіи, а не спасетъ ея, забывалъ свое достоинство и смиренно испрашивалъ помилованія подданнымъ у надменныхъ Татарскихъ хановъ. Россія, въ знакъ благодарности за его самопожертвованіе для блага общаго, причислила его къ лику Святыхъ. А. Р.

*

Прозорливый учитель не безъ намѣренія, вѣроятно, задавалъ своему ученику сочиненіе изъ жизни его святаго соименника и, думаю, не безъ его руководства начертаны царственнымъ ребенкомъ знаменательныя слова: «рѣшившись во глубинѣ души быть для народа своего тѣмъ, что̀ солнце сіе для всего міра».

И. Остроглазовъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
РУССКАГО АРХИВА
1891 года*).

*) Годовое изданіе „Русскаго Архива“ 1891 года состоитъ изъ трехъ книгъ (по четыре выпуска въ каждой). Римская цифра „Указателя“ означаетъ книгу, Арабская — страницу.

*

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 284, стрк. 3-я снизу вмѣсто *изданіе* надо *изданное*.

Стр. 288, стрк. 7-я снизу вмѣсто *на най* надо *на ней*.

Стр. 298, стрк. 16—18 вмѣсто *обличенъ* надо *облеченъ* и вмѣсто *богатыхъ людей*—*богачей*.

Стр. 383 въ заголовкѣ вм. *анектодъ—анекдотъ*.

Стр. 365, стрк. 11 сверху вм. *въ снѣгахъ* надо *въ пескахъ*.

Стр. 352, стрк. 6 снизу *Никокаевичъ* надо *Николаевичъ*.

Стр. 339, стрк. 9—10 сверху *репитицію* надо *репетицію*.

Стр. 337, 12 вмѣсто *до рѣе* надо *бодрѣе*.

Стр. 331, 18 снизу вмѣсто *она* надо *они*.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1891 ГОДА.

(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

Геліогравюры: Три картинки, изображающія скопческое моленіе и Пертретъ Ювеналія Воейкова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

НИВА 1892 г.

со многими безплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1892 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № 6—10 рисунковъ и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

12 КНИГЪ ежемѣсячнаго безплатнаго литературнаго приложенія, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ Русскихъ и иностранныхъ писателей; въ числѣ этихъ 12 книгъ, какъ самостоятельное изданіе и какъ

ГЛАВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМІЯ:

за Іюль 1892 г. сочиненія **Грибоѣдова**,
„ Августъ 1892 г. сочиненія **Полежаева** и
„ Сентябрь 1892 г. сочиненія **Козлова**.

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ портретами авторовъ гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна каждаго тома для неподписчиковъ 1 руб.

Главная художественная премія:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „НИВЫ“, заключающій въ себѣ:

10 КАРТИНЪ исполненныхъ fac-simile по картинамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ; а именно: 1) „Лунная ночь на берегу Чернаго моря близъ Сухумъ-Кале“ проф. И. К. Айвазовскаго, 2) „Вечеръ“ акад. А. Н. Бенуа, 3) „Морской каналъ въ С.-Петербургѣ“ проф. А. П. Боголюбова, 4) „У колодца“ проф. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго, 5) „Фатьма“ Н. Зихеля, 6) „Спряталась“ худ. А. М. Котляревскаго, 7) „Изъ дѣтства Петра Великаго“ проф. Н. А. Кошелева, 8) „Близъ Ай-Петри въ Крыму“ проф. Л. Ф. Лагоріо, 9) „Бояринъ“ проф. К. Е. Маковскаго, 10) „У яблоковъ“ худ. В. И. Навозова. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и $7^1/_2$ вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью акад. С. Александровскаго.

12 №№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1892 годъ, печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышепоименованными приложеніями и преміями:

Безъ доставки въ С.-Петерб. **5** р.
Съ доставкою въ С.-Петерб. **6** р. **50** к.

Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) . . . . . . **6** р.
Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи . . . . **7** р.
За границу . . . . **10** р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. Марксу), Невскій просп., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ Петербургѣ, Вознесенскій проспектъ, домъ 22-й, кв. 18, у В. А. Чумикова, Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по Четвергамъ отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.